Зар. реалбк. у.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXI-й. АПРѢЛЬ. 1900 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Грузинская трагедія 1825 г.** (Убійство домоправительницы графа Аракчеева Настасьи Федоровны Шумской). Сообщ. Н. К. Шильдеръ ..... 3—26
II. **Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа**..... 27—50
III. **Императоръ Николай I и Польша въ 1825—1831 г.г.** Н. К. Шильдера.... 51—69
IV. **Къ исторіи русской литературы.** I. В. А. Жуковскій передъ судомъ С.-Пб. цензур. комит. Сообщ. Н. Д. 71—89
V. **Великій князь Константинъ Павловичъ въ сомнѣніяхъ и отрицаніяхъ современныхъ ему порядковъ.** Сообщ. Н. Д. .... 91—123
VI. **Изъ дневника П. Г. Дивова. 1833 г.**..... 125—137
VII. **Замѣтка одного изъ депутатовъ перваго призыва.** П. Д. Стремоухова. 139—144
VIII. **Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ какъ музыкантъ и композиторъ.** А. А. Версъ. 145—168
IX. **К. С. Сербиновичъ и Ѳ. Н. Глинка.** (Ихъ переписка). 169—173
X. **Чрезвычайная конференція о вывѣскѣ** (1855—1856). Сообщ. В. И. Срезневскій.. ..... 175—185
XI. **Воспоминанія князя Эмилія Витгенштейна** ..... 187—201
XII. **Палладій, митрополитъ с.-петербургскій и лодожскій.** (Оконч.). П. Ѳ. Вышеславцева ... 203—210
XIII. **Православіе въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ 1855 г.** 211—218
XIV. **Записки Михаила Чайковскаго.** Переводъ В. В. Тимощукъ..... 219—236
XV. **Записная книжка „Русской Старины“:** Прошеніе И. А. Крылова въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ о запрещеніи печатать его сочиненія издателямъ сборниковъ (стр. 70). — Объ исключеніи М. Сперанскаго и почт.-директора Ключарева изъ гражданскихъ списковъ 1812—1816 гг. (90). — Собственноручная записка А. В. Суворова о прусскихъ порядкахъ въ войскахъ (124). — Нѣкоторыя подробности о ходѣ работъ Н. М. Карамзина по составленію «Россійской исторіи» (138) — Письмо И. И. Дмитріева П. П. Свиньину, 13 сент. 1833 г. (174). — Избраніе В. Н. Каразина почетнымъ членомъ Московскаго университета. Сообщ. Б. Л. Модзалевскій (186). Письмо императрицы Екатерины Алексѣевны къ кн. А. Д. Меншикову. Сообщ. М. К. Марченко (202).
XVI. **Библіографическ. листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) **Архивъ Брюлловыхъ.**
2) Портретъ **Александра Павловича Брюллова.** Грав. И. Хелмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1900 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, 39.
1900.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1900 г.

Библіографическій листокъ.

Историческій очеркъ жизни и царствованія императора Александра II. Составилъ Ал. Шумахеръ. С.-Петербургъ. 1899 г. Цѣна 75 коп.

Разсматриваемая нами книга, въ первоначальномъ изданіи ея 1886 года, подъ заглавіемъ «О жизни и дѣяніяхъ императора Александра II,—историческій разсказъ для народнаго чтенія»—написана была г. Шумахеромъ на конкурсъ, предложенный С.-Петербургскимъ комитетомъ грамотности, состоявшимъ при Императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ, и удостоена имъ почетнаго отзыва.

Второе изданіе той же книги подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ отличается отъ перваго изданія 1886 года многими исправленіями и дополненіями, относящимися къ описанію отроческаго и юношескаго періода жизни царя-освободителя, къ изложенію Крымской войны и къ очерку освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (гл. гл. I—III). Болѣе подробно въ этомъ изданіи говорится о мѣропріятіяхъ по народному образованію и о пребываніи Государя въ дѣйствующей арміи во время русско-турецкой войны 1877—1878 годовъ.

Эту книгу, написанную просто и ясно, можно смѣло рекомендовать какъ интересное и занимательное чтеніе для нашего юношества. То обстоятельство, что книга г. Шумахера одобрена военно-ученымъ комитетомъ при Главномъ штабѣ, училищнымъ совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, рекомендована морскимъ ученымъ комитетомъ (для экипажныхъ, судовыхъ и портовыхъ библіотекъ и учебныхъ заведеній морскаго вѣдомства), допущена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія,—служитъ яснымъ доказательствомъ высказанной нами мысли.

О великой реформѣ 19-го февраля 1861 года г. Шумахеръ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: чувство справедливости и любви къ человѣчеству, присущее государю отъ рожденія и укрѣпленное разумнымъ, тщательнымъ воспитаніемъ, породило въ немъ желаніе и рѣшимость облегчить бытъ безправной и униженной части своихъ подданныхъ, вернуть имъ человѣческій образъ, дать имъ возможность жить по-человѣчески, трудиться для блага личнаго и государственнаго, и потому онъ, по вступленіи на престолъ и по окончаніи Крымской войны, рѣшилъ непреклонно даровать крестьянамъ свободу и положить тѣмъ конецъ крѣпостному состоянію на Руси.

Первымъ, по времени, преобразованіемъ, послѣдовавшимъ за уничтоженіемъ крѣпостнаго права, лежавшаго неодолимымъ препятствіемъ на пути всякаго улучшенія и преобразованія государственнаго строя Россіи, явилась отмѣна жестокихъ и позорныхъ тѣлесныхъ наказаній, назначавшихся прежде за преступленія. Наказаніе розгами считалось легкимъ и стало какъ бы необходимою принадлежностью военной службы; часто оно доходило до жестокости, но, вслѣдствіе постояннаго примѣненія розогъ, къ нимъ всѣ привыкли, и онѣ стали явленіемъ настолько обычнымъ, что даже рѣдко кому приходило въ голову устыдиться понесеннаго имъ наказанія. Къ тому же наказаніе розгами назначалось часто и не по приговору суда, а просто помѣщикомъ, или какимъ нибудь мелкимъ полицейскимъ чиномъ. Уже въ началѣ царствованія императора Александра II обращено было вниманіе на то, что тѣлесное наказаніе, какъ карательная мѣра, не достигая исправленія преступника, только позоритъ личность человѣка, унижаетъ его чувство чести, подрываетъ въ немъ сознаніе его человѣческаго достоинства.

17-го апрѣля 1863 года послѣдовалъ именной высочайшій указъ, которымъ совершенно отмѣнено тѣлесное наказаніе, какъ карательная мѣра, опредѣляемая по приговору общаго суда.

Преобразованіе судебной части,—по словамъ г. Шумахера,—явилось прямымъ послѣдствіемъ перваго драгоцѣннаго и великодушнаго царскаго подарка народу—данной ему воли, ибо прежде крестьяне въ дѣлахъ своихъ во многомъ зависѣли отъ помѣщиковъ; съ освобожденіемъ же ихъ отъ крѣпостной зависимости, необходимо было всѣхъ подданныхъ, безъ различія званія и положенія, сравнять передъ судебною властью, дать всѣмъ имъ одинаковую защиту суда и закона. И вотъ «судъ равный для всѣхъ», водворенный въ Россіи волею Царя-Преобразователя, далъ крестьянамъ, уже освобожденнымъ отъ личной зависимости, полныя гражданскія права и такимъ образомъ уравнялъ ихъ и въ этомъ отношеніи со всѣми другими сословіями.

Но въ ряду всѣхъ, совершившихся въ царствованіе императора Александра II преобразованій, касающихся войска и военнаго дѣла, наиболѣе крупнымъ событіемъ,—говоритъ авторъ,—представляется, безъ сомнѣнія, высочайшій манифестъ 1-го января 1874 г., провозгласившій введеніе въ Россіи всесословной воинской повинности. Въ 1870 году, по высочайшему повелѣнію, учреждена была особая коммиссія для пересмотра постановленій о личной воинской повинности и распредѣленія прямого участія въ этой повинности между всѣми сословіями въ государствѣ. Три года работала эта коммиссія, по ближайшимъ указаніямъ самого государя, надъ составленіемъ новаго воинскаго устава, и, наконецъ, 1-го января 1874 г., послѣдовалъ высочайшій манифестъ, которымъ объявлено было русскому народу о введеніи всеобщей воинской повинности, обязательной для всѣхъ безъ изъятія классовъ населенія.

Въ концѣ книги мы находимъ слѣдующую характеристику царя-освободителя: «Императоръ Александръ II великъ былъ не только какъ царь многомилліоннаго народа, всю жизнь свою

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ. 7 МАРТА 1900 Г. ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА", Б. ПОДЪЯЧ.

АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ

БРЮЛЛОВЪ.

(Съ акварельнаго портрета писаннаго самимъ художникомъ въ Сициліи въ 1826 г.).

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1900.

АПРѢЛЬ.— МАЙ.— ІЮНЬ.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ТОМЪ СТО ВТОРОЙ.

25-105
49 г.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1900.

Грузинская трагедія 1825 года.

(Убійство домоправительницы графа Аракчеева Настасьи Федоровны Шумской).

Вскорѣ послѣ прибытія императора Александра въ Таганрогъ въ 1825 году, получено было государемъ 22-го сентября (10-го октября) извѣстіе о трагическомъ происшествіи, совершившемся въ Грузинѣ: 10-го (22-го) сентября дворовые люди убили домоправительницу графа Аракчеева, Настасью Федоровну, Событіе это не осталось безъ вліянія на государственныя дѣла того времени и потому заслуживаетъ полнаго вниманія исторіографіи Александровской эпохи.

12-го (24-го) сентября, на третій день послѣ грузинскаго убійства. графъ Аракчеевъ писалъ государю:

«Батюшка ваше величество!

«Случившееся со мною несчастіе, потеряніемъ вѣрнаго друга, жившаго у меня въ домѣ 25 лѣтъ, здоровье мое и разсудокъ мой такъ разстроило и ослабило, что я одной смерти себѣ желаю и ищу, а потому и дѣлами никакими не имѣю силъ и соображенія заниматься. Прощай, батюшка, вспомни бывшаго тебѣ слугу; друга моего зарѣзали ночью дворовые люди, и я не знаю еще, куда осиротѣвшую свою голову преклоню, но отсюда уѣду.

«Вѣрный слуга Г. А.»

Это письмо свидѣтельствуетъ о полной растерянности и безграничномъ отчаяніи, овладѣвшими въ ту пору графомъ Аракчеевымъ; въ такое тревожное время, которое онъ самъ въ своей перепискѣ съ государемъ называлъ бурнымъ, этотъ вѣрный слуга нашелъ для себя

возможнымъ, подъ впечатлѣніемъ личнаго горя, самовольно бросить всѣ дѣла, возложенныя на него высочайшимъ довѣріемъ. Дѣйствительно, графъ Аракчеевъ, наканунѣ отправки письма къ императору Александру, передалъ дѣла по военному поселенію—артиллеріи генералъ-маіору Эйлеру, а по канцеляріи и Комитету министровъ—статсъ-секретарю Муравьеву. Въ данныхъ по этому случаю предписаніяхъ графъ Аракчеевъ ссылался на тяжкое разстройство здоровья, вслѣдствіе котораго онъ никакого соображенія не можетъ дѣлать по дѣламъ ему ввѣреннымъ.

Извѣстіе, посланное графомъ Аракчеевымъ въ Таганрогъ, и странныя его распоряженія крайне огорчили и встревожили императора Александра.

Государь поспѣшилъ ободрить и утѣшить графа Аракчеева и отправилъ своему другу 22-го сентября (4-го октября) милостивое письмо, въ которомъ между прочимъ было сказано:

«Искренно раздѣляю я твою печаль, хотя я не зналъ и не видывалъ особы, тобою оплакиваемой; но она была тебѣ искреннимъ и давнишнимъ другомъ,—сего довольно, чтобы потеря ея была для тебя прискорбна. Къ сему присоединяется еще ужасная мысль объ образѣ сей кончины. Я живо воображаю все, что въ тебѣ, любезный другъ, должно было произойти. Твое положеніе, твоя печаль крайне меня поразили. Даже мое здоровье собственно сильно оное почувствовало. Но еще разъ тебѣ повторяю, съ чувствомъ живѣйшей любви къ тебѣ—отчаяніе есть грѣхъ, и сильный грѣхъ. Покорность волѣ Всевышняго есть нашъ общій долгъ, и чѣмъ грусть сильнѣе, тѣмъ болѣе должны мы преклонить главы наша съ умиленіемъ и повиновеніемъ Его святой волѣ. Покорись ей, и Богъ самъ тебя поддержитъ, тебя подкрѣпитъ. Ты мнѣ пишешь, что хочешь удалиться изъ Грузина, но не знаешь, куда ѣхать. Пріѣзжай ко мнѣ: у тебя нѣтъ друга, который бы тебя искреннѣе любилъ. Мѣсто здѣсь уединенное. Будешь здѣсь жить, какъ ты самъ расположишь, бесѣда же съ другомъ, раздѣляющимъ твою скорбь, нѣсколько ее смягчитъ» [1]).

Императоръ Александръ не удовольствовался однако отправкою письменнаго дружескаго утѣшенія; онъ вызвалъ къ себѣ въ Таганрогъ начальника штаба военныхъ поселеній генералъ-маіора Клейнмихеля, находившагося въ то время въ южныхъ поселеніяхъ, и отправилъ съ нимъ въ Грузино еще другое, кромѣ словеснаго наставленія—успокоительнсе письмо, помѣченное 3-мъ (15-мъ) октября и столь же милостивое, какъ и первое.

---

[1]) Н. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе", т. 4-й, стр. 360.

Въ отвѣтъ на всѣ эти милости и выраженія дружескихъ чувствъ графъ Аракчеевъ въ своихъ письмахъ лобызалъ заочно колѣни и руки государя, но не послѣдовалъ настоятельному приглашенію вѣрнаго друга пожаловать въ Таганрогъ, ссылаясь на біеніе сердца и на ежедневную лихорадку.

Между тѣмъ императоръ Александръ совершилъ путешествіе въ Крымъ и 5-го (17-го) ноября возвратился въ Таганрогъ совершенно больной. Съ каждымъ днемъ положеніе государя становилось болѣе опаснымъ. Въ это время императоръ Александръ получилъ изъ Грузина письмо графа Аракчеева отъ 27-го октября (8-го ноября), снова напомнившее государю о совершившемся здѣсь злополучномъ дѣлѣ.

Въ письмѣ графъ Аракчеевъ говоритъ: «Посылаю къ вамъ подробное описаніе бывшаго въ грузинскомъ домѣ злодѣянія, написанное Шумскимъ [1]) по моей диктовкѣ для единаго вашего свѣдѣнія».

Письмо графа Аракчеева и въ особенности приложенное «Описаніе происшествія по смертоубійству въ Грузинѣ случившемуся 10-го сентября 1825 г. въ 6-мъ часу утра» сильно взволновало больнаго государя; онъ слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ.

21-го ноября (3-го декабря) уже послѣ кончины императора Александра, послѣдовавшей 19-го ноября (1-го декабря) 1825 г., князь Волконскій писалъ генералъ-адъютанту Закревскому:

«Проклятый змѣй и тутъ отчасти причиною сего несчастія мерзкою своею исторіею и гнуснѣйшимъ поступкомъ, ибо въ первый день болѣзни государь занимался чтеніемъ полученныхъ имъ бумагъ отъ змѣя и вдругъ почувствовалъ ужаснѣйшій жаръ, вѣроятно происшедшій отъ досады, слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ. Не правду ли я говорилъ вамъ, что извергъ сей губитъ Россію и погубитъ и государя, который узнаетъ всѣ его неистовства, но поздно; вотъ предчувствіе мое и сбылось! Можетъ ли сей извергъ имѣть смѣлость показываться еще на глаза въ свѣтѣ, и неужели совѣсть его не убьетъ; но хотя бы сіе и случилось, не воротить уже несчастія, постигшаго Россію и всѣхъ насъ, истинно преданныхъ государю».

Долгое время мною тщетно розыскивалось въ архивахъ Описаніе, о которомъ упоминаетъ графъ Аракчеевъ въ своемъ письмѣ къ императору Александру. Только въ настоящее время представилось наконецъ возможнымъ дополнить этимъ литературнымъ произведеніемъ графа Аракчеева очеркъ событій 1825 года, вошедшій въ сочиненіе: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе». Весьма существен-

---

[1]) Флигель-адъютантъ Михаилъ Андреевичъ Шумскій, поручикъ гвардейской конной артиллеріи, побочный сынъ графа Аракчеева и Настасьи Федоровны Шумской.

нымъ и крайне важнымъ дополненіемъ къ «описанію» служатъ еще всеподданнѣйшія донесенія генерал-маіора Клейнмихеля изъ Грузина и Новгорода, относящіяся къ времени той же грузинской трагедіи. Всѣ эти драгоцѣнные историческіе матеріалы переданы намъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ и съ соизволенія Государя Императора печатаются нынѣ на страницахъ «Русской Старины».

Н. Шильдеръ.

Государю императору въ собственныя руки [1]).

I.

Описаніе происшествія по смертоубійству въ Грузинѣ, случившемуся 10-го сентября 1825 года, въ 6-мъ часу утра.

Предварительныя свѣдѣнія.

5-го сентября, въ субботу, въ вечеру прибылъ въ Грузино графъ Витгенштейнъ [2]) съ зятемъ своимъ, адъютантомъ генерала Дибича, княземъ Трубецкимъ.

6-го сентября, въ воскресеніе, былъ графъ Аракчеевъ у обѣдни, отъ обѣдни ѣздилъ съ гостьми по деревнямъ, и послѣ обѣда въ 5-ть часовъ отправился вмѣстѣ съ графомъ Витгенштейномъ въ полкъ графа Аракчеева. Тутъ же отправились въ военное поселеніе зять графа Винценштейна князь Трубецкой, флигель-адъютантъ Шумской и докторъ Даллеръ.

7-го сентября, въ понедѣльникъ, показывалъ графъ Аракчеевъ графу Витгенштейну свой полкъ, войска въ оном округѣ находящіяся и всѣ строенія и заведенія онаго полка. Обѣдали въ ресторації. Послѣ обѣда въ 4-мъ часу отправился графъ Аракчеевъ въ округъ Короля Прусскаго полка, вмѣстѣ съ гостьми.

8-го сентября, во вторникъ, назначено было ученіе учебному баталіону, но, по случаю дождливой погоды, оное было отмѣнено, и графъ Витгенштейнъ, изъявивъ желаніе скорѣе дозволить ему отправиться въ Москву, по осмотрѣ полковаго штаба отправился въ дорогу. Графъ Аракчеевъ, по случаю праздника Рождества Богородицы, былъ у обѣдни, а послѣ оной, по разгулявшейся погодѣ, дѣлалъ ученіе съ порохомъ учебному баталіону, и послѣ ученія отобѣдавъ съ генералами Эйлеромъ,

---

[1]) Собственноручная надпись графа Аракчеева на обложкѣ. Н. Ш.

[2]) Главнокомандующій второй арміи генералъ-отъ-кавалеріи графъ Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ. Н. Ш.

Угрюмовымъ, Вороновымъ, Розеномъ, отправилъ на проходящемъ пароходѣ обратно, въ Грузино, Шумскаго. Шумскій, пріѣхавъ на пароходѣ въ Грузино, 8-го сентября въ 11-мъ часу вечера, нашелъ мать свою еще не спящею, но скучающею и безпокойною.

Графъ остался въ округѣ Короля Прусскаго полка, съ тѣмъ, дабы осмотрѣть строенія въ штабѣ Императора австрійскаго полка.

9-го сентября, въ среду, графъ съѣздилъ на лѣсопильный паровой заводъ, въ полковой штабъ императора австрійскаго, въ роты сего полка и по осмотрѣ всего онаго возвратился въ штабъ Короля Прусскаго полка, гдѣ, отобѣдавъ, одинъ отправился—съ полковникомъ Тизенгаузеномъ обратно въ свой полкъ.

Докторъ же Даллеръ остался на дорогѣ для осмотра Шевелевскаго госпиталя.

Графъ пріѣхавъ въ свой полкъ, чувствовалъ грусть и тоску, и какъ бы какимъ-то предчувствіемъ желалъ въ сей же день въ вечеру возвратиться въ Грузино. Но по небытности доктора Даллера, наступившаго поздняго съ дождемъ времени и имѣя на другой день по утру дѣла въ своемъ полку, графъ долженъ былъ отложить намѣреніе свое.

10-го сентября, въ четвергъ, графъ, вставъ въ пять часовъ по утру, приготовилъ къ отправленію дѣла къ государю императору, тѣ самыя, кои получены государемъ императоромъ послѣ перваго письма графа о злосчастномъ происшествіи; потомъ, съ 8-ми часовъ осматривалъ заведенія своего полка, а такъ же и распредѣлялъ рекрутъ, намѣреваясь въ 12-ть часовъ отобѣдать и тотчасъ ѣхать въ Грузино.

Занятія графа продолжались до 12-го часу въ исходѣ, и въ оное время онъ видитъ идущаго къ себѣ доктора Даллера, который объявилъ ему, что присланъ нарочный изъ Грузина съ извѣстіемъ, что покойная Настасья Федоровна отчаянно вдругъ заболѣла и безо всякой надежды. Графъ, пораженъ будучи симъ извѣстіемъ, спросилъ, готова ли коляска, которая уже была запряжена по приказанію Даллера, въ которую онъ, сѣвъ съ нимъ, немедленно отправился въ Грузино. Даллеръ зналъ уже о семъ происшествіи, но не сказывалъ графу, который мучился половину дороги неизвѣстностью о состояніи покойной. На половинѣ же дороги, повстрѣчалъ на работѣ находящагося штабсъ-капитана Кафку, который ему вдругъ сказалъ о всемъ случившемся происшествіи.

Съ онымъ настоящимъ свѣдѣніемъ сдѣлалъ графъ другую половину дороги до Грузина и по пріѣздѣ нашелъ уже покойную положенною на столѣ.

Въ оное время графъ сдѣлался отчаяннымъ, приказалъ собрать къ флигелю покойницы всѣхъ дворовыхъ людей и, вышедъ къ нимъ, открылъ имъ грудь и ходилъ нѣсколько разъ мимо ихъ, говоря имъ, что они могутъ тутъ же заколоть и самого графа.

Шумскій, видя сіе графа отчаяніе, немедля послалъ сіе извѣстіе къ отцу Фотію, который и прибылъ въ Грузино 11-го сентября, и находился въ ономъ до погребенія убіенныя, не отлучаясь отъ графа, посовѣтовалъ ему на другой же день пріобщиться св. таинъ, что графомъ и исполнено. Въ то время, когда графъ ходилъ въ отчаяніи своемъ передъ дворовыми, то смертоубійца (еще не открытый) находился между ними.

Описаніе самаго смертоубійства.

Покойница имѣла въ Грузинѣ свой особый флигель, на правой сторонѣ отъ каменнаго дома. Оный флигель состоитъ изъ пяти комнатъ, по двѣ комнаты по сторонамъ, а въ срединѣ спальня. Спальня, въ коей было совершено смертоубійство, есть маленькая узенькая комната, имѣющая одно окошко на дворъ къ каменному дому. Въ ономъ флигелѣ находилась покойница въ отсутствіе графа. Во всемъ флигелѣ на верху никого, окромѣ двухъ дѣвокъ, не спало. Внизу же подъ самыми комнатами покойницы, спали ключница и странница, шедшая на богомолье изъ Тихвина въ Новгородъ, которыхъ покойница всегда принимала къ себѣ для ихъ успокоенія и надѣленія милостынею по ея возможности. Странницы сіи обыкновенно у покойной ночевывали возлѣ спальни, съ коими она занималась благочестивыми разговорами о посѣщаемыхъ ими монастыряхъ. Въ сей же отъѣздъ графа, покойница сама не велѣла сей странницѣ возлѣ себя спать, дабы она ей не мѣшала въ ея занятіяхъ, состоявшихъ обыкновенно въ домашнихъ занятіяхъ, для графа пріуготовляемыхъ. Къ особенному несчастію Шумскій, проводя день съ матерью, въ вечеру сдѣлался боленъ и принималъ лѣкарство и по сему самому случаю не могъ находиться съ нею тотъ вечеръ, а оставался въ своей комнатѣ въ постелѣ. Покойница, 9-го сентября, въ вечеру занималась повѣркою графскаго и всего грузинскаго домашняго бѣлья, чтеніемъ духовныхъ книгъ до 11-го часу вечера.

Въ вечеру, призывала къ себѣ покойница дворовaго человѣка, Семена Алексѣева, приказавъ ему отправить къ графу бѣлые хлѣбы.

Надлежитъ знать, что подъ флигелемъ, покойницею занимаемымъ, находилась и кухня господская. Въ оной кухнѣ спали смертоубійца, Василій Антоновъ, и казенный поваръ изъ кантонистовъ, Илья Протопоповъ.

Приступая къ описанію всего смертоубійства, слѣдуетъ упомянуть о происхожденіи смертоубійцы Василія Антонова.

Графъ Аракчеевъ, по смерти родителя своего, получивъ вмѣстѣ съ двумя братьями своими, въ наслѣдство 60 душъ въ Тверской губерніи, имѣлъ у себя изъ своего удѣла въ прислугѣ только двухъ человѣкъ:

Никиту Федорова и Антона Игнатьева, отца смертоубійцы.

Никита Федоровъ померъ, а Антонъ Игнатьевъ былъ во дворѣ грузинской отчины. Графъ женилъ его на крестьянкѣ грузинской отчины и дѣтей у нихъ было четверо, между коими старшій есть смертоубійца.

Когда графъ, за дурные поступки и пьянство, принужденъ былъ удалить изъ Грузина отца смертоубійцы, Антона Игнатьева, отослать его въ Вышневолоцкое свое родовое имѣніе, то покойница взялась имѣть попеченіе о воспитаніи оставшихся дѣтей. Всѣ оныя дѣти попеченіемъ покойницы выращены, обучены грамотѣ, а старшій сынъ, смертоубійца Василій Антоновъ, отданъ былъ въ ученіе къ метръ-д'отелю Миллеру, который, по обученіи его отдавая обратно, сказалъ: Василій Антоновъ хорошо готовитъ кушанье, но дурной человѣкъ.

Сама покойница, когда Василій Антоновъ бывалъ дежурнымъ, ему говаривала:—«Василій, какое у тебя мерзкое лицо, ты такъ и глядишь, какъ будто-бы хочешь ножемъ зарѣзать».

Однажды на вопросъ графа, у покойницы почему она съ нимъ въ поселеніе не отпускаетъ повара Василія Антонова, отвѣчала покойница:—«Онъ дурной человѣкъ, и я боюсь его съ вами назначать»,—и никогда его уже съ графомъ не посылала. Сестра смертоубійцы Василія Антонова, Прасковья, бывъ обучена женскому портному(?), находилась въ услугѣ у покойной и въ ночь съ среды на четвергъ спала въ дѣвичьей, чрезъ одну комнату отъ спальни, съ другою пожилою дѣвкою Аксиньею.

Должно знать, что въ отсутствіе графа покойница обыкновенно ночью спала весьма мало, въ предосторожность и для лучшаго наблюденія по мызѣ. Къ утру же, когда въ пять часовъ пробиваютъ повѣстку, дабы разбудить людей и рабочихъ, чтобы каждый шелъ къ своему мѣсту на работу, тогда обыкновенно покойница крѣпче засыпала.

Сіе знавъ, смертоубійца воспользовался онымъ случаемъ для совершенія злодѣянія.

Покойница, 10-го сентября, проснувшись по утру въ 5-ть часовъ, позвала къ себѣ сестру смертоубійцы, Прасковью, приказавъ ей сходить къ садовнику и спросить у него «пришли ли рабочіе въ садъ, и на тѣхъ ли мѣстахъ, гдѣ она назначила», желая къ пріѣзду графа отдѣлать сіе мѣсто.

Дѣвка сія, вышедъ изъ комнаты покойницы, послала другую старую дѣвку сначала за дворовымъ человѣкомъ, который обыкновенно дѣлаетъ чай, потомъ когда сія возвратилась обратно, не давъ ей подняться на крыльцо флигеля, послала вторично за женщиною, которая должна была чистить птицъ, ибо покойница любила и держала въ комнатѣ у

себя разныхъ пѣвчихъ птицъ. Наконецъ, когда посланная дѣвка и тутъ возвратилась, тогда сестра смертоубійцы въ третій разъ послала ее къ садовнику, сказавъ ей, при томъ, чтобы садовника искала по саду.

О продолженіи всего онаго времени, сколько посланная дѣвка ходила, доселѣ еще совершенно не открыто.

Между тѣмъ, сестра смертоубійцы входила къ покойницѣ въ спальню и положила на стулъ платье. Надобно знать, что покойница всегда спала не раздѣваясь, въ платьѣ, а уже по утру перемѣняла оное.

Увидя, что покойница заснула, вышедъ изъ спальни, пошла сестра смертоубійцы на кухню, гдѣ былъ братъ ея.

Смертоубійца, по приходѣ сестры своей, спросилъ:—«Что же, когда мы сдѣлаемъ конецъ?»—На что сестра отвѣчала:—«Пожалуй хотя теперь же, она (т. е. покойница) спитъ».—На сіе смертоубійца сказавъ:—«Пойдемъ же теперь»,—взялъ ножъ и пошелъ съ сестрою своею во флигель покойницы.

Взошедъ въ сѣни, пошли въ комнаты налѣво, ибо есть ходъ въ комнаты и направо.

Смертоубійца, взошедъ въ комнаты, послалъ сестру свою посмотрѣть, точно ли покойница спитъ. Сестра пошла, поглядѣла и вышедъ сказала, что спитъ.

Въ то время, когда она заглядывала въ спальню, залаяла собака, которую она и выпустила. Смертоубійца, разувшись, пошелъ, заглянулъ въ спальню, дабы удостовѣриться, точно ли покойница спитъ. Удостовѣрившись, онъ взошелъ въ спальню и нанесъ покойницѣ ударъ ножемъ, въ правую щеку, ухо, ротъ и челюсть. Тутъ покойница схватила рукою за ножъ. Въ сіе время смертоубійца вырвалъ ножъ и онымъ самымъ отрѣзалъ палецъ покойницѣ.

По показанію смертоубійцы, покойница упала и закричала громко четыре раза, въ которое время онъ совершенно перерѣзалъ ей горло и совсѣмъ отрѣзалъ голову, такъ что оная осталась на одной кости. Во время сего злодѣянія бывшая тутъ другая собачка залаяла, и сестра смертоубійцы, взойдя въ комнату, вынесла оную въ ту горницу, гдѣ находится двойная дверь, ибо вдоль по стѣнѣ идутъ шкафы съ бѣльемъ. Между сими дверьми заперла она собачку.

Впослѣдствіи же слышали отъ преступниковъ, чрезъ Грузино проходившихъ, говорящихъ, что смертоубійца разсказывалъ и хвасталъ въ тюрьмѣ, что когда онъ нанесъ покойной первый ударъ, то она вскочила и, къ счастью его, запуталась въ одѣялѣ, и вмѣсто того, чтобы кинуться къ дверямъ, начала покойница креститься, что самое и послужило ея погибелью. Въ сіе время, когда покойница крестилась, смертоубійца ударилъ ее подъ ноги, и она упала. Тогда онъ завершилъ

свое злодѣяніе, какъ выше сказано, взошелъ въ ту комнату, гдѣ оставилъ свои сапоги, обулся и чрезъ сію же комнату, но только въ другую дверь вышелъ на террасу, ведущую къ каменному дому, и съ террасы соскочилъ прямо у входа въ кухню и взошелъ въ оную.

Покойница найдена была лежащею на полу ногами къ двери, что и заставляетъ думать, что покойница отъ перваго удара вскочила, а не упала, какъ смертоубійца показываетъ. Кромѣ сего нашли покойницу завернутою гладко въ одѣялѣ до половины. На оном̀ъ одѣялѣ, сверху онаго, не было крови, подъ голову же покойницы подложена была подушка. Кто завертывалъ въ одѣяло и кто подложилъ въ головы подушку, доселѣ еще не открыто.

Описавъ совершеніе сего смертоубійства поваромъ Василіемъ Антоновымъ и сестрою его Прасковьею, яко исполнителей злодѣянія, слѣдуетъ упомянуть и о тѣхъ людяхъ, кои имѣли участіе въ общемъ заговорѣ дворовыхъ людей с. Грузина противу покойницы.

Изъ числа казенныхъ поваровъ изъ кантонистовъ, находящихся въ ученіи на придворной кухнѣ и пріуготовляемыхъ для полковыхъ ресторацій быть старшими поварами, находился въ Грузинѣ поваръ изъ неспособныхъ кантонистовъ, Илья Протопоповъ, назначаемый старшимъ поваромъ въ ресторации Короля Прусскаго полка, для пріобученія его къ экономному употребленію провизіи и всего до кухни относящагося, подобно какъ и находящійся нынѣ старшимъ поваромъ въ ресторации графа Аракчеева полку, который равном̀ѣрно на сей же предметъ жилъ и обучался въ прошедшемъ году на кухнѣ моей.

Сей Илья Протопоповъ, при сдѣланномъ ему допросѣ, показалъ, что онъ отъ покойницы ничего худаго не видѣлъ, а что когда она приживала на кухню, всегда спрашивала его:—«Илья, у насъ люди не хорошіе, не обижаютъ ли они тебя, такъ какъ ты казенный человѣкъ, то они вѣрно заставляютъ тебя дѣлать тяжелую и черную работу».

Безъ всякой причины оказался Илья Протопоповъ главнымъ соучастникомъ въ семъ злодѣяніи, ибо когда смертоубійца взошелъ на кухню, то Илья спросилъ его:—«Гдѣ ты былъ»?—на что смертоубійца сказавъ:—«Вотъ гдѣ,»—показалъ свои кровью обагренныя руки. Послѣ чего Илья спросилъ:—«Что же, кончилъ?»—«Кончилъ»—отвѣчалъ смертоубійца, а Илья прибавилъ:—«Экой дуракъ, зачѣмъ же ты меня не взялъ съ собою, когда обѣщался, вѣдь я думаю, ты долго съ нею бился, а мы бы вдвоемъ скорѣе кончили».

Жена дворового человѣка Семена Алексѣева, Дарія Константинова, о происхожденіи которой нужно объяснить слѣдующее.

Во время пребыванія двора въ Москвѣ, когда графъ въ оную ѣздилъ, просила покойницу генеральша Танеева, ѣздившая въ Москву къ роднымъ, принять къ себѣ на сіе время дѣвку Дарію Константинову, дабы

она занята была рукодѣліемъ. Покойница съ дозволенія графа взяла оную къ себѣ. Въ сіе время Семенъ Алексѣевъ вступилъ съ сею дѣвкою въ непозволительную связь, отчего она и оказалась беременною. По возвращеніи изъ Москвы графъ узналъ о семъ, усовѣщевалъ его, представилъ ему всю мерзость его поступка, преступленіе передъ Богомъ и совѣтовалъ ему, дабы загладить оный поступокъ, жениться на оной дѣвкѣ, на что Семенъ Алексѣевъ самъ съ охотою согласился. Вслѣдствіе сего стараніемъ графа куплена сія дѣвка у г-дъ Танеевыхъ и выдана замужъ за Семена Алексѣева, съ которою онъ живетъ уже съ онаго времени и имѣетъ сына и дочь. Покойница была воспріемницею дѣтей ихъ и всегда ласкала, дарила, и дѣти всякій день бывали у покойницы. Она, съ самаго вступленія въ замужество, никакою не была занята должностью до прошедшаго года. Но въ оное время графъ, видя чрезмѣрно обремененною покойную Настасью Федоровну домашними дѣлами, приказалъ ей непремѣнно употребить Дарію Константинову въ должность костыляньши. По препорученію ей сей должности она, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, оказалась лѣнивою и отъ небреженія своего испортила и растеряла графское бѣлье, такъ что покойная со слезами упросила позволеніе графа имѣть по-прежнему бѣлье въ собственномъ своемъ вѣдѣніи, находя для себя легче собственные труды, нежели взысканіе съ нерадивыхъ людей.

Въ теченіе же прошедшей зимы, послѣ родовъ, заболѣла Дарья Константинова грудною болѣзнью, отъ которой образовался у нея въ груди ракъ. Она была отправлена въ С.-Петербургъ, къ ней нанята была особая для смотрѣнія женщина, вручена она была попеченію оператора Арендта, съ трудностями вырѣзали ей грудь и, наконецъ, особымъ попеченіемъ она совершено выздоровѣла.

Сія-то самая Дарья Константинова оказывается одною изъ главныхъ соучастницъ въ семъ смертоубійствѣ, ибо обѣщала злодѣю 500 рублей за то только, дабы онъ скорѣе согласился исполнить злодѣяніе сіе, и хотя въ ономъ и не сознается, признавшись однако же сама, что о всемъ ономъ заговорѣ знала, но на очныхъ ставкахъ обличается какъ самимъ смертоубійцею, такъ и прочими всѣми людьми, участниками заговора сего. Деньги же, 500 рублей, хотѣла взять у мужа Семена Алексѣева съ тѣмъ, чтобы пополнить оныя, полагая найти у покойной послѣ смерти ея деньги и воспользоваться оными.

Дворовый человѣкъ, Семенъ Алексѣевъ, мужъ описанной Дарьи Константиновой, котораго графъ выбралъ изъ малолѣтнихъ крестьянъ Грузинской отчины 20 лѣтъ тому назадъ, выучилъ его читать, писать и рисовать, обучая его самъ математикѣ и, по наклонности его къ музыкѣ, играть на скрипкѣ и фортепіано, такъ что воспитаніе его стало графу болѣе десяти тысячъ рублей. Сей дворовый человѣкъ имѣлъ на

своей отвѣтственности мірской заемный банкъ, велъ въ Грузинѣ всю домашнюю переписку и былъ первымъ дворовымъ человѣкомъ. Получаетъ онъ 600 рублей жалованія, особую квартиру, все содержаніе, няньку къ его дѣтямъ и имѣетъ собственнаго капиталу въ мірскомъ банкѣ 1.500 рублей.

Должно замѣтить, что уже года съ два графъ безъ всякой причины не могъ терпѣть его и всегда съ большимъ неудовольствіемъ занимался съ нимъ домашними дѣлами, однимъ словомъ, сердце графское не лежало къ сему человѣку.

Графъ говорилъ о семъ покойницѣ, но сія уговаривала графа, всегда говоря, что онъ хорошій человѣкъ. Покойница же употребляла его, Семена Алексѣева, для домашней переписки. Наконецъ, нынѣ, хотя онъ совершенно и не обличенъ и не признается въ участіи въ семъ злодѣяніи, но есть явныя сомнѣнія и показанія, кои его обвиняютъ. Какъ-то: жена призналась главною соучастницею въ семъ злодѣяніи, о чемъ выше показано. Показаніе маленькой 12-ти-лѣтней дѣвочки, утверждающей, что она видѣла Семена Алексѣева съ женою своею, послѣ убійства, стоящими передъ спальной до прихода Шумскаго; онъ же показываетъ, что не заходя во флигель покойницы, одѣвшись, прямо пошелъ къ Шумскому. Самое его показаніе графу, что онъ по объявленіи ему возвратившейся его жены изъ флигеля покойной и объявившей ему, что Настасья Федоровна зарѣзана дѣвкою Прасковьею, отвѣчалъ ей хладнокровно: «поди же объяви оное всѣмъ», а самъ продолжалъ одѣваться, показывая, что въ сіе время еще не одѣтъ. По прошествіи, по собственному его показанію, около четверти часа, прибѣгаетъ къ нему кондитеръ Николай и сказываетъ ему объ ономъ же, которому сказала его жена; онъ, Семенъ Алексѣевъ, говоритъ, что, продолжая одѣваться, отвѣчалъ ему, что онъ долженъ идти къ лѣкарю, протопопу и головѣ объявить имъ оное, а самъ, одѣвшись, пошелъ будто къ Шумскому, коему и повстрѣчался уже въ сѣняхъ бѣгущему къ матери, по объявленіи ему уже о семъ злодѣяніи.

Сіе самое хладнокровіе, признательное соучастіе въ смертоубійствѣ жены его, обѣщанные ею смертоубійцѣ Василію Антонову 500 рублей, требованіе смертоубійцею, послѣ уже исполненія, упомянутыхъ денегъ отъ жены, скрытый и хитрый его характеръ и образованный его умъ, бывшая довѣренность къ нему покойной и самое душевное отвращеніе въ теченіе уже двухъ лѣтъ графа, безъ всякой явной причины, подаютъ большое сомнѣніе, что онъ, какъ первый въ домѣ человѣкъ, былъ изобрѣтатель и начинщикъ всего онаго злодѣянія, дѣйствуя по уму своему скрытно чрезъ жену свою на дѣвокъ, находившихся въ услуженіи у покойной, и избралъ и уговорилъ злодѣя-повара къ исполненію, оставаясь самъ закрытымъ въ ономъ. Слѣдовательно, если можно пред-

полагать какое-либо тайное постороннее подущеніе, то оное, конечно, дѣйствовало чрезъ его. Сомнѣніе же еще представляется слѣдующее.

Уговаривая смертоубійцу Василія Антонова къ совершенію смертоубійства покойной и избравъ его исполнителемъ сего злодѣянія, положено было между заговорщиками, дабы сестра смертоубійцы Прасковья взяла оное на себя.

Въ такомъ состояніи и находилось дѣло сіе при пріѣздѣ графа, т. е. извѣстно было, что сестра смертоубійцы учинила преступленіе сіе и взята была подъ-караулъ, настоящій же злодѣй оставался свободнымъ до вечера не открытый, имѣлъ даже время просить у жены Семена Алексѣева обѣщанные ему 500 рублей за совершеніе злодѣянія.

Графъ, находясь при тѣлѣ, лежалъ на канапе, бывъ въ нѣкоторомъ безпамятствѣ, вдругъ въ 10 часовъ вечера открывъ глаза и увидѣвъ тутъ стоящаго архитектора Минута, спросилъ: осмотрѣли ли брата дѣвки Прасковьи, принявшей на себя злодѣяніе; разсуждая онъ, графъ, о семъ происшествіи, что невозможно, дабы дѣвка одна могла совершить злодѣяніе сіе безъ помощи кого-либо. Все оное представилось ему какъ въ нѣкоторомъ видѣніи.

По сему приказанію, осмотрѣнъ былъ смертоубійца Василій Антоновъ, и подозрѣніе графа оказалось справедливымъ найденными у него замаранными въ крови двумя фартуками, почему онъ и посаженъ уже былъ подъ-караулъ въ 11-мъ часу ночи; послѣ чего, злодѣй на другой день по утру рано признался въ совершеніи злодѣяніи сего.

Изъ сего и должно заключить, что умыселъ злодѣевъ не ограничивался совершеніемъ смертоубійства покойной Настасьи Федоровны, но, что, вѣроятно, онъ виды свои простиралъ и далѣе, а именно, полагая все дѣло оконченнымъ уже собственнымъ признаніемъ Прасковьи, скрыть настоящаго смертоубійцу и, можетъ быть, употребить его же орудіемъ къ лишенію жизни и самого графа, полагая, что, со смертію графа, все сіе дѣло придетъ въ такое положеніе, что злодѣяніе не откроется, и злодѣи, сожегши всѣ письменные документы и бумаги, воспользовались бы деньгами мірскаго банка и другими суммами с. Грузина, думая, что сими самыми деньгами они бы могли избавиться отъ законнаго ихъ преслѣдованія.

Представивъ всѣ обстоятельства сего смертоубійства и самое совершеніе онаго по произведенному слѣдствію новгородскимъ земскимъ судомъ, по коему оказались виновными и содержатся въ тюрьмахъ:

1) Смертоубійца Василій Антоновъ.
2) Сестра его, Прасковья.
3) Дѣвка Татьяна.
4) Дѣвка Ѳедосья, бывшая въ услуженіи у покойницы.

5) Жена дворoваго человѣка Семена Алексѣева, Дарья Константинова.

6) Братъ смертоубійцы, Николай.

7) Женщина Алена Ѳомина.

8) Казенный поваръ Илья Протопоповъ.

Симъ ограничилось производство и розыскъ дѣла сего новгородскимъ земскимъ судомъ, и виновные были уже приговорены къ наказанію, какъ пріѣхалъ начальникъ штаба генералъ-маіоръ Клейнмихель, который и объявилъ губернатору высочайшую вашего императорскаго величества волю переслѣдовать вновь сіе дѣло самымъ аккуратнѣйшимъ и подробнымъ образомъ. Вслѣдствіе онаго открывается, что заговоръ о лишеніи жизни покойницы возъимѣлъ свое начало еще въ апрѣлѣ мѣсяца нынѣшняго 1825 года, что въ ономъ замѣшаны, или знали про оный заговоръ почти всѣ дворовые люди, на которыхъ смертоубійца показываетъ, что во все лѣто очень часто они при всякомъ удобномъ случаѣ безпрестанно разговаривали между собою и придумывали, какимъ образомъ и черезъ кого лишить жизни покойницу. Кто же первый началъ говорить о семъ намѣреніи и кто первый взялся предложить о семъ смертоубійствѣ Василію Антонову, къ принятію на себя исполненія сего злодѣянія, еще не открыто; рѣшительное же намѣреніе уже онъ, Василій Антоновъ, принялъ съ мѣсяцъ до совершенія смертоубійства.

Заключеніе.

Считая за грѣхъ оставить въ молчаніи и главныя черты покойницы и оказанныя ею мнѣ услуги, я объясню оныя кратко.

Покойница была мною куплена отъ помѣщика Шляттера, узнавъ о продажѣ оной изъ с.-петербургскихъ газетъ.

Покойница находилась въ домѣ моемъ 27 лѣтъ, начала получать жалованья по 300 руб. въ годъ, и по мѣрѣ ея усердія и привязанности получала послѣдніе годы 2.400 руб. Большую часть жалованья употребляла она на содержаніе бѣдныхъ людей въ С.-Петербургѣ, которыхъ я уже открылъ на 600 руб. годовой раздачи, кромѣ сего ни одна бѣдная и нищая не выходила изъ моего дому безъ подаянія, что̀ мнѣ отчасти было извѣстно, и когда я ее просилъ, дабы она брала у меня на оные особыя деньги, то она всегда отвѣчала:

— Батюшка, все, что я имѣю, то отъ вашей ко мнѣ милости и я каждому отдавая сказываю, что ему подается по милости вашей.

Всякіе безпорядки, бывшіе въ домѣ, она до меня не допускала, потерянныя и разбитыя вещи пополняла на свое жалованье, не доводя о

семъ мнѣ единственно, дабы меня онымъ не огорчить и не отнять у меня времени къ занятіямъ государственной службы.

Если люди сдѣлали какое преступленіе или вину, то она бранила ихъ иногда, приказывала наказывать безъ меня, говоря имъ, что она наказываетъ безъ моего вѣдома, «дабы вы любили графа, а если вы сердитесь, то сердитесь на меня, а не на графа, коего вы не имѣете причины не любить», что она и мнѣ часто говаривала: «я желаю только, чтобы люди любили васъ, а со мною буди Божья воля».

Двадцать два года спала она не иначе, какъ на землѣ у порога моей спальни, а послѣднія пять лѣтъ я уже упросилъ ее приказать становить для себя складную кровать.

Не проходило ни одной ночи, въ которую бы я, почувствовавъ припадокъ и произнеся какой-нибудь стонъ, даже и во снѣ, чтобы она сего же не услышала, и въ то же время входила и стояла у моей кровати, и если я не проснулся, то она возвращалась на свою, а если я сдѣлалъ оное проснувшись, то уже заботилась обо мнѣ, спрашивая: не нужно ли позвать Даллера, подать питья или чего другаго.

Во всѣ 27 лѣтъ ея у меня жизни, не могъ я ее никогда упросить сидѣть въ моемъ присутствіи, и какъ скоро я взойду въ комнату, она во все время стояла, и на мою объ ономъ просьбу отвѣчала: «Я, батюшка, хочу, дабы всѣ люди видѣли, что я вамъ вѣрная слуга, а не другое что», и такъ она садилась при мнѣ тогда, когда, по выпускѣ въ офицеры сына ея, обѣдали мы безъ гостей въ одной фамиліи за однимъ столомъ. Во все время ея у меня нахожденія она ни о какихъ дѣлахъ и просьбахъ мнѣ никогда не говорила, исключая единственно, если узнавала, что есть бѣдные сироты безъ призрѣнія, и никто не можетъ ихъ опредѣлить въ корпусъ, тогда она мнѣ объ ономъ сказывала, и я обыкновенно просилъ его высочество цесаревича, коихъ въ теченіе онаго времени, я думаю, опредѣлено въ разные корпуса болѣе 300 человѣкъ. Старались ее очень часто заманивать въ компаніи, отъ коихъ она удалялась и немедля мнѣ объ ономъ объявляла; при всѣхъ такихъ отъ насъ осторожностей, случалось во время житья нашего въ городѣ, пріѣзжали къ ней незнакомые, дабы съ нею поговорить; она обыкновенно всѣхъ сихъ нарядныхъ госпожъ встрѣчала, и на вопросъ: кого имъ надобно? если получала въ отвѣтъ: Настасью Федоровну, отвѣчала: «ее, матушка, нѣтъ дома, она поѣхала въ рынокъ, или въ деревню, и не скоро будетъ», и, такимъ образомъ, провожала сихъ незванныхъ гостей, а если ее иные узнавали, то она имъ отвѣчала: «что ни о какихъ дѣлахъ не понимаетъ и живетъ у графа слугою для покоя и для смотрѣнія за домомъ, то проситъ ее оставить въ покоѣ, и адресоваться къ графу или спросить въ канцеляріи»; и такимъ образомъ выпроваживала

отъ себя оныхъ хитрыхъ людей, что̀ даже мнѣ лично нѣсколько разъ случалось слышать.

Лучшимъ сего доказательствомъ служитъ, что послѣ ея смерти осталось наличныхъ денегъ только 200 рублей, но и тѣ принадлежащее сыну ея жалованье.

Она была столь чувствительна, что если я покажу ей одинъ непріятный взглядъ, то она уже обливалась слезами и не переставала до тѣхъ поръ, пока я не объясню ей причину моего неудовольствія. Она имѣла все мое имѣніе въ своемъ распоряженіи, и, однимъ словомъ, я могъ единственно заняться государственною службою, не думая даже о платьѣ, для собственнаго моего употребленія нужномъ. Сіе было причиною, что многіе говорили о моей дѣятельности, удивляясь успѣшному ходу государственныхъ дѣлъ, чѣмъ я обязанъ одной покойной.

Ежедневное препровожденіе времени.

Каждый день, вставъ я по утру въ пять часовъ, она была уже вставши, и оба молились вмѣстѣ Богу и просили благословенія на наступающій день; послѣ сего, я оставался одинъ въ спальнѣ и занимался ввѣренными мнѣ дѣлами, которыя обыкновенно съ вечера изъ всѣхъ мѣстъ присылаемыхъ, я полагалъ въ спальнѣ на столѣ; она же занималась смотрѣніемъ всего дома. Въ городѣ я обыкновенно работалъ до того времени, какъ мнѣ должно уже ѣхать во дворецъ, и тутъ она же входила ко мнѣ, напоминать, «что пора, батюшка, одѣваться, вы опоздаете»; въ деревнѣ же оставался я въ спальнѣ безвыходно до семи, а иногда и до восьми часовъ, за дѣлами, и въ оное время она нѣсколько разъ проходила мимо окошекъ спальни, дабы видѣть, что̀ я дѣлаю. Если я уже очень долго останусь за работою, то она осмѣливалась войти въ спальню просить, дабы я пересталъ работать, и выпилъ бы мое молоко, дабы во время прогулки воспользоваться хорошею погодою.

Видя ея обо мнѣ попеченіе и заботу, я оставлялъ иногда работу, и одѣвшись получалъ отъ нея стаканъ моего молока, послѣ чего обыкновенно прогуливался; въ оное время она всегда провожала меня, и я находилъ вездѣ чистоту, порядокъ, а въ саду то устройство, которое я любилъ, и не имѣя ничего непріятнаго, видѣлъ только себѣ пріятное. Во время моей прогулки стоило мнѣ только что-либо пожелать, и все оное ею исполняемо было къ моему удовольствію, и я въ исполненіи моихъ желаній не слыхалъ отъ нея ничего невозможнаго.

Иногда въ деревнѣ, ложась спать и прощаясь съ нею, говаривалъ я: «Настенька, смотрятъ ли у насъ за осторожностію отъ огня», а особливо

25105.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

во время случающихся бурь». Она обыкновенно отвѣчала: «Почивайте, батюшка, покойно, я никогда не лягу прежде спать, пока не улягутся всѣ люди и не погасятъ огонь; вашему слабому здоровью нуженъ покой, то вы о домѣ не безпокойтесь». Случалось также, что я ей говаривалъ: «Настенька, нужно остерегаться отъ людей, ибо нельзя знать о честности всѣхъ нашихъ людей». Она мнѣ на сіе отвѣчала: «Батюшка, я сплю возлѣ и будьте покойны, что я живая не останусь, если бы кто и вздумалъ злое; а о себѣ я, батюшка, полагаюсь на волю Божію, что Ему угодно, то и сдѣлается со мною, но васъ я всегда спасу».

Такимъ образомъ, проходило счастливое мое время и я былъ совершенно преданъ службѣ моего государя, царя и благодѣтеля.

Собственноручная приписка графа Аракчеева.

«Естли въ семъ заключеніи написано что несправѣдливо, то да накажетъ меня Господь Богъ еще болѣе, нежели нынѣ. Сія записка написана по изустной диктовкѣ самого графа, единственно для сведенія моего отца и благодѣтеля, Его Императорскаго Величества.

«Несчастное Грузино, 26 октября 1825 году.

«Сейчасъ получилъ одну справку, которую прилагаю, зная, что вы, Батюшка, любите читать добрыя дѣла» [1]).

II.

Всеподданнѣйшія донесенія генерала Клейнмихеля изъ Грузина и Новгорода въ 1825 году.

1.

14-го октября 1825 г., с. Грузино.

Всемилостивѣйшій Государь!

Послѣ осьмисуточнаго путешествія, въ которомъ имѣлъ крайне худую дорогу, по Тульской и Московской губерніямъ, я прибылъ сюда вче-

---

[1]) Эти строки графа Аракчеева напечатаны съ сохраненіемъ орѳографіи автора „Описанія“.

Спрашивается о какомъ добромъ дѣлѣ пишетъ здѣсь графъ Аракчеевъ?

Можетъ быть оно заключается въ слѣдующемъ: существуетъ записка Матвѣя Чихачева отъ 25-го октября 1825 года, препровожденная графу Аракчееву изъ Петербурга, въ которой Алексѣю Андреевичу сообщали подробности о благодѣяніяхъ, оказанныхъ въ тайнѣ Настасьей Федоровной госпожѣ Орловой, начиная съ 1821 года, когда послѣдняя впала въ крайнюю бѣдность послѣ проиграннаго ею процесса. Только въ 1825 году госпожа Орлова узнала наконецъ имя своей неизвѣстной благодѣтельницы. „Не одна Орлова“, пишетъ Чихачевъ, „я многихъ бѣдныхъ и несчастныхъ знаю, которые горькія слезы проливаютъ лишась своей благодѣтельницы.—Добрыя дѣла ея видѣлъ Всевышній Творецъ“. Н. Ш.

рась въ вечеру и вручилъ благодѣтелю моему графу Алексѣю Андреевичу письмо вашего императорскаго величества.—Вы изволите знать графа и потому не буду описывать здѣсь тѣхъ чувствъ благодарности и утѣшенія, которыя письмо сіе произвело въ немъ; онъ неоднократно цѣловалъ его и со слезами молился Богу за васъ, государь.—Отвѣтъ графа при семъ подношу.

Не долженъ такъ же скрыть, что графъ въ самомъ горестномъ и разстроенномъ положеніи; я не могъ воздержаться отъ слезъ, видя его, и слезы сіи были взаимны. Однимъ словомъ, я нашелъ графа въ томъ несчастномъ состояніи, въ которомъ предполагалъ его, и лично докладывалъ вашему величеству, зная всю важность сдѣланной имъ потери.

Вчерашній вечеръ проведенъ въ бесѣдѣ съ отцомъ архимандритомъ Фотіемъ, пріѣхавшимъ въ Грузино, за нѣсколько часовъ до меня; графъ находитъ удовольствіе въ его посѣщеніяхъ, и отецъ Фотій показываетъ участіе въ положеніи графа. Я отдалъ ему письмо вашего величества.

Въ 10-мъ часу мы остались съ графомъ одни, онъ опять перечитывалъ письмо ваше, государь, и я передалъ ему все то, что повелѣть мнѣ соизволили къ спокойствію его. Графъ сильно плакалъ и разсказывалъ мнѣ подробности злосчастнаго происшествія. Въ первомъ часу мы легли спать, и я былъ свидѣтелемъ его безсонницы; всю ночь онъ чувствовалъ жаръ и битіе сердца, и такимъ образомъ, всѣ ночи проводитъ, и днемъ, доволенъ, когда можетъ быть въ церкви, при могилѣ покойницы. Кушаетъ весьма мало.

Графъ еще не рѣшилъ о мѣстѣ своего пребыванія, но кажется, склоненъ къ переѣзду въ Петербургъ, чтобъ жить въ уединеніи. Я буду стараться ускорить исполненіемъ сего намѣренія, во вниманіи, что въ Грузинѣ каждый шагъ напоминаетъ ему попеченіе о немъ покойницы и все болѣе и болѣе терзаетъ его, въ горестномъ одиночествѣ.

О дѣлахъ и думать еще не возможно, но я въ полной надеждѣ, что онъ не покинетъ ихъ, лишь бы успѣть успокоить его нѣкоторымъ образомъ въ домашнемъ быту. Основаніемъ сей надежды служитъ извѣстная привязанность графа къ вамъ, государь, и то, что онъ даже и теперь при всей своей горести и нездоровіи, большую часть ночи проговорилъ со мною о дѣлахъ и далъ мнѣ многія наставленія и разрѣшенія. При семъ долгомъ поставляю доложить, что записка, которую изволили получить отъ графа о привезенномъ полякѣ и полагали написанною послѣ происшествія, составлена имъ была прежде онаго; съ того же времени, онъ рѣшительно ничѣмъ заниматься не можетъ.

Давъ отчетъ вашему императорскому величеству о положеніи графа, я обязываюсь донести и о бывшемъ происшествіи, но кратко потому, что слѣдствіе произведено весьма неосновательно; я могу только доложить, что къ совершенію убійства заговоръ былъ сдѣланъ за три не-

*

дѣли до исполненія злодѣйства. Въ заговорѣ участвовали почти всѣ дворовые люди,—убійца есть—одинъ изъ поваровъ, покойница зарѣзана спящая, въ 6-мъ часу утра.—Преступникъ и преступницы въ Новгородѣ подъ судомъ и приговорены къ наказанію, но я объявилъ губернатору высочайшую волю, дабы остановилъ наказаніе и непремѣнно дослѣдовалъ подробнѣе и открылъ всѣхъ виновныхъ, а такъ же старался бы открыть, не было ли въ ономъ и какого посторонняго дѣйствія.—Я буду губернатору во всемъ содѣйствовать и для надзора за слѣдствіемъ, завтра же ѣду въ Новгородъ, отправляя туда изъ Грузина и вновь подозрѣваемыхъ людей. Вообразите, государь, положеніе графа: онъ окруженъ преступниками, а въ числѣ ихъ находится и старшій поваръ, который кормилъ его до сегодняшняго дня. Я молю Бога, чтобъ вразумилъ меня къ устраненію всякаго отъ графа несчастія, и уповаю на Его милосердіе. По окончаніи слѣдствія, я поѣду въ округи военнаго поселенія, чтобъ выбрать графу услугу согласно монаршей воли, сколько оно будетъ возможно; равномѣрно займусь и пріисканіемъ надежнаго управителя.

Вашего императорскаго величества вѣрноподданной и всегда вѣрноусердной слуга Клейнмихель.

2.

14-го октября 1825 г., с. Грузино.

Ваше императорское величество, предполагая назначить бригаднаго командира 2-й Уланской дивизіи, генералъ-маіора Розена, командующимъ сею дивизіею, и генералъ-маіору Коровкину поручить командованіе всѣмъ отрядомъ военнаго поселенія въ Слободско-Украинской губерніи, высочайше повелѣть мнѣ соизволили объясниться по сему предмету съ графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ, и о мнѣніи его донести.

Исполняя таковую монаршую волю, имѣю счастіе всеподданнѣйше доложить, что его сіятельство въ назначеніи семъ не находитъ препятствія, но съ назначеніемъ генералъ-маіора Коровкина отряднымъ командиромъ считаетъ необходимымъ дать особаго генерала въ званіе командира поселенныхъ и резервныхъ эскадроновъ 2-й Кирасирской дивизіи, въ томъ вниманіи, что генералъ Коровкинъ, не имѣя помощника по сей дивизіи, не можетъ успѣть въ своемъ управленіи. Въ званіе сіе его сіятельство избираетъ, по моему одобренію, бригаднаго командира 3-й Кирасирской дивизіи генералъ-маіора Кнаппе.

Я осмѣлюсь ожидать по сему монаршаго повелѣнія.

Начальникъ штаба Клейнмихель.

3.

Собственноручная записка Клейнмихеля.

15-го октября 1825 г., Новгородъ.

Въ здѣшнихъ округахъ военнаго поселенія, благодаря Бога, все благополучно.—Войска, на работѣ бывшія, разошлись по зимнимъ квартирамъ.

4.

20-го октября 1825 г., Новгородъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Отправивъ мое донесеніе къ вашему императорскому величеству изъ Новгорода 15-го числа сего мѣсяца, я опять ѣздилъ въ Грузино и возвратился сюда—третьяго дня въ вечеру. Предметъ моей поѣздки былъ, чтобъ видѣть благодѣтеля моего графа Алексѣя Андреевича и забрать вновь открытыхъ по слѣдствію преступниковъ; теперь ихъ здѣсь содержится 20 человѣкъ, а сегодня посылаю еще за 4-мя. Слѣдствіе обнаруживаетъ, что къ смертоубійству заговоръ былъ общій всѣхъ дворовыхъ людей, и еще съ самой весны они отыскивали человѣка, который бы оное исполнилъ. Такъ же открывается, что два раза предпринимали покойницу отравить. Я обращаю особенное вниманіе на слѣдствіе, дабы открыть всѣхъ виновныхъ и начальный слѣдъ злодѣянія, увѣренъ будучи, что здѣсь кроется много важнаго. Довольно замѣчательно, государь! Отецъ архимандритъ Фотій указалъ мнѣ, что смертоубійство въ Грузинѣ учинено въ то самое число, въ которое въ 1824 г. въ С.-Петербургѣ остановлено дѣйствіе злоумышленнаго Госнера; онъ такъ же сказывалъ мнѣ, что въ столицѣ есть партія неблагонамѣренныхъ, которые весьма много толкуютъ о семъ злосчастномъ случаѣ съ нужными имъ прибавленіями. Я графу ничего объ этомъ не говорилъ, онъ и безъ того не можетъ еще пріобрѣсть покой: ночи не спитъ, мало кушаетъ и ходитъ какъ тѣнь.—Вчерась было 40 дней смертоубійству, онъ пріобщился и въ вечеру писалъ ко мнѣ. Графъ какъ добрый христіанинъ не въ отчаяніи, но душевно скорбитъ о сдѣланной имъ потерѣ, и въ крайнемъ разстройствѣ. Онъ любитъ порядокъ и теперь во всемъ находитъ противное, и ни въ одномъ случаѣ не можетъ быть увѣренъ. Кажется, что ему и Грузино уже не мило. Къ присмотру за домомъ взяли одного фурштатскаго офицера, но онъ мало обѣщаетъ.

Графъ намѣренъ пріѣхать въ Новгородъ и провести нѣсколько дней въ Юрьевскомъ монастырѣ и потомъ ѣхать въ Петербургъ.

При семъ подношу письмо отъ отца архимандрита Фотія.

Вашего императорскаго величества вѣрноподданной и всегда вѣрно-усердной слуга Клейнмихель.

5.

25-го октября 1825 г., Новгородъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Графъ Алексѣй Андреевичъ еще въ Грузинѣ и все въ одномъ и томъ же положеніи, какъ доносилъ вашему императорскому величеству 20-го числа сего мѣсяца.

Слѣдствіе производится и идетъ нѣсколько медленно, потому что безпрерывно открываются новыя обстоятельства и противорѣчія. Число виновныхъ увеличивается; есть между ними и крестьяне, но родственники дворовыхъ.

Исправникъ Лялинъ и дворянскій засѣдатель Мусинъ-Пушкинъ (братъ служившаго у насъ, которымъ графъ былъ недоволенъ) оказываются виновными въ покровительствѣ одной изъ главныхъ преступницъ, неоднократно побуждавшей повара къ убійству и обѣщавшей ему за то 500 р. Преступница сія есть жена казначея грузинскаго крестьянскаго банка, на котораго имѣется такъ же сильное подозрѣніе, и который, какъ кажется, по хитрости своей дѣйствовалъ скрытно чрезъ жену. Исправникъ, по наущенію Мусина-Пушкина, приходилъ къ губернатору безъ всякаго требованія съ объявленіемъ, что помянутая преступница беременна и потому не можетъ быть наказана по приговору уголовной палаты, и сама преступница созналась, что онъ былъ у нея въ острогѣ, спрашивалъ, беременна ли и какъ она отвѣчала, что нѣтъ, то грозилъ ей за несправедливое показаніе.

Исправникъ и Мусинъ-Пушкинъ содержатся подъ арестомъ, и производится розысканіе о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ и причинахъ таковаго ихъ ходатайства, и я счелъ долгомъ обстоятельство сіе довести до свѣдѣнія вашего, государь.

На первый случай я выбралъ графу въ услугу трехъ рядовыхъ изъ полка его имени, людей усердныхъ и желающихъ ему служить.

Вашего императорскаго величества вѣрноподданной и всегда вѣрно-усердной слуга Клейнмихель.

6.

1-го ноября 1825 г. Новгородъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Графъ Алексѣй Андреевичъ нѣсколько спокойнѣе, но не всегда, и по днямъ; здоровье его мало поправляется.—Я полагаю, что ваше импера-

торское величество извѣстны объ ономъ и изъ письма Даллера къ Якову Васильевичу Вилліе, въ которомъ онъ описываетъ состояніе здоровья графа. Я всѣ мѣры употребляю, чтобъ вызвать графа изъ Грузина; онъ и самъ сего желаетъ, но вы изволите знать его точность и страсть къ порядку. Онъ хочетъ привести прежде все въ устройство, и съ каждымъ днемъ новая помѣха, потому что съ каждымъ днемъ открываются по слѣдствію новые соучастники, которыхъ должно отсылать въ Новгородъ къ суду, и такимъ образомъ прислуга, уже къ дѣлу и порядку пріученная, непрестанно уменьшается, а графъ въ остающейся прислугѣ долженъ видѣть или открытаго уже соучастника или подозрѣваемаго въ ономъ. Осмѣливаюсь сказать, государь, что положеніе графа въ семъ отношеніи самое горестное.

Преступниковъ сихъ содержится теперь въ Новгородѣ 34 человѣка. Слѣдствіе продолжается, и всѣ настоянія употреблены къ открытію начальнаго слѣда злодѣянія, но по сіе время весь кругъ злодѣйства въ однихъ только дворовыхъ людяхъ.

По ходатайству исправника Лялина и Мусина-Пушкина еще ничего не открыто. Я рѣшилъ объявить новгородскому гражданскому губернатору, что ваше императорское величество повелѣваете ему, въ особенности, внимательно и дѣятельно заняться разысканіемъ сего дѣла. Не можетъ быть, чтобъ ходатайство было безъ причины, и я полагаю, что ходатаи за главную преступницу суть и дѣйствующія лица, разумѣя не исправника и Мусина-Пушкина, но конечно знатнѣе ихъ.

Теперь еще новое обстоятельство. По негодности смотрителя Новгородскаго острога, была допущена къ преступницамъ, тихвинская помѣщица Полозова. Помѣщица она ничтожная, имѣетъ двѣ души, но замѣчательна потому, что живетъ недалеко отъ графини Аракчеевой, гоститъ часто у нея, была у преступницъ два раза, велѣла имъ Богу молиться и обѣщала ходатайство, а одна преступница поцѣловала у нея руку, вѣрно не даромъ. Кромѣ того, здѣсь есть слухи, что отъ графини Аракчеевой были присланы деньги преступникамъ, но еще не открыто, чтобъ преступники ихъ получили. Помѣщица содержится въ Новгородѣ подъ присмотромъ, во всемъ отпирается и показываетъ, что была только одинъ разъ у преступницъ изъ любопытства и никакого ходатайства имъ не обѣщала.—Очныя ставки уличатъ ее.—Губернаторъ отрѣшилъ смотрителя отъ должности, и я разсадилъ всѣхъ преступниковъ и преступницъ порознь по разнымъ мѣстамъ и приставилъ караулъ отъ учебнаго баталіона.

Не знаю, государь, не заслужу ли вашъ гнѣвъ, но по совѣсти и моей къ вамъ истинной преданности, я не могу умолчать.—Вчерась въ вечеру получилъ письмо отъ отца архимандрита Фотія, въ которомъ описываетъ дѣйствія князя Голицына по почтамъ и даже говоритъ, что

знаетъ достовѣрно, «что онъ большой вамъ врагъ». Я ничьихъ дѣлъ не знаю и, видя на опытѣ, что нынѣ злыхъ людей болѣе, чѣмъ добрыхъ, поставилъ себѣ непремѣннымъ правиломъ не имѣть никакого ни съ кѣмъ знакомства и заниматься лишь своею обязанностію, но грѣшно бы мнѣ было не открыть передъ вами государь, то, что̀ знаю.—Помянутое письмо отца Фотія при семъ въ оригиналѣ подношу, такъ же представляю у сего его письмо на имя ваше, сего утра мною полученное.

Вашего императорскаго величества вѣрноподданной и всегда вѣрноусердной слуга Клейнмихель.

7.

8-го ноября 1825 г. Новгородъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Сего мѣсяца 6-го числа, благодѣтель мой графъ Алексѣй Андреевичъ переѣхалъ въ Новгородъ и располагаетъ остаться нѣкоторое время въ здѣшнемъ уединеніи. Вчерашній день и нынѣшній графъ провелъ въ Юрьевомъ монастырѣ. Я былъ у него въ обители сего числа и вмѣстѣ съ нимъ возвратился. О здоровьи графа ничего хорошаго доложить не могу: оно все въ слабомъ состояніи, біеніе сердца продолжается, сна нѣтъ, пищи употребляетъ весьма мало; но уже заботится о дѣлахъ по поселенію, хотя и вовсе не въ силахъ еще заниматься.

По слѣдствію ничего замѣчательнаго доложить еще не имѣю; все дѣло въ допросахъ и розыскахъ. Я призналъ нужнымъ назначить въ слѣдственную коммиссію извѣстнаго вашему императорскому величеству коллежскаго совѣтника Морковникова и съ согласія графа истребовалъ его изъ Старой Руссы.

На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда изъ Петербурга генералъ-маіоръ Эйлеръ и сказывалъ мнѣ, что въ столицѣ говорятъ, что у насъ въ округахъ поселенія 1-я гренадерская дивизія взбунтовалась. Слухи сіи не въ среднемъ классѣ людей доказательствомъ, что дошли и до его императорскаго высочества Михаила Павловича; онъ изволилъ спрашивать у генерала Эйлера, который былъ у его высочества: «всё ли у васъ смирно» и получа отвѣтъ, что ничего нѣтъ, продолжалъ: «правду ли говоришь, а въ полку Короля Прусскаго вѣдь Чевакинской строгъ».

Опасаясь, чтобъ слухи сіи не дошли до васъ, государь, и не навлекли вамъ безпокойства, съ соизволенія графа, я счелъ должнымъ донести вашему величеству, что у насъ, благодаря Бога, вездѣ все благополучно и каждый занимается своею обязанностію. Касательно же полка Короля Прусскаго смѣю удостовѣрить, что и въ немъ ничего нѣтъ—полковникъ Чевакинскій весьма доволенъ какъ офицерами, такъ и нижними чинами, и побѣги сихъ послѣднихъ прекратились.

Вашего императорскаго величества вѣрноподданной и всегда вѣрноусердной слуга Клейнмихель.

8.

9-го ноября 1825 г. Новгородъ.

Его величество король прусскій прислалъ сюда пакетъ на имя полковаго командира полковника Чевакинскаго.

Прежде сего, таковые пакеты представлялись предварительно вашему императорскому величеству, и вслѣдствіе того графъ Алексѣй Андреевичъ приказалъ мнѣ и помянутый пакетъ поднести при семъ на высочайшее благоусмотрѣніе.

Начальникъ штаба Клейнмихель.

9.

15-го ноября 1825 г. Новгородъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Благодѣтель мой, графъ Алексѣй Андреевичъ, на сей истекающей недѣлѣ занимался уже частію дѣлами по военному поселенію, но сіе занятіе повредило его здоровію еще весьма слабому, и онъ нѣсколько ночей вовсе не спалъ. Сіе служитъ доказательствомъ, что графъ не можетъ еще заниматься дѣлами. Графъ пребываетъ въ Новгородѣ; уединеніе сіе ему пріятно.

Слѣдствіе продолжается: мужъ извѣстной главной преступницы Дарьи Константиновой, управляющій грузинскимъ мірскимъ банкомъ, Семенъ Алексѣевъ, который былъ подозрѣваемъ въ преступленіи, сознался нынѣ въ разговорахъ, коимъ внушилъ нѣкоторымъ изъ дворовыхъ людей, а въ числѣ ихъ и самому убійцѣ, о убійствѣ покойной. О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ производится розыскъ.—Грузинскій голова хотя и не изобличенъ въ преступленіи, но также оказывается графу невѣрнымъ. Открытіе сіе немало нарушаетъ спокойствіе графа.

Вчерашній день получилъ я съ почтою изъ Петербурга записку, ни кѣмъ не подписанную и руки вовсе мнѣ не извѣстной, подъ заглавіемъ: «О истинномъ и достовѣрномъ». Записка сія заключаетъ въ себѣ: мнѣніе благомыслящихъ людей о происшествіи въ Грузинѣ бывшемъ, и о самомъ графѣ, и злодѣйскій разговоръ и дѣйствіе корпуса инженеровъ путей сообщеній подполковника Батенькова. За нѣсколько дней до сего Батеньковъ подалъ просьбу объ увольненіи его отъ службы и, по прика-

занію графа, онъ уже отчисленъ отъ насъ изъ военнаго поселенія, а просьбу предоставлено ему представить своему начальству. Я читалъ графу помянутую записку и съ дозволенія его подношу ее при семъ, въ томъ самомъ конвертѣ, въ которомъ получилъ.

При семъ не могу умолчать, государь, что я всегда видѣлъ въ Батеньковѣ человѣка умнаго, но хитраго и души негодной и никогда не могъ терпѣть его. Нельзя не сожалѣть, что графъ столь много встрѣчаетъ людей неблагодарныхъ при всей добротѣ души его.

Вашего императорскаго величества вѣрноподданной и всегда вѣрноусердной слуга Клейнмихель.

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

XVIII [1]).

1849.

Докторъ Карель.—Кончина И. Н. Скобелева.—Освященіе Конногвардейской церкви.—Награды Радецкому, пожалованныя императоромъ Николаемъ.—Освященіе Московскаго дворца.—Празднованіе Пасхи въ Петербургѣ и Москвѣ.—Заговоръ Петрашевскаго.—Манифестъ о венгерскихъ дѣлахъ.—Назначеніе комплекта въ университетахъ.—Поѣздка государя въ Польшу и возвращеніе.—Пребываніе наслѣдника цесаревича въ Ревелѣ.—Императрица въ Ревелѣ.—Графиня Нессельродъ.

Жена лейбъ-медика Мандта никакъ не могла переносить нашего климата и отъ того уже издавна, вмѣстѣ съ дѣтьми, жила не съ нимъ въ Петербургѣ, а во Франкфуртѣ на Одерѣ, мѣстѣ ея родины. Въ февралѣ 1849 г., Мандтъ отпросился въ отпускъ мѣсяцевъ на пять, отчасти для свиданія съ женою, отчасти же для поправленія своего разстроеннаго здоровья. Императору Николаю, при частыхъ его хвораніяхъ и при многолѣтней привычкѣ и довѣренности къ своему лейбъ-медику, глубоко изучившему его натуру и вполнѣ возобладавшему надъ его воображеніемъ, эта разлука была чрезвычайно непріятна. Мандтъ, по воззрѣнію своему на медицину и въ особенности на начала или корни болѣзней, могъ почитаться творцомъ своеобразной системы, которая, впрочемъ, по односторонности

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1900 г.

ли ея, или же по геніальности, находила очень немногихъ послѣдователей. Два года сряду онъ читалъ въ Петербургѣ публичныя клиническія лекціи, на которыя, несмотря на общеизвѣстный вѣсъ его при Дворѣ, являлись, большею частію, лишь одни молодые врачи. Изъ числа ихъ самое благоволительное вниманіе преподавателя обратилъ на себя докторъ Конногвардейскаго полка Карель, родомъ эстляндецъ, сынъ тамошняго крестьянина, по-просту, Карла, и воспитанникъ Дерптскаго университета, съ отличнымъ образованіемъ и съ скромнымъ, безпритязательнымъ характеромъ. Мандтъ называлъ его, въ то время (послѣ, при заносчивомъ самовластіи Мандта и при зависти, возбужденной въ немъ успѣхами собственнаго его созданія, они сдѣлались врагами) «der Träger meines Systems» и рекомендовалъ его, на время своего отсутствія, государю, котораго Карель и сопровождалъ потомъ во всѣхъ его поѣздкахъ, даже и въ бытность снова здѣсь Мандта, считаясь, вообще, какъ бы помощникомъ послѣдняго.

Въ началѣ этого новаго поприща, Карель, пока онъ имѣлъ еще время заниматься частною практикою, былъ и моимъ домашнимъ врачемъ, и я часто слышалъ отъ него разныя подробности изъ внутренней дворцовой жизни. Вскорѣ по отъѣздѣ Мандта, государь сильно простудился на маскарадѣ въ Большомъ театрѣ, и эта простуда сопровождалась обыкновенными его болями въ правой половинѣ головы и частою рвотою. Со всѣмъ тѣмъ, во всю болѣзнь, продолжавшуюся дней пять, Карель, несмотря на жестокія страданія своего больнаго, никакъ не могъ уговорить его лечь въ постель. Лишенный возможности чѣмъ-нибудь заниматься, государь позволялъ себѣ ложиться только на диванъ, въ шинели, всегда замѣнявшей ему халатъ, и въ сапогахъ, которые, въ добавокъ, были еще—со шпорами! Карель не могъ довольно выразить удивленія своего къ атлетическому, необычайному сложенію его тѣла.

— Видѣвъ его до тѣхъ поръ, какъ и всѣ, только въ мундирѣ, или сюртукѣ,—разсказывалъ намъ Карель,—я всегда воображалъ себѣ, что эта, высоко выдавшаяся впередъ грудь—дѣло ваты. Ничего не бывало. Теперь, когда мнѣ пришлось подвергать его перкуссіи и аскультаціи, я убѣдился, что все это свое, самородное; нельзя себѣ представить формъ изящнѣе и конструкціи болѣе Аполлоно-Геркулесовской!

Въ февралѣ, умеръ Иванъ Никитичъ Скобелевъ, пріобрѣвшій общую извѣстность и даже нѣкоторую знаменитость своею карьерою, своею львиною, нѣкогда, храбростью и своими литературными, написанными солдатскимъ языкомъ, произведеніями. Дослужась изъ сдаточныхъ рекрутъ до полныхъ генераловъ и александровскихъ кавалеровъ, онъ, въ послѣднее время жизни, былъ комендантомъ С.-Пе-

тербургской крѣпости, директоромъ Чесменской военной богадѣльни, членомъ Инвалиднаго комитета [1]) и шефомъ Рязанскаго пѣхотнаго полка. «Отецъ и командиръ» (такъ самъ онъ называлъ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго) давно уже началъ хилѣть въ своемъ здоровьѣ, но окончательный ему ударъ нанесла исторія члена генералъ-аудиторіата, генерала-отъ-инфантеріи Бѣлоградскаго, съ которымъ онъ всегда былъ очень друженъ. Этого Бѣлоградскаго, 72-хъ-лѣтняго старца, родомъ изъ турокъ, взятаго въ плѣнъ, въ первой молодости, подъ Бѣлградомъ, по которому и дали ему фамилію, вдругъ уличили въ особыхъ вкусахъ. Вслѣдствіе того, государь отставилъ его отъ службы и велѣлъ сослать на покаяніе въ монастырь. Во время производства слѣдствія о гнусныхъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ онъ обвинялся, его заключили въ Петербургскую крѣпость, и здѣсь Скобелевъ, при первой встрѣчѣ съ нимъ, такъ разгорячился отъ упрековъ и ругательствъ, которыми осыпалъ стараго своего друга, что немедленно занемогъ воспаленіемъ въ боку.

Одаренный бойкимъ словомъ и владѣя живымъ, хотя малограмотнымъ перомъ (сочиненія его всегда переправлялись другими), старикъ былъ человѣкъ, по самому происхожденію своему, безъ всякаго образованія, но очень оригинальный въ своихъ пріемахъ и рѣчахъ, блиставшій типическимъ русскимъ умомъ, хлѣбосолъ, что называется, добрый малый, и петербургская публика очень его любила. По тону своему и всей личности, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ исключительныхъ натуръ, которымъ, подъ предлогомъ свойственной солдатамъ откровенности и нѣкоторой дерзости, позволяется говорить и дѣлать многое, чего не вынесли бы отъ другихъ. Прикрываясь этою суровою простотою, ему нерѣдко удавались разныя добрыя дѣла, къ чему самый постъ коменданта Петербургской крѣпости представлялъ широкое поле. Между множествомъ примѣровъ вотъ одинъ, характеризующій какъ самого Скобелева, такъ и отношенія къ нему государя. Въ 1848 г., молодой гвардейскій офицеръ Браккель, только-что выпущенный на службу, съ гауптвахты, въ которой онъ стоялъ съ карауломъ, дозволилъ отлучиться одному арестанту и, хотя послѣдній своевременно возвратился, однако, другой, вмѣстѣ съ нимъ содержавшійся, донесъ о случившемся, и государь велѣлъ посадить Браккеля въ казематъ. Это дало поводъ къ слѣдующей любопытной перепискѣ:

1) Письмо Скобелева къ военному министру отъ 1-го ноября 1848 г.

Заключенный на 6 мѣсяцевъ въ казематъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Браккель, образуя собою слабаго, щедушнаго, юнаго нѣмца, при-

[1]) Александровскій комитетъ о раненыхъ.

нявшій опредѣленное ему наказаніе съ чувствомъ вполнѣ кающагося грѣшника, все болѣе за нанесеніе удара родителямъ, проживающимъ, по словамъ его, въ Ригѣ, слезами и тоскою наводитъ мнѣ страхъ. Боже упаси, если ко всему вышереченному присоединится холера и онъ умретъ. Нѣмцы подумаютъ, что его въ крѣпости уморили. Браккель виноватъ по молодости и неопытности, но онъ, какъ вижу, сформированъ на благородную стать, съ чувствами возвышенными, похвальными, а посему, быть можетъ, и самъ я подвергаюсь вашему гнѣву, но осмѣливаюсь просить исходатайствовать ему переводъ въ мѣсто менѣе грозное—гауптвахту.

2) Собственноручная резолюція государя на этомъ письмѣ:

«Старику Скобелеву я ни въ чемъ не откажу. Надѣюсь, что послѣ его солдатскаго увѣщанія виновному, изъ Браккеля выйдетъ опять хорошій офицеръ; выпустить и перевесть въ армейскій полкъ тѣмъ же чиномъ».

3) Благодарственное письмо Скобелева его величеству отъ 4-го ноября.

«Благотворная резолюція вашего императорскаго величества на письмѣ моемъ дала мнѣ поводъ и сообщила смѣлость представить вамъ настоящее положеніе души и сердца моего.

«Клянусь святою вѣрою и честію русскаго благороднаго солдата, что если бы вы подарили мнѣ каменную въ крѣпости палату, золотомъ и серебромъ набитую, далеко, далеко не порадовали бъ меня противъ этой Божественной резолюціи, хотя, впрочемъ, я никогда не зналъ Браккеля, вовсе не знакомъ съ его родителями, и дѣйствовалъ по долгу и обязанностямъ стража, долженствующаго вникать не только въ физическое, но и въ нравственное состояніе преступника; посему, могъ ли я вообразить, чтобъ изъ обстоятельства, столь обыкновеннаго, на сѣдую мою голову упала благодать и утлая жизнь моя снова озарилась счастіемъ, но вѣдь это не ново для меня: все ваше царствованіе—свѣтлый праздникъ!

«Не удивляйтесь, государь, всеусерднѣйшей просьбѣ моей: въ случаѣ войны употребить меня въ дѣло; мнѣ стыдно умереть подъ кровлею; ретивое мое должно перестать биться на поляхъ славы и за васъ, въ примѣръ и науку преемникамъ: иначе чаша счастія будетъ неполна».

На подлинномъ написано рукою военнаго министра: «Государь императоръ изволилъ прочитать съ удовольствіемъ».

20-го марта, въ воскресенье, происходило освященіе новой, прекрасной церкви Благовѣщенія въ Конногвардейскомъ полку, выстроен-

кой славнымъ нашимъ Тономъ съ поразительною быстротою и достойно ставшей въ рядъ тѣхъ многочисленныхъ и изящныхъ храмовъ, которыми царствованіе императора Николая украсило Петербургъ. Два боковые придѣла освящены были, рано утромъ, гвардейскими протоіереями, а освященіе главнаго, оберъ-священникомъ арміи и флота Кутневичемъ, съ гвардейскимъ и придворнымъ духовенствомъ, происходило въ 11-мъ часу, въ присутствіи государя и всѣхъ великихъ князей. Къ обѣднѣ, уже послѣ ея начала, пріѣхала и императрица съ великими княгинями. Государь, во время совершенія обряда освященія, стоялъ въ алтарѣ, а потомъ слѣдовалъ за крестнымъ ходомъ вокругъ церкви. Послѣ обѣдни подходили ко кресту, вслѣдъ за царскою фамиліею, всѣ генералы, штабъ- и оберъ-офицеры Конной гвардіи, также лица, когда-либо въ ней служившія и, наконецъ, находившіеся въ ней прежде на службѣ дворцовые гренадеры; въ заключеніе, государь подвелъ императрицу смотрѣть образа и милостиво разговаривалъ со многими, въ томъ числѣ и съ престарѣлымъ полковымъ священникомъ. Тона, пожалованнаго къ этому дню въ дѣйствительные статскіе совѣтники, онъ обнялъ публично, посреди церкви. Особенное вниманіе всѣхъ обратила на себя великолѣпная вызолоченная дарохранительница,—приношеніе графа Орлова, бывшаго нѣкогда командиромъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка. Это изящное произведеніе русскихъ мастеровыхъ, работающихъ на петербургскій англійскій магазинъ, изображаетъ, въ миніатюрѣ, ту же самую церковь, со всѣми ея подробностями.

При освященіи присутствовалъ, между прочими, и оберъ-квартирмейстеръ гренадерскаго корпуса Брунновъ, который на другой день—умеръ отъ холеры!

Вѣсти о блестящихъ побѣдахъ знаменитаго старца Радецкаго въ Италіи столько же радовали Петербургъ, сколько приводили въ бѣшенство анархистовъ Франціи и Германіи. Огромное большинство нашей публики, несмотря на всѣ пагубныя вліянія Запада, вполнѣ одушевлено было священнымъ началомъ законности, и каждый австрійскій побѣдный бюллетень производилъ у насъ самое живое впечатлѣніе, какъбы побѣда была одержана нашими войсками. Извѣстіе о томъ славномъ дѣлѣ Радецкаго, которое имѣло послѣдствіемъ отреченіе отъ престола сардинскаго короля Карла-Альберта и постыдное для Сардиніи перемиріе, пришло сюда, въ донесеніи нашего посланника при Вѣнскомъ дворѣ, графа Медема, 24-го марта.

«Ура герою Радецкому, нашему фельдмаршалу!»—написалъ государь на депешѣ и послалъ племянника моего, Мирбаха, дежурнаго въ тотъ день при немъ флигель-адъютанта, съ этимъ извѣстіемъ къ австрійскому въ то время у насъ посланнику, графу Булю, который

расплакался какъ ребенокъ. Сверхъ пожалованія титуломъ русскаго фельдмаршала, Радецкій тогда же былъ назначенъ шефомъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка, съ присвоеніемъ сему послѣднему его имени, и въ распоряженіе его послано, для раздачи по его усмотрѣнію, нѣсколько георгіевскихъ крестовъ разныхъ степеней. Все это повезъ къ доблестному старцу сынъ другаго нашего фельдмаршала, флигель-адъютантъ князь Варшавскій [1]).

Великолѣпный, громадный новый дворецъ въ московскомъ Кремлѣ былъ оконченъ къ веснѣ 1849 года, и у императора Николая родилась поэтическая мысль освятить этотъ новый памятникъ его царствованія въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенья, давъ при томъ древней столицѣ случай посмотрѣть на новобрачныхъ и на всю свою семью. Одну минуту думали, что кончина нидерландскаго короля, въ это время послѣдовавшая и принятая очень близко къ сердцу государемъ, остановитъ всю поѣздку; но сдѣланныя уже въ большихъ размѣрахъ приготовленія и, можетъ быть еще болѣе, начавшееся огромное стеченіе въ Москву жителей провинцій утвердили государя въ прежнемъ намѣреніи. По значительному числу подъемныхъ средствъ, требовавшихся для перевозки двора съ его принадлежностями, она началась еще съ половины марта и для этого исполинскаго передвиженія были употреблены и почтовыя лошади, усиленныя нарядомъ обывательскихъ, и дилижансы, и даже транспортныя заведенія. Посланный въ Москву, для предстоявшихъ церемоній, гвардейскій отрядъ отправленъ былъ также на перемѣнныхъ. Члены императорскаго дома слѣдовали туда одинъ за другимъ, начавъ съ 20-го марта, а государь уѣхалъ 25-го числа, тотчасъ послѣ церковнаго парада въ Конногвардейскомъ полку. Въ Петербургѣ, изъ всего императорскаго дома, остались только великая княгиня Елена Павловна съ дочерью и дѣти цесаревича и великой княгини Маріи Николаевны. Хорошее положеніе дорогъ отъ поздней зимы позволило всѣмъ отправиться еще въ зимнихъ экипажахъ, разумѣется, со взятыми въ запасъ колесами. Сильные ночные морозы, продолжавшіеся отчасти, въ тѣни, и днемъ, исправляли въ санномъ пути то, что портило въ немъ весеннее солнце, и на шоссе онъ держался еще въ превосходномъ состояніи.

Пасха въ 1849 году была 3-го апрѣля, и хотя императорская фамилія находилась въ Москвѣ, однако въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ», а оттуда и во всѣхъ газетахъ, появилась неожиданно слѣдующая статья: «Въ день Св. Пасхи, божественная служба въ соборной церкви Зим-

---

[1]) Императоръ Александръ II исправилъ: „Свиты его величества генералъ-маіоръ Яфимовичъ“.

няго дворца совершена будетъ точно въ томъ же порядкѣ, какъ и во время присутствія въ столицѣ высочайшаго двора».—Сначала это казалось только простымъ извѣщеніемъ для желающихъ; но, непосредственно за симъ, послѣдовало другое объявленіе уже совершенно обязательное. По всѣмъ вѣдомствамъ, каждому черезъ его начальство, разослана была слѣдующая повѣстка: «Государь императоръ, при отъѣздѣ своемъ въ Москву, изволилъ объявить, что его величеству пріятно будетъ, если лица, имѣющія пріѣздъ ко двору, соберутся, и въ отсутствіе высочайшаго двора изъ С.-Петербурга, ко всенощному бдѣнію на предстоящій праздникъ Св. Пасхи, въ церковь Зимняго его величества дворца». Послѣ столь яснаго изъявленія высочайшей воли, конечно, уже нельзя было колебаться. Между тѣмъ, это странное и никогда небывалое въ подобномъ видѣ торжество произвело на всѣхъ насъ очень грустное впечатлѣніе. Дворецъ былъ освященъ, по обыкновенію, сверху до низу; вездѣ были разставлены, какъ всегда, лакеи, скороходы, арапы; все кипѣло многолюдствомъ, въ праздничныхъ нарядахъ, и все, однако же, посреди этого обычнаго блеска, было безжизненно и мертво, какъ бы на большомъ кладбищѣ. Недоставало главнаго—хозяевъ, животворящаго духа, и единственные въ ту минуту представители царской семьи въ Зимнемъ дворцѣ, дѣти цесаревича, давно уже спали въ своихъ постелькахъ. Почти всѣ спрашивали, что̀ значитъ этотъ торжественный маскерадъ въ опустѣлыхъ стѣнахъ, и трудно было дать на такой вопросъ дѣльный отвѣтъ. Странность впечатлѣнія увеличивалась еще совершеннымъ отсутствіемъ вѣстей о милостяхъ, которыхъ ожиданіе, объявленіе и исчисленіе прежде всегда такъ оживляло пасхальную ночь. Эти вѣсти можно было получить изъ Москвы лишь чрезъ нѣсколько дней, и Петербургъ, въ отсутствіе двора, обратился почти въ провинціальный городъ. Впрочемъ, вслѣдствіе упомянутаго повелѣнія, къ ночному богослуженію собралось людей не менѣе обыкновеннаго. Совѣтъ, Сенатъ, дворъ, гвардія и армія, все было налицо. Первую роль разыгрывалъ, естественно, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, князь Чернышевъ, и хотя настоящаго выхода не было и быть не могло, однако, при возвращеніи князя изъ церкви, всѣ офицеры стояли по полкамъ, и онъ, точно архіерей, съ своими иподіаконами, почти ведомый подъ руки многочисленнымъ военнымъ синклитомъ, раскланивался на обѣ стороны, поздравляя—съ новымъ годомъ! Этотъ несчастный lapsus linguae насмѣшилъ всѣхъ не менѣе того привѣтствія, съ которымъ министръ-предсѣдатель нѣсколько разъ обращался къ офицерамъ, а именно «что государь въ эту минуту вѣрно помышляетъ о нихъ».

— Что̀ это за славянщина такая и развѣ нельзя было сказать того же самаго по-русски!—говорила, смѣясь, молодежь.

Оффиціальнаго цѣлованія не происходило, и вслѣдъ за утренею началась обѣдня; но послѣ обѣдни прикладывались къ кресту, и потомъ многіе подходили, на обратномъ пути, къ Чернышеву, который цѣловалъ по выбору.

— Слава Богу, что не всѣхъ,—замѣтилъ тутъ же князь Меншиковъ—а то и мы, и онъ, воротились бы домой всѣ въ пятнахъ отъ его румянъ!

Это, впрочемъ, было сказано только для шутки, потому что Чернышевъ, сколько онъ ни занимался своею наружностію, румянъ не употреблялъ.

Совсѣмъ другое происходило, въ этотъ день и въ предъидущіе, въ Москвѣ, гдѣ сіяло царственное наше солнце, со всѣми его лучами.

Не повторяя того, что̀ извѣстно изъ церемоніаловъ, газетныхъ статей и другихъ печатныхъ, всѣмъ доступныхъ, источниковъ, приведу нѣсколько замѣтокъ изъ частной моей переписки и изъ переданнаго мнѣ послѣ очевидцами.

Императрицу ожидали въ Москву 25-го марта, и народъ уже съ ранняго утра стоялъ по дорогѣ отъ дворца до самой заставы такими густыми толпами, что едва оставался проѣздъ для экипажей. Около 9-ти часовъ вечера, эти толпы, потерявъ надежду встрѣтить императрицу, стали расходиться, а тутъ она прибыла въ 10-ть часовъ.

На другой день послѣ обѣда, новобрачная великая княгиня Александра Іосифовна хотѣла прокатиться по городу, но едва только коляска тронулась отъ дворца, какъ народъ, съ криками «ура!» бросился на нее. По этому крику, сбѣжалась половина Москвы и огромныя толпы, наполнявшія Кремль, остановили экипажъ, такъ что великая княгиня, за невозможностію ѣхать далѣе, принуждена была воротиться во дворецъ. Но эти толпы и этотъ крикъ не могли идти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ многолюдствомъ, съ тѣми громкими выраженіями народной преданности, которыя сопровождали государя въ Вербное воскресенье (27-го марта), когда онъ, отслушавъ обѣдню во дворцѣ, пошелъ въ соборы. Весь переходъ былъ усыпанъ, унизанъ народомъ; въ окнахъ, на крышахъ, на церковныхъ куполахъ, на колокольнѣ Ивана Великаго, вездѣ лѣпились люди. Едва царь показался въ дворцовыхъ дверяхъ, въ казачьемъ кафтанѣ и въ шапкѣ на головѣ, народъ хлынулъ къ подъѣзду, съ воплями радости. Забывали все, лѣзли другъ на друга, на двери, на стѣны, позволяли полиціи толкать и бить себя, а прохода государю все-таки не давали, бросаясь цѣловать ему руки и ноги, такъ что шестьсотъ или семьсотъ шаговъ до Успенскаго собора онъ шелъ цѣлыя четверть часа. Между тѣмъ дамы царской фамиліи, въ двухъ каретахъ, ѣхали шагомъ изъ стараго дворца въ новый; впереди шли, въ двѣ линіи, полицейскіе, разгоняя кулаками сгустившуюся и тутъ толпу. Та-

ковы были, въ ту эпоху общаго превращенія за Западѣ, наши баррикады!.. На Красномъ крыльцѣ царскую чету встрѣтило духовенство [1]), и она приложилась къ кресту. Дойдя до верху, государь обернулся, поклонился народу и нѣсколько минутъ имъ любовался...

Новымъ дворцомъ, при первомъ его обозрѣніи, государь остался такъ доволенъ, что нѣсколько разъ обнималъ главнаго распорядителя работъ, гофмейстера барона Боде, и архитектора Тона, и въ Москвѣ заговорили, что къ Пасхѣ первый будетъ—графомъ. Не понравились только ковры (одно, что къ убранству дворца было прислано изъ Петербурга), которые государь велѣлъ замѣнить другими. Остановясь, до Пасхи, въ старомъ дворцѣ [2]), царская фамилія всю страстную недѣлю ежедневно слушала обѣдню и потомъ ежедневно же пріѣзжала осматривать новые свои чертоги. 30-го марта произошелъ въ нихъ пожаръ, къ счастію окончившійся только тѣмъ, что обгорѣла одна оконная рама въ Владимірской залѣ; причиною огня оказалась труба, проведенная слишкомъ близко къ окошку. 31-го былъ опять пожаръ, уже въ старомъ дворцѣ [3]), въ службахъ, отъ слишкомъ большаго жара въ печи, но и этотъ скоро потушили.

При первомъ пожарѣ, въ Москвѣ стали говорить, что графскій титулъ барона Боде—улетѣлъ въ трубу; послѣдствія показали однако, что пожаръ нисколько не сжегъ прочихъ, безпримѣрныхъ наградъ барону. Бывшій мой слушатель, флигель-адъютантъ графъ Орловъ [4]), находившійся въ это время также въ Москвѣ, изображая мнѣ народный восторгъ при встрѣчѣ царской фамиліи, писалъ: «Всѣ ожиданія были превзойдены. Ни словомъ сказать, ни перомъ написать. Москва сохранила невредимымъ высокій духъ преданности вѣрѣ и престолу, который искони былъ отличительнымъ свойствомъ русскихъ. У меня невольно текутъ слезы, когда вижу искреннюю, непритворную набожность народа къ Богу и царю. По-моему тутъ вѣрнѣйшій залогъ величія Россіи и въ настоящемъ и въ будущемъ!».

Дѣйствительно, сверхъ общаго, знаменовавшаго каждый шагъ императорской семьи въ Москвѣ, радостнаго изступленія народа сколько бывало тутъ и отдѣльныхъ анекдотовъ въ нашемъ монархическомъ, православномъ духѣ, одинъ другаго умилительнѣе. Такъ, однажды, государь воротился съ пѣшеходной своей прогулки—безъ мундирныхъ

---

[1]) Императоръ Александръ II прибавилъ: „придворное“.

[2]) Императоръ Александръ II прибавилъ: „въ Николаевскомъ, что близъ Чудова монастыря“.

[3]) Императоръ Александръ II прибавилъ: „Николаевскомъ“.

[4]) Онъ, по волѣ императора Николая, присутствовалъ при моихъ бесѣдахъ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ.

фалдъ [1]). Ихъ, въ полномъ смыслѣ, оборвалъ народъ, растерзавъ потомъ на тысячи кусковъ, чтобы каждому сохранить, для передачи изъ рода въ родъ, хоть клочокъ этой завѣтной святыни. Въ другой разъ, государю, также на пѣшеходной прогулкѣ, приходилось перешагнуть лужу;—за нимъ, вокругъ него, валила, какъ всегда, несмѣтная толпа, и вотъ изъ среды ея продирается какой-то купецъ, сбрасываетъ съ своихъ плечъ богатую шубу и разстилаетъ ее передъ государемъ, прямо въ грязь, чтобы батюшкѣ-царю не замочить своихъ ногъ; но шуба эта уже не досталась владѣльцу обратно; народъ въ ту же минуту растерзалъ и ее, на память, что къ ней прикоснулись царскія стопы. Нельзя было довольно нарадоваться этимъ изъявленіямъ нашихъ православныхъ, изъявленіямъ, которыя относились, конечно, болѣе къ чтимому ими, какъ божество, принципу, нежели къ лицу; ибо кто же, изъ этого круга, имѣлъ случай испытать на себѣ самомъ или ожидать милости царскія; но этимъ, именно въ тогдашнюю минуту Западнаго съумазбродства, подобныя явленія были и отраднѣе, и прочнѣе, и спасительнѣе. По истинѣ, невольно вырывались тутъ восклицанія: «съ нами Богъ; нашъ царь—Божіею милостію; наша Русь—святая!»

Божественная служба въ ночь на Свѣтлое Воскресенье продолжалась въ Московскомъ дворцѣ очень недолго, всего часа полтора, потому что обычное христосованіе не имѣло при ней мѣста. Пріемъ поздравленій отъ дамъ, которыхъ набралось до двухъ сотъ, происходилъ уже на другое утро. Мужчины приносили свои поздравленія императрицѣ въ свѣтлый вторникъ. Послѣ того были во дворцѣ: въ тотъ же вторникъ—парадный обѣдъ, а въ четвергъ—публичный маскарадъ, собравшій до шестнадцати тысячъ человѣкъ.

— Вамъ, кажется, сдѣлалось дурно?—спросила императрица, обходя залы, у одной, очень поблѣднѣйшей женщины.

— Это отъ радости видѣть тебя, матушка!—отвѣчала та.

Въ подобномъ родѣ велась тутъ не одна рѣчь, мѣнялось не одно задушевное слово съ царскою семьею, которая не безъ удовольствія двигалась между массами.

Кромѣ этихъ придворныхъ празднествъ, были еще балы для императорской фамиліи у князя Сергія Михайловича Голицына, у графа Закревскаго и въ дворянскомъ собраніи. Балъ Закревскаго состоялъ въ характерномъ маскерадѣ, въ которомъ участвовала вся московская знать, раздѣленная на двѣ части: одна—изображала дворъ англійской королевы Елисаветы; другая—столицы, города, области и народы Русской имперіи, представителями которыхъ являлось по парѣ, одѣтой въ богатыя мѣстныя народныя одежды и имѣвшей передъ собою мальчи-

[1]) Императоръ Александръ II написалъ: „Это выдумка“.

ковъ, несшихъ гербы города или области. То же самое повторилось и въ дворянскомъ собраніи. Всѣ царственныя дамы, въ особенности, чрезвычайно забавлялись миловидными мальчиками. Императрица сама поила ихъ чаемъ и когда потомъ сѣла въ кресла, вся эта шумная ватага разсѣлась и разлеглась вокругъ нея на полу. Тутъ приблизился государь и объявилъ, что съ сей минуты всѣ эти мальчики—пажи, милость, бывшая для многихъ изъ нихъ чрезвычайно важною по отношенію къ чинамъ ихъ отцовъ. Суббота святой недѣли ознаменовалась еще торжествомъ особеннаго рода. Государь пожелалъ украсить стѣны въ Георгіевской залѣ новаго дворца мраморными досками съ именами всѣхъ полковъ, имѣющихъ Георгіевскія знамена [1]), и начало этому было положено съ Преображенскаго. Церемонія происходила передъ кадромъ баталіона [2]) этого полка, приведеннымъ [3]) въ Москву. Командовали: всѣмъ его составомъ самъ государь, а взводами: 1-мъ—великій князь Михаилъ Павловичъ, 2-мъ—полковый командиръ, новый генералъ-адъютантъ Катенинъ, 3-мъ—цесаревичъ и 4-мъ—новый флигель-адъютантъ полковникъ Пушкинъ. Парадъ внутри залы начался молебствіемъ; потомъ послѣ сказаннаго митрополитомъ Филаретомъ слова и скомандованія государемъ «на караулъ», четверо сѣдыхъ дворцовыхъ гренадеровъ по знаку его подняли доску съ именемъ Преображенскаго полка и начали прибивать ее къ стѣнѣ. Въ ту минуту, когда они дотронулись до доски, государь, оборотясь къ преображенцамъ, закричалъ «ура!», которое дружно было принято ихъ рядами, и, вмѣстѣ съ музыкою «Боже, Царя храни!», не умолкало до тѣхъ поръ, пока не прибили доску. По словамъ очевидцевъ, минута была такъ торжественна, что всѣ плакали, отъ державнаго хозяина и до послѣдняго солдата...

Въ заключеніе, государь сказалъ людямъ:

— Вы—мой п е р в ы й полкъ и надѣюсь, что и останетесь имъ навсегда; передайте же товарищамъ, какъ я васъ награждаю за вашу вѣрность.

Послѣ громкаго «рады стараться», государь самъ повелъ солдатъ смотрѣть новыя его палаты.

Передъ наступленіемъ Свѣтлаго праздника, я осмѣлился отправить въ Москву, къ наслѣднику цесаревичу, постоянно осыпавшему меня своею милостію, поздравительное письмо. Осчастлививъ меня, 4-го апрѣля, длиннымъ собственноручнымъ отвѣтомъ, исполненнымъ той же милости, его высочество такъ изволилъ коснуться въ немъ московскаго тор-

---

[1]) Императоръ Александръ II прибавилъ: „съ обозначеніемъ года ихъ формированія“.

[2]) Императоръ Александръ II прибавилъ: „передъ двумя ротами 1-го баталіона“.

[3]) Императоръ Александръ II исправилъ: „привезеннымъ“.

жества: «Вчера встрѣтили мы Свѣтлый праздникъ въ древней маленькой церкви Спаса, называемаго за Золотой рѣшеткой, передъ входомъ въ древнія царскія хоромы. Послѣ окончанія обѣдни, крестный ходъ обошелъ весь новый великолѣпный дворецъ и, передъ тономъ въ Андреевской залѣ, была произнесена митрополитомъ Филаретомъ имъ нарочно по сему случаю написанная молитва. Все кончилось общимъ разгавливаніемъ всѣхъ съѣхавшихся къ выходу. Вся эта церемонія имѣла что-то особенно величественное и торжественное! Я увѣренъ, что память о ней останется неизгладимою во всѣхъ присутствовавшихъ».

Празднованіе Пасхи въ Москвѣ, соединенное съ освященіемъ новаго дворца, сопровождалось множествомъ щедрыхъ и, частію, весьма важныхъ наградъ, какъ напримѣръ: возведеніемъ Вронченко и Перовскаго въ графское достоинство, пожалованіемъ Андреевскихъ лентъ графу Закревскому, оберъ-камергеру Рибопьеру и оберъ-гофмейстеру князю Урусову и т. д. Но награды, совершенно, какъ я уже сказалъ, безпримѣрныя, излились на барона Боде и на архитектора Тона. Первый, получившій только 6-го декабря 1848 года ленту Бѣлаго Орла, пожалованъ былъ, обойдя, при этомъ, 81-го старшаго (въ томъ числѣ двухъ министровъ) въ оберъ-гофмейстеры, т. е. въ дѣйствительные тайные совѣтники, въ президенты Московской дворцовой конторы, Александровскою лентою, брильянтовою медалью за сооруженіе дворца и единовременно 50.000 руб. сер.; сверхъ того, одинъ изъ его сыновей награжденъ былъ вдругъ и чиномъ и орденомъ, а другой званіемъ камеръ-юнкера. Лѣтопись моя не лесть, а правда, и потому не могу скрыть, что этотъ потокъ милостей возбудилъ большой ропотъ въ петербургскихъ салонахъ. Самъ Паскевичъ, говорили многіе, никогда не получалъ такой группы наградъ, а Сперанскому, за построеніе безсмертнаго Свода законовъ, дали всего *одну* ленту, тогда какъ барона Боде, за построеніе дворца, осыпали, и въ дѣтяхъ, и лично, *семью* наградами. Великій князь Михаилъ Павловичъ, никогда не пропускавшій случая съострить, безподобно привѣтствовалъ Боде въ Москвѣ съ его наградами.

— Поздравляю, баронъ—сказалъ онъ ему, надѣюсь, что вы можете быть довольны; впрочемъ, надо и то́ сказать, что у васъ дѣло—*такъ и горитъ*! (намекъ на бывшій передъ тѣмъ въ новомъ дворцѣ пожаръ).

Тонъ, съ своей стороны, награжденный, 20-го марта, чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, 3-го апрѣля получилъ ленту Станислава, аренду въ 1.500 р. на 24 года и еще единовременно десять тысячъ руб. сер.

Обратный пріѣздъ членовъ царской фамиліи въ Петербургъ, эшелонами, начался съ 17-го апрѣля. Однимъ изъ первыхъ возвратился государь, 20-го пріѣхала императрица, а въ ночь съ 20-го на 21-е и

остальные, такъ что къ утру 21-го, т. е. ко дню тезоименитства императрицы, августѣйшіе наши путешественники были уже всѣ дома.

Среди революціоннаго вихря, который, послѣ нѣсколько спокойнѣйшаго, какъ казалось, направленія дѣлъ, вдругъ, весною 1849-го, съ новою силою охватилъ Западную Европу. Въ Петербургѣ, во второй половинѣ апрѣля, всѣ были поражены разнесшеюся, какъ молнія, вѣстію объ открытомъ и у насъ заговорѣ. Къ Россіи, покорной, преданной, богобоязливой, царелюбивой Россіи тоже прикоснулась—страшно, больно и какъ-то оскорбительно, даже уничтожительно было выговорить—гидра нелѣпыхъ и преступныхъ мечтаній чуждаго намъ міра. Сокрушительное дѣйствіе революцій вездѣ, въ теченіе года, оставило по себѣ однѣ развалины и потоки крови, не внеся даже тѣни улучшенія въ общественный бытъ, и, несмотря ни на этотъ живой примѣръ, ни на память событій 14-го декабря 1825-го года, нашедшихъ такъ мало сочувствія въ массахъ и такую быструю кару въ законѣ, горсть дерзкихъ злодѣевъ и ослѣпленныхъ юношей замыслила пріобщить и нашу дѣвственную націю къ ужасамъ и моральному растлѣнію Запада. Уже съ полгода, секретные агенты графа Орлова съ одной стороны, и графа Перовскаго съ другой, слѣдили за этою шайкою и, наконецъ, въ ночь съ 21-го на 22-е апрѣля захватили до 40 человѣкъ, обличенныхъ въ тайныхъ замыслахъ. Они были немедленно заключены въ крѣпость, и 24-го числа учреждена, для изслѣдованія дѣла, особая слѣдственная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ коменданта крѣпости, Набокова, изъ члена Государственнаго Совѣта, князя Гагарина, товарища военнаго министра, князя Долгорукова и начальника штаба корпуса жандармовъ, Дубельта, къ которымъ впослѣдствіи былъ присоединенъ и начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній, Ростовцовъ.

Сначала, въ сердце государево запала, повидимому, мысль, что къ числу заговорщиковъ, кромѣ захваченныхъ офицеровъ, молодыхъ чиновниковъ, литераторовъ и пр., можетъ принадлежать, втайнѣ, и кто-нибудь п о в ы ш е. По крайней мѣрѣ, того же 24-го числа, принимая двухъ членовъ Государственнаго Совѣта, благодарившихъ за полученныя ими награды, и говоря съ ними исключительно объ этомъ предметѣ, онъ сказалъ между прочимъ:

— Не знаю, ограничивается ли заговоръ тѣми одними, которые уже схвачены, или есть кромѣ нихъ и другіе, даже можетъ быть кто и изъ н а ш и х ъ. Слѣдствіе все это раскроетъ. Знаю только одно: что на полицію тутъ нельзя полагаться, потому, что она падка на деньги, а на шпіоновъ еще меньше, потому что продающій за деньги свою честь способенъ на всякое предательство. C'est donc l'affaire des pères de

famille de veiller dans leur intérieur, d'autant plus que cette affaire les regarde et doit les intéresser tout autant que moi [1]).

И здѣсь, какъ при всякомъ подобномъ случаѣ, мысль каждаго русскаго, прежде всего, обращалась съ молитвою благодарности къ небу, за дарованіе Россіи, особенно въ тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ, т а к о г о монарха! Если собственное его сердце не могло не биться сильнѣе при испытаніяхъ судьбы; если самъ онъ являлся вездѣ воплощенною за насъ жертвою, атлетомъ, несшимъ на своихъ раменахъ бремя заботъ о нашемъ счастіи и о нашей славѣ: то, взамѣнъ, какъ были спокойны мы, во всякую бурю, съ такимъ кормчимъ. Въ 1848 году, никакія внѣшнія грозы не могли оторвать его ни на минуту отъ текущихъ, даже отъ самыхъ иногда мелочныхъ, обязанностей его сана; точно также и въ 1849-мъ печальное открытіе грозы внутренней ни на одно мгновеніе не остановило движенія огромной машины, которую онъ вращалъ мощною своею рукою, не прервало обычныхъ его занятій и даже развлеченій. 24-го числа, въ день учрежденія слѣдственной коммисіи, онъ прохаживался по улицамъ, какъ всегда, совершенно одинъ, а вечеромъ посѣтилъ публичный маскерадъ въ Большомъ театрѣ; 25-го онъ смотрѣлъ рекрутъ и принималъ доклады министровъ—тоже какъ всегда.

Далѣе объ этомъ дѣлѣ, чтобы не перерывать хронологической нити моихъ разсказовъ, я буду говорить въ концѣ моихъ воспоминаній за 1849-й годъ, когда надъ преступниками былъ произнесенъ и исполненъ судебный приговоръ.

26-го апрѣля, рано утромъ, явился ко мнѣ фельдъегерь:

— Государь,—сказалъ онъ,—проситъ васъ къ себѣ въ 12-ть часовъ.

— Пріѣзжаю. Съ государемъ работаетъ еще графъ Нессельродъ, а въ секретарской ждутъ. графъ Клейнмихель и министръ статсъ-секретарь царства Польскаго Туркулъ; но Клейнмихель, бывающій во дворцѣ почти ежедневно, скоро исчезаетъ въ боковую дверь, а Туркулу государь, спустя нѣсколько минутъ, высылаетъ сказать, что слишкомъ сегодня занятъ и потому проситъ его пріѣхать завтра. Нессельродъ вышелъ около половины 1-го, и я тотчасъ былъ позванъ въ кабинетъ.

— Здравствуй, любезный Корфъ—сказалъ государь, протянувъ мнѣ руку—извини, что я всегда тревожу тебя въ чрезвычайныхъ случаяхъ, pour laver mon linge sale [2]). Но намъ надо опять написать манифестъ.

---

[1]) Это дѣло отцовъ семействъ слѣдить за внутреннимъ порядкомъ, тѣмъ болѣе, что это дѣло ихъ касается и должно ихъ интересовать столько же, сколько и меня.

[2]) Чтобы мыть мое грязное бѣлье.

Ты знаешь, что дѣлается въ Венгріи, но знаешь не все. Сегодня былъ у меня пріѣхавшій вчера изъ Ольмюца генералъ Лобковицъ и описывалъ ихъ (т. е. австрійцевъ) положеніе въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Въ ихъ распоряженіи всего, по счету, 50 т. войска, а на самомъ дѣлѣ, кажется, еще менѣе. По крайней мѣрѣ, вотъ что даетъ мнѣ сейчасъ знать по телеграфу фельдмаршалъ Паскевичъ изъ Варшавы.

Тутъ государь прочелъ вслухъ депешу, изъ которой было видно, что у Вельдена въ главной его квартирѣ передъ Пресбургомъ, по словамъ его нашему генералу Бергу,—всего 35.000 человѣкъ, противъ вдвое сильнѣйшей венгерской арміи, и что онъ считаетъ положеніе свое крайне затруднительнымъ.

— Comment est-ce que celà vous plait? Австрійскій императоръ проситъ моей помощи, и я тѣмъ меньше могу ему отказать, что торжество венгерцевъ начинаетъ уже чрезвычайно отзываться на расположеніе умовъ въ нашей Польшѣ. И такъ, надо рѣшаться на войну и вотъ что я объ этомъ написалъ; но это—одна канва, которою прошу тебя отнюдь не стѣсняться.

Затѣмъ государь прочелъ мнѣ проектъ манифеста, набросанный имъ карандашемъ на полулистѣ почтовой бумаги. Я остановился только на одномъ мѣстѣ, гдѣ говорилось объ обремененіи австрійскаго правительства еще другою, внѣшнею войною въ Италіи, и спросилъ: угодно ли, чтобы это выраженіе было въ точности сохранено, такъ какъ тамъ были, и частію еще продолжаются, и внутреннія войны съ Ломбардіею и Венеціею.

— Да, да, конечно—отвѣчалъ государь,—прибавь и эти. Я тутъ имѣлъ въ виду собственно войну съ Сардиніею и, признаться, въ первомъ проектѣ у меня было сказано: «съ вѣроломнымъ» королемъ сардинскимъ, но—чортъ его побери.... Ну, теперь дай же всему этому порядокъ и потомъ привези опять ко мнѣ; ты застанешь меня въ половинѣ восьмаго.

Манифестъ, сгладивъ нѣсколько редакцію и вставивъ двѣ или три вводныя фразы, мнѣ не трудно было написать, и я, до обѣда еще, послалъ его на просмотръ къ графу Нессельроду, сказавшему мнѣ утромъ, при выходѣ изъ кабинета, что государь прочелъ ему свой проектъ. Въ моемъ графъ не нашелъ перемѣнить ни одного слова. Вечеромъ, государь принялъ меня съ новыми извиненіями, «что меня безпокоитъ».

— Но кто предвидѣлъ бы,—прибавилъ онъ,—чтобы, спустя годъ послѣ перваго манифеста, намъ пришлось искупать чужіе грѣхи своею кровію!

Проэктъ я прочелъ самъ. Государь казался доволенъ и потребовалъ только одной перемѣны.

— Такъ хорошо,—сказалъ онъ,—и все можетъ идти, но въ этой послѣдней фразѣ: «и Россія, грядущая, подъ щитомъ всеблагаго Про-

мысла, на возстановленіе мира и покоя, исполнитъ святое свое призваніе», прибавленныя тобою слова (все выше подчеркнутое) лучше, я думаю, исключить, они похожи на хвастовство, а манифестъ будетъ тотчасъ переведенъ на всѣ языки и комментированъ за границею. Выкинь это и покажи Нессельроду.

Я донесъ, что это уже сдѣлано.

— Ну, такъ потрудись переписать опять, какъ въ прошломъ году, своею рукою и пришли мнѣ.

Потомъ, разсуждая о настоятельной необходимости помочь Австріи для собственной нашей безопасности, государь прибавилъ, что, послѣ утренняго его свиданія со мною, онъ получилъ новую депешу, извѣщающую, что опасность еще увеличилась и уже грозитъ самой Вѣнѣ; вслѣдствіе чего австрійскій императоръ переѣхалъ изъ Ольмюца въ Шёнбрунъ, вѣроятно для успокоенія умовъ. Въ заключеніе, взявъ меня за руку, государь снова благодарилъ.

— Дай Богъ, дай Богъ, государь—сказалъ я,—чтобъ все это окончилось къ вашей славѣ и покою!

— Да, дай Богъ,—отвѣчалъ онъ съ чувствомъ, держа еще мою руку:—все въ Его святой волѣ; впрочемъ, мы за себя постоимъ.

По пріѣздѣ домой, я немедленно переписалъ манифестъ и отправилъ его къ государю.

Въ тотъ же вечеръ былъ балъ у графа Кушелева-Безбородки, на которомъ присутствовалъ наслѣдникъ цесаревичъ. Увидѣвъ меня, онъ тотчасъ подошелъ съ словомъ «Подписанъ».—Догадавшись, о чемъ идетъ рѣчь, но принявъ это слово за вопросъ, я отвѣчалъ:

— Не знаю, ваше высочество, я отослалъ въ 10-мъ часу.

— Я вамъ говорю, что подписанъ, государь мнѣ сказывалъ. Вотъ—продолжалъ цесаревичъ, возобновляя свой прошлогодній привѣтъ—опять палъ на васъ жребій поработать и опять новый листокъ въ вашу біографію!

Спустя десять минутъ, привезли мнѣ, тутъ же на балѣ, конвертъ отъ государя. Онъ возвращалъ мою докладную записку, при которой отосланъ былъ переписанный манифестъ, съ надписью: «Искренно благодарю».

27-го апрѣля, утромъ, манифестъ былъ напечатанъ и обнародованъ.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ актомъ на жителей Петербурга, было грустное. Съ одной стороны, говорили, что нѣтъ намъ причины вступаться за другихъ, когда у самихъ горитъ (слухи о нашемъ заговорѣ были, въ первое время, чрезвычайно преувеличены молвою) и когда отъ Австріи, которой вѣроломная политика довольно извѣстна по исторіи, въ случаѣ взаимной нужды, конечно, не придетъ къ намъ помощь. Съ другой стороны, хотя всѣ знали, что гвардейскій корпусъ,

которому срокомъ выступленія изъ Петербурга, по эшелонамъ, назначалось 15-е мая, идетъ на первый разъ только для занятія въ пограничныхъ губерніяхъ позицій войскъ, дѣйствительно выступившихъ въ походъ; однако, по мѣрѣ того, какъ радовалась молодежь, воображая уже себѣ битвы, кровопролитіе и славу, маменьки плакали если еще не объ опасности, то о разлукѣ. Наконецъ, при усиливавшейся неурядицѣ на Западѣ и при несомнѣнности для всѣхъ домашняго заговора, опозорившаго землю русскую, немало было и такихъ, которые горевали о выступленіи гвардіи, изъ боязни о томъ, что̀ станется съ ними остающимися на мѣстѣ.

Это опасеніе было, впрочемъ, напрасное. Государь не бросилъ своей столицы безъ защиты. Въ Петербургѣ оставлены были отъ каждаго пѣхотнаго полка гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ по 4-му баталіону, составленному изъ собранныхъ въ 1848 году безсрочно-отпускныхъ [1]), и отъ кавалеріи запасные эскадроны.

Доступъ у насъ въ университеты всегда былъ открытъ лицамъ всѣхъ свободныхъ состояній, выдержавшимъ испытаніе въ наукахъ гимназическаго курса. При всемъ томъ, не говоря о праотцѣ нашихъ университетовъ, Московскомъ, другіе, учрежденные, или окончательно преобразованные въ 1802 году, долго, кромѣ Виленскаго и Дерптскаго, стояли почти пустые, потому что въ общей массѣ народа, даже въ самомъ дворянствѣ, не существовало еще истинной потребности учиться. Общее стремленіе давать юношеству высшее образованіе возникло лишь въ слѣдствіе указа 6-го августа 1809 г., заградившаго производство въ коллежскіе ассессоры и въ статскіе совѣтники безъ испытанія въ наукахъ и даровавшаго кончившимъ университетскій курсъ важныя служебныя преимущества. Сперва это возбужденіе явилось, такъ сказать, насильственно, частію съ переломомъ старинныхъ предразсудковъ; но потомъ, дѣйствіемъ времени и даннаго единожды движенія, оно влилось въ нравы и, изъ средства искусственнаго, превратилось въ естественный порядокъ вещей. Все бросилось учиться и, при упомянутой выше свободѣ доступа, въ Московскомъ университетѣ находилось болѣе 1000 студентовъ, въ Петербургскомъ болѣе 700, въ Дерптскомъ болѣе 600, и т. д.

Вдругъ въ маѣ 1849 г. разнесся слухъ, что для университетовъ установленъ комплектъ студентовъ, и что цифра ихъ впредь ни въ одномъ не можетъ превышать трехъ сотъ. Слухъ этотъ вскорѣ подтвер-

---

[1]) Императоръ Александръ II исправивъ: четвертые резервные баталіоны, составленные изъ собранныхъ въ 1818 г. безсрочно-отпускныхъ.

дился напечатаннымъ во всѣхъ газетахъ объявленіемъ ректора Петербургскаго университета, что, по причинѣ полнаго въ немъ комплекта, въ 1849 году пріема не будетъ.

Откуда возникла эта мѣра и какія были къ ней побужденія,—никто положительно не зналъ. Она не разсматривалась ни въ Государственомъ Совѣтѣ, ни въ Комитетѣ министровъ и только по умозаключеніямъ ставили ее въ связь съ западными происшествіями, а иниціативу послѣдовавшаго о ней повелѣнія приписывали собственной мысли государя. Но одно несомнѣнно: эта мѣра возбудила въ то время общее неудовольствіе и, даже въ людяхъ самыхъ благонамѣренныхъ, общее сокрушеніе.

— Въ другихъ государствахъ,—говорили многіе,—потребность высшаго образованія родилась изъ самой жизни народной и изъ общественнаго тамъ быта, а у насъ она произведена и развита единственно дѣйствіемъ правительства, и вдругъ, дѣйствіемъ того же самаго правительства, отнимаются средства къ удовлетворенію потребности, имъ же возбужденной!

— Какія же,—продолжали—останутся средства воспитывать дѣтей, когда лицеи, училище Правовѣдѣнія и пр. переполнены, и никто въ нихъ попасть не можетъ, а вдругъ и въ университеты станутъ принимать только на вакансіи? Воспитывать въ заграничныхъ университетахъ? Но посылать туда запрещено. Въ гимназіяхъ? Но онѣ лишь переходная ступень, при которой воспитанія нельзя еще считать оконченнымъ. Дома? Но гдѣ взять надежныхъ домашнихъ наставниковъ, и многія ли семейства въ состояніи ихъ содержать? При томъ, собственно въ видахъ политическихъ, домашнее воспитаніе безъ надзора со стороны правительства гораздо вреднѣе университетскаго, гдѣ направленіе преподаванія всегда въ его рукахъ. Своевольство мыслей и порывъ въ мечтательныя крайности находятъ свой источникъ не въ высшемъ образованіи, а въ праздности ума и въ буйныхъ страстяхъ. Англійскіе университеты еще гораздо многочисленнѣе нѣмецкихъ, но на опытѣ отъ нихъ нигдѣ не было вреда, да и нѣмецкіе студенты шумятъ и шалятъ, только пока они студенты, становясь потомъ, большею частію, самыми скромными и порядочными людьми.

— Да и отъ чего,—спрашивали, наконецъ,—тысяча молодыхъ людей будутъ, въ университетѣ, опаснѣе трехъ сотъ, если только въ соразмѣрность съ числомъ увеличатся средства надзора умственнаго, нравственнаго и дисциплинарнаго? Почему именно триста, а не двѣсти, или не четыреста и т. д.

Словомъ, эта мѣра была одною изъ самыхъ непопулярныхъ въ царствованіе императора Николая, и послѣдовавшее вскорѣ за тѣмъ изъятіе для факультетовъ медицинскаго и богословскаго (для послѣдняго

въ Дерптѣ), не могло ослабить произведеннаго ею крайне непріятнаго впечатлѣнія.

Впослѣдствіи я слышалъ отъ великой княгини Елены Павловны, что истинное побужденіе къ ограниченію числа студентовъ заключалось не въ политическихъ событіяхъ того времени, какъ всѣ думали, а совсѣмъ въ другомъ обстоятельствѣ. Государю было очень непріятно, что дворянство, по его замѣчанію, все болѣе и болѣе уклоняется отъ военной службы, такъ что въ послѣдніе два года оказалось необходимымъ, для наполненія сколько-нибудь офицерскихъ вакансій, выпустить изъ кадетскихъ корпусовъ мальчиковъ, неокончившихъ курса. Вслѣдствіе того онъ надѣялся, стѣснивъ средства къ поступленію въ университеты, снова побудить черезъ то молодыхъ дворянъ идти въ военную службу.

— Aumoins, — сказала мнѣ великая княгиня,—voilà comme j'ai entendu l'Empereur se prononcer devant moi et je vous répète ce qu'il a dit en ma présence [1]).

Я не записываю въ настоящихъ листахъ ничего ни о поѣздкѣ государя лѣтомъ 1849 года въ Варшаву и оттуда далѣе на Венгерскую границу, о чемъ не могъ бы разсказать болѣе того, что̀ извѣстно по газетамъ и историческимъ документамъ, ни о болѣзни и послѣдовавшей 16-го іюня кончинѣ великой княжны Александры Александровны, потому что въ это время я находился въ отпуску въ Ревелѣ. Точно также и описаніе военныхъ дѣйствій нашихъ въ Венгріи, отойдя, со всѣми политическими его послѣдствіями, въ область исторіи, стоитъ внѣ скромнаго круга личныхъ воспоминаній человѣка, отдаленнаго отъ этихъ событій и разстояніемъ и всѣмъ практическимъ направленіемъ его жизни. Я съ семействомъ моимъ проводилъ это лѣто на морскихъ водахъ въ Ревелѣ. 4-го іюля прибыли туда же наслѣдникъ цесаревичъ съ супругою и августѣйшими ихъ сыновьями, и мы узнали, что государь возвратился въ Петербургъ, 30-го іюня, сюрпризомъ для императрицы, ко дню ея рожденія. У Луги сломалась коляска, и онъ, въ нетерпѣніи увидѣться скорѣе съ семействомъ, прискакалъ оттуда на перекладныхъ; но вскорѣ опять уѣхалъ въ Варшаву, какъ пунктъ, ближайшій и къ театру военныхъ дѣйствій, и къ центру дипломатическихъ сношеній.

Пребываніе наслѣдника цесаревича въ Ревелѣ, который не видѣлъ его съ десятилѣтняго возраста [2]), продолжавшееся до ночи съ 10-го на

---

[1]) По крайней мѣрѣ я слышала, что императоръ произносилъ это при мнѣ, и я вамъ повторяю, что онъ сказалъ въ моемъ присутствіи.

[2]) Императоръ Александръ II исправилъ: „Съ одиннадцатилѣтняго возраста“.

на 11-е іюля [1]), сопровождалось многими трогательными и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, историческими моментами. Къ сожалѣнію, описаніе ихъ также стоитъ внѣ круга настоящаго моего предмета; но я позволю себѣ однако упомянуть здѣсь о привѣтствіи, произнесенномъ государемъ цесаревичемъ эстляндскому дворянству, какъ имѣющемъ непосредственное отношеніе и къ біографіи императора Николая.

6-го іюля, его высочество принялъ въ Екатерингальскомъ дворцѣ сперва духовенство всѣхъ исповѣданій, магистратъ и гильдіи, а потомъ корпусъ дворянства. Хотя я и имѣлъ уже счастіе нѣсколько разъ видѣть цесаревича со времени его пріѣзда; однако, бывъ причисленъ эстляндскимъ дворянствомъ къ его сословію (еще въ 1835 году), почелъ долгомъ снова явиться при этомъ случаѣ, собственно въ его рядахъ. Когда дворяне, числомъ болѣе ста, собрались въ дворцовой залѣ и стали въ ней широкимъ кругомъ, цесаревичъ, быстро войдя и остановясь по серединѣ, произнесъ съ необыкновеннымъ достоинствомъ, величіемъ и чувствомъ, слѣдующую рѣчь на русскомъ языкѣ:

— Государь императоръ поручилъ мнѣ, господа, изъявить вамъ, сколько онъ доволенъ чувствами и правилами, которыя всегда отличали дворянство Остзейскихъ губерній и въ особенности Эстляндской; онъ всегда отдавалъ имъ полную справедливость, видѣлъ съ живымъ удовольствіемъ, какъ много изъ почтенныхъ вашихъ сочленовъ подвизались до сихъ поръ, съ честію и славою, на поприщѣ службы, военной и гражданской, и надѣется, что тѣ же самыя чувства, внушенныя отъ васъ вашимъ дѣтямъ, перейдутъ наслѣдственно, вмѣстѣ съ примѣромъ вашимъ, и въ слѣдующія поколѣнія. Наконецъ, государь поручилъ мнѣ также удостовѣрить васъ, что считаетъ за честь принадлежать самъ къ этому благородному сословію.

— Что касается до меня,—продолжалъ его высочество, отступивъ на шагъ—то я съ самаго дѣтства привыкъ любить и уважать ваше почтенное сословіе и потому считаю себя счастливымъ, что могу передать вамъ эти милостивые отзывы государя, которые вѣрно останутся въ сердцахъ у всѣхъ и побудятъ каждаго стараться еще болѣе заслужить его милость и благоволеніе.

Въ слѣдъ за этимъ привѣтомъ, цесаревичъ началъ подходить порознь къ каждому изъ присутствовавшихъ (ихъ называлъ ему поименно губернскій предводитель) и каждому сказалъ нѣсколько благоволительныхъ словъ, или сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, и, обойдя всѣхъ, возвратился снова къ старшему лѣтами и званіемъ, отставному дѣйствительному тайному совѣтнику графу Тизенгаузену и повторилъ ему, сколько

---

[1]) Изъ Ревеля его высочество уѣхалъ, черезъ Ригу и Вильну, въ Варшаву, для соединенія съ государемъ.

считаетъ себя счастливымъ, что могъ передать дворянству милостивый отзывъ государя. Надо было видѣть, послѣ этого, общій восторгъ, упоеніе, слезы преданныхъ отъ души императорскому дому дворянъ. Худо понимавшимъ по-русски (ихъ было очень немного) переводили другіе, и всѣ кричали, что эти золотыя слова надо записать на память потомству; всѣ спѣшили передавать ихъ собравшимся передъ дворцомъ дамамъ, а я, растроганный до глубины души, тотчасъ по возвращеніи домой, положилъ слышанную нами рѣчь на бумагу и, отсылая ее къ цесаревичу, выразилъ, въ докладной моей запискѣ, тѣ общія чувства, изъявленія которыхъ былъ свидѣтелемъ. Моя бумага возвратилась съ слѣдующею собственноручною надписью его высочества: «Повторяю, что я счастливъ, что могъ передать слова государя сословію, которое столь достойно его милостей и еще болѣе теперь радуюсь: ибо вижу, что ихъ поняли.—Вами написанное совершенно выражаетъ мою мысль и слова, сколько самъ могу припомнить».

На другой день, за обѣдомъ во дворцѣ, цесаревичъ, упомянувъ о своей рѣчи, велѣлъ губернскому предводителю обратиться ко мнѣ, чтобы внести ее въ протоколы дворянства по моему изложенію. Исполняя сіе, я присовокупилъ въ моемъ сообщеніи и надпись его высочества на моей запискѣ, какъ содержавшую въ себѣ вновь столь лестный для дворянства отзывъ.

10-го августа, Ревель былъ осчастливленъ новымъ царственнымъ посѣщеніемъ. Прибыла императрица, провожавшая до сего города, вмѣстѣ съ великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, великую княгиню Ольгу Николаевну, которая съ супругомъ своимъ возвращалась въ Германію [1]). Августѣйшую гостью нашу встрѣтили цвѣтами, пѣснями, иллюминаціями, фейерверками, факельными процессіями и всеобщимъ восторгомъ. Она, съ своей стороны, съ ея ангельскою добротою, съ видомъ радости и веселія, съ улыбкою и ласкою для каждаго, очаровала всѣхъ въ этомъ преданномъ, давно не видавшемъ ея населеніи. «Wie ist Sie noch so schön und wie ist Sie gut!», раздавалось со всѣхъ сторонъ въ густыхъ толпахъ, вездѣ ее окружавшихъ и за нею слѣдовавшихъ, и всѣ сердца—говоря не газетнымъ языкомъ, а въ видѣнной мною истинѣ—летѣли ей на встрѣчу!

Днемъ выѣзда изъ Ревеля обратно въ Петербургъ императрица съ цесаревною и прочими царственными гостями назначили 16-е августа; но этому дню суждено еще было омрачиться однимъ горестнымъ извѣстіемъ, тѣмъ болѣе поразительнымъ, что никто не могъ его ожидать или предвидѣть. Прежде отправленія въ путь (со свитою на четырехъ пароходахъ), императрица пожелала взглянуть днемъ на мѣстность,

[1]) Они отправились въ дальнѣйшій путь въ ночь съ 11-го на 12-е число.

на которой ей былъ данъ отъ города праздникъ, наканунѣ вечеромъ, при тысячѣ огняхъ. Пока она съ цесаревною ѣздила туда, во дворецъ, гдѣ мы всѣ собрались, чтобы откланяться, прискакалъ фельдъегерь изъ Варшавы. Что новаго? Ужасныя вѣсти. Великій князь Михаилъ Павловичъ, присутствовавъ на ученіи верхомъ, вдругъ почувствовалъ себя очень дурно и едва успѣлъ закричать, чтобы его сняли съ лошади, какъ его разбилъ параличъ, мгновенно отнявшій употребленіе языка и движеніе руки и ноги. Государь провелъ три часа у его изголовья, ему пустили кровь; но вечеромъ, при отправленіи фельдъегеря, хотя положеніе больнаго и было нѣсколько лучше, однако врачи все еще не подавали надежды...

Между тѣмъ какъ мы разспрашивали фельдъегеря о подробностяхъ, подъѣзжаетъ возвращающаяся императрица и, посреди букетовъ цвѣтовъ, подносимыхъ ей со всѣхъ сторонъ, вступаетъ въ сѣни, гдѣ мы ожидали, привѣтствуетъ всѣхъ на прощаньи, съ обычною своею милостію и, радостно принявъ подаваемое ей фельдъегеремъ письмо отъ государя, спѣшитъ съ нимъ на верхъ. Но едва прошло нѣсколько минутъ, какъ уже бѣгутъ со всѣхъ сторонъ за докторами. Что такое? Что случилось? Письмо государево извѣщало, que la Comtesse Nesselrode était motre à Gastein d'un coup d'apoplexie foudroyante et que «Michel» était aussi au plus mal, d'un coup tout pareil qui venait de le frapper dans la matinée».

Императрица, отъ того ли, что имя было неразборчиво написано, или отъ волненія своего материнскаго сердца, безпрестанно тревожившагося за отсутствовавшаго великаго князя Константина Николаевича, прочла, вмѣсто «Michel», «Костя» и при этомъ страшномъ извѣстіи (она читала письмо стоя), упала всѣмъ тѣломъ навзничь, почти безъ чувства...

Благодаря Бога, это паденіе не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. Ее тотчасъ удостовѣрили въ ея ошибкѣ и, черезъ какихъ-нибудь четверть часа, силы императрицы уже возвратились въ такой степени, что она могла отправиться въ путь, при чемъ опять, съ необыкновенною твердостію духа, какъ-бы ничего не случилось, привѣтствовала насъ ласковымъ прощальнымъ взглядомъ и словомъ. Спустя нѣсколько часовъ, пароходы, увозившіе дорогихъ нашихъ гостей, скрылись изъ вида, и Екатерингофскій дворецъ снова опустѣлъ.

Умершая скоропостижно въ Гаштейнѣ графиня Марья Дмитріевна Нессельродъ, статсъ-дама и кавалерственная дама, супруга государственнаго канцлера, дочь покойнаго министра финансовъ, графа Гурьева и сестра члена Государственнаго Совѣта, по необыкновенному уму своему и высокому просвѣщенію и особенно по твердому, желѣзному характеру, была, конечно, одною изъ примѣчательнѣйшихъ, а по общественному своему положенію и вліянію на высшій Петербургскій

кругъ, одною изъ значительнѣйшихъ нашихъ дамъ въ царствованіе императора Николая. Съ суровою наружностію, съ холоднымъ и даже презрительнымъ высокомѣріемъ ко всѣмъ мало ей знакомымъ, или приходившимся ей не по нраву, съ рѣшительною наклонностію владычествовать и первенствовать, наконецъ, съ нескрываемымъ пренебреженіемъ ко всякой личной пошлости или ничтожности, она имѣла очень мало настоящихъ друзей и въ обществѣ, хотя, созидая и разрушая репутаціи, она влекла всегда за собою многочисленную толпу послѣдователей и поклонниковъ; ее, въ противуположность графу Бенкендорфу, гораздо больше боялись, нежели любили. Кто видѣлъ ее только въ ея гостиной прислоненною къ углу дивана, въ полулежачемъ положеніи, едва примѣтнымъ движеніемъ головы встрѣчающею входящихъ, каково бы ни было ихъ положеніе въ свѣтѣ, тотъ не могъ составить себѣ никакого понятія объ этой необыкновенной женщинѣ, или развѣ получалъ о ней одно понятіе самое невыгодное. Сокровища ея ума и сердца, очень теплаго подъ этою ледяною оболочкою, открывались только для тѣхъ, которыхъ она удостоивала своею пріязнію; этому небольшому кругу избранныхъ, составлявшихъ для нея, такъ сказать, общество въ обществѣ, она являлась уже, вездѣ и во всѣхъ случаяхъ, самымъ вѣрнымъ, надежнымъ и горячимъ, а по положенію своему, и могущественнымъ другомъ. Сколько вражда ея была ужасна и опасна, столько и дружба—я испыталъ это на себѣ многіе годы—неизмѣнна, заботлива, охранительна, иногда даже до ослѣпленія и пристрастія. Совершенный мужчина по характеру и вкусамъ, частію и по занятіямъ, почти и по наружности, она, казалось, преднамѣренно отклоняла и отвергала отъ себя все, имѣвшее видъ женственности. Такъ и самый разговоръ ея вращался всегда въ предметахъ, обыкновенно находящихся внѣ круга дамскихъ бесѣдъ. Она любила говорить о серьезной литературѣ, о высшей администраціи и политикѣ,—болѣе, однако, внутренней, чтобы не компрометтировать случайно своего мужа,—о государственныхъ нашихъ людяхъ, о дѣйствіяхъ правительства и о новыхъ его постановленіяхъ, соединяя въ себѣ впрочемъ двѣ противуположности: безпредѣльную преданность не только монархическому началу, но и царственному нашему дому, съ самою взыскательною оппозиціею противъ распоряженій правительства и даже противъ личныхъ дѣйствій его членовъ, такъ что великій князь Михаилъ Павловичъ, никогда не жаловавшій графини, говоря о ней, называлъ ее въ шутку: Ce bon Monsieur de Robespierre. При большой рѣзкости въ мнѣніяхъ и приговорахъ, графиня была большею частію основательна въ своихъ сужденіяхъ и чрезвычайно счастлива на мѣткія слова, умныя наблюденія, тонкія и оригинальныя замѣчанія. Но все это она оставляла для своего тѣснаго кружка, а въ свѣтѣ сохраняла рѣдко-прерываемое молчаніе и самое аристократи-

ческое спокойствіе. Салонъ графини Нессельродъ, послѣ смерти соперничествовавшаго съ нею въ этомъ отношеніи князя Кочубея, былъ неоспоримо п е р в ы м ъ въ С.-Петербургѣ; попасть въ него, при его исключительности, представляло трудную задачу; удержаться въ немъ, при разборчивости и уничижительной гордости хозяйки, было почти еще мудренѣе; но кто водворился въ немъ, тому это служило открытымъ пропускомъ во весь высшій кругъ. Въ нѣкоторыя зимы она принимала ежедневно; но два пріемные дня въ недѣлю были уже постоянно, и только въ зиму съ 1849 на 1850 годъ [1]), графиня, какъ бы въ намѣреніи дать намъ привыкнуть къ близкому закрытію ея гостиной н а в с е г д а, прекратила общіе свои пріемы.

(П р о д о л ж е н і е с л ѣ д у е т ъ).

[1]) Императоръ Александръ II замѣтилъ: „съ 1848 на 1849 годъ“.

Императоръ Николай I и Польша.

1825—1831 г.г.

VI [1]).

19-го (31-го) мая въ Варшаву прибылъ принцъ прусскій Вильгельмъ; онъ привезъ извѣстіе, что король прусскій, по болѣзни, долженъ отказаться отъ поѣздки въ Силезію, гдѣ намѣчено было свиданіе съ государемъ и его семействомъ въ Сибилленортѣ. Императоръ Николай въ ту же минуту рѣшился, безъ всякаго предувѣдомленія, лично отправиться въ Берлинъ, чтобы навѣстить августѣйшаго своего тестя, и какъ сказано въ оффиціальныхъ извѣстіяхъ того времени: «для изъявленія симъ его величеству новаго доказательства нѣжныхъ своихъ чувствованій къ нему».

Императрица Александра Ѳеодоровна съ наслѣдникомъ выѣхала изъ Варшавы въ Берлинъ 21-го мая (2-го іюня), а государь, неожиданно для всѣхъ, отправился въ путь 22-го мая (3-го іюня). При немъ находились только генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ и графъ Орловъ. Въ Гринбергѣ Николай Павловичъ встрѣтился съ императрицею. Во Франкфуртѣ-на-Одерѣ наслѣдный принцъ прусскій съ братьями поджидали сестру и вдругъ, къ величайшей радости и удивленію, увидѣли и государя. Не меньшую радость испыталъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III, выѣхавшій на встрѣчу дочери въ Фридрихсвальде, когда 25-го мая (6-го іюня) встрѣтилъ среди своей семьи неожиданнаго гостя. «Вѣсть объ этомъ вскорѣ достигла Берлина,—пишетъ Бенкендорфъ,—

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1900 г.

и весь городъ поднялся на ноги и побѣжалъ ко дворцу; всѣ поздравляли другъ друга, кричали и толпились на улицахъ; казалось, Пруссію посѣтило какое-то неожиданное счастіе. Дѣйствительно, народное самолюбіе было польщено и появленіемъ русскаго монарха, и нѣжною предупредительностью его къ королю, столь любимому своимъ народомъ. Общій кликъ радости привѣтствовалъ короля, императора и императрицу, при входѣ ихъ во дворецъ, и перешелъ почти въ неистовый вопль, когда король показался на балконѣ, держа за руку своего маленькаго внука, наслѣдника русскаго престола. Остановясь, въ первую минуту въ гостиницѣ, я могъ, въ моей роли неизвѣстнаго зрителя, вполнѣ судить о радостномъ чувствѣ, объявшемъ всѣхъ жителей города, до нижнихъ слоевъ. Потомъ, когда пригласили меня перейти изъ гостиницы въ отведенное во дворцѣ помѣщеніе, я, пробираясь сквозь толпу пѣшкомъ, снова убѣдился въ томъ же самомъ. Это было такое наслажденіе, которымъ одинаково могли гордиться и русскіе и пруссаки» [1]).

Пребываніе императора Николая въ Берлинѣ ознаменовано было тотчасъ большимъ парадомъ Подъ Липами, передъ малымъ королевскимъ дворцомъ. Фридрихъ-Вильгельмъ съ обнаженною шпагою ѣхалъ подлѣ государя и, ставъ во главѣ войскъ, провелъ ихъ мимо своего августѣйшаго зятя. На другой день состоялся еще особый смотръ Потсдамскаго гарнизона.

«Что сказать вамъ о томъ, что происходитъ здѣсь?—писалъ государь къ цесаревичу,—что мы были приняты съ той сердечностью, съ тѣмъ добродушіемъ, которыя отличаютъ здѣсь всѣхъ (nous avons été reçus avec cette cordialité, cette bonhomie qui caractérise tout le monde ici), что и не подозрѣвали о моемъ пріѣздѣ, и что король чуть не упалъ отъ удивленія, увидавъ меня позади себя! Онъ неизмѣнно превосходенъ, но онъ страдаетъ и по своему обыкновенію нисколько не бережетъ себя» [2]).

---

[1]) На другой день послѣ пріѣзда государя въ Берлинъ, король повезъ въ театръ также и императорскую чету, которую публика встрѣтила съ безконечными рукоплесканіями. Давали оперу „Нѣмую въ Портичи“ (Фенеллу). Бенкендорфъ сопровождаетъ разсказъ объ этомъ представленіи слѣдующими разсужденіями. По его мнѣнію, революціонныя сцены этой оперы, восхищавшія въ то время всю Европу своею музыкою, испугали бы, даже на театрѣ, всякое другое монархическое правительство, кромѣ прусскаго, сильнаго любовію къ нему народа и общимъ благоденствіемъ.

[2]) „Que vous dire d'ici? que nous avons été reçus avec cette cordialité, cette bonhomie qui caractérise tout le monde ici, que l'on ne s'est pas douté de mon aririvée et que le roi est presque tombé à la renverse de surprise en me voyant derrière lui! Toujours excellent, mais il souffre, et selon sa manière de faire

Въ это время въ Берлинѣ готовились къ встрѣчѣ невѣсты принца Вильгельма, принцессы Саксенъ-Веймарской Августы, до чери великой княгини Маріи Павловны и, слѣдовательно, племянницы императора Николая. Бракосочетаніе состоялось 29-го мая (10-го іюня) 1829 года.

Дипломатическій корпусъ приглашенъ былъ также къ этому торжеству; когда же онъ собрался въ капеллѣ вмѣстѣ съ прусскими сановниками, сюда явился министръ двора князь Волконскій и во всеуслышаніе пригласилъ французскаго посла графа Агу (Comte Agout) послѣдовать за нимъ въ кабинетъ въ императору Николаю, желавшему съ нимъ бесѣдовать.

Государь въ разговорѣ съ посломъ передалъ ему свое намѣреніе продолжать войну съ Турціей соотвѣтственно тѣмъ началамъ, которыя были высказаны имъ въ своемъ манифестѣ; что онъ рѣшилъ,въ случаѣ если войнѣ не суждено кончиться во время кампаніи настоящаго 1829 года, предпринять третію, четвертую и пятую и т. д., что онъ сожалѣетъ о необходимости пролить столько крови и принести столько жертвъ изъ-за малозначущихъ, повидимому, причинъ, но что честь и достоинство его имперіи, равно какъ личное положеніе его, какъ преемника императора Александра, не позволяютъ ему отклониться отъ принятаго непоколебимаго рѣшенія. Поэтому, если съ одной стороны онъ не можетъ положить оружія, доколѣ цѣль, высказанная въ его манифестѣ, останется невыполненною, то съ другой стороны—онъ также ненарушимо исполнитъ все обѣщанное въ манифестѣ, а именно: по окончаніи борьбы, отказываясь отъ всякихъ завоеваній, будетъ довольствоваться исключительно однимъ вознагражденіемъ за военныя издержки, которое будетъ ликвидировано особою коммиссіею. Подобное, принятое на себя добровольно обязательство даетъ союзнымъ съ нимъ монархамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей Европѣ гарантію въ его будущемъ образѣ дѣйствій. Все это,—сказалъ императоръ послу,—сообщается ему для донесенія королю; вмѣстѣ съ тѣмъ, государь изъявилъ сожалѣніе объ отсутствіи англійскаго посла, которому онъ сообщилъ бы то же самое. Государь заявилъ, что онъ не намѣренъ скрывать это ни отъ кого, а всего менѣе отъ своего врага, султана [1]).

---

ne se ménage pas du tout". (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 26-го мая (7-го іюня) 1829 года изъ Берлина).

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ государь писалъ графу Дибичу (26-го мая) „C'est d'ici! du cher Berlin que je réponds à votre lettre... Que vous dirai-je d'ici? que je suis arrivé tellement inattendu, que je me tenais derrière le roi, qui ne me voyait pas et qui ne s'en doutait pas encore; il est presque tombé à la renverse en m'apercevant. Enfin je me r e p o s e i c i, après quatre années de peines! Tout le monde nous a reçu, non avec plaisir, mais avec e n t h o u s i a s m e et nous avons l'air d'a p p a r t e n i r i c i".

[1]) Müffling, „Aus meinem Leben". Berlin 1855, p. 255.

Независимо отъ этого разговора съ французскимъ посломъ, императоръ Николай поручилъ еще генералъ-адъютанту Бенкендорфу переговорить объ этомъ дѣлѣ съ прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Бернсторфомъ, который, по болѣзни, не могъ принять участія въ придворныхъ торжествахъ. Министръ этотъ, повидимому, чрезвычайно опасался послѣдствій честолюбивыхъ видовъ императора Николая, которые иностранные кабинеты не переставали упорно приписывать государю.

Бесѣдуя съ министромъ и перечисливъ причины, вызвавшія войну съ Портой, неизбѣжность которой предвидѣлъ еще императоръ Александръ, всегда столь умѣренный въ своихъ требованіяхъ, Бенкендорфъ развилъ старанія его преемника къ сохраненію мира, высказанныя имъ при Аккерманскихъ переговорахъ. Затѣмъ, Бенкендорфъ указалъ ему, что настойчивость императора Николая продолжать начатую войну съ усугубленною энергіею слѣдуетъ приписать происканъ европейскихъ кабинетовъ и надеждамъ, которыя они подаютъ Турціи на ихъ посредничество; что если кампанія нынѣшняго года не увѣнчается полнымъ успѣхомъ, то на слѣдующій годъ государь снова лично станетъ во главѣ своихъ войскъ, за которыми, въ случаѣ нужды, послѣдуетъ вся Россія, готовая всѣмъ пожертвовать для славы нашего оружія; что Европа своими интригами понудитъ насъ дойти до Константинополя и сама вызоветъ паденіе Турціи, тогда какъ сохраненіе ея входитъ въ обоюдные наши интересы; что если, напротивъ, кабинеты, вмѣсто ободренія султана къ борьбѣ съ Россіею и обѣщанія ему или помощи, или посредничества, постараются убѣдить его въ безсиліи Порты и въ необходимости просить того мира, который предложенъ ему былъ императоромъ Николаемъ еще при переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай, то они тотчасъ увидятъ готовность нашу предложить честныя условія и довольствоваться тѣми гарантіями, какихъ необходимо требуютъ наша торговля и обезпеченіе нашихъ азіатскихъ границъ.

— Но вы, вѣрно, оставите за собою, по крайней мѣрѣ, Молдавію и Валахію?—возразилъ Бернсторфъ.

Импровизированный дипломатъ отвѣчалъ министру, что намъ нѣтъ въ нихъ ни малѣйшей надобности и что ему надлежало бы имѣть болѣе довѣрія къ слову нашего императора, объявившаго передъ войною, что онъ начинаетъ ее не для завоеваній. Въ заключеніе Бенкендорфъ сказалъ, что прибытіе императора Николая въ Берлинъ даетъ прусскому кабинету поводъ принять на себя въ Восточномъ вопросѣ роль миротворца.

— Тестю,— сказалъ онъ,—прилично завести въ Константинополѣ рѣчь о мирѣ, въ качествѣ услуги и своему зятю, котораго умѣренныя и

справедливыя требованія ему вполнѣ извѣстны, и доброму своему союзнику-султану. Такая миссія, не имѣя вида посредничества и способствуя къ увеличенію славы Пруссіи, привела бы, по всей вѣроятности, къ послѣдствіямъ, одинаково полезнымъ и для Турціи, и для Россіи, и для всей Европы, желающей сохраненіе мира.

Высказанная Бенкендорфомъ мысль понравилась министру. Обѣщаясь тотчасъ довести ее до свѣдѣнія короля, онъ прибавилъ, что вѣритъ въ искренность словъ своего собесѣдника и въ желаніе императора Николая окончить дружественно эту борьбу, столь опасную для политическаго равновѣсія Европы.

Всѣ эти переговоры привели къ тому, что, по соглашенію императора Николая съ королемъ, рѣшено было немедленно отправить въ Константинополь съ мирными совѣтами генерала Мюфлинга, а пока сохранить данное ему порученіе въ величайшей тайнѣ. Въ то время, когда остановились на этомъ рѣшеніи въ Берлинѣ, никто не подозрѣвалъ, что на Востокѣ произошли важныя событія, которыя дѣлали излишними дипломатическое вмѣшательство Пруссіи, создавъ совершенно новую для насъ политическую обстановку.

Послѣдній день пребыванія императора Николая въ Берлинѣ, 31-го мая (12-го іюня), ознаменованъ былъ слѣдующимъ событіемъ. Государь, король и великій князь наслѣдникъ отправились верхомъ чрезъ Бранденбургскія ворота на смотръ Уланскаго полка, коего шефомъ именованъ былъ тогда наслѣдникъ. По прибытіи къ полку, король объявилъ о семъ назначеніи командиру полка и представилъ его новому шефу. Въ изъявленіе благодарности великаго князя Александра Николаевича, читаемъ мы въ «Русскомъ Инвалидѣ» того времени, «должная почтительность къ августѣйшему дѣду соединилась съ непритворною радостію, свойственною его возрасту. Сей случай произвелъ самое сильное впечатлѣніе во всѣхъ собравшихся зрителяхъ, и самъ король былъ, видимо, тронутъ. Полкъ привѣтствовалъ новаго своего шефа продолжительными восклицаніями «ура!», кои были повторяемы всѣмъ народомъ. Юный князь, обнаживъ шпагу, принялъ команду надъ полкомъ и повелъ оный мимо короля, императора и императрицы съ ловкостію и непринужденностію, восхитившими всѣхъ присутствующихъ. Его императорское высочество ввелъ полкъ въ городъ, и самъ проводилъ штандартъ во дворецъ» [1]).

31-го мая (12-го іюня) ночью императоръ Николай отправился въ обратный путь въ Варшаву. Императрица Александра Ѳеодоровна осталась еще на нѣкоторое время въ Берлинѣ.

---

[1]) „Русскій Инвалидъ“ 1829 года № 155. (Письмо къ издателю „Сѣверной Пчелы“ напечатано по приказанію высшаго начальства).

Шестидневное пребываніе въ прусской столицѣ было для государя,—какъ пишетъ Бенкендорфъ,—отдохновеніемъ и истинною отрадою. Въ оффиціальныхъ же современныхъ извѣстіяхъ разсказъ объ этомъ пребываніи сопровождался слѣдующими разсужденіями: «Сіе кратковременное его тамъ пребываніе надолго останется въ памяти. На многіе годы оставитъ оно воспоминаніе о непоколебимой дружбѣ и о самомъ искреннемъ союзѣ, заключенномъ между императоромъ Александромъ и королемъ прусскимъ, о союзѣ, который утвержденъ взаимнымъ уваженіемъ двухъ народовъ въ продолженіи знаменитой общей брани и увѣковѣченъ узами родства между августѣйшими домами, коимъ Провидѣніе поручило судьбу сихъ народовъ».

Близъ Бреславля, въ маленькомъ замкѣ Сибилленортъ (Sybillenort), императоръ Николай въ 9 часовъ утра сдѣлалъ смотръ Кирасирскому полку своего имени, явившемуся сюда по повелѣнію короля. Государь, въ мундирѣ этого полка,—пишетъ Бенкендорфъ,—училъ его цѣлый часъ и командовалъ на нѣмецкомъ языкѣ, по прусскому военному уставу, ни единожды не ошибаясь, какъ будто бы всю жизнь только этимъ и занимался. Полкъ и всѣ зрители не могли довольно ему надивиться и порадоваться. Потомъ императоръ провелъ полкъ церемоніальнымъ маршемъ передъ корпуснымъ командиромъ Цитеномъ и, пригласивъ всѣхъ офицеровъ къ обѣденному своему столу, пожаловалъ нѣкоторымъ изъ нихъ ордена, а нижнихъ чиновъ щедро наградилъ червонцами.

VII.

При въѣздѣ въ царство Польское, императоръ Николай остановился въ Калишѣ, для осмотра въ этомъ городѣ кадетскаго корпуса и одной бригады конно-егерской дивизіи. Здѣсь его встрѣтилъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ. Затѣмъ, во время дальнѣйшаго пути, государь сдѣлалъ еще смотръ войскамъ, расположеннымъ въ Ловичѣ, и 4-го (16-го) іюня возвратился въ Варшаву. 6-го (18-го) іюня сюда же прибылъ изъ Берлина наслѣдникъ Александръ Николаевичъ.

Въ это время года войска польской арміи собирались обыкновенно въ учебный лагерь подъ Варшавой, такъ что цесаревичу представился, наконецъ, случай показать государю различныя части ея, доведенныя многолѣтними стараніями до рѣдкой степени совершенства, какъ въ выправкѣ, такъ и строевомъ обученіи. Удовольствіе, испытанное императоромъ Николаемъ видомъ столь превосходныхъ войскъ, было еще

успѣлено полученіемъ радостнаго извѣстія изъ арміи, дѣйствовавшей на Балканскомъ полуостровѣ. 7-го (19-го) іюня изъ главной квартиры арміи прибылъ адъютантъ главнокомандующаго капитанъ князь Трубецкой съ извѣстіемъ о блестящей побѣдѣ, одержанной графомъ Дибичемъ надъ верховнымъ визиремъ 30-го мая (11-го іюня) при К у л е в ч ѣ.

Въ письмѣ къ главнокомандующему князь Трубецкой писалъ:

«Было бы трудно описать впечатлѣніе, произведенное на императора извѣстіемъ, съ которымъ вамъ угодно было послать меня. На верху радости или, вѣрнѣе, счастія, онъ осыпалъ меня поцѣлуями, бросился на колѣни, чтобы поблагодарить Бога и тотчасъ же поздравилъ меня своимъ флигель-адъютантомъ и полковникомъ—двѣ милости, которыхъ я никоимъ образомъ не ожидалъ одновременно. Затѣмъ, не давъ мнѣ времени опомниться, онъ, такъ сказать, увлекъ меня на свои дрожки, чтобы отправиться сообщить эту пріятную новость великому князю Константину. Я прибавилъ на словахъ все то, что̀ зналъ изъ подробностей, касающихся какъ этого дня, такъ и всего нашего движенія отъ Силистріи. Императоръ не уставалъ слушать и проявлять свое крайнее удовольствіе, относительно всего случившагося; особенно дѣлало его счастливымъ нахожденіе артиллеріи верховнаго визиря въ нашихъ рукахъ. Вечеромъ, въ день моего пріѣзда, императоръ снова призвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и, пригласивъ меня пить съ нимъ вмѣстѣ чай, около двухъ часовъ разговаривалъ со мною наединѣ о томъ, какъ вообще у насъ обстоитъ дѣло» [1]).

Радостное чувство, овладѣвшее императоромъ Николаемъ при полученія извѣстія о побѣдѣ 30-го мая, является естественнымъ послѣдствіемъ нерѣшительнаго исхода кампаніи 1828 года. Въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ раздавались зловѣщія предсказанія насчетъ дальнѣйшихъ не-

[1]) „Il serait difficile de dépeindre à votre excellence la sensation que la nouvelle dont vous avez bien voulu me faire le porteur a produite sur l'Empereur. Au comble de la joie ou plutôt du bonheur, il m'a couvert de baisers, s'est jeté à genoux pour rendre grâces à Dieu et m'a tout de suite félicité comme son aide de camp et colonel, deux grâces auxquelles je ne m'attendais nullement à la fois; puis sans me laisser le temps de me reconnaître, m'a enlevé pour ainsi dire dans son drochky pour aller communiquer cette agréable nouvelle au grand Duc Constantin; j'ai ajouté de vive voix tout ce que je savais en fait de détails sur cette journée, ainsi que sur tout le temps de notre marche de Silistrie. L'Empereur ne se lassait pas d'écouter et de témoigner son extrême satisfaction sur tout ce qui s'est passé; l'artillerie du Vizir surtout entre nos mains, le rendait heureux...

„Le soir du jour de mon arrivée, l'Empereur m'a fait revenir dans son cabinet, et tout en me faisant prendre le thé ensemble, a causé près de deux heures avec moi en tête à tête sur l'ordre des choses chez nous en général". (Изъ письма князя Трубецкаго къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) іюня 1829 года изъ Варшавы. „Военно-Ученый Архивъ". Отд. 1, № 959).

удачъ, ожидавшихъ Россію въ ея борьбѣ съ Портой; по мнѣнію однихъ: война должна была затянуться на многіе годы, по мнѣнію другихъ: русскимъ войскамъ предстояло неминуемое пораженіе и во второмъ походѣ; не было также недостатка въ злорадныхъ насмѣшкахъ надъ позорнымъ унынiемъ, будто бы овладѣвшимъ Россіею. И что же оказалось въ дѣйствительности: получается вдругъ извѣстіе, что армія верховнаго визиря разбита; даже разсѣяна, утративъ свою артиллерію, и что движеніе русской арміи за Балканы можетъ отнынѣ входить въ разсчеты ея главнокомандующаго! [1])

Императоръ Николай повелѣлъ отпраздновать Кулевчинскую побѣду торжественнымъ молебствіемъ въ лагерѣ при Повонзкахъ. Оно состоялось 9-го (21-го) іюня подъ двумя палатками, изъ которыхъ одна предназначалась для православнаго, а другая — для римско-католическаго богослуженія. По окончаніи молебствія, во время пушечной пальбы, государь самъ первый закричалъ «ура», повторенное за нимъ десятками тысячъ голосовъ, къ большому неудовольствію цесаревича, очень не жаловавшаго подобной демонстраціи и даже самаго слова «ура». Затѣмъ войска проходили церемоніальнымъ маршемъ. Въ строю было болѣе 30.000 человѣкъ. Послѣ парада трофеи, знамена и штандарты, отбитые у турокъ, возимы были по лагерю и по улицамъ Варшавы, подъ прикрытіемъ эскадрона польскихъ гвардейскихъ конно-егерей, и потомъ поставлены въ придворной греко-россійской церкви.

Въ тотъ же день императоръ Николай писалъ графу Дибичу:

«Да будетъ Господь тысячекратъ благословленъ и да вознаградитъ Онъ васъ, любезный другъ, въ будущей жизни за ту выдающуюся услугу, которую вы оказали нашему отечеству! Вамъ извѣстны чувства, питаемыя мною къ вамъ, и вы знаете также то довѣріе, которое я имѣю къ вашимъ чувствамъ; я счастливъ, что вы доказали всему міру, что довѣріе мое къ вамъ было справедливо. Примите мою сердечную и душевную благодарность. Отнынѣ имя ваше начертано безсмертными строками въ лѣтописяхъ славы нашей арміи! Радость здѣсь была большая:

---

[1]) Цесаревичъ сообщилъ слѣдующія извѣстія изъ Австріи отъ 29-го іюня (11-го іюля) 1829 года: „La nouvelle de la défaite de l'armée du grand vizir a presque généralement produit une sensation désagréable à Vienne et a intimidé le parti Metternich. Le prince a de suite annoncé la nouvelle aux archiducs, ainsi qu'au prince de Hohenzollern et après une entrevue avec l'ambassadeur d'Angleterre, le prince s'est rendu en personne auprès de son souverain. L'Empereur était à sa toilette au moment où le premier ministre entra pour lui annoncer la nouvelle en question. L'Empereur lui répondit en allemand: „e h b i e n, v o i s - t u“. Les gens de service sortirent de la chambre on ne connaît point la suite de la colloque, mais: „N u s i e h s t d u“ circule à la cour et dans la cour et dans la capitale“. (Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

вся армія подъ-ружьемъ и подъ моею командою присутствовала при молебнѣ, который мы отслужили сегодня по утру, при громѣ залповъ всей артиллеріи и въ присутствіи всей Варшавы. Георгій 2-й степени васъ украситъ; сдѣлайте такъ, чтобы я могъ перемѣнить его на первую степень, и никто тому не будетъ радоваться болѣе меня. Что же касается возможности попытки противъ Шумлы, то я предпочитаю сомнѣваться въ ней, чѣмъ обольщать себя напрасною надеждою; впрочемъ, я увѣренъ, что вы не захотите терять плодовъ побѣды, рискуя войсками безъ увѣренности въ успѣхѣ. Шумла полезный придатокъ, но не необходимый, между тѣмъ, какъ приготовленія къ переходу черезъ Балканы представляютъ цѣль, которую вы всегда должны имѣть передъ глазами и къ достиженію которой вамъ слѣдуетъ направить всѣ ваши усилія. Я сдѣлаю все, что возможно, чтобы облегчить вамъ успѣхъ предпріятія» [1]).

Генералъ-адъютантъ баронъ Толь «храбрый и достойный помощникъ» главнокомандующаго, какъ его называетъ императоръ Николай въ томъ же письмѣ къ Дибичу, возведенъ былъ за Кулевчу въ графское достоинство.

Поздравляя графа Дибича съ одержанной побѣдой, генералъ-адъютантъ Адлербергъ писалъ ему изъ Варшавы, одновременно съ государемъ:

«Ваши таланты, ваша настойчивость, ваша твердость, ваша предпріимчивая рѣшительность не могли быть подвержены сомнѣнію, такъ какъ множество фактовъ подтверждали ихъ; но счастіе могло вамъ неблагопріятствовать; вы только-что доказали міру, что со всѣми выдающимися качествами, составляющими отличительное свойство гене-

[1]) „Que Dieu soit mille fois béni, mon cher ami, et qu'il vous récompense dans l'autre vie pour le service signalé que vous venez de rendre à notre patrie! Vous connaissez mes sentiments pour vous et vous savez aussi la confiance que je mets dans les vôtres; je suis heureux que vous ayez prouvé à la face du monde que je l'avais bien placée en la plaçant en vous. Recevez ma reconnaissance de coeur et d'âme. Voilà votre nom inscrit dans les fastes de notre armée d'une manière immortelle!.. La joie ici a été grande et toute l'armée sous les armes a assisté sous mes ordre au Tedeum, que nous avons chanté ce matin au bruit des salves de toute l'artillerie et en présence de tout Varsovie... Quant à la possibilité d'une tentative sur Schoumla, j'aime mieux en douter, que de me flatter d'un vain espoir; au reste je suis persuadé que vous ne voudrez pas perdre les fruits de la victoire, en compromettant les troupes sans certitude de succès. Schoumla est un accessoire utile, mais non indispensable, tandis que les préparatifs du passage des Balkans sont le but que vous devez avoir constamment devant les yeux et vers lequel vous devez tourner tous vos efforts. Je ferai ce que je puis pour vous en faciliter le succès". (Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) іюня 1829 года изъ Варшавы. „Военно-Ученый Архивъ". Отд. 2. № 28951 б).

рала, вы соединяете еще ту столь необходимую особенность, то счастіе, которое создаетъ великаго полководца. Армія, Россія, императоръ нуждались въ побѣдѣ, чтобы занять въ глазахъ завистливой Европы ихъ прежнее положеніе рѣшительнаго превосходства; вы сами нуждались въ ней, чтобы заставить замолчать зависть и интригу; вы блестящимъ образомъ достигли этой двойной цѣли; побѣдивъ визиря, уничтоживъ его армію, вы тѣмъ самымъ поразили вашихъ враговъ и враговъ государства, тайныхъ и явныхъ. Еще разъ поздравляя васъ съ этимъ успѣхомъ, поздравляю также и себя и всѣхъ добромыслящихъ людей! Да благословитъ небо и впредь ваши усилія и даруетъ вамъ возможность присоединить къ чуднымъ побѣднымъ лаврамъ не менѣе славные лавры миротворца. Я не буду пытаться описать вамъ радость императора; она отвѣчаетъ важности событія, вызвавшаго ее, она на уровнѣ его любви къ счастью и славѣ его народа и его арміи, его милостивой дружбы, его безграничнаго довѣрія къ вамъ»[1]).

Намѣреваясь произвести смотръ войскамъ гвардейскаго корпуса, расположеннымъ лагеремъ въ Тульчинѣ, императоръ Николай выѣхалъ изъ Варшавы 13-го (25-го) іюня вечеромъ. По пути слѣдованія предназначены были еще смотры въ Красноставѣ, Замосцѣ и Луцкѣ, въ присутствіи цесаревича Константина Павловича.

Во время проѣзда въ Красноставъ, императоръ Николай имѣлъ встрѣчу, которая не осталась безъ вліянія на послѣдующія событія въ Польшѣ.

За станцію до Пулавъ,—по разсказу Бенкендорфа, — къ государю явился какой-то человѣкъ во фракѣ, съ приглашеніемъ отъ княгини

---

[1]) „Vos talents, votre persévérance, votre fermeté, votre entreprenante résolution ne pouvaient être mis en doute, tant de faits les ont attestés, mais la fortune pouvait vous manquer; vous venez de prouver au monde, qu'à toutes les grandes qualités qui constituent le général, vous joignez encore cet accessoir si indispensable, cette fortune qui fait le grand capitaine. L'armée, la Russie, l'Empereur avaient besoin d'une victoire pour reprendre aux yeux de l'Europe jalouse, leur ancienne attitude d'importante supériorité; vous en aviez besoin vous même pour faire taire l'envie et l'intrigue; vous avez atteint se double but d'une manière éclatante; en battant le vizir, en détruisant son armée, vous avez terrassé vos ennemis et ceux de l'Etat secrets et déclarés. Encore une fois je vous en félicite, que je m'en félicite moi même et tous les gens de bien! Puisse le ciel continuer à bénir vos efforts, puissiez vous ajouter bientôt aux beaux lauriers de la victoire, ceux non moins glorieux de pacificateur... Je n'essaierai pas de vous peindre la joie de l'Empereur, elle est en proportion de l'importance de l'événement qui en est la cause, elle est à l'unisson de son amour pour le bonheur et la gloire de son peuple et de son armée, de sa bienveillante amitié, sa confiance illimitée pour vous". (Изъ письма генералъ-адъютанта Адлерберга къ графу Дибичу, отъ 9-го (21-го) іюня 1829 года, изъ Варшавы. „Военно-Ученый Архивъ". Отд. 2. № 5322).

Чарторижской, матери князя Адама, остановиться у нея въ Пулавскомъ замкѣ. «Такой странный образъ приглашенія,—пишетъ Бенкендорфъ,—побудилъ государя къ отказу, выраженному, впрочемъ, въ вѣжливыхъ формахъ. Противъ самыхъ Пулавъ надо было переѣзжать черезъ Вислу на паромѣ. Мы увидѣли, что на противоположномъ берегу стоятъ много людей, и когда переѣхали рѣку, то княгиня сама подошла повторить государю свое приглашеніе. Государь, стоя, несмотря на палящіе лучи солнца, безъ фуражки, извинялся тѣмъ, что не можетъ медлить въ пути, такъ какъ цесаревичъ ожидаетъ его на ночлегѣ. Старуха, которая выглядѣла настоящею сказочною вѣдьмою, продолжала настаивать, и на повторенный отказъ сказала: «Ахъ! вы меня жестоко огорчили, и я не прощу вамъ этого во вѣкъ». Государь поклонился и уѣхалъ» [1]).

---

[1]) Во время пребыванія императора Николая въ Варшавѣ, онъ получилъ также донесеніе о дѣйствіяхъ Черноморскаго флота—одно радостное, а другое—печальное.

Адмиралъ Грейгъ донесъ рапортомъ о подвигѣ брига „Меркурія“, выдержавшаго 14-го (26-го) мая трехъ-часовое сраженіе съ двумя линейными турецкими кораблями, въ виду всего непріятельскаго флота, неожиданно появившагося въ Черномъ морѣ. Командиръ брига капитанъ-лейтенантъ Казарскій приказалъ прибить флагъ къ мачтѣ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не могло быть рѣчи о сдачѣ; офицеры же поклялись, что тотъ изъ нихъ, который останется въ живыхъ—воспламенитъ крюйтъ-камеру пистолетомъ. Императоръ Николай написалъ на рапортѣ Грейга:

„Капитанъ-лейтенанта Казарскаго произвести въ капитаны 2-го ранга, дать Георгія 4-го класса, назначить въ флигель-адъютанты съ оставленіемъ при прежней должности и въ гербъ прибавить пистолетъ. Всѣхъ офицеровъ въ слѣдующіе чины и у кого нѣтъ Владиміра съ бантомъ, то таковой дать. Штурманскому офицеру сверхъ чина дать Георгія 4-го класса. Всѣмъ нижнимъ чинамъ знаки отличія военнаго ордена и всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ двойное жалованье въ пожизненный пенсіонъ. На бригъ „Меркурій“ Георгіевскій флагъ“.

Одновременно съ донесеніемъ о блистательномъ подвигѣ брига „Меркурія“, мужественно вступившаго въ бой, предпочитая очевидную гибель безчестію плѣна, получено было извѣстіе о позорной сдачѣ фрегата „Рафаилъ“, командиръ котораго, капитанъ 2-го ранга Стройниковъ, спустилъ флагъ при встрѣчѣ съ турецкимъ флотомъ.

Графъ Мольтке пишетъ: „Капуданъ-паша захватилъ призъ, самъ не вѣдая, какимъ образомъ это случилось; Аллахъ, въ сущности, послалъ ему даръ во снѣ. Но тѣмъ не менѣе эта добыча причинила туркамъ большую радость, возбудивъ въ народонаселеніи неосновательныя надежды. Фрегатъ „Рафаилъ“ привезли съ торжествомъ въ Константинополь“.

4-го (16-го) іюня императоръ Николай подписалъ въ Варшавѣ указъ на имя адмирала Грейга, объ учрежденіи подъ его предсѣдательствомъ коммиссіи для разбора обстоятельствъ, побудившихъ Стройникова къ сдачѣ фрегата. Указъ заканчивался словами: „Уповая на помощь Всевышняго, пребываю въ

По мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ, эта случайная встрѣча императора Николая съ княгинею Чарторижскою имѣла пагубныя послѣдствія, ускоривъ развязку польскихъ дѣлъ въ революціонномъ смыслѣ.

Послѣ смотра въ Красноставѣ, государь направился въ Замосцъ, гдѣ онъ съ особеннымъ вниманіемъ ознакомился также съ крѣпостными сооруженіями, а затѣмъ въ Луцкѣ осмотрѣлъ собранную здѣсь 25-ю пѣхотную дивизію отдѣльнаго Литовскаго корпуса. Здѣсь цесаревичъ простился съ его величествомъ.

Послѣ отъѣзда государя изъ Варшавы, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, въ письмѣ къ графу Дибичу, высказалъ слѣдующія заключенія по поводу польскихъ дѣлъ:

«Благодаря Богу и самообладанію императора надъ самимъ собою, все кончилось благополучно, и оба августѣйшіе брата разстались крайне довольные одинъ другимъ. Поляки въ восторгѣ отъ своего короля и преисполнены довѣрія къ его мудрости. Увѣряю васъ, что невозможно быть болѣе разсудительными, чѣмъ они, и болѣе покорными волѣ Провидѣнія, подчинившаго ихъ военному вліянію великаго князя.

«Теперь, дорогой графъ, я видѣлъ собственными глазами и буду вѣрить лишь своимъ глазамъ. Польскія русскія провинціи заслуживаютъ еще большаго сожалѣнія; нѣтъ прибѣжища, нѣтъ конституціи,

---

надеждѣ, что неустрашимый флотъ Черноморскій, горя желаніемъ смыть безславіе фрегата „Рафаила“, не оставитъ его въ рукахъ непріятеля. Но когда онъ будетъ возвращенъ во власть нашу, то почитая фрегатъ сей впредь недостойнымъ носить флагъ россійскій и служить на-ряду съ прочими судами нашего флота, повелѣваю вамъ предать оный огню“.

Повелѣніе императора Николая исполнено было въ точности почти 25 лѣтъ спустя, вице-адмираломъ Нахимовымъ, во время Синопскаго боя 1853 года. Фрегатъ „Рафаилъ“, названный турками „Фазлп-Аллахъ“ (данный Богомъ), зажженъ былъ во время сраженія выстрѣлами съ нашего флагманскаго корабля „Императрица Марія“ и взлетѣлъ на воздухъ въ виду русской эскадры.

Ободренный одержаннымъ нечаяннымъ успѣхомъ, Капуданъ-паша рѣшился вторично выйти въ море, 24-го мая (4-го іюня), намѣреваясь атаковать Сизополь. Послѣ десяти-дневнаго плаванія турецкій флотъ показался въ виду Сизополя, но не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, столь же неожиданно возвратился въ Босфоръ. Съ этого времени адмиралъ Грейгъ блокировалъ со своимъ флотомъ Босфоръ, въ то время какъ вице-адмиралъ графъ Гейденъ блокировалъ Дарданеллы; они прервали по обоимъ проливамъ подвозъ жизненныхъ припасовъ къ столицѣ, захватили множество призовъ и безпокоили прибрежье. Что же касается Капудана-паши, то, опасаясь утратить пріобрѣтенные лавры въ случаѣ новыхъ предпріятій, онъ, по совершеніи прогулки въ Сизополь, не покидалъ болѣе занятаго обезпеченнаго рейда.

которыя можно было бы противопоставить волѣ военнаго начальника. Всѣ надѣются и съ покорностью выжидаютъ повелѣній императора» [1]).

VIII.

Оставаясь всегда и вездѣ строгимъ исполнителемъ даннаго слова, императоръ Николай призналъ необходимымъ собрать къ 16-му (28-му) мая 1830 года польскій сеймъ. Это былъ первый сеймъ въ его царствованіе и четвертый со времени возстановленія Польскаго королевства Александромъ I.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ не сочувствовалъ этой мѣрѣ, называя сеймъ «нелѣпой шуткой», но государь остался при своемъ мнѣніи, сказавъ:

«Мы существуемъ для упорядоченія общественной свободы и для подавленія злоупотребленій ею (Nous sommes là pour régler l'usage des libertés publiques et pour en réprimer l'abus)».

Императоръ Николай отправился въ путь по Динабургскому тракту 2-го мая въ полночь, въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Бенкендорфа [2]). Въ Динабургѣ государя поджидалъ великій князь Михаилъ

---

[1]) „Dieu soit loué et grâce en soit rendu à la force que l'Empereur a sur lui-même, tout s'est bien terminé et les deux augustes frères se sont séparés très satisfaits l'un de l'autre; les Polonais enchantés de leur roi et plein de confiance en sa sagesse. Je vous assure qu'il n'est pas possible d'être plus raisonnables qu'ils ne sont, et plus soumis au décret de la Providence qui les a mis sous l'influence militaire du grand Duc. J'ai vu maintenant, mon cher comte, par mes propres yeux et ne croirai qu'à mes yeux. Les provinces russes-polonaises sont encore bien plus à plaindre; pas d'appel, pas de constitution à opposer à la volonté d'un chef militaire. Tous espèrent et attendent avec resignation les décrets de l'Empereur.

„La division d'infanterie la 25-e est très belle, et Dieu soit loué restée ou redevenue russe; Rosen est parfaitement à sa place; c'est là que nous avons entendus de nouveau ces houras bien nourris que la contrainte étouffe à Varsovie". (Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ графу Дибичу, отъ 25-го іюня 1829 года, изъ Кіева. „Военно-Ученый Архивъ". Отд. 1. № 961).

[2]) 2-го (14-го) мая императоръ Николай писалъ графу Дибичу: „J'ai été avant hier et ce matin à Cronstadt, et je puis dire dans l'enchantement; l'escadre forte de 9 vaisseaux, 4 frégates et 4 brigs, est en rade, chose dont il n'y a pas eu d'exemple encore, car les glaces charient même dans ce moment. Je ne cache pas que j'eusse préféré rester dans notre charmante petite campagne, plutôt que d'aller rouler; mais ce n'est pas à vous qu'il faut faire de ces aveux là, ou plutôt c'est de vous qu'il faut apprendre à savoir faire son devoir de bonne grâce".

Павловичъ; послѣ осмотра крѣпостныхъ сооруженій и находившихся здѣсь войскъ, императоръ съ великимъ княземъ, продолжая свой путь на Ковно и Остроленку, прибылъ въ Варшаву 9-го (21-го) мая. На слѣдующій день государь поскакалъ назадъ въ Пултускъ, на встрѣчу императрицѣ, которую упредили нѣсколькими минутами. Отобѣдавъ въ Пултускѣ, поѣхали вмѣстѣ въ Варшаву. Здѣсь повторился весь образъ жизни прошедшаго года: разводы, смотры, пріемы, балы слѣдовали одинъ за другимъ.

«Вообще въ царствѣ ничего не измѣнилось, кромѣ развѣ того, что были еще недовольнѣе самовластіемъ цесаревича, — пишетъ Бенкендорфъ,—всякая надежда поляковъ на перемѣну къ лучшему исчезла, даже многіе изъ русскихъ, окружавшихъ цесаревича, приходили довѣрять мнѣ свои жалобы и общій ропотъ. Я держался въ сторонѣ противъ этихъ откровеній; но они были такъ единодушны и такъ искренни, что невольно пробудили во мнѣ чувство состраданія къ полякамъ, а еще болѣе къ трудному и жестокому положенію государя. Цесаревичъ въ личномъ обращеніи своемъ съ нимъ всегда представлялся почтительнымъ и покорнымъ подданнымъ; но въ сношеніяхъ съ министрами и даже въ разговорахъ съ своими приближенными онъ нисколько не таилъ постоянной оппозиціи. Малѣйшее противорѣчіе его досадовало, даже похвалы государя кому-либо изъ мѣстныхъ чиновниковъ, военныхъ или гражданскихъ, тотчасъ возбуждали горькіе пересуды, нерѣдко и неудовольствіе его брата противъ этихъ самыхъ чиновниковъ, награжденныхъ по собственному его представленію. Можно было тогда же предугадать близость реакціи и мятежа, если бы жалобы скрывались въ тайнѣ; но онѣ высказывались совершенно явно.

«На государя всѣ смотрѣли какъ на надежду лучшей будущности, и возрастающее благосостояніе края служило важнымъ перевѣсомъ тѣмъ непріятностямъ и униженіямъ, отъ которыхъ терпѣли отдѣльныя личности, а не нація. Въ этомъ отношеніи, даже самые раздраженные изъ изъ числа недовольныхъ, отдавали справедливость правительству. Прибытіе государя, императрицы, множества иностранцевъ и нунціевъ утишило ропотъ, по крайней мѣрѣ по внѣшности, и Варшава приняла блестящій и очень оживленный видъ. Балы и праздники слѣдовали одинъ за другимъ, съ всею роскошью и со всѣмъ веселіемъ богатой столицы. 16-го (28-го) мая государь велѣлъ открыть сеймъ съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ формъ, опредѣленныхъ конституціею. Цесаревичъ, засѣдая въ камерѣ нунціевъ, въ качествѣ депутата отъ пражскаго предмѣстья, привезъ съ собой туда и меня посмотрѣть на эту «нелѣпую шутку», какъ онъ громко называлъ сеймъ, къ крайнему неудовольствію поляковъ.

«Камера нунціевъ избрала депутацію, въ составъ которой былъ

выбранъ и цесаревичъ, чтобы вмѣстѣ съ депутаціею отъ сената представиться королю и довести до его свѣдѣнія, что оба государственныя сословія готовы его принять. Государь съ императрицею пришли въ тронную залу, за ними слѣдовали дворъ и вся военная свита, а галлереи были наполнены почетнѣйшими дамами. По занятіи всѣми своихъ мѣстъ, государь открылъ собраніе рѣчью, заслужившею общее одобреніе. Всѣ любовались величественною его осанкою и звонкимъ голосомъ и казались исполненными самой ревностной къ нему привязанности».

Приведемъ здѣсь самыя выдающіяся части первой конституціонной рѣчи императора Николая, обращенной на французскомъ языкѣ къ собравшимся вокругъ него представителямъ королевства Польскаго.

«Пять лѣтъ протекло со времени вашего послѣдняго собранія,—началъ свою рѣчь императоръ,—причины, независѣвшія отъ моей воли, помѣшали мнѣ созвать васъ раньше; но причины этого запозданія, къ счастью, миновали, и сегодня я съ неподдѣльнымъ удовольствіемъ вижу себя въ первый разъ окруженнымъ представителями народа.

«Въ этотъ промежутокъ времени Божественному Провидѣнію угодно было отозвать къ Себѣ возстановителя вашего отечества (le restaurateur de votre patrie); вы всѣ почувствовали великое значеніе этой утраты и поэтому ощутили глубокую печаль: сенатъ, истолкователь вашихъ чувствъ, выразилъ мнѣ желаніе увѣковѣчить воспоминаніе о благороднѣйшихъ добродѣтеляхъ и о глубокой благодарности. Всѣ поляки призваны содѣйствовать сооруженію памятника, предположенія о которомъ будутъ вамъ представлены.

«Всемогущій благословилъ наше оружіе въ двухъ войнахъ, которыя имперія только-что должна была вести; Польшѣ не пришлось нести ихъ тягостей; однако, она пользуется выгодами, которыя явились слѣдствіемъ ихъ, благодаря тому братству въ славѣ и интересахъ, которое связуется отнынѣ съ ея неразрывнымъ единеніемъ съ Россіей. Польская армія не приняла активнаго участія въ войнѣ; мое довѣріе указало ей другой постъ, не менѣе важный; она составляла аваргардъ арміи, долженствовавшей охранять безопасность имперіи... Безпрерывно возрастающее развитіе промышленности, расширеніе внѣшней торговли, увеличеніе обмѣна продуктами между Польшей и Россіей являются несомнѣнными выгодами, которыми вы уже пользуетесь въ настоящую минуту, и которыя въ то же время даютъ вамъ увѣренность въ непрерывномъ возрастаніи вашего благосостоянія...

«Представители польскаго народа! выполняя во всемъ объемѣ 45-ю статью конституціонной хартіи, я далъ вамъ залогъ моихъ намѣреній. Теперь ваше дѣло упрочить твореніе возстановителя вашего отечества, пользуясь съ умѣренностью и благоразуміемъ правами, которыя онъ даровалъ вамъ. Пусть спокойствіе и единеніе сопутствуютъ вашимъ

занятіямъ! Поправки, которыя вы найдете нужнымъ сдѣлать къ проектамъ законовъ, которые будутъ представлены вамъ, будутъ встрѣчены благопріятно, и я льщу себя надеждой, что Небо благословитъ дѣянія начатыя при столь счастливыхъ предзнаменованіяхъ».

Вообще тронная рѣчь императора Николая имѣла характеръ дѣловой рѣчи и не оживляла въ памяти ни одного тягостнаго воспоминанія. Но за то это была первая рѣчь къ польскому сейму, которая затрогивала вопросы внѣшней политики; что же касается внутреннихъ вопросовъ, то въ этомъ отношеніи она отличалась большею откровенностью и большей опредѣленностью, чѣмъ рѣчи Александра. Въ ней отсутствовалъ сентиментальный оттѣнокъ; никакое обѣщаніе не возбуждало угасшихъ надеждъ на присоединеніе Литвы; но король приглашалъ представителей упрочить твореніе возстановителя Польши благоразумнымъ и умѣреннымъ пользованіемъ своихъ правъ.

Въ Россіи рѣчь императора встрѣтила слѣдующую оцѣнку со стороны одного изъ уцѣлѣвшихъ екатерининскаго времени дѣятелей. «Странно видѣть государя самодержавнаго,—пишетъ А. М. Грибовскій,—обладающаго 50-ю милліонами народовъ на третьей части полушарія, говорящаго конституціоннымъ языкомъ и представляющаго власть свою ограниченною предъ горстью народа, всегда Россіи враждебнаго, въ то время, когда въ сей послѣдней указъ, не только имъ подписанный, но отъ его имени объявленный, рѣшаетъ, безъ малѣйшихъ обрядовъ или формъ, жизнь и участь и высшихъ, и низшихъ сословій, и гдѣ за малѣйшее противъ правленія замѣчаніе со стороны частнаго человѣка можетъ онъ ужасно пострадать» [1]).

Однимъ изъ первыхъ предметовъ, къ обсужденію которыхъ камера нунціевъ приступила, было предложеніе, единогласно принятое, воздвигнуть народный памятникъ императору Александру, возстановителю отечества. Маршалъ сейма далъ большой обѣдъ всѣмъ почетнѣйшимъ сановникамъ, находившимся въ Варшавѣ и всѣмъ нунціямъ. На немъ присутствовалъ и государь. Здоровье его было провозглашено при единодушныхъ кликахъ, и это пиршество, по свидѣтельству Бенкендорфа, совершилось со всевозможнымъ приличіемъ и всѣми признаками сердечной преданности. Прекрасные балы нѣсколько разъ соединяли все высшее варшавское общество въ Лазенкахъ и у предсѣдателя сената графа Замойскаго. Все по виду казалось спокойнымъ и ни въ чемъ не обнаруживалось непріязненнаго чувства противъ особы монарха.

Государь, желая отстранить даже и тѣнь какого-нибудь вліянія съ его стороны на работы сейма, оставилъ на все время ихъ продолженія

---

[1]) Изъ дневника Адріана Моисеевича Грибовскаго, статсъ-секретаря императрицы Екатерины.

Варшаву и даже самые предѣлы королевства. 21-го мая (2-го іюня) императрица уѣхала въ Фишбахъ въ Силезіи, гдѣ ожидала ее прусская королевская семья, а вечеромъ государь отправился въ Елисаветградъ.

Въ это время наша забалканская оккупація окончилась. Порта сдѣлала второй взносъ по своему денежному долгу, и фельдмаршалъ графъ Дибичъ выѣхалъ изъ Бургаса въ Россію [1]). Государь встрѣтился съ своимъ полководцемъ на послѣдней почтовой станціи передъ Елисаветградомъ 25-го мая (6-го іюня) и, пригласивъ его къ себѣ въ коляску, продолжалъ путь.

Въ Елисаветградѣ государя ожидалъ Галиль-паша, возвращавшійся съ посольствомъ въ Константинополь.

Послѣ смотровъ въ Елисаветградѣ императоръ Николай направился черезъ Кременчугъ въ Козелецъ, гдѣ также произвелъ смотры и маневры, а затѣмъ, 31-го мая (12-го іюня) прибылъ въ Кіевъ. Пробывъ здѣсь два дня въ обычной дѣятельности, государь направился въ мѣстечко Кодни и послѣ нѣсколькихъ смотровъ прослѣдовалъ въ Брестъ-Литовскъ, гдѣ цесаревичъ представилъ императору собранныя здѣсь части Литовскаго корпуса [2]). По прибытіи въ Варшаву, государь 7-го (19-го) іюня поскакалъ въ Ловичъ на встрѣчу императрицѣ, возвращавшейся изъ Силезіи, а затѣмъ пробылъ въ польской столицѣ до закрытія сейма, послѣдовавшаго 16-го (28-го) іюня.

Въ послѣдній разъ народные представители услышали рѣчь своего конституціоннаго короля; она заканчивалась словами: «quoique éloigné de vous, je veillerai perpétuellement à votre véritable bonheur». Впослѣдствіи императору Николаю представился еще разъ случай произнести рѣчь въ Варшавѣ, но она была уже другаго содержанія и выходила на этотъ разъ изъ устъ грознаго и неумолимаго побѣдителя мятежа.

Во время занятій сейма 1830 года, въ средѣ его образовалась довольно сильная оппозиція, которая даже отвергла проектъ закона, очень интересовавшій государя, объ ограниченіи удобства къ брачнымъ разводамъ; впрочемъ, все это,—какъ пишетъ Бенкендофъ,—было прикрыто внѣшними изъявленіями преданности и довѣрія къ монарху, удалявшими всякое подозрѣніе о разладѣ между трономъ и народнымъ пред-

---

[1]) 15-го (27-го) мая 1830 года, императоръ Николай писалъ графу Дибичу, изъ Варшавы: „Je bénis Dieu de vous savoir hors de tout cet horrible pays. L'idée de vous revoir sous peu et de faire partie de la route ensemble me réjouit sincèrement".

[2]) Фельдмаршалу графу Дибичу разрѣшено было для отдыха отправиться за границу въ Силезію, для свиданія съ родными.

30-го іюля (11-го августа) графъ Дибичъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ ему отведена была квартира въ Шепелевскомъ дворцѣ.

ставительствомъ. Все окончилось, по виду, миролюбиво, хотя въ сущности довольно холодно.

За нѣсколько дней до выѣзда государя изъ Варшавы, пришло туда извѣстіе, что населеніе Корабельной слободки въ Севастополѣ, состоявшее большею частію изъ матросовъ съ ихъ семействами, взбунтовавшись по случаю неудачныхъ мѣръ начальства отъ чумы, открывшейся въ тамошнемъ портѣ и проникнувшей до Одессы, отважилось на самыя преступныя дѣйствія и даже убило временнаго севастопольскаго военнаго губернатора генералъ-лейтенанта Столыпина, равно какъ и нѣсколькихъ другихъ лицъ. Вызваны были со всѣхъ сторонъ на помощь войска, прибылъ графъ Воронцовъ, и открылись дѣйствія слѣдственной коммиссіи, обнаружившей 980 человѣкъ обоего пола участниковъ бунта. Тишина и спокойствіе снова водворились въ Севастополѣ. Графу Воронцову предписано было государемъ принять мѣры «для истребленія духа своеволія и непокорности, столь неожиданно оказавшагося въ самомъ дѣлѣ».

17-го (29-го) іюня выѣхала въ Петербургъ императрица, въ сопровожденіи прибывшаго въ Варшаву принца Карла прусскаго. Государь же отправился въ путь 19-го іюня (1-го іюля), послѣ маневра всѣми войсками, собранными подъ Варшавою. Въ этотъ день Николай Павловичъ разстался навсегда съ цесаревичемъ; обоимъ братьямъ не суждено было болѣе встрѣчаться.

Бенкендорфъ высказываетъ слѣдующія мысли по поводу пребыванія императора Николая въ Польшѣ въ 1830 году: «Не совсѣмъ довольный собою и еще менѣе своимъ старшимъ братомъ, государь чувствовалъ неловкость положенія русскаго монарха въ королевствѣ Польскомъ; чувствовалъ все зло либеральной и преждевременной организаціи этого края, которую охранять присягнулъ самъ; понимая всю тяжелость характера цесаревича, считалъ, однако же, присутствіе его въ Польшѣ необходимымъ, въ видѣ перевѣса притязаніямъ польской аристократіи; наконецъ, всю свою надежду полагалъ единственно на будущее и какъ бы страшился дать себѣ полный отчетъ въ настоящемъ положеніи этой важной части его огромной державы. Впрочемъ, ничто не указывало на вѣроятность близкаго взрыва, и, напротивъ, видимое матеріальное благосостояніе казалось надежнѣйшимъ оплотомъ общественнаго спокойствія. Время могло устранить все непріятное въ личномъ положеніи государя и, говоря вообще, онъ остался не совсѣмъ недоволенъ своею поѣздкою и подвластною ему націею, и,—прибавляетъ Бенкендорфъ,—всѣмъ обязанною русскимъ царямъ»

Дорогою императоръ Николай остановился въ Дерптѣ, гдѣ въ подробности осмотрѣлъ университетъ; остальную часть пути государь совершилъ вмѣстѣ съ императрицею. 24-го іюня (6-го іюля) ихъ величе-

ства прибыли въ Петергофъ, а черезъ день въ Петербургъ; посѣтивъ Казанскій соборъ, отправились въ Елагинскій дворецъ.

Едва государь успѣлъ возвратиться въ Петербургъ, какъ вдругъ новое событіе, новая забота дали почувствовать ему, что онъ не избавился отъ несчастій, преслѣдовавшихъ его со дня вступленія на престолъ. Въ имперіи показалась холера, занесенная изъ Персіи, и съ 1830 года стала подвигаться по Россіи. Эта страшная болѣзнь, извѣстная у насъ дотолѣ только по имени и по описаніямъ производимыхъ ею опустошеній, наводила тѣмъ бо́льшій ужасъ, что никто не зналъ и не могъ указать противъ нея ни медицинскихъ средствъ, ни полицейскихъ мѣръ. Общее мнѣніе склонялось, однако, въ пользу карантиновъ и оцѣпленій, какъ бы противъ чумы, и въ этомъ смыслѣ правительство тотчасъ приняло всѣ нужныя мѣры, съ тою дѣятельностію, которую твердая воля государя умѣла влагать во всѣ его распоряженія. На указанные пункты направлялись войска, и изъ нихъ, равно какъ и изъ мѣстныхъ жителей, образовывались чумные кордоны для спасенія отъ этого бича внутреннихъ губерній и обѣихъ столицъ [1]). —

Къ внутреннимъ затрудненіямъ присоединились вскорѣ и внѣшнія осложненія.

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Въ Петербургѣ, на основаніи всеподданнѣйшей докладной записки министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 28-го августа (9-го сентября) 1830 года учреждена была центральная коммиссія для принятія мѣръ къ пресѣченію появившейся эпидемической болѣзни холеры, затѣмъ 4-го (16-го) сентября послѣдовалъ именной указъ, на основаніи котораго графъ Закревскій командированъ былъ для пресѣченія на мѣстѣ сей заразы „и къ преподанію, страждущимъ оною, всѣхъ способовъ къ излѣченію".

Принятіе карантинныхъ мѣръ противу холеры окончательно вызвано было собственноручною резолюціею императора Николая:

„Я уже прежде замѣтилъ, что вовсе не принимать карантинныхъ мѣръ я не могу согласиться: ибо нѣтъ никакого сомнѣнія, что болѣзнь сія сообщается чрезъ зараженный воздухъ; потому пропускъ больныхъ людей, или имѣющихъ въ себѣ зародышъ сей болѣзни, хотя еще не открывшейся въ немъ, опасенъ, не чрезъ прикосновеніе къ нему, но чрезъ дыханіе при разговорахъ. Сему есть вчера послѣ обѣда полученный новый опытъ. Стало оцѣплять зараженныя мѣста или прекращать съ ними сообщеніе необходимо, но безъ окуровъ и тому подобнаго". (23-го августа 1830 года. Въ Царскомъ Селѣ).

Прошеніе И. А. Крылова въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ о запрещеніи печатать его сочиненія издателямъ сборниковъ.

Сентября „ “ дня 1821 г.

Намѣреваюсь печатать новое изданіе басенъ моихъ; но поелику г.г. издатели различныхъ собраній въ стихахъ, удостоивши и прежде печатать въ нихъ мои произведенія въ числѣ весьма значительномъ могутъ и впослѣдствіи то же сдѣлать, и такимъ образомъ нанести вредъ новому изданію моему, могутъ лишить меня плода отъ моей собственности, я покорнѣйше прошу цензурный комитетъ о запрещеніи печатать басни мои въ какомъ бы то ни было собраніи стихотвореній, издаваемыхъ посторонними лицами.

Комитетъ опредѣлилъ принять къ свѣдѣнію.

Къ исторіи русской литературы.

I.

В. А. Жуковскій

передъ судомъ с.-петербургскаго цензурнаго комитета.

1.

Предписаніе исправляющаго должность попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа Дмитрія Рунича с.-петербургскому цензурному комитету.

1-го сентября 1822 года за № 561.

Г. коллежскій ассесоръ Жуковскій, въ письмѣ своемъ [1]) господину министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, принесъ жалобу на здѣшнюю цензуру за непропускъ переведенной имъ съ англійскаго языка баллады Вальтера-Скотта, подъ названіемъ: Ивановъ вечеръ[2]). Посему его сіятельство предоставилъ мнѣ истребовать отъ с.-петербургскаго цензурнаго комитета свѣдѣніе: вся ли помянутая баллада остановлена, или только какія-либо мѣста изъ оной, и по какимъ причинамъ.

[1]) Письмо это отъ 17-го августа 1822 г. напечатано М. И. Сухомлиновымъ въ его „Изслѣдованіяхъ“ и проч. Т. I, стр. 437.

[2]) Затрудненія, встрѣченныя В. А. Жуковскимъ при изданіи этой баллады, разсказаны академикомъ М. И. Сухомлиновымъ въ его „Изслѣдованіяхъ и статьяхъ по русской литературѣ и просвѣщенію“. Т. I, стр. 440—447, изд. 1889 г. Въ виду того, что уважаемый авторъ не приводитъ нѣкоторыхъ подробностей весьма важныхъ, какъ для біографіи В. А. Жуковскаго, такъ и относительно тогдашней цензуры, мы печатаемъ все дѣло цѣликомъ. Ред.

Вслѣдствіе того предлагаю комитету незамедлительно донести о семъ мнѣ, съ подробнымъ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла и съ представленіемъ самой піесы.

2.

Объясненіе с.-петербургскаго цензурнаго комитета, почему онъ усумнился одобрить къ напечатанію въ Новостяхъ литературы стихотвореніе: Ивановъ вечеръ.

11-го сентября 1822 г.

Издатель «Русскаго Инвалида» г. коллежскій совѣтникъ Воейковъ, 3-го числа минувшаго августа, прислалъ къ г. цензору Бирукову переведенную съ англійскаго языка г. коллежскимъ ассесоромъ Жуковскимъ, шотландскую балладу: Ивановъ вечеръ, для одобренія ея къ напечатанію въ издаваемыхъ при Инвалидѣ Новостяхъ литературы.

Г. цензоръ Бируковъ нашелъ въ сей балладѣ разсказъ объ одномъ смальгольмскомъ баронѣ, сдѣлавшемся убійцею, о невѣрной его женѣ и о убитомъ ея любовникѣ—смѣшанный съ суевѣрнымъ разсказомъ о явленіи сего послѣдняго, уже послѣ своей смерти, женѣ барона и молодому пажу, и при томъ неприличное, по его мнѣнію, въ шотландской простонародной пѣснѣ, представленіе панихиды, поминокъ, священника и монаховъ, о которыхъ г. переводчикъ говоритъ языкомъ, свойственнымъ болѣе греко-россійской, нежели какой-либо другой христіанской церкви, несмотря на то, что поминаемый мертвецъ не принадлежалъ къ первой. Наконецъ, г. цензоръ въ содержаніи баллады нашелъ главный недостатокъ, недостатокъ яснаго изложенія нравственной цѣли и развязки всей піесы. По симъ причинамъ усумнясь одобрить сіе стихотвореніе къ напечатанію, внесъ его въ собраніе цензурнаго комитета того же числа августа, для разрѣшенія его сомнѣній.

Комитетъ, выслушавъ переведенную г. Жуковскимъ шотландскую балладу, съ удовольствіемъ отдалъ справедливость талантамъ переводчика, который со свойственнымъ ему искусствомъ умѣлъ сдѣлать разсказъ простымъ, естественнымъ и живымъ, а въ стихосложеніи сохранилъ всю возможную пріятность мѣры стиховъ и риѳмъ.

Но какъ главный предметъ учрежденія цензуры, по 2-й статьѣ высочайше утвержденнаго для нея въ 9-й день іюля 1804 года устава, состоитъ «въ доставленіи обществу сочиненій, способствующихъ къ истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ, и въ удаленіи сочиненій, противныхъ сему намѣренію», то комитетъ долженъ былъ обратить вниманіе свое не столько на языкъ и наружныя украшенія

переведенной г. Жуковскимъ баллады, сколько на внутреннее ея достоинство—мысли.

Комитету представлялось ближайшее разсмотрѣніе содержанія баллады тѣмъ болѣе нужнымъ, что извѣстность иностраннаго сочинителя ея Вальтера-Скотта и еще болѣе знакомое любителямъ нашей отечественной литературы имя г. переводчика долженствовали умножить число читателей и читательницъ сего новаго стихотворенія, появляющагося въ такомъ изданіи, которое, по объявленію г. издателя, давно уже имѣло болѣе тысячи подписчиковъ.

Комитетъ, желая дать подробный отчетъ въ сужденіяхъ своихъ о шотландской балладѣ, названной: Ивановъ вечеръ, находитъ нужнымъ изложить прежде содержаніе ея по словамъ перевода.

Въ сей балладѣ представлены дѣйствія четырехъ лицъ: смальгольмскаго барона и его жены, рыцаря Кольдингама и баронова пажа.

Смальгольмскій баронъ, увѣривъ свою жену, что онъ ѣдетъ поражать непріятелей Шотландіи, въ самомъ дѣлѣ уклоняется отъ исполненія долга защитника отечества и вмѣсто сего пылаетъ мщеніемъ противу своего домашняго врага, рыцаря Кольдингама, нападаетъ на него скрытно и его убиваетъ. Похоронивъ убитаго Кольдингама, баронъ возвращается домой, и къ удивленію и досадѣ своей узнаетъ отъ молодаго пажа, присматривавшаго за женою барона, что убитый Кольдингамъ во время отлучки его имѣлъ ночныя свиданія съ его женою, на отдаленныхъ скалахъ у маяка. Мужъ упрекаетъ въ семъ невѣрную жену словами:

„А Боклю наблюдать мнѣ маякъ мой велитъ
И беречься недобрыхъ гостей“.

Кольдингамъ, оскорбитель супружеской чести, измѣннически убитый смальгольмскимъ бароном, уже погребенный и три дня и три ночи поминаемый священникомъ и монахами, имѣетъ, какъ сказано, ночныя свиданія съ женою барона на отдаленныхъ скалахъ у маяка, и въ послѣдній разъ является ей, по ея приглашенію, ночью предъ Ивановымъ днемъ, въ самой ея спальнѣ при спящемъ подлѣ нея мужѣ, разсказываетъ ей о своей смерти и о томъ, что онъ осужденъ надолго бродить на пустынной скалѣ, гдѣ маякъ, у котораго видались они подъ защитою тьмы; наконецъ, увѣряетъ ее въ дѣйствительности своего явленія сильнымъ пожатіемъ ея руки, которую обжигаетъ пламеннымъ своимъ прикосновеніемъ, оставляя на ней навсегда черное пятно, а на столѣ ужасный и также возженный знакъ своихъ пальцевъ.

Молодая жена барона представлена измѣняющею своему мужу въ супружеской вѣрности въ то самое время, когда она думаетъ, что мужъ ея сражается съ врагами Шотландіи; она въ то самое время имѣетъ частыя свиданія съ рыцаремъ Кольдингамомъ (уже убитымъ),

сперва въ уединенномъ мѣстѣ, наконецъ, въ своемъ домѣ, куда она приглашаетъ его сими словами:

„.....въ полуночный часъ
Передъ свѣтлымъ Ивановымъ днемъ,
Приходи ты; мой мужъ не опасенъ для насъ:
Онъ теперь на свиданьи иномъ;

Онъ съ могучимъ Боклю ополчился теперь;
Онъ въ сраженьи забылъ про меня—
И тайкомъ отопру я для милаго дверь
На канунѣ Иванова дня“ [1]).

Когда Кольдингамъ представляетъ невозможность имѣть предложенное ему женою смальгольмскаго барона свиданіе, то она уговариваетъ его къ сему еще такъ:

„О, сомнѣніе, прочь! Безмятежная ночь
Предъ великимъ Ивановымъ днемъ
И тиха и темна, и свиданьямъ она
Благосклонна въ молчаньи своемъ!

„Я собакъ привяжу, часовыхъ уложу,
Я крыльцо пересыплю травой,
И въ пріютѣ моемъ, предъ Ивановымъ днемъ,
Безопасенъ ты будешь со мной!“ [2]).

Кольдингамъ еще отговаривается отъ ночнаго свиданія сими словами:

„Пусть собака молчитъ, часовой не трубитъ,
И трава не слышна подъ ногой;
Но священникъ есть тамъ, онъ не спитъ по ночамъ,
Онъ приходъ мой узнаетъ ночной“ [3]).

Жена смальгольмскаго барона ободряетъ рыцаря Кольдингама, чтобы онъ не боялся священника:

„Онъ уйдетъ къ той порѣ: въ монастырь на горѣ
Панихиду онъ позванъ служить;
Кто-то былъ умерщвленъ; по душѣ его онъ
Будетъ три дня поминки творить“ [4]).

Кольдингамъ неохотно, но наконецъ соглашается исполнить желаніе жены смальгольмскаго барона.

„Онъ нахмурясь глядѣлъ, онъ какъ мертвый блѣднѣлъ,
Онъ ужасенъ стоялъ при огнѣ.
Пусть о томъ, кто убитъ, онъ поминки творитъ:
То, быть можетъ, поминки по мнѣ.

Но полуночный часъ благосклоненъ для насъ:
Я приду подъ защитою мглы!“ [5])

---

[1]) См. стихотворенія В. А. Жуковскаго, изд. 9-ое, 1895 г., стр. 347.
[2]) Тамъ же, стр. 348.
[3]) Тамъ же, стр. 348.
[4]) Тамъ же, стр. 348.
[5]) Изданіе 9-е, стр. 348.

Наконецъ, Кольдингамъ приходитъ къ женѣ барона по ея назначенію ночью предъ Ивановымъ днемъ. Она сперва смущается, увидя его своими глазами въ спальнѣ при спавшемъ тамъ мужѣ; потомъ, ободрясь словами Кольдингама, слушаетъ его разсказъ о совершенномъ надъ нимъ мужемъ ея убійствѣ, о трехдневныхъ поминкахъ, отправляемыхъ по немъ монахами, о ужасномъ снѣ, который въ то самое время видитъ его убійца. Разсказъ Кольдингама и вмѣстѣ разговоръ съ нимъ жены спящаго въ то время барона оканчивается такъ:

„И на долго во мглѣ, на пустынной скалѣ,
Гдѣ маякъ, я бродить осужденъ!

Гдѣ видаемся мы подъ защитою тьмы,
Тамъ скитаюсь теперь мертвецомъ!
И сюда съ высоты не сошелъ бы... но ты
Заклинала Ивановымъ днемъ.

И она, помолясь и крестомъ оградясь [1]),
Вопросила: но что же съ тобой?
Дай одинъ мнѣ отвѣтъ—ты спасенъ или нѣтъ?..
Онъ печально потрясъ головой.

Выкупается кровью пролитая кровь—
То убійцѣ скажи моему.
Беззаконную небо караетъ любовь,—
Ты сама будь свидѣтель тому“ [2]).

Наказаніе беззаконной любви, караемой небомъ, и вмѣстѣ явленіе Кольдингама послѣ своей смерти невѣрной женѣ утверждаются послѣднимъ его дѣйствіемъ, которое описано такъ:

„Онъ тяжелою шуйцей коснулся стола,
Ей десницею руку пожалъ—
И десница какъ острое пламя была,
И по членамъ огонь пробѣжалъ.—

И ужасное знаменье въ столъ возжено [3]):
Напечатаны пальцы на немъ;
На рукѣ обожженной чернѣетъ пятно:
И закрыта съ тѣхъ поръ полотномъ“.

---

[1]) Въ изданномъ стихотвореніи напечатано: «Содрогнулась она, и смятенья полна».

[2]) «Стихотворенія», издан. 9-е, стр. 351.

[3]) Въ изданномъ стихотвореніи напечатано такъ:

„И печать роковая въ столѣ возжена:
Отразился пальцы на немъ;
На рукѣ жъ—но таинственно руку она
Закрывала съ тѣхъ поръ полотномъ“.

(См. «Стихотворенія В. А. Жуковскаго», изд. 9-е, 1895 г., т. 2, стр. 351).

Остается упомянуть о молодомъ пажѣ, который у часовни, сидя на колѣняхъ барона, съ откровенностію младенца разсказываетъ ему первый все, что онъ ни замѣтилъ за своею госпожею, за которою онъ вѣрно присматривалъ во время трехдневной отлучки ея мужа. Пажъ подробно увѣдомляетъ барона о ночныхъ свиданіяхъ и разговорахъ его жены съ рыцаремъ Кольдингамомъ на вершинѣ отдаленныхъ скалъ. Главный разсказъ пажа представленъ выше, гдѣ упомянуто было о дѣйствіяхъ жены барона. Здѣсь разговоръ барона съ пажемъ оканчивается такъ:

Баронъ.

Но скажи, наконецъ, кто ночной сей пришлецъ?

Пажъ.

Онъ, клянусь небесами, пропалъ!
Показался мнѣ, при блестящемъ огнѣ:
Былъ щеломъ съ соколинымъ перомъ,
И палашъ боевой на цѣпи золотой;
Три звѣзды на щитѣ голубомъ.

Баронъ.

Нѣтъ, мой пажъ молодой, ты обманутъ мечтой.
Сей полуночный, мрачный пришлецъ
Былъ не властенъ придти: онъ убитъ на пути,
Онъ въ могилу зарытъ, онъ мертвецъ.

Пажъ.

Нѣтъ, не чудилось мнѣ; я стоялъ при огнѣ,
И увидѣлъ, услышалъ я самъ,
Какъ его обняла, какъ его назвала:
То былъ рыцарь Ричардъ Кольдингамъ.

И Смальгольмскій баронъ, изумленъ, пораженъ,
И хладѣлъ, и блѣднѣлъ, и дрожалъ. —

Баронъ.

Нѣтъ! въ могилѣ покой; онъ лежитъ подъ землей!
Ты неправду мнѣ, пажъ мой, сказалъ.

Гдѣ бѣжитъ и шумитъ межъ утесами Твидъ,
Гдѣ подъемлется мрачный Эльдонъ,
Ужъ три ночи какъ тамъ твой Ричардъ Кольдингамъ
Потаеннымъ врагомъ умерщвленъ.

Нѣтъ! сверканье огня ослѣпило твой взглядъ;
Оглушенъ былъ ты бурей ночной;
Ужь три ночи, три дня, какъ поминки творятъ
Чернецы за его упокой [1]).

---

[1]) «Стихотворенія В. А. Жуковскаго», изд. 9-е, т. II, стр. 349.

Развязка всей баллады заключается въ слѣдующихъ стихахъ:

„Есть монахиня въ древнихъ Драйбургскихъ стѣнахъ:
И грустна и на свѣтъ не глядитъ;
Есть въ Мельрозской обители мрачный монахъ:
И дичится людей, и молчитъ:

Сей монахъ молчаливый и мрачный—кто онъ?
Та монахиня—кто же она?
То убійца, суровый смальгольмскій баронъ;
То—его молодая жена“ [1]).

Комитетъ, разсмотрѣвъ такое содержаніе представленнаго въ оный русскаго перевода шотландской баллады, согласился съ мнѣніемъ о ней г. цензора Бирукова и нашелъ, что для многихъ читателей дѣйствительно трудно будетъ узнать, какая заключается въ сей балладѣ нравственная, или другая полезная цѣль. Ибо:

Во-первыхъ, удержанное въ русскомъ переводѣ самое названіе сего стихотворенія: Ивановъ вечеръ можетъ показаться страннымъ, по содержанію шотландской баллады, совершенно противуположному тому почтенію, какое сыны господствующей здѣсь Греко-россійской церкви обыкли хранить къ дню сего праздника, и г. переводчикомъ называемаго великимъ днемъ, между тѣмъ какъ читателямъ предлагается чтеніе о соблазнительныхъ дѣлахъ, которыя они должны воображать себѣ происходившими передъ самымъ симъ праздникомъ и въ самую его ночь. Противуположность между названіемъ баллады и содержаніемъ ея тѣмъ чувствительнѣе для русскаго читателя, что въ Ивановъ день (въ іюнѣ и августѣ мѣсяцахъ) обыкновенно бываетъ постъ, по уставу Греко-россійской церкви.

Во-вторыхъ. Описаніе соблазнительныхъ дѣйствій, и особливо странныхъ явленій убитаго рыцаря Кольдингама, котораго молодой пажъ и молодая жена барона нѣсколько разъ видятъ не во снѣ, а на яву, принадлежитъ къ числу суевѣрныхъ повѣстей и можетъ болѣе разгорячать и пугать воображеніе, нежели наставлять простыхъ или мало просвѣщенныхъ читателей, особливо молодыхъ людей и женщинъ.

Въ-третьихъ. Для самыхъ тѣхъ читателей, которые любятъ поэзію и уже привыкли смотрѣть равнодушно на подобныя явленія въ балладахъ, шотландская баллада въ русскомъ переводѣ безъ историческихъ примѣчаній темна и не имѣетъ здѣсь той занимательности содержанія, какую представляетъ она шотландцу, англичанину или ирландцу, по достопримѣчательности упоминаемыхъ въ ней мѣстъ и лицъ, которыя

---

[1]) Тамъ же, стр. 352.

имъ знакомы. Безъ сихъ примѣчаній читатель баллады на русскомъ языкѣ будетъ не въ состояніи отличить историческую часть сего стихотворенія отъ вымысловъ и прикрасъ автора; не увидитъ основанія ихъ, заимствованнаго отъ народныхъ преданій, и въ семъ смѣшеніи понятій по неволѣ будетъ судить объ ней ошибочно.

Въ-четвертыхъ. Для многихъ читателей покажется удивительнымъ и даже неприличнымъ то, что въ шотландской простонародной пѣснѣ, въ суевѣрномъ разсказѣ о явленіяхъ трехдневнаго мертвеца, въ соблазнительномъ съ нимъ разговорѣ невѣрной жены, дѣлаются весьма не кстати обращенія къ Творцу, кресту, великому Иванову дню, представляются священникъ, монахи, панихида, поминки, часовня, съ такою малою разборчивостію, что русскій читатель, находя въ шотландской сказкѣ часовню, панихиду и чернецовъ, невольно подумаетъ, что ему хотятъ представить разсказываемое происшествіе случившимся или, по крайней мѣрѣ, могущимъ случиться и въ Россіи, ибо у католиковъ, а тѣмъ менѣе у протестантовъ (прежнихъ и нынѣшнихъ жителей Шотландіи), нѣтъ ни часовень, ни панихидъ; названіе же иноковъ чернецами, то-есть употребляющими черную одежду, исключаетъ монаховъ, носящихъ бѣлую одежду, которые есть въ нѣкоторыхъ монашескихъ орденахъ римской, но которыхъ вовсе нѣтъ въ Греко-россійской церкви. Всякій согласится въ томъ, что протестанту, сочинителю шотландской баллады, въ землѣ, гдѣ господствуетъ протестантское исповѣданіе, скорѣе простятъ подобную неразборчивость выраженій въ разсказѣ о происшествіи, относящемся ко времени, когда римско-католическое исповѣданіе было общимъ въ Западной Европѣ; но отъ русскаго переводчика, пользующагося въ Россіи именемъ извѣстнаго писателя, можно было ожидать большей разборчивости въ названіи священныхъ предметовъ, по крайней мѣрѣ можно было требовать, чтобы онъ не подавалъ повода русскому читателю смѣшивать понятія о установленіяхъ церкви греческой съ понятіями о подобныхъ установленіяхъ, которыхъ касается авторъ, говоря о чужой для него и для переводчика церкви римской. Словомъ, въ переводѣ баллады мало видно заботливости о соблюденіи приличій и различія въ священныхъ предметахъ.

Наконецъ,

Въ-пятыхъ. Развязка всей піесы не имѣетъ той силы, какую хотѣлъ бы найти въ ней читатель и какой, дѣйствительно, требуетъ великость пороковъ и преступленій, описываемыхъ здѣсь съ такою подробностію. Послѣ впечатлѣній, сдѣланныхъ надъ читателемъ представленною ему картиною соблазнительной жизни трехъ лицъ (выбранныхъ изъ людей высшаго состоянія), читатель не видитъ сокрушенія преступной жены, сдѣлавшей несчастнымъ вмѣстѣ и своего мужа, и любовника, и себя; не находитъ сильнаго раскаянья въ мужѣ, который отъ ревности и сви-

рѣшства сдѣлался убійцею одного своего врага и желалъ открыть другихъ подобныхъ враговъ. Изъ одного того, что баронъ и его молодая жена скрылись другъ отъ друга и отъ свѣта въ уединеніи монастырскомъ, и надѣвши монашеское платье показывались одинъ мрачнымъ и дичащимся людей, а другая грустною и необращающею глазъ на свѣтъ—читатель еще не увѣрится о сокрушеніи ихъ сердецъ и примиреніи ихъ съ Богомъ и между собою посредствомъ истиннаго покаянія. При томъ о состояніи ихъ въ монастырскихъ стѣнахъ упомянуто холодно, съ равнодушіемъ, даже съ нѣкоторымъ видомъ неуваженія къ сей перемѣнѣ, между тѣмъ, какъ здѣсь-то особливо надлежало бы показать живое участіе христіанскаго человѣколюбія, чего имѣли право требовать если не несчастливцы, можетъ быть вымышленные, то по крайней мѣрѣ, читатели, желающіе увидѣть въ заключеніи наставительную развязку всей повѣсти.

Таковы были сужденія комитета о содержаніи перевода шотландской баллады Ивановъ вечеръ, которую г. Воейковъ желалъ напечатать въ изданіи, обращающемся въ рукахъ многихъ тысячъ читателей. Хотя комитетъ и могъ бы сообщить всѣ свои замѣчанія г. переводчику съ тѣмъ, чтобы онъ передѣлалъ или исправилъ по нимъ сіе стихотвореніе, однакожъ, желая избавить г. Жуковскаго отъ сего труда, который, можетъ быть, показался бы ему слишкомъ заботливымъ по неважности его произведенія, комитетъ требовалъ только того, чтобы къ шотландской балладѣ прибавлено было примѣчаніе, объясняющее лучше намѣреніе автора и нравственную цѣль ея и чтобы въ сей простонародной пѣснѣ исключены были выраженія, присвоенныя священнымъ предметамъ и установленіямъ церкви, и въ особенности церкви греческой.

Въ такомъ рѣшеніи сего дѣла комитетъ руководствовался уваженіемъ къ талантамъ г. Жуковскаго, съ которымъ онъ желалъ соединить возможное снисхожденіе къ разсматриваемому имъ послѣднему его произведенію.

Рѣшеніе комитета объявлено было г. цензоромъ Бируковымъ 9-го числа минувшаго августа явившемуся къ нему издателю «Русскаго Инвалида» г. Воейкову, потому что самъ г. Жуковскій не былъ въ комитетѣ и ни съ кѣмъ изъ цензоровъ не объяснялся по своему дѣлу.

Принесенная потомъ г. Жуковскимъ на комитетъ господину министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія жалоба въ непропускѣ переведенной имъ баллады и полученное комитетомъ вслѣдствіе сей жалобы предписаніе господина исправляющаго должность попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, которымъ требуется отъ комитета подробное по сему предмету объясненіе, поставили комитетъ въ необходимость трудить начальство свое симъ обстоятельнымъ изложеніемъ всего дѣла, къ которому комитетъ въ оправданіе свое считаетъ за долгъ присовокупить еще слѣдующее:

Жалоба г. Жуковскаго заставила комитетъ вновь разсмотрѣть пере-

водъ баллады Вальтера-Скотта и мнѣніе свое объ ономъ повѣрить сличеніемъ его съ самымъ подлинникомъ. Изъ сего сличенія открылось:

1) Что англійскій подлинникъ писанъ въ такомъ духѣ, по которому читатель тотчасъ узнаетъ автора (протестанта), желавшаго представить въ смѣшномъ видѣ суевѣріе древнихъ предковъ своихъ, принадлежавшихъ къ римской церкви. Читатель тотчасъ увидитъ, что авторъ не заботился говорить съ уваженіемъ о самыхъ установленіяхъ и нѣкоторыхъ мнѣніяхъ сей церкви, потому что они не уважаются или не приняты протестантами.

2) Хотя г. Жуковскій и старался сдѣлать переводъ свой вѣрнымъ, и, конечно, понималъ духъ автора; однакожъ, переводчикъ не могъ передать сего духа совершенно своимъ читателямъ, по обстоятельствамъ, не столько благопріятствовавшимъ ему въ Россіи, гдѣ терпимы и покровительствуемы всѣ христіанскія вѣроисповѣданія, и гдѣ въ самой господствующей Греко-россійской церкви сохраняются древнія установленія и обряды, отчасти сходные съ римско-католическими. Можетъ быть, по симъ самымъ причинамъ переводчикъ находился въ необходимости отступать отъ подлинника; но при семъ онъ позволялъ себѣ иногда и то, чего, можетъ быть, не сдѣлалъ бы самъ авторъ. Нѣкоторыя отступленія его отъ яснаго смысла оригинальной баллады и собственныя его прибавленія, по мнѣнію комитета, затемняютъ даже усматриваемое въ подлинникѣ намѣреніе автора касаться съ большею разборчивостію предметовъ, равно почитаемыхъ католиками и протестантами, и говорить (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ) съ большею осторожностію и скромностію о непозволенной любви [1]). Такіе примѣры находятся въ представляемомъ при семъ подъ литерою Д. сравненіи нѣкоторыхъ мѣстъ перевода съ подлинникомъ, и особливо подъ числами 3, 4, 6, 11, 14, 16 и 21.

3) Сочинитель баллады Вальтеръ-Скоттъ не считалъ излишнимъ нѣкоторыя темныя и для самыхъ англичанъ мѣста своего стихотворенія пояснить историческими и другими примѣчаніями, при которыхъ читатель получаетъ правильнѣйшее понятіе о семъ произведеніи поэзіи. Комитетъ прилагаетъ здѣсь вѣрный списокъ всей оригинальной піесы, какъ она напечатана на страницахъ 21—37 въ V томѣ собранія стихотворныхъ сочиненій Вальтеръ Скотта, изданныхъ въ Парижѣ въ 1821 году въ семи частяхъ въ 8-ю долю листа.

Сіи новыя обстоятельства утверждаютъ комитетъ въ мнѣніи его, что онъ безъ нарушенія справедливости, и напротивъ того согласно со 2-ю и 15-ю статьями высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ могъ предлагать объ исправленіи того вида, въ какомъ г. Воейковъ желалъ было

---

[1]) Срав. Изслѣдованія и статьи М. И. Сухомлинова. Т. I, стр. 445 и 446, изд. 1889 г.

напечатать въ своемъ изданіи шотландскую балладу, переведенную г. Жуковскимъ.

Комитетъ осмѣливается требованное отъ него начальствомъ его подробное объясненіе сіе заключить мнѣніемъ своимъ, что въ содержаніи баллады Ивановъ вечеръ, если бы она осталась безъ всякой перемѣны и исправленія, могутъ набожные читатели найти такое употребленіе піитической свободы, которое трудно было бы согласить съ принятымъ въ Греко-россійской церкви толкованіемъ заповѣдей, запрещающихъ суевѣріе и соблазнительныя сказки, и повелѣвающихъ всѣмъ и во всѣхъ случаяхъ хранить почитаніе къ священнымъ установленіямъ вѣры.

При такомъ разсмотрѣніи баллады Ивановъ вечеръ цензоры сомнѣваются представить правительству и тысячамъ читателей «Русскаго Инвалида» поручительство свое въ томъ, что баллада сія не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго уставу о цензурѣ.

Подписали: Александръ Бируковъ, Александръ Красовскій, Карлъ фонъ-Поль.

Лит. Д.

Сравненіе нѣкоторыхъ мѣстъ русскаго стихотворнаго перевода баллады «Ивановъ вечеръ» съ англійскимъ подлинникомъ, къ которому пріобщенъ буквальный прозаическій переводъ.

Переводъ стихами:	Англійскій подлинникъ съ буквальнымъ переводомъ:
7-ой куплетъ.	
1) Соскочивъ у часовни	He lighted at the Chapellage Онъ слѣзъ съ лошади у церкви.
8-ой куплетъ.	
2) Ты младенецъ; но ты откровененъ душей И слова непритворны твои	Thought thou art young and tender of age I think thou art true to me Хотя ты молодъ и еще малолѣтенъ, Однакожъ я думаю, что ты вѣренъ мнѣ.
13-ый куплетъ.	
3) О Творецъ! у огня одинокаго тамъ Мнѣ невѣдомый рыцарь стоялъ;	And, by Mary's might! one armed knight Stood by the lonely flame. Клянусь силою Маріи (Богородицею), что какой-то вооруженный рыцарь Стоялъ у одинокаго пламени (огня).

16-ый куплетъ.

4) И сказала, я слышалъ: въ полуночный часъ
Передъ свѣтлымъ Ивановымъ днемъ,
Приходи ты, мой мужъ не опасенъ для насъ;
Онъ съ могучимъ Боклю ополчился теперь,

And I heard her name the midnight hour
And name this holy eve
And say, Come this night to thy lady's bower
Ask no bold Baron's leave.
И я слышалъ, какъ она поминала полуночный часъ
И какъ называла этотъ святой вечеръ;
И говорила, приходи въ эту ночь въ бесѣдку (гротъ) твоей госпожи,
Не спрашивай у храбраго барона позволенья.

17-ый куплетъ.

Онъ въ сраженьи забылъ про меня,
И тайкомъ отопру я для милаго дверь
Наканунѣ Иванова дня!"

He lifts his spear with the bold Buccleuch
His lady is all alone;
The door she'll undo to her knight so true,
On the eve of good St. John".
Онъ поднимаетъ копье (онъ на войнѣ) вмѣстѣ съ храбрымъ Боклю;
Барыня (жена) его одна одинехонька:
Она отворитъ дверь столь вѣрному своему кавалеру
Въ вечеру передъ Ивановымъ днемъ (собственно въ вечеру милостиваго св. Іоанна).

18-ый куплетъ.

5) Предъ Ивановымъ днемъ, одинокимъ путемъ
Я пойду! мнѣ товарища нѣтъ!"

On the eve of Saint John I must wander alone
In thy bower I may no be".
Въ Ивановъ вечеръ я долженъ странствовать одинъ,
У тебя въ бесѣдкѣ нельзя мнѣ быть.

19-ый куплетъ.

6) О, сомнѣнія прочь! безмятежная ночь
Предъ великимъ Ивановымъ днемъ
И тиха и полна и свиданьямъ она
Благосклонна въ молчаньи своемъ!

Now, out on thee, faint-hearted knight
Thou should'st not say me nay;
For the eve is sweet, and when lovers meet,
Is worth the whole summer's day.
Не бойся, робкій рыцарь,
Не отговаривайся;
Вѣдь этотъ вечеръ пріятенъ и при свиданіи любовниковъ
Онъ стоитъ цѣлаго лѣтняго дня.

20-ый куплетъ.

7) И въ пріютѣ моемъ предъ Ивановымъ днемъ
Безопасенъ ты будешь со мной!

So, by the black rood-stone and by holy St. John
Conjure thee, my Love, to be there
Блакрудстономъ (т. е. поставленнымъ тамъ крестомъ) [1]) и св. Іоанномъ
Заклинаю тебя, милый мой, быть тамъ!

21-ый куплетъ.

8) Но священникъ есть тамъ, онъ не спитъ по ночамъ,
Онъ приходъ мой узнаетъ ночной".

Yet there sleepeth a priest in the chamber to the east
And my foot-step he would know.
Но тамъ спитъ священникъ въ комнатѣ на восточной сторонѣ
И онъ узнаетъ меня по походкѣ.

22-ой куплетъ.

9) Онъ уйдетъ къ той порѣ! въ монастырь на горѣ
Панихиду онъ позванъ служить!
Кто-то былъ умерщвленъ; по душѣ его онъ
Будетъ три дня поминки творить.

„O fear not the priest, who sleepeth to the east!
For to Dryburgh the way he has ta'en;
And there to say mass, till three days to pass,
For the Soul of a knight that is slayne.
О! не бойся священника, который спитъ на восточной сторонѣ!
Онъ ушелъ въ Дрейбургъ (въ монастырь),
И тамъ останется цѣлые три дня служить обѣдню
По душѣ какого-то убитаго кавалера.

23-ій куплетъ.

10) Онъ нахмурясь глядѣлъ, онъ какъ мертвый блѣднѣлъ,
Онъ ужасенъ стоялъ при огнѣ,
Пусть о томъ, кто убитъ, онъ поминки творитъ;
То быть можетъ поминки по мнѣ!

He turned him around, and grimly he frowned.
Then he laughed right scornfully—
He who says the mass-rite for the soul of that knight,
Mayas well say mass for me.
Онъ обернулся и нахмурился,
Потомъ усмѣхнулся съ презрѣніемъ (и сказалъ):
Кто служитъ обѣдню по душѣ того кавалера,
Могъ бы отслужить ее по мнѣ (живомъ).

---

[1]) Собственно значитъ: чернымъ крестнымъ камнемъ, подъ которымъ авторъ разумѣетъ почитавшейся святынею Мельрозскій крестъ, сдѣланный изъ чернаго мрамора.

24-ый куплетъ.

11) Но полуночный часъ благосклоненъ для насъ:
Я приду подъ защитою мглы.

As the lone midnight hour, when bad spirits have power
In thy chamber will I be!
Въ одинокій (безмолвный) полуночный часъ, когда злые духи имѣютъ власть,
Я буду въ твоей комнатѣ!

25-ый куплетъ.

12) Но скажи, наконецъ, кто ночной сей пришлецъ?

Now, tell me the mean of the knight thou hast seen,
For by Mary he shall die!"
Скажи жъ, какимъ показался тебѣ рыцарь, котораго ты видѣлъ,
Ибо клянусь Маріею (Пресвятою Дѣвою), что онъ не будетъ живъ.

26-ой куплетъ.

13) Показалося мнѣ, при блестящемъ огнѣ:
Былъ шеломъ съ соколинымъ пеломъ,
И палашъ боевой на цѣпи золотой;
Три звѣзды на щитѣ голубомъ!"

His arms shone full bright in the beacon's red light,
His plume it was scarlet and blue
On his shield was a hound, in a silver leash bound
And his crest was a branch of the yew
Его оружіе ярко блистало при свѣтѣ маяка,
Перья отсвѣчивали багрянымъ и лазоревымъ цвѣтомъ;
На его щитѣ была изображена собака, на серебряной привязи,
А на шишакѣ была вѣтвь тисоваго дерева.

28-ой куплетъ.

14) Нѣтъ, не чудилось мнѣ! я стоялъ при огнѣ
И увидѣлъ, услышалъ я самъ,
Какъ его обняла, какъ его назвала,
То былъ Ричардъ Кольдингамъ!"

Yet hear but my word, my noble lord.
For I heard her name his name;
And that lady bright, she called the knight
Sir Richard of Coldinghame!
Но позволь мнѣ сказать еще словечко, знатный мой баронъ,
Я вѣдь слышалъ, какъ она называла его по имени,
Знатная барыня называла кавалера
Сэръ Ричардъ Кольдингамъ.

31-ый куплетъ.

15) Ужъ три ночи, три дня какъ поминки творятъ
Чернецы за его упокой!"

For the Dryburgh bells ring, and the white monks do sing
For his Richard of Coldinghame!
Ибо Дрейбургскіе колокола звонятъ и бѣлые монахи поютъ, поминая
Сэра Ричарда Кольдингама.

35-ый куплетъ.

16) А Боклю наблюдать мнѣ маякъ мой велитъ
И беречься недобрыхъ гостей".

And Buccleuch has charged us evermore,
To watch our beacons well".
А Боклю наказывалъ намъ завсегда
Стеречь крѣпко наши маяки.

36-ой куплетъ.

17) При отвѣтѣ такомъ, измѣнилась лицомъ
И ни слова... ни слова, и онъ!
И пошла въ свой покой съ наклоненной главой
И за нею суровый баронъ.

The lady blush'd red, but nothing she said;
Nor added the baron a word.
Then she stepp'd down the stair to her chamber fair,
And so did her moody lord.
Жена покраснѣла, только ничего не сказала
И баронъ ни слова не промолвилъ.
Потомъ она пошла внизъ по лѣстницѣ въ свою прекрасную комнату,
Куда пошелъ и ея сердитый (огорченный) мужъ.

41-ый куплетъ.

18) Я во мракѣ ночномъ, потаеннымъ врагомъ
На дорогѣ измѣной убитъ!
Ужъ три ночи, три дня, какъ монахи меня
Поминаютъ и трупъ мой зарытъ!

By Eildon-tree, for long nights three
In bloody grave have I lain:
The mass and the death-prayer are said for me,
But, lady, they are said in vain.
У Эльдонова дерева цѣлыя три ночи
Я лежалъ въ окровавленной могилѣ;
По душѣ моей поютъ обѣдни, молятся какъ за покойника,
Но все это напрасно, сударыня.

42-ой куплетъ.

19) Онъ съ тобой! Онъ съ тобой, сей убійца ночной,
И ужасный теперь ему сонъ!
И на долго во мглѣ, на пустынной скалѣ
Гдѣ маякъ, я бродить осужденъ!

By the Baron's brand, near Tweed's fair strand,
Most foully slain I fell;
And my restless sprite on the beacon's height
For a space is doomed to dwell.
У баронова маяка, близъ прекраснаго берега рѣки Твида
Я былъ убитъ, убитъ самымъ безчестнымъ образомъ;
И моему безпокойному духу на высотѣ маяка
Опредѣлено оставаться на нѣкоторое время.

43-ій куплетъ.

20) И она, помолясь и крестомъ ограждась,
Вопросила: Но что же съ тобой?
Дай одинъ мнѣ отвѣтъ: ты опасенъ или нѣтъ?
Онъ печально потрясъ головой.

Love mastered fear—her brow she crossed;
How, Richard, hast thou sped?
And art thou saved, or art thou lost?
The Vision shook his head!
Любовь побѣдила страхъ—она перекрестилась;
Какая жъ твоя участь, Ричардъ?
Спасенъ ли ты или погибъ?
Привидѣніе потрясло головою!

48-ой куплетъ.

22) Есть монахиня въ древнихъ Драйбургскихъ стѣнахъ:
И грустна и на свѣтъ не глядитъ,
Есть въ Мельрозской обители мрачный монахъ
И дичится людей и молчитъ.

There is a Nun in Dryburgh bower
Ne'er looks upon the sun;
There is a Monk in Melrose tower,
He speaketh word to none.
Есть монахиня въ Дрейбургской обители,
Она никогда не смотритъ на солнце;
Есть монахъ въ Мельрозскихъ стѣнахъ (въ мрачной башнѣ),
Онъ ни слова ни съ кѣмъ не говоритъ.

49-ый куплетъ.

23) Сей монахъ молчаливый и мрачный—кто онъ?
Та монахиня—кто же она?
То убійца—суровый смальгольмскій баронъ;
То—его молодая жена.

That Nun, who ne'er beholds the day
That Monk, who speaks to none
That nun was Smaylholmes Lady gay
That Munk the bold Baron.
Эта монахиня, которая никогда не видитъ дневнаго свѣта, была ловкая жена барона.
Этотъ монахъ, который ни съ кѣмъ не говоритъ, былъ храбрый баронъ.

Примѣчаніе. Сіе сравненіе нѣкоторыхъ мѣстъ стихотворнаго перевода шотландской баллады съ подлинникомъ сдѣлано единственно для того, чтобы показать, что переводчикъ, позволявшій себѣ сіи и другія перемѣны, не совсѣмъ сообразныя съ мыслями автора, могъ бы гораздо съ большею пользою рѣшиться на подобное отступленіе для яснѣйшаго представленія нравственной цѣли сего стихотворенія, чѣмъ онъ сдѣлалъ бы свой трудъ совершеннѣе.

3.

Предписаніе исправляющаго должность попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа Дмитрія Рунича с.-петербургскому цензурному комитету.

2-го октября 1822 года. № 633.

Усматривая изъ донесенія и объясненія комитета, равно какъ и изъ прочихъ приложеній, представленныхъ мнѣ отъ 11-го минувшаго сентября, произведенное комитетомъ правильное и основательное разсмотрѣніе переведенной коллежскимъ ассесоромъ Жуковскимъ баллады, подъ названіемъ: «Ивановъ вечеръ», я съ особеннымъ удовольствіемъ изъявляю мою признательность комитету, исполняющему со всею осмотрительностію и осторожностію свое дѣло, будучи совершенно увѣренъ, что комитетъ и впредь въ подобныхъ случаяхъ будетъ поступать также. Копію съ донесенія моего господину министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія объ означенной балладѣ препровождаю у сего къ свѣдѣнію комитета.

4.

Отношеніе исправляющаго должность попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа Дмитрія Рунича господину министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

2-го октября 1822 года. № 634.

Вслѣдствіе предписанія вашего сіятельства отъ 22-го минувшаго августа, истребовавъ отъ с.-петербургскаго цензурнаго комитета объясненіе по жалобѣ г. коллежскаго ассесора Жуковскаго, за непропускъ переведенной имъ баллады подъ названіемъ Ивановъ вечеръ, имѣю честь представить у сего на благоусмотрѣніе вашего сіятельства доставленныя мнѣ цензурнымъ комитетомъ, въ копіи донесеніе его мнѣ по сему предмету, подлинное объясненіе комитета, переводъ баллады Жуковскаго, англійскій подлинникъ и сравненіе нѣкоторыхъ мѣстъ перевода съ оригиналомъ.

Ваше сіятельство изъ объясненія цензурнаго комитета и прочихъ приложеній усмотрѣть изволите правильность поступка комитета, заслуживающаго полную признательность за осторожность и благоразуміе въ семъ случаѣ.

Когда переводчикъ баллады произвольно позволилъ себѣ во многихъ мѣстахъ измѣнить не только выраженія, но и самый смыслъ (Вальтеръ)

Скотта, то весьма легко могъ бы онъ замѣнить тѣ мѣста, которыя комитетъ признавалъ неприличными, другими; ибо, не говоря уже о томъ, что обычаи и названія въ переводѣ одной страны или одного народа невозможно подмѣнивать обычаями и названіями другаго, въ такой піесѣ, которая описываетъ обычаи и нравы именно такой-то страны. Еще менѣе дозволено быть можетъ употребленіе названій и обрядовъ господствующей религіи вмѣсто названій и обрядовъ, принадлежащихъ къ тому мѣсту, гдѣ описываемое происходило, что можетъ быть терпимо развѣ въ подражаніи только.

Впрочемъ, какъ баллада Ивановъ вечеръ не только полезнаго для ума и сердца не заключаетъ, но и совершенно чужда всякой нравственной цѣли, то я считаю, что ни переводъ оной, ни подражаніе, безъ перемѣнъ, требуемыхъ цензурнымъ комитетомъ, къ напечатанію одобрены быть не могутъ.

Находя во всѣхъ дѣйствіяхъ комитета благоразуміе и основательность, я не оставилъ изъявить оному, по всей справедливости, и принадлежащія ему одобреніе и похвалу, предавая за симъ правильность поступка его въ семъ случаѣ главноначальственному благоволенію вашего сіятельства.

5.

Отношеніе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя Александра Голицына господину исправляющему должность попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа.

4-го ноября 1822 года. № 3196.

На представленіе вашего превосходительства отъ 2-го минувшаго октября, съ приложеніемъ объясненія здѣшняго цензурнаго комитета въ непропускѣ онымъ къ напечатанію въ газетѣ Русскій Инвалидъ переведенной г. Жуковскимъ баллады Ивановъ вечеръ, честь имѣю отвѣтствовать, что, прочитавъ объясненіе сіе и нашедши, что напечатаніе означеннаго стихотворенія не совершенно воспрещено, а въ предупрежденіе непріятныхъ толковъ, признано нужнымъ: во-первыхъ, объясненіе историческими примѣчаніями нѣкоторыхъ обстоятельствъ сочиненія; во-вторыхъ, перемѣна нѣкоторыхъ выраженій, присвоенныхъ установленіямъ Греко-россійской церкви, и въ-третьихъ, открытіе нравственной цѣли сочиненія съ большею ясностію и чистотою, я полагаю, что предосторожность сія не столь излишня, чтобы она подвергала уничтоженію рѣшеніе. Перемѣнить нѣсколько идей и выраженій весьма легко г. Жуковскому, а чрезъ то отвратится всякое опасеніе перетолко-

вания, и дастся удобность комитету, безъ нарушенія предписанной осмотрительности, одобрить къ напечатанію стихотворенія его.

Давъ знать о семъ г. переводчику, въ отвѣтъ на принесенную имъ жалобу по сему предмету, поручаю вамъ, милостивый государь мой, предложить означенному цензурному комитету о пропускѣ къ напечатанію помянутаго стихотворенія съ изъясненнымъ здѣсь пополненіемъ.

Баллада В. А. Жуковскаго была напечатана два года спустя въ «Новостяхъ литературы» (1824 г., кн. VII, № 7, стр. 106—111), издававшихся въ видѣ приложенія къ «Русскому Инвалиду» и названа: «Дункановъ вечеръ». Въ полномъ собраніи сочиненій В. А. Жуковскаго баллада напечатана подъ заглавіемъ: «Замокъ Смальгольмъ».

Сообщ. **Н. Д.**

Объ исключеніи М. Сперанскаго и почтъ-директора Ключарева изъ гражданскихъ списковъ.

1812—1816 г.г.

Письмо Осипа Козодавлева къ Василію Романовичу Марченкѣ.

28-го іюля 1816 года, № 669.

Въ журналѣ Комитета г.г. министровъ въ прошедшемъ 1812 или въ началѣ 1813 года положено было исключить изъ адресъ-календаря и изъ статскаго списка бывшаго государственнаго секретаря Сперанскаго и бывшаго московскаго почтъ-директора Ключарева.

Имѣя надобность для нѣкоторой справки въ помянутомъ положеніи, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство, буде возможно, доставить ко мнѣ копію съ онаго.

Письмо В. Р. Марченко—О. П. Козодавлеву.

30-го іюля 1816 года, № 262.

Требуемое вашимъ превосходительствомъ положеніе Комитета г.г. министровъ декабря 10-го дня 1812 года о непомѣщеніи въ статскомъ спискѣ бывшихъ: государственнаго секретаря Сперанскаго, статсъ-секретаря Магницкаго и московскаго почтъ-директора Ключарева, имѣю честь при семъ къ вамъ препроводить.

Выписка изъ журнала Комитета министровъ, декабря 10-го дня 1812 года.

Слушана записка министра юстиціи о разрѣшеніи: вносить ли въ статскій списокъ Сперанскаго, Магницкаго и Ключарева.

Герольдмейстеръ Грушецкой, донося министру юстиціи объ изготовляемомъ къ изданію на 1813 годъ спискѣ состоящимъ въ гражданской службѣ чинамъ первыхъ пяти классовъ, испрашиваетъ разрѣшенія: помѣщать ли въ ономъ Сперанскаго, Магницкаго и Ключарева, изъ которыхъ первый доселѣ именованъ былъ въ спискѣ директоромъ Коммиссіи законовъ, канцлеромъ Абовскаго университета и членомъ Главнаго училищъ правленія; второй—статсъ-секретаремъ при Государственномъ Совѣтѣ по департаменту законовъ, а послѣдній—московскимъ почтъ-директоромъ. Министръ юстиціи, не могши самъ собою разрѣшить герольдмейстера, представляетъ о немъ Комитету министровъ.

Комитетъ положилъ: Сперанскаго, Магницкаго и Ключарева въ изготовляемый Герольдіею списокъ не вносить, такъ какъ они ни при должностяхъ не находятся, ни при Герольдіи не числятся, для чего и сообщить министру юстиціи выписку изъ сего журнала къ надлежащему исполненію.

Великій князь Константинъ Павловичъ

въ сомнѣніяхъ и отрицаніяхъ современныхъ ему порядковъ.

(Изъ переписки его съ Н. М. Сипягинымъ) [1]).

1.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

1-го января 1816 г. Варшава.

Николай Мартьяновичъ,

Скажите Бога ради, когда будетъ конецъ перемѣнамъ въ обмундированіи? что хотятъ сдѣлать изъ гвардейскаго драгунскаго полка—стыдно будетъ съ полкомъ показаться; будетъ весь полкъ камергеры или тамбуръ-мажоры и трубачи, а при томъ и страшное разореніе для бѣдныхъ офицеровъ, никто изъ нихъ не въ состояніи будетъ съ такими перемѣнами служить; а при томъ и для полка ужасная разстройка, три комплекта мундировъ надобно лишиться.

Я прошу васъ употребить всевозможное ваше стараніе заступиться за этотъ полкъ, чтобы его оставить въ прежнемъ мундирѣ, я весьма вамъ буду за сіе благодаренъ и буду ожидать вашего подробнаго увѣдомленія, что государь императоръ изволитъ сказать на мой къ вамъ оффиціальный отвѣтъ, который я поручаю вамъ доложить оригиналомъ.

Всегда съ искреннею дружбою и уваженіемъ къ вамъ расположенный.

---

[1]) Николай Мартьяновичъ Сипягинъ былъ въ то время начальникомъ штаба Гвардейскаго корпуса.

2.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

27-го февраля 1816 г. Варшава.

Получивъ извѣщеніе ваше, что государь императоръ приказать соизволилъ прислать сюда трехъ подпрапорщиковъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка для узнанія порядка военной службы, я съ трепетомъ ихъ ожидаю, и выведу весь варшавскій гарнизонъ, чтобы палъ ницъ лицомъ передъ ними, ибо не смѣю и помыслить того, чтобы ихъ здѣсь выучить, а развѣ у нихъ будемъ учиться, такъ какъ они были подъ мудрымъ начальствомъ и обучены у совершенныхъ знатоковъ, его сіятельства графа Милорадовича и его превосходительства генерала Потемкина.

На увѣдомленіе ваше, что у васъ приготовляются большіе парады и что надѣетесь, что моя старуха Конная гвардія не отстанетъ отъ прочихъ, скажу по пословицѣ «что я тащуся на кауромъ (?) за милостію», и такъ далѣе...

Бога ради избавьте подальше меня отъ вашего комитета сочиненія воинскаго устава.—Я отъ двухъ вещей бѣжалъ сюда изъ Петербурга за полторы тысячи верстъ: 1-е въ Мраморномъ дворцѣ пріемнаго зала и знаменной комнаты, а 2-е вашего комитета. Боюсь поклоновъ и шарканіевъ и сочиненія устава такъ, что если мнѣ сюда о немъ будутъ писать, то я дальше еще за полторы тысячи верстъ убѣгу.

Будьте здоровы, сего вамъ желаетъ съ дружбою истинно васъ уважающій.

3.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

5-го марта 1816 г. Варшава.

Получивъ ваше письмо, благодарю васъ за увѣдомленіе о вашихъ новостяхъ, и при семъ случаѣ скажу вамъ: что вѣрно отъ всѣхъ пріѣзжающихъ отсель вы услышите, что въ варшавскомъ гарнизонѣ форма въ одеждѣ во всей силѣ наблюдается.—Я всегда говорилъ, что 1-й, 2-й и 3-й будущіе главнокомандующіе дѣлаютъ б л у д ъ для молодыхъ офицеровъ своимъ примѣромъ, и желаю спросить, ежели они найдутъ кого изъ нихъ въ неформѣ, то какимъ образомъ, сами давши поводъ, могутъ сдѣлать взысканіе, о чемъ я и прежде еще кому слѣдуетъ д о к л а д ы в а л ъ.

Съ истинною дружбою и уваженіемъ къ вамъ всегда расположенный.

4.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

26-го марта 1816 г. Варшава.

Получивъ эстафету изъ С.-Петербурга и распечатывая, между прочими бумагами, пакеты отъ графа Михаила Андреевича (Милорадовича), посмотрѣвши на его печать, я не могъ, чтобы не заключить, что его сіятельство видно нынѣ очень занимается фронтовою службою, ибо даже свои декораціи выстроилъ онъ въ три шеренги и не забылъ въ запасъ поставить 4-хъ унтеръ-офицеровъ въ замкѣ,—дѣло видно не на шутку, какъ его сіятельство принялся за фронтъ.

Вотъ вамъ между дѣломъ и бездѣлье и за тѣмъ прошу васъ быть увѣрену во всегдашнемъ дружескомъ моемъ къ вамъ расположеніи.

5.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

27-го марта 1816 г. Варшава.

Получивъ письмо ваше съ штабсъ-ротмистромъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка Крыловымъ, въ которомъ вы увѣдомляете о С.-Петербургскихъ парадахъ и при томъ изъясняете ваши чувства приверженности ко мнѣ, я васъ весьма за все оное благодарю и въ полной мѣрѣ всегда увѣренъ въ вашей искренности предо мною.

Посылаю при семъ къ вамъ отвѣтъ на присланный отъ васъ вопросъ на счетъ команды: «колоннѣ глаза направо» и «глаза налѣво», прошу васъ прочитать его отъ безсонницы тогда, когда ляжете въ постель и не захочется спать, ибо я самъ, вставши по утру и выспавшись, послушавши какъ мнѣ эти правила читали, заснулъ бы, еслибы генералъ-маіоръ Курута меня не останавливалъ. И при семъ случаѣ откровенно вамъ скажу, что я знаю твердо всѣ таковыя правила, когда передъ фронтомъ, но что описать ихъ—такъ не берусь за это, а одинъ генералъ-маіоръ Курута въ состояніи у насъ здѣсь это дѣлать и потому этотъ отвѣтъ имъ и написанъ.

Впрочемъ прошу вѣрить въ истинной моей къ вамъ всегда дружбѣ и уваженіи.

6.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

8-го апрѣля 1816 г. Варшава.

Получивъ ваше письмо съ адъютантомъ моимъ княземъ Голицынымъ, я чувствую въ полной мѣрѣ милость государя императора особеннымъ высокимъ благоволеніемъ его къ Конной гвардіи, и при семъ случаѣ правду сказать она своимъ усердіемъ и исправностію всегда достойна была вниманія.

Что Конная гвардія пользуется нынѣ честію и отличіемъ, что ее показываютъ 2-му главнокомандующему [1]), это не мудрено, онъ прежде служилъ въ ней, и бывали такіе случаи, что приказывалъ я перевязывать ему галстухъ, стричь волосы и такъ далѣе и наконецъ по премудрости судебъ онъ долженъ былъ оставить ее.

По всему видно, что таковыми на хвастовство показываніями выѣзжаютъ у васъ, кажется, на одной гвардіи и удивляютъ 1-го и 2-го главнокомандующихъ. И я въ свою очередь могу сказать, что и у насъ здѣшняго края два гвардейскіе баталіона не только что удивятъ почтенныхъ и вышеупомянутыхъ главнокомандующихъ, но и изъ нашихъ братьевъ христолюбиваго православнаго воинства, кажется, удивили бы.

Посылаю при семъ къ вамъ прочесть отъ скуки, когда не захочется спать, моего сочиненія книжку,—я учился писать не на серебряныя деньги, а на бумажныя, когда во время оно онѣ существованіе возымѣли, и отъ того много есть въ правописаніи погрѣшностей, но мы признаемся о семъ въ заглавіи, а въ концѣ исправились.

Впрочемъ, душевно благодарю васъ за вашу искренность ко мнѣ и пожелавъ вамъ отъ всего сердца здоровья и всякаго благополучія и при увѣреніи въ истинной моей къ вамъ дружбѣ, скажу наконецъ какъ оберъ-церемоніймейстеръ въ операѣ Февеѣ: «Великій государь! какъ умѣлъ, такъ и учредилъ».

7.

Сипягинъ—великому князю Константину Павловичу.

12-го апрѣля 1816 г. С.-Петербургъ.

Поспѣшаю принести вашему императорскому высочеству поздравленіе съ наступающимъ праздникомъ Пасхи и пожелать, чтобы оный и

[1]) То-есть главнокомандующій 2-ю арміею.

многіе послѣдующіе были проведены вашимъ императорскимъ высочествомъ въ совершенномъ благополучіи.

Мы встрѣтили день сей большимъ парадомъ, о коемъ усмотрѣть изволите изъ препровождаемаго приказа, отправленнаго вмѣстѣ съ прочими бумагами. Всѣ полки заслужили монаршее благоволеніе, исключая лейбъ-гвардіи Семеновскаго, который, сбившись съ ноги, столь дурно церемоніальнымъ маршемъ прошелъ, что государь императоръ былъ весьма недоволенъ, и отдавъ въ приказѣ выговоръ генералъ-адъютанту Потемкину, повелѣлъ арестовать на сутки трехъ полковниковъ. Подобному же аресту подвергнулся и артиллеріи капитанъ Беклемишевъ за то, что лошади у одного орудія замялись и дурно были выѣзжены.

Ваше императорское высочество, заключая по печати графа Михаила Андреевича (Милорадовича), что онъ сталъ только заниматься фронтовою службою, нисколько не ошиблись, и въ большее въ томъ удостовѣреніе донесу, что и комитетъ нашъ немало ему въ томъ способствуетъ, доставивъ уже копіи съ воинскаго устава. Но сталъ ли онъ отъ того въ командѣ свѣдущѣе, и врѣзываются ли въ его память правила строя столь твердо, какъ вырѣзаны поставленные въ три шеренги кресты на его печати, о томъ историки наши молчатъ.

Прибывшій сюда отъ вашего императорскаго высочества полковникъ Орловъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ государю императору. Виновникомъ сего благополучія почитаетъ онъ ваше высочество и полагаетъ, что милостивымъ вашимъ объ немъ отзывомъ государю обязанъ сею лестною за службу его наградою.

Исполненный приверженности до гроба былъ и буду Вашего императорскаго высочества преданнѣйшій Сипягинъ.

8.

Сипягинъ — великому князю Константину Павловичу.

26-го апрѣля 1816 года. С.-Петербургъ.

....Уставъ Гарнизонной службы, сочиненіе вашего высочества, въ теченіе сей недѣли прочиталъ я съ большимъ вниманіемъ.—Благодаря съ чувствами искреннѣйшей признательности за милостивую онаго ко мнѣ присылку, я не могу не отдать сему уставу должной справедливости и скажу, что тамъ только можно строго и справедливо взыскивать съ людей, чтобы дѣло свое они въ точности знали, гдѣ каждому оно описано и поставлено въ правило.—Не входя въ разбирательство того, на какія деньги лучше учиться, я вижу, что и бумажныя, какъ вашему императорскому высочеству угодно было изъясниться, довели васъ до того, до чего, со всѣми стараніями нашими, мы въ комитетѣ о воинскомъ уставѣ

добиться не можемъ, и я осмѣлился бы подумать, ежели бы не имѣлъ счастія быть въ сотовариществѣ со 2-мъ главнокомандующимъ, что не на древнія ли кожаныя деньги уже мы учились, что такъ медленно подвигаемся. Откровенно признаюсь вашему императорскому высочеству, что я всѣ молитвы перезабылъ, твердя безпрерывно слѣдующую: «Господи и Владыко живота моего, духъ праздности, унынія и любоначалія не даждь намъ, духъ же смиренномудрія и терпѣнія даруй мнѣ рабу твоему».

9.

Сипягинъ—великому князю Константину Павловичу.

7-го іюня 1816 года. С.-Петербургъ.

Спѣшу воспользоваться счастіемъ разсказать вашему императорскому высочеству о всѣхъ достойнѣйшихъ примѣчанія новостяхъ нашихъ. Государь императоръ въ теченіе прошедшей недѣли изволилъ объѣздить разныя близъ С.-Петербурга лежащія мѣста, для показанія оныхъ принцу Оранскому.—Въ сіе-то время въ бытность въ Петергофѣ государь весьма былъ доволенъ л.-гв. Драгунскимъ полкомъ. 4-го числа изволилъ онъ быть у развода, который и осчастливленъ высочайшимъ благоволеніемъ его, при чемъ нижніе чины получили по рублю на человѣка.—Сего жъ числа его величество въ первый разъ изволилъ надѣть л.-гв. Драгунскаго полка мундиръ. Командиръ онаго воспользовался симъ случаемъ весьма кстати. До сихъ поръ не было еще назначеннаго дня для полковаго праздника; а посему, генералъ-маіоръ Чечеринъ и просилъ, чтобы тотъ незабвенный день, въ который императоръ осчастливилъ мундиръ полка, былъ назначенъ навсегда днемъ полковаго праздника, на что государь императоръ и соизволилъ. Хотя ненарочно, но весьма кстати случилось, что въ сей день (4-го іюня) празднуется память соименнаго дню ангела вашего высочества Св. Константина.

Я не могъ, какъ уже сказалъ, по болѣзни моей находиться при государѣ, а потому и поручилъ за себя бывшему адъютанту вашего высочества полковнику Орлову имѣть за всѣмъ должный надзоръ. Ему в с я с і я с у т ь и з в ѣ с т н а; ибо и самъ не разъ хаживалъ въ караулъ съ черной смѣной. Онъ, правда, не признается, однако я смѣю полагать за весьма сбыточное дѣло, что ему нерѣдко и голову мывали!.. Онъ-то, какъ вѣрный всего наблюдатель, объявилъ мнѣ, что государь въ Петергофѣ очень доволенъ былъ всѣмъ.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи повторить еще разъ, что всѣ поѣздки въ Ораніенбаумъ, Кронштадтъ и прочія около столицы лежащія мѣста доставляли государю особенное удовольствіе. Повсемѣстная во всемъ исправность, неописанное всѣхъ и каждаго рвеніе угождать го-

сударю и самая ясная и благопріятная погода, украсившая тишиною море и прекрасныя окрестности Петербурга, располагали душу монарха къ живѣйшимъ чувствамъ безмятежнаго удовольствія. Вчера (6-го числа), въ воспоминаніе знаменитой побѣды при Ватерло, устроенъ въ гор. Павловскѣ великолѣпный праздникъ. Всѣ г. г. генералы также штабъ-офицеры, ротмистры и капитаны гвардейскихъ полковъ приглашены къ оному. Сегодня ожидаемъ мы прибытія государя въ С.-Петербургъ, а 10-го, какъ полагаютъ, назначенъ отъѣздъ принца Оранскаго.

Прошелъ слухъ, что ваше императорское высочество изволите прибыть скоро въ С.-Петербургъ. Я почту для себя сердечнымъ праздникомъ прибытіе вашего высочества къ намъ и сугубо вознагражденъ буду онымъ зато, что не могъ участвовать во всѣхъ бывшихъ доселѣ здѣсь празднествахъ. Преданность моя къ особѣ вашей дѣлаетъ меня невольно боязливымъ на счетъ того, чтобы долговременное пребываніе въ Варшавѣ не изгладило изъ памяти вашей тѣхъ людей, которые о томъ только думаютъ и стараются, чтобъ продлить и поддержать милостивое расположеніе ваше.

Во всѣ сіи дни ученьевъ и смотровъ у насъ никакихъ не было, а приготовляемся мы къ линейнымъ ученьямъ на Смоленскомъ полѣ. Должно полагать, что съ половины сего мѣсяца ученья сіи начнутся. Но прежде оныхъ государь императоръ желаетъ осмотрѣть кавалерійскіе полки, которымъ настаетъ время выходить на траву.

О себѣ осмѣлюсь сказать, что болѣзнь моя, помучивъ меня нѣсколько дней, сдѣлалась, кажется, гораздо снисходительнѣе. Завтрашній день полагаю выступить на сцену. Готовясь къ сему важному шагу, повторяю обыкновенную мою молитву: «Господи, не введи мя во искушеніе и избави мя отъ лукаваго». Господь, покрывающій правыхъ сердцемъ, единая надежда моя на трудномъ и скользкомъ пути.

Боясь утомить ваше высочество длиннотою письма моего, хотѣлъ было симъ окончить оное, но почувствовалъ непреодолимое желаніе препроводить къ вамъ 20-ю книжку «Духа журналовъ». Въ ней есть прелюбопытная статья подъ заглавіемъ «Старое и новое время». Въ слѣдующей 21-й книжкѣ сказано, что это переводъ съ китайскаго. Если повѣрить этому, то нельзя не согласиться, что и велемудрые китайцы съ нѣкотораго времени, какъ видно, чрезвычайно стали походить на нашихъ многогрѣшныхъ европейцевъ!... Вотъ, наконецъ, и всѣ любопытнѣйшія новости наши! Описавъ ихъ, я беру смѣлость препоручить себя на дальнѣйшее время милостивому благорасположенію вашему, и остаюсь на вѣкъ вашъ преданнѣйшій.

При этомъ письмѣ было приложено нижеслѣдующее:

Письмо Сипягина—графу Михаилу Андреевичу Милорадовичу.

Іюня 1816 года. С.-Петербургъ.

Сейчасъ получилъ я отъ вашего сіятельства два повелѣнія, которыми налагаете на меня обязанность отдать въ приказѣ, чтобы всѣ халаты, во всѣхъ полкахъ, немедленно отъ нижнихъ чиновъ отобраны были и въ присутствіи полковыхъ командировъ сожжены. Приказаніе такого рода покажется слишкомъ новымъ и необыкновеннымъ, тѣмъ болѣе, что оно будетъ еще первое во все царствованіе государя, котораго повелѣнія привыкли мы считать уставами самой благости и мудрости. Вотъ почему прежде чѣмъ приступить къ отданію сего приказа, я рѣшился послать къ вашему сіятельству нарочнаго офицера и, зная, что вы сегодня увидите государя въ Павловскѣ, осмѣливаюсь просить: не угодно ли будетъ доложить его величеству, чтобы приказанія сего не приводить въ дѣйствіе. Васъ, можетъ быть, удивитъ дерзость моего предложенія, но я увѣряю честію, что еслибъ болѣзнь моя мнѣ не препятствовала, то я непремѣнно доложилъ бы самъ лично о семъ его императорскому величеству. Я увѣренъ, что государь, котораго кротость и великодушіе извѣстны свѣту, отдалъ приказаніе сіе въ минуту справедливаго негодованія при извѣстіи о случившейся непріятности. Люди, удостоенные преимущественнаго вниманія государя, чувствуя въ полной мѣрѣ цѣну онаго, однимъ только тѣмъ могутъ возблагодарить за счастіе быть приближенными къ священной особѣ его, чтобы, во всякомъ случаѣ, говорить предъ нимъ правду. Вамъ болѣе, нежели кому-нибудь извѣстно настоящее положеніе солдатъ. Извѣстно и то, что послѣдніе славные походы доставили имъ случай быть въ другихъ государствахъ, видѣть содержаніе тамошнихъ войскъ и невольно сравнивать жребій свой съ участію оныхъ. Вотъ почему и должно намъ оберегать и малѣйшую собственность солдата нашего. Я никакъ не оправдываю поступка лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка рядовыхъ, которые и не должны остаться безъ примѣрнаго наказанія, но сама справедливость требуетъ, чтобы наказаніе сіе, исполнено будучи надъ ними, не распространялось на другихъ. Не могу также не замѣтить страшнаго желанія командира лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка замѣшать въ сіе дѣло нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, которые, какъ мнѣ кажется, не могли быть участниками въ преступленіи семъ. Мнѣніе мое основываю на самомъ дѣлѣ; ибо челобитчики, имѣющіе знаки побоевъ, увѣряютъ, что получили ихъ именно отъ людей съ синими воротниками. Хотя и говорятъ, что народъ нашъ не просвѣщенъ, но, чтобъ отличить синее отъ зеленаго, кажется, не нужно много ума!— Я имѣю еще одно предложеніе сдѣлать вашему сіятельству. Если сверхъ чаянія государю императору уже непремѣнно

угодно будетъ приказать исполнить повелѣніе свое на счетъ сожженія халатовъ; то позвольте мнѣ приказъ о семъ отдать отъ имени вашего. Конечно, въ нынѣшнемъ вѣкѣ поступокъ будетъ слишкомъ новъ, ибо у насъ обыкновенно привыкли все хорошее присвоивать себѣ, а все невыгодное для насъ приписывать другимъ. Но я имѣю какое-то утѣшительное чувствіе, увѣряющее меня, что намъ не нужно будетъ прибѣгать даже и къ сему средству. Поспѣшите только доложить его величеству, наказаніе, конечно, будетъ смягчено, или вовсе отмѣнено. Въ семъ убѣждаетъ меня познаніе величія души государя. Я неоднократно былъ свидѣтелемъ образа мыслей и сужденій его о подобныхъ дѣлахъ, а потому и увѣренъ, что истина никогда не можетъ быть противна правдолюбивому сердцу его. Отъ воли вашего сіятельства зависѣть будетъ представить письмо мое его величеству, буде сочтете сіе за нужное. И если бы, чего я никакъ не ожидаю, смѣлость моя и показалась государю непріятною, то за усердное исполненіе обязанности моей найду я достаточное вознагражденіе въ собственной совѣсти, которой спокойствія никакими дарами счастья купить невозможно.

10.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

10-го іюня 1816 года. Варшава.

Я имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше отъ 7-го іюня, весьма благодарю васъ за всѣ ваши увѣдомленія и совершенно съ вами согласенъ на счетъ всего того, что вы пишете, и при томъ еще прибавлю, что и я держусь самъ всегда этой молитвы: «Господи, не введи мя во искушеніе и избави мя отъ лукаваго». И какъ я привыкъ и безъ халата быть не могу и боюсь, чтобы вы не сожгли моего, то и страшусь пріѣзда къ вамъ, а сижу здѣсь; но только нечего сказать, выдерживаю порядочное испытаніе: шесть мѣсяцевъ курьеръ мой жилъ въ С.-Петербургѣ и пріѣхалъ назадъ, но формально ни на что не привезъ никакого отвѣта. Это испытаніе походитъ хотя бы какъ въ масонской ложѣ, когда бываетъ въ высшей степени оное, и потому я уже рѣшился теперь самъ собою здѣсь разрѣшать дѣла, что называется очертя голову,—не знаю, хорошо ли будетъ или худо!

Въ отвѣтъ вамъ, что вы мнѣ пишете о журналахъ и что помѣщаютъ переводы будто съ китайскаго языка, скажу мое мнѣніе, что я не любилъ и не люблю журналовъ и потому не читаю ихъ, а что у насъ распложаются оные, то врядъ-ли что отъ нихъ можно ожидать полезнаго, ибо всѣ такіе журналы, которые подъ видомъ, что выхваляютъ и съ разными еще прикрасами правительство, но напротивъ то-

*

го между прочимъ подъ видомъ совсѣмъ постороннихъ матерій болѣе вредятъ правительству, дѣйствуя на умы. И кажется, у насъ рано еще такую печать распространять, ибо большая часть людей безъ всякаго здраваго размышленія вѣрятъ слѣпо всему тому, что напечатано, какъ бы Евангелію и отъ не просвѣщенія, а между тѣмъ лукавой разносмысленности журналовъ, такъ наберутъ, что послѣ и не сообразишь.

Желая душевно, чтобы здоровье ваше совершенно поправилось— всегда есть съ истинною къ вамъ дружбою и уваженіемъ.

11.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

24-го іюня 1816 года.

Я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо отъ 14-го сего мѣсяца. Благодарю васъ за увѣдомленіе и весьма доволенъ, что ваше здоровье поправилось. Въ отвѣтъ же вамъ скажу на то, что вы желаете, что какъ болѣзнь васъ оставила, то оставили бы васъ также въ покоѣ и нѣкоторыя придворныя лица, отъ которыхъ нѣтъ никакихъ средствъ избавиться, кромѣ терпѣнія. Нѣтъ есть средство ихъ избавиться. Это пріѣхать въ Варшаву. Я сижу здѣсь и весьма доволенъ, что избавленъ многихъ придворныхъ шаркателей и на этотъ разъ скажу, какъ въ одной французской трагедіи говорится Honorez moi seigneur de votre indifference.

Съ истинною дружбою всегда васъ уважающій.

12.

Сипягинъ—великому князю Константину Павловичу.

29-го іюня 1816 года С.-Петербургъ.

Милостивое и крайне для меня лестное письмо вашего императорскаго высочества я имѣлъ счастіе получить. По преданности моей къ вамъ, я не могу не принять душевнаго участія въ непріятности положенія, въ которое обстоятельства васъ поставляютъ. Конечно, для души, исполненной неусыпной дѣятельности, и сильныхъ порывовъ къ общему благу, всякая медленность и нерѣшимость томительна и тягостна. Ваше высочество изволите сравнивать испытаніе, которому такъ великодушно подвергаетесь, съ испытаніемъ въ масонскихъ ложахъ. Но мнѣ кажется, что послѣднее гораздо сноснѣе перваго, ибо испытываемый въ ложѣ ободряется несомнѣнною предувѣренностію, что все

должно кончиться скорою и для него выгодною развязкой. Однако я увѣренъ, что никакія обстоятельства не могутъ ослабить свойственной вамъ бодрости, и вы не престанете удивлять насъ во всемъ таковыми же успѣхами, каковыми доселѣ ознаменованы были всѣ предначинанія ваши.

На счетъ нѣкоторыхъ неблагонамѣренныхъ журналовъ мнѣніе вашего императорскаго высочества столь убѣдительно, что я невольно съ онымъ согласиться долженъ. Франція близкій и недавній примѣръ тому, что могутъ произвести надъ умами лукавыя внушенія. Кривые толки неблагонамѣренныхъ рассорили правительство съ народомъ и возбудили всѣ бури революціи, низпровергшей благоденствіе одной изъ первыхъ въ Европѣ державъ.

Бывшее у насъ на Смоленскомъ полѣ сраженіе іюня 24-го дня подаетъ мнѣ поводъ препроводить къ вашему императорскому высочеству вѣрнѣйшій планъ и краткое описаніе онаго. Симъ кончились линейныя наши ученья, и начались каникулы, имѣющія продолжаться цѣлый мѣсяцъ.

Съ чувствами сердечной признательности принявъ желаніе вашего высочества на счетъ востановленія моего здоровья, я съ такою же, какъ и всегда, ничѣмъ неизмѣнною приверженностію имѣю счастіе быть.

13.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

18-го сентября 1816 года. Варшава.

Я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо отъ 6-го сентября и благодарю васъ за новости, на счетъ же того, что вы пишете, что одна новость произвела почти такое же волненіе въ умахъ, какъ и бѣгство Наполеона съ острова Эльбы, но на сіе скажу вамъ, что я никогда не волновался и не волнуюсь, впрочемъ когда мы другъ друга довольно знаемъ и хоть и вдали бываемъ, но всегда отгадываемъ мысли одинъ другаго, слѣдовательно и въ теперешнемъ разѣ вы мемя понимаете. Говорить хоть не позволено, но думать не запрещается, и я заключу на счетъ сего тѣмъ, что всегда большія празднества кончаются иллюминаціею. Я васъ также попотчиваю московскою новостью, ежели вы объ ней еще не слыхали, она состоитъ вотъ въ чемъ: во время нынѣшняго присутствія тамъ государя императора появилась въ свѣтъ каррикатура Нарисована прекрасная женщина, которую оберъ-полиціймейстеръ Шульгинъ бѣлитъ, а главнокомандующій генералъ

Тормасовъ румянитъ, а у нея изъ рукъ и ногъ изъ всѣхъ жилъ пущена кровь и надписано Москва, это каково вамъ покажется?

Сегодня мы ожидаемъ прибытія сюда государя императора.

Всегда съ истинною дружбою васъ уважающій.

14.

Сипягинъ—великому князю Константину Павловичу.

29-го ноября 1816 года. С.-Петербургъ.

Зная, что по милостивому расположенію ко мнѣ, ваше высочество изволите принимать великодушное участіе во всемъ, что можетъ относиться до меня, я спѣшу извѣстить, что его величество осчастливилъ посѣщеніемъ своимъ домъ главнаго гвардейскаго штаба. Въ семъ домѣ съ весьма недавняго времени предпринялъ я устроеніе нѣкоторыхъ весьма для военныхъ людей полезныхъ заведеній. Многіе гвардейскіе офицеры, получившіе начальныя познанія въ различныхъ наукахъ, не имѣютъ не только способовъ продолжать оныя, но даже не знаютъ, чѣмъ занять остающееся у нихъ отъ службы время. На сей конецъ завелъ я библіотеку, куда каждый офицеръ можетъ приходить заниматься чтеніемъ и упражняться въ дѣланіи выписокъ изъ лучшихъ военныхъ писателей. Сія-то библіотека помѣщена въ среднемъ этажѣ. Внизу подъ оною канцелярія дежурства, а въ верхнемъ этажѣ арсеналъ, зало для занятія свитскихъ офицеровъ, типографія, школа для кантонистовъ и прочее. Его императорское величество все сіе изволилъ осмотрѣть и наградилъ всѣ труды и старанія мои высочайшимъ благоволеніемъ, которое я цѣню превыше всего.

При военной библіотекѣ нашей составилось также общество почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, котораго цѣль есть изданіе военнаго журнала. Его величество государь императоръ соблаговолилъ дозволить намъ украсить списокъ почетныхъ членовъ высочайшимъ его именемъ. Ихъ высочества Николай и Михаилъ Павловичи удостоили насъ также позволеніемъ считать ихъ въ числѣ почетныхъ членовъ. Ваше императорское высочество сдѣлаете счастіе наше совершеннымъ, дозволивъ подлѣ имени его величества помѣстить имя ваше. Его величество изволилъ быть съ графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ Аракчеевымъ. Теперь и сему многіе завидуютъ, почему онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ штабъ, а не въ Главный штабъ; но на семъ свѣтѣ отъ зависти не уйдешь, а я, несмотря на сіе, останусь при своихъ правилахъ.

15.

Сипягинъ—великому князю Константину Павловичу.

6-го декабря 1816 г. С.-Петербургъ.

...Въ послѣднемъ письмѣ имѣлъ я честь сообщить вашему императорскому высочеству душевную радость мою по случаю сдѣланнаго намъ посѣщенія государемъ императоромъ. Я тогда жъ удостоился изустнаго благоволенія его величества, которое и принялъ за лестнѣйшую для себя награду. Но къ великому удивленію и, по всегдашней откровенности моей къ вашему высочеству, скажу болѣе, къ сердечному огорченію моему, увидѣлъ я сегодня въ печатномъ приказѣ отданное мнѣ высочайшее благоволеніе за приведеніе въ порядокъ и устройство дома главнаго гвардейскаго штаба. На отдѣлку и устройство дома употребилъ я только деньги, но для устроенія того, что въ домѣ, нужно было стараніе, неусыпный надзоръ и труды: я не щадилъ ничего. И самъ государь императоръ, сколько я могъ узнать изъ собственныхъ его словъ, обращалъ вниманіе не на стѣны и уборку дома, но на помѣщенныя въ оном заведенія, отъ коихъ польза очевидна. Вотъ, что меня нѣсколько и утѣшаетъ, ибо полагаю навѣрное, что тѣ, которымъ государь поручилъ изъяснить свою мысль, перетолковали ее иначе и отдали мнѣ въ приказѣ благодарность, которая болѣе бы прилична была архитектору [1]). Люди сіи, давно уже взирающіе на всѣ старанія мои глазами зависти, не успѣвъ отклонить вовсе монаршаго благоволенія, постарались, по крайней мѣрѣ, представить оное совсѣмъ въ превратномъ видѣ.

16.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

10-го декабря 1816 г., Варшава.

Я имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше отъ 29-го ноября; благодарю васъ за увѣдомленія и съ истиннымъ удовольствіемъ моимъ поздравляю васъ съ полученіемъ благоволенія его императорскаго величества за исправность и устройство главнаго гвардейскаго штаба; любя васъ искренно, для меня это весьма пріятно.

На предложеніе же ваше, чтобы въ составленное при военной ва-

[1]) Я же все упованіе мое возлагаю на Великаго Строителя міровъ, да защититъ Онъ меня отъ людей, разстроивающихъ всѣ къ пользѣ общей клонящіяся, намѣренія мои!..

шей библіотекѣ общество почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, котораго есть цѣль изданіе военнаго журнала и котораго государь императоръ изволилъ дозволить украсить списокъ почетныхъ членовъ высочайшимъ его именемъ и ихъ императорскія высочества Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ удостоили также позволеніемъ считать ихъ въ числѣ почетныхъ членовъ, чтобы и я изъявилъ свое согласіе помѣстить мое имя подлѣ имени его императорскаго величества, скажу вамъ, что я почитаю себя такъ далекимъ отъ высочайшей особы государя императора, что никакъ и ни въ какомъ случаѣ не смѣю помыслить, чтобы меня ставить подлѣ государя императора и между высокихъ особъ. А какъ душевно васъ люблю и знаю образъ вашихъ мыслей и похвальныхъ правилъ, то со всею искренною откровенностію скажу вамъ и то, что таковое общество писателей можетъ быть весьма полезно, и государь императоръ, конечно, для поддержанія онаго изволилъ позволить назвать себя почетнымъ членомъ; но какъ въ семъ обществѣ, вѣроятно, есть члены молодые офицеры, которые начали только-что служить и начнутъ писать, и хотя я весьма люблю, чтобы офицеръ имѣлъ хорошее образованіе и учился хорошо, но ученыхъ изъ нихъ не люблю. Они обыкновенно скоро себя забываютъ, не видавши ничего и не зная настоящее дѣло опытомъ, прапорщикъ начнетъ писать и осуждать дѣянія фельдмаршала,—что лучше бы было сдѣлать иначе, нежели сдѣлано,—выставляя свои ученыя разсужденія, а не войдетъ въ обстоятельство, что можетъ быть тотъ принужденъ былъ такъ сдѣлать по разнымъ ему неизвѣстнымъ случаямъ. А какъ я служу уже 22 года и никогда не привыкъ и далекъ былъ охуждать дѣянія старшихъ себя, слѣдовательно и молодыхъ военно-писателей не люблю, который, пожалуй, раскраситъ вамъ и выставитъ свои познанія на бумагу, а на дѣлѣ возьмешь его, такъ ни на шагъ впередъ ничего не умѣетъ. Я вамъ объ этомъ говорю не безъ опыта, а видѣлъ я свѣжій примѣръ сему въ Пруссіи, гдѣ каждый офицеръ воображаетъ себѣ, что онъ полководецъ и лучше все знаетъ старыхъ и опытныхъ генераловъ, то разсудите себѣ, какой отъ таковыхъ молодыхъ писателей и возмечтаній ихъ объ учености долженъ быть для службы вредъ.

Я скажу вамъ еще при томъ, что я братцевъ своихъ великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича хотя люблю сердечно, какъ нельзя уже болѣе, но остаюсь въ томъ мнѣніи, что они, съѣздивши два раза въ Парижъ и повояжировавши еще кой-гдѣ, могутъ ли разсуждать объ разныхъ военныхъ обстоятельствахъ въ надлежащемъ видѣ, какъ слѣдуетъ, не имѣвши никакого еще опыта? Сіе мое разсужденіе я прошу васъ принять со стороны искренности моей, и не помыслить, что уничиженіе паче гордости, отчего я всегда былъ и буду весьма далекъ.

До васъ дошли, можетъ быть, слухи, что 2-го кадетскаго корпуса кадету Волоцкому, мальчику лѣтъ 15-ти, каждую ночь является видѣніе въ бѣлой монашеской мантіи, въ клобукѣ и съ деревяннымъ крестомъ въ рукахъ и уговариваетъ его, чтобы онъ непремѣнно шелъ въ монахи, почему сей Волоцкой со слезами просилъ корпуснаго іеромонаха какими-нибудь средствами избавить его отъ сего видѣнія. Іеромонахъ по простотѣ своей и особенно еще услышавъ отъ него, что и прежде еще дома являлась ему ночью какая-то женщина, которая также уговаривала его, чтобы онъ шелъ въ монахи, и потому суевѣрные его родители возили его тогда къ Ѳеодосію Тотемскому, гдѣ умывали его святою водою и давали ему въ водѣ пить какой-то песокъ, въ подражаніе чего и корпусный іеромонахъ поилъ его святою водою, водилъ его въ алтарѣ кругомъ престола, читалъ надъ нимъ молитвы, но когда ничто не помогло, тогда уже онъ доложилъ начальствующему въ корпусѣ генералъ-маіору Маркевичу, но между тѣмъ министръ духовныхъ дѣлъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ требовалъ уже по сему дѣлу къ себѣ іеромонаха.

Я въ отвѣтъ на увѣдомленіе о семъ происшествіи генералъ-маіора Маркевича предписываю ему: 1) что іеромонаху не слѣдовало приступать къ оному, не доложась ему, и если бы за кадетами былъ надлежащій какой слѣдуетъ присмотръ и наблюденіе, что они никогда не могутъ отлучаться безъ позволенія, то тогда и не было бы возможности іеромонаху приступить прежде, нежели дошло бы сіе по начальству до его свѣдѣнія; 2) находя, что симъ іеромонахъ не соблюлъ своей обязанности, приступивъ къ дѣлу не доложась корпусному начальству, а при томъ, что таковаго простаго ума священно-служителя, каковъ оказался симъ поступкомъ оный іеромонахъ, не прилично имѣть при кадетахъ въ корпусѣ, котораго настоящая обязанность была бы стараться своими убѣжденіями отклонить суевѣрныя вкоренившіяся во младенчествѣ заблужденія въ кадетѣ Волоцкомъ, а не вкоренять болѣе оныя въ мысляхъ молодаго человѣка читаніемъ надъ нимъ молитвъ и прочаго, представить о перемѣщеніи іеромонаха въ другое мѣсто и о назначеніи на мѣсто его другаго. Кадета же отдадутъ на руки лѣкарямъ, ибо полагаютъ, что въ немъ дѣйствуетъ воображеніе отъ болѣзни. Насчетъ же того, что почтенный нашъ князь Александръ Николаевичъ вмѣшивается во всѣ дѣла, даже и въ видѣнія, я вамъ скажу, что я видѣніевъ никогда никакихъ не видывалъ; а ежели увижу князя Александра Николаевича хотя и въ видѣ видѣнія, то вѣрно увижу его и тогда съ одной и той же стороны, съ которой я, какъ вамъ извѣстно, всегда его вижу.

На то, что вы пишете, что завидуютъ, что государь императоръ изволилъ быть съ графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ у васъ въ штабѣ,

но что въ семъ свѣтѣ отъ зависти не уйдешь. Я въ семъ случаѣ не недоволенъ дальнимъ отсутствіемъ моимъ изъ С.-Петербурга, получаю здѣсь приказы, исполняю свято и поступаю такъ, какъ нѣкогда былъ гессенъ-кассельскій курфирстъ, бывшій въ то же время и въ службѣ короля прусскаго Великаго Фридриха, и имѣвшій часть войска подъ своимъ начальствомъ, который, получая всегда чрезъ 10 дней приказы, отдаваемые королемъ Фридрихомъ въ прусскія войска, тотчасъ отдавалъ ихъ и у себя, и когда былъ въ своей землѣ, носилъ гессенъ-кассельскій мундиръ, коль же скоро ѣхалъ къ прусскимъ войскамъ, то, пріѣхавши на границу Пруссіи, останавливался и тотчасъ надѣвалъ прусскій мундиръ, равномѣрно и возвращаясь, такимъ же образомъ на самой границѣ снималъ прусскій мундиръ и надѣвалъ опять гессенъ-кассельскій.

Читая присланное отъ васъ слѣдствіе о претензіи г-жи коллежской ассесорши Гвоздевой на прапорщика лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Годоушева, хотя я весьма далекъ и не смѣю никакъ заключить о добродѣтельномъ поведеніи и постномъ житьѣ какъ матушки, такъ и дочки г-жи поручицы Лютинской, но какъ тутъ идетъ теперь дѣло и о перинѣ, то позволено помыслить о большихъ подвигахъ, и не была ли она: Champ de bataille.

Я нашелъ въ приказѣ 27-го ноября, что генералъ-маіоръ Юзефовичъ назначенъ дивизіоннымъ командиромъ 1-й драгунской дивизіи. Это ему не подарокъ! Дивизія самая плохая изо всей кавалеріи, а при томъ и къ фельдмаршалу онъ поступаетъ въ начальство, отъ котораго по старинным случившимся дѣлишкамъ не ожидаетъ онъ вѣрно благоволенія, то кто принимаетъ въ немъ участіе, тотъ, конечно, долженъ объ немъ пожалѣть.

Въ заключеніе сего длиннаго моего письма, прошу васъ быть въ полной мѣрѣ несомнѣнно увѣреннымъ въ моемъ къ вамъ всегда съ истинною дружбою уваженіи.

17.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

16-го декабря 1816 г. Варшава,

Я вижу изъ письма вашего ко мнѣ, что вы приняли съ большимъ огорченіемъ то, что слова объявленной вамъ благодарности въ высочайшемъ приказѣ не соотвѣтствовали лично изъявленному вамъ государемъ императоромъ благоволенію за устройство и порядокъ гвардейскаго генеральнаго штаба и скажу вамъ на сіе, что напрасно вамъ въ семъ случаѣ огорчаться: ибо какъ редакція въ приказахъ иногда дѣлается

о предметѣ, который не совсѣмъ нравится, то оттого и напишется объ ономъ слегка; впрочемъ, я въ полной мѣрѣ увѣренъ, что государь императоръ изволитъ цѣнить ваши труды и усердіе; моя же касательно васъ редакція такая, что я всегда люблю и знаю васъ какъ отличнаго по службѣ, усерднаго и трудолюбиваго, преданнаго слугу своему государю и заслуживающаго всякую похвалу по своимъ мыслямъ и правиламъ; каковыя мои искреннія къ вамъ чувства и останутся навсегда таковыми.

Изъ письма моего, отправленнаго къ вамъ съ прошедшимъ эстафетомъ, вы подробно знаете случившееся происшествіе во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ касательно до видѣній кадету Волоцкому, а нынѣ я получилъ отъ князя Петра Михайловича Волконскаго отношеніе, что по высочайшему повелѣнію оный кадетъ Волотскій выключается изъ 2-го кадетскаго корпуса въ завѣдываніе его, князя Волконскаго; о причинахъ же, по коимъ сіе сдѣлано, его императорское величество предоставилъ себѣ лично мнѣ объяснить при первомъ свиданіи, а между тѣмъ генералъ-маіоръ Маркевичъ доноситъ мнѣ, что оный кадетъ былъ отправленъ къ тайному совѣтнику князю Голицыну. Я прошу васъ подъ рукою постараться узнать, что съ этимъ кадетомъ Волоцкимъ дѣлается, и гдѣ онъ теперь находится, и меня о томъ, что насчетъ его узнаете, увѣдомить. Симъ весьма одолжите всегда съ истинною дружбою къ вамъ расположеннаго.

18.

Сипягинъ—великому князю Константину Павловичу.

20-го декабря 1816 г. С.-Петербургъ.

Послѣднее милостивое вашего императорскаго высочества отъ 10-го декабря письмо, удостовѣряющее меня въ совершенномъ благорасположеніи вашемъ ко мнѣ, тѣмъ участіемъ, которое принять изволили въ благоволеніи, послѣдовавшемъ мнѣ за исправность и устройство гвардейскаго генеральнаго штаба, я имѣлъ честь получить. Хотя весьма для меня лестны благосклонныя на счетъ сей выраженія вашего императорскаго высочества; но больно однако же видѣть, что о цѣли библіотеки при означенномъ штабѣ учрежденной и о выборѣ въ оную членовъ изволите имѣть не совсѣмъ выгодное мнѣніе. Смѣю увѣрить ваше императорское высочество, что предметъ, для коего библіотека составлена, состоитъ въ томъ, чтобы молодые люди учились, а не учили другихъ; членами жъ избраны такіе офицеры, которые правиломъ поставляютъ разсуждать, а не осуждать. Впрочемъ, я и самъ одного съ вашимъ императорскимъ высочествомъ мнѣнія, что никоимъ образомъ не должно

позволять молодымъ людямъ заноситься и считать себя фельдмаршалами, и никогда моихъ до сего не допущу, да и кажется мнѣ, что при библіотекѣ таковыхъ нѣтъ. Хотя же въ оной и будетъ разсуждаемо о прошедшей войнѣ; однако жъ первымъ основаніемъ во всѣхъ сужденіяхъ служить будетъ извѣстный текстъ Священнаго писанія: Не осуждай, не осужденъ будеши; и я беру смѣлость донести вашему императорскому высочеству, что по прошествіи нѣкотораго времени и вы согласиться изволите въ совершенной пользѣ сего заведенія, ибо чрезъ одни токмо занятія съ своими офицерами узнавать можно ихъ способности и безошибочно опредѣлять, къ чему и какъ каждый изъ нихъ употребленъ быть можетъ, особенно по такой части, какова часть генеральнаго штаба, основанная на познаніяхъ обширныхъ и важныхъ.

По давно извѣстной мнѣ скромности, а правду сказать и не одному мнѣ, но всѣмъ тѣмъ, кои пользуются счастіемъ знать ваше императорское высочество лично, вы писать изволите, что имя ваше не можетъ стоять въ спискѣ почетныхъ членовъ военной библіотеки гвардейскаго генеральнаго штаба подлѣ имени высокой особы государя императора. Простите мнѣ, ваше высочество, если скажу вамъ на сіе, что ежели уже не по достоинст... (далѣе продолжать не смѣю, зная, что и правды на счетъ сей вы не пріемлете), то по крайней мѣрѣ по братству... ваше высочество имѣете неоспоримое, кажется, на то право.

О сверхъестественномъ видѣніи кадета Волоцкаго я слышалъ. Исцѣлить его отъ онаго, по мнѣнію моему, вѣрнѣйшаго средства нѣтъ, какъ весьма обыкновеннымъ видѣніемъ ротнаго командира съ розгами, который, еслибъ на глаза его предсталъ съ грозною лозою въ рукахъ, то, конечно, прогналъ бы монаха съ клобукомъ и крестомъ навсегда, ибо розги не деньги, а монахи, какъ и мы грѣшные, не слишнимъ до нихъ лакомы. Что же касается до сужденія вашего императорскаго высочества о іеромонахѣ корпуса, то оное нельзя не найти весьма справедливымъ, и должно согласиться всякому, кто добра воспитанникамъ корпуса желаетъ, что ему оставаться при корпусѣ нельзя. Относительно же до князя А. Никол. [1]), я судить о немъ не дерзаю. Библія, Библейское общество, святость и просвѣщеніе преграждаютъ мнѣ уста мои и совершенно ослѣпляютъ; желалъ бы не имѣть даже и ушей, чтобы ничего не слышать.

Дописавшись до тѣхъ милостивыхъ строкъ письма вашего императорскаго высочества, гдѣ, по случаю высочайшаго посѣщенія дома гвардейскаго генеральнаго штаба и происшедшей отъ того во многихъ зависти, вы сравнивать себя изволите съ курфюрстомъ гессенъ-кассельскимъ, я невольнымъ образомъ вздохнулъ и съ сожалѣніемъ въ глубинѣ души

---

[1]) Князя Александра Николаевича Голицына.

моей согласился, что другаго средства избѣгнуть людской зависти нѣтъ, какъ отдаленіе отъ тѣхъ, коихъ милости рождаютъ оную, и что къ достиженію душевнаго покоя, по несчастію, не одно точное, но и самое осторожнѣйшее выполненіе своего дѣла необходимо.

Хотя для г. Юзефовича первая драгунская дивизія не находка, однакожъ онъ, кажется, ее поправитъ; а будучи не промахъ, отклонитъ, какъ думаю, неблаговоленіе къ нему фельдмаршала.

Все случай въ мірѣ! Можно ли было ожидать, чтобы и на опытную и осторожную старуху была проруха; со всѣмъ тѣмъ она случилась, и хотя не весьма важна, но утаить ее отъ вашего императорскаго высочества не смѣю. Вотъ она: государь императоръ, прохаживаясь, встрѣтилъ л.-гв. Коннаго полка эстандартъ-юнкера Стерна, одѣтаго не по формѣ и въ рейтузахъ, и приказавъ разжаловать его за сіе въ солдаты, повелѣлъ сдѣлать замѣчаніе полковнику, въ эскадронѣ коего Стернъ находится, а полковнику Кнорринту подтвердить о строгомъ наблюденіи, чтобы нижніе чины никакъ отъ формы не отступали.

Въ заключеніе донесу вашему императорскому высочеству еще объ одной новости: его императорскому величеству угодно учредить при гвардіи временный ученый баталіонъ изъ людей, собранныхъ со всѣхъ полковъ по нѣсколько человѣкъ, и Комитету, высочайше учрежденному для составленія Военнаго устава, поручено уравнять какъ стойку тѣхъ людей, такъ равно шагъ, ружейные пріемы и ихъ одежду. По исполненіи чего и представленіи баталіона его императорскому величеству, нижніе онаго чины распустятся по своимъ полкамъ и будутъ уже имъ служить образцами во всѣхъ вышеупомянутыхъ отношеніяхъ. Я надѣюсь, впослѣдствіи времени, видѣть отъ сего новаго учрежденія большую для полковъ пользу.

Боюсь, не наскучилъ ли вашему императорскому высочеству длиннымъ моимъ письмомъ; но вы имѣете особенный даръ разверзать не только уста мои, но даже и сердце и дѣлать ихъ предъ вами откровенными. Съ чувствами ничѣмъ непоколебимой приверженности до гроба есмь.

Сего числа генералъ Рихтеръ отправился опять въ Ригу для обученія полковъ перваго корпуса. Л.-гв. Финляндскій полкъ я принялъ по-прежнему подъ свой надзоръ и всѣ мѣры приложу, чтобы оный отъ отсутствія Рихтера ничего не потерялъ.

19.

Сипягинъ—Великому князю Константину Павловичу.

27-го декабря 1816 г. С.-Петербургъ.

...Я уже имѣлъ счастіе изъяснить мои мысли о кадетѣ Волоцкомъ, нынѣ, выполняя волю вашего высочества, по учиненіи всевозможныхъ

подъ рукою выправокъ, доношу, что онъ находится по сіе время у князя А. Н. Голицына, а для чего, зачѣмъ и что съ нимъ будетъ, о томъ никакъ свѣдать не могъ по причинѣ дѣлаемой изъ сего тайны.

Вашему императорскому высочеству изъ письма, предъ симъ пущеннаго, уже извѣстна причина частыхъ повтореній правилъ Военнаго устава и потому ограничусь однимъ только добавленіемъ, что флигель-адъютанту полковнику Клейнмихелю поручено отъ государя императора замѣчать всѣ дѣлаемыя въ строю ошибки и на другой день доносить объ оныхъ записками его императорскому величеству. Относительно же частаго печатанія распоряженій, дѣлаемыхъ по случаю парадовъ, долгомъ ставлю донести, что сіе заведено съ тою цѣлью, чтобы многіе изъ главнокомандующихъ невѣдѣніемъ не отзывались. Во время вашего императорскаго высочества парады, безъ длинныхъ предварительныхъ распоряженій, шли хорошо, оттого, что г. г. главнокомандующіе исполняли, а не разсуждали.

20.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

30-го декабря 1816 г. Варшава.

Изъ отвѣта вашего на мое письмо о сверхъ-естественномъ видѣніи кадета Волоцкаго, что исцѣлить его отъ онаго вѣрнѣйшаго нѣтъ средства, какъ грозная лоза, которою конечно прогнанъ бы былъ монахъ съ клобукомъ и крестомъ на всегда, вышло, что мы съ вами на счетъ сего оба одинаковыхъ мыслей, равномѣрно и въ томъ, что іеромонаху корпусному, кто добра воспитанникамъ желаетъ, оставаться при корпусѣ нельзя; но выходитъ теперь противное: не всѣ одинаковыхъ съ нами сужденій. Генералъ-маіоръ Маркевичъ доноситъ, что поступки іеромонаха одобрены, слѣдовательно, нечего дѣлать, надобно оставаться ему въ корпусѣ.—И вотъ изъ сего примѣра вы видите, что съ нашими съ вами мыслями и о разныхъ предметахъ иначе разсуждаютъ и думаютъ.

Изъ журнала вашего поступившимъ бумагамъ въ дежурство гвардейскаго корпуса вижу я, что посланъ 8-го въ Новгородъ Кавалергардскаго полка штабъ-лѣкарь для поданія помощи въ болѣзни генералъ-маіору Потапову;—увѣдомьте пожалуйста, что съ нимъ сдѣлалось, не опасно ли онъ боленъ и въ какомъ теперь находится положеніи.

Всегда съ истинною дружбою васъ уважающій.

21.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

30-го декабря 1816 г. Варшава.

Я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо отъ 20-го сего декабря; весьма благодарю васъ за оное и скажу вамъ, что я, читавши вашъ отвѣтъ, угадывалъ прежде, что онъ будетъ таковъ, и хотя вдали ли съ вами нахожусь, или вблизи, но знавши ваши правила и образъ мыслей, всегда оные отгадаю, ибо мы, кажется, во всѣхъ почти предметахъ одинаковыхъ съ вами всегда бываемъ мыслей. Что же касается до пользы учрежденія ученаго общества при библіотекѣ гвардейскаго штаба, то позвольте мнѣ покудова быть еще Ѳомою невѣрнымъ, ибо и Ѳомѣ позволено было сомнѣваться, и что доколѣ я не вложу самъ перста, до тѣхъ поръ останусь нѣкоторымъ образомъ при своихъ о пользѣ онаго общества мысляхъ; но присовокуплю только къ сему касательно меня, что я по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, покудова, ежели вступлю въ число членовъ онаго общества, имѣть буду ту пользу, что изъ увѣдомленій вашихъ просвѣщусь о цѣли онаго и большой пользѣ, и не поступлю уже туда неукомъ, ничего не знающимъ.

Повторяя еще вамъ мою особенную благодарность за всѣ ваши увѣдомленія, всегда есмь съ истинною дружбою васъ уважающій.

22.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

7-го января 1817 г. Варшава.

Я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо отъ 27-го декабря, благодарю васъ за поздравленіе съ новымъ годомъ и взаимно васъ съ онымъ поздравляю, и желаю вамъ душевно здоровья, счастія и всякаго благополучія, и я въ полной мѣрѣ увѣренъ, что вы нимало не сомнѣваетесь въ искренности сего моего вамъ желанія.

Такъ же весьма благодарю васъ за увѣдомленія о кадетѣ Волоцкомъ и прошу васъ постараться продолжать подъ рукою узнавать, что съ нимъ будетъ, и меня увѣдомить; вы меня симъ очень одолжите. Я право очень опасаюсь, чтобы почтенный князь Александръ Николаевичъ не прибавилъ у себя въ домѣ номеръ къ тѣмъ, которые въ жолтомъ домѣ.

Нечего дѣлать, наступилъ, видно, вѣкъ на видѣнія и пророчества; въ С.-Петербургской Сѣверной Почтѣ 20-го декабря вѣдь помѣщена статья

изъ Штутгардта, что двѣ въ сонамбюлизмѣ находившіяся женщины, какъ говорятъ, предсказали время кончины покойнаго короля Виртембергскаго. Мы можетъ быть начнемъ теперь вѣрить подобно видѣніямъ и пророчествамъ; но я скажу по словамъ священнаго писанія: Несть пророкъ въ отечествѣ своемъ.

Вы пишете, что причины частыхъ повтореній правилъ устава въ вашихъ приказахъ тѣ, что много есть главнокомандующихъ, которые всякій на свой ладъ распоряжаютъ, а что въ мое время сего не бывало, исполняли, а не разсуждали. Скажу вамъ, что я всего того безъ памяти боюсь, что есть только подъ разными видами главнокомандующіе и отъ того бѣгу отъ нихъ далѣе, и вѣрно отгадали вы и причину, отчего я и нынѣ къ вамъ не явился.

Дивлюсь и не надивлюсь, что за новый учебный баталіонъ у васъ; по-моему кажется изъ рукъ вонъ мелочь. Хорошо сдѣлать учебный баталіонъ для такихъ полковъ, которые въ отдаленности, и собрать съ оныхъ людей для показанія единообразія, но изъ такихъ войскъ, которыя подъ носомъ и всегда на глазахъ,—это удивительно; развѣ въ гвардейскихъ полкахъ не умѣютъ уже учить?—а мнѣ кажется, въ оныхъ лучше новаго учебнаго баталіона выучатъ;—да я такихъ теперь мыслей о гвардіи, что ее столько у васъ учатъ и даже за 10 дней приготовляютъ приказами, какъ проходить колоннами, что вели гвардіи статна руки ногами вверхъ, а головою внизъ, и маршировать, такъ промаршируютъ, и немудрено: какъ не научиться всему.—Есть у васъ въ числѣ главнокомандующихъ танцмейстеры, фехтмейстеры, пожалуй и Франкони завелся;—а намъ здѣсь сидя въ дырѣ, остается только у васъ перенимать и какъ-нибудь чтобы догонять; хотя правда, что случается и у насъ бываетъ иногда съ шумомъ и крикомъ, но нечего дѣлать, обойтиться нельзя.

Окончу сіе тѣмъ, что во ожиданіи вашего увѣдомленія всегда есмь съ истинною дружбою васъ уважающій.

23.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

13-го января 1817 г. Варшава.

Получивъ ваше письмо отъ 3-го января и видя изъ онаго, что 3-й главнокомандующій до полученія еще вами моего письма былъ у васъ и говорилъ, что до него дошли слухи, будто бы о шифрѣ и вышивкѣ на воротникѣ извѣстно уже мнѣ;—я не понимаю, откудова онъ могъ это взять, развѣ самъ догадался; ибо я прежде никогда и никому о семъ не говорилъ, и не думалъ даже объ этомъ.

Что такое хотятъ у насъ дѣлать съ бѣдною кавалеріей; по всему видно, что около государя императора никого нѣтъ кавалеристовъ, а всё пѣхотинцы—враги для кавалеріи. Вы изъ прилагаемой при семъ копіи съ записки, которую я нынѣ же посылаю при письмѣ моемъ государю императору, подробно увидите о чемъ дѣло идетъ, что за табуны, которыхъ ни въ какой въ свѣтѣ кавалеріи не существуетъ, кромѣ въ россійской, и какая съ оными будетъ кавалерія?—Теперь выходитъ правда—такъ видно ведутъ на то, какъ говаривалъ покойный Николай Ивановичъ Лавровъ: что казакъ, почтовая лошадь и кирасиръ все равно.

Изъ вашего журнала поступившимъ къ вамъ бумагамъ вижу я огромное перемѣщеніе и назначеніе поповъ и дьяконовъ; видно, нынѣ этимъ весьма занимаются, и не вышло бы у насъ, такъ сказать, moyen-âge.

Также изъ вашего журнала увидѣлъ я, что отставной корнетъ Панютинъ принятъ въ Семеновскій полкъ подпрапорщикомъ; скажите мнѣ пожалуйста: не братъ ли онъ того славнаго адъютанта, который передъ государемъ стоитъ раскорячивши ноги, и котораго 2-й главнокомандующій гладитъ по головкѣ.

Скажите мнѣ также прошу васъ, не прибавится ли у насъ теперь число главнокомандующихъ; не поступитъ ли въ четвертые—редакторъ уставовъ и обучитель гвардіи, и поэтому не заведутся ли уже у него дежурства и такъ далѣе, адъютанты: старшіе, средніе и младшіе и прочіе причеты.—Видно, не на шутку онъ идетъ въ гору. А въ гору лѣзутъ и кроты.

И наконецъ во ожиданіи вашихъ увѣдомленій—всегда съ истинною дружбою васъ уважающій.

24.

Сипягинъ—великому князю Константину Павловичу.

17-го января 1817 г.

Изъ послѣдняго милостиваго вашего императорскаго высочества ко мнѣ письма вижу я опасеніе на счетъ того, чтобы почтенный князь А. Н. (Голицынъ) не прибавилъ у себя въ домѣ номера къ тѣмъ, которые въ жолтомъ домѣ. Вашему императорскому высочеству конечно не извѣстно, что номеръ сей давно уже существуетъ и что въ оном его сіятельство, находясь самъ, принимать изволитъ только тѣхъ, къ коимъ особенно благоволитъ.—Слава Богу, что князь нрава не привязчиваго!..

Весьма согласенъ, что слова священнаго писанія: несть пророкъ

въ отечествѣ своемъ заключаютъ въ себѣ истину неоспоримую, и хотя Сѣверная Почта описываетъ дѣйствія пророческія и удивительныя сомнанбулизма, однако жъ магнетизмъ у насъ упалъ. Ежели же дѣлаются пророчества и видѣнія представляются, то Богъ знаетъ уже почему!

Не скрою отъ вашего императорскаго высочества, что причину нынѣшняго вашего неприбытія въ столицу я отчасти угадывалъ, относя оную къ размножившемуся классу главнокомандующихъ, коихъ ваше императорское высочество не весьма изволите жаловать; но за что же лишать счастія васъ видѣть тѣхъ, коимъ присутствіе ваше дорого?

Заботы государя императора о введеніи по всѣмъ полкамъ единообразія оправдываютъ достоинство вновь учрежденнаго учебнаго баталіона, открывая вмѣстѣ съ тѣмъ, до какой даже подробности доходить должно, чтобы заставить главнокомандующихъ дѣйствовать единообразно, а не такъ, какъ пословица говоритъ: кто въ лѣсъ, кто по малину. То-то и бѣда, ваше императорское высочество, что въ числѣ ихъ есть танцмейстеры, фехтмейстеры и камергеры! Бога ради не заставляйте насъ ходить вверхъ ногами, а не то мы въ семъ положеніи и останемся!..

25.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

4-го февраля 1817 г. Варшава.

Я получилъ ваше письмо отъ 24-го января, что государю императору угодно было повелѣть вамъ довести до моего свѣдѣнія, что его императорское величество для г.г. офицеровъ лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка, и вообще, для всѣхъ драгунскихъ полковъ, изволитъ полагать приличнѣйшимъ короткое одѣяніе, подобно конно-егерскому: съ лядунками и съ дозволеніемъ носить усы, по примѣру легкой кавалеріи, но что сіе не иначе изволитъ желать привести въ исполненіе какъ съ согласія моего, поспѣшаю на сіе вамъ отвѣтствовать, что милость его императорскаго величества велика ко мнѣ, и я въ полной мѣрѣ оную чувствую; что же касается до сей перемѣны драгунскаго обмундированія, я съ моей стороны ничего не могу сказать ни хорошаго, ни дурнаго, а единственно то, что высочайшая воля его императорскаго величества есть священна.

Всегда съ уваженіемъ истинно къ вамъ расположенный.

26.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

4-го февраля 1817 г.

Бога ради избавьте меня вмѣстѣ съ драгунскими офицерами отъ усовъ; мнѣ уже и здѣсь такъ надоѣли усы, что я сбрилъ бы и съ тѣхъ, которые ихъ носятъ, а не только что вновь еще наряжать въ оные...

И у васъ начали пристрѣливать себя люди, а здѣсь благодаря Бога прекратилось. Такъ пускай же теперь видятъ и не говорятъ болѣе, что будто это здѣсь только отъ большой строгости...

27.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

11-го февраля 1817 г. Варшава.

Я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо отъ 31-го января, весьма благодарю васъ за всѣ ваши увѣдомленія и дружески расцѣловалъ бы васъ, хотя заочно будучи за 1,500 верстъ, за вашу искренность и сужденіе, сожалѣю только, что не могу сдѣлать сего лично, и хотя я не беру на себя, чтобы наши сужденія и разсматриваніе вещей было лучше другихъ, но, по крайней мѣрѣ, я-то чувствую удовольствіе и пріятно мнѣ, что я нашелъ хотя одного человѣка, который одинаково со мною видитъ вещи и судитъ о нихъ.

Искренно вамъ сказать, я никакъ не могу равнодушно и безъ нѣкотораго даже содраганія слышать и читать всѣ эти разныя поповщины и распространенія сочиненій Библейскихъ обществъ и подражанія, какъ видно изъ Сѣверной Почты, фельдмаршала и графа Воронцова. У насъ, благодаря Бога, еще сего не завелось, и я надѣюсь, что мы съ вами не будемъ членами; и божусь вамъ, что все это меня такъ пригвощиваетъ къ стулу въ моей здѣсь комнатѣ, чтобы не видѣть и не слыхать даже объ этихъ великихъ подвигахъ...

На приказъ, отданный у васъ въ корпусѣ 30-го января, что государь императоръ изволилъ замѣтить, что гвардейскіе полки наряжаютъ для караула 1-го отдѣленія изъ другихъ баталіоновъ офицеровъ, подтверждается, что всѣ офицеры должны равно знать службу, скажу вамъ, что нечего дивиться тому, что полковые командиры выбираютъ и однихъ и тѣхъ же посылаютъ офицеровъ въ 1-е отдѣленіе на раздѣлку, ибо нынѣ завелась такая во фронтѣ танцовальная наука, что и толку не дашь; такъ поневолѣ пошлешь тѣхъ же самыхъ офицеровъ, точно какъ на ба-

*

лахъ обыкновенно увидишь прыгаютъ французскій кадриль всегда одни и тѣ же лица пары 4 или 8, а другіе не пускаются. Я болѣе 20-ти лѣтъ служу и могу правду сказать, даже во время покойнаго государя былъ изъ первыхъ офицеровъ во фронтѣ, а нынѣ такъ перемудрено, что и не найдешься.

Всегда съ истинною дружбою васъ уважающій

Собственною рукою его высочества написано: Brules cette lettre, elle est trop franche.

28.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

11-го февраля 1817 г., Варшава.

Я получилъ присланное отъ васъ положеніе о фурштатскихъ баталіонахъ; не смѣю ничего говорить, а скажу только, что премудро! Не скоро и поймешь; и чтобы у насъ не вышло съ этими фурштатскими заведеніями, не просидѣть бы намъ во время войны безъ сухаря, и подобно тому, не случилось бы, какъ во время прошедшей войны подъ Бріеномъ! Николай Ивановичъ Депрерадовичъ, шаривши кой-гдѣ отыскать хлѣба, и въ австрійскихъ фурштатскихъ фурахъ нашелъ вмѣсто сухарей павлиновъ. Мнѣ велѣно и въ польской арміи завести фурштатскую часть, а что-то не весьма ясно присланное описаніе, то прошу доставить мнѣ, какія будутъ дополненія. Что за несчастныя будутъ фурштатскія лошади! Сколько ихъ переколѣетъ отъ безпрестанной перевозки; и по всему видно, что сочинитель не стаивалъ по деревнямъ, а разсчитывалъ все на петербургскую мостовую, а о проселкахъ, грязныхъ и болотистыхъ дорогахъ не помышлялъ.

Я не могъ безъ удивленія и даже прискорбія читать новое распубликованное положеніе о правилахъ къ полученію за 25-ти-лѣтнюю службу Георгіевскихъ крестовъ. Ну, добро, коли назначили вычитать то время, что будетъ офицеръ подъ арестомъ, хотя и въ формуляръ оной не занесенъ, это наказаніе. Но что такое, за что вычитать то время, что при переводѣ ѣдетъ изъ одного мѣста въ другое; но положимъ, и это все еще нѣсколько сносно, но вотъ уже свыше мѣры рамонтирамъ кавалерійскимъ: у нихъ вычитаютъ это время; кто же послѣ этого поѣдетъ за рамонтомъ? За труды и стараніе, и за то, что онъ выбранъ къ такому порученію, его трактуютъ наравнѣ съ арестованными, а тогда когда объ тѣхъ, которые рекрутъ водятъ, ничего не сказано. И выходитъ теперь вотъ какая разница, что въ 1811 году, когда предоставили дѣлать положеніе нашимъ братьямъ кавалеристамъ, то рамонтирамъ, за хорошій и исправный приводъ рамонтовъ, какъ за отличіе назначено

было награждать чинами или орденами; а теперь это выходитъ: покупать рамонтъ есть наказаніе. Кого же теперь охотою пошлешь за нимъ, и какая будетъ кавалерія! Лошадь для кавалеріи не то ли, что рекрутъ; право, уже теперь такъ пришло, хотя бы и вовсе отказаться.

Я желаю знать, что вы на сіе скажете, и потому въ ожиданіи вашего отзыва—всегда съ истинною дружбою васъ уважающій.

Собственная надпись великаго князя: Brulez cette lettre, elle est trop franche.

29.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

3-го марта 1817 г. Варшава.

Я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо отъ 21-го февраля и весьма благодарю васъ за всѣ ваши увѣдомленія. Въ отвѣтъ же о воинской добродѣтели терпѣніе скажу вамъ, что я это весьма знаю; но прошу васъ прочесть Сумарокова сочиненіе, изъ котораго видно, что отъ терпѣнія и лошадь околѣла. Насчетъ же пословицы въ вашемъ письмѣ сказанной: «вѣкъ живи, вѣкъ учись», сдѣлаю на оное возраженіе пословицею же: «ученаго учить только портить».

Какъ формированіе фурштатскихъ баталіоновъ на васъ возложено, то я прошу васъ доставить мнѣ образцовое обмундированіе онымъ и нѣтъ ли различія для кавалеріи, пѣхоты и егерей, мнѣ обо всемъ семъ нужно имѣть самое подробное свѣдѣніе.

Въ ожиданіи вашихъ еще увѣдомленій, доставляющихъ мнѣ всегда особенное удовольствіе, есмь съ истинною дружбою васъ уважающій.

30.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

22-го апрѣля 1817 г. Варшава.

Усмотрѣвъ изъ журнала бумагамъ, поступившимъ въ Главное дежурство гвардейскаго корпуса по 9-е апрѣля, что начальникъ Главнаго штаба его императорскаго величества требовалъ по высочайшей волѣ командировать взводъ казаковъ въ Дерптъ, для прекращенія безпорядковъ, произведенныхъ тамошними студентами, я, желая знать, какого рода сдѣланы тамъ безпорядки студентами, прошу васъ меня увѣдомить о томъ подробнѣе. А затѣмъ еще видя тоже изъ помянутаго журнала, что с.-петербургскій плацъ-маіоръ полковникъ Клейнмихель просилъ о

присылкѣ къ нему отъ всѣхъ полковъ гвардіи по рядовому, для обмундированія ихъ по новому образцу, какъ долженъ быть солдатъ въ походѣ, и представленія ихъ на смотръ государю императору, я сему удивляюсь. Неужели ходившіе столько по походамъ и носившіе на себѣ полную (такъ сказать) походную аммуницію, нижніе чины забыли, какъ одѣваться въ оную, или уже не умѣютъ—кажется, по моему мнѣнію, всякій это знаетъ хорошо; развѣ особенная есть какая причина сдѣлать только теперь тому опытъ, послѣ столь долгаго времени, какъ возвратились изъ похода; о чемъ прошу васъ мнѣ растолковать.

Всегда съ истинною дружбою и уваженіемъ къ вамъ расположенный.

31.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

Варшава, 4-го ноября 1817 г.

... Третьяго дня былъ у насъ разводъ отъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка съ смѣшанными людьми, прибывшими отъ васъ; вы не повѣрите, какъ можно было нашихъ людей узнать отъ прибывшихъ. Самъ изъ прибывшихъ капитанъ Марачинскій, который, какъ видно, свое дѣло знаетъ, видѣлъ между ими большую разницу, и я никакъ не могу опять взять на себя доведеніемъ людей въ теперешнее устройство; но въ доказательство еще того скажу вамъ, что польскіе генералы выводили изъ фронта прибывшихъ людей и не ошибались: носки, колѣнки и дѣлаютъ ружьемъ—можно сказать: Арисъ-барисъ куконарисъ;—жаль и весьма жаль, что команды сіи прибыли не въ присутствіи государя императора. Его императорское величество изволилъ бы усмотрѣть разницу въ выправкѣ людей прибывшихъ и здѣшнихъ, но я надѣюсь, что когда государь императоръ изволилъ сюда пожаловать, къ тому времени поставимъ ихъ на путь истинный, и они не будутъ замѣтны; но только много будетъ труда отучить ихъ отъ старыхъ привычекъ,—хуже нежели выучить молодыхъ рекрутъ...

32.

Сипягинъ—великому князю Константину Павловичу.

14-го ноября 1817 г. С.-Петербургъ.

...Ни мало не удивляюсь розницѣ, которую ваше императорское высочество изволили найти въ нашихъ людяхъ съ вашими. Я всегда зналъ, что у васъ ученьемъ по одиночкѣ занимаются болѣе нашего; то-есте-

ственно и большихъ успѣховъ отъ того ожидать должно. Простите милостиво любопытству моему: мнѣ хотѣлось бы знать, которые изъ нашихъ людей оказались тверже и которые явились совершенными Арисъ-барисъ куконарисами?

Долгомъ ставлю донести вашему императорскому высочеству о слѣдующемъ происшествіи: Кавалергардскаго полка штабъ-ротмистръ Шереметьевъ, жившій въ тѣсной связи съ танцовщицею Истоминой и по юнымъ лѣтамъ своимъ, вѣроятно, ничѣмъ другимъ предъ нею не провинившійся, какъ тѣмъ, что обмелѣлъ его карманъ, имѣлъ дуэль съ камеръ-юнкеромъ графомъ Завадовскимъ 1-мъ, въ объятія коего прелестница бросилась, предвидя бо́льшія выгоды. Они дрались на Волковомъ полѣ. Пуля, Шереметьевымъ пущенная, пробила воротникъ графскаго фрака; но роковая пуля сего послѣдняго, къ сожалѣнію, пробила насквозь животъ бѣднаго Шереметьева, который спустя 16 часовъ послѣ дуэли умеръ. Секундантомъ Шереметьева былъ Уланскаго полка корнетъ Якубовичъ. Не говоря о дѣлахъ его по другимъ отношеніямъ, я скажу, что въ семъ случаѣ онъ ни мало не виноватъ и поступилъ такъ, какъ слѣдовало, ибо, будучи друженъ съ Шереметьевымъ, не могъ отказать ему въ его просьбѣ, несмотря на то, что получилъ онъ отпускъ и собирался уже ѣхать къ отцу своему. Случай сей побудилъ военнаго генералъ-губернатора сдѣлать слѣдствіе и Якубовичъ арестованъ. О секундантѣ Завадовскаго достовѣрнаго свѣдѣнія еще нѣтъ.

Съ сожалѣніемъ донесу вашему императорскому высочеству, что послѣ многихъ страданій скончался, наконецъ, управляющій военнымъ министерствомъ князь Горчаковъ. Жаль достойнаго сего и добраго человѣка, коего неосторожный и худой выборъ людей, равно какъ и сердечная доброта, погубили.

33.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

3-го марта 1818 г. Варшава.

Письмо ваше минувшаго февраля отъ 20-го числа съ нынѣшней эстафетой я получилъ, за которое васъ весьма благодарю. Увѣдомляю васъ, что его императорское величество изволилъ къ намъ прибыть точно въ назначенный день, какъ я къ вамъ писалъ, но только весьма поздно—въ половинѣ 5-го часа утра на 1-е число марта, и мы всю ту ночь не спали; а я по увѣдомленію посланнаго отъ меня на встрѣчу фельдъ-егеря о скоромъ прибытіи его императорскаго величества, со 2-го часа ночи поѣхалъ въ замокъ и тамъ дожидалъ ежеминутно государя императора. Его императорское величество особенно весьма мило-

стиво изволилъ меня принять, и князь Петръ Михайловичъ Волконскій пересказывалъ мнѣ, что его императорское величество во время путешествія своего сюда, въѣзжая еще въ расположеніе Литовскаго отдѣльнаго корпуса 27-й пѣхотной дивизіи, изволилъ сказать: «Вотъ уже видны войска, подъ начальствомъ брата находящіяся». Я въ полной мѣрѣ чувствую сію милость его императорскаго величества; но при семъ случаѣ скажу: это значитъ по ногамъ какъ бы бичикомъ подхлестывать для того, чтобъ болѣе еще подпрыгивать. Я таковой милостивый отзывъ ко мнѣ его императорскаго величества съ благоговѣніемъ пріемлю и готовъ, сколько моихъ силъ достанетъ, трудиться.

На другой день прибытія сюда его императорскаго величества, то-есть 1-го числа марта, разводъ былъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка 1-го баталіона и Польскихъ войскъ 2-го пѣхотнаго полка обоихъ баталіоновъ; во внутренній караулъ отъ лейбъ-гвардіи Подольскаго кирасирскаго полка и лейбъ-гвардіи Литовскаго; въ разъѣздъ отъ лейбъ-гвардіи Уланскаго имени моего полка. Его императорское величество симъ разводомъ во всѣхъ частяхъ былъ весьма доволенъ и объявить изволилъ благодарность и изволилъ сказать: «Вотъ я такого шагу не могу по сію пору еще добиться». Къ государю императору на вѣсти былъ сегодня рядовой лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, поступившій изъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, котораго его императорское величество изволилъ узнать и выправкою онаго, какъ и опрятностью весьма изволилъ быть доволенъ; при чемъ изволилъ сказать, что онъ такъ теперь хорошъ, что стоило бы его обложить хлопчатою бумагою и отослать къ генералъ-адъютанту Потемкину.

Послѣ развода были представлены государю императору всѣ военные генералы, штабъ- и оберъ-офицеры; 2-го марта разводъ былъ лейбъ-гвардіи Польскаго гренадерскаго полка 1-го баталіона и обоихъ баталіоновъ Польскаго 6-го пѣхотнаго полка; во внутренніе караулы отъ лейбъ-гвардіи Уланскаго имени моего полка и Польскаго гренадерскаго, а въ разъѣздъ лейбъ-гвардіи Конно-Егерскаго полка. Его императорское величество разводомъ изволилъ быть весьма доволенъ и объявить изволилъ благодарность; въ особенности его императорскому величеству весьма понравилось новое обмундированіе нашихъ полковъ, которымъ также весьма изволилъ быть доволенъ и вчерашняго жъ числа изволилъ быть въ нашемъ здѣсь арсеналѣ, и осматривая оный изволилъ быть очень доволенъ совершеннымъ порядкомъ, устройствомъ и чистотою онаго, и лично изволилъ меня благодарить; словомъ вамъ сказать, что его императорское величество на всякомъ шагу столь изволилъ много изъявлять своихъ милостей, что я не знаю, какъ ихъ заслужить.

Сколько могъ собрать вамъ первый разъ новостей нашихъ, вотъ онѣ

всѣ тутъ, а что будетъ далѣе, я васъ буду увѣдомлять; а затѣмъ есмь къ вамъ всегда съ дружбою расположенный.

34.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

10-го марта 1818 г. Варшава.

Письмо ваше ко мнѣ отъ 27-го февраля съ послѣднимъ эстафетомъ я получилъ, за которое вамъ весьма благодаренъ.

Высочайшее присутствіе здѣсь государя императора насъ день ото дня восхищаетъ, и нѣтъ дня, въ который бы его императорское величество не изволилъ изъявить своего удовольствія. Вы это увидите подробно изъ прилагаемаго при семъ журнала; но особенно сверхъ того еще вамъ скажу, что въ минувшую пятницу и субботу по католическому закону страстной недѣли, разводъ былъ безъ барабановъ и музыки, шли по-взводно и по-рядамъ скорымъ и тихимъ шагомъ весьма хорошо, и его императорское величество изволилъ объявить совершенную свою благодарность, а объ кавалерійскомъ взводѣ, смѣнявшемся въ пятницу Уланскаго имени моего полка, изволилъ сказать: «C'est l'ideal de la cavallerie», дополнивъ еще, что всѣ полки противу прежняго подались впередъ; но Уланской имени моего полкъ ото всѣхъ ушелъ.

Весьма бы желалъ и далѣе сообщать вамъ такія же пріятныя новости,—въ полной мѣрѣ будучи увѣренъ, что вы принимаете въ оныхъ участіе,—если бъ мы были такъ счастливы, чтобы и далѣе все такъ было хорошо; но по крайней мѣрѣ по сіе время Богъ милуетъ и худаго еще ничего не случилось.

Всегда съ истинною дружбою къ вамъ расположенный.

35.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

17-го марта 1818 г. Варшава.

Два письма ваши сего мѣсяца отъ 6-го числа я имѣлъ удовольствіе получить и за оные весьма васъ благодарю.

Посылаю вамъ экземпляръ программы бывшей здѣсь 15-го (27-го) числа въ замкѣ піесы «Гратисъ» [1]), на которой я фигурировалъ въ толпѣ

[1]) Такъ называлъ онъ открытіе перваго польскаго сейма.

народа, играя ролю прагскаго депутата по избранію меня въ оные обывателями варшавскаго предмѣстія Праги. Піеса сія похожа на нѣкоторую русскую комедію: когда чихнетъ кто впереди, то наши братья депутаты всею толпою отвѣшиваютъ поклоны. Посылаю при семъ вамъ также экземпляръ рѣчи, говоренной его императорскимъ величествомъ сенату и сейму.

Обо всемъ, что происходило у насъ по военной части въ продолженіе прошедшей недѣли, посылаю вамъ подробный журналъ и благодаря Бога, государь императоръ изволилъ быть доволенъ и особенно милостивъ. Далѣе, что у насъ будетъ происходить, буду вамъ продолжать описывать.

Всегда съ истинною дружбою васъ уважающій.

Въ дополненіе сего еще скажу вамъ, что его императорское высочество великій князь Михаилъ Павловичъ во время всего сего церемоніала занималъ свое мѣсто по здѣшней конституціи между сенаторами, какъ я былъ между депутатами, и какъ онъ польскаго языка не разумѣетъ, то изъ этого можете заключить, какъ ему было весело выдержать нѣсколько тутъ часовъ сряду.

36.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

27-го апрѣля 1818 г. Варшава.

Письмо ваше отъ 17-го числа сего апрѣля я получилъ и весьма васъ благодарю, и скажу вамъ въ отвѣтъ на оное, что ожиданіе ваше меня въ С.-Петербургъ будетъ нынѣ, кажется, напраснымъ; я здѣсь съ польскою арміею и литовскимъ корпусомъ—россійскій авангардъ, и заѣхать къ вамъ нѣтъ охоты, и скажу такъ: много есть званыхъ, но мало избранныхъ; и такъ меня въ теперешній разъ къ себѣ не ожидайте.

37.

Великій князь Константинъ Павловичъ—Сипягину.

24-го мая 1818 г. Москва.

Письмо ваше отъ 8-го мая я получилъ уже чрезъ Варшаву въ Москвѣ и весьма васъ благодарю за чувства ваши, въ ономъ изъясненныя, въ чемъ я никогда не сомнѣвался и увѣренъ точно какъ въ себѣ. Теперь скажу вамъ, что я пріѣхалъ сюда мая 22-го числа. Дорога безподобная и такъ сказать, что шаръ покати исключая нѣсколькихъ станцій подъ Москвою, и я по всей дорогѣ разореннаго ничего не ви-

дѣлъ, какъ будто бы и войны у насъ совсѣмъ не было; одинъ Смоленскъ можно сказать опустошеніемъ достоинъ еще и теперь жалости; впрочемъ, въ Вязьмѣ хотя и остались знаки разоренія, но примѣтно, сколь много уже поправлено и поправляется и народу столько, что проѣхать съ трудомъ и кажется въ короткое время въ семъ городѣ ничего примѣтнаго не будетъ. Гжатскъ такъ отстроился, что и теперь ничего разореннаго почти не увидишь, а объ Москвѣ я вамъ уже и сказать не умѣю, сколь много въ ней поправилось и въ такомъ же видѣ, какъ нельзя лучше и на мои глаза второй Парижъ. Я по милости его императорскаго величества имѣю комнаты рядомъ съ комнатами его императорскаго величества въ Кремлевскомъ дворцѣ и не могу отойтить отъ окошка, сижу и смотрю, на городъ любуюсь, сверхъ того и натуральными видами Москвы, одаренными природою, и если бы употребить ту сумму, какая издержана на виды и украшенія въ С.-Петербургѣ, я не знаю, что бы еще изъ того здѣсь было; но теперь скажу вамъ, что для меня нѣтъ лучше городовъ, какъ Парижа и Москвы. Въ день пріѣзда моего сюда я развода не видалъ, но видѣлъ смѣну баталіона лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка съ нѣкоторыми ошибками, а вчерась видѣлъ и разводъ баталіона лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, и скажу вамъ, что государь императоръ въ присутствіи своемъ въ Варшавѣ изволилъ мнѣ показывать скорый шагъ, которымъ здѣсь ходятъ, но я его нашелъ въ разводѣ весьма скорымъ, и можно сказать, что люди не идутъ, а бѣгутъ, и если бы у меня это было даже въ 4-мъ егерскомъ полку, то я бы на другой же день полковника и съ полкомъ выпроводилъ за ворота. Затѣмъ, что будетъ далѣе, я вамъ буду писать, а теперь болѣе писать къ вамъ еще не о чемъ.

Всегда съ истинною дружбою къ вамъ расположенный.

P.S. Еще скажу вамъ и о сегодняшнемъ разводѣ баталіона лейбъ-гвардіи егерскаго полка, который былъ съ ученьемъ, я его также видѣлъ, онъ такъ дуренъ, что не можетъ сравняться ни съ однимъ изъ моихъ польскихъ армейскихъ полковъ. У насъ во время высочайшаго присутствія государя императора я не смѣлъ было показать 2-го баталіона 4-го егерскаго полка, который былъ послабѣе прочихъ, но теперь, какъ видѣвъ въ разводѣ баталіонъ лейбъ-гвардіи егерскаго полка, не могу его сравнять уже и съ 4-мъ егерскимъ полкомъ, который его теперь лучше я не говорю уже о тѣхъ ошибкахъ, кои могутъ быть вездѣ одна или двѣ ничего не значущія, но это надобно вамъ сказать, что вмѣстѣ съ ошибками вовсе нѣтъ никакихъ правилъ.

25-го числа мая разводъ былъ баталіона лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка съ ученьемъ, который такъ былъ хорошъ, что меня удивилъ.

Сообщилъ **Н. Д.**

Собственноручная записка А. В. Суворова о прусскихъ порядкахъ въ войскахъ [1]).

Изъ прусской службы капитанъ въ Павловскѣ (теперь я вспомнилъ) показывалъ прусскія ухватки, коихъ я не видалъ, ниже о томъ слышалъ; разговора тако слишкомъ 20 лѣтъ,—народился опытъ военнаго искусства и, вообразительно, симъ побѣдитъ заяцъ—Александра. Достоинства уже непотребно—ниже практики. Для того равны фельдмаршалы съ младшими генералами—выгода на воздухѣ, въ отсутствіи... главнокомандующій пользуется преимуществами царскими—это невозможно! и прежде того я буду въ сырой землѣ.

По опыту военнаго искуства поеньдеви: по русски предметъ. Русскіе прусскихъ всегда бивали; чтожъ тутъ перенять?

---

[1]) По всей вѣроятности относится къ 1797 году. Ред.

Изъ дневника П. Г. Дивова.

1833 г.

Января 1-го. Вступая въ настоящій годъ, въ которомъ предстоитъ рѣшеніе весьма важныхъ вопросовъ относительно Бельгіи, мы сдѣлаемъ бѣглый обзоръ событій, вызванныхъ страстями, которыя разыгрались въ Европѣ въ 1832 г.

Франція, послѣ паденія старшей линіи Бурбоновъ, продолжаетъ волноваться, вслѣдствіе интригъ представителей этой династіи, удалившихся въ Англію и въ Австрію. Герцогиня Беррійская, желая поддержать права своего сына герцога Бордосскаго, провозглашеннаго наслѣдникомъ французскаго престола, подъ именемъ Генриха V, не задумалась отправиться внутрь страны, гдѣ прожила тайно нѣсколько мѣсяцевъ, волнуя карлистовъ и добиваясь того, чтобы они взялись за оружіе въ ея пользу; выданная однимъ итальянцемъ, который былъ осыпанъ ея благодѣяніями, герцогиня Беррійская арестована и отвезена въ замокъ de Blaye, гдѣ содержалась какъ государственная преступница, въ то время какъ объ ея происках производилось дознаніе. Французское правительство отнеслось къ ней весьма снисходительно, но, желая успокоить воинственный задоръ войска, оно двинуло значительныя силы и чуть не всю свою артиллерію въ Бельгію, съ цѣлью овладѣть Антверпенской крѣпостью, которую французы и взяли послѣ 20 дневной упорной осады и совершенно разрушили. Король голландскій не согласился ратификовать капитуляцію, т. е. объявилъ, что онъ не уступитъ форты Лило и Лифковетъ. Это поведетъ неизбѣжно къ новымъ осложненіямъ въ текущемъ 1833 г., если только оба правитель-

[1]) См. „Русскую Старину“, январь 1900 г.

ства не придутъ наконецъ къ соглашенію. Англія поощряла эту враждебную демострацію, но не сдѣлала со своей стороны ни одного выстрѣла; это показываетъ, что ея союзъ съ Франціей не что иное, какъ притворство, такъ какъ все торговое населеніе Англіи открыто высказалось противъ этого союза. Пруссія выставила обсерваціонный корпусъ въ 30—40 тысячъ человѣкъ и всѣми силами старалась уладить распрю, возгорѣвшуюся между бельгійцами и датчанами, по вопросу о плаваніи судовъ на Шельдѣ. Лондонскій кабинетъ прибѣгнулъ къ всевозможнымъ уловкамъ, чтобы уклониться отъ предложеній, сдѣланныхъ Берлинскимъ кабинетомъ съ цѣлью уладить это дѣло, и что особенно странно,—увѣряютъ, будто нѣкоторыя депеши, адресованныя непосредственно на имя перваго министра Грея, не были приняты какъ оффиціальное сообщеніе подъ предлогомъ, будто ихъ слѣдовало адресовать въ Forreing Office (министерство иностранныхъ дѣлъ). Оппозиція будетъ имѣть прекрасный случай напасть въ парламентѣ на министерство за его враждебное отношеніе къ Голландіи; увидимъ, какъ-то оно справится съ Ирландіей и съ англійскими радикалами.

Положеніе Испаніи все еще весьма неопредѣленно. Во время болѣзни короля и его выздоровленія страною управляла и управляетъ до сихъ поръ королева. Она приняла, кажется, прекрасныя мѣры для успокоенія умовъ, но партія Донъ-Карлоса, поддерживаемая попами, доставитъ ей много хлопотъ. Бермудезъ, первый министръ, котораго я знаю лично, сумѣетъ можетъ быть достигнуть какихъ-либо удовлетворительныхъ результатовъ.

Положеніе Португаліи еще болѣе неопредѣленно. Борьба, которую бывшій императоръ Донъ-Педро ведетъ противъ своего брата Дона-Мигуэля, избраннаго націей, и ничтожный успѣхъ, одержанный имъ послѣ трехмѣсячной осады Опорто, доказываетъ ясно, что партія либераловъ слишкомъ слаба, чтобы низвергнуть избранника народа; въ этомъ случаѣ Англія играетъ весьма глупую роль, поддерживая Донъ-Педро.

Италія представляетъ также необыкновенное зрѣлище; французы утвердились въ Анконѣ и увѣряютъ, что они не воюютъ съ папою. Мудрая политика Вѣнскаго кабинета предупредила возстаніе и парализовала его въ самомъ началѣ.

Баварія и Виртембергъ взволнованы либералами, которыхъ подстрекаютъ къ мятежу французскіе бунтовщики. Но умы мало-по-малу успокоиваются, а на Германскомъ сеймѣ были приняты мѣры къ обузданію прессы.

Австрія держалась во время этого политическаго кризиса сдержанно и умно. Со смертью герцога Рейхштадскаго сошелъ въ могилу единственный отпрыскъ Наполеона; вмѣстѣ съ нимъ угасла надежда французовъ упрочить престолъ въ династіи Наполеона.

Турція, вводя у себя преобразованія и европейскіе обычаи, которые оскорбляютъ религіозныя чувства мусульманъ, возстановила этимъ противъ себя часть своихъ подданныхъ. Ей удалось подавить серьезныя волненія, начавшіяся въ Босніи, но Турція потеряла Египетъ, который отложился отъ Оттоманской имперіи. Петербургскій кабинетъ предложилъ свое посредничество для того, чтобы возстановить власть султановъ въ Египтѣ; увидимъ, какія послѣдствія будетъ имѣть этотъ шагъ.

Данія и Швеція были заняты исключительно улучшеніемъ своего внутренняго управленія, но въ Швеціи обнаруженъ заговоръ, съ цѣлью возстановленія на престолѣ династіи Ваза. Этотъ заговоръ былъ затѣянъ нѣсколькими лицами, лишенными здраваго смысла и чести. Главную роль въ немъ играютъ женщины.

Пруссія, будучи посредницею между Голландіей и державами, воюющими за Бельгію, выставила обсерваціонный корпусъ на границу государства; это произвело большое впечатлѣніе и было, вѣроятно, причиною отступленія французскихъ войскъ съ Бельгійской территоріи, послѣ взятія Антверпенской крѣпости.

Америка, волнуемая государствами, которыя возникли при распаденіи испанскихъ, португальскихъ и французскихъ колоній, не представляетъ въ настоящее время ничего прочнаго. Успокоеніе страстей, волнующихъ эти страны, приведетъ со временемъ къ результатамъ, болѣе утѣшительнымъ для страждущаго человѣчества; весьма возможно, что соединенные штаты Сѣверной Америки отдѣлятся одинъ отъ другаго и образуютъ самостоятельныя государства съ такой же конституціей или съ нѣкоторыми въ ней видоизмѣненіями, придуманными тѣми честолюбцами, которые станутъ во главѣ этого движенія.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на событія, ознаменовавшія собою внутреннюю жизнь Россіи. Во многихъ отрасляхъ администраціи совершены слишкомъ поспѣшныя преобразованія; это вызвало нѣчто подобное тѣмъ событіямъ, которыя волнуютъ теперь остальную Европу; духъ всеразрушенія не имѣетъ удержа и стихаетъ на мгновеніе только для того, чтобы разразиться вновь съ новою силою и внести всюду безпорядокъ, анархію и отрицаніе всѣхъ религіозныхъ вѣрованій.

Въ министерствѣ юстиціи введены различныя преобразованія. Въ Сенатѣ, во всѣ департаменты назначены предсѣдательствующіе съ званіемъ первоприсутствующаго, и дѣла предписано обсуждать тѣмъ же порядкомъ, какимъ происходитъ за границей судъ присяжныхъ, т. е. отвѣчать только утвердительно или отрицательно на вопросы, предлагаемые предсѣдательствующимъ въ отдѣльныхъ департаментахъ, а равно и въ общемъ собраніи. Но, для того чтобы предложить эти вопросы толково, первоприсутствующій долженъ за недѣлю или за двѣ до засѣданія просмотрѣть все дѣло, подлежащее обсужденію, что совершенно немыслимо и за-

медлило бы судопроизводство, вмѣсто того чтобы ускорить его. Слѣдовательно, придется поручать редактированіе этихъ вопросовъ секретарямъ и быть такимъ образомъ въ полной отъ нихъ зависимости. Установлено также, что засѣданіе можетъ состояться не иначе, какъ, при наличности трехъ сенаторовъ. Мѣра неудачная, которая будетъ задерживать ходъ дѣлъ, такъ какъ, въ случаѣ болѣзни сенаторовъ, разбирательство пріостановится, за неимѣніемъ замѣстителей. Я предложилъ назначить на каждаго сенатора по одному запасному, который въ случаѣ надобности могъ бы замѣнить его, не знаю, будетъ ли на это обращено вниманіе или нѣтъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ продѣлало всѣ ошибки, намѣченныя въ проектѣ объ учрежденіи министерствъ, т. е. оно внесло сумбуръ въ управленіе губерніями и въ особенности лишило губернаторовъ возможности заботиться о пользѣ ввѣренныхъ имъ губерній.

Военное министерство шло по намѣченному ему пути; по крайней мѣрѣ министра не касались, какъ въ прежнее время, интриги Главнаго штаба. Въ войскахъ упразднены нѣкоторые предметы обмундированія, какъ напр султаны на каскахъ, лядунки и т. п., совершенно излишнія для пѣхотныхъ солдатъ, а это составитъ нѣсколько милліоновъ экономіи. Гр. Чернышевъ человѣкъ талантливый, способный хорошо управлять своей частью.

Министерствомъ финансовъ управлялъ графъ Канкринъ. Онъ ввелъ большія улучшенія въ своемъ вѣдомствѣ и значительно упростилъ и сократилъ дѣлопроизводство и переписку. Во ожиданіи войны, которая могла быть вызвана дѣлами въ Бельгіи, пришлось сдѣлать 5% заемъ въ 20 милліоновъ руб. сер. въ Голландіи. Сначала хотѣли сдѣлать заемъ въ Англіи, но правительство на это не согласилось. Канкринъ достойный человѣкъ и дѣйствительно единственный изъ министровъ, заслужившій на вѣки признательность всѣхъ русскихъ; онъ съумѣлъ такъ оживить народную промышленность, что фабриканты могли сравнять свои произведенія съ иностранными и даже превзойти ихъ. Безъ сомнѣнія можно было бы обойтись безъ заграничнаго займа, если бы возможно было сократить затраты на огромныя зданія, которыя воздвигаются въ разныхъ мѣстахъ имперіи. Несомнѣнно, что усмиреніе польскаго мятежа потребовало такихъ значительныхъ тратъ, которыя не могли быть покрыты доходами съ царства Польскаго, въ особенности, когда страна была разорена войсками во время мятежа.

Министерство народнаго просвѣщенія не обладало достаточной энергіей, чтобы обуздать періодическія изданія, которыя начали печатать извлеченія изъ статей, содержанія самаго антимонархическаго и противнаго самодержавію. Тайная полиція съ ея явными и тайными цензорами со своей стороны дѣйствовала въ семъ важномъ случаѣ весьма

вяло. Самъ графъ Бенкендорфъ какъ будто находился подъ обаяніемъ этихъ писакъ; можно опасаться послѣдствій этой небрежности.

Вообще, колеса государственной машины страшно запутались; и кажется, все способствуетъ укорененію въ молодежи либеральныхъ идей.

Министерство иностранныхъ дѣлъ можетъ ликовать по поводу того, что оно усмирило порывы справедливаго негодованія, вызваннаго угнетеніемъ Голландіи; надобно надѣяться, что въ томъ же духѣ будутъ дѣйствовать и въ настоящемъ году, который будетъ достопамятенъ во многихъ отношеніяхъ какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, гдѣ много горючаго матеріала, который можетъ воспламенить эти страны.

Въ новый годъ пожаловано много наградъ, въ томъ числѣ нѣсколькимъ сенаторамъ. Вечеромъ на публичный маскарадъ съѣхалось во дворецъ 27 тысячъ человѣкъ; императоръ съ удовольствіемъ расхаживалъ среди этой толпы.

Января 6-го. Въ Крещенье былъ назначенъ большой парадъ, но онъ не могъ состояться по болѣзни ихъ императорскихъ величествъ.

Января 8-го. Страдая лихорадкою, императрица не могла встать съ постели; та же болѣзнь, но въ болѣе сильной степени, не позволила выходить и императору.

Въ городѣ говорили о происшествіяхъ на большихъ дорогахъ. По пути въ Ригу ограблена почта и убитъ генералъ Анрепъ. Если это извѣстіе справедливо, то я надѣюсь, что правительство приметъ энергичныя мѣры для прекращенія этихъ безпорядковъ, производимыхъ бандами польскихъ мятежниковъ, которыя не были уничтожены въ сентябрѣ прошлаго года вслѣдствіе того, что у генералъ-губернатора Палена, какъ онъ самъ говорилъ мнѣ при проѣздѣ моемъ черезъ Ригу, не было достаточно кавалеріи.

Состоялось первое собраніе кавалеровъ ордена св. Анны, на которое повелѣно было съѣхаться всѣмъ лицамъ, имѣющимъ этотъ орденъ.

Января 10-го. Изъ Константинополя получены весьма прискорбныя извѣстія. Египетскій паша, возставшій противъ султана, разбилъ на голову визиря; полагаютъ, что онъ пойдетъ на Константинополь; это внушаетъ опасенія Петербургскому и Вѣнскому кабинетамъ, которые совѣщались относительно мѣръ, которыя имъ необходимо будетъ принять.

Февраль. Масляница, окончившаяся 13-го февраля, прошла очень шумно. При дворѣ были маскарады въ уцѣлахъ и во дворцѣ, гдѣ было много богатыхъ костюмовъ.

На первой недѣлѣ поста императоръ и императрица говѣли въ Петергофѣ. Они возвратились въ городъ 18-го числа.

По случаю ледохода на Вартѣ и Вислѣ мы не получали газетъ нѣсколько почтъ.

Февраля 17-го. Правительство получило благопріятныя извѣстія

по поводу шаговъ, сдѣланныхъ имъ съ цѣлью склонить Ибрагимъ-пашу прекратить мятежныя дѣйствія противъ султана, а 18-го числа во французскихъ и русскихъ газетахъ появилось правительственное сообщеніе, въ которомъ, отдавъ должное дивану за честность, съ какою онъ исполнялъ по отношенію къ Россіи обязательства, принятыя имъ на себя по Адріанопольскому миру, говорилось, что Петербургскій кабинетъ счелъ себя вынужденнымъ предложить султану свое содѣйствіе для усмиренія возстанія египетскаго паши, вслѣдствіе чего генералъ-лейтенантъ Муравьевъ посланъ въ Константинополь съ предложеніями въ этомъ смыслѣ отъ Петербургскаго кабинета, и султанъ принялъ ихъ, попросивъ прислать ему эскадру и 6.000 десантнаго войска. Эскадра отплыла изъ Чернаго моря и прибыла (въ Константинополь) почти одновременно съ пріѣздомъ Муравьева изъ Египта. Сообщая это извѣстіе, русскій кабинетъ ставилъ на видъ, что всѣ европейскіе кабинеты одобрили эту мѣру, великодушно предложенную императоромъ.

Марта 3-го. Я представлялся князю Варшавскому, который остановился во дворцѣ. Онъ принялъ меня очень любезно. Я заговорилъ о крѣпостяхъ. Онъ сказалъ мнѣ, что Модлинъ будетъ крѣпостью точно такою же, какъ Люксенбургъ. Говоря о побѣдѣ, одержанной имъ въ Варшавѣ, онъ разсказалъ между прочимъ, что, ведя переговоры съ предводителями повстанцевъ, онъ сказалъ имъ:

— Я возьму вашу крѣпость во что бы то ни стало, если это не удастся мнѣ сразу, то я пожертвую 15 тыс. войска, отступлю за 30 верстъ и возобновлю попытку столько разъ, что вамъ въ концѣ концовъ не устоять.

Марта 6-го. Всѣ эти дни императоръ разъѣзжалъ въ Царское Село, Павловскъ, Гатчино и военныя поселенія, инспектируя кавалерію и знакомясь съ новой организаціей гренадерскихъ полковъ, которые увеличены на 2.000 человѣкъ, такъ что теперь въ каждомъ полку 4.000 человѣкъ.

Разсказываютъ по секрету о довольно важномъ заговорѣ, обнаруженномъ въ Тифлисѣ, въ которомъ принимали участіе поляки и грузины. Говорятъ, будто 16 главныхъ зачинщиковъ препровождены въ крѣпость.

Императоръ возвратился изъ своихъ поѣздокъ 2-го марта. Дипломаты заняты турецкими дѣлами. Нѣсколько тысячъ человѣкъ войска получили приказаніе отправиться изъ Одессы моремъ въ Константинополь, чтобы предупредить намѣренія Лондонскаго и Парижскаго кабинетовъ. Это твердый шагъ, но онъ могъ повести къ серьезному столкновенію съ этими двумя дворами, которые не прочь отвлечь чѣмъ-нибудь вниманіе своихъ подданныхъ отъ тревожнаго положенія внутри государства, которому угрожаетъ опасность обуявшаго всѣхъ революціоннаго духа. Къ сожалѣнію, этотъ духъ пускаетъ корни и въ Россіи; въ обѣихъ столицахъ

образовалось нѣсколько литературныхъ обществъ, въ которыхъ читаютъ сочиненія, не одобренныя цензурою, и не стѣсняясь порицаютъ правительство. Министры, довольные своими мѣстами и своимъ вліяніемъ, плохо заботятся о будущемъ. Одинъ Богъ знаетъ, куда насъ приведетъ это ослѣпленіе.

Разнесся слухъ, что почти всѣ генералы и высшіе военные чины мятежныхъ польскихъ войскъ, которые находились въ Вологдѣ подъ надзоромъ полиціи, освобождены. За этотъ великодушный поступокъ императора они отплатятъ самой черной неблагодарностью.

Апрѣля 10-го. Меникъ-паша пріѣхалъ изъ Константинополя благодарить императора отъ имени султана за помощь, посланную султану противъ мятежнаго египетскаго паши. Графъ Орловъ назначенъ въ Константинополь чрезвычайнымъ посланникомъ, съ повелѣніемъ руководить дѣлами; ему подчинены всѣ сухопутныя и морскія силы.

Апрѣля 20-го. Тезоименитство императрицы. По обыкновенію во дворцѣ былъ большой выходъ. Въ этотъ день совершилось перемѣщеніе министровъ. Министерство юстиціи ввѣрено Блудову, бывшему министру внутреннихъ дѣлъ, на мѣсто котораго назначенъ сенаторъ Перовскій. О Дашковѣ, оставившемъ постъ министра юстиціи, никто не пожалѣлъ, ни Сенатъ, ни просители. Трудно быть менѣе пригоднымъ къ должности, которую онъ занималъ.

Апрѣля 25-го. Императоръ заѣхалъ неожиданно въ губернское правленіе, въ судебную и въ казенную палаты. Онъ не засталъ ни губернатора, ни вице-губернатора, которые отсутствовали по болѣзни. Вслѣдствіе этого, министръ юстиціи Дашковъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ были приглашены къ императору и имѣли съ нимъ продолжительное совѣщаніе; говорятъ, будто Танѣеву поручено произвести слѣдствіе по поводу злоупотребленій, о которыхъ былъ сдѣланъ доносъ, чѣмъ и было вызвано вѣроятно посѣщеніе императоромъ этихъ присутственныхъ мѣстъ. Говорятъ между прочимъ, будто вечеромъ, въ кругу приближенныхъ, императоръ разсказывалъ со смѣхомъ, что онъ никогда не видѣлъ такихъ варварскихъ физіономій, какія онъ встрѣтилъ въ этихъ присутственныхъ мѣстахъ.

Мая 9-го. Императоръ и вся царская фамилія посѣтили сельскохозяйственную и промышленную выставки. Императоръ долго бесѣдовалъ съ фабрикантами и сказалъ имъ нѣсколько лестныхъ и поощрительныхъ словъ.

Мая 13-го. Всѣ эти фабриканты и купцы 1-й и 2-й гильдіи были приглашены во дворецъ на обѣдъ, который состоялся въ высочайшемъ присутствіи на 500 персонъ. Послѣ обѣда, императоръ велѣлъ привести своихъ дѣтей, которыя окружили его; это была прелестная картина

семейнаго счастья; она растрогала присутствующихъ, которые проливали слезы умиленія, видя, какимъ счастьемъ пользуется царская семья.

Мая 15-го. Императоръ уѣхалъ въ Динабургъ для инспектированія войскъ и крѣпостныхъ работъ. Оттуда его величество отправится въ Ригу, Ревель и къ 26-му мая вернется, какъ полагаютъ, въ Петербургъ.

Мая 24-го. Изъ Ревеля императоръ отправился въ Гельсингфорсъ и оттуда въ Кронштадтъ.

Іюнь. Во время пребыванія ихъ величествъ въ Гельсингфорсѣ, финляндскіе депутаты произнесли рѣчь, въ которой они упомянули о слухахъ, которые ходятъ относительно фанатиковъ, намѣревавшихся произвести покушеніе на императора. Эту рѣчь добродушно напечатали въ «Journal de St.-Pétersbourg», что̀ произвело весьма дурное впечатлѣніе; вице-канцлеръ получилъ за это отъ императора строгій выговоръ, котораго онъ вполнѣ заслуживалъ. Но кто же научилъ финляндскихъ депутатовъ говорить въ этомъ смыслѣ, кто позволилъ имъ употребить въ своей рѣчи эти выраженія? Къ сожалѣнію, въ этомъ надобно винить тѣхъ же лицъ, облеченныхъ властью и пользующихся довѣріемъ императора.

Іюня 26-го. Я видѣлся съ вице-канцлеромъ и показалъ ему вновь появившееся французское изданіе, въ которомъ напечатаны самыя гнусныя разсужденія относительно законности царской власти и христіанской религіи, которыя авторъ приводитъ въ оправданіе безпорядковъ, происшедшихъ во Франціи. Онъ замѣтилъ, что цензура книгъ ему не подвѣдомственна.

— Какъ,—возразилъ я,—вѣдь въ цензурномъ комитетѣ засѣдаетъ чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, вотъ почему я и счелъ долгомъ довести до вашего свѣдѣнія объ этой небрежности цензуры.

Іюля 1-го. День рожденія императрицы былъ торжественно отпразднованъ въ Петергофѣ. Въ этотъ день былъ маскарадъ и большая иллюминація; военнымъ пожаловано много наградъ. Генералъ-губернаторы: петербургскій Эссенъ и кіевскій Левашовъ получили графское достоинство, адмиралъ Лазаревъ и генералъ Муравьевъ назначены генералъ-адъютантами; кромѣ того обнародованъ цѣлый списокъ вновь произведенныхъ чиновъ. Всѣ говорили, что императоръ казался весьма озабоченнымъ, и праздникъ прошелъ не весело.

Весь этотъ мѣсяцъ прошелъ въ маневрахъ между Царскимъ Селомъ и Гатчино и въ поѣздкахъ въ военныя поселенія. Полагали, что императоръ посѣтитъ Макарьевскую ярмарку и Казань, но такъ какъ въ виду событій, происходящихъ въ Португаліи и въ другихъ государствахъ, европейскія дѣла осложнились, то императоръ рѣшилъ ѣхать въ Теплицъ, гдѣ должно было состояться свиданіе между тремя главными сѣверными монархами, въ имѣніи князя Меттерниха, въ окрестностяхъ Теплица. Государь предполагаетъ ѣхать моремъ на фрегатѣ до Штетина, а оттуда

въ Теплицъ. Въ отсутствіе императора, его замѣнитъ въ Петербургѣ великій князь наслѣдникъ. Его величество сопровождаютъ: вице-канцлеръ Нессельроде, графъ Орловъ, генералы: графъ Бенкендорфъ, Адлербергъ и лейбъ-медикъ Арндтъ.

Августа 9-го. Я былъ съ визитомъ у графа Бенкендорфа, чтобы уговориться съ нимъ относительно того, въ какой день послѣдуетъ открытіе коммиссіи, въ которой будутъ выяснены права лицъ, наслѣдующихъ маіоратъ князей Радзивиллъ. Онъ рѣшилъ принять насъ 10-го числа. Засѣданіе состоялось, и мы подписали журналъ объ открытіи перваго засѣданія, происходившаго подъ предсѣдательствомъ графа Бенкендорфа, при участіи князя Любецкаго, Посникова и меня. Князь Любецкій говорилъ какъ человѣкъ знающій дѣло, Бенкендорфъ говорилъ мало, Посниковъ немного болѣе, я очень мало, но кажется, мы всѣ четверо согласны во взглядахъ относительно основныхъ пунктовъ, которые могутъ спасти эту семью.

Августа 16-го. Императоръ уѣхалъ на пароходѣ «Ижора» въ Штетинъ съ намѣреніемъ отправиться оттуда сухимъ путемъ въ Фридландъ, въ Богемію, гдѣ должно было состояться свиданіе монарховъ, но 17-го числа разразилась страшная буря, такъ что онъ былъ вынужденъ вернуться и, прибывъ въ Царское Село, 19-го числа уѣхалъ въ тотъ же вечеръ сухимъ путемъ.

Августа 26-го. Получено извѣстіе о прибытіи императора въ Шведтъ, гдѣ его ожидала вся прусская королевская семья.

Августа 30-го. Городъ праздновалъ тезоименитство наслѣдника фейерверкомъ на Елагинѣ, который стоилъ 4.000 р. Императрица осталась въ Елагинскомъ дворцѣ до 6-го сентября, такъ какъ 5-го сентября былъ полковой праздникъ ея Кавалергардскаго полка. Ходятъ слухи о волненіяхъ въ Варшавѣ, говорятъ, будто стрѣляли въ главнокомандующаго, князя Паскевича.

Сентября 17-го. Послѣ свиданія съ императоромъ австрійскимъ и съ королемъ прусскимъ, императоръ возвратился въ Петербургъ въ ночь съ 16-го на 17-е число, остановившись по пути въ Царскомъ Селѣ. Императоръ пріѣхалъ изъ Богеміи чрезъ Бреславль, Калишъ и Модлинъ, не заѣзжая въ Варшаву.

По возвращеніи въ Россію, онъ прожилъ до октября въ Царскомъ Селѣ, гдѣ танцовали безъ устали. Въ обществѣ много толкуютъ объ отмѣнѣ всякаго этикета при дворѣ въ Царскомъ Селѣ, куда пріѣзжаютъ на вечера въ сюртукахъ и т. д.; эту мѣру осуждаютъ.

Октября 20-го. Присутствуя въ общемъ собраніи Сената, я былъ удивленъ и даже огорченъ, услыхавъ, что сенаторъ Кочубей говорилъ сенатору Корнилову, что поляки не подданные Россіи, а императора. Это странное опредѣленіе могло быть навѣяно только либеральными взгля-

дами его патрона, предсѣдателя Государственнаго Совѣта, князя Кочубея. Можно судить поэтому, въ чьихъ рукахъ мы находимся и что государство при малѣйшемъ волненіи можетъ быть глубоко потрясено.

Въ тотъ же день я окинулъ взоромъ всѣхъ членовъ этого собранія, состоявшаго изъ 11 лицъ, и представилъ себѣ мысленно качества каждаго изъ нихъ.

Предсѣдательствующій Барановъ человѣкъ весьма свѣдущій въ административной части, но гораздо менѣе по части юриспруденціи; онъ не способенъ поддержать правое дѣло, если какія-либо личныя соображенія заставляютъ его уклониться отъ прямаго пути. Онъ говоритъ хорошо, съ апломбомъ, не горячась.

Родофиникинъ, его сосѣдъ, человѣкъ способный, но также склонный руководствоваться при случаѣ личными соображеніями.

Безродный высказываетъ свои взгляды страстно и, не будучи вполнѣ безупреченъ въ своихъ дѣйствіяхъ, съ яростью критикуетъ отчетности, которыя приходится разсматривать Сенату, желая этимъ выставить на видъ свою преданность правительству.

Мавейнъ настоящая флюгарка, человѣкъ крайне боязливый, но хорошій совѣтникъ; онъ весьма остороженъ въ своихъ сужденіяхъ и не обладаетъ даромъ слова.

Графъ Тизенгаузенъ молчаливъ и не произноситъ во время засѣданія ни слова. Онъ почти всегда присоединяется къ мнѣнію Кочубея.

Журавлевъ знаетъ законы, но легко поддается вліянію лицъ, власть имѣющихъ. Онъ умѣетъ вести пренія.

Свиньинъ, выработавшійся въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ онъ былъ докладчикомъ, говоритъ хорошо, но немного завирается.

Кочубей, его сосѣдъ, свѣдущъ въ дѣлахъ, обсуждаетъ ихъ съ жаромъ, хотя нерѣдко защищаетъ совершенно ложные взгляды, если это соотвѣтствуетъ его личнымъ интересамъ; къ тому же онъ отъявленный либералъ.

Баронъ Бюлеръ многорѣчивъ и судитъ довольно правильно; но является всепокорнымъ слугою того, кто можетъ быть ему полезенъ.

Корниловъ страшный болтунъ; на его слова никто не обращаетъ вниманія.

Посниковъ человѣкъ чрезвычайно способный къ судейскому званію. Знатокъ въ дѣлахъ, онъ быстро схватываетъ сущность всякаго дѣла, высказываетъ мѣткія сужденія и излагаетъ дѣло съ большою ясностью.

Дивовъ довольно образованъ, весьма остороженъ въ своихъ отзывахъ; утомленный безтолковымъ веденіемъ преній, когда всѣ говорятъ одновременно, онъ ограничивается большею частью тѣмъ, что молча наблюдаетъ остальныхъ.

Челищевъ пріобрѣлъ много свѣдѣній на практикѣ, любитъ поспорить; но, подобно многимъ другимъ, руководствуется часто личными соображеніями, когда предстоитъ обсудить дѣло, въ которомъ лица, пользующіяся въ тотъ моментъ вліяніемъ, принимаютъ сторону того или другаго лица.

Октября 22-го. Во дворцѣ происходило первое собраніе владимірскихъ кавалеровъ. Такъ какъ было приказано собраться во дворецъ кавалерамъ 1 и 2 ст., то собраніе было очень многолюдное; всего было 16 кавалеровъ 1 ст. и 60 кавалеровъ 2 ст. Мѣста заняли не по порядку и приступили къ баллотировкѣ; въ это засѣданіе было избрано 12 лицъ.

Октября 25-го. Императоръ и вся царская фамилія переѣхали изъ Царскаго Села въ Петербургъ.

Октября 29-го. Состоялось второе собраніе владимірскихъ кавалеровъ; всѣ 27 кандидатовъ на этотъ орденъ забаллотированы.

Ноября 1-го. Въ квартирѣ моего коллеги Посникова, который не выходитъ изъ дома по болѣзни, состоялось второе засѣданіе по дѣламъ о маіоратѣ Радзивилловъ. Князь Любецкій по обыкновенію говорилъ много; было рѣшено написать письмо министру юстиціи, прося его доставить намъ бумаги предъидущаго собранія. Рѣшили также препроводить въ Сенатъ записку, поданную Радзивиллами, съ просьбою пріостановить распоряженіе министерства финансовъ о назначеніи коммиссіи для раздѣла ихъ имущества, съ цѣлью отдѣлить ту часть, которая по просьбѣ князя Михаила Радзивилла подлежитъ конфискаціи.

Ноября 8-го. День рожденія великаго князя Михаила. Я отправился на поклонъ къ ихъ высочествамъ. Великая княгиня сказала: есть люди, которые меня никогда не забываютъ, и указала на меня рукою, вѣроятно, желая этимъ упрекнуть тѣхъ, которые стояли возлѣ меня.

Ноября 10-го. Состоялась свадьба княжны Хилковой съ флигель-адъютантомъ Безобразовымъ, который состоялъ прежде при покойномъ великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ. Свадьба праздновалась въ Зимнемъ дворцѣ. Я былъ приглашенъ невѣстою и, по повѣсткѣ отъ двора, отправился во дворецъ къ 9-ти часамъ. Приглашенные собрались въ Концертномъ залѣ, возлѣ котораго находится маленькая церковь. Императоръ и императрица благословляли жениха, а великій князь Михаилъ и княгиня Щербатова—невѣсту. По окончаніи свадебнаго обряда, присутствующіе благодарили ихъ величества. Я стоялъ въ числѣ близкихъ родныхъ княжны у дверей. Затѣмъ насъ повели въ гостиную императрицы, гдѣ она посадила новобрачную на диванъ съ великой княгиней Еленой Павловной. Новобрачный стоялъ рядомъ съ императоромъ. Императрица подходила и разговаривала со многими лицами. Намъ былъ

предложенъ чай, и затѣмъ мы уѣхали на квартиру новобрачныхъ, которые поселились въ Графскомъ переулкѣ близъ Таврическаго дворца, въ скромномъ домикѣ, меблированномъ съ большимъ вкусомъ.

Ноября 15-го. Говорятъ, будто императоръ сдѣлалъ выговоръ графу Воронцову, который, видя, что во ввѣренныхъ ему губерніяхъ распространяется голодъ, приказалъ казначействамъ имѣть для него на-готовѣ деньги. Онъ послалъ объ этомъ государю эстафету; къ несчастію, одинъ изъ почтальоновъ напился въ дорогѣ и опоздалъ съ донесеніемъ графа, между тѣмъ какъ донесенія вице-губернаторовъ министру финансовъ были получены раньше.Императоръ, не зная о томъ, какъ поступилъ въ этомъ случаѣ генералъ-губернаторъ, слишкомъ поспѣшилъ послать ему строгій выговоръ. Получивъ его, Воронцовъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, но императоръ не разрѣшилъ ее, признавъ себя виновнымъ.

Ноября 21-го. Турецкій посланникъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ сопровожденіи многочисленной свиты. Ему отвели помѣщеніе на Англійской набережной, въ домѣ графа Остермана-Толстаго; за помѣщеніе платятъ 12 тысячъ рублей въ мѣсяцъ.

Ноября 23-го. Ожидали также французскаго посланника маршала de-Maison, но получено донесеніе, что онъ заболѣлъ въ Берлинѣ.

Ноября 24-го. Императоръ неожиданно выѣхалъ сегодня въ Москву; говорятъ, будто онъ намѣренъ проѣхать въ Курскъ. Поговариваютъ также о законѣ противъ роскоши для придворныхъ дамъ, коимъ хотятъ присвоить однообразную форму. Нѣкоторые утверждаютъ, будто истинною причиною поѣздки императора была дуэль, происшедшая въ Москвѣ между двумя генералами: княземъ Хилковымъ и Каблуковымъ. Вообще, всѣ очень порицаютъ эту неожиданную поѣздку, тѣмъ болѣе, что нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ имѣлъ разговоръ съ однимъ лицомъ, который умолялъ его беречь себя, такъ какъ благо Россіи зависитъ отъ него, и доказывалъ, что государю не слѣдуетъ безъ надобности утомлять себя поѣздками, когда дѣло можетъ сдѣлаться и безъ него.

Декабря 2-го. Императоръ возвратился изъ Москвы, совершивъ эту поѣздку въ 38 часовъ.

Петербургъ занятъ преобразованіемъ въ костюмѣ фрейлинъ и придворныхъ дамъ. Придумали новый, какъ говорятъ, національный костюмъ, который эти дамы будутъ обязаны носить въ дни большихъ выходовъ при дворѣ. Это нѣчто въ родѣ офранцуженнаго сарафана, изъ бархата зеленаго цвѣта для статсъ-дамъ и пунцоваго для—фрейлинъ.

Поговариваютъ также о новой формѣ для Сената, коему будетъ присвоенъ мундиръ зеленаго цвѣта.

Получено извѣстіе о смерти Аббасъ-мирзы, признаннаго нами наслѣдника персидскаго престола. Кажется, наше правительство объ этомъ

ничуть не пожалѣло, такъ какъ это освобождало насъ отъ обязанности поддерживать его права въ случаѣ смерти шаха, его отца. Какъ только нынѣ царствующій шахъ закроетъ глаза, въ его странѣ начнутся страшныя волненія.

Декабря 6-го. Тезоименитство императора. По утру при дворѣ былъ выходъ, а вечеромъ балъ, на который я отправился. Я видѣлъ новый костюмъ, данный придворнымъ дамамъ; это нѣчто вродѣ русскаго платья, которое очень идетъ полнымъ особамъ.

Въ этотъ день 23 человѣка произведены въ генералъ-лейтенанты и 4 въ полные генералы; въ томъ числѣ князь Меншиковъ произведенъ въ адмиралы.

Балъ былъ выдающійся въ томъ отношеніи, что въ этотъ день впервые были открыты или, лучше сказать, созданы два зала, изъ коихъ одинъ названъ Фельдмаршальскимъ, а другой—заломъ Петра Великаго. Въ немъ стоитъ его портретъ во весь ростъ, а на потолкѣ изображены картины двухъ побѣдъ, одержанныхъ этимъ великимъ человѣкомъ. Въ Фельдмаршальскомъ залѣ помѣщены портреты Потемкина, Суворова, Румянцева, Дибича и Паскевича. Потемкинъ изображенъ очень оригинально, въ латахъ, какія носили кавалергарды при Екатеринѣ. На балу, когда всѣ сѣли за главные столы къ ужину, я сѣлъ противъ стола императрицы и сталъ любоваться красивымъ зрѣлищемъ.

Декабря 16-го. Министръ юстиціи пригласилъ меня къ себѣ, чтобы сообщить мнѣ, что онъ пріискиваетъ замѣстителя покойному Посникову. Онъ назвалъ нѣсколькихъ сенаторовъ и сказалъ, наконецъ, что онъ хочетъ назначить Лавинскаго. Я одобрилъ этотъ выборъ, но замѣтилъ, что онъ долженъ быть также назначенъ въ коммиссію по дѣламъ Радзивилловъ, на что министръ сказалъ, что это такъ и будетъ.

Послѣдніе дни императоръ былъ боленъ. Въ Петербургъ пріѣхали французскій посланникъ, маршалъ Maison и принцъ Оранскій съ сыномъ. Посланникъ представлялся императору 25-го числа. Поговариваютъ о войнѣ съ этой державою и съ Англіей. Говорятъ, будто министръ финансовъ собирается выдти въ отставку и что на его мѣсто будетъ назначенъ Хитрово.

Нѣкоторыя подробности о ходѣ работъ Н. М. Карамзина по составленію «Россійской исторіи».

Письмо Н. Карамзина къ В. Н. Каразину.

25-го мая 1818 г. С.-Петербургъ.

Сердечно благодарю васъ, почтенный Василій Назарьевичъ, за ваше обязательное письмо и за сообщеніе мнѣ вашихъ любопытныхъ примѣчаній, которыми надѣюсь воспользоваться при второмъ изданіи Россійской Исторіи. Убѣдительно прошу васъ доставлять мнѣ продолженіе, вами столь благосклонно обѣщаемое. Мое дѣло исправлять ошибки и благодарить. Надѣюсь, что вы сдержите слово. Кажется, что я остаюсь въ Петербургѣ еще на годъ, для втораго изданія, боюсь, чтобы безъ меня его не испортили. Вы говорите о жизни царя Ивана Васильевича у меня ихъ двѣ: одна—выписана изъ лѣтописей, другая—сочинена Крекшинымъ. Я желалъ бы видѣть вашу рукопись: нельзя ли прислать мнѣ ее черезъ почту? Немедленно возвращу; только взгляну: можетъ быть, есть въ ней что-нибудь особенное. Теперь занимаюсь девятымъ томомъ, т. е., ужасами тиранства. Хорошо, если бы вы описали намъ древности вашего края. Я не могъ входить въ подробности. Съ нетерпѣніемъ буду ждать отъ васъ новаго пакета, на мое имя, но для пользы общей. Между тѣмъ, будьте здоровы и благополучны. Сохраните доброе расположеніе къ вашему покорнѣйшему Н. Карамзину.

Замѣтка одного изъ депутатовъ перваго призыва.

Появившіяся въ «Русской Старинѣ» (въ 1899 году) интересныя записки М. А. Милютиной, относящіяся къ крестьянской реформѣ, къ главнымъ ея дѣятелямъ и къ участію въ ней депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, вызванныхъ въ Петербургъ для представленія высшему правительству свѣдѣній и объясненій по крестьянскому дѣлу,—переносятъ въ эпоху, представляющую одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ исторіи нашей общественной жизни. Полная и, насколько возможно, объективная характеристика этого времени, конечно, еще впереди. Страстность, съ которою писалось о крестьянскомъ вопросѣ съ самаго момента его возникновенія, не улеглась и понынѣ, какъ это видно изъ множества относящихся къ реформѣ литературныхъ произведеній, появляющихся въ настоящее время, когда мы стоимъ лицомъ къ лицу уже не съ теоретическими воззрѣніями на реформу, породившими столько споровъ и столько борьбы, а съ дѣйствительными, прямыми или косвенными, въ экономической нашей жизни, послѣдствіями примѣненія окончательно выработанныхъ для нея условій и взглядовъ, коими руководились организаторы крестьянской реформы. Поэтому, не касаясь общаго хода дѣла, съ которымъ тѣсно была связана моя давно прошедшая дѣятельность [1]), позволю себѣ, отмѣтить лишь кое-какія свои личныя впечатлѣнія, оставшіяся въ моей памяти, о времени пребыванія въ

---

[1]) Я былъ членомъ Нижегородскаго комитета для составленія Положенія о крестьянахъ и одновременно горбатовскимъ уѣзднымъ предводителемъ, а съ 1861 года—нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Петербургѣ депутатовъ перваго призыва [1]), въ числѣ которыхъ я состоялъ, по выбору отъ большинства Нижегородскаго комитета.

Прибытіе въ Петербургъ депутатовъ внесло чрезвычайное оживленіе въ столичную жизнь. Отъ дѣятельности ихъ ожидали, независимо исполненія прямаго ихъ назначенія, также и почина во всякихъ преобразованіяхъ, болѣе или менѣе связанныхъ съ крестьянскою реформою. Въ средѣ самихъ депутатовъ было немало думавшихъ, что миссія ихъ не ограничится правомъ отстаивать мнѣнія своихъ комитетовъ и что на долю ихъ, въ силу вещей, выпадетъ и участіе въ разрѣшеніи другихъ, нарождавшихся вопросовъ... Настроеніе общества было приподнятымъ и возбужденнымъ, какъ открывавшимися, послѣ долголѣтняго застоя, новыми перспективами, такъ и подъ вліяніемъ идей, навѣянныхъ излюбленнымъ тогда изученіемъ исторіи Франціи въ періодъ, предшествовавшій первой революціи. Незадолго передъ тѣмъ появилось и широко распространилось въ Петербургѣ новое сочиненіе Токвилля «L'ancien régime et la révolution»; и я какъ теперь вижу зеленую обложку этой книги, красовавшуюся на столѣ любаго кабинета и даже гостиной; читали ее съ захватывающимъ интересомъ, примѣняя изложенные въ ней факты, съ ея выводами и заключеніями, къ существующимъ или предусматриваемымъ у насъ, соціальнымъ и политическимъ явленіямъ [2]). Вопросы объ административной централизаціи и ея вліяніи на нашу государственную жизнь; объ отрицательной роли нашихъ общественныхъ силъ въ правительственной дѣятельности; о разобщенности этихъ силъ и дальнѣйшемъ ихъ развитіи, въ отношеніяхъ, какъ между собою, такъ и къ государству; о положеніи помѣстнаго дворянства по утратѣ имъ вотчинныхъ правъ, — абсентеизмѣ, со всѣми его послѣдствіями,—и тому подобные вопросы занимали и волновали общество не менѣе вопроса объ освобожденіи крестьянъ и устройствѣ ихъ быта. Разсужденія о всякихъ недостаткахъ и неустройствахъ во внутреннемъ нашемъ управленіи, финансовомъ нашемъ положеніи, потрясенномъ Крымскою войною, и тому подобныхъ дѣлахъ, приводили къ заключенію о невозможности ихъ разрѣшенія безъ содѣйствія призванныхъ для сего представителей отъ образованныхъ классовъ... Среди всего этого движенія, въ интеллигентныхъ и въ осо-

[1]) Тогдашнихъ своихъ впечатлѣній я не записывалъ, память же далеко не всегда вѣрный помощникъ, и совершенно былъ правъ графъ М. А. Корфъ, замѣтивъ, въ предисловіи къ своимъ запискамъ, что возстановлять свои впечатлѣнія по отдаленнымъ воспоминаніямъ — дѣло рискованное. Въ сознаніи такой истины не могу не ограничиться, въ данномъ случаѣ, самой краткой замѣткой.

[2]) Появившаяся тогда, въ рукописи, замѣчательная статья объ административной централизаціи, приписываемая, если не ошибаюсь, перу Н. А. Милютина, представляла собою отраженіе идей знаменитаго французскаго публициста.

бенности аристократическихъ нашихъ сферахъ развилось политическое доктринерство, на иноземной подкладкѣ, которое стало не то модой, не то маніей, уносившей нерѣдко въ область представленій самаго фантастическаго свойства. Разъ, встрѣтившись со мною, на раутѣ у министра Ланскаго, извѣстный англоманъ графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ, отведя меня въ сторону и многозначительно спросивъ, что̀ думаю я о роли депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, приглашенныхъ въ Петербургъ — сталъ догматически доказывать, что депутаты не только въ правѣ, но и обязаны сомкнуться въ дружную оппозиціонную силу противъ правительства, дѣйствія котораго, въ крестьянской реформѣ, явно ведутъ къ подрыву не только матеріальнаго благосостоянія дворянства, но и политическаго его значенія, какъ сословія, служащаго исконнымъ оплотомъ престола; что организованная въ такомъ смыслѣ оппозиція «имѣла бы значеніе оппозиціи его величества, подобно англійской парламентской оппозиціи, которая, служа охранительною для королевы силою, противъ ошибокъ, заблужденій и вообще ложной политики ея министровъ,—по праву именуетъ себя Her Majesty's opposition»!

Съѣхавшіеся въ Петербургъ депутаты разбились на группы. Одна изъ этихъ группъ собиралась у А. М. Унковскаго (бывшаго тверскаго губернскаго предводителя) [1]). Къ этой группѣ примкнули самые горячіе реформаторы. Здѣсь въ связи съ крестьянскою реформою происходило широкое обсужденіе вопроса о преобразованіяхъ въ области суда и администраціи,—преобразованіяхъ, въ зависимости отъ которыхъ ставились и благія послѣдствія самой крестьянской реформы. Съ особенною настойчивостью выдвигался здѣсь вопросъ и о свободѣ печати. Столь широкая и, по существу, радикальная программа придавала собраніямъ сказанной группы особенную политическую окраску.

Болѣе спокойными, а по содержанію пожалуй и болѣе корректными, были совѣщанія, происходившія у саратовскаго губернскаго предводителя князя Щербатова или у симбирскаго депутата Шидловскаго (не

---

[1]) Я зналъ А. М. Унковскаго еще съ лицейской скамьи (XVI курсъ). По прикосновенности къ какой-то исторіи политическаго свойства, онъ вмѣстѣ съ другимъ нашимъ товарищемъ, Константиновымъ, былъ арестованъ и уже въ лицей не возвращался; впослѣдствіи окончилъ свое образованіе въ Московскомъ университетѣ. Поборникъ самыхъ либеральныхъ идей, другъ Салтыкова (Щедрина) и извѣстнаго публициста Головачева, А. М. Унковскій былъ однимъ изъ тѣхъ депутатовъ, которые своими откровенными и смѣлыми отзывами наиболѣе доставляли редакціоннымъ коммиссіямъ, что называется, du fil à retordre. Ему же, если не ошибаюсь, принадлежала и идея всесловной волости, идея, которую онъ проводилъ съ особенной настойчивостью, но которая встрѣтила сильнѣйшій отпоръ съ многихъ сторонъ, и при томъ по причинамъ совсѣмъ разнороднаго характера.

помню хорошенько, у котораго именно изъ нихъ). Здѣсь пренія ограничивались предметами, непосредственно относившимися къ крестьянской реформѣ, и на первомъ планѣ были земледѣльческіе интересы, подвергавшіеся всестороннему и обстоятельному обсужденію; иныхъ, насколько помню, вопросовъ, здѣсь не касались; о домогательствѣ же нѣкоторыхъ членовъ этой группы разрѣшить крестьянскій вопросъ созваніемъ сословныхъ выборныхъ я узналъ лишь впослѣдствіи.

Совсѣмъ аристократическій характеръ, даже по внѣшности, имѣли собранія, происходившія у петербургскаго губернскаго предводителя графа Шувалова. Здѣсь собирались преимущественно представители крупнаго землевладѣнія. Проведшій, кажется, бо́льшую часть жизни въ Англіи и усвоившій не только взгляды, но и привычки и пріемы тамошней аристократіи, хозяинъ дома, въ пространныхъ, хотя, по оборотамъ и выраженіямъ и не всегда ясныхъ, рѣчахъ, докторально защищалъ и отстаивалъ идею сохраненія за помѣщиками полнаго права собственности на всю землю; идея эта, какъ извѣстно, имѣла многочисленныхъ приверженцевъ въ средѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ числѣ которыхъ, однако, было не много вѣрившихъ въ возможность отстоять ее. Пренія на эту тему никакихъ, конечно, практическихъ результатовъ имѣть не могли.

Помимо спеціально депутатскихъ собраній, происходили и въ частныхъ домахъ оживленныя бесѣды, какъ о самой крестьянской реформѣ, такъ и въ особенности объ ея послѣдствіяхъ, экономическихъ, финансовыхъ и политическихъ. Обычная, въ иныхъ домахъ, вечерняя карточная игра оставалась на второмъ планѣ, дотого умы были заняты другимъ.

Всего интереснѣе были вечера у Н. А. Милютина. Здѣсь собирались представители нашей либеральной интеллигенціи и выдающіеся дѣятели редакціонныхъ коммиссій. Здѣсь, можно сказать, лежалъ и центръ тяжести преобладавшаго въ то время въ высшихъ сферахъ направленія, душою котораго былъ Н. А. Милютинъ. Несмотря на оффиціальное положеніе лицъ, составлявшихъ большинство въ этой средѣ, происходившій здѣсь обмѣнъ мыслей по вопросамъ, волновавшимъ тогдашнее общество, былъ свободный и непринужденный, при чемъ немало оживленія вносило въ разговоръ и личное участіе высокопросвѣщеннаго хозяина. Нельзя не замѣтить, что въ этой средѣ интересы дворянства находили весьма мало защитниковъ,—а еще менѣе какія бы то ни было права его на преобладающее въ государственномъ строѣ значеніе. Самъ Н. А. Милютинъ относился къ этой послѣдней темѣ съ какимъ-то особеннымъ раздраженіемъ: не допуская за дворянствомъ никакихъ особыхъ политическихъ правъ, онъ энергически возставалъ противъ всякой иниціаторской его дѣятельности въ дѣлахъ, касавшихся общихъ нуждъ и

интересовъ. Не забуду, какъ разъ, когда въ особомъ разговорѣ, я коснулся этой темы, и при томъ въ смыслѣ не совсѣмъ согласномъ съ его взглядомъ, онъ вскочилъ какъ ужаленный: «никогда»,—сказалъ онъ, —«никогда, пока я стою у власти, я не допущу какихъ бы то ни было притязаній дворянства на роль иниціаторовъ въ дѣлахъ, касающихся интересовъ и нуждъ всего народа. Забота о нихъ принадлежитъ правительству; ему и только ему одному принадлежитъ и всякій починъ въ какихъ бы то ни было реформахъ на благо страны. Tout pour peuple,—rien par le peuple,— при этомъ добавилъ онъ, словами, кажется, Наполеона III-го Въ приведенной тирадѣ рѣзко выразился характеръ Н. А. Милютина, какъ государственнаго человѣка, и той политики, которою онъ руководился въ продолженіе своей государственной дѣятельности.

Представленія депутатовъ, какъ извѣстно, не могли существенно измѣнить уже предначертанныхъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ главныхъ основаній проекта Положенія о крестьянахъ. Нѣкоторыя, со стороны депутатовъ, попытки къ тому, чтобы разрѣшено было имъ представить свои соображенія на окончательные труды редакціонныхъ коммиссій до поступленія оныхъ въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу—успѣха не имѣли.

Недовольные результатомъ своей дѣятельности, депутаты примѣняли къ себѣ историческій (въ формѣ діалога повара съ цыплятами) сарказмъ [1]) на положеніе французскихъ нотаблей передъ созвавшимъ ихъ правительствомъ въ 1786 году. Послѣ 6—7 недѣльнаго пребыванія въ Петербургѣ, депутаты получили извѣщеніе, что миссія ихъ окончена и что они могутъ разъѣхаться по домамъ. Большинство тотчасъ уѣхало, нѣкоторые же депутаты продолжали оставаться въ Петербургѣ, вопреки сдѣланному указанію, и, кажется, подпали подъ наблюденіе полиціи.

Вспоминая вышеприведенную эпоху, нельзя, мнѣ кажется, не признать, что, каковы бы ни были увлеченія дворянства, каковы бы ни были тѣ или другія его стремленія, широкія или эгоистическія, со всѣми общечеловѣческими заблужденіями и ошибками,—никогда не проявляло оно столько жизни, энергіи и дѣятельности, сколько оно проявило въ это достопримѣчательное время. Вызванное исключительными обстоятельствами, столь же исключительное,—и не въ одной только дво-

---

[1]) Сарказмъ этотъ, приведенный въ одной изъ парижскихъ газетъ, въ 1786 году, впослѣдствіи часто вспоминался въ подходящихъ случаяхъ:

Le cuisinier: A quelle sauce voulez-vous qu'on vous mange?

Les poulets: Mais nous ne voulons pas qu'on nous mange!

Le cuisinier: vous changez l'état de la question; on vous demande à quelle sauce vous voulez qu'on vous mange.

(J. Droz, „Histoire du règne de Louis XVI". T. I).

рянской средѣ, — возбужденіе умственныхъ силъ, должно было, разумѣется, имѣть и свою реакцію...

Многое въ тогдашнихъ увлеченіяхъ улеглось, исчезли преувеличенныя, по поводу какихъ бы то ни было притязаній дворянства, опасенія. — Съ обнародованіемъ «Положенія 19-го февраля», дворянство приступило къ его исполненію, и вниманіе общества почти всецѣло сосредоточилось на проведеніи въ жизнь великой реформы.

П. Д. Стремоуховъ.

Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ.

КАКЪ МУЗЫКАНТЪ И КОМПОЗИТОРЪ.

(Посвящается Прасковьѣ Алексѣевнѣ Ваксель).

25-го мая 1898 года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія знаменитаго композитора русскаго національнаго гимна «Боже, царя храни» Алексѣя Ѳедоровича Львова. Можно навѣрно сказать, что на Руси не найдется ни одного мало-мальски интеллигентнаго человѣка, который, чуть-ли не съ молокомъ матери, не всосалъ въ себя величественныхъ и плѣнительныхъ звуковъ нашего національнаго гимна, этой величественной молитвы русскаго народа за своего царя.

Съ этой стороны Львова знаютъ всѣ; но не всѣ знаютъ, что, независимо отъ сочиненнаго имъ гимна, онъ обезсмертилъ свое имя великими трудами по православному богослужебному пѣнію и тѣмъ оставилъ въ исторіи русской церковной музыки замѣтный слѣдъ; его труды даютъ ему почетное мѣсто въ ряду русскихъ дѣятелей.

Онъ извѣстенъ какъ духовный композиторъ и какъ устроитель правильнаго, гармоничнаго церковнаго пѣнія; онъ первый ввелъ въ Петербургѣ симфоническіе концерты, ратовалъ за право русскихъ артистовъ занимать такое же положеніе въ оркестрѣ, какое занимали въ то время иностранцы, развивалъ въ публикѣ любовь къ хорошей игрѣ и хорошему пѣнію, а главное, онъ о б е р е г ъ древне-церковные напѣвы отъ искаженія, которое тогда дерзали дѣлать разные плохіе композиторы, прибавляя къ этимъ напѣвамъ свою собственную фантазію.

Старики все это хорошо помнятъ, но мы, потомки ихъ, знаемъ о Львовѣ лишь кое-что, да и то смутно. Вотъ почему считаемъ долгомъ подѣлиться съ читателемъ всѣмъ тѣмъ, что̀ намъ удалось собрать какъ о его дѣятельности, такъ и о его личности. Недавно я имѣлъ случай бесѣдовать о немъ съ бывшими его музыкальными коллегами, изъ кото-

рыхъ младшему 75 лѣтъ, а старшему 86 [1]). Если теперь не воспользоваться ихъ разсказами о томъ обаяніи, которое Львовъ производилъ на всѣхъ знавшихъ его, то многое уйдетъ вмѣстѣ съ ними въ могилу, и будущему біографу Львова будетъ трудно освѣтить вѣрно его личность.

А. Ѳ. Львовъ родился 25-го мая 1798 г. и получилъ многостороннее и особенно музыкальное образованіе. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ, онъ имѣлъ большое пристрастіе къ музыкѣ: семи-лѣтнимъ мальчикомъ онъ уже недурно игралъ на скрипкѣ. Рожденный для міра звуковъ, онъ и прожилъ въ немъ всю жизнь.

Въ 1818 году Львовъ окончилъ курсъ въ институтѣ путей сообщенія и поѣхалъ на службу въ военныя поселенія Новгородской губерніи. Поѣхалъ туда не по своей волѣ, а по приказанію императора Александра Павловича, который повелѣлъ послать туда для производства работъ перваго воспитанника, попавшаго на золотую доску [2]).

Львову, обладавшему душой мягкой, было не легко быть свидѣтелемъ всего того, что тамъ происходило; но онъ все это выдержалъ въ теченіе 8 лѣтъ, благодаря лишь тому, что ему не приходилось, какъ другимъ, трепетать передъ Аракчеевымъ—его мягкій характеръ пришелся графу по душѣ, и графъ даже полюбилъ его. Но все-таки, Львовъ не зналъ, какъ бы уйти оттуда, какъ бы снова вернуться въ Петербургъ и серьезно заняться музыкой. Просить о томъ самого Аракчеева онъ не рѣшался.

Кончина императора Александра отозвалась весьма чувствительно на судьбѣ Львова; графъ Аракчеевъ взялъ отпускъ и уѣхалъ за границу. Львовъ тотчасъ же воспользовался его отъѣздомъ и устроилъ себѣ переводъ въ Петербургъ; шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ взялъ его къ себѣ адъютантомъ [3]).

Артистическая натура Львова не могла помириться съ тѣми безцеремонными пріемами, которые царили въ то время въ жандармскомъ вѣдомствѣ, а потому онъ просилъ Бенкендорфа не поручать ему секретныхъ дѣлъ. Графъ вникъ въ его просьбу и поручилъ ему завѣдываніе дѣлами главной квартиры и конвоя его величества. Когда графъ просилъ императора Николая назначить Львова ему въ адъютанты, государь сказалъ: «возьми его, онъ хорошій офицеръ, съумѣлъ 8 лѣтъ прослужить у Аракчеева» [4]). Съ этого времени начинается его сближеніе съ императоромъ Николаемъ, съ которымъ ему приходилось дѣлать всѣ путешествія.

---

[1]) Гг. Криминецкій, Кочевскій, Маркусъ, Гаврушкевичъ.
[2]) Записки А. Ѳ. Львова. „Русск. Арх.“ 1884.
[3]) Записки А. Ѳ. Львова. „Русск. Арх.“ 1884.
[4]) Записки Е. Н. Львовой. „Русск. Стар.“ 1880.

Инженерное дѣло пришлось Львову бросить, но онъ его не забывалъ; такимъ образомъ въ 1833 году, совершенно случайно, онъ выстроилъ въ имѣніи графа Бенкендорфа Фаллль близъ Ревеля, чудный мостъ, о которомъ императоръ Николай выразился такъ: «Львовъ построилъ не мостъ, а перекинулъ черезъ оврагъ свой легкій смычокъ» [1]).

Новая служба при главной квартирѣ дала Львову возможность серьезнѣе заняться музыкой. Еще ранѣе написанія гимна, онъ передѣлалъ для оркестра съ хоромъ извѣстную мессу «Stabat mater», сочиненную италіянскимъ маестро Pergolese. Львову всегда казалось, что этому чудному творенію недостаетъ подобающаго ему оркестроваго аккомпанимента. Онъ видѣлъ, что великимъ мыслямъ творца подобаетъ болѣе полная гармонизація, чѣмъ та, которая дана самимъ авторомъ; въ этой работѣ Львовъ оказался большимъ мастеромъ.

Когда императоръ Николай задумалъ создать національный русскій гимнъ, то онъ прежде всего вспомнилъ о Львовѣ какъ о самомъ способномъ изъ всѣхъ русскихъ композиторовъ. Дѣло было такъ. Въ 1833 году графъ Бенкендорфъ передалъ Львову сожалѣніе императора, что у насъ нѣтъ собственнаго русскаго гимна, и что мы, вслѣдствіе того, поневолѣ должны пользоваться гимномъ другой націи (въ то время у насъ былъ принятъ гимнъ англійскій — онъ же прусскій). Мысль о гимнѣ засѣла въ головѣ у Львова, ему хотѣлось сочинить такой гимнъ, который подошелъ бы подъ духъ русскаго народа, который былъ бы понятенъ, который имѣлъ бы отпечатокъ національности, который былъ бы одинаково годенъ какъ для церкви, такъ для народа и войска. Задача была не легкая, пробъ было не мало, но всѣ онѣ не удавались. Какъ-то однажды на Львова нашло вдохновеніе, онъ взялся за перо и написалъ гимнъ сразу. Жуковскій, по его просьбѣ, подобралъ къ музыкѣ подходящія слова [2]).

Кромѣ Львова, многіе въ то время пытались написать гимнъ; упоминаютъ о Глинкѣ, котораго тогда еще мало знали, о графѣ Віельгорскомъ и друг. Всѣ эти попытки исполнялись домашними средствами въ гостиной у императрицы; императоръ Николай слушалъ, но не высказывался, ему все это видимо не нравилось.

Въ ноябрѣ 1833 года Львовъ рѣшилъ съиграть свой гимнъ въ пѣвческой капеллѣ, директоромъ которой былъ его отецъ. Въ назначенный для того день, были приглашены въ капеллу: императоръ Николай, великій князь Михаилъ Павловичъ и государыня императрица Александра Ѳеодоровна. Гимнъ былъ исполненъ большимъ хоромъ пѣвчихъ и двумя оркестрами; во время игры, Львову пришлось испытать

---

[1]) Записки Е. Н. Львовой. „Русск. Стар.“ 1880.
[2]) Записки А. Ѳ. Львова. „Русск. Арх.“ 1884.

*

большія ощущенія—онъ не былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Государь прослушалъ гимнъ и велѣлъ его повторить. Послѣ втораго исполненія колебанія государя исчезли, онъ подошелъ къ Львову, обнялъ его и сказалъ: «C'est superbe! Лучше нельзя, ты совершенно понялъ меня» [1]). Торжественные, могучіе звуки этой молитвы въ соединеніи съ простыми, но исполненными чувства, словами нашего геніальнаго поэта произвели на всѣхъ глубокое впечатлѣніе.

Съ тѣхъ поръ эта музыка разнеслась по всей Россіи, гимнъ сдѣлался народнымъ. Львовъ всю жизнь былъ счастливъ тѣмъ, что его гимну будетъ суждено пережить бездну другихъ музыкальныхъ сочиненій, несравненно болѣе обширныхъ, болѣе глубокихъ.

Въ первый разъ, гимнъ былъ оффиціально исполненъ въ Москвѣ въ Большомъ театрѣ 6-го декабря 1833 года въ день тезоименитства императора [2]); его грандіозность потрясающе подѣйствовала на слушателей; и гимнъ былъ повторенъ три раза. 25-го же декабря государь повелѣлъ играть его въ Зимнемъ дворцѣ во время внутренняго парада [3]). Нервность, которую испытывалъ въ это утро Львовъ, была до того сильна, что онъ даже не поѣхалъ во дворецъ. Шумныя похвалы знатоковъ музыки, восторженныя рецензіи во всѣхъ газетахъ, посыпались на безконечно счастливаго Львова. Онъ получилъ за этотъ гимнъ въ подарокъ отъ императора табакерку съ брилліантами, лучшій изъ которыхъ былъ имъ помѣщенъ въ ризу образа Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ. Вскорѣ послѣ того, а именно въ 1834 году Львовъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ.

Свѣтлое впечатлѣніе, оказываемое этимъ гимномъ, было замѣчаемо не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Въ 1835 году, во время совмѣстныхъ маневровъ въ Калишѣ русскихъ и прусскихъ войскъ, императоръ Николай приказалъ играть нашъ національный гимнъ; музыкантовъ набралось до 2.400 человѣкъ; эффектъ вышелъ потрясающій и врядъли когда-либо этотъ гимнъ былъ исполненъ въ болѣе многочисленномъ составѣ.

Царская фамилія любила пѣть этотъ гимнъ въ семейномъ кругу: участниками были двѣ дочери государя великія княжны Александра и Ольга Николаевны, наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, сама императрица. графъ Віельгорскій, флигель-адъютантъ Толстой. Государь всегда съ особеннымъ чувствомъ выслушивалъ ихъ пѣніе. Въ своихъ запискахъ Львовъ вспоминаетъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ [4]): «Одинъ разъ я былъ приглашенъ къ императрицѣ, и меня провели въ ея купальню.

[1]) Записки Е. Н. Львовой. „Русск. Стар.“ 1880.
[2]) Записки Е. Н. Львовой. „Русск. Стар.“ 1880.
[3]) Записки А. Ѳ. Львова. „Русск. Арх.“ 1884.
[4]) Записки А. Ѳ. Львова. „Русск. Арх.“ 1884.

Это—маленькая комната, прекрасно убранная, низкій диванъ, камелекъ, мраморная ванна, пушистый коверъ, нѣсколько низкихъ табуретокъ, одно окно и двѣ двери, изъ которыхъ одна ведетъ на круглую лѣстницу и прямо въ кабинетъ государя. Вошедъ, я увидѣлъ на диванѣ императрицу, у ногъ сидѣли три ея дочери и наслѣдникъ, графъ Віельгорскій и флигель-адъютантъ Толстой стояли у камелька. Слабый свѣтъ покрытой лампы освѣщалъ комнату. Послѣ нѣсколькихъ минутъ императрица предложила всѣмъ спѣть гимнъ въ полголоса, и сама начала первая. Въ самое это время государь спускался по лѣстницѣ. Услышавъ пѣніе, онъ остановился, слезы покатились изъ глазъ его; наконецъ, онъ вошелъ, кинулся цѣловать жену, дѣтей, и легко можно вообразить, какъ мы всѣ были тронуты до глубины сердца, видя истинное счастіе семейное въ домѣ царскомъ; а я конечно болѣе другихъ былъ счастливъ, что сочинилъ музыку, которая при подобныхъ минутахъ была пѣта».

Уже въ позднѣйшее время, а именно въ 1847 году, слова: «Боже, царя храни» были внесены въ фамильный гербъ Львовыхъ.—Этотъ гимнъ приблизилъ Львова къ царской семьѣ и, въ продолженіе всей своей придворной службы, онъ постоянно пользовался ея вниманіемъ и благоволеніемъ; къ императору же Николаю онъ чувствовалъ самую искренную, самую возвышенную привязанность. Вообще же можно сказать, что музыка была тѣмъ цементомъ, который связывалъ Львова со всѣми, кто только приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе.

Львовъ представлялъ собою явленіе рѣдкое; его служба была въ непосредственной близости къ государю и сопряжена съ безпрестанными заботами и строгою отвѣтственностью; но въ то же время душа его была предана музыкальному искусству. Государь понималъ это, и Львовъ отвѣчалъ ему за это безграничной преданностью.

Въ 1835 году императоръ Николай и король прусскій собрали свои войска въ Калишѣ, чтобъ сдѣлать общій большой маневръ, о которомъ выше было упомянуто. Государь поручилъ Львову написать по этому поводу, для военнаго хора, музыку, которая была бы составлена изъ мотивовъ солдатскихъ пѣсенъ. Подходящею для того пѣснью, по выбору Львова, оказалась пѣснь, сочиненная Петромъ Великимъ на его собственныя слова: «Какъ на матушкѣ на Невѣ-рѣкѣ молодой матросъ корабли снастилъ». Эта піеса была впослѣдствіи издана въ Лейпцигѣ знаменитымъ Мендельсономъ и ежегодно исполнялась у насъ въ инвалидномъ концертѣ.

Львовъ часто устраивалъ при дворѣ музыкальныя собранія и тѣшилъ ими царскую семью. Однажды государь сказалъ ему: «Что, если бы ты попробовалъ составить изъ насъ домашній концертъ? Мы могли бы кое-что съиграть: императрица играетъ на роялѣ, я на трубѣ, Матвѣй Віельгорскій на віолончели, Апраксинъ на басу, ты на скрипкѣ, Ми-

хапъ Віельгорскій, Григорій Волконскій, Бартенева, Бороздина могутъ пѣть, а дѣти могли бы участвовать на чемъ-нибудь—попробуй» [1]). Львовъ написалъ маленькую піеску, которая и была разыграна такъ, какъ задумалъ императоръ Николай. Собирались два раза въ мѣсяцъ, и для каждаго вечера Львовъ писалъ новую «штучку», какъ выражался государь. Публики не было; Львовъ приходилъ во дворецъ всегда заблаговременно и проходилъ съ государемъ, у него въ кабинетѣ, его партію. Императоръ Николай не зналъ нотъ, но, имѣя отличный слухъ и embouchure, игралъ свою партію безъ ошибки. Эти собранія продолжались до 1837 года, пока пожаръ не истребилъ Зимній дворецъ, и царской фамиліи было не до музыки. Въ семействѣ Львовыхъ сохранилась картинка, подаренная Львову императрицей Александрой Ѳеодоровной. На картинѣ изображенъ играющій на трамбонѣ музыкантъ съ лицемъ государя; часы въ комнатѣ, гдѣ онъ играетъ, показываютъ 2 часа ночи, свѣчи у пюпитра догораютъ, ребенокъ, лежащій въ этой комнатѣ, кричитъ и не можетъ заснуть, а трамбонистъ, увлекшись игрой, не перестаетъ играть. Эта картина относится къ тому времени, когда игра на трубѣ тѣшила государя.

Императоръ сказалъ однажды про Львова: «Онъ человѣкъ добрый, честный, умный, талантливый»; трудно вѣрнѣе опредѣлить личность Львова. Государь любилъ его игру на скрипкѣ и однажды выразился о ней весьма мѣтко. Онъ сказалъ: «Сегодня Львовъ своей игрой заставилъ меня войти въ самого себя» [2]). Великія княжны Александра и Ольга Николаевны чувствовали къ Львову особенную любовь; первой аккомпанировалъ ея пѣнію на скрипкѣ, а со второй игралъ сонаты; молодыя княжны вперегонки угощали его фруктами и сластями, а къ Свѣтлому празднику всегда присылали ему изящные подарки въ видѣ плато, вазы и т. п. [3]).

Во время своего пребыванія за границей, Львовъ собиралъ тамъ среди русской колоніи пѣвцовъ и пѣвицъ, разучивалъ съ ними хоры и часто исполнялъ съ ними серенады въ садахъ тѣхъ виллъ, гдѣ жили лица изъ нашей царской фамиліи. Вдали отъ родины такая забава сближала русскую колонію.

Въ 1837 году скончался его отецъ, и Алексѣй Ѳедоровичъ былъ назначенъ директоромъ пѣвческой капеллы. Ставъ во главѣ музыкальнаго учрежденія, онъ еще болѣе отдался музыкѣ, какъ прекрасный скрипачъ-квартетистъ, какъ композиторъ, какъ старатель гармоничнаго церковнаго пѣнія, въ исторіи развитія котораго онъ игралъ выдающуюся

---

[1]) Записки А. Ѳ. Львова. „Русск. Арх“. 1884.
[2]) Записки Е. Н. Львовой. „Русск. Стар.“ 1880.
[3]) Записки А. Ѳ. Львова. „Русск. Арх“. 1884.

роль. Характеръ стройнаго гармоничнаго церковнаго православнаго пѣнія созданъ никѣмъ инымъ, какъ Львовымъ; вся Европа давно уже признала, что ни одна церковная музыка не въ состояніи дать такое глубокое настроеніе, какое можетъ дать стройный хоръ православной церкви. Императоръ Николай, большой любитель и знатокъ церковнаго пѣнія, поручилъ ему привести въ порядокъ всѣ церковные напѣвы и положить на ноты духовно-музыкальныя сочиненія. Посѣщая разныя церкви, императоръ Николай замѣтилъ, что одни и тѣ же напѣвы пѣлись въ церквахъ различно; происходило же это оттого, что въ то время древніе напѣвы писались только въ одну строку для альта, или же въ двѣ строки для альта и баса; опредѣленной гармонизаціи не было, въ каждой церкви была своя собственная, а иногда пѣвчіе дозволяли себѣ такія кудрявыя добавленія, которыя были вовсе неумѣстны для церковной музыки.

Заданная государемъ Львову задача была не изъ легкихъ; онъ работалъ цѣлыхъ два года и издалъ свой трудъ въ двухъ объемистыхъ томахъ. Онъ положилъ всѣ древніе напѣвы на четыре голоса; гармонія вышла полная, своею простотою она вовсе не затмила напѣвы и была понятна рѣшительно всѣмъ, даже людямъ мало музыкально-образованнымъ. Вмѣсто италіанскихъ обозначеній темповъ, онъ ввелъ русскія характерныя, понятныя, напр. скоро, медленно, величественно и проч. Познакомившись ближе съ церковнымъ пѣніемъ, Львовъ замѣтилъ, что въ немъ многаго недоставало, какъ напр. Великой вечерни и всенощнаго бдѣнія на Благовѣщеніе, всей Страстной седьмицы, благодарственнаго молебна, большаго и малаго многолѣтія, навечерія Рождества Христова, малой литіи по усопшихъ, вѣнчанія и друг. Всѣ эти пробѣлы были имъ пополнены.

Императоръ Николай высоко цѣнилъ его работу; оцѣнили ее и другіе любители церковнаго пѣнія, давно скорбѣвшіе о томъ, что древніе напѣвы Греко-Россійской церкви приходятъ въ упадокъ. Въ адресѣ, поднесенномъ ими Львову, выражено умиленіе, которое они почувствовали при слушаніи его новой гармоничной музыки. Мастерской трудъ Львова по упорядоченію церковнаго пѣнія составилъ собою новую эпоху въ церковномъ пѣніи и можетъ служить чуднымъ памятникомъ той услуги, которую онъ оказалъ православной церкви.

Желая дать и бурятамъ, обращеннымъ въ христіанство, возможность славить Бога, Львовъ написалъ до 1000 листовъ простыхъ напѣвовъ для текста на монгольскомъ языкѣ; переводъ словъ на этотъ языкъ былъ сдѣланъ ярославскимъ архіепископомъ Ниломъ. Это стоило имъ обоимъ немало труда; но они считали это дѣло и полезнымъ и богоугоднымъ въ томъ отношеніи, что облегчили братьямъ по вѣрѣ способъ

пѣнія во славу Божію. Весь этотъ трудъ былъ исполненъ имъ безъ всякаго матеріальнаго вознагражденія [1]).

Когда Львовъ получилъ, при посредствѣ Св. Сѵнода, изъ разныхъ епархій массу нотъ церковнаго пѣнія, то онъ былъ пораженъ, до чего въ церковной музыкѣ было много произвола; онъ тотчасъ же рѣшилъ, что если не принять энергичныхъ мѣръ для устраненія этого произвола, то въ скоромъ времени наше богослужебное пѣніе можетъ принять характеръ, вовсе не подходящій къ церкви. Разобраться въ присланныхъ ему нотахъ было адской работой; попадались такія неумѣлыя аранжировки, гармонизаціи, что даже трудно было добраться до самаго напѣва, затемненнаго разными витіеватыми голосовыми фигурами. Доставить какое-либо наслажденіе такая музыка не могла, она была всецѣло подчинена словамъ, тексту и не могла достигать истиннаго своего назначенія, не могла умилять, восхищать слушателя.

Наши праотцы за музыкой не гонялись, а обращали больше вниманія на слова и шли въ церковь слушать только слова. Взглядъ же Львова на музыку былъ иной: онъ понималъ, что музыка должна имѣть свой собственный смыслъ, красоту и должна быть сама по себѣ понятна. Этой-то музыкальной красоты онъ и не нашелъ въ присланномъ ему хламѣ, который вмѣсто того, чтобъ пріохотить къ пѣнію, могъ только отвратить отъ него.

Львовъ рѣшилъ вовсе не разбирать всю эту массу нотъ, а положить въ гармонію хорнаго состава только то, что было издано Св. Сѵнодомъ въ одну строку, т. е. для одного альта. Онъ строго сохранилъ напѣвы, отъ себя ничего не добавилъ, но только приложилъ къ нимъ правильную четырехъ-голосную гармонію [2]).

Обученныхъ имъ въ капеллѣ регентовъ, присланныхъ къ нему изъ разныхъ епархій въ числѣ 28-ми человѣкъ, и полковыхъ регентовъ онъ отправилъ къ мѣстамъ ихъ служенія и тѣмъ положилъ основаніе трудному дѣлу уравненія церковнаго пѣнія. Отправляя ихъ, Львовъ снабжалъ ихъ нотами и строгой инструкціей касательно того, что можно пѣть, и что пѣть воспрещено. Но все-таки кое-гдѣ Львову пришлось сохранить древній характеръ пѣнія, напр. въ Москвѣ въ монастыряхъ Донскомъ и Симоновомъ, потомъ въ Кіевѣ, гдѣ напѣвы казались ему преисполненными весьма оригинальныхъ красотъ.

Не всѣ владыки относились къ его реформѣ одинаково сочувственно. Такъ московскій митрополитъ Филаретъ не одобрялъ его трудъ и вполнѣ полагался на мнѣніе, высказанное о немъ настоятелемъ Донскаго монастыря, мнившаго себя лучшимъ сочинителемъ церковнаго пѣнія, а

---

[1]) Изъ писемъ Львова къ архіепископу Нилу. „Русск. Арх.“ 1899 г. № 11.
[2]) Записки А. Ѳ. Львова. „Русск. Арх.“ 1884.

въ сущности только портившаго его, внося въ пѣніе свои собственныя жалкія музыкальныя фантазіи.

Вообще въ Москвѣ Львову было гораздо труднѣе справиться съ нововведеніями въ церковномъ пѣніи, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ эта реформа была живо введена въ гвардейскихъ полкахъ. На этотъ счетъ Москва оказалась упорнѣе, консервативнѣе Петербурга; тамъ ему пришлось возиться и съ дворянствомъ, и съ купечествомъ, а главное съ духовенствомъ. Львовъ переѣхалъ для этого на нѣсколько мѣсяцевъ въ Москву; ему отвели квартиру во дворцѣ. Онъ началъ сближаться съ людьми, отъ которыхъ могъ зависѣть успѣхъ дѣла, и устроилъ у себя по вторникамъ музыкальные вечера. Все лучшее общество Москвы съѣзжалось къ нему и стало мало-по-малу вникать въ его идею, т. е. въ его желаніе не измѣнить, а, напротивъ того, сохранить отъ исчезанія древніе напѣвы.

Къ именитому купечеству Львовъ ѣздилъ самъ, собиралъ хоры пѣвчихъ и знакомилъ московскихъ тузовъ со своими гармоничными переложеніями и, такъ сказать, воочію убѣждалъ ихъ въ томъ, что древніе напѣвы имъ сохранены.

Купечество и духовенство въ первопрестольной столицѣ держались между собой въ весьма тѣсной связи; но, несмотря на то, упорные пастыри не могли помириться такъ скоро, какъ купцы, съ мыслью, что порядокъ церковнаго пѣнія будетъ измѣненъ не ими, а лицомъ, къ духовенству вовсе не принадлежащимъ. Львову пришлось ѣздить и къ нимъ. Въ концѣ концовъ митрополитъ Филаретъ понялъ своимъ прозорливымъ умомъ идею Львова и одобрилъ его старанія касательно уничтоженія всякаго произвола въ пѣніи при богослуженіи. Львова провожали изъ Москвы съ адресами и подношеніями въ видѣ двухъ серебряныхъ вазъ. Онъ считалъ свою московскую музыкально-дипломатическую миссію счастливо оконченной, тѣмъ болѣе, что императоръ Николай его за это благодарилъ [1]).

Все вышесказанное рисуетъ намъ тотъ громадный трудъ, приложенный Львовымъ, ту энергію, съ которою онъ боролся съ разными интригами, и ту заслугу, которая навсегда останется за нимъ въ дѣлѣ сохраненія древнихъ напѣвовъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ былъ иниціаторомъ и реформаторомъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ въ 1850 году, онъ задумалъ устроить въ залѣ дворянскаго собранія духовный концертъ въ пользу инвалидовъ, въ которомъ предполагалъ исполнить въ новомъ переложеніи разныя піесы хоромъ въ 700 пѣвчихъ. Желая выказать протестъ его нововведеніямъ, духовенство, подъ разными предлогами, отказало ему въ

[1]) Записки А. Ѳ. Львова. „Русск. Арх.“ 1884.

своихъ пѣвчихъ; пастыри высказывались въ томъ духѣ, что за деньги, да къ тому же въ залѣ, гдѣ пляшутъ, не подобаетъ быть церковному пѣнію. Объ этомъ было доложено императору Николаю; концертъ былъ отмѣненъ. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ предложилъ Львову залу въ своемъ дворцѣ, въ которой и состоялся духовный концертъ. Императорская фамилія впервые услыхала чудное, стройное, гармоничное пѣніе. Pianissimo, до котораго Львовъ доводилъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, исполненіе, производило захватывающее впечатлѣніе; этотъ эффектъ былъ совсѣмъ новый въ Петербургѣ. Львовъ, ощущая сильное волненіе, съ трудомъ могъ дирижировать. Къ выразительному церковному пѣнію мы теперь привыкли, но въ 1850 году это было ново. Одинъ изъ присутствовавшихъ на этомъ концертѣ говоритъ, что императоръ Николай, слушая стройное пѣніе, сначала покраснѣлъ, глаза его наполнились слезами; послѣ перваго номера, онъ все-таки воздержался высказать свое мнѣніе, но въ концѣ концерта взялъ Львова за руку и сказалъ: «Вотъ единство, которое я желалъ; спасибо тебѣ, спасибо». Пѣвчимъ онъ сказалъ: «Славно, правильно, вѣрно», и приказалъ выдать по 2 руб. на пѣвчаго [1]).

Послѣ этого концерта въ духовенствѣ, узнавшемъ объ отношеніи императора къ нововведеніямъ Львова, духъ сопротивленія сталъ слабѣть. Никто кромѣ Львова не могъ бы довести это дѣло до конца; тутъ надо было сперва быть человѣкомъ знающимъ, человѣкомъ преданнымъ идеѣ; потомъ надо было имѣть поддержку въ государѣ и быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, придворнымъ дипломатомъ, обладающимъ добрымъ сердцемъ и умѣющимъ располагать къ себѣ сердца людей.

Боясь дальнѣйшихъ искаженій въ церковномъ пѣніи, Львовъ выхлопоталъ должности директора пѣвческой капеллы право разрѣшать или запрещать всякія новаторства, право, сохранившееся еще до сихъ поръ.

Часто, по просьбѣ лицъ царской фамиліи, Львовъ устраивалъ во дворцахъ маленькіе духовные концерты, въ которыхъ хоръ состоялъ не болѣе какъ изъ 14-ти избранныхъ голосовъ. Совершенство, съ которымъ пѣлъ подъ его управленіемъ этотъ маленькій хоръ, было выше всякой похвалы; нигдѣ въ мірѣ нельзя было услышать нѣчто подобное. Поражались стройностью пѣнія въ особенности пріѣзжіе иностранцы, и даже папскій нунцій нашелъ, что наши придворные пѣвчіе поютъ лучше, чѣмъ папскіе пѣвчіе въ Сикстинской капеллѣ. Впечатлѣніе, произведенное нашимъ пѣніемъ на нунція, весьма понятно: въ папскомъ хорѣ всѣ поютъ въ унисонъ, что̀ не представляетъ особенной красоты, да къ тому же ни торжественности, ни величія, ни чувства умиленія, ни заду-

---

[1]) Записки А. Ѳ. Львова. „Русск. Арх.“ 1884.

шевности, чѣмъ именно и отличается наше православное пѣніе, въ папскомъ хорѣ трудно найти.

Имѣя подъ рукой такія средства, какъ пѣвческая капелла, Львовъ, при помощи своего таланта и тонкаго пониманія музыки, доставлялъ всему семейству государя необыкновенное наслажденіе. Слушая эту дивную музыку, дѣтямъ императора захотѣлось самимъ пѣть. Лѣтомъ, живя въ Петергофѣ, они составляли свой собственный хоръ, который добавлялся нѣсколькими юношами изъ пѣвческой капеллы [1]). Императоръ Николай и цесаревичъ Александръ Николаевичъ тоже принимали участіе въ этомъ хорѣ, который пѣлъ въ дворцовой петергофской церкви обѣдни и другія службы. Великія княжны Ольга и Александра Николаевны облачались во время службы въ длинныя платья изъ малиноваго кашемира, сшитыя на-подобіе кафтановъ придворныхъ пѣвчихъ. Послѣ кончины вел. княг. Александры Николаевны, императрица Александра Ѳеодоровна прислала въ знакъ памяти Львову ея малиновое платье, которое хранится въ пѣвческой капеллѣ [2]).

Императоръ Николай любилъ пѣть молитвы и часто во время своихъ путешествій, въ которыхъ Львовъ, по роду своей первоначальной службы въ главной квартирѣ, всегда участвовалъ, пѣлъ ихъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ 1836 году, не доѣзжая 3-хъ верстъ до уѣзднаго города Пензенской губерніи, Чембара, государь былъ выброшенъ изъ коляски, которую подхватили лошади, при чемъ одна изъ его ключицъ оказалась сломанною. Несмотря на сильную боль, государь дошелъ пѣшкомъ до города и, войдя въ избу, тотчасъ же запѣлъ: «Спаси, Господи, люди твоя». Молитва утѣшала его потрясенный духъ и безъ сомнѣнія умѣряла боль [3]).

Особенно энергичное проявленіе дѣятельности Львова, какъ директора капеллы, мы видимъ въ устройствѣ въ капеллѣ музыкальныхъ классовъ. Онъ возъимѣлъ благую мысль обучить игрѣ на инструментахъ своихъ пѣвчихъ, которые, при потерѣ голоса и не играя ни на какомъ инструментѣ, по неволѣ должны были влачить жалкую жизнь и идти въ писцы. Кромѣ того, онъ желалъ видѣть и русскихъ артистовъ среди иностранцевъ, которыми были въ то время наполнены оркестры императорскихъ театровъ. Львовъ лично передалъ свои планы государю, который вполнѣ одобрилъ его предложеніе.

Въ 1840 году были основаны въ Пѣвческой капеллѣ музыкальные классы; началось обученіе музыкѣ молодыхъ людей. Профессорами въ классахъ были лучшіе изъ петербургскихъ артистовъ; инструменты были выписаны изъ-за границы на собственный счетъ Львова, такъ какъ на

---

[1]) Сообщено участниками этого хора г.г. Криминецкимъ и Кочевскимъ.
[2]) Записки Е. Н. Львовой. „Русск. Стар.“ 1880.
[3]) Записки А. Ѳ. Львова. „Русск. Арх.“ 1884.

ихъ покушку суммъ не отпускалось; на жалованье профессорамъ пошло тоже немало денегъ изъ его собственнаго кармана. Львовъ затратилъ на это благое дѣло своихъ собственныхъ 12.000 рублей.

Пять лѣтъ спустя, а именно въ 1845 году, состоялся первый блистательный выпускъ изъ капеллы молодыхъ русскихъ талантовъ, которые, согласно высочайшему повелѣнію, были приняты на службу въ оркестры императорскихъ театровъ безъ всякаго въ это дѣло вмѣшательства театральной дирекціи, которой предоставлялось только право назначить отъ себя коммиссію для опредѣленія разряда, къ которому будетъ причисленъ, согласно способностямъ, выпущенный изъ капеллы артистъ. Львовъ былъ въ восторгѣ, а молодые люди чувствовали къ нему безпредѣльную благодарность [1]).

Ликованіе и торжество продолжались не долго. Сейчасъ же вслѣдъ за первымъ выпускомъ, директоръ театровъ началъ подкапываться подъ Львова; ему показалось обиднымъ, что въ его вѣдомство поступаютъ артисты не по его личному распоряженію, а по распоряженію директора Пѣвческой капеллы. Доложивъ министру двора, что при театральномъ училищѣ уже давно существуетъ музыкальный классъ (кстати сказать, рѣдко дававшій что-нибудь путное), директоръ театровъ добился того, что музыкальные классы въ Пѣвческой капеллѣ приказано было закрыть. Львовъ былъ потрясенъ этимъ распоряженіемъ; ему было больно разставаться со своимъ дѣтищемъ, на которое онъ потратилъ столько труда, столько денегъ. То время было не совсѣмъ удобное для подобныхъ благихъ начинаній. Интриги, ничтожество людей, власть имѣющихъ, косность, зависть и т. д.—все это легко могло тормозить и даже уничтожать любое честное, патріотическое дѣло [2]).

Такимъ образомъ стараніе Львова двинуть въ Россіи музыкальное искусство было неуспѣшно. Классы были закрыты, инструменты и ноты распроданы, у молодыхъ людей отнятъ кусокъ хлѣба, а такому хорошему человѣку, какъ Львовъ, нанесена тяжкая обида.

Одиннадцать лѣтъ спустя послѣ перваго выпуска, именно въ 1856 году, молодежь снова заиграла въ Пѣвческой капеллѣ, классы были возстановлены и существуютъ до сихъ поръ. Львовъ былъ счастливъ снова увидѣть, послѣ 11-ти лѣтняго перерыва, свое любимое дѣтище.

Въ началѣ 50-хъ годовъ Львовъ началъ устраивать въ капеллѣ, во время поста, такъ называемые, аристократическіе концерты, въ которыхъ пѣли лучшіе артисты изъ итальянской оперы (Рубини, Тамбурини, Маріо, Віардо и друг.); а вмѣстѣ съ ними пѣли и лица изъ высшаго общества. Самъ Львовъ выступалъ солистомъ на скрипкѣ; cheval de

---

[1]) Сообщ. Криминецкій, участникъ этого выпуска.
[2]) Записки А. Ѳ. Львова. „Русск. Арх.“ 1884.

bataille его репертуара—извѣстное adagio изъ концерта Шпора; игралъ онъ всегда съ особеннымъ чувствомъ. Въ этихъ концертахъ участвовалъ оркестръ и хоръ пѣвчихъ. Львовъ ими дирижировалъ и въ одномъ изъ концертовъ исполнилъ публично одну изъ своихъ крупныхъ работъ «Молитва у креста» (Stabat mater).

Въ Петербургѣ до Львова не имѣли понятія о симфоническихъ концертахъ. Эти концерты посѣщала вся царская фамилія, зная, что ихъ цѣль была благотворительная, въ пользу патріотическаго общества.

Затѣмъ въ 1856 году характеръ этихъ аристократическихъ концертовъ немного измѣнился; дирижерская палочка досталась въ руки старика Маурера, который далъ концертамъ уже европейско-симфоническій характеръ. Зала капеллы не могла вмѣщать въ себя болѣе 300 слушателей: публика была всегда избранная.

Такимъ образомъ Пѣвческая капелла, подъ руководствомъ Львова, служила разсадникомъ, въ которомъ развивался вкусъ публики и любовь къ симфонической музыкѣ.

Въ 1859 году былъ доставленъ въ Петербургъ изъ Парижа вновь установленный парижскою коммиссіею камертонъ. Пѣвцы, въ особенности теноры, стали жаловаться, что имъ становится трудно пѣть оперныя партіи, благодаря лишь тому, что оркестровый строй сталъ слишкомъ высокъ. Коммиссія приняла ихъ замѣчанія во вниманіе и рѣшила сразу понизить камертонъ на полъ-тона, противъ строя, принятаго всюду въ Европѣ. Оказалось, что присланный Львову изъ Парижа камертонъ былъ совершенно схожъ съ тѣмъ, который былъ предложенъ Львовымъ парижской коммиссіи. Коммиссія оцѣнила его просвѣщенный совѣтъ и, въ память того, поднесла ему единственный въ своемъ родѣ инструментъ, показывавшій постепенное измѣненіе камертона за періодъ времени отъ 1686 года и по 1859 годъ. Подобное вниманіе иностранцевъ служитъ самою вѣрною иллюстраціею той извѣстности, которою пользовался Львовъ за границею.

До сихъ поръ мы описывали общественную дѣятельность Львова; интересно заглянуть тоже и въ душу этого замѣчательнаго человѣка. Глинка сказалъ: «Музыка—душа моя»; то же самое можно сказать и о Львовѣ: какова была его музыка, такова была и его душа.

Онъ жилъ въ Караванной въ собственномъ домѣ; музыкальныя собранія бывали у него разъ въ недѣлю. Квартеты исполнялись въ небольшой комнатѣ, въ которой висѣли портреты Мендельсона, Рубини и пѣвицы Зонтагъ, всѣ въ натуральную величину; оркестровыя же произведенія исполнялись въ большой прекрасной залѣ, выходящей окнами на улицу.

Его обычный квартетъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: онъ самъ игралъ первую скрипку, Всеволодъ Мауреръ вторую скрипку, Вильде

альта, графъ Матвѣй Вielьгорскій на віолончели. Обычными же посѣтителями были: графъ Сергѣй Строгановъ, генералъ-аншефъ Апрепъ, адмиралъ Литке, графъ Михаилъ Вielьгорскій.

Во время игры въ залѣ была полная тишина; залу называли священною обителью, а игру—священнодѣйствіемъ. Кромѣ обычныхъ посѣтителей, въ музыкальномъ салонѣ Львова можно было встрѣтить самую разнообразную публику; тутъ были и великіе князья, и театральные музыканты, и мелкіе чиновники. Приглашенія дѣлались однако же съ большимъ выборомъ Львова, который не любилъ льстивыхъ похвалъ, а любилъ людей искренныхъ, добрыхъ, понимающихъ, чувствующихъ; онъ часто бывалъ друженъ съ людьми изъ совсѣмъ другаго круга, чѣмъ тотъ, въ которомъ онъ жилъ; онъ цѣнилъ ихъ сужденіе, а привязанность къ нимъ прямо была видна на его лицѣ, онъ ея не скрывалъ. Онъ любилъ такихъ слушателей, которыхъ не надо было спрашивать о произведенномъ на нихъ музыкой впечатлѣніи, а на лицѣ которыхъ онъ самъ могъ его замѣтить [1]).

На музыкальныхъ вечерахъ у Львова всѣ чувствовали себя легко, несмотря на то, что иногда приходилось сидѣть рядомъ съ императоромъ Николаемъ, который, пріѣхавъ однажды къ Львову и не приказывая звонить на верхъ, незамѣтно вошелъ въ залу во время исполненія симфоніи Бетховена, и сѣлъ на первый попавшійся стулъ возлѣ Ленца, который упоминаетъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Не зная своего сосѣда, императоръ началъ съ нимъ милостиво бесѣдовать [2]).

На этихъ вечерахъ не полагалось взаимныхъ представленій; но однажды все-таки не обошлось безъ нихъ. На вечерѣ присутствовалъ министръ двора князь Волконскій, который почему-то обратилъ вниманіе на Ивана Ивановича Гаврушкевича, служившаго тогда чиновникомъ во 2-мъ отдѣленіи Собственной его императорскаго величества канцеляріи; подойдя къ Львову, онъ спросилъ его въ полголоса: «Кто это такой?» Въ отвѣтъ Львовъ подвелъ князя къ г. Гаврушкевичу и сказалъ: «Это мой другъ и пріятель, человѣкъ умный, симпатичный, любитель музыки, понятливый слушатель; вотъ его чинъ и фамилія». Этотъ эпизодъ незначительный, но весьма характерный: гдѣ была музыка, тамъ Львовъ не признавалъ ни чиновъ, ни титуловъ, для него были всѣ равны.

Какъ-то разъ Львовъ ѣхалъ зимой по Моховой улицѣ и слышитъ въ одномъ домѣ, въ нижнемъ этажѣ, музыку. Онъ вышелъ изъ саней, спросилъ дворника о томъ, кто тутъ живетъ, и прямо вошелъ въ переднюю послушать игру. Играли октетъ, только-что вышедшій изъ пе-

---

[1]) Сообщилъ Ив. Ив. Гаврушкевичъ, старецъ 86 лѣтъ.
[2]) Сообщилъ г. Ленцъ.

чати и ему еще не знакомый. Онъ слушалъ изъ сосѣдней комнаты, а по окончаніи части октета, подошелъ къ незнакомымъ играющимъ, похвалилъ ихъ бойкую игру, просилъ ихъ не стѣсняться и продолжать октетъ [1]).

Львовъ, по своей натурѣ, жилъ только музыкой и для музыки, которая сроднилась съ нимъ, связалась съ его существованіемъ; мало того, онъ былъ одаренъ талантомъ и тонкимъ вкусомъ къ музыкальнымъ красотамъ. Талантъ, собственно говоря, и состоитъ въ томъ, что человѣку свыше дана способность ловить въ мірѣ звуковъ такіе характерныя черты, которыя сразу вызывали бы въ слушателѣ соотвѣтствующее имъ настроеніе и тѣмъ увлекали бы его въ область фантазіи. Чуткость Львова до такихъ характерныхъ звуковъ была поразительна, у него не было ни единой праздной нотки, которая не была бы имъ прочувствована; всякой піесѣ или партіи онъ давалъ характерное настроеніе или молитвы, или чистой радости, или упоенія счастьемъ, или страданія, или игривости и проч.

Красота игры скрипача-артиста въ камерной музыкѣ зависитъ тоже и отъ красоты его души. Отчего такъ рѣдки хорошіе исполнители? Именно отъ того, что, во-первыхъ, мало людей, способныхъ вдохновляться, а во-вторыхъ, очень мало на свѣтѣ чистыхъ душъ. Чтобъ быть развитымъ хорошимъ музыкантомъ, надо имѣть нѣжную природу, могущую подчасъ отрѣшиться отъ земли, благородное мягкое сердце, способность многое понять, многое почувствовать. Такимъ и былъ Львовъ. Онъ былъ красавецъ душой, сердцемъ и разумомъ, такова была и его музыка и его исполненіе; все, что онъ исполнялъ, носило на себѣ изумительную чистоту души и страстность непорочную.

Кромѣ субъективныхъ, личныхъ качествъ Львова, о которыхъ мы выше упоминали, его широкое музыкальное образованіе не могло не способствовать обаянію его игры; не было того выдающагося артиста, пѣвца, которые не побывали бы въ музыкальномъ салонѣ Львова. Всѣ они весьма охотно у него играли и пѣли, ибо знали, что будутъ оцѣнены съ художественной стороны. Кромѣ того, въ молодые годы, Львову приходилось во время царскихъ заграничныхъ путешествій сходиться и даже дружиться со многими музыкальными свѣтилами того времени. Постоянное общеніе съ высшимъ европейскимъ музыкальнымъ міромъ не могло не оставить замѣтныхъ слѣдовъ на музыкальномъ образованіи Львова, считавшагося въ Россіи лучшимъ квартетистомъ. Онъ игралъ просто, но часто его игра становилась не строго корректной, ибо онъ слишкомъ сильно отдавался своей фантазіи; въ такіе моменты его соучастникамъ было не легко за нимъ слѣдить; но кому это удавалось,

---

[1]) Сообщилъ И. И. Гаврушкевичъ.

съ тѣмъ онъ игралъ охотно [1]). Про него можно сказать, что онъ былъ вдохновеннымъ лирическимъ элегіастомъ; у него все выходило прекрасно, изящно и полно драматизма, котораго онъ достигалъ въ совершенствѣ особенно въ квартетахъ Бетховена. Львовъ умѣлъ передавать всѣ движенія сокровеннѣйшаго существа композитора, всѣ малѣйшія волненія его души, всякую ея легкую зыбь; онъ понималъ біеніе сердца композитора и передавалъ все это такимъ яснымъ языкомъ, который, безъ сомнѣнія, въ области чувства былъ яснѣе языка человѣческаго. Мендельсона онъ игралъ поэтично и энергично, въ особенности его финалы; но когда онъ добирался до Моцарта, то исполнитель превращался въ немъ въ поэта. Тутъ его скрипка была к о р о л ь, ц а р ь, п е р в о с в я щ е н н и к ъ—такъ выразился объ его игрѣ 86-ти-лѣтній старецъ И. И. Гаврушкевичъ, съ которымъ я имѣлъ случай недавно бесѣдовать.

Играя классиковъ (напр. Моцарта), онъ бралъ темпы спокойные и не спѣшилъ, какъ многіе это дѣлаютъ теперь. Напротивъ того, играя Мендельсона, онъ бралъ въ его Allegro темпы быстрые, непривычные въ то время, такъ что эффектъ выходилъ поражающій. Квартетъ Бетховена (E—moll) былъ его любимымъ квартетомъ, а финалъ этого квартета былъ его торжествомъ. Въ то время говорили, что, по силѣ игры, могъ съ нимъ сравняться только извѣстный скрипачъ Липинскій.

Кстати передамъ весьма характерный разсказъ И. И. Гаврушкевича, который однажды, слушая дивное исполненіе Львовымъ квартета Бетховена, не выдержалъ и шепнулъ сидѣвшему возлѣ него О. К. Гунке: «Каковъ злодѣй! какъ играетъ въ 50 лѣтъ, словно влюбленный юноша!» По окончаніи квартета Львовъ подошелъ къ Гаврушкевичу и сказалъ: «Только Бетховенъ могъ такъ писать»; на что Гаврушкевичъ ему отвѣтилъ: «Только Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ и можетъ такъ его играть; вы такъ дивно играли, что я не могъ, какъ настоящій православный человѣкъ, не выругаться отъ избытка чувствъ». Львовъ его обнялъ и поцѣловалъ, сказавъ подошедшей къ нимъ Прасковьѣ Агѣевнѣ: «Знаешь, жена, Иванъ Ивановичъ меня сейчасъ выругалъ да необидно, а скорѣй лестно».

Въ 50-хъ годахъ въ Петербургѣ, кромѣ Львовскихъ вечеровъ, были еще музыкальные вечера у моего отца Александра Евстафіевича Берса, у А. И. Фицтума, у О. А. Фишера, у И. И. Гаврушкевича и еще у очень немногихъ другихъ. Въ то время не было ни консерваторіи, ни концертовъ, такъ что артисты были рады проводить вечера въ дружескомъ музыкальномъ кружкѣ. Къ исполненію относились не строго, наслаждались музыкой молча, вопросовъ о вдохновеніи, о глубинѣ музыки даже избѣгали; однимъ словомъ, всѣмъ было пріятно слушать музыку, курить сигары, обмѣниваться мыслями. Затѣмъ, послѣ самаго

[1]) Сообщено Криминецкимъ и Маркусомъ.

скромнаго ужина, всѣ расходились по домамъ пѣшкомъ и въ духѣ, неся свои инструменты, кто въ рукахъ, а кто и на приспособленныхъ для носки ремняхъ черезъ плечо. Про нашу музыку можно было сказать, что она была Gemüthliche Musik; къ Львовскимъ же собраніямъ скорѣе примѣнимо выраженіе: Gemüths Musik—тамъ совершалось нѣчто въ родѣ священнодѣйствія съ художественнымъ оттѣнкомъ. У насъ бывали больше мастеровые музыки, у Львова же мастера; къ намъ рѣдко залетала пріѣзжая музыкальная звѣзда, и то ее кто-нибудь приводилъ съ собой, а къ Львову, стоявшему близко ко двору, музыкальныя звѣзды появлялись сами.

Я вспомнилъ о нашемъ незабвенномъ давнопрошедшемъ времени только для того, чтобъ рельефнѣе выдвинуть характеръ Львовскихъ музыкальныхъ вечеровъ.

Вспоминая художественную игру Львова, нельзя не упомянуть объ его чудной скрипкѣ Маджини, которая была куплена отцомъ Львова у наслѣдниковъ извѣстнаго въ то время скрипача Жарновики за 3.000 р. ассигн. Инструментъ былъ въ сохранности, но головка на немъ была отъ другой скрипки. Какъ-то однажды приходитъ къ Львову-отцу его знакомый и говоритъ, что онъ нашелъ головку отъ его Маджини у гардеробщика Батова, у котораго она была приклеена къ какой-то плохенькой скрипкѣ. Львовъ тотчасъ же поѣхалъ къ Батову, призналъ головку и узналъ отъ него слѣдующее: Гдѣ-то въ Германіи Жарновики, дирижируя оркестромъ и держа въ это время свою Маджини въ лѣвой рукѣ, въ порывѣ нетерпѣнія, ударилъ скрипкой по пюпитру и отломалъ у нея головку, расколовъ послѣднюю на-двое. Инструментальный мастеръ справилъ ему живо къ вечеру скрипку, но приклеилъ къ ней чужую головку. Такимъ образомъ Маджиніевская головка попадаетъ у этого мастера на какую-то неважную скрипку, которую у кого-то покупаетъ Батовъ за 100 гульденовъ. Честный Батовъ передалъ эту головку Львову-отцу, взялъ съ него за нее тѣ же 100 гульденовъ, и головка послѣ долгихъ лѣтъ снова нашла свое туловище.

Львовъ былъ вполнѣ доволенъ своей скрипкой и лучшей никогда не желалъ; она была его лучшимъ другомъ, съ которымъ онъ прожилъ вмѣстѣ болѣе, чѣмъ полстолѣтія. Но съ канифолью онъ постоянно возился и кончилъ тѣмъ, что сталъ самъ ее дѣлать, для чего выписывалъ изъ-за границы какую-то особенную смолу. Онъ высчиталъ, что маленькій кусочекъ канифоли обходился ему не дешево, а именно 75 копѣекъ, что, по тому времени, составляло не малую сумму [1]).

Хорошій исполнитель еще не есть хорошій дирижеръ; но въ рукахъ Львова оживала и палочка. При разучиваніи піесы, онъ строго тре-

[1]) Сообщилъ г. Маркусъ.

бовалъ отъ оркестра соблюденія знаковъ, на которые въ то время мало обращали вниманія; напр. въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось большое pianissimo, онъ говорилъ: «Играйте, господа, такъ, чтобъ вы слышали вашего сосѣда болѣе, чѣмъ себя»; оркестръ повиновался, и эффектъ выходилъ до того сильный, что однажды весь оркестръ, пораженный эффектомъ, привсталъ и низко ему поклонился [1]).

О трудахъ Львова въ области переложенія и гармонизаціи древнихъ напѣвовъ мы упомянули выше. Кромѣ того онъ извѣстенъ какъ самостоятельный композиторъ духовной музыки. Въ печати имѣются 5-ть концертовъ и болѣе 20-ти нумеровъ разныхъ духовныхъ сочиненій и молитвъ, изъ которыхъ наилучшими считаются его херувимскія № 1-й и № 2-й, часто поютъ его Отче нашъ, Достойно есть, Вечери твоея тайныя, Предстояще кресту и друг. Императоръ Николай любилъ слушать его О т ч е н а ш ъ; но съ неменьшимъ удовольствіемъ слушалъ и О т ч е н а ш ъ Бортнянскаго. Однажды государь сказалъ Львову: «Когда я захочу слушать въ дворцовой церкви Бортнянскаго, то я сдѣлаю знакъ головой; если же захочу слушать тебя, то сложу руки на грудь» [2]). Покойная королева Виртембергская Ольга Николаевна завѣщала, чтобъ въ то время, когда ея тѣло будетъ опущено въ могилу, пѣли бы молитву «Отче нашъ» Львова; ея желаніе было свято исполнено; объ этомъ было упомянуто во многихъ газетахъ того времени, описывавшихъ похороны королевы [3]).

Изъ болѣе крупныхъ работъ Львова наибольшимъ успѣхомъ пользовалась его «Молитва у креста» (Stabat mater), о которой было упомянуто выше. Въ 1853 году Львовъ имѣлъ въ виду исполнить эту мессу въ Москвѣ съ русскимъ текстомъ; но кто-то донесъ митрополиту, что Москва будто бы недовольна тѣмъ, что «Молитву у креста» будутъ пѣть актеры, скоморохи, и что гнѣвъ Божій уже высказался въ томъ, что сгорѣлъ въ Москвѣ театръ. Дѣло дошло до императора, который разрѣшилъ ее исполнять всюду, но только съ иностранными словами [4]). Несмотря на то, предполагаемый въ Москвѣ духовный концертъ не состоялся. Въ такія минуты у Львова опускались руки, появлялось желчное разстройство, онъ давалъ себѣ слово умереть для публики и ограничиться исполненіемъ своихъ произведеній только у себя дома.

Миръ души, любовь сердца и молитвенное умиленіе слышатся въ чудныхъ духовныхъ его композиціяхъ, въ которыхъ онъ воспѣвалъ Бога. Мотивы его церковныхъ пѣснопѣній поразительны по своей простотѣ и оставляютъ въ нашей душѣ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе.

---

[1]) Сообщилъ г. Гаврушкевичъ.
[2]) Записки А. Ѳ. Львова „Русск. Арх.“ 1884.
[3]) Сообщила дочь Львова, П. А. Ваксель.
[4]) Записки А. Ѳ. Львова, „Русск. Арх.“ 1884.

Въ нихъ-то и живетъ нашъ истинно религіозный и славный композиторъ, нашъ родной Львовъ, имя котораго не забудется, доколѣ будетъ существовать Россія.

Изъ его сочиненій для скрипки надо отмѣтить скрипичный концертъ, который онъ игралъ мастерски; потомъ драматическую фантазію le duel, написанную для скрипки и віолончели. Эта фантазія имѣетъ програмный характеръ; авторъ старался звуками нарисовать по совѣту Мейербера картину, задуманную Мейербером умно и пикантно на романтической почвѣ; но удовлетворить серьезнаго слушателя она не можетъ; это скорѣй салонная піеса, дающая артистамъ возможность показать себя, но піеса эта не прочувствована, а сдѣлана. Львовъ игралъ ее за границей, съ Куммеромъ, а въ Петербургѣ съ знаменитымъ Серве и производилъ фуроръ. Въ то время подобныя мелодраматичныя піесы должны были нравиться; тутъ изображалась и ссора, и страданіе раненаго на дуэли, и отчаяніе противника, и наконецъ примиреніе. Всѣ эти психическіе моменты изображались поперемѣнно то на скрипкѣ, то на віолончели. Серве, своей отважной игрой и необычайнымъ тономъ, потрясалъ нервы слушателя, въ особенности при изображеніи отчаянія противника; а Львовъ въ томъ мѣстѣ, когда раненый приходитъ въ себя, очень удачно изображалъ, на высокихъ нотахъ, эту картину, пожалуй, лучшую изъ всей піесы. Я убѣжденъ, что Львовъ, написавъ подобную фантазію, отдалъ тѣмъ только дань своему времени; обладая такимъ артистическимъ чутьемъ, онъ не могъ не видѣть, что тутъ есть нѣкоторая фальшь; но она-то и нравилась публикѣ той эпохи.

Написанныя имъ для скрипки 24 caprices весьма интересны, какъ учебный увражъ для скрипачей; онѣ очень музыкальны, написаны умно, мелодичны и не легки. Львовъ имѣлъ въ виду характеры 24-хъ гаммъ; каждой изъ нихъ онъ далъ соотвѣтствующій характеру гаммы этюдъ. Эти caprices представляютъ собою нѣчто совсѣмъ оригинальное; онъ самъ игралъ ихъ всегда съ увлеченіемъ. Остается только пожалѣть, что скрипачи ими мало пользуются.

Какъ оперный композиторъ, онъ былъ менѣе счастливъ; его операмъ не везло въ Россіи, исполнялись лишь отдѣльные акты и то только при дворѣ, при участіи такихъ выдающихся артистовъ, какъ напр. Віардо, Рубини, Тамбурини. Театральная дирекція, не разсчитывая на сборы, не рѣшалась ставить его оперы; конечно, тутъ были тоже и интриги. Всѣ эти обстоятельства погружали Львова въ мрачность, съ которою онъ никакъ не могъ сладить, его нервы страдали, и онъ былъ часто близокъ къ тому, чтобъ слечь.

Во время своихъ заграничныхъ путешествій, онъ пропагандировалъ свои оперы; тамъ его оцѣнили гораздо больше, чѣмъ въ Россіи. Мнѣ при-

*

шлось читать Дрезденскую музыкальную газету за 1844 годъ, въ которой нѣмцы хвалили его оперу Bianca, сравнивали ее по характеру музыки съ Доницетти, а по серьезности мысли и по артистическому вкусу ставили Львова даже выше этого италіанскаго маэстро; въ его музыкѣ они нашли желаніе композитора схватить положеніе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашли даже силу, энергію.—Большой оригинальности въ его музыкѣ критика не признавала, но въ то же время находила ее мелодичной, часто драматичной и не безъ огня; въ оперѣ нашлись мѣста, которыя наэлектризовывали слушателя, даже потрясали его, какъ напр. сцена, изображающая сраженіе [1]).

Объ остальныхъ его операхъ я не буду говорить, ихъ успѣхъ былъ слабѣе сравнительно съ успѣхомъ оперы Bianca. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ направленіи его талантъ былъ менѣе сильный, чѣмъ въ другихъ направленіяхъ, о которыхъ было выше упомянуто. Точно такъ же нѣтъ сомнѣнія, что малый успѣхъ его оперъ никоимъ образомъ не можетъ поколебать тотъ памятникъ, который Львовъ самъ воздвигъ себѣ при жизни.

Лучшіе моменты жизни, какъ артистъ, онъ испыталъ за границей во время своего артистическаго путешествія; тамъ его оцѣнили какъ выдающагося квартетиста, тамъ его принимали съ радушіемъ и восторгомъ. Въ 1838 году, во время царскаго путешествія, онъ познакомился въ Берлинѣ съ извѣстнымъ скрипачомъ Беріо; съ тѣхъ поръ между ними завязалась тѣсная дружба; ему же Львовъ посвятилъ свои 24 caprices. Сначала Беріо съ недовѣріемъ принялъ его въ свой квартетъ, въ которомъ Львову далъ играть партію 2-й скрипки; но сейчасъ же, послѣ перваго же квартета, Беріо предложилъ ему съиграть первую скрипку въ E—moll'номъ квартетѣ Бетховена. Львовъ игралъ съ такимъ жаромъ, съ такою силою и чувствомъ, что даже поразилъ Беріо. Послѣдній обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Я никогда не подозрѣвалъ, что любитель, да къ тому же занятый по службѣ столькими дѣлами, могъ до такой степени возвысить свое дарованіе; вы настоящій художникъ, вы удивительно играете, и инструментъ у васъ великолѣпный» [2]).

Знакомство Львова съ Паганини не оставило въ немъ особенно пріятныхъ воспоминаній; его игра показалась Львову мелкой, безъ выраженія, въ ней не хватало души; но за то онъ удивлялся его шарлатанской техникѣ, которая дозволяла ему изображать одинаково удачно и флейту, и гитару, и утокъ, иословъ, и гусей, и свиней. Львову казалось, что Паганини унижаетъ этимъ искусство; быть великимъ шту-

---

[1]) Zeitschrift für Musik. 1844.

[2]) Записки А. Ѳ. Львова. „Русск. Арх." 1884 г.

каремъ (какъ онъ выражался) еще не значитъ быть великимъ художникомъ. Львовъ не побоялся высказать свое мнѣніе о кумирѣ того времени; онъ относился къ игрѣ артистовъ совсѣмъ не такъ, какъ вообще относилась къ нимъ даже музыкальная публика того времени, онъ требовалъ содержаніе, смыслъ въ игрѣ, чувство, а не эквилибристику; это-то и выдѣляло его въ современной ему музыкальной средѣ. Съ тѣхъ поръ прошло 60 лѣтъ, а много ли найдется музыкантовъ въ настоящее время, которые могли бы дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что хорошо, а что дурно?

Въ 1840 году Львовъ получилъ продолжительный отпускъ и поѣхалъ въ самый оживленный музыкальный центръ того времени, а именно въ Лейпцигъ. Не стѣсненный обязанностями службы, онъ чувствовалъ свободу и могъ вполнѣ отдаться музыкальному міру. Тамъ онъ музицировалъ съ Мендельсономъ; задушевность и огонь въ его игрѣ, подчасъ очень быстрые темпы въ мендельсоновскихъ нервныхъ квартетахъ расположили въ его пользу автора, который ему сказалъ: «Невозможно передать мои мысли съ бо́льшею точностью; вы угадали малѣйшее изъ моихъ намѣреній». Въ Лейпцигѣ Львовъ концертировалъ въ Gewandhaus'ѣ, гдѣ сыгралъ свой скрипичный концертъ подъ управленіемъ Мендельсона; публика были избранная по личному приглашенію самого Мендельсона, старавшагося сохранить должное приличіе — онъ зналъ, что играетъ флигель-адъютантъ русскаго императора, и что впустить въ данномъ случаѣ въ Gewandhaus пеструю публику было бы не совсѣмъ удобно. Нельзя не упомянуть еще о томъ, что во время adagio при исполненіи Львовымъ его собственнаго концерта, Мендельсонъ, дирижируя оркестромъ и заслушавшись его игрой, сказалъ ему въ полголоса: «Ne jouez pas trop bien, car je ne pourrais pas diriger».

Въ Эмсѣ Львовъ игралъ дуэты съ Листомъ въ присутствіи нашей царской фамиліи. Тутъ же онъ познакомился и сблизился съ Мейербером, который, какъ я уже выше упомянулъ, далъ ему идею (le duel) для драматическаго концерта.

Всѣ выдающіеся за границей артисты принимали Львова съ особеннымъ вниманіемъ; они видѣли въ немъ исключительное дарованіе и большую чуткость ко всему хорошему въ музыкѣ, а въ то время было въ Европѣ немало хорошаго. Напримѣръ, въ Лондонѣ ему пришлось слышать одновременно пѣвшихъ тамъ въ этотъ сезонъ: Рубини, Маріо, Тамбурини, Персіани, Гризи; другаго такого согласія и звучности врядъ-ли можно было себѣ вообразить. Вотъ гдѣ совершенствовался вкусъ Львова, вотъ гдѣ можно было поучиться настоящему искусству!

Въ 1844 году Львовъ познакомилъ со своей квартетной игрой весь дрезденскій музыкальный міръ. Въ музыкальной газетѣ «Zeitschrift für Musik» за 1844 годъ, издаваемой знаменитымъ Робертомъ Шума-

номъ, напечатана корреспонденція изъ Дрездена, въ которой сказано: «Какъ скрипачъ, онъ (Львовъ) вполнѣ овладѣлъ техникой, тонъ полный, красивый, смычокъ благородный, мягкій, чистота игры большая. Его исполненіе дышетъ чувствомъ; оно порой даже граціозно; всѣ свои сильныя качества Львовъ высказалъ въ извѣстномъ Adagio изъ концерта Шпора». Къ этому отзыву добавимъ личный отзывъ самого Роберта Шумана; онъ пишетъ: «Львовъ настолько замѣчательный и рѣдкій исполнитель, что его можно поставить на-ряду съ первоклассными артистами; онъ представляетъ явленіе какъ будто изъ другой сферы, изъ которой музыка выливается во всей сокровенной чистотѣ, и музыка настолько новая, своеобразная и свѣжая въ каждомъ звукѣ, что ее, какъ прикованный, хочешь слушать и слушать. Въ его игрѣ много наивности, искренности, силы; не одинъ великій артистъ вспомнилъ бы объ этихъ качествахъ, если бы ему благопріятствовалъ случай услышать этого поставленнаго въ исключительныя условія человѣка, и тогда бы онъ понялъ разницу между артистичностью профессіональною и тою, которая, рядомъ съ большимъ мастерствомъ исполненія, исходитъ отъ цѣльнаго и добраго духомъ человѣка. Если въ русской столицѣ найдутся еще такіе дилеттанты, то иной артистъ скорѣй могъ бы тамъ поучиться, чѣмъ самому учить» [1]).

Мой очеркъ можетъ многимъ показаться панегирикомъ, но послѣ отзыва, даннаго Шуманомъ, онъ долженъ получить видъ только скромнаго, правдиваго разсказа о дѣйствительно выдающемся человѣкѣ.

Въ 1853 году Львовъ былъ переименованъ изъ генералъ-маіоровъ свиты въ тайнаго совѣтника съ присвоеніемъ ему званія сенатора и гофмейстера. О причинѣ, заставившей его перемѣнить военный мундиръ на гражданскій, я никакихъ свѣдѣній не имѣю.

Въ началѣ 60-хъ годовъ Львовъ сталъ глохнуть, такъ что ему пришлось перечислиться изъ присутствующихъ сенаторовъ въ неприсутствующіе; а въ 1861 году, по его личной просьбѣ, онъ былъ уволенъ отъ должности директора капеллы. Съ удаленіемъ отъ общественной музыкальной дѣятельности, Львовъ отдался композиціи самыхъ разнообразныхъ піесъ. Военная музыка своею звучностью удовлетворяла его въ то время болѣе, чѣмъ другая, а потому онъ принялся ею заниматься въ хорѣ Кавалергардскаго полка и написалъ для военной музыки нѣсколько піесъ.

Съ ослабленіемъ слуха, Львовъ сталъ рѣже играть на скрипкѣ; онъ уже не могъ вполнѣ наслаждаться музыкой, а иногда приходилъ отъ постигшаго его недуга даже въ очень мрачное настроеніе; къ тому же ему было больно вспоминать, что въ своемъ отечествѣ онъ былъ

[1]) „Zeitschrift für Musik“. 1844.

оцѣненъ менѣе, чѣмъ за границей; эта мысль болѣзненно его преслѣдовала въ тѣ минуты, когда онъ совершенно справедливо сознавалъ, что, какъ артистъ, онъ былъ на цѣлую голову выше своихъ соотечественниковъ.

Въ одинъ изъ такихъ тяжелыхъ дней, онъ сказалъ віолончелисту Маркусу, съ которымъ часто музыцировалъ: «Я похоронилъ свою скрипку, спустилъ струны и запечаталъ ящикъ; конецъ моей музыкѣ» [1]). Не легокъ былъ въ то время духъ старика, рѣшившагося похоронить то, что было ему всего дороже въ жизни! Маркусъ утѣшалъ его и предвѣщалъ скорое снятіе съ ящика печати. Такъ и случилось; не прошло и шести недѣль, какъ Львовъ снова заигралъ квартеты.

Аккомпанировать ему, въ этотъ періодъ, было очень трудно, онъ не слышалъ игру другихъ, да къ тому же сталъ играть не совсѣмъ ровно, не совсѣмъ спокойно.

Въ концѣ 60-хъ годовъ онъ совершенно оглохъ, но говорилъ, что, будто бы, слышитъ свою игру на скрипкѣ. Со своею дочерью, Прасковьей Алексѣевной, онъ объяснялся хорошо, но съ другими—съ большимъ трудомъ.

Одинъ изъ его современниковъ, стоявшій близко къ его семейству [2]), передалъ мнѣ весьма трогательный эпизодъ о Львовѣ. Однажды явились къ нему (уже глухому) съ поздравленіемъ его бывшіе подчиненные, придворные пѣвчіе, и просили у него разрѣшеніе спѣть ему одно изъ его сочиненій. Львовъ сѣлъ за роялъ и проаккомпанировалъ имъ весь номеръ; на этотъ разъ не ему приходилось слѣдить за пѣніемъ а пѣвчимъ за его игрой. По окончаніи, онъ горячо благодарилъ ихъ за вниманіе и не показывалъ имъ знака, что ничего не слышалъ. Когда же они удалились, то Львовъ съ содроганіемъ сознался своимъ, что не слышалъ ни единаго звука. Старикъ былъ невыразимо жалокъ въ это время, съ нимъ могъ сравниться только калѣка, у котораго отняли костыль.

Съ 1867 года здоровье Львова начинаетъ слабѣть, занятіе музыкой ему воспрещается. Безъ нея онъ совсѣмъ осиротѣлъ, ему казалось, что онъ лишился друга, съ которымъ прожилъ болѣе чѣмъ полвѣка. Его сперва увезли за границу, а уже потомъ въ его ковенское имѣніе «Романи», гдѣ онъ и скончался, въ чинѣ тайнаго совѣтника и въ званіи сенатора и оберъ-гофмейстера высочайшаго двора, 16-го декабря 1870 года. Онъ погребенъ въ 9-ти верстахъ отъ Ковно въ оградѣ Пожайскаго монастыря.

Его партнеръ по квартету, графъ Матвѣй Віельторскій, умеръ не-

---

[1]) Сообщилъ г. Маркусъ.

[2]) г. Кочевскій.

много ранѣе, а именно въ 1866 году, подаривъ, еще при жизни, свою чудную віолончель Страдиваріуса извѣстному віолончелисту Давыдову. Львову нравилось, что этотъ инструментъ достался достойному артисту, да къ тому же и русскому. Поневолѣ онъ задумывался о будущей участи своей скрипки и говаривалъ: «Что-то будетъ съ моей несравненной скрипкой? Я игралъ на ней болѣе 50 лѣтъ!»

Миръ праху твоему, добрый, честный русскій человѣкъ!

Я назвалъ Львова добрымъ, вспомнивъ высказанное имъ самимъ въ одномъ его письмѣ къ его другу скромное желаніе заслужить на семъ свѣтѣ званіе только добраго человѣка. Привожу это характерное письмо полностью:

Любезный Иванъ Ивановичъ! [1])

Жаль мнѣ, что вы не здоровы; жаль, что вы въ отставкѣ; жаль, что изъ Петербурга выѣзжаете. Въ городъ я не ѣзжу и лѣчусь холодной водой и проч. Не менѣе того, хлопочу много, такъ что усталость принудила меня отъ сенатскихъ дѣлъ отклониться и поступить въ число сенаторовъ неприсутствующихъ. Усталъ, любезный Иванъ Ивановичъ, отъ роду мнѣ 61 годъ, служу офицеромъ уже 43 года.

А милая музыка! Сколькимъ мы ей обязаны! и самимъ знакомствомъ нашимъ. Не забывайте меня.

Вы видѣли меня по дѣламъ службы? Помните тайнаго совѣтника Львова.

Слышали мои молитвы? Помните Алексѣя христіанина.

Слышали, какъ я играю на скрипкѣ? Помните отечественнаго артиста. Да ежели удостоите меня званіемъ добраго человѣка, то я вполнѣ доволенъ и благодарю Бога.

Итакъ, прощайте, любезный Иванъ Ивановичъ, мысленно васъ обнимаю и благословляю не по силѣ моей, а по силѣ благословенья.

Преданнѣйшій вамъ А. Львовъ.

9-го августа 1860 года.

А. А. Берсъ.

---

[1]) И. И. Гаврушкевичъ.

К. С. Сербиновичъ и Ѳ. Н. Глинка.

(Ихъ взаимная переписка) [1]).

Письма Ѳ. Н. Глинки къ К. С. Сербиновичу.

1.

11-го марта 1849 года. С.-Пстербургъ.

Я имѣлъ честь получить остальныя тетради моей поэмы и, коль скоро окончится срокъ моего комнатнаго заключенія, поспѣшу къ вашему превосходительству съ личною благодарностію. Благодарность эта будетъ сугубая, если вы, въ довершеніе всего уже сдѣланнаго, сдѣлаете еще мнѣ одолженіе, испросивъ у Алексѣя Ивановича (Войцеховича) к о п і ю (подъ е г о руководствомъ составленную) съ оригинала моей рукописи. Эту копію продержите нѣсколько у себя и назначьте или дозвольте мнѣ, въ присутствіи вашемъ, назначить еще д в ѣ, т р и піесы къ напечатанію—тѣмъ и заключимъ!

Теперь же великій постъ, то подобныя піесы гармонируютъ и со временемъ. Между тѣмъ, судьба поэмы моей н и ч ѣ м ъ не рѣшилась! Никто не указалъ, такъ сказать, п е р с т о м ъ, никто не сказалъ мнѣ п о л о ж и т е л ь н о, что именно должно п е р е м ѣ н и т ь и что непремѣнно выпустить? Слово, замѣченное вами (рисовались), я измѣнилъ.

Не можете ли, ваше превосходительство, разузнать отъ гг. судей: 1) что, по мнѣнію ихъ, надобно вовсе п е р е м ѣ н и т ь, 2) что и з м ѣ-

---

[1]) Константинъ Степановичъ Сербиновичъ былъ въ то время редакторомъ „Журнала министерства народнаго просвѣщенія“. Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, извѣстный литераторъ, былъ тогда въ отставкѣ и жилъ то въ Петербургѣ, то въ Твери.

нить и 3) что выпустить? Многое, многое готовъ я измѣнить и кое-что выпустить, если получу удостовѣреніе, что затѣмъ уже поэма будетъ пропущена безспорно.

Много бы одолжили, сообщивъ мнѣ замѣчанія гг. цензоровъ на маленькомъ лоскуткѣ бумажки.

По намекамъ же и указаніямъ просвѣщеннаго преосвященнѣйшаго Иннокентія, я все исправлю, добавлю, округлю. Но я уже заранѣе прошу извиненія, что такъ много васъ безпокою, не имѣя никакого права, кромѣ любви вашей къ правдѣ и охоты одолжить, что доказали, одолживъ имѣющаго честь быть съ отличнымъ уваженіемъ и проч.

2.

30-го мая 1849 г. Тверь, въ гостиницѣ г-жи Гальяни.

Отсутствіе ваше изъ С.-Петербурга и внезапный нашъ изъ него отъѣздъ причиною тому, что я, уѣхавъ не простясь съ вашимъ превосходительствомъ, не принесъ вамъ лично искренней благодарности за обязательное вниманіе ко мнѣ ваше, доказанное и дѣломъ. Я хотѣлъ еще пересказать вамъ о свиданіи моемъ съ М. А. Стороженковою. По данному мнѣ адресу, я заѣхалъ къ ней и въ какомъ положеніи засталъ сестру моего достойнаго начальника, героя незабвеннаго для Россіи!

Въ тяжкой болѣзни, она лежала въ небольшой комнатѣ безъ средствъ, безъ денегъ, безъ пособія. Нѣкогда жила она въ палатахъ и, окруженная отблескомъ славы своего брата, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ своего края. Теперь не имѣла она даже денегъ для заплаты доктору за визитъ и священнику за исповѣдь. Чрезъ нѣсколько дней я имѣлъ утѣшеніе найти ее уже въ лучшемъ положеніи. Я встрѣтилъ у нея достойную сестрицу вашу подъ одеждою, отдѣляющею ее отъ суетъ житейскихъ. Марьѣ Андреевнѣ совѣтовалъ я руководствоваться совѣтами вашего превосходительства и распорядить какъ-нибудь иначе образъ своей жизни. Она слушала и во многомъ соглашалась. Вскорѣ послѣ послѣдняго свиданія съ М. А. получилъ я изъ Твери печальное извѣстіе о тяжкой болѣзни моей тёщи и, скрывъ половину правды отъ жены, поспѣшилъ съ нею въ Тверь. Здѣсь, слава Богу, нашли мы нашу больную въ лучшемъ состояніи, но все еще должны остаться при ней. Между тѣмъ, я прочелъ въ газетахъ о возвращеніи вашемъ въ С.-Петербургъ и счелъ долгомъ, хоть въ нѣсколькихъ строкахъ, выразить всю полноту благодарности и уваженія къ вамъ. Изъ газетъ же узналъ я, что Алексѣй Ивановичъ (Войцеховичъ) ѣдетъ или уже уѣхалъ за границу.

По этому случаю, еще разъ, прошу васъ взять къ себѣ подъ сохраненіе копію съ моей бѣдной капли до благопріятнѣйшаго случая и сдѣлать изъ нея какое-нибудь употребленіе.

Съ повтореніемъ чувствъ уваженія и преданности имѣетъ честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнымъ слугою Ѳедоръ Глинка.

3.

11-го марта 1850 г. Москва.

Сегодня, 11-го марта, осчастливленный пріобщеніемъ Св. Тайнъ, думалъ я провести этотъ день въ томъ высокомъ успокоеніи, котораго залогъ принять удостоился. Но вышло иначе. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, вмѣстѣ съ поздравленіемъ, привезъ мнѣ 1-ю книжку журнала, издаваемаго подъ руководствомъ вашего превосходительства [1]). Въ литературномъ прибавленіи къ этой книжкѣ, увидѣлъ я свою статью и, признаюсь, развѣ только по заглавію и подписи призналъ ее своею. Обрубленная въ началѣ и въ концѣ, изувѣченная въ частяхъ, измѣненная въ сущности и формѣ, эта статья вовсе не есть отпечатокъ своего подлинника. Прискорбно стало мнѣ, когда я увидѣлъ и права собственности моей нарушенными, и дѣло пера моего переиначеннымъ—по чьей волѣ?—не знаю!

По глубокому уваженію къ благородству и нѣжности души вашей и по самому искренному соболѣзнованію къ великой печали, посѣтившей васъ, я тѣсно ограничиваюсь высказомъ только того, о чемъ умолчать нѣтъ возможности. Нѣтъ возможности умолчать о томъ, что мнѣ нанесено большое огорченіе, во-первыхъ, тѣмъ, что статья моя напечатана безъ предварительнаго согласія автора, вопреки закона столько же яснаго, какъ и положительнаго; во-вторыхъ, тѣмъ, что надъ статьею не сказано откуда (изъ какой поэмы) она почерпнута и, въ-третьихъ, что подъ статьею не оговорено, что напечатанное есть только часть или извлеченіе изъ цѣлаго. Послѣдняя оговорка послужила бы хоть нѣкоторымъ извиненіемъ въ смѣшанности и неясности произвольно перетасованныхъ періодовъ.

Я вполнѣ убѣжденъ, что во всемъ этомъ не было ничего ко мнѣ непріязненнаго, но невольно долженъ убѣдиться и въ томъ, что и самая непріязненная рука не смогла бы представить статьи моей въ видѣ болѣе для нея невыгодномъ. По характеру моему, я не имѣю личныхъ враговъ. Но враги пера моего—суть враги нравственности и религіи, а такихъ, къ несчастью, завелось теперь много! И вотъ ихъ-то насмѣшкамъ, ихъ злоязычію подаетъ поводъ статья моя въ такомъ видѣ, какъ она теперь есть. Зорко и мѣтко укажутъ они на недостатокъ связи и логическаго порядка; на вялость стиховъ, мнѣ не принадлежащихъ; на несвоемѣстное размѣщеніе перемѣщенныхъ словъ и на блѣдность выраженій вовсе чуждыхъ подлиннику.

[1]) „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія“.

Разберемъ любой корабль по частямъ и пустимъ гдѣ мачту, гдѣ руль:—то и другое захлестнется волнами (особливо при современныхъ буряхъ), тогда какъ цѣлое (этихъ частей) могло бы, всею силою своего состава, идти и бороться противъ теченія и вѣтра... Такъ и съ моею поэмою! Ее, проникнутую и скрѣпленную одною мыслію, однимъ чувствомъ, въ полномъ только ея составѣ, рѣшился бы я пустить на сердитое море современной словесности. Цѣлое сильно своею цѣлостью. Но я не могу еще этого сдѣлать: потому, что какъ восклицалъ разслабленный при купели: «не имамъ человѣка!»

Что жъ остается теперь? Остается одно: предоставить мою законную литературную собственность въ мое собственное распоряженіе.

Грустно мнѣ, невыразимо грустно при мысли, что этими строками, можетъ быть, я огорчу васъ, такъ много уважаемаго мною!

Но какъ же быть?.. Всякое произведеніе проситъ защиты у своего производителя. И такъ, высказавъ, хоть съ грустью, то, чему нельзя было не сказаться, я прошу васъ, мимо всего, принять, въ самомъ обширномъ смыслѣ, истинное уваженіе и совершенную къ вамъ преданность, съ которыми имѣетъ честь быть, и проч.

Письмо Конст. Степ. Сербиновича—О. Н. Глинкѣ [1]).

31-го марта 1850 г., С.-Петербургъ.

Виноватъ! Когда вы мною недовольны, что̀ остается мнѣ, какъ не просить прощенія! Письмо ваше, отъ 11-го марта, глубоко меня тронуло и повергло въ скорбь, потому, что я думалъ сдѣлать вамъ, по возможности, пріятное, по примѣру прошлогоднему, а нанесъ огорченіе, хотя и безъ умысла, ибо за что бы мнѣ огорчать васъ, благороднѣйшаго и добрѣйшаго изъ людей, и еще брата незабвенному Сергѣю Николаевичу, который былъ всегда такъ близокъ моему сердцу? Примите, однакожъ, и нѣкоторыя уваженія, отчего такъ случилось. Предо мною ваше письмо, ровно за годъ предъ симъ писанное—11-го марта, гдѣ вы изъявили желаніе, чтобы я, испросивъ у Ал. Ив. Войцеховича копію съ вашей рукописи, выбралъ изъ нея, для напечатанія въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» еще двѣ, три пьесы, и тѣмъ бы заключилъ; чѣмъ я не могъ воспользоваться тогда за отбытіемъ въ Москву, то приберегъ для нынѣшняго года, хотѣлъ украсить произведеніемъ вашимъ первую книгу и выбралъ одну пьесу, хотя и слишкомъ поздно, въ ян-

---

[1]) Съ чернового наброска.

варѣ. Всѣ, кто ни прочелъ ее уже въ печати, восхищались и не замѣтили въ ней пропусковъ, которые произошли отъ условій цензурныхъ, но при нихъ пришлось опустить еще нѣкоторые стихи, которыхъ по связи невозможно было отдѣлить отъ исключенныхъ. Безъ сомнѣнія, вамъ, какъ творцу, дорогъ каждый стихъ; но спросите всякаго, не предупрежденнаго объ этихъ пропускахъ, спросите Жуковскаго, Вяземскаго, Плетнева—всѣ они будутъ только наслаждаться вашими стихами, хотя и подвергшимися сокращенію. Надобно, однакожъ, присовокупить, что при пропускѣ цѣлой поэмы можно возстановить иное изъ того, чего нельзя допустить въ министерскомъ журналѣ, долженствующемъ въ цензурномъ отношеніи представить одно только безсомнительное, не могущее быть превратно перетолкованнымъ никѣмъ.

Но я всего болѣе виноватъ, что упустилъ предупредить васъ о помѣщенной въ журналѣ пьесѣ. Болѣзнь жены и тещи и кончина ея въ февралѣ разстроили меня даже и въ дѣлахъ службы. И теперь только скорбь объ огорченіи вашемъ заставила меня взяться за перо. Печаленъ здѣшній міръ. Осиротѣвшаго и солнце не грѣетъ. Но всего прискорбнѣе чувствовать, что огорчилъ того, кого любишь и уважаешь. Негодую на себя, смиряюсь и прошу васъ оставить мнѣ неумышленную вину, какъ оставляетъ намъ долги наши непамятно-злобный Богъ. Къ тому же я увѣренъ, что это послѣднее отъ меня вамъ огорченіе.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и душевною преданностью имѣю честь быть и проч.

P. S. Милостивой государынѣ Авдотьѣ Павловнѣ мое глубочайшее почтеніе.

Въ домашнемъ разстройствѣ моемъ залежались у меня и особые оттиски напечатанной пьесы, которые вмѣстѣ съ симъ препровождаю.

Въ прошлогоднемъ письмѣ, отъ 11-го марта, вы сѣтовали, «что никто не указалъ вамъ, такъ-сказать, перстомъ, никто не сказалъ положительно, что̀ именно должно перемѣнить и что̀ непремѣнно выпустить». Ахъ, посудите сами, какъ это не легко. Кому будетъ охота прекословить вамъ? Всякій думаетъ остаться только въ наилучшемъ отношеніи съ вами, а никто не рѣшится серьезно подумать о способахъ посодѣйствовать выходу въ свѣтъ вашего произведенія. Легко хвалить, а какъ трудно даже и попробовать сдѣлать отъ всеусердія опытъ перемѣнъ [1]).

---

[1]) Окончаніе написано карандашемъ, который стерся, и разобрать невозможно.

Къ исторіи русской литературы тридцатыхъ годовъ.

Письмо Ив. Ив. Дмитріева П. П. Свиньину.

13-го сентября 1833 г. Москва.

Намъ не должно, милостивый государь Павелъ Петровичъ, извиняться другъ предъ другомъ. Я и самъ опоздалъ сообщить вамъ выписку изъ письма князя Вяземскаго еще отъ 14-го августа. Вы напрасно его обвиняли въ недоброхотствѣ. Вотъ что онъ между прочимъ пишетъ о васъ: «я отдалъ Дмитрію Николаевичу Блудову записку вашу и онъ, кажется, готовъ исполнить по возможности желанія ваши. Я даже слышалъ, что П. П. Свиньинъ былъ уже послѣ отъѣзда вашего нѣсколько разъ у него. Впрочемъ слышно, что Свиньинъ одинъ изъ главныхъ редакторовъ журнала Смирдина и можетъ быть уже не будетъ заниматься службою»—и здѣсь ни слова не выключено и не прибавлено.

Смирдинъ же на дняхъ бывъ у меня говорилъ, что дѣйствующими редакторами будутъ Гречъ и Сеньковской, и что самъ Полевой обѣщалъ служить ему своимъ издѣльемъ. И такъ по всему кажется, что журналъ будетъ блестящій по своей силѣ и знаменитости ума русскаго XIX столѣтія. Добро пожаловать. Мы готовы читать.

Заключаю свидѣтельствомъ вамъ и милостивой государынѣ Надеждѣ Аполлоновнѣ искренняго моего почтенія, съ коимъ навсегда имѣю честь пребыть и проч.

Чрезвычайная конференція о вывѣскѣ.

СЦЕНА.

(1855—1856).

Сцена, изображающая чрезвычайную конференцію о вывѣскѣ, представляетъ собою въ юмористическомъ видѣ воображаемое засѣданіе правленія главнаго педагогическаго института. Интересъ и нѣкоторое историко-литературное значеніе сцены заключается въ томъ, что, написанная человѣкомъ несомнѣнно очень близкимъ къ институтской жизни, она даетъ рядъ характеристикъ служебнаго персонала этого учебнаго заведенія въ періодъ между 1853—1857 годами.

Дѣйствующими лицами въ сценѣ являются:

Министръ народнаго просвѣщенія Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ (род. въ 1795 † въ 1869 г.), скрытый авторомъ подъ латинскою буквою N; яснымъ свидѣтельствомъ того, что именно онъ, а никто другой, изображается въ піесѣ подъ этой буквой, можетъ служить описаніе его появленія въ засѣданіе: «входитъ, торжественно стуча деревяшкою»; это «ковыляньe на деревяшкѣ, которая замѣняла ему одну изъ ногъ», по воспоминаніямъ М. И. Венюкова, было самою видною его стороною: говорилъ онъ мало, повидимому, стѣсняясь высокостью своего сана; въ тѣхъ же воспоминаніяхъ находимъ его характеристику, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ и взглядамъ автора «Конференціи»: «студенты его не трепетали, даже, пожалуй, любили, но основное ихъ мнѣніе было, что онъ— ни рыба, ни мясо, не довольно ученъ и дѣйствуетъ съ чужого голоса». Министерскій постъ Норовъ занималъ съ 1853 по 1858 годъ.

Директоръ института Иванъ Ивановичъ Давыдовъ (род. въ 1794 г. † въ 1863 г.), академикъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импе-

раторской Академіи наукъ. Должность директора онъ исполнялъ съ 1847 по 1859 годъ. До поступленія на директорское мѣсто Давыдовъ былъ профессоромъ Московскаго университета; здѣсь онъ читалъ сначала философію, затѣмъ латинскую словесность и нѣкоторое время высшую алгебру, наконецъ (съ 1831 г.) русскую словесность. Послѣ закрытія педагогическаго института Давыдовъ былъ назначенъ сенаторомъ по 6-му департаменту, имѣвшему свое мѣстопребываніе въ Москвѣ. Плохой администраторъ, заурядный ученый, «пролаза и лицемѣръ», «самодовольный и чванный», какъ характеризуетъ его одинъ изъ его младшихъ современниковъ, онъ оставилъ по себѣ худую славу [1]).

Инспекторъ института Александръ Никитичъ Тихомандрицкій (род. въ 1808 г.), бывшій воспитанникъ педагогическаго института; мѣсто инспектора онъ занималъ съ 1848 по 1859 годъ. По выходѣ Давыдова онъ остался вмѣстѣ съ А. И. Смирновымъ единственнымъ начальствомъ института (главное наблюденіе принялъ на себя попечитель петербургскаго учебнаго округа И. Д. Делянов). Ранѣе 1848 года Тихомандрицкій былъ профессоромъ университета св. Владиміра по каѳедрѣ математики (съ 1838 года). Послѣ закрытія съ 1859 г. педагогическаго института Тихомандрицкій былъ назначенъ директоромъ 2-й петербургской гимназіи и вскорѣ затѣмъ (съ 1860 г.) переведенъ въ Казань на должность помощника попечителя Казанскаго учебнаго округа; впослѣдствіи онъ занялъ мѣсто вице-директора департамента министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1865 году дѣйствительная служба его закончилась и онъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, потомъ состоялъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія. По словамъ его біографа, это была прекрасная личность; своимъ замѣчательнымъ «педагогическимъ тактомъ и основательнымъ знаніемъ дѣла онъ заслужилъ большую любовь и уваженіе среди сослуживцевъ»; «терпѣливо и настойчиво, никогда не возвышая голоса, онъ требовалъ отъ учениковъ (въ гимназіи) полнаго вниманія къ дѣлу, сдерживалъ излишнее проявленіе рѣзвости шаловливыхъ мальчиковъ, постоянно слѣдилъ за порядкомъ и ученьемъ» [2]).

Фридрихъ, по-русски Ѳедоръ Ѳедоровичъ, Лоренцъ, докторъ берлинскаго университета (род. 1803 † 1861 г.), съ 1831 по 1857 годъ былъ профессоромъ педагогическаго института по каѳедрѣ всеобщей исторіи. Въ 1857 году Лоренцъ оставилъ Россію; впослѣдствіи въ бон-

---

[1]) См. о немъ въ статьяхъ Добролюбова „Отчеты главнаго педагогическаго института“ (Сочиненія, т. I.)

[2]) См. его автобіографическую записку въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Имп. университета св. Владиміра“ В. С. Иконникова (Кіевъ, 1884), стр. 644—646, и также статью о немъ въ „Исторической запискѣ 75-лѣтія с.-петербургской второй гимназіи“ (СПб. 1894).

скомъ университетѣ онъ читалъ курсъ русской исторіи. Изъ его русскихъ трудовъ въ свое время пользовалось большимъ значеніемъ «Руководство къ всеобщей исторіи», выдержавшее нѣсколько изданій (1841—1860). Въ замѣткѣ по поводу его латинской рѣчи о томъ, съ какою цѣлью императоромъ Николаемъ основанъ главный педагогическій институтъ, Н. А. Добролюбовъ, бывшій его ученикомъ, характеризуетъ своего наставника, какъ обладающаго «проницательнымъ умомъ» ученаго, «столь уважаемаго нами за его курсъ всеобщей исторіи».

Конрадъ Ивановичъ Бессеръ, профессоръ института по каѳедрѣ политической экономіи и статистики. Бессеръ былъ вызванъ изъ Германіи къ открытію курсовъ въ институтѣ (въ 1831 г.) и занималъ свою должность до 1857 г.

Николай Михайловичъ Благовѣщенскій (р. 1821 † 1892 г.), профессоръ римской словесности въ педагогическомъ институтѣ съ 1851 по 1859 г., знаменитый въ свое время латинистъ, разносторонній писатель, выдающійся преподаватель и дѣятель. До занятія каѳедры въ институтѣ Благовѣщенскій былъ профессоромъ Императорскаго казанскаго университета; въ 1852 г. вступилъ въ число профессоровъ Императорскаго петербургскаго университета, гдѣ оставался до 1872 года; съ 1873 по 1883 г. занималъ должность ректора Императорскаго варшавскаго университета; уволенный по прошенію въ отставку, впослѣдствіи онъ былъ причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія, гдѣ и кончилъ службу членомъ совѣта министра [1]).

Людвигъ Егоровичъ Блюмъ, докторъ философіи гейдельбергскаго университета (род. 1803 г.), адъюнктъ, затѣмъ профессоръ нѣмецкой словесности въ институтѣ съ 1841 по 1859 г.

Степанъ Сидоровичъ Лебедевъ († 1882 г.), воспитанникъ института 3-го выпуска, адъюнктъ его (съ 1849 г.) и профессоръ (съ 1851 г.) по каѳедрѣ русской словесности. Лебедевъ оставался въ институтѣ до закрытія его въ 1859 г. Впослѣдствіи онъ служилъ въ св. Синодѣ.

Николай Алексѣевичъ Вышнеградскій († 1872 г.), профессоръ института по каѳедрѣ педагогики съ 1853 по 1858 годъ, воспитанникъ педагогическаго института 4-го выпуска. Въ настоящее время съ именемъ Вышнеградскаго обыкновенно связывается представленіе объ устройствѣ въ Россіи женскаго всесословнаго образованія; его горячая, безкорыстная дѣятельность и какъ литератора, и какъ учителя, и какъ администратора была главной двигательной силой при созданіи новыхъ

[1]) См. о немъ статью И. В. Помяловскаго въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Имп. с.-петербургскаго университета“ (СПб. 1896) и статью И. В. Цвѣтаева „Сорокъ лѣтъ учено-литературной дѣятельности Н. М. Благовѣщенскаго“ (СПб. 1888).

типовъ учебныхъ заведеній; ему принадлежитъ честь составленія самаго проекта женскихъ училищъ для приходящихъ и приведеніе его въ исполненіе; онъ былъ первымъ начальникомъ перваго женскаго «Маріинскаго училища» [1]).

Константинъ Аѳанасьевичъ Скворцовъ (род. въ 1828 г., умеръ въ 1885 г.), адъюнктъ института по каѳедрѣ русской словесности съ 1853 по 1859 годъ. По выходѣ изъ института продолжалъ преподавать тотъ же предметъ въ морскомъ корпусѣ и горномъ училищѣ; затѣмъ былъ назначенъ инспекторомъ кронштадтской гимназіи (въ 1865 г.), потомъ директоромъ второй петербургской гимназіи (въ 1868 г.); въ 1874 году онъ вышелъ въ отставку [2]).

Николай Герасимовичъ Устряловъ (род. 1805, умеръ въ 1870 г.), профессоръ института по каѳедрѣ русской исторіи, профессоръ петербургскаго университета и академикъ; служба его въ институтѣ продолжалась съ 1833 по 1857 годъ.

Михаилъ Михайловичъ Михайловъ (род. въ 1827 г., умеръ 1891 г.), адъюнктъ института по каѳедрѣ правъ россійскаго государственнаго и гражданскаго съ 1850 по 1859 годъ; съ 1851 до 1872 г. профессоръ петербургскаго университета; перейдя въ 1872 г. на службу въ министерство юстиціи, онъ занялъ мѣсто члена саратовской судебной палаты, потомъ то же мѣсто въ харьковской судебной палатѣ [3]).

Протоіерей Павелъ Ѳедоровичъ Солярскій, исполнявшій должность законоучителя главнаго педагогическаго института съ 1845 по 1859 годъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ по закрытіи института, послѣ выхода изъ с.-петербургскаго университета протоіерея Бажанова, онъ вступилъ въ число преподавателей университета, гдѣ читалъ лекціи по богословію. Солярскій извѣстенъ въ литературѣ своими церковно-историческими и богословскими трудами, изъ которыхъ на первое мѣсто слѣдуетъ поставить его Опытъ библейскаго словаря собственныхъ именъ (въ 5-ти томахъ. 1870—1885). Умеръ въ 1890 году.

Адольфъ Кресси-де-Шамильонъ, профессоръ французской словесности въ институтѣ съ 1842 по 1857 годъ.

Дмитрій Христофоровичъ Гумаликъ, адъюнктъ по каѳедрѣ греческой словесности въ институтѣ съ 1853 по 1859 годъ. Послѣ закрытія института Гумаликъ служилъ въ главномъ управленіи цензуры.

---

[1]) О Вышнеградскомъ см. статьи Е. О. Лихачевой „Н. А. Вышнеградскій въ женскихъ гимназіяхъ“ („Русская школа“ 1898, 1—2) и В. П. Острогорскаго „Двадцатипятилѣтіе женскихъ гимназій“ („Вѣстн. Европы“, 1883, № 4).

[2]) См. о немъ въ „Исторической запискѣ 75-лѣтія с.-петербургской Второй гимназіи» (СПб. 1894).

[3]) Свѣдѣнія о немъ см. въ Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Имп. с.-петербургскаго университета (СПб. 1896), т. 2.

Ученый секретарь института Андрей Ивановичъ Смирновъ, воспитанникъ педагогическаго института 2-го выпуска, адъюнктъ (съ 1841 г.) по каѳедрѣ всеобщей исторіи. Послѣ выхода Давыдова онъ, какъ сказано выше, раздѣлялъ съ Тихомандрицкимъ заботы по управленію институтомъ до самаго его закрытія [1]).

Экономъ Ѳедоръ Львовичъ Ильинъ, отставной штабсъ-капитанъ, служившій въ институтѣ съ 1848 по 1859 годъ.

Время дѣйствія сцены легко опредѣляется тѣми годами, которые приведены при перечисленіи дѣйствующихъ лицъ: крайніе сроки 1853 (занятіе министерскаго поста Норовымъ) и 1857 (выходъ изъ состава профессоровъ Лоренца и Бессера 21 іюня 1857 г.). Болѣе точное опредѣленіе можно дать при помощи тѣхъ намековъ, которые дѣлаетъ въ своихъ словахъ Михайловъ: «Профессоръ не будетъ имѣть возможности на репетиціи 2-го курса вызвать г. Свѣденцова, который числится въ 4-мъ курсѣ, и г. Преображенскаго, когда этотъ уѣхалъ на мѣсто младшаго учителя». Свѣдѣнія о кончившихъ курсъ педагогическаго института въ «Краткомъ историческомъ обозрѣніи» Смирнова и о составѣ студентовъ въ 1853—54 годахъ въ его же «Историческомъ обозрѣніи перваго двадцатипятилѣтія» указываютъ, что фамиліи студентовъ не были вымышлены авторомъ «Чрезвычайной конференціи». Николай Свѣденцовъ былъ воспитанникъ 9-го выпуска, кончилъ курсъ въ 1856 году и выпущенъ домашнимъ наставникомъ; Филиппъ Преображенскій вышелъ, не окончивъ курса, въ 1854 г.; онъ получилъ мѣсто младшаго учителя въ астраханской гимназіи. Свѣденцовъ числился на четвертомъ курсѣ въ 1855—1856 академическомъ году, когда Преображенскій «уже давно уѣхалъ на мѣсто младшаго учителя», что было въ 1854 году. Такимъ образомъ время дѣйствія сцены 1855—1856 учебный годъ.

---

[1]) Смирновъ имѣетъ особенное отношеніе къ педагогическому институту благодаря тому, что имъ составлены двѣ книги, являющіяся единственнымъ основаннымъ на документахъ источникомъ исторіи института—„Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій главнаго педагогическаго института 1828—1859 г.“ (СПб. 1859) и „Историческое обозрѣніе перваго двадцатипятилѣтія главнаго педагогическаго института 1828—1853“ (въ книгѣ «Актъ 25-тилѣтняго юбилея главнаго педагогическаго института 30 сентября 1853 г.» СПб. 1853).

*

Театръ представляетъ конференцъ-залу высшаго учебнаго заведенія. Налѣво отъ дверей столъ, покрытый краснымъ сукномъ и обставленный стульями, занятыми профессорами. По срединѣ возсѣдаетъ директоръ заведенія, а на каѳедрѣ ученый секретарь съ бумагами. По открытіи занавѣси секретарь читаетъ.

Секретарь. По донесенію вахтера и эконома усмотрѣно на прошедшей недѣлѣ поврежденіе на вывѣскѣ г(лавнаго) п(едагогическаго) и(нститута), находящейся на сѣверной сторонѣ зданія. Отъ напора сѣверныхъ вѣтровъ со стороны, не защищенной горами, въ вывѣскѣ произошла трещина перпендикулярно къ горизонту, отъ чего одна половина вывѣски образовала собою котловину, а другая возвышенность, развѣтвляющуюся на разные отроги, а по краямъ вывѣски сдѣлались покатости къ низу. При томъ первоначально тутъ обитавшія племена воробьевъ, не отличающихся вкусомъ къ образованности, оставили слѣды своего варварскаго пребыванія. Его превосходительство г. директоръ, понимая важность такого обстоятельства, разсудилъ: предложить сей предметъ на разсужденіе чрезвычайной конференціи г(лавнаго) п(едагогическаго) и(нститута).

Директоръ. Нн... такъ вотъ не вывѣска красила заведеніе, а заведеніе вывѣску, non domo dominus, sed domino domus honestanda est. А между тѣмъ Спартанка, отпуская сына своего на войну и вручая ему мечъ, говорила: aut hoc aut in hoc. Такъ и мы должны беречь вывѣску, какъ всемилостивѣйшій даръ правительства, какъ щитъ, какъ свое знамя. Нн... такъ вотъ вы, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, скажите свое мнѣніе объ этомъ предметѣ.

Лоренцъ. Я, я, такъ сказать, думаю, что очень лучше старую вывѣску обновлять, такъ сказать. Новый вывѣска будетъ дорого стоить. Вы понимаете меня, mein Herr?

Бессеръ. Разумѣется, новый вывѣска будетъ торогъ. Я думаю на биржу надо сходить, чтобы узнать какъ великъ запросъ на вывѣски. Адамъ Смитъ говоритъ, что когда запросъ великъ, то товаръ дороже, а когда малъ, цѣна понизится. Такъ когда запросъ великъ, то новый не должно дѣлать, а старый на новый сдѣлать. А воробьевъ, я думаю, въ полицію донести, въ исправительный домъ отправить, это выгода: они могутъ тамъ трудиться, денегъ зарабатывать.

Директоръ. Нн... а вы, Александръ Никитичъ, что думаете?

Инспекторъ (краснѣетъ, протягиваетъ руки и кричитъ). Гаспа-да!! Въ наше время никакой вывѣски не было, да учились! и славно учились! зачѣмъ вывѣска? Голова—вывѣска!!! Я чѣмъ виноватъ, что она порвалась? Чтобы изъ-за какой-нибудь вывѣски, какой-нибудь чиновникъ!!.. мнѣ не хочется въ отставку итти. Я самъ себя берегу... У меня жена, дѣти! Посудите сами, чѣмъ я тутъ виноватъ?

Директоръ. Нн... такъ вы согласны?

Инспекторъ. Разумѣется.

Директоръ. А вотъ вы, Николай Михайловичъ, какъ разсуждаете объ этомъ?

Благовѣщенскій. Мнѣ бы хотѣлось прежде, ваше превосходительство, познакомиться съ вывѣскою. Я еще не знаю нѣкоторой части ея. Впрочемъ, это до слѣдующаго раза. Subsedimus igitur eo loco explicando, ubi Александръ Никитичъ сказалъ «разумѣется», subintelligitur нужно. Въ Греціи въ Дельфахъ на фронтонѣ храма было написано γνῶθι σεαυτόν. Это древнѣйшее свидѣтельство о существованіи вывѣсокъ. Въ Римѣ на площадяхъ apud pilas, portas, colonnas, были надписи и хотя Горацій въ IV сатирѣ verso primo septuagesimo: nulla taberna meos habeat neque pila libellos; но нужно замѣтить, что libelli были книги, а не вывѣски. Г. Сабининъ, какъ вывѣски по-латыни? Ахъ, виноватъ, я вообразилъ себя въ аудиторіи. Igitur, igitur, omnino igitur вывѣски въ Римѣ назывались picta tabella, tabella picta. Въ новѣйшее время въ Помпеѣ ученые нашли panificinam, по-русски пекарня, надъ дверьми ея увидѣли превосходно сохранившійся фреско, на которомъ изображены различные хлѣба, мука и далѣе vappa, по-русски чихирь. Igitur, igitur, ego dicam tabellam pictam Instituto paedagogico omnino necessariam esse. Въ слѣдующій разъ займемся литературными партіями въ Римѣ въ вѣкъ Августа, образовавшимися по случаю спора о вывѣскахъ.

Директоръ. Нн... вы Herr Blum?

Блумъ. Нѣтъ, или завсѣмъ не надо, или надо за границей смотрѣть у нѣмецкихъ студентовъ. Qui n'avance pas recule. Мы будемъ писать.

Директоръ. Нн... это очень кстати, вѣдь вы отправляетесь за границу. Но, а вы какъ смотрите на этотъ предметъ, Степанъ Сидоровичъ?

Лебедевъ. Въ наше время она была сплошь да рядомъ не только съ трещиной, но и съ грамматическими ошибками, да все-таки я былъ адъюнктомъ и приготовлялъ уѣздныхъ. Впрочемъ, зачѣмъ бы и не поставить вывѣски, если она имѣетъ художественное и литературное значеніе, такъ сказать, вліяніе и заключаетъ въ себѣ, сплошь да рядомъ, идею общенародную и при томъ выраженную въ поэтическихъ изящныхъ картинахъ.

Директоръ. Нн... а вотъ теперь вашего совѣта спросимъ, Николай Алексѣевичъ.

Вышнеградскій. Самая давность вывѣски свидѣтельствуетъ, что она нужна. Но я думаю, что только трещину, разсѣлину заколотить и больше ничего, и понятно почему: старая вывѣска и заведеніе, значитъ, старинное и, слѣдовательно, начала сего заведенія утвердились, окрѣпли

и самое заведеніе-то крѣпкое, здоровое, болѣзней нѣтъ никакихъ, рѣшительно никакихъ. А воробьи діаметрально противуположны вывѣскѣ. Сѣверные вѣтры да воробьи производили чрезвычайно важное вліяніе на вывѣску; слѣдовательно, реакціи тутъ не было, она подавлена. Такимъ образомъ сей реакціи тутъ не было и вывѣска не только не развилась, но и пострадала; на парадной вывѣскѣ воробьевъ тутъ не было и она процвѣтаетъ. Если сдѣлать вывѣску, то огромную, свѣдѣній въ нее натискать тьму, да какъ развернутъ ее предъ воробьями, то они и увидятъ, что умишко-то въ нихъ, умишко маленькій, и они по-неволѣ будутъ уважать вывѣску.

Директоръ. Нн... Константинъ Аѳанасьевичъ, скажите и вы свое мнѣніе.

Скворцовъ (несмѣло). Прежде нежели мы приступимъ къ рѣшенію этого вопроса, очень умѣстно изложить здѣсь любопытную исторію этой вывѣски. Ея было нѣсколько изданій: первое на черномъ полѣ золотыми буквами, второе на бѣломъ полѣ, третье до сихъ поръ находится на синемъ полѣ золотыми буквами. Это изданіе существуетъ и отдѣльно на сѣверной сторонѣ: г(лавный) п(едагогическій) и(нститутъ). Рукопись ея затеряна, а прежде хранилась въ библіотекѣ г(лавнаго) п(едагогическаго) института за № $1723^1/_2$ съ подписью «Шмальгаузенъ» [1]). Ученые смотрятъ на этотъ предметъ съ разныхъ сторонъ; извѣстно два мнѣнія: вотъ академикъ Срез-нев-скій [2]) (осматривается и говоритъ смѣлѣе) совѣтовалъ написать вывѣску съ юсами и пьявочкою на концѣ въ такомъ видѣ «Пѧдагѡгическый Институ҃тъ» кирилловскими буквами уставнаго письма, а потомъ явилось другое мнѣніе, вслѣдствіе котораго она написана такъ, какъ существуетъ нынѣ. Языкъ этого памятника чисто русскій, безъ всякихъ ошибокъ даже въ правописаніи. Литературное его достоинство состоитъ въ томъ, что онъ ясно, точно и со всевозможными подробностями обозначаетъ наше заведеніе. Итакъ изъ существованія вывѣски я вывожу мысль, что вывѣска въ настоящее время нужна и новое ея изданіе принесетъ пользу наукѣ (говоритъ едва слышно). Впрочемъ, я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ вашего превосходительства (кашляетъ).

Директоръ. Нн... Николай Герасимовичъ, не угодно ли вамъ.

Устряловъ. Воробьевъ выгнать, совершенно выгнать, чтобы и духу ихъ не было, а вывѣску надо, да, надо поправить, покрасить, повѣсить. Это чрезвычайно важно, важно, какъ книга безъ заглавія.

---

[1]) Ѳедоръ Ѳедоровичъ Шмальгаузенъ, комнатный надзиратель главнаго педагогическаго института (съ 1839 по 1859 г.).

[2]) И. И. Срезневскій въ это время принадлежалъ къ числу профессоровъ педагогическаго института по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій.

Ну такъ мы въ слѣдующемъ изданіи поправимъ ошибку въ вывѣскѣ, а воробьевъ все-таки выгнать; да, выгнать.

Директоръ Нн... а вы что скажете, Михаплъ Михайловичъ.

Михайловъ. Каждое государство, поборовъ своихъ внѣшнихъ враговъ подъ ноги своей дипломаціи, тотчасъ стремится къ устройству своихъ внутреннихъ учрежденій, какъ государственныхъ вообще, такъ и частныхъ въ особенности. При семъ не считаю лишнимъ замѣтить, что не профессоръ долженъ дожидаться студентовъ въ аудиторіи, а студенты профессора. Нѣтъ ничего несноснѣе, какъ профессору... Нѣтъ ничего несноснѣе, какъ профессору съ каѳедры видѣть входящихъ студентовъ, входящихъ одинъ за другимъ и слушать стукъ дверей. Такимъ образомъ мы сказали, что государство по уничтоженіи внѣшнихъ враговъ должно заботиться о внутреннемъ устройствѣ. И такъ какъ институтъ въ нѣкоторомъ смыслѣ имѣетъ видъ государства, то онъ, поборовъ своихъ внѣшнихъ враговъ, долженъ озаботиться о внутреннемъ своемъ устройствѣ, а не о великолѣпной вывѣскѣ. Поэтому я полагаю, что вмѣсто вывѣски къ цѣлому заведенію лучше сдѣлать вывѣску надъ каждымъ студентомъ съ полнымъ означеніемъ его фамиліи, курса и факультета, въ коемъ онъ числится. Такимъ образомъ отвратятся важныя неустройства: 1) профессоръ не будетъ имѣть возможности на репетиціи 2-го курса вызывать г. Свѣденцова, который числится въ 4 курсѣ, и г. Преображенскаго, когда этотъ уже давно уѣхалъ на мѣсто младшаго учителя; 2) профессоръ для вызова студентовъ не будетъ прибѣгать къ фразамъ въ родѣ слѣдующихъ: «Господинъ пятый на 3-й скамьѣ въ право, какъ ваша фамилія», или «Господинъ крайній, считая отъ карты Европы, не угодно ли вамъ»; но посредствомъ вывѣски прямо и безошибочно будетъ вызывать студентовъ. Слѣдовательно, польза подобнаго учрежденія несомнѣнна и не только несомнѣнна, но и не требуетъ доказательства. Итакъ, мы сейчасъ сказали, что вмѣсто одной общей вывѣски нужно будетъ повѣсить на каждаго студента въ частности.

Директоръ. Нн... вотъ вы, Павелъ Ѳедоровичъ, разрѣшите наше сомнѣніе.

Солярскій. Дѣяній XVII главы стихъ 23, Апостолъ говоритъ аѳинянамъ: «Проходя и соглядая чествованія ваша, обрѣтохъ и капище на немъ же написано: Невѣдомому Богу». Вотъ-съ, христіанство-съ дозволяетъ вывѣски. Надо-съ, надо, дѣло благое, только, во-первыхъ, чтобы оно не было противно духу христіанства, а здравое, живое и дѣятельное. Во-вторыхъ, не соблазняло ближнихъ: «иже аще соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, уне есть ему да обѣсится жерновъ осельскій на выи его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй». Въ-третьихъ, допускается и разумомъ, ибо каждый предметъ долженъ быть мыслимъ, какъ сей опредѣленный

предметъ, и при томъ каждое понятіе должно быть опредѣляемо точнымъ словомъ, безъ чего наше мышленіе невозможно. Слѣдовательно, для опредѣленія института вывѣска нужна-съ. Только, ваше превосходительство, текстикъ бы къ ней, текстикъ или хоть цитату-съ.

Директоръ. Нн... я объ этомъ подумаю, а вотъ вы, monsieur, еще ничего не говорили.

Кресси. Messieurs! Pourquoi-ça: отшего нишего? Mess... (Отворяется дверь и входитъ N., торжественно стуча деревяшкою, сопровождаемый прекраснымъ молодымъ грекомъ. Всѣ встаютъ. Директоръ спѣшитъ къ нему).

N. Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ. Здравствуйте, господа. Что эфто у васъ за собраніе. Чай, разсуждаете о эфтакихъ важныхъ дѣлахъ?

Директоръ. А мы, ваше высокопревосходительство, мы разсуждаемъ о вывѣскѣ.

N. А развѣ ваши студенты и эфтакой наукѣ учатся?

Директоръ. Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, нн... вывѣска—это надпись на институтѣ.

N. Ха, ха, ха. Вѣдь какъ я ошибся. Ха, ха, ха, я думалъ, что эфто наука какая-нибудь. Вотъ оно что. Вотъ оно что! Я очень радъ, господа, что вы въ эфтакія малости входите, отъ души благодарю васъ за такія чувствія, отъ души благодарю. Такъ, такъ и напишите: Г(лавный) п(едагогическій) и(нститутъ). Ха, ха, ха, а я думалъ, что это наука. Напишите, Иванъ Ивановичъ!

Гумаликъ. Вотъ, ваше высокопревосходительство, и въ аѳинскихъ университетахъ, и на Островахъ, и въ Новой Греціи (мотаетъ головою), и въ училищахъ есть вывѣски. Вотъ извѣстный вамъ поэтъ Сутцо [1]), съ которымъ мы нынѣ будемъ обѣдать, написалъ по этому случаю прекрасные стихи: «Какъ свѣтлыя звѣзды на синемъ небосклонѣ, сіяютъ надписи на училищахъ родной Эллады». Вотъ и въ Константинополѣ мой братъ Стурдза...

N. Прощайте, Иванъ Ивановичъ, прощайте, господа; благодарю васъ отъ всего сердца за эфто. Такъ напишите, Иванъ Ивановичъ: аще, аще... какъ, отецъ Павелъ, эфтотъ текстъ-то: аще, аще?..

Солярскій. «Аще око твое просто будетъ, и все тѣло твое свѣтло будетъ».

N. Точно такъ. Вѣдь вывѣска-то око заведенія. Напишите, Иванъ Ивановичъ, я очень радъ, что могу пособить эфтакому дѣлу, очень радъ. (Уходитъ).

---

[1]) Вѣроятно, Александръ Сутцо—греческій поэтъ и политическій дѣятель (р. 1802 † 1863).

Директоръ. Нн... Вотъ его высокопревосходительство разрѣшилъ сдѣлать вывѣску: такъ, Андрей, позвать сюда эконома и студентовъ. (Входятъ студенты и экономъ).

Директоръ (обращаясь къ студентамъ). Вотъ его высокопревосходительство разрѣшилъ сдѣлать намъ новую вывѣску. Такъ; а я нахожу нужнымъ сдѣлать вамъ замѣчаніе: вотъ, начальство печется о васъ и по нашему ходатайству дѣлаетъ васъ извѣстными цѣлому С.-Петербургу, прославляетъ васъ. Такъ вы съ своей стороны, нн... должны поддержать вывѣску, быть вѣрными сынами отечества, пламенными слугами престола и послушными во всемъ. А... а теперь погуляйте по камерамъ. (Обращаясь къ экономy). Нн... Ѳедоръ Львовичъ, пожалуйте сюда. Вотъ министръ разрѣшилъ сдѣлать новую вывѣску, распорядитесь. (Экономъ пожимаетъ плечами и уходитъ. За занавѣсомъ слышенъ крикъ: «Стогожа, служителя, багговъ, лѣстницъ, вегёвокъ, живо подавай сюда. Стагу вывѣску снимать. Вахтегъ, бѣги за подгядчикомъ». Шумъ и бѣготня).

Директоръ (обращаясь къ профессорамъ). Нн... постойте. Нн... вотъ мнѣ пришла новая оригинальная мысль написать на вывѣскѣ послѣ Г(лавный) п(едагогическій) и(нститутъ): здѣсь собраны со всѣхъ концовъ любезнаго нашего отечества, вотъ: губ. С.-Петербургской, Московской, Тамбовской (вынимаетъ списокъ губерній).

Устряловъ. Ну, ну, это не важно, написать Г(лавный) п(едагогическій) и(нститутъ) и конецъ. Обѣдать пора, давно пора, мы голодны, собаку проглотимъ. (Всѣ уходятъ, остается только директоръ со спискомъ въ рукахъ, ученый секретарь, Солярскій и Скворцовъ).

Занавѣсъ опускается.

Сообщ. **В. И. Срезневскій.**

Избраніе В. Н. Каразина почетнымъ членовъ Московскаго университета.

Письмо Михаила Никитича Муравьева къ Василію Назаріевичу Каразину.

28-го марта 1805 г.

Имѣвъ честь быть ближайшимъ свидѣтелемъ вашей просвѣщенной ревности, къ развитію полезныхъ знаній въ отечествѣ нашемъ служащей, съ истиннымъ удовольствіемъ препровождаю при семъ вамъ дипломъ на званіе почетнаго члена императорскаго Московскаго университета, съ должною чувствительностью и признательностью участвующаго въ благосостояніи россіянъ, соотчичей своихъ. Примите сіе, яко достовѣрнѣйшій знакъ моего къ вамъ истиннаго почитанія и преданности, съ каковыми пребуду навсегда и проч.

Дипломъ В. Н. Каразина.

Подъ высочайшимъ покровительствомъ всепресвѣтлѣйшаго, державнѣйшаго великаго государя Александра Перваго, императора и самодержца всея Россіи и пр., и пр., и пр. Императорскій Московскій университетъ, уваживъ отличную любовь къ наукамъ и извѣстную ученому свѣту патріотическую ревность къ распространенію отечественнаго просвѣщенія, признаетъ чрезъ сіе достойнѣйшаго мужа Василья Назарьевича Каразина, статскаго совѣтника и ордена св. Владиміра 4-й степени кавалера, почетнымъ своимъ членомъ, въ совершенномъ удостовѣреніи, что его высокородіе готовъ содѣйствовать сему университету во всемъ, что токмо къ преуспѣянію наукъ способствовать можетъ. Данъ въ Москвѣ, марта 1-го дня 1805 года.

Сообщилъ **Б. Л. Модзалевскій.**

Воспоминанія князя Эмилія Витгенштейна.

III [1]).

Патріотическое возбужденіе общества, вызванное восточной войною.—Военные эпизоды.—Назначеніе князя Витгенштейна командиромъ полка.—Первыя дѣйствія Муравьева на Кавказѣ.—Генералъ Бакановъ.—Дѣйствіе русскихъ войскъ подъ Карсомъ.—Сдача крѣпости.—Женитьба князя Витгенштейна.—Великодушіе императора Николая I-го.

Назначенный въ 1851 г. командующимъ лѣвымъ флангомъ кавказской арміи, князь Барятинскій предложилъ Витгенштейну, оставивъ должность адъютанта при главнокомандующемъ, перейти на службу къ нему. Адъютанты князя Воронцова, вслѣдствіе излишней его деликатности, проводили въ Тифлисѣ время въ полномъ бездѣйствіи. Князь «какъ будто боялся тревожить ихъ», и все ихъ занятіе состояло въ томъ, чтобы проводить утро въ пріемной князя и обѣдать у него; лѣтомъ эти молодые люди принимали, по своему желанію, участіе въ какой-нибудь экспедиціи и возвращались на зиму въ Тифлисъ украшенные орденами.

Не удовлетворяясь этой службою и мечтая о командованіи современемъ однимъ изъ кавказскихъ полковъ, Витгенштейнъ съ радостью принялъ предложеніе князя Барятинскаго, былъ прикомандированъ въ

---

[1]) См. „Русскую Старину“, 1900 г. мартъ.

маѣ мѣсяцѣ 1851 г. къ его отряду, и въ концѣ іюня уже участвовалъ съ нимъ въ экспедиціи, за которую произведенъ въ подполковники.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1851 г. Витгенштейнъ былъ назначенъ сопровождать въ Петербургъ чрезвычайнаго персидскаго посланника Махмудъ-Гуссейна; по пріѣздѣ своемъ въ столицу въ январѣ мѣсяцѣ 1852 г. онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ его величества.

«Императоръ принялъ меня одинъ въ своемъ кабинетѣ,—сообщалъ онъ роднымъ 30-го января (11-го февраля) 1852 г.,—поцѣловалъ меня и говорилъ со мной какъ отецъ, давая мнѣ совѣты относительно того, какъ держать себя.—Онъ проэкзаменовалъ меня въ сдѣланныхъ мною успѣхахъ въ русскомъ языкѣ, коими видимо остался доволенъ.

«Императрица, благодаря Бога, кажется, чувствуетъ себя лучше, нежели два года тому назадъ, когда я видѣлъ ее передъ отъѣздомъ изъ Петербурга. Она приняла меня также весьма милостиво; что касается императора, то это идеалъ монарха, какихъ въ настоящее время болѣе не существуетъ.—Это типъ человѣка справедливаго, рыцарскаго, благороднаго и энергичнаго; быть приближеннымъ къ нему составляетъ такую честь и такое счастье, которыя никто не можетъ оцѣнить кромѣ меня, видѣвшаго близко большинство монарховъ».

Начавшаяся въ 1853 году восточная война и полученныя извѣстія о блестящихъ побѣдахъ, одержанныхъ надъ турками въ Азіи подъ начальствомъ князя Бебутова и Чавчавадзе, волновали князя Витгенштейна, которому страшно хотѣлось принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

«Нынѣшняя зима проходитъ въ Петербургѣ очень тихо—писалъ онъ 11-го (23-го) января 1854 г.; танцуютъ мало, такъ какъ общество находитъ неприличнымъ веселиться въ то время, какъ Россію волнуютъ столь важныя событія. Здѣсь всѣ относятся съ восторгомъ къ императору и его великолѣпной арміи, которая совершаетъ чудеса храбрости. Всѣ дамы, начиная съ императрицы, заняты по вечерамъ щипаньемъ корпіи, цѣлые тюки которой отправляются съ каждымъ курьеромъ на Дунай и на Кавказъ. Нѣсколько дней тому назадъ на русской сценѣ была поставлена пьеса, сюжетъ которой изображаетъ блестящій Синопскій бой. Въ этой пьесѣ множество намековъ на бывшіе подвиги нашего флота и въ особенности на славныя дѣла покойнаго адмирала Лазарева, создавшаго Черноморскій флотъ. На сценѣ изображено морское сраженіе съ взлетающими на воздухъ судами; подъ конецъ видна Севастопольская бухта, изображенная столь вѣрно, что я узналъ каждый домъ. Въ первый же день всѣ мѣста были раскуплены впередъ на восемь представленій. Я былъ на первомъ представленіи: сама пьеса, волненіе, охватившее публику, и всеобщій восторгъ такъ подѣйствовали, что у меня почти все время были на глазахъ слезы, также точно, какъ и у многихъ дру-

гихъ лицъ, въ особенности у моряковъ, которыхъ было въ театрѣ множество. Великолѣпенъ былъ моментъ, когда взвилась занавѣсь передъ вторымъ актомъ и на сценѣ появился портретъ Лазарева, исполненный во всѣмъ извѣстной въ Россіи литографіи; публика апплодировала и кричала браво, а дочери адмирала, сидѣвшія въ ложѣ, рядомъ со мною, залились слезами. При каждомъ словѣ, касавшемся императора или славы русскаго флота, при каждомъ разсказѣ о его теперешнихъ или прежнихъ подвигахъ, со всѣхъ сторонъ раздавался громъ рукоплесканій, столь единодушныхъ, что казалось, будто рукоплещетъ одинъ человѣкъ. Подъ конецъ представленія публика потребовала исполненія народнаго гимна, который былъ повторенъ оркестромъ дважды, при нескончаемыхъ крикахъ. Это было въ высшей степени трогательно. Вчера я видѣлъ эту пьесу вторично, вмѣстѣ съ старикомъ графомъ Чернышевымъ, который неистово апплодировалъ.

«Я получилъ вчера весьма интересное письмо отъ одного изъ моихъ кавказскихъ товарищей, Моллера, командующаго дивизіономъ моего бывшаго драгунскаго полка; онъ описываетъ великолѣпное дѣло подъ Карсомъ подъ начальствомъ князя Бебутова, въ которомъ онъ принималъ дѣятельное участіе».

Атака, выполненная драгунами на правомъ флангѣ, представляетъ собою примѣръ по истинѣ небывалый въ исторіи. Шесть эскадроновъ драгунъ и двѣ казацкія сотни, слѣдовательно, не болѣе 800 человѣкъ сражались противъ непріятеля, у котораго было шесть батальоновъ пѣхоты, 8 орудій, два полка регулярной кавалеріи и нѣсколько тысячъ курдовъ. Атаковавъ непріятеля подъ сильнымъ картечнымъ и перекрестнымъ огнемъ, драгуны обратили въ бѣгство курдовъ и опрокинули одинъ за другимъ два батальонныхъ каре, въ то время какъ два остальные отступили. Въ шести эскадронахъ драгунъ выбыло изъ строя 12-ть офицеровъ (изъ числа 24-хъ), 130-ть рядовыхъ и около 300 лошадей, т. е. приблизительно половина ихъ наличнаго состава. Моллеръ пишетъ, что турки дрались съ удивительнымъ ожесточеніемъ и что артиллеристы въ особенности (по большой части англичане и венгерцы) были изрублены на своихъ лафетахъ, защищаясь прибойниками и саблями.

«Мы ведемъ здѣсь (въ Петергофѣ) самую оригинальную жизнь,— писалъ князь Витгенштейнъ 18-го (30-го) іюня 1854 г.: англичане у насъ на носу, а всѣ живутъ какъ въ мирное время. Всѣ дачи на берегу моря заняты; въ паркѣ и по берегу моря гуляетъ и катается масса публики, вооруженная зрительными трубами, въ которыя она слѣдитъ за передвиженіями непріятельскаго флота; только изрѣдка встрѣчаешь вечеромъ патруль казаковъ, которые слѣдятъ за взморьемъ, по направленію къ Кронштадту.

«Два раза въ недѣлю изъ Петербурга отправляются въ Кронштадтъ пароходы, нагруженные любопытными; они проходятъ мимо кронштадтскихъ фортовъ и флота, въ виду непріятельскихъ судовъ; это въ настоящее время одна изъ излюбленныхъ прогулокъ. Дамы, проходя мимо нашихъ военныхъ судовъ, стоящихъ на рейдѣ, подъ защитою фортовъ, махаютъ платками и кричатъ «ура» громче мужчинъ. Матросы, стоя на палубахъ, отвѣчаютъ имъ тѣмъ же, а музыканты играютъ народный гимнъ; зрѣлище восхитительное.—Къ сожалѣнію, нашъ флотъ, въ которомъ не болѣе 18-ти линейныхъ судовъ, слишкомъ слабъ, чтобы выйти въ море, и ожидаетъ, чтобы непріятель сломалъ себѣ зубы о наши гранитные форты, чтобы напасть на него; матросы и офицеры горятъ нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ. Я сопровождалъ на-дняхъ императора на морскіе маневры въ Кронштадтъ; надобно было видѣть восторженное настроеніе моряковъ. Императоръ имѣетъ особый даръ говорить съ солдатами и наэлектризовывать ихъ нѣсколькими словами; поэтому надобно видѣть, съ какимъ восторгомъ они встрѣчаютъ его.

Государь немного постарѣлъ, (писалъ князь Витгенштейнъ 26-го іюля 7-го августа), но не измѣнилъ своей гордой осанки и ходитъ съ улыбкою на устахъ; только изрѣдка можно замѣтить, что онъ озабоченъ. Онъ работаетъ весь день и часть ночи; единственное развлеченіе, которое онъ себѣ позволяетъ,—это совершить по утру прогулку въ экипажѣ, при чемъ онъ самъ правитъ лошадьми.

Нѣсколько дней тому назадъ императоръ отвелъ меня въ сторону и сказалъ:

— Плохо дѣло, эти проклятые австрійцы ведутъ себя худо.

— Ничего, ваше величество, мы справимся съ ними, такъ какъ право на нашей сторонѣ.

— Да! право на нашей сторонѣ, дай Богъ, чтобы все кончилось благополучно,—и онъ перекрестился.

— Намъ на руку,—сказалъ я,—что въ Испаніи вспыхнула революція, она много поможетъ вашему величеству.

— Да,—отвѣчалъ онъ;—но я не знаю еще, какую она приметъ окраску; если она демократична, признаюсь, я не желаю ея помощи!

— Во всякомъ случаѣ, эта революція, заставивъ Францію выставить войска на испанской границѣ, дастъ Пруссіи возможность дѣйствовать свободнѣе...

— Да,—отвѣчалъ императоръ,—въ такомъ случаѣ...Но вошедшая въ комнату императрица прервала рѣчь.

«И это человѣкъ, про котораго говорятъ, что онъ подстрекаетъ славянскія земли къ возстанію противъ ихъ законнаго властителя, тогда какъ онъ не допускаетъ даже мысли воспользоваться какою-либо выгодою, доставленною революціей».

Въ августѣ мѣсяцѣ 1854 г. Витгенштейнъ былъ командированъ на Кавказъ съ порученіемъ отвезти и раздать отъ имени государя двѣнадцать тысячъ рублей раненымъ въ сраженіяхъ при Башъ-Кадыкларѣ и Кюрюкъ-Дара,—инспектировать мѣстные и походные госпитали и передать словесныя порученія государя князю Бебутову, командовавшему дѣйствующей арміей въ Азіатской Турціи. По исполненіи этихъ порученій ему было разрѣшено остаться при отрядѣ Бебутова и принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Прибывъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ лагерь князя Бебутова, находившійся въ 40 верстахъ отъ Карса, князь Витгенштейнъ въ декабрѣ былъ назначенъ командующимъ линейнымъ Казачьимъ № 2-го полкомъ.

Онъ не успѣлъ вступить въ командованіе, когда, съ назначеніемъ главнокомандующимъ Кавказской арміей Н. Н. Муравьева, пронесся слухъ, что онъ намѣренъ лишить князя Витгенштейна командованія полкомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не служилъ ранѣе въ казачьихъ войскахъ.

Слухъ этотъ вскорѣ подтвердился. Вотъ, что разсказываетъ объ этомъ авторъ записокъ:

«Мнѣ приходится сообщить вамъ весьма непріятную новость,—писалъ онъ роднымъ 11-го (23-го) мая 1855 года—которая до такой степени раздражила меня, что хотя я узналъ объ ней уже три недѣли тому назадъ, но я все еще медлилъ сообщить ее вамъ. Дѣло въ томъ, что генералъ Муравьевъ, еще до пріѣзда своего сюда, лишилъ меня командованія полкомъ, который мнѣ дали генералы Реадъ и князь Бебутовъ, и сдѣлалъ это такъ неделикатно, что даже не счелъ нужнымъ извѣстить меня о томъ оффиціально. Я узналъ эту новость. изъ устъ князя Бебутова, по возвращеніи его изъ Тифлиса, четыре недѣли спустя послѣ совершившагося факта и когда я уже сдѣлалъ необходимыя для полковаго командира и дорого стоющія покупки: пріобрѣлъ лошадей, одежду, оружіе, палатки и т. д. Такъ какъ я пользуюсь здѣсь всеобщимъ вниманіемъ, то всѣ, съ Бебутовымъ во главѣ, возмущены этимъ поступкомъ.

«Вообще, Муравьевъ началъ свою дѣятельность на Кавказѣ столь грубыми и суровыми мѣрами, которыя превосходятъ всякія границы и были причиною, что отъ насъ уже уѣхали нѣкоторые самые лучшіе офицеры; между прочимъ уѣхалъ начальникъ штаба арміи, князь Барятинскій, отъ котораго я получилъ третьяго дня прелюбезное прощальное письмо.

«Мнѣ кажется, что вся эта исторія, случившаяся со мною, не что иное какъ комедія, которой Муравьевъ хочетъ показать, что онъ не обращаетъ вниманія на личности и на соціальное положеніе и что я

являюсь въ этомъ случаѣ лишь козлищемъ отпущенія. Это человѣкъ грубый, неделикатный, теорія котораго непримѣнима въ такой странѣ, какъ Азія, гдѣ нельзя дѣйствовать по составленной заранѣе программѣ. Какъ бы то ни было Муравьевъ все же человѣкъ выдающійся, и вѣроятно скоро пойметъ, что онъ пошелъ по ложному пути. Нѣкоторыя перемѣны, сдѣланныя имъ, прекрасны, но мѣры строгости, къ которымъ онъ прибѣгаетъ, совершенно здѣсь неумѣстны и не подходятъ къ тому времени, въ которомъ мы живемъ; онъ напрасно дѣйствуетъ такъ, навлекая на себя всеобщее неудовольствіе. Это первое изъявленіе власти человѣка энергичнаго, которому неожиданно достались въ руки неограниченныя полномочія; когда онъ направитъ свою власть какъ слѣдуетъ, то онъ принесетъ краю много пользы. Вѣроятно, онъ будетъ прекрасно дѣйствовать противъ турокъ, ибо это одинъ изъ самыхъ доблестныхъ нашихъ генераловъ. Я сожалѣю объ одномъ, что мнѣ пришлось быть на Кавказѣ при самомъ началѣ его командованія.

«Невозможно передать всѣ ужасы, которые объ немъ разсказываютъ, но вѣроятно, онъ не такъ дуренъ, какъ говорятъ; ему недостаетъ только деликатности и такта. Тотъ фактъ, что онъ уже извинялся передъ нѣкоторыми лицами, коихъ онъ оскорбилъ, доказываетъ его нравственное превосходство, хотя не говоритъ въ пользу его послѣдовательности.

«Его ожидаютъ сюда послѣ завтра. Мнѣ интересно знать, какъ онъ поступитъ относительно меня и вознаградитъ ли чѣмъ-нибудь, давъ постъ, соотвѣтствующій тому, котораго онъ лишилъ меня вопреки всякой справедливости.

«Барятинскій имѣлъ съ нимъ по поводу меня весьма рѣзкое объясненіе и высказалъ ему, что я старый кавказскій офицеръ, прекрасно знаю свое дѣло и не разъ доказалъ, что умѣю командовать казаками. Муравьевъ отвѣчалъ, что ему были неизвѣстны эти подробности, что онъ не имѣлъ желанія оскорблять меня, и что по пріѣздѣ въ Александрополь онъ постарается чѣмъ-нибудь вознаградить меня».

И дѣйствительно по прибытіи Муравьева въ Александрополь, князь Витгенштейнъ былъ назначенъ командиромъ № 1-го Казачьяго полка. «Полкъ былъ въ довольно плохомъ состояніи,—писалъ князь 5-го (17-го) іюня 1855 года, и мнѣ пришлось въ одинъ день заготовить фуражъ, провіантъ, назначить казначея, заключить контракты съ маркитантомъ, смѣнить и назначить офицеровъ и т. д.; не знаю, какъ я справился со всѣмъ этимъ. 26-го мая, мы выступили изъ Александрополя и два дня спустя прибыли въ Аджаръ-Кули, гдѣ теперь находится нашъ лагерь, въ 25-ти верстахъ отъ Карса, не сдѣлавъ по пути ни одного выстрѣла. Я былъ со своимъ полкомъ въ авангардѣ; во время марша,

мнѣ пришлось научить молодыхъ казаковъ, изъ коихъ состоитъ полкъ, составлять цѣпи, высылать патрули, выбирать обсерваціонные пункты и т. д., о чемъ они не имѣли ни малѣйшаго понятія; теперь они со всѣмъ этимъ нѣсколько освоились. 30-го мая, я отправился съ летучей колонной кавалеріи, безъ палатокъ и багажа, подъ командою извѣстнаго кавказскаго генерала Бакланова, чтобы пресѣчь путь двумъ полкамъ турецкихъ уланъ и провіантскому транспорту, который ожидали изъ Ардагана въ Карсъ. Намъ не удалось его захватить, такъ какъ онъ прошелъ два дня раньше. Мы прошли 180 верстъ въ пять дней и возвратились третьяго дня вечеромъ въ нашъ лагерь, пройдя въ трехъ верстахъ отъ Ардагана, который былъ занятъ и вновь оставленъ безъ боя пѣхотной колонною, пришедшей изъ Ахалциха. Пѣхота разрушила часть стѣны, коей обнесенъ городъ, и мы возвратились вмѣстѣ съ десятью батальонами, которые никогда не видавъ казаковъ, смотрѣли на насъ во всѣ глаза и предлагали намъ самые нелѣпые вопросы. Я въ особенности въ своемъ черкесскомъ мундирѣ, съ своей изящной свитой и съ бѣлымъ значкомъ, который везли за мною, обращалъ на себя всеобщее вниманіе, и офицеры, подъ всякимъ предлогомъ, подходили ко мнѣ и разсматривали меня какъ какое-то чудо. Этотъ маршъ былъ крайне утомительный; днемъ мы чрезвычайно страдали отъ жары, а ночью бывалъ такой холодъ, что зубъ на зубъ не попадалъ. Мы питались очень плохо, такъ какъ, несмотря на крайнее недоброжелательство къ намъ мѣстныхъ жителей, мы обращаемся съ ними въ высшей степени вѣжливо; у насъ не было даже дровъ, чтобы сварить супъ. Я питался два дня чаемъ съ сухарями, а мои казаки одними сухарями, такъ какъ мы не смѣемъ ничего взять у турокъ силою, а они ничего не продаютъ и запрашиваютъ, смѣясь намъ въ глаза, за все чудовищныя деньги. Наконецъ, мнѣ все-таки удалось достать нѣсколько быковъ; тогда дѣло пошло на ладъ. Мнѣ кажется, эта неудачная проба филантропіи заставитъ главнокомандующаго измѣнить образъ дѣйствій, иначе мы умремъ съ голода».

Между тѣмъ генералъ Баклановъ, командовавшій кавалеріей лѣваго фланга Кавказской арміи, сформировалъ летучій отрядъ кавалеріи, въ составъ котораго вошелъ, между прочимъ полкъ, коимъ командовалъ Витгенштейнъ; съ этимъ отрядомъ Баклановъ имѣлъ цѣлый рядъ мелкихъ и крупныхъ, нерѣдко весьма опасныхъ и кровопролитныхъ столкновеній съ турками, забиралъ у нихъ фуражъ, обозы и массу плѣнныхъ.

«Мы находимся постоянно на лошади, маневрируя въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ отъ главнаго корпуса арміи,—писалъ Витгенштейнъ.

«Мы по цѣлымъ днямъ не имѣемъ отдыха, нападая на непріятеля въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ онъ менѣе всего ожидаетъ этого, рубимъ и беремъ въ плѣнъ его фуражировъ, задерживаемъ его курьеровъ, сжигаемъ магазины и захватываемъ столько добычи, что не знаемъ, какъ увезти ее,—словомъ, ведемъ дѣятельную партизанскую войну, которая чрезвычайно утомительна.

«Главнокомандующій очень доволенъ нашимъ отрядомъ и балуетъ насъ какъ своихъ любимцевъ; остальные завидуютъ намъ. Что касается меня, то мнѣ порядкомъ наскучило вѣчно преслѣдовать непріятеля, который, едва завидѣвъ насъ, обращается въ бѣгство, стрѣляя въ насъ изъ ружей, на разстояніи тысячи шаговъ. Турки испытываютъ паническій страхъ при видѣ линейныхъ казаковъ (которыхъ они называютъ по ихъ одеждѣ черкесами). Одинъ изъ ихъ офицеровъ, взятыхъ мною въ плѣнъ съ недѣлю тому назадъ, сказалъ мнѣ простодушно по поводу стычки, въ которой пятьдесятъ человѣкъ моихъ казаковъ заставили безъ боя обратиться въ бѣгство нѣсколько сотъ турецкихъ драгунъ и баши-базуковъ: «какъ вы хотите, чтобы они рискнули сражаться съ черкесами?»

«Три недѣли тому назадъ мы сожгли въ окрестностяхъ Эрзерума всѣ магазины, изъ которыхъ должны были продовольствоваться Эрзерумъ и Карсъ, уничтожили до 70.000 мальтеровъ [1]) кукурузы и ячменя, даже жаль было смотрѣть на ихъ истребленіе. Въ Бардусѣ [2]) мы напали такъ неожиданно на хвостъ непріятельской колонны (8 тысячъ человѣкъ, подъ командою Вели-паши), отступавшей передъ нами, что забрали множество палатокъ и кострюль еще полныхъ мяса, болѣе ста повозокъ, нагруженныхъ провіантомъ, массу оружія и плѣнныхъ и, въ довершеніе всего, коляску со всѣми принадлежностями туалета (бѣльемъ, красными мундирами и т. п.) одного англійскаго офицера, состоявшаго при этой колоннѣ. Вечеромъ происходилъ дѣлежъ добычи; всѣ вырывали другъ у друга изъ рукъ, какъ рѣдкость, англійскіе мундиры и женскіе костюмы, найденные среди багажа, которые заставили насъ предположить, что Вели-паша ничего не лишаетъ себя во время похода.

«Надобно видѣть, какія здѣсь горы—хуже Кавказа: скалы, болота, горные потоки; днемъ мы терпимъ страшную жару, ночью бываетъ сильный морозъ. Единственная пріятная мѣстность, это гребень высокихъ горъ Саганъ-Лу, густо поросшихъ великолѣпнымъ сосновымъ лѣсомъ, который отрадно было видѣть послѣ того, какъ мы терпѣли все время

---

[1]) Мѣра сыпучихъ тѣлъ=150 литрамъ.

[2]) Селеніе въ Ольтинскомъ округѣ Карсской области.

нужду въ дровахъ. Въ тѣхъ деревняхъ, въ которыхъ крестьяне остались на мѣстѣ вслѣдствіе прокламаціи, съ которою обратился къ нимъ главнокомандующій, съ ними обращаются какъ съ барышнями: мы не смѣемъ ихъ тронуть пальцемъ и они продаютъ намъ съѣстные припасы въ тридорога.

«Дня три тому назадъ (въ первыхъ числахъ іюня) мы совершили экспедицію въ окрестности Карса; она продолжалась четыре дня, и я долго буду помнить ее.

«Въ нашемъ отрядѣ были курды, изъявившіе намъ недавно свою покорность и которые дрались еще прошлый годъ противъ насъ. Ими командовалъ самый вліятельный курдъ, изъ племени Секанъ-Лу, Ахметъ-Ага, который въ знакъ своего достоинства носитъ огромный синій бумажный зонтикъ; самъ же онъ одѣтъ въ богатый костюмъ съ остроконечной чалмою: видъ получается самый потѣшный.

«Съ нами не было ни палатокъ, ни багажа, между тѣмъ днемъ шелъ непрерывно дождь и градъ, а ночью былъ столь сильный морозъ, что наши плащи становились жестки, какъ картонъ. Всѣ четыре дня на мнѣ не было сухой нитки. Мы провели эти четыре дня въ безпрерывныхъ стычкахъ, нападая врасплохъ на непріятельскихъ фуражировъ; убили много людей и скота, а сами не потеряли ни одного человѣка. Только у милиціи ранено нѣсколько лошадей. Турки стрѣляютъ плохо и еще хуже дерутся саблями».

«Въ арміи,—писалъ князь Витгенштейнъ,—образовалась сильная партія противъ генерала Муравьева; онъ возстановилъ противъ себя нѣкоторыхъ лицъ слишкомъ крутыми мѣрами; всѣ недовольны тѣмъ, что онъ рѣдко даетъ награды, и осуждаютъ рѣзкость его манеръ. Его упрекаютъ также за нерѣшительность въ военныхъ дѣйствіяхъ. Я не раздѣляю этого мнѣнія и думаю, что онъ хочетъ достигнуть терпѣніемъ и проволочкою времени то, чего онъ могъ бы достигнуть быстрѣе, пожертвовавъ для этого нѣсколькими тысячами человѣкъ».

«По словамъ плѣнныхъ,—которыхъ мы забираемъ каждый день (писано въ августѣ 1855 г.), въ крѣпости остается провіанта не болѣе какъ на одинъ мѣсяцъ и раціоны уже убавлены на половину. Поэтому изъ крѣпости ежедневно дезертируетъ человѣкъ тридцать и они прежде всего просятъ у насъ ѣсть.

«Что касается подвоза продовольствія, то объ этомъ нѣтъ болѣе рѣчи, такъ какъ нашъ маленькій отрядъ отнялъ у турокъ всякую охоту дѣлать къ этому дальнѣйшія попытки. Мы такъ много забрали транспортовъ, что турки не рискуютъ что-либо предпринимать въ этомъ смыслѣ; если какая-нибудь повозка или нагруженный мулъ пытается еще иногда, подъ покровомъ ночи, войти въ Карсъ или выйти изъ него, то мои ка-

*

заки, бродящіе вокругъ крѣпости, непремѣнно захватятъ его. Непріятельской кавалеріи почти не существуетъ: по недостатку фуража на ихъ бѣдныхъ лошадей жаль смотрѣть, онѣ поражаютъ своей худобою. Турки еще выходятъ изъ своихъ ретраншементовъ небольшими отрядами, чтобы пасти лошадей подъ прикрытіемъ орудій, но такъ какъ мѣстность обнажена какъ ладонь, то непонятно, откуда они могутъ извлечь малѣйшій кормъ—все, что было можно, уже скошено, выпасено и выщипано скотомъ, за послѣдніе три мѣсяца.

«Съ недѣлю тому назадъ турки зарѣзали, вслѣдствіе недостатка корма, болѣе тысячи лошадей, и бросили ихъ трупы въ Кара-Чай, выше занимаемой нами позиціи. Къ счастью, у насъ есть еще рѣчка, къ которой они не могутъ добраться; это даетъ намъ возможность имѣть свѣжую воду.

«17-го сентября, главнокомандующій отдалъ совершенно неожиданно приказаніе произвести безъ всякихъ приготовленій, безъ лѣстницъ и фашинъ штурмъ на оба главныя укрѣпленія Карса. Штурмъ длился шесть часовъ, во время которыхъ войска, сражавшіяся геройски, взяли почти всѣ непріятельскія траншеи, послѣ чего имъ пришлось отступить, такъ какъ резерва оказалось недостаточно; главнокомандующій посылалъ одинъ баталіонъ за другимъ, которые всѣ были изрублены. Я находился въ колоннѣ генерала Базина. Мы были посланы противъ Чакмакскихъ высотъ, укрѣпленныхъ четырьмя грозными редутами. Наша колонна состояла изъ трехъ небольшихъ баталіоновъ, численностію не болѣе 1.500 чел., пяти сотенъ моего полка, шести эскадроновъ драгунъ, Донскаго полка и двухъ батарей. Мы выступили въ 11 часовъ вечера и остановились въ 3-хъ верстахъ отъ Чакмака. Было страшно холодно, солдаты переминались съ ноги на ногу и ударяли ладонь о ладонь, чтобы согрѣться.

«Въ 5 часовъ утра, когда еще не разсвѣло, мы услышали начавшуюся по ту сторону Карса канонаду и тотчасъ двинулись впередъ; первою пошла въ атаку пѣхота, позади нея мой полкъ, за нимъ все остальное войско. Страшная канонада не прекращалась; вскорѣ къ ней присоединились ружейные выстрѣлы, затѣмъ наступила тишина, прерываемая изрѣдка выстрѣлами изъ орудій; это показывало, что войска двинулись въ штыки.

«Мы все шли впередъ, какъ вдругъ солнце, вставъ во всемъ своемъ блескѣ, разсѣяло туманъ, скрывавшій непріятеля, и съ крѣпостнаго вала насъ осыпали ядрами.

«Первые залпы не причинили намъ никакого вреда; но ядра смѣнились вскорѣ картечью. Пѣхота двинулась бѣглымъ шагомъ, оставляя за собою длинный рядъ убитыхъ и раненыхъ, которыхъ мы топтали

лошадьми, не понимая, почему насъ посылали противъ редутовъ верхами; затѣмъ начался ружейный огонь, окутавшій всю мѣстность густымъ облакомъ дыма. Вскорѣ неистовые крики «ура!» и непрерывные выстрѣлы изъ орудій возвѣстили намъ, что первый редутъ взятъ.

«Вслѣдъ затѣмъ было взято еще три редута; но, не поддержанныя резервами, войска наши принуждены были отступить съ огромными потерями».

Въ началѣ ноября Карсъ не въ состояніи былъ долѣе держаться. Гарнизонъ терпѣлъ отъ голода, госпитали были переполнены больными тифомъ, цынгою, холерою; солдаты около трехъ недѣль не получали горячей пищи и, не имѣя теплой одежды, сильно страдали отъ холода. Побѣги изъ Карса учащались; турки, бѣжавшіе изъ крѣпости, являлись въ русскій лагерь блѣдные, еле держась на ногахъ, многіе были дотого слабы, что лишались чувствъ, когда ихъ заставляли много говорить.

Мѣстные жители, которыхъ генералъ Уилліамсъ, командовавшій осажденной арміей, гналъ изъ Карса, являлись толпами въ русскій лагерь, но ихъ, накормивъ, отправляли обратно въ городъ. Нѣсколько дней спустя они появлялись вновь и со слезами умоляли отправить ихъ въ Александрополь, но главнокомандующій, разумѣется, не исполнялъ ихъ просьбы.

Положеніе Карса было таково, что,—по словамъ Витгенштейна,—если бы осажденнымъ войскомъ командовалъ человѣкъ менѣе энергичный, нежели генералъ Уилліамсъ, то крѣпость давно бы уже сдалась. Когда жители жаловались ему, что они вынуждены были убить и съѣсть послѣднихъ лошадей, то онъ говорилъ:

— Прекрасно, друзья мои, послѣ лошадей вы будете ѣсть собакъ и кошекъ.

Онъ поддерживалъ до послѣдней возможности бодрость духа гарнизона надеждою, что Омеръ-паша и Вели-паша идутъ на его освобожденіе, но голодъ все-таки вынудилъ осажденныхъ сдаться.

«Англійской арміи болѣе не существуетъ,—писалъ князь Витгенштейнъ 25-го ноября (7-го декабря) 1855 г.; Карсъ сдался съ оружіемъ и обозомъ. Генералъ Уилліамсъ взятъ въ плѣнъ со всей его свитою, 130 орудіями, 30.000 ружьями и массою боевыхъ снарядовъ. 19-ть тысячъ человѣкъ сложили оружіе и сдались на капитуляцію.

«Сдача Карса представляла величественное зрѣлище, которое радовало сердце и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждало сожалѣніе, такъ какъ бѣдные турки по истинѣ держались великолѣпно и только голодъ вынудилъ ихъ къ сдачѣ.

«Наша армія была выстроена въ боевомъ порядкѣ, орудія заряжены

картечью, генералы въ лентахъ. Въ сторонѣ стояли въ четыре ряда кострюли, изъ которыхъ валилъ паръ; въ нихъ былъ приготовленъ обѣдъ, который мы предлагали непріятельской арміи. Прежде всего прибылъ Уилліамсъ съ блестящей свитою англійскихъ и турецкихъ офицеровъ, на великолѣпныхъ арабскихъ лошадяхъ; главнокомандующій принялъ ихъ со всевозможными воинскими почестями и оставилъ имъ сабли, также какъ всѣмъ офицерамъ, что произвело прекрасное впечатлѣніе. Турецкая армія вышла изъ крѣпости по-батальонно, съ знаменами впереди, оставивъ ружья въ Карсѣ.—Несмотря на обѣдъ, ожидавшій турокъ, они плелись цѣлыхъ четыре часа тѣ семь верстъ, которыя отдѣляли Карсъ отъ нашего лагеря, до такой степени они были изнурены. Вмѣсто лошадей было всего нѣсколько муловъ, на которыхъ везли багажъ пашей, и около двухсотъ мулловъ, на которыхъ ѣхали верхомъ паши и офицеры: всѣ кавалерійскія и артиллерійскія лошади околѣли отъ голода или же были съѣдены гарнизономъ. Одинъ паша, начальникъ башибузуковъ, ѣхалъ верхомъ на великолѣпномъ, совершенно черномъ мулѣ, разукрашенномъ пунцовымъ шелкомъ и золотомъ.

«Полковыя знамена (числомъ двѣнадцать) сдались первыя; они были приносимы съ неистовыми криками «ура» нашихъ войскъ, которые дотого разстроили бѣднаго старика мушира, что было жаль смотрѣть на него: онъ заливался слезами. Затѣмъ мимо насъ прошли редифы, башибузуки и лазы, всѣ тѣ, которые возвращаются домой; они шли молча, грустные, оборванные, едва волоча ноги; нѣкоторые изъ нихъ прятали подъ полою одежды старые ятаганы или отрывки знаменъ, которые отбирали у нихъ наши солдаты, разставленные съ этой цѣлью. Сердце сжималось отъ боли при видѣ глубокаго уныніи и болѣзненнаго, разслабленнаго вида этихъ несчастныхъ, по сравненію съ англичанами, которые шли бодрые, нарядные и веселые и которымъ отъ этого грустнаго зрѣлища, разумѣется, не было ни тепло, ни холодно. Я никогда не думалъ, чтобы гарнизонъ могъ быть до такой степени истощенъ. Турки накинулись съ такой жадностью на обѣдъ, приготовленный имъ нашими солдатами, что сто человѣкъ умерли въ тотъ же вечеръ отъ несваренія желудка.

«За войсками шли знатнѣйшіе жители Карса въ своихъ старинныхъ богатыхъ турецкихъ костюмахъ, которые уже исчезли въ Константинополѣ и которые можно видѣть только въ Азіи. Они поднесли главнокомандующему ключи и хлѣбъ-соль, а онъ сказалъ имъ рѣчь, обѣщая помощь и покровительство. За его столомъ обѣдали каждый день всѣ англичане и паши до ихъ отъѣзда; онъ обращался съ ними какъ съ лучшими друзьями.

«Въ день сдачи крѣпости, по утру, турки разстрѣляли всѣ заряды

изъ своихъ орудій; на крѣпостныхъ валахъ былъ такой грохотъ, какъ во время сраженія 17-го сентября, весь день и даже всю ночь со всѣхъ сторонъ взрывались мины.

«Тотчасъ по окончаніи церемоній сдачи крѣпости, я отправился въ Карсъ съ нѣсколькими казаками офицерами, которые пожелали сопровождать меня. Полюбовавшись укрѣпленіями, которыя были расположены весьма искусно и защищали со всѣхъ сторонъ доступы къ Карсу, мы вступили въ городъ, когда уже начало темнѣть; моросилъ мелкій, холодный дождь. Такъ какъ наша пѣхота (шесть баталіоновъ), долженствовавшая занять гарнизонъ, прибыла нѣсколько часовъ позже, то мы первые вступили въ сдавшуюся крѣпость. Мы проѣхали по улицамъ, на которыхъ стояли группами турецкіе солдаты; нѣкоторые изъ нихъ даже бѣжали впереди насъ, разговаривая и показывая намъ дорогу. Улицы были почти пустынны; окна, лавки, двери были заперты, всюду царствовала мертвенная тишина. Даже собаки, коими кишитъ всякій турецкій городъ, не лаяли. То тамъ, то здѣсь попадалась группа мѣстныхъ жителей; блѣдные, исхудалые, въ своихъ чалмахъ и кафтанахъ, они смотрѣли на насъ свирѣпо, тогда какъ раи (греки и армяне) бросались къ намъ на встрѣчу съ радостными криками, цѣловали намъ стремена и широко осѣняли себя крестомъ. Турецкіе солдаты, которыхъ мы встрѣчали, дружески кланялись намъ, прикладывая руку ко рту и ко лбу; женщины, окутанныя, какъ привидѣнія, широкимъ вуалемъ, бросались опрометью бѣжать, завидя насъ, и торопливо вбѣгали въ домъ, захлопнувъ за собою двери. Улицы были усѣяны трупами лошадей иословъ, которые разлагались и заражали воздухъ; кое-гдѣ попадались и человѣческіе трупы, которыхъ никто не позаботился похоронить. Это были несчастные, умершіе отъ голода.

«Настала ночь; я испытывалъ странное чувство, очутившись посреди этихъ многочисленныхъ рядовъ заброшенныхъ палатокъ, ружей, поставленныхъ въ козлы, возлѣ которыхъ, подобно призракамъ, выступившимъ изъ земли, высились длинныя трубы. Во всѣхъ палаткахъ были устроены подъ землею печи, отъ которыхъ трубы выходили на поверхность.

«Нѣсколько дней спустя послѣ паденія Карса я познакомился въ Александрополѣ съ генераломъ Уилліамсомъ и его свитою. Это довольно пожилой человѣкъ, высокаго роста, съ очень энергичнымъ красивымъ и умнымъ лицомъ, болѣе похожій на испанца, чѣмъ на англичанина.

«Онъ превозноситъ нашу кавалерію и говоритъ, что турецкая кавалерія по сравненію съ нею ничего не стоитъ. Что касается турецкой пѣхоты, то онъ не можетъ достаточно нахвалиться ею и говоритъ, что при другомъ составѣ офицеровъ она была бы непобѣдима».

По окончаніи военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи Витгенштейнъ

вернулся въ Петербургъ, былъ произведенъ за отличіе въ полковники, а въ мартѣ мѣсяцѣ 1856 г. былъ посланъ въ Парижъ съ ратификаціей мирнаго договора. Въ бытность въ Парижѣ онъ познакомился въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1856 г. съ княжною Пулхеріей Кантакузенъ, которая стала его женою 15-го іюня того же года.

Остановившись, на обратномъ пути въ Россію, въ Берлинѣ, онъ получилъ изъ Парижа съ фельдъегеремъ Георгія 4-й степени при собственноручномъ письмѣ императора слѣдующаго содержанія:

«Любезный Витгенштейнъ, съ истиннымъ удовольствіемъ жалую вамъ Георгія (4-й степени) по представленію о томъ капитула этого ордена; посылаю вамъ этотъ крестъ въ знакъ моего всегдашняго къ вамъ благоволенія. Я желаю, чтобы вы носили его и были увѣрены, что я весьма радъ, что вы имѣли возможность заслужить его. Мнѣ пріятно видѣть въ васъ храбраго и достойнаго офицера и хорошаго и ревностнаго служаку. Поздравляю васъ также со вступленіемъ въ бракъ и отъ всего сердца желаю вамъ счастья и благополучія. Александръ».

Семейныя обстоятельства и главнымъ образомъ слабое здоровье супруги заставили князя Витгенштейна провести нѣсколько лѣтъ (съ 1857—1862 г.) за границей, преимущественно на югѣ Италіи, но онъ пріѣзжалъ время отъ времени въ Россію для исполненія своихъ флигель-адъютантскихъ обязанностей; въ одинъ изъ этихъ пріѣздовъ онъ имѣлъ слѣдующій любопытный разговоръ съ княземъ Орловымъ.

«Орловъ былъ въ ударѣ,—писалъ Витгенштейнъ женѣ отъ 27-го іюня (9-го іюля 1859 г.)—и разсказывалъ весьма интересныя вещи о покойномъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ и о его отношеніяхъ къ австрійскому императору, противъ котораго онъ, Орловъ, постоянно предостерегалъ государя.

«Австрійскій императоръ съ своей стороны какъ будто также не довѣрялъ Орлову. Всѣ лица, приписывающія Николаю Павловичу какіе-то политическіе или личные виды, подъ вліяніемъ которыхъ онъ будто бы дѣйствовалъ, спасая Австрію, не подозрѣваютъ одного факта, о которомъ онъ никогда никому не говорилъ (самъ Орловъ слышалъ объ этомъ изъ устъ вдовствующей императрицы австрійской, передавшей ему объ этомъ фактѣ во время его послѣдняго пребыванія въ Вѣнѣ, уже послѣ кончины императора Николая); объ этомъ эпизодѣ слѣдовало бы прокричать въ Германіи, такъ какъ онъ какъ нельзя лучше рисуетъ благородный, рыцарскій характеръ покойнаго государя. Императоръ Францъ I, незадолго до своей кончины, когда онъ чувствовалъ уже себя очень худо, имѣлъ свиданіе съ императоромъ Николаемъ. Онъ сказалъ ему, что будущее Австріи рисуется ему въ самыхъ мрачныхъ краскахъ; его преемникъ (Фердинандъ), человѣкъ ограниченный, въ

Германіи происходитъ броженіе умовъ, а наслѣдники Фердинанда—дѣти, которыя не съумѣютъ справиться съ революціоннымъ движеніемъ, которое можетъ вспыхнуть въ скоромъ времени. Поэтому онъ умолялъ императора Николая именемъ ихъ старинной дружбы быть отцомъ и покровителемъ его преемниковъ и присовокупилъ, что онъ умретъ спокойно только тогда, когда русскій императоръ обѣщаетъ ему это. Выслушавъ это, государь протянулъ императору руку и далъ слово, что онъ никогда не оставитъ ихъ.

«Мы видѣли, какъ онъ сдержалъ слово и какъ отблагодарилъ его за это австрійскій императоръ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо императрицы Екатерины Алексѣевны къ князю А. Д. Меншикову.

Свѣтлѣйшій князь

Милостивый мой государь!

Доношу вашей свѣтлости, его царское величество обрѣтается при добромъ здравіи. 4 письма вашей свѣтлости я здѣсь получила, за которые по премногу благодарствую и впредь прошу, дабы изволили меня присѣщать оными.

Изволитъ ваша свѣтлость ко мнѣ писать бутто я не отвѣтствую на письма ваши, истинно же четвертое письмо пишу къ вашей милости.

Не изволь ваше свѣтлѣйшество прогнѣватца, что обще не пишу въ семъ письмѣ и пресвѣтлѣйшей вашей княгинѣ понеже увѣдомилась я чрезъ брата (sic) своего господина Кикина, что вы изволили изъ Санктъ Питербурга отъѣхать въ Ригу и для того я къ свѣтлѣйшей княгинѣ и къ возлюбленному вашему сыну писала отсюд(а) особливо.

Каковы получены здѣсь вѣдомости изъ Царьграда о томъ изволилъ писать къ вашей милости царское величество.

О сынѣ вашего свѣтлѣйшества доносила я царскому величеству, дабы онъ былъ пожалованъ въ чинъ на мѣсто прежде бывшаго вашего сына и о семъ такожде его величество самъ изволилъ къ вашей свѣтлости писать.

Тюремщица, свѣтлѣйшая княгиня Голицына, которая вчерашняго дня вмѣстѣ свобождена изъ тюрьмы съ княземъ Гагаринымъ вашей свѣтлости поклонъ отдаетъ.

При семъ здравіе вашей свѣтлости предаю въ сохраненіе Божіе и остаюсь.

Услужница ваша Екатерина.

Изъ Москвы февраля 19 дня 711 года.

Сообщилъ М. К. Марченко.

ПАЛЛАДІЙ,

митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій.

(Біографическій очеркъ).

VI [1]).

Прибытіе митрополита Палладія въ С.-Петербургъ.—Его административныя мѣропріятія.—Рескриптъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. — Исидировское женское епархіальное училище.—Церковно-приходскія школы грамотности.—Высочайшіе рескрипты и пожалованныя награды.—Болѣзнь и кончина митрополита Палладія.

Въ 9 часовъ утра 19-го ноября (1892 г.) митрополитъ Палладій прибылъ въ С.-Петербургъ и, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ столичныхъ церквахъ, отправился въ Александро-Невскую лавру.

Шестилѣтнее служеніе высокопреосвященнаго на петербургской каѳедрѣ, по отзыву духовенства, было для него золотымъ временемъ. Никакая, хотя бы самомалѣйшая заслуга духовнаго лица не оставалась незамѣченною. Люди долга и дѣла—всѣ безъ исключенія—вполнѣ могли быть увѣрены, что ихъ полезные труды получатъ должное воздаяніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, владыка всемѣрно заботился объ улучшеніи быта и судьбы духовныхъ своей новой епархіи. Онъ упорядочилъ дѣлопроизводство въ консисторіи, привелъ въ должный видъ Александро-Невское духовное училище, устроилъ эмеритальную кассу для духовенства, и по его, митрополита, мысли, возникла богадѣльня для престарѣлыхъ заштатныхъ бѣдняковъ—священно-церковно-служителей и ихъ сиротствующихъ семей. Для устройства богадѣльни, съѣздъ постановилъ: произвести по

[1]) См. «Русск. Стар.» мартъ 1900 г.

епархіи обязательный 10% взносъ со всѣхъ свободныхъ церковныхъ суммъ, съ тѣмъ, чтобы самая богадѣльня учреждена была въ С.-Петербургѣ, при Ямской Крестовоздвиженской церкви, съ наименованіемъ ея «Александро-Маріинской», въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III и въ честь Августѣйшей Супруги Его, Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Опытный администраторъ, Палладій основалъ въ Ямской при Іоанно-Предтеченской церкви, свѣчной заводъ, изъ доходовъ котораго часть предполагалась на благотворительныя учрежденія и воспитательныя заведенія. Онъ же расширилъ преподаваніе въ Исидоровскомъ женскомъ епархіальномъ училищѣ.

Помимо духовно-учебныхъ заведеній, высокопреосвященный не упускалъ изъ виду и свѣтскія учебныя заведенія, слѣдя внимательно за преподаваніемъ въ нихъ Закона Божія. Ея Величество, Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, цѣня дѣятельность святителя, соизволила, 12-го ноября 1896 г., удостоить его слѣдующимъ рескриптомъ:

«Преосвященный митрополитъ С.-Петербургскій Палладій. Убѣдясь въ отличномъ положеніи преподаванія Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ учрежденій Императрицы Маріи, вполнѣ соотвѣтствующемъ взглядамъ Моимъ на основы женскаго воспитанія, и помятуя то горячее участіе, которое вы, со времени призванія васъ на святительскую каѳедру С.-Петербурга, лично принимали въ непосредственномъ руководительствѣ законоучителями столичныхъ институтовъ и гимназій близкаго сердцу Моему вѣдомства, поставляю Себѣ въ пріятный долгъ выразить вамъ за подъемлемые вами труды искреннюю Мою признательность, знакомъ коей да послужитъ препровождаемый при семъ отъ меня вамъ подарокъ» [1]).

По словамъ лицъ, близко стоявшихъ къ дѣлу начальнаго народнаго образованія, при митрополитѣ Палладіи, церковно-приходскія школы и школы грамоты въ Петербургской епархіи получили наибольшее развитіе. Такъ еще изъ отчета за 1895—96 гг. о состояніи таковыхъ школъ, находившихся въ вѣдѣніи С.-Петербургскаго епархіальнаго братства, узнаемъ, что за означенное время ихъ было, на пространствѣ $45^1/_2$ кв. верстъ,—369, и въ нихъ училось болѣе 63 тысячъ дѣтей обоего пола безъ различія вѣроисповѣданія.

Стараясь о насажденіи въ Петербургской епархіи начальнаго образованія, владыка-митрополитъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, близко принималъ къ сердцу и духовно-нравственное просвѣщеніе паствы, въ особенности въ Петербургѣ. Главнымъ разсадникомъ этого просвѣщенія является

---

[1]) Драгоцѣнный, украшенный бриллiантами архіерейскій посохъ. „Церк. Вѣд.“, 1896 г., № 46.

«Общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви», объединяющее, по возможности, пастырей церкви въ служеніи духовнымъ нуждамъ вѣрующихъ, посредствомъ устроенія духовныхъ бесѣдъ и собесѣдованій съ народомъ [1]). При первомъ пріемѣ членовъ Совѣта Общества, на просьбу Совѣта объ особомъ покровительствѣ его дѣятельности, владыка отвѣтилъ: «Вполнѣ сочувствую благимъ цѣлямъ Общества, съ любовію принимаю его подъ свое покровительство, готовъ оказывать ему свое содѣйствіе. Я этого именно и желаю отъ духовенства. Желательно, чтобы воздѣйствіе церковной проповѣди распространялось не только на низшіе слои общества, но и на высшіе».

Въ 1893 г. митрополитомъ освященъ храмъ Общества во имя Святыя Живоначальныя Троицы, въ Петербургѣ, на углу Николаевской и Стремянной. Вскорѣ послѣ того, на уступленной Думою землѣ, близъ Варшавскаго желѣзнодорожнаго вокзала, воздвигнутъ деревянный храмъ, во имя Воскресенія Христова, при Высочайшемъ содѣйствіи нынѣ царствующаго Государя Императора, соизволившаго отпустить Обществу изъ государственнаго казначейства пять тысячъ рублей. Этотъ храмъ устроенъ въ ознаменованіе бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ. При храмѣ Воскресенія, Общество предположило построить домъ, для помѣщеніи въ немъ трехклассной церковно-приходской школы, библіотеки и читальни. Владыка, въ августѣ 1897 года, благословивъ предпріятіе, разрѣшилъ открыть, въ первый учебный годъ, двуклассную церковно-приходскую школу на 100 учениковъ обоего пола, а съ слѣдующаго (1898) года,—еще одно отдѣленіе на 50 человѣкъ. Независимо сего, покровитель Общества указалъ быть при школѣ учебно-ремесленному классу [2]).

Третій храмъ, съ благословенія архипастыря, заложенъ на Выборгской сторонѣ. Независимо сего, по ходатайству святителя, Общество получило разрѣшеніе на изданіе еженедѣльнаго журнала «С.-Петербургскій Духовный Вѣстникъ». Точно также, содѣйствуя всѣми средствами къ обращенію въ православіе раскольниковъ и сектантовъ, Палладій испросилъ разрѣшеніе Св. Синода на учрежденіе двухъ должностей епархіальныхъ миссіонеровъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предписалъ благочиннымъ доставлять ежегодно, въ январѣ, свѣдѣнія о числѣ проживающихъ въ приходахъ раскольниковъ и сектантовъ.—Принимая же къ сердцу нужды православія, митрополитъ не щадилъ собственныхъ средствъ на дѣла благотворенія.—Такъ: онъ пожертвовалъ 3.000 рублей

---

[1]) Брошюра: „Къ 30-тп-лѣтію служенія митрополита Палладія въ святительскомъ санѣ". Спб. 1896 г.

[2]) „Спб. Дух. Вѣд.", 1897 г., № 37.

для устройства въ Приморской области, близъ Николаевскаго монастыря, церкви во имя Казанской Божіей Матери; учредилъ на свой счетъ придѣлъ въ церкви села Пешелони, Арзамазскаго уѣзда; обезпечилъ, церковь села Ивановскаго—мѣста своей родины; въ Ольгинскій пріютъ, въ Царской Славянкѣ, принесъ въ даръ церковную утварь; выдавалъ ежегодно по 1000 рубл. Человѣколюбивому обществу; внесъ 4000 рубл. на устроеніе церквей въ домахъ трудолюбія и работныхъ, и, наконецъ, постоянно поддерживалъ Общество вспомоществованія студентамъ С.-Петербургской духовной академіи.—Такая дѣятельность Палладія не осталась незамѣченною.—Рядъ благодарностей свидѣтельствуютъ о вниманіи къ нему Монарховъ и Царской Фамиліи; признательность же духовенства и общества выразилась въ день празднованія 30-лѣтія владыки въ святительскомъ санѣ.—Кромѣ рѣчей и депутацій, духовенство учредило стипендіи имени Палладія въ духовной академіи и въ Исидоровскомъ женскомъ епархіальномъ училищѣ.

Въ апрѣлѣ 1894 года послѣдовало обрученіе нынѣ царствующаго Государя Императора, и, на принесенное Палладіемъ поздравленіе Его Августѣйшимъ Родителямъ, онъ 10-го апрѣля удостоился получить слѣдующую телеграмму:

«Искренно благодаримъ васъ за поздравленіе и сердечныя пожеланія Нашему Сыну и Его Невѣстѣ, и поручаемъ Ихъ вашимъ святымъ молитвамъ. Счастливы и благодаримъ Господа за Его постоянныя милости.—Александръ.»

Нѣсколько мѣсяцевъ позже, когда Императоръ Александръ III, уже больной, находился въ м. Спалахъ, владыка, при посредствѣ Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Павла Александровича, благословилъ Императора иконою соименнаго Ему угодника Божія, Св. Александра Невскаго. Благочестивый Государь не замедлилъ отвѣтить іерарху телеграммою, № 54, помѣченною: «5-го сентября 1894 г.»:

«Получилъ отъ брата Павла переданную ему вами Св. икону благов. князя Александра Невскаго. Сердечно благодарю за ваше благословеніе, въ особенности теперь, во время Моего недуга. Прошу вашего благословенія и вашихъ молитвъ.—Александръ» [1]).

Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ всегда отличалъ митрополита Палладія и, въ день Своего Коронованія, пожаловалъ ему брилліантовый крестъ на митру, при слѣдующемъ Высочайшемъ рескриптѣ:

«Преосвященный митрополитъ С.-Петербургскій Палладій. Добло-

---

[1]) Телеграммы эти хранятся у сыновей покойнаго митрополита Н. и В. П. Раевыхъ.

стное архипастырское служеніе ваше, отличавшееся ревностными трудами на пользу Церкви и преданностью Престолу и Отечеству, всегда обращало на себя благоволительное вниманіе въ Бозѣ почивающихъ Августѣйшихъ Дѣда и Родителя Моихъ, Императоровъ Александра II и Александра III. Довѣріемъ Императора Александра III бывъ призваны къ исполненію высокихъ обязанностей по званію первенствующаго члена Св. Синода, вы неутомимо и многоплодно трудитесь и по управленію С.-Петербургскою епархіею, подавая достойный подражанія примѣръ ввѣреннымъ вамъ пастырямъ полнотою и благолѣпіемъ церковныхъ богослуженій. Въ искреннимъ уваженіи къ отличнымъ заслугамъ вашимъ, признавъ справедливымъ почтить васъ особымъ знакомъ Монаршаго Моего вниманія и благоволенія, Всемилостивѣйше жалуемъ вамъ препровождаемый при семъ бриллiантовый крестъ для ношенія на митрѣ.—Поручая Себя молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ благосклонный [1]).

Годъ и восемь дней ранѣе послѣдней награды, 6-го мая 1895 г. высокопреосвященный Палладій Всемилостивѣйше сопричисленъ былъ къ Императорскому ордену Св. равноапостольнаго князя Владиміра 1-й степени, «въ изъявленіе Монаршаго вниманія къ достойному архипастырскому служенію во всѣхъ епархіяхъ, кои преемственно ввѣряемы были» его «управленію», «всегда отличавшемуся примѣрно-ревностными трудами на пользу Православной Церкви и живымъ усердіемъ къ Престолу и Отечеству, а также къ достойному несенію и нынѣ высокихъ обязанностей по званію первенствующаго члена Святѣйшаго Синода, одушевляясь тѣми же священными чувствами, которыми руководился» онъ «въ продолженіи всего духовнаго поприща, равно и къ трудамъ на святительской каѳедрѣ С.-Петербургской и заботамъ о возвышеніи религіознаго чувства въ паствѣ благолѣпнымъ совершеніемъ богослуженій» [2]).

Между тѣмъ, здоровье Палладія замѣтно слабѣло. 7-го августа 1894 г. по совершеніи литургіи на Митрофаньевскомъ кладбищѣ (въ Петербургѣ), по случаю праздника, митрополитъ вышелъ изъ церкви для совершенія такъ-называемой «вселенской панихиды»—и простудился. Съ тѣхъ поръ болѣзнь не прекращалась и постепенно подрывала его силы. Онъ чувствовалъ общее недомоганіе и душевное угнетеніе, посѣтившее его со дня кончины Императора Александра III, которому онъ былъ всецѣло преданъ. Кромѣ того, еще одно обстоятельство ухудшило здоровье митрополита. У высокопреосвященнаго былъ однокашникъ, по ученію, архимандритъ Арсеній, настоятель Ново-Іерусалимскаго Воскресенскаго мона-

---

[1]) „Спб. Дух. Вѣд.“, 1820, № 20.

[2]) Послужной списокъ митрополита.

стыря. Онъ давно приглашалъ владыку посѣтить Новый Іерусалимъ. Постоянно занятый, святитель не могъ исполнить ни просьбы сотоварища, ни собственнаго стремленія, нарочито, побывать, изъ Петербурга, въ Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ. Наконецъ, присутствованіе на коронаціи дало къ тому возможность. Возвращаясь изъ Москвы, высокопреосвященный заѣхалъ на нѣкоторое время къ архимандриту Арсенію, въ Новый Іерусалимъ. Однажды, обозрѣвая знаменитую обитель, владыка, не принявъ никакихъ предосторожностей, въ легкой рясѣ, вздумалъ пройтись по монастырской стѣнѣ. Прогулка эта имѣла неблагопріятныя послѣдствія его для разстроеннаго уже здоровья: вѣтеръ обвѣялъ его—и онъ простудился. Въ Петербургъ высокопреосвященный возвратился 21-го мая, а 23-го числа по городу распространилась вѣсть о болѣзни митрополита: — оказалось легкое недомоганіе, на которое архипастырь не обратилъ вниманія и, 30-го мая, былъ уже на молебствіи въ Исаакіевскомъ соборѣ [1]). Въ сентябрѣ 1897 года митрополитъ Палладій, для подкрѣпленія своихъ силъ, вынужденъ былъ отправиться въ Крымъ [2]). Во время пребыванія здѣсь, онъ останавливался въ Севастополѣ и посѣтилъ Петропавловскую возобновленную церковь и Владимірскій храмъ.

Крымъ мало помогъ митрополиту Палладію и,—по словамъ А. Царевскаго [3]),—«силы его слабѣли, угасали; одна только прежняя доброта и ласка не угасла въ его душѣ; одна только любовь свѣтилась по-прежнему на его прекрасномъ лицѣ. Онъ ознакомилъ меня съ своимъ состояніемъ, «Слабѣю день ото дня! Молитесь за меня! Служить уже не въ состояніи, стоять могу, а ходить съ большимъ трудомъ. Заниматься могу, но скоро и память и вниманіе утомляются. Сегодня вотъ, напримѣръ, я уже бумагъ сорокъ подписалъ; зато часто послѣ работы ужь и не помню ничего,—спрашиваю: что, утро или вечеръ теперь? Да вотъ въ болѣзни горячъ еще сталъ, вспыльчивъ очень: и накричу, и разбраню, а послѣ себѣ же хуже да и жалко станетъ. Поэтому просителей къ себѣ лично почти ужь и не принимаю».

«Онъ совершенно сознавалъ»,—продолжаетъ г. Царевскій,—«что болѣзнь его неизлѣчимая, и очевидно шелъ ко вратамъ смерти безъ содроганія, безъ трепета, только съ глубокою грустью о всемъ ему близкомъ и дорогомъ. А прощаясь со мною, онъ прямо высказался, что конецъ его приближается. Нѣсколько разъ и съ какою-то особенною торжественной тщательностью благословивъ меня, онъ сказалъ: «Прощайте! Не забывайте меня, молитесь! «Предчувствіе не обмануло высокопреосвященнаго.

---

[1]) „Спб. Дух. Вѣд.“, 1896 г., № 22.
[2]) „Спб. Дух. Вѣд.“, 1897 г., № 36.
[3]) „Правосл. Собесѣдн.“, 1899 г., № 1.

Недомоганіе его длилось до 1-го октября (1898 г.), когда владыка сильно захворалъ.

2-го октября вышелъ первый бюллетень о болѣзни митрополита. Онъ былъ «первою вѣстью о скорой, казалось, немедленной кончинѣ архипастыря:—такъ бюллетень, подписанный лучшими медицинскими силами столицы, былъ рѣшителенъ. И, дѣйствительно, окружавшіе владыку и всѣ видѣвшіе его въ эти дни не могли не сознавать страшной опасности: онъ былъ безъ движенія и сознанія. Но, вотъ, больной былъ причащенъ Св. Таинъ и, согласно ранѣе выраженному имъ желанію, соборованъ (3-го октября),—и совершилось надъ нимъ воистину чудо милости Божіей. Приговоренный къ смерти, владыка быстро сталъ поправляться» [1]). Послѣ новаго принятія Св. Тайнъ, 5-го октября, поправленіе пошло быстрыми шагами, такъ-что митрополитъ началъ изрѣдка принимать близкихъ къ нему и высокопоставленныхъ лицъ, бесѣдовалъ съ ними, пробовалъ ходить и даже намѣревался заниматься служебными дѣлами. Такъ продолжалось до 23-го ноября, когда обнаружился снова приступъ болѣзни, однако такой, что высокопреосвященный не терялъ сознанія.

Тѣмъ не менѣе, 24-го числа, онъ самъ созналъ опасность своего болѣзненнаго состоянія, вечеромъ прощался съ окружающими, «самъ прощая всѣхъ и прося прощенія»,—приказалъ похоронить его въ простомъ дубовомъ гробу, безъ вѣнковъ и орденовъ, на солеѣ въ Исидоровской церкви, рядомъ съ митрополитомъ Исидоромъ, противъ образа Божіей Матери. 4-го декабря, въ 8 час. 30 мин. вечера, вышелъ бюллетень, въ которомъ значилось: «Начавшееся 3-го декабря ухудшеніе въ состояніи здоровья высокопреосвященнаго Палладія прогрессивно продолжало усиливаться. Въ 2 часа, 4-го декабря, владыка причастился Св. Тайнъ. Въ 3 часа по полудни, послѣ озноба, температура повысилась до $38,_1{}^0$, пульсъ участился до 96, дыханіе стало прерывистымъ; начался отекъ легкихъ». Въ 9 часовъ вечера началось чтеніе канона на исходъ души. Послѣ двухъ часовъ ночи началось чтеніе канона Пресвятой Богородицѣ и, съ послѣдними словами канона, въ 2 часа 40 минутъ ночи 5-го декабря, митрополитъ Палладій испустилъ послѣдній вздохъ, на 72-мъ году отъ рожденія. Двѣнадцать мѣрныхъ ударовъ колокола сперва лаврскаго, а потомъ исаакіевскаго, въ ночной тишинѣ, возвѣстили царствующему граду о кончинѣ доблестнаго архипастыря. Первая панихида совершена была, въ 4 часа утра, архіепископомъ Тверскимъ Димитріемъ, послѣ которой началось чтеніе Евангелія, непрерывно и днемъ и ночью до самаго погребенія.

8-го декабря, послѣ литургіи, состоялся чинъ погребенія первосвя-

[1]) „Спб. Дух. Вѣд.“ 1898 г., № 50.

тителя, продолжавшійся съ $11^1/_2$ час. почти до 3 часовъ по полудни. Желавшихъ отдать почившему архипастырю послѣдній долгъ собралось такъ много, что, во избѣжаніе тѣсноты, доступъ въ соборъ былъ открытъ не для всѣхъ. Въ лаврскомъ же дворѣ весь садъ, аллеи и даже поляны, а равно и площадь предъ Исидоровскою церковью были переполнены народомъ [1]).

Предлагаемый очеркъ, сознаемся, далеко не исчерпываетъ всѣхъ сторонъ жизни и дѣятельности почившаго святителя Палладія. Подробное его жизнеописаніе—дѣло будущаго, когда накопятся въ достаточномъ числѣ необходимыя для того данныя.

П. Вышеславцевъ.

---

[1]) „Спб. Дух. Вѣд.“, № 50.

Православіе въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ 1855 году.

1.

Отношеніе синодальнаго члена Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго, къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода графу Протасову.

10-го января 1855 г., за № 40.

Какъ вѣрноподданный, какъ сынъ отечества, какъ членъ православныя церкви и какъ возсоединенный архіерей [1]), обязанный нѣкоторою отвѣтственностью предъ возсоединенными и за возсоединенныхъ, долгомъ считаю обратить еще разъ вниманіе правительства на обстоятельства края, съ которымъ связано мое служеніе.

Кажется, послѣ благословеннаго Богомъ возсоединенія уніатовъ съ православною церковью, вскорѣ забыто, что они были для поляковъ и римскихъ католиковъ и авангардомъ, и оплотомъ противъ русской народности и православія; что возсоединеніе было для латино-польской партіи самымъ чувствительнымъ ударомъ; что эта партія должна была искать новыхъ условій для обезпеченія своего положенія; и что соотношенія оной къ возсоединеннымъ должны были принять характеръ не только недоброжелательства, но и мести. Кажется также, латино-польскую партію сочли слабою, забывая, что она кромѣ собственныхъ силъ имѣетъ опору въ общей иновѣрной и иностранной партіи—по видамъ религіознымъ и политическимъ. Кажется, не обращено также вниманія, что страдательное совершенно положеніе, въ которомъ поставлены возсоединен-

[1]) Изъ уніатовъ.

ные со времени слитія съ православною церковью, должно было и облегчить и осмѣлить латино-польскую партію въ ея дѣйствіяхъ.

Не знаю, приходилось ли кому измѣрить и оцѣнить вполнѣ, что̀ сдѣлано въ пользу этой партіи въ послѣднія десять или пятнадцать лѣтъ. Здѣсь не намѣренъ я распространяться о дѣйствіяхъ на пользу латинской іерархіи. Это дѣло прошлое и уже не исправимо. Тутъ не главное конкордатъ—мѣра политическая, можетъ быть необходимая. Но вообще предшествовавшія, сопровождавшія и послѣдовавшія за оною учрежденія и распоряженія клонились къ тому, чтобы упрочить и усилить, противъ прежняго, римско-католическую въ Россіи іерархію. Теперь православному духовенству въ западныхъ епархіяхъ едва-ли всѣхъ силъ достаточно, чтобы бороться съ однимъ только римско-католическимъ духовенствомъ. Но еще разъ—я не намѣренъ распространяться о семъ духовенствѣ, а обращу вниманіе на другое, постепенно устроенное въ здѣшней странѣ орудіе латино-польской партіи—гражданское чиноначаліе.

Обстоятельствами вынужденъ былъ я собрать въ прошломъ мѣсяцѣ, по секрету, свѣдѣнія о числѣ чиновниковъ православнаго исповѣданія по губерніямъ Виленской и Гродненской, въ которыхъ число народа, исповѣдывающаго православную и римско-католическую вѣру, не много разнствуетъ. И вотъ что̀ оказывается изъ сихъ свѣдѣній:

Извѣстно, что православные въ сказанныхъ двухъ губерніяхъ состоятъ почти изъ однихъ крестьянъ, а почти всѣ помѣщики принадлежатъ римско-католическому вѣроисповѣданію и такъ-называемой польской кастѣ. Слѣдовательно, православные вполнѣ зависятъ, по крѣпостному праву, отъ сихъ иновѣрныхъ помѣщиковъ. Чтобы въ подобное положеніе поставить и казенныхъ крестьянъ, чиновники по вѣдомству государственныхъ имуществъ назначены преимущественно изъ иновѣрцевъ. Въ обѣихъ палатахъ—виленской и гродненской изъ 14 членовъ только 4 православныхъ; изъ 37 дѣлопроизводителей и другихъ чиновниковъ только 5 православныхъ; изъ 12 столоначальниковъ только 2 православныхъ; изъ 41 окружныхъ начальниковъ, ихъ помощниковъ, то-есть изъ 104 старшихъ чиновниковъ только 19 православныхъ. Если къ сему прибавить, что по сказаннымъ двумъ губерніямъ всѣ 18 губернскіе и уѣздные предводители дворянства иновѣрцы, а въ числѣ ихъ письмоводителей только одинъ православный, то ясно, что всѣ православные обѣихъ губерній состоятъ въ полной зависимости отъ иновѣрцевъ въ ближайшихъ и необходимыхъ условіяхъ своего быта.

Чтобы уравновѣсить это преобладаніе иновѣрной ближайшей власти надъ православными, едва-ли достаточно было бы всей попечительности мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ въ самомъ лучшемъ и надежномъ составѣ. Но вотъ каковъ на дѣлѣ этотъ составъ:

При генералъ-губернаторѣ правитель канцеляріи, старшіе и младшіе

секретари, помощники секретарей и прочіе чиновники канцеляріи, въ числѣ 21, всѣ иновѣрцы, за исключеніемъ одного помощника секретаря—православнаго; только въ числѣ адъютантовъ, дежурныхъ офицеровъ и чиновниковъ особыхъ порученій есть 6 православныхъ на 5 иновѣрцевъ. При обоихъ гражданскихъ губернаторахъ, въ числѣ правителей канцелярій, чиновниковъ особыхъ порученій, а также старшихъ и младшихъ помощниковъ правителей канцелярій 9 православныхъ на 20 иновѣрцевъ. Въ обоихъ губернскихъ управленіяхъ въ числѣ членовъ, секретарей, прочихъ чиновниковъ и столоначальниковъ есть 39 иновѣрцевъ, а только 11 православныхъ. Такимъ образомъ, высшее управленіе двухъ губерній состоитъ изъ 27 только православныхъ, а изъ 84 иновѣрцевъ старшихъ чиновниковъ.

Въ такой же пропорціи находится власть по уѣздамъ. Въ числѣ городничихъ и земскихъ исправниковъ, которые должны быть, кажется, по положенію, въ здѣшней странѣ русскіе и православные, третья ихъ часть по Виленской и Гродненской губерніямъ изъ иновѣрцевъ. Письмоводителей при городничихъ 5 православныхъ, а 11 иновѣрцевъ. Засѣдателей и секретарей по земскимъ судамъ 10 православныхъ, а 40 иновѣрцевъ. Становыхъ приставовъ 9 православныхъ, а 57 иновѣрцевъ. То-есть на 165 старшихъ уѣздныхъ чиновниковъ исполнительной власти только 47 православныхъ.

Судебная часть еще менѣе благопріятна для православныхъ, нежели правительственная исполнительная. По 4-мъ палатамъ гражданскаго и уголовнаго суда—виленскимъ и гродненскимъ: въ числѣ 18-ти членовъ только 5 православныхъ; въ числѣ 26 секретарей и другихъ начальниковъ нѣтъ ни одного православнаго. По всѣмъ уѣзднымъ судамъ обѣихъ губерній 2 православныхъ и 59 иновѣрныхъ членовъ и также 2 православныхъ секретаря, а 14 иновѣрныхъ. То-есть изъ 141 старшихъ чиновниковъ по судебной части только 10 православныхъ.

Такимъ же образомъ замѣщены старшія мѣста и по другимъ вѣдомствамъ. Изъ числа 107 членовъ обѣихъ казенныхъ палатъ, ихъ секретарей и чиновниковъ особыхъ порученій, ихъ бухгалтеровъ, контролеровъ, столоначальниковъ и другихъ чиновниковъ, а также уѣздныхъ казначеевъ съ ихъ помощниками, бухгалтерами и журналистами православныхъ всего-на-всего только 8. Изъ числа 18 членовъ секретарей, старшихъ чиновниковъ и столоначальниковъ обоихъ приказовъ общественнаго призрѣнія, православныхъ только 4. Изъ числа 30 членовъ, секретарей инженеровъ, архитекторовъ, землемѣровъ и другихъ старшихъ чиновниковъ по обѣимъ строительнымъ и дорожнымъ коммиссіямъ тоже православныхъ только 8. Изъ числа 26 членовъ и старшихъ чиновниковъ по окружному управленію III округа корпуса инженеровъ военныхъ поселеній православныхъ только 8. Изъ числа 21 губернскихъ

и уѣздныхъ прокуроровъ и стряпчихъ только 4 православныхъ. Изъ числа 25 губернскихъ и уѣздныхъ почтмейстеровъ съ ихъ помощниками только 6 православныхъ. Изъ числа 26 членовъ человѣколюбиваго общества и управляющихъ семью виленскими богоугодными заведеніями только 2 православныхъ. Изъ числа же 53 членовъ врачебныхъ управъ, а также уѣздныхъ и другихъ штатныхъ врачей, нѣтъ ни одного православнаго.

Всѣхъ же старшихъ чиновниковъ, вышепоименованныхъ по Виленской и Гродненской губерніямъ, изъ иновѣрцевъ 723, изъ православныхъ же 140, то-есть менѣе шестой части всѣхъ чиновниковъ. Между иновѣрцами едва десятая часть приходится на протестантовъ и магометанъ, остальные же всѣ римскіе католики. Въ низшемъ слоѣ чиноначалія эта пропорція еще менѣе благопріятна православнымъ.

Но эта ариѳметическая пропорція между православными и иновѣрными чиновниками далеко еще не представляетъ дѣйствительнаго преобладанія сей послѣдней массы.

Тѣми же способами, которыми латино-польская партія сумѣла замѣстить по преимуществу своими людьми должностныя мѣста, она умѣетъ управлять назначеніемъ или устраненіемъ самыхъ православныхъ чиновниковъ, по своимъ видамъ, а небольшое число самостоятельныхъ ей легко вводить въ заблужденіе, задабривать или устрашать. Ясно, что при подобномъ составѣ чиноначалія самые благонамѣренные и прозорливые начальники едва-ли могутъ устоять противу общаго теченія.

Такимъ образомъ, православное населеніе Виленской и Гродненской губерній, числомъ почти въ 700.000 народа, зависитъ почти совершенно отъ произвола римлянъ, господствующихъ надъ онымъ посредствомъ помѣщиковъ и посредствомъ правительственныхъ и судебныхъ мѣстныхъ властей. Духовенство православное въ той же зависимости и посредствомъ своихъ прихожанъ и по необходимымъ житейскимъ потребностямъ. Нужно дѣло особенной важности, чтобы его можно вести съ успѣхомъ, иначе оное замнутъ или происками, или ябедою, или проволочкою. Самое дѣло, выигранное оффиціально, обращается обыкновенно не въ пользу выигравшаго и не въ пользу православія: выигравшему возмѣстятъ косвенными средствами, а дѣло самое чистое представятъ, въ общемъ мнѣніи, въ видѣ, неблагопріятномъ православію и православному духовенству, такъ что самое благоразуміе требуетъ, по большей части, молчанія и долготерпѣнія. Естественно, что въ такомъ положеніи дѣлъ могутъ быть покойны тѣ только изъ православнаго духовенства, которые потворствуютъ видамъ преобладающей латино-польской партіи; усердные же подвижники и исполнители своего долга необходимо должны быть предметомъ недоброжелательства и происковъ той партіи.

Я не говорю о себѣ—участь свою уже предалъ я на волю Прови-

дѣнія; но, кажется, всякая мѣстность, гдѣ бы 700 тысячъ православныхъ находились въ подобномъ положеніи, должна бы обратить вниманіе; а что жъ литовская епархія, которая находится въ исключительномъ положеніи во всѣхъ отношеніяхъ? Въ другихъ западныхъ епархіяхъ масса православнаго народонаселенія господствуетъ надъ малочисленнымъ иновѣрнымъ населеніемъ; въ литовской 700 тысячъ православныхъ разбросаны по тремъ губерніямъ, среди полутора милліона однихъ римскихъ католиковъ. Въ другихъ епархіяхъ число возсоединенныхъ не малочисленно въ сравненіи съ древне-православными, а слѣдовательно удобно можетъ быть направляемо и охраняемо; въ литовской вся паства почти исключительно состоитъ изъ возсоединенныхъ. Самые возсоединенные въ другихъ епархіяхъ не столько бы отступили отъ русской народности и постановленія восточныя церкви, какъ въ литовской, бывшей преимущественно подъ продолжительнѣйшимъ вліяніемъ иновѣрства и иноземства. Очевидно, что я имѣю и бо́льшее право и бо́льшую обязанность просить правительство о преимущественномъ охраненіи литовской паствы отъ вліянія господствующихъ здѣсь чуждыхъ элементовъ. Мнѣ одному это не по силамъ.

Но не одно положеніе паствы, въ здѣшней странѣ, заставило меня изъяснить теперь все прописанное; я не разъ о томъ представлялъ, и боюсь, не наскучилъ ли уже. Не забота также о русской народности меня къ тому побудила, какъ ни больно, что десять милліоновъ русскаго и литовскаго народа въ западныхъ губерніяхъ подчиняются вновь болѣе и болѣе преобладанію сорока или пятидесяти тысячъ такъ-называемыхъ польскихъ семействъ, а тѣмъ самымъ и польской партіи, посредствомъ латинскаго духовенства, посредствомъ помѣщиковъ и посредствомъ чиноначалія; но это современемъ измѣнилось бы при первомъ вѣрномъ взглядѣ правительства. Теперь дѣло не о православіи, ни о народности западныхъ губерній, но о настоящемъ политическомъ положеніи государства, и молчаніе, съ моей стороны, объ указанномъ выше было бы преступно. Не мнѣ одному извѣстно, что уже наканунѣ послѣдняго польскаго мятежа еще не вѣрили людямъ, предостерегавшимъ объ ономъ; кто же можетъ увѣрить, что латино-польская партія не имѣла въ виду нынѣшнихъ событій, при устройствѣ, какъ выше видно, столь сильнаго своего преобладанія въ здѣшней странѣ; я не говорю, чтобы эта партія сама собою была теперь столько сильна матеріально, дабы слишкомъ безпокоить правительство. Но въ случаѣ движенія на Россію всего Запада, не приготовлено ли въ здѣшней странѣ для враговъ самое благопріятное управленіе и не лишено ли правительство нужныхъ орудій для полезнаго въ ней дѣйствія во все теченіе могущихъ продолжаться военныхъ происшествій и въ случайныхъ обстоятельствахъ? Объ этомъ, кажется, стоитъ подумать. Стоитъ подумать и о томъ, что гражданское управле-

ніе не формируется такъ скоро и удобно, какъ переформированъ литовскій корпусъ въ 1830 году. Мнѣ случилось слышать, будто поддерживающіе латино-польскую партію указываютъ на Финляндію и остзейскія губерніи. И смѣшно и больно! Нужно слишкомъ много доброй воли или слишкомъ малаго познанія здѣшней страны, чтобы находить между сими мѣстностями какое-либо соотношеніе.

Сохрани Господи, чтобы все прописанное выше перетолковано было во вредъ и недоброжелательство къ здѣшнимъ чиновникамъ изъ поляковъ и латинянъ. Они не менѣе другихъ могутъ служить государству съ честью и пользою въ рядахъ русскаго воинства и въ числѣ гражданскихъ чиновниковъ по областямъ. Но въ здѣшней странѣ они обязаны личными соотношеніями, связаны общественнымъ мнѣніемъ, которое указываетъ не на Россію, а на Польшу, и по необходимости должны (разумѣется, не безъ исключенія) быть орудіями видовъ латино-польской партіи и римскаго духовенства.

Пишу это вашему сіятельству не какъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, но какъ ближайшему слугѣ государя императора. Здѣсь уже дѣло не объ участи какого-нибудь митрополита Іосифа или 700 тыс. возсоединенныхъ. Теперь не въ томъ дѣло: пріятнѣе или удобнѣе здѣшнимъ правителямъ держаться партіи сильной, богатой и съ вліяніемъ, но въ томъ, чтобы 10-ти-милліонную массу русскаго и литовскаго народа въ западныхъ губерніяхъ обезпечить на пути долга при всякихъ могущихъ возникнуть случайностяхъ и охранить ее отъ чуждаго вліянія. Ссылаюсь на совѣсть каждаго не предубѣжденнаго: можетъ ли онъ иначе, какъ я, смотрѣть на постоянное усиленіе въ здѣшней странѣ латино-польской партіи? Впрочемъ, можетъ статься, правительство во всемъ имѣло въ виду особыя цѣли и обстоятельства, мнѣ неизвѣстныя. Въ семъ предположеніи мысли свои я представляю секретно конфиденціально, чувствуя, что исполнилъ долгъ свой по совѣсти и по крайнему моему разумѣнію.

Прошу покорнѣйше ваше сіятельство увѣдомить меня о полученіи сей бумаги [1]).

2.

Письмо митрополита Филарета виленскому генералъ-губернатору В. И. Назимову.

15-го декабря 1855 г., Москва.

До меня дошло отношеніе преосвященнѣйшаго Іосифа, митрополита литовскаго, къ графу Протасову о неблагопріятномъ для блага отечества состояніи управленія литовскаго края.

[1]) Письмо это напечатано въ приложеніи къ 5-й части „Записокъ Іосифа митрополита Литовскаго“ (См. т. II, стр. 547). Въ „Запискахъ“ же авторъ

Предметъ сей не принадлежитъ къ кругу дѣлъ возложеннаго на меня служенія, но долгъ вѣрности престолу заставляетъ меня не иначе, какъ съ крайнею заботою помышлять о томъ, извѣстно ли сіе государю императору.

Отношеніе писано 10-го января 1855 года. Нѣтъ причины сомнѣваться въ томъ, что графъ Протасовъ представилъ оное въ Бозѣ почившему государю. Но какъ сіе было не задолго до его кончины, то принято ли это въ разсужденіе, извѣстно ли это нынѣ царствующему государю императору? Вотъ о чемъ забота.

Назначеніе вашего превосходительства въ управленіе литовскимъ краемъ открываетъ мнѣ случай исполнить возможнымъ для меня образомъ долгъ вѣрности престолу препровожденіемъ къ вамъ списка вышеозначеннаго отношенія и успокоить мою заботу вашею вѣрностью престолу и ревностью о благѣ отечества.

Усердно призывая на васъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга.

3.

Записка князя А. И. Чернышева [1]).

Его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Поручить министрамъ сообщить генералъ-губернаторамъ западныхъ губерній, чтобы во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ всѣ должности по полиціи: земской, городской и вѣдомства государственныхъ имуществъ были непремѣнно замѣщены чиновниками изъ русскихъ; если же таковыхъ не будетъ, то лицами имъ вполнѣ извѣстными и за благонадежность коихъ должны отвѣчать.

2) По примѣру тому, какъ было въ юго-западныхъ губерніяхъ имперіи и доселѣ еще существуетъ въ Царствѣ Польскомъ, назначить отсюда, въ пособіе губернаторамъ, военно-уѣздныхъ начальниковъ въ западныя губерніи, если не во всѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыя, куда, по соображеніямъ министра внутреннихъ дѣлъ, признано будетъ необходимѣйшимъ.

говоритъ, что письмо было получено послѣ кончины графа Протасова, а затѣмъ послѣдовала кончина императора Николая I, и письмо это, по словамъ Іосифа, „осталось безъ послѣдствія“. Заявленіе это не вполнѣ справедливо: изъ помѣщенныхъ ниже двухъ документовъ видно, что письмо Іосифа оказало свое дѣйствіе и были приняты нѣкоторыя административныя мѣры.

[1]) Къ сожалѣнію, ни года, ни мѣсяца въ запискѣ не обозначено.

3) Всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями подтвердить, секретно, къ непремѣнному исполненію послѣдовавшее въ 1831 году высочайшее его императорскаго величества повелѣніе о замѣщеніи въ западныхъ губерніяхъ должностей, въ томъ повелѣніи поименованныхъ по возможности чиновниками русскаго происхожденія. Должности сіи суть: губернаторы, вице-губернаторы, прокуроры, члены губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, уѣздные стряпчіе и почтъ-экспедиторы—что нынѣ почтмейстеры.

4) Поручить министрамъ и главноуправляющимъ принять зависящія отъ нихъ мѣры къ постепенному, по возможности, замѣщенію и прочихъ должностей въ тѣхъ губерніяхъ чиновниками изъ русскихъ и переводу туземцевъ въ великороссійскія губерніи.

5) Постановить непремѣннымъ правиломъ, чтобы никто изъ уроженцевъ западныхъ губерній, кромѣ однако исповѣдывающихъ православную вѣру, не могъ быть тамъ опредѣляемъ на службу, ежели не прослужилъ прежде десяти лѣтъ въ великороссійскихъ губерніяхъ или въ войскахъ въ офицерскихъ чинахъ, да и тогда тѣхъ только переводить, которые оказались совершенно благонадежными.

Записки Михаила Чайковскаго.

(Мехметъ-Садыкъ паши).

LXII [1]).

Ираде о сформированіи втораго казацкаго полка. — Князь Витольдъ Чарторыйскій.—Выступленіе изъ Браилова.—Инструкція сердаръ-экрема. — Отношеніе къ намъ молдаванъ. — Столкновеніе съ австрійцами. — Карнавалъ въ Галацѣ.

Въ Браиловѣ я получилъ извѣстіе о появившемся ираде, или указѣ султана относительно сформированія втораго казачьяго полка. Въ этомъ указѣ говорилось, что въ виду важныхъ услугъ, оказанныхъ первымъ казачьимъ полкомъ, и выказанной имъ храбрости, повелѣвается, по представленію сердаръ-экрема, сформировать второй такой же полкъ, по образцу перваго. Сформированіе этого полка поручается, по моему указанію, Владиславу Замойскому, но полкъ, въ мирное и военное время, будетъ подчиненъ непосредственно мнѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ ираде, присланнымъ мнѣ сердаръ-экремомъ, было получено письмо отъ Владислава Замойскаго, который, для проформы, испрашивалъ моихъ приказаній и просилъ назначить командующимъ вновь формируемымъ полкомъ полковника Слубицкаго, а Пршевлоцкаго—его помощникомъ. Я выразилъ Замойскому желаніе, чтобы командиромъ полка былъ назначенъ не Слубицкій, а князь Витольдъ Чарто-

[1]) См. «Русскую Старину», декабрь 1898 г.

рыйскій, такъ какъ полкъ будетъ сформированъ исключительно изъ поляковъ-католиковъ, слѣдовательно, командованіе имъ весьма естественно ввѣрить потомку Ягеллоновъ. Замойскій согласился на это, но не собирался выѣхать изъ Букареста, пока туда не пріѣдетъ его молодая супруга.

Для большей вѣрности я послалъ одно представленіе о назначеніи Чарторыйскаго командующимъ полкомъ сердаръ-экрему, а другое—прямо въ сераскеріатъ, Ризѣ-пашѣ. Первое куда-то затерялось въ канцеляріи сердаръ-экрема, а второе вызвало фирманъ султана о назначеніи командиромъ полка князя Витольда, который былъ препровожденъ ему чрезъ посольство. Князь Витольдъ отказался отъ командованія полкомъ и засвидѣтельствовалъ, къ сожалѣнію, письменно, что онъ не чувствуетъ никакого призванія къ военному дѣлу и не обладаетъ ни малѣйшей способностью къ военной карьерѣ. Не надѣясь оправдать довѣрія Высокой Порты, онъ благодарилъ за лестное предложеніе и просилъ назначить на его мѣсто того, кого Замойскій признаетъ къ тому способнымъ. Этотъ документъ, присланный въ сераскеріатъ, былъ препровожденъ мнѣ въ копіи. Сообщая мнѣ объ этомъ, Замойскій писалъ: «Я тебѣ говорилъ, что Чарторыйскіе—люди не военные: ни одинъ Чарторыйскій никогда не участвовалъ еще ни въ одной войнѣ, веденной Польшею; между гетманами не найдешь имени Чарторыйскихъ; ты не хотѣлъ этому вѣрить! Вынужденный сознаться въ этомъ, бѣдный Витольдъ отказался отъ всего, лишь бы не идти на войну; жаль, что мы вынудили его къ этому, но по крайней мѣрѣ ты знаешь теперь, какъ велика ихъ склонность къ войнѣ».

Вся эта исторія видимо доставила удовольствіе Замойскому; меня же отвѣтъ князя Витольда чрезвычайно огорчилъ, потому что былъ адресованъ оффиціально Замойскому, а не мнѣ, командовавшему въ Турціи казаками. Этотъ отвѣтъ ясно доказывалъ, что Чарторыйскіе не хотѣли имѣть со мною ничего общаго. Въ случаѣ бѣды они были не прочь иногда воспользоваться моими трудами и моимъ вліяніемъ, но мнѣ, видимо, не слѣдовало разсчитывать не только на поддержку, но и на содѣйствіе съ ихъ стороны. Я могъ ожидать отъ нихъ только помѣхи и убѣдился въ томъ, что я предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ и долженъ дѣйствовать самъ по себѣ, согласно съ девизомъ нашего родоваго герба «Bòg ì ja ze mnę».

Въ силу соглашенія, заключеннаго между главнокомандующимъ турецкими войсками и командующимъ австрійскими войсками, которое было утверждено турецкимъ правительствомъ, Букарестъ былъ занятъ войсками обѣихъ державъ; ихъ главныя квартиры находились въ этомъ городѣ. Лѣвый берегъ Дуная, отъ Журжева до Браилова, былъ занятъ турецкой арміей; линія Серета до границы Молдавіи также должна

была быть занята турками, кромѣ Водени, гдѣ полагался военный постъ союзныхъ войскъ и моста черезъ Серетъ у Водени, который австрійцы должны были выстроить пополамъ съ турками. Галацъ, Яссы, Фокшаны и линія Прута были предоставлены австрійцамъ; Малая Валахія также была занята ими. Однимъ словомъ, австрійцы охраняли границы; въ ихъ рукахъ были самые важные пункты. Мы были какъ бы стиснуты въ австрійскихъ клещахъ и по ихъ желанію могли быть, во всякое время, отброшены къ Дунаю. Этотъ планъ былъ выработанъ на глазахъ у полковника Рустемъ-бея (Вольскаго) и Замойскаго, людей образованныхъ, понимавшихъ толкъ въ политикѣ и въ военномъ дѣлѣ; они были поляки, пользовались довѣріемъ сердаръ-экрема, и между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не сказалъ ему правды. Не мудрено, что генералъ Коронини поспѣшилъ одобрить этотъ планъ. Румыны видѣли, въ какомъ фальшивомъ положеніи находилось наше войско. Меня увѣдомилъ объ этомъ князь Александръ Гика и затѣмъ князь Стирбей, а равно и нашъ агентъ Градовичъ. Соглашеніе было заключено нѣсколько дней спустя послѣ моего отъѣзда изъ Букареста.

Вслѣдствіе этого соглашенія въ Браиловъ пришелъ Ахметъ-паша съ корпусомъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Мнѣ было приказано занять линію Серета съ восемью сотнями казаковъ, шестью эскадронами 1-го полка конной гвардіи, тремя эскадронами 1-го гвардейскаго полка, девятью батальонами редифовъ и четырьмя батареями конной артиллеріи. Строго говоря я, какъ младшій въ чинѣ, долженъ бы подчиняться Ахмету-пашѣ, но въ инструкціи, присланной мнѣ сердаръ-экремомъ, говорилось, чтобы я дѣйствовалъ совершенно самостоятельно и за все отвѣчалъ самъ. Въ инструкціи же Ахмету-пашѣ воспрещалось отдавать какія-либо приказанія или предпринимать какое-либо движеніе, не посовѣтовавшись со мною и не получивъ моего одобренія. Я смѣялся надъ этими инструкціями и говорилъ Ахмету, что его можно сравнять съ президентомъ Іоническихъ острововъ, который пользуется титуломъ свѣтлости, а меня англійскимъ коммиссаромъ, который, будучи простымъ генераломъ, имѣетъ право принимать рапорты отъ его свѣтлости и одобрять или порицать его поступки и представленія. Но Ахметъ-паша не былъ этимъ удивленъ, напротивъ, это казалось ему вполнѣ естественно и логично. Онъ просилъ меня, по приказанію сердаръ-экрема, назначить въ его штабъ, для пользы службы, поляковъ. Я откомандировалъ къ нему маіора Іержмановскаго, бывшаго у меня правителемъ канцеляріи, и адъютанта Маврикія Остоя.

Наканунѣ моего отъѣзда изъ Браилова городъ далъ намъ большой балъ, на которомъ присутствовали многіе паши, префектъ полиціи, всѣ мѣстныя власти, офицерство и масса молодежи. Ахметъ-паша такъ разошелся, что пустился танцовать съ пани Гепатесъ, супругою ректора

университета, какой-то турецкій танецъ съ платочкомъ; всѣ смотрѣли съ удивленіемъ на упражненія этихъ двухъ артистовъ, похожихъ скорѣе на учениковъ Сморгонской академіи.

Въ Воденяхъ стоялъ эскадронъ уланъ 13-го австрійскаго полка, въ которомъ всѣ солдаты и унтеръ-офицеры были чехи и моравы, а офицеры ополяченные нѣмцы, разные Шмидты, Шульцы, Шицы и т. п., уроженцы Львова, превосходно говорившіе по-польски. Я поставилъ въ Воденяхъ первую сотню, сформированную исключительно изъ поляковъ; казаки стояли въ Максименахъ и вдоль всего берега Серета до впаденія его въ Дунай. Поэтому мнѣ пришлось имѣть сношеніе съ молдаванскими властями, которыя такъ же, какъ и румыны, выразили полную готовность оказать намъ во всемъ свое содѣйствіе. Префектъ города Галаца, Іер. Гика, былъ человѣкъ въ высшей степени почтенный и дѣятельный. Гражданскимъ коммиссаромъ Молдавіи былъ назначенъ г. Георгіель изъ Батушанъ, румынъ, преданный своей родинѣ, которую онъ хорошо изучилъ. Они оба сочувствовали полякамъ и польскому дѣлу.

Въ Максименахъ были сооружены, подъ наблюденіемъ капитана Остоя, два понтонныхъ моста съ предмостными укрѣпленіями; мы нашли броды, черезъ которые были устроены переправы; наконецъ сооружены магазины, наполненные провіантомъ.

Австрійскіе уланы были переведены изъ Водени въ Галацъ. Въ моихъ рукахъ было все нижнее теченіе Серета. Мой образъ дѣйствій заслужилъ полное одобреніе сердаръ-экрема, и онъ уполномочилъ меня дѣйствовать также впредь и дойти до Прута. Замойскій имѣлъ въ Рущукѣ до трехсотъ поляковъ, записавшихся во второй казачій полкъ. Мнѣ очень хотѣлось имѣть ихъ на боевой линіи, такъ какъ въ числѣ моихъ казаковъ едва можно было насчитать человѣкъ шестьдесятъ поляковъ.

Я могъ дѣйствовать успѣшно съ казаками въ Молдавіи, но для того, чтобы перейти Прутъ и вступить въ Бессарабію, мнѣ необходимо было имѣть поляковъ; одно это слово расшевелило бы населеніе сосѣднихъ провинцій. При томъ я все-таки болѣе разсчитывалъ на ихъ храбрость и преданность, нежели на болгаръ. Если бы у меня было человѣкъ триста поляковъ, то я дѣйствовалъ бы такъ, какъ дѣйствовалъ Карлъ Ружицкій, въ надеждѣ, что Наполеонъ III, по совѣту Решидъ-паши, перенесетъ военныя дѣйствія въ Польшу. Я завелъ съ Замойскимъ переговоры о полякахъ, и онъ обѣщалъ исполнить мое желаніе. Я сообщилъ ему мой планъ и объяснилъ, какимъ образомъ я предполагалъ перейти Прутъ.

Онъ обсуждалъ этотъ планъ вмѣстѣ со мною, давалъ мнѣ совѣты, дѣлалъ замѣчанія, однимъ словомъ, можно было думать, что мы поняли

наконецъ другъ друга и можемъ отнестись другъ къ другу съ довѣріемъ.

Мы провели нѣсколько дней чрезвычайно весело: насъ приглашали семейства Балшъ, Негри и Гика. Послѣдній напоминалъ мнѣ нашихъ оригиналовъ-поляковъ: ему уже было лѣтъ подъ шестьдесятъ; онъ всю жизнь занимался опредѣленіемъ разныхъ породъ рыбъ, водившихся въ румынскихъ рѣкахъ; единственною его мечтою было получить отъ султана фирманъ на званіе перваго рыболова Оттоманской имперіи и разрѣшеніе носить на сюртукѣ золотую нашивку съ изображеніемъ рыбы. Такъ какъ онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ по своему происхожденію, богатству и личнымъ качествамъ, то Замойскій хотѣлъ сдѣлать ему пріятное и обѣщалъ выхлопотать ему желаемый фирманъ. Однажды онъ пригласилъ Замойскаго на секретное совѣщаніе. Замойскій, предполагая, что разговоръ коснется политики, захватилъ съ собою нѣкоторые документы; но къ его удивленію хозяинъ вытащилъ нѣсколько шкуръ убитыхъ бобровъ и, разсчитывая на научныя познанія Замойскаго, просилъ его опредѣлить по этимъ шкурамъ, были ли то самцы или самки. Совѣщаніе длилось часа два.

Мы познакомились съ богатымъ помѣщикомъ княземъ Николаемъ Вогоридесомъ, у котораго была прехорошенькая дочь Марія. Отецъ хвалилъ ее, говоря, что она хорошая хозяйка; но у нея была удивительная страсть къ верховой ѣздѣ, и она выбирала чаще всего для прогулокъ самыя мало посѣщаемыя мѣста. Каждый разъ, когда она ѣздила кататься съ кѣмъ-либо изъ русскихъ офицеровъ, они всегда сбивались съ дороги и возвращались только на второй или на третій день; однажды, поѣхавъ кататься съ однимъ драгунскимъ полковникомъ, она блуждала съ нимъ по степи двѣ недѣли.

На масляницѣ австрійскій генералъ Августинъ запретилъ въ Галацѣ маскарады и просилъ меня утвердить это распоряженіе, основываясь на томъ, что молдаване народъ такой же неспокойный и склонный къ революціи, какъ и румыны, поэтому они могутъ воспользоваться маскарадомъ и устроить нѣчто въ родѣ сицилійской вечерни. Одновременно съ полученіемъ этого письма пріѣхалъ ко мнѣ префектъ Галаца съ жалобою мѣстныхъ жителей на это распоряженіе. Обѣ стороны обратились ко мнѣ за рѣшеніемъ, какъ къ высшей инстанціи; я этимъ воспользовался и, не сносясь съ сердарь-экремомъ, написалъ генералу Августину, что считаю его опасенія неосновательными и разрѣшаю маскарады; но для поддержанія спокойствія въ городѣ, будетъ назначенъ эскадронъ казаковъ. Префектъ Гика получилъ разрѣшеніе устроить карнавалъ съ маскарадомъ.

На слѣдующій день ко мнѣ пріѣхалъ генералъ Августинъ вмѣстѣ съ префектомъ Галаца; они заявили, что уже уговорились насчетъ

всего и составили программу маскарада, которую просятъ меня утвердить. Въ программѣ было около двадцати пунктовъ, которыхъ я не могу привести здѣсь подробно; помню только, что въ нихъ говорилось между прочимъ: что въ бальной залѣ, на нѣкоторомъ возвышеніи, будетъ поставлено тринадцать креселъ, изъ коихъ одно, съ вызолоченными ручками, обитое бархатомъ, для генерала Августина, а прочія двѣнадцать, краснаго дерева, обитыя малиновымъ сукномъ, для двѣнадцати штабъ-офицеровъ. Всѣ австрійскіе офицеры получатъ на ужинъ безплатно шницли съ картофелемъ и жаркое съ салатомъ и по куфелю пива; кучеру генерала Августина не дадутъ ни водки, ни вина, а большую чашку кофе съ молокомъ и булку съ сыромъ. Молдаванкамъ строго воспрещалось насмѣхаться надъ австрійскими офицерами, хотя бы и пѣхотными.

Я одобрилъ программу и уполномочилъ префекта напечатать ее въ газетахъ; она была перепечатана не только въ румынскихъ, но и во всѣхъ иностранныхъ газетахъ. Не знаю, что̀ сказалъ по этому поводу генералу Августину генералъ Коронини; по крайней мѣрѣ мнѣ никто не заявлялъ по поводу этой программы никакихъ жалобъ.

Съ самаго нашего вступленія въ Молдавію я былъ свидѣтелемъ отвратительнаго обращенія австрійцевъ съ бѣдными женщинами, которыхъ они запирали силою на гауптвахтахъ; одну или двухъ даже высѣкли розгами. Я заявилъ генералу Августину рѣшительно, что я этого не потерплю и употреблю въ случаѣ надобности для пресѣченія зла казаковъ. Молдаване были также признательны мнѣ за оказанную имъ защиту.

LXIII.

Безпечность австрійцевъ.—Интриги Замойскаго.—Приказаніе идти въ Крымъ, а мнѣ остаться на Дунаѣ.—Расформированіе нашего корпуса.—Столкновеніе съ непріятелемъ близъ Тульчи.—Мои распоряженія.

По отъѣздѣ Замойскаго я стянулъ свой отрядъ къ берегу Прута между Гушемъ и Рени. Австрійскихъ постовъ нигдѣ не оказалось, но казаки поймали трехъ офицеровъ австрійцевъ, возвращавшихся изъ Бессарабіи, куда они ѣздили повидаться со знакомыми; при нихъ были найдены письма русскихъ офицеровъ къ ихъ знакомымъ дамамъ въ Галацъ. Это было прямое доказательство того, что линія Прута никѣмъ не охранялась, и что непріятель могъ свободно сноситься съ мѣстными жителями, тѣмъ болѣе, что ему помогали въ этомъ австрійцы. Я донесъ немедленно обо всемъ рапортомъ, въ которомъ описалъ все

происшедшее, сообщая, что я занялъ линію Прута моими постами, для обезпеченія спокойствія нашего и нашихъ союзниковъ. Генералу Августину я также далъ знать, что линія Прута занята мною, и что я буду охранять ее турецкими постами.

Я составилъ такой планъ: если донцы вступятъ въ Молдавію, то мы будемъ преслѣдовать ихъ и дойдемъ до Бессарабіи; съ этой цѣлью я приготовилъ огромныя бочки, на которыхъ хотѣлъ перекинутъ мостъ черезъ Прутъ. Все было приготовлено, но, къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ какъ мы подошли къ Пруту, донцы не показывались болѣе даже на лѣвомъ берегу этой рѣки; шпіоны донесли, что они отступили къ озеру Ялпуха и не высылаютъ въ нашу сторону даже разъѣздовъ. Мнѣ было совершенно ясно, что между австрійцами и русскими существовало какое-либо соглашеніе, имѣвшее цѣлью помѣшать нашей встрѣчѣ съ русскими войсками и способствовать такимъ образомъ локализаціи военныхъ дѣйствій.

Напрасно ожидалъ я прибытія трехсотъ поляковъ, которыхъ долженъ былъ выслать мнѣ Замойскій изъ Рущука; вмѣсто поляковъ я получилъ отъ Омера-паши приказаніе ни подъ какимъ видомъ не переходить Прутъ; таково было желаніе высшей власти, которой я обязанъ повиноваться. Въ довершеніе всего въ Браиловъ пріѣхалъ адъютантъ Замойскаго, Калинка, и поручилъ Ахмету-пашѣ слѣдить за моими дѣйствіями, за которыя онъ долженъ былъ отвѣчать, если бы я рѣшился перейти Прутъ.

На театрѣ военныхъ дѣйствій произошла перемѣна декорацій: сердарь-экрему было приказано отправиться въ Крымъ съ половиною войска, находившагося подъ его командою; мы должны были отступить отъ Прута и даже отъ Серета на правый берегъ Дуная; только въ Букарестѣ для утѣшенія Австріи за ея преданность Турціи долженъ былъ остаться полкъ пѣхоты, полкъ кавалеріи и двѣ батареи артиллеріи, чтобы всѣ видѣли, что турецкое войско остается подъ командою австрійскаго генерала. Австрійское войско, также въ награду за преданность Австріи и за ея готовность исполнять приказанія султана и Высокой Порты, должно было занять Румынію. Турецкіе сановники понимали, какъ невыгодно было Турціи посылать войско въ Крымъ, но вліяніе Англіи и Австріи было такъ велико и Наполеонъ III дотого заблуждался, ожидая справедливости отъ законныхъ монарховъ, что Турція хладнокровно рѣшилась на эту бойню, безцѣльную для Турціи и которая могла принести пользу только вѣроломной Австріи. Она желала погубить и уничтожить Турцію, повредить Россіи, вырвать у нея устье Дуная и земли, соединявшія южныхъ и сѣверныхъ славянъ черезъ Добруджу и Буджакъ, и сыграть въ руку своему любимому союзнику Наполеону III. Мы шли воевать для Австріи, на пользу нѣмцамъ.

Я изложилъ всѣ эти мысли въ довольно рѣзкой формѣ въ письмѣ къ де-Буркене, бывшему въ то время французскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ. Я очень уважалъ этого дипломата; мнѣ было прискорбно видѣть, что на его глазахъ творились подобныя вещи и что онъ не старался этому помѣшать. Онъ ничего не отвѣтилъ на мое письмо, но нѣсколько лѣтъ спустя я имѣлъ удовольствіе слышать, какъ онъ высказалъ въ присутствіи нѣсколькихъ дипломатовъ и графа Валевскаго, въ то время министра иностранныхъ дѣлъ во Франціи, слѣдующее:

— Всѣ мы были тогда слѣпы, всѣ мы потеряли голову. Одинъ только Чайка (онъ всегда называлъ меня такъ) ясно понималъ положеніе дѣлъ; вотъ его письмо, прочтите его.

Мое письмо было прочитано, но уже было поздно. Впослѣдствіи, когда началось несчастное возстаніе въ Польшѣ, въ 1863 г., и когда императоръ Наполеонъ III хлопоталъ о ея возстановленіи, де-Буркене сказалъ въ присутствіи молочной сестры императора, г-жи Гортензіи Корну:

— Надобно было слушать Чайку, въ 1853 г., а не Замойскаго, и у насъ была бы Польша.

Сердарь-экремъ хотѣлъ, чтобы я шелъ съ казаками въ Крымъ и по-прежнему командовалъ авангардомъ, и чтобы казаки несли аванпостную службу. Мы были бы рады этому назначенію, предпочитая дѣйствовать, нежели проводить время безцѣльно гдѣ-нибудь въ Добруджѣ или въ Балканахъ. Но въ Стамбулѣ не утвердили представленія сердарь-экрема; ему отвѣчали, что султанъ желаетъ, чтобы Садыкъ-паша остался съ казаками на Дунаѣ. На это были, какъ говорили, двѣ причины: во-первыхъ, Англія и Австрія не хотѣли, чтобы къ этой войнѣ былъ примѣшанъ польскій вопросъ; а это могло случиться, если бы казаки вступили въ Бессарабію и Украйну и приняли бы участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Крыму. Второю причиною была вражда, которую Риза-паша питалъ къ Омеру-пашѣ и которая проявлялась иногда довольно рѣзко, несмотря на высокій патріотизмъ этого сановника. Прекрасно зная, какъ я былъ полезенъ сердарь-экрему на Дунаѣ, Риза-паша не хотѣлъ, чтобы то же самое повторилось въ Крыму. Такъ объяснялъ этотъ фактъ сердарь-экремъ, узнавъ, что я страстно желалъ идти въ Крымъ, и лично просилъ о томъ великаго визиря и сераскира. Но мнѣ кажется, что Омеръ-паша ошибался, приписывая такой оборотъ дѣла Ризѣ-пашѣ; по моему мнѣнію, въ этомъ были виновны англійскій и австрійскій посланники.

Замойскій, находившійся въ Букарестѣ въ то время, какъ происходила переписка обо мнѣ и о казакахъ, какъ истый послѣдователь Лойолы, ловко съумѣлъ внушить сердарь-экрему мысль, будто я не хочу идти съ казаками въ Крымъ и хлопочу объ этомъ въ Стамбулѣ; онъ

показалъ ему какое-то письмо Калинки, въ которомъ тотъ писалъ ему объ этомъ, доказывая, между прочимъ, что я хочу вступить въ Бессарабію и Украйну (чего я вовсе не скрывалъ) и что я намѣренъ привести это въ исполненіе въ отсутствіе сердарь-экрема. Онъ съумѣлъ этимъ возстановить противъ меня Омера-пашу, который говорилъ во всеуслышаніе, что я не желаю дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ, а хочу дѣлать все самостоятельно, въ свою голову. Кромѣ того, Замойскій подалъ ему мысль послать въ Крымъ Косцельскаго, сказавъ, что онъ ручается за него, какъ за самого себя, и что самъ онъ будетъ слѣдить за мною, чтобы я не выкинулъ какой-нибудь штуки. Встрѣтивъ поддержку въ лицѣ полковника Рустемъ-бея, Замойскій добился своего, помѣшавъ мнѣ и этотъ разъ осуществить мой планъ.

Я получилъ отъ сердарь-экрема приказаніе немедленно отослать въ Добруджу двѣ сотни добрудженскихъ казаковъ, на смѣну которымъ должны были придти, какъ это у нихъ принято, другія двѣ сотни. Кромѣ того мнѣ было приказано послать двѣ сотни регулярныхъ казаковъ въ Тульчу, въ распоряженіе Али-паши, командовавшаго войскомъ въ Добруджѣ; стянуть первый полкъ конной гвардіи къ Пруту и отослать его немедленно въ Браиловъ въ распоряженіе Ахметъ-паши; батальонъ пѣхоты и съ артиллеріей послать въ Мачинъ. Туда же велѣно было послать Юссуфъ-пашу съ 4-мъ полкомъ конной гвардіи для конвоированія транспортовъ съ провіантомъ изъ этого города въ Бальчикъ. Наконецъ, велѣно было сдать румынскимъ властямъ мосты, всѣ оконченныя работы и матеріалы и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Такимъ образомъ нашъ корпусъ былъ расформированъ, и я остался съ четырьмя сотнями регулярныхъ казаковъ.

Приказаніе сердарь-экрема было исполнено. Молдаване, пришедшіе проститься со мною, разсказывали, что австрійцы радуются тому, что мы оставляемъ Дунай и что мы понесли пораженіе въ Добруджѣ, откуда было получено извѣстіе, что русскіе заняли Тульчу. Славные, милые союзники! Я оставилъ берега Серета съ сокрушеннымъ сердцемъ, видя, что самые практичные мои планы не увѣнчались успѣхомъ и что приходилось оставить преданныхъ намъ и добродушныхъ румынъ на съѣденіе австрійцамъ. Я не ожидалъ въ будущемъ ничего хорошаго.

Прибывъ въ Браиловъ, я нашелъ тамъ пятую сотню и кубанцевъ, пришедшихъ изъ Мачина недѣли за двѣ до моего пріѣзда. Они разсказали мнѣ слѣдующее:

У Али-паши, съ казаками и биши-базуками, было въ Тульчѣ свыше трехъ тысячъ кавалеріи и пѣхоты и шесть орудій; въ Бабадагѣ стояло шесть эскадроновъ 3-го полка конной гвардіи и шесть орудій, подъ командою полковника Ахметъ-бея. Отъ Мачина до Бальчика было эшелонировано девять батальоновъ редифовъ подъ командою Яйа-

паши, а 4-й полкъ конной гвардіи, подъ командою Юссуфъ-паши, занималъ линію отъ Мачина, чрезъ Чамурлы до Каракермана. Такимъ образомъ, транспортъ былъ вполнѣ обезпеченъ отъ нападенія, такъ какъ его защищало до 18 тысячъ войскъ разнаго рода оружія. Съ этимъ транспортомъ отправлялся для арміи въ Крымъ зерновой хлѣбъ, мясо, масло, быки и бараны, коихъ гнали цѣлыми стадами. Не доставало лишь одного: главнаго начальника, опытнаго и смѣлаго кавалерійскаго офицера, да не было единодушія; всякій дѣлалъ, что хотѣлъ. Чорбаджи, по случаю праздника Пасхи, приглашали на перерывъ Саргошъ-Али-пашу и его офицеровъ изъ дома въ домъ и увѣряли его, что численность русскаго войска не такъ велика, чтобы они рѣшились напасть на транспортъ и что они объ этомъ даже и не помышляютъ. Жидъ Абрамка, подкупленный русскими и разыгрывавшій роль турецкаго шпіона, доносилъ имъ обо всемъ, что происходило въ Измаилѣ. Али-паша, получивъ отъ меня предостереженіе, только посмѣялся и не придалъ ему никакого значенія, сказавъ, что трусятъ ляхи, а онъ, турокъ, ничего не боится.

Капитанъ Горчинскій также не раздѣлялъ моихъ опасеній, но какъ добросовѣстный кавалерійскій офицеръ исполнилъ мое приказаніе и предупреждалъ Али-пашу, что русскіе дѣлаютъ какія-то приготовленія на противуположномъ берегу рѣки и перевозятъ на пароходѣ войска на островъ, на которомъ они чинятъ бывшее турецкое укрѣпленіе. Али-паша смѣялся надъ этимъ, говоря, что это обыкновенныя уловки русскихъ, къ которымъ они прибѣгаютъ, чтобы не дать людямъ время выспаться и развлечься. Онъ совѣтовалъ Горчинскому не обращать на это вниманія, приказать разсѣдлать лошадей и пріѣхать вмѣстѣ съ прочими офицерами провести съ нимъ вечеръ. Горчинскій такъ и сдѣлалъ, ограничившись тѣмъ, что у моста, который велъ на островъ, былъ поставленъ форпостъ, состоявшій изъ одной роты казаковъ подъ командою чауша Грегора Христо, такъ какъ офицерамъ было разрѣшено отлучиться. Мостъ не былъ снятъ, Али-паша не дозволилъ этого, сказавъ: русскіе такъ хорошо его построили, онъ такъ удобенъ для жителей, что было бы грѣшно уничтожить его изъ-за пустаго страха.

Горчинскій приказалъ разсѣдлать лошадей, позволилъ казакамъ гулять и самъ съ офицерами бесѣдовалъ съ Али-пашею. Чаушъ Христо три раза присылалъ сказать, что на островѣ видна масса русскихъ, что они уже приближаются; Али-паша и Горчинскій отвѣчали каждый разъ: пусть себѣ идутъ, пусть идутъ, мы пригласимъ ихъ откушать и выпить съ нами. Когда, уже въ сумерки, стало извѣстно, что наши казаки дерутся на мосту съ русскими, въ городѣ поднялась тревога, всѣ вскочили со своихъ мѣстъ и пустились бѣжать въ величайшемъ без-

порядкѣ. Али-паша также бѣжалъ. Горчинскій сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ мосту.

Между тѣмъ Грегоръ Христо, послѣ упорной защиты моста, отступилъ къ городу.

Русскіе наступали, сожгли казармы, но не вступили въ Бабадагъ и пробыли всего 48 часовъ въ Тульчѣ, гдѣ они взяли раненаго Горчинскаго, десять казаковъ и кубанцевъ, болтавшихся по корчмахъ, да около ста баши-бузуковъ и возвратились въ Измаилъ.

Турецкій конвой бросилъ по пути транспортъ, солдаты разбѣжались кто въ Кюстенджи, кто въ Бальчикъ и Мангалію, нѣкоторые явились въ Варну. Поэтому я получилъ отъ Омера-паши приказаніе идти съ казаками въ Добруджу, собрать оставшійся конвой, водворить въ этой мѣстности порядокъ и остаться тамъ впредь до полученія дальнѣйшихъ приказаній.

Я перевезъ казаковъ на турецкій берегъ на пароходахъ Дунайской флотиліи подъ самое Гирсово. Погода была бурная, надъ Дунаемъ нависла грозная туча, такъ что мы совершили эту переправу съ трудомъ и даже съ нѣкоторой опасностью жизни.

Гирсово совершенно опустѣло; окрестныя татарскія деревни также были покинуты жителями, которые со всѣмъ своимъ добромъ ушли въ Дели-Орманъ, но молдаванскія села были многолюдны и не только зажиточны, но даже богаты. Я отрядилъ двѣ сотни для розыска пропавшаго транспорта и возвращенія его въ ближайшія деревни; поиски шли успѣшно. Мои казаки пригнали въ Бальчикъ стадо быковъ и барановъ, блуждавшихъ по близости въ степи, и погнали ихъ дальше въ Кара-Су (нынѣ Меджидіэ), гдѣ магазины быстро наполнились всякимъ добромъ. Я послалъ нѣсколько человѣкъ казаковъ въ Дели-Орманъ увѣдомить татаръ, что они могутъ вернуться со своимъ имуществомъ, что имъ не угрожаетъ никакой опасности, вошелъ въ сношеніе съ властями Мачина, Исакчи, Тульчи и Бабадага и организовалъ вновь мѣстное управленіе въ Гирсово. Воззваніе, съ которымъ я обратился къ властямъ, было принято вездѣ сочувственно; только въ Тульчѣ ничего не отвѣтили на мое циркулярное посланіе.

Я тотчасъ рѣшилъ идти въ городъ и познакомиться съ жителями.

На слѣдующій день, на разсвѣтѣ, мы были уже въ Тульчѣ. Мои стрѣлки вступили на островъ и обошли городъ съ другой стороны. Махмудъ-Муха съ кубанцами вошелъ въ городъ, арестовалъ каймакама и весь меджлисъ съ кади и отослалъ ихъ подъ конвоемъ въ мою главную квартиру.

Съ назначеніемъ новаго каймакама, кади и членовъ меджлиса, все успокоилось, и на другой день утромъ изъ Тульчинскаго уѣзда двинулось въ Бальчикъ 70 возовъ съ провіантомъ.

Я разставилъ аванпосты и пикеты; эта предосторожность была не лишняя, такъ какъ Дунай обмелѣлъ и его легко было перейти въ бродъ; при первомъ морозѣ можно было бы переправиться черезъ рѣку и верхомъ. Съ тѣми силами, какія находились въ моемъ распоряженіи, Добруджа была вполнѣ безопасна отъ нападенія со стороны непріятеля, тѣмъ болѣе, что были приняты всѣ мѣры для обезпеченія зимней стоянки войска по близости отъ непріятеля.

LXIV.

Недружелюбное отношеніе ко мнѣ поляковъ.—Ихъ насмѣшки.—Интрига противъ меня Замойскаго.—Неудавшаяся попытка войти въ сношеніе съ кавказскими племенами.—Новая интрига Замойскаго.

Устроивъ дѣла въ Добруджѣ и покончивъ всѣ возложенныя на меня порученія, я получилъ благодарность отъ сераскира и великаго визиря; вмѣстѣ съ тѣмъ мною было получено отъ Гакки приказаніе Измаилъ-паши послать казаковъ на подножный кормъ въ Ласковицы, въ окрестности Тырнова, а самому явиться въ Шумлу для сформированія втораго казачьяго полка, а затѣмъ отправиться въ Стамбулъ, гдѣ меня желаетъ видѣть новый сераскиръ Мехмедъ Ружди-паша.

Отведя сотни въ Силистрію, я отправился въ Шумлу вмѣстѣ съ правителемъ своей канцеляріи.

Въ Шумлѣ Измаилъ-паша и Замойскій встрѣтили меня также весьма сердечно, но я зналъ отлично, что ни тотъ, ни другой не питаютъ ко мнѣ особенной пріязни. Въ Стамбулѣ Решидъ-паша встрѣтилъ меня какъ родной отецъ. Сердечно привѣтствовали меня и прочіе турецкіе сановники.

Стамбулъ въ то время былъ переполненъ поляками, которые усердно занимались обсужденіемъ разныхъ политическихъ вопросовъ, сидя въ стамбульскихъ кофейняхъ. Всѣ они были противъ моихъ казаковъ и говорили: ради чего эти ослы дерутся? Карлъ Бржозовскій написалъ какую-то брошюру или стихотвореніе противъ казаковъ, которое я не читалъ; но говорятъ, что онъ страшно поносилъ ихъ. Мильковскій писалъ прозою и стихами, что казакъ Садыкъ хуже всякаго калмыка и башкира; какой-то Ширманскій написалъ сатиру на нагайку полковника Киркора, отъ которой онъ предостерегалъ молодежь; Калинка и Іорданъ подстрекали клубы и комитеты противъ бѣдныхъ казаковъ.

— Чего ради носятся эти черти на своихъ лошадяхъ, говорили они,— когда мы сидимъ тутъ спокойно, хорошо ѣдимъ и пьемъ и въ карты

понгрываемъ; надо обыграть молодежь, собирающуюся въ походъ; человѣкъ безъ денегъ то же, что пташка безъ крыльевъ—никуда не полетитъ; пусть они лучше останутся съ нами.

Рыцари печальнаго образа, прибывшіе изъ-подъ Карса, бряцали саблями по мостовой и обдѣлывали втихомолку свои дѣлишки, а о войнѣ и думать перестали; война и ея лавры дотого опротивѣли имъ, что ихъ отослали изъ Карса, чтобы они не мѣшали другимъ. Нѣкоторые изъ нихъ занялись торговыми оборотами; нѣкто Михаловскій нагрузилъ трехмачтовое судно масломъ, яйцами, разной живностью и зеленью, и такъ счастливо и быстро все распродалъ, что получилъ огромный барышъ. Потомъ онъ торговалъ сукнами, часами и т. п. вещами и нажилъ тысячи. И все это дѣлалось во славу бѣдной Польши, на пользу желѣзнаго фонда.

Не стоило имѣть дѣло съ такими милыми патріотами, и я не только пересталъ искать съ ними сближенія, но даже сталъ избѣгать ихъ.

Воспользовавшись случаемъ, я подалъ сераскиру мысль сформировать третій казачій полкъ, одѣвъ его, по образу русскихъ линейныхъ казаковъ, въ черкесское платье, и навербовавъ въ составъ его въ Азіи дезертировъ и черкесъ, а въ случаѣ недостатка людей,—болгаръ. Онъ изъявилъ свое согласіе, и сераскиріатъ предложилъ мнѣ назначить маіоромъ этого полка Юліана Корсака и послать для набора рекрутъ подполковника Пршевлоцкаго, который жилъ въ Стамбулѣ безъ всякаго дѣла и хорошо говорилъ по-турецки, давъ ему въ помощники двухъ поручиковъ: молодаго Пршевлоцкаго и Добровольскаго, уволеннаго изъ французскаго войска, гдѣ его мѣсто занялъ Ромеръ; его товарищъ, Ходасевичъ, былъ назначенъ вмѣсто Бзеделаха, который подалъ въ отставку и также былъ уволенъ.

Бзеделахъ, родомъ кабардинецъ, ненавидѣвшій англичанъ и назначенный состоять при штабѣ ихъ арміи, постоянно рисовалъ на нихъ каррикатуры, что, само собою разумѣется, чрезвычайно возстановило противъ него британцевъ. Съ однимъ изъ штабныхъ офицеровъ у него было крупное столкновеніе, которое могло окончиться дуэлью, но англичанинъ предложилъ кабардинцу тысячу фунтовъ стерлинговъ съ условіемъ, чтобы онъ подалъ въ отставку и уѣхалъ изъ Турціи, не показываясь болѣе въ казачьемъ полку. Тотъ согласился и отправился въ Швейцарію.

Замойскій возвратился въ Шумлу и настоялъ на томъ, чтобы туда былъ вызванъ первый казачій полкъ, который за моимъ отсутствіемъ поступилъ временно подъ его команду.

На моихъ казаковъ тотчасъ посыпались всевозможныя жалобы изъ Добруджи; ихъ принимали адъютанты Измаила-паши и поляки, имѣвшіе сношеніе съ Замойскимъ; противъ меня начались интриги; офи-

церовъ и въ особенности полковника Киркора старались всячески возстановить противъ меня. Если Замойскому не удалось достигнуть своей цѣли и нарушить доброе согласіе, существовавшее между нами, то это надобно приписать порядочности полковника Киркора, который отвергъ всѣ предложенія, дѣлаемыя ему Замойскимъ. Послѣднему повредила также удивительная его привязанность къ католицизму. Въ дневныхъ приказахъ по полку казакамъ предписывалось собираться то къ обѣднѣ, то на разныя другія богослуженія; нѣкоторыхъ солдатъ онъ перекрестилъ даже въ католическую вѣру. Если бы онъ дѣйствовалъ иначе, то ему удалось бы пожалуй возстановить противъ меня полкъ, такъ какъ поляки любятъ все новенькое, всякую перемѣну.

Увѣдомленный полковникомъ Киркоромъ о недобросовѣстныхъ дѣйствіяхъ Замойскаго, я былъ вынужденъ отдать нѣсколько строгихъ приказовъ, которые были такъ же непріятны мнѣ самому, какъ и Замойскому, ибо это шло въ разрѣзъ съ моими политическими взглядами, въ силу которыхъ я всегда старался поддерживать вліяніе князя Адама (Чарторыйскаго) и относиться съ уваженіемъ къ тѣмъ лицамъ, которыя являлись представителями его власти, но Замойскій употребилъ во зло это обстоятельство и окончательно вывелъ меня изъ терпѣнія. Я былъ вынужденъ настоять на томъ, чтобы сераскиръ-паша приказалъ Измаилу-пашѣ отстранить Замойскаго отъ командованія первымъ казачьимъ полкомъ.

Замойскій вмѣстѣ съ женою уѣхалъ въ Стамбулъ и нѣсколько дней спустя въ Парижъ.

Въ Стамбулѣ мы видѣлись съ нимъ нѣсколько разъ; онъ по-прежнему увѣрялъ меня въ своей готовности дѣйствовать со мною за-одно и доказывалъ мнѣ непрактичность моего образа дѣйствій; на что я отвѣчалъ ему, что имѣю полное право не довѣрять его искренности.

Не входя въ обсужденіе его дальнѣйшихъ плановъ, я далъ слово ни въ чемъ не мѣшать ему, хотя бы это и было въ моей власти.

Передъ отъѣздомъ Замойскаго пріѣхалъ сердарь-экремъ. Англичане намѣревались предпринять экспедицію изъ Керчи на Анапу и далѣе въ глубь страны. Я одобрялъ этотъ планъ, но былъ того мнѣнія, что слѣдовало бы войти въ сношенія также съ линейными казаками, между которыми много старовѣровъ, и съ нагайцами-мусульманами. Решидъ-паша поручилъ мнѣ составить записку о черноморскихъ казакахъ, нагайцахъ и другихъ кавказскихъ племенахъ; я приложилъ къ ней карту мѣстности и прибавилъ нѣкоторыя стратегическія соображенія. Записка эта была передана Решидъ-пашою лорду Редклиффу, который, тщательно изучивъ ее, сказалъ, что онъ одобряетъ все сказанное мною и находитъ практичнымъ, но что онъ видитъ въ этомъ проектѣ упорное желаніе съ моей стороны перенести военныя дѣйствія въ Польшу(?!), на что союзники, до взятія Сева-

стополя, никакъ не могутъ согласиться; поэтому нечего и думать идти за Кубань, надобно довольствоваться взятіемъ Анапы и сношеніями съ племенами независимыхъ черкесовъ.

По ходатайству Замойскаго, Сигизмундъ Іорданъ былъ назначенъ въ коммиссію, во главѣ которой стоялъ Лангвортъ и которая должна была отправиться на Кавказъ, подготовить тамъ почву и войти въ сношеніе съ мѣстными жителями. Сеферъ-паша-Занъ-оглу отправился къ шапсугамъ, нагайцамъ и абадзехамъ, а Измаилъ-паша, по происхожденію черкесъ, служившій по почтовому вѣдомству, былъ посланъ къ убыхамъ и другимъ племенамъ, съ порученіемъ войти въ сношеніе съ Гамидъ-беемъ. Замойскій рекомендовалъ Іордана какъ искуснаго политика и свѣдущаго штабнаго офицера. Кажется, дѣятельность этихъ господъ между черкесами отвратила послѣднихъ отъ всякаго желанія принять участіе въ войнѣ; они предпочитали имѣть сосѣдями русскихъ, а не турокъ, и не хотѣли имѣть никакого дѣла съ поляками и англичанами. Сеферъ-паша-Занъ-оглу почти ничего не добился въ своемъ отечествѣ, а Измаилъ-паша вернулся въ Стамбулъ съ невольниками и невольницами. Съ чѣмъ вернулись Лангвортъ и Сигизмундъ Іорданъ, мнѣ не извѣстно, кажется, ни съ чѣмъ, причинивъ только большой убытокъ англійской кассѣ.

По отъѣздѣ Замойскаго было рѣшено совершить экспедицію въ Грузію, употребивъ на это турецкое войско, находившееся подъ Севастополемъ, и значительную часть войска, находившагося въ Болгаріи. Я получилъ приказаніе отправиться въ Ахіоли-Бургасъ [1]), собрать тамъ казачьи полки и уцѣлѣвшіе эскадроны кавалерійскихъ полковъ, находившихся въ Крыму, и приготовить ихъ къ посадкѣ на суда.

Поляки все еще прибывали въ Стамбулъ, поселялись въ Перѣ и своимъ бездѣйствіемъ и пустой болтовней напоминали поведеніе своихъ соотечественниковъ въ Варшавѣ въ 1831 г. Но теперь у нихъ была по крайней мѣрѣ причина выжидать. Они ожидали Замойскаго.

Ксаверій Браницкій и генералъ Быстроновскій (Арсланъ-паша) исчезли съ политическаго горизонта; генералъ Высоцкій и другіе предводители демократіи также болѣе не показывались; мои казаки и я самъ были осмѣяны и осуждены поляками въ прозѣ и стихахъ; Замойскій остался полновластнымъ хозяиномъ политическаго положенія.

Изъ массы поляковъ, пріѣхавшихъ въ Стамбулъ, только двое поступили въ мой казачій полкъ, а именно: Михаилъ Котовичъ, бывшій капитанъ 3-го уланскаго полка въ 1831 г., который имѣлъ какую-то непріятность съ Замойскимъ, и Ришардъ Бервинскій, извѣстный писатель

[1]) Или Аялу-Бургасъ, небольшой укрѣпленный городъ въ Европейской Турціи, на косѣ въ Бургасскомъ заливѣ. В. Т.

и публицистъ, авторъ Донъ-Жуана, нѣсколькихъ статей о литературѣ и другихъ сочиненій, изъ коихъ одно «Римъ и Константинополь» было украдено у него въ рукописи. Искренній патріотъ, здравое сужденіе котораго и высокія качества души были оцѣнены по справедливости графомъ Велепольскимъ, онъ уже перенесъ много горя ради Польши и все еще стремился сражаться за нее. Не выискивая особеннаго случая, онъ прямо явился ко мнѣ и записался въ казаки. И теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, я смѣло скажу, что если бы было побольше такихъ поляковъ, то нечего было бы горевать о Польшѣ.

Я послалъ Ришарда Бервинскаго въ Варну съ приказаніемъ, чтобы полки шли въ Ахіоли-Бургасъ, гдѣ были назначены сборные пункты кавалеріи. Нѣсколько дней спустя я самъ отправился туда и нарочно заѣхалъ по пути въ Варну, чтобы узнать, ушли ли полки. Первый полкъ уже выступилъ, а второй готовился къ выступленію, но я нашелъ въ немъ величайшій безпорядокъ: солдаты не были обмундированы, для большинства лошадей не хватало сѣделъ, оружіе было разнокалиберное. Нѣкоторые офицеры сообщили мнѣ въ откровенной бесѣдѣ, что причиной этой неурядицы—Замойскій, который желалъ оттянуть формированіе полка до своего пріѣзда, чтобы я грѣхомъ не взялъ его и не повелъ въ бой. Одинъ изъ этихъ господъ, близкій пріятель Замойскаго, сказалъ мнѣ между прочимъ:

— Нашъ генералъ по крайней мѣрѣ не думаетъ о томъ, чтобы мы дрались, такъ какъ изъ этого ничего не выходитъ; стоя подъ ружьемъ, мы будемъ торговаться и быть можетъ что-нибудь выторгуемъ для себя и для Польши. Это болѣе практично!

Отъ него же я узналъ, что полковникъ Слубицкій постоянно переписывается съ Замойскимъ, чрезъ англійскаго консула въ Варнѣ, и что съ самаго выступленія перваго полка изъ Шумлы онъ не сносится непосредственно съ турецкими властями даже въ вопросахъ, касающихся провіанта и фуража, но дѣйствуетъ всегда чрезъ англійскаго консула. Я узналъ наконецъ, что обмундированіе, сбруя, сѣдла и обувь уже присланы изъ Франціи и находятся на французскомъ суднѣ, названіе котораго онъ мнѣ также сообщилъ, и что Леваль и Калинка, адъютанты Замойскаго, хлопочутъ о томъ, чтобы эти вещи не выгружались до его пріѣзда и чтобы ни я, ни турецкое правительство не узнали о приходѣ судна съ вещами.

Я тотчасъ воспользовался этимъ свѣдѣніемъ и сообщилъ сераскиру рапортомъ, а французскому послу письмомъ, что полкъ сформированъ, что люди и лошади всѣ въ сборѣ, но въ самомъ жалкомъ видѣ, не одѣты, не вооружены; я просилъ, чтобы полученныя изъ Франціи одежда и обувь были немедленно присланы въ Бургасъ, куда я отправляюсь со вторымъ полкомъ.

Такъ какъ полковникъ Слубицкій, исполняя приказаніе Замойскаго, дѣйствовалъ со мною дипломатично, то и я поступалъ точно также; я осмотрѣлъ полкъ въ лагерѣ въ сумерки, не произвелъ ему настоящаго смотра и приказалъ выступить изъ Варны черезъ два дня. Мнѣ было противно смотрѣть на этихъ солдатъ и офицеровъ, на этихъ поляковъ, которые были убѣждены въ томъ, что сражаться нѣтъ надобности, что достаточно носить мундиръ, быть вооруженнымъ и считаться военнымъ не для того, чтобы воевать, а для того, чтобы торговаться о деньгахъ. Всѣ эти господа, къ сожалѣнію, дѣйствительно были убѣждены въ томъ, что это такъ и должно быть.

На обѣдѣ у губернатора я познакомился съ англійскимъ консуломъ Ніелемъ и при немъ просилъ губернатора не выдавать полку съѣстныхъ припасовъ и фуража, ежели онъ не выйдетъ изъ Варны на недѣлѣ. Я хотѣлъ, чтобы это было извѣстно англійскому консулу и чтобы онъ не потворствовалъ комедіи, разыгрываемой Замойскимъ, которая унижала польское имя въ глазахъ турокъ.

Англійскій консулъ, Ніель, человѣкъ въ высшей степени честный и порядочный, находилъ, что я не понимаю поступковъ Замойскаго, что это не согласуются ни съ его именемъ, ни съ дѣломъ, которому онъ служитъ.

Я выѣхалъ въ Ахіоли-Бургасъ, ночью съ конвоемъ отъ втораго полка. Командиръ 1-го полка, подполковникъ Киркоръ былъ давнишній пріятелъ полковника Слубицкаго, и многіе другіе офицеры, издавна служившіе въ этомъ полку, были того мнѣнія, что Замойскій своимъ іезуитизмомъ и жаждою наживы дотого испортилъ этотъ полкъ, что изъ него никогда не будетъ путнаго войска, и что, находясь вмѣстѣ съ первымъ полкомъ, онъ можетъ заразить его духомъ интриги. Поэтому было бы лучше, если бы онъ перешелъ окончательно къ англичанамъ, тѣмъ болѣе, что уже носится слухъ, что Замойскій переводитъ его на жалованье Англіи и офицеры 2-го полка будутъ получать его золотыми и серебряными фунтами стерлинговъ, а не бумажками, какъ мы. Въ Бургасѣ мы узнали впервые о переговорахъ, которые велъ Замойскій, чтобы превратить польскихъ воиновъ въ англійскихъ солдатъ.

Я отлично понималъ, что отъ этого полка не будетъ никакой пользы для польскаго дѣла, но мнѣ хотѣлось устроить его, обмундировать и прежде, чѣмъ разстаться съ нимъ, показать всѣмъ, что это настоящій полкъ и что если имъ не съумѣютъ воспользоваться, то въ этомъ виноваты не поляки, а Замойскій; однимъ словомъ, я хотѣлъ, чтобы обвиненіе въ отсутствіи военной доблести пало не на поляковъ, а было бы приписано интригамъ одного человѣка.

Я послалъ полковнику Слубицкому строгій приказъ, чтобы онъ немедленно шелъ съ полкомъ въ Бургасъ, присовокупивъ, что ежели

онъ не выступитъ на другой же день, то я вышлю иррегулярныхъ казаковъ, которымъ будетъ приказано эскортировать его; и я сдѣлалъ бы это, я послалъ бы казаковъ, но Слубицкій, по совѣту Ніеля, тотчасъ выступилъ и привелъ полкъ въ Бургасъ. Въ Стамбулѣ розыскали французское судно; всѣ привезенныя на немъ вещи, которыя оказались въ совершенной исправности и прекраснаго качества, были выданы мнѣ съ согласія сераскиріата и французскаго интендантства, несмотря на протестъ Калинки и Леваля. Четыре дня спустя полкъ былъ уже одѣтъ въ мундиры французскихъ конныхъ егерей и, что̀ интереснѣе всего, на немъ были красные штаны.

Переводъ **В. В. Тимощукъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Издатель **С. Зыковъ.** Редакторъ **Н. Дубровинъ.**

АРХИВЪ БРЮЛЛОВЫХЪ,

принадлежащій В. А. Брюллову.

Сообщилъ **Ив. Кубасовъ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1900.

Архивъ Брюлловыхъ, печатаемый нами съ любезнаго разрѣшенія владѣльца его—Владиміра Александровича Брюллова, заключаетъ въ себѣ письма: Александра, Карла и Ѳедора Павловичей Брюлловыхъ, ихъ родителей и обширнаго круга лицъ, съ которыми двое первыхъ изъ поименованныхъ братьевъ находились въ болѣе или менѣе продолжительной перепискѣ. На страницахъ «Русской Старины» будутъ помѣщены письма братьевъ Брюлловыхъ и письма къ нимъ, кромѣ писемъ ихъ родителей, которыя обнародованію не подлежатъ; но мы считаемъ не лишнимъ сказать о послѣднихъ нѣсколько словъ.

Въ существующихъ свѣдѣніяхъ о Брюлловыхъ, особенно объ одномъ изъ талантливѣйшихъ представителей этой художественной семьи—Карлѣ Павловичѣ, нерѣдко повторяется ошибочное мнѣніе объ отношеніяхъ, существовавшихъ между нимъ и его родителями. Говорятъ, что Карлъ Павловичъ будто бы недолюбливалъ своего отца, не писалъ совершенно писемъ къ нему и будто бы послѣдній обращался болѣе чѣмъ грубо съ своимъ талантливымъ сыномъ еще съ юношескихъ лѣтъ его и т. п. Наоборотъ, въ архивѣ Брюлловыхъ мы нашли не одно письмо Карла Павловича къ отцу и не мало писемъ Павла Ивановича (отца) къ нему, въ которыхъ нѣтъ и тѣни какой-либо натянутости въ отношеніяхъ между собою этихъ двухъ корреспондентовъ. Знаменитый художникъ выступаетъ въ письмахъ своихъ какъ любящій почтительный сынъ, а Павелъ Ивановичъ, какъ типъ чадолюбиваго отца: безъ излишнихъ нѣжностей, но вполнѣ искренно и съ явнымъ желаніемъ добра, онъ наполнялъ свои посланія разнаго рода совѣтами и указаніями по поводу начатыхъ работъ сыновей, сообщеніемъ новостей, ихъ касавшихся и т. п. Такой же приблизительно характеръ носятъ и письма матери нашихъ художниковъ, въ которыхъ, впрочемъ, отводилось болѣе мѣста разнаго рода новостямъ, имѣющимъ чисто-семейный интересъ. Она скончалась 18-го декабря 1825 года, и по смерти ея Павелъ Ивановичъ сталъ еще болѣе дѣятельнымъ корреспондентомъ своихъ сыновей. Правда, онъ чаще писалъ сыну Александру, чѣмъ Карлу, но это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что Александръ Павловичъ былъ болѣе исправнымъ корреспондентомъ, чѣмъ его братъ: онъ любилъ писать письма и не оставлялъ ни одного изъ полученныхъ безъ отвѣта, тогда какъ для Карла Павловича писаніе писемъ было одной изъ самыхъ непріятныхъ обязанностей, чѣмъ объясняется и сравнительно небольшое количество его писемъ и ихъ краткость.

Наибольшее количество писемъ Брюлловыхъ относится къ періоду съ 1822 по 1830 годъ, то-есть когда Александръ и Карлъ Павловичи были за границей, куда для усовершенствованія были отправлены Об-

ществомъ поощренія художниковъ [1]). Въ дѣлѣ отправленія ихъ въ чужіе края принималъ большое участіе одинъ изъ учредителей названнаго Общества — Петръ Андреевичъ Кикинъ, которому они и писали не мало писемъ изъ своего путешествія. Въ 1830 году Александръ Павловичъ возвратился въ Петербургъ; Карлъ Павловичъ оставался за границей до конца 1835 года, пока не былъ вызванъ для занятія профессорскаго мѣста въ Академіи художествъ. Второе путешествіе Карла Павловича въ Италію, откуда ему не суждено было возвратиться [2]), онъ предпринялъ въ апрѣлѣ 1849 года.

Ѳедоръ Павловичъ Брюлловъ—старшій изъ братьевъ, хотя и кончилъ курсъ Академіи съ аттестатомъ первой степени (въ 1815 году) и былъ оставленъ при Академіи пансіонеромъ въ ожиданіи посылки на казенный счетъ за границу, но, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, туда отправленъ не былъ. Онъ оставался за время путешествія своихъ братьевъ въ Петербургѣ и дѣятельно поддерживалъ съ ними переписку. Въ чужіе края онъ отправился лишь въ 1853 году, откуда и писалъ брату Александру.

Письма Брюлловыхъ мы печатаемъ въ порядкѣ хронологическомъ, письма къ нимъ (кромѣ оффиціальныхъ писемъ отъ имени Общества поощренія художниковъ) мы сочли удобнымъ расположить въ алфавитномъ порядкѣ фамилій ихъ авторовъ. Письма, оригиналы коихъ писаны на иностранныхъ языкахъ, будутъ предложены въ переводѣ.

Для полноты собранія мы позволили себѣ включить въ рядъ писемъ архива Брюлловыхъ и тѣ немногочисленныя письма братьевъ-художниковъ, которыя полностью или въ извлеченіяхъ были напечатаны раньше въ разныхъ изданіяхъ [3]), и, наконецъ, тѣ, оригиналы которыхъ (не обнародованные) были найдены нами въ другихъ собраніяхъ: въ Императорской публичной библіотекѣ и у частныхъ лицъ. Сдѣлать это было необходимо, такъ какъ многія изъ писемъ, не находящіяся въ бумагахъ Брюлловыхъ, стоятъ въ близкой связи съ письмами предлагаемаго архива.

Ив. Кубасовъ.

---

[1]) Въ Высочайшемъ указѣ, послѣдовавшемъ по поводу этого путешествія, иностранная фамилія братьевъ-художниковъ (Brulelau) была измѣнена въ русскую „Брюлловъ“; прочіе члены этого рода остались съ прежней фамиліей „Брюлло“.

[2]) Онъ умеръ въ мѣстечкѣ Марчіано (близъ Рима) въ іюнѣ 1852 года.

[3]) Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти всѣхъ оригиналовъ ранѣе обнародованныхъ писемъ, почему за многія изъ нихъ отвѣтственности на себя не принимаемъ.

1.

А. П. Брюлловъ—родителямъ.

18-го августа 1822 г. Митава.

Любезные батюшка и матушка! Желая исполнить ваше приказаніе и собственное свое желаніе, я, при первомъ удобномъ случаѣ, пишу къ вамъ, и начинаю съ самаго Петербурга. Разставшись со всѣми, мы поѣхали по назначенной дорогѣ; дилижансъ былъ полонъ, что̀ составляло шесть человѣкъ, между коими находились три знатнѣйшія художества, какъ-то: живопись, скульптура и архитектура [1]), т. е. Карлъ, Лауницъ [2]) (одинъ пріѣхавшій изъ Италіи художникъ) и я, два купца и графъ Коскуль. Съ графомъ мы очень коротко познакомились,—кажется, очень добрый старикъ. Въ дорогѣ до Риги съ нами ничего достойнаго примѣчанія не случилось. Въ воскресенье 16-го августа пріѣхали въ Ригу, одѣлись и пошли къ военному губернатору Паулуччи [3]) (который также членъ Общества, насъ пославшаго). Онъ пригласилъ насъ обѣдать въ понедѣльникъ къ нему; отобѣдавши, отправились въ Митаву—графъ

---

[1]) Выраженіе это заимствовано изъ полнаго прежняго названія Академіи художествъ „Императорская Академія трехъ знатнѣйшихъ художествъ: живописи, скульптуры и архитектуры".

[2]) Эдуардъ Лауницъ (1797 † 1869)—нѣмецкій скульпторъ, уроженецъ Курляндіи; жилъ долго въ Италіи, въ Римѣ, учился у Торвальдсена; съ 1820-хъ годовъ работалъ большею частью въ Франкфуртѣ на Майнѣ.

[3]) Филиппъ Осиповичъ Паулуччи (род. въ 1779 г.),—маркизъ, перешедшій изъ французской арміи въ 1807 году на русскую службу; былъ главнокомандующимъ въ Грузіи, въ 1812 г. начальникомъ штаба 1-й арміи; наконецъ лифляндскимъ и курляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ 1829 г. оставилъ Россію и перешелъ на итальянскую службу. (Въ члены Общества поощренія художниковъ вступилъ 26-го іюля 1822 г.).

(старикъ), Карлъ и я. Въ 10 часовъ вечера были мы уже въ Митавѣ. Графъ нашелъ намъ квартиру, гдѣ намъ дали очень хорошія постели, а болѣе, можетъ быть, потому (хорошія), что мы очень устали. Утромъ напились мы кофею, а въ 9 часовъ утра пришелъ къ намъ графъ; онъ познакомилъ насъ съ своимъ семействомъ. Позавтракали и пошли съ нимъ гулять по городу. Въ Митавѣ видѣли разводъ, безчисленное множество жидовъ. И вотъ покуда все. Завтра думаемъ отправиться далѣе.

NB. Въ Ригѣ насъ поразили три предмета: 1) самый городъ своею древностью и разнообразностью, 2) жиды и 3) фрукты. Представьте, что желтыя сливы продаются тамъ въ возахъ и кружками. Кружка 12 копѣекъ и дешевле, но въ дорогѣ все очень дорого. Во все время мы были очень здоровы, скучать было некогда, ибо на всякомъ шагу насъ поражали новые предметы: то какой-нибудь видъ, то какое-нибудь необыкновенное строеніе, то забавный разговоръ пассажировъ и тому подобное. Я ничего не говорилъ вамъ о прелестяхъ мѣстоположенія; это потому, что онѣ безчисленны. Но объ одномъ и здѣсь упомяну: die See Peypus—такъ его называли. Мы ѣхали, можетъ быть, съ полчаса все въ водѣ на берегу этого озера; ночь была тихая, луна была полная... однимъ словомъ, эта картина природы совершенно изображала молчаніе мудраго. Покуда перемѣняли лошадей, Карлъ и я гуляли по берегу. Черезъ нѣсколько минутъ лошади были заложены, мы сѣли въ повозку и забыли мракъ ночи, блескъ луны, шумъ стремящихся къ берегу волнъ... забыли все на нѣсколько времени въ безчувственныхъ объятіяхъ Морфея. Прощайте. Кланяйтесь всѣмъ отъ меня и Карла. Сдѣлайте милость, папенька, сготовьте скорѣй всѣ вещи, которыя нужно отослать въ Италію, и поговорите объ оныхъ съ Петромъ Андреевичемъ Кикинымъ. Поспѣшите, чтобъ фрегатъ не ушелъ.

2.

А. П. и К. П. Брюлловы—родителямъ.

22-го сентября (н. с.) 1822 г. Берлинъ.

Любезные батюшка и матушка! Простите, что мы не такъ часто пишемъ, какъ вы, можетъ быть, желали бы, но это потому, что мы встрѣчаемъ слишкомъ много новаго и почти не находимъ времени писать. Но это не оправданіе... простите! Послѣднее наше письмо было изъ Митавы (я надѣюсь, что вы его получили). Оно оканчивалось тѣмъ, что мы готовились ѣхать далѣе. Итакъ, 28-го мы отправились въ Полангенъ, послѣдній пограничный городъ Россіи. Когда мы переступили черту различныхъ владѣній, то какое-то непонятное чувство овладѣло

духомъ нашимъ (я говорю н а ш и м ъ, потому что я съ Карломъ дорогой почти безпрерывно говорилъ и нашелъ, что наши чувствованія были совершенно равны). Первый одноглавый орелъ (прусскій гербъ) былъ знакомъ, что мы уже далеко отъ нашего дома. Тутъ только я увидѣлъ, что чего бы я ни пожелалъ, то надо обратиться къ чужому, и въ это время радость смѣшалась съ горестью; но это прошло, и я нашелъ вездѣ людей и узналъ, что съ добрымъ словомъ и деньгами все можно сдѣлать. Первый городъ въ Пруссіи, въ который мы пріѣхали, былъ Мемель; въ ономъ прожили мы два дня. Тамъ познакомились мы случайно съ двумя молодыми—барономъ фонъ-Киницомъ и барономъ фонъ-Функомъ, очень любезными людьми, что̀ впослѣдствіи оказалось. Первый изъ нихъ въ прусской службѣ, а второй—студентъ—ѣхалъ въ университетъ въ Гетингенъ. Дорога намъ всѣмъ была совершенно одна, почему мы и согласились ѣхать вмѣстѣ. Итакъ, по почтѣ мы отправились въ Кёнигсбергъ и пріѣхали туда въ 23 часа. Оставались тамъ два дня; были вечеромъ въ театрѣ. Изъ Мемеля въ Кёнигсбергъ есть двѣ дороги: одна черезъ Тильзитъ и составляетъ 36 миль, а другая 12 миль—Am Strande, какъ всѣ называютъ, ибо это есть полоска песку, коей стороны омываемы моремъ и Куришскою гаванью (Kurische Hafen). Первый разъ я видѣлъ море и, признаюсь, видъ необыкновенный! прелестный! величественный! Случилось, что вѣтеръ былъ очень сильный; мы ѣхали у самой воды моря, такъ что колеса (вслѣдствіе) сильнаго прилива воды разрушавшейся волны очень часто до половины были въ водѣ, а нѣсколько разъ и мы всѣ были замочены брызгами къ намъ приближавшихся волнъ. И эту дорогу мы сдѣлали ночью. Ахъ! позабылъ: видѣли захожденіе солнца... но это былъ не Фебъ,—это была стихія огня, сейчасъ отдѣленная руками Творца отъ другихъ стихій и не получившая еще своего мѣста, своего направленія. Солнце зашло, но западъ еще долго пылалъ и какъ бы стращалъ зажечь сферу, а море казалось кипѣвшимъ не отъ вѣтру, но отъ багроваго огня, который какъ бы выходилъ изъ-подъ воды. Я оставляю окончить величественную картину вашему воображенію. 5-го числа (стараго стиля) отправились мы въ Берлинъ; 7 дней и ночей были въ дорогѣ, послѣ чего пріѣхали въ славный Берлинъ. И, надобно сказать, что послѣ Петербурга еще въ первый городъ пріѣхали, ибо прочіе города, право, можно почесть за деревни. Въ Берлинѣ были мы въ театрѣ, играли хорошо, а піесу подъ заглавіемъ «Егари», неподражаемо! Видѣли еще прекрасную оперу «Ифигенія въ Тавридѣ» [1]), играли хорошо. Но Са-

[1]) „Ифигенія въ Тавридѣ“—опера въ 4 дѣйствіяхъ, музыка Піссіні, либретто Dubreuil'я

мойлова [1]) нѣтъ!!! Черезъ три дня отправились въ Потсдамъ. Городъ очень хорошъ, окрестности чрезвычайны. Были въ Санъ-Суси: садъ прекрасный, мѣстоположеніе выбрано достойно Фридриха II Великаго; намъ показывали комнаты дворца въ Санъ-Суси, видѣли библіотеку Фридриха, въ которой все оставлено въ томъ же положеніи, какъ оно находилось при его смерти; видѣли мѣсто, гдѣ умеръ Фридрихъ, и часы, которые остановились въ часъ его смерти; комнату Вольтера, испарканный и истертый столъ, на которомъ онъ писалъ [2]); были въ картинной галлереѣ. Возвратились опять въ Берлинъ, и вотъ, вечеромъ пишу къ вамъ. Карлъ и я кланяемся всѣмъ нашимъ знакомымъ.

Остаемся ваши покорные А. и К. Брюлловы.

Ноября 4-го (н. с.) мы ѣдемъ въ Мюнхенъ.

3.

А. П. Брюлловъ—родителямъ.

29-го октября 1822 г. Дрезденъ.

Любезные батюшка и матушка! Честь имѣю рекомендоваться тѣмъ же самымъ Александромъ, только съ двумя маленькими перемѣнами, т. е. 1) я не зналъ прежде желанія съ вами видѣться, потому что всегда былъ съ вами, и 2) что я васъ прежде не такъ часто во снѣ видалъ, за то на-яву чаще видѣлъ. Право, странно... Еще прошлою ночью видѣлъ я во снѣ, будто я у васъ на балѣ, будто мы веселились по обыкновенному, ужинали, и, наконецъ, этотъ балъ кончился тѣмъ, что я проснулся. Видѣлъ Машу, Юлю, Ѳедора [3])—ну, всѣхъ, кого люблю.

Вмѣсто всякаго описанія мѣста, гдѣ мы живемъ, или чего-нибудь сему подобнаго, я скажу только, что Петербургъ—чудный городъ, и кто хочетъ видѣть [4])... городъ, такъ и не выѣзжай изъ него... Но окрестности Дрездена—вотъ о чемъ вы понятія не имѣете. Не знаю, какъ у васъ, катаются ли уже на конькахъ, но здѣсь все еще лѣто;

---

[1]) Подразумѣвается Василій Михайловичъ Самойловъ (род. въ 1782 г., ум. въ 1839 г.),—актеръ, извѣстный оперный пѣвецъ; первый теноръ.

[2]) Вольтеръ прибылъ въ Санъ-Суси (по приглашенію Фридриха) въ іюлѣ 1750 года и навсегда покинулъ его въ мартѣ 1753 г., поссорившись съ королемъ. За этотъ трехлѣтній промежутокъ онъ написалъ, между прочимъ, знаменитую сатиру „Diatribe du doctor Akakia, médecin du Pape", направленную противъ Мопертюи. Король приказалъ ее сжечь, что и было исполнено 24-го декабря 1752 года въ Берлинѣ.

[3]) Сестры и братъ А. П. Брюллова.

[4]) Слѣдующая часть письма сильно испорчена.

хотя на деревьяхъ листъ уже пожелтѣлъ, но все-таки, здѣшніе жители по праздникамъ идутъ за городъ, либо на Ликшъ-Бадъ или на Финледеръ (имена мѣстъ, гдѣ они собираются) или на другое какое-нибудь мѣсто, и я—туда же; сажусь за столъ, приказываю подать кофій и цыгарку и начинаю дѣлать мои наблюденія надъ прелестными нѣмочками и надъ солидными нѣмцами, изъ коихъ первыя съ такимъ же прилежаніемъ вяжутъ чулокъ на вольномъ воздухѣ подъ тѣнью каштановаго дерева, какъ и дома (я сказалъ—прелестными, но, Боже мой!... сколько горбатыхъ и кривоногихъ!). Проведя, такимъ образомъ, нѣсколько часовъ, возвращаюсь въ городъ по каштановой аллеѣ и въ безпрерывной толпѣ (надобно допустить, что нѣмцы гораздо охотнѣе русскихъ ходятъ пѣшкомъ).

На сихъ дняхъ былъ я въ Саксонской Швейцаріи,—4 часа отъ Дрездена. Подъ симъ именемъ она извѣстна, ибо она есть изображеніе самой Швейцаріи въ миніатюрномъ видѣ; такъ говорятъ самые обитатели Альповъ. Ну, маменька, посмотрѣли бы вы, по какимъ скаламъ я ходилъ, какія пропасти подъ собою видѣлъ. Я, право, думалъ слышать вашъ голосъ сзади меня: «Шаша, берегись!» Но только, если это миніатюрный видъ Швейцаріи, такъ я не знаю уже, какъ вообразить настоящую...

4.

А. П. и К. П. Брюлловы—П. А. Кикину.

15-го ноября 1822 г. Дрезденъ.

Ваше превосходительство, Петръ Андреевичъ! Простите, что до сихъ поръ замедлили къ вамъ писать, но тому было причиною пятинедѣльное пребываніе въ дорогѣ. Въ Дрезденъ пріѣхали мы 2-го октября, почему написавши въ Кіевъ, не надѣялись, чтобы наше письмо васъ тамъ застало. Къ тому же его высокопревосходительство г. Ханыковъ [1]) былъ въ отъѣздѣ, слѣдственно, и письма, намъ врученныя, оставались у насъ, и это самое и заставило насъ не выполнить нашей обязанности. При нашемъ отъѣздѣ вы изъявили желаніе знать всѣ подробности нашего путешествія, что и подало намъ смѣлость написать, можетъ быть, слишкомъ длинное письмо. Оставивши Петербургъ 16-го августа, мы были въ дорогѣ до Риги четыре дня; между нашими сопутниками находился также г. Лауницъ; онъ вамъ уже извѣстенъ. По пріѣздѣ въ

[1]) Василій Васильевичъ Ханыковъ въ то время—нашъ чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ въ Дрезденѣ и другихъ городахъ Германіи.

Ригу, нашимъ первымъ дѣломъ было пойдти къ сочлену вашего Общества, маркизу Паулуччи, которымъ и были приглашены на другой день къ обѣду. Вечеромъ гуляли въ публичномъ саду, гдѣ былъ сожженъ довольно хорошій фейерверкъ; на другой день ходили осматривать городъ и въ первый разъ видѣли готическія строенія, и хотя не очень значительныя, но готическія.

Вечеромъ 21-го августа въ дилижансѣ отправились въ Митаву; тутъ предстали намъ двѣ дороги, чрезъ Ковно и чрезъ Полангенъ, въ избраніи которой намъ было столько же затрудненія, какъ заблудшему въ густотѣ лѣса при двухъ тропинкахъ. Но мы находились не въ лѣсу, а въ столицѣ Курляндіи, и не могли узнать, есть ли дилижансъ за Ковно и за Полангеномъ. Между тѣмъ познакомились мы чрезъ одного изъ нашихъ спутниковъ, гр. Коскуля, съ вице-губернаторомъ г. Батайль [1]), которымъ были очень хорошо приняты, и который самъ посылалъ справляться у содержателя дилижансовъ, но все тщетно. Наконецъ, мы избрали, какъ казалось, вѣрнѣйшее, и рѣшились ѣхать черезъ Полангенъ; но опять новое препятствіе: пассажировъ не было, и мы должны были прожить въ Митавѣ цѣлую недѣлю, по прошествіи которой отправились въ Полангенъ; двое сутокъ были въ дорогѣ и видѣли прусскіе орлы. Въ Мемелѣ мы могли бы по пріѣздѣ прямо отправиться далѣе въ такъ называемую ordinäre Post, но она шла черезъ Тильзитъ гораздо далѣе и долѣе, почему мы вознамѣрились ѣхать водою; при хорошемъ вѣтрѣ 5 часовъ ѣзды. Но противный вѣтръ разрушилъ всѣ наши намѣренія, и мы отправились по extra-Post. Мы ѣхали у самаго моря, такъ что колеса нашей повозки были омываемы разбивающимися волнами—и тутъ мы увидѣли совсѣмъ новую для насъ картину, увидѣли, такъ сказать, страшныя прелести бушующаго моря! 2-го сентября пріѣхали въ Кёнигсбергъ, 5-го отправились въ дилижансѣ далѣе, недѣлю находились въ дорогѣ и очутились въ Берлинѣ. Мы не ошиблись, ѣхавши черезъ Полангенъ, ибо мы встрѣтили здѣсь въ Берлинѣ вещи, которыя не видать почти грѣшно, къ тому застали еще выставку въ Академіи художествъ, въ которой были выставлены всякаго рода произведенія, какъ-то: художественныя, механическія, мануфактурныя. Произведенія живописи были слишкомъ обыкновенны, и объ оныхъ можно имѣть совершенное понятіе, представивъ себѣ послѣднюю выставку въ Академіи въ Петербургѣ, кромѣ картины г. Гораса Вернета [2]), изображающей парадъ россійскихъ и прусскихъ войскъ въ Парижѣ. Длина оной была около 3 аршинъ, а вышина около $2^1/_4$. Въ этой кар-

[1]) Мартинъ Яковлевичъ Батайль—былъ съ 1818 г. курляндскимъ вице-губернаторомъ.

[2]) Эмиль-Жанъ-Орасъ Вернэ (Vernet), болѣе извѣстный подъ именемъ Ораса Вернэ—знаменитый французскій батальный живописецъ (1789 † 1863).

тинѣ онъ показалъ всѣ достоинства, какія только можно требовать отъ этого рода. Произведенія скульптуры были очень достойны замѣчанія, между коими находится канделябръ г. Рауха [1]) лучшаго вкуса и прекрасной отдѣлки. Хотя общее мнѣніе было, что эта выставка бывала обыкновенно въ другіе годы богаче хорошими вещами, нежели въ этотъ разъ, но все-таки оную нельзя было назвать бѣдною. Не знаемъ, видѣли ли вы въ Берлинѣ новый театръ? Онъ выстроенъ по проекту г. Шинкеля [2]). Многіе охуждаютъ его, что онъ сдѣлалъ внутренность театра слишкомъ малу, судя по внѣшности, но это было требованіе короля, который желалъ, чтобы оный служилъ для однихъ драматическихъ представленій; къ тому же устроена въ ономъ прекрасная концертная зала, слѣдственно, это нельзя вмѣнить архитектору въ ошибку. Вообще зданіе прекрасное; чужестранецъ, пріѣхавъ въ Берлинъ, никогда не будетъ имѣть затрудненія искать театра,—такъ хорошо соблюденъ характеръ публичнаго строенія. Два монумента, поставленные по сторонамъ гауптвахты и сдѣланные изъ бѣлаго мрамора г. Раухомъ, превзошли наше ожиданіе. Они помѣщены на высокихъ пьедесталахъ, стороны коихъ украшены барельефами, въ коихъ скульпторъ умѣлъ соединить простоту греческихъ ваятелей первыхъ временъ съ точностью и вкусомъ позднѣйшихъ. Изъ Берлина ѣздили мы на два дня въ Потсдамъ, были въ картинной галлереѣ, богатой Рубенсомъ и лучшими можетъ быть произведеніями Вандерверфа, изъ коихъ два написаны на золотомъ грунтѣ, имѣютъ и колоритъ очень хорошій; Гвидо-Рени—Туалетъ Венеры; и вообще объ этой галлереѣ можно сказать, что хотя она и не очень многочисленна, но имѣетъ много хорошаго. Были въ Санъ-Суси, видѣли покои Фридриха Великаго и возвратились въ Берлинъ. 30-го сентября выѣхали изъ Берлина съ фурманомъ, нанявъ у него два мѣста въ коляскѣ. На другой день, какъ начало смеркаться, а фурманъ и пассажиры, утомившись отъ дневнаго пути, заснули,—вдругъ коляска опрокинулась, и счастье, что лошади были одного характера съ саксонцами! На третій день мѣстоположеніе начало насъ какъ бы приготавливать ко вступленію въ прелестную Саксонію; тутъ, кажется, природа въ первый разъ улыбнулась, или она такъ рѣдко показывала веселый видъ, что мы почли это за первое. Вечеромъ въ девятомъ

[1]) Христіанъ-Даніель Раухъ (род. въ 1777 г., ум. въ 1857 г.). Ниже говорится о двухъ его статуяхъ генераловъ Бюлова и Шарнгорста, которыя этотъ знаменитый нѣмецкій скульпторъ производилъ въ теченіе семи лѣтъ, (1815—1822), начавъ работу надъ ними въ Каррарѣ, гдѣ, между прочимъ, по заказу Остермана-Толстаго исполнилъ статую императора Александра I.

[2]) Шинкель (1781 † 1841),—извѣстный нѣмецкій архитекторъ и декораторъ, по проектамъ котораго выстроено не мало общественныхъ зданій въ Берлинѣ. Между прочимъ, онъ былъ почетнымъ вольнымъ общникомъ нашей Академіи художествъ.

часу въѣхали мы въ Дрезденъ. При видѣ (Видъ) моста, который видѣли мы прежде на рисункахъ, а теперь сами переѣзжаемъ,—прелестные виды по обѣ стороны, вдоль Эльбы,—лунный теплый вечеръ, толпящійся на мосту народъ,—это все вмѣстѣ насъ такъ пріятно привѣтствовало, что, не видавъ города, мы рѣшили, что онъ прекрасенъ. На другой день отнесли мы письма къ посланнику и директору Академіи, Зейдельману... Были также у г. Маттеи, директора галлереи, отъ котораго получили позволеніе посѣщать натурный классъ [1]). Не опустили также случая посѣтить Grünes Gewölbe [2]), (были) въ арсеналѣ, гдѣ между прочими вещами видѣли также треугольную шляпу и шпагу Петра I; въ Японскомъ дворцѣ, гдѣ находится значительное собраніе антиковъ. Успѣли застать также и здѣсь выставку; оная была гораздо малочисленнѣе берлинской, но имѣла достойныя вещи: тутъ находилось нѣсколько пейзажей отличной работы, также картонъ г. Маттеи имѣлъ много достоинствъ. О самомъ Дрезденѣ и вообще о всѣхъ городахъ, которые мы проѣзжали, ничего не можемъ сказать, ибо мы видѣли Петербургъ. А что и есть хорошаго, какъ-то: католическая церковь [3]) и еще другая, называемая Frauen-Kirche, такъ и то въ такомъ несчастномъ вкусѣ, что только одно намѣреніе надобно хвалить. Не могши похвалить городъ, должны о окрестностяхъ, потому что ихъ чтобы достойно похвалить, то надобно выдумать новую похвалу (sic). Сказать только можно, что при прогулкахъ за городъ съ этихъ возвышеній видѣли мы все пространство... нашего счастья, и эти минуты совершеннаго нашего удовольствія были вамъ посвящены. Приближающаяся зима прервала всѣ способы для занятій, ибо какъ картинная, такъ равномѣрно эстампная и античная галлереи уже затворены. И мы готовимся уже оставить Дрезденъ. Но если и въ Мюнхенѣ все закрыто, то мы думаемъ и тамъ не очень долго оставаться. Впрочемъ, мы смѣемъ надѣяться, что ваше превосходительство будете намъ писать, и мы узнаемъ ваше желаніе. Остаемся совершенно преданные Александръ и Карлъ Брюлловы.

(Напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1863 г., т. 35, стр. 364—366).

---

[1]) Между тѣмъ какъ этотъ же самый Маттеи нѣсколькими годами раньше грубо обошелся съ другими нашими молодыми художниками, которые во главѣ съ С. И. Гальбергомъ явились-было къ нему тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Дрезденъ (См. „С. И. Гальбергъ въ его заграничныхъ письмахъ и запискахъ“ въ „Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ“ за 1884 г.—приложеніе, стр. 105).

[2]) „Зеленое подземелье“, гдѣ хранится масса драгоцѣнностей старыхъ и новыхъ.

[3]) Имѣется въ виду придворная церковь, въ стилѣ рококо; въ ней находится склепъ королевскаго дома; въ самой церкви много картинъ знаменитыхъ художниковъ.

5.

К. П. Брюлловъ—П. А. Кикину [1]).

По требованію вашему откровеннаго мнѣнія насчетъ дрезденской галлереи, осмѣливаюсь начать съ того, что всѣ шесть Корреджіевъ,—славныхъ картинъ, дѣлающихъ дрезденскую галлерею славнѣйшею, по словамъ здѣшнихъ бѣснующихся потомковъ Альбертъ-Дюреровыхъ, никогда не сдѣлаютъ и сотой пользы, что одна Пуссенова картина, о которомъ здѣсь едва знаютъ, что онъ какой-то французъ [2]). Поэтому, можете увѣриться, какова здѣсь школа; почему можно сказать, что опасно долѣе оставаться между сими антихудожниками, если бы не Рафаэлева Мадонна, на которую чѣмъ болѣе смотришь, тѣмъ болѣе чувствуешь непостижимость сихъ красотъ: каждая черта обдумана, преисполнена выраженія; грація соединена со строжайшимъ стилемъ (еслибъ я видѣлъ ее прежде, моя Антигона болѣе бы выиграла), потому что, рисуя съ невольнымъ вниманіемъ, мало-по-малу, я открылъ секретъ, который состоялъ въ томъ, чтобы болѣе рисовать съ антикъ и Рафаэля, и славному Егорову [3]) скажу, что онъ не былъ бы то, что̀ онъ есть, если бы не видалъ Рафаэля. Прочія картины историческія состоятъ всѣ изъ Альберта Дюрера и ему подобныхъ, то-есть ни одной классической, выключая Гвидова Христа [4]), который едва-ли не есть нерукотворенный, и котораго я скопировалъ, и сія копія да будетъ моимъ путеводителемъ въ вѣрѣ, головахъ и экспрессіяхъ [5]). Его же Венера,—краски содѣлались жертвою времени, но рисунокъ—потретъ Венеры! Вотъ картины, съ коихъ можетъ учиться и выучившійся. О Тиціанѣ—простите, мнѣ кажется, что молва объ его картинахъ сдѣлалась какъ бы завѣсой, сквозь которую трудно видѣть Тиціана! Восхищающій Стефанъ Микель-Анджело есть или не его, или работа первыхъ недѣль его занятій, или послѣднихъ часовъ его жизни, когда исчезли жизнь и разсудокъ.

---

[1]) Приложено при предыдущемъ письмѣ.

[2]) Nicolas Poussin (1594—1665)—извѣстный французскій историческій живописецъ и пейзажистъ. Въ нашемъ Эрмитажѣ есть болѣе 20 картинъ этого художника.

[3]) Алексѣй Егоровичъ Егоровъ (род. 1776 г., ум. въ 1851 г.),—съ 1812 г. профессоръ живописи въ Академіи художествъ, учитель К. П. Брюллова.

[4]) Говорится о картинѣ Гвидо Рени: „Ecce homo!“

[5]) „Желаніе юнаго художника“—какъ замѣчаетъ А. И. Сомовъ въ своей статьѣ о К. П. Брюлловѣ—„исполнилось, потому что на всѣхъ его работахъ, даже позднѣйшихъ и самыхъ зрѣлыхъ, лежитъ печать сродства съ Рени и вообще съ Болонскою школой“. (См. „К. П. Брюлловъ и его значеніе въ русскомъ искусствѣ“, брошюра А. И. Сомова, Спб. 1899, стр. 6).

Точно и вѣрно за подписаніемъ моего къ вашему превосходительству почтенія К. Брюлловъ.

Если бы нашему Эрмитажу хоть одного крикуна изъ здѣшнихъ, то онъ стоилъ бы всѣхъ сокровищъ Европы, Азіи, Африки и Америки, не выключая и другихъ.

(Напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 г., т. 35, стр. 367).

6.

А. П. Брюлловъ—родителямъ.

21-го декабря 1822 г. Мюнхенъ.

Поздравляю васъ съ новымъ годомъ и желаю, чтобы я могъ это повторять много лѣтъ. Я теперь долженъ къ вамъ пересылать мое поздравленіе и желаніе за 2.000 верстъ. Но вы его примете, любезные друзья и родственники (къ вамъ я обращаюсь, всѣ меня помнящіе!), съ такимъ же удовольствіемъ, какъ бы я самъ присутствовалъ, и что само заставляетъ меня на минуту забыть насъ раздѣляющее разстояніе, переселиться къ вамъ, мысленно съ вами бесѣдовать, веселиться. Это, конечно, будетъ мечта, но мечта пріятная, услаждающая,—а я желалъ бы, чтобъ меня всегда могла обманывать прелестная мечта, нежели безпрерывно терзали мрачныя истины...

Я пишу къ вамъ уже 21-го декабря, а снѣгъ только третьяго дня, что выпалъ; въ среду—Рождество (черезъ 4 дни), и, признаться, его ожидаю я почти съ тѣмъ же нетерпѣніемъ ребенка, какъ за 10 лѣтъ не потому, что я дѣйствительно могъ бы что-нибудь ожидать отъ сего дня, но потому, что воображеніе представляетъ мнѣ прошедшія удовольствія въ такихъ прекрасныхъ краскахъ, что нельзя не ощущать удовольствія, вспоминая оныя. Вотъ мы въ Мюнхенѣ уже 18 дней, и почти всякой день встрѣчали что-нибудь новое, прекрасную галлерею картинъ, прекраснѣйшую библіотеку, нѣсколько партикулярныхъ галлерей, также нѣсколько хорошихъ строеній и очень хорошо учрежденную Академію; и имѣемъ еще въ виду много достойныхъ предметовъ для путешествующихъ. Короче сказать—проводить время нельзя лучше. Мы намѣрены здѣсь пробыть до 1-го февраля (н. с.)...

Васъ, матушка, особенно поздравляю съ днемъ вашего рожденія (4-го генваря); желанія мои вамъ очень извѣстны, и сожалѣю только, что не могу оныя по-обыкновенному праздновать. Но за то черезъ четыре года... ужъ будетъ!

Всѣмъ поклонъ отъ Карла!

7.

А. П. и К. П. Брюлловы—Обществу поощренія художниковъ.

28-го января 1823 г. Мюнхенъ.

Почтеннѣйшее Общество!

Мы льстимся надеждою совершенно исполнить ваше требованіе, если напишемъ наше мнѣніе открыто, не боясь иногда сказать слишкомъ много, или дерзко, ободряя себя надеждою, что симъ исполняемъ свою обязанность.

Нѣсколько дней нашего пребыванія въ Берлинѣ употребили мы на осматриваніе выставки, въ которой особенно отличался Горасъ Вернетъ. Прочія же были или самыя обыкновенныя или очень слабыя, и, по словамъ жителей Берлина, сія выставка заключала въ себѣ гораздо менѣе предшествовавшихъ; изъ сего исключить надобно еще произведенія Рауха [1]). Имъ сдѣланы два монумента генераламъ Бюлову и Шарнгорсту, помѣщенные по сторонамъ главной гауптвахты. Въ сихъ двухъ монументахъ сдѣлалъ онъ все, что только можно сдѣлать изъ костюмовъ нынѣшняго времени. Но барельефы, аллегорическія изображенія сихъ генераловъ, коими украшены пьедесталы, соединяютъ всѣ достоинства барельефовъ. Съ превосходною композиціей соединялъ онъ чрезвычайную правильность рисунка и самый лучшій вкусъ, который столько времени былъ забытъ. Осмѣлимся сказать, что эти барельефы можно поставить на-ряду съ лучшими произведеніями древности въ семъ родѣ.

Въ Потсдамѣ въ картинной галлереѣ нашли прекрасныя собранія Рубенсовъ, чрезвычайную картину Гвидо-Рени, представляющую туалетъ Венеры. Странно, что здѣсь всѣ восхищаются тремя граціями Доменикино, не имѣющими однако никакихъ достоинствъ сего мастера. Въ Дрезденѣ также застали выставку въ Академіи художествъ. Лучшія произведенія были г. Маттеи, нынѣшняго директора Академіи, съ коимъ нашли случай познакомиться, и получили позволеніе посѣщать натурный классъ по вечерамъ. Въ противность мнѣнію, быть можетъ, многихъ должны сказать, что въ Дрезденѣ художества вообще въ самомъ жалкомъ положеніи; царствующая школа здѣсь нѣмецкая, здѣшніе молодые художники восхищаются Альбертомъ Дюреромъ [2]), Гольбейномъ [3]) и имъ

---

[1]) См. примѣч. къ письму № 4.

[2]) Альбрехтъ Дюреръ—знаменитый нѣмецкій живописецъ и писатель-теоретикъ (1471 † 1528).

[3]) Имѣется въ виду Гольбейнъ Младшій (1497 † 1543).

подобными, и хладнокровно проходятъ Рафаэля; хвалятъ Микель-Анджело, потому что эта картина Микель-Анджело, и не хотятъ видѣть въ ней, что она должна бы его пристыдить, если бы всякій человѣкъ не дѣлалъ худо. Самая галлерея въ такомъ небреженіи, что безъ горести и состраданія нельзя въ оной находиться; ни одна картина не покрыта лакомъ, что̀ много способствуетъ къ сокрытію половины достоинствъ сихъ картинъ.

Въ Мюнхенѣ нашли болѣе, нежели, сколько ожидали: прекрасную галлерею, сколько достойныхъ художниковъ, очень хорошо учрежденную Академію, прекрасную библіотеку, и все сіе во всякое время и всякому открыто. Мы познакомились съ г. Кленцемъ [1]), архитекторомъ при казенныхъ строеніяхъ, который намъ доставилъ случай видѣть много достойнаго примѣчанія, между прочимъ глиптотеку, зданіе, служащее для собранія антиковъ. Онъ—архитекторъ сего строенія; у него видѣли мы еще проектъ для нѣмецкаго пантеона; сіи два строенія всегда будутъ сильно говорить за его способности. Въ первомъ изъ оныхъ видѣли мы плафонъ работы г. Корнеліуса [2]). Отдавъ должную дань его достоинствамъ, не смѣемъ похвалить его живопись (но впрочемъ это альфрески). Въ числѣ лучшихъ художниковъ, знакомство коихъ мы пріобрѣли въ Мюнхенѣ, считается г. Лангеръ, сынъ директора Лангера. Онъ занимаетъ въ Академіи мѣсто профессора исторической живописи [3]). Школа его есть ничему не подражать, кромѣ самой природы; по его словамъ, простота есть девизъ художествъ, а самъ оной удаляется. Нельзя однако не отдать должной справедливости нѣкоторымъ частямъ въ его произведеніяхъ: колоритъ, расположеніе тѣней и свѣта, при воззрѣніи на его картину, дѣлаютъ самое пріятное впечатлѣніе, но слѣдствія совсѣмъ противныя. Чѣмъ болѣе разсматриваешь, то болѣе открываешь недостатки въ композиціи, чрезвычайныя погрѣшности въ рисованіи; такъ что наконецъ они совсѣмъ помрачаютъ то, что̀ и есть хорошее въ картинѣ.

(Далѣе слѣдуютъ подробности о производствѣ литографіи въ Мюнхенѣ, такъ какъ общество поручило Александру Брюллову собрать свѣдѣнія объ этомъ новомъ тогда искусствѣ).

(Напечатано въ «Русск. Вѣстн.» 1861, т. 35, стр. 368—369).

---

[1]) Лео von Klenze (1706†1814)—одинъ изъ знаменитыхъ нѣмецкихъ архитекторовъ; между прочимъ онъ былъ нѣсколько разъ въ Петербургѣ, гдѣ по его чертежамъ и рисункамъ строился нашъ Эрмитажъ.

[2]) П. Корнеліусъ (1783†1867)—нѣмецкій историческій живописецъ, съ 1825 г.—директоръ Мюнхенской академіи художествъ.

[3]) Робертъ фонъ-Лангеръ (1783—1846),—нѣмецкій историческій живописецъ, ученикъ своего отца-художника и гравера Іоганна фонъ-Лангеръ. Профессоромъ въ Мюнхенѣ Робертъ фонъ-Лангеръ былъ съ 1806 года.

8.

П. А. Кикинъ—К. П. и А. П. Брюлловымъ.

10-го марта 1823 г. С.-Петербургъ.

Здравствуйте, любезные друзья Брюлловы! Если желали вы имѣть отъ меня письма и по сіе время не получали оныхъ, то вините сами себя. Вы такъ долго не отзывались, что, посылавъ къ вамъ деньги, я исполнялъ токмо обязанность свою, но разговаривать съ вами не считалъ ни нужнымъ, ни приличнымъ. По продолжительномъ мученіи, наконецъ, разрѣшились вы бременемъ и произвели на свѣтъ первое дитя, которымъ, однако же, Общество было довольно, съ удовольствіемъ читало и, принимая въ васъ живѣйшее участіе, желаетъ и надѣется, что вы, чувствуя цѣль и намѣренія его, оправдаете выборъ васъ и доставите собою явное ручательство въ томъ, что можетъ сдѣлать общее соревнованіе къ пользѣ отечественной. Со всѣмъ тѣмъ оно замѣтило, однако же, нескромный, если не сказать даже дерзкій, приговоръ вашъ, а болѣе еще Карла насчетъ Корреджія и прочихъ. Надѣянность на себя во всякія лѣта, не токмо въ ваши, всегда гибельна для людей всякаго состоянія, художникамъ же безпрестанно служила препоною къ достиженію цѣли ихъ. Вы готовитесь еще начинать ученіе, а на изученіе, извѣстно, что цѣлой жизни нашей недостаточно, то не слѣдуетъ ли изъ сего неопровергаемая аксіома, что недовѣрчивость къ себѣ есть первое основаніе человѣка, желающаго идти съ пользою къ истинѣ; она спасаетъ насъ отъ гибельныхъ заблужденій. То, что превозносится цѣлыми вѣками и лучшими и строжайшими критиками и писателями, а не временнымъ энтузіазмомъ и модою, но твердо и постоянно, то, кажется, не можетъ быть безъ особенныхъ величайшихъ достоинствъ! Ниспровергнуть однимъ почеркомъ пера легко, но доказать, если не невозможно, то, по крайней мѣрѣ, трудно. Въ семъ случаѣ благоразуміе должно остановить васъ отъ рѣшительнаго приговора, оказывающаго одну надменность и самонадѣяніе тамъ, гдѣ нужна осторожность и скромность. То, что намъ кажется, не всегда есть самая истина и впослѣдствіи самимъ представится въ другомъ видѣ. Не слѣдуетъ, конечно, рабски подчиняться мнѣніямъ другихъ, но когда оно общее, то слѣдуетъ изыскивать и разсуждать, что, конечно, они имѣютъ свои причины и между большимъ числомъ криво и косо толкующихъ и служащими, такъ сказать, отголосками другихъ. Были и есть люди съ природными отличными дарованіями и опытностію, слѣдственно, непозволительно и нескромно, осудить ихъ судъ. Я лично вамъ совѣтовалъ и теперь позволяю себѣ повторить, что вамъ нужно и полезно замѣчанія свои класть на бумагу, и потомъ впечатлѣнія, на васъ сдѣланныя, повѣрять съ сужденіемъ другихъ и съ писателями, объ оныхъ вещахъ

говорящими. Сіе также и даже болѣе поучительно, нежели скопировывать и писать самому. Наши художники, какъ и вамъ самимъ извѣстно, теряли себя по двумъ причинамъ, которыхъ должны вы остерегаться для себя, то-есть: по самолюбію и невѣжеству. Послѣднее неразрывно съ первымъ и часто первое рождаетъ послѣднее. Кто собой доволенъ, тѣмъ рѣдко довольны другіе. Выходку сію не толкуйте иначе, какъ отъ истиннаго желанія пользы вамъ происходящую. Не сочтите, однако же, что мы недовольны вашею откровенностію, напротивъ, она похвальна, и мы ее одобряемъ, ибо она даетъ возможность быть вамъ полезнѣе. Не мнѣ, при томъ, возставать противъ оной, ибо и самъ не хотѣлъ казаться другимъ, чѣмъ есть. Совѣтъ же сей есть также доводомъ моихъ на сей счетъ правилъ, и впередъ прошу, если вы дорожите моимъ на вашъ счетъ мнѣніемъ, то быть всегда и навсегда откровеннымъ со мной. Писаніе ваше изъ Мюнхена получено, по коему считаемъ васъ теперь или во Флоренціи или даже въ Римѣ. Пишу уже въ Римъ для того, что вы, уже бывъ на мѣстѣ, получите на обзаведеніе и устройство деньги, кои, можетъ быть, въ дорогѣ не сберегли бы. Посылаю векселъ на 300 червонныхъ и письмо отъ здѣшняго банкира Ливіо къ одному дому въ Римѣ, который вамъ будетъ въ случаѣ помогать. Пишите чаще, Обществу будетъ пріятно, извѣщайте именно, что вы дѣлаете и не забывайте, что здѣсь есть люди, которые принимаютъ въ васъ участіе—сіе въ жизни не худо. Общество наше усиливается безпрестанно, и теперь 41 членъ. Бога ради, не теряйте время: работайте, читайте, совѣтуйтесь и не лѣнитесь вести замѣчанія и изслѣдованія ваши какъ перомъ, такъ и карандашомъ: со временемъ будетъ для васъ драгоцѣнно и сдѣлается памятникомъ вашего пребыванія въ Италіи. Прощайте; родные ваши здоровы. Ѳеодоръ прилежитъ къ работѣ. Усердствующій вамъ Петръ Кикинъ.

9.

П. А. Кикинъ—А. П. и К. П. Брюлловымъ.

8-го мая 1823 г. С.-Петербургъ.

Здравствуйте, любезные друзья, Александръ и Карлъ! Я замедлилъ письмомъ и присылкою денегъ, ожидая публичнаго нашего отчета, который печатанный при семъ къ вамъ присылаю и 250 червонныхъ. Вы усмотрите въ немъ, сколько утѣшаемся мы хорошими о васъ слухами и истинно вполнѣ будемъ вознаграждены за усердіе наше, если успѣхи будутъ соотвѣтствовать нашему ожиданію. Вамъ, кажется, предназначено сдѣлать эпоху по художествамъ на сѣверѣ, но, Бога ради, не обнадеживайтесь слишкомъ и, не теряя времени, запасайтесь капиталомъ познаній, который есть вѣрнѣйшій въ жизни. Я сегодня ѣду съ семействомъ на Кавказъ, а дѣла Общества идутъ постоянно хорошо.

Вы писать лѣнивы, и это худо! Прощайте, усердствующій вамъ Петръ Кикинъ.

10.

А. П. Брюлловъ—родителямъ.

26-го марта 1823 г. Мюнхенъ.

Я знаю, что прошедшимъ письмомъ очень мало удовлетворилъ ваше любопытство, а потому намѣренъ поправить мою ошибку, написавъ вамъ всѣ мелочи, встрѣтившіяся намъ въ Мюнхенѣ. Прежде однако, нежели приступить къ сему, не могу, чтобъ не поздравить сестру (Мари)—ей извѣстно уже съ чѣмъ. Итакъ прибывъ 5-го числа въ Мюнхенъ, мы почли за нужное сдѣлать прежде всего знакомство съ городомъ, нежели съ людьми, въ ономъ живущими. Дождавшись разсвѣта (я позабылъ вамъ сказать, что мы пріѣхали въ 4 часа утра), пошли, руководимые случаемъ, который насъ скоро привелъ къ церкви, называемой Frauen-Kirche. Вступивъ въ церковь, первый поразившій насъ предметъ была картина: Снятіе съ Креста. Окинувъ взоромъ все зданіе, увидѣли огромное готическое строеніе (для насъ совершенно новое). Эта церковь и картина (кажется,—маловажности) сдѣлали на насъ такое впечатлѣніе, что мы расположены были въ Мюнхенѣ видѣть все хорошими глазами. Достоинства опредѣляетъ часто мѣра чувствъ, а мы были тогда въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, встрѣтивъ неожиданность. Ибо, нашедши такъ мало въ Дрезденѣ, мы надѣялись найти въ Мюнхенѣ еще ничтожнѣе. Такимъ образомъ, провели мы 5 дней, бродя изъ конца въ конецъ, а по вечерамъ посѣщали театръ, который здѣсь въ хорошемъ положеніи.

Квартиру мы наняли у оберъ-лейтенанта фанъ-де-Вельцъ,—люди очень хорошіе; мы не могли бы жить дома безпечнѣе. Карлъ сдѣлался боленъ и очень опасно, было близко воспаленіе головы, но хорошій врачъ и попечительность хозяйки скоро прервали болѣзнь. Надо сказать, что климатъ хуже, чѣмъ въ Мюнхенѣ, не можетъ быть. Зима здѣсь была довольно холодна и продолжительна, а послѣ начались дожди, а иногда снѣгъ; солнце видно очень рѣдко. Время отъ Рождества до послѣдняго дня масленицы называется здѣсь Карнавалъ; въ это время даются балы каждую недѣлю въ трехъ обществахъ на-подобіе клубовъ, съ тою только разницей, что въ каждомъ изъ сихъ обществъ сбираются только члены онаго. Но по праву чужестранцевъ мы имѣли во всѣхъ трехъ доступъ; слѣдовательно, вы можете судить, какъ я проводилъ время. Но я былъ почти на всѣхъ балахъ, а танцовалъ мало болѣе потому, что никого не имѣлъ знакомаго; не могу, однако, сказать, чтобы мы проводили здѣсь время скучно. Мы познакомились съ барономъ Хорнетейномъ, человѣкомъ около 60-ти лѣтъ,—онъ здоровъ, веселъ,

дѣятеленъ (ничего не дѣлая). Узнавши, что мы чужестранцы, самъ предложилъ намъ доставить случай увидѣть все достойное примѣчанія. Онъ доставилъ намъ знакомство почти со всѣми здѣшними художниками. Карлъ предложилъ ему написать съ него портретъ; онъ принялъ со свойственной ему простотой, по окончаніи отвезъ его ко двору, показалъ его королевской фамиліи и нѣкоторымъ министрамъ; двое изъ оныхъ, министръ внутреннихъ дѣлъ и министръ финансовъ просили сдѣлать имъ честь (!!) и написать портреты, у перваго—съ дочери, а у другаго—съ него самого и жены (чѣмъ онъ теперь и занимается). Отъ барона получилъ онъ въ знакъ памяти прекрасную подзорную трубу, отъ министра внутреннихъ дѣлъ—золотую табакерку...

Для продолженія нашего путешествія нашли мы еще двухъ товарищей-художниковъ; они оба скульптора; намѣрены взять въ Мюнхенѣ ветурина (извощика) и отправиться весною въ страну вѣчной весны. Съ какимъ нетерпѣніемъ проживаю я послѣдніе дни въ Мюнхенѣ!.. Прощайте! Александръ Брюлловъ.

11.

А. П. и К. П. Брюлловы—Обществу поощренія художниковъ.

25-го мая 1823 г. Римъ.

Почтеннѣйшее Общество! Въ предписаніи, намъ данномъ, вы полагали (намъ) не много пробыть въ Мюнхенѣ: два мѣсяца; мы осмѣлились остаться въ оном около четырехъ мѣсяцевъ, слѣдуя совѣту многихъ художниковъ, дѣлавшихъ вояжъ сквозь Тироль уже нѣсколько разъ. Продолжать нашу дорогу въ столь неблагопріятное время года, по ихъ мнѣнію, было непріятно и безполезно. 3-го апрѣля выѣхали изъ Мюнхена и взяли дорогу чрезъ Инспрукъ, Боценъ, Тріентъ, Бассано, Тревизо въ Венецію и пробыли въ оной 6 дней. Тутъ въ первый разъ увидали все достоинство Тиціана, Тинторетто [1]), Паоло Веронезе [2]) и многихъ другихъ венеціанскихъ художниковъ. «Вознесеніе Богородицы» (картина) Тиціана, находящаяся теперь въ ихъ Академіи, была найдена директоромъ оной, графомъ Чиконьяра, вся закопченная, такъ что едва можно было различить, что̀ она представляла, но ему удалось оную очень хорошо вычистить, и они [3]) справедливо могутъ сказать, что ни одна

---

[1]) Якопо Робусти, прозванный Тинторетто (Tintoretto—род. въ 1512, ум. 1594 г.)—ученикъ Тиціана.

[2]) Veronese—прозвище нѣсколькихъ итальянскихъ художниковъ родомъ изъ Вероны, изъ нихъ Paolo—наиболѣе извѣстный.

[3]) Т. е. венеціанцы.

галлерея не имѣетъ подобнаго Тиціана; образъ письма прекрасенъ, а краски непостижимы.

Изъ Венеціи отправились черезъ Падую и Виченцу въ Верону, гдѣ провели день въ осматриваніи нѣкоторыхъ церквей и древнихъ строеній, которыхъ такъ много осталось въ семъ городѣ. 18-го апрѣля пріѣхали въ Мантую. Здѣсь надобно осмотрѣть Юлія Романо [1]). Во дворцѣ, въ одномъ оставленномъ и совершенно разрушившемся флигелѣ, открылъ въ своемъ вояжѣ по Италіи нынѣшній директоръ картинной галлереи въ Баваріи г. Диллисъ превосходныя фрески Юлія Романо, представляющія Троянскую войну. Въ первый разъ видѣли мы отъ сего мастера столь говорящую композицію и такой чистый и благородный стиль, особенно же отличалось «Похищеніе Елены»; на другой же стѣнѣ, изображавшей, какъ Патрокла убитаго выносятъ съ мѣста сраженія, почти совершенно было скопировано съ античнаго берельефа, находящагося въ античномъ собраніи въ Мантуѣ. Его же фрески и плафоны, писанные масляною краскою, находящіеся въ замкѣ дель-Те [2]), почитаются, и, кажется, справедливо, его лучшими произведеніями. О строеніяхъ же сказать можемъ, что вездѣ должно хвалить болѣе духъ, а не вкусъ архитекторовъ. 19-го апрѣля поѣхали, черезъ Модену, въ Болонью; обстоятельства не позволили намъ пробыть въ ней болѣе полудня: однако увидали въ ней тамошнюю Академію и двѣ галлереи: Мерескальки и Цамбекани. Въ первой, хотя она состоитъ только изъ трехъ залъ, столько прекрасныхъ вещей, что почти каждая изъ оныхъ можетъ служить украшеніемъ всякой галлереи: тутъ отечество Гвидо-Ренія, и тутъ же онъ произвелъ свою лучшую, можетъ быть, картину, называемую Благовѣніе Богородицы: колоссальная картина; внизу помѣщены купидоны, которые такъ написаны, какъ только одинъ Гвидо-Рени могъ написать. Принятіе святыхъ тайнъ Іеронима (Карракча), картины Доминикино, изображающія мученицу Агнесу и Мадонну, Рафаэля Цецилія—произведенія неподражаемыя. 21-го апрѣля пріѣхали во Флоренцію. Первое наше дѣло было осмотрѣть музеумъ, и хоть онъ превзошелъ наше ожиданіе, однако должны сказать, что картинная галлерея онаго не можетъ считаться славною, исключая одной залы, такъ называемой Трибюнъ; въ ней находятся картины Рафаэля, Тиціана, Микель-Анджело и Леонардо да-Винчи (весьма рѣдкаго), и пять знаменитыхъ антикъ: Венера

[1]) Джуліо Романо (1492†1546)—наиболѣе значительный изъ учениковъ Рафаэля. Фрески, изображающія сцены изъ миѳа о Діанѣ и изъ исторіи Троянской войны, о которыхъ говорится въ этомъ письмѣ, исполнены имъ въ Мантуѣ, куда онъ былъ приглашенъ герцогомъ Франческо-Гонзаго. (Нѣкоторыя его работы есть въ Спб. Эрмитажѣ).

[2]) Въ Палаццо дель-Те находится его колоссальная фреска: „Низверженіе Гигантовъ“—одно изъ самыхъ крупныхъ его произведеній.

Медицейская, Фаунъ съ тарелками, группа бойцовъ, Аполлино и точильщикъ. Но за то всякаго должна удовлетворить картинная галлерея въ Палаццо-Питти. Намъ говорили, что всѣ лучшія картины сей галлереи вынесены изъ музеума, почему, можетъ быть, и остались тамъ только рѣдкости, и по своей древности знаменитыя картины. Надобно быть флорентинцемъ, чтобы такъ почитать Адониса въ загородномъ дворцѣ Поджіо, какъ они его почитаютъ (онъ сдѣланъ Микель-Анджеломъ). Г. Сверчковъ [1]) доставилъ намъ знакомство съ г. Ненчи. Отдавъ должную справедливость его талантамъ, удивляемся, что и въ Италіи французская школа начинаетъ распространять свое могущество. Бенвенути [2]) не находился въ то время во Флоренціи, но мы видѣли двѣ его картины въ партикулярныхъ галлереяхъ: одна изъ нихъ, изображающая милосердаго Самарянина и почитаемая его лучшимъ произведеніемъ, имѣетъ много достоинствъ, а болѣе на счетъ рисунка; но вторая уже совершенно французская. 28-го, наконецъ, отправились въ послѣдній путь до нашей цѣли, и 2-го мая пріѣхали въ Римъ.

Простите, что ничего не пишемъ изъ Рима, но вы снизойдете, представивъ себѣ положеніе чужестранцевъ въ Римѣ въ первыя двѣ или три недѣли. Остаемся ваши покорные Александръ и Карлъ Брюлловы.

(Напечатано въ «Русск. Вѣстн.» 1861, т. 35, стр. 371—372).

12.

А. П. Брюлловъ—родителямъ.

26-го мая 1823 г. Римъ.

Любезные батюшка и матушка! Я очень радуюсь, что вы теперь всѣ здоровы, и желаю, чтобъ вы всегда и оставались здоровыми, мы же равномѣрно ни на что не можемъ жаловаться. Итакъ, намъ остается только желать, чтобы все оставалось въ этомъ порядкѣ... Теперь нѣчто о вояжѣ. Итакъ, мы въ Римѣ. Но вы захотите безъ сомнѣнія узнать, какимъ образомъ мы тамъ очутились. Очень просто! А чтобы увѣриться, то поѣзжайте сами. Разверните ландкарту. Отъ Петербурга до Мюнхена найдете вы сами дорогу, а отъ Мюнхена до Рима я уже долженъ показать вамъ дорогу. И, такимъ образомъ, наши путешествія не будутъ имѣть

---

[1]) Алексѣй Васильевичъ Сверчковъ, въ то время—коллежскій совѣтникъ, русскій повѣренный въ дѣлахъ во Флоренціи (съ 1819 по 1825 годъ).

[2]) Піетро Benvenuti (1769 † 1844),—итальянскій живописецъ; писалъ въ французскомъ академическомъ стилѣ. Во Флоренціи занималъ должность директора Академіи художествъ. Главныя произведенія его—фрески въ куполѣ мавзолея Медичисовъ и во дворцѣ Питти.

другаго различія, какъ только, что мы поѣхали по землѣ, а вы по бумагѣ, мы ощущали перемѣну климата, а вы этого не будете чувствовать. Но... я вамъ вкратцѣ опишу, а ваше воображеніе его дополнитъ; слѣдовательно,—вамъ не нужно будетъ выходить и изъ дома для столь далекаго вояжа, а просто, сѣвши на стулъ предъ большимъ столомъ и раскрывъ почтовую карту Германіи и Италіи, отправитесь въ путь, не чувствуя неудобствъ и всѣхъ прочихъ безпокойствъ дороги. Итакъ начнемъ. Мюнхенъ оставили мы 3-го апрѣля,—что называется уже весною; въѣхавъ на горы Тироля, нашли опять зиму, но скоро опять, спустившись съ горъ, встрѣтили весну; пріѣхавъ въ Венецію, очутились въ совершенномъ лѣтѣ. И все это въ 9 дней. Каково? Изъ Мюнхена дорогу мы взяли чрезъ Инспрукъ, Тріентъ, Боценъ, Бассано, Тревизо, Местрисъ и въ Венецію. О Венеціи я могъ бы исписать вамъ нѣсколько листомъ кругомъ, и вамъ не было бы скучно читать; но я удовольствуюсь описаніемъ важнѣйшаго. Вы очень вѣрно вообразите себѣ Венецію, ежели представите оную выросшею изъ воды. Да оно такъ и будетъ, когда вы примете сваи за коренья, а дома за цвѣты, ибо весь городъ выстроенъ на сваяхъ и состоитъ изъ 64 острововъ—какое ужасное, огромное болото! Въ Венеціи каждое мѣстечко говоритъ о прошедшей славѣ и богатствѣ и нынѣшней бѣдности. Площадь Св. Марка (вотъ одна невыгода вашего путешествія на бумагѣ, ибо я не могу вамъ описать и вы не можете себѣ вообразить эту площадь)... я скажу вамъ, что не мудрено, если на этой площади нашли господа романисты такое плодородное поле для своего предмета, гдѣ красавицы, кинжалы бандитовъ и всякія другія интриги играли такія блестящія роли, гдѣ... Но я оставляю эту площадь и мое разгоряченное воображеніе и иду во дворецъ Дожа. Вступивъ въ эти богатые чертоги, я, самъ не замѣчая, перемѣнился. Молчаніе и важность заступили мѣсто болтливости, и въ семъ положеніи я вступаю въ залъ сената республики, приближаюсь, хочу съ почтеніемъ поклониться, но вижу, что тутъ никого нѣтъ, и вспомнилъ, что время республики и славы венеціанской прошло; признаюсь вамъ, что невольно отозвалось въ сердцѣ какое-то грустное чувство, хотя я и не венеціанецъ. Осматривая залу, приблизился къ тѣмъ кресламъ, гдѣ сидѣли дожи, сажусь и опять на одну минуту забываюсь, хочу начать говорить сенаторамъ, хочу призвать для содѣйствія къ возстановленію благополучія венеціанцовъ; но скоро прошла моя мечта, и я хладнокровно беру мою шляпу и слѣдую за проводникомъ, вспоминая о видѣнномъ, какъ о снѣ. Подобнымъ образомъ провели мы въ Венеціи слишкомъ 5 дней. Выѣхавъ изъ оной, мы взяли нашъ путь чрезъ Падую, Виченцу, Верону, Мантую, Болонію и пріѣхали во Флоренцію. Кромѣ всего прекраснаго, находящагося въ сихъ городахъ, какія у нихъ окрестности!!... Чрезъ шесть дней отправились въ Римъ. Надобно вамъ знать, что самое не-

пріятное въ Италіи было для насъ dogana [1]) и трудность объясняться по-италіански (но нынче ужъ гораздо легче). Итакъ, мы отправились въ Римъ черезъ Сіену, и по пяти-дневномъ пути намъ открылся куполъ Св. Петра. Я потому говорю «куполъ Св. Петра», что городъ мы не могли различить еще, а куполъ былъ уже очень ясно виденъ. Вы желаете вѣрно знать, что я почувствовалъ при семъ, и я вамъ скажу на это только, что ничего не чувствовалъ: ожидать, встрѣчать, находить, видѣть, обманываться, снова ожидать—сдѣлали изъ моихъ понятій такой хаосъ, что ничего не могъ въ полнотѣ чувствовать, но за то теперь, бродя изъ одного края Рима до другаго, изъ Колизея въ Ватиканъ, оттуда на Trinita di monti или въ какую-нибудь виллу за городъ и рисуя что-нибудь съ древнихъ остатковъ, я день-ото-дня живѣе чувствую наше счастливое состояніе. Какъ жаль, что нельзя перенестись иногда на нѣсколько минутъ къ вамъ. Благодарю всѣхъ, которые меня вспоминаютъ, а кланяться прошу даже и тѣмъ, которые меня забыли... къ чему называть каждаго по имени? Всякій, котораго люблю, пойметъ меня и безъ того.

13.

К. П. Брюлловъ—родителямъ.

Іюнь 1823 г. Римъ.

Мало вамъ, что одинъ пишетъ: что за радость платить вдвое за одно и то же извѣстіе; вѣдь только и перемѣнъ, что онъ (т.-е. братъ Александръ) видитъ одно во снѣ, а я—другое, либо совсѣмъ ничего. Хотите новостей: въ Мюнхенѣ я писалъ портреты съ Каммерера [2]), съ дочери министра финансовъ, съ министра финансовъ, съ министра внутреннихъ дѣлъ и его жены: королевская фамилія была очень довольна, и если бы не отъѣздъ короля и всей фамиліи въ Дрезденъ, то, можетъ быть, мнѣ пришлось бы писать ихъ всѣхъ, однако, не пришлось и не придется потому, что я уже въ Римѣ! Папенька! если хотите знать, гдѣ я съ десяти часовъ утра по шесть часовъ вечера, посмотрите на эстампъ Рима, который у васъ висѣлъ: тамъ увидите маленькій купольчикъ св. Петра, первый домъ на правую руку или по лѣвую—это называется Ватиканъ. Вотъ тамъ-то я смотрю на Рафаэлеву картину «Преображеніе» [3]), которой эстампъ у насъ есть и виситъ надъ «Евой» и «Ада-

[1]) Таможня.

[2]) Адальбертъ-Филиппъ Каммереръ (1786—1848),—писатель; былъ учителемъ въ нѣкоторыхъ русскихъ городахъ.

[3]) Послѣднее произведеніе Рафаэля, начатое въ 1519 г. Картина эта при похоронахъ Рафаэля была выставлена у его гроба, „какъ памятникъ его

момъ»; какъ эта Ева не похожа на настоящую Grossmuterchen Евушку, такъ точно эстампъ «Преображенія» не похожъ на картину,—такъ можете судить, что̀ это за вещь! Потомъ иду въ античныя залы, украшенныя древними оригинальными антиками: Лаокоонъ, Антиной, Аполлонъ, Мелеагръ, торзъ..., кои такъ чисты и новы, какъ бы работы послѣднихъ вѣковъ; слѣдовательно, мы еще такъ счастливы! Время, равнодушное ко всему безъ разбора, истребляющее все, что только имѣло начало, пощадило Лаокоона и четырехъ родственниковъ его. Сей Ватиканъ состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ комнатъ и во всѣхъ—древности и антики, съ коихъ я рисовалъ. Наконецъ, видѣлъ фрески Рафаэля, видѣлъ и сталъ уважать еще болѣе нежели прежде, судя по эстампамъ; (видѣлъ) Микель Анджеловъ плафонъ, который вы заставляли меня дѣлать иногда и при свѣчкѣ сквозь увеличительное стекло... Помните? Вы, можетъ быть, сердитесь, что я мараю бумагу вздоромъ, вмѣсто того, чтобы писать о Римѣ: gedult! [1]) Я хочу теперь разговаривать съ вами, а не писать по принятому общему правилу. Но зато въ слѣдующемъ, когда буду рисовать съ рѣдкостей древности, съ Рафаэля, съ Микель Анджело, съ Доминикина и прочихъ... Боюсь ломать голову за именами: безъ того у меня кровь идетъ изъ-носа сію минуту на-подобіе тивольскаго водопада. Въ скоромъ времени мы отправляемся туда, ибо всѣ бѣгутъ изъ Рима въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда наступаетъ Cattiva aria, т.-е. скверный воздухъ. Изъ Тиволи поѣдемъ въ Фраскати, невдалекѣ отъ Албанскихъ горъ. Возвратившись оттуда обѣщаюсь подробнѣе описать. Желаю отъ всей души быть вамъ здоровымъ, я же въ Мюнхенѣ такъ выхворался, что не придется, кажется, долго быть больнымъ [2]). Кланяйтесь всѣмъ знакомымъ.

Покорный сынъ Карлъ Брюлловъ.

14.

А. П. Брюлловъ—Ѳ. П. Брюлло.

25-го іюня 1823 г. Римъ.

Любезный братъ! Ты, я думаю, уже и меня поставилъ въ число лѣнивцевъ писать, не получивъ такъ долго отвѣта на твое письмо отъ 6-го января. Но обѣщаюсь тебѣ поправиться и никогда не заставлять тебя такъ долго дожидаться. Я себѣ очень живо воображаю твое любопытство и нетерпѣніе узнать, что̀ мы въ Римѣ дѣлаемъ, что такое Римъ, что мы видимъ, чувствуемъ, слышимъ; я желалъ бы тебя удовлетворить, но не

славы, достойный всеобщаго поклоненія". Въ нашей Академіи художествъ имѣется копія „Преображенія", писанная въ 1826 г. І. И. Габерцеттелемъ.

[1]) Погодите.

[2]) См. письмо № 10.

могу: тутъ слишкомъ много. Вездѣ, проѣзжая Германію, обманывались мы въ своей надеждѣ, вездѣ находили менѣе, ибо мы видѣли Петербургъ. Но въ Римѣ, — какъ о немъ ни воображалъ,—но нашелъ болѣе; я не сравниваю его съ Петербургомъ, онъ—нѣчто другое: тутъ невольно вообразишь римлянина—древняго римлянина, среднихъ вѣковъ и римлянина во фракѣ. За перваго говорятъ храмы боговъ ихъ, за втораго—огромныя зданія худаго вкуса, а за третьяго—все ничего не значущее, слабое, дурное. Взойдемъ на Форо-Романо—народное торжище и гдѣ отправлялись тріумфы, а нынѣ называемое Campo Vaccino (Коровье Поле). Какое различіе! У древнихъ это мѣсто было украшено богатыми храмами, на этомъ мѣстѣ давали законы вселенной, а теперь... на этомъ мѣстѣ пасутся коровы!!! Итакъ, ты можешь симъ себѣ представить, что̀ такое Римъ и можно ли его сравнить съ какимъ бы то городомъ ни было; въ другомъ городѣ я хожу и воображаю себѣ: вотъ это выстроили вчерась, а это—за годъ, а это—за два. Но въ Римѣ хожу и поневолѣ переношусь за 2.000 лѣтъ; каждый остатокъ строенія есть свидѣтель колоссальнаго духа римлянъ. И этотъ колоссъ поверженъ!.. А на его мѣсто воздвигнутъ безобразный карла — изображеніе всѣхъ недостатковъ, хитрости, коварства и дурачества. Ты скажешь, можетъ быть, или подумаешь, что, слѣдуя моему описанію, было бы въ Римѣ скучно, ибо въ настоящемъ ничего нѣтъ хорошаго; но на это я тебѣ скажу, что въ Римѣ можно мечтать, а мечта часто, можетъ быть всегда, имѣетъ болѣе прелестей, нежели самая сущность. То же самое и тутъ. Смотря на древній Римъ, чувствуешь что̀ (чувствуетъ) старикъ при послѣднихъ дняхъ жизни своей, вспоминая свою юность... Оставляю тебѣ самому докончить картину, которую наше воображеніе такъ прелестно умѣетъ начертывать, вспоминая прошедшее. Пріѣхавши въ Римъ, мы очень скоро познакомились тамъ со всѣми русскими пенсіонерами; но что̀ я говорю! намъ и не надо было съ ними знакомиться; даже Гальбергъ [1]) и Щедринъ [2]), съ которыми мы никогда ни слова не говорили, и они насъ первый разъ въ Римѣ только лично узнали, черезъ пять минутъ послѣ нашей встрѣчи были такъ знакомы, какъ будто мы были съ ними знакомы съ малолѣтства... Сазоновъ [3]) хлопоталъ, чтобы намъ доставить все, что только нужно было намъ на первой случай и, такимъ образомъ, мы начали на-

[1]) Самуилъ Ивановичъ Гальбергъ—скульпторъ, впослѣдствіи профессоръ Императорской Академіи художествъ (1787 † 1839). Между прочимъ, за время пребыванія въ Римѣ сдѣлалъ прекрасную статую: „Происхожденіе музыки“.

[2]) Сильвестръ Ѳедосеевичъ Щедринъ — художникъ-пейзажистъ, сынъ скульптора Ѳ. Ѳ. Щедрина; род. въ 1791 г., съ 1818 г. до конца жизни находился въ Италіи. Умеръ въ Сорренто въ 1830 г.

[3]) Василій Кондратьевичъ Сазоновъ, въ то время пенсіонеръ Академіи художествъ; впослѣдствіи академикъ исторической живописи.

шу жизнь въ Римѣ очень пріятно. За нѣсколько времени сговорилось насъ пять человѣкъ: Гальбергъ, Щедринъ, Басинъ [1]), я и братъ и сдѣлали маленькое путешествіе по Альбанскимъ и Тускуланскимъ горамъ. Если хочешь знать какъ, то возьми подробную карту Италіи и вообрази насъ прогуливающимися около Альбанскаго [2]) и Немигоскаго [3]) озеровъ, бродящими отъ одного города до другаго, отъ Альбано до Кастель-Гандольфа, отъ него во Фраскати и проч. и проч. Недѣли полторы сдѣлали маленькое путешествіе въ Тиволи, оттуда заѣзжали въ городокъ, называемый Палестрина. Въ этомъ городѣ Сулла послѣ побѣды надъ Маріемъ выстроилъ храмъ Фортунѣ, коего еще очень много осталось. Онъ выстроенъ на скатѣ почти половины горы; нынче же городъ почти весь помѣщается на террасахъ сего храма. Можно бы было написать очень много любопытнаго; но я прошу тебя удовольствоваться только тѣмъ, что я тебѣ скажу — именно, что, видѣвъ Дудергофъ, Павловское и проч. и проч., ты ничего не видѣлъ. Мы видѣли прелестную Саксонію, ужасныя Альпы, но не видали божественныхъ мѣстоположеній горъ Апеннинскихъ до самыхъ тѣхъ поръ, пока не съѣздили въ находящіяся между Тиволи и Субьяки.

Карлъ потому къ вамъ не пишетъ, что остался на нѣсколько времени въ Тиволи и пишетъ съ натуры; я думаю чрезъ нѣсколько дней также отправиться туда.

Кланяйся, пожалуйста, всѣмъ. Прощай, до свиданья!

Тебя любящій Александръ Брюловъ.

15.

Ѳ. П. Брюлло—А. П. и К. П. Брюлловымъ.

18-го августа 1823 г. Петербургъ.

Любезные братья! Письмо твое, Александръ, получили, и много благодарны за любовь къ намъ... Я былъ на сихъ дняхъ у Стасова [4]); вечеромъ мы разговорились о тебѣ, чужихъ краяхъ и что въ нихъ есть достопримѣчательнаго и зачѣмъ архитекторъ долженъ ѣздить въ Италію,

---

[1]) Петръ Васильевичъ Басинъ—историческій живописецъ и портретистъ; род. въ 1793 г.; былъ посланъ Академіей художествъ въ 1819 году въ Италію, гдѣ пробылъ до 1830 года; вскорѣ по возвращеніи въ Россію былъ назначенъ профессоромъ; умеръ въ 1877 г.

[2]) Lago di Castelli.

[3]) Озеро Nemi—въ Альбанскихъ горахъ, около Рима. По удивительной красотѣ мѣстности слыветъ перломъ Альбанскихъ горъ. Въ древности около него находился храмъ Діаны и самое озеро называлось „Зеркало Діаны".

[4]) Василій Петровичъ Стасовъ—извѣстный архитекторъ (1769 † 1848).

Флоренцію, Парижъ и проч., гдѣ только есть что хорошее. Во-первыхъ, ты не имѣешь надобности рисовать какую-нибудь обломанную капитель, которая уже за 1000 лѣтъ потеряла свою пропорцію такъ, какъ теперь Мельниковъ [1]), Калашниковъ [2]) все свое время рисовали въ Италіи, а теперь маленькій сводъ не умѣютъ вывести. Государь говоритъ: «я далъ клятву болѣе ни одного не посылать для усовершенствованія, потому что поѣдутъ поросятами, а пріѣдутъ свиньями. До сихъ поръ ни одинъ не возвращался, чтобы былъ человѣкъ дѣльный, и у меня нѣтъ никого изъ художниковъ, опричь одного Стасова». Это слова царя [3]). Оправдайтесь же, покажите, что вы ѣздили и путемъ замѣчали каждое строеніе. Стасовъ наставленіе далъ то, чтобы сравнивать одно строеніе съ другимъ и что въ немъ есть хорошее и отчего оно такъ хорошо. Во-первыхъ, какая кладка была кирпичемъ, гдѣ укрѣплена; во-вторыхъ, какая известь, какая пропорція песку, какъ заварена и какъ она была употреблена; въ-третьихъ, сравнить одно строеніе съ другимъ и вымѣрить какъ можно вѣрнѣе; въ-четвертыхъ, читать лекціи, читать извѣстнѣйшихъ архитекторовъ описанія и сравнивать ихъ описанія съ древними храмами и зданіями, которыхъ ты много еще найдешь для своей пользы. Вотъ Василія Петровича (Стасова) совѣтъ насчетъ архитекторовъ, какъ имъ учиться въ чужихъ краяхъ, чтобы со временемъ творить такія же зданія, какъ въ Италіи были за 2.000 лѣтъ. Нельзя гнѣваться, что царь столь много требуетъ, потому что Монферрантъ [4]) запряталъ нѣсколько милліоновъ въ землю и теперь не знаютъ, что начать... Проэкты твои, какіе тебѣ покажутся выгодными, доставляй прямо царю чрезъ посланника русскаго для того, чтобы царь имѣлъ тебя въ замѣчаніи уже въ Италіи. Петръ Андреевичъ (Кикинъ) говоритъ: «боюсь, крайне боюсь, чтобъ Александръ не сдѣлался рисовальщикомъ, а не архитекторомъ на-подобіе Монферрана, а Карлъ—на-подобіе надутаго Кипренскаго [5]), который, пріѣхавши сюда, говорилъ, что въ Италіи на-

---

[1]) Авраамъ Ивановичъ Мельниковъ (1780 † 1854), — впослѣдствіи архитекторъ и ректоръ Академіи художествъ.

[2]) Дмитрій Михайловичъ Калашниковъ (1780 † 1845), — впослѣдствіи академикъ-архитекторъ.

[3]) Это онъ сказалъ одному изъ нашихъ друзей, который къ вамъ скоро пріѣдетъ. Прим. Ѳ. П. Брюлло.

[4]) Августинъ Антоновичъ Монферранъ (Auguste Ricart de Montferrant. (род. 1784 г., ум. 1858 г.)—строитель Исаакіевскаго собора.

[5]) Орестъ Адамовичъ Кипренскій (1783 † 1836)—знаменитый портретистъ. Въ 1823 году онъ только-что вернулся изъ своего путешествія за границу; былъ, между прочимъ, въ Италіи, гдѣ пользовался громаднымъ успѣхомъ среди италіанскихъ художниковъ (См. его любопытное письмо изъ Рима, напечатанное Н. А. Рамазановымъ въ его книгѣ: „Матеріалы для исторіи худож. въ Россіи“. М. 1863, стр. 238).

писалъ кардинала портретъ, что Рафаэль, Микель Анжело, Тиціанъ, Кореджъ, никто противъ его произведенья не устоятъ: «какая кисть! какой рисунокъ! какое сходство! что за колоритъ!» За эту его скромность отказали ему во многихъ домахъ Петербурга. Какъ вамъ это нравится? Оленинъ [1]), Крыловъ [2]), Гнѣдичъ [3]) истощились надъ нимъ, чтобы посмѣяться. Молва большая идетъ у насъ, что Гальбергъ дѣлаетъ чудеса въ Италіи, и что вся работа, оставшаяся послѣ Кановы [4]), передана ему; большіе успѣхи оказываетъ Щедринъ; Сазоновъ—знатный колористъ; Басинъ—хорошій франтъ; Крыловъ [5])—сухой грекъ; Глинка [6])—bonvivant. Тонъ [7]) возвращается назадъ съ Глинкою. Такъ описали мнѣ русскихъ-италіанцевъ [8])... Прощайте, друзья! Вы теперь по теплымъ горамъ разгуливаете, а мы теплые сюртуки надѣваемъ, чтобы укрыться отъ буйныхъ вѣтровъ, которые насъ этотъ годъ преслѣдуютъ.

16.

А. П. Брюлловъ—родителямъ.

9-го октября 1823 г. Roma.

Любезные батюшка и матушка! Какъ Италія прекрасна!! Въ минуту, когда восхищаешься, часто невольно вкрадывается мысль, что надо будетъ оную оставить и, если бы и сильнѣйшія узы привязывали къ отечеству, то эту мысль можно было бы назвать ужасною.

---

[1]) Алексѣй Николаевичъ Олениннъ (1763 † 1843) — извѣстный меценатъ; президентъ Академіи художествъ.

[2]) Иванъ Андреевичъ Крыловъ—баснописецъ. (Съ него, между прочимъ, О. А. Кипренскій писалъ портретъ).

[3]) Николай Ивановичъ Гнѣдичъ—поэтъ.

[4]) Antonio Canova (1757 † 1822), — самый крупный изъ италіанскихъ скульпторовъ новаго времени. (Повторенія нѣкоторыхъ его работъ есть въ нашемъ Эрмитажѣ).

[5]) Михаилъ Григорьевичъ Крыловъ,—въ то время пенсіонеръ Академіи художествъ; впослѣдствіи академикъ скульптуры (род. въ 1786 г., ум. въ 1850 г.). Здѣсь названъ онъ грекомъ за свои скульптурныя работы въ античномъ вкусѣ.

[6]) Василій Алексѣевичъ Глинка, — въ то время пенсіонеръ Академіи художествъ, архитекторъ (род. въ 1788 г., ум. въ 1831 г.).

[7]) Константинъ Андреевичъ Тонъ, — въ то время пенсіонеръ Академіи художествъ, впослѣдствіи профессоръ и ректоръ Академіи; извѣстный архитекторъ (род. въ 1793 г., ум. въ 1881 г.).

[8]) См. о работахъ поименованныхъ художниковъ, сдѣланныхъ ими за это время и находившихся на Академической выставкѣ 1824 г., въ „Журн. изящн. искусствъ“, 1825 г., № 1, гл. III.

Я не умѣю сдѣлать красиваго описанія оной, да и нельзя. Даже самые поэты, которые хорошо описали Италію, сдѣлали только прекрасныя изображенія, а не выразили тѣхъ чувствъ, которыя рождаются въ душѣ человѣка, когда оную видишь или вспоминаешь... я говорю вамъ о природѣ, а не о народѣ и его образѣ жизни.

Я писалъ еще изъ Мюнхена, что случай намъ очень много благопріятствовалъ и представлялъ очень много любопытнаго во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы останавливались. Въ Римѣ равномѣрно онъ насъ не оставилъ: въ теченіе шести мѣсяцевъ мы успѣли быть уже свидѣтелями смерти папы [1]), собора новаго, пожара базилики св. Павла, основаніе которой положено было Константиномъ Великимъ въ 324 году. Время щадило оную 1499 лѣтъ, а огонь разрушилъ менѣе нежели въ четыре часа,—около 80 мраморныхъ, гранитныхъ и порфировыхъ колоннъ въ семъ пожарѣ почти совсѣмъ разрушились; стропилы были изъ кедръ ливанскихъ и служили для перевозу обелисковъ изъ Египта. Теперь эта церковь представляетъ прекрасный руинъ; я сдѣлалъ онаго рисунокъ и перешлю его его превосходительству Петру Андреевичу (Кикину); онъ вамъ дастъ лучшее понятіе, нежели мое описаніе. Я вамъ писалъ о баронѣ Хорнштейнѣ, съ которымъ мы познакомились въ Мюнхенѣ [2]); на сихъ дняхъ получили мы отъ него письмо. Этотъ веселый и добрый старикъ почти непонятенъ: оказавъ такъ много привязанности въ Мюнхенѣ, онъ до сихъ поръ своихъ временныхъ знакомцевъ не забываетъ,—въ послѣднемъ письмѣ онъ приглашаетъ насъ на обратномъ пути изъ Италіи въ свои помѣстья, находящіяся въ Нейбургѣ...

Наканунѣ и въ день св. Петра и Павла 29-го іюня церковь св. Петра была иллюминована и послѣ Ave Maria (такъ называютъ здѣсь время черезъ полчаса послѣ захожденія солнца), когда вся церковь была уже иллюминована, вдругъ съ ударомъ колокола были зажжены по всей церкви котлы съ стружками и смолою менѣе нежели въ одну минуту. Это зрѣлище прекрасное. Вообразите ночь, церковь св. Петра всю покрытую шкаликами и волшебное появленіе огромныхъ огней. Я говорю появленіе, ибо людей, зажигающихъ огни, не видно ночью на сей высотѣ и въ отдаленіи.

Полюбовавшись св. Петромъ, я поздравилъ васъ съ днемъ вашего ангела, пожелалъ вамъ счастія и побѣжалъ смотрѣть жирандолу (такъ называютъ здѣсь фейерверкъ, который спускаютъ на крѣпости св. Ангела). Надо сказать: прекрасно, мѣсто очень выгодно для фейерверка. Я забылъ вамъ сказать, что одинъ изъ зажигавшихъ иллюминацію (при церкви)

---

[1]) Пія VII-го, тревожное и полное бурь понтификатство котораго продолжалось 23 года (съ 1800 † 1823).

[2]) См. письмо № 10.

св. Петра упалъ изъ окна и, коснувшись земли, оставилъ тѣло свое оной. Прощайте, очень ужъ темно. Я слышу колоколъ, подающій знать жителямъ, что наступило время Ave Maria, надѣваю фракъ, чтобы идти сегодняшній день еще послѣдній разъ полюбоваться Римомъ...

Приписка Карла Павловича Брюллова.

Любезные папенька и маменька! Въ прошедшемъ письмѣ обѣщался я вамъ описать Римъ подробнѣе, но это невозможно на этихъ семи строкахъ, которыя жадный Александръ мнѣ оставилъ. Скажу вамъ: только въ Римѣ человѣкъ живетъ точно, а вы тамъ, сѣверяки, живете безъ проку; у насъ ужъ 9-е октября, а въ рубашкѣ потѣемъ. Сію минуту входитъ ко мнѣ мой пріятель, нѣмой унгарецъ—Signiore Balasse, который живетъ подъ нами и въ недавнемъ времени поймалъ онъ у себя въ мастерской скорпіона... Какъ страшно! Мы здоровы и счастливы, то-есть живемъ въ золотомъ вѣкѣ; извѣщайте почаще о васъ, если хотите сдѣлать вѣкъ сей брилліантовымъ.

Отъ всей души желаю вамъ здоровья и счастья.

Покорный сынъ вашъ Карлъ Брюлловъ.

17.

К. П. Брюлловъ—П. А. Кикину.

10-го октября 1823 г. Римъ [1]).

Ваше превосходительство, Петръ Андреевичъ! Уже четыре мѣсяца, какъ вы не получаете отъ насъ извѣстія; безъ сомнѣнія, это непростительно съ нашей стороны; но въ Римѣ такъ случается со всѣми, ибо и до сихъ поръ еще не знаемъ, видѣли ли мы все то, что должно видѣть, то-есть, такіе предметы, которые не для однихъ глазъ. Напримѣръ, Ватиканъ, который въ длину простирается съ версту, и на каждомъ шагу встрѣчаешь вещь, на которую чѣмъ болѣе смотришь, тѣмъ болѣе чувствуешь ея достоинство; фрески Рафаэля, Микель-Анджела—въ капеллѣ Систинѣ, то-есть—непостижимость; Гвидо-Рени; ихъ послѣдователей, періодическія измѣненія вкусовъ и всѣ имѣющія свои достоинства; паденіе искусства и опять новое возстаніе въ мастерскихъ Торвальдсена [2]). Вотъ мужъ, который не устрашился отшатнуться отъ об-

[1]) Напечатано впервые М. Желѣзновымъ въ его брошюрѣ „Неизданныя письма К. П. Брюллова“ 1867 г. (заграничное изданіе), стр. 1—4.

[2]) Бертель Thorwaldsen (1770 † 1840),—величайшій скульпторъ нашего вѣка. Между прочимъ, былъ почетнымъ членомъ нашей Академіи художествъ; въ бытность братьевъ Брюлловыхъ въ Римѣ принималъ большое участіе въ ихъ работахъ и вообще хорошо относился къ русскимъ художникамъ, проживавшимъ въ Римѣ.

щаго вкуса и мнѣнія; предпріялъ и рѣшилъ, и всѣ сдѣлались его послѣдователями. Онъ открылъ истинный путь ко вкусу древнихъ грековъ, что̀ подтверждаютъ его работы, напримѣръ, «Три Граціи» кажутся отпечатками натуры, но очень увѣренъ, что нѣтъ въ живыхъ такой прелести. Надобно быть болѣе, нежели хорошимъ поэтомъ, чтобъ описать подобную красоту.

Въ Римѣ настоящій Тиціанъ, это—портретъ имъ любимаго предмета: это прелесть, тутъ свѣтитъ солнце, никогда не затмеваемое облаками. Я хотѣлъ скопировать ее, просилъ его сіятельство князя Гагарина [1]), и министръ Италинскій [2]) написалъ письмо къ Принчипесѣ, но съ давнихъ временъ фамилія Шара положила никому не позволять копировать съ картинъ, находящихся въ ихъ галлереѣ. По крайней мѣрѣ я хожу всякое воскресенье скрадывать глазами. Въ продолженіе сего времени я началъ для почтеннаго Общества поощренія художествъ картину, представляющую «Итальянское утро», то-есть, дѣвушку умывающую(ся) у фонтана; также намѣренъ произвесть картину слѣдующаго сюжета: «Юдиѳь и Олофернъ»; моментъ, мною избранный,—когда прелестная Юдиѳь съ обнаженнымъ мечомъ въ рукѣ сдѣлавъ послѣдній шагъ, уже готова поднять мечъ, но обращается вторично съ молитвою къ Богу. Торвальдсенъ одобрилъ эскизъ и весьма интересуется видѣть картину (какъ онъ говоритъ). Дюпре,—французскій живописецъ, выставилъ картину слѣдующаго сюжета: «Камиллъ, перевѣшивающій мечемъ своимъ тяжесть меча галла Бренна». Картина во всѣхъ частяхъ очень исправна; нѣмцы критикуютъ ее и говорятъ, что Камиллъ очень горячъ; по ихъ мнѣнію, можно ковать и холодное желѣзо. Въ скоромъ времени нѣмецъ Пегасъ выставитъ въ Пантеонѣ картину, представляющую «Крещеніе Христово»—совершенно изъ дерева, и это, по ихъ мнѣнію, совершенный штиль (и въ Римѣ можно скверно работать). Мы также обѣщались прислать вамъ рисунокъ моей мастерской, которую я намѣренъ перемѣнить по ея неудобности, почему и отложилъ выполненіе сего обѣщанія до слѣдующаго раза, также и наши портреты,

---

[1]) Князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ, въ то время—посланникъ при тосканскомъ дворѣ (до 1827 г.); онъ принималъ большое участіе въ нуждахъ К. П. Брюллова и оказывалъ ему свое покровительство. См. подробности въ воспоминаніяхъ его сына Григорія Григорьевича Гагарина, напечатанныхъ въ альманахѣ „Зурна“. Тифлисъ, 1855 г., стр. 83—108. (Въ сокращенномъ видѣ и въ новомъ переводѣ воспоминанія эти напечатаны въ „Новомъ Времени“ 1899 г., № 8549).

[2]) Андрей Яковлевичъ Италинскій—докторъ медицины, дипломатъ; въ то время,—нашъ полномочный министръ при неаполитанскомъ и римскомъ дворахъ; почетный членъ различныхъ академій, между прочимъ—Академіи художествъ. (Род. въ 1743 г., ум. въ Римѣ въ 1827 г.).

за кои вы, безъ сомнѣнія, заплатите своимъ портретомъ, ибо вы обѣщались, ваше превосходительство, а таковыя обѣщанія я не забываю. Еще осмѣливаюсь просить васъ, Петръ Андреевичъ, дать намъ извѣстіе объ Александрѣ Ивановичѣ г. Мамоновѣ [1]), въ Москвѣ ли онъ, или участвуетъ опять въ засѣданіяхъ, которыя, безъ сомнѣнія, увеличились.

Въ моей мастерской находятся: Аполлонъ Бельведерскій, Венера Медицейская, Меркурій Ватиканскій, торзъ Бельведерскій, нога Геркулеса (правая) и голова Аякса! Какое пріятное и полезное общество!

На сихъ дняхъ я былъ въ Тиволи, видѣлъ Аніо! Я хотѣлъ вамъ написать его, но картина шумѣть не будетъ, какъ шумитъ Грото Нептуна, какъ Грото Сиренъ, и очаровательныя казкатели подъ виллой Мецената! «Но не онъ одинъ любилъ искусства, и на сѣверѣ умѣютъ любить ихъ!»—такъ говорилъ я, сидя на мшистыхъ скалахъ, окружающихъ Аніо, или у уцѣлѣвшихъ колоннъ храма Весты;—такъ сюда-то приходилъ Горацій настроивать свое воображеніе и лиру; послѣ чего пошелъ въ его виллу, ходилъ по ней не съ меньшимъ удовольствіемъ, какъ и у васъ въ виллѣ на Каменномъ островѣ, гдѣ часто въ часы досуга вы сѣяли сѣмена, плоды коихъ чувствую теперь; надѣюсь, ваше превосходительство, что и впредь не оставите своимъ наставленіемъ.

Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Карлъ Брюлловъ.

18.

П. А. Кикинъ—А. П. и К. П. Брюлловымъ.

25-го октября 1823 г. С.-Петербургъ.

Милостивые государи! Съ мая мѣсяца, то-есть съ самаго пріѣзда вашего въ Римъ, Общество не имѣетъ отъ васъ ни строки. Не имѣете, кажется, причинъ думать, чтобы оно съ своей стороны не принимало въ васъ участія, а потому судите сами, не заслуживаетъ ли и оно отъ васъ большаго вниманія. Что касается до меня, то я тотъ же, и ничто постороннее измѣнить меня не въ состояніи, ибо дѣйствую для себя и по правиламъ, единожды принятымъ. Бесѣдовать же хорошо взаимно,

---

[1]) Александръ Ивановичъ Дмитріевъ-Мамоновъ (род. 1788 г., † 1836 г.), въ то время дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ 1832 г. почетный вольный общникъ Академіи художествъ. Между прочимъ, онъ, вмѣстѣ съ П. А. Кикинымъ и И А. Гагариным, принималъ участіе въ основаніи Общества поощренія художниковъ (въ 1820 году).

а одному неприлично и незабавно. При семъ препровождаю вамъ отъ Общества (кредитивъ?) на сумму трехъ сотъ червонныхъ, о полученіи коихъ проситъ оно увѣдомленія вашего.

Членъ и казначей Общества Петръ Кикинъ.

19.

Ѳ. П. Брюлло—А. П. и К. П. Брюлловымъ.

23-го ноября 1823 г. Петербургъ.

Любезные братья! Уже проходитъ долгое время, что мы отъ васъ не имѣемъ никакого извѣстія; стали уже сомнѣваться, что не расположились ли вы жить въ горахъ вмѣстѣ съ итальянскими бандитами, чего очень легко можно ожидать... Какъ въ воду канули: не извѣстно, что̀ вы въ Римѣ дѣлаете, чѣмъ занимаетесь и что̀ производите. Я уже слышалъ, что Карлъ изъ Ватикана не выходитъ. Хорошій знакъ: поболѣе привезетъ, нежели Кипренскій, котораго императрица оставила безъ всякаго вниманія; однако Шереметевъ-богачъ [1]), который въ кавалергардахъ служитъ корнетомъ, взялъ его къ себѣ своимъ живописцемъ. Теперь я долженъ вамъ также сказать и о себѣ. Написалъ я сего года иконостасъ Екатерины мученицы—12 образовъ (Александръ знаетъ ихъ, какой мѣры, какіе сюжеты). Послѣ освященія сей церкви Кусовъ [2]) пріѣхалъ ко мнѣ депутатомъ отъ всего Общества съ благодарностью; Андрей Алексѣевичъ [3]) и весь Совѣтъ благодарятъ за мое стараніе. А Оленинъ сдѣлалъ мнѣ комплиментъ, что онъ очень удивляется моей работѣ, видя такія перемѣны какъ въ композиціи, такъ и въ рисункѣ и кисти. По освященіи, на третій день, Кусовъ, чтобъ ускорить временемъ, просилъ написать придѣлъ съ правой стороны. Въ день освященія былъ большой обѣдъ у Кусова: до 400 человѣкъ были за столомъ, гдѣ пили здоровье участвующихъ оной церкви; кажется, Александръ, и ты не былъ забытъ, ибо ты также рисунокъ дѣлалъ для церкви. Во-

---

[1]) Графъ Дмитрій Николаевичъ Шереметевъ (род. 1803 г., † 1871 г.),—впослѣдствіи гофмейстеръ, извѣстный своей благотворительностью. О портретѣ, писанномъ съ него въ это время О. А. Кипренскимъ, см. „Журналъ изящныхъ искусствъ“ 1825 г., № 1, стр. 41—43.

[2]) Николай Ивановичъ Кусовъ, съ 1824 г. по 1833 г. городской голова С.-Петербурга.

[3]) Андрей Алексѣевичъ Михайловъ (род. 1773 г., † 1840-хъ годахъ),—старшій профессоръ архитектуры въ Академіи художествъ, по проектамъ его строилась церковь св. Екатерины. (См. оцѣнку работъ Ѳ. П. Брюлло для этой церкви въ „Журналѣ изящныхъ искусствъ“ 1824 г., кн. V, стр. 420—426).

образите себѣ,—я просилъ Оленина, чтобы мнѣ задали программу на академика! Отзывъ его былъ, чтобы я сперва выставилъ на «назначеннаго». Вотъ, господа, сколь нынѣ строго; не такъ-то лѣзутъ въ академики, какъ прежде.—Пожалуйста, любезный братъ Карлъ, пришли ты мнѣ, въ знакъ старой всегдашней неугасаемой нашей пріязни, съ первыми кораблями своихъ рисунковъ съ антикъ или скитцъ, тѣмъ ты много обрадуешь брата Ѳедора. Только, Бога ради, старайся перемѣнить свой колоритъ, потому-что, не исключая ни одного профессора, всѣ пророчатъ, что ты еще чернѣе будешь писать, какъ «Эдипъ и Антигона». Соколовъ [1]) уѣхалъ въ Москву для пріобрѣтенія богатства—прекрасная выдумка!..

20.

К. П. Брюлловъ—Обществу поощренія художниковъ.

9-го декабря 1823 г. Римъ.

Почтеннѣйшее Общество! Причиною замедленія нашихъ донесеній противъ данной намъ инструкціи было чрезвычайное множество предметовъ, требующихъ болѣе назначеннаго времени, для замѣчанія какъ достоинствъ, такъ и погрѣшностей разбираемыхъ предметовъ; не желая вторично подвергнуться ошибкѣ, замѣченной вами въ первомъ нашемъ донесеніи, мы, не довѣряя себѣ, пользовались по возможности мнѣніями опытныхъ людей, и сообразивъ наши замѣчанія, имѣемъ честь донесть оныя.

Занимаясь первые пять мѣсяцевъ въ Ватиканѣ, съ него начинаю мои замѣчанія. Ватиканъ содержитъ въ себѣ, по части живописи, слѣдующія отличныя произведенія:

1) «Преображеніе Христа» (писанное Рафаэлемъ Урбинскимъ) [2]). Прежде нежели начну замѣчанія о сей славной картинѣ, содѣлавшей безсмертнымъ творца ея, долгомъ считаю сказать, что, будучи еще въ С.-Петербургской Академіи Художествъ, видѣлъ достойную копію съ сей картины, рисованную учениками (?) Рафаэля Менгса, подъ его надзоромъ; видѣвши нѣсколько копій въ краскахъ, эстампъ Рафаэля Моргена, казалось, не могъ ожидать я того впечатлѣнія, какое обыкновенно происходитъ, при первомъ воззрѣніи на отличную вещь; но увидѣвъ оригиналъ, увидѣлъ, что картина сія превосходитъ всякую похвалу и всякое ожи-

[1]) Петръ Ѳедоровичъ Соколовъ,—историческій живописецъ и портретистъ (род. 1791 г. † 1847 г.). Особенно цѣнились его акварельные портреты; между прочимъ онъ писалъ портретъ съ К. П. Брюллова.

[2]) См. письм. № 13.

данiе. Картина освѣщена свѣтомъ при раскрытiи неба; фигуры кажутся дѣйствующими, различiе головъ поразительно, живость каждой экспрессiи заставляетъ воображать голосъ, даже каждая складка не кажется написанною: извѣстно по рисункамъ, находящимся въ Мюнхенской библiотекѣ, что онъ надѣвалъ платья на натурщика, потомъ, давши ему должное движенiе, копировалъ главный ходъ складокъ, что̀ видно во всѣхъ его картинахъ послѣдней эпохи. Отдѣлка доведена до такой степени, какъ глазъ можетъ видѣть натуру въ томъ разстоянiи, въ которомъ находится зритель отъ картины; сiя тонкость обработки приближаетъ къ натурѣ, не мѣшая общему. По мѣрѣ удаленiя плановъ, фигуръ, тонкость сiя уменьшается; въ свѣтахъ строго соблюдена воздушная перспектива; тѣни кажутся немного темны, что̀ приписываютъ краскѣ, имъ употребляемой, которая впослѣдствiи чернѣла. Яркость платьевъ переднихъ плановъ не безъ причинъ, ибо такое количество фигуръ на столь узкомъ мѣстѣ требовало употребить сiе средство для отдѣленiя. Осмѣливаюсь замѣтить, что Рафаэль позволялъ себѣ дѣлать упущенiя насчетъ перспективы для обобщенiя главныхъ предметовъ: напримѣръ, нижняя часть картины занята фигурами въ ростъ, за коими видна гора, на коей преобразился Христосъ; три фигуры, находящiяся на горѣ, гораздо менѣе вознесшихся на воздухъ: Христа, Моисея и Илiи, кои гораздо далѣе отъ точки зрѣнiя; полагаю причиною то, что (онъ) желалъ обратить болѣе вниманiе зрителя на главныя фигуры. Сiе подтверждается также, смотря на платье Христа, Моисея и Илiи, коихъ платье и волосы развѣяны въ обѣ стороны, чего быть не можетъ, разбирая сiе физически, ибо при поднятiи фигуръ, платья оныхъ должны быть подавляемы внизъ тяжестью воздуха, чрезъ что̀ произошли бы три непрiятныя и параллельныя линiи, и не было бъ тѣхъ крупныхъ массъ, на коихъ теперь находится главный свѣтъ, что̀ заставляетъ зрителя обратить взоръ на главное лицо, потомъ слѣдовать порядку композицiи; по той же причинѣ, краски и тѣни верхнихъ фигуръ усилены. Въ заключенiе о сей картинѣ скажу, что разбирая сiи мнимыя погрѣшности, картина сiя болѣе и болѣе доказываетъ свои достоинства.

2) «Причащенiе св. Iеронима», Доменикино [1]). Св. Iеронимъ преисполненъ выраженiя, ослабленiе изображено во всѣхъ членахъ; священнослужитель, готовящiйся причастить св. Iеронима, написанъ съ чрезвычайною правдою, блики на парчевой его ризѣ кажутся моментно освѣщающимися; также два прислужника церкви, представленные въ

[1]) Знаменитѣйшее произведенiе Доменикино; писано въ 1614 г., въ 1797 г. увезено было французами изъ Рима въ Парижъ для Наполеоновскаго музея; въ 1817 г. возвращено папскому правительству. Въ бытность К. П. Брюллова въ Италiи его товарищъ по Академiи П. В. Басинъ писалъ съ этой картины копiю, которая въ настоящее время находится въ Академiи художествъ.

посвятившій на благо своихъ подданныхъ, но и какъ истинно рѣдкій человѣкъ, какъ воплощенная доброта, любовь и милосердіе. Его благочестивая, христіански-чистая душа, какъ искра Божія, такъ и свѣтилась во всѣхъ его дѣяніяхъ и начинаніяхъ. Будучи неограниченнымъ, самодержавнымъ монархомъ обширнаго въ мірѣ царства, этотъ царь-человѣкъ во всей своей дѣятельности руководился, главнымъ образомъ, велѣніями своего любящаго сердца». Далѣе авторъ говоритъ, что Александръ II выше всѣхъ своихъ современниковъ держалъ знамя человѣчества и больше всѣхъ ихъ совершилъ великаго подъ этимъ священнымъ для него знаменемъ: онъ всѣ двадцать шесть лѣтъ своего славнаго царствованія, будучи великимъ царемъ, не переставалъ быть въ то же время и благороднѣйшимъ человѣкомъ, въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова.

Н. К-ш-ъ.

А. Н. Фаресовъ. Тертій Ивановичъ Филипповъ. С.-Петербургъ. 1900 года. Цѣна 30 коп.

Въ небольшой брошюрѣ этой авторъ, разсказавъ, какъ онъ, безъ всякой протекціи, только потому, что былъ литераторомъ,—поступилъ на службу въ государственный контроль, сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о скончавшемся 29-го ноября 1899 г. Тертіи Ивановичѣ Филипповѣ, не вдаваясь въ описаніе дѣятельности его, какъ государственнаго контролера.

Не по контролю приходится судить о немъ,—говоритъ А. Н. Фаресовъ.—Живая дѣйствительность увлекала его изъ стѣнъ департамента въ разныя общества, въ журналистику и къ частнымъ кружкамъ, среди которыхъ міросозерцаніе Т. Н. было бы весьма значительнымъ, если бы судьба дала ему въ руки болѣе сильныя средства вліять на знать, чѣмъ тѣ, которыми онъ располагалъ. Онъ былъ болѣе литераторъ, чѣмъ практическій дѣятель.

Т. Н. Филипповъ родился 24-го декабря 1825 года, въ г. Ржевѣ; воспитывался въ Тверской гимназіи и окончилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, обнаруживъ впослѣдствіи большой интересъ къ богословскимъ наукамъ, каноническому праву, къ нуждамъ старообрядцевъ и православныхъ церквей на Востокѣ, къ народному образованію и т. д. Первое время по окончаніи университетскаго курса Т. Н. Филипповъ былъ учителемъ русской словесности въ одной изъ московскихъ гимназій, но въ 1856 году былъ командированъ на Донъ и Азовское море для изслѣдованія правовъ мѣстнаго населенія, а затѣмъ былъ приглашенъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, графомъ Д. А. Толстымъ, къ себѣ въ чиновники особыхъ порученій. Въ 1864 г., онъ перешелъ на службу въ контроль и достигъ въ немъ званія государственнаго контролера.

По словамъ Н. П. Барсукова [1]), изъ всѣхъ членовъ «Молодаго Москвитянина» Тертій Ивановичъ Филипповъ, по своему міросозерцанію, всѣхъ ближе подходитъ къ воззрѣніямъ «Стараго Москвитянина», т. е. къ воззрѣніямъ Погодина и Шевырева. Дѣйствительно, и въ «Москвитянинѣ» и «Русской Бесѣдѣ», онъ не только чуждался раціоналистическаго Запада, но усиленно ратовалъ о возвращеніи Россіи, такъ сказать, «ко днямъ Котошихина». Совѣсть его особенно была обезпокоена въ то время вліяніемъ Бѣлинскаго и Герцена на русское общество. Онъ находилъ церковный строй допетровской Руси, съ патріаршествомъ и соборами, наиболѣе соотвѣтствующимъ національнымъ особенностямъ русскаго народа.

Т. Н. Филипповъ,—говоритъ авторъ,—вліялъ на молодыхъ славянофиловъ не столько журнальными статьями, сколько старинными русскими пѣснями, удивительнымъ исполненіемъ которыхъ онъ открывалъ идеалы русскаго народа и привлекалъ къ нимъ симпатіи всего кружка «Молодаго Москвитянина».

Во второй и третьей главахъ А. Н. Фаресовъ излагаетъ идеи, выраженныя Т. Н. Филипповымъ во множествѣ его научныхъ статей, въ перепискѣ съ близкими къ нему лицами и въ разговорахъ.

Въ четвертой главѣ этого очерка мы находимъ описаніе примиренія Т. Н. Филиппова съ Н. С. Лѣсковымъ. «Онъ вошелъ въ кабинетъ и, приблизившись ко мнѣ, — такъ разсказывалъ Лѣсковъ,—сказалъ: «я пришелъ къ вамъ, Николай Семеновичъ, мириться... Я прочиталъ вновь ваши произведенія, и меня вдругъ потянуло къ вамъ. Сегодня прощеный день, и если я чѣмъ виноватъ передъ вами, то простите меня. Если ужъ мириться, то мириться по-настоящему...» Онъ вдругъ опустился на колѣни, вотъ здѣсь, посреди этого самаго кабинета...»

Спустя нѣсколько дней, 21-го февраля 1895 г., Н. С. Лѣсковъ скончался; разумѣется, примиреніе съ Т. Н. Филипповымъ было одною изъ послѣднихъ радостей его земной жизни.

«Кто вдумается въ характеръ этой «радости»,—заканчиваетъ свой очеркъ А. Н. Фаресовъ,—тому будетъ дорогъ Т. Н. Филипповъ, способный бывало не только покорять Островскаго и Григорьева пѣснью, но и самого Лѣскова — христіанскимъ подъемомъ души... Въ бюрократическихъ сферахъ, гдѣ чѣмъ выше человѣкъ, тѣмъ онъ болѣе дѣлается сухаремъ, Т. Н. Филипповъ поражаетъ захватами своей, хотя бы съ отживающими началами, мысли о національной школѣ, о соборной церкви, о славянской взаимности, о народномъ творчествѣ, и яркимъ блескомъ христіанской души въ исключительныхъ случаяхъ. Чтобы оцѣнить врага, чтобы перечитать его и, вспомнивъ его страданія за идеи, прійти къ нему, какъ бы это ни было поздно, съ признаніемъ его заслугъ, нужно самому имѣть благородное сердце. Оно-то и выдѣляетъ Тертія Ивановича въ нашей бюрократіи».

Н. К-ш-ъ.

[1]) «Жизнь и труды М. П. Погодина», ч. XI.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

Апрель

Ильинск	19 — 24	Апр
Прошин	24 — 29	"
Директор	29 — 4	Мая
Инсп.	4 — 9	"
Ковал.	9 — 14	"
Покров	14 — 19	"
Перлов	19 — 24	"
В. Донон	24 — 29	"
Соловьев	29 — 4	Июн
Ананьин	4 — 9	"
Гордон	9 — 14	"
Прорит	14 — 19	"

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

Май

Ильинский	11 —	16 Мая
Просвирин	16 —	21 „
Дирекция	21 —	26 „
Инспектор	26 —	31 „
Ковалевский	31 —	5 Июня
Покровский	5 —	10 „
Персональный	10 —	15 „
В. С. Соловьев	15 —	20 „
Соловьев	20 —	25 „
Анатолий	25 —	30 „
Гордеев	30 —	4 Июня
Проверка	4	

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1900 г.

Библіографическій листокъ.

Изъ Украинской старины. Рисунки академиковъ С. И. Васильковскаго и Н. С. Самокиша. Пояснительный текстъ профессора Д. И. Эварницкаго.—La petite Russie d'autrefois. Dessins par les académiciens S. I. Vassilkovsky et N. S. Samokisch. Texte explicatif du professeur D. I. Evarnitsky. С.-Петербургъ 1900. Изд. А. Ф. Маркса.

Всякая попытка изданія отечественной старины не только не излишня, а весьма необходима и желательна, какъ пособіе для науки о древностяхъ и какъ поучительная книга для всякаго образованнаго человѣка.

Среди различныхъ [1]) альбомовъ нашей старины очень мало [2]) или вовсе не встрѣчается южно-русской старины и именно старины казацкаго періода исторіи Малой Россіи. А между тѣмъ въ прошлой жизни Малой Россіи было столько оригинальнаго, столько своеобразнаго, столько поучительнаго, что все это уже давно само собой просится на свѣтъ Божій и влечетъ къ себѣ истинныхъ любителей и цѣнителей южно-русской старины.

Занимая боевой постъ между турко-татарами съ одной стороны и поляками съ другой, казаки представляли изъ себя, — говоритъ г. Эварницкій,—настоящій живой оплотъ для всей русской народности и на своихъ плечахъ выносили всѣ удары какъ со стороны мусульманскаго Крыма и Турціи, такъ и со стороны католической Польши. Борясь за политическую свободу, за православную вѣру, за русскую народность, казаки каждую пядь родной земли поливали своею кровью и засѣвали своими костьми и тутъ же создавали такихъ богатырей-героевъ, которые вызывали у современниковъ и вызываютъ у потомковъ справедливое удивленіе.

Такимъ образомъ, южно-русскіе казаки, боровшіеся съ многочисленными врагами за православную вѣру, за русскую народность, за свободу совѣсти, за человѣческія права, не знавшіе у себя раскола, никакихъ ересей, отличавшіеся высокою религіозностью и въ то же время чуждые крайней нетерпимости; казаки, создавшіе множество высоко-художественныхъ думъ и высоко-нравственныхъ и правдивыхъ историческихъ пѣсенъ, составляющихъ, въ соединеніи съ напѣвомъ, цѣлыя баллады, цѣлыя поэмы чувствъ; казаки, создавшіе богатую историческую литературу; свято хранившіе всѣ дорогіе завѣты своихъ предковъ; выступавшіе въ качествѣ носителей высшей гражданственности, поражавшіе современниковъ, поражающіе и потомковъ своею замѣчательною дальновидностію, эти казаки, наконецъ, прекрасно понимавшіе и цѣнившіе красоты природы, — по справедливости заслуживаютъ того, чтобы всѣ ихъ дѣянія представлены были въ обстоятельной, живой и художественной исторіи, и ихъ военный и домашній бытъ, какъ и главнѣйшіе историческіе дѣятели ихъ,—были изображены въ наглядныхъ образахъ и художественныхъ иллюстраціяхъ,—такъ заключаетъ свое предисловіе профессоръ Д. И. Эварницкій, и съ нимъ нельзя не согласиться.

Недавно вышедшій роскошный альбомъ заключаетъ въ себѣ 20 прекрасно воспроизведенныхъ въ краскахъ рисунковъ академика С. И. Васильковскаго, съ виньетками академика же Н. С. Самокиша; пояснительный текстъ къ рисункамъ принадлежитъ профессору Д. И. Эварницкому, глубокому знатоку исторіи Украйны.

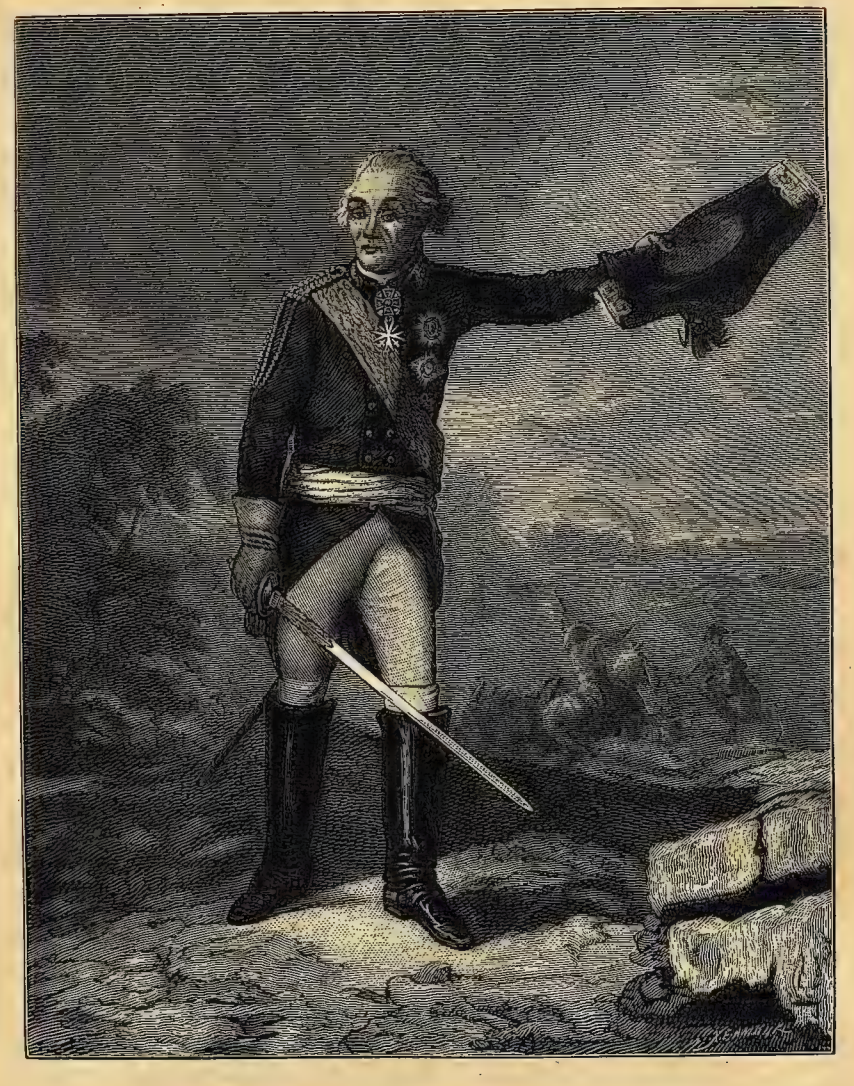
На рисункахъ даны изображенія историческихъ дѣятелей Малороссіи: тутъ мы находимъ, прежде всего, портреты: гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго, одного изъ самыхъ популярныхъ гетмановъ Запорожскаго войска, который сыгралъ немаловажную роль въ исторіи казачества въ Малой Россіи и въ Запорожьѣ; гетмана Богдана Михайловича Хмельницкаго, имя котораго неразрывно связано съ вопросомъ объ освобожденіи въ 1654 году Малой Россіи изъ-подъ ига польскаго и объ отдачѣ ея „подъ высокую руку“ московскаго царя; воеводы Адама Григорьевича Киселя, проводившаго примирительную политику между казаками и Рѣчью Посполитою, и принимавшаго самое живое и дѣятельное участіе въ событіяхъ до и во время Богдана Хмельницкаго; уманскаго сотника Ивана Гонты, имя котораго тѣсно связано съ событіемъ, происшедшимъ въ правобережной или польской Украйнѣ въ половинѣ XVIII в.,—событіемъ, которое носитъ названіе „Коліивщины“ или „Уманской рѣзни“. Далѣе помѣщенъ портретъ

---

[1]) Наиболѣе извѣстны изданія: «Древности россійскаго государства», «Описаніе одежды и вооруженій русскаго войска», «Опись московской оружейной палаты», «Памятники древнерусскаго зодчества» — Рихтера; «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ» — Ровинскаго; «Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки народной жизни»—Прохорова и «Русскій народный орнаментъ»—Стасова.

[2]) До сихъ поръ извѣстны только два изданія казацкой старины: одно сдѣлано въ Москвѣ «Обществомъ исторіи и древностей», издавшимъ нѣсколько портретовъ казацкаго, мѣщанскаго и крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, да и то лишь въ видѣ приложенія къ «Лѣтописному повѣствованію о Малой Россіи» Ригельмана; другое предпринято было въ Кіевѣ, частнымъ лицомъ, В. В. Тарновскимъ, издавшимъ на собственныя средства нѣсколько портретовъ малороссійскихъ гетмановъ, въ видѣ иллюстраціи къ сочиненію Антоновича и Беца «Историческіе дѣятели юго-западной Россіи».

дозв. ценз. спб., 6 апрѣля 1900 г. тип. тов. „общ. польза“, б. подъяч., д. 39.



ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
СУВОРОВЪ РЫМНИКСКІЙ.
1796 г.

Императоръ Николай I и Польша.

1825—1831 г.г.

IX [1]).

Императоръ Николай уже давно озабоченъ былъ направленіемъ, даннымъ Карломъ X своей внутренней политикѣ. Еще 22-го марта (3-го апрѣля) 1830 года, государь, въ письмѣ къ графу Дибичу, выражалъ свои опасенія насчетъ положенія дѣлъ во Франціи и за благополучный исходъ правительственныхъ мѣропріятій, которыя заставляютъ трепетать за будущее (qui font trembler pour leur suite) [2]). Выражая надежду, что Богъ предохранитъ Францію и Европу отъ новыхъ несчастій, Николай Павловичъ прибавилъ: «Во всякомъ случаѣ, прискорбно сказать, что съумасшествіе короля всему тому причиною (toutefois il est cruel de devoir le dire, que c'est la folie du roi qui est cause de tout cela). Шаткое положеніе французскаго правительства тѣмъ болѣе огорчало императора Николая, въ виду того обстоятельства, что отношенія Россіи къ Франціи были самыя дружественныя. Государь съ признательностью относился къ Карлу X за дружественную политику, которой онъ придерживался во время русско-турецкой войны; насколько Николай Павловичъ относился благосклонно къ тогдашнему французскому правительству, можно видѣть изъ словъ, сказанныхъ барону Бур-

[1]) См. «Русск. Стар.» апрѣль 1900 г.

[2]) Поццо ди Борго давно уже остроумно замѣтилъ: „Le gouvernement de la France est un cone placé sur la pointe".

гоэну (французскому повѣренному въ дѣлахъ) въ Красномъ Селѣ во время ученья гвардейской артиллеріи: «Французы взяли Алжиръ. Напишите вашему королю, что это завоеваніе исполнило меня такою радостью, какъ бы оно было совершено пушками, выстрѣлы которыхъ раздаются въ настоящій моментъ [1]).

Между тѣмъ, тревожныя извѣстія изъ Парижа стали быстро слѣдовать одни за другими и подтвердили опасенія императора Николая. Государственный переворотъ совершился: Карлъ X нарушилъ хартію и данную имъ клятву, а затѣмъ начались іюльскіе дни.

Въ это время императоръ Николай предполагалъ совершить поѣздку по Финляндіи, которую до сихъ поръ еще не имѣлъ времени посѣтить. Въ день отъѣзда, 30-го іюля (11-го августа) государь принималъ прибывшаго въ Петербургъ фельдмаршала графа Дибича [2]) и барона Бур-

---

[1]) Souvenirs d'histoire contemporaine. Episodes militaires et politiques par le baron Paul de Bourgoing. Paris 1864, p. 471.

[2]) Въ 1830 году посѣтилъ также Петербургъ другой молодой фельдмаршалъ: графъ Паскевичъ-Эриванскій. Его служебное положеніе на Кавказѣ осталось за нимъ послѣ заключенія мира; нѣсколько инымъ являлось положеніе графа Дибича. Съ возвращеніемъ второй арміи изъ Турціи въ предѣлы имперіи, она была расформирована; войска, ее составлявшія, вошли въ составъ первой арміи. Тогда наступила для графа Чернышева непріятная минута: представлялось возможнымъ, что графъ Дибичъ снова займетъ мѣсто начальника главнаго штаба! Дѣйствительно, 16-го (28-го) марта 1830 года императоръ Николай писалъ графу Дибичу, находившемуся тогда еще въ Бургасѣ:

„Je vous fait libre, mon cher ami, de faire tout ce qui vous agrée, venir ici, aller à l'étranger d'ici ou directement, enfin je vous rends maitre complet de vos actions. Quand vous serez parfaitement remis, alors je vous attends de nouveau près de moi dans vos anciennes fonctions; mais avec de toutes autres attributions, qui ne vous abimeront plus de détails, mais vous permettront d'avoir tant de loisir pour soigner la véritable partie d'un chef d'état major de l'empire de Russie! Voilà mon cher ami mes projets; le reste dépend de vous et je vous le répète, vous avez champ libre".

Въ письмѣ отъ 19-го апрѣля (1-го мая) 1830 года, государь снова коснулся этого вопроса:

„Voici à peu près l'arrangement que je me propose pour le partage des affaires à votre rentrée en fonction. Etant parfaitement satisfait de Чернышевъ pour les deux années d'administration je pense le confirmer ministre de la guerre en continuant à travailler avec lui journellement en votre présense, comme nous l'avons déjà fait. Vous n'auriez donc que le département d'inspection pour les grandes dispositions et celui du quartier-maître à diriger en personne. De cette façon je pense que tout le temps vous resterait pour être mon chef d'état major en grand, c'est à dire de diriger tout ce qui est mesure d'Etat, et ce qui a plus particulièrement trait aux mesures. Vous seriez mon aide pour m'éclairer dans toutes les grandes questions, sans vous surcharger de détails minutieux, qui resteraient à Чернышевъ pour sa partie, comme à Tolstoy pour les colonies".

гоэна [1]). Разговоръ съ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ изложенъ имъ въ своихъ запискахъ слѣдующимъ образомъ:

«Лишь только я вступилъ въ кабинетъ императора,—пишетъ Бургоэнъ,—какъ его величество подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— То, что мы предвидѣли, совершилось. Сообщенія прерваны, но и этого довольно, чтобы опасаться всего. Сообщенія прерваны—доказательство, что мятежъ торжествуетъ. Какое ужасное несчастіе (Quel affreux malheur)!

Всѣ высказанныя государемъ предположенія были до-нельзя милостивы, но довольно неопредѣленны и едва-ли устраивали графа Чернышева. Въ этомъ убѣдился фельдмаршалъ тотчасъ по прибытіи въ Петербургъ. Графъ Дибичъ сказалъ барону Тизенгаузену: „Благодарность и любовь къ монарху налагаютъ на меня святую обязанность принять опять бремя прежней моей службы при его величествѣ, бремя тяжкое при разстроенномъ моемъ здоровьѣ". Затѣмъ фельдмаршалъ признался, что вступленіе въ новую должность, назначенную государемъ, сопряжено съ затрудненіями, такъ какъ оно касается до особы, которую онъ привыкъ уважать и любить какъ друга. „Я предвижу,—говорилъ онъ,—что даже при соблюденіи крайней скромности и дружелюбномъ уваженіи, предмѣстникъ мой (графъ Чернышевъ) будетъ огорченъ, а вслѣдствіе этого прежняя наша пріязненная связь ослабнетъ. Но воля государя избрала меня на новую должность, я ея не искалъ и исполняю лишь то, что мнѣ какъ повелѣніе всегда было священно".

На другой день графъ Дибичъ узналъ о парижскихъ событіяхъ и, предвидя, что государь снова будетъ нуждаться въ немъ какъ въ полководцѣ, онъ сталъ выжидать ходъ дальнѣйшихъ событій, оставаясь въ сторонѣ отъ дѣлъ. „Я полагаю этимъ самымъ заслужить благоволеніе его величества, сохраняя ему вельможу, который въ занимаемомъ имъ мѣстѣ усердно исполнялъ обязанности свои",—признался графъ Дибичъ тому же Тизенгаузену.

Когда фельдмаршалъ послѣ возвращенія государя изъ Финляндіи высказалъ ему причину, по которой не вступилъ въ новую должность, Николай Павловичъ одобрилъ предусмотрительность Дибича.

[1]) За отсутствіемъ Нессельроде, уволеннаго для поправленія здоровья къ Карлсбадскимъ водамъ, министерствомъ иностранныхъ дѣлъ управлялъ посолъ нашъ въ Лондонѣ князь Ливенъ. На него легло все бремя первыхъ распоряженій государя, вызванныхъ Іюльскою революціею.

30-го іюля (11-го августа) 1830 года, Бургоэнъ получилъ отъ князя Ливена слѣдующую записку:

„Le prince de Lieven s'acquitte des ordres exprès de l'Empereur en portant à la connaissance de M. le baron Bourgoing les pièces ci-jointes qu'il vient de recevoir de Berlin. Désirant s'entretenir elle-même avec M. de Bourgoing sur l'objet des nouvelles affligeantes que renferment ces pièces, Sa Majesté Impériale l'invite a se rendre chez elle, à son palais particulier, dit le palais Anitchkoff aujourd'hui mercredi, à huit heures du soir, en frac".

Приложенныя къ запискѣ бумаги заключали въ себѣ свѣдѣнія о революціи, вспыхнувшей въ Парижѣ.

Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ ошибочно говоритъ, что государь, собираясь въ путь, принималъ Бургоэна въ Елагинскомъ дворцѣ.

*

«Я присоединился къ сожалѣніямъ, къ печальнымъ опасеніямъ императора.

— Чѣмъ кончится все это?—сказалъ онъ.—Что, по вашему мнѣнію, выйдетъ изъ всего этого?

— Увы, государь, догадки тутъ невозможны: въ Парижѣ мятежъ, вотъ все, что мы знаемъ. Когда страна видитъ возмущеніе въ своей столицѣ, оно сходно съ умопомѣшательствомъ въ человѣкѣ, никто не можетъ сказать, что онъ предприметъ.

— Что произойдетъ, если Карлъ X свергнутъ? Кого посадятъ на его мѣсто? Не будетъ ли у васъ республики?

— Нѣтъ признаковъ, чтобы думали о республикѣ,—отвѣчалъ я.

— Не изберутъ ли какого-нибудь Бернадота?

— Онъ слишкомъ далекъ, государь, и вполнѣ забытъ.

— Я не говорю о королѣ шведскомъ, но о какомъ-нибудь военачальникѣ, выбранномъ преторіанцами.

— Нѣтъ, государь, нѣтъ, наши солдаты, слава Богу, еще никогда не покушались на такія преступныя, безумныя дѣйствія, какъ преторіанскій выборъ.

— Такъ что же будетъ?

— Подобно вашему величеству, я блуждаю во тьмѣ хаоса.

«По настоянію императора, я приступилъ съ нимъ къ разсмотрѣнію различныхъ догадокъ; отреченіе въ пользу законныхъ наслѣдниковъ казалось намъ наиболѣе желательнымъ и наиболѣе вѣроятнымъ рѣшеніемъ. Впрочемъ, такъ какъ императоръ готовился ѣхать въ Финляндію, такъ какъ полученныя имъ извѣстія были неполны, я же не имѣлъ никакихъ и не могъ разсчитывать на скорое прибытіе курьера изъ Парижа, то настоящая бесѣда была непродолжительна. Императоръ все еще надѣялся, хотя и весьма слабо, на торжество или на долгое сопротивленіе королевской партіи или въ Парижѣ или же внѣ возмутившейся столицы. Во всякомъ случаѣ, онъ полагалъ, что весь дипломатическій корпусъ послѣдуетъ за Карломъ X.

— Станемъ, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что монархическое начало будетъ спасено,—повторилъ онъ мнѣ нѣсколько разъ.

«Желаніе видѣть монархическое начало неприкосновеннымъ, посреди смутъ, было неоднократно выражено императоромъ, хотя ничего положительнаго не было высказано. Онъ произнесъ, между прочимъ, имя Орлеанской вѣтви, но не останавливаясь на подобной гипотезѣ болѣе, чѣмъ на другихъ выставляемыхъ съ его стороны; на первомъ планѣ онъ естественно ставилъ герцога Ангулемскаго, затѣмъ герцога Бордоскаго; но всѣ эти предположенія, всѣ личные вопросы затронуты были мимоходомъ, съ непослѣдовательностью, отличающей быстрый и

отрывистый разговоръ. Передъ тѣмъ, чтобы разстаться, возвращаясь къ упорному бою королевской гвардіи, императоръ сказалъ мнѣ:

— Молодцы ваши гренадеры королевской гвардіи! Я желалъ бы воздвигнуть золотую статую каждому изъ нихъ.

«Послѣ этихъ словъ, такъ благородно обрисовывающихъ свойственныя ему чувства и способъ выраженія, равно уваженіе его къ военной вѣрности и преданности, онъ простился со мною, сказавъ:

— До свиданія, черезъ шесть дней; долго я не пробуду въ Финляндіи, отъ поѣздки въ которую я не могу отказаться; я тороплюсь возвратиться сюда, для полученія извѣстій; скоро возвратится Нессельроде; пока же я поручилъ князю Ливену сообщать вамъ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя онъ получитъ. Я понимаю вашу душевную тревогу».

Въ тотъ же вечеръ императоръ Николай съ генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ сѣлъ въ дрожки и направился въ Выборгъ.

«Сидя вдвоемъ въ этой ломкой повозкѣ,—пишетъ Бенкендорфъ,—мы, разумѣется, говорили только о парижскихъ происшествіяхъ и о послѣдствіяхъ, которыя они могутъ имѣть для остальной Европы. Помню, какъ, разсуждая о причинахъ этой революціи, я сказалъ, что, съ самой смерти Людовика XIV, французская нація,—болѣе испорченная, чѣмъ образованная,—опередила своихъ королей въ намѣреніяхъ и потребности улучшеній и перемѣнъ; что не слабые Бурбоны шли во главѣ народа, а что самъ влачилъ ихъ за собою, и что Россію наиболѣе ограждаетъ отъ бѣдствій революціи то обстоятельство, что у насъ, со временъ Петра Великаго, всегда впереди націи стояли ея монархи; но что по этому самому не должно слишкомъ торопиться ея просвѣщеніемъ, чтобы народъ не сталъ, по кругу своихъ понятій, въ уровень съ монархами и не посягнулъ тогда на ослабленіе ихъ власти».

Къ сожалѣнію, Бенкендорфъ ничего не пишетъ, что̀ отвѣтилъ императоръ Николай на историческую импровизацію своего спутника, и продолжаетъ свой разсказъ:

«За нѣсколько станцій до Выборга, дрожки сломались, и мы вынуждены были пересѣсть въ запасныя, менѣе покойныя и еще менѣе прочныя, чѣмъ первыя. Въ Выборгѣ мы остановились у православнаго собора (31-го іюля, въ 9 часовъ утра), на паперти котораго ожидали государя губернаторъ и всѣ власти. По осмотрѣ имъ войскъ, укрѣпленій, госпиталя и немногихъ казенныхъ зданій, украшающихъ этотъ городокъ, мы, переночевавъ въ немъ, на слѣдующій день пустились далѣе и вскорѣ очутились въ новой Финляндіи, т. е. въ той ея части, которая была завоевана императоромъ Александромъ».

Не доѣзжая Фридрихсгама, государь въ Питтерлаксѣ свернулъ въ сторону, въ простой крестьянской телѣжкѣ, для осмотра каменной ломки, гдѣ приготовлялся гранитный монолитъ для памятника Александру I.

Послѣ осмотра войскъ и Финляндскаго кадетскаго корпуса въ Фридрихсгамѣ, императоръ Николай черезъ Ловизу и Борго, прибылъ 1-го (13-го) августа вечеромъ въ Гельсингфорсъ.

На другой день генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Закревскій, возведенъ былъ въ графское великаго княжества Финляндскаго достоинство. Его величество, какъ сказано въ рескриптѣ, «оказываетъ сей знакъ монаршаго благоволенія тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что оный согласуется съ желаніемъ, изъявленнымъ финляндскимъ сенатомъ: соединить его, Закревскаго, тѣснѣйшими узами съ согражданами финляндской націи и считать его въ числѣ ея сочленовъ».

3-го (15-го) августа государь посѣтилъ Свеаборгъ и обѣдалъ на кораблѣ «Кульмъ», съ которымъ прибылъ сюда князь Меншиковъ.

Относительно пребыванія императора Николая въ Финляндіи, Бенкендорфъ пишетъ:

«Сердечный пріемъ, сдѣланный государю всѣми классами населенія, быстрое возрастаніе столицы, наконецъ, общій видъ довольства не оставляли сомнѣнія въ выгодахъ благаго и отеческаго устройства, даннаго этому краю. Прежніе навыки, преданія и семейные союзы не могли поддерживать еще до нѣкоторой степени симпатичной связи его со Швеціею; но матеріальные интересы и управленіе, столько же либеральное, сколько и національное, уже производило свое дѣйствіе, и все обѣщало Россіи въ финляндцахъ самыхъ вѣрныхъ и усердныхъ подданныхъ».

Въ ночь на 5-е (17-е) августа императоръ Николай возвращался въ Петербургъ и остановился во дворцѣ на Елагиномъ островѣ.

Ко времени пріѣзда государя, французскія дѣла окончательно разъяснились. Отреченіе Карла X въ пользу внука, герцога Бордоскаго, не доставило ему престола, и намѣстникъ королевства, герцогъ Орлеанскій Людовикъ-Филиппъ преобразился въ короля французовъ. Императоръ Николай усмотрѣлъ въ устраненіи старшей линіи Бурбоновъ и законнаго короля Генриха V одно коварство и вѣроломство намѣстника королевства и рѣшился прервать сношенія съ Франціею. Первый же докладъ графа Чернышева сопровождался высочайшимъ повелѣніемъ, переданнымъ имъ 5-го (17-го) августа 1830 года, кронштадтскому военному губернатору вице-адмиралу Рожнову и гласившимъ слѣдующее:

«По случаю возникшаго во Франціи мятежа и перемѣны существовавшаго правительства, государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ ни подъ какимъ видомъ не допускать кораблямъ сей націи, плавающимъ подъ флагомъ трехъ-цвѣтнымъ, а не бѣлымъ, входъ въ Кронштадтскій портъ, но если бы усиливались войти въ оный, то останавливать ихъ дѣйствіемъ оружія. Его императорскому величеству равномѣрно благоугодно, чтобы всякій ко-

рабль французскій изъ остающихся нынѣ въ Кронштадтскомъ портѣ, который бы перемѣнилъ бѣлый флагъ на трехъ-цвѣтный, немедленно былъ высланъ въ море. Сообщая вашему превосходительству высочайшую волю сію къ непремѣнному и строгому исполненію, имѣю честь присовокупить, что вмѣстѣ съ симъ увѣдомляю объ оной г. начальника морскаго штаба его императорскаго величества» [1]).

Утромъ 5-го (17-го) августа графъ Чернышевъ навѣстилъ барона Бургоэна и сказалъ ему:

— Императоръ, зная наши короткія отношенія, полагаетъ, что сообщеніе, которое онъ хочетъ сдѣлать вамъ, было бы менѣе непріятное въ устахъ друга, чѣмъ всякимъ другимъ путемъ. Вамъ, конечно, извѣстно, какъ недоволенъ его величество случившимся во Франціи. Его непоколебимыя правила не позволяютъ ему признать то, что было сдѣлано. Поэтому рѣшено прислать вамъ ваши паспорты и прервать всѣ сношенія съ Франціей.

Кронштадтскія распоряженія и слова графа Чернышева служили явнымъ доказательствомъ предвзятаго намѣренія правительства довести дѣло до разрыва; поэтому баронъ Бургоэнъ немедленно испросилъ, черезъ князя Ливена, аудіенцію у государя и получилъ приглашеніе прибыть въ Елагинскій дворецъ въ тотъ же день (5-го августа) въ 11 часовъ вечера. Аудіенція сопровождалась продолжительнымъ разговоромъ, ярко обрисовавшимъ характеръ и политическіе взгляды императора Николая.

Государь принялъ Бургоэна въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, расположенномъ во второмъ этажѣ Елагинскаго дворца; одна комнатка отдѣляла его отъ спальни императрицы. Оживленный разговоръ продолжался часъ и три четверти [2]). Съ первыхъ же словъ государя, Бургоэнъ убѣдился въ справедливости словъ, переданныхъ ему утромъ графомъ Чернышевымъ о предстоявшемъ немедленномъ разрывѣ Россіи съ Франціею.

«Когда я вошелъ,—пишетъ Бургоэнъ,—императоръ встрѣтилъ меня на самомъ порогѣ и, ставъ передо мною, произнесъ мрачнымъ, но рѣдкоотчетливымъ голосомъ слѣдующія слова:

— Ну, что имѣете ли вы извѣстія отъ вашего правительства, отъ

---

[1]) 7-го августа 1830 года вице-адмиралъ Рожновъ отвѣчалъ графу Чернышеву: „Я надлежащія къ строгому исполненію на брандвахтѣ, какъ дальней, такъ и внутренней ввѣреннаго мнѣ порта, командирамъ предписанія далъ и увѣдомилъ Кронштадтскую таможню“.

[2]) „Cette pièce était si voisine de celle où l'Impératrice était couchée que, quelques jours après, cette princesse me dit qu'elle avait entendu tout notre entretien et que nous l'avions empêché de dormir“. Baron de Bourgoing: „Episodes militaires et politiques“, p. 507.

господина намѣстника королевства (de monsieur le lieutenant général du royaume)? Вы уже знаете, что я не признаю никакого другаго порядка вещей кромѣ прежняго и считаю его единственно законнымъ, потому что онъ истекаетъ изъ легитимной королевской власти.

«На обращенныя ко мнѣ столь рѣзкія слова, я отвѣчалъ въ томъ же духѣ.

— Признаюсь, государь, что я крайне удивленъ, что ваше величество смотрите такъ на вопросъ, отнынѣ безповоротно рѣшенный моимъ отечествомъ, которое всегда умѣло отстаивать то, что дѣлало.

«Мы подошли въ это время къ столу, стоявшему влѣво, въ глубинѣ комнаты. Императоръ, идя возлѣ меня, сказалъ возвышеннымъ голосомъ:

— Да, таковъ образъ моихъ мыслей: принципъ легитимизма, вотъ, что будетъ руководить мною во всѣхъ случаяхъ (le principe de légitimité, voilà ce qui me guidera en toute circonstance).

«Подойдя въ это время къ столу, императоръ, сильно ударивъ по немъ, воскликнулъ:

— Никогда, никогда не могу я признать того, что случилось во Франціи.

«Я оставался спокойнымъ въ виду этого энергическаго проявленія необдуманной воли, которую мнѣ предстояло побороть.

— Государь,—возразилъ я,—нельзя говорить никогда; въ наше время слово это не можетъ быть произносимо: самое упорное сопротивленіе уступаетъ силѣ событій.

— Никогда,—продолжалъ императоръ съ тѣмъ же жаромъ,—никогда не уклонюсь я отъ своихъ принциповъ: съ принципами нельзя вступать въ сдѣлку, я же не вступаю въ сдѣлку съ моею честью.

— Знаю,—отвѣчалъ я,—что слово вашего величества свято и что если вы принимаете на себя обязательство, то оно становится для васъ непреложнымъ закономъ; вотъ почему я и придаю столько цѣны тому, чтобы вы не связывали себя на будущее время поспѣшными заявленіями.

«То, что я предвидѣлъ, случилось: императоръ, при самомъ началѣ нашего разговора, хотѣлъ мнѣ показать свое неудовольствіе въ полной силѣ; но, очевидно, что онъ призвалъ меня не для того единственно, а желалъ выслушать объясненія, даже настоянія, потому что обстоятельства были равно важны и для него и для насъ. Въ своихъ чувствахъ, симпатіяхъ, принципахъ онъ былъ увѣренъ, но серьезная дѣйствительность минуты ставила его въ мучительную нерѣшимость, въ большое недоумѣніе; въ продолженіе нѣсколькихъ дней его осаждали самыми противоположными совѣтами; воинственныя подстрекательства преобла-

дали, но онъ не пренебрегалъ соображеніями, которыя могли быть ему представлены и въ другомъ смыслѣ. Въ такомъ настроеніи духа онъ сказалъ мнѣ тономъ, уже въ значительной степени смягченнымъ:

— Садитесь и поговоримъ спокойно.—Въ то же время онъ указалъ мнѣ на стулъ находившійся противъ своего, по другую сторону стола, который онъ только-что ударилъ своею мощною рукою.

— Ваше величество съ самаго начала говорили со мною такъ опредѣлительно, такъ рѣшительно, что и я считаю себя въ правѣ сдѣлать то же.

— Говорите все,—возразилъ императоръ,— выскажите все, что у васъ на сердцѣ, для того-то я и пригласилъ васъ, мы здѣсь вовсе не для того, чтобы обмѣниваться любезностями.

— И такъ, государь, позвольте мнѣ представить вамъ вполнѣ откровенно картину того, что случилось бы, если бы вы исполнили рѣшеніе, о которомъ мнѣ говорилъ графъ Чернышевъ сегодня утромъ.

— Хорошо, я слушаю васъ.

— Эта картина будетъ проста, и ваше величество увидите, какъ послѣдствія связываются между собою. Допустимъ, что мнѣ предложили бы выѣхать изъ С.-Петербурга. Отъѣзжая, я отправилъ бы впередъ курьера, который возвѣстилъ бы объ удаленіи меня и объ исключеніи нашего національнаго флага. Неужели вы полагаете, что мы останемся спокойными при такомъ извѣстіи? Это не въ нашихъ обычаяхъ. Въ тотъ же самый день мы удалили бы вашего посланника, какъ вы удалили меня. Тогда, что случилось бы? Ваше величество знаете, какое положеніе занимаетъ въ Парижѣ генералъ Поццо ди Борго. Столько же по своему искусству, сколько и по могуществу монарха, котораго служитъ представителемъ, онъ какъ бы опорная точка всему парижскому дипломатическому корпусу. Всѣ его товарищи пользуются его совѣтами... но если весь дипломатическій корпусъ разсѣется, то, какъ вы полагаете, какое дѣйствіе произведетъ этотъ отъѣздъ на моихъ соотечественниковъ? Вы знаете, до какой степени мы порывисты въ нашихъ рѣшеніяхъ и поступкахъ. Ваша прежняя коалиція не можетъ устрашить насъ. Мы скажемъ себѣ, что она постарается вновь образоваться, и выведемъ немедленно заключеніе, что нужно предупредить ее. Мы будемъ имѣть дѣло съ организованною массою, но располагаемъ съ нашей стороны дезорганизаціонной силой (force dèsorganisatrice); мы вынуждены будемъ броситься на Европу прежде, нежели она будетъ готова. Вотъ, государь, какое будетъ послѣдовательное сцѣпленіе фактовъ, если мнѣ не удастся убѣдить васъ посмотрѣть на событія съ настоящей точки зрѣнія.

— Я еще въ недоумѣніи, какъ поступлю, но какимъ образомъ вы хотите, чтобы мы стали на сторону того, что совершилось въ Парижѣ?

— Тѣмъ лучше, государь, если вы еще не приняли рѣшенія въ виду столь важныхъ событій, это доказываетъ вашу мудрость, потому что всѣ мы, въ подобныя минуты, должны усугублять спокойствіе и осторожность. Что случилось бы, если бы я самъ не подавилъ въ себѣ перваго движенія, когда сегодня утромъ вашъ военный министръ сдѣлалъ мнѣ, отъ вашего имени, рѣшительное сообщеніе? Въ какомъ видѣ были бы теперь дѣла, если бы я принялъ это сообщеніе въ буквальномъ смыслѣ или только написалъ о немъ въ Парижъ? Полагаю, что я поступилъ согласно съ моими обязанностями, желая переговорить прежде всего съ вами, потому что вы одинъ господинъ здѣсь.

— Вы хорошо сдѣлали, что пожелали видѣть меня; полезно, чтобы мы имѣли настоящую бесѣду.

— Въ этомъ я также убѣжденъ наравнѣ съ вашимъ величествомъ, но къ чему послужила бы наша бесѣда, если бы мнѣ не удалось измѣнить вашихъ намѣреній? Если я выйду изъ этого кабинета, не убѣдивъ васъ, то послѣдствіемъ будетъ война болѣе обширная и кровавая, чѣмъ войны республики и имперіи. Разсчитаемъ, сколько милліоновъ людей погубили эти войны, а та, которую вы, государь, вызвали бы, была бы еще губительнѣе, и вы отвѣчали бы за нее передъ Богомъ.

«Воззваніе къ искренне-религіозному чувству императора Николая произвело свое дѣйствіе.

«Устремивъ глаза къ небу, онъ сказалъ:

— Да предастъ Господь эту отвѣтственность въ руки достойнѣе моихъ.

— Отклонить отвѣтственности вы не можете, государь, она естественное послѣдствіе того высокаго положенія, которое вы занимаете на землѣ. Я счелъ, однако, своимъ долгомъ напомнить вамъ всю важность того, что мы говоримъ и обсуждаемъ въ настоящую минуту.

— Повторяю,—отвѣчалъ императоръ,—я еще не знаю, на что мы рѣшимся; но я, конечно, сообщу свой взглядъ моимъ коллегамъ (mes collègues). Я передамъ имъ безъ утайки мое мнѣніе о случившемся и о томъ, что слѣдуетъ сдѣлать; графъ Орловъ въ скоромъ времени скажетъ это въ Вѣнѣ. Вчера я писалъ Вильгельму (принцу Оранскому); мы не объявимъ вамъ войны, будьте въ томъ увѣрены, но если мы когда-либо признаемъ то, что совершилось у васъ, то лишь послѣ взаимнаго согласія.

— Что же выйдетъ, государь, изъ подобнаго конгресса?

— Рѣчь идетъ не о конгрессѣ; мы располагаемъ другими средствами для соглашенія.

— Пока вы условитесь, государь, долгъ каждаго изъ васъ воздерживаться въ отдѣльности отъ всякаго раздражительнаго слова,

отъ всякой декларацiи или демонстрацiи, которая могла бы встревожить или оскорбить насъ.

— Я долженъ былъ быть весьма недовольнымъ тѣмъ, что случилось, и я никогда не стану скрывать своего мнѣнiя,—возразилъ императоръ.

— Ваше величество припомните, что въ нашемъ разговорѣ въ Аничковомъ дворцѣ, когда мы еще ничего не знали, мы коснулись множества предположенiй, не пришли ли мы къ заключенiю, что, посреди столь страшнаго переворота, все было возможно? Роковая случайность революцiи управляла обезумѣвшимъ населенiемъ. Я отвѣчалъ вамъ, что, къ сожалѣнiю, никто не могъ ничего знать и ничего предрекать. Я видѣлъ мое отечество на краю пропасти и подобно большинству благоразумныхъ людей страны, испытавшей столько революцiй, призывалъ всѣми пожеланiями моими руку, которая могла бы ее спасти. Чувства мои не измѣнились, по-прежнему я съ болѣзненнымъ сожалѣнiемъ вспоминаю о мѣрахъ, погубившихъ короля Карла X, и съ прежнею признательностью о храброй королевской гвардiи, тщетно защищавшей его.

«Императоръ продолжалъ:

— Повторяю вамъ, любезный другъ, я обѣщаю вамъ не предпринимать торопливаго рѣшенiя, что же касается до моего мнѣнiя, то я всегда выскажу его прямо; мы не объявимъ вамъ войны, примите въ этомъ увѣренiе; но мы условимся сообща, какого образа дѣйствiй намъ слѣдуетъ держаться въ отношенiи Францiи.

— Я готовъ вѣрить, что вы намъ не объявите войны: со стороны державъ это было бы дѣйствiемъ столько же безумнымъ, сколько и опаснымъ. Но развѣ вы полагаете, что мы удовольствуемся холодными и оскорбительными отношенiями? Мы уже не истощенная Францiя 1814 года, а вы уже не соединенная Европа 1815 года. Вы говорите, что не желаете войны, это не подлежитъ сомнѣнiю; но между правительствами, какъ и между частными людьми, дѣло постепенно доходитъ до ссоры, а потомъ и до столкновенiя. Недоброжелательные поступки влекутъ за собою рѣзкiя объясненiя, затѣмъ являются оскорбленiя и угрозы, и оба противника скоро становятся лицомъ къ лицу, со шпагою въ рукѣ.

— Надѣюсь, мы будемъ дѣйствовать осторожно, но всѣ сообща,— замѣтилъ императоръ.—Надобно, однако, предвидѣть, что другiя державы, не сожалѣя, подобно мнѣ, о томъ, что Францiя намѣревается снова броситься въ революцiонныя случайности, возрадуются, что вы губите ваши прекрасныя начала преуспѣянiя.

«Весьма вѣроятно, что на аудiенцiяхъ посланникамъ и министрамъ другихъ великихъ державъ, императоръ уже упомянулъ со времени

Іюльской революціи, условнымъ образомъ о коалиціи. Впрочемъ, онъ все еще сохранялъ нѣкоторое расположеніе къ Франціи; онъ далъ мнѣ въ томъ новое доказательство даже во время нашего пренія, и я не могу забыть словъ, сказанныхъ имъ по этому поводу.

«Замѣтивъ ему, что если Россія, хотя и сохраняя миръ, покажетъ себя враждебною въ отношеніи къ намъ, то, съ нашей стороны, естественнымъ образомъ произойдетъ сближеніе съ Англіею, императоръ отвѣчалъ:

— Не теряйте изъ виду большую разницу между Англіею и мною. Несмотря на все то, что меня волнуетъ и что мнѣ не нравится у васъ, я никогда не переставалъ интересоваться судьбами Франціи. Всѣ эти дни меня безпокоила мысль, что Англія, завидуя завоеванію Алжира, воспользуется вашими смутами, чтобы отнять у васъ это прекрасное владѣніе. Что же касается Австріи, то она трепещетъ за Италію; изъ-за этого страха она сожалѣетъ о вашей новой революціи, и потому только безпокоится; она никогда не будетъ сожалѣть о вашихъ горестяхъ, мы же, напротивъ того, всегда счастливы, когда Франція возрастаетъ въ силѣ и благоденствіи.

— Государь, вы вполнѣ правы питать, въ отношеніи насъ, подобныя чувства, потому что они вполнѣ взаимныя. Не мнѣ напоминать вамъ, что французы сдѣлали для васъ во время послѣдней турецкой войны. Наша политическая поддержка сопровождала васъ до адріанопольскаго трактата, а что касается до нашего военнаго братства, то вы помните, сколько французовъ служили въ рядахъ вашей арміи и сколько другихъ желали послѣдовать за нами. Вотъ эту медаль за турецкую кампанію, которую вы намъ пожаловали, мы носимъ, какъ дорогое воспоминаніе. Правда, офицеры и другихъ державъ находились также въ вашей дунайской арміи; но, за исключеніемъ насъ и пруссаковъ, по сочувствію ли, или такъ изъ любопытства? Австрійскихъ офицеровъ было на Дунаѣ, въ 1828 году, почти столько же, какъ и французскихъ; но въ то же самое время австрійскія газеты унижали славу вашего оружія и предсказывали вамъ бѣдствія въ кампанію 1829 года. Въ противоположность къ подобнымъ дѣйствіямъ, что же дѣлали мои молодые соотечественники? Ла-Ферронэ и Ларошжакелены храбро дрались за васъ, бросались въ первые ряды вашихъ авангардовъ. Пруссаки и французы, государь, вотъ кто были въ тяжелыхъ обстоятельствахъ 1828 и 1829 годовъ вашими единственными друзьями.

«Я одушевился при этихъ словахъ, государь казался тронутымъ и дружески протянулъ мнѣ руку. Разговоръ принялъ, затѣмъ, болѣе спокойный тонъ простаго обсужденія, императоръ еще разъ подтвердилъ, что говоритъ и дѣйствуетъ лишь изъ интереса къ Франціи.

— Государь, если вы продолжаете интересоваться моимъ отече-

ствомъ, то явите себя его другомъ въ этомъ новомъ кризисѣ и не увеличивайте его замѣшательства враждебнымъ положеніемъ.

— Никакой вражды не питаю я къ Франціи, это вѣдомо Богу, но я ненавижу начала, васъ ослѣпляющія (je déteste les principes qui vous égarent); вы говорите мнѣ о враждебномъ начинаніи съ нашей стороны, оно можетъ послѣдовать и съ вашей.

— Этого не случится, государь, будьте въ томъ увѣрены, если къ намъ отнесутся такъ, какъ мы въ правѣ ожидать по нашей независимости и справедливой гордости. Наши внутреннія перемѣны ни до кого не касаются, поэтому нѣтъ повода къ постороннему вмѣшательству. Если бы союзные монархи захотѣли возобновить коалицію, то пусть они вспомнятъ, что только въ такомъ случаѣ мы будемъ вынуждены искать поддержки у народовъ.

«При этомъ словѣ императоръ, своимъ движеніемъ, выразилъ удивленіе и неудовольствіе. Я прибавилъ, чтобы успокоить его:

— Слова, мною сказанныя относятся лишь къ предположенію, которое, какъ вы говорите, не осуществится. Мы не предпримемъ пропаганды, потому что намъ не предстоитъ бороться съ коалиціею. Впрочемъ, все, что я говорю по поводу защиты нашей независимости, и тѣ французы, которыхъ вы наиболѣе уважаете, герцогъ Мортемаръ и графъ Ла-Ферронэ, сказали бы то же самое.

— Да, я знаю, что, слушая васъ, я вопрошаю мнѣніе умѣренной Франціи, и что со мной какъ бы говорятъ Ла-Ферронэ или Мортемаръ.

— Эти люди, столь достойные вашей дружбы, государь, сказали бы вамъ, какъ и я, что отвращеніе къ иноземному вторженію преобладаетъ въ ихъ сердцѣ надъ всѣми другими чувствами и что они и дѣти ихъ взялись бы за оружіе. Мы всѣ дружно соединимся, чтобы защитить Францію—всѣ партіи забудутъ свои распри.

«Мнѣ не предстояло надобности распространяться далѣе о громадной силѣ, во имя которой я говорилъ. Императоръ былъ такъ убѣжденъ въ этомъ, что съ величайшимъ спокойствіемъ выслушалъ все сказанное мною, имѣвшее угрожающій оттѣнокъ. Императоръ постепенно успокоился, онъ сталъ обсуждать новую конституцію, замѣнившую собою хартію 1814 года. Онъ критиковалъ, съ своей точки зрѣнія, главнѣйшія статьи, и нашъ разговоръ, въ началѣ столь оживленный, принялъ тонъ теоретическаго разсужденія. Онъ закончилъ обзоръ введенныхъ новыхъ конституціонныхъ комбинацій, долженствовавшихъ имѣть силу, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ продолженіе восемнадцати лѣтъ, словами не менѣе всѣхъ выше приведенныхъ достойными быть сохраненными.

— Если бы,—сказалъ императоръ,—во время кровавыхъ смутъ въ Парижѣ, народъ разграбилъ домъ русскаго посольства и обнародовалъ мои депеши, то были бы поражены, узнавъ, что я высказывался

противъ государственнаго переворота; удивились бы, что русскій самодержавецъ поручаетъ своему представителю внушить конституціонному королю соблюденіе учрежденныхъ конституцій, утвержденныхъ присягою. (On se fut fort étonné de voir l'autocrate de Russie charger son représentant de recommander au roi constitutionnel l'observation des constitutions établies et jurées).

«Таково-то, въ общемъ, мнѣніе императора Николая, относительно нашей Іюльской революціи; онъ совѣтовалъ не производить государственнаго переворота, разсматривая его скорѣе, какъ крайне опасный неблагоразумный шагъ, чѣмъ заслуживающій порицанія проступокъ; прежде всего онъ интересовался королемъ Карломъ X и Франціею.

«Императоръ всталъ, наконецъ, чтобы отпустить меня. Всѣ слѣды неудовольствія исчезли. Видя его въ такомъ расположеніи духа, я сказалъ:

— До всѣхъ этихъ печальныхъ событій, государь, вы соблаговолили приглашать меня сопутствовать вашему величеству въ поѣздкѣ на берега Волхова, для осмотра военныхъ поселеній и для инспектированія гренадерскаго корпуса. Осмѣливаюсь надѣяться, что это приглашеніе не отмѣнено.

«При столь неожиданномъ напоминаніи, императоръ взглянулъ на меня улыбнувшись, затѣмъ, послѣ минутнаго раздумья, отвѣчалъ:

— Хорошо, я согласенъ; у меня только одно слово. Вы поѣдете со мною, но это удивитъ весьма многихъ.

«Императоръ обнялъ меня. Дѣло было улажено, и я возвратился въ Петербургъ. Корабли подъ трехъ-цвѣтнымъ флагомъ были допущены въ Кронштадтъ.

«На другой день, ко мнѣ явились всѣ главные члены дипломатическаго корпуса. Въ предшествовавшіе дни, разнесся слухъ о присылкѣ мнѣ паспорта и полномъ разрывѣ сношеній между Франціей и Россіей. Это извѣстіе вызвало большое безпокойство, и каждый желалъ знать истину, чтобы донести своему двору. Меня посѣтили лордъ Гейтесбюри, англійскій посланникъ, графъ Фикельмонъ, австрійскій посланникъ, генералъ Шёлеръ, прусскій министръ, и многіе другіе. Всѣ спрашивали меня со страхомъ:

— Правда ли, что вы покидаете Петербургъ?

— Правда, конечно,—отвѣчалъ я,—черезъ три дня я уѣзжаю, но, чтобы сопровождать императора въ поѣздкѣ по военнымъ поселеніямъ.

Поѣздка въ новгородскія военныя поселенія дѣйствительно состоялась, но не черезъ три дня, какъ разсказывалъ Бургоэнъ навѣщавшимъ его дипломатамъ, но въ началѣ сентября[1]).

[1]) „Мы жили въ то время (то-есть въ началѣ сентября) въ Царскомъ Селѣ,—пишетъ Бенкендорфъ,—государю, недовольному самимъ собою, нужно

Между тѣмъ, императоръ Николай, отказавшись отъ немедленнаго разрыва съ Франціей, все-таки продолжалъ увлекаться мыслію стать во главѣ легитимическаго крестоваго похода въ духѣ Александра I [1]). Возстаніе, начавшееся въ Брюсселѣ, подняло вопросъ о военномъ вмѣшательствѣ съ новой силой. Миролюбивый цесаревичъ Константинъ Павловичъ сильно встревожился воинственными намѣреніями своего державнаго брата, и изъ Варшавы немедленно раздалась правдивая рѣчь безусловнаго сторонника мира, противника новаго крестоваго похода.

«Я сильно сомнѣваюсь,—писалъ цесаревичъ 13-го (25-го) августа,—чтобы въ случаѣ если бы произошелъ вторичный европейскій крестовый походъ противъ Франціи, подобно случившемуся въ 1813, 1814 и 1815 годахъ, мы бы встрѣтили то же рвеніе и то же одушевленіе къ правому дѣлу. Съ тѣхъ поръ сколько осталось обѣщаній неисполненныхъ или же обойденныхъ и сколько попранныхъ интересовъ; тогда, чтобы сокрушить тиранію Бонапарта, тяготѣвшаго надъ континентомъ, повсюду пользовались содѣйствіемъ народныхъ массъ и не предвидѣли, что, рано или поздно, то же оружіе могутъ повернуть противъ насъ самихъ» [2]).

было развлечься, и мы отправились въ военныя поселенія. Весь гренадерскій корпусъ былъ собранъ лагеремъ у Княжева Двора. Государь, расположившись въ палаткѣ напротивъ лагеря, сдѣлалъ большой парадъ, а на другой день—ученье и маневры. Потомъ мы поѣхали по полковымъ штабамъ и, наконецъ, въ Старую Руссу. Французскій повѣренный въ дѣлахъ Бургоэнъ сопровождалъ государя въ этой поѣздкѣ; онъ не могъ довольно налюбиться всему, что онъ видѣлъ, въ особенности же общему довольству, замѣченному имъ въ Старой Руссѣ и въ нѣсколькихъ многолюдныхъ селеніяхъ, черезъ которыя мы проѣзжали".

Бургоэнъ въ своихъ запискахъ выражаетъ, однако, умѣренный восторгъ: „Je me bornais à être content, sans être surpris ni émerveillé, des beaux maniements d'armes et des magnifiques alignements de ces trente mille grenadiers".

[1]) Принцъ Евгеній Виртембергскій пишетъ въ своихъ запискахъ, что, вникнувъ хорошенько въ дѣло, императоръ Николай усмотрѣлъ бы, что предпринятые ранѣе два крестовыхъ похода уже потому одному не заслуживали подражанія, что предстояла теперь надобность въ третьемъ походѣ.

[2]) „Je doute fort pourtant que, s'il advenait une seconde croisade européenne contre la France comme de 1813, 14 et 15, nous y trouvions le même enthousiasme de la bonne cause. Il y a eu depuis bien des promesses non exécutées et bien d'intérêts lésés; on s'est servi alors de voies populaires partout pour abattre la tyrannie de Bonaparte, qui pesait sur le continent, et l'on ne prévoyait pas que ces mêmes mesures tôt ou tard pouvaient tourner contre nous-mêmes. Depuis il y a une époque de 16 ans, durant laquelle les évènements se sont rapidement succédés et qui n'ont prouvé que trop qu'il ne faut pas démuseler le peuple, comme disait Mirabeau au commencement de la révolution,

Относительно Польши цесаревичъ присовокупилъ:

«До сихъ поръ у насъ все спокойно, и я льщу себя надеждою, что при помощи и по милости Божіей, такъ продолжится и далѣе. Поляки докажутъ вамъ свою вѣрность, я осмѣливаюсь ожидать этого отъ Его милосердія, и уничтожатъ всякія сомнѣнія на этотъ счетъ».

Отвѣчая цесаревичу, императоръ Николай писалъ 17-го (29-го) августа:

«Мнѣніе, которое вы высказываете, относительно поляковъ, какъ разъ то самое, котораго я считаю себя въ правѣ держаться въ отношеніи ихъ; что же касается моего довѣрія къ этой прекрасной и храброй арміи, оно всецѣло и полно, и я ни одного мгновенія не сомнѣвался въ ней».

Государь сообщилъ также цесаревичу, что вопросъ о трехцвѣтномъ флагѣ не существуетъ болѣе, послѣ того какъ «мы оффиціальнымъ образомъ получили извѣстіе, что это не цвѣтъ возстанія (la couleur de la rebellion), но что правительство намѣстника короля, утвержденное Карломъ X и, слѣдовательно, сдѣлавшееся, въ нашихъ глазахъ, законнымъ (rendu légal à nos yeux), торжественно ихъ приняло». Затѣмъ, переходя къ ближайшему разбору современныхъ политическихъ вопросовъ, государь старался успокоить брата насчетъ своихъ воинственныхъ намѣреній.

---

puisque personne ne saurait le remuseler. Bonaparte l'a prédit haut à Leipzig, en disant que l'alliance emploie des moyens populaires contre moi qui tourneront contre elle-même, et je crois qu'il n'a pas eu tort. J'ai vu afficher en 1813 et publier en Silésie, lors de l'armistice, que si le Roi voulait faire la paix, il faudrait ne pas lui obéir et continuer la guerre, en le déclarant indigne de régner sur ce peuple généreux qui veut reconquérir ses droits. Que d'émancipations n'avons-nous pas vu depuis, grand Dieu! Quant à l'esprit public de ce pays, je puis l'attester bon pour le moment dans la majorité, aux incorrigibles près qui ne sont pas en majorité; pourtant il ne faut pas se laisser induire en erreur que, malgré le bien-être du pays, il y a toujours l'ancien p a c t u m c o n v e n t a qui tient à coeur, c'est à dire que si le souverain enfreint en quoi que ce soit la constitution, l'on est delié envers lui des serments de fidélité et que la confédération est autorisée par le fait même; pourtant malgré cela, je garantis que vous pouvez compter sur l'armée et la majorité de la population... La bourgeoisie est très bonne et fort dévouée; la petite noblesse l'est de même, la grande par intérêt; il n'y a que la race des juges et avocats, des professeurs et étudiants qui ne me donne pas de sécurité, malgré qu'il y en a de bons sujets parmi eux... Tout est tranquille chez nous jusqu'à ce moment, et je me flatte de l'espoir que cela restera de même avec l'aide et la grâce de Dieu, qu'Il me soit en aide! Les Polonais vous prouveront leur fidélité, j'ose l'espérer de Sa clémence, et feront tomber le doute à ce sujet". (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю, отъ 13-го (25-го) августа 1830 года).

«Все, что было сдѣлано здѣсь дипломатическимъ путемъ, было сообщено вамъ,—писалъ императоръ,—надѣюсь, что вы найдете наши рѣшенія отвѣчающими чести и началамъ, унаслѣдованнымъ нами отъ нашего покойнаго ангела. Мы вовсе не торопимся, но мнѣ кажется, что по части началъ непреложныхъ, священныхъ (principes immuables, sacrés) никогда не слѣдуетъ оставлять мѣста сомнѣніямъ, и вотъ, не изложить открыто нашего взгляда на узурпацію герцога Орлеанскаго значило бы поступить какъ разъ такимъ образомъ. Впрочемъ, событія чередуются съ такою быстротою, что буквально едва хватаетъ времени, чтобы зрѣло взвѣсить дѣло, приготовить депеши, какъ вдругъ разыгрывается новое событіе измѣняющее кажущійся обликъ положенія дѣлъ. Таковы, по моему мнѣнію, обстоятельства данной минуты, такъ какъ законный король въ моихъ глазахъ, Генрихъ V, вывезенъ своимъ дѣдомъ изъ предѣловъ Франціи; такимъ образомъ, онъ фактически эмигрировалъ и бросилъ страну. Эта страна не можетъ оставаться безъ главы, а за неимѣніемъ его, должна впасть въ состояніе самой ужасной анархіи; такимъ образомъ, фактически, наиболѣе близкій къ трону, находящійся во Франціи, за неимѣніемъ тѣхъ, которые были до него, становится для насъ фактически королемъ Франціи; такимъ образомъ, если мои союзники находятъ единогласно, что мы должны помириться въ этомъ отношеніи на герцогѣ Орлеанскомъ, то, мнѣ кажется, лучше признать королевскую власть, исходящую изъ подобнаго факта, чѣмъ королевскую власть по выбору народа! Страшный примѣръ, пагубный для всякаго порядка и который подорвалъ бы наше собственное существованіе; повторяю, мнѣ было бы слишкомъ противно признавать его подобнымъ образомъ» [1]).

---

[1]) „Il y a quelques heures que mon courrier est revenu, porteur de Votre lettre du 13 (25). Recevez en, cher Constantin, toutes mes actions de grâces. Je suis réellement heureux, plus que je ne puis vous le rendre, de ce que nous nous rencontrions si parfaitement dans notre manière de voir, au point que même la divergence au sujet du pavillon tricolore n'existe même plus, l'ayant levé aussitôt que nous avions reçu officiellement la nouvelle que ce n'était plus la couleur de la rebellion, mais que le gouvernement du Lieutenant-Général du royaume, confirmé par Charles X et par conséquent rendu légal à nos yeux, l'avait solennellement adopté. La légation française d'ici a parfaitement compris la chose, et il n'y a pas un seul Français ici, qui ait pensé de prévenir ou devancer l'ordre ou la permission de porter ces nouvelles couleurs... Le jugement que vous portez quant aux Polonais est exactement celui que je croyais en porter, et quand à ma confiance dans cette belle et brave armée, elle est pleine et entière et je n'en ai pas seulement douté un seul instant.

„Tout ce qui a été fait diplomatiquement ici, vous a été envoyé; j'espère que vous trouverez nos déterminations conformes à l'honneur et aux principes que nous avons hérité de feu notre ange. Nous ne nous pressons point d'agir, mais il me paraît, qu'en fait de principes immuables, sacrés, il ne

Однако, цесаревичъ не успокоился, повидимому, не слишкомъ довѣряя незыблемости мирныхъ заявленій, присылаемыхъ ему изъ Петербурга; онъ продолжалъ, съ своей стороны, посылать предостереженія противъ возможныхъ увлеченій и писалъ государю:

«Вы понимаете и оцѣниваете текущія событія, какъ истинно благородный человѣкъ, простите мнѣ это совершенно простое выраженіе, но, на-ряду съ этимъ, не слѣдуетъ забывать, что вы государь и властелинъ громадной имперіи, и что вашъ первый долгъ—примирять интересы вашихъ подданныхъ и вашихъ союзниковъ, поставленныхъ въ положенія относительныя, крайне различныя».

Руководствуясь подобными соображеніями, цесаревичъ указывалъ, что, въ случаѣ разрыва Россіи съ Франціею, почтенный прусскій король прежде всего будетъ компрометтированъ въ своихъ отношеніяхъ къ этой странѣ; географическое положеніи Пруссіи вынудитъ его принять можетъ быть тяжелыя, но неизбѣжныя рѣшенія. Сравнивая давно прошедшія событія съ настоящими, цесаревичъ въ заключеніе своихъ разсужденій снова повторялъ сдѣланную имъ ранѣе справедливую оцѣнку дѣлъ, обусловленную необыкновенно яснымъ пониманіемъ политической обстановки данной минуты.

«Когда происходила первая революціонная война,—писалъ цесаревичъ,—все дѣлалось съ энтузіазмомъ, порожденнымъ долгомъ и ужасомъ, который испытывали; всѣ хотѣли сохранить свое общественное

---

faut jamais laisser subsister de doute; or c'eut été le faire que de ne pas exposer franchement notre manière d'envisager l'usurpation du Duc d'Orléans. Au reste les évènements marchent avec une telle rapidité qu'à la lettre, à peine a-t-on le temps de murement peser une chose, de préparer les dépêches, qu'un nouvel incident survient et change l'apparence des choses. Telle est, selon moi, la circonstance du moment, car le roi légitime à mes yeux,—Henri V, est emmené par son grand pére hors de France; ainsi de fait, il émigre et abandonne le pays. Ce pays ne peut rester sans chef et sans tomber, à son défaut, dans l'anarchie la plus affreuse; ainsi, de fait, le plus proche du trône, présent dans le pays, au défaut de ceux qui étaient avant lui, devient de fait Roi de France pour nous; ainsi si mes alliés trouvent à l'unanimité que nous devons en passer par le duc d'Orléans, il me paraît qu'il vaut mieux reconnaître la royauté de ce fait là que de celui du choix du peuple! Effrayant exemple, subversif de tout ordre et qui saperait notre propre existence; je répète il me répugnerait trop de le reconnaître ainsi... On m'a annoncé de Paris l'arrivée du général Athalin; j'ai même la copie de la lettre du duc pour m'annoncer sa royauté; elle est aussi raisonnable que possible; l'individu m'est connu de Londres; c'est le confident le plus intime et un homme de bien, il en a fait choix pour se justifier verbalement de ce qui nous paraît avec grande raison inexcusable. Je compte le recevoir en attendant comme envoyé par le chef du gouvernement, jusqu'à ce que l'avis de mes alliés me fût connu sur cet important objet". (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу, отъ 17-го (29-го) августа 1830 года.

положеніе и были спокойны за свой тылъ. При второй войнѣ, если она случится, пойдутъ по чувству долга и, въ большинствѣ случаевъ, неохотно. Новыя идеи настолько созрѣли во всѣхъ головахъ и вообще пустили слишкомъ глубокіе корни среди большинства новаго поколѣнія, чтобы можно было вѣрить въ обратное. Сверхъ того, въ прошломъ было слишкомъ много нарушено интересовъ и неисполнено обѣщаній, чтобы явилась возможность разсчитывать на единодушное содѣйствіе правому дѣлу» [1]).

---

[1]) „Vous sentez et vous appréciez les évènements du jour en vrai homme d'honneur, pardonnez-moi cette expression toute simple, mais à côté de cela, il ne faut pas oublier que vous êtes souverain et maître d'un empire immense, et que votre premier devoir est de concilier les intérêts de vos sujets et de vos alliés, qui sont placés dans des positions respectives bien différentes. Je place en premier lieu votre respectable et vénérable beau père qui, certes, serait le premier compromis envers la France, si vous vous en détachiez; sa position géographique lui impose des devoirs peut-être durs, j'en conviens, mais que l'on ne saurait éviter. Il y a de cela 40 ans, et je m'en souviens parfaitement, que la révolution à son début inspirait une horreur à tout être pensant et à toutes les classes de la société, grands et petits, nobles et bourgeois, négociants et industriels, en un mot tout le monde la voyait en horreur. Depuis ce temps les choses ont bien changé de face et je suis certain que jadis sur 100 et 200 personnes il n'y en avait pas une qui eût seulement osé ouvrir la bouche pour en faire l'apologie et se compromettre par là envers la société entière, lorsque maintenant sur 100 personnes bien pensantes il y en a certainement 25 qui sont pour la révolution. Les unes le sont par esprit du siècle, les autres par intérêt, d'autres par insouciance, d'autres enfin par cosmopolitisme. Les nations ont été dans ces derniers temps trop en contact entre elles pour ne pas se connaître à fond et, certes, le bien être matériel a fait place aux principes professés naguère. Il dépend de vous de commencer la guerre, mais non de la finir. A la première guerre de la révolution tout marchait avec enthousiasme provenant du devoir et de l'horreur que l'on ressentait; tous voulaient conserver leurs positions sociales et l'on était sûr de ses derrières.

„A la seconde, s'il y a lieu, on marchera par devoir et à contre coeur pour le grand nombre. Les nouvelles idées ont germé trop dans toutes les têtes et se sont trop enracinées dans la généralité de la nouvelles génération pour pouvoir croire au contraire. En outre il y a eu trop d'intérêts lésés, trop de promesses faites et non réalisées pour pouvoir compter sur un concours unanime de la bonne cause... Au mot de guerre, au mot de la reprise des frontières du Rhin, de la Belgique, les partis cessent en France, la France devient une et se bat pour propager des principes subversifs au dehors et se donne par là de la consistance que lui oppose le courage seul des maîtres; c'est bien peu lorsque les intérêts des individus ne sont pas de la partie, lorsqu'au contraire, laissant la France à elle-même avec tous les germes de discorde qui y régnent par tous les intérêts froissés, l'on y amène nécessairement une guerre civile, et ils s'entredétruiront eux-mêmes et du désordre jaillira l'ordre plus tôt que l'on ne s'y attendra et, si même la France a la bêtise de vouloir commencer une guerre au dehors, on a l'argument pour les siens que l'agression est venue de leur part, malgré notre

*

Прежде всего императоръ Николай, въ виду возможныхъ случайностей, пожелалъ ознакомить своихъ ближайшихъ союзниковъ, Австрію и Пруссію, съ своими взглядами на политическое положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать намѣренія ихъ правительствъ. Съ этою цѣлью 16-го (28-го) августа генералъ-адъютантъ графъ Орловъ отправился въ Вѣну; съ подобнымъ же порученіемъ посланъ былъ, 19-го (31-го) августа, въ Берлинъ фельдмаршалъ графъ Дибичъ.

«Я избралъ его,—писалъ императоръ Николай къ цесаревичу,—потому что онъ смотритъ на дѣла такъ же, какъ вы и я, а для меня именно важно, чтобы мои слова и мысли были переданы королю съ тѣмъ тономъ, который я придаю этой музыкѣ» [1]).

Передъ отъѣздомъ государь передалъ Дибичу изустно свою инструкцію, а фельдмаршалъ немедленно изложилъ ее письменно. Въ составленной такимъ образомъ запискѣ между прочимъ сказано въ заключеніе, что для движенія своихъ войскъ, императоръ, ожидая призыва его величества короля, предполагаетъ, отдавъ нужныя приказанія, полетѣть въ Берлинъ (voler à Berlin), чтобы еще лично совѣщаться съ августѣйшимъ тестемъ своимъ и затѣмъ, рядомъ съ нимъ, сражаться противъ враговъ общаго спокойствія (les ennemis du repos général)!

Консервативныя воззрѣнія прусскаго короля не оказались, однако, на высотѣ той «музыки», которую заиграли въ Петербургѣ. Дѣйствительно, немедленно по прибытіи въ Берлинъ, графъ Дибичъ приглашенъ былъ 27-го августа (8-го сентября) въ Шарлотенбургъ, гдѣ на аудіенціи, продолжавшейся полтора часа, изложилъ королю все, что поручилъ фельдмаршалу сказать государь. Но русскій посланный, преисполненный воинственнаго пыла, видѣвшій себя уже новымъ героемъ дня на высотахъ Монмартра, ангеломъ-спасителемъ въ революціонномъ пожарѣ, не нашелъ въ королѣ особенной склонности къ военнымъ предпріятіямъ; лѣта и опытъ жизни, богатый великими событіями, воспоминаніе о былыхъ несчастіяхъ и дорого купленномъ торжествѣ внушали тестю императора Николая большую сдержанность и трезвый взглядъ на дѣла сего міра. Выслушавъ графа Дибича, король былъ

---

reconnaissance basée sur la promesse de rester dans leurs frontières. Alors on est quitte envers sa conscience et, je le répète, en finissant ce long article, que telle est mon opinion... Au nom de Dieu, pas de précipitation, mais du calme et du sang froid". (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 21-го сентября (3-го октября) 1830 года).

[1]) „J'en ai fait choix, parce qu'il voit les choses exactement comme vous et moi et qu'il m'importe que mes paroles et nos pensées soient rendues au Roi avec le ton que je mets à cette musique et pour recevoir de bouche la même chose du Roi". (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 17-го (29-го) августа 1830 года).

видимо тронутъ дружескими чувствами и довѣріемъ къ нему императора, заявлялъ, что вполнѣ раздѣляетъ его политическія убѣжденія и считаетъ войну неизбѣжною; но при этомъ выразился, ссылаясь на примѣръ императора Александра I въ 1812 году, что не желалъ бы, ни въ какомъ случаѣ, быть начинающею стороною [1]).

По желанію короля, графъ остался въ Берлинѣ до выясненія обстоятельствъ. Начались безконечныя совѣщанія фельдмаршала съ прусскими государственными людьми, не менѣе короля опасавшимися, по отношенію къ Франціи, всякаго дѣйствія, носящаго вызывающій оттѣнокъ; войны же Пруссія хотѣла избѣжать во что бы то ни стало.

Но русскіе чрезвычайные посланцы: Орловъ и Дибичъ, не успѣли еще доѣхать до мѣста своего назначенія, какъ уже состоялось оффиціальное признаніе совершившейся во Франціи перемѣны правленія какъ со стороны Австріи, такъ и Пруссіи, безъ предварительнаго соглашенія съ нами. Еще ранѣе, Англія также признала королемъ Людовика-Филиппа. Императору Николаю оставалось только послѣдовать ихъ примѣру. Въ Петербургъ прибылъ въ началѣ сентября генералъ Аталэнъ съ собственноручнымъ письмомъ короля Людовика-Филиппа. Въ этомъ письмѣ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія строки:

«На васъ, государь, въ особенности Франція останавливаетъ взоръ. Ей отрадно видѣть въ Россіи свою наиболѣе естественную и наиболѣе могущественную союзницу. Ручательствомъ въ томъ служитъ мнѣ благородный характеръ и всѣ качества, отличающія ваше императорское величество» [2]).

Генералъ Аталэнъ принятъ былъ при дворѣ съ большою вѣжливостью и даже предупредительностью; его приглашали не только на всѣ празднества, но и на смотры, парады. Менѣе удовлетворенъ былъ французскій генералъ отвѣтнымъ письмомъ государя. Рыцарская прямота императора Николая воспрепятствовала ему скрыть свои взгляды и чувства, по отношенію къ Іюльской монархіи, подъ личиною искусныхъ дипломатическихъ оборотовъ рѣчи. Въ сущности отвѣтъ государя заключалъ въ себѣ неодобрительное и условное признаніе ненавистнаго ему совершившагося факта, безъ соблюденія даже обычныхъ формъ, установившихся для переписки съ царственными особами. Николай Павло-

---

[1]) Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, убѣждая императора Николая не начинать войны безъ вызова со стороны Франціи, сошелся съ мыслями съ королемъ прусскимъ. Цесаревичъ писалъ: „Feu notre immortel Empereur dans son manifeste au sujet de la guerre de 1812 concluait en disant: „на начинающаго Богъ", et les faits l'on prouvé du reste". (Изъ письма отъ 21-го сентября (3-го октября) 1830 года.

[2]) Письмо короля Людовика-Филиппа императору Николаю отъ 7-го (19-го) августа 1830 года.

вичъ не назвалъ себя въ отвѣтномъ письмѣ «добрымъ братомъ» короля французовъ, власть котораго въ глазахъ русскаго монарха была запятнана революціоннымъ происхожденіемъ.

Приведемъ здѣсь дословный переводъ письма императора Николая, отъ 6-го (18-го) сентября, опредѣлившаго собою отношенія Россіи къ Франціи въ теченіе послѣдующихъ затѣмъ восемнадцати лѣтъ:

«Я получилъ изъ рукъ генерала Аталэна,—писалъ государь,—привезенное имъ посланіе. Событія, навѣки прискорбныя (des événements à jamais déplorables) поставили ваше величество въ тягостное положеніе. Ваше величество приняли рѣшеніе, которое одно, казалось вамъ, могло предотвратить отъ Франціи великія бѣдствія. Я ничего не скажу о побужденіяхъ, внушившихъ образъ дѣйствій, усвоенный вашимъ величествомъ въ данномъ случаѣ, но я возсылаю горячія мольбы къ божественному Провидѣнію, дабы оно благословило намѣренія вашего величества и усилія ваши на благо французскаго народа. Въ согласіи съ союзниками моими, я съ удовольствіемъ принимаю выраженіе желанія вашего величества поддерживать со всѣми европейскими государствами мирныя и дружественныя сношенія. Доколѣ же сношенія будутъ основаны на существующихъ договорахъ и на твердой рѣшимости поддерживать права и обязательства, торжественно ими признанныя, а равно и поземельныя владѣнія, Европа усмотритъ въ нихъ ручательство мира, столь необходимаго даже для спокойствія Франціи. Призванный совмѣстно съ союзниками моими поддерживать съ Франціею подъ новымъ ея правительствомъ таковыя охранительныя отношенія, я, съ своей стороны, поспѣшу не только отнестись къ нимъ съ надлежащею заботливостью, но и не устану проявлять чувства, въ искренности коихъ мнѣ пріятно увѣрить ваше величество въ отвѣтъ на чувства, выраженныя вами» [1]).

---

[1]) „J'ai reçu des mains du général Athalin la missive dont il était porteur. Des événements à jamais déplorables ont placé Votre Majesté dans une cruelle alternative. Votre Majesté a pris une résolution qui seule lui paraissait propre à épargner à la France de plus grands maux. Je ne dirai rien des motifs qui ont inspiré la conduite de Votre Majesté en cette occasion, mais j'adresse les voeux les plus ardents à la divine Providence, pour qu'il lui plaise de bénir les dessins de Votre Majesté, et vos efforts pour le bien-être du peuple français. De concert avec mes alliés je reçois avec satisfaction le désir exprimé par Votre Majesté, d'entretenir des relations de paix et d'amitié avec tous les États européens.

„Aussi longtemps que ces relations seront fondées sur les traités existants, et sur la ferme volonté de maintenir les droits et les obligations solennellement reconnus par ceux-ci, ainsi que les propriétés territoriales, l'Europe y verra une garantie de la paix qui est si nécessaire même pour le repos de la France.

Письмо императора Николая произвело въ Парижѣ амое удручающее впечатлѣніе не только на короля и его министровъ, но и на общественное мнѣніе страны, почувствовавшее въ немъ оскорбленіе достоинства Франціи. Тѣмъ не менѣе, при обоихъ дворахъ остались прежніе дипломатическіе представители, въ Парижѣ графъ Поццо ди Борго, а герцогъ Мортемаръ снова возвратился въ Петербургъ; но императоръ Николай продолжалъ относиться къ королю французовъ съ чувствомъ сильнѣйшаго негодованія, укоряя его въ коварствѣ, вѣроломствѣ и совершенно не признавая въ немъ виновника спасенія монархическаго начала. Булавочные уколы смѣнялись болѣе крупными размолвками, вплоть до 1848 года, когда императоръ Николай съ нескрываемымъ удовольствіемъ могъ, наконецъ, сказать: «Voilà donc une comédie jouée et finie et le coquin à bas».

Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ пишетъ: «И такъ, послѣ долгой внутренней борьбы и гласно заявленнаго отвращенія къ новому монарху Франціи, нашему государю не оставалось ничего инаго, какъ покориться симъ обстоятельствамъ и принести личныя чувства въ жертву сохраненія мира и, отчасти, общественному мнѣнію. Императоръ Николай впервые принудилъ себя дѣйствовать вопреки своему убѣжденію и не безъ глубокаго сокрушенія и досады призналъ Людовика-Филиппа королемъ французовъ».

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Appelé conjointement avec mes alliés à continuer avec la France sous son nouveau gouvernement ces relations conservatrices, je m'empresserai de mon côté de mettre non-seulement tous les soins qu'elles exigent, mais je manifesterai encore sans cesse les sentiments de la sincérité desquels je me fais un plaisir d'assurer Votre Majesté, en échange de ceux qu'elle m'a exprimés".

Волынское дворянство въ 1812 г.

Письмо А. Д. Балашова—графу А. А. Аракчееву.

23-го августа 1812 г. № 44.

Волынскій гражданскій губернаторъ доноситъ, что тамошнее дворянство вообще оказало мало усердія въ дѣлѣ ополченія, бывъ по мнѣнію его готово на большія пособія противной сторонѣ. А потому дабы обезсилить его, полагаетъ, что сборъ воиновъ не можетъ быть затруднителенъ и опасенъ, есть ли произведется подъ распоряженіемъ россійскаго военнаго штабъ-офицера, или вмѣсто онаго собраны будутъ лошади для кавалеріи, и деньги, кои предположены на содержаніе воиновъ.

Обстоятельства сіи, яко требующія неукоснительнаго распоряженія, я поспѣшилъ доложить вчерашній день его величеству, и государь императоръ указать мнѣ изволилъ вышепомянутое донесеніе волынскаго губернатора, съ слѣдующими къ нему приложеніями, препроводить къ вашему сіятельству для представленія на высочайшее усмотрѣніе.

Записка графа Аракчеева—А. Д. Балашову.

Государь императоръ по возвращаемымъ у сего бумагамъ, волынскаго гражданскаго губернатора, высочайше повелѣлъ сдѣлать слѣдующее распоряженіе:

1) Ополченію въ Волынской губерніи не быть.

2) Сію губернію и Подольскую, въ повинностяхъ набора рекрутъ, сравнить съ прочими губерніями, не имѣющими внутренняго ополченія; слѣдовательно, къ собираемымъ уже со ста душъ по одному рекруту, дать указъ, собирать съ оныхъ губерніевъ, по послѣднему о наборѣ рекрутъ манифесту, еще со ста душъ по одному.

3) Позволить въ обѣихъ сихъ губерніяхъ вмѣсто рекрута отдавать четырехъ строевыхъ лошадей; положивъ правиломъ, дабы непремѣнно, лошадей собрано было, не менѣе въ каждой губерніи, какъ за половину рекрутъ.

4) Для пріема сихъ лошадей въ обѣихъ губерніяхъ, назначенъ будетъ особый воинскій генералъ, который получитъ особую себѣ инструкцію, съ которой копія доставится министру полиціи.

24-го августа 1812 года.

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

XIX [1]).

Кончина и погребеніе великаго князя Михаила Павловича.—Учрежденіе секретнаго правительственнаго комитета, по случаю отсутствія изъ Петербурга государя и наслѣдника цесаревича.—Обѣдъ въ Царскосельскомъ дворцѣ и разговоры государя.—Игра въ карты.—Смерть Бутурлина и назначеніе, вмѣсто него, въ секретный цензурный комитетъ Анненкова.—Разговоры государя за обѣдомъ: о солдатахъ изъ поляковъ и о Публичной библіотекѣ.—Разговоры о Герценѣ, Сазоновѣ и проч.—Окончаніе дѣла Петрашевскаго.—Толки о назначеніи, за болѣзнію графа Уварова, новаго министра народнаго просвѣщенія.

28-го августа кончилъ земную жизнь свою благороднѣйшій, преданнѣйшій, равностнѣйшій къ своему долгу изъ людей: 51-го года и 7-ми мѣсяцевъ отъ рожденія, опочилъ въ Бозѣ великій князь Михаилъ Павловичъ, младшій изъ четырехъ внуковъ Екатерины и сыновей Павла, въ той самой Варшавѣ, къ которой онъ такъ былъ привязанъ воспоминаніями объ обожаемомъ имъ братѣ, цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ. Изъ четырехъ братьевъ пережилъ одинъ только императоръ Николай, и всѣ три, предшедшіе ему, скончались внѣ Петербурга.

Отступая здѣсь нѣсколько отъ порядка чиселъ, перейду сперва къ аудіенціи, которою почтилъ меня 4-го сентября, въ Царскомъ Селѣ, куда я переѣхалъ на осень изъ Ревеля, наслѣдникъ цесаревичъ, возвратившійся изъ Варшавы въ ночь съ 31-го августа на 1-е сентября.

— Какое печальное возвращеніе!—были первыми словами его высочества, и потомъ весь разговоръ обращался все около того же предмета.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1900 г.

— Я лично безмѣрно потерялъ съ кончиною великаго князя—сказалъ я между прочимъ—онъ особенно меня жаловалъ и нерѣдко удостоивалъ имени своего д р у г а.

— Да, я давно знаю, что онъ васъ чрезвычайно любилъ.

— Но, ваше высочество, какую сердечную любовь, какое благоговѣніе онъ питалъ къ вамъ! Я не разъ слышалъ отъ него: Богъ, отнявъ у меня Константина Павловича, послалъ мнѣ взамѣнъ Александра Николаевича; а при извѣстномъ его обожаніи къ покойному цесаревичу это слово значило все.

Наслѣдникъ прослезился, что̀ повторялось не разъ во-время нашей бесѣды.

— Драгоцѣннѣйшимъ для меня подаркомъ отъ государя—сказалъ онъ,—было препорученіе мнѣ теперь военно-учебныхъ заведеній, потому что я знаю, какъ покойный ихъ любилъ; впрочемъ, и объ этомъ и о порученіи мнѣ гвардейскаго корпуса [1]) отдано будетъ въ приказахъ уже только послѣ похоронъ. А знаете ли, какой безподобный приказъ отдалъ Ростовцовъ по корпусамъ? Я вамъ его дамъ.

И, вынувъ экземпляръ изъ лежавшаго на столѣ портфеля, его высочество громко его прочелъ и потомъ мнѣ вручилъ [2]).

— А вотъ—продолжалъ онъ, указывая на лежавшую возлѣ портфеля почти до конца докуренную сигару въ фарфоровомъ мундштучкѣ—вотъ послѣдняя сигара, выкуренная имъ передъ тѣмъ, какъ отправляться на тотъ смотръ, послѣ котораго ему уже не суждено было вставать.

Рѣчь коснулась, естественно, и государя и снѣдавшей его печали.

— Что всего ужаснѣе—сказалъ цесаревичъ—это idée fixe, преслѣдующая теперь государя, именно, что этою смертію нарушенъ законъ природы, т. е. что Михаилъ Павловичъ обошелъ его въ очереди, слѣдственно и ему не долго уже остается жить.

— Избави Боже—вырвалось у меня, но прежде, чѣмъ я успѣлъ выговорить, то же самое восклицаніе произнесъ и цесаревичъ.

Я не раскаявался въ моемъ словѣ: Александръ Николаевичъ былъ

---

[1]) Михаилъ Павловичъ былъ, между прочимъ, главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній и главнокомандующимъ гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, и обѣ эти должности, по кончинѣ его, перешли къ наслѣднику цесаревичу.

[2]) Его высочество назвалъ приказъ отданнымъ Ростовцовымъ, хотя послѣдній занималъ только постъ начальника штаба, а приказъ былъ подписанъ исправлявшимъ должность главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, Клингенбергомъ; но всѣ знали, что этотъ добрый и почтенный, но въ то время уже едва двигавшійся старичекъ представлялъ тутъ—одну подписывавшую машину.

не такимъ сыномъ и не такимъ наслѣдникомъ, передъ которымъ нельзя было бы дать воли чувствамъ своимъ къ его отцу...

— Теперь,—продолжалъ онъ, — государю необходимъ нѣкоторый покой, и онъ приказалъ, чтобы, до времени, доклады министровъ принималъ и дѣла оканчивалъ я.

Обстоятельство, что всѣ три брата кончили жизнь свою внѣ Петербурга и что Михаилу Павловичу суждено было умереть именно въ Варшавѣ, поразило также и государя и цесаревича.

— Сколько, — замѣтилъ наслѣдникъ, — онъ разсказывалъ мнѣ и любилъ всегда разсказывать про Варшаву, да вы и сами это знаете по всему тому, что онъ разсказывалъ вамъ.

Въ заключеніе, его высочество передалъ мнѣ многое и о болѣзни, и кончинѣ покойнаго.

— 11-го августа—говорилъ онъ—по вечеру пріѣхалъ Костя [1]) и былъ у Михаила Павловича, который очень долго разспрашивалъ его о подробностяхъ кампаніи, а 12-го утромъ мы всѣ втроемъ сошлись у государя [2]), гдѣ продолжался опять тотъ же разговоръ. Михаилъ Павловичъ казался очень веселымъ и, смѣясь надъ докторами, которые въ Петербургѣ всячески отговаривали его не пускаться въ далекій путь, до Варшавы, говорилъ, что, напротивъ, поѣздка вышла для него чрезвычайно полезна, и что онъ уже многіе годы не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ теперь. Потомъ онъ, вмѣстѣ съ Костею, отправился смотрѣть одинъ изъ полковъ [3]), а я пошелъ гулять пѣшкомъ. На прогулкѣ, вижу вдругъ скачущаго верхомъ, прямо ко мнѣ, адъютанта генерала Витовтова [4]).

— Что такое?

— Великому князу Михаилу Павловичу сдѣлалось очень дурно, и его отвезли безъ памяти во дворецъ. Адъютантъ предложилъ мнѣ свою лошадь, и я поскакалъ въ Бельведеръ, гдѣ, при лежавшемъ безъ чувствъ великомъ князѣ, нашелъ уже государя. На смотру, едва проѣхавъ нѣсколько шаговъ, великій князь обернулся къ ѣхавшему за нимъ командиру гренадерскаго корпуса Муравьему, со словами: что это, я какъ будто не чувствую своей руки. Муравьевъ сжалъ его руку выше указаннаго мѣста.

---

[1]) Великій князь Константинъ Николаевичъ, возвратившійся въ это время въ Варшаву изъ Венгріи.

[2]) Императоръ Александръ II написалъ: „у меня, а вскорѣ пришелъ и государь".

[3]) Императоръ Александръ II написалъ: „7-ю легкую кавалерійскую дивизію, принадлежавшую къ гренадерскому корпусу".

[4]) Въ то время начальника штаба гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ.

— А здѣсь, ваше высочество?

— И здѣсь тоже.

— Въ такомъ случаѣ вамъ лучше бы сойти съ лошади.

Великій князь хотѣлъ послушаться, но уже не могъ пошевелить и ноги. Тогда его сняли съ лошади окружавшіе, но онъ упалъ къ нимъ на руки безъ чувствъ.—Кровопусканіе [1]) возвратило ему, кажется, память, но не могло развязать языка, которымъ онъ шевелилъ только съ величайшимъ трудомъ, произнося лишь изрѣдка самыя короткія и едва внятныя слова. Видно было, что онъ всѣхъ узналъ, все слышалъ, даже все понималъ, но не могъ выразить своихъ мыслей и на это досадовалъ. Нѣсколько дней позже, я пришелъ разсказать ему о новомъ успѣхѣ нашихъ армій. Лицо его оживилось чрезвычайною радостью. Онъ жадно меня слушалъ, но могъ только спросить: «Qui commandait?». Положеніе его съ самой первой минуты было безнадежною агоніею. Великую княгиню Елену Павловну и Екатерину Михаиловну [2]) впустили къ нему за два дня до кончины. Мнѣ разсказывали, что онъ и тутъ видимо обрадовался и даже будто бы говорилъ: «merci», а потомъ—«Катя». Доктора увѣряли, что онъ долженъ очень мучиться, но я не замѣчалъ въ немъ признаковъ страданій. Наружность его, правда, очень измѣнилась, но больше отъ выросшей бороды. Когда, послѣ смерти, его выбрили и вымыли, я нашелъ, что лицо его сдѣлалось опять прежнимъ.

Въ дополненіе къ этому мнѣ были разсказаны потомъ еще нѣкоторыя подробности другими очевидцами. Великій князь скончался 28-го числа въ $2^1/_2$ часа дня по полудни, въ тотъ самый часъ, когда, за 16 дней передъ тѣмъ, былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ и черезъ 18 лѣтъ послѣ торжественнаго вступленія своего, въ главѣ гвардейскаго корпуса, въ павшую передъ нашимъ оружіемъ Варшаву. Послѣ кончины, лицо его приняло видъ чрезвычайнаго спокойствія и доброты. Въ 6 часовъ вечера была первая панихида, послѣ которой государь остался въ комнатѣ, для прощанья съ тѣломъ, одинъ съ цесаревичемъ. По удаленіи ихъ, впущены были вся свита, генералъ-адъютанты, флигель-адъютанты и пр., каждый кланялся въ землю и при-

---

[1]) Кровопусканіемъ этимъ, кажется, нѣсколько запоздали. По крайней мѣрѣ, впослѣдствіи, великая княгиня Елена Павловна разсказывала мнѣ что случившійся тутъ полковый врачъ хотѣлъ тотчасъ же открыть кровь но сбѣжавшіеся старшіе доктора тому воспротивились, говоря, что надо сперва убѣдиться: не есть ли это ударъ—нервный. Отъ того кровь пустили больному уже только по перевезеніи его въ Бельведеръ.

[2]) Онѣ, по извѣстію объ опасномъ положеніи великаго князя, поспѣшили прибыть въ Варшаву съ острова Рюгена, гдѣ находились въ то время, для пользованія морскими купальнями.

кладывался къ плечу покойнаго. Великая княгиня и дочь ея, во время болѣзни умиравшаго и при его кончинѣ, явили много твердости духа и религіи. Государь былъ, какъ всегда, безподобенъ. Онъ сидѣлъ при братѣ по часамъ, навѣщая его при томъ безпрестанно, и днемъ и ночью, изъ Лазенокъ, мѣста своего пребыванія, въ Бельведерѣ, гдѣ больной умиралъ... Во все это время, у государя смертельно болѣла голова и онъ, однакожъ, не давалъ себѣ ни минуты покоя: ему безпрестанно поливали голову одеколономъ и уксусомъ, а онъ—все стоялъ тутъ неотлучно, какъ представитель высшей родственной любви, самъ за всѣмъ смотря и обо всемъ думая. Нерѣдко, онъ становился возлѣ постели на колѣни и горячо цѣловалъ руки больнаго, которыя тотъ, въ болѣзненномъ безсиліи своемъ, тщетно старался отнять... Когда врачи объявили, что насталъ послѣдній часъ, государь, видя возлѣ себя Толстаго [1]), велѣлъ ему стать на колѣни у изголовья:

— Вотъ,—сказалъ онъ,—гдѣ принадлежитъ тебѣ мѣсто.

Между тѣмъ смерть еще медлила, и тогда государь, наклонясь къ уху стоявшаго на колѣняхъ, прошепталъ:

— Mais n'êtes vous pas trop fatigué, mon cher? [2]).

Государь оставилъ Варшаву въ самый день кончины великаго князя, послѣ упомянутой выше вечерней панихиды, и пріѣхалъ въ Царское Село 31-го августа. На слѣдующій день напечатанъ былъ манифестъ о горестной утратѣ, омрачившей общую радость при счастливыхъ событіяхъ, которыя покрыли новою славою русское оружіе. Манифестъ этотъ помѣченъ даннымъ въ Варшавѣ и при томъ 28-го августа, въ самый день кончины великаго князя; но это представляло одну внѣшнюю формальность. Онъ былъ составленъ графомъ Блудовымъ, жившимъ въ Павловскѣ, въ ночь съ 31-го августа на 1-е сентября, и подписанъ государемъ въ Царскомъ Селѣ, 1-го сентября. Такъ сказывалъ мнѣ самъ графъ, не видавшій, впрочемъ, при этомъ случаѣ, государя, а получившій его приказаніе и представившій свой проектъ черезъ посредство князя Волконскаго.

Какъ прекрасны, какъ справедливы были заключительныя выраженія этого манифеста въ отношеніи къ отшедшему! Конечно, вся жизнь его, всѣ труды и попеченія были безпрерывно посвящаемы на службу царю и отечеству; конечно, по чистотѣ сердца, дѣлъ и намѣреній, никто болѣе его не былъ достоинъ великаго имени христіанина! При всемъ томъ, извѣстіе о кончинѣ того, котораго ошибки были всегда виною ума и никогда сердца, Петербургъ принялъ вообще холодно.

---

[1]) Генералъ-маіоръ Николай Матвѣевичъ Толстой, состоявшій при великомъ князѣ и не отходившій отъ него въ предсмертную его болѣзнь.

[2]) Не устали ли вы очень, мой милый?

Немногіе, сквозь жесткую оболочку наружности Михаила Павловича, умѣли разгадать высокія его чувства и чистоту души; у большей части были въ памяти только строгость его къ военнымъ, выходившая иногда за предѣлы дисциплинарные, его придирки, наконецъ, разные странные поступки его при выступленіи весною гвардейскаго корпуса въ походъ, которые, точно, можно было объяснить лишь уже развивавшимся въ немъ въ то время болѣзненнымъ раздраженіемъ. Надъ свѣжимъ трупомъ обыкновенно забываютъ слабости и недостатки человѣка и хвалятъ, что̀ въ немъ было хорошаго. Съ Михаиломъ Павловичемъ случилось почти совсѣмъ противное. Облагодѣтельствованные имъ,—а сколько было такихъ, особенно между бѣдными офицерами—и поставленные въ возможность оцѣнить его по справедливости, молчали, или голосъ ихъ исчезалъ въ толпѣ, а преобладающее большинство вспоминало только все дурное, потому что оно оглашалось и поражало собою умы; добрыя же дѣла покойнаго творились во мракѣ тайны.

Не то было съ государемъ. Въ самую первую минуту послѣ кончины великаго князя, онъ сказалъ окружающимъ:

— Я потерялъ не только брата и друга, но и такого человѣка, который одинъ могъ говорить мнѣ правду и—говорилъ ее, и еще такого, которому одному и я могъ говорить всю правду.

Дѣйствительно, смерть Михаила Павловича положила незамѣнимый пробѣлъ въ сердечной будущности императора Николая. Не осталось никого, кому онъ могъ бы, какъ равному, какъ ровеснику, какъ совоспитаннику, передать все, что̀ лежало на душѣ; никого, кому въ минуты воспоминаній о дѣтствѣ и юности, могъ бы сказать: «Помнишь ли, какъ было то и то, какъ были мы тамъ и тамъ, какъ случилось съ нами такъ и такъ»...

3-го сентября государь, вмѣстѣ съ императрицею и младшими великими князьями, поѣхалъ, въ печальномъ настроеніи своей души, уединиться на нѣсколько дней въ Петергофъ, чего особенно желала императрица, для нѣкотораго развлеченія его производимыми имъ тамъ постройками. 6-го прибыла изъ Варшавы и великая княгиня Елена Павловна съ дочерью, черезъ Штеттинъ. Чтобы выиграть время, онѣ совершили эту поѣздку на почтовомъ пароходѣ, на которомъ, какъ бы по злой ироніи судьбы, спутниками ихъ, посреди жестокой ихъ печали, случились Фанни Эльслеръ, пѣвцы итальянской оперы и актрисы французской труппы,—все лица,—имѣвшія назначеніе увеселять Петербургъ въ наступавшемъ тогда сезонѣ. Великая княгиня, которую сопровождалъ братъ ея, принцъ Августъ Виртембергскій, сошла съ парохода на берегъ въ Ораніенбаумѣ, гдѣ встрѣтилъ ее государь, а на другой день переѣхала въ осиротѣлый Павловскъ.

Оставалось ожидать привоза тѣла.

Еще прежде его прибытія, пріѣхали въ Петербургъ, съ изъявленіемъ участія своихъ дворовъ, изъ Вѣны—эрцгерцогъ Леопольдъ, изъ Берлина—бригадный генералъ Мюлендорфъ. Присылка отъ родственнаго прусскаго двора простаго генерала принята была здѣсь не безъ неудовольствія.

Тѣло было везено во всю дорогу на почтовыхъ и прибыло 15-го сентября въ Чесму, на послѣднее передъ столицею отдохновеніе. Пріѣздъ туда предполагался къ 8-ми часамъ, но государь и вся царская фамилія ожидали въ Чесмѣ уже съ половины 8-го. Кромѣ нихъ находились тутъ военные штабы и управленія покойнаго и свита государева, но изъ гражданскихъ чиновъ никто приглашенъ не былъ, и изъ собственнаго усердія явились очень лишь немногіе. Вдругъ прибѣгаетъ фельдъегерь съ докладомъ, что кортежъ уже приближается. Государь съ сыновьями своими и, вслѣдъ за ними, вся свита и многочисленное духовенство сошли изъ верхняго этажа и остановились въ огромной аркадѣ передъ подъѣздомъ, гдѣ, вдоль стѣнъ, разставлены были, въ двѣ ширенги, сѣдые ветераны Чесменской богадѣльни. По торопливости фельдъегеря, ожиданіе тутъ продлилось около получаса, но хотя въ аркадѣ стояло, по крайней мѣрѣ, 300 человѣкъ, между ними, въ виду государя съ поникшею головою, царствовали мертвое молчаніе и ничѣмъ ненарушимая тишина. Моментъ этого гробоваго безмолвія среди такого множества людей былъ торжественно-умилителенъ. Наконецъ, дроги подъѣхали, въ сопровожденіи всей свиты усопшаго, частію слѣдовавшей при тѣлѣ отъ самой Варшавы, частію же выѣхавшей на встрѣчу изъ Петербурга. Гробъ, или, лучше сказать, три гроба, заключавшіе въ себѣ драгоцѣнные останки, вѣсили до 80 пудовъ, и эту ужасную тяжесть подняли, разумѣется, на штангахъ, казаки, исправлявшіе ту же обязанность отъ самаго выѣзда изъ Варшавы. Государь, цесаревичъ и прочіе великіе князья поддерживали гробъ въ головахъ и по бокамъ, и, такимъ образомъ, онъ былъ внесенъ по крутой лѣстницѣ и съ большимъ затрудненіемъ, въ церковь, находящуюся въ верхнемъ этажѣ. Здѣсь царственныя дамы уже стояли по лѣвую сторону катафалка, а государь, съ своими сыновьями, сталъ по правую. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ потому, что оно производило на присутствовавшихъ очень непріятное впечатлѣніе при начавшейся затѣмъ панихидѣ, заставляя священнодѣйствовавшаго архіерея (викарія петербургскаго Наѳанаила), во время кажденія, безпрерывно переходить, по старшинству членовъ царской фамиліи, съ одной стороны на другую. Послѣ панихиды, всѣхъ насъ выслали изъ церкви, и тамъ осталась одна царственная семья, которая, вслѣдъ за облобызаніемъ гроба, уѣхала въ Петербургъ.

Тогда началась наша очередь.

Въ крѣпость тѣло было перевезено 16-го числа, по печатному церемоніалу, при огромномъ стеченіи любопытствовавшихъ. Шествіе занимало болѣе версты, но представляло мало не только выраженія какого-нибудь чувства, но даже и простаго благочинія. Всѣ шли кое-какъ, нерѣдко выдаваясь изъ рядовъ, пересмѣиваясь и раскланиваясь съ зрителями и болтая между собою. Истинно величественъ и трогателенъ былъ лишь одинъ моментъ шествія, именно непосредственно за колесницею. Тутъ въ главѣ ѣхалъ государь, за нимъ слѣдовали цесаревичъ и потомъ, въ три или четыре ряда, занимавшіе всю ширину улицъ, военная свита, въ которой находились и прочіе великіе князья—всѣ верхами. Въ этомъ небольшомъ кругу, не говоря уже о глубокой горести, выражавшейся въ чертахъ государя и цесаревича, все было чинно, тихо, прилично. Когда печальная колесница взъѣхала на Троицкій мостъ, съ придвинутыхъ къ нему судовъ и съ крѣпости загремѣли пушки, чего не значилось въ церемоніалѣ. Во время первой панихиды въ крѣпости, любопытное вниманіе большинства сосредоточивалось на французскомъ генералѣ Ламорисьерѣ, новомъ посланникѣ Французской республики, пріѣхавшемъ въ государю еще въ Варшаву и тутъ впервые явившемся передъ петербургскою публикою. Во весь этотъ и слѣдующій дни пускали къ гробу, на-глухо закрытому еще въ Варшавѣ, народъ, который валилъ въ крѣпость густыми толпами. 17-го государь, хотя ему ставили рожки, присутствовалъ опять и на утренней и на вечерней панихидѣ. Сколько достоинства, величія и вмѣстѣ простоты соединялось въ этомъ исполинскомъ человѣкѣ! Поистинѣ, въ такія высоко-трогательныя минуты нельзя было смотрѣть на него безъ слезъ, безъ нервическаго потрясенія... За каждою панихидою, приложась сперва самъ къ гробу, онъ оставался въ головахъ и каждой изъ царственныхъ дамъ протягивалъ руку для всхода на ступени катафалка, а вслѣдъ за ними, вслѣдъ за всѣми своими сыновьями, снова самъ припадалъ къ гробу...

18-го сентября происходило погребеніе, также по печатному церемоніалу...

Прежде еще церемоніи, часовъ въ 9 утра, пріѣхали августѣйшія вдова и дочь. Прощаніе ихъ было безъ свидѣтелей. Литургію совершалъ митрополитъ с.-петербургскій и новгородскій Никаноръ, съ придворнымъ духовенствомъ. Вскорѣ по ея окончаніи, пріѣхали государь съ императрицею, цесаревною, великою княгинею Александрою Іосифовною и всѣми своими сыновьями [1]). Государь подвелъ своихъ дамъ къ послѣднему цѣлованію, послѣ чего онѣ уѣхали, и тогда только началось отпѣваніе. Печальный обрядъ совершалъ тотъ же митрополитъ

[1]) Великая княгиня Марія Николаевна не присутствовала за болѣзнію.

съ тремя другими архіереями и многочисленнымъ соборомъ придворнаго, военнаго и приходскаго духовенства. Въ концѣ, государь приложился первый, а потомъ, пока и мы всѣ подходили, продолжалъ стоять на верхней ступени катафалка, у изголовья гроба, въ слезахъ и съ поникшею головою. Гробъ подняли, сверхъ казаковъ, самъ онъ съ своими дѣтьми и всѣ, кому достало мѣста прикоснуться. Вокругъ раскрытой могилы произошла тѣснота ужасная, но мнѣ посчастливилось стать за великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и почти рядомъ съ государемъ и цесаревичемъ. Холстъ, на которомъ спускали гробъ, держали, въ первой ширенгѣ, дюжіе нижніе чины [1]), во второй, остававшіеся концы государь и его дѣти. Во все время отпѣванія, докторъ Карель стоялъ неотступно близъ государя, а при несеніи гроба слѣдовалъ за нимъ почти по пятамъ. Помощь его, однако жъ, благодаря Бога, не потребовалась. Сильный духъ и въ эти раздирающія минуты превозмогъ плоть. Когда гробъ сталъ медленно опускаться и загремѣли пушки и бѣглый огонь, государь такъ зарыдалъ, что разъ вырвалось у него даже громкое всхлипываніе. Потомъ онъ посыпалъ земли и быстро удалился. Все было кончено.

Почилъ онъ, кто бодро и доблестно несъ,
Санъ брата Царева и санъ человѣка,
. . . . . .
Всю душу за брата, всю кровь за Царя!

Могила усопшаго—первая, по лѣвую руку, у самаго входа въ соборъ. Доблестный великій князь легъ тутъ какъ бы на стражѣ царственной усыпальницы.

21-го сентября наслѣдникъ цесаревичъ принималъ всѣ чины военно-учебныхъ заведеній и, прочтя имъ вступительный свой приказъ, произнесъ нѣсколько словъ милости и привѣта, которыя всѣхъ глубоко тронули.

— Мы жили душа въ душу съ покойнымъ великимъ княземъ,— сказалъ, между прочимъ, цесаревичъ,— онъ меня очень любилъ... и не могъ продолжать далѣе, за слезами.

Въ 1828 году, во время Турецкой войны и пребыванія императора Николая при дѣйствовавшей арміи, разрѣшеніе всѣхъ дѣлъ по государственному управленію, восходящихъ, въ обыкновенномъ порядкѣ, на Высочайшее усмотрѣніе, поручено было, безгласно, особому секретному комитету, который оканчивалъ ихъ именемъ государя, испрашивая его разрѣшенія только въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ, именно указан-

[1]) Императоръ Александръ II добавилъ: „дворцовые гренадеры“.

ныхъ случаяхъ; о всѣхъ же прочихъ, по рѣшеніи и исполненіи ихъ, представлялъ лишь краткія вѣдомости для свѣдѣнія. Этотъ комитетъ состоялъ изъ князя Кочубея, графа Петра Александровича Толстаго и князя Александра Николаевича Голицына, а правителемъ его дѣлъ былъ управлявшій въ то время I Отдѣленіемъ Собственной его величества канцеляріи статсъ-секретарь Муравьевъ. Впослѣдствіи, при менѣе продолжительныхъ, или не столь отдаленныхъ отлучкахъ императора, общее теченіе управленія ни въ чемъ не измѣнялось, и всѣ бумаги посылались къ нему какъ бы въ личномъ его присутствіи. Наконецъ, когда наслѣдникъ цесаревичъ достигъ совершеннолѣтія и былъ пріобщенъ къ высшему управленію, государь, въ случаѣ дальнихъ или долговременныхъ своихъ отлучекъ, назначалъ его, такъ сказать, правителемъ государства, впрочемъ, также безгласно для народа; о чемъ я уже неоднократно говорилъ въ этихъ листахъ.

Въ 1849 году явилась необходимость возвратиться снова къ порядку 1828 года. Государь былъ въ Варшавѣ, а наслѣдникъ цесаревичъ, сначала остававшійся здѣсь по случаю тяжкой болѣзни своей дочери, послѣ ея кончины также уѣхалъ (объ этомъ уже говорено выше), а какъ ходъ военныхъ дѣйствій не позволялъ опредѣлить заранѣе времени ихъ возвращенія, то, въ пріѣздъ государя въ Петергофъ, ко дню рожденія императрицы, онъ рѣшилъ, на отсутствіе его и цесаревича, учредить подобный прежнему секретный комитетъ, изъ князя Петра Михайловича Волконскаго, князя Чернышева и графа Блудова, съ назначеніемъ, для производства въ немъ дѣлъ, государственнаго секретаря Бахтина. Комитету этому, или, по оффиціальному его названію, коммиссіи, опредѣлено было дѣйствовать, примѣняясь къ инструкціи 1828 г., и хотя въ Петербургѣ, естественно, почти всѣ знали о существованіи такого установленія, однако, во внѣшнихъ своихъ сношеніяхъ, коммиссія оставалась совершенно безгласною. Бумаги изъ всѣхъ вѣдомствъ писались, точно какъ бы государь былъ здѣсь, на его имя и доставлялись, обыкновеннымъ порядкомъ, запечатанныя въ I Отдѣленіе Собственной канцеляріи, откуда статсъ-секретарь Танѣевъ, не вскрывая конвертовъ, но соединяя ихъ всѣ въ одинъ, отсылалъ, вмѣсто государя, подъ адресомъ коммиссіи, къ Бахтину. Коммиссія, собиравшаяся по три раза въ недѣлю (большею частію въ Петергофѣ, за пребываніемъ тамъ Волконскаго при императрицѣ) вскрывала полученные конверты, излагала, по содержанію бумагъ, свои резолюціи въ краткихъ журналахъ и выписки изъ сихъ послѣднихъ обращала къ Танѣеву, для заготовленія исполнительныхъ бумагъ высочайшимъ именемъ, будто бы резолюціи послѣдовали отъ самого государя. Танѣевъ, съ своей стороны, изготовленные имъ проекты исполненій представлялъ коммиссіи, какъ представлялъ всегда государю и, по одобреніи или

исправленіи ихъ, разсылалъ, по принадлежности, въ формѣ высочайшихъ повелѣній, такъ что для мѣстъ и лицъ представлявшихъ не существовало никакого видимаго измѣненія противъ обыкновеннаго порядка. Этимъ способомъ разрѣшались дѣла не только по министерствамъ, но также по Государственному Совѣту, Комитету министровъ, Кавказскому комитету, Коммиссіи прошеній и пр., съ тою только разностію, что коммиссія утверждала лишь единогласныя заключенія сихъ установленій, или мнѣніе большинства; въ случаѣ же непріятія сихъ заключеній, или согласія съ меньшимъ числомъ голосовъ, обязывалась представлять свои соображенія государю. Сверхъ того допущены были особыя изъятія для нѣкоторыхъ министерствъ, состоявшія въ слѣдующемъ. Въ коммиссію не поступало ни одной бумаги по двумъ вѣдомствамъ: министерству иностранныхъ дѣлъ, потому что государственный канцлеръ графъ Нессельродъ самъ находился при государѣ, и по главному управленію путей сообщенія и публичныхъ зданій, котораго начальнику, графу Клейнмихелю, разъѣзжавшему въ это время по Россіи, было предоставлено всѣ свои доклады пересылать, по-прежнему, непосредственно къ государю. Съ другой стороны, тремъ министрамъ: военному, морскому (т. е. начальнику Главнаго морскаго штаба) и финансовъ, имѣвшимъ, въ присутствіи здѣсь государя, постоянный личный докладъ, однимъ дано было знать оффиціально о существованіи коммиссіи, и затѣмъ дѣла ихъ вѣдомствъ, требовавшія высочайшаго разрѣшенія, вносимы были не на высочайшее имя и не черезъ Танѣева, а прямо въ коммиссію, въ формѣ особыхъ записокъ; потомъ эти министры приглашались въ ея засѣданія, каждый по своей части (Чернышевъ и безъ того постоянно въ ней присутствовалъ), и участвовали въ подписаніи касавшихся до ихъ дѣлъ журналовъ; послѣ чего и выписки передавались уже не Танѣеву, а прямо каждому министру, для непосредственнаго заготовленія исполнительныхъ бумагъ, въ той же формѣ высочайшихъ повелѣній.

Этотъ порядокъ, вообще очень простой и удобный, сопровождался только одною забавною странностію по дѣламъ Государственнаго Совѣта. Меморіи его, въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ, всегда отсылаются государственнымъ секретаремъ, въ запечатанномъ конвертѣ, къ статсъ-секретарю, управляющему I Отдѣленіемъ Собственной его величества канцеляріи, который подноситъ ихъ государю въ томъ же конвертѣ. Первая часть этого порядка точно также наблюдалась и при существованіи коммиссіи, т. е. Бахтинъ, въ качествѣ государственнаго секретаря, отправлялъ конвертъ съ меморіями къ Танѣеву, но отъ Танѣева этотъ же конвертъ возвращался снова къ Бахтину, уже въ качествѣ правителя дѣлъ коммиссіи, въ общемъ, надписанномъ на имя послѣдней, конвертѣ.

*

Не могу умолчать здѣсь еще объ одномъ замѣчаніи, сообщенномъ мнѣ впослѣдствіи Бахтинымъ. Получая въ свои руки все, что въ бытность императора Николая въ Петербургѣ поступало къ нему, онъ вскорѣ убѣдился въ томъ, какимъ, среди предметовъ первостепенной важности, долженствовавшихъ сосредоточивать на себѣ все вниманіе государя, обременяли его безчисленнымъ множествомъ мелочей, и какъ просто и удобно было бы облегчить трудъ императора, безъ всякаго вреда дѣлу, по крайней мѣрѣ, на половину, отсѣченіемъ излишнихъ бумагъ, вѣдомостей и пр.

26-го сентября, за обѣдомъ въ Царскосельскомъ дворцѣ, при которомъ присутствовали только графъ Киселевъ, оберъ-гофмейстеръ Опочининъ, командиръ Гренадерскаго корпуса Муравьевъ и я, много говорили опять о Михаилѣ Павловичѣ. Государь съ жадностію слушалъ разсказы Муравьева о первомъ появленіи признаковъ апоплексіи у великаго князя, возлѣ котораго, какъ я уже упомянулъ, Муравьевъ въ то время находился. Потомъ, разсказывая о произведенномъ въ то утро смотрѣ рекрутъ, обучаемыхъ при Образцовомъ полку, государь очень хвалилъ послѣдній и сказалъ: «вотъ и этимъ я обязанъ моему покойному».—Далѣе, онъ передалъ намъ слышанное отъ только-что возвратившагося изъ Константинополя генерала князя Радзивилла о султанѣ, о турецкомъ войскѣ и о тамошнемъ управленіи, и упомянулъ еще о переходѣ Бема въ исламизмъ и о подкупѣ австрійцами главныхъ дѣятелей мятежа за 400 тысячъ гульденовъ, для побужденія ихъ къ сдачѣ Коморна О дѣйствіи Бема и о поступкѣ инсургентовъ, согласившихся принять предложенныя имъ деньги, государь отзывался съ крайнимъ омерзѣніемъ, но одобрялъ распоряженіе австрійскаго правительства, которое предпочло обратиться къ подкупу, вмѣсто того, чтобы рисковать на жестокое кровопролитіе.

Когда рѣчь какъ-то коснулась новыхъ посадокъ въ Петергофѣ и Царскомъ Селѣ, государь, затрудняясь въ пріисканіи русскаго слова для végétation, обратился ко мнѣ за переводомъ и потомъ разсказалъ, что въ его царствованіе насажено въ Петергофѣ до 30 тысячъ деревъ; что на Царскосельскомъ дубовомъ бульварѣ деревья начали расти вверхъ только съ тѣхъ поръ, какъ онъ приказалъ подрѣзывать нижнія вѣтви и, что, найдя безподобный Лазенковскій садъ въ Варшавѣ въ большомъ запущеніи, онъ велѣлъ тамошнему садовнику пріѣхать сюда, чтобы посмотрѣть и поучиться, какъ содержать сады. Наконецъ, при разговорѣ касательно здоровья, Киселевъ упомянулъ о чрезвычайной пользѣ кегельной игры, чему онъ видѣлъ живой примѣръ на одномъ человѣкѣ, совсѣмъ оправившемся съ тѣхъ поръ, что началъ ею заниматься.

— Прекрасно,—отвѣчалъ государь, принявъ это въ шутку за совѣтъ себѣ,—вотъ и я начну ѣздить всякій день въ Англійскій клубъ, или, лучше, стану собирать къ себѣ членовъ Совѣта, по департаментамъ, чтобы потѣшаться съ ними кегельною игрою. Но въ чемъ я увѣренъ,—продолжалъ онъ, уже серьезно,—это въ большой пользѣ, для здоровья, отъ дѣланья ружьемъ. Двадцать лѣтъ не проходило дня, чтобъ я не занимался этимъ движеніемъ, и въ то время не зналъ ни заваловъ, ни прочихъ теперешнихъ накостей; я старался даже пріучить къ этому и жену, mais, hélas! tous mes efforts n'étaient qu'en pure perte.

Это дало поводъ къ нѣсколькимъ шуткамъ со стороны императрицы, которая, съ обыкновенною своею граціозностью во всѣхъ движеніяхъ, стала представлять неудачныя свои попытки въ ружейныхъ пріемахъ.

Государь, за домашними у себя обѣдами, говорилъ обыкновенно по-русски и, только обращаясь къ императрицѣ, или когда у другихъ шелъ разговоръ съ нею, переходилъ къ французскому языку. Гости вообще не заводили новыхъ матерій, безъ особеннаго вызова, развѣ только иногда съ императрицею; но государь самъ былъ очень разговорчивъ, и бесѣда рѣдко прерывалась, кромѣ именно того обѣда, о которомъ я теперь говорю и при которомъ грустное расположеніе духа государя (послѣ свѣжей его потери) выражалось и въ чертахъ его, и въ отрывочности разговора. Перешептыванія между сосѣдями за такими обѣдами случались рѣдко. Столъ былъ вообще очень хорошъ, хотя не особенно изысканъ; вина подавались послѣ каждаго блюда, а кофе не за столомъ, но уже послѣ. Государь сидѣлъ всегда возлѣ императрицы, занимавшей первое мѣсто, гости же размѣщались по чинамъ. Послѣ обѣда, государь обыкновенно становился у камина и подзывалъ къ себѣ кого-нибудь изъ общества. Садились тутъ рѣдко, кромѣ императрицы. Все, и съ обѣдомъ, продолжалось обыкновенно не много болѣе полутора часа.

Государь, послѣ кончины Михаила Павловича, долго не обращался ни къ одному изъ обыкновенныхъ, столь вообще малыхъ и рѣдкихъ, развлеченій своихъ. Такъ, напримѣръ, онъ болѣе мѣсяца не брался за карты, хотя до этого печальнаго событія очень любилъ, въ осенніе и зимніе вечера, особенно же въ пребываніе въ Царскомъ Селѣ, играть въ вистъ-преферансъ. Тѣмъ болѣе всѣ обрадовались, когда 29-го сентября, послѣ долгихъ убѣжденій императрицы, онъ рѣшился, наконецъ, сѣсть за обыкновенную свою партію. На этотъ разъ составляли ее великій князь Константинъ Николаевичъ и генералъ-адъютанты Плаутинъ и графъ Апраксинъ. Играли по четвертаку.

Въ воскресенье (9-го октября), послѣ обѣдни, государь, подойдя ко мнѣ въ залѣ передъ церковью, сказалъ:

— Слышалъ ты? Бѣдный Бутурлинъ! [1]). Я считаю его смерть истинною потерею и сердечно о немъ горюю. Это большая бѣда и для нашего Комитета. Вѣдь васъ теперь всего только двое (т. е. Дегай и я), и рѣшительно не знаю, кого вамъ дать третьяго. Въ двадцать четыре года я столько растерялъ близкихъ мнѣ людей, что теперь всегда нахожусь въ величайшемъ затрудненіи, когда надо замѣстить довѣренное мѣсто. Не знаешь ли ты кого?

Я сдѣлалъ, въ молчаніи, отрицательное движеніе.

— Есть человѣкъ, который и въ нашихъ правилахъ, и смотритъ на вещи съ нашей точки: это твой товарищъ по Совѣту, Анненковъ [2]); но у него есть тоже свои занятія и не знаю, могъ ли бы онъ соединить все вмѣстѣ.

Какъ эта фраза была произнесена тоже въ тонѣ вопросительномъ, то я счелъ себя въ правѣ отвѣчать:

— Въ Комитетѣ, государь, очень много дѣла: мы теперь, къ счастью, рѣдко имѣемъ случай васъ утруждать, но для того, чтобъ изрѣдка представить вамъ нѣсколько строкъ, должны постоянно прочитывать цѣлыя кипы.

— Знаю, знаю, что у васъ, по-прежнему, пропасть дѣла, хоть до меня нынче, благодаря Богу, доходитъ мало.

Тутъ подошла императрица, и нашъ разговоръ былъ прерванъ.

Спустя нѣсколько дней, Анненковъ дѣйствительно былъ опредѣленъ членомъ Комитета 2-го апрѣля.

Бывъ назначенъ, послѣ Бутурлина, директоромъ Императорской публичной библіотеки (18-го октября) и явясь, по этому случаю, благодарить государя (въ Царскомъ Селѣ), я снова удостоился приглашенія къ его столу. Въ этотъ разъ, воскресенье, общество было нѣсколько многочисленнѣе, и именно, сверхъ императорской четы, обѣдали тутъ всѣ четыре ея сына, принцы Августъ Вюртембергскій и Петръ Ольденбургскій, старые князья Волконскій и Шаховской, состоявшій при нашемъ дворѣ прусскій генералъ Раухъ и я.

— Ah, Monsieur de la Bibliothèque,—сказалъ государь,—подавая мнѣ руку и потомъ все время былъ необыкновенно милостивъ.

Здѣсь кстати замѣтить, что императоръ Николай, при всемъ моральномъ величіи своемъ, не былъ нисколько высокомѣренъ и, не роняя

---

[1]) Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, членъ Государственнаго Совѣта, предсѣдатель нашего секретнаго Комитета о цензурѣ и директоръ Публичной библіотеки, умершій въ ночь съ 8-го на 9-е число.

[2]) Генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ, незадолго передъ тѣмъ пожалованный въ члены Государственнаго Совѣта.

никогда своего достоинства, привѣтливостью и ласкою умѣлъ обворожать всѣ сердца. Такъ, оказывая тѣмъ, кто единожды былъ удостоенъ его благорасположенія и, вообще, людямъ заслуженнымъ, знаки своего милостиваго вниманія, не только у себя въ кабинетѣ, но и вездѣ передъ публикою, онъ черезъ самое обращеніе свое возвышалъ и счастливилъ каждаго, гораздо болѣе еще, нежели всѣми наградами.

За обѣдомъ, въ этотъ день, весь почетъ отдаваемъ былъ принцу Августу, къ которому хозяинъ часто и внимательно обращалъ слово, что̀ не мѣшало, однако жъ, и общему разговору идти своимъ чередомъ. Въ доказательство обмельчанія у насъ народа, государь разсказывалъ, что прежде онъ былъ, по росту, 22-мъ въ первой ширенгѣ Преображенскаго полка, потомъ сдѣлался 15-мъ, а теперь уже стоитъ 13-мъ; шутилъ также надъ «вытягивающимся» ростомъ двухъ младшихъ своихъ сыновей; жаловался, что начинаетъ чувствовать припадки подагры, прежде совершенно ему незнакомой, и которая на-дняхъ ночью такъ щипнула его за ногу, что онъ, проснувшись, вскочилъ съ постели. Затѣмъ, обращаясь къ Рауху, онъ говорилъ (по-нѣмецки) о разныхъ берлинскихъ своихъ воспоминаніяхъ, а у меня спрашивалъ, былъ ли я уже въ Библіотекѣ, прибавляя, что видѣлъ ее впервые еще во времена графа Александра Сергѣевича Строганова, «когда ты (то-есть я) еще лицействовалъ». Замѣчательны были большія похвалы государя солдатамъ изъ поляковъ, т. е. изъ царства Польскаго. Онъ разсказывалъ, между прочимъ, что, по вступленіи прошлымъ лѣтомъ въ Варшаву Гренадерскаго корпуса, велѣлъ распустить этихъ поляковъ по мѣстамъ ихъ родины, съ тѣмъ, чтобы они привели оттуда передъ него своихъ женъ, дѣтей, или вообще ближнихъ.

— И вотъ,—продолжалъ онъ,—послѣ смотра окружила меня вся эта команда съ толпою своихъ родныхъ, et tout celà en présence de M-r. Lamoricière, qui de cette manière aura vu le mangeur de Polonais en pleine activité [1]).

Вообще, служа въ нашихъ войскахъ, поляки не только теряютъ свою національную непріязнь, но даже отказываются отъ своего происхожденія: такъ, если кто назоветъ ихъ поляками, они отвѣчаютъ: «я не полякъ, а русскій гренадеръ». Къ слову о Ламорисіерѣ, цесаревичъ разсказалъ, что въ парижскомъ «Journal pour rire» явилось каррикатурное изображеніе казака на лошади, съ сидящимъ за нимъ Ламорисіеромъ и съ подписью: «le Général Lamoricière assistant à la pacification de la Hongrie» [2]).

---

[1]) И все это въ присутствіи Ламорисіера, который такимъ образомъ увидѣлъ въ полномъ дѣйствіи поглотителя поляковъ.

[2]) Генералъ Ламорисіеръ, присутствующій при усмиреніи поляковъ.

— Et le Cosaque, c'est moi, j'espère?—спросилъ, смѣясь, государь [1]).

— Mais j'ose le croire, Sire [2]),—отвѣчалъ цесаревичъ, въ томъ же тонѣ.

Послѣ обѣда, постоявъ нѣсколько передъ каминомъ съ Волконскимъ и Шаховскимъ, государь взялъ меня подъ руку и отвелъ въ сторону. Здѣсь, разговоръ обратился уже непосредственно къ новому моему назначенію, къ составу Библіотеки, къ продолженію каталоговъ, начатыхъ при Бутурлинѣ, и къ разнымъ внутреннимъ подробностямъ.

— Я долженъ,—сказалъ онъ,—начать твое управленіе съ того, чтобы тебя ограбить. Ты знаешь, что скоро окончено будетъ зданіе новаго Музея (Эрмитажа); я уже велѣлъ взять туда изъ твоей Библіотеки то, что собственно не принадлежитъ ни къ ея составу, ни къ ея назначенію: разныя рукописи съ миніатюрами и иллюстраціями, а взамѣнъ передать тебѣ всѣ дублеты печатныхъ книгъ Эрмитажной библіотеки; ты переговоришь объ этомъ съ Волконскимъ и Шуваловымъ, и такимъ образомъ каждому изъ обоихъ заведеній будетъ отдано свое.

Я осмѣлился замѣтить, что при сохраненіи сказанныхъ рукописей въ Публичной библіотекѣ было бы то преимущество, что онѣ выдавались бы желающимъ, для ученыхъ и артистическихъ работъ, чего въ Музеѣ не будетъ.

— Совсѣмъ нѣтъ,—отвѣчалъ государь,—и въ библіотекѣ едва-ли многимъ эти рѣдкости выдаются на руки, а въ той степени, какъ онѣ выдаются тамъ, будетъ и въ Музеѣ.

Я коснулся того обстоятельства, что въ библіотекѣ почти всѣ шкапы стоятъ доступными для похищеній, не только безъ стеколъ, но даже и безъ рѣшетокъ, а отвратить эту бѣду трудно, потому, что однѣ рѣшетки стоили бы,—какъ сказывалъ мнѣ нѣкогда Бутурлинъ,—болѣе 20.000 р. сер.

— Уфъ, уфъ,—замѣтилъ государь,—да нельзя ли сдѣлать рѣшетки хоть,—какъ это называется по-русски?—изъ fil d'archal?

Я отвѣчалъ,—что еще не осмотрѣлся и ничего не знаю. Потомъ была рѣчь о разныхъ другихъ нашихъ библіотекахъ и архивахъ; о хранящихся въ Государственномъ архивѣ дѣлахъ о цесаревичѣ Алексѣѣ Петровичѣ и о Таракановой; о занятіяхъ по этой части Блудова; наконецъ, о начатомъ имъ же изданіи дворцовыхъ записокъ со временъ царя Алексѣя Михайловича, сколько ихъ сохранилось. Я, съ моей стороны, разсказывалъ о видѣнномъ мною въ Публичной библіотекѣ подлинномъ дѣлѣ касательно содержанія несчастнаго Іоанна Антоновича и его семейства въ Холмогорахъ, дѣлѣ, гдѣ императрица Елисавета Петровна является совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, нежели какъ изображаетъ

---

[1]) И казакъ, надѣюсь—я?

[2]) Смѣю думать, государь.

се исторія. Это видимо интересовало государя, чрезвычайно любившаго всякую старину, въ особенности касавшуюся его семейства, и я тутъ же получилъ приказаніе препроводить это дѣло, какъ ни мало не подлежащее храненію въ библіотекѣ, въ Государственный архивъ.

Въ другой разъ, за такимъ же маленькимъ обѣдомъ въ Царскомъ Селѣ (1-го ноября), когда государь снова навелъ рѣчь на Публичную библіотеку, я, коснувшись разныхъ предположеній, которыми можно бы увеличить скудныя ея средства, упомянулъ, между прочимъ, о возможности обмѣновъ съ Парижскою библіотекою, которая, вѣрно, пожелала бы имѣть въ своемъ многообразномъ составѣ и русскія книги.

— Да кто жъ ихъ тамъ станетъ читать?—возразилъ государь,—развѣ наши измѣнники и бѣглецы. A propos,—продолжалъ онъ,—теперь за границею завелись опять два мошенника, которые пишутъ и интригуютъ противъ насъ: какой-то Сазоновъ и извѣстный Герценъ, который, пока вашъ Комитетъ забралъ этихъ господъ въ ежёвыя рукавицы, писывалъ и здѣсь подъ псевдонимомъ Искандера; этотъ ужь былъ разъ у насъ въ рукахъ и сидѣлъ; но, grâce à Mr. Жуковскій, употребили тутъ въ ходатайство Сашу (цесаревича) и—вотъ благодарность его за помилованіе!

Государь жаловался на свое несчастіе въ картахъ, и изъ разговора его при этомъ съ императрицею открылось, что, выигравъ какъ-то на-дняхъ 21 р. сер., онъ подарилъ ихъ ей на шляпку.

— Ce ne sera pas quelque chose de magnifique—прибавила императрица—certainement sans plumes etc.; mais enfin-autant de gagné! [1]).

По какому-то поводу заговорили о фамиліи Голицыныхъ.

— Покойный князь Александръ Николаевичъ,—вспомнилъ государь,—разсказывалъ мнѣ однажды, что вскорѣ по вступленіи на престолъ брата Александра, они заспорили: сколько Голицыныхъ въ военной службѣ, и когда перечли по спискамъ, ихъ оказалось болѣе полутораста; а теперь посмотрите-ка, куда все это дѣвалось! Нѣтъ, я думаю, болѣе шести или семи?

Дѣйствительно, когда самъ государь тутъ же принялся считать, и всѣ мы пособляли, припоминая пропускаемыхъ имъ,—всѣхъ Голицыныхъ военныхъ, со включеніемъ и флотскихъ, вышло—одиннадцать. Между тѣмъ я шепнулъ моему сосѣду за столомъ, великому князю Михаилу Николаевичу, что, по крайней мѣрѣ, нельзя сдѣлать этого упрека Корфамъ, которые есть во всѣхъ чинахъ и даже почти во всѣхъ полкахъ.

---

[1]) Это не будетъ нѣчто великолѣпное,—прибавила императрица,—конечно, безъ перьевъ, но во всякомъ случаѣ это выгодно.

— Да, да—сказалъ государь, услышавъ насъ—въ самомъ дѣлѣ, вотъ однихъ военныхъ генераловъ я знаю изъ васъ пятерыхъ,—и тутъ же пересчиталъ ихъ поименно.

Теперь я буду продолжать и окончу разсказъ, начатый объ открытомъ у насъ въ 1849 году заговорѣ.

Кромѣ слѣдственной коммиссіи, въ описанномъ мною составѣ, учреждена была еще особая приготовительная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Голицына, для разбора захваченныхъ у обвиненныхъ бумагъ, которыхъ оказалось чрезвычайно большое количество. Слѣдственная коммиссія открыла свои засѣданія 26-го апрѣля, въ самой крѣпости. Манифеста или другаго гласнаго акта объ ея учрежденіи и вообще о всемъ этомъ событіи не послѣдовало.

Результаты изслѣдованія вскорѣ обнаружили, что дѣло отнюдь не имѣло ни такой важности, ни такого развитія, какія въ началѣ придали ему городскіе слухи, обыкновенно все преувеличивающіе. Всѣхъ замѣшанныхъ было около 50 человѣкъ, и въ главѣ ихъ стоялъ 28 лѣтній чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Петрашевскій, сынъ отрѣшеннаго отъ должности петербургскаго штадтъ-физика и бывшій воспитанникъ Царско-Сельскаго лицея, человѣкъ полуумный, уже давно признанный такимъ между своими товарищами, но можетъ быть отъ того именно и чрезвычайно дерзкій. Цѣль замысла была—измѣнить общественное наше устройство по образцу западныхъ понятій, приготовивъ сперва къ тому умы посредствомъ распространенія коммунистическихъ и соціальныхъ сочиненій, разныхъ разглашеній, рѣчей и порицанія всего существующаго, предметовъ и лицъ. Всѣхъ участниковъ коммиссія раздѣлила на три разряда: главныхъ виновниковъ, ближайшихъ къ нимъ и такихъ, которыхъ можно бы совсѣмъ освободить. Въ цѣломъ спискѣ, въ противуположность заговору 1825 года, не встрѣчалось ни одного значущаго имени, ни одного лица съ извѣстностію въ какомъ-нибудь родѣ [1]): учители, мелкіе чиновники, молодые люди большею частію мало вѣдомыхъ фамилій. Покушеній, или приготовленія къ бунту, въ настоящемъ съ достовѣрностію открыто не было, и все представляло болѣе видъ безумія, нежели преступленія. Впрочемъ, заговоръ имѣлъ свои развѣтвленія и въ Москвѣ, и даже въ Сибири, гдѣ скитался отставной подполковникъ Черносвитовъ, заподозрѣнный въ намѣреніи возмутить Уралъ, а оттуда распространить мятежъ и далѣе на востокъ. Дѣйствія коммиссіи продолжались почти пять мѣсяцевъ, и окончательный докладъ ея, подписанный 17-го сентября, представленъ былъ безъ

---

[1]) Кромѣ только успѣвшаго пріобрѣсти себѣ нѣкоторую извѣстность своими повѣстями отставнаго инженеръ-поручика Достоевскаго.

всякаго съ ея стороны заключенія, котораго отъ нея и не требовалось. Члены называли это дѣло—заговоромъ идей, чѣмъ и объясняли трудность дальнѣйшихъ раскрытій: ибо, если можно обнаруживать факты, то какъ же уличать въ мысляхъ, когда онѣ не осуществились еще никакимъ проявленіемъ, никакимъ переходомъ въ дѣйствіе?

Этимъ комическимъ преступникамъ государь не разсудилъ сдѣлать чести, явленной злоумышленникамъ 1825 года, т. е. учредить для постановленія приговора о нихъ верховный уголовный судъ, а вмѣсто того приказалъ составить нѣчто новое—судъ смѣшанный: изъ трехъ генералъ-адъютантовъ и трехъ сенаторовъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта же, бывшаго оренбургскаго генерала-губернатора, Василія Алексѣевича Перовскаго. Приговоръ этой, какъ она была названа, военно-судной коммиссіи, поступилъ въ генералъ-аудиторіатъ, который, руководствуясь полевымъ уголовнымъ уложеніемъ, приговорилъ 21 подсудимаго къ смертной казни.

Всѣ въ Петербургѣ знали, что приговоръ генералъ-аудиторіата представленъ былъ государю 19-го декабря, и всѣ съ печальнымъ, иные вѣроятно и съ тревожнымъ любопытствомъ, ожидали рѣшенія роковаго вопроса. Дѣло не замедлилось. Государь сложилъ тяготѣвшее на великомъ его сердцѣ бремя скорѣе даже, чѣмъ можно было предвидѣть. Онъ не опредѣлилъ ни одной смертной казни и, вмѣсто того, велѣлъ: прочитавъ подсудимымъ приговоръ и совершивъ надъ ними всѣ обряды, предшествующіе смертной казни, объявить, что его величество даруетъ имъ жизнь и, за тѣмъ, подвергнуть ихъ разнымъ другимъ наказаніямъ.

Уже 22-го декабря появилась о семъ, равно какъ и о всемъ ходѣ и обстоятельствахъ дѣла, статья въ «Русскомъ Инвалидѣ», въ формѣ, впрочемъ, не манифеста, или указа, а простаго объявленія.

Въ тотъ же день приговоръ былъ приведенъ и въ дѣйствительное исполненіе, при многочисленномъ стеченіи народа, хотя помянутое объявленіе и не могло еще вездѣ огласиться. Въ 8 часовъ утра преступниковъ вывезли изъ крѣпости. Всѣ они были разсажены порознь въ извощичьихъ возкахъ, и при каждомъ сидѣло по рядовому внутренней стражи, а по обѣ стороны возковъ и впереди поѣзда ѣхали жандармы верхами. На Семеновскомъ плацѣ, передъ самымъ гласисомъ [1]), возвышались нарочно устроенная платформа и на ней три столба. Лицевая сторона была оставлена открытою, а съ трехъ другихъ ее окружали по одному баталіону л.-гв. Московскаго и л.-гв. Егерскаго и эскадронъ л.-гв. Конногренадерскаго полковъ, т. е. тѣхъ, къ которымъ принадлежали заговорщики военнаго званія. На плацѣ находились: командиръ

---

[1]) Императоръ Александръ II исправилъ: „валомъ“.

гвардейской пѣхоты [1]) Сумароковъ, военный генералъ-губернаторъ, оберъ-полиціймейстеръ и оба городскіе коменданта. Преступниковъ, по прибытіи ихъ туда, высадили изъ возковъ, провели вдоль всего фронта и поставили на платформу, спиною къ гласису (валу), послѣ чего прочитанъ былъ приговоръ генералъ-аудиторіата въ первоначальномъ его видѣ, т. е. безъ смягчавшаго его высочайшаго повелѣнія. Тутъ многихъ изъ зрителей тронули слезы, покатившіяся по блѣдному лицу 20-ти лѣтняго Кашкина (также изъ воспитанниковъ лицея), имѣвшаго престарѣлаго отца. Священникъ, выйдя впередъ, произнесъ осужденнымъ послѣднее увѣщаніе и, поставя ихъ на колѣни, далъ каждому приложиться ко кресту. Тогда начались прочіе обряды, предшествующіе разстрѣлянію. Палачъ сталъ ломать надъ ихъ головами шпаги и когда всѣхъ одѣли въ бѣлыя рубашки съ колпаками, комендантъ повелъ первыхъ трехъ съ праваго фланга: Петрашевскаго, Момбелли и Спѣшнева къ столбамъ, къ которымъ ихъ и привязали. Петрашевскій сорвалъ съ себя колпакъ, говоря, что не боится смерти и можетъ смотрѣть ей прямо въ глаза. Начальствовавшій войсками скомандовалъ «къ заряду», и они приступили къ исполненію команды. Вдругъ прискакалъ фельдъегерь, и раздался отбой! Привязанныхъ къ столбамъ отвязали и привели на прежнее мѣсто, чтобы всѣмъ вмѣстѣ прочесть царскую сентенцію. Кашкинъ и Пальмъ, въ порывѣ безмѣрной радости, бросились на колѣни и стали молиться, послѣдній при громкихъ восклицаніяхъ: «добрый царь, да здравствуетъ нашъ царь!»—Петрашевскому, осужденному къ ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ, безъ срока, тотчасъ же начали надѣвать кандалы; но какъ, по неловкости палача, эта операція замедлялась, то Петрашевскій самъ заковалъ себѣ руки и ноги, испросивъ позволенія обнять сперва Момбелли и Спѣшнева. Закованнаго, его посадили въ заложенныя тройкою сани и, въ сопровожденіи жандарма, прямо отправили къ окончательному мѣсту назначенія. Прочихъ повезли въ Ордонансъ-Гаузъ, для отсылки впослѣдствіи.

Графъ Уваровъ, разбитый параличемъ и переставшій въ послѣднее время пользоваться довѣріемъ императора Николая, уволенъ былъ, по просьбѣ, отъ управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія высочайшимъ указомъ 20-го октября 1849 года. Между тѣмъ, до конца года, должность его оставалась незамѣщенною, и ее исправлялъ, не по особому указу, а въ силу общаго закона, товарищъ министра, князь Ширинскій-Шихматовъ. Это междуцарствіе возбудило снова въ нашей публикѣ, какъ и всегда бывало при подобныхъ случаяхъ, безчисленные

---

[1]) Императоръ Александръ II исправилъ: „Командиръ гвардейскаго пѣхотнаго корпуса“.

толки, догадки и предположенія, хотя прежніе примѣры доказывали, что императоръ Николай любитъ, съ одной стороны, обманывать всѣ догадки, съ другой, какъ бы желая возбудить ихъ, медлить новыми назначеніями. Въ это самое время ожиданій преемника Уварову, кто-то разсказалъ мнѣ, что когда назначенный на мѣсто духовника Музовскаго, не прежде какъ чрезъ два мѣсяца послѣ его кончины, Бажановъ, явился благодарить, государь сказалъ, что остановилъ выборъ свой на немъ еще въ самую минуту смерти Музовскаго. Тогда Бажановъ осмѣлился спросить, что же, въ такомъ случаѣ, могло дать поводъ медлить назначеніемъ.

— Какъ—отвѣчалъ будто бы государь—да развѣ не надо было дать пищи толкамъ!

Впослѣдствіи я какъ-то передалъ этотъ анекдотъ одному изъ людей, наиболѣе имѣвшихъ случай изучить императора Николая.

— Не вѣрьте, не вѣрьте—сказалъ онъ мнѣ—Бажановъ никогда не отважился бы сдѣлать такого вопроса и никогда не получилъ бы такого отвѣта. Я слишкомъ близко знаю государя, чтобъ имѣть въ томъ малѣйшее сомнѣніе. Онъ всегда и вездѣ государь и никому, никогда не далъ бы подобнаго отчета въ своемъ образѣ дѣйствія.

Лицо, сообщившее мнѣ это замѣчаніе, былъ—графъ Клейнмихель.

Уже въ концѣ декабря, другой приближенный передалъ государю, болѣе, кажется, съ цѣлію вывѣдать его мысли, городской слухъ касательно назначенія министромъ народнаго просвѣщенія графа Протасова (синодальнаго оберъ-прокурора).

— Не знаю—отвѣчалъ государь: — ничего не слыхалъ; впрочемъ, вѣдь тутъ есть товарищъ, который и можетъ править министерствомъ впредь до назначенія министра.

XX.

1850.

Назначеніе князя Ширинскаго-Шихматова министромъ народнаго просвѣщенія.—Переводъ Императорской публичной библіотеки въ вѣдомство министерства Императорскаго двора.—Пароходъ «Графъ Вронченко».—Назначеніе ген.-адъютанта И. Г. Бибикова виленскимъ генералъ-губернаторомъ.—Увольненіе графа Замойскаго.—Николаевскій мостъ.—Паденіе кн. Меншикова съ лошади.—Взглядъ императора Николая на поѣздки за границу.—Праздникъ въ Петергофѣ.—Тостъ кн. Чарторижскаго въ Остенде за здоровье императора Николая I.—Отъѣздъ изъ Петербурга всей царской фамиліи.—Правительственная коммиссія.—Сломанная ось въ коляскѣ государя.—Изъ разговоровъ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ.—Юбилей князя Варшавскаго-графа-Паскевича-Эриванскаго.—Возвращеніе государя изъ Варшавы.

27-го января 1850 года послѣдовало, наконецъ, разрѣшеніе задачи, долго тревожившей любопытство нашей публики, назначенъ былъ ми-

нистромъ народнаго просвѣщенія князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ. Императоръ Николай, въ бытность еще великимъ княземъ и генералъ-инспекторомъ инженерной части, зазналъ въ инженерномъ департаментѣ Шихматова начальникомъ отдѣленія и съ тѣхъ поръ постоянно сохранялъ о немъ хорошее мнѣніе. Самъ Шихматовъ, бывъ, съ того времени, многіе годы директоромъ канцеляріи, а потомъ департамента министерства народнаго просвѣщенія, наконецъ и товарищемъ министра, неоспоримо долженъ былъ пріобрѣсти большую опытность по этой части. При всемъ томъ, новое назначеніе его Петербургъ встрѣтилъ едва-ли не съ такимъ же неудовольствіемъ и порицаніемъ, какъ и возведеніе Вронченко въ санъ министра финансовъ. Съ одной стороны, бѣдный князь не пользовался никакимъ общественнымъ уваженіемъ, его считали за человѣка ограниченнаго, святошу, обскуранта и жалѣли, что именно въ такую эпоху, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ и настроеніи умовъ, къ занятію поста, столь важнаго для будущности Россіи, выборъ палъ на подобное лицо. Съ другой стороны, удивлялись, какъ государь, будучи недоволенъ Уваровымъ, замѣнилъ сего послѣдняго не кѣмъ-либо другимъ, а именно его товарищемъ, бывшимъ передъ симъ многіе годы директоромъ департамента, слѣдственно участникомъ всѣхъ дѣйствій, или бездѣйствія уволеннаго министра... Если такъ думала и говорила та часть публики, которой совсѣмъ нельзя было признать неблагонамѣренною, то многіе другіе шли еще далѣе. Выборъ, говорили они, людей такихъ ограниченныхъ, безхарактерныхъ и безгласныхъ, каковы Вронченко и Шихматовъ, вполнѣ доказываетъ утомленіе государя: эти, уже вѣрно, не будутъ утруждать его новыми мыслями и предложеніями; но между тѣмъ поведутъ свои части къ несомнѣнному упадку. Повторяя давнишнія эпиграммы Пушкина на новаго министра, забавники наши сочиняли и свѣжія, немного переиначивая для того его фамилію. Они называли его, вмѣсто Шихматовъ—Шахматовъ и говорили, что, съ назначеніемъ его, и министерству и самому просвѣщенію въ Россіи данъ не только ш а г ъ, но и м а т ъ. Другіе, припоминая прежніе литературные труды князя, его опыты духовныхъ стихотвореній, оды, академическія рѣчи и пр., отличавшіяся всегда строгимъ классицизмомъ и бездарностію, злорадостно припоминали, какъ все это отдѣлывалось въ журналахъ двадцатыхъ годовъ, когда ни критикамъ, ни цензорамъ, конечно, не могло даже и присниться, что сочинитель станетъ нѣкогда въ главѣ русскаго просвѣщенія и высшимъ начальникомъ послѣднихъ. Наконецъ, среди этихъ насмѣшекъ, эпиграммъ и общаго хохота, всегда столь опасныхъ въ самодержавномъ правительствѣ, гдѣ подданные привыкли вѣрить и должны вѣрить въ н е п о г р ѣ ш и м о с т ь монарха, выборы послѣдняго времени, такъ мало удовлетворявшіе ожиданіямъ, приводили

на память людямъ болѣе серьезнымъ достопамятныя слова, сказанныя нѣкогда Сперанскимъ Александру I.

— Не однимъ разумомъ, но болѣе силою воображенія дѣйствуетъ правительство на страсти народныя и владычествуетъ ими. Доколѣ сила воображенія поддерживаетъ почести и мѣста въ надлежашей высотѣ, дотолѣ они сопровождаются уваженіемъ; но какъ скоро, по стеченію обстоятельствъ, или вслѣдствіе неудачныхъ выборовъ, сила сія ихъ оставитъ, такъ скоро и уваженіе исчезаетъ.

Впослѣдствіи мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ обстоятельство, послужившее непосредственнымъ поводомъ къ назначенію князя Шихматова министромъ. Въ продолженіе управленія своего министерствомъ въ качествѣ товарища, онъ представилъ государю записку о необходимости преобразовать преподаваніе въ нашихъ университетахъ такимъ образомъ, чтобы впредь всѣ положенія и выводы науки были основываемы не на умствованіяхъ, а на религіозныхъ истинахъ, въ связи съ богословіемъ. Государю такъ понравилась эта мысль, что онъ призвалъ передъ себя сочинителя записки, и Шихматовъ устнымъ развитіемъ своего предложенія дотого успѣлъ удовольствовать августѣйшаго своего слушателя, что, немедленно по его выходѣ, государь сказалъ присутствовавшему при докладѣ цесаревичу:

— Чего же намъ искать еще министра просвѣщенія? Вотъ онъ найденъ.

Императоръ Николай, несмотря на все моральное свое величіе, былъ—смертный и, слѣдственно, не чуждъ человѣческихъ ошибокъ. Управленіе Шихматова доказало, что можно быть хорошимъ казуистомъ, не будучи государственнымъ человѣкомъ; что хорошій начальникъ отдѣленія не есть еще непремѣнно хорошій министръ, и что мало быть до нѣкоторой степени ученымъ и писателемъ, чтобы завѣдывать и направлять дѣломъ общественнаго просвѣщенія въ такой державѣ, какова Россія.

Случайное обстоятельство послужило поводомъ къ тому, что Императорская публичная библіотека, принадлежавшая около сорока лѣтъ къ министерству народнаго просвѣщенія, вдругъ, высочайшимъ указомъ 7-го февраля 1850 года, причислена къ составу министерства Императорскаго двора. Упомянутое обстоятельство заключалось въ томъ, что я, въ чинѣ тайнаго совѣтника, имѣлъ три года старшинства передъ княземъ Шихматовымъ, и государь, до свѣдѣнія котораго это дошло, призналъ неудобнымъ, чтобы старшій въ чинѣ состоялъ подъ начальствомъ младшаго. Съ этихъ поръ, публичная библіотека освободилась отъ всѣхъ бюрократическихъ препонъ и пріобрѣла все удобство къ полезнымъ въ ней преобразованіямъ, потому что для министра Импера-

торскаго двора не было въ то время (такъ же, какъ и теперь) никакихъ посредствующихъ инстанцій, и князь Волконскій видѣлъ императора Николая всякій день, даже и по нѣскольку разъ въ день. Такимъ образомъ случайный вопросъ чиновнаго старшинства проложилъ этому установленію, не только общеполезному, но и принадлежащему къ числу памятниковъ народной славы, новый путь къ преуспѣянію и далъ всѣ средства воззвать его, изъ прежней полудремоты, къ новой плодотворной жизни.

На казенномъ заводѣ, вѣдомства министерства финансовъ, былъ выстроенъ новый пароходъ въ 80 силъ. Министръ финансовъ, донося о томъ государю, испрашивалъ разрѣшенія: кому сдать пароходъ и какъ его назвать? Послѣдовала резолюція: «Сдать князю Меншикову, для присоединенія къ составу Балтійскаго флота, а назвать — Графъ Вронченко». Разумѣется, что Вронченко пришелъ въ восторгъ отъ такого новаго знака монаршей милости; но посереди разсказовъ о томъ приближенномъ, вдругъ на его морщинистый лобъ набѣжало облако заботы. «Одна бѣда: пароходъ поступитъ къ Меншикову, и онъ вѣрно уже выдумаетъ тутъ какую-нибудь колкую шутку на мой счетъ»... И пошли разсужденія о томъ, что могъ бы сочинить Меншиковъ при этомъ случаѣ.

— Чего добраго—замѣтилъ кто-то изъ близкихъ, пользуясь веселымъ расположеніемъ духа своего начальника—вѣдь его станетъ и на то, чтобъ сказать, что на Графѣ Вронченко далеко не уѣдешь.

— Безподобно—подхватилъ обрадованный графъ,—лучше и Меншикову ничего не выдумать, а чтобъ онъ этимъ не воспользовался, такъ я его предварю и самъ стану всѣмъ разсказывать.

На открывшійся постъ-генералъ губернатора виленскаго, гродненскаго, минскаго и ковенскаго былъ назначенъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, генералъ-адъютантъ И. Г. Бибиковъ, всю свою жизнь состоявшій при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, но никогда не имѣвшій въ своемъ управленіи никакой отдѣльной части и совершенно чуждый гражданскимъ дѣламъ. Явясь благодарить государя, онъ счелъ долгомъ впередъ призвать на себя его снисхожденіе, если по малоопытности своей будетъ впадать въ ошибки.

— Э, братецъ—отвѣчалъ государь:—кто же изъ насъ въ этомъ не грѣшенъ! Я самъ не разъ ошибался, вѣроятно ошибаюсь не рѣдко теперь и вѣрно буду ошибаться и впредь; за непреднамѣренныя ошибки я никогда не взыщу.

Въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 10-го апрѣля всѣ были изумлены при объявленіи совершенно неожиданнаго указа объ увольн-

неніи отъ службы члена Совѣта графа Замойскаго. Никто не зналъ и не умѣлъ объяснить себѣ причины такой внезапной немилости, и уже спустя лишь нѣсколько дней я узналъ ее отъ князя Чернышева. При вступленіи послѣдняго въ должность предсѣдателя Совѣта, онъ, въ представленномъ ему спискѣ членовъ, тотчасъ обратилъ вниманіе на Замойскаго, который лѣтъ уже болѣе пятнадцати не бывалъ въ Петербургѣ и постоянно жилъ за границею. Князь доложилъ о семъ государю, который повелѣлъ отсрочить Замойскому отпускъ въ послѣдній разъ еще на годъ. Этотъ годъ прошелъ, и о Замойскомъ не имѣлось никакой вѣсти. Вслѣдствіе того поднесены были на выборъ два проекта указовъ: одинъ: «повелѣваемъ уволить вовсе отъ службы», другой: «всемилостивѣйше повелѣваемъ», и государь подписалъ послѣдній—тотъ, который мы слышали въ Совѣтѣ. По спискамъ, Замойскій имѣлъ Александровскую ленту еще съ 1815 года, Андреевскую же съ 1825 г., а вслѣдъ за усмиреніемъ Польши пожалованъ былъ, вдругъ, въ дѣйствительные тайные совѣтники, въ члены Государственнаго Совѣта и алмазами къ Андреевскому ордену; но послѣ, кажется, противъ него возникли какія-то подозрѣнія или сомнѣнія. По крайней мѣрѣ, разбирая нѣкогда частный архивъ князя Кочубея, я нашелъ въ немъ слѣдующее собственноручное письмо государя отъ 17-го мая 1834 года «Je vous restitue, cher Prince, le livre des membres du Conseil diminué d'un chiffre (это былъ адмиралъ Чичаговъ, эмигрировавшій въ Англію и исключенный въ то время изъ списковъ Совѣта за разныя непріязненныя разглашенія противъ нашего правительства); puisse t'il être le dernier à en exclure pour pareil motif; je crois cependant que le Comte Zamoyski suivra le même chemin, ce dont je vais tâcher de me convaincre sous peu» [1]).—Сынъ Замойскаго, нѣкогда флигель-адъютантъ [2]), бывъ замѣшанъ во всѣ послѣдніе безпорядки, принималъ участіе и въ Дрезденскомъ бунтѣ.

Въ половинѣ апрѣля, государь неожиданно посѣтилъ работы постояннаго моста, строившагося въ то время черезъ Неву, и, обозрѣвъ ихъ въ подробности, остался въ совершенномъ восхищеніи.

---

[1]) Я вамъ возвращаю, дорогой князь, книгу членовъ Совѣта, сокращенную на одну цифру (это былъ адмиралъ Чичаговъ, эмигрировавшій въ Англію и исключенный въ это время изъ списковъ Совѣта за разныя непріязненныя разглашенія противъ нашего правительства); пусть онъ будетъ послѣднимъ исключеннымъ по такой причинѣ; впрочемъ, я думаю, что графъ Замойскій послѣдуетъ по той же дорогѣ, о чемъ я постараюсь въ непродолжительномъ времени убѣдиться.

[2]) Императоръ Александръ II исправилъ: „адъютантъ цесаревича Константина Павловича“.

— Это—сказалъ онъ—работы не людей, а великановъ, тѣхъ же, которые поставили Александровскую колонну! и оттуда же написалъ карандашемъ графу Клейнмихелю, чтобы строителя, подполковника Кербедза, немедленно произвести въ слѣдующій чинъ, всѣмъ находящимся при немъ офицерамъ объявить благодарность, а нижнимъ чинамъ и рабочимъ дать по рублю серебромъ.

Начальникъ главнаго морскаго штаба, князь Меншиковъ, несмотря на свои 62 года, все еще оставался отличнымъ кавалеристомъ и позволялъ себѣ даже скакать въ манежѣ черезъ барьеръ. 14-го апрѣля онъ предавался этому «спорту» въ манежѣ Инженернаго замка, какъ вдругъ, во время такого сальто-мортале, у сѣдла, хотя только-что принесеннаго отъ сѣдельника, оборвалась подпруга, и ѣздокъ ударился, со всего размаха, головою о барьеръ. У него тотчасъ хлынула кровь горломъ, а осмотръ врача обнаружилъ еще и переломъ ребра. Князя отнесли въ находящіяся при манежѣ комнаты Берейтерской школы, гдѣ уложили въ постель и пустили кровь; но замѣчательнѣе всего было при этомъ новое проявленіе безподобной души государя. Едва только дали ему знать о случившемся, онъ немедленно прискакалъ въ манежъ, присутствовалъ при перенесеніи князя съ постели въ карету и сперва нѣсколько времени самъ слѣдовалъ за нею шагомъ, а потомъ, обогнавъ, пріѣхалъ въ домъ и здѣсь на подъѣздѣ ожидалъ прибытія больнаго, котораго оставилъ не прежде, какъ совершенно его уложивъ, успокоивъ и приказавъ его сыну дать знать себѣ о положеніи отца черезъ нѣсколько часовъ.

Съ постепеннымъ усмиреніемъ смутъ на Западѣ и началомъ возвращенія дѣлъ къ законному порядку, императоръ Николай сталъ вообще нѣсколько менѣе строгъ въ разрѣшеніи заграничныхъ отпусковъ, особенно для людей пожилыхъ и тѣхъ, которыхъ онъ не зналъ самъ, но молодымъ людямъ высшаго общества, лично ему извѣстнымъ, онъ продолжалъ отказывать въ позволеніи ѣхать въ чужіе краи. Такъ, въ маѣ 1850 г. (еще прежде полученія извѣстія о сдѣланномъ по прусскомъ королѣ выстрѣлѣ) просились туда два молодые камеръ-юнкера, состоявшіе оба на службѣ во II отдѣленіи Собственной канцеляріи: Т. и Л., первый для сопровожденія престарѣлой и больной своей матери, а второй—для поправленія собственнаго здоровья, котораго разстройство было засвидѣтельствовано однимъ изъ первыхъ врачебныхъ нашихъ авторитетовъ. Просьбы обоихъ лично докладывалъ ихъ начальникъ, градъ Блудовъ.

— Вздоръ—отвѣчалъ государь—Л. если боленъ, то можетъ ѣхать на Кавказъ, дѣйствительный не менѣе иностранныхъ водъ, а Т. и по-

давно ѣхать не зачѣмъ, мать его въ такомъ возрастѣ, что можетъ ѣхать одна.

Молодые люди, не удовольствовавшись этимъ оффиціальнымъ отказомъ, попытались было искать благопріятнѣйшаго рѣшенія своихъ просьбъ черезъ дамъ и придворныя свои связи. Это окончательно разгнѣвало государя. Спустя три дня статсъ-секретарь Танѣевъ объявилъ высочайшее повелѣніе о командированіи просителей: одного въ Калугу, а другаго въ Курскъ, къ ревизовавшимъ въ то время эти губерніи сенаторамъ.

Празднество въ Петергофѣ дня рожденія императрицы въ 1850 г. происходило, вмѣсто 1-го іюля, къ которому не поспѣли приготовить все нужное—3-го числа. Оно заключалось въ иллюминаціи всѣхъ верхнихъ острововъ и всего пути туда и далѣе до Бабьяго гона, избы котораго, окаймленныя шкаликами, образовали послѣдній, задній планъ всего освѣщеннаго пространства. На пруду передъ павильономъ (Самсономъ) давали балетъ въ устроенномъ для того открытомъ амфитеатрѣ къ которому танцоровъ подвозили съ берега на убранныхъ зеленью небольшихъ паромахъ, имѣвшихъ видъ плавучихъ островковъ. Послѣ ужина въ раскинутыхъ нарочно съ этою цѣлью палаткахъ, царская фамилія со всею свитою ѣздила въ линейкахъ до Бабьяго гона, и все заключилось колоссальнымъ фейерверкомъ. При чудесной погодѣ и необыкновенномъ изяществѣ иллюминаціи и всего убранства, цѣлое походило на сказку изъ тысячи и одной ночи; но все же это былъ не прежній Петергофскій народный праздникъ, укоренившійся, такъ сказать, въ нашихъ обычаяхъ и преданіяхъ, подобно бывалымъ прежде 1-го января народнымъ же маскерадамъ въ Зимнемъ дворцѣ. Многіе старожилы сожалѣли, даже и въ политическомъ отношеніи, объ отмѣнѣ, съ нѣкотораго времени, того и другаго.

— Нѣсколько часовая жизнь по старинѣ и напоминаніе о сей послѣдней,—говорили они,—поддерживаютъ народный духъ, а онъ слишкомъ у насъ хорошъ, чтобы желать его измѣненія.

Лѣтомъ на морскихъ водахъ въ Остенде, куда собиралось много польскихъ эмигрантовъ, одинъ изъ нихъ, молодой князь Чарторижскій, за какимъ-то торжественнымъ у нихъ обѣдомъ, предложилъ тостъ, предваривъ заранѣе, что его товарищи ему удивятся, и именно: «à la santé de l'Empereur Nicolas, du dernier Souverain de l'Europe qui reste encore digne de ce titre!» [1]) и этотъ тостъ былъ принятъ съ об-

---

[1]) За здоровье императора Николая, послѣдняго Монарха Европы, который еще остается достойнымъ этого титула.

*

щею симпатіею, почти съ восторгомъ. Здѣсь кто-то разсказалъ о немъ государю.

— Diable — отвѣчалъ онъ — commencerais-je à baisser par hazard, pour avoir mérité un pareil honneur de la part de ces Messieurs?» [1]).

Въ началѣ сентября, въ Петербургѣ не оставалось почти никого изъ царской фамиліи. Въ ночь съ 23-го на 24-е августа уѣхалъ наслѣдникъ цесаревичъ, сперва для обозрѣнія губернскихъ военно учебныхъ заведеній, потомъ—на Кавказъ. Великая княгиня Елена Павловна съ дочерью находились, съ половины іюня, на заграничныхъ водахъ, а великій князь Константинъ Николаевичъ съ супругою, съ послѣднихъ чиселъ іюля, пользовались Добберанскими морскими купальнями. 7-го сентября отправился и государь на смотръ войскъ, собранныхъ въ Чугуевѣ и Бѣлой Церкви, а оттуда въ Варшаву—черезъ Москву, куда, за нѣсколько дней прежде, выѣхали и оба младшіе его сына. Наконецъ 10-го числа уѣхала императрица. Все лѣто говорили о томъ, что ей необходимо провести осень въ климатѣ, болѣе благорастворенномъ, нежели тотъ, который господствуетъ къ окрестностяхъ Петербурга, а какъ ѣхать въ чужіе краи, при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ, не представлялось еще удобнымъ супругѣ русскаго императора, то выборъ мѣстности для осенняго ея пребыванія колебался между Крымомъ и Варшавою. Но въ Крыму свирѣпствовали губительныя лихорадки, и, кромѣ того, самый переѣздъ туда, осенью, принадлежалъ къ числу геркулесовскихъ подвиговъ. Итакъ всевѣдущій Мэндтъ рѣшилъ—ѣхать въ Варшаву или, лучше сказать, въ Ловичъ, такъ какъ мѣстоположеніе Лазенскаго дворца онъ призналъ слишкомъ низменнымъ и отъ того нездоровымъ [2]).

Государь, для переѣзда въ Москву, воспользовался частью приводившейся уже тогда къ окончанію желѣзной дороги. Онъ доѣхалъ по ней сперва до Чудовской станціи и, пересѣвъ потомъ опять въ вагонъ у Вышняго Волочка, оставилъ рельсы въ деревнѣ Кольцовой за Тверью. Весь путь въ Москву, съ этими пересадками, потребовалъ $32^1/_2$ часа, и ровно черезъ трое сутокъ отъ выѣзда государя изъ Петербурга былъ уже отъ него фельдъегерь изъ Москвы.

На время отсутствія изъ Петербурга государя и цесаревича, опять

---

[1]) Чортъ возьми, неужели же я началъ случайно опускаться, чтобы удостоиться такой чести со стороны этихъ господъ.

[2]) Императоръ Александръ II замѣтилъ: «несправедливо: Матушка съ государемъ провели только нѣсколько дней въ загородномъ дворцѣ въ Скерневицѣ близъ Ловича».

была возобновлена правительственная коммиссія въ томъ же составѣ и на томъ же основаніи, какъ въ 1849 году. Но какъ, спустя нѣсколько дней потомъ возвратился въ Петербургъ великій князь Константинъ Николаевичъ, то и онъ былъ назначенъ членомъ коммиссіи.

При отвозѣ на желѣзную дорогу, только-что принятой изъ мастерской государевой коляски, въ ней, не далѣе какъ на Аничкиномъ мосту, переломилась задняя ось. По докладу о томъ, государь велѣлъ посадить каретныхъ мастеровъ Фребеліусовъ, отца и сына, на гауптвахту: перваго, какъ хозяина заведенія, на два дня, а послѣдняго, какъ завѣдывавшаго работами, на восемь дней. Потомъ, при разговорѣ объ этомъ, оберъ-шталмейстеръ баронъ Фредериксъ разсказалъ мнѣ любопытную вещь. Экипажи какъ государя, такъ и цесаревича, издавна уже изготовлялись въ мастерской Фребеліуса. Въ прежнее время онъ бралъ за дорожную коляску 2.000 р., но за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ у одной точно такъ же переломилась ось, и государь точно такъ же велѣлъ посадить каретника на гауптвахту. При слѣдующей поѣздкѣ коляска стоила уже 3.500 рублей.

Проводя осень 1850 года въ Царскомъ Селѣ, я почти ежедневно ѣздилъ оттуда въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, жившимъ въ это время въ доставшемся ему по наслѣдству, послѣ Михаила Павловича, Павловскѣ, и тутъ, среди другихъ разговоровъ, я не рѣдко слышалъ разсказы о настоящемъ и о минувшемъ изъ внутренней или домашней жизни царской фамиліи. Говоря о томъ, что онъ и супруга его предпочитаютъ въ Павловскѣ Константиновскій дворецъ Большому, уже и потому, что первый не такъ великъ, великій князь прибавлялъ:

— Мы привыкли къ тѣснотѣ еще съ дѣтства; въ Александріи Саша жилъ въ конюшнѣ [1]), младшіе братья—на гауптвахтѣ, а я—почти въ подвалѣ. Вообще, по образу полученнаго нами воспитанія, намъ не пріучаться къ лишеніямъ.

Въ другой разъ зашла рѣчь о письмахъ:

— Я,—сказалъ великій князь,—храню всѣ письма, отъ кого-либо и когда-либо мною полученныя, но за то и самъ удостоился такой же

---

[1]) Императоръ Александръ II замѣтилъ: „Я не знаю, откуда онъ (Корфъ) это взялъ. Я никогда не жилъ въ конюшнѣ, а на фермѣ, куда я переѣхалъ изъ такъ-называемаго Котега, въ 1831 году. Мои комнаты занялъ тогда Константинъ Николаевичъ. Впослѣдствіи онъ занялъ особый домикъ внизу у въѣзда изъ Знаменскаго; младшіе братья жили сначала также въ самомъ Котегѣ, въ моихъ же комнатахъ, а съ 1843 г.—въ зданіи подлѣ, гдѣ прежде помѣщалась кухня и гдѣ они оставались до ихъ свадьбы“.

чести отъ батюшки: онъ сохраняетъ всѣ полученныя отъ меня письма во время Венгерской кампаніи, и не разъ говорилъ и даже писалъ мнѣ, что только изъ нихъ получалъ прямую и вѣрную идею о ходѣ дѣлъ, которой не могли дать ему оффиціальныя донесенія. А знаете ли, кстати, что у насъ въ семействѣ заведено всегда цѣловать обоюдныя письма? И я, и братья, когда получаемъ письма отъ государя, или отъ императрицы, непремѣнно ихъ цѣлуемъ, а они наши, какъ будто бы мы сами другъ съ другомъ цѣловались...

Восхищаясь своимъ первенцомъ, которому тогда шелъ восьмой мѣсяцъ, Константинъ Николаевичъ говорилъ:

— У насъ былъ только большой вопросъ о томъ, какъ звать его по-просту, въ домашнемъ быту. Въ нашей семьѣ столько Николаевъ, что нелегко придумать для каждаго уменьшительное имя. Большаго брата (Николая Николаевича) до сихъ поръ зовутъ Низя [1])—имя, которое осталось за нимъ еще съ моего дѣтства, когда я иначе не могъ его выговорить; Николая Александровича (сына цесаревича) Никсъ [2]); Николая Максимиліановича—Коля, пришлось мнѣ назвать моего—Никóла.

Къ рѣчи о томъ, какъ покойный великій князь Михаилъ Павловичъ, хотя взросъ и воспитывался вмѣстѣ съ государемъ, держалъ себя передъ нимъ, въ присутствіи другихъ, дисциплинарно, называя его не только вы, но всегда ваше величество, я спросилъ, соблюдалъ ли онъ тѣ же формы и въ семейномъ кругу, въ отсутствіе постороннихъ.

— Всегда и непремѣнно,—отвѣчалъ великій князь;—не знаю, какъ бывало у нихъ съ глазу-на-глазъ, но когда находился тутъ хоть одинъ изъ насъ, все шло, какъ и передъ всѣми вами. Но странное дѣло! Въ письмахъ Михаилъ Павловичъ отступалъ отъ этой формы и всегда называлъ государя не иначе, какъ ты и «любезный Ника».

— А вы, ваше высочество, какъ называете государя?

— И я, и наслѣдникъ, и братья, въ письмахъ всегда: «Любезный Папá, а въ разговорѣ тоже папá!»

Государь прибылъ въ Варшаву 3-го октября. Тамъ уже ожидали его принцы: Фридрихъ Нидерландскій съ супругою, Гессенъ-Кассельскій [3]), Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургскій [4]) и Евгеній Виртембергскій, сверхъ того пріѣхали: вечеромъ того же дня великая

---

[1]) Императоръ Александръ II исправилъ: „Низи“.
[2]) Императоръ Александръ II исправилъ: „Никса“.
[3]) Императоръ Александръ II прибавилъ: „принцъ Фридрихъ“.
[4]) Императоръ Александръ II прибавилъ: „принцъ Христіанъ“.

княгиня Ольга Николаевна съ супругомъ, а спустя нѣсколько дней, императоръ австрійскій и, отъ прусскаго короля, первый его министръ, графъ Бранденбургъ. Въ Варшавѣ Россія рѣшала судьбу міра, если не совсѣмъ такъ, какъ нѣкогда Наполеонъ въ Парижѣ, то по крайней мѣрѣ въ той степени, сколько позволяли новыя конституціонныя формы Европы и участіе въ правительственной власти самихъ народовъ.

Черезъ день послѣ пріѣзда государя (5-го октября), Варшава была свидѣтельницею торжества особеннаго рода пятидесятилѣтняго юбилея службы ея намѣстника, знаменитаго князя Паскевича. При этомъ случаѣ императоръ Николай окружилъ героя своего царствованія всѣмъ возможнымъ почетомъ. Вся церемонія была подробно описана въ современныхъ газетахъ и, читая тогда это описаніе, я невольно перенесся за 18 лѣтъ тому назадъ, когда, утвердивъ, въ полномъ собраніи Государственнаго Совѣта, «Сводъ законовъ», государь возложилъ на Сперанскаго снятую тутъ же съ самого себя Андреевскую звѣзду. Минута эта была тоже глубокоторжественною, но не шла, однако же, ни въ какое сравненіе съ тою овацією, которой удостоился фельдмаршалъ при празднованіи его юбилея. Кто стоялъ выше: творецъ ли «Свода», или счастливый побѣдитель персіянъ, турокъ, поляковъ и венгровъ, рѣшитъ исторія; но варшавское торжество 1850 года послужило новымъ доказательствомъ, что между полководцемъ и государственнымъ человѣкомъ слава и блескъ—всегда на сторонѣ перваго. Румянцовымъ, Орловымъ, Суворовымъ, Кутузовымъ, Барклаямъ воздвигнуты памятники, а графъ Сперанскій, какъ я уже однажды сказалъ, живетъ—только въ своихъ дѣлахъ!

Государь пожелалъ, чтобы къ пріѣзду въ Варшаву императора австрійскаго прислано было туда 30 человѣкъ нижнихъ чиновъ изъ полка его имени, въ полной новой обмундировкѣ. Повелѣніе объ этомъ привезъ фельдъегерь изъ Бѣлой Церкви; отсюда послали за людьми въ Ямбургъ, гдѣ стоялъ полкъ и, по обмундированіи, отправили ихъ къ мѣсту назначенія на почтовыхъ, такъ что отъ минуты посылки фельдъегеря изъ Бѣлой Церкви до прибытія людей въ Варшаву прошло всего—десять дней! Изумительно и почти невѣроятно; но примѣчательны были и слова, при разсказѣ о томъ, князя Чернышева:

— Въ теченіе долголѣтняго моего управленія военнымъ министерствомъ, я, быстротою и распорядительностью моею, такъ избаловалъ государя, что онъ теперь ничего не считаетъ невозможнымъ.

Государь возвратился изъ Варшавы въ ночь на 21-е октября, прямо въ Царское Село; но на этотъ разъ, въ ожиданіи императрицы, которая намѣревалась предпринять обратный путь 25-го числа, располо-

жился въ старомъ дворцѣ, а не Александровскомъ, въ которомъ всегда прежде жилъ. Ему казалось слишкомъ грустнымъ оставаться одному въ томъ зданіи, которое было свидѣтелемъ послѣднихъ страданій и кончины его дочери. И потому онъ предпочелъ помѣститься поближе къ цесаревнѣ, жившей, также еще въ одиночествѣ, въ старомъ дворцѣ. Это временное помѣщеніе, самимъ имъ выбранное, было, однакожъ, нисколько не великолѣпно: всего три покоя, съ однимъ антресольнымъ для камердинера, въ нижнемъ этажѣ, рядомъ съ гауптвахтою.

До возвращенія императрицы, пребываніе государя въ Царскомъ Селѣ было, впрочемъ, болѣе номинальное. Онъ почти столько же времени, или еще и болѣе, проводилъ въ Петербургѣ, оставаясь тамъ часто и ночевать, для италіанской оперы съ Персіани и Маріо и для балета съ Карлоттою Гризи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ исторіи русской литературы.

II.

Собственноручныя письма А. А. Краевскаго—Григорію Ѳедоровичу Квиткѣ-Основьяненко [1]).

1.

6-го октября 1839 г. Петербургъ.

До сихъ поръ имѣя съ вами сношенія черезъ Е. П. Гребенку и удостоенный лестнаго вашего участія въ издаваемомъ мною журналѣ, который имѣетъ полное право гордиться вашими прекрасными статьями, я теперь принимаю смѣлость обратиться къ вамъ непосредственно съ тѣмъ, чтобъ прямо изъявить вамъ отъ себя лично, какъ отъ издателя и читателя, равно отъ лица всей редакціи и отъ всѣхъ читателей «Отеч. Записокъ», какихъ только мнѣ удавалось видѣть, нашу безпредѣльную благодарность за превосходныя ваши произведенія. Ваши «Панъ Халявскій» и «Головатый» останутся на всегда памятными русской литературѣ; не забудутъ ихъ и читатели, которые любовались первымъ и вѣрно столько же, если не болѣе, будутъ любоваться послѣднимъ. Жизнь, разлитая въ этихъ произведеніяхъ, безсмертна, какъ жизнь того духа, нѣкогда народнаго, который произвелъ ихъ; а истина, правда всѣхъ этихъ лицъ, положеній, событій, завязокъ и развязокъ,

[1]) Часть переписки А. А. Краевскаго съ Г. Ѳ. Квиткою была напечатана въ „Кіевской Старинѣ". Такъ въ 1894 г., Т. XLIII, стр. 214 и 376, были напечатаны письма Квитки къ Краевскому, а въ т. XLV, № 5, стр. 351,—помѣщены два письма А. А. Краевскаго. Настоящія письма служатъ имъ необходимымъ дополненіемъ. Ред.

обличаютъ ихъ высокую, изящную породу. Благодарю, отъ всего моего сердца, благодарю васъ, милостивый государь, за то высокое наслажденіе, какое доставили мнѣ статьи ваши, и въ этой благодарности прошу васъ видѣть не столько отзывъ журналиста, сколько голосъ литератора, или голосъ человѣка, подозрѣвающаго въ себѣ способность понимать, хоть немного изящное. Какъ журналистъ, я вялъ и сухъ, какъ человѣкъ способный къ благодарности, я говорливъ и докучливъ, и потому воздерживаюсь отъ дальнѣйшаго изъявленія своей благодарности, чтобъ на первый разъ не показаться вамъ въ самомъ дѣлѣ несноснымъ, но не могу не сказать, что ваше вниманіе къ «Отеч. Запискамъ», обнаружившееся съ самаго начала сего журнала, восхищало меня: мнѣ лестно было видѣть, что вы признали назначеніе «Отеч. Записокъ» достойнымъ своего участія, уразумѣли цѣль ихъ, совершенно особенную отъ цѣли другихъ, книгопродавческихъ журналовъ, и увидѣли дознанную нами необходимость—основать, при содѣйствіи лучшихъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ, изданіе, которое возстановило бы въ отечественной литературѣ права здраваго вкуса, уничтожало бы это убійственное пренебреженіе ко всему, что только есть высокаго въ искусствѣ и наукѣ, и останавливало бы низкія попытки литературныхъ промышленниковъ обманывать публику взаимными восхваленіями своихъ жалкихъ талантиковъ, которые скорѣе годились бы на дѣло торговое, чѣмъ литературное: а, извѣстно, торговля и литература—огонь и вода, холодный разсчетъ и пылкое чувство, коварство и благодушіе—вещи несовмѣстимыя...[1]) Но назначеніе «Отеч. Записокъ» не иначе можетъ быть вполнѣ достигнуто, какъ только содѣйствіемъ истинныхъ талантовъ, которые въ то же время необходимо бываютъ люди истинно-благонамѣренные, и къ числу которыхъ общее мнѣніе присоединяетъ и васъ, милостивый государь. И потому съ полною откровенностію и увѣренностію обращаю къ вамъ свою покорнѣйшую просьбу—продлить свое содѣйствіе нашему доброму дѣлу и на будущее время и не оставлять меня вашими совѣтами, замѣчаніями и трудами, которые всегда будутъ лучшимъ украшеніемъ моего журнала.

«Головатаго» я напечаталъ въ 10-й книжкѣ, которая должна выдти 15-го октября. Затѣмъ у меня останется ненапечатаннымъ «Вотъ тебѣ и кладъ»—статья, которую, какъ сказывалъ мнѣ П. А. Плетневъ, вамъ угодно помѣстить въ «Литерат. прибавленія»: она и помѣстится въ нихъ; но для «Отеч. Записокъ» у меня теперь ничего нѣтъ, и вы несказанно обязали бы меня, если бъ изволили доставить какую-либо статью для напечатанія или въ послѣдней книжкѣ нынѣшняго, или въ одной изъ первыхъ книжекъ будущаго года. Г. Гребенка сообщилъ мнѣ

[1]) Точки въ подлинникѣ.

распоряженія ваши касательно вашихъ напечатанныхъ статей: я совершенно согласенъ на назначенную вами плату и немедленно доставлю деньги П. А. Плетневу. Прошу васъ, милостивый государь, и впредь быть увѣрену въ моей готовности исполнять ваши, какія бы ни были, распоряженія: извольте присылать прямо ко мнѣ все, что располагаетесь напечатать, и при томъ извольте назначать плату, на которую соглашаюсь заранѣе. Имѣя въ виду одну общую благородную цѣль — мы должны быть взаимно откровенны. Смѣю увѣрить васъ, что во мнѣ всегда вы найдете самаго усерднаго исполнителя вашихъ требованій.

Поручая себя лично и журналъ мой вашему лестному расположенію, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Андрей Краевскій.

2.

17-го марта 1840 г. С.-Петербургъ.

Послѣднее письмо ваше несказанно огорчило меня, напомнивъ всю вину мою передъ вами, которую, клянусь честію, я старался загладить всѣми силами, но не могъ ничего сдѣлать, лишенный всякихъ къ тому способовъ... [1]) Вы требуете отъ меня прямоты, чистосердечія, искренности: извольте — вотъ вамъ моя исповѣдь, такая, которая можетъ быть мною высказана человѣку только уважаемому мною глубоко, и въ благородствѣ и скромности котораго я могу быть вполнѣ увѣренъ. Увѣряю васъ, что немногіе слышали и услышатъ отъ меня то, что теперь я намѣренъ открыть вамъ; и потому, полагаясь только на ваше доброжелательство, я рѣшаюсь передать вамъ мои кабинетныя, домашнія, только двумъ-тремъ человѣкамъ въ Петербургѣ доступныя тайны. Вотъ въ чемъ дѣло.

Можетъ быть, вы слышали, что для изданія «Отеч. Записокъ» составилась въ 1838 году компанія, которая обязалась внести до 50.000 рублей на учрежденіе фонда журнала. Всѣ господа, объявившіе это желаніе, обязались подпискою внести—кто 7, кто 8, кто 10 тысячъ. Эта подписка была сдѣлана еще въ августѣ 1838 года. Я самъ былъ въ числѣ акціонеровъ и первый внесъ ту сумму, на которую подписался. Тогда же, по общему желанію, я былъ избранъ редакторомъ, и утверждена была примѣрная смѣта расходовъ по изданію. Сумма всѣхъ расходовъ простиралась, по смѣтѣ, до 120.000 рублей. Предполагая, что мы будемъ имѣть отъ 1.000 до 1.200 подписчиковъ на первый годъ, мы рѣшили, что если собранныя съ нихъ деньги присоединить къ капиталу, внесенному компаніею, то общая сумма по-

[1]) Точки въ подлинникѣ.

кроетъ издержки, такъ что на 1840 годъ останется долга отъ 10 до 15 тысячъ. Потомъ подписка будетъ все расти и расти, и наконецъ въ 5, 6 лѣтъ возвратится и самый капиталъ компаніи: большаго мы ничего и не хотѣли. Что жъ вышло? Наступаетъ ноябрь 1838 года—никто изъ подписавшихся не вноситъ денегъ; приходитъ декабрь, объ изданіи журнала объявлено по всей Россіи, начинается подписка, начинаетъ печататься первая книжка журнала,—а денегъ никто не вноситъ,—и во все продолженіе 1839 года, вмѣсто 50 тысячъ, я съ трудомъ могъ собрать 15; недоставало, слѣдовательно, 35 тысячъ! Подписчиковъ въ 1839 году мы имѣли 1.250; это дало намъ, за вычетомъ процентовъ, отдаваемыхъ книгопродавцамъ, и денегъ за пересылку,—около 50.000 рублей. Соедините эти 50.000 р. съ 15.000 р., внесенными фантастическою компаніею,—получите въ сложности 65.000 руб., а журналъ, какъ я сказалъ, долженъ былъ стоить 120.000 рублей, слѣдовательно недоставало 55.000 рублей, которые и легли всею тяжестію на нынѣшній годъ, долженствующій ихъ выплатить. А между тѣмъ и нынѣшній годъ проситъ хлѣба, т. е. бумаги и типографской работы; а бумага и типографская работа стоятъ для каждой книжки 6.000 руб., слѣдовательно 72.000 руб. въ годъ, и, несмотря на все сокращеніе расходовъ, какое я сдѣлалъ въ нынѣшнемъ году, журналъ не обойдется менѣе какъ во 100.000 руб. Теперь судите же мое положеніе. Подписчиковъ по сіе число я имѣю 1.400 съ небольшимъ, слѣдовательно денегъ—63.000 руб.; если уплатить ими весь долгъ прошлаго года (55.000 руб.), въ остаткѣ будетъ 8 тысячъ съ небольшимъ. Прибавиться число подписчиковъ теперь еще можетъ, но до тѣхъ поръ, пока воспослѣдуетъ эта прибавка, судите, могу ли я заплатить весь долгъ, не лишивъ журнала возможности дотянуть до конца года?....[1]) Вотъ почему я рѣшился употребить изъ вырученныхъ до сего времени денегъ значительнѣйшую сумму на уплату типографіи и поставщику бумаги, которые еще терпѣли кое-какъ на мнѣ долгъ свой, безъ этого у меня не было бы теперь ни листа бумаги, типографія не работала бы—и журналъ долженъ бы стать на вѣки... [2]) Вотъ, Григорій Ѳедоровичъ, въ какое пріятное положеніе поставленъ я теперь обѣщаніями людей, поспѣшившихъ дать обѣщаніе, не подумавъ о его исполненіи. Я надѣялся, судя по отзывамъ и разнымъ благодарственнымъ письмамъ, которыя получалъ тогда изъ всѣхъ концовъ Россіи отъ людей, которыхъ и имени не слыхивалъ,—что у меня къ марту мѣсяцу будетъ тысячи двѣ подписчиковъ, а къ концу года около трехъ. Тогда бы долгъ уплатился и журналъ къ 1841 году остался бы чистъ отъ

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

[2]) Тоже.

нареканій; но на бѣду мою—нынѣшній годъ голодный, и вмѣсто денегъ, я получаю отъ разныхъ, неизвѣстныхъ мнѣ лицъ письма съ просьбою или повѣрить въ долгъ журналъ, или сбавить цѣну, потому-де, что доходы стали плохи или вовсе нѣтъ никакихъ доходовъ. Что тутъ прикажете дѣлать? Нѣкоторые благонамѣренные литераторы, чтобъ сохранить существованіе «Отеч. Записокъ», журнала, по ихъ словамъ, необходимаго для пользы литературы, рѣшились работать для него безденежно. Таковы: князь Одоевскій, графъ Соллогубъ, Лермонтовъ, Панаевъ, Гребенка и др. Благодаря имъ, я не долженъ былъ платить за статьи для первыхъ трехъ книжекъ нынѣшняго года и только покрывалъ необходимыя издержки, т. е. платилъ переводчикамъ (которые этимъ только и живутъ), типографіи, за бумагу и картинки. Авось какъ-нибудь удастся прожить этотъ тяжелый годъ и поддержать журналъ съ честію. Нѣкоторыя изъ правительственныхъ лицъ приняли въ немъ участіе и хотятъ поддержать его опубликованіемъ подписки на него черезъ подвѣдомыя имъ мѣста... [1]) Авось, Богъ милостивъ, поправимся какъ-нибудь, и тогда первою обязанностію моею будетъ отдача того долга, который лежитъ на мнѣ за вашего прелестнаго Халявскаго и безцѣннаго Головатаго [2]). Смѣю увѣрить васъ, что при самой первой возможности долгъ мой будетъ весь выплаченъ. Но теперь, Бога ради, потерпите. Говорю съ вами, какъ съ человѣкомъ, роднымъ мнѣ по душѣ, будучи увѣренъ, что все это останется только между нами (о чемъ прошу наиубѣдительнѣйше). Не смѣю просить васъ о безвозмездномъ, до времени, сотрудничествѣ, ибо для чего же не дѣлать вамъ выгоднѣйшаго употребленія изъ трудовъ своихъ? Но если вы видите хотя малѣйшую пользу отъ «Отечест. Записокъ», если вы хоть сколько-нибудь одобряете ихъ ходъ и направленіе, то умоляю васъ—помогите намъ своимъ содѣйствіемъ. Поправятся хоть немного «Отеч. Записки»—и ни одна строка ваша не останется за ними въ долгу: все заплатится, клянусь въ этомъ моею незапятнанною (смѣло говорю) честію. Если же вамъ придется ждать, не сердитесь, Бога ради, на несчастный журналъ и на бѣднаго его редактора, который принесъ ему въ жертву послѣднія свои деньги, тратитъ на него все свое время, всѣ труды свои—и пріобрѣтаетъ только долги! Впрочемъ не ропщу много, несмотря на то, что бываютъ горько тяжкія минуты: многіе раздѣляютъ мнѣнія «Отеч. Записокъ», многимъ онѣ нравятся, многихъ заставляютъ онѣ, можетъ-быть, подумать лишній

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

[2]) Не знаю, писалъ ли вамъ Гребенка, что князь Александръ Николаевичъ Голицынъ былъ восхищенъ Головатымъ и предложилъ государю прочесть его, и что государь изволилъ съ удовольствіемъ читать его.

часокъ, поучиться, прочитать и то и се; цѣль журнала достигается...[1]) Авось, продлится, на долго его существованіе. Не всѣ же годы будутъ голодные!..[2])

Что касается до счета за статьи 1840 года, то, конечно, гораздо удобнѣе считать по листамъ. За листъ оригинальнаго сочиненія полагаются у насъ по 150 руб. ассигнаціями.

Смѣло ввѣряю пріязни вашей и тайны моего журнала и судьбу его! Вы требовали откровенности: вотъ она—полная, безъ утайки. Теперь съ нетерпѣніемъ и не безъ страха буду ожидать вашего отвѣта, о которомъ прошу убѣдительно.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и душевною, искреннею преданностію имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Андрей Краевскій.

P. S. Евгенію Павловичу (Гребенкѣ) передамъ вашъ поклонъ и упрекъ за молчаніе. Онъ еще здѣсь, но въ маѣ мѣсяцѣ непремѣнно ѣдетъ въ Малороссію и будетъ у васъ (это онъ всегда повторяетъ). Онъ подтвердитъ вамъ изустно справедливость каждаго слова въ письмѣ моемъ.

3.

16 го мая 1840 г.

Я вполнѣ былъ увѣренъ, что предчувствіе не обманетъ меня,—что вы съ участіемъ прочтете мою горькую исповѣдь и раздѣлите со мною скорбь мою...[3]) Да, много, много преднамѣреній толпятся въ головѣ моей, и каждое изъ нихъ, смѣло могу сказать, будучи приведено въ исполненіе, принесло бы пользу нашей родимой литературѣ; но связанный до сихъ поръ неисправностію тѣхъ, которые болѣе всего хлопотали о приведеніи въ дѣйствіе перваго изъ моихъ предпріятій—журнала, я долженъ теперь на долго отказаться отъ всѣхъ плановъ и начинаній, и стараться только выпутаться какъ-нибудь изъ той бѣды, въ которую попалъ невольно и безвинно. Не будучи никогда еще долженъ ни одного рубля, я до сихъ поръ не могу привыкнуть сносить равнодушно требованія и упреки тѣхъ, кому задолжали «Отечественныя Записки». Совѣстно, мочи-нѣтъ совѣстно бываетъ даже тогда, когда хоть помянутъ при мнѣ имя того, предъ кѣмъ невольно виноватъ я въ неисправномъ платежѣ...[4]) Но авось, Богъ милостивъ, на будущій годъ прояснится немного горизонтъ нашъ и мы воскреснемъ для улыбки! Между тѣмъ, мнѣ бы очень хотѣлось отвѣчать на ваше «зачѣмъ?»—и, надѣюсь, я оправдался бы въ своей неосторож-

---

[1]) и [2]) Точки въ подлинникѣ.
[3]) Точки въ подлинникѣ.
[4]) Тоже.

ности; но такъ какъ для этого надобно было бы разсказать весь ходъ дѣла, представить портреты тѣхъ лицъ, которыя въ немъ участвовали, и даже для оправданія моей довѣрчивости, назвать ихъ, то лучше считаю молчать, тѣмъ болѣе, что и вспоминать подобныя вещи, ей Богу, горько!..[1]) Я принялъ кой-какія мѣры по министерству государственныхъ имуществъ и финансовъ; не знаю, что̀ будетъ. Не можете ли вы, почтеннѣйшій Григорій Ѳедоровичъ, справиться по ближайшимъ къ вамъ мѣстамъ этихъ министерствъ: нѣтъ ли тамъ чего-нибудь?..[2])

Наконецъ, несмотря на неимовѣрную трудность, я, высоко цѣня ваше доброе литературное и сердечное участіе въ дѣлахъ моего журнала, заплатилъ П. А. Плетневу 700 руб. ассигн., о чемъ онъ вѣрно или писалъ или будетъ писать къ вамъ. Итакъ, теперь счеты наши за прежнее кончены; теперь позвольте надѣяться, что вы не оставите меня долго въ необходимости отказывать и себѣ и читателямъ своимъ въ вашихъ прекрасныхъ статьяхъ, составляющихъ украшеніе «Отечественныхъ Записокъ». Вы писали какъ-то къ Е. П. Гребенкѣ, что продолжаете «Халявскаго», что хотѣли описать его пребываніе въ Петербургѣ, и проч.; сдѣлайте же одолженіе, шлите все это прямо ко мнѣ, не черезъ постороннія руки, которыя, какъ ни жмутъ дружески мои собственныя, все-таки относительно «Отечественныхъ Записокъ» остаются посторонними руками. Я всегда, по первому вашему востребованію, тотчасъ же готовъ высылать вамъ книги, періодическія изданія, портреты, словомъ все, что̀ угодно, по книжному дѣлу, въ счетъ за статьи, и кромѣ того деньги, которыя, конечно, особенно при теперешнихъ обстоятельствахъ, выплачивать несравненно-труднѣе. Смѣю только завѣрить васъ, что ваши совѣстливые труды никогда за мною не останутся, въ какихъ бы обстоятельствахъ ни оставался я съ своимъ журналомъ. Но Бога ради, поддержите своимъ участіемъ наше доброе дѣло! Теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, нужно дружеское содѣйствіе всѣхъ благомыслящихъ писателей къ утвержденію того направленія, которое одно только можетъ вывести бѣдную русскую литературу изъ грязи и навозныхъ кучъ, гдѣ она теперь ворочается.

Увѣренный вполнѣ, какъ въ добродушномъ участіи вашемъ, такъ и въ томъ, что всѣ наши переговоры будутъ оставаться только между нами, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

4.

25-го сентября 1840 г.

Послѣднее письмо ваше къ Евгенію Павловичу и опечалило и обрадовало меня—вотъ по какимъ причинамъ:

[1]) Точки въ подлинникѣ.
[2]) Тоже.

Вскорѣ послѣ вашего письма ко мнѣ, въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая,—письмо, которое принялъ я прямо къ сердцу, какъ искреннее выраженіе вашего теплаго, родственнаго участія къ дѣлу благому, которое при началѣ встрѣтило препятствія,—я тотчасъ же видѣлся съ П. А. Плетневымъ и, какъ у насъ съ нимъ существуютъ счеты, по которымъ онъ оказывается должнымъ моей конторѣ, и по которымъ я иногда ему бываю должнымъ, но которые вообще мы повершаемъ къ концу года, то я и просилъ его должные мною вамъ 700 руб. почислить за мною и счесться въ нихъ, по обычаю, въ концѣ года, а васъ увѣдомить, что онъ получилъ отъ меня означенные 700 р. П. А. обѣщалъ писать къ вамъ объ этомъ съ первою же почтою. Я, съ своей стороны, тотчасъ же отправилъ къ вамъ письмо, въ которомъ извѣщалъ, что 700 руб., бывшіе на «Отечественныхъ Записках», отданы Петру Ал—чу, и умолялъ васъ не покидать меня, перетерпѣть эту трудную годину и выслать поскорѣе статьи для журнала. Проходятъ май, іюнь—нѣтъ отъ васъ отвѣта; Евгеній Павловичъ ѣдетъ въ Малороссію и намѣревается заѣхать къ вамъ; я прошу его переговорить съ вами объ этомъ дѣлѣ и увѣдомить меня, за что вы на меня сердитесь. Проходятъ іюль, большая часть августа—нѣтъ ни строки ни отъ васъ, ни отъ Гребенки. Наконецъ, является Гребенка. Первый вопросъ мой къ нему: «Что Григорій Ѳедоровичъ?» «Я не видалъ его, потому что не могъ быть въ Харьковѣ»—было отвѣтомъ... [1]) Я остался въ прежнемъ недоумѣніи о причинѣ вашего на меня неудовольствія. Наконецъ, уже въ половинѣ сентября Гребенка получаетъ отъ васъ письмо, которое ударило меня какъ обухомъ по лбу. Вы не только не получали моего письма, но даже ничего не знаете о нашей сдѣлкѣ съ Плетневымъ, и вѣрно считаете меня какимъ-нибудь вѣтренникомъ, который оставилъ безъ вниманія ваше справедливое требованіе! Это меня очень, очень опечалило! Съ другой стороны ваше письмо доказало мнѣ, или по крайней мѣрѣ не доказало прямо, что вы на меня въ неудовольствіи: это меня утѣшило. Признаюсь, послѣ откровенности, съ которою я обратился къ вамъ, и съ которою объяснилъ вамъ весь ходъ дѣлъ моихъ, было бы нестерпимо больно встрѣтить холодность или несправедливое обвиненіе, тѣмъ болѣе, что послѣднее письмо ваше ко мнѣ увѣряло меня въ совершенно противномъ; я вѣрилъ и вѣрю ему. Теперь, значитъ, всему виною неполученіе вами моего письма. Но куда же могло дѣваться оно? Люди, съ которыми отправляю я письма на почту, извѣстные мнѣ вѣрностію: до 400 писемъ въ годъ они носятъ въ почтамтъ, и я не помню, чтобъ которое-нибудь изъ нихъ пропало. Адресъ на пропавшемъ письмѣ былъ точно такой же, какъ и на этомъ. Теперь, нечего дѣлать, отправляю это письмо страховымъ: авось, дойдетъ по адресу.

[1]) Точки въ подлинникѣ.

Совершенно согласенъ я, почтеннѣйшій Григорій Ѳедоровичъ, снабжать васъ какими угодно книгами, журналами, эстампами и пр. и пр. въ счетъ тѣхъ денегъ, которыя я вамъ долженъ или буду долженъ; что же касается до аккуратной доставки, то не безпокойтесь: я самъ буду смотрѣть за нею. Извольте прислать мнѣ реестры того, что вамъ нужно—и все получите въ исправности.

Теперь относительно 700 руб. извольте меня увѣдомить, что вамъ угодно: оставить ли ихъ въ такомъ отношеніи, въ какое мы съ Плетневымъ привели ихъ, или вы заблагоразсудите, чтобъ на эту сумму были высланы мною нужные вамъ книги и журналы. Такъ какъ счеты съ Плетневымъ мы оканчиваемъ въ декабрѣ, то остается еще время распорядиться. Для меня это совершенно все равно.

Только именемъ самого Бога умоляю васъ не оставлять своимъ участіемъ моего дѣла, въ достоинствѣ котораго я убѣжденъ глубоко: это принесетъ пользу—я увѣренъ въ томъ. Сдѣлайте милость, пришлите статей въ отдѣлъ словесности, я очень нуждаюсь въ нихъ. Если же когда-нибудь что-нибудь наведетъ на васъ тѣнь неудовольствія на меня, ради Бога, пишите тотчасъ же и откровенно. Вы видите, я человѣкъ не скрытный, готовъ высказать свою душу тому, кого уважаю такъ, какъ васъ. Оцѣните же мою искренность и поддержите меня!

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою А. Краевскій.

Сообщ. **П. Ф. К.**

Устраненіе брани въ литературѣ.

Отношеніе попечителя округа С.-Петербургскому цензурному комитету.

11-го іюля 1824 г. № 895.

Г. министръ народнаго просвѣщенія въ предписаніи отъ 2-го сего іюля подъ № 2236 объясняетъ: «примѣчается, что въ повременныхъ сочиненіяхъ, издаваемыхъ разными журналистами, выходятъ подъ названіемъ разныхъ критикъ и антикритикъ не столько полезныя о словесности сужденія, сколько бранныя одного съ другимъ переписки, часто имѣющія цѣлью одно только несообразное съ благонравіемъ публичное оскорбленіе другъ друга». Посему не отнимая отнюдь свободы критическихъ сочиненій основанныхъ на безпристрастныхъ сужденіяхъ, хотя бы оныя и заключали въ себѣ непріятныя, но справедливыя возраженія и нужныя для пользы языка и словесности обличенія въ погрѣшностяхъ, почитаетъ его высокопревосходительство однако же за должное поставить цензорамъ въ обязанность, чтобы они пропускали подобныя статьи съ разсмотрѣніемъ, дабы оныя заключались въ предѣлахъ благопристойной критики, отнюдь не похожей на такъ называемыя пасквили, содержащія въ себѣ одни порывы колкими и не принадлежащими къ дѣлу выраженіями повреждать честь своего противника. Особливо же сіе слѣдуетъ наблюдать съ первою выходящею на какое-либо сочиненіе критикою, ибо если оная наполнена будетъ неприличными насмѣшками и колкостями, то и въ отвѣтъ на нее несправедливо будетъ того же не допускать. Впрочемъ ясныя изобличенія и доказательства не должны почитаться колкостями, поелику къ справедливымъ изъ нихъ самъ сочинитель подалъ поводъ, а несправедливыя изобличатъ невѣжество критика. Разсмотрѣніе книгъ безъ всякаго сомнѣнія полезно и нужно для успѣховъ словесности, но для сего потребны не малыя познанія въ томъ, кто разсматриваетъ, иначе одна крикливая похвала или хула есть только свидѣтельство недостаточныхъ по сей части свѣдѣній.

А. В. Суворовъ въ своихъ письмахъ.

6-го мая 1800 года во второмъ часу дня скончался генералиссимусъ князь Италійскій графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій. Хотя со дня кончины этого вполнѣ русскаго человѣка, который, по словамъ императора Николая, «въ Россіи покуда былъ еще одинъ», протекло уже сто лѣтъ, однако въ біографіи его и по настоящее время имѣется не мало пробѣловъ [1]), какъ это прямо указано въ извѣстномъ трудѣ г. Петрушевскаго, вышедшемъ на-дняхъ вторымъ изданіемъ. Причины этихъ пробѣловъ должно объяснить неизвѣстностью многихъ матеріаловъ, необычайно важныхъ для біографіи Суворова, но до настоящаго времени хранящихся подъ спудомъ и потому недоступныхъ и неизвѣстныхъ лицамъ, занимавшимся его біографіею. Разъясненіямъ этихъ

[1]) Во избѣжаніе упрека въ голословности считаемъ необходимымъ указать для примѣра эти пробѣлы. Такъ: 1) мѣсто рожденія Суворова неизвѣстно; 2) годъ рожденія также далеко не выясненъ. А. Ѳ. Петрушевскій говоритъ, что Суворовъ родился въ 1730 году; на прежней надписи на его могилѣ въ Александро-Невской лаврѣ былъ показанъ 1729 годъ, а по автобіографіи самого Суворова выходитъ, что онъ родился въ 1727 году; 3) сообщаются краткія свѣдѣнія о службѣ его въ нижнемъ званіи въ л.-гв. Семеновскомъ полку, а также о службѣ его и дѣйствіяхъ подъ Бреславлемъ въ семилѣтнюю войну; 4) не выяснена причина перевода его въ Суздальскій полкъ въ 1763 году; 5) весьма скудны свѣдѣнія о причинѣ постигшей его первой опалы и главнѣйшимъ образомъ ссылки изъ Кобрина въ Кончанскъ. 6) Неизвѣстенъ разговоръ его въ Вѣнѣ съ императоромъ Францемъ предъ отправленіемъ въ итальянскій походъ. 7) Неизвѣстны причины второй его опалы и отмѣны назначенныхъ торжествъ при встрѣчѣ Суворова по возвращеніи изъ швейцарскаго похода и т. д.

*

пробѣловъ въ жизни великаго полководца конечно всего болѣе можетъ содѣйствовать опубликованіе всѣхъ относящихся до его полной біографіи бумагъ и документовъ, до насъ дошедшихъ. На этомъ основаніи редакція «Русской Старины», желая почтить память знаменитаго генералиссимуса русской арміи и способствовать возможно большему выясненію его характера, считаетъ не лишнимъ помѣстить имѣющіяся у нея бумаги князя Суворова, и другіе матеріалы, относящіеся къ его біографіи.

I.

Письма А. В. Суворова—П. И. Турчанинову [1]).

1.

20-го апрѣля 1779 г. Козловъ.

Изъ препровождаемой здѣсь копіи вы, милостивый государь мой, усмотрѣть изволите, что и нынѣ уже положеніе переселенныхъ въ Азовскую губернію бывшихъ въ Крыму христіанъ не наилучшее. По человѣчеству судя, что состояніе сихъ, добровольно оставшихся, всевозможныя для жизненныхъ полезностей въ здѣшнемъ краю выгоды по единому ихъ къ россійскому престолу усердію и единовѣрію, должно быть нѣсколько услаждено когда не лучшею, то по малой мѣрѣ не жестокою перемѣною. Но къ сожалѣнію превращается оно въ явную уже клятву и негодованіе. Послѣдствіе того открываютъ предыдущія ихъ бѣдствія могущія произойти отъ не смягченныхъ еще и не просвѣщенныхъ ихъ нравовъ. Не могу я точно судить отъ предвзятыхъ по губерніи Азовской какихъ-либо генеральныхъ въ разсужденіи реченныхъ переселенцевъ правилъ, по неизвѣстности мнѣ оныхъ, какъ по неполученію еще отъ г. резидента Константинова вшедшихъ къ нему отъ нихъ жалобъ. Но упреждая могущія быть непріятныя слѣдствія отъ ихъ раздраженія долженствую, яко вѣрный ея императовскаго величества рабъ, къ пользѣ высочайшихъ ея интересовъ, и къ соблюденію даннаго имъ отъ меня всевысочайшимъ ея именемъ объ утвержденіи просимыхъ ими привилегій обѣщанія, коснуться нѣчто сея немаловажной матеріи не въ намѣреніи какого противопренія, установленнымъ реченной губерніи о сихъ переселенцахъ предположеніямъ, но единственно къ бла-

---

[1]) Петръ Ивановичъ Турчаниновъ былъ въ то время статсъ-секретаремъ императрицы Екатерины II.

гоустроенію оныхъ и къ совершенію сопряженныхъ съ тѣмъ впредь идущія времена отечеству полезности, васъ, милостивый государь мой, покорно прошу изобрать приличныя благоразумію вашему средства къ отвращенію грозящаго симъ бѣднымъ иностранцамъ злоключенія. Пребываніе нынѣ въ С.-Петербургѣ его превосходительства азовскаго губернатора Василія Алексѣевича Черткова и личное ваше съ нимъ свиданіе подастъ способъ утвердить желаемое между ими успокоеніе, опровергнуть всякіе раздоры, иногда отъ дикости азіатскаго ихъ своенравія истокъ свой имѣть могущія и упрочить благосостояніе не малаго числа согражданъ Россіи въ сихъ народахъ замыкающагося человѣколюбивымъ и снисходительнымъ объ нихъ призрѣніемъ и великодушнымъ прощеніемъ въ случаѣ какого болѣе безразсуднаго, нежели умышленно-злобнаго со стороны ихъ преступленія.

Пребываю затѣмъ съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

2.

(Собственноручно).

10-го февраля 1780 г.

Скажу на образъ Вилларія, я рылъ Кубань отъ Чернаго моря въ смежности Каспійскаго, подъ небесною кровлею, предуспѣлъ въ одинъ великій постъ утвердить связь изъ множественныхъ крѣпостей подобныхъ Моздокскимъ не съ худшимъ вкусомъ. Изъ двухъ моихъ въ 700 человѣкъ работныхъ арміевъ, строющихъ оныя на носу вооруженныхъ многолюдныхъ варваровъ, среди непостоянной погоды и несказанныхъ трудовъ, не было ни одного умершаго и погибъ одинъ невооруженный. За то ни добраго слова. Послѣ Святой недѣли надѣялись мы обладать полною дружбою всѣми сими дикими народами до Кавказовъ, если бы не обращенъ былъ въ Крымъ. Вилларіи не вездѣ. Послѣдняго генерала отправили на Кубань, прочіе всѣ уѣхали гулять, получать ордена или другія награжденія и многія дѣти поровнялись со мною степенями. Ахтіяръ, какъ гавань, давала туркамъ отвѣсъ власти противъ россіянъ, коль паче то бы совершилось по прибытіи въ оную ихъ флота и театръ дѣйствіевъ уже обращался на Кубань. Видя сію въ общемъ дѣлѣ неустроенность, не имѣя ни малѣйшаго на точное поправленіе предписанія, подъ часто испытанною мною опасностью за мои успѣхи аркибузированія, наиблаговидно вытѣснилъ турокъ изъ гавани, одной истинной во всемъ Крыму, отдыхая на камняхъ набережныхъ оной отъ страху оставленъ отъ апостоловъ; послѣ что-то благопріятно было слышалъ только. Изрытый между тѣмъ Крымъ встрѣтилъ турецкія суда, распростершіяся по всему полуденному берегу разсѣянными всюду, горстьми

россійскихъ войскъ, кои ихъ и табаку покурить съ искренностью дружбы на берегъ не пустили—ни вишенки... а только побранили. Вымираетъ мой домъ, я и наслѣдство. Турковъ нѣтъ; татары не смѣютъ ни на россіянъ, ни на ихъ хана грубо взглянуть. Крымскіе христіане какъ во снѣ проданы; все здорово. Въ Россіи душа по червонцу малому, когда маломѣрно по общей раскладкѣ каждая душа вывезла по десяти. Пр(озоровскій), украшенный за его многочисленныя побѣды, доноситъ мнѣ слухъ, что я бы былъ наказанъ, если бы сего совершенно не исполнилъ, вотъ и воздаяніе... Правда, послѣ сей высочайшій мнѣ даръ впечатлѣнный вѣчно въ памяти. Подобно какъ сей мальчикъ, Кам(енскій) на полномъ побѣгѣ обѣщаетъ меня разстрѣлять, ежели я не побѣжду, и за его геройство получаетъ то и то, а мнѣ ни добраго слова, какъ и за Гирсовъ—мѣсто перваго класса по статуту, хотя всюду стрѣляютъ мои побѣды, подобно донкишотскимъ. Не могу, почтенный другъ, утаить, что я возвратясь въ общество разбойниковъ съ Уральской степи, по торжествѣ замиренія, ожидалъ себѣ св. Анны; шпаги даны многимъ, я тѣмъ доволенъ! Обаче не тѣ награжденія были многимъ; да что жалко, за мои труды ожидая ежечасно Высоч(айшаго) гнѣва непорочно и безвинно коснулся было я тогда предѣла общей философіи, ибо какъ не херувимъ, могущъ въ чемъ маломъ проступится не исчезалъ. Сей земный богъ можетъ ли всю несчетную обширность обнять его святыми очами и не часто ли долженъ полагаться на изреченія его архистратиговъ, кои часто пріятное полезному предпочитаютъ. Покровитель мой не можетъ ли быть обаваемъ отъ его низшихъ и приснѣ цѣлящихъ изъ праха на высокости и не имѣя для нихъ потребнаго достоинства лестной ложью потемняющихъ оное, ежечасно въ ихъ ближнемъ преображая муху въ слона. Великотаинственна та наука, которою обладать въ народѣ людьми доказанныхъ заслугъ большею частію уже своенравными не во зло, но по ихъ добродѣтели и во благое время умѣть ими править, избирая ихъ не ошибочно по способностямъ и талантамъ. Часто розовые каблуки преимуществовать будутъ надъ мозгомъ въ головѣ, складная самохвальная басенка—надъ искусствомъ, тонкая лесть—надъ простодушнымъ журчаніемъ зрѣлаго духа. Тотъ среди пороковъ имѣющей добрыя качества на вопросъ, что ему въ сихъ тунеядцахъ? «Они мнѣ пріятны, но я употребляю не пріятныхъ, а полезныхъ». Большее дарованіе въ военномъ человѣкѣ есть счастье. Мазаринъ о выхваляемомъ ему военачальникѣ спрашивалъ наконецъ, всегда счастливъ ли онъ? Рѣпнинъ великъ, но несчастливъ, Голицынъ счастливъ, избирай Голицына хотя заикающагося. Смѣшно это, какъ онъ однажды командовалъ флотомъ, а адмиралъ Беренсъ (его?) берегъ. Исключая просвѣщеніе наукъ добродѣтель, мать достоинства обожаетъ прилежнѣе въ пастушескихъ шалашахъ; тамъ меньше портятся нравы, хотя къ достиженію оныхъ ветхое

человѣческое состояніе равное право имѣетъ, понеже у всѣхъ Отецъ одинъ. Не льстись на блистанье, но на постоянство. Загребающіе жаръ чужими руками послѣ ихъ пережжетъ и какъ ихъ самъ не имѣя не выполняетъ дѣла, предоставляетъ его несовершеннымъ, а тѣмъ чинитъ себя непрестанно-потребнымъ; вѣрь лучше тому консулу, который изъ-подъ сохи торопится прежде времени достигнуть конца, чтобы бѣжать опять подъ соху. Бойтесь опять сихъ вегеціевыхъ графовъ сокрушителей, особливо восточныхъ римлянъ и не вѣрьте симъ юнымъ многообѣщающимъ, которымъ для науки покоряютъ заслуженныхъ, имъ то баловство,—имъ то тиранство. Общая тлѣнность... [1]) истинно только почти въ прусскомъ войскѣ, я вижу сихъ случайныхъ со мною на одномъ году моего унтеръ-офицерства, облиставшихъ полководцами, предводителями арміевъ, сихъ дѣтей, съ коими подбородкомъ я остепенясь игрывалъ взлетѣвшихъ на мое темя, обѣщавшихъ мнѣ послѣ бѣлую ленту съ сумою. Такъ старѣе меня сей за привозъ знамени, тотъ за привозъ куколъ; сей по кварт.: перелету, тотъ по выводу отъ отца будучи у сыска. Въ раздѣленномъ въ армію обсерваціонномъ корпусѣ, мой покойный отецъ не произвелъ офицера на мѣсто армейскихъ, я за него былъ штрафованъ и всеконечно обойденъ семо овамо изъ Гвард. адъютантъ и тогда какъ я въ моемъ донкишотствѣ имѣлъ честь уже быть первымъ партизаномъ и подобно Брамарбасу былъ на столькихъ сраженіяхъ, на 60 шармицеляхъ mais ceux-lá, ont ils plus mérité que moi pour L'Empire. Буду всегда съ истинною преданностью и совершеннымъ почтеніемъ и проч.

3.

(Собственноручно).

12-го марта 1780 г.

Сжальтесь надъ бѣдною Варварою Ивановною [2]), которая мнѣ дороже жизни моей, иначе васъ накажетъ Господь Богъ! Зря на ея положеніе, я слезъ не отираю. Оборонite ея честь. Сатирикъ сказалъ бы, что то могло быть романичество, но гордость—мать самонадѣянія, притворство—покровъ недостатковъ, части ея безумнаго воспитанія оставляли ея безъ малѣйшаго просвѣщенія въ добродѣтеляхъ и порокахъ; и тутъ вышесказанное разумѣла ли она различить отъ истины. Нѣтъ, есть то истинное насиліе, достойное наказанія и по воинскимъ артикуламъ. Опонировать, что она послѣ уже послѣдовала сама [3]). . . Примѣчу: страхъ открыться, поношеніе, опасность убійства далеко отстоя-

[1]) Здѣсь письмо совершенно истерлось и разобрать невозможно.
[2]) Супруга А. В. Суворова.
[3]) Одна строка на сгибѣ оторвана.

щія отъ женскихъ слабостей. Накажите сего изверга по примѣрной строгости духовныхъ и свѣтскихъ законовъ, отвратите народные соблазны. Спасите честь вѣрнѣйшаго раба Нашей Матери въ отечественной службѣ едва не сорокалѣтняго. Всемогущій Богъ да будетъ вамъ помощникъ.

Варвара Ивановна упражняется нынѣ въ благочестіи, постѣ и молитвахъ подъ руководствомъ ея достойнаго духовнаго пастыря. Не оставьте, милостивый государь мой, отвѣта преосв. Гавр(іила) къ сему на его письмо. Обратите сюда наиноспѣшнѣе т. е. не позже Свѣтлыя-седьмицы, весьма то нужно.

4.

(Собственноручно).

10-го апрѣля 1780 г. Подъ Астраханью.

Почтенныя ваши дружескія письма отъ 16-го и 23-го февраля при протчемъ съ моею благодарностью получилъ. Нат. Алек. [1]) портретъ навелъ мнѣ слезы родительскія, но паче утѣшительныя за высочайшую милость нашей матери. Въ вашихъ праведныхъ предпріятіяхъ да поможетъ вамъ Господь Богъ и за Анд. Дмитр. Константинова и здѣсь бы онъ мнѣ былъ добрымъ товарищемъ. Всѣ газеты да будутъ въ вѣчную славу великой императрицѣ, а съ моей стороны одно рабское усердіе.

Такъ жду Войновича и Денисова съ повелѣніями его свѣтлости, которому нижайшая благодарность за воспоминовеніе обо мнѣ. Изъ Горичева письма вижу, что онъ колеблется. На письмо преосвященнаго Гавріила, соотвѣтствую прежнимъ моимъ къ нему духовнымъ прошеніямъ т. е. о наказаніи сквернаго соблазнителя... и вѣчнаго поругателя чести моей, неблагодарнаго по милостямъ и гостепріимству. Вы же, милостивый государь мой, исполните оное великодушно по строгости свѣтскихъ обще съ духовными законовъ. Несчастная Варвара Ивановна не могла притворства покровъ и непрестанно . . . [2]) Богу. Картина моя заложена . . . [2]) отыскиваю рисомарателя въ Астрахани и потщусь приказъ вашъ исполнить. Проповѣди ниж. архимандрита прочту, ибо только-что Мелековъ пріѣхалъ. Между тѣмъ, гуливалъ я по устьямъ Каспійскаго моря. Сочинялись карты, которыя истинно хороши и въ настоящемъ видѣ лучшія. Молился Богу и почти грамату Тур(ецкую) выучилъ и пора—походъ, но до него архипастыря пр(еосвященнаго) Гавріила разрѣшеніе. Хастатовъ, Богданъ Васильевичъ здѣшній, письмо отъ его жены,

---

[1]) Дочь А. В. Суворова.

[2]) Въ этихъ мѣстахъ части письма вырваны.

долженъ давно къ вамъ явиться и по истинѣ полезенъ мнѣ здѣсь будетъ, чего ради благоволите его поспѣшно сюда возвратить. Почтательница ваша Христина Ивановна съ дочерью вамъ кланяются. Ѣздили дамы съ Варварой Ивановной тако жъ по Каспійскому морю въ косныхъ на парусахъ. Милостивой государыни Екатеринѣ Ивановнѣ цѣлую руки, цѣлую вашихъ дѣтей. Милость на васъ Всемогущаго Бога и великой монархини.

Всегда съ моею преданностью и совершеннымъ почтеніемъ.

5.

(Собственноручно).

3-го мая 1780 г.

Христосъ Воскресе!

Милостивый государь мой Петръ Ивановичъ, съ милостивою государынею Екатериною Ивановною и любезными вашими дѣтками, поздравляю покорнѣйше съ праздникомъ Нашего Спасителя; покровительство Его надъ вами да пребудетъ въ позднія времена! Письмо ваше, милостивый государь мой, отъ 4-го марта наполнило меня паки благодарностью. Сей извергъ въ вашихъ и нашего архипастыря рукахъ рѣшеніи и волѣ. Супруга моя Варвара Ивановна вопіетъ на ея воспитаніе (могущее со временемъ очиститься полнѣе) Всемогущему Богу. При прочемъ, двѣ части онаго нечестія и страшныя нечестія родила. Гордость такъ самонадѣянитъ, притворство—покровъ преступленіевъ. О! коли бъ Святый духъ преосвященнѣйшаго Гавріила искорененіе сихъ и въ иныхъ мѣстахъ разсѣялъ, умножилъ тѣмъ здравое дѣторожденіе, и доказалъ ненадобность и Гернгутскаго правила.

Натальѣ Александровнѣ [1]) мое и ваше благословленіе; я оплакиваю понынѣ двухъ ея любезныхъ братьевъ, современемъ бывшихъ бы такихъ же рабовъ, какъ я Великой Екатеринѣ. Послѣ Святыя, первую недѣлю отпрыгали мы въ городѣ какъ Наталья Александровна и возвратились ли нынѣ въ «Черепаху», гдѣ тако уединенъ великодушный нашъ хозяинъ Никита Аѳанасьевичъ, пастырь, моей Варвары Ивановны, образцовый учитель. Жалованье я не бралъ съ сентября по сомнѣнію о моихъ столовыхъ; такъ, милостивый государь мой, благоучредите со дня неполученія ихъ мною на Днѣпрѣ посколько то должно сюда на то повелѣніе. Принимаютъ меня здѣсь дружно, но хотя безъ команды... пора. Власть ваша. Стремленіе мое, чтобы быть вамъ всегда наипреданнѣйшимъ и съ совершеннымъ почтеніемъ.

---

[1]) Дочь А. В. Суворова.

Приложеніе.

Собственноручное письмо В. И. Суворовой—П. И. Турчанинову.

Май, 1780 г.

Милостивой государь мой Петръ Ивановичъ!

Милостивая государыня Екатерина Ивановна.

Имѣю честь поздравить съ прошедшимъ праздникомъ, желаю и впредь въ радости и здоровьѣ праздника дождаться и на неисчетные годы, и въ радости препровождать оный же—праздникъ желаю. Да, приношу вамъ, батюшка, еще о неоставленіи друга маво Наташеньки принаиглубочайшую благодарность, чѣмъ столь меня много обязываете, что силъ моихъ недостаетъ изъяснить мою благодарность. А что до моей собственной персоны касается, имѣть благодарность вамъ, то уже и совсѣмъ разсудку навѣрно недостаетъ, а только прошу Создателя, чтобы Онъ послалъ вамъ всѣ блага, сколько можетъ и къ благополучію вашему за добродѣтельныя ваши дѣла. А что касается до злодѣя проклятаго, то пожалуйста батюшка, Петръ Ивановичъ, постарайся ради Бога упечь его поскорѣе. Симъ и сокращаю.

6.

(Собственноручно).

7-го іюля 1780 г. Астрахань.

Мих. Л. Өалѣеву извѣстно далъ я вексель въ С.-Петербургѣ въ 5.000 р. съ срокомъ до 1-го сентября, который тако приближается. Я непрестанно долженъ и здѣсь. Съ половины апрѣля я вашихъ писемъ не получалъ. Столовыхъ денегъ я не бралъ близъ году. Якову Ивановичу (Булгакову) я опостылѣлъ. Онъ говоритъ противъ Бога и меня, желаетъ въ С.-Петербургъ и Польшу. Я безъ васъ не отпускаю и даю читать артикулы. Экспедиціи не начинаются. Флотъ готовъ. Жарамъ и комарамъ чють за мѣсяцъ. Я чищу желудокъ милефоліумомъ. Варюша моя подобно тому по-своему недомогаетъ. Вашей и моей Натальѣ Александровнѣ миръ и благословленіе. Обнимаю васъ, почтеннѣйшаго моего друга.

Жду вашихъ увѣдомленій, какъ манну съ небеси, и всегда съ совершеннымъ почтеніемъ.

На оборотѣ листа написано слѣдующее собственноручное письмо В. И. Суворовой—П. И. Турчанинову.

Свидѣтельствую свое нижайшее почтеніе вамъ, также милостивой государынѣ Екатеринѣ Ивановнѣ, а что касается до остальныхъ вашихъ—всѣхъ цѣлую, а своя (дочь) признаюсь, что до крайности съ ума сводитъ, какъ ни таила, но право, мочи нѣтъ—отъ тоски не знаю что подумать, ни слуху, ни вѣсти, сколько мѣсяцевъ. И такъ, осмѣливаюсь просить, сдѣлай милость, батюшка, Петръ Ивановичъ, дай знать: во все это время хоть здорова была ли или больна. Такъ грустно, что не знаю на что подумать А у насъ нестерпимые жары начались. И такъ остаюсь въ ожиданіи отъ васъ увѣдомленія о любезномъ другѣ Натальѣ Александровнѣ. Покорная къ услугамъ В. С.

Внизу собственноручная приписка А. В. Суворова.

Правда, о дочери нѣтъ ни малаго слуха. Жары здѣсь продолжаются до половины августа обыкновенно и исходъ комарамъ. Мать ея княгиня Мар. Михайловна скончалась 17-го іюня. Всемогущій Богъ да пріиметъ ее въ лоно Авраамово; я ей положилъ сіе таить до крайности. Гдѣ нашъ злочестивый! Милостивой государынѣ Екатеринѣ Ивановнѣ цѣлую руки. Портретъ мой готовъ. Піерри сказываетъ, что онъ походитъ на Логина Ивановича Миллера, для того нижайше прошу по доставленіи къ вамъ, приказать на немъ мое имя подписать доктору.

Вторая приписка А. В. Суворова.

14-го іюля.

А меня, милостивый государь, опять сильно и разнообразно обокрали безъ возврату. Непрестанную сію фатальность кошелка на исправленіе отдалъ Варварѣ. Паки дочернина Агаша очреватила, отослалъ въ деревню.

Какъ я въ зеркало ни гляжусь, то и картины моей не видалъ слѣдующей при семъ.

Желудокъ мой безлекарственный ослабѣлъ. Недѣли три поятъ меня милефоліумомъ, насилу пишу. Колико долго, почтенный другъ, вы не пишете ко мнѣ и нѣтъ ли суспиціи. Въ отплату сообщу вамъ сей небесный даръ, хотя знакомый, но также и Азію удостоившій.

7.

(Собственноручно).

4-го августа 1780 г. Астрахань.

Почтенное письмо ваше отъ 3-го іюля съ Б(огданъ) В(асильевичемъ) Хастатовымъ чрезъ мѣсяцъ получилъ. Благопребываніе общее ваше съ Наташей, къ которой вы какъ отецъ и мать, много по-

радовало. У Як. Ив. (Булгакова?) отняли мы ваши два платка съ именемъ вашимъ. Но мое пребываніе истинно скушно; взираю на разногласіе общенародія. Буде же такъ должно, то пусть весело. О опредѣленіи меня къ каз. див. свѣдалъ чрезъ Хастатова. Новую милость его свѣтлости съ вѣчною моею благодарностью. Гедаета [1]) мнѣ очень хочется выписать сюда, пусть онъ непрестанно грабилъ и русскихъ, но тѣмъ не меньше богатъ. Однако не статное дѣло. На подобные такіе предметы, не хуже бы было мнѣ въ запасъ доставить какіе инструменты, а деньги есть: напримѣръ, и съ Ираклiемъ [2]) только комплиментируемся издалека. О скромностяхъ же сумнѣнія нѣтъ и здѣсь меня донынѣ знаютъ только по газетамъ. О столовыхъ деньгахъ милостивый государь мой... не надобны и тѣмъ доволенъ. Θалѣевъ по крымской экспедиціи послѣ счетшись истинно пропился. Симъ недосмотромъ усердствовалъ государственной экономіи—и почти не уповаю, чтобы будущаго года мой деревенскій доходъ полно замѣнилъ, хотя не мотъ; однако и тутъ всѣмъ доволенъ. Однако, почтенный другъ! Вспомните нечестиваго! Неужли то я у матушки (государыни) столько не выслужилъ, чтобы малая моя бѣдная честь, которой по моему нѣтъ теперь ни на волосокъ — омыта была. И вѣкъ ли мнѣ страдать— не слышу ничего.

Обнимаю васъ, почтеннаго моего друга и всегда съ совершеннымъ почтеніемъ.

8.

(Собственноручно).

27-го августа 1780 г., подъ Астраханью.

Почтенное ваше письмо отъ 3-го сего мѣсяца частью меня успокоило, вижу я въ перспективѣ покрытіе моей невинности бѣлымъ знаменемъ Насильный похититель моей чести приметъ за его нечестіе достойное воздаяніе. Но до того мое положеніе хуже каторжнаго вдовца и многихъ затрудненіевъ сопряженныхъ съ бѣдами избавлюсь. Иначе поздно заставить меня вѣрить по калмыцкому, боготворить планеты, по индѣйскому... довольно, я только могу быть добродѣтельнымъ, вѣрнымъ до моего гроба матери моей (императрицѣ); ближняго моего ничѣмъ не безпокою и трехъаршиннаго параллелограмма полно съ меня. Твердая надежда на васъ, почтеннаго моего друга, неудовольствіе черезъ Карицкаго, простите мнѣ, плачу я сею моею честью яко дражайшимъ ни съ чѣмъ для меня уподобляемымъ клейнодомъ. Спросите вы, милостивый государь мой,

---

[1]) Гедаетъ—ханъ рящинскій.
[2]) Царь Грузіи.

чѣмъ я въ бездѣйствѣ упражняюсь: въ грусти изъ моей кибитки исхожу на подѣванье, но къ уединенію отъ всѣхъ. Сей сходный на Натальѣ Александровнѣ нравъ мрачится. Остатки волосъ сѣдѣютъ и съ главы спадаютъ; читаю «Отче Нашъ».

Напоминая вамъ, милостивый мой другъ, все прежнее, прибавлю необходимо надлежало бы мнѣ знать терминъ начала... экспедиціи... Сія есть не вредная дѣлу откровенность, мнѣ же весьма полезная; отдаю прочее верховной власти. Великая императрица да побѣждаетъ вселенную за ея высочайшую милость къ послѣднему ея рабу. По Ор. К. и Каз. Див. частыми моими предувѣдомленіями неприскучте, вѣдомо истекаютъ они отъ моего естественнаго чистаго сердца, съ коимъ я къ вамъ непоколебимъ.

Общая наша дочка была вчера именинница. Варюша проплакала, исправилось было ея положеніе... для сихъ обѣихъ сжальтесь, не отлагайте.

Коли мой портретъ толь не удаченъ, пусть вашъ удачнѣе будетъ, иного посредства нѣтъ, вамъ лучше счастье будетъ и оспорьте Варюшу, которой кажется, что она больше на Наталью Александровну походитъ. Милостивой государынѣ Екатеринѣ Ивановнѣ цѣлую руки и лобызаю вашихъ дѣтей. Якова Ивановича (Булгакова) всѣми образами въ холодности ко мнѣ умягчить стараюсь, сходно съ благосклоннымъ вашимъ желаніемъ и сколько бы я въ томъ ни терпѣлъ. Боже! исправь его молодыя страсти, но праздность причиною всего и истинно пора на работу и истинно я бы ужъ сюда поворотился и готовъ бы былъ на иную большую работу. Изъ Исторіи Сырохнева Надиръ-Шаховой усмотрите родъ безплодности въ низверженіи лезгинцевъ, но, кажется не хуже Авгарскій ханъ (гдѣ бабы въ юбкахъ ходятъ), нашъ пріятель, можно и иныхъ надѣлать приверженными Россіи. Предлогъ жестокъ началу инаго есть похваленъ.

Семь тысячъ лѣтъ, какъ свѣтъ столько испорченъ, что я боюсь дабы П. П. не съамурничалъ съ Н(атальей) Ал(ександровной). Больше надобно караулить сестрицамъ съ почтеннѣйшими зильберезейнами, которымъ съ чувствительнѣйшею благодарностью нижайше кланяюсь. Свид. всѣхъ прав. и оп. общихъ недос. паки радуюсь. Да благословитъ васъ Господь Богъ и великая императрица! Чего ради перестать бы, но упомянуть должно. Третьяго вашего дружескаго письма съ самодѣлкою Натальи Александровны не получалъ. Не считаете ль таковымъ одно отъ П(реосвящен)наго Гавр(іила) покрытое одною вашею безъ письма бумагою съ припискою только отъ пол. Тур. Но позвольте еще примѣтить: концы верхняго обрѣза пакета никогда не соедините и чтобы примѣрно одинъ отъ другаго отстояли хотя на полмизинца, такъ пакетъ взлетѣть не можетъ; какъ вамъ сего не знать, коли не

печатаете иной. Утѣшительное ваше оное послѣднее письмо дѣйствительно вскрыто было, въ чемъ я во вѣки не ошибусь. Жаль токмо что разбойникъ (до коего добраться тяжело) кромѣ дружеской горячности въ немъ ничего не нашелъ и моего славнаго Логина Солом(оно. вича) Мюллера въ описаніи портрета. Поручаю себя навсегда въ благосклонность вашу и остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ.

9.

(Собственноручно).

12-го октября 1780 г. Астрахань.

Рящинскій Гедаетъ ханъ уже на россійскомъ суднѣ съ имѣніемъ задремалъ и захваченъ его непріятелемъ и пр. Сіе извѣстіе сомнительное, ибо дѣйствующія отъ меня лица страждутъ по разнорѣчіямъ до избавленія и ощипаны до перепонки. Пусть такъ, но въ подобныхъ приключеніяхъ инфлюэнція не маловажна. Высочайшее покров(ительство) предъобрѣтаетъ въ странахъ приверженность и отупляетъ дальнонамѣренныя противоборства. Въ разнообразныхъ таковыхъ дѣйствіяхъ ключъ— деньги. Губ(ернаторъ) к(авказскій) давно мнѣ не даетъ 3.000, когда я издержалъ больше 4.000. Деньги надобны и нынѣ и послѣ. Не расточитель я, издержавши въ Крыму $^1/_4$ года въ годъ и оттуда христіанская душа до мѣста обошлась въ червонецъ. Только оставляю родительское въ цѣлости осталось бы мнѣ, чѣмъ меня... [1]). Побесѣдуемъ, милостивый государь мой, о семъ нижнемъ артикулѣ. По концѣ крымскаго дѣла нашелся я должнымъ за 15 тысячъ. Уплата была изъ моихъ доходовъ и нынѣ я долженъ до 5.000 въ Полтаву и еще извѣстныхъ 5.000, по которымъ послѣднимъ берутъ терпѣніе на годъ. Между тѣмъ у меня собираютъ оброки въ работную пору, разоряютъ родительскихъ крестьянъ и пр(очія) неустройства съ грабленниками, такъ что когда я отдалюсь, мнѣ инаго не остается какъ просить св. к. (свѣтлѣйшаго князя) о опредѣленіи на имѣніе покойнаго родителя моего совѣстнаго опекуна. Все то открываю вамъ моему почтенному другу. Буду всегда съ совершеннымъ почтеніемъ.

10.

(Собственноручно).

27-го декабря 1780 г. Астрахань.

Свѣтлѣйшему князю мое напоминовеніе продолжить надлежало; изъ нихъ бы я заплатилъ часть моихъ здѣшнихъ чрезвычайныхъ расхо-

[1]) Здѣсь письмо вырвано.

довъ, прочее изъ моихъ деревенскихъ очень не важныхъ доходовъ. Г. Оку(невъ?) поносилъ меня ложно, развѣ иногда причетники мои чѣмъ малымъ пользовались, чего никто не остережетъ. Я изъ Крыма безъ всякихъ роскошей вывезъ громогласную кукушку, которая и теперь у меня за плечами. Ежели бъ тамъ тать былъ на моемъ мѣстѣ не велика бы ему поживка была по задолжавшей полтавской кригсъ-коммисаріатской коммисіи, которая свидѣтельствуетъ, что я то исправилъ; предъ самымъ моимъ вступленіемъ въ Крымъ издержано было почти столько, сколько я издержалъ въ 14 мѣсяцевъ. Христіанская сумма была подъ клятвою. Одинъ вояжъ изъ Москвы сюда скушалъ за половину моихъ годовыхъ доходовъ. Обращенное въ прахъ оставшее мое въ Полтавѣ и учрежденіе здѣсь стоило почти другую. Богатство мое состоитъ въ жалованныхъ брилліянтахъ и надѣланныхъ въ С.-Петербургѣ мундирахъ, да серебрянныхъ лошкахъ выписанныхъ недавно изъ М(осквы). Немедленно да постигнетъ меня страшный судъ Божій, ежели лгу. Аугсбургъ (?) есть главный опровергатель мѣръ экспедиціи [1])... Льстивая его тонкость первая въ Имперіи вамъ извѣстна. Остерегите мою невинность отъ кораблекрушенія; жертвовать Сув(оровымъ) грѣхъ. Онъ добрый человѣкъ, истиненъ, годится лучше другихъ.

Юнаго Никиту Яковлева поручаю вашему предстательству, онъ дворцовъ кромѣ Сатрапскихъ не знаетъ.

Почтенный другъ, симъ сокращаю. Прежнія мои скучныя вамъ начертанія иногда вспомните. Сжальтесь, и исторгните меня изъ конечнаго забвенья.

Буду всегда съ совершеннымъ почтеніемъ.

II.

Письма А. В. Суворова—Степану Алексѣевичу Колычеву [2]).

1.

22-го августа 1799 г. Асти.

Сіе только для васъ единаго во всей Вѣнѣ испытую вашу доблесть къ пользѣ общаго блага, исправьте его колебленность наиноспѣшнѣе и исторгните его изъ опасности.

Великій нашъ монархъ къ вамъ милостивъ; но притомъ достойный

---

[1]) Слово не разобрано.

[2]) С. А. Колычевъ (род. 1746 г. † 1805 г.) былъ посланникомъ въ Вѣнѣ.

гр(афъ) Семеновичъ-Романовичъ Воронцовъ васъ мнѣ называетъ своимъ большимъ другомъ. Лучше дѣло трактовать постороннимъ образомъ, нежели отъ моего имени терзаемаго и въ горячкѣ отъ сателлитовъ Тугута опоясаннаго мечемъ Скандербега. Сія сова не съ ума ли сошла? или того никогда не имѣла. Приложенія храните въ тайности.

2.

27-го августа 1779 г. Асти.

Теперь отправляюсь я съ войсками его императорскаго величества мнѣ ввѣреннымп въ Швейцарію и по всѣмъ дѣламъ службы буду къ вашему превосходительству относиться съ дружескою откровенностью, прошу и васъ извѣщать меня обо всемъ, что вы достойнымъ вашего вниманія почтете. Я увѣренъ, что вы, милостивый государь мой, будете исполнять сіе съ извѣстною вашею ревностью и заставите молчать тѣ интриги Гофъ-Кригсъ-рата, которыя оный тщился противъ меня направить, а особливо голова онаго—Тугутъ.

3.

3-го октября 1799 г. Фельдкирхенъ.

Письмо вашего превосходительства отъ 19-го (30-го) сентября получилъ я чрезъ полковника Кушнинова и приношу вамъ за доставленныя мнѣ объ интригахъ вѣнскаго Гофъ-Кригсъ-рата свѣдѣнія истинную мою признательность. Коварные замыслы барона Тугута вездѣ болѣе и болѣе обнаруживаются, какъ и стремленіе его къ новымъ завоеваніямъ ко вреду общей пользы видны и въ Піемонтѣ. Приложенныя здѣсь бумаги, которыя я спѣшу доставить къ свѣдѣнію вашего превосходительства, доказываютъ то достаточно. Содержаніе письма вашего почитаю я слишкомъ важнымъ, чтобы не извѣстить объ ономъ графа Федора Васильевича Растопина.

Письмо государя императора къ его сардинскому величеству мною при почтеннѣйшемъ вашемъ письмѣ получено и отправлено будетъ. Пребываю впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью

4.

9-го октября 1799 г. Линдау.

Послѣ столь многочисленныхъ сраженіевъ въ одну кампанію и послѣ столь многотрудныхъ походовъ по почти непроходимымъ горамъ, армія наша доведена наконецъ до величайшаго изнуренія и недостатка во всякой аммуниціи. Къ тому же настигло насъ время года, въ которое

КНЯЗЬ ИТАЛІЙСКІЙ
ГРАФЪ СУВОРОВЪ РЫМНИКСКІЙ.
1799 г.

Дозв. ценз. Спб. 6 апрѣля 1900 г.

Тип. тов. „Общ. польза“, В. Подъяч. д. 39.

большіе снѣги и дожди всѣ операціи затрудняютъ, а недѣятельность эрц-герцога не подаетъ намъ никакой надежды къ содѣйствію его, которое не частное, по всей его арміи здѣсь потребно для достиженія великой цѣли его императорскаго величества нашего всемилостивѣйшаго государя. Всѣ сіи обстоятельства и многія другія заставляютъ меня остановиться со всею арміею здѣсь въ Линдау и въ его окрестностяхъ, дабы дать побѣдительнымъ воинамъ толико нужный и заслуженный ими отдыхъ и снабдить ихъ одеждою. Весьма благодарю я ваше превосходительство за доставляемыя мнѣ свѣдѣнія о деспотизмѣ Тугута. Они для меня весьма пріятны и полезны, потому что вы смотрите вашими глазами, а я получалъ извѣстія подъ его диктатурою писанныя. Пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью.

5.

1-го ноября 1799 г. Нитенау.

За всѣ отношенія вашего превосходительства приношу я вамъ благодарность. Извѣстія въ нихъ заключаемыя касательно вѣнской министеріи барона Тугута свидѣтельствуютъ ваше усердіе. Что принадлежитъ до даннаго вамъ высочайшаго о продовольствіи войскъ повелѣнія, то во время бытности оныхъ въ Баваріи имѣлъ я сношеніе съ пребывающимъ въ Мюнхенѣ министромъ нашимъ барономъ Биллеромъ, но какъ теперь армія наша вступаетъ въ Богемію и верхнюю Австрію, то предметъ продовольствія долженъ занимать все ваше вниманіе, испрашивая вспомоществованіе отъ австрійскихъ магазейновъ. Пребываю впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ.

P. S. Заботьтесь же, милостивый государь мой, о нашихъ плѣнныхъ. Тугутъ и тутъ срамно виляетъ.

6.

2-го ноября 1799 г.

На основаніи высочайшаго рескрипта, отъ 11-го октября послѣдовавшаго здѣсь въ копіи включаемаго, выступаю я съ войсками въ предѣлы россійскіе отъ 29-го числа сего мѣсяца чрезъ двѣ недѣли или и скорѣе. Ваше превосходительство о томъ извѣщая покорнѣйше прошу испросить отъ вѣнскаго министерства: 1) дабы присланы были къ войскамъ коммиссары на случай перехода нашего чрезъ Богемію, Моравію, Силезію, Польшу и Галицію; 2) больныхъ и раненыхъ въ Павіи и въ здѣшнихъ мѣстахъ оставленныхъ отправить на содержаніи австрійскомъ, а тѣхъ, кои идти не могутъ, подвозить на подводахъ къ россійскимъ же предѣламъ и купно съ ними 8 орудій главной артил-

леріи въ Веронѣ безъ лошадей оставленныхъ, какъ и часть полковыхъ тягостей изъ Виллаха отправить. Равнымъ образомъ пещися по обмѣнѣ нашихъ плѣнныхъ, коихъ простирается 4 генерала, 150 офицеровъ и до 4.500 рядовыхъ, въ семъ числѣ при переходѣ горъ за не имѣніемъ накакихъ подводъ оставлено нами до 800. Въ Цюрихѣ захвачено 3.500 да разномѣстно досталося имъ 200. И потому касательно вывоза поручилъ я относиться къ вамъ генералу-лейтенанту и кавалеру Тыртову, который съ ранеными въ Павіи находится. Пребывая впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ.

7.

11-го ноября 1799 г. Аугсбургъ.

Ваше превосходительство покорнѣйше благодарю за исходатайствованіе по кредитивамъ для войскъ жалованья. А впредь прошу не оставлять вашими увѣдомленіями. Я съ войсками выступаю 15-го ноября. Нынѣ извѣстія ваши особливо мнѣ нужны, а я ихъ 3 недѣли не получалъ.

Пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

8.

14-го ноября 1799 г. Аугсбургъ.

Завтрашняго числа 1-я часть войскъ выступаетъ отсюда къ предѣламъ Россіи. Я не имѣя до нынѣ отъ васъ увѣдомленій, покорнѣйше прошу таковыми не оставлять меня. Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

9.

17-го ноября 1799 г. Аугсбургъ.

На письмо ваше отъ 11-го ноября. Какое несмысліе и неблагодарность Тугута по россійскимъ плѣннымъ т. е. оставленнымъ раненымъ и больнымъ у непріятеля. Даже Виткамъ мнѣ задалъ «фруадеръ». Я ему рѣшилъ отвращеніемъ отъ предательства. Будьте тверды, не заразитесь воздухомъ совина гнѣзда; чуть вы гибки—Тугутова гибкость васъ одолѣетъ и будете въ уздѣ какъ Г(енералъ) ан(шефъ) К(орсаковъ?) — Уласкайте для россійскихъ съ ихъ начальникомъ, основаніе въ ихъ потребности. Но при томъ отнюдь нѣтъ покаянія или хоть признанія въ глупостяхъ, измѣнахъ и двуличіяхъ, кои блистательно лились отъ занятія Турина; и огромно у Цуриха и въ Альпахъ кончились: тако, ежели великій монархъ великодушно паки снизойдетъ. Послѣдняя лесть будетъ горше

первой. Развѣ и только: 1) Тугуту не быть, или обнажить его хламидою несмыслія и предательства; 2) мнѣ, всюду и гдѣ бы ни случилось, въ союзныхъ войскахъ быть главнымъ начальникомъ. Нѣтъ ничего совершеннаго, что въ однихъ недостаетъ, наполняется отъ другихъ. Въ здѣшнихъ земляхъ и способахъ цесарцы свѣдующее россійскихъ въ продовольствіяхъ, по неспособности россіянъ изобильны въ военной амуниціи, даже сряду до 3-хъ, 4-хъ сутокъ при Тидонѣ, Требіи, Нурѣ. Я помню страхъ какъ за лишнимъ снабдѣніемъ у меня ея при Клорисѣ не стало. Вѣра, языкъ, нравы—россіяне въ союзныхъ вліяютъ; бодрость, храбрость, мужество, терпѣніе, трудолюбіе, постоянство, глазомѣръ, быстрота импульсіи; 3) Кромѣ политическихъ, Тугуту съ гофъ кригсратомъ въ военные дѣла не мѣшаться. Планы ихъ въ концѣ кампаніи до Адды — мы въ началѣ ея въ Миланѣ; за По исходятъ — мы въ Туринѣ и пр. Разверстаніе частей арміи принадлежитъ главнокомандующему. Какъ здѣсь точенъ и справедливъ, такъ впредь буду съ совершеннымъ почтеніемъ.

10.

14-го декабря 1799 г. Прага.

За содержащіяся въ послѣднемъ письмѣ вашего превосходительства отъ 9-го (20-го) декабря извѣстія, обнаруживающія политическіе зловредные Тугута замыслы, принося вамъ чувствительную благодарность, не могу я оставитъ вамъ безъ замѣчанія, чтобы вы всѣмѣрно отвергали всѣ предположенія вѣнскаго кабинета употребить войска наши на столь гибельные и славу оружія его императорскаго величества помрачить могущіе десанты, или по вѣнскому слуху отсюда въ Нидерланды; когда Парижъ легче и одного Люксенбурга. Нѣтъ сомнѣнія, что сей хитрый министръ имѣетъ въ виду ослабленіе войскъ нашихъ, но я въ семъ имѣю полное упованіе на вашу опытную осторожность и прозорливость.

Пребываю впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ.

11.

15-го декабря 1799 г. Прага.

Нострадамусъ встрѣтясь со мною—что ты не любишь десантовъ? Гдѣ тамъ магазейны? На судахъ—гдѣ фуры? Рѣкою—ея невсегда держатся Агатокль, Тулонъ, Куберонъ, Голландія... [1]). Мальту желаетъ великій монархъ—это хорошо. Англичане, неаполитанцы. А ежели ста-

[1]) Точки въ подлинникѣ.

нетъ, то они ихъ задавятъ съ позолоченными арабами. Бонапартцевъ остатки въ Египтѣ. Одинъ вѣрный десантъ съ осторожностью, разумомъ буде потребенъ противъ Лаванде, когда какая армія уже будетъ сближаться Парижу. На Франшъ-Конте лучше австрійцы, баварцы и швейцарцы и пр. до 80.000; но главнѣе сей австро-россіянѣ до 100.000 чрезъ Добринѣ (?) съ возвращеннымъ туринскимъ депотомъ.

Обнимаю васъ съ совершеннымъ почтеніемъ.

12.

17-го декабря 1799 г. Прага.

Вотъ, милостивый государь мой, Степанъ Алексѣевичъ, весь планъ къ скорому достиженію конца военной бури. Б(аронъ) Тугутъ, какъ не Марсовъ сынъ можетъ ли постигнуть? что по его намѣренію арміи будутъ мертвый капиталъ и только подвержены опасностямъ разрыва кордоновъ, какъ отъ Тріеста до Хотина и слечно (?) недавно Цюрихскаго, хотя бы надъ ними былъ и общій главный начальникъ. Мнѣ жъ лучше смерть, нежели дефенсивъ... [1]) и поздно семидесятилѣтнему педантической методикѣ учиться. О жертвѣ россіянъ по швейцарскому для Голландіи, Спасителя ради, не помышляйте! Б(арону) Тугуту по приличеству и мудрости вашей все это можете казать, но, и почерпать въ объясненіяхъ изъ настоящихъ или прежнихъ моихъ замѣчаніевъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнѣйшій слуга.

13.

18-го декабря 1799 г. Прага.

Письмо вашего превосходительства отъ 12-го (23-го) декабря я получилъ съ приложеніями. Благодаря за содержаніе оныхъ прилагаю здѣсь письмо мое къ графу Феодору Васильевичу (Ростопчину) и другія мои примѣчанія, которыя объясняютъ образъ моихъ мыслей по настоящему положенію дѣлъ, а потому и не распространяюсь далѣе. Пребываю въ прочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ.

Письмо А. В. Суворова—графу Ѳ. В. Ростопчину.

17-го декабря 1799 г. Прага.

Мое честолюбіе одно: отдать скоро отвѣтъ предъ престоломъ Всемогущаго о моей вѣрности великому монарху, какъ смертная утварь его попеченія о монархахъ и свѣтскихъ правленіяхъ.

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

Министръ при иностранномъ дворѣ долженъ быть ему пріятенъ, часто долгой будетъ ему преданъ А. предвидя событія Б. вліянія, интересы часомыслія. Германія одинъ братъ Римскому императору, котораго высочайшему дому отъ времени исхода вѣка я честно служилъ; другой менѣе свѣдущъ о высочайшихъ правилахъ мыслить могутъ простительно какъ и В-й слѣдуя недальновидности Тугута, жертвуя однимъ человѣкомъ, жертвующимъ себя законамъ своего государя.

Союзъ между двумя высочайшими дворами долженъ быть сохраненъ 1.000 лѣтъ, хотя 100 лѣтъ говоритъ Темистоклъ. Нота Тугута красна для дому, а не домовъ. Отвѣтъ кратокъ, какъ есть истинно и полонъ разсудка. Пребудьте россіянинъ до конца моего.

О недостаткѣ въ нѣмецкой землѣ провіанту грезитъ Тугутъ, найдемъ его во Франціи. Содрагаюсь, чего ради мы его въ сей дружеской землѣ уже не имѣемъ чрезъ Туринъ; и башни Мантуи съ иными сзади упавши въ свое время насъ бы не завалили, хотя бы Пьемонтской арміи по несчастью и не случилось. В(еликобританцы) герои на океанахъ, невѣжды на сухомъ пути. Великодушные англичане думаютъ, что и я взъѣхавъ на декъ на буцефалѣ могу свѣтъ завоевать; иное варварскій каремандель, иное малодіаметреные острова, они помнятъ Филадельфію. Одинъ десантъ вѣрнѣе когда пойдемъ къ Парижу для Лавандеи, ежели сіи вѣрноподданные пожелаютъ слѣдовать туда жъ, хотя въ нихъ тогда мало нужды. Остужено королевство французское поступкою съ Пьемонтомъ, вдвое работы, коли не времени, но не затруднительно. Австро-Россіяне чрезъ Гренобль, австрійцы на Франшконте освободя Швейцарію и заградя внутренности. Хотя бы и затугутили или нѣчто по правиламъ вѣка—это секондеръ, нынѣ Италія наша!

По сказкѣ вѣнской не мыслите отсюда прорывать россіянъ въ Голландію на образъ Швейцаріи и тяжелѣе. Пройдите вѣки и слабый непріятель атакованный въ разныхъ пунктахъ, бросаясь на части всегда побѣждалъ, чрезъ Брестъ на Прагу, Варшаву. Всѣ отовсюду стекаются на защищеніе капитала, то жъ будетъ изъ Голландіи; гдѣ коли охота будетъ сбунтуютъ. На Атеевъ благослови Господь Богъ!

Сіе на отзывъ Ст. Ал. Колы(чева) отъ 12-го (23-го) декабря.

Тугутъ не имѣетъ права дѣлать военный планъ, такъ какъ я не смыслю министерскаго. Мнѣ въ послѣднихъ лучше можно вѣрить Карла IX и Бонапарта. Всѣ основанія невѣжественныя совы министра Тугута въ понятіи дефенсивы, какъ милаго гнѣзда, чѣмъ онъ ссылаясь на несчастіе, а не на разумѣніе потерялъ Нидерланды и терялъ Италію, теряя Вѣну въ одномъ титлѣ защиты наслѣдственныхъ земель. Ужъ сей подъячій разумѣть хочетъ фланги арміи, когда едва знаетъ выходъ

изъ своей меланхолической кельи. Я его иныя дарованія надлежащія его званію почитать могу, но не военныя. Вы найдете, что я никогда не послѣдовалъ общимъ правиламъ и всѣмъ сего вѣка, даже въ началѣ моего военно-служенія въ Прусскую войну, гдѣ самолюбіе, корыстолюбіе, самоблюденіе, любочестіе, безотвѣтствіе съ министрами спрашивались. Тугутова диверсія—сигналъ къ дессантамъ прорывъ швейцарскій въ Нидерланды. Отъ того только оборона австрійскихъ земель, что при открытіи сей кампаніи стоило для одного Тироля, больше нежели для всей Италіи. Не перомъ побѣдить Парижъ! и двусмысленный вое-министръ чтобъ бить въ главный пунктъ постигнетъ развѣ въ лѣто антихриста.

Диверсіи, контрмарши, демонстраціи, особливо, послѣдняя желузія Эрцъ-Герцога Карла суть ребячьи игрушки, мнѣ постыдны.

Примѣчаніе: У Ст. Ал. Кол. армія россійская на правомъ крылѣ австрійскихъ арміевъ. Опять тавлейная доска. Но Австро-россіяне пропущены, междоусобной помощи нѣтъ. Всякой на себя и мнѣ сплошь на произволѣ юнаго Эрцъ-Герцога Карла, хотя моего друга Меласа, иныхъ 31-го унтеръ кунфтовъ, старшаго нѣтъ, хотя я всѣхъ старѣе; кромѣ самолюбія и искусство невольникомъ Гофкригсрата.

14.

18-го декабря 1799 г. Прага.

По силѣ почтеннѣйшаго вашего превосходительства отъ 12-го (23-го) декабря отзыва, по внушенію барона Тугута послѣдовавшаго, увѣдомляю, что корпусъ принца Конде, будучи малолюденъ, вышелъ уже изъ Баваріи и здѣсь въ предѣлахъ австрійскихъ располагается съ прочими войсками обширно.

Пребываю въ прочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ.

III.

Письма Суворова къ разнымъ лицамъ.

1.

Письмо А. В. Суворова—князю Потемкину-Таврическому.

1-го марта 1799 г. Козловъ.

Вашей свѣтлостью вновь являемыя мнѣ милости превосходятъ всячески мои силы и чувствованія достодолжной благодарности. Позвольте

свѣтлѣйшій князь, посвятить остатки моей жизни къ прославленію столь безпредѣльныхъ благодѣяній вашихъ и пребыть съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

2.

Письмо А. В. Суворова—Ивану Алексѣевичу (?) [1]).

3-го мая 1780 г. Астрахань.

Христосъ воскресе!

Спаситель нашъ да благословитъ васъ на все благое, поздравляю васъ съ сими празднествами.

Дружеское ваше письмо отъ 2-го апрѣля съ благодарностью моею получилъ.

По довершеніи знатной части происшествія на основаніи правилъ святыхъ отецъ: разрѣшеніемъ архипастырскимъ обновилъ я бракъ, и супруга моя Варвара Ивановна свидѣтельствуетъ вамъ ея почтеніе. Но скверной клятвопреступникъ да будетъ казненъ по строгости духовныхъ и свѣтскихъ законовъ, для потомственнаго примѣра и страшнаго образца какъ бы я въ моей душѣ ему то наказаніе ни умѣрилъ, чему развѣ по знатномъ времени полное его раскаянье нѣчто пособить можетъ. Прости, мой вѣрный другъ, всегда съ истиннымъ почтеніемъ.

3.

Собственноручное письмо Суворова—Василію Степановичу Попову [2]).

24-го января 1788 г. Кинбурнъ.

Дружеское письмо вашего высокородія отъ 16-го числа сего мѣсяца имѣлъ честь (получить), за оное и благодѣянія ваши покор-

---

[1]) По поводу несогласій Суворова съ женою и желанія его развестись съ нею см. соч. А. Ѳ. Петрушевскаго „Генералиссимусъ князь Суворовъ“ изданіе 2-е стр. 172. Въ сентябрѣ 1779 года Суворовъ уличивъ свою супругу въ невѣрности, подалъ прошеніе о разводѣ, но вѣроятно по совѣту родственниковъ рѣшился помириться. Въ это время Суворовъ находился въ Астрахани и супруга его пріѣхала къ нему изъ Москвы. Какъ человѣкъ искренно-религіозный—Суворовъ въ примиреніи съ женою прибѣгнулъ къ посредничеству церкви. По заранѣе сдѣланному соглашенію—говоритъ А. Петрушевскій, онъ явился въ церковь одного изъ пригородныхъ селъ, одѣтый въ простой солдатскій мундиръ; жена его въ самомъ простомъ платьѣ, находилась тутъ и нѣсколько близкихъ имъ лицъ. Въ церкви произошло нѣчто вродѣ публичнаго покаянія; мужъ и жена обливались слезами, священникъ прочиталъ имъ разрѣшительную молитву и вслѣдъ затѣмъ отслужилъ литургію, во время которой покаявшіеся причастились св. тайнъ. Къ кому писано это письмо, намъ неизвѣстно. Срав. его съ письмомъ къ П. И. Турчанинову № 3.

[2]) Василій Степановичъ Поповъ съ 1783 года состоялъ при князѣ Г. А. Потемкинѣ и сдѣлался самымъ приближеннымъ его человѣкомъ. Съ 1787 года онъ

нѣйше благодарю. Охъ, голубчикъ, куда бы мнѣ хотѣлось, чтобы потомъ племянника Горчакова изволилъ пристроить къ себѣ: не знаю какъ онъ показался Карлу Ѳеодоровичу, ему лѣтъ 20; въ московскомъ корпусѣ выросъ больше меня; сколько знаю хорошо воспитанъ; пороковъ нѣтъ; походитъ на сестру, а она на меня, право не хуже Разумовскаго. Видите, братецъ, мнѣ не долго жить, или убьютъ или такъ умереть, да и я такъ углубленъ въ службу, что мнѣ за нимъ смотрѣть не досугъ, а у васъ истинно все хорошіе молодцы или по малой мѣрѣ мнѣ такъ кажутся. А я, сударь, вояжировалъ прытко верхомъ, только лѣвая рука худо служитъ. У насъ вышрыгнула студеная недѣля со льдомъ сегодня потеплѣе и иней. Подполковникъ Михаилъ Ю(рьевичъ) Зыбинъ будетъ у васъ, ежели можно пособите ему въ его просьбѣ. Всегда буду съ моимъ истиннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего высокородія покорнѣйшій слуга Александръ Суворовъ.

4.

Собственноручное письмо А. В. Суворова—В. С. Попову.

3-го ноября 1789 года. Берладъ.

Почтенное и дружеское письмо вашего превосходительства отъ 21-го сего октября имѣлъ честь получить. Въ возблагодарность мою, по достоинствамъ вашимъ, желаю и вамъ быть графомъ обѣихъ имперій [1]). Труды и добродѣтели ваши очистятъ вамъ путь.

Господь Богъ благоизволи бендерскимъ стѣнамъ наискорѣе паче безъ кровопролитія покориться россійскимъ орламъ, подъ мудрымъ предводительствомъ князя Григорія Александровича.

Наши военные кресты цесарцамъ портятъ статутъ ихъ крестовъ. Лучше ежели его свѣтлость изволитъ удостоить шпагами, напримѣръ, подполковника Фишера, генералъ-маіора Карачая, бывшихъ у меня съ дивизіонами, подполковника, нынѣ полковника, Гревена, маіора Матушевича и подъ Путнею и Фокшанами тогда маіоромъ подполковника Кинмейера [2]), т. е. съ полдюжины или какъ благоволитъ...

уже числился при кабинетѣ собственныхъ ея величества дѣлъ и у принятія прошеній (см. мѣсяцесловъ 1787 г.), былъ полковникомъ отъ арміи, а въ 1791 году произведенъ въ генералъ-маіоры и находился при Потемкинѣ до самой его кончины.

[1]) За сраженіе при Рымникѣ Суворовъ былъ пожалованъ графомъ. Онъ желаетъ такой же награды и Попову.

[2]) Фишеръ, Карачай, Гревенъ, Матушевичъ, Кинмейеръ — служили въ рядахъ австрійскихъ войскъ и были произведены въ слѣдующіе чины.

Высокая милость его свѣтлости да испуститъ его щедрость на моихъ любезныхъ храбрыхъ товарищей, по ихъ всеподданническимъ заслугамъ.

Господинъ Поздняковъ ѣдетъ [1]); у меня только его товарищъ Ланской; не можно ли прибавить? токмо не «не могу знать».

Бабушка штабъ-лѣкарь при смерти; докторъ отъ военнаго ужаса при Путнѣ съ водяною болѣзнію поѣхалъ за тѣмъ же въ Яссы; генералъ факультетъ не препособитъ ли въ томъ.

Обременя ваше превосходительство важностями и мелочами буду всегда съ совершеннымъ почтеніемъ.

5.

Собственноручное письмо А. Суворова—В. С. Попову.

23-го мая 1790 г. [2]).

Я въ саду,—астрея пріятная, птички поютъ. У меня Золотухинъ [3]) Служба его непорочна; должности съ трудами ихъ въ его должности замыкались и храбрость его надлежала быть ограждена не одною смѣлостію какъ часто въ частныхъ, но руководствуема искусствомъ и мужествомъ. Не смежные службѣ поступки его сколько знаю непредосудительны; только не хвалю какъ излишнее его важное пребываніе въ Москвѣ по обстоятельствамъ, солдату не отходить отъ солдата; въ тишинѣ готовиться къ разрыву; жизнь краткая, наука длинная и послѣднее откуда онъ лучше почерпнетъ какъ отъ меня, ему привязаннаго и до истиннаго мирнаго времени на что ему полкъ? Не слушайте его какъ молодаго человѣка еще гибкаго къ льстивымъ совѣтамъ безъ разбору. Будьте ему покровитель. Пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ.

6.

Письмо А. Суворова—графу Ан. Кир. Разумовскому.

23-го августа 1799 г. Асти.

Я радъ, что генералъ квартирмейстеръ маркизъ Шатлеръ обращенъ въ Вѣну. Онъ не мало здѣсь служилъ, но не меньше былъ шпіонъ Дидрихштейна.

---

[1]) Поздняковъ — генералъ-маіоръ, командовавшій всею первою линіею русскихъ войскъ въ сраженіи при Рымникѣ. (Петрушев., т. I, стр. 353).

[2]) Письмо это не имѣетъ помѣты ни дня, ни мѣсяца, но на немъ рукою Попова отмѣчено 23-го мая 1790 года.

[3]) Золотухинъ—одинъ изъ храбрыхъ полковниковъ Суворова, командовалъ впослѣдствіи Фанагорійскимъ полкомъ и во время польской войны 1793 года былъ убитъ. (См. Петрушевскій, т. II, стр. 35).

Когда вы конферируете по неистовостямъ сначала не надлежало вамъ моего имени употреблять, а по сторонѣ; оно было орудіемъ къ гоненію меня сателлитами Тугута. Сей подъячій—сова изъ своего темнаго гнѣзда, хоть опоясанъ мечемъ Скандербега, можетъ ли водить арміи; править въ полѣ мгновенно перемѣняющимися обстоятельствами? Завоеватель не можетъ быть и командующимъ безъ своихъ политическихъ правилъ, а Тугуту принадлежитъ послѣ деталь. Гиганту Тугуту своею оборонительностью потерявши Нидерланды, Швейцарію съ крѣпостями на Рейнѣ и Италію оставался одинъ Кампо-Формидо, гдѣ уклонилъ колѣно юному Бонапарте. Одною помощью Божіею, чуть я началъ дѣла исправлять, какъ онъ своею глупою военною системою давитъ меня Франціею, чрезъ каналъ эрцъ-герцога Карла. Дальнее теперь описаніе горесть моя сокращаетъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

7.

Письмо А. Суворова—графу Ѳ. В. Ростопчину.

2-го октября 1799 г. Фельдкирхенъ.

Дружескія вашего сіятельства ко мнѣ благорасположенія, изъясненныя въ письмѣ вашемъ обязываютъ меня принесть вамъ чувствительную и наискреннѣйшую признательность. Не взирая на всѣ, почти непреодолимыя трудности и опасности, вышелъ я съ храбрымъ нашимъ войскомъ изъ Италіи въ Швейцарію. Все положеніе наше обнаруживаю я всемилостивѣйшему нашему государю. Ободряемъ и оживотворяемъ будучи монаршими его неисчетными благотвореніями, которыхъ содѣлаться достойнымъ я никогда не буду въ состояніи. Возлагаю въ дальнѣйшихъ моихъ военныхъ дѣйствіяхъ все мое упованіе на милость Божію. Вы не можете мнѣ, милостивый государь мой, оказать бо̀льшей дружбы, бо̀льшаго благодѣянія, какъ увѣрять всегда его императорское величество, что всякое мое пожертвованіе и жертва самой жизни моей есть слабая дань за благотворенія, которыхъ когда-либо подданный удостоивался.

Главная теперь цѣль, при всѣхъ тѣсныхъ нашихъ обстоятельствахъ, есть та, чтобы соединиться съ Корсаковымъ, поправить испорченное сколько обстоятельства дозволили бы, но уже дѣйствовать надежды нѣтъ. Побѣдительная армія снизошла на 10.000 пѣхоты, боса, нага. Дневной провіантъ, въ которомъ терпѣла недостатокъ, какъ и патронахъ,—чего ради, наконецъ, избѣгалъ отъ сраженія. Корсаковъ безъ палатокъ, плащей, артельныхъ и прочихъ денегъ, въ одной рубашкѣ и съ нужнымъ провіантомъ: едва у него 10.000 пѣхоты. Здѣшніе це-

сарцы до 18.000 для гарнизоновъ. Какъ я выгнанъ былъ изъ Италіи, такъ эрцъ-герцогъ Карлъ изъ Швейцаріи въ угодность французамъ для выгоднаго мира и теперь слышу, что ихъ два тайныхъ коммиссара въ Вѣнѣ. Бога ради! Тугутова сателита Дидрихштейна стерегитесь. Не имѣя на цесарцевъ надежды къ соединенію съ Корсаковымъ—40 до 60.000 Массеновыхъ препоною, что-жъ послѣ? И гдѣ спокойныя квартиры въ зиму, не на Дунаѣ-ли?.. Ворона, Миланское лучше. Сіе закрываемъ, подручны къ Меласу; тамъ мы укомплектуемся, снабдимся, оживемъ на будущую кампанію, будемъ новые герои для прославленія великаго монарха.

Злые замыслы барона Тугута, поелику они противны общему благу, меня оскорбляютъ, но я ихъ презираю. Священная же воля моего великаго государя есть для меня законъ. Послѣднее правда и святость! Но презрѣніе это было бы презрѣніемъ общаго блага. Прощайте, милостивый государь мой, я прошу васъ вѣрить, что навѣки преданность моя пребудетъ къ вамъ такъ, какъ и почтеніе мое душевно и проч.

8.

Письмо А. Суворова—Н. Ѳ. Скрипицыну [1]).

1-го декабря 1799 г. Нитенау.

О побѣдахъ и завоеваніяхъ здѣшнихъ безъ сомнѣнія вы уже извѣстны. Я нынѣ по высочайшему указу обращаюсь съ войсками въ Россію.

Дмитрію Ивановичу (Хвостову) писалъ я, чтобы онъ соболью мою шубу взялъ къ себѣ, которую прошу взять отъ Г. Н. З. [2]) и въ Петербургъ отправить.

Пребываю за тѣмъ съ истиннымъ почтеніемъ и чистосердечною дружбою.

---

[1]) Помѣщаемыя ниже два письма Суворова: къ Николаю Ѳедоровичу Скрипицыну и къ графу Ѳедору Васильевичу Ростопчину получены изъ Московскаго публичнаго Румянцовскаго музея, благодаря любезному содѣйствію, М. А. Веневитинова, за которое считаемъ долгомъ выразить ему нашу глубочайшую признательность.

Николай Ѳедоровичъ Скрипицынъ былъ московскій управляющій Суворова и давній его пріятель. (Петрушевскій, т. II, стр. 379).

[2]) Г. Н. З.—графъ Николай Зубовъ, который былъ женатъ на дочери Суворова.

9.

Письмо А. В. Суворова—графу Ѳ. В. Ростопчину [1]).

1-го января 1800 г. Прага.

Дѣятельную способность Андрея меньшаго Биллера усмотрите изъ его ноты: но вяще попеченіе и твердость Степана Ал-ча Колычова. Бельгардъ въ ожиданіи изъ Вѣны здѣсь тихъ. А Минто поѣхалъ въ Вѣну, куда къ нему будетъ Виткамъ изъ Мюнхена.

1) Если случится явная препона въ продовольствіи—то должно идти къ Вислѣ.

2) Въ Франконію, гдѣ продовольствіе хуже, не идти—выйдутъ ребячьи отъ эр.-гер. К. [2]), какъ отъ меня независимаго, швейцарскія жалузіи.

3) Ежели уже не на Дофинъ, а на Франшъ-Конте, то во Франконію прежде войти нельзя, доколѣ вѣрно 100.000-я армія къ ея полному формированію сближаться не будетъ... что̀ совершаться должно по

---

[1]) Это письмо написано Суворовымъ на пути возвращенія его въ Россію послѣ знаменитаго швейцарскаго похода, доказавшаго, что для русскаго солдата подъ начальствомъ геніальнаго полководца — невозможнаго не существуетъ. Суворовъ, ожидая приказаній своего императора, расположился на зимнія квартиры въ предѣлахъ австрійской монархіи, что очень не нравилось нашему союзнику—вѣнскому кабинету и въ особенности министру Тугуту. Для убѣжденія Суворова къ скорѣйшему выступленію изъ предѣловъ Австріи былъ посланъ изъ Вѣны графъ Бельгардъ, приверженецъ Тугута, человѣкъ заносчивый, несговорчивый и при томъ не любившій Суворова. Англійскій посолъ въ Вѣнѣ Минто и нашъ посланникъ Степанъ Алексѣевичъ Колычевъ, замѣнившій въ Вѣнѣ Разумовскаго, старались уговорить вѣнскій кабинетъ послать къ Суворову другое лицо — но безуспѣшно. Тогда самъ Минто поѣхалъ къ Суворову, чтобы исправлять то, что напортилъ Бельгардъ. Переговоры съ Суворовымъ о скорѣйшемъ удаленіи русскихъ изъ предѣловъ Австріи хотя и начались подъ предлогомъ плана новой кампаніи противъ Франціи, но не имѣли успѣха. Суворовъ отзывался невозможностью что-либо исполнить, не получивъ приказаніе императора Павла. Минто уѣхалъ въ Вѣну, а Суворовъ вскорѣ послѣ этого получилъ собственноручный рескриптъ Павла о томъ, что „обстоятельства требуютъ возвращенія арміи въ границы имперіи, ибо виды вѣнскаго двора все тѣ же, а во Франціи перемѣна... идите домой немедленно“. Получивъ этотъ рескриптъ, Суворовъ немедленно выступилъ въ походъ двумя колоннами. По выѣздѣ изъ Праги — онъ скоро захворалъ и сдалъ начальство надъ арміею Розенбергу. (Петрушевскій, т. III, стр. 312—322). Въ письмѣ къ Ростопчину Суворовъ говоритъ о планѣ будущей войны съ Франціей.

[2]) Т. е. эрцъ-герцога Карла, который во время италіанскаго похода Суворова командовалъ австрійскими войсками въ Швейцаріи и бездѣйствовалъ, къ великому неудовольствію Суворова.

малой мѣрѣ мѣсяцъ до операціи, дабы имѣть время устроить сольдовыхъ [1]) англійскихъ и ихъ бы не били какъ обыкновенно прежде.

Не родство, а святое вѣрноподданничество: Горчаковы, кн. Алексѣй мой старый ученикъ, и кн. Андрей мнѣ лучшіе помощники во многихъ должностяхъ: они всемилостивѣйше отзываются въ г-ю в. к-ю [2]) судя, что то на случай шествія нашего къ россійскимъ предѣламъ, какъ то теперь на балансѣ, и я ихъ временно оставилъ здѣсь. Тако жъ Долгоруковъ и Чубаровъ; первый отправится, второй—поѣдетъ елико ему тяжелая рана дозволитъ.

Жаль, ежели дѣло будетъ здѣсь, они хорошіе генералы.

Вѣнецъ лѣта благости своея благослови вамъ, Господи, съ ея сіятельствомъ графинею Екатериною Петровною и дражайшими дѣтьми.

Я же по мой гробъ съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

IV.

Болѣзнь, кончина и погребеніе князя Суворова.

Возвращаясь послѣ швейцарскаго похода въ предѣлы отечества, А. В. Суворовъ почувствовалъ себя больнымъ, по выѣздѣ изъ Праги и принужденъ былъ лѣчиться въ Краковѣ, гдѣ пробывъ не долго, пустился опять въ путь и слегъ окончательно въ Кобринѣ. При немъ находился маіоръ баронъ Александръ Владиміровичъ Розенъ (сынъ стариннаго пріятеля, по словамъ г. Петрушевскаго, т. III, стр. 355), совершавшій съ нимъ оба похода италіанскій и швейцарскій.

1.

Баронъ Александръ Владиміровичъ Розенъ—князю Горчакову.

„ „ февраля 1800 г. Кобринъ.

Ваше сіятельство милостивый государь князь Алексѣй Ивановичъ. Вчерашняго числа пріѣхали мы въ Кобринъ. Князь занемогъ въ Краковѣ, и для того здѣсь остановился дня на четыре. Болѣзнь его не опасная, но напротивъ къ счастію, что вода вышла наружу; по всему тѣлу

[1]) Сольдовыхъ, т. е. наемныхъ англійскихъ войскъ.

[2]) Т. е. государю великому князю.

пузыри водяные. Сіе происходитъ отъ извѣстной вамъ его привычки, которую онъ теперь по болѣзни оставилъ. Вотъ уже четыре дня, что онъ совсѣмъ ничего не ѣстъ, не пьетъ. Сегодня я уговорилъ его поѣсть супу, и докторъ позволилъ по немногу пить аглицкаго пива. Надѣюсь, что дня черезъ три въ состояніи будетъ ѣхать. Съ нимъ только Ставраковъ и я—мы безотлучно. Вы знаете, каковъ онъ здоровой, а больной вдвое таковъ; но со всѣмъ тѣмъ намъ пріятно жертвовать всѣмъ для нашего благодѣтеля и для человѣка, который есть подпора отечеству.

При семъ посылаю письмо въ Кончанскъ; покорнѣйше прошу его отправить, да приказать кончанскому дворецкому, чтобы исправить и топить покои, да чтобы было пиво, медъ вареный, баня. Все сіе князь приказалъ мнѣ вашему сіятельству отписать. Въ надеждѣ имѣть честь скоро видѣть ваше сіятельство, пребыть честь имѣю съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга баронъ Александръ Розенъ.

2.

Приказъ барона Розена дворецкому Николаю Никифорову (Ярославцеву).

20-го февраля 1800 г.

Влагая у сего полученной отъ его сіятельства князя Александра Васильевича приказъ, приказываю тебѣ, съ полученія сего, для всякаго случая исправить покои, почаще топить, также приготовить пиво, медъ и паренье.

3.

Графъ Д. И. Хвостовъ—графу Кутайсову [1]).

23-го апрѣля 1800 г. 10-ть часовъ.

Милостивый государь графъ Иванъ Павловичъ!

По поводу милостей вашего сіятельства, покорнѣйше прошу принять на себя донести государю императору, что генералиссимусъ князь

---

[1]) Графъ Кутайсовъ, Иванъ Павловичъ, плѣнный турокъ, камердинеръ при Павлѣ I, въ три года сдѣлавшійся оберъ-шталмейстеромъ, въ 1799 г. сдѣланъ барономъ, а черезъ два мѣсяца графомъ. Онъ умеръ въ 1834 году.

Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ былъ женатъ на племянницѣ Суворова, княжнѣ Аграѳенѣ Ивановнѣ Горчаковой (сестрѣ бывшаго потомъ военнаго министра)и Суворовъ, получивъ сардинское княжество, выпросилъ у короля сардинскаго для Хвостова титулъ графа (см. соч. Державина, изд. Я. К. Грота т. 2, стр. 297).

Италійской прибылъ сейчасъ въ С.-Петербургъ и остановился на моей квартирѣ [1]) весьма въ слабомъ состояніи. Впрочемъ пребыть честь имѣю съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію на всегда и проч.

4.

Графъ Д. И. Хвостовъ—с.-петербургскому архіепископу Амвросію.

6-го мая 1800 г.

По случаю кончины дяди моего князя италійскаго, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго, нужно имѣть до 20-ти или болѣе табуретовъ съ подушками для орденовъ, балдахинъ съ катафалкомъ и дрогами, два герба, что были при погребеніи князя Безбородко, и покровъ, бывшій у Льва Александровича Нарышкина; и потому покорнѣйше прошу ваше высокопреосвященство, приказать все оное отпустить въ истинную благодарность тому, который съ совершеннѣйшими къ особѣ вашей почитаніемъ и преданностію имѣетъ честь пребыть на всегда, вашего высокопреосвященства, милостиваго государя и архипастыря, всепокорнѣйшій слуга Дмитрій Хвостовъ.

5.

Графъ Д. И. Хвостовъ—графу фонъ-деръ Палену [2]).

8-го мая 1800 г.

Получилъ я свѣдѣніе о бывшей церемоніи при погребеніи графа Ивана Григорьевича Чернышева и узнавъ отъ сына его—графа Григорія Ивановича, что оная не имѣла ни траурной кареты, ни заводныхъ лошадей, то и я слѣдуя сему, уничтожилъ карету въ церемоніи князя Италійскаго; и также о лошадяхъ и о прочемъ все совершенно предалъ благоразсмотрѣнію вашего сіятельства и буду ожидать отъ васъ воли и назначенія чему и какъ быть съ стороны церемоніи домовой, и получа оную, въ то же время исполню, прося покорнѣйше дать мнѣ

---

[1]) На Крюковомъ каналѣ.

[2]) Фонъ-деръ-Паленъ,—Петръ Людовиговичъ или Александровичъ, род. 1745 г., при Екатеринѣ II, участвовалъ въ турецкихъ войнахъ и управлялъ рижскимъ намѣстничествомъ, а при Павлѣ I пользовался неограниченною его милостью, былъ с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, начальникомъ остзейскихъ провинцій, сдѣланъ графомъ въ 1799 г., членомъ Совѣта коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Послѣ кончины Павла I уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ и умеръ 1826 г.

знать и то, кто понесетъ регаліи, и также могу ли я завтра по утру, въ середу разсылать билеты для приглашенія на выносъ и погребеніе тѣла къ 10-ти часамъ утра въ пятницу, дабы сіе мое приглашеніе соотвѣтствовало высочайшей волѣ со днемъ назначенія воинской церемоніи. И покорнѣйше прошу какъ на все сіе, такъ особливо въ разсужденіи разсылки билетовъ удостоить меня увѣдомленіемъ и назначить точно день, въ который будетъ выносъ тѣла и погребеніе. А съ моей стороны къ пятницѣ все непремѣнно будетъ готово. Я пріиму сіе отъ вашего сіятельства въ собственное себѣ одолженіе и пребуду на всегда и проч.

6.

Графъ фонъ-деръ Паленъ—графу Д. И. Хвостову.

9-го мая 1800 г.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. По почтенному письму вашего превосходительства, вчерашняго числа мною полученному, на докладъ мой его императорское высочество государь цесаревичъ наслѣдникъ объявить изволилъ: 1) что государю императору благоугодно, чтобъ выносъ тѣла покойнаго дяди вашего, князя Италійскаго былъ не въ пятницу, а въ субботу, на которой день и билеты извольте разсылать; 2) церемоніалъ будетъ по воинскому уставу: назначатся маршалами два штабъ-офицера; также для несенія кавалерскихъ знаковъ и тѣла покойнаго нарядится пристойное число оберъ и унтеръ-офицеровъ. О чемъ увѣдомляя, съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга графъ фонъ-деръ Паленъ.

7.

Графъ Д. И. Хвостовъ—графу фонъ-деръ Палену.

9-го мая 1800 г.

Покорнѣйше благодаря ваше сіятельство за доставленіе мнѣ разрѣшенія о днѣ выноса тѣла покойнаго князя Италійскаго, имѣю донести, что высочайшая его императорскаго величества воля непремѣнно во всемъ исполнена будетъ; почему и пріемлю смѣлость просить васъ, приказать назначаемымъ штабъ-офицерамъ быть маршалами, ежели возможно, пріѣхать завтра, въ четвергъ по утру ко мнѣ для постановленія о необходимо нужныхъ предварительно учрежденіяхъ.

8.

Графъ Д. И. Хвостовъ—архіепископу с.-петербургскому Амвросію.

Мая 1800 г., № 341.

Государь императоръ всевысочайше указать соизволилъ мнѣ чтобъ тѣло покойнаго генералиссимуса князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго погребено было въ церкви Александро-Невскаго монастыря. Я о семъ высочайшемъ его императорскаго величества повелѣніи, извѣщая ваше преосвященство, имѣю честь впрочемъ пребыть съ совершеннѣйшими къ вамъ почитаніемъ и преданностью и проч.

9.

Графъ Д. И. Хвостовъ—архіепископу Амвросію.

11-го мая 1800 г.

Удостовѣренъ въ милости вашего высокопреосвященства, хотя уже и просилъ я васъ на выносъ и погребеніе покойнаго дядюшки моего генералиссимуса князя Италійскаго, но долгомъ моимъ почитаю чрезъ сіе покорнѣйше просить ваше высокопреосвященство отдать ему послѣдній долгъ, а мнѣ оказать истинное одолженіе пріѣхать завтра, въ субботу, по-утру въ 9 часовъ на выносъ тѣла его и потомъ на погребеніе, которое будетъ въ вашей Лаврѣ, принять на себя трудъ служить обѣдню и отпѣть покойнаго. Жительство мое я чаю вашему высокопреосвященству извѣстно. И я располагаюся, когда изъ дому вы вынесете тѣло и поѣдете въ Лавру, просить преосвященныхъ ярославскаго и псковскаго провожать оное, хотя поперемѣнно, отъ дому до самой Лавры.

10.

Форма разосланнымъ визитнымъ билетамъ.

Дѣйствительный камергеръ князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій, съ прискорбіемъ духа, сообщаетъ о кончинѣ родителя своего генералиссимуса князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго, послѣдовавшей сего мая 6-го дня во второмъ часу по полудни, и проситъ сего мая 12-го дня, въ субботу, въ 9 часовъ утра на выносъ тѣла его и на погребеніе того же дня въ Александро-Невскій монастырь.

11.

Въ церемоніи—выноса тѣла изъ дома Хвостова и въ слѣдованіи къ Невской Лаврѣ, участвовало почти все духовенство столичныхъ соборовъ и церквей, даже частныхъ; одни—большая часть, по приглашенію; другіе—по собственному желанію. Здѣсь были:

3 архіепископа: с.-петербургскій Амвросій, ярославскій—Павелъ и псковскій—Ириней.

5 архимандритовъ: Михаилъ—членъ Синода, ректоръ духовной Академіи—Амвросій, префектъ Академіи—Евгеній, нѣжинскій—Даніилъ и пустынскій—Веніаминъ.

12 протоіереевъ, въ томъ числѣ духовникъ его величества Исидоръ.

2 іеромонаха.

66 придворныхъ и городскихъ священниковъ.

40 протодьяконовъ, іеродьяконовъ и дьяконовъ.

4 хора пѣвчихъ—придворные, невскіе, ярославскаго и псковскаго подворій, и болѣе

90 псаломщиковъ, дьячковъ и прочихъ служителей.

Духовенству было роздано до трехъ тысячъ рублей. Архіепископъ Амвросій получилъ 500 р., архіепископъ Павелъ подарокъ въ 350 р. вмѣсто денегъ (300 р.), отъ которыхъ онъ отказался; архіепископъ Ириней 250 р., причтъ Никольскаго собора, совершавшій домовыя службы, 425 р. Кромѣ этого сдѣланъ вкладъ въ Лавру въ 1.800 р., роздано нищимъ 650 р. Весь расходъ по преданію землѣ тѣла генералиссимуса обошелся князю Аркадію Александровичу Суворову въ 16.050 р. 39 к. [1]).

12.

Графъ Д. И. Хвостовъ—къ оберъ-церемоніймейстеру графу Юрію Александровичу Головкину.

Доставленный ко мнѣ обратно отъ вашего сіятельства чрезъ г. Дольскаго, высочайшій его императорскаго величества портретъ, пожалованный покойному генералиссимусу, князю Италійскому для ношенія на груди, я имѣлъ счастье получить съ тѣмъ, чтобъ живописное его императорскаго величества изображеніе возвратить снова ко двору.

---

[1]) Отчеты надв. сов. Вас. Ѳед. Мерошкина—Хвостову и самого Хвостова—князю Аркадію Суворову.

Князь Аркадій Александровичъ, такъ же и я пріемля съ вѣрноподданническимъ благоговѣніемъ сію высочайшую императорскую милость, за долгъ себѣ поставляемъ просить ваше сіятельство принять на себя трудъ, до вожделѣннѣйшаго времени, когда удостоимся сами пасть къ освященнѣйшимъ его императорскаго величества стопамъ, принесть за сіе всеподданнѣйшее отъ князя Италійскаго и меня благодареніе.

Я у сего прилагаю къ вашему сіятельству, по желанію сына и наслѣдника покойнаго, высочайшій портретъ, такъ какъ онъ былъ, и жезлъ, покойному въ 1794 году пожалованный. Но съ благодѣянія вашего сіятельства, за долгъ почитаю покорнѣйше просить, не соблаговолите ли ихъ поднесть государю императору и при томъ донести, что ежели его императорское величество удостоитъ ихъ принятіемъ, (то) князь Аркадій Александровичъ, всякое за оные пожалованіе, сочтетъ за высочайшую и особенную монаршую милость.

13.

Графъ Д. И. Хвостовъ—Д. С. Бортнянскому [1]).

19-го мая 1800 г.

Покорнѣйше благодарю васъ за сдѣланную вами честь князю Италійскому, графу Аркадію Александровичу Суворову-Рымникскому, равно и мнѣ, присылкою на погребеніе покойнаго дяди моего генералиссимуса князя Италійскаго, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго, придворныхъ пѣвчихъ, которымъ прошу васъ, милостивый государь мой, принять на себя трудъ, отправленные при семъ чрезъ почту [2]) деньги 250 рублей, приказать раздать и меня о полученіи и о раздачѣ оныхъ пожаловать увѣдомить.

14.

Д. С. Бортнянскій—графу Д. И. Хвостову.

24-го мая 1800 г. Павловскъ.

Послѣдней долгъ хора придворныхъ пѣвчихъ на погребеніе покойнаго князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго, исполненъ по соизволенію его императорскаго величества, слѣдственно и благодарность не

---

[1]) Бортнянскій, Дмитрій Степановичъ, былъ деректоромъ придворной пѣвческой капеллы.

[2]) Бортнянскій жилъ въ Павловскѣ.

*

намъ, но ему довлѣетъ; но какъ уже его сіятельство князь Аркадій Александровичъ и вы, милостивый государь, заблагоразсудили показать признательность вашу имъ присылкою 250-ти рублей, то оные пріемлютъ они съ покорнѣйшею благодарностью.

15.

Графъ Д. И. Хвостовъ—графу Ѳ. В. Ростопчину.

Мая 20-го дня 1800 г.

Участіе вашего сіятельства въ покойномъ князѣ Александрѣ Васильевичѣ, служайщее къ чести сего безсмертнаго героя, не можетъ быть нечувствительно его роднымъ. Пользуясь симъ, столько лестнымъ для меня правомъ, пріемлю смѣлость принести всепокорнѣйшую благодарность вашему сіятельству, оставшуюся на вѣкъ въ сердцѣ преданномъ покойному князю Италійскому, и просить васъ удостоить и меня впредь о продолженіи благорасположенія вашего.

16.

Исторія о свѣтлости князя Суворова.

(Записка Хвостова) [1]).

Въ нѣмецкой имперіи всѣ князья удѣльные и какъ они всѣ принцы крови, то неминуемо получаютъ титулъ свѣтлости, и даже нашего князя Алексѣя Ивановича и прочихъ титулуютъ altesse—свѣтлость, по соображенію, что князь ежели и не владѣтельный, то происходитъ отъ владѣтельнаго.

Въ бывшее царствованіе, о всѣхъ получившихъ титулъ княжескій отъ римскаго императора нигдѣ не сказано, чтобъ имъ титуловаться свѣтлостями, а въ угодность сихъ случайно-знатныхъ, по примѣру нѣмецкому, употреблялось такъ, что и въ присутственныхъ мѣстахъ и въ адрессъ-календаряхъ сей титулъ имъ придавался.

Нынѣ царствующій императоръ (Павелъ) пожаловавъ покойнаго канцлера, графа Безбородко въ россійскіе князья, присовокупилъ: «съ титуломъ свѣтлости».

Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Лопухинъ три мѣсяца послѣ пожалованія своего не пользовался титуломъ свѣтлости, доколѣ на сіе не послѣдовало особаго высочайшаго указа.

---

[1]) Когда составлена эта записка, намъ неизвѣстно.

По всемилостивѣйшемъ пожалованіи графа Суворова въ князья и прочтеніи манифеста, государь императоръ изволилъ мнѣ указать, чтобъ я шелъ къ нему и ежели хочу, писалъ бы письмо къ новому князю, ибо ту минуту отправляется курьеръ. Я соображаясь пожалованію князя Безбородко и князя Лопухина, между собою различному, титуловалъ дядюшку сіятельствомъ, что почти безпрерывно и продолжалъ, хотя здѣшній почтъ-директоръ удостовѣрялъ меня, что въ высочайшихъ рескриптахъ онъ титулуется свѣтлостью.

Генералъ-прокуроръ Беклешовъ, въ приватномъ разговорѣ за обѣдомъ, сказывалъ мнѣ, около исхода октября, что въ самую минуту пожалованія онъ докладывалъ государю: какой титулъ князю Италійскому приписать? и получилъ отвѣтъ—сіятельства, на что и промолвилъ мнѣ шуткой: «наше дѣло прокурорское».

Нынѣ же государственная Военная коллегія, сдѣлавъ по высочайшему указу титулъ полный генералиссимусу и соображаясь въ оном титулу покойнаго князя Меншикова, который былъ свѣтлость, титуловала и князя Италійскаго свѣтлостью и поднесла на утвержденіе.

Государь императоръ сей титулъ конфирмовалъ во всѣхъ частяхъ, но за свѣтлость Ламбу попенялъ, и вотъ отчего вышло генералъ-прокурорское отношеніе къ Маслову, ибо ему и приказано было во всѣ команды сію высочайшую волю дать знать.

До генералиссимуса сіе лично не относится, а я слышалъ сегодня, будто уже ему готовятъ грамоту съ титуломъ свѣтлости.

Сдача графомъ Аракчеевымъ должности военнаго министра.

Письмо гр. Аракчеева—М. Б. Барклаю-де-Толли.

26-го января 1810 г. № 13.

При вступленіи моемъ въ управленіе военнымъ министерствомъ не нашелъ я ни одного исправнаго ружья во всѣхъ мѣстахъ коммиссаріатскаго вѣдомства и нигдѣ по военному департаменту никакого оному запаса.

Запасъ въ оружіи во всякое время составляетъ въ государствѣ весьма важную потребность, а потому наиболѣе въ военное тогда время эта часть обратила на себя особо мое вниманіе. И для того, по волѣ государя императора образовалъ я сію часть подъ собственно своимъ распоряженіемъ, поручивъ относящіяся по оной при мнѣ дѣла генералъ-маіору Бухмейеру и адъютанту моему штабсъ-капитану Вельяминову; письменныя же дѣла подписываемы были мною.

Сколько состоитъ теперь по главнѣйшимъ только мѣстамъ въ запасѣ годнаго на лицо оружія препровождаю у сего къ вамъ, милостивый государь мой, съ адъютантомъ Вельяминовымъ вѣдомость, который, за отсутствіемъ генералъ-маіора Бухмейера, можетъ объяснить вамъ о всѣхъ прочихъ производимыхъ по сей части дѣлахъ и доставить по онымъ всѣ нужныя свѣдѣнія, а есть ли угодно вамъ его оставить и при себѣ до пріѣзда генералъ-маіора Бухмейера, то я рекомендую его какъ исправнаго офицера. Сколь же скоро пріѣдетъ генералъ-маіоръ Бухмейеръ, то онъ немедленно явится къ вашему высокопревосходительству лично.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и проч.

Суворовскій иконостасъ.

Полковникъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Павелъ Дмитріевичъ Нечаевъ принимая, въ 1891 году, 136-й пѣхотный Таганрогскій полкъ, стоявшій въ Новомосковскѣ, Екатеринославской губерніи, замѣтилъ, что окна въ полковой церкви (мазанкѣ), въ верхнемъ ярусѣ, чѣмъ-то заставлены. Приказавъ снять заставку, Нечаевъ увидѣлъ, что она представляетъ деревянныя рамы, обтянутыя полотномъ, мѣстами прорваннымъ, прожженнымъ, испачканнымъ и потемнѣвшимъ до такой степени, что, съ перваго раза, трудно было опредѣлить первоначальное назначеніе находки. По внимательномъ разсмотрѣніи полотна, на немъ оказались слѣды какихъ-то живописныхъ изображеній. Подъ личнымъ наблюденіемъ Нечаева, полотно осторожно и поверхностно освобождено было отъ грязи, копоти и слоевъ пыли, послѣ чего оказалось, что находка—старый церковный Суворовскій иконостасъ, въ чемъ убѣждаетъ слѣдующая на немъ подпись, приводимая нами съ сохраненіемъ подлиннаго правописанія:

(подъ иконой Св. Стефана):
ОСВЯЩЕНЪ ХРАМЪ, СЕЙ, ВЪ ПРИСУДСТВІЙ
(подъ иконою Божьей Матери):
ГЕНЕРЯЛЯ, АНШЕФЯ, ЙКАВАЛЕРА, ГРАФА,
(подъ иконою Спасителя):
ОЛЕКСАНДРА ВАСЙЛЬЕВИЧА СУВОРОВА,
(подъ иконою Успенія Пр. Богородицы):
РЙМЙКСКАГО, 1794, ГОДА, АВГУСТА, 4, ДНЯ, ПРИНЕМЕРОВЪ [1]).

Впослѣдствіи, по справкѣ, дознались, что Таганрогскій полкъ получилъ этотъ иконостасъ изъ кременчугскаго вещеваго склада, при своемъ

[1]) При Немировѣ?

сформированіи, въ 1863 году. Сознавая важное историческое значеніе Суворовскаго иконостаса, полковникъ Нечаевъ положилъ возстановить его. При посредствѣ протоіерея Петербургскаго Сергіевскаго собора, о. Александра Соколова, испрошено было у протопресвитера Желобовскаго разрѣшеніе израсходовать нѣкоторую сумму на возобновленіе иконостаса. Затѣмъ, чрезъ того же протоіерея Соколова, происходило сношеніе съ академіею художествъ, и художники, братья Сидоровы, за 600 р., взялись реставрировать иконостасъ. По отзыву Сидоровыхъ, живопись иконостаса италіанская, хотя и не первостепенныхъ художниковъ, но замѣчательна по особой яркости и прочности красокъ. Возстановленный въ своемъ первоначальномъ видѣ братьями Сидоровыми иконостасъ освященъ и занялъ подобающее ему мѣсто въ таганрогской полковой церкви.

Желательно бы знать: для какой войсковой части первоначально заведенъ былъ Суворовскій иконостасъ, и при какихъ обстоятельствахъ совершилось его освященіе. Вѣроятно почитатели генералиссимуса не преминутъ заняться этимъ дѣломъ.

Подполковникъ **П. Вышеславцевъ.**

Двѣ старинныя пѣсни о подвигахъ А. В. Суворова.

Въ архивѣ Главнаго штаба сохранилась старинная рукопись, содержащая въ себѣ двѣ пѣсни о военныхъ дѣйствіяхъ генералиссимуса князя А. В. Суворова на Рымникѣ и подъ Измаиломъ. Насколько намъ извѣстно, пѣсни эти въ существующихъ Суворовскихъ сборникахъ не помѣщены. Въ виду несомнѣннаго историческаго интереса, который представляютъ онѣ, мы предлагаемъ ихъ вниманію читателей „Русской Старины".

Г. Э. Кудлингъ.

1.

Пѣсня рымникская.

Возвышайся, россовъ слава,
Веселися, нашъ герой;
Намъ труды съ тобой—забава
И побѣда—каждый бой.
И друзья здѣсь наши съ нами:
Кобургъ—принцъ, цесарцы съ нимъ;
Общей силой и сердцами
Иль умремъ, иль побѣдимъ.
Войско двинулось въ порядкѣ,
Раздается барабанъ;
Спѣшатъ съ жадностію къ схваткѣ,
Разить дерзкихъ басурманъ.
Визирь съ гордостью взираетъ,
Тьмою войскъ бывъ окруженъ,
Число мало презираетъ,
А геройствомъ раздраженъ.

Съ бугровъ громъ пущалъ напрасно,
Сыпавъ ядра и картечь,
Намъ ничто то не ужасно,
Намъ не страшенъ твой и мечъ.
Руки сильной гренадерской,
Не удержитъ янычаръ,
И наѣзднікъ самый дерзкій
Лишь въ сердцахъ удвоитъ жаръ.
Число мало, но въ устройствѣ,—
И великій генералъ...
Какъ равняться вамъ въ геройствѣ,
Коль Суворовъ приказалъ?
Грудью гордой вашъ станъ сшибли,
Все разсыпали какъ прахъ;
Что ни встрѣтили—расшибли;
Дерзкихъ вздняли на штыкахъ.
И цесарцы вслѣдъ за нами
Смерть ужасную несутъ,
Общей силой и сердцами
Разятъ, колютъ, рѣжутъ, жмутъ.
Россовъ важность тутъ познали:
Все смутившися бѣжитъ,
Духъ и силы потеряли,
Все у нашихъ ногъ лежитъ.
Казаки, карабинеры,
Гренадеры и стрѣлки—
Всякій на свои манеры
Вьютъ Суворову вѣнки.
Но примите жъ съ нѣжнымъ сердцемъ,
Онъ васъ въ лавры парядилъ.
Вы рукою, онъ искусствомъ
Враговъ сильныхъ побѣдилъ.
Рымникъ долго помнить будетъ
Чѣмъ въ сентябрь былъ загаженъ,
И визирь не позабудетъ
До нево (?) какъ провожденъ.
А мы, чувствуя и вспомнивъ
Какъ мы съ лаврами пошли,
Въ полѣ храбро долгъ исполнивъ,
Въ станъ добычу понесли.

2.

Пѣсня Измаильская.

Тучи темны, тучи грозны по поднебесью текутъ—
Наши храбры гренадеры къ Измаилову идутъ.
Идучи поспѣшнымъ маршемъ, межъ собою говорили:

„Намъ не страшенъ Измаилъ,—визиря мы побѣдили.
„Графъ Суворовъ когда съ нами, то и смерть намъ не страшна;
„Онъ отецъ намъ всѣмъ солдатамъ; съ нимъ и служба намъ красна".

Князь Потемкинъ прислалъ ордеръ—Измаилъ ему чтобъ взять:
„Докажи свое искусство, ты привыкъ ужъ побѣждать.
„Я надѣюся на Бога и на храбрость на твою;
„Для отечества, царицы не щадилъ ты жизнь свою".

Графъ, тотъ ордеръ получивши, все къ походу учредилъ.
Изъ Галацъ онъ въ ночь поѣхавъ, утромъ сталъ подъ Измаилъ.
На другой день войска ставилъ вокругъ города всего,
А поставивши отправилъ къ сераскиръ-пашѣ письмо—
Чтобъ, не тратя силы войска, крѣпость отдалъ бы онъ намъ,
Иль за дерзкую упорность страдать долженъ будетъ самъ.

Сераскиръ, то прочитавши сидя, гордо отвѣчалъ,
Что скорѣй онъ жизнь окончитъ, нежель городъ бы отдалъ:
„У кого сабля острѣе,—тотъ имъ будетъ обладать;
„Вы придите-ка къ намъ штурмомъ, а мы будемъ отражать".

Графъ Суворовъ, получивши буйно-дерзкій сей отвѣтъ,
Генераловъ тотчасъ собралъ на воинскій онъ совѣтъ;
Объявилъ имъ свои мысли, что намѣренъ штурмомъ брать,
Генералы подписались за царицу умирать.

Какъ совѣтъ тѣмъ окончался, графъ порядокъ учреждалъ;
Съ батарей со всѣхъ и съ флота стрѣлять скоро приказалъ.
Бомбы, ядра къ нимъ пущая, крѣпость тѣмъ чтобы вредить,
Палисады, батареи непріятельскія сбить.
Къ штурму войско все готовя, самъ колонны росписалъ,
Генераламъ всѣмъ команду по порядку назначалъ:
Крыло право—три колонны онъ Потемкину вручилъ,
А Самойловъ въ крылѣ лѣвомъ тожъ въ команду получилъ.

Ахъ, какъ первою колонной предводительствовалъ Львовъ!
Со второй колонной Ласси идти на стѣну готовъ.
А надъ третьею колонной Мекнопъ команду имѣлъ.
Бригадиръ Орловъ съ четвертой, Платовъ съ пятой къ стѣнѣ шелъ;
Не солдаты въ сихъ двухъ были, а донскіе казаки;
Пики такъ же остры были, какъ ружейные штыки.
Генералъ графъ Безбородко имъ двумъ главный командиръ,
А Кутузовъ надъ шестою колонной начальникомъ былъ.
Генералъ-маіоръ Де-Рибасъ три колонны съ фаста(?) велъ,
А Чепега со второю, Марковъ съ третьею идутъ;
Партизаны арнаутовъ также на стѣны ведутъ.

Какъ порядокъ учредился и ракета въ верхъ летитъ—
Командиры и все войско въ крѣпость черезъ ровъ спѣшитъ.
Турки видятъ, что настало время страшное теперь,
Принимался всякъ за брони и бѣжитъ къ стѣнѣ какъ звѣрь.
Защищая храбро городъ, пули, ядра тутъ летятъ,
Такъ какъ градъ—межъ насъ картечи, смерть неся, вездѣ свистятъ;
Но мы все сіе презрѣвши, исполняя долгъ, пошли;
Стѣны кровью обагривши, во внутрь крѣпости вошли.

Тутъ мы тьму враговъ узрѣли, коя варварствомъ кипитъ,—
Всякій съ саблею стремится на штыкѣ къ намъ, чтобъ насъ разить.

Страшный бой сей продолжался шесть часовъ въ трудахъ, въ бою:
Турки гибнутъ и валятся,—льютъ рѣкою кровь свою.
Крѣпость множествомъ тѣлами загрузилась басурманъ,
А оставшіе кричали къ намъ: „аманъ, аманъ, аманъ“.

Слава матушкѣ-царицѣ, слава вождю, слава намъ:
Измаилъ, съ стѣнами, съ войскомъ, палъ теперь къ ея стопамъ...
Прославляй россовъ, Суворовъ, намъ брать царь-городъ пора.
Съ радостью тебѣ воскликнемъ всѣ: „ура, ура, ура!“

Письмо М. А. Милорадовича—Павлу Андреевичу Сафонову о положеніи дѣлъ въ Валахіи.

26-го іюля 1810 г., Кіевъ.

Ты ужъ, конечно, извѣстенъ, что съ самаго начала нахожденія моего въ Валахіи, князь Ипсиланти, полагая меня противу себя, старался всячески мнѣ вредить, и интриги, производимыя его партіею, извѣстны, и, наконецъ, успѣли оклеветать Филипеско, который былъ противу Ипсиланти, и котораго я сколько могъ защищалъ, узнавъ его невинность. Филипеско нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ высланъ въ Россію, съ цѣлымъ своимъ семействомъ. Непріятели его отрѣшенные прежде покойнымъ фельдмаршаломъ за грабительство отъ мѣстъ паки оные получили. Извѣстный Безакъ публичнымъ почти образомъ взялъ за сіе 36.000 червонныхъ. Между тѣмъ, прибылъ я въ Кіевъ и, къ удивленію моему, получилъ нѣсколько прошеній отъ одного бывшаго полковника войскъ князя Ипсиланти, и другаго грека, служащаго при немъ. Онѣ, по требованію князя Ипсиланти, подъ судомъ, по подозрѣнію на жену полковника въ кражѣ вещей княгини. Но увѣряютъ, что князь желаетъ ихъ только погубить, дабы закрыть всѣ интриги свои, въ кои онъ ихъ употреблялъ. И въ прошеніяхъ своихъ описываютъ подробно все подспудные подыски, которые въ Валахіи были гласны и коихъ я самъ свидѣтель. Получа сіи прошенія, былъ я въ большомъ затрудненіи, что̀ съ ними дѣлать, ибо легко можно было подумать, что я по одной личности оные представляю, но, наконецъ, рѣшилъ: прошенія оффиціально представить графу Румянцеву, такъ сіе слѣдуетъ по моей обязанности. А между тѣмъ, пользуясь симъ случаемъ, пишу къ нему письмо, прося его облегчить судьбу Филипеско, исходатайствовавъ ему позволеніе жить въ Россіи, гдѣ онъ хочетъ, ибо онъ теперь содержится какъ преступникъ, и графъ Ланжеронъ, другъ непріятелей его, приставилъ къ нему своихъ адъютантовъ, которые жестоко съ нимъ обращаются. Я, бывъ совершенно увѣренъ

въ его невинности, прошу также, что лучше сдѣлать слѣдствіе, тогда бы истина открылась и несправедливости бы не было. Я, знавъ сколь графъ Румянцевъ занятъ дѣлами, легко себѣ воображаю, что не будетъ ему времени заняться всѣми сими дѣлами, а по сему, желая спасти невинностраждущихъ и опровергнуть всѣ дѣйствія самыхъ зловредныхъ людей, обращаюсь къ тебѣ, любезнѣйшій другъ мой, и вотъ въ чемъ моя къ тебѣ просьба: приложенныя здѣсь мое донесеніе и партикулярное письмо вручи самъ графу Румянцеву, попроси его взять участіе въ томъ, о чемъ я къ нему пишу. Попроси его, чтобы онъ доложилъ о письмѣ моемъ государю императору, назначилъ бы желаемое мною слѣдствіе для открытія всей истины и почтилъ бы меня скорѣйшимъ отвѣтомъ, что онъ по сему предпринялъ, дабы меня успокоилъ. Я протежировалъ Филипеско, видя важные услуги, которые онъ нашей арміи дѣлалъ, но не могъ преодолѣть сильной партіи непріятелей его, дѣйствующей деньгами. Но безчестно было бы, знавъ невинность Филипеско, оставить его въ несчастіи. Ты болѣе другихъ меня знаешь, я бы не пожалѣлъ сестры своей, которую столь много люблю, на пользу службы, но готовъ также жертвовать самимъ собою для спасенія невинности, ибо самая основательная слава состоитъ въ томъ, дабы быть истинно честнымъ человѣкомъ, особливо же въ нашемъ вѣкѣ, гдѣ нравственность, очевидно, уменьшается. Несмотря ни на что, я буду справедливъ, безпристрастенъ, хотя чрезъ сіе и умножу число своихъ злодѣевъ, уваженіе добрыхъ людей достаточно меня вознаградитъ.

Вѣрный твой другъ Милорадовичъ.

P. S. Напиши мнѣ что-нибудь о моей коммиссіи, — скажи Кушникову, чтобъ мнѣ также писалъ, и постарался выслать адъютанта моего, Аракчеева, изъ Петербурга, который, по слухамъ, ведетъ себя самымъ неблагопристойнымъ образомъ, скажи ему, ежели онъ тотъ же часъ не выѣдетъ, что я буду просить г. военнаго министра выслать его съ фельдъегеремъ. Ты меня чрезмѣрно много одолжишь, ежели возьмешь всѣ мои коммиссіи, которыя я Аракчееву поручилъ на себя и мнѣ доставишь, хотя чрезъ почту все, что я просилъ его искупить у Мерца и у другихъ. Отыщи, пожалуйста, полковника по квартирмейстерской части Гауса(?) [1]), онъ часто бываетъ во дворцѣ великаго князя, и попроси его написать мнѣ о дѣлѣ подробно, которое ему извѣстно.

Отдай самъ письмо графу Аракчееву—прошу тебя и пиши ко мнѣ, ради Бога.

---

[1]) Фамилію трудно разобрать

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

V [1]).

Личныя отношенія Константина Павловича къ императору Александру носили довольно своеобразный характеръ. Показанія всѣхъ современниковъ единогласно свидѣтельствуютъ, что цесаревичъ несомнѣнно любилъ своего державнаго брата, но въ то же время онъ постоянно составлялъ своего рода глухую оппозицію ему. Насколько можно судить по обнародованнымъ даннымъ, эта скрытая оппозиція особенно усилилась во вторую половину царствованія Александра, въ первые же годы по восшествіи его на престолъ она была лишена извѣстной страстности, которую пріобрѣла впослѣдствіи, и выражалась главнымъ образомъ въ несочувствіи цесаревича войнамъ, которыя велись съ наполеоновской Франціей.

Какъ извѣстно, во вторую половину царствованія Александра, правительство стало покровительствовать мистическому направленію. Представителемъ этого направленія среди правительственныхъ органовъ являлось министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія за время управленія имъ княземъ А. Н. Голицынымъ. Министерство это было названо Карамзинымъ «министерствомъ затменія», а мистическое направленіе въ обществѣ, покровительствуемое правительствомъ,— «мистической вздорологіей». Цесаревичъ, самъ принадлежавшій къ масонамъ, не сочувствовалъ этому направленію правительственныхъ сферъ и, по свидѣтельству Н. К. Шильдера, «съ неподражаемымъ юморомъ бичевалъ эти увлеченія и выражалъ въ своей перепискѣ опасенія, чтобы «не вышло у насъ, такъ сказать, moyen âge». Въ другомъ случаѣ онъ

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1900 г.

писалъ Н. М. Сипягину по поводу модныхъ въ то время увлеченій: «искренно вамъ сказать, я никакъ не могу равнодушно и безъ нѣкотораго даже состраданія слышать и читать всѣ эти разныя поповщины и распространеніе сочиненій и библейскихъ обществъ... У насъ, благодаря Бога, еще сего не завелось, и я надѣюсь, что мы съ вами не будемъ членами, и божусь вамъ, что все это меня такъ пригваждиваетъ къ столу въ моей здѣсь комнатѣ, чтобы не видать и не слыхать даже объ этихъ великихъ подвигахъ».

Какъ это ни можетъ казаться страннымъ, но Константинъ Павловичъ, при всей его страсти къ «экзерцирмейстерству» и военнымъ ученіямъ, такъ сказать ради самихъ ученій и парадовъ, находилъ возможнымъ осуждать увлеченіе по этой части императора Александра Павловича. Въ одномъ письмѣ къ Сипягину онъ выражался по этому поводу съ такою рѣзкостью, что даже просилъ сжечь это письмо, признавая его «слишкомъ откровеннымъ». По свидѣтельству Н. К. Шильдера, великаго князя въ особенности смущали затѣянныя въ Петербургѣ усовершенствованія воинскаго устава. «Бога ради, избавьте подольше меня отъ вашего комитета сочиненія воинскаго устава», писалъ цесаревичъ Н. М. Сипягину. «Я отъ двухъ вещей бѣжалъ сюда изъ Петербурга за полторы тысячи верстъ: 1) въ Мраморномъ дворцѣ пріемнаго зала и знаменной комнаты, и 2) вашего комитета; боюсь поклоновъ и шарканій и сочиненія устава такъ, что, если мнѣ сюда о немъ будете писать, то я дальше еще за полторы тысячи верстъ убѣгу». «На приказъ, отданный у васъ въ корпусѣ 30-го января, что государь императоръ изволилъ замѣтить, что гвардейскіе полки наряжаютъ для караула 1-го отдѣленія изъ другихъ баталіоновъ офицеровъ, и подтверждается, что всѣ офицеры должны равно знать службу, скажу вамъ, что нечего дивиться тому, что полковые командиры выбираютъ и однихъ и тѣхъ же посылаютъ офицеровъ въ 1-ое отдѣленіе на раздѣлку, ибо нынѣ завелась такая во фронтѣ танцовальная наука, что и толку не дашь; такъ поневолѣ пошлешь тѣхъ же самыхъ офицеровъ, точно какъ на балахъ обыкновенно увидишь прыгаютъ французскій кадриль всегда одни и тѣ же лица, пары четыре или восемь, а другіе не пускаются. Я болѣе двадцати лѣтъ служу и могу правду сказать, даже во время покойнаго государя былъ изъ первыхъ офицеровъ во фронтѣ, а нынѣ такъ перемудрили, что и не найдешься». «Читая въ запискѣ вашей объ ученьяхъ, сдѣланнымъ ошибкамъ замѣчанія, основанныя на уставѣ, скажу вамъ, что уже такъ перемудрили у насъ уставъ частыми перемѣнами, что не только затвердить оный не могутъ молодые офицеры, но и старые сдѣлаются рекрутами, и я признательно скажу вамъ, что я самъ даже на себѣ это вижу».

Насмѣшкамъ со стороны цесаревича подверглось также учрежденіе

при гвардіи учебнаго баталіона изъ людей, собранныхъ со всѣхъ полковъ, которые впослѣдствіи, вернувшись къ своимъ частямъ, должны были служить имъ образцами въ строевомъ отношеніи. По этому поводу цесаревичъ писалъ между прочимъ Сипягину: «Дивлюсь не надивлюсь, что за новый учебный баталіонъ у васъ; по-моему, кажется, изъ рукъ вонъ мелочь; хорошо сдѣлать учебный баталіонъ изъ такихъ полковъ, которые въ отдаленности, и собрать съ оныхъ людей для показанія единообразія, но изъ такихъ войскъ, которыя подъ носомъ и всегда на глазахъ—это удивительно; развѣ въ гвардейскихъ полкахъ не умѣютъ учить?—а мнѣ кажется, въ оныхъ лучше новаго учебнаго баталіона выучатъ: да я такихъ теперь мыслей о гвардіи, что ее столько учатъ и даже за десять дней приготовляютъ приказами, какъ проходить колоннами, что, вели гвардіи стать на руки ногами вверхъ, а головою внизъ и маршировать, такъ промаршируютъ, и не мудрено: какъ не научиться всему—есть у васъ въ числѣ главнокомандующихъ танцмейстеры, фехтмейстеры, пожалуй и Франкони завелся; а намъ здѣсь, сидя въ дырѣ, остается только у васъ перенимать и какъ-нибудь чтобы догонять; хотя, правда, случается и у насъ бываетъ иногда съ шумомъ и крикомъ, но, нечего дѣлать, обойтиться нельзя».

Въ другомъ письмѣ отъ 15-го (27-го) апрѣля 1817 года къ тому же Сипягину цесаревичъ писалъ: «Читавши ваши приказы, отдаваемые по гвардейскому корпусу, я не могу надивиться, что въ такомъ отмѣнномъ корпусѣ дѣлается примѣръ параду и для сего такъ аккуратно назначаются мѣста и время, какъ бы въ настоящій парадъ; слава Богу, у насъ этого нѣтъ, и наши, такъ сказать, просто вшивые поляки не знаютъ примѣрнаго парада, а когда они случаются, то безъ всякихъ особыхъ примѣровъ, и, Богъ милостивъ, скажу вамъ, удается всегда хорошо».

Не сочувствовалъ цесаревичъ и проявленію либеральныхъ воззрѣній императора Александра. Такъ, описывая торжественное открытіе перваго польскаго сейма, онъ называетъ его «piесой gratisъ». По свидѣтельству Карновича, цесаревичъ вообще относился съ пренебреженіемъ къ представительнымъ учрежденіямъ, существовавшимъ въ царствѣ Польскомъ, и очень часто обращался къ офицерамъ съ насмѣшливой угрозой, обѣщая имъ «задать конституцію».

Съ восшествіемъ на престолъ императора Николая, цесаревичъ неоднократно оказывалъ противодѣйствіе планамъ и намѣреніямъ новаго государя. Такъ, онъ воспротивился осуществленію его желанія послать польскія войска въ Турцію на помощь русскимъ войскамъ. Въ другомъ случаѣ его оппозиція выразилась въ слѣдующемъ,—какъ передаетъ Карновичъ,—императоръ Николай Павловичъ, изъ братской любви и уваженія къ старшинству, посылалъ Константину Павловичу на просмотръ всѣ важнѣйшія государственныя бумаги. Такимъ образомъ

цесаревичъ узналъ между прочимъ о предположеніяхъ Николая Павловича произвести въ Россіи преобразованія, цѣль которыхъ,—какъ писалъ А. С. Пушкинъ къ князю Вяземскому,—клонилась къ тому, чтобы оградить дворянъ отъ произвола чиновниковъ и предоставить новыя права мѣщанамъ и крестьянамъ. Проекту этому однако не сочувствовалъ Константинъ Павловичъ, и, благодаря этому, осуществленіе его затормозилось, пока, наконецъ, разыгравшіяся на западѣ революціонныя волненія не побудили Николая Павловича окончательно отказаться отъ него: въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, государь проявилъ склонность сообразоваться со взглядами цесаревича. Подобная уступчивость обратила на себя вниманіе современниковъ, и,—по словамъ графини А. Д. Блудовой,—объясняется тѣмъ, что «положеніе великаго князя и отношенія къ нему государя были такія особенныя, такія ненормальныя, что уступка желаніямъ старшаго брата была необходима».

Несмотря на уступчивость Николая Павловича, отношенія между обоими братьями постепенно охлаждались; этому много способствовала, помимо «неестественности» ихъ положенія, и крайняя подозрительность цесаревича, доходившая до того, что онъ во всемъ видѣлъ «придирки и ловушки, чтобъ вывести его изъ терпѣнія и, если можно, выжить его». Наконецъ, дѣла грозили принять такой оборотъ, что Опочининъ рѣшился представить и Николаю Павловичу и цесаревичу нѣсколько благоразумныхъ совѣтовъ. «Если,—писалъ онъ между прочимъ Константину Павловичу,—вы обоюдно будете токмо критиковать дѣйствія другъ-друга, сіе... расторгнетъ современемъ всѣ связанныя между вами существующія узы ко вреду даже государства. Вы полагаете, что вы потеряли довѣренность, братецъ также можетъ полагать, что всѣ его усилія, клонящіяся къ добру, не получаютъ вашу апробацію».

Переписка цесаревича съ Опочининымъ свидѣтельствуетъ, что причиною его неудовольствій были не личныя отношенія къ нему государя, а новые порядки, которые, вполнѣ естественно, явились вмѣстѣ съ новымъ царствованіемъ. По этому поводу цесаревичъ писалъ къ концѣ 1829 года: «Мудрено быть дѣятельнымъ и тянуться съ молодыми, коихъ правила и разумѣнія о вещахъ противны старымъ правиламъ и старымъ привычкамъ, а можетъ быть, и грубой закоснѣлости и грубымъ предубѣжденіямъ, вкоренившимся въ продолженіе полустолѣтія». Въ другомъ письмѣ, отъ 9-го (21-го) января 1830 года, онъ выразился такъ: «Пускай новые будутъ дѣлать новое такъ, какъ мы дѣлали старое. Намъ, старикамъ, не догнать въ ловкости новыхъ». Послѣ того, въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, онъ писалъ: «Не привыкать мнѣ, въ мои годы и послѣ 30-ти-лѣтней службы, къ новымъ порядкамъ, быть можетъ и великолѣпнымъ, но для меня непонятнымъ».

По справедливому замѣчанію Карновича, «въ этихъ письмахъ слы-

шится брюзгливое ворчаніе старѣющаго человѣка, привыкшаго къ стародавнимъ порядкамъ и находившаго, какъ это всегда водится, старое житье-бытье лучше новаго».

Брюжжаніе старѣющаго человѣка пробивалось иногда даже въ рѣчахъ, которыя цесаревичъ доводилъ до свѣдѣнія государя. Какъ-то Опочининъ сообщилъ цесаревичу, что императоръ Николай, «занимаясь дѣлами, съ тѣмъ вмѣстѣ, изволилъ диктовать... записку о войскахъ, которыя назначены къ сбору, по случаю коронаціи, и неоднократно изволилъ шутить, что онъ, какъ нѣкій Кесарь, занимается двумя дѣлами вдругъ». Отвѣчая Опочинину, Константинъ Павловичъ писалъ: «Я прошу васъ принесть его императорскому величеству мою всенижайшую благодарность за сообщенное мнѣ свѣдѣніе, и при томъ доложить, что онъ по росту гренадеръ, и если разводъ будетъ въ хорошую погоду, то шинель скатана, а въ худую—надѣта въ рукава, и потому надобно посмотрѣть, чтобы по росту вышла оная въ пору; я же, какъ ниже изъ всѣхъ насъ ростомъ, то развѣ гожусь только-что въ волтижеры,—но старъ уже сталъ и дряхлъ, кости болятъ; пора меня въ какую-нибудь Цурукантскую крѣпость въ плацъ-маіоры, а если будетъ особенная милость, то—въ коменданты» [1]).

VI.

Выше было упомянуто, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ не сочувствовалъ проявленію либеральныхъ воззрѣній императора Александра и съ пренебреженіемъ относился къ представительнымъ

---

[1]) Приведеннымъ строкамъ нельзя отказать въ извѣстномъ остроуміи. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ вообще отличался остроуміемъ и, ради краснаго словца, былъ готовъ не щадить чужаго самолюбія. Примѣромъ этого можетъ служить письмо его къ генералу барону Ѳ. В. Сакену, впослѣдствіи графу, фельдмаршалу и князю, напечатанное въ приложеніяхъ къ біографіи великаго князя Константина Павловича. „Одна дѣвушка,—писалъ цесаревичъ,—прошеніе которой я препровождаю вамъ, желаетъ, чтобы я принялъ на себя заботы о ребенкѣ, отцомъ котораго, по ея увѣреніямъ, являетесь вы. Признаюсь вамъ, что изъ всѣхъ вашихъ побѣдъ и завоеваній эта побѣда удивляетъ меня болѣе всего; она лишь усиливаетъ представленіе, которое я имѣлъ всегда о вашихъ необычайныхъ способностяхъ, такъ какъ меня увѣряютъ, что молодая особа не отличается поражающею красотою. Честь вамъ, дорогой генералъ, за то, что вы исправляете бѣдствія войны, стараясь возстановить народонаселеніе владѣній вашего августѣйшаго повелителя; это лишь доказываетъ, что человѣкъ съ сердцемъ въ каждое мгновеніе своей жизни находитъ возможность послужить съ пользою своему государю и отечеству“.

*

учрежденіямъ, существовавшимъ въ царствѣ Польскомъ. Подобное отношеніе цесаревича къ либеральнымъ тенденціямъ своего «благодѣтеля» обусловливалось его строго консервативными убѣжденіями. И въ этомъ, опять таки, сказывалось его сходство съ отцомъ, съ императоромъ Павломъ. Либеральный «духъ» представлялся цесаревичу величайшимъ зломъ, который нужно было всячески искоренить, и съ которымъ нельзя было входить ни въ какіе компромиссы. По словамъ цесаревича, онъ заключилъ съ А. Х. Бенкендорфомъ «условіе сообщать другъ другу обо всемъ, что можетъ клониться къ пользѣ его императорскаго и царскаго величества (Sa Majesté Impériale et Royale)». Вслѣдствіе этого цесаревичъ зорко слѣдилъ за малѣйшимъ проявленіемъ либеральнаго «духа» и немедленно сообщалъ, кому слѣдуетъ, для принятія должныхъ мѣръ. Къ сожалѣнію, дѣятельность цесаревича въ этомъ направленіи приносила иногда очень горькіе плоды. Прежде всего, она повредила нашему великому поэту Пушкину. Какъ-то А. Х. Бенкендорфъ сообщилъ великому князю, что «писатель» Пушкинъ и князь П. А. Вяземскій просятъ о дозволеніи слѣдовать за главной императорской квартирой (въ 1828 году). Цесаревичъ встревожился подобнымъ извѣстіемъ и отписалъ Бенкендорфу, что «въ виду прежняго ихъ поведенія, какъ бы они ни старались выказать теперь свою преданность службѣ его величества, они не принадлежатъ къ числу тѣхъ, на кого можно было бы въ чемъ-либо положиться; точно также нельзя полагаться на людей, которые придерживались одинаковыхъ съ ними принциповъ, и число которыхъ перестало увеличиваться лишь благодаря бдительности правительства». Цесаревичъ не ограничился однако приведенными строками и въ слѣдующемъ письмѣ снова вернулся къ этому вопросу. «И неужели вы думаете,—писалъ онъ,—что Пушкинъ и князь Вяземскій дѣйствительно руководствовались желаніемъ служить его величеству, какъ вѣрные подданные, когда они просили позволенія слѣдовать за главной императорской квартирой? Нѣтъ, не было ничего подобнаго; они уже такъ заявили себя и такъ нравственно испорчены, что не могли питать столь благороднаго чувства. Повѣрьте мнѣ, что въ своей просьбѣ они не имѣли другой цѣли, какъ найти новое поприще для распространенія съ бо̀льшимъ успѣхомъ и съ бо̀льшимъ удобствомъ своихъ безнравственныхъ принциповъ, которые доставили бы имъ въ скоромъ времени множество послѣдователей среди молодыхъ офицеровъ».

Этотъ отзывъ на время повредилъ Пушкину во мнѣніи императора Николая Павловича. Какъ разъ къ этому времени относились стихи:

„Снова тучи надо мною
„Собрался въ тишинѣ;

„Рокъ завистливый бѣдою
„Угрожаетъ снова мнѣ [1]).

Бдительность, съ которою цесаревичъ слѣдилъ за проявленіемъ либеральнаго «духа», отразилась на судьбѣ и другаго русскаго государственнаго дѣятеля, адмирала Чичагова. Константинъ Павловичъ «счелъ долгомъ» увѣдомить А. Х. Бенкендорфа, что, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, Чичаговъ, во время своего пребыванія въ Карлсбадѣ, выражался «очень неосмотрительно, очень неприлично и даже дерзко какъ о его величествѣ императорѣ и королѣ, такъ и объ его управленіи». Къ этому Константинъ Павловичъ присовокуплялъ, что это нисколько не удивляетъ его, такъ какъ онъ постоянно зналъ Чичагова такимъ, какимъ онъ выказалъ себя въ Карлсбадѣ. Послѣдствіемъ этого письма было то, что Чичагову было приказано возвратиться въ Россію. По своимъ семейнымъ обстоятельствамъ, онъ не могъ выполнить полученнаго повелѣнія и остался жить въ Парижѣ, а затѣмъ принялъ англійское подданство.

Для характеристики цесаревича въ указанномъ направленіи крайне любопытенъ слѣдующій случай. Какъ-то ему попался въ руки номеръ «Journal de S. Pétersbourg» (№ 109, 1826 года). Тамъ онъ замѣтилъ «одну нелѣпость», которую, по его мнѣнію, было крайне необходимо исправить. Нелѣпость эта заключалась въ томъ, что въ статьѣ, въ которой говорилось о смягченіи наказанія, дарованномъ государемъ по случаю коронаціи, передъ словомъ «каторжники», которыхъ касалось это смягченіе, былъ поставленъ «титулъ господа». «Но всякому извѣстно,—писалъ цесаревичъ по этому поводу А. Х. Бенкендорфу,—что человѣкъ, осужденный на каторжныя работы, лишается всѣхъ своихъ дворянскихъ титуловъ и нѣкоторымъ образомъ ставится внѣ закона. И кому же даютъ этотъ титулъ? Преступникамъ, приговореннымъ къ смертной казни на эшафотѣ! «Journal de S. Pétersbourg»—газета политическая, полуоффиціальная; все, что въ ней сообщается, служитъ основой для мнѣній всѣхъ иностранныхъ государствъ и, даже можно сказать, цѣлаго міра. Не знаю, произошла ли указанная мною нелѣпость отъ недосмотра издателя или же была послѣдствіемъ предумышленнаго коварства; но дѣло въ томъ, что эта нелѣпость очень важна, и, какъ я

[1]) „Государь, уже во время самаго похода, лично приказалъ прекратить преслѣдованіе. Князь Вяземскій былъ въ этомъ отношеніи несчастнѣе: подозрѣніе тяготѣло надъ нимъ цѣлыя десятилѣтія. Когда умеръ Пушкинъ, думали и старались найти въ забранныхъ его бумагахъ указанія на его политическую виновность. Поляки, которымъ неосторожно открытъ былъ доступъ въ канцелярію графа Бенкендорфа, продолжали свои нашептыванія, и только къ концу царствованія государь узналъ, наконецъ, какого неоцѣненнаго вѣрнаго подданнаго имѣлъ онъ въ князѣ П. А. Вяземскомъ". (Замѣтка въ „Русскомъ Архивѣ" 1884 г., стр. 322).

теперь ее осуждаю, такъ будутъ ее осуждать не только за границей, но и внутри имперіи».

Въ заключеніе своего письма цесаревичъ писалъ, что уже не разъ замѣчалъ такія несообразности, обращалъ вниманіе Бенкендорфа на этотъ «важный предметъ» и просилъ доложить объ его соображеніяхъ государю императору, для того, «чтобъ вызвать его высочайше повелѣніе къ прекращенію указанныхъ злоупотребленій».

Цесаревичъ до такой степени строго относился ко всему, что, по его мнѣнію, могло оказывать пагубное вліяніе на русское общество, что усмотрѣлъ революціонныя тенденціи въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ учебника, изданнаго въ 1806 году главнымъ управленіемъ училищъ для обученія юношества подъ заглавіемъ: «Описаніе всѣхъ частей свѣта». Отрывокъ этотъ касался опредѣленія различнаго рода государствъ, существующихъ на земномъ шарѣ. «Вольными государствами,—было напечатано на 55-й страницѣ упомянутой книги,—«они называются потому, что не отъ единаго зависятъ; впрочемъ, жители сихъ большихъ государствъ также подчинены законамъ, какъ и въ единоначальственныхъ державахъ. Итакъ

Государства суть:
- Единодержавныя
  - неограниченныя.
  - ограничанныя.
- Многодержавныя или вольныя
  - аристократическія.
  - народныя.

«Государства, которыхъ глава имѣетъ титулъ императора или короля, называются или имперіями или королевствомъ, а однимъ словомъ державою или царствомъ. Однако, есть монархическія державы, которыя суть токмо герцогства, княжества и проч., и правители ихъ не называются монархами, хотя и монархически правительствуютъ, ибо монархами именуются только императоры и короли. Ежели повелитель не слѣдуетъ законамъ въ употребленіи своей власти, то называется деспотомъ, а ежели употребляетъ свою власть къ угнетенію, насильствію и жестокостямъ, то называется тираномъ, то-есть, утѣснителемъ. Но какъ ни одинъ народъ не желаетъ имѣть утѣснителя, то и нѣтъ деспотіи и тиранства, на правѣ основанныхъ».

Возмущенный, что подобнаго рода понятія могли быть внушаемы учащемуся юношеству, Константинъ Павловичъ былъ готовъ усмотрѣть въ этомъ одну изъ причинъ, приведшихъ къ событію 14-го декабря, и по этому поводу писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Опочинину, что «послѣ такихъ правилъ, какія старались вперять съ младенчества въ юношество, мудрено ли, что много есть подобныхъ Кюхельбекеровъ?»

При такихъ воззрѣніяхъ цесаревича Константина Павловича, вполнѣ

естественно, что онъ не могъ быть высокаго мнѣнія о печатномъ словѣ, и въ частности, о журналистикѣ. Онъ признавалъ, что всѣ такъ называемые «публицисты» не могутъ жить безъ новостей собственной ихъ фабрикаціи, чѣмъ они, по мнѣнію цесаревича, удовлетворяли стремленію публики отгадывать тайны правительства, судить и рядить о государственныхъ соотношеніяхъ по-своему и опредѣлять тотъ или другой результатъ, тогда какъ суть игры видна лишь самимъ кабинетамъ.

Въ другомъ случаѣ цесаревичъ категорически заявилъ о своемъ пренебреженіи къ газетамъ, высказавъ, что «на счетъ того, что пишутъ въ газетахъ, не только французскихъ, но и во всѣхъ, какого бы онѣ рода ни были», онъ «совершенно этимъ пренебрегаетъ, ни мало не думаетъ и, словомъ сказать, во всей силѣ равнодушно принимаетъ».

Цесаревичъ, надѣленный въ сущности добрымъ сердцемъ, былъ способенъ высказывать самыя крайнія мнѣнія, когда дѣло касалось проявленія революціонныхъ идей. Особенно сильное впечатлѣніе произвела на него іюльская революція. По этому поводу онъ писалъ А. Х. Бенкендорфу: «ошибки и промахи королевскаго правительства никоимъ образомъ не оправдываютъ поведенія его противниковъ. Роль, которую игралъ въ этомъ случаѣ герцогъ Орлеанскій, не только достойна порицанія, но даже внушаетъ глубокое презрѣніе. Хотя бы вы сочли меня за это злымъ человѣкомъ, я все-таки не могу скрыть отъ васъ, что я нисколько не былъ бы недоволенъ, еслибы все это вызвало во Франціи *настоящую междоусобную войну*».

Однако, при всей односторонности политическихъ убѣжденій Константина Павловича, онъ не обобщалъ отдѣльныхъ явленій и заблужденія извѣстной кучки людей разсматривалъ какъ нѣчто совершенно обособленное отъ общаго настроенія общества. Въ этомъ отношеніи онъ былъ склоненъ даже обнаруживать извѣстный оптимизмъ, обусловленный, быть можетъ, недостаточнымъ пониманіемъ теченій, обнаруживавшихся въ современномъ русскомъ обществѣ. Такъ, въ концѣ 1826 г. онъ писалъ Бенкендорфу по поводу настроенія общественнаго мнѣнія: «Мнѣ было чрезвычайно пріятно узнать, что общественное мнѣніе отступаетъ отъ своихъ заблужденій и замѣтнымъ образомъ улучшается. Вамъ такъ же, какъ и мнѣ, хорошо извѣстно, что духъ большинства всегда былъ у насъ очень хорошъ; если же иногда попадаются безпокойныя головы, злонамѣренные люди и даже преступники, то это вовсе не даетъ права дѣлать общее заключеніе о настроеніи умовъ у жителей всей имперіи. Во всѣхъ странахъ есть люди этого рода, въ особенности, въ средѣ молодежи; но эти заблужденія заглушаются при своемъ зарожденіи, и самые отчаянные изъ недовольныхъ, даже тѣ изъ нихъ, которые дѣйствуютъ на умы всѣхъ классовъ общества, успѣваютъ пріобрѣсть очень мало послѣдователей сравнительно съ своими пагубными замыслами; такъ несомнѣнна та истина, что лю-

бовь къ порядку и спокойствію глубоко вкоренена во всѣхъ классахъ и во всѣхъ обществахъ».

Для поддержанія въ обществѣ хорошаго «духа» Константинъ Павловичъ признавалъ полезнымъ, чтобы оно не интересовалось особенно законодательными вопросами, а обращало бы преимущественное вниманіе на извѣстія политическія и военныя. Сходясь во мнѣніи съ Бенкендорфомъ, что празднества способны отклонять молодыя пылкія головы отъ всякаго намѣренія потрясти или ниспровергнуть установленный порядокъ, цесаревичъ признавалъ въ то же время желательнымъ, чтобы была сдержана страсть къ игрѣ въ общественныхъ собраніяхъ, и чтобы молодые люди занимались въ нихъ болѣе дамами, чѣмъ картами. «Игра,—писалъ Константинъ Павловичъ,—какъ извѣстно, такой порокъ, который порождаетъ склонность къ праздности и всегда имѣетъ непріятныя, а иногда даже пагубныя послѣдствія для семействъ и для общества. Искорененіе ея, дѣйствительно, очень трудно; однако, все возможно, если принять хорошо задуманныя мѣры и благоразумно приводить ихъ въ исполненіе».

VII.

Несмотря на увлеченіе цесаревича Константина Павловича мелочною стороною военнаго дѣла и на то, что онъ находилъ возможнымъ посвящать до 34 дней въ годъ на подписываніе паспортовъ нижнимъ чинамъ, онъ живо интересовался всѣми явленіями современной ему политической жизни. Очень часто онъ высказывалъ вѣрные и трезвые взгляды на положеніе вещей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ производилъ справедливую оцѣнку политическихъ дѣятелей, и, напримѣръ, не раздѣлялъ увлеченія Александра Павловича Меттернихомъ, несмотря на то, что послѣдній считался представителемъ такъ называемой «реакціонной политики». Относительно Меттерниха, говоря, что онъ «душитъ карбонаровъ», онъ прямо высказывалъ, что, «въ томъ, кажется, и собственный его есть интересъ, дабы не потерять большія свои имѣнія, а кажется, для интереса онъ много кой-чего дѣлывалъ». Позднѣе, упоминая о потрясеніи, которое долженъ былъ испытать вѣнскій кабинетъ вслѣдствіе Наваринской битвы, цесаревичъ писалъ, что это дѣло можетъ считаться въ извѣстной степени за фейерверкъ, очень кстати пущенный въ честь князя Меттерниха по случаю его свадьбы.

Къ сожалѣнію, иногда, при оцѣнкѣ политическихъ событій цесаревичъ смотрѣлъ на нихъ сквозь призму своихъ антипатій ко всему, что

онъ считалъ проявленіемъ либерализма. Съ этой именно точки зрѣнія онъ смотрѣлъ на греческій вопросъ.

Константинъ Павловичъ признавалъ, что греки, такъ много выстрадавшіе отъ турокъ, могли возбудить къ себѣ состраданіе всей Европы; тѣмъ не менѣе, несмотря на всеобщее сочувствіе русскаго общества греческому вопросу, онъ считалъ пагубнымъ для Россіи принять активное участіе въ разрѣшеніи его. Отчасти, онъ видѣлъ въ туркахъ удобныхъ сосѣдей, строго соблюдавшихъ трактаты, а, главное, основывался на томъ «важномъ» обстоятельствѣ, что, по его мнѣнію, Греція, съ самаго начала революціи, была сборнымъ мѣстомъ для людей, которые стекались туда со всѣхъ концовъ Европы и которые, въ его глазахъ, были не что иное, какъ авантюристы, служившіе орудіемъ для тѣхъ тайныхъ партій, которыми они были избраны для того, чтобы дѣйствовать за-одно съ греками. Для цесаревича представлялось очевиднымъ, что помогать этимъ послѣднимъ значило бы скомпрометтировать себя союзомъ съ первыми. «Если бы это дѣло было чисто, писалъ—цесаревичъ,—за него, конечно, не вступились бы либералы со всего міра, которые находятъ верхъ ума въ эманципаціи народовъ отъ законной власти, какая бы она ни была». Поэтому Константинъ Павловичъ признавалъ необходимымъ всѣми силами препятствовать сближенію русской «легкомысленной молодежи» съ «этими греческими канальями» и вполнѣ понималъ «предусмотрительное желаніе» императора Александра предохранить своихъ подданныхъ отъ соприкосновенія съ людьми, дѣйствовавшими тамъ и составлявшими, «такъ сказать, осадокъ авантюристовъ со всего свѣта».

Въ частности, для Россіи, цесаревичъ признавалъ вмѣшательство въ греческія дѣла особенно гибельнымъ потому, что, «каковы бы ни были цѣли Россіи въ то время, какъ она вступится за ихъ интересы, для всякаго остается очевиднымъ, что она желаетъ содѣйствовать ихъ эманципаціи, освободивъ ихъ изъ-подъ власти ихъ государя. Развѣ можно скрывать отъ себя эту истину, что Россія едва-ли не единственное государство въ Европѣ, въ которомъ распространеніе идей объ эманципаціи могло бы имѣть очень погубныя послѣдствія? Столько различныхъ народностей, входящихъ въ составъ этой обширной Имперіи и исповѣдующихъ столько различныхъ религій, съ жадностью схватились бы за идеи, которыя показались бы очень для нихъ благопріятными. Если мы прибавимъ къ этому происки злонамѣренныхъ людей и авантюристовъ, то мы непремѣнно придемъ къ тому заключенію, что вѣрность, въ которой эти различные народы поклялись своему монарху, будетъ отъ того сильно поколеблена».

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ былъ убѣжденнымъ противникамъ англичанъ и ихъ политики. Основными особенностями послѣдней

въ его глазахъ являлись коварство и преслѣдованіе узко эгоистическихъ, чисто барышническихъ цѣлей. Онъ отрицалъ возможность со стороны англичанъ малѣйшаго великодушнаго порыва. По его словамъ, если Англія, «всегда гоняющаяся за барышами и основывающая на этихъ соображеніяхъ всю свою политику» и приняла сторону грековъ, то, конечно,—писалъ онъ,—она «поступила такъ не изъ либеральныхъ принциповъ и не изъ чувства человѣколюбія, а потому, что сдѣлала точный разсчетъ всѣхъ выгодъ, которыя ей можетъ доставить этотъ образъ дѣйствій. Всѣмъ извѣстно, какъ поступила Англія въ дѣлахъ южноамериканскихъ и португальскихъ. У себя дома англичане горячо обсуждаютъ и отстаиваютъ эманципаціи народовъ, тогда какъ въ своихъ владѣніяхъ въ Индіи они прибѣгаютъ къ всевозможнымъ притѣсненіямъ и вымогательствамъ, обогатиться на счетъ тѣхъ, кто состоитъ подъ ихъ управленіемъ». По убѣжденію цесаревича, Англія постоянно смотритъ съ безпокойствомъ и завистью на всякое плавающее на моряхъ чужое судно, будь это даже простая лодка, и «направляетъ всѣ свои усилія къ уничтоженію иностранныхъ флотовъ, то присоединяя къ нимъ свой собственный, то косвеннымъ образомъ возбуждая войны между тѣми державами, у которыхъ есть морскія силы». По этому-то, по словамъ Константина Павловича, Англія постоянно будетъ завидовать Россіи, до тѣхъ поръ, пока будетъ встрѣчаться на моряхъ хоть одно русское судно. «Несмотря на то, что мы,—писалъ цесаревичъ,—повидимому, находимся въ мирѣ съ Англіей, мы постоянно ведемъ войну съ этимъ государствомъ».

Однако, какъ ни осуждалъ цесаревичъ англійскую политику въ отношеніи Россіи,—онъ съ ужасомъ отстранялъ мысль о захватѣ Индіи при содѣйствіи какой-нибудь революціи «въ родѣ той, которая совершилась въ американскихъ соединенныхъ штатахъ, освободившихся этимъ путемъ отъ господства Великобританіи». Въ такомъ случаѣ,—по мнѣнію Константина Павловича,—слѣдовало бы, если это возможно, подавить это возстаніе, а не пользоваться имъ. Франція держалась этой послѣдней несчастной политики во время эманципаціи Америки и вынесла изъ нея всѣ зародыши своей пагубной революціи, сложившей на эшафотѣ головы ея королей и ввергнувшей всѣхъ въ то непрерывное революціонное состояніе, которое не прекратилось и до сихъ поръ (1827 г.).

VIII.

Въ заключеніе характеристики Константина Павловича нужно упомянуть о взаимныхъ отношеніяхъ цесаревича и поляковъ и о его дѣя-

тельности въ царствѣ Польскомъ постольку, поскольку она позволяетъ судить о немъ, какъ о государственномъ человѣкѣ.

Назначеніе Константина Павловича въ царство Польское не могло быть встрѣчено поляками сочувственно, такъ какъ его характеръ и взгляды были хорошо извѣстны какъ русскому, такъ и польскому обществу. Еще въ 1812 году князь Адамъ Чарторижскій писалъ Александру Павловичу: «великій князь Константинъ ихъ въ особенности пугаетъ. Они боятся, что не дождутся конституціи, которая могла бы защитить ихъ отъ насилій наслѣдника Александра». Между тѣмъ, въ дѣйствительности, оказалось, что цесаревичъ явился въ царство Польское съ совершенно противоположными стремленіями. По словамъ его біографа, управляя царствомъ Польскимъ, «онъ льстилъ себя надеждою, что имя его будетъ всегда памятно въ исторіи—взаимнымъ примиреніемъ между собою и русскихъ и поляковъ. Подъ вліяніемъ этой утѣшавшей его мечты, онъ не допускалъ никакого различія между представителями какъ русской, такъ и польской національности; выучившись отлично польскому языку, онъ всегда и всюду говорилъ то по-польски, то по-русски; покровительствовалъ смѣшаннымъ бракамъ, а въ совмѣстномъ служеніи русской и польской армій видѣлъ братство обоихъ народовъ по оружію». Въ своей перепискѣ съ А. Х. Бенкендорфомъ, цесаревичъ почти исключительно называлъ государя: «Sa Majesté Impériale et Royale». «l'Empereur et Roi»[1]). Лучшимъ доказательствомъ расположенія цесаревича къ полякамъ могутъ служить слѣдующія слова, сказанныя Константиномъ Павловичемъ во время возстанія 1830 года польскому депутату Валицкому: «въ сущности я—лучшій полякъ, нежели вы всѣ, господа; я женатъ на полькѣ, нахожусь посреди васъ; я такъ давно говорю на вашемъ языкѣ, что теперь затрудняюсь выражаться по-русски; наконецъ, я далъ вамъ доказательство моего расположенія, воспретивъ императорскимъ войскамъ стрѣлять въ васъ». На возстаніе 1830 года цесаревичъ былъ склоненъ смотрѣть лишь какъ на «польску клутню» (польскую распрю), въ которую русскимъ незачѣмъ вмѣшиваться. Существуетъ предположеніе, что, только благодаря вмѣшательству цесаревича, Дибичъ не воспользовался плодами побѣды подъ Гроховымъ и не сдѣлалъ послѣдняго усилія, чтобы овладѣть Варшавой, чѣмъ, по собственному признанію Дибича, онъ «провинился передъ государемъ и Россіею». По словамъ Лакруа, Константинъ Павловичъ былъ крайне непріятно пораженъ приказаніемъ Дибича дать сраженіе подъ Калушинымъ и исполнилъ полученное приказаніе, нахмуривъ

[1]) Для характеристики личности цесаревича Константина Павловича мы пользовались также его перепиской съ графомъ А. Х. Бенкендорфомъ, напечатанной въ „Русскомъ Архивѣ“ 1884 г. Переписка эта имѣетъ большое значеніе для біографіи цесаревича.

брови и напѣвая вполголоса: «jeszcze Polska nie zginela». Сохранился также слѣдующій разсказъ. Участвуя въ качествѣ безучастнаго зрителя въ сраженіи при Гроховѣ, цесаревичъ увидѣлъ, какъ польскій уланскій полкъ понесся въ атаку противъ русской кавалеріи. При воспоминаніи о томъ, какъ онъ обучалъ этотъ полкъ, цесаревичъ до того увлекся, представившимся ему зрѣлищемъ, что, аплодируя, кричалъ: «славно, славно, ребята!» Обратившись затѣмъ къ окружавшимъ его офицерамъ, онъ сказалъ часто повторяемую имъ фразу: «польскіе солдаты—лучшіе солдаты въ цѣломъ свѣтѣ». Расположеніе цесаревича къ полякамъ простиралось до того, что онъ выступилъ передъ Николаемъ Павловичемъ ходатаемъ объ отторженіи отъ Россіи западныхъ губерній и о присоединеніи ихъ къ царству Польскому.

Характернымъ образомъ расположеніе цесаревича къ полякамъ сказалось и въ 1826 году, когда было обнаружено участіе поляковъ въ тайныхъ обществахъ, имѣвшихъ связь съ заговоромъ декабристовъ. Въ своемъ стремленіи, на сколько возможно, извинить и смягчить въ глазахъ государя виновность поляковъ, цесаревичъ Константинъ Павловичъ высказывалъ между прочимъ столь либеральныя сужденія, которыхъ трудно было ожидать отъ него. Такъ, для раскрытія въ царствѣ Польскомъ тайныхъ обществъ, цесаревичъ былъ облеченъ, по его собственнымъ словамъ, «властью, такъ сказать, вполнѣ диктаторской». Какъ бы подобная власть ни отвѣчала кореннымъ убѣжденіямъ великаго князя Константина Павловича, онъ рѣшилъ воспользоваться ею, лишь примѣняясь къ инструкціямъ, даннымъ ему его покойнымъ «благодѣтелемъ» «на счетъ этой страны и возможнаго въ ней образа дѣйствій». Руководствуясь подобными соображеніями, онъ и учредилъ комитетъ для изысканія тайныхъ обществъ, въ составъ котораго вошло пять русскихъ и шесть поляковъ. Сообщая объ этомъ въ Петербургъ, онъ писалъ между прочимъ, что «наибольшая гласность и наибольшее довѣріе къ этимъ господамъ заставитъ ихъ быть энергичными и поразить виновныхъ; это indiciam delegate mixtum. Всѣ эти подпольныя слѣдствія противны направленію и духу времени, а такъ какъ мы подчиняемся конституціонному порядку вещей, то все остается въ смыслѣ установленнаго правленія и болѣе входитъ въ строй». Образъ дѣйствій цесаревича въ дѣлѣ раскрытія тайныхъ обществъ въ царствѣ Польскомъ послужилъ впослѣдствіи основаніемъ приписать ему «уклончивость въ мѣропріятіяхъ противъ бывшихъ заговорщиковъ». Все произошедшее являлось, по мнѣнію цесаревича, «лишь естественнымъ послѣдствіемъ того положенія, въ которомъ находилась страна, и тѣхъ рѣчей, которыя были произнесены съ высоты трона во время трехъ бывшихъ сеймовъ».—«При томъ, писалъ Константинъ Павловичъ Опочинину 5-го февраля 1826 г.—всѣ эти господа воображаютъ, что старая

Финляндія присоединяется къ новой, а не новая къ старой; теперь, спрашиваю я васъ, какъ хотите вы, чтобы подобный примѣръ не вскружилъ имъ голову? Имъ всѣмъ были хорошо извѣстны слова и образъ мыслей покойнаго императора, потому что онъ и не скрывалъ ихъ передъ ними и даже, наконецъ, высказалъ ихъ какъ гражданамъ, такъ и военнымъ лицамъ. Говоря чистосердечно, можете ли вы ихъ въ томъ упрекнуть? Войдите въ ихъ положеніе и предположите, что Россія стала такимъ же государствомъ раздѣла какъ Польша; какой тогда былъ бы вашъ собственный взглядъ и образъ дѣйствій? Доложите все это государю императору, такъ какъ желтый и малиновый цвѣта у васъ не такъ замѣтны, какъ здѣсь, равно какъ и въ Литвѣ. Развѣ они слѣпы и глухи? Намѣренія покойнаго государя были мнѣ извѣстны; однимъ словомъ, прошу подумать о прошломъ и вникнуть въ мое положеніе. Тогда увидятъ, какія препятствія представляются моимъ дѣйствіямъ; впрочемъ, я умѣю повиноваться и буду всегда дѣйствовать совершенно такъ же, какъ и прежде, съ тѣмъ же усердіемъ и съ той же покорностью. Императоръ, при восшествіи своемъ на престолъ, обѣщалъ манифестомъ, даннымъ этой странѣ, слѣдовать стопамъ покойнаго государя и привелъ этимъ всѣхъ въ восторгъ. Теперь же увидятъ, быть можетъ, иное. Истина должна быть высказана, и я ее высказываю такою, какою она представляется моему сужденію, буду говорить, пока мнѣ это позволяютъ и пока желаютъ меня выслушивать. Если я получу повелѣніе молчать, я повинуюсь со всею покорностью, которая, какъ вамъ извѣстно, свойственна мнѣ со дня моего рожденія. Прочтите все это государю; ему необходимо знать все, чтобы опредѣлить свое мнѣніе».

Цесаревичъ неоднократно возвращался къ мыслямъ, высказаннымъ въ приведенныхъ строкахъ. Онъ какъ бы старался вкоренить ихъ въ представленіи государя. Такъ, въ другомъ случаѣ, самоучастіе поляковъ въ тайныхъ обществахъ цесаревичъ объяснялъ пробужденіемъ въ нихъ національнаго чувства, чему способствовалъ образъ дѣйствій императора Александра, и это обстоятельство, по его убѣжденію, смягчало ихъ вину. По этому поводу Константинъ Павловичъ написалъ Ѳ. П. Опочинину въ высшей степени интересное письмо, проникнутое чисто отеческой заботой найти оправданіе для поляковъ и, въ то же время, всю отвѣтственность за происшедшее возлагающее фактически на императора Александра. Увѣдомляя Опочинина о результатахъ первыхъ засѣданій упомянутаго комитета, цесаревичъ писалъ: «о сю пору, при всемъ неутомимомъ стараніи и изысканіи комитета, ничего еще не открывается между поляками, какъ nationalité. Сіе самое поставляетъ меня въ обязанность повторить еще вамъ, что я уже и писалъ отчасти, что надобно войти въ тонкость всѣхъ обстоятельствъ и поводовъ, которые были даны полякамъ питать въ себѣ этотъ духъ. Я ихъ ни мало не

защищаю: пускай что угодно будетъ съ ними сдѣлать: но долгъ мой есть поставить на видъ всю истинную правду и обстоятельства, которыя мнѣ ближе всѣхъ извѣстны, ибо и мое положеніе, въ теперешнее время,на счетъ сего весьма есть критическое. Покойному государю императору угодно было не только дать имъ питаться надеждою, но десять лѣтъ сряду словами и дѣяніями своими вкоренялъ и внушалъ въ нихъ сію мысль: и по сему самому, что же мнѣ оставалось дѣлать, какъ исполнять волю государя и съ оною сообразоваться? Я поставлю вамъ въ свидѣтели: Василія Сергѣевича Ланскаго, который теперь въ С.-Петербургѣ, и Николая Николаевича Новосильцева, что я имъ говорилъ тогда, когда первые дошли сюда слухи насчетъ возстановленія царства Польскаго,—что по-моему бы лучше прислать сюда губернаторовъ и вице-губернаторовъ, и даже поименовывалъ таковыхъ. Къ открытію перваго сейма, бывшаго въ 1818 году, я ничего не зналъ, какая приготовляется рѣчь; статсъ-секретарь Каподистрія, въ то время, на счетъ оной мнѣ сказалъ: «посмотрите, что будетъ, она не только на одну Польшу, но на Россію и на всю Европу сдѣлаетъ вліяніе». Я также поставлю въ свидѣтели его императорское высочество великаго князя Михаила Павловича, бывшаго во время сейма въ Варшавѣ, въ 1818 году,—что, пріѣхавши съ государемъ императоромъ отъ развода, когда мы входили съ нимъ по круглой лѣстницѣ въ его комнаты, я осмѣлился его императорскому величеству отвѣчать насчетъ его предположенія и представительнаго правленія. На что государь императоръ даже съ нѣкоторымъ гнѣвомъ изволилъ мнѣ отозваться. Потомъ, во всѣхъ случаяхъ, изволилъ мнѣ всегда твердить: «развѣ ты не понимаешь, что не имъ даютъ вмѣсто желтыхъ красные воротники, а вамъ—вмѣсто красныхъ желтые». Сверхъ того, во всѣхъ польскихъ губерніяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, государь императоръ позволилъ назначить губернаторовъ и вице-губернаторовъ изъ поляковъ; впослѣдствіи для всѣхъ сихъ губерній мундиры даны были съ малиновыми воротниками и, наконецъ, во время послѣдняго пребыванія въ Варшавѣ, всего литовскаго корпуса генераламъ, адъютантамъ и другимъ чинамъ, вмѣсто краснаго цвѣта, приказалъ имѣть на воротникахъ и прочемъ обмундированіи малиновый, и даже угодно было, чтобы и шитье генеральское на мундирахъ было бы золотое, но такое же самое, какъ у польскихъ генераловъ,—я уже упросилъ его императорскаго величества оставить прежнее; и въ доказательство сего, что его было такое намѣреніе, вѣрно, цѣлъ и хранится еще въ гардеробѣ, въ С.-Петербургѣ, воротникъ генеральскій, который онъ приказалъ сдѣлать на образецъ съ шитьемъ золотомъ на малиновомъ сукнѣ по образцу польскаго. Словомъ сказать, государь императоръ не только во всѣхъ своихъ рѣчахъ къ сеймамъ бывшимъ и дѣйствіяхъ, но даже въ разговорахъ во многихъ случаяхъ съ польскими,

какъ статскими, такъ и военными чинами, откровенно изволилъ изъяснить свои на счетъ ихъ намѣренія; слѣдовательно, что же мудренаго, что у нихъ вскружились головы на чувствахъ notionalité. Имъ сіе безпрестанно внушалось, они привыкли къ сей мысли и полагали, что сіе есть положительное; винить же ихъ за это, кажется, не можно. Кто бы такой, будучи на ихъ мѣстѣ, не пожелалъ сего? А между тѣмъ, они хвастаются и весьма дорожатъ тѣмъ, что у нихъ съ самыхъ древнихъ временъ, даже въ исторіи, нѣтъ примѣра, чтобы были въ Польшѣ цареубійцы. Впрочемъ, я повторяю вамъ еще, что я далекъ отъ той мысли, чтобы защищать виновныхъ поляковъ; но только долгъ истины и обязанности моей побуждаетъ меня все сіе объяснить и просить васъ доложить его императорскому величеству: не благоугодно ли будетъ обратить особенное свое на оное вниманіе. Рѣчи на сеймахъ при открытіи и закрытіи государемъ препровождаются при семъ. Онѣ служатъ доказательствомъ моихъ словъ».

Убѣжденный противникъ конституціонной формы правленія, цесаревичъ въ періодъ времени, когда шло разслѣдованіе дѣла о тайныхъ обществахъ, неоднократно ссылался на права, предоставленныя царству Польскому конституціей, дарованной императоромъ Александромъ, хотя, при другихъ обстоятельствахъ, грозился офицерамъ «задать конституцію», а въ 1830 году противился намѣренію императора Николая созвать польскій сеймъ. Теперь же цесаревичъ выдвигалъ конституцію, какъ средство для оправданія поляковъ.

Къ этому средству Константинъ Павловичъ прибѣгалъ при каждомъ представлявшемся случаѣ. Такъ, нѣкто Грабовскій, чиновникъ царства Польскаго, находившійся въ Вѣнѣ, отказался — какъ можно заключить изъ переписки цесаревича,—принести присягу на вѣрность новому государю по общеустановленной для русскихъ формулѣ. Опасаясь, чтобы поступокъ Грабовскаго не имѣлъ для него серьезныхъ послѣдствій, цесаревичъ объяснялъ въ письмѣ въ Петербургъ, что присяга въ царствѣ Польскомъ иная, чѣмъ въ Россіи. «Здѣсь,—писалъ онъ,—конституціонная. Хотя я не выхваляю сіе, но такъ была воля покойнаго государя императора. Что генералъ-адъютантъ Закревскій привелъ въ Финляндіи къ присягѣ по нашей обыкновенной формѣ, — но сего съ подданными царства Польскаго нельзя сдѣлать: здѣсь весьма къ сему придерживаются и наблюдаютъ».

Вообще, повидимому, цесаревичъ внимательно слѣдилъ, чтобы каждый полякъ, заподозрѣнный въ соучастіи или принадлежавшій къ тайнымъ обществамъ, если онъ находился внѣ предѣловъ царства или Литвы, былъ препровожденъ для слѣдствія и суда въ Варшаву. Если же это оказывалось невозможнымъ, онъ взывалъ о милости и снисхожденіи къ провинившемуся.

Константинъ Павловичъ относился крайне ревниво къ малѣйшему охужденію, касавшемуся польской арміи. Какъ-то А. Х. Бенкендорфъ въ письмѣ къ цесаревичу, говоря о польской арміи, высказалъ мнѣніе, что она была сформирована національнымъ несочувствіемъ къ Россіи, и что между тѣми, кто ею командовалъ, были нѣкоторыя экзальтированныя головы. Цесаревичъ тотчасъ же возсталъ противъ подобнаго предположенія. «Мнѣ,—отвѣчалъ онъ А. Х. Бенкендорфу,—признаюсь вамъ, неизвѣстно, чтобы она когда-либо была сформирована подъ вліяніемъ того чувства, о которомъ вы говорите; мнѣ также не извѣстно, чтобы ея начальники считались за экзальтированныя головы,—развѣ, быть можетъ, смѣшали другихъ лицъ съ начальниками, дѣйствительно командовавшими польской арміей. Что же касается этой арміи въ томъ видѣ, въ какомъ она находится въ настоящее время, то я могу поручиться вамъ, что я могу лишь похвалить ее за господствующій въ ней духъ и за строгое въ ней соблюденіе дисциплины и порядка».

Послѣдующія событія показали, какъ горько ошибался цесаревичъ на этотъ счетъ. Впрочемъ справедливость, требуетъ сказать, что свою заботливость о польскихъ уроженцахъ цесаревичъ простиралъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на русскихъ. Такъ на подполковника Гродненскаго гусарскаго полка Лунина пало подозрѣніе въ сношеніяхъ его съ тайными обществами. Хотя императоръ Николай Павловичъ приказалъ не арестовывать его, тѣмъ не менѣе Константинъ Павловичъ желалъ окончательно разсѣять всякія подозрѣнія на его счетъ и, коснувшись этого вопроса въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Опочинину, высказалъ нѣсколько въ высшей степени трезвыхъ и вѣрныхъ мыслей. «Не для оправданія сего подполковника Лунина,—писалъ онъ,—но единственно потому, что его императорскому величеству благоугодно, чтобъ я говорилъ правду и открывался предъ его величествомъ со всѣмъ моимъ чистосердечіемъ, не могу я не обратить вниманія на положеніе онаго Лунина. Статься могло, что онъ, находясь въ неудовольствіи противу правительства, могъ что-либо на счетъ онаго говорить, какъ случается сіе не съ однимъ имъ,—даже его императорское величество изволятъ припомнить, что мы сами иногда между собою, сгоряча, не одумавшись, бывали, въ подобныхъ случаяхъ, не всегда въ рѣчахъ умѣренными; но это еще не означаетъ какого-либо вреднаго намѣренія. Винить его въ томъ, что онъ зналъ о тайномъ обществѣ и не донесъ тогда правительству, хотя можно, но надобно принять въ соображеніе и то, что въ оное, какъ теперь открылось, столько входило двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ и другихъ родственниковъ его, а равно и то, былъ ли бы онъ въ состояніи донести правительству, доказать?»

IX.

Дѣятельность Константина Павловича въ царствѣ Польскомъ наглядно доказываетъ, что онъ не былъ «государственнымъ человѣкомъ», и это блестящимъ образомъ подтверждаетъ справедливость соображеній, которыми руководствовался императоръ Александръ въ вопросѣ о престолонаслѣдіи. «Константинъ Павловичъ,—пишетъ Карновичъ,—не былъ одаренъ тѣмъ, такъ сказать, государственнымъ умомъ, который способенъ, если и не обнимать всесторонне обширные планы внѣшней политики и всѣ разнообразныя отрасли внутренняго управленія, то, по крайней мѣрѣ, можетъ, не вникая въ частности тѣхъ и другихъ, сознавать болѣе или менѣе отчетливо общую руководящую при этомъ идею. У него не было также ни того такта, ни той сдержанности и даже той необходимой податливости чужому разумному и осмотрительному мнѣнію, которые очень часто такъ удачно замѣняютъ собою въ высшихъ государственныхъ дѣятеляхъ недостатокъ ихъ собственныхъ способностей. Безошибочно можно сказать, что онъ, находясь на престолѣ, никогда не согласился бы слѣдовать ни принятому однажды образу дѣйствій, ни твердо исполнять постановленныя имъ самимъ рѣшенія, ни внимать полезнымъ и правдивымъ внушеніямъ, если бы они хоть сколько-нибудь противорѣчили не только ясно сознаннымъ имъ намѣреніямъ, но даже его прихоти, порывамъ и гнѣвнымъ вспышкамъ, которымъ онъ всегда давалъ такой широкій просторъ».

Константинъ Павловичъ отличался мелочностью въ дѣловомъ отношеніи; напримѣръ, самъ подписывалъ и провѣрялъ паспорты нижнихъ чиновъ, увольняемыхъ отъ службы. Это, какъ упомянуто выше, брало у него иногда въ началѣ года 34 дня сряду, но тѣмъ не менѣе онъ не хотѣлъ передать эту пустую работу кому-либо другому. Цесаревичъ не былъ надѣленъ и прозорливостью, составляющею необходимое качество государственнаго человѣка. Возстаніе 1830-го года явилось для него полной неожиданностью. Онъ какъ бы не замѣчалъ всего происходившаго вокругъ него въ Варшавѣ, а въ письмахъ въ Петербургъ къ Опочинину неизмѣнно писалъ: «у насъ все тихо и покойно». Впрочемъ, въ письмѣ отъ 10-го октября, послѣ обычной фразы о спокойствіи, онъ высказалъ слѣдующее заключеніе о вліяніи на польское общество совершавшихся на западѣ Европы событій: «идетъ лишь болтовня, послѣдствія нынѣшняго общаго моральнаго настроенія». По словамъ его біографа, цесаревичъ вообще «весьма легко и даже шутливо относился къ тому сильному впечатлѣнію, какое производили на поляковъ «тревожныя» бельгійскія событія.

Въ числѣ придворныхъ чиновниковъ цесаревича состоялъ гофъ-фурьеръ Бѣляевъ, служившій постоянною мишенью его остротъ и насмѣшекъ, и исправлявшій при немъ, кромѣ гофъ-фурьерской должности, еще и должность шута. Въ этомъ Бѣляевѣ—человѣкѣ чрезвычайно тупомъ и безтолковомъ — цесаревичъ олицетворялъ, съ своей точки зрѣнія, карикатуру тогдашнихъ либеральныхъ доктринъ. Онъ пускался съ Бѣляевымъ въ разсужденіе о «пагубномъ» настроеніи умовъ въ Европѣ, и къ глупостямъ, высказываемымъ по этой части гофъ-фурьеромъ, примѣшивалъ свои собственныя остроты и насмѣшки, направляемыя противъ стремленій къ политической свободѣ, забавляясь тѣмъ, что «принципіумы Бѣляева распространяются во всей Европѣ». Цесаревичъ до такой степени былъ увѣренъ, что порядокъ и спокойствіе въ управляемомъ имъ краѣ не будутъ нарушены открытымъ возстаніемъ, что не довѣрялъ никакимъ предупрежденіямъ въ этомъ смыслѣ, «не желая допустить мысли, чтобы поляки могли отплатить ему гнусною неблагодарностью». До какой степени Константинъ Павловичъ ослѣплялся на счетъ истиннаго настроенія страны, видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ строкъ его письма къ А. Х. Бенкендорфу о преимуществахъ выбора жандармовъ для царства Польскаго изъ туземныхъ уроженцевъ. «Здѣсь,—писалъ онъ,—эти лица служатъ въ собственномъ отечествѣ, и они вполнѣ убѣждены, что блюсти строго интересы ихъ государя значитъ служить своей странѣ». Прилагая всѣ усилія для доведенія польскихъ войскъ до высшей степени совершенства, цесаревичъ, по свидѣтельству Карновича, твердо полагался на вѣрность правительству и на преданность лично ему какъ польской арміи, такъ и Литовскаго корпуса, и надѣялся даже, что эти военныя силы подавятъ народное возстаніе, если бы оно когда-либо произошло. Только позднѣе, во время самаго возстанія, упомянутый нами польскій депутатъ Валицкій объяснилъ цесаревичу разницу между «обязанностями подчиненнаго и долгомъ поляка», и что «голосъ родины» былъ «для всѣхъ польскихъ войскъ сильнѣе привычки къ дисциплинѣ». Только изъ разговора съ Валицкимъ Константинъ Павловичъ вынесъ убѣжденіе, которое, казалось бы, должно составлять азбучную истину для каждаго государственнаго человѣка,—«благодарность — слово лишенное смысла». Но и это убѣжденіе, какъ мы видѣли, не помѣшало цесаревичу ашлодировать подъ Гроховымъ и отсрочить подавленіе возстанія.

Польское возстаніе какъ-бы вырвало почву изъ-подъ ногъ цесаревича. Роль примирителя не удалась. Принять активное участіе въ подавленіи возстанія, командуя русскою арміею—онъ не хотѣлъ. Показаться же въ Петербургѣ, куда его звалъ императоръ Николай, ему было непріятно. Когда-то предназначавшійся къ занятію столькихъ престоловъ, теперь, фактически изгнанный изъ Варшавы, онъ пере-

кочевывалъ медленно изъ города въ городъ, отступая передъ надвигавшимися отрядами поляковъ. «Не угодилъ въ арміи,—писалъ онъ какъ-то Опочинину, — повелѣно скитаться по бѣлу свѣту; скитаюсь и исполняю». Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, княгиня Ловичъ стала прихварывать. «Я скучаю и грустенъ до крайности», писалъ онъ въ одномъ письмѣ», а въ другомъ, отправленномъ изъ Молочина, сообщалъ: «физически и морально я усталъ до крайности, а терпѣнія надо много, чтобъ переносить все со мною сбывающееся». Наконецъ, цесаревичъ добрался до Витебска и оттуда, между прочимъ, писалъ Опочинину. «Испытавъ все въ службѣ военной, на старости лѣтъ испыталъ и должность фурштадскаго чиновника: du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas. Что же дѣлать, ежели судьбѣ такъ угодно».

Изреченіе Наполеона какъ нельзя болѣе примѣнимо къ судьбѣ цесаревича Константина Павловича. Теперь, дѣйствительно, ему не оставалось ничего инаго, какъ покориться судьбѣ. 7-го іюня 1831-го года онъ написалъ только-что приведенныя строки, а черезъ недѣлю, 15-го іюня, его уже не стало.

П.

Папа и императоръ Павелъ Петровичъ.

24-го января 1801 года.

Посланникъ нашъ въ Римѣ Лизакевичъ въ депешѣ отъ 24-го января (5-го февраля) 1801 г. разсказываетъ, что до отъѣзда его изъ Рима папа пригласилъ его на аудіенцію и велъ съ нимъ разговоръ о Мальтійскомъ орденѣ, коего императоръ былъ гросмейстеромъ. Папа увѣрялъ Лизакевича въ своей преданности государю и своей готовности служить ему всѣми силами; тонъ папы былъ весьма униженный; просилъ папа Лизакевича содержать этотъ разговоръ и негоціацію по дѣлу Мальтійскаго ордена въ величайшей тайнѣ, чтобы особенно не возбудить этимъ дворы вѣнскій и мадридскій. Папа говорилъ, что ему весьма пріятно видѣть императора, гросмейстеромъ Мальтійскаго ордена и онъ и самъ бы поселился въ Мальтѣ, когда этотъ островъ будетъ возвращенъ ордену въ случаѣ гоненія отъ французовъ, гдѣ бы жилъ спокойно подъ защитою гросмейстера, русскаго императора. Далѣе говорилъ еще папа, что его желаніе соединить греческую вѣру съ католическою и что для такого важнаго предмета онъ самъ готовъ пріѣхать въ С.-Петербургъ изустно трактовать съ государемъ, коего характеръ основанъ на истинѣ, правосудіи и вѣрности. Онъ называлъ императора Павла Петровича другомъ человѣчества и безкорыстнымъ защитникомъ и покровителемъ гонимыхъ и угнетаемыхъ отъ французовъ. Папа изъявлялъ желаніе учредить постоянныя сношенія съ нашимъ правительствомъ, держать при нашемъ дворѣ нунція, а при себѣ нашего министра и отправилъ бы нунція, если бы зналъ, что это будетъ пріятно государю.

Но въ мартѣ того же года императора Павла не было уже на свѣтѣ, и широкіе планы папы не осуществились.

Нѣмцы о Пушкинѣ въ 1899 г.

I.

22-го мая 1837 г. Д. Н. Блудовъ писалъ въ Ревель губернатору Павлу Ермолаевичу Бенкендорфу, прося его, отъ имени министерства внутреннихъ дѣлъ, оказать содѣйствіе къ распространенію въ Эстляндіи подписки на посмертное изданіе сочиненій А. С. Пушкина, при чемъ выслалъ ему десять подписныхъ билетовъ. Бенкендорфъ, кстати приходившійся двоюроднымъ братомъ первому шефу жандармовъ Александру Христофоровичу Бенкендорфу,—отвѣчалъ Блудову почти чрезъ полгода, какъ разъ въ день лицейской годовщины, для Пушкина всегда знаменательный, именно 19-го октября того же 1837 года. Эстляндскій губернаторъ вернулъ по начальству всѣ 10 полученныхъ имъ билетовъ, такъ какъ не нашелъ въ Эстляндіи ни одного человѣка, желающаго подписаться на сочиненія Пушкина. Извѣстіе объ этомъ любопытномъ фактѣ мы находимъ въ замѣткѣ А. З. Мышлаевскаго, помѣщенной въ «Русской Старинѣ» 1897 года [1]), и оттуда перепечатанной по-нѣмецки въ берлинской газетѣ «Ежедневное Обозрѣніе» (Tägliche Rundschau, 7 Juni, 1899 г., № 131).

Въ 1854 году въ Берлинѣ появилась небольшая, въ 8-ку, книжка стихотвореній русскихъ поэтовъ въ нѣмецкомъ переводѣ д-ра Рудольфа Минцлова подъ заглавіемъ: «Пособіе къ знакомству съ русской поэтической и научной литературой» [2]). Авторъ, петербургскій старожилъ, извѣстный сотрудникъ барона Модеста Андреевича Корфа въ

---

[1]) Декабрь, стр. 535—537.

[2]) Beiträge zur Kenntniss der poetischen und wissenschaftlichen Literatur Russlands. Von d-r Rudolf Minzloff. Berlin 1854. Druck und Verlag von E. S. Mittler und Sohn (Ср. у Межова, Puschkiniana, № 3335).

управленіи императорской публичной библіотеки и въ созданіи ея отдѣленія Russica, соединилъ въ этомъ изданіи произведенія русскихъ поэтовъ въ хронологическомъ порядкѣ и передъ каждымъ отдѣльнымъ авторомъ, на особой страницѣ, помѣщаетъ его имя, годы его рожденія и смерти. Пушкину въ этой книжкѣ, посвященной принцу П. Г. Ольденбургскому, отведены страницы 21—42, на которыхъ помѣщены переводы «Цыганъ», «Узника», «Воронъ къ ворону летитъ» и «Пѣсни Грузіи». Впереди, на отдѣльной страницѣ, въ видѣ заглавія, красуется имя Пушкина и годы его рожденія и смерти: 1777 (sic) и 1838 (sic).

Указанные два факта представляются намъ весьма характерными. Въ Эстляндіи никто изъ русскихъ нѣмцевъ не пожелалъ подписаться на посмертное изданіе сочиненій Пушкина; а заграничный нѣмецъ, обрусѣвшій въ Петербургѣ, поэта, умершаго въ 37-ми лѣтнемъ возрастѣ, обращаетъ въ 61-го-лѣтняго старика, прибавляя ему 22 года до рожденія и одинъ годъ послѣ смерти. Если такъ относились къ Пушкину въ Россіи, то не удивительно, что его смерть произвела за границею лишь впечатлѣніе свѣтскаго скандала, какъ мы это установили въ первой части нашей статьи, напечатанной въ январьской книжкѣ «Русской Старины» 1900 года. Въ 1837 году, Пушкинъ прославился въ Германіи, какъ жертва пули Дантеса, и лишь впослѣдствіи, въ томъ же впрочемъ году, нѣмцы по газетнымъ слухамъ убѣдились, что убійца Мушкина-Пушкина, Мусина-Пушкина, Мусина Александра фонъ-Пушкина или просто Александра фонъ-Пушкина, лишилъ Россію великаго поэта.

Въ теченіе 62 лѣтъ, протекшихъ со времени смерти Пушкина до столѣтія со дня его рожденія, Германія имѣла достаточно времени, чтобы познакомиться съ произведеніями поэта, его біографіею, оцѣнить его значеніе въ русской словесности и признать за нимъ подобающее мѣсто среди писателей другихъ странъ Европы. Стихи Пушкина начали переводиться на иностранные языки еще при его жизни. Правда, первый безъимянный нѣмецкій переводъ «Кавказскаго плѣнника», принадлежавшій Вульферту, появился въ Петербургѣ въ 1823 году и легко могъ не проникнуть въ Западную Европу. То же, вѣроятно, случилось и со вторымъ переводомъ того же Вульферта, «Бахчисарайскимъ фонтаномъ» (1826 г.). По словамъ П. Д. Драганова [1]), Пушкина стали переводить въ Германіи лишь послѣ его смерти, вслѣдствіе успѣха книги Кенига и Мельгунова [2]), и подъ вліяніемъ указаній Варнгагена [3]), который самъ выучился по-русски, чтобы лучше, по подлиннику, уразумѣть всю красоту твореній излюбленнаго имъ поэта. Puschkiniana

[1]) См. „Русскій Историческій вѣстникъ“, 1899 г., V, Май, стр. 640—642.
[2]) Literarische Bilder aus Russland, 1837.
[3]) Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik, 1838.

Межова свидѣтельствуютъ, что, кромѣ Вульферта, первые переводы Пушкина на нѣмецкій языкъ появившіеся до его смерти, напечатаны въ Россіи, именно: «Борисъ Годуновъ» Кнорринга въ 1831 г. въ Ревелѣ и отрывокъ изъ «Руслана и Людмилы въ 1833 г. въ Москвѣ [1]). Заграничныя же изданія переводовъ начались лишь съ 1838 года, когда Титцъ и два анонима I. (И) и O. B. (O. W.) перевели нѣсколько мелкихъ стихотвореній Пушкина [2]). Оцѣнка посмертнаго изданія Пушкина Варнгагеномъ вызвала въ Германіи особое усердіе къ переводамъ произведеній поэта на нѣмецкій языкъ. Это усердіе отразилось появленіемъ шести переводчиковъ въ одномъ 1840 г., именно: Шмитта («Цыгане»), Е. фонъ О., то-есть Эльберса (отдѣльныя стихотворенія) и особенно Липперта, который издалъ два тома своихъ переводовъ въ стихахъ; кромѣ того въ томъ же году были переведены «Исторія Пугачевскаго бунта» Брандейсомъ и «Повѣсти Пушкина» Симономъ и Требстомъ и Сабининымъ [3]). Въ 1848 г., «Капитанская дочка» появилась въ Лейпцигѣ въ переводѣ Вольфсона [4]). «Борисъ Годуновъ», переведенный еще Кноррингомъ и напечатанный въ 1831 г., въ Ревелѣ, проникъ въ Германію въ безымянномъ переводѣ, появившемся въ Лейпцигѣ въ 1853 году [5]). Въ 1854 году начался первый, почти полный, переводъ Пушкина, предпринятый извѣстнымъ Боденштедтомъ, дополненный и повторенный въ 1855 и 1866 годахъ [6]). О Минцловѣ (у Межова № 3335) мы уже упомянули въ начальныхъ строкахъ настоящей статьи. Съ тѣхъ поръ Пушкинъ неоднократно подвергался новымъ переводамъ и въ этой области ихъ появленіе и имена ихъ авторовъ можно перечислить въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ: Опицъ (1859 г.), Леве (1869 г.), Зейбертъ (1872 и 1873 г.), Шмидтъ (1873 г.), Мейеръ фонъ-Вальдекъ (1878 г.), Ланге (1882 г.) [7]), Лупусъ, т. е. докторъ Вольфъ, въ Лейпцигскомъ 1898 года изданіи «Мѣднаго всадника» [8]). Въ этомъ перечнѣ мы пропускаемъ переводы, которые были напечатаны въ Россіи, напримѣръ Вальда въ Одессѣ и Лупуса (1860 г.), Ашарина (1877 г.), Блументаля (1878 г.), Фидлера (1879 г.), Вальда въ Ригѣ (1880 г.) и Филиппеуса (1885 г.) [9]). Юбилейные переводы, напечатанные по поводу 26-го мая 1899 г. въ Рос-

---

[1]) Межовъ, №№ 3178, 3187, 3212, 3218; ср. также №—3214.
[2]) Тамъ, же №№ 3243—3245.
[3]) Тамъ же, №№ 3256, 3257 и 3259—3262.
[4]) Тамъ же, № 3293.
[5]) Тамъ же, № 3307.
[6]) Тамъ же, №№ 3314, 3345 и 3408.
[7]) Межовъ, №№ 3366, 3428, 3438 и 3351, 3448, 3491, 3539.
[8]) Описаніе Пушкинскаго музея И. А. Липея, № 1988.
[9]) Межовъ, №№ 3379, 3380, 3477, 3190, 3499, 3514, 3557.

сіи, выходятъ изъ рамки нашей задачи, а тѣми, которые появились въ заграничныхъ газетахъ, мы займемся въ своемъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ и тѣ библіографическія данныя, которыя мы привели, уже могутъ свидѣтельствовать о томъ, что большинство произведеній Пушкина, по крайней мѣрѣ лучшія, главнѣйшія и самыя характерныя, теперь уже извѣстны въ Германіи по нѣмецкимъ переводамъ.

Біографія Пушкина и критика его произведеній могли быть извѣстны нѣмцамъ изъ книги Кенига [1]), изъ статьи Варнгагена фонъ-Энзе и изъ нѣсколькихъ статей нѣмецкихъ журналовъ [2]), но всего болѣе конечно изъ тѣхъ предисловій, которыми снабжена большая часть Пушкинскихъ нѣмецкихъ переводовъ. При всей краткости этихъ предисловій, они достаточно останавливаются на главнѣйшихъ датахъ біографіи Пушкина, а нѣкоторыя изъ нихъ основаны на подлинныхъ русскихъ источникахъ или свидѣтельствуютъ не только о близкомъ знакомствѣ съ сочиненіями Пушкина, но и о глубокомъ размышленіи надъ ними. Таковы, напримѣръ, предисловіе съ переводомъ Э. фонъ О. (Эльберсъ) 1840 г., въ которомъ по-нѣмецки изложено все подлинное подробное описаніе смерти Пушкина, напечатанное въ № 1 «Современника» 1837 г., именно: разсказы Жуковскаго, Даля, Спасскаго и т. д., или прекрасное предисловіе къ первому еще изданію Вольфсона «Капитанской дочки», 1848 года. Кромѣ того, изданія Реклама обыкновенно предпосылаютъ переводамъ Пушкина краткія о немъ біографическія свѣдѣнія, которыя нельзя упрекнуть въ особенной неточности. Наконецъ, данныя по біографіи Пушкина помѣщаются въ нѣмецкихъ энциклопедическихъ словаряхъ, какъ-то Брокгауза, Мейера и т. д.

Для изложенія подробностей дуэли Пушкина единственнымъ нѣмецкимъ источникомъ могла послужить книга Ю. Эккардта: «Новыя картины изъ Петербургскаго общества», вышедшая въ Лейпцигѣ въ 1874 году [3]). Что же касается русской біографической литературы о Пушкинѣ, то она, въ трудахъ Анненкова, Майкова, Гаевскаго, Якушкина, Грота, Бартенева, Венкштерна и другихъ, до сихъ поръ еще мало или почти не извѣстна нѣмцамъ, ни въ изложеніи, ни въ переводахъ, и наравнѣ съ критикою Бѣлинскаго доступна въ Германіи лишь тѣмъ ученымъ, которые владѣютъ русскимъ языкомъ, а такіе ученые встрѣчаются очень рѣдко.

При отсутствіи нѣмецкихъ переводовъ сочиненій Бѣлинскаго, кри-

---

[1]) Ср. у Межова, № 3237.

[2]) См. напримѣръ, у Межова, №№ 3249 (1838 г.), 3280 (1845 г.), 3285 (1846 г.), 3308 (1853 г.), 3403 (1865 г.), 3412 (1866 г.), 3523 и 3524 (1880 г.) въ описаніи лицейскаго музея №№ 1951 (1881 г.) и 1967 (1887 г.)

[3]) «Neue Bilder aus der Petersburger Gesellschafft» (Julius Eckhardt). Leipzig, 1874 г. Глава V (стр. 155—196); «Пушкинъ и Дантесъ».

тическая оцѣнка Пушкина возможна въ Германіи лишь изъ вторыхъ рукъ, т. е. изъ тѣхъ трудовъ по исторіи русской литературы, которые написаны нѣмцами. Такихъ трудовъ очень немного, и въ числѣ ихъ новѣйшимъ источникомъ для изложенія творческой дѣятельности Пушкина является малоизвѣстная въ Россіи, напечатанная въ Лейпцигѣ книга А. Рейнгольда, петербургскаго нѣмца, о которой мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, такъ какъ она не отмѣчена въ описаніи Лицейскаго пушкинскаго музея. Затѣмъ, юбилейная нѣмецкая литература 1899 г. отводитъ нѣкоторое мѣсто отзывамъ Герцена, Гоголя и Тургенева. Впрочемъ, ссылки на этихъ писателей встрѣчаются сравнительно рѣдко и не столько доказываютъ знаніе нѣмцами русскаго языка, сколько ихъ знакомство съ главнѣйшими русскими авторами въ нѣмецкихъ переводахъ. Но и такіе примѣры являются рѣдкими исключеніями изъ общаго правила. Мы не будемъ заходить впередъ, а ограничимся въ этомъ отношеніи лишь обѣщаніемъ удовлетворить любопытству нашихъ читателей.

Изложенныя соображенія были намъ необходимы, чтобы выяснить положеніе литературы о Пушкинѣ въ Германіи и убѣдиться въ тѣхъ средствахъ, которыми владѣли нѣмцы, приступая къ чествованію Пушкинскаго юбилея у себя дома, то-есть въ германской повременной прессѣ. Уже тотъ фактъ, что юбилей не прошелъ незамѣченнымъ со стороны нашихъ западныхъ сосѣдей, свидѣтельствуетъ о широкомъ распространеніи за границей славы Пушкина, какъ писателя. При этомъ надо сознаться, что вниманіе къ юбилею, возбужденное въ Германіи, было не случайное и не можетъ заслуживать обвиненія въ той крайней поверхностности отношенія къ Пушкину, которая явно отразилась въ пушкинскихъ некрологахъ 1837 года. Переводы успѣли за 62 года познакомить нѣмцевъ съ произведеніями нашего великаго поэта и оцѣнить его:—по достоинству ли? Это мы сейчасъ увидимъ. Но одно несомнѣнно: вниманіе нѣмецкой прессы къ Пушкину по поводу столѣтія со дня его рожденія доказывается множествомъ статей и свѣдѣній юбилейнаго характера и числомъ нѣмецкихъ газетъ и повременныхъ изданій, въ которыхъ они напечатаны. Собираніе всей этой юбилейной литературы представило бы сложный и долговременный трудъ, который можетъ быть и не подлежалъ бы оправданію своими результатами. Счастливая случайность избавляетъ насъ отъ такого труда. Московскій Публичный и Румянцовскій музеи получили отъ Митрофана Павловича Щепкина богатую коллекцію вырѣзокъ и юбилейныхъ статей о Пушкинѣ изъ нѣмецкихъ газетъ 1899 года, собранную стараніями М. О. Гершензона при помощи Берлинскаго бюро газетныхъ справокъ [1]). Настоящая статья является данью признательности жертвователю и его сотруднику.

[1]) Berliner Literarisches Auskunfts Büreau von C. Freyer (Berlin, S. W 48, Wilhelmstrasse, 127).

II.

Подаренная М. П. Щепкинымъ коллекція заключаетъ въ себѣ около 90 отрывковъ и вырѣзокъ изъ 54 нѣмецкихъ газетъ и приложеній къ нимъ, издающихся въ Германіи, Австріи, Россіи и Америкѣ. Самое большое число газетъ падаетъ на Германію, именно 40 заглавій, остальныя 14—распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 9 газетъ издаются въ Австріи, 4—въ Россіи и 1—въ Америкѣ.

Повсемѣстное вниманіе, оказанное Германіей Пушкинскому юбилею, доказывается именами городовъ, въ которыхъ издаются газеты, посвятившія этому юбилею особыя статьи и корреспонденціи. Эти 20 городовъ слѣдующіе: Альтенбургъ, Берлинъ, Бреславль, Веймаръ, Гальберштадтъ, Гамбургъ, Ганноверъ, Гильдесгеймъ, Дармштадтъ, Дрезденъ, Кассель, Кельнъ, Кёнигсбергъ, Лейпцигъ, Мюнхенъ, Оснабрюкъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Шпандау, Шверинъ и Эссенъ. Въ одномъ Берлинѣ почли приличнымъ чествовать Пушкинскій юбилей 16 редакцій различныхъ газетъ. Гамбургъ со своими тремя мѣстными изданіями, является на второмъ мѣстѣ, Кёнигсбергъ и Лейпцигъ, каждый съ двумя газетами, на третьемъ, а въ остальныхъ 16 городахъ статьи о Пушкинѣ большею частью являются перепечатками въ единственныхъ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. Къ послѣдней категоріи, впрочемъ, относятся и такіе центры, которые не ограничиваются однѣми перепечатками, какъ Дрезденъ, Кельнъ, Мюнхенъ и Франкфуртъ, и въ газетахъ которыхъ встрѣчаются оригинальныя статьи [1]). Изъ берлинскихъ изданій статьи о Пушкинѣ помѣстили слѣдующія газеты: 1) «Вечерняя Почта» («Berliner Abendpost»), 2) «Биржевой Курьеръ» («Berliner Börsen Courier»), 3) «Приложеніе къ мѣстному указателю» («Unterhaltungs Beilage des Berliner Lokal-Anzeiger»), 4) «Листокъ для пріѣзжающихъ» («Berliner Fremdenblatt»), 5) «Ежедневный Листокъ» («Berliner Tageblatt») и его приложеніе 6) «Духъ Времени» («Der Zeitgeist, Beiblatt zum Berliner Tageblatt»), газеты: 7) «Національная» («Nationalzeitung»), 8) «Фоссова» («Vossische Zeitung»), 9) «Сѣверо-Германская Всеобщая» («Norddeutsche Allgemeine Zeitung») и 10) «Новая Прусская Крестовая» («Neue Preussische Kreutz Zeitung»); кромѣ того, слѣдующія ежедневныя и повременныя изданія: 11) «Ежедневное Обозрѣніе» («Tägliche Rundschau»), 12) «Народъ» («Die Nation»), 13) «Свѣтъ по понедѣльникамъ» («Die Welt am Montag»), 14) «Магазинъ Литературы» («Das Magazin für Litteratur»), 15) «Сцена и Свѣтъ» («Bühne und Welt») и 16) «Недѣля»

[1]) При перечисленіи газетъ мы будемъ обозначать ихъ нумерами, въ виду сокращеній дальнѣйшихъ ссылокъ на длинныя иногда заглавія.

(«Die Woche»). Изъ числа гамбургскихъ газетъ юбилей Пушкина отмѣтили слѣдующія: 17) «Беллетристическія и литературныя приложенія къ гамбургскимъ извѣстіямъ» («Belletristisch-Literarische Beilage der Hamburger Nachrichten»), 18) «Гамбургскій листокъ для пріѣзжихъ» («Hamburger Fremdenblatt») и 19) «Всеобщій указатель для Гамбурга и Альтоны» («General-Anzeiger Hamburg-Altona»). Затѣмъ въ Кёнигсбергѣ Пушкинымъ занялись мѣстная 20) «Всеобщая Газета», со своимъ приложеніемъ, озаглавленнымъ: 21) «Для нашихъ любезныхъ женщинъ» («Koenigsberger Allgemeine Zeitung, Für unsere lieben Frauen, Unterhaltungs-Beilage der Koenigsberger Allgemeinen Zeitung»), а въ Лейпцигѣ: 22) «Иллюстрированная Газета» («Illustrirte Zeitung») и 23) «Дома» («Daheim»). Прочія изданія въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ городахъ суть слѣдующія: 24) «Для города и деревни», фельетонное прибавленіе къ «Альтенбургской Газетѣ» («Altenburger Zeitung, Für Stadt und Land. Feuilleton—Beilage für Stadt und Land»), 25) «Бреславльская Утренняя Газета» («Breslauer Morgenzeitung»), 26) «Кассельскій Ежедневникъ и Указатель» («Casseler Tageblatt und Anzeiger»), 27) «Дармштадская Газета» («Darmstätder Zeitung»), 28) «Дрезденскій Журналъ» («Dresdner Journal»), 29) «Рейнско-Вестфальская Газета въ Эссенѣ» («Rheinisch-Westphälische Zeitung, Essen»), 30) «Франкфуртская газета и торговый листокъ» («Frankfürter Zeitung und Handelsblatt»), 31) «Гроссенгайнскій Ежедневный Листокъ» («Grossenhainer Tageblatt»), 32) «Приложеніе къ Гальберштадтской Газетѣ и Указателю» («Unterhaltungsblatt, Beilage zur Halberstädter Zeitung und Intelligenzblatt»), 33) «Ганноверскій Ежедневный Листокъ» («Hannoversches Tageblatt»), 34) «Даровое приложеніе къ Гильдесгеймской Всеобщей Газетѣ и Указателю» («Unterhaltungsblatt, Gratis-Beilage zur Hildesheimer Allgemeinen Zeitung und Intelligenz-Blatt»), 35) «Кельнская Газета» («Koelnische Zeitung»), 36) «Мюнхенскія Новѣйшія Извѣстія» («Münchner Neuste Nachrichten»), 37) «Оснабрюкская Газета Кислинга» («Osnabrücker Zeitung, Kisling's Osnabrückishe Anzeigen»), 38) «Прусская газета для учителей» въ Шпандау («Preussische Lehrer-Zeitung, Spandau»), 39) «Мекленбургская Газета» въ Шверинѣ («Mecklenburgische Zeitung, Schwerin») и 40) «Веймарская Газета» («Weimarische Zeitung»).

Въ Австріи о Пушкинѣ по случаю его юбилея вспомнили три города, Вѣна, Прага и Брюннъ. Въ первомъ городѣ Пушкину особенно посчастливилось, хотя гораздо менѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. Слѣдующія Вѣнскія газеты посвятили ему статьи на своихъ столбцахъ: 41) «Новый Вѣнскій ежедневный листокъ» («Neues Wiener Tageblatt»), 42) «Новая Свободная Пресса («Neue Freie Presse»), 43) «Австрійская народная газета» («Oesterreichische Volkszeitung»), 44) «Время» («Die Zeit»),

45) «Спортъ и Салонъ» («Sport und Salon») и 46) «Вѣсы» («Wage»). Изъ газетъ, издающихся въ Прагѣ, одна 47) «Политика» («Politik») помѣстила цѣлыхъ десять корреспонденцій о Пушкинскомъ юбилеѣ; въ другой газетѣ, 48) «Ежедневномъ листкѣ» («Prager Tageblatt»), встрѣчаемъ лишь одну корреспонденцію. Наконецъ, фельетонъ по поводу Пушкина находимъ въ 49) «Брюннскомъ ежедневномъ листкѣ» («Tagesblatt, Brünn»).

Берлинское бюро Фрейера не забыло и нѣмецкихъ газетъ, издающихся въ Россіи, именно: 50) Петербургскіе «Герольдъ» («St. Petersburger Herold») и 51) «Газету» («St. Petersburger Zeitung»), 52) «Московскую нѣмецкую газету» («Moskauer Deutsche Zeitung») и 53) «Двинскую газету» («Düna-Zeitung»), издающуюся въ Ригѣ. Всѣ эти русско-нѣмецкія изданія въ большинствѣ повторяютъ сообщенія петербургскихъ и московскихъ русскихъ газетъ, и потому мы могли бы оставить ихъ безъ вниманія, если бы соображеніе о полнотѣ описываемой коллекціи не заставляло насъ въ своемъ мѣстѣ возвратиться къ этой нѣмецкой прессѣ въ Россіи и указать на нѣкоторыя ея черты, рѣзко отличающія ее отъ заграничныхъ отзывовъ о Пушкинѣ.

Наконецъ, упомянемъ въ заключеніе объ издающейся въ Америкѣ на нѣмецкомъ языкѣ «Нью-Іоркской государственной газетѣ» 54) («New-Iorcker Staats Zeitung»), въ «Воскресномъ листкѣ» («Sonntagsblatt») которой помѣщена статья нашей соотечественницы г-жи Зинаиды Венгеровой.

Такимъ образомъ, на 54 газеты, изъ 86 вырѣзокъ статей и корреспонденцій, приходится въ среднемъ числѣ немного менѣе, чѣмъ по двѣ на каждую. Нѣкоторыя газеты не ограничиваются помѣщеніемъ одной статьи или корреспонденціи. Чѣмъ меньше объемъ сообщеній, тѣмъ они чаще повторяются въ одной и той же газетѣ. Это относится преимущественно къ корреспонденціямъ о празднествахъ въ честь Пушкина въ Россіи и объ участіи въ нихъ чеховъ. Такъ «Пражская политика» (№ 47 по нашему перечню) помѣстила, какъ мы выше сказали, до десяти извѣстій объ этихъ празднествахъ. Въ Берлинскихъ «Фоссовой газетѣ» и «Ежедневномъ Листкѣ» (№№ 4 и 8) о Пушкинѣ говорится въ каждой по 3 раза и по 2 раза въ слѣдующихъ берлинскихъ и гамбургской газетахъ: «Биржевой курьеръ», «Народная газета», «Магазинъ литературы», «Сцена и Свѣтъ» (№№ 2, 7, 14, 15) и «Гамбургскій листокъ для пріѣзжихъ» (№ 18). Въ изданіяхъ, печатаемыхъ въ Россіи, подобныя повторенія, понятно, также часто встрѣчаются: по 5 разъ въ «Герольдѣ» и «Московской газетѣ» (№№ 50 и 52), 3 раза въ «Петербургской» (№ 51) и 2 раза въ «Двинской» (№ 53). Можно однако предположить, что Берлинское бюро Фрейера собрало далеко не всю юбилейную нѣмецкую прессу по изданіямъ, выходящимъ

въ Россіи. Кромѣ того, даже изъ представленныхъ ею столичныхъ и рижской газетъ многіе нумера вѣроятно были ею пропущены. Впрочемъ, это обстоятельство не можетъ составить для насъ, русскихъ, особой бѣды, такъ какъ въ цѣляхъ дополненія юбилейной нѣмецкой библіографіи о Пушкинѣ, повременныя изданія, печатаемыя въ Россіи на нѣмецкомъ языкѣ, гораздо намъ доступнѣе, чѣмъ заграничные нѣмецкіе журналы и газеты, такъ тщательно собранныя М. О. Гершензономъ.

Многія статьи о Пушкинѣ, особенно принадлежащія извѣстнымъ нѣмецкимъ авторамъ, перепечатаны изъ берлинскихъ главнымъ образомъ изданій и повторены въ провинціальныхъ. Таковы напримѣръ статьи о Пушкинѣ Ольги Вольбрюкъ, появившаяся въ семи газетахъ (№№ 17, 25, 29, 31, 33, 34 и 38), Вальтера Ульманна—въ четырехъ (№№ 26, 27, 32 и 39), Евг. Цабеля въ трехъ (№№ 7, 8 и 20) и Нордена въ двухъ (№№ 4 и 22). Анонимный переводъ «Пушкинскаго выстрѣла» помѣщенъ въ двухъ изданіяхъ (№№ 3 и 21).

Кромѣ того, нѣкоторыя статьи настолько обширны, что занимаютъ по нѣскольку нумеровъ одной и той же газеты. Таковъ, напримѣръ, фельетонъ А. Стерна, помѣщенный въ трехъ, непосредственно слѣдующихъ другъ за другомъ, нумерахъ «Дрезденскаго журнала» (№ 28). Таковы же, занимающія по два нумера каждая, статьи о Пушкинѣ Евг. Цабеля (№№ 7, 8 и 20) и К. Э. Францоза (№ 12), а равно и романъ поэта съ его женою, изложенный подъ заглавіемъ «Наташа Пушкина», Фр. Квапилемъ въ двухъ номерахъ «Пражской Политики» (№ 47).

Приведенныя соображенія помогутъ объяснить разницу числа газетъ, вошедшихъ въ коллекцію М. П. Щепкина, съ числомъ помѣщенныхъ въ нихъ статей о Пушкинѣ и сообщеній о празднованіи его юбилея.

Вся эта юбилейная литература можетъ быть раздѣлена на двѣ главныя части, именно: а) на литературу собственно о Пушкинѣ, о его біографіи и о критической оцѣнкѣ его произведеній и б) на корреспонденціи о юбилейныхъ торжествахъ, т. е. ихъ описанія и выводы объ ихъ значеніи. По числу статей, относящихся къ тому и другому отдѣламъ, количество матеріала распредѣляется между ними почти поровну, даже число статей втораго отдѣла почти превышаетъ первый. Но по объему статей первый отдѣлъ значительно преобладаетъ. Личность Пушкина заняла особенное вниманіе нѣмцевъ и ей посвящено по объему чуть-ли не $^2/_3$ или $^3/_4$ всего нашего матеріала, при чемъ нѣкоторыя статьи подписаны именами извѣстныхъ въ Германіи авторовъ. Намъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться на этихъ именахъ. Одно ихъ количество уже убѣдитъ насъ въ томъ значеніи, которое нѣ-

мецкая литература признала за столѣтнимъ юбилеемъ рожденія нашего великаго поэта.

Всѣхъ писателей, подписавшихся подъ нѣмецкими статьями о Пушкинѣ и по поводу его, мы насчитали двѣ дюжины. Откинувъ изъ нихъ пятерыхъ, которые, скрывъ свое имя, ограничились одними иниціалами [1]), мы получимъ 19 авторовъ, изъ которыхъ 12 германскихъ нѣмцевъ, трое русскихъ нѣмцевъ (изъ Петербурга и Москвы), двое чеховъ, одинъ датчанинъ и одна русская писательница, г-жа Зин. Венгерова. Изъ числа германскихъ авторовъ шесть статей подписаны извѣстными именами Карла Эмиля Францоза, Адольфа Стерна, Ольги Вольбрюкъ, Евгенія Цабеля, І. Нордена и Вальтера Ульманна. Всѣ эти статьи повторены по крайней мѣрѣ въ двухъ газетахъ, а фельетонъ Ольги Вольбрюкъ перепечатанъ, какъ мы упомянули выше, даже въ семи. Остальныя статьи о Пушкинѣ появились лишь по одному разу и принадлежатъ слѣдующимъ шести писателямъ, живущимъ въ Германіи: Георгу Адамъ, Отто Феликсъ, В. Голантъ, Паулу Ремеръ (Remer), Феликсу фонъ-Сандоръ и Гансу Шакъ. Изъ русскихъ авторовъ нѣмецкихъ статей въ Петербургѣ живутъ баронъ Алексѣй фонъ-Энгельгардтъ и Александръ Рейнгольдъ, а въ Москвѣ—Георгъ Бахманнъ. Изъ чеховъ о Пушкинѣ писали профессоръ Ржехакъ въ «Брюннскомъ Ежедневникѣ» (№ 49) и Францъ Квапиль въ «Пражской Политикѣ» (№ 47). Наконецъ «Франкфуртская газета» отъ 25-го мая (№ 30) отвела въ своемъ фельетонѣ мѣсто извлеченію изъ книги извѣстнаго Георга Брандеса о сравнительныхъ достоинствахъ Пушкина и Лермонтова. Къ авторамъ, выступившимъ подъ своимъ именемъ или, по крайней мѣрѣ, подъ иниціалами, слѣдуетъ причислить В. Генкеля (W.Henckel), хотя его фельетонъ лишь косвенно касается Пушкина и имѣетъ въ виду вступительную лекцію С. А. Венгерова по исторіи русской литературы. Затѣмъ идетъ небольшой рядъ анонимныхъ статей о самомъ Пушкинѣ и его юбилеѣ (напримѣръ въ №№ 13, 23, 25, 27, 42, 45, 46, 50 и т. д.).

Сводя итоги всему этому матеріалу, мы получаемъ слѣдующую статистику заглавій, анонимныхъ и обозначаемыхъ именами авторовъ, статей. Заглавія: Александръ Пушкинъ встрѣчаются 16 разъ, Къ столѣтію

---

[1]) Именно слѣдующими: С. Е. (Ц. или К. Е.) подъ рецензіею на юбилейныя изданія Юрьевскаго профессора г. Пѣтухова (№ 51 отъ 2-го августа) С. К. (К. или Ц. К.) въ статьѣ о Пушкинѣ, озаглавленной „Русскій поэтъ“ (№ 43 отъ 7-го іюня), Е. (Э.) М. въ статьѣ „Петербургскаго Герольда“ (№ 50 отъ 26-го мая—7-го іюня), Ph. St. (Ф. Ст.) въ текстѣ къ портрету Пушкина, помѣщенному въ „Берлинской вечерней почтѣ“ (№ 1 отъ 26-го мая) и докторъ Z (Ц.) подъ статьею о Пушкинѣ въ „Сѣверо-германской всеобщей газетѣ (№ 9 отъ 8-го іюня).

рожденія Пушкина—3 раза, Къ пушкинскимъ торжествамъ—4 раза, а всѣ остальныя по одному разу, какъ-то: Русскій поэтъ, Пушкинъ и Лермонтовъ, Наташа Пушкина, Изъ исторіи русской литературы и Новѣйшая Россія [1]). Перечень этотъ явно свидѣтельствуетъ о томъ, что вниманіе нѣмцевъ было обращено не столько на юбилейныя торжества, какъ на явленіе общественной жизни въ Россіи, сколько по поводу ихъ—на личность, біографію, произведенія и критическую оцѣнку нашего поэта.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію нашего матеріала, остановимся еще на слѣдующихъ, не лишенныхъ интереса соображеніяхъ. Помимо того факта, что Германія обратила вниманіе на Пушкина по поводу его юбилея, было бы любопытно узнать, насколько это вниманіе нѣмецкой журналистики было интенсивно, хотя бы въ смыслѣ посвященія извѣстнаго количества времени воспоминаніямъ о нашемъ поэтѣ и критикѣ его произведеній. Въ этомъ отношеніи любопытно прослѣдить то время, въ теченіе котораго Германская пресса была занята Пушкинымъ. Нашъ матеріалъ позволяетъ намъ сдѣлать въ этой области не лишенные курьеза выводы и заключенія. Первая статья по поводу Пушкинскаго юбилея принадлежитъ перу извѣстнаго критика Георга Брандеса, озаглавлена «Пушкинъ и Лермонтовъ» и помѣщена въ № 143 «Франкфуртской газеты» (№ 30) отъ 25-го мая новаго стиля (13-го мая стараго стиля). Приводимые нами далѣе факты не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что нѣкоторыя нѣмецкія газеты днемъ рожденія Пушкина признавали 26-е число мая по новому, но не по старому стилю, и такимъ образомъ почти на двѣ недѣли предупредили дѣйствительный срокъ юбилея. Статья Брандеса, помѣщенная въ газетѣ отъ 25-го числа, прямо имѣетъ въ виду слѣдующій затѣмъ день, какъ это указано во второй строчкѣ заглавія статьи [2]). Замѣчаніе это прямо подтверждается цѣлымъ рядомъ статей, появившихся въ разныхъ газетахъ, въ номерахъ отъ 14-го (26-го) мая, именно въ трехъ «Берлинскихъ» (№№ 1, 3, 15) [3]), «Альтенбургской» (№ 24), «Гальберштадской» (№ 32), «Кассельской» (№ 26) и «Дармштадтской» (№ 27).

---

[1]) „Alexander Puschkin“; „Zur hundertjährigen Geburt Alexander Puschkins“; „Zur Puschkin-Feier“; „Ein russischer Dichter“; „Puschkin und Lermontoff“; „Natasa Puskin“; „Aus der russischen Litteraturgeschichte“; „Zur neueren Geschichte der russischen Litteratur“; „Das jüngste Russland“

[2]) Zu Puschkin 's 100 Geburtstag, 26-ro Mai 1799.

[3]) Въ берлинскомъ изданіи „Сцена и Свѣтъ“ (№ 15) въ тетради, выходъ которой обозначенъ 27-мъ числомъ мѣсяца, помѣщены двѣ статьи: одна, принадлежащая перу А. Рейнгольда, а другая анонимная, представляющая объяснительный текстъ къ портрету Пушкина, день рожденія котораго пріуроченъ къ 14 (26) мая.

Изъ числа этихъ семи газетъ, три послѣднія одновременно помѣстили у себя статью Вальтера Ульманна, которая почти черезъ мѣсяцъ, именно 21-го іюня, была перепечатана въ № 255 «Мекленбургской газеты» (№ 39), а одна газета (№ 3) помѣстила у себя переводъ «Выстрѣла Пушкина», видоизмѣнивъ его заглавіе во «Второй выстрѣлъ» («Der zweite Schuss»). Отголоски юбилейнаго, по ошибочному счету, дня 14-го (26-го) мая отразились и въ слѣдующихъ газетахъ отъ 27-го (15-го) мая; двухъ берлинскихъ (№№ 14 и 16) и одной, издаваемой въ Оснабрюкѣ (№ 37). Затѣмъ, въ теченіе трехъ дней Германія опять забыла про Пушкина, но съ 31-го (19-го) мая вновь вспоминала о немъ уже въ теченіе цѣлыхъ двухъ недѣль почти безъ перерыва. 31-го (19-го мая) «Кенигсбергская газета» въ своемъ приложеніи (№ 21) перепечатала переводъ «Выстрѣла» подъ тѣмъ же искаженнымъ заглавіемъ, подъ какимъ онъ появился пятью днями ранѣе въ Берлинѣ. Отъ 1-го іюня (20-го мая) встрѣчаемъ мы лишь одну статью Нордена, помѣщенную въ № 418 «Лейпцигской иллюстрированной газеты» (№ 22), откуда она черезъ пять дней попала въ «Берлинскій листокъ» (№ 4). Пропустивъ число 2-го іюня (21-го мая), нѣмецкая пресса съ 3-го іюня (22-го мая) опять занялась Пушкинымъ и при томъ особенно усердно. До самаго 14-го (2-го) іюня газеты не пропустили ни одного дня безъ упоминанія о Пушкинѣ. Къ этому времени пріурочивается наибольшее количество біографическихъ и критическихъ статей о немъ, а равно и всѣ корреспонденціи о празднованіи Пушкинскаго юбилея въ Россіи. Корреспонденціи эти начинаются въ номерахъ газетъ съ 3-го іюня (22-го мая) и, за исключеніемъ одного дня, 12-го іюня (31-го мая), не прекращаются вплоть до 2-го (14-го) іюня. Чтобы покончить съ этими корреспонденціями, скажемъ, что онѣ помѣщены въ газетахъ: пяти берлинскихъ (№№ 2, 5, 8, 10, 11), одной гамбургской (№ 19), одной вѣнской (№ 42) и двухъ пражскихъ (№ 48 и 49). Газеты отъ 11-го, 13-го и 14-го іюня (30-го мая, 1-го и 2-го іюня ст. стиля) заняты исключительно этими корреспонденціями. Собственно статьи о Пушкинѣ, біографическаго и критическаго характера, начали появляться съ 3-го іюня (22-го мая) въ двухъ берлинскихъ (№№ 7 и 12), веймарской (№ 40) и вѣнской (№ 44) газетахъ. Почти такое же число газетъ было занято подобными же статьями и въ слѣдующіе три дня: 4-го іюня—23-го мая (№ 8 въ Берлинѣ, № 17 въ Гамбургѣ, № 33 въ Ганноверѣ и № 38 въ Шпандау), 5-го іюня—24-го мая (въ Кенигсбергѣ № 20, въ Эссенѣ № 29 и въ Шверинѣ № 49) и 6-го іюня—25-го мая (двѣ въ Берлинѣ, №№ 4 и 7, въ Бреславлѣ № 25, Дрезденѣ № 28 [1])

[1]) Дрезденскій журналъ посвятилъ Пушкину фельетонъ Адольфа Стерна, занявшій три номера сряду и начавшійся печатаніемъ 6-го іюня—26-го мая

и Брюннѣ № 49). Самое большое количество статей о Пушкинѣ приходится на 26-е мая—7-е іюня, дѣйствительную годовщину рожденія Пушкина. Въ этотъ день нашему поэту посвятили свои страницы слѣдующія газеты: Берлинская (№ 15), Гамбургская (№ 18), Гроссенгайнская (№ 31), Гильдесгеймская (№ 34), Кельнская (№ 35), Вѣнская (№ 41) и Пражская (№ 47) и кромѣ того всѣ четыре нѣмецкія изданія въ Россіи (№№ 50—53). Послѣ 7-го іюня (26-го мая) интересъ къ Пушкину начинаетъ ослабѣвать въ Германіи. Отъ 8-го іюня (27-го мая) мы встрѣчаемъ лишь двѣ статьи (въ №№ 9 и 28), отъ 9-го іюня (28-го мая) столько же (въ № 28 конецъ фельетона, начатаго 26-го мая (7-го іюня) и въ № 43), отъ 10-го іюня (28-го мая) столько же (въ №№ 8 и 23). Газеты отъ 11-го іюня (29-го мая) и 14-го (2-го) іюня заняты однѣми корреспонденціями о Пушкинскихъ торжествахъ въ Россіи, отъ 12-го іюня (31-го мая) встрѣчаемъ двѣ статьи въ двухъ берлинскихъ газетахъ (№№ 6 и 13) и наконецъ въ «Пражской Политикѣ» (№ 47) отъ 13-го (1-го) іюня находимъ окончаніе фельетона, начатаго за недѣлю передъ тѣмъ. Затѣмъ въ теченіе мѣсяца ни одинъ нѣмецкій журналъ не упоминаетъ о Пушкинѣ, по крайней мѣрѣ наша коллекція прерывается отъ 14-го (2-го) іюня до 16-го (4-го) іюля. Потомъ имя Пушкина встрѣчается лишь 5 разъ въ нѣмецкихъ газетахъ, въ статьяхъ не столько о немъ, сколько по поводу его и въ особенности по поводу его юбилея. Эти пять статей относятся къ слѣдующимъ днямъ: 16-го (4-го) іюля (№ 2), 23-го (11-го) іюля (№ 5), 2-го августа (21-го іюля) (№ 51), 3-го августа (22-го іюля) (№ 36) и 13-го (1-го) августа (№ 54).

Изъ этого длиннаго перечня мы убѣждаемся, что Пушкинъ обращалъ на себя вниманіе нѣмцевъ въ теченіе $2^1/_2$ мѣсяцевъ, но въ особенности двухъ недѣль, протекшихъ между 13-мъ (25-мъ) мая и 2-мъ (14-мъ) іюня, при чемъ часть Германской прессы предупредила срокъ чествованія памяти Пушкина на 13 дней, составляющихъ разницу между старымъ и новымъ стилемъ, признавъ днемъ его рожденія 26-е мая по Грегоріанскому календарю.

Окончивъ обзоръ нашего матеріала, постараемся отвѣтить на вопросы, какъ нѣмцы отнеслись къ Пушкину, что знаютъ о его біографіи, какъ его цѣнятъ, какое мѣсто отводятъ ему въ литературѣ русской и всеобщей и какое впечатлѣніе произвело на нихъ празднованіе его столѣтія со дня рожденія?

по календарю 1799 года, когда разница новаго и стараго стилей составляла всего 11 дней.

III.

Начнемъ съ начала, именно съ выясненія свѣдѣній нѣмецкихъ журналистовъ по біографіи Пушкина. Что касается до крупныхъ чертъ и до послѣдовательности событій въ жизни Пушкина, то біографіи его излагаются довольно правильно и точно, но относительно подробностей, именъ, датъ, мы встрѣчаемся съ поразительными ошибками.

Всѣ почти авторы юбилейныхъ статей останавливаются на примѣси африканской крови въ жилахъ Пушкина и на его воспитаніи по французскимъ образцамъ. Благотворное въ національномъ и творческомъ смыслѣ вліяніе нянюшки Арины Родіоновны, раннее стихотворство Пушкина въ дѣтствѣ по-французски, недостатки лицейскаго воспитанія, распущенность и легкомысліе Пушкина до 1820 годовъ, благотворное вліяніе на него ссылки, внутренняя раздвоенность его въ Петербургѣ, пылкость его ревности, весь ходъ послѣдняго столкновенія съ Дантесомъ,— все это отмѣчается согласно дѣйствительнымъ фактамъ, хотя иногда эти факты страдаютъ неправильнымъ освѣщеніемъ. Нѣкоторые писатели пытаются даже дѣлить жизнь Пушкина на рѣзкіе періоды. Ад. Стернъ въ «Дрезденскомъ журналѣ» указываетъ на двѣ главныя ея половины и по этому поводу говоритъ: «Одни біографы лучшимъ временемъ жизни Пушкина признаютъ первую половину его жизни, когда онъ стоялъ въ рядахъ аристократической оппозиціи (sic) Александру I и велъ дружбу съ заговорщиками, пріобрѣвшими столь печальную извѣстность подъ именемъ декабристовъ. Другіе авторы, писавшіе о Пушкинѣ, предпочитаютъ конечную эпоху его жизни, отмѣченную благосклонностью императора Николая, поставившаго Пушкина въ такое исключительное положеніе, какого не достигалъ никто изъ талантливыхъ людей Россіи». Георгъ Адамъ въ «Берлинскомъ магазинѣ литературы» дѣлитъ жизнь Пушкина на три части, которыя называетъ эпохами: 1) безъудержнаго разгула молодости; 2) отрезвленія и пресыщенія и, наконецъ, 3) зрѣлости и сознательной борьбы за идеалъ. Третій нѣмецкій писатель, именно І. Норденъ, усматриваетъ, наконецъ, въ жизни Пушкина цѣлые четыре періода, именно слѣдующіе. Первый, до 1820 года, отличается подражательностію жизнерадостному эпикуреизму французской поэзіи и чувственностью наслажденій, но вмѣстѣ съ тѣмъ не лишенъ сатирическихъ выходокъ противъ современниковъ и явленій эпохи. Второй періодъ, отъ 1820 до 1829 года, отмѣченъ ослабленіемъ Пушкинскаго байронизма подъ вліяніемъ Шекспира и изученія русской исторіи и народной словесности. Въ третьемъ Шекспиръ и Вальтеръ-Скоттъ еще болѣе отражаются въ драматическихъ и повѣствовательныхъ произведеніяхъ Пушкина. Наконецъ, о послѣднемъ періодѣ Норденъ говоритъ слѣдующее:

«Послѣдніе годы поэтъ провелъ въ душевномъ одиночествѣ. Онъ отвернулся отъ общества и толпы, его стали угнетать мрачное настроеніе и глубокая печаль, хотя временами онъ способенъ былъ вновь предаваться самой неукротимой веселости». Біографическій оттѣнокъ послѣдняго періода по Нордену какъ-то не вяжется съ историко-литературными основами его дѣленія на три предшествующія эпохи въ жизни Пушкина.

Приступая къ передачѣ главнѣйшихъ фактовъ біографіи Пушкина, по изложенію авторовъ юбилейныхъ о немъ статей, намъ необходимо сдѣлать предварительную оговорку. Мы не будемъ повторять несомнѣнныхъ данныхъ, извѣстныхъ каждому русскому читателю, а обратимъ вниманіе лишь на ошибки нѣмцевъ или на особенно любопытные случаи характерныхъ и неправильныхъ оцѣнокъ явленій изъ жизни нашего поэта. При этомъ стоитъ замѣтить, что нѣмцы начинаютъ ошибаться въ біографіи Пушкина еще ранѣе, чѣмъ говорятъ о его рожденіи.

Евгеній Цабель производитъ Пушкина отъ древняго, но обѣднѣвшаго боярскаго рода, І. Норденъ—отъ стараго боярскаго рода. Одинъ изъ предковъ Александра Сергѣевича, по словамъ Феликса фонъ-Сандоръ, подписался на актѣ избранія на престолъ Михаила Романова. Одна изъ гамбургскихъ газетъ (№ 17) указываетъ на Пушкина, какъ на потомка по матери—Ивана Грознаго (sic), а по отцу—негра (sic); Сандоръ предками матери Пушкина называетъ Ганнибала, арапа Петра Великаго и, смѣшивая Пушкина съ Лермонтовымъ,—испанскаго гранда графа Лерму (sic). Лишь одинъ К. Э. Францозъ приближается къ истинѣ, называя предкомъ Александра Сергѣевича по отцу—нѣмца, а по матери—негра. Указаніе на нѣмца можно допустить лишь въ томъ случаѣ, если подъ нимъ разумѣть родоначальника Пушкиныхъ, выходца изъ Пруссъ, Радшу. При этомъ Францозъ замѣчаетъ, что Пушкинъ принадлежалъ къ знатному роду, извѣстному дикостью нравовъ и приключеніями своихъ представителей. Эта характеристика предковъ Пушкина оправдывается слѣдующими подробностями, сообщаемыми Ольгою Вольбрюкъ. Прадѣдъ А. С. Пушкина, умершій молодымъ, зарѣзалъ свою жену, дочь важнаго вельможи, во время ея беременности; дѣдъ Пушкина, заподозривъ первую свою жену въ связи съ повѣшеннымъ учителемъ французомъ, заставилъ ее умереть на соломѣ въ одиночномъ заключеніи, а вторую жену, беременную, повезъ насильно по визитамъ, вслѣдствіе чего она въ каретѣ родила Сергѣя Львовича, отца нашего поэта. «Прирожденное безуміе семьи», заключаетъ О. Вольбрюкъ, «смягчилось въ слѣдующемъ (т. е. у отца С. Л. Пушкина) поколѣніи до неестественной жестокости, которая находила себѣ пищу въ безграничной власти, принадлежавшей тогдашнимъ крупнымъ помѣщикамъ».

Только-что приведенный разсказъ о рано умершемъ прадѣдѣ Пушкина не соотвѣтствуетъ указаніямъ другихъ авторовъ о преклонномъ

*

возрастѣ Абрама Ганнибала. Впрочемъ нѣмецкія свѣдѣнія объ этомъ первомъ Ганнибалѣ вообще довольно смутны. «Негра этого», говоритъ Евгеній Цабель, «въ 1705 году купилъ въ Константинополѣ русскій посолъ графъ Толстой. Черезъ два года его крестили въ присутствіи Петра Великаго, воспринявшаго его отъ купели, и въ честь крестнаго отца назвали Абрамомъ (sic), по отчеству Петровичемъ, по фамиліи Ганнибалъ». Профессоръ А. Ржехакъ въ «Брюннской газетѣ» замѣчаетъ, что Ганнибалъ прошелъ при Петрѣ Великомъ всю карьеру отъ невольника до адмирала, А. Стернъ называетъ его инженернымъ офицеромъ, достигшимъ генеральскаго чина, а безымянная статья «Кельнской газеты» (№ 35) сообщаетъ, что этотъ арапъ и русскій генералъ прославился болѣе своимъ безобразнымъ поведеніемъ (Liederlichkeit), чѣмъ военными подвигами, и умеръ, 90 лѣтъ отъ роду, незадолго до рожденія Пушкина. Итакъ, по однимъ нѣмецкимъ источникамъ, прадѣдъ Пушкина успѣлъ только зарѣзать жену прежде, чѣмъ умереть въ раннемъ возрастѣ, а по другимъ онъ, напротивъ, достигъ преклонной старости.

Свѣдѣнія нѣмецкихъ газетъ объ Сергѣѣ Львовичѣ Пушкинѣ страдаютъ преувеличеніемъ его галломанскихъ вкусовъ и пристрастій. «Какъ фанатическій поклонникъ французовъ и французской литературы», говоритъ О. Вольбрюкъ, «онъ соединялъ изящный цинизмъ въ формахъ съ философскимъ равнодушіемъ энциклопедистовъ». Тотъ же авторъ сообщаетъ, что С. Л. Пушкинъ помимо своей воли (sic) служилъ въ арміи до 1795 года, когда вышелъ въ отставку и затѣмъ женился на своенравной, но очень красивой дѣвушкѣ. По словамъ І. Норденъ, Сергѣй Львовичъ былъ вельможей (sic). Другіе авторы сообщаютъ, что отецъ великаго поэта вовсе не зналъ по-русски и говорилъ только по-французски (Сандоръ), едва зналъ по-русски (Брандесъ и Энгельгардтъ) и даже запрещалъ своимъ дѣтямъ употреблять родной имъ русскій языкъ (Французъ).

Происхожденіе Александра Сергѣевича «Кельнская газета» называетъ романическимъ, потому «что въ немъ соединилась кровь древнихъ русскихъ бояръ съ кровью африканскихъ арабовъ»; по А. Стерну Пушкинъ выросъ въ аристократической средѣ, а по Сандору, Цабелю и «Гамбургскому листку» (№ 18) даже гордился и тщеславился своимъ родословіемъ.

Почти всѣ наши матеріалы или умалчиваютъ о мѣстѣ рожденія Пушкина или же указываютъ на Москву, какъ на его родину. Одинъ только Феликсъ фонъ-Сандоръ представляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе, сообщая, что поэтъ родился въ Псковской губерніи, при чемъ прибавляетъ, какъ будто для точности, слѣдующее опредѣленіе: «на половинѣ пути между Петербургомъ и Вильною». «Ежедневное обозрѣніе» (№ 41) родиною Пушкина называетъ прямо

городъ Псковъ. Но это оригинальное указаніе еще болѣе превзойдено берлинскимъ «Театральнымъ журналомъ» [1]), который окрестилъ нашего поэта Оттономъ Александромъ Сергѣевичемъ (Otto Alexander Sergejewitch Puschkin—sic). И это читается въ томъ же самомъ номерѣ газеты, гдѣ портретъ Пушкина украшаетъ собою начальныя строки прекрасной статьи А. Рейнгольда, автора извѣстной въ Германіи исторіи русской литературы!

Если нѣмцы способны на подобныя ошибки относительно мѣста рожденія Пушкина и его личнаго имени, то намъ нечего дивиться, что они заставили его совершить истинное чудо человѣческой природы, именно родиться на свѣтъ буквально два раза: 14-го (26-го) мая и 26-го мая (7-го іюня). Первая дата оказалась самою распространенною; ее принимаютъ весьма многіе авторы, именно Ф. Ст. (Ph. St.), Ремеръ, Г. Шакъ, В. Ульманнъ, Г. Брандесъ, Ф. фонъ-Сандоръ, журналы «Сцена и Свѣтъ», «Дома». Въ одной изъ берлинскихъ газетъ (№ 3) переводъ Пушкинскаго «Выстрѣла» появился также въ этотъ день. Остальные писатели и газетныя анонимныя статьи придерживаются правильнаго срока, обозначая его 26-го мая (7-го іюня), какъ-то: Энгельгардтъ, І. Норденъ, К. Э. Францозъ, О. Вольбрюкъ, О. Феликсъ, Ц. К. (С. К.), газеты «Гамбургскій листокъ» и «Кельнская». Въ подстрочномъ примѣчаніи къ статьѣ О. Вольбрюкъ недоразумѣніе въ подлинной датѣ рожденія Пушкина объясняется очень просто: дата эта по старому стилю падаетъ на 26-е мая, а по новому на 7-е іюня, и вся ошибка происходитъ отъ несогласныхъ указаній въ нѣмецкихъ энциклопедическихъ словаряхъ. Брокгаузъ руководствуется старымъ стилемъ и считаетъ днемъ рожденія Пушкина 26-е, т. е. 14-е мая, а Мейеръ приводитъ дату 26-е мая по новому стилю, т. е. подразумѣваетъ 26-е мая (7-е іюня). «По меньшей мѣрѣ неосновательно», замѣчаетъ по этому поводу О. Вольбрюкъ, «что столѣтній юбилей главнѣйшаго русскаго поэта былъ почтенъ нѣмецкою прессою на 12-ть дней ранѣе, чѣмъ въ Россіи». Впрочемъ, кромѣ О. Вольбрюкъ на разницу стараго и новаго стилей указываютъ еще Стернъ и Феликсъ.

Но этимъ еще не кончаются куріозы пріуроченія дня рожденія Пушкина къ календарнымъ срокамъ. А. Стернъ и «Веймарская газета» съ большою сообразительностью указываютъ на числа 6-го іюня (26-го мая), вѣроятно потому, что сто лѣтъ тому назадъ, т. е. въ XVIII вѣкѣ, когда Пушкинъ родился, разница между Юліанскимъ и Грегоріанскимъ стилями составляла не 12, а только 11 дней. Зато трудно объяснить указаніе Евг. Цабеля на юбилейный срокъ 6-го іюня (то-есть 25-го мая), развѣ оправдать его кануномъ юбилея, когда въ Россіи уже

[1]) № 15, стр. 162, въ объяснительномъ текстѣ къ портрету Пушкина.

должны были приступить къ торжествамъ по установленной заранѣе программѣ [1]).

Курьезныя сближенія по поводу дня рожденія Пушкина дѣлаютъ также Г. Шакъ и К. Э. Францозъ. Первый, кстати вовсе не принимающій въ разсчетъ разницы чиселъ по старому и новому календарному счету, торжественно заявляетъ, что 26-го мая 1799 года въ Бреславлѣ родился одинъ изъ значительнѣйшихъ послѣдователей романтической школы въ Германіи, поэтъ и живописецъ, открывшій на островѣ Капри у Неаполя знаменитый голубой гротъ... «Кого же имѣетъ въ виду авторъ?»—подумаетъ невольно читатель и навѣрно никогда не догадается, что рѣчь идетъ о посредственномъ нѣмецкомъ писателѣ Августѣ Копишъ (Kopisch), авторѣ пѣсенъ и стихотвореній въ духѣ народной поэзіи, переводчикѣ Данте и многолѣтнемъ жителѣ Неаполя, по которому онъ водилъ знатныхъ иностранцевъ [2]). «Въ этотъ самый день», продолжаетъ Гансъ Шакъ, «въ Москвѣ увидѣлъ свѣтъ величайшій романтикъ Россіи, даже вообще величайшій русскій поэтъ, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ [3]). Въ этомъ сопоставленіи съ Копишемъ нѣмецкаго автора приходится благодарить хотя бы за эпитеты, приданные Пушкину. К. Э. Францозъ нашего великаго поэта оцѣниваетъ все-таки выше и по поводу 26-го мая (7-го іюня) замѣчаетъ, что это число настолько же знаменательно для русскихъ, насколько дни рожденій Шекспира (23-го апрѣля) для англичанъ и Гёте (28-го августа) или Шиллера (10-го ноября)—для нѣмцевъ.

О дѣтскихъ годахъ Пушкина въ домѣ родителей нѣмецкіе біографы отзываются слѣдующимъ образомъ. По словамъ барона А. Энгельгардта, Пушкинъ озабочивалъ своего отца слишкомъ раннимъ и слишкомъ опаснымъ развитіемъ въ связи съ ребяческою испорченностью, вслѣдствіе чего его отдали въ казенное заведеніе, то-есть лицей. О. Вольбрюкъ выражается менѣе рѣзко. «Маленькій Пушкинъ», говоритъ она, «былъ тихъ, замкнутъ, но упорно противодѣйствовалъ всѣмъ попыткамъ своихъ родителей воспитать его. Мать не особенно его любила и была съ нимъ слишкомъ строга. Преслѣдуемый ея наказаніями, Александръ прибѣгалъ къ защитѣ жившей въ другомъ домѣ бабушки по матери,

---

[1]) Въ первыхъ строкахъ статьи Цабеля мы читаемъ: „Всѣ газеты указываютъ на 6 число іюня, какъ на знаменательный день не только для литературы, но и для умственной жизни страны". Здѣсь подъ словомъ газеты явно подразумѣваются русскія или нѣмецкія, издаваемыя въ Россіи.

[2]) О Копишѣ см. напримѣръ въ „Нѣмецкомъ біографическомъ словарѣ" (Allgemeine Deutsche Biographie, Leipzig, 1882, Band XVI, S. 661—663).

[3]) „Альтенбургская газета" (№ 24 по нашему списку).

которая прятала его въ свою рабочую корзину, гдѣ уже никто не смѣлъ его тронуть». Георгъ Адамъ сообщаетъ, что въ дѣтствѣ Пушкинъ едва былъ способенъ мыслить иначе, чѣмъ по-французски, и уже 12-ти лѣтъ отъ роду писалъ французскіе стихи. Объ этихъ раннихъ поэтическихъ опытахъ не на родномъ языкѣ упоминаетъ и Энгельгардтъ. Безъимянный авторъ статьи въ «Кельнской газетѣ» (№ 35) указываетъ, что Пушкинъ зналъ по-французски и едва учился нѣмецкому языку. Русскую родную рѣчь онъ узналъ только изъ разговоровъ съ своей, прятавшей его въ корзину бабкой (О. Вольбрюкъ и Норденъ) и всего болѣе отъ нянюшки, Арины Родіоновны. Послѣднюю называютъ учительницею Пушкина русскому языку почти всѣ журналисты, вошедшіе въ составъ коллекціи М. П. Щепкина, а именно Г. Адамъ, Брандесъ, О. Вольбрюкъ, Энгельгардтъ, Ремеръ, Сандоръ, Ульманнъ, Францозъ, Цабель, Шакъ, «Гамбургскій листокъ для пріѣзжихъ» (№ 18) и «Кельнская газета» (№ 35). По Сандору имя этой нянюшки было Аріана (sic) Родіоновна. Всѣ нѣмцы согласны въ благотворномъ вліяніи этой женщины на Пушкина въ смыслѣ его отрезвленія отъ вольтеріанства и байронизма и поощренія его стремленій къ народности въ поэзіи. Цабель замѣчаетъ, что имя Арины Родіоновны связано съ Пушкинымъ подобно именамъ Мольера и его служанки, а О. Вольбрюкъ сообщаетъ, что во время своей ссылки въ Михайловскомъ Пушкинъ прочитывалъ старой нянѣ свои произведенія. Несмотря однако на все это сближеніе съ представительницею народа, Пушкинъ настолько проникся французскимъ воспитаніемъ, что по вступленіи въ лицей заслужилъ отъ товарищей кличку французъ (Г. Адамъ, І. Норденъ, А. Стернъ и другіе).

Въ лицей Пушкинъ попалъ по протекціи, какъ о томъ сообщаетъ Ц. К. Всѣ нѣмецкіе авторы помѣщаютъ лицей въ Царскомъ Селѣ, но не всѣ правильно называютъ это заведеніе, а именно Царскосельскимъ институтомъ (Сандоръ) и — Царскосельскою гимназіей (D-r Z). Характеристикѣ лицейскаго воспитанія посвящаютъ особенное вниманіе Брандесъ, О. Вольбрюкъ, Энгельгардтъ, Ржехакъ, А. Стернъ, Ульманнъ и анонимъ «Кельнской газеты». Лишь одна О. Вольбрюкъ отзывается объ этомъ заведеніи лестно: «лицей былъ прекраснымъ учрежденіемъ, проникнутымъ новымъ, свѣжимъ направленіемъ, которое главную задачу воспитанія усматривало въ развитіи личности». Всѣ остальные авторы обвиняютъ лицей въ плохомъ преподаваніи, въ слабомъ надзорѣ за воспитанниками, въ предоставленіи послѣднимъ, черезчуръ разгульнымъ буянамъ, излишней свободы. Наибольшею краткостью и рельефностью отличается отзывъ Ржехака, по словамъ котораго «молодые дворяне пріобрѣтали въ лицеѣ кое-какія научныя познанія, рядомъ съ опытами въ наукѣ любви и въ другихъ свободныхъ искусствахъ». Въ числѣ лицейскихъ преподавателей Брандесъ не безъ ехид-

ства указываетъ на брата Марата [1]). Цабель приводитъ неблагопріятный отзывъ о Пушкинѣ его начальника въ лицеѣ, директора Энгельгардта, а Брандесъ указываетъ на испорченность Пушкина по выходѣ изъ лицея, хотя объясняетъ эту испорченность не столько природою поэта, сколько отраженіемъ на него политическихъ обстоятельствъ. Но всѣ нѣмцы согласны въ признаніи благопріятнаго на Пушкина вліянія со стороны развитаго въ лицеѣ вкуса къ литературѣ, при чемъ не забывается событіе, разсказанное въ стихахъ Онѣгина:

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

По выходѣ нашего поэта въ 1817 г. изъ лицея, его служебная карьера началась, по показаніямъ большинства нѣмецкихъ писателей, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, куда, по словамъ Стерна, онъ былъ опредѣленъ коллежскимъ секретаремъ (sic). Но Ф. Ст. въ «Берлинской вечерней почтѣ» (№ 1) и анонимъ «Кельнской газеты» (№ 35) помѣщаютъ его прямо изъ лицея въ военную службу, именно въ гвардію. Первый авторъ называетъ его даже гусаромъ, а второй говоритъ, что по окончаніи воспитанія Пушкинъ по диплому получилъ чинъ гвардейскаго офицера (sic). Въ эту пору внѣшность Пушкина была изящна (Вольбрюкъ, Цабель), даже франтовата («Dandy» по Брандесу), своею личностью онъ производилъ чарующее впечатлѣніе (д-ръ Z) и благодаря всему этому, онъ пользуется у женщинъ громаднымъ успѣхами, порхаетъ съ одного цвѣтка на другой (Ржехакъ), предается донжуанству (Францозъ), кутежамъ («Кельнская газета») съ разочарованною (sic) золотою молодежью (Стернъ) и безшабашному наслажденію жизнью. Въ это время жизнь Пушкина дѣлилась на четыре части (Францозъ): 1) небрежное исполненіе служебныхъ обязанностей; 2) кутежи, карты и ухаживаніе за женщинами, преимущественно чужими женами; 3) участіе во всякихъ тайныхъ, союзахъ и обществахъ, славянофильскихъ и космополитическихъ, демократическихъ и аристократическихъ (sic). Онъ еще не знаетъ, какъ спасти Россію, но уже рѣшилъ низвергнуть правительство (sic). Наконецъ, 4) главнѣйшая задача Пушкина заключалась въ сочиненіи стиховъ и изученіи Байрона, Гёте и нѣмецкихъ романтиковъ. Такому общему голосу противорѣчитъ однако отзывъ Голанта о томъ, что, подъ притворною внѣшностью легкомыслія и презрѣнія къ жизни, Пушкинъ скрывалъ серьезный интересъ къ общественнымъ и политическимъ вопросамъ, а по словамъ О. Вольбрюкъ, Пушкинъ работалъ дома, какъ усердный и добросовѣстный ученый (sic) и только въ свѣтѣ велъ разсѣянную жизнь.

---

[1]) Тоесть на француза Будри.

Однако по отзыву Сандора, ученость эта не была ни обширна, ни глубока, такъ какъ самъ Мицкевичъ не могъ достаточно надивиться невѣжеству Пушкина въ самыхъ простыхъ вещахъ. Въ опасную эпоху увлеченія житейскими наслажденіями Пушкина спасалъ и поощрялъ къ творчеству его, гораздо старшій, другъ, совѣтникъ и ангелъ-хранитель (Энгельгардтъ), Жуковскій, Цуковскій (sic—у Шака) или Іонковскій, придворный поэтъ Екатерины II (sic у О. Вольбрюкъ), который ввелъ его въ Арзамасскій клубъ (Шакъ). Первое произведеніе, составившее славу Пушкина, какъ поэта, и раздѣлившее русскихъ литераторовъ на двѣ партіи, было поэма «Русланъ и Людмила», напечатанная въ 1820 г. Отмѣчая этотъ общеизвѣстный фактъ, нѣмцы и тутъ не обошлись безъ ошибокъ. Анонимъ «Вѣнской свободной прессы» (№ 42) называетъ поэму Арканъ (sic) и Людмила, а появленіе ея въ свѣтъ «Веймарская газета» относитъ къ 1817 году, а Шакъ къ 1830 г.

Поводы къ ссылкѣ Пушкина въ 1820 году на югъ Россіи объясняются нѣмецкими біографами различно. О. Вольбрюкъ и другіе авторы объясняютъ ее эпиграмматическимъ разгуломъ поэта, при чемъ онъ не щадилъ ни одного изъ своихъ начальниковъ («Кельнская газета»), но гнѣвъ Александра I-го былъ возбужденъ окончательно не столько свободолюбивымъ стихотвореніемъ Пушкина, сколько его эпиграммою на Аракчеева («Вѣнская пресса, № 42). Ржехакъ останавливается на неудобствахъ правительственнаго чиновника воспѣвать свободу, Брандесъ указываетъ на революціонные идеалы Пушкина, котораго «Кельнская газета» называетъ «революціоннымъ проказникомъ (enfant terrible—sic) аристократизма». «Вѣнская пресса» (№ 42) говоритъ, что нашъ поэтъ былъ у петербургскихъ властей на замѣчаніи, какъ революціонеръ, но вопросъ о принадлежности Пушкина къ тайнымъ обществамъ, обнаружившимся въ бунтѣ 14-го декабря 1825 г., разрѣшается нѣмцами различно. Одни признаютъ его прикосновенность къ заговору (Французъ и Анонимъ въ «Политикѣ» [1]), а другіе отрицаютъ ее (О. Феликсъ, А. Стернъ, Ц. К.). Послѣдній авторъ въ «Австрійской народной газетѣ» (№ 43) подробно излагаетъ исторію обыска у поэта и его свиданія съ Милорадовичемъ, которому Пушкинъ прочелъ наизусть всѣ свои подспудныя стихотворенія. Объ обыскѣ, но бѣгло и кратко, упоминаетъ также и О. Вольбрюкъ, а о разговорѣ о Пушкинѣ Александра I съ Энгельгардтомъ, директоромъ лицея,—Энгельгардтъ.

Изгоняя Пушкина изъ Петербурга, императоръ далъ ему на дорогу тысячу рублей, и эта милость такъ тронула поэта, что «онъ былъ готовъ просить у Александра прощенія во всѣхъ поступкахъ, въ которыхъ его обвиняли» (О. Вольбрюкъ). Время ссылки указывается нѣмецкими

[1]) № 47 отъ 4-го іюня.

біографами вообще правильно и отнесено къ 1820 году, за исключеніемъ безъимянныхъ авторовъ въ журналахъ лейпцигскомъ «Дома» (№ 23), и вѣнскомъ «Спортъ и Салонъ» (№ 45), которые пріурочиваютъ ссылку къ 1824 году. Но полное несогласіе господствуетъ у нѣмцевъ относительно обозначенія мѣста, куда Пушкинъ былъ сосланъ. Первоначальное назначеніе въ Сибирь указывается Брандесомъ и О. Вольбрюкъ; Цабель даже останавливается на возможныхъ послѣдствіяхъ пребыванія Пушкина «среди негостепріимныхъ пространствъ между Ураломъ и Тихимъ океаномъ, гдѣ бы могъ хоть нѣсколько остыть неукротимый пылъ его юности». Журналы «Дома» (№ 23), и «Спортъ и Салонъ» (№ 45) не упоминаютъ вовсе о его пребываніи на югѣ Россіи и, согласно съ хронологической датой 1824 года, указываютъ на его ссылку прямо въ Псковскую губернію. Другія газеты ссылаютъ его въ Кишиневъ и деревню, умалчивая объ Одессѣ (Ц. К.), въ степной городокъ южной Россіи, не называя его по имени (Сандоръ), огульно въ южную Россію, Крымъ, на Кавказъ и въ отцовское имѣніе («Новая пресса», № 42). Нѣкоторые авторы упоминаютъ о назначеніи Пушкина состоять при кишиневскомъ губернаторѣ графѣ Воронцовѣ (sic у Вольбрюкъ), при губернаторѣ южной Россіи Инзовѣ (Стернъ),—въ качествѣ секретаря при губернаторѣ колоній южной Россіи («Кельнская газета») или коллежскаго секретаря (sic) при кишеневскомъ губернаторѣ (Брандесъ). О пребываніи Пушкина въ Бессарабіи читаемъ слѣдующее въ статьѣ О. Вольбрюкъ: «онъ усиленно ухаживалъ за женщинами, проводилъ ночи за картами, дрался на дуэляхъ изъ-за неправившагося ему слова или взгляда, писалъ стихи или прозу, занимался историческими изслѣдованіями, учился по-англійски, изучилъ англійскую литературу, постоянно колебался чувствами между надеждою на освобожденіе отъ ссылки и отчаяніемъ разлуки съ петербургскими друзьями, набросалъ первую главу Евгенія Онѣгина и вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ въ концѣ концовъ достигъ того, что ему было разрѣшено жить въ Одессѣ». Нѣкоторые другіе авторы подобными же красками рисуютъ кишиневскій періодъ, а Энгельгардтъ приводитъ разсказъ о временной ссылкѣ Пушкина въ Измаилъ за его карточную ссору съ партнеромъ, котораго онъ побилъ сапогомъ [1]).

Дурное вліяніе Одессы на изгнанника отмѣчается Стерномъ. О. Вольбрюкъ упоминаетъ о пылкой страсти Пушкина къ одной Одесской красавицѣ [2]) и указываетъ на его преслѣдованіе эпиграммами и насмѣшками мѣстнаго общества, которое узрѣло въ немъ свой бичъ именно

---

[1]) Разсказъ этотъ заимствованъ изъ статьи П. И. Бартенева: „Пушкинъ въ южной Россіи". („Русскій Архивъ", 1866 г., стр. 1179—1180).

[2]) Здѣсь вѣроятно намекается на Ризничъ.

потому, что «женщины приняли его подъ свою защиту». Поведеніе молодаго поэта подверглось упрекамъ со стороны начальства, которое жаловалось въ высшія инстанціи на его «дурной образъ жизни». Обвиненія эти, по Брандесу, были основаны на сношеніяхъ Пушкина съ другомъ англійскаго поэта Шелли, убѣжденнымъ атеистомъ [1]), а по Нордену, на стихахъ Пушкина, которыми обидѣлся графъ Воронцовъ, одесскій генералъ-губернаторъ. Статья въ «Политикѣ» (№ 47 отъ 4-го іюня) и другіе авторы подробно останавливаются на благотворномъ для поэзіи Пушкина вліяніи Бессарабіи, Кавказа и Крыма, которые онъ посѣтилъ вмѣстѣ съ семьею своего лицейскаго товарища (sic) Раевскаго (Бахманъ). «Кельнская газета» (№ 35) замѣчаетъ по этому поводу, что природа Кавказа и Крыма вознаграждаетъ Россію за однообразіе ея пустынныхъ равнинъ; по выраженію Стерна, въ Бессарабіи и Кишиневѣ Пушкинъ плодотворно познакомился съ другою частью Россіи, чѣмъ та, которая лежитъ между Москвою и Петербургомъ; а Голантъ говоритъ слѣдующее: «преслѣдованія правительства сблизили Пушкина съ печальною дѣйствительностію тогдашняго состоянія Россіи, освѣтили передъ нимъ жизнь современнаго образованнаго общества со всѣми его недостатками и обнаружили передъ нимъ главный порокъ русскаго народа, заключающійся въ лѣни и отсутствіи иниціативы».

Байронизмъ Пушкина занялъ особое мѣсто въ нѣмецкихъ біографическихъ статьяхъ, которыя отмѣчаютъ отраженіе вліянія англійскаго поэта не только на творчествѣ Пушкина, но и на образѣ его жизни и содержаніи его мысли. «Политическая сторона байронизма», говоритъ Н. Голантъ, «оказалась совсѣмъ на заднемъ планѣ, а впереди всего явилось презрительное отрицаніе всякихъ преданій въ области обычаевъ, условности и предразсудковъ, а равно и стремленіе къ неограниченной свободѣ личности и къ проявленію всей глубины демоническихъ страстей». Послѣдствіе такого настроенія г. Адамъ видитъ въ частыхъ поединкахъ Пушкина въ кишиневскую эпоху его жизни. Ф. Ст. называетъ такое настроеніе самообайронизированіемъ (Selbstbayronisirung), журналъ «Сцена и Свѣтъ» (№ 15) прилагаетъ къ Пушкину эпитетъ русскаго Байрона, а Стернъ указываетъ на взаимное сходство природы двухъ поэтовъ. О второй половинѣ изгнаннического періода въ жизни Пушкина, когда онъ жилъ въ родительскомъ имѣніи Михайловскомъ, кстати, по словамъ К. Э. Француза, лежащемъ въ средней Россіи (sic), а по д-ру Z. (№ 9) называвшемся Псковомъ (sic), нѣмецкія газеты сообщаютъ болѣе

[1]) Эккардтъ, изъ книги котораго Брандесъ повидимому заимствовалъ свое указаніе, называетъ этого атеиста—Гутчинсономъ, Hutchinson (Neue Bilder, стр. 168).

или менѣе вѣрныя въ общемъ свѣдѣнія, но однако съ нѣкоторыми исключеніями. Родители Пушкина приняли въ деревнѣ своего сына съ ужасомъ, какъ отъявленнаго атеиста и революціонера (Энгельгардтъ), за котораго должны были отвѣчать передъ начальствомъ (О. Вольбрюкъ). По другимъ указаніямъ, надзоръ за поэтомъ въ Михайловскомъ былъ порученъ мѣстнымъ псковскимъ губернатору, предводителю дворянства и архимандриту сосѣдняго монастыря («Веймарская газета»), и Пушкинъ управлялъ имѣніемъ по порученію отца («Кельнская газета»). Всѣ почти нѣмецкія статьи отмѣчаютъ благотворное вліяніе на талантъ Пушкина его уединенія въ Михайловскомъ, гдѣ онъ познакомился съ новыми источниками и образцами поэзіи въ произведеніяхъ народной словесности, въ русской исторіи и въ твореніяхъ геніевъ Западной Европы. Но къ этому, а равно и къ его творчеству въ эту эпоху мы вернемся далѣе, въ изложеніи критическихъ отзывовъ нѣмцевъ о сочиненіяхъ Пушкина. Брандесъ, Энгельгардтъ, Стернъ и Цабель обращаютъ особенное вниманіе на тѣ прискорбныя послѣдствія, которыя могли бы угрожать даже самой жизни Пушкина, если бы онъ оказался въ Петербургѣ во время мятежа 14-го декабря, который Цабель пріурочиваетъ къ 14-му (25-му, вѣрнѣе было бы 12-му (26-му) числу, а статья «Политики» (№ 47 отъ 4-го іюня)—къ 12-му, то-есть по новому стилю, къ 24-му.

Критическимъ пунктомъ въ жизни Пушкина и въ развитіи его характера всѣ нѣмецкіе авторы признаютъ 1826 г., когда онъ былъ возвращенъ изъ ссылки и, въ особенности, ту бесѣду, которую въ кремлевскомъ дворцѣ онъ имѣлъ съ императоромъ Николаемъ. Съ этихъ поръ на него посыпались царскія милости, первымъ образцомъ которыхъ явилось подчиненіе плодовъ его музы личной цензурѣ государя. Исполненный самыхъ лучшихъ намѣреній относительно плодотворнаго преуспѣянія русскаго общества (Голантъ), императоръ Николай несмотря на всю свою жестокость (Французъ), хотя воинъ по природѣ, но сочувствовавшій поэзіи (Ржехакъ), простилъ Пушкина и далъ ему случай лично объясниться съ его государемъ. Свиданіе поэта съ Николаемъ составляетъ предметъ подробныхъ разсказовъ Энгельгардта и Ц. К. и бѣглыхъ упоминаній Брандеса, О. Вольбрюкъ и другихъ писателей, а Сандоръ доходитъ даже до того, что сообщаетъ, будто государь собственноручно вычеркивалъ краснымъ карандашемъ ненравившіеся ему стихи Пушкина. Назначеніе членомъ академіи и камеръ-юнкеромъ (О. Вольбрюкъ, Г. Адамъ, Ржехакъ), даже императорскимъ (sic) камеръ-юнкеромъ (Брандесъ), за исторію Пугачевскаго бунта (Шакъ), при чемъ 34-лѣтній возрастъ поэта заставилъ бы его предпочесть званіе камергера (Бахманъ), титулъ придворнаго исторіографа (Сандоръ, О. Феликсъ), даже исторіографа Петра Великаго (д-ръ Z), ежегодное содер-

жаніе въ 6.000 р. (Брандесъ и «Новая Пресса»), заемъ у государя 20.000 р. на уплату личныхъ долговъ (О. Вольбрюкъ),—вотъ въ чемъ проявились милости царя къ Пушкину въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ знаковъ благоволенія. «Гдѣ бы ни показывался Пушкинъ»—говоритъ «Кельнская газета»,—«его всюду встрѣчали, какъ царскаго любимца». Но этотъ фаворъ, по словамъ «Новой Вѣнской Прессы», оказался для поэта пагубнѣе его ссылки: онъ тяготился царскими милостями, продавъ свою свободу и либеральный образъ мыслей за камеръ-юнкерство и 6.000-ное жалованье и, какъ пенсіонеръ царя, вошелъ въ компромиссъ съ чужою волею. «Когда, истекая кровью»,—пишетъ анонимъ названной вѣнской газеты,—«онъ лежалъ на своемъ смертномъ одрѣ, какое дѣло было ему до царскаго обѣщанія обезпечить вдову и дѣтей поэта? Пушкинъ слишкомъ многимъ пожертвовалъ для милостей царя, хотя не слишкомъ многимъ для своей посмертной славы». «Пушкину»,—говоритъ Брандесъ,—«предстояло помириться съ императоромъ и его системой или на всю жизнь навлечь на себя преслѣдованіе и ссылку: онъ пошелъ на соглашеніе..., но онъ тяготился своими громкими успѣхами, при мысли о друзьяхъ юности, томившихся въ казематахъ или рудникахъ Сибири или, какъ бѣглецы, скрывавшихся въ городахъ Западной Европы. Въ такомъ же смыслѣ выражается Стернъ, а Энгельгардтъ замѣчаетъ, что несмотря на компромиссъ, Пушкинъ «во всю остальную жизнь все-таки продолжалъ быть на замѣчаніи, какъ политически неблагонадежный и опасный, хотя и тайный, революціонеръ и атеистъ, что навлекло на него постоянный надзоръ полиціи и заставило менѣе ощущать надъ собою власть самого царя, чѣмъ его всемогущаго министра Бенкендорфа. Въ такомъ положеніи поэтъ искусственно развилъ въ себѣ оффиціальный патріотизмъ, выразившійся главнымъ образомъ въ его стихотвореніи «Клеветникамъ Россіи» (Энгельгардтъ, Брандесъ), за которое, по словамъ Энгельгардта, Пушкинъ награжденъ казеннымъ мѣстомъ съ жалованьемъ въ 5.000 р. Г. Адаму Пушкинъ даже кажется не вполнѣ искреннимъ въ его увлеченіи историческою фигурою Петра Великаго, которая могла быть въ извѣстномъ смыслѣ полезна ему, какъ идеалъ всемогущаго монарха.

Эпоха жизни Пушкина между осенью 1826 года и его женитьбой обращаетъ на себя вниманіе нѣмецкихъ писателей безпрестанными передвиженіями поэта съ одного мѣста на другое, его, такъ сказать, непосѣдливостью (Ц. К.). Черта эта отчасти объясняется тѣмъ, что Пушкинъ предпочиталъ Москву Петербургу («Кельнская газета»), а отчасти его душевнымъ состояніемъ между первымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него Н. Н. Гончаровою на балу 1828 года въ Москвѣ (Цабель, Ц. К.), и запоздалымъ ихъ бракомъ. Нѣмецкіе авторы останавливаются на поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ, на его Эрзерумскомъ

путешествіи и на его задержкѣ холернымъ карантиномъ въ Болдинѣ, которое «Кельнская газета» помѣщаетъ въ Новгородской (sic) губерніи вмѣсто Нижегородской, и пребываніе въ которомъ поэта вмѣсто мѣсяцовъ Ржехакъ опредѣляетъ долгими годами (sic). «Зиму 1827—1828 годовъ»,—пишетъ О. Вольбрюкъ,—«Пушкинъ провелъ въ Петербургѣ, но если онъ хотѣлъ работать, то удалялся въ Михайловское. Иногда онъ подчинялся чувству какого-то утомленія отъ свѣта и людей. Иногда цѣлыми недѣлями онъ не бывалъ въ состояніи покинуть комнату съ своими книгами. Тогда онъ надѣвалъ халатъ и туфли, садился въ углу дивана, закуривалъ длинную трубку и, какъ говорятъ русскіе (sic), плевалъ въ потолокъ (sic).

Романъ Пушкина съ Н. Н. Гончаровой, окончившійся ихъ бракомъ, составляетъ существенный эпизодъ въ нѣмецкихъ біографіяхъ поэта и нѣкоторыми изъ нихъ излагается довольно подробно (О. Вольбрюкъ, Ц. К., Голантъ, Францозъ). Францъ Квапиль въ «Пражской Политикѣ» (отъ 7-го и 13-го іюня) посвящаетъ этому роману цѣлыхъ два фельетона подъ заглавіемъ: «Наташа (sic) Пушкина, изъ личной жизни поэта», въ видѣ отрывка изъ своей книги «Жены и возлюбленныя славянскихъ поэтовъ» [1]). Эта юбилейная статья, какъ переводъ съ чешскаго источника, выходитъ изъ рамокъ нашего обзора нѣмецкой газетной литературы о Пушкинѣ. Мы ограничиваемся здѣсь лишь указаніемъ на сочиненіе Квапиля, которое должно скорѣе быть отнесено къ области чествованія Пушкинскаго юбилея въ Богеміи. Вернемся къ нѣмецкимъ источникамъ. «Въ 1828 г.»,—пишетъ Ц. К.,—«встрѣтившись на одномъ балу съ пятнадцатилѣтней Н. Н. Гончаровой, Пушкинъ при первомъ же знакомствѣ объявилъ ей, что его судьба навсегда тѣсно свяжетъ его съ нею, а три года спустя, вопреки цѣлаго ряда помѣхъ и затрудненій, она въ дѣйствительности сдѣлалась его женою». Наталья Николаевна была дочерью московскаго офицера (Голантъ), а по другому указанію принадлежала къ семьѣ, занимавшей одно изъ самыхъ видныхъ положеній въ Петербургскомъ свѣтѣ (Францозъ). Разсказъ о ея бракѣ всего подробнѣе излагается въ статьѣ О. Вольбрюкъ. Безумно влюбившись въ Гончарову, Пушкинъ сразу же сдѣлалъ ей предложеніе, отклоненное ея разсчетливой (sic) матерью. Съ горя онъ уѣхалъ на Кавказъ, но по возвращеніи страсть его еще болѣе усилилась вслѣдствіе разсказовъ его друзей о свѣтскихъ успѣхахъ Наталіи Николаевны. «Вмѣстѣ съ тѣмъ ему дали понять, что Наталья (sic) отзывалась о немъ сочувственно, и что ея мать какъ будто сожалѣла о своемъ отказѣ. Вторичная попытка на Пасхѣ 1830 года увѣнчалась успѣхомъ, но госпожа Гончарова, въ своей змѣиной (sic) мудрости, говорила дочери: ты конечно можешь

[1]) Ženy a milenky básníků slovanskych.

обручиться съ Пушкинымъ, это не повредитъ тебѣ, наоборотъ, но свадьбою можно подождать. Назначеніемъ срока свадьбы старуха не торопилась, а тѣмъ временемъ старалась обезпечить своего будущаго зятя необходимыми и полезными связями». Бракъ состоялся лишь 18-го февраля 1831 года. Женитьбою Пушкинъ, по словамъ Француза, достигъ средства утишить свой внутренній разладъ, успокоиться отъ душевныхъ тревогъ и заглушить упреки совѣсти въ измѣнѣ своимъ прежнимъ друзьямъ-декабристамъ, преслѣдовавшіе его неотступно во время его пылкихъ увлеченій то женщинами, то карточною игрою и заставившіе его даже искать смерти на Кавказѣ въ 1829 году (Энгельгардтъ).

Женитьба Пушкина, по мнѣнію нѣмецкихъ біографовъ, однако не удовлетворила его душевныхъ стремленій и общественныхъ идеаловъ. Величайшій ядъ заключался для поэта въ его образѣ жизни свѣтскаго человѣка, въ его придворномъ положеніи, и все это, при полномъ недостаткѣ денежныхъ средствъ. Придворная служба (sic) и поощряемыя царемъ занятія исторіею, къ которой Пушкинъ не чувствовалъ особаго влеченія (sic), требовали слишкомъ много времени (Энгельгардтъ),—положеніе при дворѣ стѣсняло его (Г. Адамъ) тѣмъ болѣе, что жена его произвела большое впечатлѣніе въ свѣтѣ, заслуживъ комплименты государя, благосклонность императрицы и, вслѣдствіе этого, искательное вниманіе со стороны придворныхъ (О. Вольбрюкъ). Жизнь среди высшаго свѣта вызывала необходимость крупныхъ расходовъ, а денегъ не хватало Пушкину, который кромѣ того помогалъ своими средствами отцу и брату (Ц. К.). Имѣнія были заложены, игра въ карты не удавалась (Энгельгардъ), продажа стиховъ даже по пяти рублей за строчку (Французъ) все-таки не улучшала положенія. Не помогла и милость царя, давшаго ему 20.000 р. взаймы и прибавившаго къ этому подарку внушительное нравоученіе (О. Вольбрюкъ). Противорѣчіе общественнаго положенія съ имущественнымъ, непріятности съ цензурой, измѣна прежнимъ убѣжденіямъ, необходимость знаться въ свѣтѣ съ людьми, пустыми и презираемыми, отразились на характерѣ Пушкина нервностью и раздражительностію, которыя не вязались съ его задачами, какъ поэта, и, съ необходимымъ для его творческой дѣятельности, душевнымъ спокойствіемъ. Онъ подвергся какому-то раздвоенію своей личности, утратилъ устойчивость въ мысляхъ и равновѣсіе между преслѣдованіемъ своихъ общественныхъ и литературныхъ цѣлей (Цабель, Вольбрюкъ, Брандесъ, О. Феликсъ, «Политика» отъ 4-го іюня). Французъ не рѣшается подыскать объясненіе внутренней борьбѣ, происходившей въ Пушкинѣ, и не понимаетъ, чего ему собственно не доставало въ жизни; у него была семья, онъ пользовался успѣхомъ у женщинъ, долги его были обезпечены благосклонностью царя. Въ чемъ же коренилась его мучительная душевная тревога; въ томъ ли, что у него были разстроены нервы или

въ томъ, что онъ былъ въ сущности хорошій и благородный человѣкъ (Французъ), какъ будто насильно вторгшійся въ высшее общество (Энгельгардтъ) и которому свѣтъ не могъ простить его нравственныхъ достоинствъ и умственныхъ преимуществъ (Стернъ, Брандесъ)? То ударяется онъ въ благочестіе, то поглощенъ литературными работами (Французъ). Безмѣрно тщеславный и преувеличенно гордый (Энгельгардтъ), онъ не можетъ привлечь къ себѣ расположеніе придворной среды, завистливой къ оказываемымъ ему царскимъ милостямъ (Бахманъ). Пушкина въ свѣтѣ боялись изъ-за его остроумія и ненавидѣли за его достоинства (Бахманъ, Энгельгардтъ, «Кельнская газета», О. Вольбрюкъ, Стернъ, Брандесъ, Голантъ), не цѣнили какъ слѣдуетъ, и даже презирали (Энгельгардтъ), всѣ вліятельные люди безпрекословно уступали ему изъ страха дорогу («Кельнская газета»). Голантъ сообщаетъ даже, что неудовольствіе общества противъ Пушкина обусловило даже цѣлую коалицію, во главѣ которой стали графы Бенкендорфъ и Уваровъ. Послѣдній, министръ просвѣщенія, имѣлъ поводы сердиться на поэта за эпиграмму и оду на выздоровленіе Лукулла. Въ «Австрійской народной газетѣ» Ц. К. помѣстилъ подробный разсказъ о жалобѣ Уварова на Пушкина за эти стихотворенія и о допросѣ поэта Бенкендорфомъ. Разсказъ этотъ, при всей фантазіи автора, все-таки свидѣтельствуетъ о рѣдкомъ остроуміи Пушкина. Цабель останавливается на излишней раздражительности Пушкина, которая вызвала его столкновеніе съ Соллогубомъ. Стернъ сообщаетъ, что петербургскій свѣтъ раздѣлился на двѣ партіи, изъ которыхъ одна поощряла ухаживаніе Дантеса за женою Пушкина, а другая возбуждала ревность поэта сплетнями и анонимными письмами.

Послѣдняя дуэль Пушкина съ Дантесомъ занимаетъ значительное мѣсто въ нѣмецкихъ біографическихъ статьяхъ и объясняется нѣкоторыми ихъ авторами какъ преднамѣренное средство избавиться отъ поэта, избранное его врагами для возбужденія его ревности къ Дантесу (Стернъ, Цабель). Энгельгардтъ намекаетъ на то, что Бенкендорфъ зналъ о поединкѣ, но нарочно выслалъ жандармовъ не туда, куда слѣдуетъ. Французъ находитъ, что смерть Пушкина принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ психологическихъ романовъ, но многія частности еще не достаточно выяснены. Несмотря на нѣсколько сомнительныя показанія Эккардта [1]) и другіе, неизвѣстные, но страдающіе явными погрѣшностями, источники, столкновеніе Пушкина съ Дантесомъ излагается нѣмцами въ общемъ точно и правдоподобно. Цабель приводитъ извѣстный анекдотъ о первой встрѣчѣ Николая Павловича съ Дантесомъ въ мастерской архитектора Монферрана. Анекдотъ

[1]) Neue Bilder aus der Petersburger Gesellschaft.

этотъ заимствованъ изъ книги Эккардта, но рядомъ съ нимъ Цабель ссылается и на другой варіантъ, по которому Николай пожелалъ узнать автора каррикатуры на Людвига-Филиппа, случайно увидѣнной имъ у живописца Ладюрнера. Цабель и Стернъ, основываясь также преимущественно на Эккардтѣ, сообщаютъ подробности объ успѣхахъ Дантеса въ петербургскомъ обществѣ, а равно и краткую біографію этого француза. Неизбѣжныя у нѣмецкихъ писателей о Пушкинѣ ошибки проявляются въ томъ, что Дантесъ оказывается лейтенантомъ (sic) кавалергардовъ (Стернъ), гвардейскимъ лейтенантомъ («Кельнская газета»), даже дипломатомъ изъ Германскаго (Deutsche—sic) посольства (О. Вольбрюкъ). Дантесъ готовъ былъ мириться съ Пушкинымъ, не желая злоупотреблять своимъ преимуществомъ, какъ хорошій стрѣлокъ (Цабель). Гекееренъ—по неизвѣстнымъ причинамъ преслѣдовалъ своею ненавистью Пушкина (Ц. К.) и направилъ на него своего пріемнаго сына. Дантесъ въ «Веймарской газетѣ» носитъ имя барона де Гекееренъ.

Къ чести нѣмецкихъ писателей, надо сознаться, что никто изъ нихъ не вѣритъ сплетнямъ о романѣ жены Пушкина съ Дантесомъ, а нѣкоторые даже прямо защищаютъ ее и утверждаютъ полное отсутствіе ея вины, несмотря на ея кокетство (Энгельгардтъ, Стернъ, Ульманнъ, Цабель), а Францозъ, картинно, но фантастично описываетъ всѣ мученія и колебанія ревности Пушкина. «Множество фактовъ способны утвердить вѣру въ ея виновность.—«Да, она виновна; иначе не возможно, ибо судьба справедлива и отплачиваетъ мнѣ за мои собственные грѣхи». Но стоитъ Пушкину взвѣсить всѣ обстоятельства, и онъ говоритъ себѣ: «Безумство! она не виновна!», но получаетъ въ отвѣтъ: «виновата», когда углубляется въ собственную, не безгрѣшную совѣсть. Въ концѣ концовъ онъ приходитъ, по словамъ Француза, къ слѣдующему окончательному выводу: «Мы всѣ погрязли въ болотѣ и заражены лишь пороками Запада. Ты самъ купался въ этомъ болотѣ и многихъ затащилъ въ него. Такъ задохнись же самъ отъ стыда въ этомъ болотѣ со всѣми прочими!» Эта славянофильская выходка вызвана у Пушкина его впечатлѣніемъ отъ анонимныхъ пасквилей, авторовъ которыхъ, несмотря на нѣкоторыя предположенія, нѣмецкіе біографы не рѣшаются назвать (Францозъ, Цабель).

Ц. К. подробно описываетъ дуэль Пушкина съ Дантесомъ, состоявшуюся, по указанію Стерна, 15-го (27-го) января. Правила поединка были нарушены не совсѣмъ рыцарскимъ пріемомъ Дантеса, предупредившаго своимъ выстрѣломъ Пушкина, которому принадлежало право стрѣлять первому (Ц. К.). Раненаго поэта отвезли домой въ каретѣ (sic) Дантеса (Цабель). Смѣшеніе Юліанскаго календаря съ Грегоріанскимъ, уже спутавшее нѣмцевъ въ опредѣленіи даты рожденія Пушкина, отрази-

лось и на пріуроченіи дня его кончины. Лишь немногіе писатели правильно указываютъ на число 10-го февраля (29-го января) (Норденъ, Журналъ «Дома»), другіе считаютъ, что Пушкинъ умеръ въ самый день дуэли, то-есть 8-го февраля (27-го января) («Кельнская газета»), большинство принимаетъ за день смерти поэта 29-е (17-е января) (Вольбрюкъ, Голантъ, Стернъ, Ульманнъ), а журналъ «Дома» и одна изъ Гамбургскихъ газетъ (№ 19) ошибается срокомъ даже на цѣлыя шесть лѣтъ, сообщая, что Пушкинъ былъ убитъ на дуэли въ 1831 году. Смерть поэта произвела такое впечатлѣніе, что въ Петербургѣ опасались народнаго возмущенія и въ предупрежденіе его украдкою увезли ночью гробъ и похоронили Пушкина въ сосѣднемъ съ его Михайловскимъ имѣніемъ Успенскомъ монастырѣ (Голантъ), въ могилѣ его матери (Цабель).

Плачевная судьба Пушкина и преждевременная смерть его вызываютъ у нѣмецкихъ біографовъ слова сожалѣнія. Стернъ называетъ смерть Пушкина прямымъ преднамѣреннымъ убійствомъ, оказавшимъ услугу петербургскому обществу, которое тяготилось личностью убитаго. Ржехакъ примѣняетъ къ самому поэту его же собственные стихи о ревности въ «Черной Шали» и сопоставляетъ дуэли съ Дантесомъ, какъ параллель, поединокъ Онѣгина съ Ленскимъ. Убивая Ленскаго въ своей поэмѣ, Пушкинъ какъ будто предвидѣлъ или предсказалъ свою собственную участь (Цабель). Пушкинъ самъ былъ виновенъ въ своей гибели, не пожелавъ разорвать своихъ связей съ кругомъ людей, которые были гораздо ниже его въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ (Стернъ). По мнѣнію этого писателя, при самомъ началѣ интриги противъ его жены, Пушкину слѣдовало уѣхать изъ Петербурга и тѣмъ выпутаться отъ сплетшейся вокругъ него коварной сѣти. Другіе біографы утверждаютъ, что Пушкинъ сознательно подставилъ себя подъ пулю Дантеса, такъ какъ жизнь уже давно ему опротивѣла (Адамъ, Шакъ) и онъ искалъ смерти не только въ 1837 г. (Францозъ), но еще и въ 1829-мъ, передъ своею женитьбою (Энгельгардтъ). Хотя Пушкинъ и погибъ, какъ мученикъ, истерзанный современнымъ ему русскимъ обществомъ, жертвою впрочемъ и собственныхъ слабостей и недостатковъ (Энгельгардтъ), тѣмъ не менѣе смерть его, по мнѣнію Француза, случилась въ пору и была счастіемъ для его славы, какъ писателя. Указывая на смыслъ послѣдней (51-й) строфы VIII главы Евгенія Онѣгина, Францозъ объясняетъ эти стихи слѣдующими словами: «Ты перенесешь жизнь, лишь если будешь въ полнотѣ чувствъ наслаждаться ею; ты не вынесешь старости, потому что не научишься отреченію». Примѣняя это изреченіе къ Пушкину, Францозъ находитъ, что конецъ его жизни отличается упадкомъ его таланта и что онъ не

былъ бы въ состояніи превзойти свои прежнія творенія новыми произведеніями.

Анонимный авторъ статьи въ «Гамбургскомъ листкѣ для пріѣзжихъ» (№ 18) считаетъ Пушкина, несмотря на его раннюю смерть, все-таки поэтомъ счастливымъ. Въ чемъ же заключается это счастіе? Въ томъ, что «съ самаго начала его творческой дѣятельности общество относилось къ нему вполнѣ правильно и съ должнымъ пониманіемъ (sic), оцѣнивая по заслугамъ его поэтическія произведенія». Какъ эти слова вяжутся съ трагическою смертью поэта и съ его постояннымъ разладомъ съ окружающею средою, на чемъ такъ внимательно останавливаются прочіе нѣмецкіе біографы, напримѣръ Ц. К. Но эти соображенія еще не исчерпываютъ мотивовъ въ пользу признанія счастія за Пушкинымъ. «Лишь только на вѣки закрылись его глаза»,—говоритъ «Гамбургскій Листокъ»,—«какъ Глинка положилъ его пѣсни на музыку и его стихотворенія до пятидесятыхъ годовъ продолжали непрерывно вдохновлять композиторовъ русскихъ симфоній (sic) и оперъ вплоть до той поры, когда Русланъ и Людмила, Евгеній Онѣгинъ и Русалка разнесли его творенія на крыльяхъ звуковъ, повсюду распространяя его поэтическую славу». Странныя понятія о счастьѣ существуютъ у нѣмцевъ! Рядомъ съ только-что выписанными строками такъ и просится подъ перо замѣчаніе Ф. Ст. въ «Берлинской Вечерней Почтѣ» о томъ, что съ романомъ Евгеній Онѣгинъ берлинскіе читатели газеты познакомились «изъ недавней постановки на сценѣ оперы Чайковскаго (sic)»! Вопросъ о томъ, насколько личность Пушкина отразилась въ его твореніяхъ, также затрогивается его нѣмецкими біографами, которые находятъ то, что личность эта изображена въ типѣ Евгенія Онѣгина (Цабель), то, что самъ Пушкинъ былъ выше Онѣгина (Энгельгардтъ), то, наконецъ, что полный портретъ поэта представленъ Чарскимъ въ Египетскихъ ночахъ (Брандесъ), сочиненіе которыхъ однако отнесено къ 1825 году (Шакъ). «Гамбургскій Листокъ» (№ 18) замѣчаетъ, что Пушкинъ жилъ и умеръ, какъ аристократъ, а Ф. Ст. (№ 1) указываетъ на стихи поэта, написанные еще въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ, въ которыхъ онъ высказываетъ желаніе пожертвовать безсмертіемъ своей души безсмертію своихъ твореній.

Мы изложили біографію Пушкина по нѣмецкимъ источникамъ юбилейной прессы 1899 г. Мы убѣдились, насколько эти источники отличаются отсутствіемъ объективности, смѣшеніемъ фактовъ, именъ и хронологіи. Но мы не успѣли отмѣтить всѣхъ явныхъ ошибокъ, встрѣченныхъ нами у нѣмецкихъ писателей, и рѣшаемся, для ихъ характеристики, перечислить главнѣйшія изъ этихъ ошибокъ прежде, чѣмъ приступить къ слѣдующему отдѣлу нашей статьи.

Секундантъ Пушкина К. К. Данзасъ смѣшанъ съ его братомъ,

Б. К., и названъ сенаторомъ (Цабель); семья поэта при его смерти показана состоявшею, вмѣсто двухъ сыновей и двухъ дочерей, всего изъ двухъ дѣтей (Шакъ); наконецъ, по словамъ Цабеля, вдова Пушкина впослѣдствіи вышла замужъ за графа (sic) Ланскаго, министра внутреннихъ дѣлъ при Александрѣ II. Заглавія произведеній также иногда страдаютъ неточностью, какъ напримѣръ Борисъ Гудуновъ (Ульманнъ). Сандоръ нашелъ даже у Пушкина «прекрасную Исторію Петра Великаго (sic)». Всѣ подобные промахи мы могли бы отнести на счетъ опечатокъ, если бы репутація нѣмецкихъ типографій относительно корректуры и нѣкоторыя другія соображенія не противорѣчили нашему предположенію и не подтверждали общаго невѣжества нѣмцевъ относительно того, что происходитъ за предѣлами ихъ отечества. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же однѣми опечатками объяснить, напримѣръ, слѣдующихъ фактовъ. С. Л. Пушкинъ въ числѣ прочихъ произведеній классической французской литературы читалъ дѣтямъ драмы (sic) Мольера (Г. Адамъ). Драмы же писалъ и нашъ Некрасовъ, озаглавивъ ихъ: «Мести и печали» и «Моя душа полна ненависти» (Генкель); Лермонтовъ въ 1840 г. дрался на дуэли съ сыномъ французскаго посла, извѣстнаго историка Баранца (Baranze—sic, въ статьѣ Брандеса). Александръ I умеръ въ Тагенрогѣ (Голантъ); свѣтлыя ночи въ Петербургѣ бываютъ зимою (Цабель); Вольтера болѣе цѣнили въ Россіи, чѣмъ во Франціи (Стернъ) и т. д. «Крестовая газета» (№ 10) упоминаетъ о стихотвореніяхъ декабристовъ Рылѣева и Муравьева (sic), которыя, наравнѣ съ подспудными стихами Пушкина, переписывались и разъучивались наизусть заговорщиками. О. Феликсъ, ссылаясь на конечно (sic) запрещенныя въ Россіи записки Декабриста [1]), дѣлаетъ изъ нихъ слѣдующую, вполнѣ наивную выписку: «Вообще въ Пушкинѣ вполнѣ отражалось его поколѣніе, со всѣми недостатками и всѣми добродѣтелями, и можетъ быть потому-то онъ и былъ поистинѣ народнымъ поэтомъ, какихъ до него Россія и не видала». Сандоръ смѣшиваетъ «Евгенія Онѣгина» съ «Горемъ отъ ума», упоминая о томъ, какъ переписчики наживались рукописными копіями романа Пушкина. Наконецъ, стоитъ назвать сказку объ «Ильѣ Великанѣ» (sic), которую «Вѣнская Новая Пресса» приводитъ, какъ образецъ выраженія русской народности, при чемъ несомнѣнно мѣтитъ на Илью Муромца. Мы не останавливаемся здѣсь на русскомъ поэтѣ Даниловѣ (sic) и на Пушкинскомъ музеѣ въ Петербургѣ въ Академіи Наукъ (sic), какъ на такихъ фактахъ, къ которымъ мы вернемся въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи.

---

[1]) Вѣроятно барона Розена или Пущина.

IV.

Выясняя заслуги Пушкина въ русской литературѣ и его значеніе, какъ поэта, нѣмецкіе авторы также начинаютъ издалека. Нѣкоторые изъ нихъ (Энгельгардтъ, Цабель, Францозъ, Ульманнъ, Адамъ, Стернъ, Голантъ, Рейнгольдъ, анонимъ Политики отъ 4-го іюня) затрогиваютъ вопросъ о предшественникахъ Пушкина и называютъ имена русскихъ писателей Кантеміра (Энгельгардтъ, Францозъ), Тредьяковскаго, Ломоносова, Сумарокова (Энгельгардтъ, Адамъ), Петрова, Карамзина (Энгельгардтъ), Державина (Энгельгардтъ, Адамъ, Францозъ), Капниста (Энгельгардтъ), Фонъ-Визина (Энгельгардтъ, Францозъ, Политика), Хемницера, Екатерину II (Францозъ), Жуковскаго, Крылова (Адамъ), Батюшкова, Шаховскаго, Гнѣдича и Мерзлякова (Политика). Послѣдній анонимъ изобрѣлъ даже неизвѣстнаго намъ русскаго поэта Данилова (sic), повидимому, смѣшавъ его съ Державинымъ [1]), котораго Ржехакъ называетъ русскимъ Пиндаромъ, удостоившимся чести перевода даже на японскій языкъ. «До появленія Пушкина, введшаго Россію въ область всемірной словесности, Западная Европа не знала о русскихъ поэтахъ, за исключеніемъ развѣ Державина». Эти слова Ульманна подтверждаются мнѣніемъ Энгельгардта и Цабеля, по выраженію котораго «холодныя подражанія иностраннымъ образцамъ и чопорная реторика не могли считаться настоящею поэзіею». «До Пушкина»,—говоритъ Францозъ,—«русская поэзія не представляетъ собою родника, струящагося изъ родной почвы, но пользуется водою, съ усиліемъ проведенною изъ чужаго источника... Бѣдныя птицы тоненькими голосками насвистываютъ лишь то, что имъ напѣли Византія, Малороссія, затѣмъ Франція, Англія, Германія, а тѣ немногочисленные пѣвцы, которые всего болѣе приближаются къ народнымъ образцамъ, оказываются въ большинствѣ иностранцами или смѣшаннаго происхожденія (sic): большинство писателей эпохи Петра Великаго были малороссами, Кантеміръ—румыномъ, Фонъ-Визинъ, Хемницеръ и Екатерина II—нѣмцами, Державинъ—татариномъ (sic)». По Стерну, русскіе писатели до Пушкина гордились способностью по-русски подражать французскимъ образцамъ. Голантъ обращаетъ вниманіе на успѣхи, достигнутые русскою литературою въ теченіе ста лѣтъ, протекшихъ со времени первой оды Ломоносова, написанной въ 1739 г., до смерти Пушкина въ 1837 г. Адамъ даетъ слѣдующую характеристику предшественниковъ Пушкина. Въ ли-

[1]) Намъ было бы пріятно признать въ нѣмецкой газетѣ, издающейся въ Богеміи, имя Данилова простою случайною опечаткою.

тературѣ господствовали рабство, полуобразованность, подражательность. Тредьяковскій служилъ предметомъ забавы придворному тщеславію, но рядомъ съ нимъ Ломоносовъ отличался большими достоинствомъ и успѣхомъ. Отецъ русскаго театра, Сумароковъ слабо подражалъ Расину и Корнелю, Державинъ обратилъ свой талантъ на панегирики деспотизму. Заслугою Жуковскаго было то, что, несмотря на свою подражательность и вслѣдствіе ея, онъ нанесъ ударъ французскому псевдоклассицизму и былъ въ Россіи проповѣдникомъ романтизма, особенно нѣмецкаго. Лишь Крылова считаетъ Адамъ первымъ по времени выразителемъ началъ истинно русской народности, а Пражская «Политика» указываетъ на геніальнаго, но рано погибшаго, Грибоѣдова, который явился истинно русскимъ писателемъ и прекратилъ господство прежней поэзіи до Пушкинскаго періода, отличавшейся слащавою, ложною сентиментальностью и служеніемъ чужимъ кумирамъ.

Таковы были условія, существовавшія до Пушкина, который явился независимымъ и самостоятельнымъ выразителемъ русской поэзіи, благодаря тремъ благопріятнымъ случайностямъ: 1) онъ внесъ въ изображеніе современнаго общества элементы критики и сатиры въ видѣ упрековъ и жалобъ на состояніе этого общества; 2) онъ воспользовался открытіемъ и изданіемъ древнихъ народныхъ эпическихъ пѣсенъ [1]) и 3) возникшимъ въ то время увлеченіемъ прошлыми судьбами Россіи (Стернъ). Послѣднія слова намекаютъ на появленіе исторіи Карамзина. Заслуги Пушкина,—по мнѣнію нѣмецкихъ критиковъ,—заключаются въ его постепенномъ освобожденіи отъ подражанія иностраннымъ образцамъ и въ развитіи въ его творчествѣ народнаго самосознанія. Однако народностью онъ проникся не вдругъ, а лишь мало-по-малу,—замѣчаетъ Французъ,—и въ подтвержденіе совѣтуетъ сравнить «Руслана и Людмилу» съ «Онѣгинымъ», «Борисомъ Годуновымъ» и «Капитанскою дочкою». Онаціонализированіе, такъ сказать, русской литературы въ лицѣ Пушкина составляетъ главный пунктъ его славы, и нѣмецкіе критики посвящаютъ все свое вниманіе разъясненію этого процесса въ развитіи нашего поэта. Ни одна юбилейная статья однако не излагаетъ этого процесса систематически, но все содержаніе юбилейной литературы даетъ намъ право остановиться, какъ на заключительномъ выводѣ, на полной народности Пушкина, которой онъ достигъ, несмотря на всѣ помѣхи и препятствія.

А помѣхи и препятствія были значительны и, главнымъ образомъ, заключались въ тѣхъ вліяніяхъ иностранныхъ образцовъ, которымъ

---

[1]) По всей вѣроятности, тутъ рѣчь идетъ объ извѣстномъ и нѣмцамъ, по книгѣ Рейнгольда, сборникѣ Кирши Данилова.

по-очереди Пушкинъ подчинялся и которые постепенно побѣждалъ въ своемъ творческомъ развитіи. Одинъ перечень національностей названныхъ образцовъ способенъ убѣдить насъ въ глубинѣ и широтѣ литературной образованности и подготовки Пушкина, который,—по словамъ нѣмецкихъ критиковъ,—прошелъ чрезъ эпохи подражанія поэтамъ французскимъ, итальянскимъ, испанскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ и въ концѣ-концовъ выработалъ свои собственные, народно-русскіе: языкъ, манеру и стиль. Впрочемъ, ходъ его развитія былъ не преднамѣренный, не систематическій, и зависѣлъ болѣе всего отъ тяжелыхъ испытаній, посланныхъ ему судьбою и отразившихся благотворными послѣдствіями на эволюціи его таланта. Борьбу Пушкина съ вліяніями иностранныхъ литературъ мы можемъ, по нашимъ нѣмецкимъ источникамъ, возстановить въ слѣдующемъ видѣ.

Мы уже говорили выше, въ изложеніи біографіи Пушкина, о томъ, съ какою настойчивостью нѣмецкіе критики подчеркиваютъ французскій характеръ первоначальнаго воспитанія нашего поэта, который еще въ раннемъ дѣтствѣ успѣлъ перечесть французскихъ классиковъ въ библіотекѣ своего отца (Вольбрюкъ, «Новая Вѣнская Пресса»). Домъ Сергѣя Львовича Пушкина и его брата, какъ центръ представителей литературы, по своей обстановкѣ, легко могъ способствовать развитію литературныхъ вкусовъ Александра Сергѣевича (Адамъ), который уже въ раннемъ возрастѣ успѣлъ познакомиться съ Вольтеромъ, Руссо, Лафонтеномъ, и позднѣе съ Шенье (Норденъ, Брандесъ).

Поэтому неудивительно, что свои творческія силы Пушкинъ впервые испыталъ на чужомъ языкѣ и первые свои стихи писалъ по-французски (Энгельгардтъ, Адамъ). Лицейскія стихотворенія Пушкина,—по словамъ Адама,—носятъ на себѣ слѣды явнаго подражанія французскимъ эротическимъ поэтамъ и русскимъ сентиментальнымъ писателямъ, именно Карамзину, Жуковскому и Батюшкову.—По словамъ одного нѣмецкаго критика, французскіе образцы имѣли на творчество Пушкина вліяніе еще въ 1822—1824 гг. (Голантъ), съ чѣмъ едва-ли можно согласиться; а другой писатель сообщаетъ, что отъ подражанія французамъ Пушкинъ прямо попалъ подъ вліяніе Байрона и Шекспира (Цабель), что также едва-ли вѣрно. Пребываніе въ лицеѣ, гдѣ онъ участвовалъ въ «Литературномъ обществѣ» (Адамъ, Энгельгардтъ) и «Еженедѣльномъ журналѣ лицеистовъ» (Вольбрюкъ), а равно и воспѣтые имъ пиры и любовныя приключенія школьныхъ товарищей (Ульманнъ) заставили Пушкина приняться за писаніе стиховъ по-русски. Лицейскія стихотворенія доставили ему репутацію сочинителя эпиграммъ и послѣдователя Анакреона (Шакъ). Въ лицеѣ Пушкинъ написалъ 120 стихотвореній (Энгель-

гардтъ), и одно изъ первыхъ уже вполнѣ проникнуто,—по замѣчанію Вольбрюкъ,—духомъ народной поэзіи.

Первые стихи, которыми Пушкинъ обратилъ на себя вниманіе Державина (Адамъ, Цабель, Ржехакъ, Францозъ, Ульманнъ), именно «Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ», кстати относимое Стерномъ и «Веймарскою газетою» къ 1817 году, вмѣсто 1815 г., уже прославили Пушкина и дали поводъ,—по словамъ Вольбрюкъ,—заказать молодому 16-ти-лѣтнему поэту стихи на свадьбу одной изъ великихъ княгинь, т. е. стихотвореніе, извѣстное подъ заглавіемъ: «Къ принцу Оранскому». Какъ только Пушкинъ вышелъ изъ лицея, онъ сразу заслужилъ вниманіе, заботливость и покровительство Карамзина и Жуковскаго (Вольбрюкъ), т. е. двухъ знаменитѣйшихъ представителей тогдашней литературы. Жуковскій не только пригласилъ молодаго поэта посѣщать свои литературные вечера (Цабель), не только ввелъ его въ кружокъ Арзамаса (Шакъ, Стернъ), но даже совѣтовался съ нимъ относительно своихъ собственныхъ стихотвореній (Энгельгардъ). Въ это время извѣстность Пушкина, какъ автора эротическихъ стихотвореній и эпиграммъ, уже выступила за стѣны лицея и широко распространилась среди петербургскаго общества. Извѣстности этой во многомъ способствовало политическое содержаніе стихотвореній Пушкина, его нападки на правительство въ эпиграммахъ (Брандесъ, Францозъ, «Кёльнская Газета» и «Новая Вѣнская Пресса»), его политическіе стихи (Голантъ, «Крестовая Газета», Ульманнъ, Ц. К.), и его оды къ свободѣ (Стернъ, «Новая Вѣнская Пресса»), къ кинжалу (Брандесъ). Ржехакъ ограничивается сообщеніемъ, что Пушкинъ воспѣвалъ свободу. Всѣ подобныя стихотворенія переходили изъ рукъ въ руки, переписывались, распѣвались военными во всѣхъ русскихъ городахъ (Брандесъ).

Запретные подспудные стихи обезпечили славу Пушкина, но съ тѣмъ вмѣстѣ вызвали и невольное удаленіе его изъ Петербурга (Голантъ), а сама ссылка повліяла на укрѣпленіе за Пушкинымъ его славы, какъ мученика убѣжденій (Ф. Ст.). Въ 1825 году Пушкинъ,—по словамъ «Вѣнской Прессы», уже былъ знаменитымъ поэтомъ, а зенита своей славы онъ достигъ въ 1826 году (Шакъ).

Выше, въ біографіи Пушкина, мы уже говорили о благотворномъ вліяніи на нашего поэта его ссылки въ южную Россію, а затѣмъ въ Михайловское. Не ограничиваясь областію міровоззрѣнія и нравственности Пушкина, нѣмецкіе писатели отмѣчаютъ отраженіе этого благотворнаго вліянія и на творчествѣ поэта. Въ эту эпоху своей жизни онъ занялся философіею (sic) и исторіею (Шакъ), изучилъ народную жизнь и Байрона, углубился въ исторію Россіи (Ульманнъ) и, главное, ощутилъ

всю прелесть и выгоду близкаго общенія съ развитымъ и образованнымъ семействомъ Раевскихъ (Вольбрюкъ). Чудная природа юга повліяла на умственное развитіе поэта и на его творческое воображеніе (Норденъ) и произвела на него впечатлѣніе, слѣды котораго встрѣчаются даже въ его гораздо позднѣйшихъ произведеніяхъ («Кёльнская Газета»). По словамъ Брандеса, посѣщеніе Пушкинымъ Кавказа и Крыма должно быть отмѣчено, какъ поворотъ въ его литературной дѣятельности.

Въ порядкѣ хронологической послѣдовательности намъ прежде всего слѣдуетъ остановиться на подчиненіи Пушкина вліянію романтизма, отразившемуся на Русланѣ и Людмилѣ и на другихъ произведеніяхъ. Хотя Ржехакъ и упоминаетъ о знаніи Пушкинымъ нѣмецкаго языка, но это показаніе невѣрно, по крайней мѣрѣ для той эпохи, въ которой прочіе нѣмецкіе критики отмѣчаютъ знакомство Пушкина съ произведеніями европейской литературы преимущественно во французскихъ оригиналахъ и переводахъ (Рейнгольдъ). Жуковскій первый обратилъ вниманіе нашего поэта на нѣмецкихъ представителей романтической школы (Вольбрюкъ). Францозъ и Шакъ указываютъ на безпочвенность романтизма въ Россіи въ отличіе отъ Западной Европы, гдѣ онъ представлялся явленіемъ естественнымъ и развившимся органически, какъ реакціонное движеніе противъ господства классицизма въ литературѣ. Въ Россіи не было среднихъ вѣковъ съ его рыцарствомъ, образованіе не доходило до излишества, прошедшее не являлось спасительнымъ убѣжищемъ и романтизмъ оказался лишь моднымъ платьемъ, въ которое стали рядиться по примѣру запада (Францозъ). Нѣмецкая романтика была предназначена служить для русскаго общества міровымъ источникомъ вдохновенія и пособіемъ въ умственномъ развитіи. Путемъ изученія литературъ чужихъ народовъ русскіе романтики, именно Жуковскій, Козловъ, Батюшковъ и Пушкинъ, естественно должны были обратиться къ творчеству на собственной почвѣ русскаго народа (Шакъ). Наши источники называютъ слѣдующихъ нѣмецкихъ романтиковъ, повліявшихъ на творчество Пушкина: Шиллера (Ф. Ст., Рейнгольдъ, Францозъ, «Гамбургскій Мѣстный Указатель» № 19), Шлегеля (Рейнгольдъ, «Гамбургскій Указатель»), Фуке и Брентано (Францозъ), Бюргера («Гамбургскій Указатель»), Виланда (Брандесъ и «Гамбургскій Указатель»). Въ Русланѣ и Людмилѣ также отмѣчаются слѣды Аріоста (Адамъ, Брандесъ, Норденъ, Францозъ, Цабель). Изъ прочихъ нѣмецкихъ писателей Пушкинскіе Борисъ Годуновъ и сцена изъ Фауста даютъ поводъ распространиться о вліяніи Гёте, о которомъ еще будетъ рѣчь впереди. Наконецъ, чтобы покончить съ литературой Германіи, слѣдуетъ назвать Шеллинга и Тика, съ которыми, по словамъ Шака,

Пушкинъ познакомился въ 1826 году въ Москвѣ и упомянуть о томъ, что нашъ поэтъ еще при своей жизни успѣлъ оцѣнить Гейне («Гамбургскій Мѣстный Указатель» № 19).

Изъ англичанъ на Пушкина имѣло особое значеніе воздѣйствіе Байрона, затѣмъ на него повліяли Шекспиръ въ Борисѣ Годуновѣ и Вальтеръ-Скоттъ въ историческихъ повѣстяхъ (Арапъ Петра Великаго, Капитанская дочка и т. д.). О байронизмѣ Пушкина нѣмецкіе критики говорятъ пространно и подробно (Адамъ, Бахманъ, Брандесъ, Вольбрюкъ, Голантъ, Энгельгардтъ, Норденъ, анонимъ «Политики» отъ 4-го іюня, Сандоръ, Стернъ, Ф. Ст., Францозъ, Ульманнъ, Шакъ, Цабель, д-ръ Z.), хотя не упоминаютъ о томъ, что съ Байрономъ Пушкина познакомилъ молодой Раевскій, слѣдовательно, знакомство это не лишено случайнаго оттѣнка. Брандесъ даже ошибается, относя время изученія Пушкинымъ Байрона къ эпохѣ пребыванія нашего поэта въ Петербургѣ между окончаніемъ лицея и ссылкою на югъ Россіи, когда онъ написалъ Руслана и Людмилу подъ впечатлѣніемъ Гёте, Байрона (sic) и нѣмецкихъ романтиковъ. «Байронъ», — пишетъ Стернъ, — «въ порывѣ негодованія противъ современнаго ему англійскаго общества, предпочелъ ему дикую прелесть народной жизни Востока и поэтизировалъ грекофильство гораздо ранѣе возстанія грековъ. Но его русскимъ послѣдователямъ не нужно было покидать отечества, чтобы прійдти къ подобнымъ же результатамъ. На пространствѣ между Ледовитымъ океаномъ и Чернымъ моремъ жизнь заключала въ себѣ достаточно элементовъ дикости. Матеріалъ для наблюденія былъ прямо необозримъ, если припомнить, какое безчисленное множество инородческихъ племенъ было побѣдоноснымъ государствомъ покорено и присоединено къ своимъ владѣніямъ и если допустить сочувственное сожалѣніе объ утраченной этими племенами самобытности. Одна картина смѣнялась другою, одно впечатлѣніе вызывалось другимъ, начиная съ той эпохи, когда Ермакъ со своими спутниками завоевалъ Сибирь, и кончая временемъ, когда Россія явилась наслѣдницею независимыхъ князей Грузіи и Мингреліи и приступила къ покоренію свободныхъ племенъ въ горахъ Кавказа». Перечисляя западно-европейскія, преимущественно оппозиціонныя, теченія, отражавшіяся на ходѣ общественнаго развитія Россіи, Феликсъ фонъ-Сандоръ отмѣчаетъ полную безвредность политическаго значенія байронизма. «Царь и цензоръ»,—говоритъ этотъ писатель — «спокойно мирились съ вліяніемъ Байрона, такъ какъ міровая скорбь отличается основною покорностію, между тѣмъ какъ изъ идей нѣмецкихъ натуралистовъ (то-есть Бюхнера, Молешотта и Фохта) родился аггрессивный нигилизмъ Бакунина и Александра Герцена». Отношеніе Пушкина къ байронизму, по мнѣнію нѣмецкихъ писателей, отличалось однако осо-

бымъ оттѣнкомъ. «Пушкинъ былъ однимъ изъ тѣхъ характеровъ, которые любятъ и понимаютъ свободу лишь въ смыслѣ независимости отъ милости князей и отъ благоволенія толпы, имѣя въ то же время возможность восторгаться въ тишинѣ природою или безмолвно преклонять колѣна передъ художественными созданіями великихъ геніевъ. Этими чертами Пушкинъ похожъ не только на лорда Байрона, съ которымъ его всего болѣе сравниваютъ, но и на Альфреда Мюссе и на подобные же своеобразные таланты. Сильнѣйшее впечатлѣніе такіе поэты въ большинствѣ случаевъ производятъ какимъ-нибудь особымъ способомъ изображенія даннаго предмета, который они подвергаютъ собственному субъективному освѣщенію (Стернъ)... По душевному облику Пушкинъ стоитъ гораздо ниже Байрона. Вдохновеніе свободою составляло для британца суть жизни и привело его къ гибели; никакое разочарованіе не угасило въ немъ пламени этого вдохновенія. Но у Пушкина юношеская вѣра въ свободу изсякла уже въ началѣ зрѣлаго возраста, но онъ превосходитъ Байрона въ обрисовкѣ героевъ... Подобно прочимъ главнѣйшимъ славянскимъ поэтамъ той эпохи, Пушкину суждено было испытать глубокое вліяніе Байрона и этимъ путемъ достичь собственной самостоятельности. Но его личныя особенности уже съ самаго начала были обусловлены рѣзкостью его собственной природы (Брандесъ).

«На Кавказѣ Пушкинъ впервые узналъ Байрона, и впечатлѣніе его твореній слилось въ молодой душѣ поэта съ вліяніемъ Кавказа также неизгладимо, но болѣе глубоко. Въ Кишиневѣ и Одессѣ онъ подвергался непріятностямъ вслѣдствіе своего буйнаго образа жизни и байронизма въ манерахъ, чѣмъ заслужилъ неудовольствіе начальства» (Брандесъ). Другіе источники указываютъ на то, что Пушкинъ какъ будто кокетничалъ Байроновскою міровою скорбью и своимъ положеніемъ политическаго изгнанника (Вольбрюкъ); что онъ не избѣжалъ всеобщаго увлеченія міровою скорбью Байрона (Ульманнъ), что Байронъ служилъ ему примѣромъ («Новая Вѣнская Пресса»). Въ области литературы Пушкинъ подражалъ Байрону, съ которымъ почти равнялся силою поэзіи (журналъ «Дома»), но Энгельгардтъ отрицаетъ эту подражательность и замѣчаетъ, что «ощущая на себѣ всѣ оковы байронизма, Пушкинъ въ то же время стремился бороться противъ него и въ концѣ концовъ одержалъ надъ нимъ побѣду». Въ заключеніе нашего изложенія Пушкинскаго байронизма, мы считаемъ нелишнимъ привести любопытную выписку изъ статьи русскаго нѣмца, Бахмана. «До сихъ поръ существуетъ, особенно въ Германіи, еще не опровергнутое и вполнѣ ложное представленіе о томъ, что Пушкинъ былъ русскимъ Байрономъ. Такое названіе скорѣе, съ большимъ правомъ и безправіемъ, относилось и относится къ Лермонтову. Въ Россіи уже давно исправили эту ошибку.

Если вообще когда-нибудь въ поэзіи воплощался типъ сверхчеловѣка (Uebermensch), то такимъ именно типомъ былъ Байронъ, съ его сверхъестественною мощью личности, съ его сильнымъ вліяніемъ на всѣхъ выдающихся современниковъ, Мицкевича, Гейне, Мюссе. Даже олимпіецъ Гёте, и тотъ преклонился передъ этимъ явленіемъ эпохи, которое можно назвать демоническимъ и въ которомъ страннымъ образомъ сочетались черты Аполлона и Люцифера». Указывая на символическую фигуру Эвфоріона во второй части Фауста, напоминающую Байрона, Бахманъ замѣчаетъ, что байронизмъ обнаружился у Пушкина почти въ одно и то же время, въ 1824 году, когда онъ покинулъ южную Россію. Съ этимъ хронологическимъ опредѣленіемъ едва-ли можно согласиться, такъ какъ первая встрѣча Пушкина съ Раевскимъ относится къ 1820 году, а черезъ четыре года, переѣхавъ въ Михайловское, нашъ поэтъ уже освободился, какъ мы сейчасъ увидимъ, отъ вліянія англійскаго генія. Но указаніе Бахмана на то, что въ стихотвореніи «Къ морю» слѣдуетъ видѣть намекъ на прощальный привѣтъ байронизму, надо признать безусловно вѣрнымъ. Стихотвореніе это относится къ 1824 году, съ котораго Пушкинъ перешелъ къ изученію другаго англичанина, Шекспира.

Время ссылки въ Михайловскомъ Пушкинъ «посвятилъ усердной работѣ. Онъ принялся за изученіе иностранныхъ языковъ и литературъ, преимущественно поэзіи Западной Европы, и пристрастился къ исторіи» (Норденъ). Благодаря такимъ занятіямъ онъ «освободился отъ оковъ байронизма и пришелъ въ соприкосновеніе съ Шекспиромъ и Гёте» (Шакъ), которые до самой его смерти служили ему единственными «путеводными звѣздами» (Цабель). Вліяніе Шекспира помогло ему разстаться съ пристрастіемъ къ Байрону (Адамъ, Вольбрюкъ, Рейнгольдъ). Шекспировскія драмы открыли Пушкину тайну народности въ искусствѣ и болѣе глубокое пониманіе народнаго духа (Рейнгольдъ). Пушкинъ даже подражалъ Шекспиру въ своихъ произведеніяхъ (Норденъ). О занятіяхъ Пушкина Шекспиромъ упоминаютъ и другіе нѣмецкіе авторы (Ф. Ст., Энгельгардъ, Голантъ). «Въ Михайловскомъ»,—говоритъ послѣдній писатель,—«Пушкинъ сбросилъ съ себя всѣ прочія вліянія и избралъ себѣ Шекспира учителемъ и образцомъ. Изученіе твореній этого великаго англійскаго писателя оказало самое благотворное вліяніе на окончательную окраску литературной физіономіи Пушкина. Шекспиръ умѣетъ остаться вѣрнымъ жизненной правдѣ и геніальной простотѣ во всякихъ положеніяхъ, даже въ минуты сильнѣйшаго драматическаго возбужденія. Подчинившись Шекспиру, Пушкинъ сознательно вступилъ на реальную почву и въ область реализма, которыхъ не оставлялъ съ той поры. Самыя великія произведенія изъ

послѣдняго періода литературной дѣятельности Пушкина отмѣчены историческимъ объективизмомъ въ представленіяхъ о мірѣ и жизни, который Пушкинъ заимствовалъ у Шекспира». Признавая Шекспира геніемъ германскимъ, Энгельгардтъ указываетъ, что реализмъ его героевъ, грубая правдивость и психологическая тонкость его душевныхъ изображеній подѣйствовали на Пушкина самымъ живительнымъ образомъ и побудили его заняться исторіею. Помимо англійскаго драматурга источникомъ изученія драмы явились для Пушкина и другіе великіе представители этого рода поэзіи, именно нѣмецъ Шиллеръ (Ф. Ст., Французъ) и испанецъ Кальдеронъ (Ф. Ст.). Послѣднему указанію впрочемъ противорѣчатъ собственныя слова Пушкина въ письмѣ 1829 года къ Раевскому: «Я не читалъ ни Кальдерона, ни Веги». Слова эти, вмѣстѣ съ длинною выпискою изъ упомянутаго письма, свидѣтельствующею о глубокомъ вниманіи Пушкина къ вопросамъ драматической поэзіи, приводятся въ статьѣ Адама. По замѣчанію Рейнгольда, Пушкинъ «старался выяснить себѣ задачи драматическаго писателя, пишетъ объ этихъ задачахъ нѣсколько статей, но его о п ы т ъ о д р а м ѣ доказываетъ лишь, что Пушкинъ не годился въ теоретическіе критики, не былъ въ состояніи опредѣлить законы драматическаго развитія и запутался въ паутинѣ французскаго классицизма. Къ счастію, его природное чутье и работа натолкнули его на Шекспира, безъ котораго Борисъ (Годуновъ) не могъ бы сдѣлаться образцовымъ произведеніемъ».

Одновременно съ Шекспиромъ нѣмцы отмѣчаютъ вліяніе на Пушкина Шиллера и Гёте, съ которыми онъ познакомился въ Михайловскомъ и которые отразились на Борисѣ Годуновѣ, сценѣ изъ Фауста и другихъ драматическихъ произведеніяхъ. «Въ основѣ своей мощной, мужественно ясной и оптимистически настроенной природы, Пушкинъ»,— по словамъ Бахмана, «былъ схожъ съ родственною и полной гармоніи художественною натурою Гёте. Въ искусствѣ онъ также принадлежалъ къ числу олимпійцевъ, но не титановъ, не тѣхъ художниковъ, которые, подобно Микель Анджело, Бетховену и Шиллеру, пробиваются усерднымъ трудомъ и напряженными усиліями. Нѣтъ, Пушкинъ былъ однимъ изъ тѣхъ, на которыхъ легко и безъ всякихъ усилій всѣ дары сыплются сверху, какъ на Гёте въ поэзіи, на Моцарта въ музыкѣ и на Рафаеля въ живописи. Его божествомъ былъ Аполлонъ, но не Прометей, и при всемъ этомъ, какъ Гёте, онъ стоялъ на вполнѣ реальной почвѣ, непосредственно у глубокихъ корней своей народности. Однако жизнь Гёте протекала и закончилась въ полной гармоніи, а Пушкину, подъ тяжестью жизненнаго гнета, пришлось бороться съ матеріальными заботами и внезапно умереть, въ рѣзкомъ диссонансѣ съ окружающею его средою, и въ этомъ состоитъ глубокій трагизмъ его судьбы». О

вліяніи Гёте на Пушкина упоминаетъ «Новая Вѣнская Пресса», а «Гамбургскій Мѣстный Указатель» (№ 19) сообщаетъ, что Пушкинъ преклонялся передъ Гёте и Шиллеромъ, когда эти писатели еще не сдѣлались всеобщимъ достояніемъ нѣмецкаго народа (sic). «Пушкинъ былъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ этимъ свѣтиламъ поэзіи и былъ хорошо знакомъ съ нѣмецкою литературою. Гётевскій Фаустъ представлялся ему наивысшимъ созданіемъ поэтическаго генія, онъ увлеченъ Вертеромъ, онъ знаетъ Рейнеке-Лиса и т. д.» («Гамбургскій Указатель» № 19).

Два писателя упоминаютъ объ отраженіи на Пушкинѣ, въ его повѣстяхъ и прозаическихъ сочиненіяхъ, вліянія Вальтера-Скотта, именно на Дубровскомъ, Пиковой Дамѣ, Капитанской Дочкѣ и Исторіи Пугачевскаго бунта (Норденъ). Другой писатель (Французъ) менѣе категоричен въ своемъ приговорѣ и говоритъ слѣдующее: «Если, на основаніи Капитанской Дочки и Дубровскаго заключить, что Пушкинъ читалъ Вальтера-Скотта, то такое заключеніе не будетъ ошибочно, но о подражаніи тутъ не можетъ быть рѣчи; эти превосходныя повѣсти вполнѣ самобытны и народны не только по содержанію, но и по техникѣ исполненія». Усердныя занятія Пушкина въ Болдинѣ и сочиненныя имъ тамъ, въ невольномъ одиночествѣ, произведенія отмѣчаются многими нѣмецкими критиками (Вольбрюкъ, Шакъ, Стернъ, «Веймарская» и «Кельнская» газеты).

Всѣ изложенныя чужеземныя вліянія Пушкинъ въ концѣ концовъ поборолъ, стараясь воплотить въ своей поэзіи сущность и особенности русской народности. Мы только-что видѣли, какъ нѣкоторые нѣмецкіе писатели объясняютъ такое направленіе усилій Пушкина воздѣйствіемъ на него романтизма и національнаго въ иностранныхъ литературахъ. Несомнѣнно, что Шиллеръ, Гёте, Шекспиръ и Вальтеръ-Скоттъ оставили въ этомъ отношеніи на Пушкинѣ слѣды романтизма и реализма въ изображеніи прошлаго. Но, конечно, безъ Арины Родіоновны нашъ поэтъ не обратилъ бы вниманія на русскія народныя сказки и пѣсни. Сами нѣмцы признаютъ все значеніе Пушкинской няни въ процессѣ развитія его творчества. Доказательствомъ такого признанія служатъ имена нѣмецкихъ писателей, упоминающихъ объ Аринѣ Родіоновнѣ въ изложеніи біографіи Пушкина [1]). Мы не будемъ здѣсь повторять этихъ именъ, но ограничимся ссылкою на формулировку этого вопроса Энгельгардтомъ. «Арина Родіоновна»,—говоритъ онъ,—«открыла передъ Пушкинымъ кладъ русскихъ преданій и русскихъ сказокъ и своими разсказами несомнѣнно оказала большую заслугу какъ самому Пушкину,

[1]) Ср. предъидущую главу, стр. 387.

такъ и русской литературѣ. Впослѣдствіи Пушкинъ нерѣдко упоминалъ о томъ вліяніи на развитіе своего воображенія, которымъ онъ былъ обязанъ старый сказочницѣ Аринѣ и во многихъ трогательныхъ, полныхъ чувства, стихотвореніяхъ обезсмертилъ свою старую няню». О признательной памяти къ своей нянѣ, о слѣдахъ этой памяти въ стихахъ упоминаютъ весьма многіе изъ его нѣмецкихъ біографовъ, а одинъ изъ нихъ, какъ увидимъ далѣе, высказалъ мысль, что Арина Родіоновна воспроизведена въ Онѣгинѣ подъ чертами Татьяниной нянюшки.

Но одни старушечьи разсказы не могли удовлетворить стремленія Пушкина узнать родной народъ въ его прошлыхъ судьбахъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи рѣшающее вліяніе оказало на него одиночество въ Михайловскомъ, гдѣ онъ вполнѣ свободно могъ посвящать свои невольные досуги изученію всеобщей и въ особенности русской исторіи. Кстати въ то время уже закончилось изданіе труда Карамзина, и это обстоятельство дало Пушкину и матеріалъ для его Бориса Годунова и толчекъ къ новому направленію его мыслей. Нѣкоторые нѣмецкіе писатели (Адамъ, Энгельгардтъ, Цабель) подчеркиваютъ историческія занятія Пушкина въ Михайловскомъ, но никто изъ нѣмцевъ не ставитъ ихъ въ связь съ почти одновременнымъ появленіемъ «Исторіи государства россійскаго». Однако совпаденіе труда Карамзина съ ссылкою Пушкина въ Михайловское могло бы дать нѣмцамъ поводъ указать на благопріятную для таланта поэта случайность его судьбы. Изученіе Карамзина не было единственнымъ предметомъ вниманія Пушкина къ русской исторіи. Работы въ архивахъ надъ Петромъ Великимъ и надъ Пугачевымъ дали новый матеріалъ развитію историческихъ взглядовъ Пушкина. По словамъ нѣмецкихъ писателей, онъ увлекся гигантскимъ образомъ великаго реформатора Россіи. «Въ Петрѣ», утверждаетъ одинъ изъ нихъ, «Пушкинъ видѣлъ идеалъ русской народности и неоднократно прославлялъ этотъ идеальный образъ въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ и въ поэмахъ Полтава и Мѣдный всадникъ»» (Цабель). Другой авторъ, повторяя имена этихъ поэмъ и прибавляя къ нимъ Арапа Петра Великаго, говоритъ, что занятія «Пушкина русскою исторіею привели его къ тому герою, которымъ впослѣдствіи онъ сталъ особенно увлекаться, къ своеобразной и могучей личности Петра Великаго» (Адамъ). Увлеченіе этимъ царемъ, развившееся потомъ до преклоненія предъ царскою властью вообще, Адамъ объясняетъ перемѣною, происшедшею въ 1826 г. въ положеніи поэта, и милостями, оказанными ему Николаемъ Павловичемъ при вступленіи на престолъ.

Если читатели обвинятъ насъ за излишнія повторенія въ настоящей главѣ общеизвѣстныхъ фактовъ, то мы въ свое оправданіе при-

знаемся въ желаніи почерпнуть изъ нѣмецкихъ источниковъ не только ошибки и промахи, но и вѣрныя мысли и любопытныя освѣщенія подробностей въ процессѣ развитія Пушкинскаго творчества. Если нѣмцы не знаютъ въ точности жизнеописанія Пушкина, то имъ надо воздать честь за достовѣрность его, такъ сказать, литературной біографіи. Главнымъ результатомъ послѣдней они считаютъ освобожденіе нашего великаго поэта отъ вліяній и образцовъ Западной Европы и проникновеніе его творчества началами русской народности. Съ этимъ выводомъ намъ приходится безусловно согласиться, а къ какимъ послѣдствіямъ приведетъ насъ это основное убѣжденіе, о томъ мы узнаемъ изъ дальнѣйшей нашей задачи—выяснить взглядъ нѣмецкой критики на мѣсто Пушкина во всемірной словесности.

М. Веневитиновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ афоризмовъ графа М. М. Сперанскаго [1]).

Въ понятіи права всегда есть понятіе обоюднаго согласія и доброй воли: потому-то и всѣ божественныя права основаны на завѣтѣ, на союзѣ.

Le juste n'est que ce qui a été librement consenti. Pourquoi les animaux n'ont ils pas de justice?—Parcequ'ils n'ont point de liberté.

L'injuste est une violation d'un contrat librement consenti.

Le juste est ce qui est conforme à l'esprit; l'injuste est ce qui est conforme à la matière.

Le juste, le libre, l'esprit sont synonimes [2]).

Причины всего волненія умовъ нашего времени состоятъ въ одномъ открытіи, что счастіе и несчастіе всѣхъ и каждаго зависятъ отъ устройства правительства.

Въ народахъ земледѣльческихъ управленіе не много имѣетъ силы; совсѣмъ противное—въ народахъ промышленныхъ.

Періодъ промышленности опредѣляетъ норму правительства.

L'identité de l'image avec la chose est la vérité physique; l'identité de la pensée avec la parole est la vérité logique; l'identité de deux pensées abstraites est la vérité métaphysique; l'identité de deux expressions de quantité est la vérité mathématique. La vérité est donc toujours l'identité.

Notre esprit cherche la vérité en tout; par conséquence, il cherche

---

[1]) Съ автографа М. М. Сперанскаго, принадлежащаго В. А. Брюллову.

[2]) Переводъ. Справедливымъ можно назвать только то, что основано на свободномъ согласіи. Почему у животныхъ нѣтъ (понятія о) справедливости? Потому что у нихъ нѣтъ свободы. Несправедливость есть нарушеніе договора, свободно заключеннаго. Справедливымъ называется то, что согласно съ разумомъ; несправедливымъ—что согласно съ матеріей. Справедливость, свобода, разумъ—синонимы.

l'identité en toutes choses pour rapporter tout à l'unité, c'est-à-dire, il cherche l'absolu; il aime à contempler.

Toute vérité par conséquence est un exercice de contemplation. La tendance de l'esprit à l'absolu s'appelle vérité. Dans ses rapports volitives (?) avec les autres volontés la vérité est justice. Dans ses rapports aux désirs et au choix la vérité est la liberté. La justice, le vrai, le libre—tout n'est que tendance de l'esprit vers l'absolu [1]).

Сообщилъ **Ив. Кубасовъ.**

---

[1]) Переводъ. Тождество представленія съ предметомъ есть истина физическая; тождество мысли со словомъ—истина логическая; тождество двухъ отвлеченныхъ идей—истина метафизическая; тождество двухъ выраженій количества—истина математическая. Слѣдовательно, истина — всегда тождество. Нашъ разумъ ищетъ истину во всемъ; слѣдовательно, онъ ищетъ тождества во всемъ, чтобы все свести къ единству, то-есть, онъ ищетъ абсолютнаго; онъ любитъ созерцать. Всякая истина, слѣдовательно, есть упражненіе въ созерцаніи. Стремленіе разума къ абсолютному называется истиной. Въ своихъ волевыхъ соотношеніяхъ съ другими волями истина есть справедливость. Въ своихъ отношеніяхъ къ желаніямъ и выбору истина есть свобода. Справедливость, истина, свобода—все это есть исключительно стремленіе разума къ абсолютному.

Ср. эти афоризмы Сперанскаго съ афоризмами его, напечатанными ранѣе въ книгѣ: „Въ память графа М. М. Сперанскаго". Спб. 1872 г. и у И. Катетова въ его изслѣдованіи: „Графъ М. М. Сперанскій, какъ религіозный мыслитель". Казань 1889.

Новые матеріалы для біографіи В. Г. Бѣлинскаго.

Въ «Очеркѣ исторіи Константиновскаго межеваго института съ 1779—1879 г.», изданномъ въ 1879 г. А. Апухтинымъ, въ Петербургѣ, на стр. 51-й отмѣчено, какъ новость въ жизни института за 1838 г., «кратковременное появленіе въ числѣ учителей извѣстнаго писателя В. Г. Бѣлинскаго. Дѣлая представленіе о допущеніи къ преподаванію русскаго языка неслужащаго дворянина Виссаріона Бѣлинскаго, директоръ писалъ, «что онъ извѣстенъ своей грамматикой, принятой съ большимъ одобреніемъ знатоками филологіи, и своимъ знаніемъ Русской словесности, а равно литературными по сей части трудами». Но Бѣлинскій пробылъ въ институтѣ только съ 10-го марта по 22-е октября». Такъ кратко отмѣтилъ историкъ института фактъ, который, конечно, не имѣлъ большаго значенія для учебнаго заведенія, но который интересенъ съ точки зрѣнія біографіи великаго критика. Благодаря обязательной любезности директора Константиновскаго межеваго института, профессора А. Н. Шварца, указавшаго мнѣ документы въ архивѣ института о службѣ Бѣлинскаго и дозволившаго снять съ нихъ копію,—за что и приношу здѣсь ему мою искреннюю благодарность,—я могу сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой недолгой службѣ Бѣлинскаго учителемъ института.

Бѣлинскій, какъ извѣстно, принадлежалъ къ очень небогатой семьѣ. Онъ съ трудомъ и при помощи добрыхъ людей добрался до Москвы осенью 1829 г., для поступленія въ университетъ. Въ Москвѣ онъ тоже не могъ получать отъ родныхъ средствъ для жизни; ему удалось поступить казеннокоштнымъ студентомъ, тутъ какъ-ни-какъ, первыя матеріальныя потребности его были этимъ удовлетворены. Но, вотъ, его исклю-

чаютъ изъ университета [1]). Бѣлинскій оказывается на улицѣ, безъ всякихъ средствъ и безъ правъ. Ему необходимо было искать заработка, думать о томъ, какъ устроиться въ жизни. Онъ еще на студенческой скамьѣ началъ пробовать свои силы въ литературной работѣ, почувствовалъ свое призваніе, но, во-первыхъ, его первый опытъ, драма изъ крѣпостнаго быта, встрѣтила неодолимыя цензурныя препятствія, послужила даже одной изъ главныхъ причинъ исключенія его изъ университета, а, во-вторыхъ, въ то время трудно было разсчитывать на прочность и достаточность литературнаго заработка. Мы знаемъ, какъ потомъ Бѣлинскій, извѣстный писатель, крупнѣйшая литературная сила, бѣдствовалъ часто безъ денегъ, постоянно, до самаго конца, чувствовалъ давленіе матеріальной нужды. Немудрено, что неувѣренный въ своихъ силахъ, потерпѣвшій неудачу съ первой драмой, Бѣлинскій, послѣ исключенія изъ университета, искалъ себѣ заработка помимо литературы. Онъ, между прочимъ, сдѣлалъ попытку тогда же получить мѣсто преподавателя въ уѣздномъ училищѣ въ Бѣлорусскомъ учебномъ округѣ, но попытка эта почему-то не удалась. Бѣлинскій остался въ Москвѣ и давалъ много частныхъ уроковъ. Такъ, бѣгая по урокамъ и сидя за переводами французскихъ романовъ или за журнальными статьями, онъ часто бывалъ въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Въ 1834 г. напечаталъ онъ свои знаменитыя «Литературныя мечтанія», которыя сразу привлекли къ автору вниманіе читателей. Но это не помѣшало Бѣлинскому, послѣ закрытія въ 1836 году «Телескопа», дававшаго ему извѣстный заработокъ, опять испытывать крайнюю нужду. Въ это время, продолжая свои уроки, Бѣлинскій издалъ «Русскую грамматику», которая, однако, вопреки увѣреніямъ С. Т. Аксакова, не имѣла успѣха и ничего не принесла автору. Положеніе Бѣлинскаго было очень трудное, и тутъ-то на помощь ему явился Аксаковъ, занимавшій тогда должность директора Константиновскаго межеваго института. Аксаковъ зналъ Бѣлинскаго черезъ своего сына Константина, который, хотя и былъ моложе Бѣлинскаго по университету, но былъ близокъ съ нимъ по товарищескому кружку, къ которому они оба принадлежали. Кромѣ того, С. Т. Аксаковъ не могъ не цѣнить и литературныхъ дарованій Бѣлинскаго, его начинавшейся литературной работы. И вотъ, зная, какъ тяжело Бѣлинскому перебиваться плохо оплачиваемыми и трудно достающимися частными уроками, онъ предложилъ ему мѣсто учителя въ учебномъ заведеніи, которымъ управлялъ, справедливо признавая Бѣлинскаго подходящимъ для этого мѣста. Слѣдующее письмо Бѣлинскаго показываетъ намъ, что иниціатива въ этомъ дѣлѣ шла отъ Аксакова.

---

[1]) Документы, касающіеся этого исключенія, напечатаны недавно А. Н. Пыпинымъ въ его интересной замѣткѣ въ сборникѣ „Памяти Бѣлинскаго“.

«Милостивый государь Сергѣй Тимоѳеевичъ! Съ удовольствіемъ принимаю предложеніе ваше преподавать русскій языкъ въ двухъ старшихъ классахъ Межеваго института, по 9 часовъ въ недѣлю, съ жалованіемъ по 1.300 рублей въ годъ, о чемъ имѣю честь васъ увѣдомить. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь остаться вашъ, милостивый государь, покорный слуга Виссаріонъ Бѣлинскій. 1838 года, марта 10-го дня» [1]).

Письмо Бѣлинскаго, которому, очевидно, было придано значеніе прошенія объ опредѣленіи учителемъ, начинаетъ собою дѣло. Далѣе слѣдуетъ представленіе о Бѣлинскомъ со стороны директора института. «Его превосходительству, попечителю Константиновскаго межеваго института, господину тайному совѣтнику и кавалеру Ивану Устиновичу Пейкеру» директоръ института писалъ 18-го марта, за № 133:

«Отъ сего числа, за № 129, имѣлъ я честь донесть вашему превосходительству, что г. учитель Ярцевъ поданнымъ прошеніемъ изъявилъ желаніе оставить службу при ввѣренномъ мнѣ Константиновскомъ межевомъ институтѣ, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ. Озабочиваясь скорѣйшимъ замѣщеніемъ открывшейся послѣ него вакансіи, я пригласилъ на мѣсто г. Ярцева извѣстнаго мнѣ своей грамматикой, принятой съ большимъ одобреніемъ знатоками филологіи, своимъ знаніемъ русской словесности, а равно литературными по сей части трудами, неслужащаго дворянина г. Бѣлинскаго, который изъявилъ согласіе преподавать русскій языкъ въ двухъ старшихъ классахъ института, по 9 часовъ въ недѣлю, съ жалованьемъ, производившимся его предмѣстнику, по тысячѣ триста рублей въ годъ. Если г. Бѣлинскій окажетъ хорошія способности въ преподаваніи, оправдываемыя успѣхами воспитанниковъ, тогда, опредѣливъ его въ дѣйствительную службу, я буду имѣть честь испросить на то утвержденіе вашего превосходительства. Вслѣдствіе сего г. Бѣлинскій и допущенъ мною къ исправленію должности учителя 16-го сего марта, на испытаніе. Имѣя честь доложить о семъ вашему превосходительству, покорнѣйше прошу вашего утвержденія на производство означеннаго мною жалованія со дня начатія имъ преподаванія въ институтѣ уроковъ».

Отвѣтъ Пейкера послѣдовалъ нескоро: онъ помѣченъ 31-мъ марта. Вотъ его полный текстъ:

«Господину директору Константиновскаго межеваго института.

---

[1]) Письмо это сохранилось въ архивѣ института въ дѣлѣ подъ № 185, озаглавленномъ: „Дѣло о допущеніи г. Бѣлинскаго къ преподаванію русскаго языка въ двухъ классахъ Межеваго института, объ увольненіи его отъ сего занятія и объ опредѣленіи на его мѣсто состоящаго въ 10 классѣ Дмитрія Иванова“.

Представленіемъ отъ 18-го сего марта вы испрашиваете утвержденія моего на сдѣланное вами распоряженіе о допущеніи къ исправленію должности учителя русскаго языка въ двухъ старшихъ классахъ ввѣреннаго вамъ заведенія неслужащаго дворянина Бѣлинскаго, съ жалованьемъ, какое получалъ предмѣстникъ его Ярцевъ, за 9 часовъ въ недѣлю, по 1.300 рублей въ годъ, начавъ производство онаго со дня допущенія его къ преподаванію воспитанникамъ упомянутаго предмета. Предварительно распоряженіямъ моимъ по сему представленію вашему, считаю я неизлишнимъ имѣть въ виду документы о Бѣлинскомъ, требуемые Св. Зак. т. III, учрежд. ст. 157 отъ желающихъ поступить въ службу, и коихъ вами мнѣ не представлено, я прошу васъ сдѣлать распоряженіе о доставленіи мнѣ оныхъ. Главный директоръ Межеваго корпуса сенаторъ Иванъ Пейкеръ».

На этой бумагѣ директоръ института сдѣлалъ такую отмѣтку: «Сдѣлайте представленіе объ утвержденіи Бѣлинскаго въ должности учителя въ дѣйствительной службѣ: ибо онъ оказалъ отличныя способности къ преподаванію. Приложите документы съ объясненіемъ, что они не были приложены потому, что Бѣлинскій былъ допущенъ къ преподаванію частнымъ образомъ. Директоръ Аксаковъ».

Такимъ образомъ, Аксаковъ принялъ Бѣлинскаго сначала частнымъ образомъ, на испытаніе, чтобы видѣть, окажетъ ли онъ хорошія способности, оправдываемыя успѣхами учениковъ; не прошло мѣсяца, и Аксаковъ свидѣтельствуетъ, что новый учитель оказалъ «отличныя способности въ преподаваніи». Какіе же документы представлены были о Бѣлинскомъ Пейкеру для его утвержденія? Мы увидимъ сейчасъ, что эти документы были недостаточны, каковыми они и были признаны. Можно даже думать, что промедленіе въ представленіи документовъ было сдѣлано именно потому, что у Бѣлинскаго не было формальныхъ правъ на занятіе учительскаго мѣста, и Аксаковъ именно разсчитывалъ добиться потомъ разрѣшенія на утвержденіе Бѣлинскаго ссылкой на его педагогическіе успѣхи. Какъ бы то ни было, разъ Пейкеръ не согласился на допущеніе даже временное Бѣлинскаго безъ представленія документовъ, оставалось представить то, что было. При такомъ положеніи дѣлъ Аксаковъ сталъ дѣйствовать рѣшительно и сдѣлалъ теперь представленіе уже прямо объ утвержденіи Бѣлинскаго въ должности. Для этого были представлены слѣдующія бумаги: прошеніе Бѣлинскаго и удостовѣреніе, выданное ему отъ «предводительскихъ дѣлъ».

Вотъ текстъ прошенія, подписаннаго Бѣлинскимъ собственноручно, по пунктамъ. Прошеніе писано на гербовой бумагѣ цѣною въ 50 копѣекъ.

«Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій великій государь императоръ Николай Павловичъ, самодержецъ всероссійскій, государь всемилостивѣйшій. Проситъ изъ дворянъ Виссаріонъ Григорьевъ сынъ Бѣлинскій, о чемъ

прошеніе, тому слѣдуютъ пункты. Имѣю желаніе вступить въ службу вашего императорскаго величества въ Константиновскій межевой институтъ учителемъ русскаго языка, представляя о происхожденіи моемъ свидѣтельство, выданное отъ чембарскаго уѣзднаго предводителя, всеподданнѣйше прошу—«Къ сему».

Дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе прошеніе съ приложеніемъ свидѣтельства въ Константиновскій межевой институтъ принять и меня учителемъ русскаго языка опредѣлить, грамота и прочіе документы представлены будутъ въ непродолжительномъ времени—«мною сочиненному».

Всемилостивѣйшій государь, прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Апрѣля дня 1838 года. Къ поданію надлежитъ въ Константиновскій межевой институтъ. Прошеніе сіе набѣло переписывалъ канцелярист Николай Егоровъ Блехъ.—«Прошенію дворянинъ Виссаріонъ Григорьевъ сынъ Бѣлинскій руку приложилъ».

Вотъ свидѣтельство, о которомъ говорится въ приведенномъ прошеніи Бѣлинскаго.

«1829 года августа 10-го дня, мы нижеподписавшіеся Пензенской губерніи города Чембара и уѣзда онаго благородные дворяне симъ свидѣтельствуемъ въ томъ, что здѣшняго уѣзднаго штабъ-лѣкаря Григорья Никифорова Бѣлинскаго, продолжавшаго служеніе въ званіи лѣкаря 20-го августа 1810 года, а штабъ-лѣкаря 2-го сентября 1816 года, сынъ Виссаріонъ дѣйствительно рожденный отъ него прошлаго 1811 года мая 30-го числа, который нигдѣ въ службѣ еще не находился и опредѣленъ не былъ, и нынѣ ему отъ роду 19-й годъ, въ чемъ удостовѣряя, подписуемся» [1]).

---

[1]) Подлинное подписалъ Чембарскій уѣздный предводитель и кавалеръ Мосоловъ, городничій маіоръ Холоповъ, уѣздный судья поручикъ и кавалеръ Мосоловъ, дворянскій засѣдатель Суряевъ, дворянскій засѣдатель Мачинскій, чембарскій уѣздный стряпчій титулярный совѣтникъ Акинфій Васильевъ, подполковникъ и кавалеръ Конрадій Неменскій, губернскій секретарь Евгеній Норовъ, гвардіи прапорщикъ Степанъ Владыкинъ, надворный совѣтникъ Никонъ Щетининъ, чембарскаго земскаго суда секретарь титулярный совѣтникъ Петръ Петровъ сынъ Ивановъ, чембарскаго уѣзднаго суда секретарь титулярный совѣтникъ Игнатій Семеновъ сынъ Семеновъ, подпоручикъ и кавалеръ Матфей Пушкаревъ, губернскій секретарь Иванъ Сокольскій, губернскій секретарь Петръ Мачинскій, губернскій секретарь Василій Патрикѣевъ, коллежскій секретарь Павелъ Ангрицъ, губернскій секретарь Ѳедоръ Аграпскій, титулярный совѣтникъ Тимоѳей Гороховскій, губернскій секретарь Никифоръ Борисовъ сынъ Щегловъ, коллежскій регистраторъ Василій Григорьевъ сынъ Семеновъ, титулярный совѣтникъ Яковъ Алексѣевъ сынъ Мухинъ. На подлинномъ написано: 1829 г. августа 30-го дня. Сіе свидѣтель-

Свидѣтельство это приведено мною въ полномъ видѣ, со всѣми подписями, такъ какъ среди этихъ подписей встрѣчаются фамиліи, которыя попадаются и въ исторіи жизни Бѣлинскаго за пензенскіе годы. Когда Бѣлинскій осенью 1829 г. явился въ Москву для поступленія въ университетъ, ректоръ Двигубскій отказалъ ему въ пріемѣ по неимѣнію у него метрическаго свидѣтельства. Родители Бѣлинскаго обѣщали выслать сыну метрику, но не сдѣлали этого во-время; вѣроятно, они и порѣшили замѣнить метрику, которую приходилось выписывать изъ Свеаборга, свидѣтельствомъ отъ «предводительскихъ дѣлъ». Надо думать, что именно это «дворянское» свидѣтельство было получено Бѣлинскимъ отъ родителей въ сентябрѣ и облегчило ему поступленіе въ университетъ [1]).

Согласно сдѣланной Аксаковымъ на предписаніи Пейкера помѣтѣ и на основаніи поданнаго Бѣлинскимъ прошенія (вѣроятно, прошеніе это было подано по требованію или указанію Аксакова), Институтъ сдѣлалъ о Бѣлинскомъ слѣдующее представленіе отъ 16-го апрѣля 1838 г. за № 167:

«Г-ну попечителю Константиновскаго межеваго института тайному совѣтнику Пейкеру.

«На предписаніе вашего превосходительства отъ 31-го минувшаго марта за № 168 честь имѣю объяснить, что о родопроисхожденіи неслужащаго дворянина Бѣлинскаго не было представлено документовъ потому, что онъ допущенъ къ преподаванію по найму частнымъ образомъ, для испытанія его способностей, которыя и оказалъ уже самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Прилагая у сего свидѣтельство отъ предводительскихъ дѣлъ, выданное г-ну Бѣлинскому 10-го августа 1829 года, я покорнѣйше прошу объ утвержденіи его, согласно поданному имъ прошенію, въ должности учителя двухъ старшихъ классовъ русскаго языка при Константиновскомъ межевомъ институтѣ, на прежде объясненномъ мною основаніи. Грамота же на дворянство, немедленно по доставленіи оной изъ дворянскаго депутатскаго собранія, будетъ представлена къ усмотрѣнію вашего превосходительства».

Въ этомъ представленіи Аксаковъ все говоритъ только о документахъ

ство Пензенской губерніи Чембарскаго уѣзда у предводительскихъ дѣлъ явлено и въ книгу подъ № 44-мъ записано. За предводителя уѣздный судья поручикъ и кавалеръ Петръ Мосоловъ. На подлинномъ свидѣтельствѣ приложена печать чембарскаго уѣзднаго суда. Справилъ протоколистъ Павелъ Цыпровскій. Подлинное свидѣтельство обратно получилъ Виссаріонъ Бѣлинскій. Съ подлиннымъ читалъ 12-го класса Тихонинъ.

[1]) О дальнѣйшемъ ходѣ вопроса о дворянствѣ Бѣлинскаго новыя свѣдѣнія напечатаны проф. Архангельскимъ въ апрѣльской книжкѣ „Русской Старины“ 1899 г. Бѣлинскій былъ признанъ въ дворянствѣ только въ концѣ 1847 г.

по «родопроисхожденію» Бѣлинскаго, но обходитъ молчаніемъ весьма важный вопросъ о дипломѣ на право преподаванія. Между тѣмъ здѣсьто и былъ слабый пунктъ служебно-педагогической карьеры Бѣлинскаго: Аксаковъ, конечно, не могъ не знать о существовавшихъ требованіяхъ насчетъ дипломовъ и, повидимому, нарочно давалъ такой ходъ дѣлу, чтобы обойдти это препятствіе. Отчасти ему это и удалось.

На представленіе Аксакова послѣдовалъ отвѣтъ отъ Пейкера отъ 9-го іюня 1838 года за № 316 съ помѣтой: «Отвѣты на №№ 133 и 136», т. е на оба представленія Аксакова о Бѣлинскомъ..

«Г-ну исправляющему должность директора Константиновскаго межеваго института.

«Директоръ Константиновскаго межеваго института представленіями отъ 18-го марта и 16-го апрѣля сего года ходатайствуетъ о утвержденіи въ должности учителя русскаго языка при институтѣ неслужащаго дворянина Бѣлинскаго, допущеннаго имъ къ преподаванію сего предмета въ двухъ старшихъ классахъ ввѣреннаго ему заведенія, доставивъ при томъ свидѣтельство, выданное Бѣлинскому отъ чембарскаго предводителя дворянства о родопроисхожденіи его. Имѣя въ виду съ одной стороны удостовѣреніе г-на Аксакова, что Бѣлинскій, при сдѣланномъ ему испытаніи, оказался способнымъ къ преподаванію воспитанникамъ Константиновскаго межеваго института русскаго языка и что онъ извѣстенъ сочиненной имъ грамматикой, принятой съ большимъ одобреніемъ, но съ другой, принимая въ соображеніе, что согласно § 320 высочайше утвержденнаго 8-го декабря 1828 года устава учебныхъ заведеній, даже учители частныхъ учебныхъ заведеній обязаны имѣть свидѣтельства отъ университета, или, по крайней мѣрѣ, отъ гимназіи на право преподаванія тѣхъ наукъ, коимъ намѣренъ обучать: каковаго свидѣтельства о Бѣлинскомъ не представлено,—я не считаю себя въ правѣ утвердить нынѣ его, Бѣлинскаго, въ должности учителя русскаго языка при институтѣ, а полагаю возможнымъ дозволить ему продолжать преподаваніе сего предмета въ двухъ старшихъ классахъ заведенія по найму, съ производствомъ ему за девять часовъ въ недѣлю по 1.300 рублей въ годъ со дня допущенія его къ преподаванію, съ тѣмъ, чтобы онъ, Бѣлинскій, если желаетъ быть утвержденъ въ должности учителя, озаботился бы представленіемъ установленнаго свидѣтельства. Увѣдомляя о семъ васъ для дальнѣйшаго со стороны вашей распоряженія, я возвращаю у сего вышесказанное свидѣтельство Бѣлинскаго. Главный директоръ межеваго корпуса сенаторъ Иванъ Пейкеръ».

На подлинномъ предписаніи Пейкера сдѣлана такая надпись: «Г-ну Бѣлинскому о семъ объявить и буде изъявитъ желаніе на изложенномъ основаніи быть преподавателемъ, то производить ему назначенное жа-

лованіе, которое за прошедшее время на 1-е сего іюня выдать нынѣ же съ запискою въ книгу и съ росписко. Я. Максимовъ».

Такимъ образомъ, несмотря на недостатокъ документовъ, на отсутствіе диплома, Бѣлинскій былъ оффиціально, съ разрѣшенія подлежащаго начальства, допущенъ къ занятію учительской должности; только для утвержденія въ этой должности съ него требовался въ будущемъ дипломъ. Конечно, отсутствіе диплома могло впослѣдствіи, при менѣе расположенномъ директорѣ института, вызвать новыя затрудненія, но пока Бѣлинскій получилъ уроки въ старшихъ классахъ, которые должны были его интересовать, а достаточное вознагражденіе—1.300 рублей—устраняло отъ него тѣснившую его нужду. Но Бѣлинскаго не могла удовлетворить учительская дѣятельность. Онъ уже зналъ свое литературное призваніе, онъ хотѣлъ наставлять, поучать не нѣсколько десятковъ хотя бы и внимательныхъ учениковъ, онъ хотѣлъ говорить къ сотнямъ и тысячамъ, къ десяткамъ тысячъ читателей. Ему было что имъ сказать, и онъ умѣлъ съ ними говорить. Въ то самое время, когда, благодаря вниманію со стороны Аксакова, Бѣлинскій получилъ уроки въ межевомъ институтѣ, онъ велъ переговоры съ издателемъ «Московскаго Наблюдателя» и взялъ затѣмъ этотъ журналъ въ свое завѣдываніе. Первая книжка «Наблюдателя» подъ новой редакціей за мартъ и апрѣль 1838 г. носитъ цензурную помѣту 11-го апрѣля. Увлеченный редакторствомъ и писаніемъ статей, Бѣлинскій долженъ былъ вскорѣ отказаться отъ только-что устроенныхъ ему уроковъ, такъ удачно обставленныхъ стараніями Аксакова. Онъ прозанимался въ институтѣ весну, началъ занятія и съ осени, но затѣмъ въ срединѣ полугодія, давъ, вѣроятно, время подыскать себѣ преемника, Бѣлинскій отказался отъ учительства. Въ томъ же дѣлѣ, изъ котораго взяты приведенные выше документы, находится слѣдующее его письмо отъ 22-го октября 1838 г.: «Милостивый государь Сергѣй Тимоѳеевичъ! Непредвидѣнныя обстоятельства лишаютъ меня возможности продолжать мои уроки въ классахъ межеваго института, почему и прошу васъ покорнѣйше дать мнѣ отъ нихъ увольненіе. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь остаться вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою Виссаріонъ Бѣлинскій». На этомъ письмѣ сдѣлана помѣта: «разчесть жалованіемъ г-на Бѣлинскаго по день окончанія его уроковъ въ институтѣ. Директоръ Аксаковъ».

Затѣмъ въ дѣлѣ идутъ бумаги объ опредѣленіи на мѣсто Бѣлинскаго новаго учителя—«состоящаго въ 10 классѣ Дмитрія Иванова»; изъ этихъ бумагъ видно, что окончательное увольненіе Бѣлинскаго состоялось 1-го ноября.

Въ архивѣ Константиновскаго межеваго института имѣется еще дѣло № 187, озаглавленное: «О доставленіи списка объ учителяхъ межеваго института съ показаніемъ, какому изъ нихъ кто обучаетъ предмету,

сколько имѣетъ часовъ и какое получаетъ за это содержаніе, какъ по институту, такъ и по другимъ учебнымъ заведеніямъ». Списокъ этотъ былъ затребованъ начальствомъ и, для составленія его, всякій учитель долженъ былъ дать о себѣ необходимыя показанія. Замѣтка Бѣлинскаго была очень кратка,—онъ написалъ: «Кромѣ межеваго института нигдѣ не обучаю. Учитель Бѣлинскій». Свѣдѣнія о числѣ уроковъ и о жалованіи имѣлись у самого института. Показанія были затребованы отъ учителей 23-го марта 1838 года.

Такимъ образомъ, приведенные выше документы опредѣленно выясняютъ намъ одинъ изъ эпизодовъ въ жизни великаго критика. Стараніями С. Т. Аксакова Бѣлинскій получилъ хорошо оплачиваемые уроки въ институтѣ. Директоръ института этимъ приглашеніемъ не только оказывалъ содѣйствіе даровитому писателю, страдавшему отъ крайней нужды,—онъ, несомнѣнно, привлекалъ къ преподаванію въ институтѣ выдающагося преподавателя. Мы знаемъ, что Бѣлинскій еще въ Пензенской гимназіи былъ назначаемъ замѣнять отсутствующаго учителя русскаго языка, знаемъ, что въ Москвѣ Бѣлинскій много занимался уроками, и одинъ изъ его учениковъ, Кавелинъ, дѣлаетъ о немъ восторженные отзывы; насколько Бѣлинскій серьезно относился къ своему преподаванію роднаго языка, видно изъ составленной имъ грамматики; наконецъ, онъ обладалъ такими свѣдѣніями по исторіи русской литературы, такимъ живымъ пониманіемъ ея, какъ никто.

Такимъ образомъ, отзывъ Аксакова, что Бѣлинскій оказался весьма способнымъ учителемъ, не былъ только отпиской и оправданіемъ своихъ дѣйствій передъ начальствомъ. При всѣхъ этихъ благопріятныхъ условіяхъ Бѣлинскій отказался отъ уроковъ и ушелъ «на оный путь, журнальный путь».

Остановлюсь еще на одномъ фактѣ, касающемся Аксакова. Недавно еще въ «Русскомъ Архивѣ» [1]) была разсказана исторія цензорской службы Аксакова, передано о томъ неудовольствіи, какое онъ навлекъ на себя слабымъ исполненіемъ своихъ цензорскихъ обязанностей. Это такъ и занесено было въ формуляръ Аксакова, гдѣ читаемъ: «Опредѣленъ старшимъ цензоромъ въ Московскій цензурный комитетъ 1830 г. мая 10-го. Изъ онаго, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, уволенъ, какъ чиновникъ, не имѣющій нужныхъ для званія сего способностей 1832 г. 23-го февраля. Опредѣленъ инспекторомъ Константиновскаго землемѣрнаго училища 1833 г. октября 19-го».

В. Якушкинъ.

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1898 г. № 5 „С. Т. Аксаковъ какъ цензоръ“ К. М. Павлова.

Отступленіе французовъ въ 1812 году.

Тверской губернскій почтмейстеръ Богданъ Греве—министру внутреннихъ дѣлъ.

15-го октября 1812 г. № 1903.

Вашему высокопревосходительству вчерашняго дня имѣлъ честь доносить объ опасности отъ непріятеля, со стороны Сычевокъ и Ржева; нынѣшній день я получилъ извѣстіе, что близъ Сычевокъ показались толпы французскихъ войскъ бѣгущія отъ Москвы, которыя въ то же время тамошними вооруженными крестьянами разбиты и прогнаты, а по сему и открылось, что казацкаго эсаула съ командою прибывшаго во Ржевъ разглашенія были несправедливы. До сего дня въ Тверской губерніи покойно и опасности никакой нѣтъ.

Здѣсь подтверждаютъ, что французская армія ретируется съ поспѣшеніемъ и въ безпорядкѣ и Наполеонъ будто скрылся.

Говорятъ, что въ Москву изъ Владиміра уже возвратилась полиція и дѣятельно занимаются убирать на улицахъ нечистоту.

Воспоминанія князя Эмилія Витгенштейна.

IV [1]).

Возстаніе въ царствѣ Польскомъ въ 1863 году.—Назначеніе князя Витгенштейна начальникомъ отряда, дѣйствовавшаго въ окрестностяхъ Конина.—Уничтоженіе шайки повстанцевъ 10-го марта.—Письмо князя Витгенштейна великому князю Константину Николаевичу.

Когда вспыхнуло польское возстаніе, князь Витгенштейнъ возвратился въ Россію, съ намѣреніемъ принять участіе въ усмиреніи мятежа. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1863 г. онъ уже былъ въ Варшавѣ и на другой день по пріѣздѣ представлялся великому князю Константину Николаевичу, который очаровалъ его своимъ радушіемъ и сердечностью.

«Великій князь не утратилъ врожденной ему живости,—говоритъ о немъ Витгенштейнъ въ письмѣ отъ 15-го (27-го) февраля,—но онъ держитъ себя съ большимъ спокойствіемъ и достоинствомъ. Онъ энергиченъ, неутомимъ, готовъ сдѣлать все возможное, но у него не достаточно войска и людей дѣла, хорошихъ совѣтниковъ и спеціалистовъ.

«Великій князь объяснилъ мнѣ подробно по картѣ дислокацію войскъ, и съ такой ясностью и точностью изобразилъ ходъ бывшихъ столкновеній съ поляками, что положеніе дѣлъ стало мнѣ вполнѣ ясно.

«У насъ преувеличиваютъ силы мятежниковъ; они хорошо дерутся, и у нихъ есть хорошіе начальники, но они дотого плохо вооружены, что русскія войска наносятъ имъ большой вредъ, а сами теряютъ весьма мало. Все то, что говорится въ газетахъ о незначительныхъ потеряхъ русской арміи, совершенно справедливо: вообще бѣдняки-по-

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1900 г.

встанцы внушаютъ искреннее сожалѣніе, и я держусь того мнѣнія, которое многіе здѣсь раздѣляютъ, что надобно стараться причинить имъ какъ можно менѣе вреда. Къ сожалѣнію, эту теорію трудно примѣнить на практикѣ, принимая во вниманіе ожесточеніе войска, которое подвергалось въ продолженіе двухъ лѣтъ со стороны поляковъ всевозможнымъ оскорбленіямъ.

«Многочисленныя банды повстанцевъ разсѣеваются по странѣ подобно ртути и послѣ каждаго столкновенія съ нашими войсками быстро формируются вновь; мы уже давно справились бы съ этими маленькими бандами, если бы были въ состояніи преслѣдовать и окружить ихъ и если бы обширныя лѣса и болота Польши не служили имъ надежнымъ убѣжищемъ. Но у насъ слишкомъ мало войска, чтобы воевать съ ними серьезно, наши силы парализованы безчисленными маленькими гарнизонами, которые здѣсь считаютъ необходимыми для охраны различныхъ депо. Такъ какъ наши войска слишкомъ разсѣяны и состоятъ всего изъ нѣсколькихъ ротъ пѣхоты, изъ одного или двухъ эскадроновъ кавалеріи, то съ ними нѣтъ возможности дѣйствовать съ достаточной энергіей и по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Мы разбиваемъ банду за бандою, но не можемъ истребить ихъ окончательно.

«У насъ нѣтъ небольшихъ отрядовъ, которые были бы совершенно самостоятельны въ своихъ дѣйствіяхъ и дѣлали бы разъѣзды, чтобы собрать свѣдѣнія о непріятелѣ.

«Мы не держимся правила преслѣдовать непріятеля до послѣдней крайности; когда объ этомъ говоришь съ кѣмъ-нибудь, съ вами соглашаются и все-таки продолжаютъ дѣйствовать по-прежнему.

«Несоразмѣрность между потерями повстанцевъ и нашими, надъ которой посмѣиваются газеты, ничуть не преувеличена: косы, револьверы, охотничьи ружья дѣйствуютъ противъ гранатъ и дальнобойныхъ орудій.

«Я сказалъ на-дняхъ великому князю, что газеты подсмѣиваются надъ тѣмъ, что, согласно нашимъ донесеніямъ, потери русскихъ оказываются слишкомъ незначительными; онъ отвѣчалъ мнѣ смѣясь:

— У повстанцевъ косы и охотничьи ружья, а у насъ дальнобойныя орудія и карабины! Не могу же я отдать приказаніе убивать людей для того, чтобы донесенія казались газетамъ правдоподобнѣе.

«Варшава производитъ тяжелое впечатлѣніе. Городъ совершенно спокоенъ, движеніе на улицахъ не прекращается, но на всѣхъ площадяхъ разставлены бивуакомъ войска, женщины носятъ трауръ, у всѣхъ серьезныя лица; въ общемъ въ городѣ много движенія, но нѣтъ воодушевленія. Вечеромъ всѣ ходятъ не иначе, какъ съ фонаремъ въ рукѣ, послѣ десяти часовъ вечера улицы пустѣютъ, и на нихъ можно встрѣтить только усиленные патрули. Впечатлѣніе получается зловѣщее и походитъ на затишье передъ бурею. Впрочемъ, приняты надлежащія

мѣры, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ; въ Варшаву пришла еще одна пѣхотная дивизія и гвардейская бригада.

«Я совѣтовалъ оставить Варшаву и занять одну цитадель и замокъ и какой-нибудь стратегическій пунктъ возлѣ желѣзной дороги, чтобы наши силы были болѣе сосредоточены, но мнѣ отвѣчали, что это невозможно, ибо въ такомъ случаѣ множество служащихъ, которые находятся въ городѣ со своими семьями, были бы предоставлены мщенію толпы.

«Политическое положеніе страны весьма серьезно, хотя личная опасность пока никому не угрожаетъ. Варшава переполнена войсками, поэтому безъ помощи извнѣ, на которую трудно разсчитывать, внезапное нападеніе невозможно.

«Что касается отравленій и убійствъ, то исключая отдѣльныхъ случаевъ, когда жертвою ихъ были лица, не пользующіяся хорошей славою, всѣ разсказы о таковыхъ, послѣ неудавшейся Варѳоломеевской ночи, которая была сигналомъ къ возстанію, не заслуживаютъ никакого довѣрія.

«Жители смотрятъ на русскихъ враждебно, въ особенности женщины, но ничего не предпринимаютъ; тѣмъ не менѣе приходится день и ночь быть насторожѣ. Единственный случай отравленія, о которомъ стоитъ упомянуть, это всѣмъ извѣстная исторія съ маркизомъ Велепольскимъ, которому въ теченіе пяти дней давали отраву въ пищѣ. Въ этомъ оказалась виновною, какъ говорятъ, дѣвушка, прислуживавшая на кухнѣ; она арестована, но до сихъ поръ не созналась въ своемъ преступленіи. Съ тѣхъ поръ какъ она арестована, маркизъ не ощущаетъ ни малѣйшаго признака отравленія. Въ числѣ отравленныхъ лицъ (но которыя поправились), можно назвать, между прочимъ, супругу министра внутреннихъ дѣлъ, графиню Келлеръ и ея дочь, очаровательную дѣвушку шестнадцати лѣтъ.

«Въ Польшѣ существуетъ три рѣзко разграниченныя партіи: первая—помѣщики, принадлежащіе къ высшему дворянству, которые, относясь недоброжелательно къ правительству, еще менѣе сочувствуютъ возстанію, такъ какъ оно имѣетъ рѣзкую демократическую окраску; вторая—крестьяне, которые относятся по большей части одинаково враждебно къ повстанцамъ и къ помѣщикамъ, и третья—повстанцы, главный контингентъ которыхъ составляютъ мѣщане и мелкая шляхта. Болѣе всего достойны сожалѣнія, по моему мнѣнію, помѣщики, очутившіеся, съ одной стороны, между повстанцами, которые берутъ съ нихъ выкупы и убиваютъ ихъ; съ другой, между крестьянами, которые чрезвычайно возбуждены противъ нихъ, и, наконецъ, съ третьей,—между войскомъ, которое относится къ нимъ съ недовѣріемъ и не щадитъ ихъ помѣстья, когда они находятся въ мѣстности, гдѣ происходитъ возстаніе.

«Живя уединенно въ своихъ помѣстьяхъ, не получая ни откуда ма-

теріальной поддержки, помѣщики не имѣютъ никого, кто защитилъ бы ихъ семьи, ихъ жизнь и имущество, и живутъ въ вѣчномъ страхѣ, боясь веревки повстанцевъ, смертныхъ приговоровъ революціоннаго комитета, ненависти крестьянъ и озлобленія солдатъ. Смотря на нихъ съ точки зрѣнія человѣка не русскаго, чувствуешь къ нимъ большое состраданіе; къ сожалѣнію, это мое единичное мнѣніе.

«Одинъ изъ самыхъ серьезныхъ фактовъ разыгрывающейся здѣсь драмы—это образъ дѣйствій крестьянъ, которые изъ ненависти къ помѣщикамъ остались преданы правительству. Сначала они только отказывались помогать повстанцамъ, открывали убѣжища бандъ, выдавали вооруженныхъ повстанцевъ и т. д. Ихъ за это похвалили; это вскружило имъ голову. Въ настоящее время они арестовываютъ уже людей безоружныхъ, производятъ самовольно домовые обыски у помѣщиковъ, угрожаютъ перерѣзать ихъ семьи, если они вздумаютъ уйти въ лѣсъ и т. д.».

Въ исходѣ февраля 1863 г. Витгенштейну ввѣрено было начальство надъ летучимъ отрядомъ съ порученіемъ очистить лѣса Калишской губерніи отъ наводнявшихъ ихъ повстанцевъ. Въ составъ его отряда вошли 2 роты пѣхоты, полъ-эскадрона гусаръ, полсотни казаковъ и 150 человѣкъ конной пограничной стражи, къ которымъ присоединились немного спустя еще 3 роты пѣхоты и 1 эскадронъ гусаръ. Съ этимъ отрядомъ ему пришлось выдержать 10-го (22-го) марта пятичасовое ожесточенное сраженіе съ гораздо болѣе многочисленнымъ отрядомъ повстанцевъ, бывшимъ подъ командою извѣстнаго Миленскаго.

Нѣсколько дней спустя Витгенштейнъ доносилъ начальнику штаба арміи генералу Минквицу:

«Обыскавъ въ теченіе пяти дней безъ всякаго успѣха лѣса между Калишемъ и Пыздрами, я далъ своему отряду отдохнуть одинъ день въ этомъ городѣ, такъ какъ солдаты были измучены трудными переходами по лѣсу и продолжительными рекогносцировками опушекъ лѣса, которыя дали мнѣ возможность констатировать почти абсолютное отсутствіе непріятеля съ этой стороны. Я получилъ извѣстіе, что многочисленныя банды, прибывавшія изъ Пруссіи и переходившія границу между Пыздрами и Слупцами, направились къ Казимержскимъ лѣсамъ; но я получилъ отъ генерала Бруннера приказаніе дѣйствовать со стороны Слупцовъ, вдоль границы, и готовился исполнить это приказаніе, обыскавъ весьма подозрительный Ландекскій монастырь [1]), въ которомъ

[1]) Въ этомъ монастырѣ находился тайный складъ оружія и польскихъ мундировъ, которые хранились въ трехъ-этажныхъ подземельяхъ монастыря, представлявшихъ собою настоящій либиринтъ. Этотъ монастырь былъ главнымъ арсеналомъ поляковъ, въ которомъ они собирали со времени возстанія 1830 г. оружіе и боевые снаряды; монахи обмундировывали прибывавшихъ къ нимъ повстанцевъ и отправляли ихъ далѣе.

однако ничего не нашелъ, какъ вдругъ я получилъ отъ полковника Гельфрейха спѣшное сообщеніе о томъ, что непріятель сосредоточивался со стороны Конина. Я тотчасъ сообщилъ съ эстафетой, отправленной черезъ Пруссію, это извѣстіе генералу Бруннеру, а самъ пошелъ вверхъ по правому берегу Варты. Лишь только мы расположились въ Мыслиборжѣ, какъ капитанъ Штрандманъ, прибывъ изъ Варшавы черезъ Конинъ, присоединился ко мнѣ и передалъ мнѣ второе, еще болѣе спѣшное сообщеніе полковника Гельфрейха, извѣщавшаго меня, что непріятель идетъ отъ Конина съ намѣреніемъ атаковать его. Я тотчасъ выступилъ съ моимъ отрядомъ и въ тотъ же вечеръ дошелъ до Кавницe, откуда, въ случаѣ надобности, могъ успѣшнѣе защитить Конинъ. На другой день, 9-го марта я двинулся черезъ лѣсъ на Казимержъ мимо Бенишевской церкви—хорошо укрѣпленной позиціи, которая была оставлена непріятелемъ, и продолжалъ розыски въ лѣсу, который тянется отъ Казимержа до этого пункта. Здѣсь я узналъ отъ крестьянъ, что лагерь Миленскаго находится близъ Клечева. Имѣя въ своемъ распоряженіи всего 3 роты пѣхоты, 1 эскадронъ гусаръ и 15 казаковъ, я шелъ очень осторожно, такъ какъ, судя по указаніямъ крестьянъ, можно было предполагать, что наличный составъ непріятеля доходилъ до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Непріятель, предупрежденный о нашемъ прибытіи, отступалъ; это было видно по слѣдамъ, которые онъ оставлялъ на своемъ проходѣ; солдаты подымали на каждомъ шагу коническія пули, патроны и т. п. Наконецъ, одинъ повстанецъ, котораго намъ удалось захватить, указалъ намъ путь къ лагерю, который они видимо только-что поспѣшно оставили. Мы нашли тутъ еще не потухшіе костры, кухонныя принадлежности, съѣстные припасы, даже скотъ. Я прослѣдилъ ихъ до Клечева, гдѣ и потерялъ изъ вида. Но жители этого мѣстечка стояли выстроившись передъ своими домами, какъ будто они собирались смотрѣть на какое-нибудь зрѣлище; я заключилъ изъ этого, что непріятель долженъ быть не далеко, и послалъ по направленію къ Горанину взводъ гусаръ, который настигъ нѣсколько экипажей съ повстанцами. Экипажи скрылись въ лѣсу; я тотчасъ приказалъ вступить въ лѣсъ, и вскорѣ звуки завязавшейся перестрѣлки дали понять, что стрѣлки догнали непріятеля. Оказалось, что они поймали всего 12 человѣкъ, отставшихъ отъ остальной банды.

«Я вернулся въ Казимержъ и расположился тамъ на ночь, такъ какъ отрядъ былъ чрезвычайно утомленъ всѣми маршами и контръ-маршами. Въ 2 часа по полуночи одинъ молодой человѣкъ, дезертировавшій изъ непріятельскаго лагеря, предупредилъ меня, что непріятель находился, какъ я и думалъ, въ лѣсу между Казимержомъ и Понтновомъ, и предложилъ провести меня туда. Въ 3 часа по полуночи (10-го марта) я велѣлъ разбудить отрядъ и выступить безъ шума, запретивъ солдатамъ говорить

и курить. Ночь была темная; мы шли тихо, часто останавливаясь, чтобы лучше сосредоточить войско. Когда мы вступили въ лѣсную чащу, то по крикамъ непріятельскихъ ведетовъ мы убѣдились, что наше приближеніе было замѣчено: мы двинулись далѣе и минуту спустя наткнулись на авангардъ непріятеля, состоявшій изъ кавалеріи и пѣхоты.

«На этотъ разъ намъ пришлось имѣть дѣло не съ бандой, а съ вполнѣ дисциплинированнымъ войскомъ, состоявшимъ почти исключительно изъ старыхъ прусскихъ солдатъ, вооруженныхъ швейцарскими и нѣмецкими карабинами. Сраженіе было ожесточенное, пули сыпались градомъ; не будь деревьевъ и неровностей почвы, прикрывавшихъ насъ, я думаю, весь мой маленькій отрядъ былъ бы истребленъ. Я держалъ все время одну роту на опушкѣ лѣса, а остальныхъ солдатъ въ резервѣ, мѣняя ихъ поочередно. Кавалерія находилась позади, прикрывая лазаретныя фуры и защищая нашъ флангъ, и выставивъ довольно далеко ведеты и патрули. Мы выпустили всѣ пули и боевые снаряды, которые мы везли въ зарядныхъ ящикахъ.

«Наконецъ перестрѣлка утихла и, выйдя изъ лѣса, я занялъ позицію на равнинѣ передъ Казимержомъ и поджидалъ артиллерію и пѣхоту, которыя должны были подойти изъ Конина; онѣ вскорѣ явились подъ командою полковника Гельдфрейха.

«Въ лѣсу, по которому мы шли, замѣтны были слѣды кровавыхъ потерь, понесенныхъ непріятелемъ, и поспѣшнаго его отступленія. Всюду валялись трупы убитыхъ или раненыхъ людей и лошадей, которыхъ не успѣли подобрать, брошеный провіантъ и фуражъ, разбитые чемоданы; по всѣмъ направленіямъ виднѣлись лужи крови, которыя тянулись, какъ я узналъ впослѣдствіи, до Слесина.

«Раненые повстанцы, съ которыми я говорилъ, утверждаютъ, что банда, съ которою мнѣ пришлось имѣть дѣло, состояла изъ шести или семисотъ человѣкъ.

«Начальникъ банды, Миленскій, тяжело раненый, скрывается, какъ говорятъ, въ окрестностяхъ Конина. Посѣтивъ по дорогѣ нѣкоторые дома, я нашелъ въ нихъ множество раненыхъ, въ томъ числѣ двухъ французовъ, Лежара и Калье, носившихъ мундиръ зуавовъ, которые служили ранѣе въ Африкѣ и Италіи и помогли Миленскому сформировать его банду. Калье, раненый тремя выстрѣлами изъ ружья, былъ при смерти; у Лежара была переломлена нога; но это не мѣшало ему съ самымъ веселымъ видомъ превозносить доблесть нашихъ войскъ».

Побѣда, одержанная отрядомъ Витгенштейна надъ бандою Миленскаго, которая была имъ разсѣяна, произвела на повстанцевъ удручающее впечатлѣніе, такъ какъ они возлагали на нее большія надежды.

Воспользоваться такъ или иначе этимъ настроеніемъ было весьма важно; къ тому же Витгенштейнъ имѣлъ случай наблюдать, что пода-

вленные этой неудачею польскіе патріоты были весьма озабочены участью раненыхъ повстанцевъ, которые остались на попеченіи мѣстныхъ жителей въ деревняхъ и мѣстечкахъ въ окрестностяхъ Конина, и что на нихъ произвело благопріятное впечатлѣніе заботливое отношеніе къ этимъ раненымъ князя Витгенштейна, коихъ онъ навѣщалъ, роздавая имъ вино, чай, сахаръ; не только сами раненые, но и патріоты, которые пріютили ихъ въ своихъ домахъ, выражали ему за это свое удовольствіе и благодарность и относились даже не особенно враждебно къ солдатамъ, нерѣдко прося позволенія угостить ихъ.

Убѣдившись въ томъ, что гуманное и снисходительное отношеніе со стороны властей могло быть наилучшимъ средствомъ для того, чтобы успокоить страну и вернуть къ порядку горячія польскія головы, онъ изложилъ свой взглядъ на дѣло въ нижеслѣдующемъ письмѣ къ великому князю Константину Николаевичу.

Конинъ 17-го (29-го) марта 1863 г.

«Генералъ Минквицъ вѣроятно сообщилъ уже вашему императорскому высочеству подробности дѣла подъ Казимержомъ, о которомъ я писалъ ему прежде, нежели послать о томъ донесеніе генералу Бруннеру. Небольшая колонна, коей я имѣлъ честь командовать, вела себя прекрасно и доблестно, и заслужила во всѣхъ отношеніяхъ благоволеніе вашего императорскаго высочества. Надѣясь на это благоволеніе, я всенижайше прошу ваше высочество позволить мнѣ повергнуть на благоусмотрѣніе ваше нѣкоторыя наблюденія, сдѣланныя мною послѣ сраженія 10-го марта.

«Революціонная партія, возлагавшая большія надежды на результаты, коихъ могла достигнуть банда Миленскаго, чувствуетъ особенно сильный ударъ, нанесенный ей нами, ибо онъ нанесенъ ей совершенно неожиданно. Почти всѣ начальствующія повстанцами лица ранены или убиты, и остатки банды разсѣялись; уроженцы царства Польскаго направляются въ незначительномъ числѣ въ Любстовскіе лѣса, а жители великаго герцогства Познанскаго, по большей части обезоруженные и раненые, переходятъ границу группами по 3 и по 5 человѣкъ. Революціонный элементъ этой мѣстности упалъ духомъ, имъ овладѣло всеобщее уныніе, и люди, нѣкогда высоко подымавшіе голову и разсчитывавшіе на мое пораженіе и на взятіе Конина, съ грустью задаютъ себѣ вопросъ, какая участь ожидаетъ раненыхъ, коими переполнены всѣ фермы, всѣ деревни между Кониномъ, Слесиномъ и Казимержомъ. Страшно подумать, какое множество людей они потеряли въ теченіе 5 часовъ; по настойчивости, съ какою они защищали свои позиціи, видно, что отъ успѣха этой защиты зависѣла удача всего плана кампаніи.

*

«Еще два дня спустя послѣ сраженія, въ лѣсу нагружали цѣлыя повозки брошенными тамъ трупами. У меня самого ранено не 36 человѣкъ, а 45, я невѣрно обозначилъ цифру въ своемъ донесеніи; въ этомъ виноваты мои ротные командиры, которые въ первый моментъ указали мнѣ лишь то число солдатъ, которые были отвезены въ походный госпиталь, не упомянувъ о тѣхъ, которые, послѣ перевязки легкихъ ранъ, снова храбро вступили въ ряды.

«Самъ Миленскій, котораго я полагалъ въ окрестностяхъ Конина, находится въ безопасности за границею: онъ раненъ пулею на вылетъ выше бедра [1]).

«Раненые непріятели, которыхъ я видѣлъ въ имѣніяхъ и фермахъ, черезъ которыя проѣзжалъ, въ восторгѣ отъ нашего обращенія и отъ участія, которое мы имъ выказываемъ. Эти бѣдняки, раненые большею частью весьма серьезно, и которые сражались, надобно сказать правду, съ замѣчательною храбростью, пожимали намъ руки и благодарили насъ со слезами на глазахъ за наше хорошее съ ними обращеніе, тогда какъ ихъ хозяева, въ первый моментъ нѣсколько напуганные, мало-по-малу становились общительнѣе, видя, что я ихъ не только не оскорбляю, но напротивъ поощряю ухаживать за ранеными. Они выражаютъ намъ всячески свою признательность.

«Строгость, съ какою я требую соблюденія дисциплины, не только не возстановила противъ меня солдатъ, но снискала мнѣ ихъ расположеніе. Во время совершенной маленькой экспедиціи мой отрядъ велъ себя такъ примѣрно и благопристойно, что помѣщики, даже тѣ изъ нихъ, которые компрометтированы и дома которыхъ я осматриваю, не только не прячутся отъ насъ, какъ вначалѣ, но встрѣчаютъ меня дружелюбно, благодарятъ за нашъ образъ дѣйствій, который извѣстенъ имъ какъ нельзя лучше, и просятъ позволенія угостить войско. Таковъ увлекающійся характеръ поляковъ, склонныхъ всегда къ крайностямъ. Во всей мѣстности, пройденной мною, замѣтна перемѣна настроенія въ нашу пользу; даже наши противники, которые не видятъ съ моей стороны оскорбленій, когда я не застаю ихъ на мѣстѣ преступленія, воспѣваютъ намъ похвалы; ненависть успокоивается, уступая мѣсто унынію и потребности въ покоѣ и отдыхѣ; насъ принимаютъ почти какъ друзей. Многіе изъ помѣщиковъ, очутившись между повстанцами, которые ихъ вѣшаютъ, и нами, которые ограничиваемся тѣмъ, что арестуемъ ихъ, избрали меньшее изъ двухъ золъ: они предпочли спасти голову, пожертвовавъ свободою. Всѣ они чувствуютъ, что съ ихъ плечъ свалилась теперь большая тяжесть, такъ какъ съ одной стороны имъ не приходится болѣе трепетать передъ повстанцами, а съ другой они не боятся болѣе

[1]) Миленскій скончался отъ послѣдствій полученныхъ имъ ранъ.

угрозъ съ нашей стороны. Ихъ безпокоитъ единственно участь раненыхъ. Они боятся, какъ бы вслѣдъ за солдатомъ не появился жандармъ, и думаютъ съ грустью о тѣхъ, которые оставляютъ за собою матерей, женъ и дѣтей. Ихъ родные и друзья являются ко мнѣ, какъ будто я имѣю право распоряжаться ихъ судьбою, и умоляютъ сдѣлать что-либо для нихъ: поэтому я рѣшилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія вашего императорскаго высочества.

«Если въ настоящее время, когда кровавыя раны еще не закрылись, когда всѣ еще находятся въ тревогѣ и всѣми овладѣло уныніе и когда, одержавъ побѣду по всей линіи, начиная съ бандъ Лангевича до Миленскаго, мы не имѣемъ надобности дѣлать вынужденныхъ уступокъ, если ваше императорское высочество, говорю я, соблаговолите сдѣлать добровольно великій актъ милосердія, объявивъ, что всѣ раненые, которые не въ состояніи еще оставить свои дома, могутъ лѣчиться, не опасаясь никакихъ притѣсненій и затѣмъ уѣхать за границу, то удивленіе, радость и признательность, которыя это произведетъ на пылкія польскія головы, будутъ таковы, что для умиротворенія страны это будетъ равносильно двадцати выиграннымъ сраженіямъ. Огромная популярность, коей ваше императорское высочество пользуетесь, этимъ удесятерится.

«Я увѣренъ, что, руководствуясь внушеніемъ своего сердца, ваше императорское высочество поступите именно такъ, и умоляю васъ извинить меня за то, что я осмѣлился говорить столь откровенно, и, не бывъ спрошенъ, указалъ на больное мѣсто непріятеля».

Остатки познанскихъ бандъ, составлявшіе главный контингентъ отряда Миленскаго, разбитаго 10-го марта Витгенштейномъ, лишившись своихъ предводителей, которые всѣ были убиты или ранены, раздѣлились на двѣ части: болѣе слабая часть, состоявшая изъ жителей царства Польскаго, направились небольшими группами, человѣка по 2—3, въ лѣса въ окрестности Любстова, гдѣ они образовали скорѣе шайки разбойниковъ, нежели партизановъ; другая же болѣе многочисленная часть, состоявшая исключительно изъ прусскихъ подданныхъ, направилась къ границѣ Пруссіи, гдѣ они были задержаны прусскими войсками.

V.

Развитіе мятежа.—Назначеніе князя Витгенштейна комендантомъ Праги и затѣмъ военнымъ губернаторомъ Августовской губерніи.—Прибытіе въ Сувалки и столкновеніе съ гражданскимъ губернаторомъ.—Состояніе Августовской губерніи.—Разсѣяніе шайки Вавера.—Постепенное усмиреніе губерніи.

Въ половинѣ апрѣля 1863 г. снова увеличился приливъ повстанцевъ изъ Познани. Многочисленныя банды переходили прусскую границу и собирались въ окрестностяхъ Колы (городъ Калишской губерніи); къ

нимъ должны были присоединиться другія банды, формировавшіяся внутри страны, и образовать такой же многочисленный отрядъ повстанцевъ, какимъ были банды разбитаго Миленскаго.

Положеніе становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, въ особенности когда съ наступленіемъ весны деревья стали покрываться листьями и лѣса представляли болѣе надежное убѣжище для повстанцевъ.

Мятежъ уже утратилъ отчасти свой первоначальный исключительно патріотическій характеръ и принялъ соціалистическую окраску.

Къ сожалѣнію, русскія войска не были достаточно сосредоточены, были утомлены, и ихъ было слишкомъ мало для того, чтобы очистить отъ повстанцевъ обширные лѣса Калишской губерніи.

На совѣщаніи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича, въ которомъ принимали участіе графъ Бергъ, начальникъ штаба генералъ Минквицъ и командующій войсками Варшавскаго округа баронъ Корфъ, было рѣшено, что къ отряду князя Витгенштейна могло быть присоединено всего 5 ротъ пѣхоты, 1 гвардейскій гусарскій полкъ, состоявшій изъ 4-хъ эскадроновъ и 4-хъ орудій конной артиллеріи. Съ этимъ отрядомъ Витгенштейнъ долженъ былъ прибыть въ исходѣ апрѣля въ Калишъ, но такъ какъ онъ въ это время серьезно заболѣлъ, то вмѣсто него были посланы генералы Костанда и Краснокутскій.

Въ первыхъ числахъ мая генералъ Костанда имѣлъ блестящее дѣло между Колою и Избицею и разбилъ три соединенныя банды повстанцевъ численностью до 3-хъ тысячъ человѣкъ, подъ командою француза или бельгійца по имени «de - Jongh», который былъ убитъ въ этомъ сраженіи. Повстанцы потеряли при этомъ убитыми и ранеными 400 человѣкъ, 80 человѣкъ было взято у нихъ въ плѣнъ.

Въ карманѣ убитаго Жонга было найдено много весьма важныхъ бумагъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что между бандами повстанцевъ и между парижскими революціонными комитетами существовали постоянныя и непосредственныя сношенія.

Три дня передъ тѣмъ эти три банды имѣли дѣло съ маіоромъ Нелидовымъ.

«Вслѣдствіе оптимизма, съ которымъ у насъ нерѣдко думаютъ,—говоритъ по этому поводу Витгенштейнъ,—что можно идти въ дѣло, имѣя въ своемъ распоряженіи всего двѣ роты (т. е. 320 человѣкъ), Нелидовъ былъ посланъ въ Влоцлавскъ съ двумя ротами, чтобы произвести рекогносцировку по направленію къ Петрокову, вдоль прусской границы. Онъ наткнулся на сильную банду, съ которой вступилъ въ сраженіе, какъ вдругъ появились главныя силы непріятеля,—цѣлыхъ шесть колоннъ, и ему пришлось такимъ образомъ имѣть дѣло съ 3.600 слишкомъ

человѣкъ. Онъ сосредоточилъ свои силы, сражался съ удивительной храбростью цѣлыхъ четыре часа и, разстрѣлявъ всѣ свои патроны, пробился сквозь массу непріятеля и отступилъ въ Пруссію, успѣвъ не только захватить всѣхъ своихъ раненыхъ, но и 8 человѣкъ плѣнныхъ. Эта горсть храбрецовъ, къ сожалѣнію очень порѣдѣвшая во время сраженія, была восторженно принята пруссаками, которые слѣдили за ходомъ сраженія издали. Оказавъ нашимъ солдатамъ самый радушный пріемъ, пруссаки отправили ихъ по желѣзной дорогѣ въ Влоцлавскъ. По прибытіи въ этотъ городъ, Нелидовъ и его двѣ роты, не отдохнувъ ни одного дня, просили немедленно послать ихъ вновь въ дѣло и на другой же день выступили съ болѣе сильной колонной.

«Одновременно съ блестящей побѣдой, одержанной Костандою, мой отрядъ, коимъ временно командовало другое лицо, встрѣтился къ югу отъ Калиша, близъ Сѣрадзя съ хорошо вооруженною бандою въ тысячу человѣкъ и истребилъ ее почти окончательно; изъ тысячи человѣкъ уцѣлѣло всего около двухсотъ».

«Вчера,—пишетъ князь Витгенштейнъ 3-го (15-го) мая 1863 г., по приказанію центральнаго комитета въ Варшавѣ убитъ средь бѣла дня одинъ журналистъ, человѣкъ всѣми уважаемый, но писавшій въ консервативномъ духѣ; онъ поплатился такъ жестоко за статью, въ которой доказывалъ полякамъ, что они идутъ по ложному пути и губятъ этимъ себя и свое дѣло. Полиція, состоящая изъ поляковъ, само собою разумѣется, не успѣла поймать убійцъ. На эти безобразные поступки, на этотъ терроръ (парализующій всѣ наши дѣйствія) слѣдовало бы отвѣтить такимъ же терроромъ, арестовывать послѣ каждаго новаго убійства одного изъ членовъ центральнаго комитета и заключать ихъ въ крѣпость. Этотъ образъ дѣйствій заставилъ бы поляковъ призадуматься и комитетъ сталъ бы дѣйствовать осторожнѣе, видя, что его члены подвергаются серьезной опасности. Между тѣмъ хотя мы ихъ и арестовываемъ время отъ времени, но мѣсто каждаго арестованнаго тотчасъ заступаетъ новый членъ. Къ сожалѣнію, мы дѣйствуемъ слишкомъ мягко и слишкомъ увѣрены, что намъ удастся чего-нибудь достигнуть мѣрами кротости; поэтому вмѣсто того чтобы арестовывать убійцъ и тѣхъ, кои ими руководятъ, мы оставляемъ беззащитными тѣхъ немногочисленныхъ лицъ, которыя еще намъ преданы; они становятся жертвою кинжала и веревки возрожденной Польши.

«Такъ напримѣръ за два дня до того, когда было произведено вышеупомянутое убійство, помилованъ одинъ человѣкъ, признавшійся въ томъ, что имъ совершено три политическихъ убійства; въ томъ числѣ имъ убитъ при самыхъ возмутительныхъ обстоятельствахъ чиновникъ собственной канцеляріи его высочества. Этотъ несчастный былъ убитъ

на желѣзной дорогѣ, и варвары, не удовольствовавшись этимъ, вытащили его внутренности и выкинули ихъ на полотно.

«На-дняхъ два казака, раненыхъ въ одной стычкѣ, попали въ руки повстанцевъ; четверть часа спустя ихъ удалось отбить, но имъ успѣли отрѣзать носъ и изуродовать ихъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ.

«Центральный комитетъ издалъ приказъ, коимъ подъ страхомъ смертной казни онъ повелѣваетъ всѣмъ полякамъ, служащимъ офицерами въ нашемъ войскѣ, оставить службу въ извѣстный срокъ. Эти господа такъ плохо знаютъ свою собственную націю, что послали это приказаніе между прочимъ адъютанту великаго князя, графу Комаровскому, человѣку архи-русскому, но фамилія котораго, оканчиваясь на «скій», ввела ихъ въ заблужденіе. Пожалуй подобное же приказаніе будетъ послано скоро Барятинскому».

«Я уже собирался ѣхать,—писалъ онъ роднымъ 13-го (25-го) мая 1863 года,—какъ вдругъ третьяго дня вечеромъ великій князь сказалъ мнѣ, что на-дняхъ въ особенности въ тотъ день, когда истекаетъ срокъ, назначенный для амнистіи, ожидаютъ въ Варшавѣ волненій и нападенія извнѣ, которое можетъ быть произведено одновременно съ безпорядками въ самомъ городѣ,—словомъ, банды, которыя могутъ появиться изъ сосѣднихъ лѣсовъ, будутъ угрожать болѣе всего Прагѣ, и поэтому онъ проситъ меня принять временно званіе коменданта этой крѣпости. Я переселился на другой же день въ Прагу и былъ вынужденъ почти силою захватить довольно плохенькую квартиру безъ постели, умывальника и т. п., которую домовладѣлецъ согласился отдать мнѣ только послѣ того, какъ я заявилъ ему, что займу ее силою. Эти люди положительно испорчены нашимъ гуманнымъ и снисходительнымъ къ нимъ отношеніемъ. Ихъ держатъ подъ стекляннымъ колпакомъ, но я не намѣренъ съ ними церемониться.

«Въ то же время я числюсь «генералъ-адмираломъ» флота, плавающаго на Вислѣ. Это постъ, о которомъ мнѣ и во снѣ не снилось. Мой флотъ состоитъ изъ двухъ канонирскихъ лодокъ, стоящихъ на моемъ правомъ флангѣ у самаго берега, въ такомъ пунктѣ, гдѣ меня легко могутъ обойти, близъ Московской заставы. Онѣ вооружены, одна 12-ю, а другая 24-мя орудіями и могутъ обстрѣливать большое пространство вправо отъ крѣпости и въ особенности небольшой мостъ, перекинутый черезъ одинъ изъ рукавовъ Вислы. Въ моемъ распоряженіи находится также небольшой пароходикъ, на который поставлено восемь камнеметныхъ мортиръ, и наконецъ 3 сотни казаковъ.

«Между тѣмъ банды, появлявшіяся въ различныхъ мѣстахъ Польши, проявляли все болѣе и болѣе жестокостей. Особенно отличалась въ этомъ отношеніи банда нѣкоего Чайковскаго, появившаяся въ Люблинской губерніи. Онъ разграбилъ и разорилъ въ двое сутокъ нѣсколько деревень

и повѣсилъ и замучилъ болѣе 60 мужчинъ и женщинъ. Между прочимъ одинъ бѣдный еврей, у котораго онъ требовалъ денегъ, былъ имъ вѣшаемъ три раза. Каждый разъ когда онъ терялъ сознаніе, его вынимали изъ петли, приводили въ чувство и вѣшали вновь. Наконецъ, ему нанесли нѣсколько ударовъ ножемъ, и онъ умеръ, шесть часовъ спустя. Въ Варшавѣ не проходило ночи, чтобы не было совершено убійства по повелѣнію центральнаго комитета. Три дня тому назадъ былъ убитъ городовой, и ухо его послано въ запечатанномъ конвертѣ маркизу Велепольскому. Вотъ степень цивилизаціи народа, о которомъ хлопочетъ вся Европа, совѣтуя самому умѣренному изъ правительствъ быть еще умѣреннѣе!

«Атмосфера, въ которой мы живемъ, невыносима; невольно опускаешь руки и теряешь бодрость духа. Съ одной стороны нерѣшительность, отсутствіе всякой системы, всякой программы и полумѣры во всемъ; съ другой варварство, звѣрство, нелѣпость и стремленіе все испортить и все разрушить, не имѣя никакого плана, какъ вести дѣло далѣе. На дняхъ (писано 21 мая (2 іюня) 1863 г.) патруль л.гв. Уланскаго полка, углубившійся въ лѣсъ въ 15 в. отъ Варшавы, былъ окруженъ и отрѣзанъ сильной бандой; при чемъ одинъ солдатъ былъ убитъ и ранено 14 человѣкъ. Уланы пробились при помощи пикъ, но двое унтеръ-офицеровъ, у которыхъ были убиты лошади, попали въ руки повстанцевъ, которые объявили имъ, что на другой они будутъ повѣшены, но такъ какъ ночью вся банда перепилась, то имъ удалось бѣжать.

«Въ другой стычкѣ съ повстанцами эскадронъ уланъ захватилъ ихъ обозъ. Въ одной изъ телѣгъ найдено два великолѣпныхъ, совершенно новыхъ знамени, вышитыхъ по всей вѣроятности польскими дамами; на трехцвѣтномъ, бѣломъ, красномъ и голубомъ фонѣ, вышитъ посреди серебромъ польскій орелъ, который, приподнявшись съ земли, разрываетъ свои цѣпи, а вокругъ идетъ гирлянда терновника и цвѣтовъ съ великолѣпной серебряной бахромой и патріотическими надписями. Щадя чувства публики, это знамя не было выставлено напоказъ».

Въ первыхъ числахъ іюня Витгенштейнъ получилъ новое назначеніе — военнымъ губернаторомъ Августовской губерніи, на мѣсто отозваннаго оттуда барона Менгдена. Съ этимъ постомъ были связаны почти неограниченныя военныя и гражданскія полномочія; военный губернаторъ являлся лицомъ вполнѣ самостоятельнымъ, подчиненнымъ одному намѣстнику.

Въ его распоряженіе было дано 5 батальоновъ пѣхоты, 2 полка кавалеріи и одна батарея. Главная квартира его находилась въ Сувалкахъ. Желая ускорить свой пріѣздъ въ этотъ городъ и избѣжать промедленій и всякаго рода задержекъ, неизбѣжныхъ при переѣздѣ при тогдашнихъ обстоятельствахъ въ Польшѣ, гдѣ нельзя было ѣхать иначе, какъ подъ

сильнымъ конвоемъ, Витгенштейнъ предпочелъ отправиться черезъ Пруссію.

По пріѣздѣ въ Сувалки онъ имѣлъ на первыхъ же порахъ непріятное столкновеніе съ мѣстнымъ губернаторомъ, который пользовался при его предмѣстникѣ бар. Менгденѣ большою властью и значеніемъ и хотѣлъ проявить ее и теперь. Губернаторъ встрѣтилъ Витгенштейна не только не любезно, но даже прямо враждебно.

«Мнѣ пришлось занять мое новое положеніе почти съ боя,—пишетъ Витгенштейнъ,—во-первыхъ, кучеръ, сбившись съ дороги, привезъ меня къ моему предмѣстнику, барону Менгдену, который еще спалъ (было 8 часовъ утра), вслѣдствіе чего намъ всѣмъ пришлось ѣхать обратно среди грязной и многочисленной толпы, собравшейся глазѣть на насъ. По пути намъ встрѣтился комендантъ города, подбѣжавшій ко мнѣ, весь запыхавшись, извиняясь и говоря, что меня не ожидали такъ рано; онъ повелъ меня въ маленькую квартиру, приготовленную временно, до тѣхъ поръ пока Менгденъ очиститъ занятое имъ помѣщеніе; но такъ какъ въ этой квартирѣ оказалось всего три комнаты, то я никоимъ образомъ не могъ помѣститься въ ней. Напротивъ этого дома стоялъ дворецъ, часть котораго была занята гражданскимъ губернаторомъ. Такъ какъ мнѣ сказали, что императорскія комнаты были не заняты, то я послалъ одного изъ офицеровъ и полиціймейстера осмотрѣть ихъ. Губернаторъ принялъ ихъ какъ непрошенныхъ гостей. Полиціймейстеръ исчезъ, а мой офицеръ вернулся взбѣшенный и сообщилъ мнѣ, что губернаторъ не допустилъ ихъ въ комнаты и наотрѣзъ отказался принять меня. Тогда я въ свою очередь отправился къ нему самъ со своей свитою, чтобы выяснить наши взаимныя отношенія. Губернаторъ повидимому дѣлалъ съ Менгденомъ, что хотѣлъ, и управлялъ губерніей по-своему, по-польски, проявляя во всемъ свою власть, и держалъ себя въ высшей степени надменно. Мнѣ стоило большаго труда проникнуть къ нему. Во-первыхъ, чиновникъ, котораго офицеръ, сопровождавшій меня, просилъ доложить обо мнѣ, отказался исполнить это и очень дерзко повернулся къ намъ спиною. Офицеръ, раздраженный уже первымъ посѣщеніемъ, схватилъ его за шиворотъ и заставилъ повернуться къ намъ лицомъ; тогда онъ перемѣнилъ тонъ и униженно сталъ извиняться, говоря, что только исполнилъ данное ему приказаніе. Онъ началъ усиленно стучать въ дверь губернаторскаго кабинета, но она была заперта на ключъ. Губернаторъ заперся у себя какъ въ крѣпости. Наконецъ, дверь отворилась, и я очутился въ присутствіи непріятеля. Это былъ высокаго роста, худощавый старикъ, съ птичьимъ лицомъ; подъ его густыми черными бровями сверкали злобные глаза. Онъ принялъ меня развалясь въ креслѣ и осмотрѣлъ съ головы до ногъ, не вставая. Не кланяясь, я подошелъ къ нему въ упоръ и спросилъ очень сурово, правда

ли, что онъ не допускаетъ меня во дворецъ. Онъ всталъ, выпрямился во весь ростъ, нѣсколько смущенный этимъ рѣзкимъ вступленіемъ, и началъ говорить запинаясь, что дворецъ предоставленъ ему для жительства, что никто не имѣетъ права отнимать у него это помѣщеніе, что онъ никому не позволитъ войти въ него и т. д. Я отвѣчалъ, что я не прошу у него позволенія, но пришелъ требовать у него ключъ отъ дворца, что, принадлежа къ императорской квартирѣ, я намѣренъ поселиться во дворцѣ, если это покажется мнѣ удобнымъ, и что если ему неизвѣстно, что онъ, также какъ и всѣ остальные, подчиненъ мнѣ, то я напоминаю ему объ этомъ; и слѣдовательно, я приказываю ему, а не прошу, и если онъ полагаетъ, что наши отношенія хорошо начать взаимными дерзостями, то онъ жестоко ошибается. Я окончилъ свою рѣчь словами: «Я жду». Тогда онъ сталъ съ отчаяніемъ размахивать руками, говоря: «Если это приказаніе, я долженъ ему подчиниться». Въ то же время онъ взялъ ключи и показалъ мнѣ всѣ комнаты; я избралъ изъ нихъ пять, которыя не входили въ его квартиру. Онъ еще разъ попытался протестовать, говоря, что эти комнаты ему необходимы для баловъ и для того, чтобы помѣстить въ нихъ членовъ императорской фамиліи, при проѣздѣ ихъ черезъ Сувалки. Я возразилъ на это, что ему конечно не придется теперь давать баловъ и принимать кого бы то ни было, къ тому же я разсчитываю занять помѣщеніе временно. Я воспользовался случаемъ, чтобы еще разъ сдѣлать ему при всѣхъ присутствующихъ выговоръ за его надменное и нелюбезное обращеніе, называя его однакоже все время «ваше превосходительство», и выразилъ надежду, что онъ не дастъ мнѣ впредь повода быть имъ недовольнымъ. Окончательно смущенный, онъ сталъ бормотать какія-то извиненія, говоря, что онъ думалъ, что я хочу «выгнать» его изъ дворца. Я отвѣчалъ, что не допускаю подобнаго слова, не принятаго въ порядочномъ обществѣ, и не принимаю никакихъ извиненій и прибавилъ, что, занимая столь высокій постъ, онъ обязанъ быть вѣжливъ не только со мною, но и со всѣми другими. Наконецъ, онъ началъ расшаркиваться, говоря: «я признаю себя виноватымъ и прошу васъ извинить меня! Прошу васъ забыть это, вы увидите, что впредь вы будете мною довольны». Я отвѣчалъ, что буду очень радъ забыть всю эту «глупую» сцену, и отпустилъ его, сказавъ, что у него вѣроятно есть дѣло, что я его болѣе не задерживаю. Онъ вышелъ, отвѣшивая поклоны.

«На слѣдующій день утромъ послѣ представленія чиновъ военнаго вѣдомства былъ назначенъ часъ для пріема лицъ гражданскаго управленія. Тутъ дѣло снова не обошлось безъ столкновенія съ губернаторомъ. Онъ прислалъ извиниться отъ своего имени и отъ имени своихъ подчиненныхъ, заявивъ, что онъ получилъ слишкомъ поздно извѣщеніе, и поэтому не могъ собрать подчиненныхъ во-время. Я назначилъ вторично пріемъ на другой день.

«Въ назначенный часъ о губернаторѣ не было опять ни слуха, ни духа. Я прождалъ въ полной формѣ съ полчаса и видя, что его все нѣтъ, послалъ къ нему адъютанта узнать о причинѣ. Губернаторъ приказалъ сказать, что онъ въ отчаяніи, но что ему очень нездоровится. Тогда я велѣлъ передать ему, что я крайне сожалѣю объ этомъ и прошу его не безпокоиться, что я приму его другой разъ, а пока приму господъ чиновниковъ безъ него. Онъ велѣлъ передать мнѣ, что въ такомъ случаѣ онъ явится, несмотря на свою болѣзнь, и проситъ только обождать, пока онъ одѣнется. Я отвѣтилъ, что, желая облегчить ему это и предохранить его отъ простуды, я велю отворить внутренній ходъ, существующій между нашими помѣщеніями.

«Дѣйствительно, я приказалъ отворить настежь всѣ двери. Четверть часа спустя онъ явился въ полной парадной формѣ, въ сопровожденіи только четырехъ чиновниковъ, извиняясь за остальныхъ тѣмъ, что будто бы у нихъ не было мундировъ. Я отвѣчалъ, что это ничего не значитъ и что я приму ихъ другой разъ во фракахъ».

«Демонстрація все-таки была сдѣлана, хотя и не удалась вполнѣ».

Вступая въ исполненіе своихъ обязанностей, Витгенштейнъ, въ первый же день по пріѣздѣ въ Сувалки, издалъ слѣдующій приказъ по войскамъ:

«Товарищи! По повелѣнію его императорскаго высочества великаго князя намѣстника мнѣ ввѣрено начальство надъ вами. Это—честь, которой я постараюсь быть достойнымъ, и надѣюсь на васъ, офицеры и солдаты, что вы поддержите мои старанія.

«Предстоящая намъ задача ясна. Атаковать непріятеля, дерзнувшаго поднять оружіе противъ императора, вездѣ, гдѣ бы мы его ни встрѣтили, побивать его, поражать измѣнниковъ, защищать преданныхъ государю людей, имущество жителей, женщинъ и дѣтей, и щадить раненыхъ и всѣхъ тѣхъ, которые сложатъ оружіе. Наша цѣль—сохранять, а не разрушать; мы должны возстановить миръ въ этой несчастной странѣ, извѣдавшей всѣ ужасы междоусобной войны, убійствъ и разоренія. Я первый отдамъ должное вашей доблести и вашему хорошему поведенію, но я же первый буду строго наказывать за всякое нарушеніе дисциплины, грабежъ и злоупотребленія.

«Наша задача не легка, но ее возлагаетъ на насъ справедливость и законное право, и мы исполнимъ ее съ помощью Божіей».

Работы предстояло много. Дѣла были въ величайшемъ безпорядкѣ вездѣ царствовала полная анархія и неурядица, начиная съ канцеляріи военнаго губернатора и кончая губернскимъ правленіемъ, полиціей, присутственными мѣстами и т. д.

Учрежденное въ губерніи осадное положеніе существовало только номинально, жители всячески обманывали власти и, такъ сказать, подъ

носомъ у нихъ, не стѣсняясь, доставляли повстанцамъ съѣстные припасы. Для пресѣченія этого зла Витгенштейнъ запретилъ вывозить изъ городовъ съѣстные припасы и фуражъ, вслѣдствіе чего цѣны на нихъ значительно понизились, очистилъ тюрьмы, выпустивъ изъ нихъ всѣхъ тѣхъ, которые были арестованы безъ достаточныхъ на то уликъ (таковыхъ оказалось человѣкъ около 30). Эта мѣра произвела прекрасное впечатлѣніе на крестьянъ, съ которыми обращались до сихъ поръ такъ дурно, что они потеряли почти всякое довѣріе къ русской власти.

Желая прекратить терроръ и устрашить негодяевъ, которые распространяли умышленно самыя нелѣпые слухи о пораженіяхъ русскаго войска, Витгенштейнъ приказалъ наклеить на улицахъ слѣдующее объявленіе:

1) Всякій распространяющій какое-нибудь ложное извѣстіе о военныхъ дѣйствіяхъ уплатитъ первый разъ тридцать рублей штрафа, второй разъ—шестьдесятъ рублей, а въ третій разъ будетъ преданъ военному суду, какъ эмиссаръ революціонной партіи. Половина штрафа будетъ выдана тому, кто донесъ на него, а другая половина будетъ роздана семьямъ крестьянъ, повѣшенныхъ повстанцами (послѣднее возбудило особенное неудовольствіе).

2) Всякій, кто, пользуясь терроромъ, будетъ стараться помѣшать доносу, будетъ приговоренъ уплатить 50 руб. награды тому, кто на него донесетъ, и будетъ преданъ военному суду какъ эмиссаръ такъ называемаго центральнаго комитета.

Въ то время когда Витгенштейнъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Августовской губерніи и прибылъ въ Сувалки, весь четыреугольникъ, заключавшійся между Сувалками, Сейнами, Августовомъ, Минскомъ, а также обширные лѣса въ окрестностяхъ Ломжи и Остроленки были наводнены бандами повстанцевъ. Ихъ предводитель, Ваверъ (настоящая фамилія котораго была Романенко), человѣкъ весьма ловкій и энергичный, пользовался въ этой мѣстности огромнымъ вліяніемъ, одно его имя поддерживало, можно сказать, возстаніе, и онъ такъ ловко ускользалъ отъ преслѣдованій, что считался недосягаемъ. Только съ его поимкою можно было надѣяться водворить спокойствіе въ этомъ обширномъ районѣ. Поэтому всѣ усилія вновь назначеннаго военнаго губернатора были направлены къ тому, чтобы выработать такой планъ дѣйствій, который отдалъ бы въ его руки этого опаснаго человѣка.

«Ваверъ (Wawer) пользуется огромной властью — доносилъ князь Витгенштейнъ великому князю 12-го (24-го) іюня 1863 г. Всѣ слушаются его одного и его приказы циркулируютъ свободно даже въ Сувалкахъ! На насъ смотрятъ какъ на людей, дни которыхъ сочтены, до такой степени, что дамы измѣнили польское присловіе «jak Boga kocham» (какъ я

люблю Бога) на другое: «какъ я люблю Вавера»! Два дня тому назадъ одна дама сказала эту фразу въ моемъ присутствіи, и я отвѣтилъ ей шутя: «Торопитесь, такъ какъ вамъ недолго придется любить его!». Я нашелъ полицію въ такомъ жалкомъ состояніи, что мнѣ пришлось немедленно смѣнить ея начальника и преобразовать ее совершенно.

«Позвольте мнѣ теперь, ваше высочество, изобразить положеніе страны въ томъ видѣ, въ какомъ я его нашелъ. Дѣятельность гражданскаго управленія прекратилась: единственная власть, которую всѣ признаютъ почти открыто и которой повинуются—есть власть такъ называемаго центральнаго комитета. Сельскіе фойгты перестали дѣлать намъ донесенія; нѣкоторые изъ нихъ были настолько честны, что предупредили насъ о томъ, ссылаясь на опасность, которой они подвергаются, и на свою беззащитность. Единственныя свѣдѣнія, которыя мы еще получаемъ отъ нихъ—это свѣдѣнія о числѣ повѣшенныхъ. Я получаю таковыя среднимъ числомъ по три или по четыре въ день. Нѣкоторые крестьяне, упавъ духомъ, идутъ въ банды; другіе избѣгаютъ насъ, и отъ нихъ нѣтъ возможности получить никакихъ свѣдѣній. Весьма многіе покинули свои деревни, и скрываются въ лѣсахъ и болотахъ.

«Евреи открыто занимаются контрабандою и поставкою разныхъ предметовъ повстанцамъ; они, также какъ и прочіе, избѣгаютъ насъ, и тѣ немногія свѣдѣнія, какія они намъ сообщаютъ время отъ времени, смахиваютъ болѣе на сплетни и не заслуживаютъ довѣрія.

«Сообщенія съ Гродно и Ломжею окончательно прерваны; въ ту сторону невозможно послать ни одного оффиціальнаго пакета. По дорогамъ телеграфъ перерѣзывается каждую ночь въ различныхъ пунктахъ, и такъ какъ мои казаки устали до изнеможенія, то я скоро не буду знать, откуда взять конвой для несчастнаго чиновника, который разъѣзжаетъ со времени моего пріѣзда каждую ночь, исправляя телеграфную проволоку. Небольшія банды повстанцевъ, которыя бродятъ по всей окрестности, прячась или разсѣяваясь при приближеніи войскъ, нападаютъ ежедневно на почту, на всѣ наши коммуникаціонныя линіи, просматриваютъ письма или же перехватываютъ ихъ. Эти банды также неуловимы для насъ, какъ и тѣ, которыя систематически портятъ намъ телеграфъ, на тѣхъ линіяхъ, за которыми, въ виду ихъ значительнаго протяженія, не можетъ быть установлено правильнаго надзора. Я обѣщалъ сто рублей награды тому, кто укажетъ мнѣ хотя одного изъ этихъ негодяевъ, чтобы повѣсить его на мѣстѣ преступленія; но я не надѣюсь на успѣхъ, такъ какъ страна слишкомъ терроризирована, слишкомъ подчиняется Ваверу. Я надѣюсь болѣе на счастливую случайность и на мои маленькія летучія колонны, коихъ начальники уполномочены мною захватывать виновныхъ на мѣстѣ преступленія.

«Говорятъ, будто бы банды, наводняющія лѣса между Сейнами и

Райгродомъ, доходятъ въ общей сложности до десяти—двѣнадцати тысячъ человѣкъ. Повстанцы проживаютъ открыто, по цѣлымъ недѣлямъ, въ городахъ, взимаютъ съ жителей всевозможныя контрибуціи, терроризируютъ ихъ и вѣшаютъ и при этомъ легко избѣгаютъ встрѣчи съ нашими колоннами, которыя слишкомъ малочисленны для того, чтобы они могли взаимно поддержать другъ друга и выслѣдить повстанцевъ въ тѣхъ лѣсныхъ лабиринтахъ, которые служатъ имъ убѣжищемъ. Въ настоящее время я разослалъ въ разныхъ направленіяхъ 9 ротъ, изъ которыхъ сформировано три колонны. Слѣдовательно, у меня остается всего 14 ротъ, эшелонированныхъ отъ Маріамполя до Августова. Мнѣ пришлось употребить въ дѣло всѣ резервы.

«Для того чтобы противупоставить достаточныя силы бандѣ Вавера, которая находилась два дня тому назадъ въ лѣсахъ между Августовымъ и Сопоцкинымъ (такъ что всему району, заключающемуся между Августовомъ и Ломжею, въ которомъ нѣтъ войскъ, угрожаетъ большая опасность тѣмъ болѣе, что Пултускъ и Остроленка кишатъ, какъ говорятъ, повстанцами, силы которыхъ вполнѣ организованы и расквартированы въ домахъ мѣстныхъ жителей, какъ регулярныя войска), надобно бы было непремѣнно имѣть въ этой мѣстности летучій отрядъ, состоящій по меньшей мѣрѣ изъ трехъ или четырехъ ротъ, и постоянный гарнизонъ у весьма важнаго Райгродскаго моста, а также въ Щучинѣ. Быть можетъ, было бы возможно отрядить для наблюденія за этимъ большимъ райономъ часть Бѣлостокскаго гарнизона; хотя этотъ пунктъ подчиненъ генералу Муравьеву, но онъ легко могъ бы дать его намъ.

«Позвольте мнѣ теперь, ваше высочество, изложить вамъ планъ, выработанный мною для того, чтобы удовлетворить настоятельной необходимости не только обороняться отъ непріятеля, но и перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

«Изъ пяти ротъ лѣсной стражи, данныхъ по повелѣнію вашего высочества въ мое распоряженіе (около 5—6 сотъ человѣкъ пѣхоты и около 700 человѣкъ кавалеріи), я предполагаю поставить одну роту въ Вержболовѣ для надобностей таможенной службы и для подкрѣпленія тамошняго гарнизона. (Съ этой стороны особенно опасаться нечего). Выведя временно войска изъ Маріамполя и Щучина—двухъ пунктовъ, не имѣющихъ стратегическаго значенія, въ коихъ въ настоящее время нѣтъ надобности въ гарнизонѣ, такъ какъ это повело бы только къ разбросанности нашихъ войскъ и парализовало бы всѣ наши наступательныя дѣйствія,—я думаю распредѣлить всѣ остальныя войска въ Кальваріи, Сувалкахъ, Сейнахъ и Августовѣ, преслѣдуя при этомъ одну цѣль—сосредоточить наши силы для того, чтобы имѣть достаточно войска для систематическихъ наступательныхъ дѣйствій.

«Какъ только дислокація эта будетъ выполнена, я организую два раза въ мѣсяцъ посылку отрядовъ изъ Ковны въ Ломжу и обратно; отряды эти будутъ скрещиваться въ Сувалкахъ, и на нихъ будетъ возложена обязанность конвоировать транспорты, почту, путешественниковъ и т. п. По этому поводу надобно будетъ войти въ соглашеніе съ ковенскимъ комендантомъ, такъ какъ эта крѣпость не входитъ во ввѣренный мнѣ районъ и ему придется давать конвой до Маріамполя.

«Смѣю надѣяться, что ваше императорское высочество одобрите мой планъ и соблаговолите отстоять его отъ нападковъ тѣхъ лицъ, которыя, желая имѣть повсюду гарнизоны, оправдываютъ пословицу: «за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь». Мнѣ кажется, что принятый мною планъ дастъ намъ возможность ограничить развитіе мятежа, поддержать бодрость духа въ тѣхъ крестьянахъ, которые еще довѣряютъ намъ, когда они увидятъ, что наши войска появляются въ различныхъ пунктахъ, безпокоятъ негодяевъ, которые прячутся въ лѣсахъ; намъ удастся такимъ образомъ избѣжать впредь тѣхъ неудачъ, промедленій и всевозможныхъ случайностей, которыя вредили до сихъ поръ самымъ существеннымъ нашимъ интересамъ и были обусловлены неправильной организаціей конвойной службы. Таковъ въ общихъ чертахъ выработанный мною планъ дѣйствій.

«Если бы ваше императорское высочество могли дать мнѣ временно, хотя недѣли на четыре, 6 или 8 ротъ пѣхоты, то я полагаю, что могъ бы выполнить возложенную на меня обязанность въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; но я не смѣю обратиться къ вашему высочеству съ этою просьбою, зная, какъ у васъ мало войскъ. Умоляю ваше высочество объ одномъ: укомплектовать 36-й казачій полкъ, въ коемъ не достаетъ двухъ сотенъ, какъ только прибудетъ подкрѣпленіе, ожидаемое съ Дона.

«Что касается мѣры, принятой мною по отношенію къ пограничной стражѣ, которая была разставлена въ городахъ и встрѣтила сильную оппозицію среди таможенной администраціи, то я позволю себѣ присовокупить, что страна настолько переполнена бандами, что недостаточно имѣть небольшіе отряды пограничной стражи для наблюденія за границею; къ тому же они были бы весьма скоро уничтожены. По моему мнѣнію, таможенный надзоръ, сосредоточенный лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ, не приноситъ никакой пользы; онъ стѣснителенъ только для тѣхъ, которые ничего не скрываютъ, и лишаетъ меня превосходнаго войска, которое могло бы быть употреблено съ большою пользою въ иномъ мѣстѣ. Я предполагаю учредить таможенный надзоръ въ каждомъ занятомъ мною городѣ. Это будетъ вѣроятно гораздо дѣйствительнѣе надзора на границѣ.

«Осмѣлюсь еще обратить вниманіе вашего императорскаго высочества на два пункта, которые я считаю весьма важными.

1) Такъ какъ главныя дороги идутъ по мѣстности, почти совершенно заросшей лѣсомъ, то было бы желательно сдѣлать въ нихъ просѣки, которыя дали бы отрядамъ и конвоямъ возможность организоваться и развернуть свои силы.

2) Если бы мнѣ было разрѣшено высылать въ Пруссію и въ Россію подозрительныхъ личностей, то въ виду близости границы я легко могъ бы отдѣлаться отъ массы подозрительныхъ лицъ, коихъ собственно говоря нельзя назвать повстанцами, и къ числу которыхъ принадлежатъ въ особенности дамы, слишкомъ ярыя патріотки. Но для этого мнѣ должно быть предоставлено право выдавать паспорты.

«Оканчивая это письмо, я прошу ваше императорское высочество извинить меня за его длинноту и за откровенность, съ какою я осмѣлился изложить въ немъ мои взгляды».

Черезъ недѣлю послѣ этого письма Витгенштейнъ имѣлъ случай донести великому князю о первомъ успѣхѣ, одержанномъ его войсками надъ отрядомъ Вавера.

«Мы одержали первую побѣду!—писалъ Витгенштейнъ 20-го іюня (2-го іюля). Мнѣ весьма радостно извѣстить объ этомъ ваше императорское высочество послѣ всѣхъ дурныхъ извѣстій, которыя заключались въ моихъ телеграммахъ и въ письмѣ, которое я имѣлъ честь отправить вамъ 12-го числа.

«Капитанъ Джинейжевъ, которому я поручаю повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго высочества знамя такъ называемаго Августовскаго воеводства и игрушечное орудіе, захваченное отрядомъ маіора Карлстедта, сообщитъ вамъ подробности крайне интереснаго движенія, совершеннаго нашими войсками, и свѣдѣнія объ организаціи Ваверомъ повстанія въ Августовской губерніи, о чрезвычайной энергіи и суровости, благодаря которой ему удалось совершенно сбить съ толку мѣстныхъ жителей и уронить насъ въ ихъ мнѣніи, и наконецъ о необыкновенномъ обаяніи, какимъ пользовалось до сихъ поръ его имя, благодаря изумительной ловкости, энергіи и яко бы безпристрастію, коими отличались всѣ его дѣйствія.

«Его считали до сихъ поръ непобѣдимымъ и неуловимымъ, и намъ смѣялись въ лицо, когда мы говорили о возможности разбить его банду.

«Нравственное впечатлѣніе, произведенное на публику полученными одно за другимъ извѣстіями о нанесенныхъ ему пораженіяхъ, о разсѣяніи его банды и въ особенности о потерѣ имъ всей матеріальной части, и упадокъ духа въ населеніи таковы, что если бы я имѣлъ въ настоящее время въ своемъ распоряженіи лишнихъ 12 ротъ пѣхоты и двѣ сотни, не достающія въ 36 казачьемъ полку, то я бы поручился, что мнѣ удастся успокоить возстаніе и возстановить нашу власть въ теченіе четырехъ или шести недѣль, дѣйствуя одновременно въ трехъ

пунктахъ—Маріамполѣ, Августовѣ и Ломжѣ. Но мнѣ приходится ограничить свои дѣйствія какимъ-либо однимъ пунктомъ, рискуя, что возстаніе увеличится тамъ, куда я не могу послать войска и гдѣ я не въ состояніи производить неожиданныя нападенія направо и налѣво, подобно кабану, окруженному собаками.

«Войско выказало во время этихъ дѣйствій поразительную выносливость и храбрость. Я посылаю съ капитаномъ Джинейжевымъ четырехъ солдатъ моего отряда подъ предлогомъ, что они повезутъ орудіе и знамя, но въ дѣйствительности для того, чтобы показать ихъ вашему императорскому высочеству и доставить имъ счастье видѣть ваше высочество и ея императорское высочество великую княгиню. Съ ними ѣдутъ и мои два кавказца, которые во время жаркаго дѣла полковника Макаровскаго возбуждали всеобщій восторгъ; одинъ изъ нихъ Магометъ Алдатовъ своимъ присутствіемъ духа спасъ жизнь флигель-адъютанту его величества, Тучкову, который подвергся по своей винѣ очень большой опасности.

«Такъ какъ эти три лица не подчинены мнѣ непосредственно и присоединились къ отряду въ качествѣ волонтеровъ, то я не имѣю права представить ихъ оффиціально къ наградѣ, которую они вполнѣ заслужили своею храбростью. Но я осмѣливаюсь въ особенности обратить на нихъ благосклонное вниманіе вашего императорскаго высочества и питаю надежду, что вы соблаговолите оцѣнить ихъ блестящее поведеніе. Тучковъ, въ сраженіи, происшедшемъ подъ командою полковника Макаровскаго, командовалъ все время стрѣлками; онъ вышелъ шагомъ изъ лѣса, послѣднимъ изъ своей части. Его храбрости и хладнокровію мы обязаны тѣмъ, что не были опрокинуты въ этой слишкомъ неравной битвѣ. Нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ слышать, какъ этотъ храбрый офицеръ, никогда еще не бывшій въ столь жаркомъ дѣлѣ, разсказываетъ со свойственными ему уморительными жестами разные эпизоды этого сраженія, и впечатлѣніе, какое произвелъ на него градъ пуль, коимъ онъ подвергся первый разъ въ жизни въ теченіе двухъ часовъ.

«Позвольте мнѣ теперь изложить вашему высочеству образъ дѣйствій, коихъ я держался всѣ девять дней, которые продолжалась эта экспедиція; планъ этотъ доказываетъ, что я былъ правъ, сосредоточивая свои силы, ибо иначе мнѣ никогда не удалось бы справиться съ Ваверомъ, которому я могъ противупоставить и то не съ разу до 12½ ротъ пѣхоты изъ числа тѣхъ 23 ротъ, которыя находятся въ моемъ распоряженіи. Узнавъ изъ телеграммы графа Бобринскаго, что Ваверъ находился въ окрестностяхъ Мулы и зная, что благодаря его хитрости, быстротѣ передвиженій и удобствъ, доставляемыхъ ему лѣсами и болотами, ему всегда удавалось избѣжать встрѣчи съ нашими отрядами, я не

хотѣлъ окружить его сразу, ибо въ такомъ случаѣ онъ тотчасъ бы сообразилъ, куда направиться, чтобы ускользнуть отъ насъ. Поэтому я послалъ сначала (10-го числа сего мѣсяца) маіора Карлстедта съ 4 ротами въ Августовъ, чтобы отрѣзать ему отступленіе съ юга. На слѣдующій день вторая колонна, состоявшая изъ 3½ ротъ подъ командою маіора Ермолинскаго, вступила въ лѣса между Сувалками и Августовымъ, между тѣмъ какъ маіоръ князь Шаховской съ 1½ ротами преградилъ Ваверу путь вдоль озера Близна; въ то же время маіоръ Карлстедтъ окончилъ обходное движеніе по направленію къ Сопоцкину, предоставивъ наблюденіе за окрестностями Липска отряду, пришедшему изъ Гродно и ушедшему обратно два дня спустя.

«Такимъ образомъ Ваверу былъ открытъ путь къ отступленію только по направленію къ Сейнамъ; онъ на это и разсчитывалъ. Но я отрѣзалъ ему внезапно и этотъ путь, пославъ 14-го числа изъ Сувалокъ полковника Макаровскаго на Высокій мостъ съ послѣдними двумя ротами, оставшимися въ моемъ распоряженіи. Это движеніе, исполненное четыре дня спустя послѣ выступленія первой колонны, до такой степени сбило его съ толку, что онъ повернулъ обратно, внезапно остановился и далъ маіору Карлстедту время подойти къ нему ближе. Тѣмъ временемъ колонна маіора Ермолинскаго имѣла уже столкновеніе съ бандою Гласко, у котораго оказалось 40 человѣкъ убитыхъ, весьма много раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ; онъ былъ отброшенъ къ отряду Вавера. Банда Гласко представляла собою остатки отряда Сузина, котораго десять дней передъ тѣмъ выслѣдили двѣ колонны, посланныя мною изъ Кальваріи и Сейнъ, и отбросили къ Нѣману, гдѣ онъ былъ разбитъ отрядомъ, подошедшимъ изъ Ковно. Такъ какъ Сузинъ былъ убитъ въ этомъ сраженіи, то банду повелъ далѣе къ югу Гласко; онъ вступилъ въ сраженіе съ Ермолинскимъ и вторично былъ имъ разбитъ. Узнавъ отъ казачьяго патруля, посланнаго Карлстедтомъ, что Ваверъ, выбитый изъ своей позиціи, старался пробраться къ югу, я послалъ сказать Макаровскому, чтобы онъ двинулся къ югу на Грушекъ. Онъ стремительно атаковалъ банду, состоявшую изъ 2.700 хорошо вооруженныхъ человѣкъ повстанцевъ. Ваверъ хотѣлъ во что бы то ни стало пробиться; завязалось ожесточенное сраженіе; противники не разъ брались за холодное оружіе; мы потеряли въ этомъ дѣлѣ очень много людей. Непріятель окружилъ Макаровскаго съ трехъ сторонъ; онъ медленно вышелъ изъ лѣса, занялъ позиціи въ Грушкахъ и оставилъ между своимъ отрядомъ и повстанцами небольшую равнину, отдѣляющую эту деревню отъ лѣса, для того, чтобы имѣть возможность употребить въ дѣло кавалерію. Но Ваверъ понялъ его маневръ, не вышелъ на равнину, а пытался уйти въ противуположную сторону, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько человѣкъ убитыхъ

*

и уведя съ собою двухъ раненыхъ солдатъ, которыхъ мы отняли у него на слѣдующій день.

«Ваверъ обращался съ ними какъ нельзя лучше, велѣлъ ухаживать за ними и угрожалъ смертью тѣмъ, кто осмѣлится ихъ тронуть; по словамъ солдатъ, онъ намѣревался даже отправить ихъ въ Сувалки.

«Подошедшій тѣмъ временемъ маіоръ Карлстедтъ разбилъ Вавера окончательно на слѣдующій день близъ Крисекъ, взялъ у него всю матеріальную часть и обозъ (за который выручено на аукціонѣ около 700.000 рублей) и окончательно разсѣялъ голодные и измученные остатки банды, которые во время своего отступленія имѣли повидимому столкновеніе съ отрядомъ, посланнымъ изъ Августова, или съ небольшимъ отрядомъ, который былъ посланъ по моей просьбѣ генераломъ Манюкинымъ въ Ястржембу, такъ какъ съ той стороны доносились звуки перестрѣлки.

«По словамъ плѣнныхъ, потери непріятеля огромны; у нихъ убито около 300 человѣкъ, не считая раненыхъ; самъ Ваверъ раненъ и бѣжалъ, какъ говорятъ, съ небольшимъ числомъ повстанцевъ чрезъ болото, но пока еще не извѣстно, въ какомъ направленіи. Я приказалъ, чтобы въ этомъ лѣсу разъѣзжали все время летучія колонны, съ тою цѣлью, чтобы банды не могли вновь сформироваться.

«Вотъ, ваше высочество, точное описаніе происшедшаго. Въ обозѣ, взятомъ нами у Вавера (70—80 повозокъ), оказалось кромѣ знамени и пушки: 1) его походная церковь съ утварью и украшеніями; 2) полная аптека съ инструментами, перевязочными средствами; 3) болѣе 12 пудовъ пороха, много пуль и оружія; 4) англійская походная кузница со всѣми принадлежностями; 5) множество запасной одежды, нѣсколько палатокъ; 6) масса провизіи, кастрюль и кухонныхъ принадлежностей, между прочимъ, до сорока самоваровъ; 7) масса лошадей, частное имущество и сундуки, между прочимъ всѣ принадлежности костюма самаго Вавера и всѣ его бумаги.

«Я прикажу сдѣлать выборку изъ этихъ бумагъ на тотъ случай, если онѣ могутъ пригодиться вашему императорскому высочеству, и оставлю у себя бумаги, касающіяся Августовской губерніи.

«Прежде нежели закончить это письмо, осмѣливаюсь еще разъ просить ваше высочество благоволить прислать мнѣ по крайней мѣрѣ двухъ аудиторовъ, знающихъ польскій языкъ. Они мнѣ крайне необходимы, ибо безъ ихъ помощи невозможно рѣшить массу текущихъ слѣдственныхъ дѣлъ и приходится держать подъ арестомъ людей, быть можетъ невинныхъ».

Возвращеніе войскъ въ Сувалки послѣ этой удачной экспедиціи было обставлено весьма торжественно. «Я самъ встрѣтилъ ихъ,—писалъ Витгенштейнъ 4-го (16-го) іюля 1863 г.,—у гауптвахты съ музыкой;

впереди колоннъ шли пѣсельники; на большинствѣ изъ нихъ вмѣсто собственныхъ фуражекъ были разноцвѣтныя польскія фуражки. Позади отряда двигались наши раненые, затѣмъ раненые повстанцы и плѣнные. Масса евреевъ, солдатъ и всякаго народа наполняла улицы; въ домахъ патріотовъ всѣ шторы были спущены; только кое-гдѣ у окна сидѣла дама въ слезахъ, вытирая глаза платкомъ; сильнѣйшее впечатлѣніе произвело на всѣхъ захваченное пунцовое шелковое знамя. Съ одной стороны на немъ былъ вышитъ шелками и серебромъ польскій орелъ съ слѣдующими надписями: «Августовское воеводство» и «Польша еще не погибла», съ другой стороны образъ Ченстоховской Божіей Матери; на верху золотыми буквами была вышита молитва. Это знамя несли впереди той колонны, которая захватила его.

«Нравственное впечатлѣніе, произведенное пораженіемъ непобѣдимаго Вавера, огромное; до сихъ поръ Ваверъ былъ единственной властью въ этой мѣстности; онъ вѣшалъ, внушалъ всѣмъ страхъ, терроризировалъ населеніе, и ему слѣпо повиновались.

«Въ пріемные часы меня осаждаютъ дамы, которыя выражаютъ желаніе навѣстить плѣнныхъ и раненыхъ повстанцевъ, накормить ихъ и ухаживать за ними. Я разрѣшаю имъ это подъ извѣстнымъ контролемъ и вообще дѣлаю имъ всевозможныя снисхожденія, такъ какъ это не представляетъ ни малѣйшей опасности. Онѣ горячо выражаютъ мнѣ свою благодарность. Всѣ дамы одѣты въ трауръ и носятъ патріотическія брошки. Послѣ пораженія Вавера онѣ нашили на платья большія плёрезы. Сегодня одна изъ этихъ дамъ пренаивно предложила мнѣ оставить въ покоѣ «польскую армію», говоря, что она навѣрно также не атакуетъ меня и что мы отлично можемъ уживаться рядомъ до поры до времени; я выразилъ на это полную готовность, если только она гарантируетъ мнѣ, что кракусы не будутъ никого вѣшать, разорять, не будутъ болѣе поджигать дома, не будутъ портить телеграфъ, нападать на почту и т. п. Она не могла за это поручиться».

«Систематическія нападенія на почту продолжаются по-прежнему (писано 12-го (24-го) іюля); къ несчастію, предотвратить это невозможно, такъ какъ маленькія банды человѣкъ въ 10—20, коими кишитъ страна, переодѣтые крестьянами, прячутся въ лѣсахъ и помѣстьяхъ, и поймать ихъ почти невозможно, если не поможетъ какая-либо счастливая случайность. Эти маленькія банды образуютъ такъ называемую поляками жандармерію и составляютъ язву болѣе опасную, нежели центральный комитетъ, который своею безчеловѣчностью, безнравственностью и своими нелѣпыми распоряженіями превзошелъ самыхъ ярыхъ революціонеровъ 1789 г. Эти жандармы дотого терроризировали населеніе, что жители не смѣютъ даже выдать ихъ; эти негодяи находятъ убѣжище въ ихъ домахъ при приближеніи войскъ, ибо крестьяне убѣждены, что

если они ихъ выдадутъ, то нѣсколько дней спустя будетъ сожжена ихъ деревня и повѣшена половина жителей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

«Проходя по какой-нибудь деревнѣ, эти жандармы вѣшаютъ всякій разъ одного или двухъ ни въ чемъ неповинныхъ человѣкъ, чтобы поддерживать въ населеніи страхъ. И вотъ тѣ средства, коими такъ называемая патріотическая партія старается внушить къ себѣ уваженіе всего міра и вернуть независимость Польшѣ!

«Чтобы дать понятіе о степени нравственной деморализаціи, до какой дошелъ народъ, скажу, что съ недѣлю тому назадъ, въ одной изъ деревень въ окрестностяхъ Маріамполя, всего одинъ человѣкъ, вооруженный револьверомъ и саблею, явился въ деревню, собралъ крестьянъ и повѣсилъ троихъ, и никто не посмѣлъ воспротивиться ему! Мой патруль поймалъ наконецъ двухъ изъ этихъ негодяевъ; я прикажу повѣсить ихъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они чинили расправу надъ беззащитными крестьянами. Одинъ изъ нихъ сознался въ томъ, что онъ повѣсилъ пятнадцать человѣкъ крестьянъ и убилъ двоихъ. Во время слѣдствія онъ выказалъ себя трусомъ, цѣловалъ всѣмъ ноги; противорѣчилъ себѣ на каждомъ словѣ, а между тѣмъ это человѣкъ довольно воспитанный.

«Надобно видѣть пошлость такъ называемыхъ столповъ повстанія; мужчины такіе же измѣнники и интриганы, какъ женщины, только глупѣе и трусливѣе ихъ.

«Послѣднимъ актомъ высшей политической и патріотической мудрости центральнаго комитета было запрещеніе варшавскимъ жительницамъ, подъ страхомъ смертной казни, носить кринолины! (Это не шутка). На слѣдующій день, по словамъ очевидцевъ, дамы имѣли такой видъ, какъ будто онѣ только-что вылѣзли изъ воды. Нѣкоторыя измѣнницы отечества позволили себѣ ослушаться этого приказанія; имъ обрывали или поджигали платья хорошо одѣтые мужчины, но полиція, вопреки своему обыкновенію, проявила энергію и арестовала 52 человѣка. Тѣ, которые были моложе 18 лѣтъ, были наказаны тѣлесно; прочіе посланы на работы въ Россію. На слѣдующій день кринолины появились снова и не подвергались болѣе опасности быть изуродованными.

«Всѣ эти подробности сообщилъ мнѣ одинъ изъ моихъ адъютантовъ, котораго я посылалъ въ Варшаву со знаменемъ и съ пушкою, взятыми у Вавера».

Въ концѣ іюля (1863 г.) Витгенштейнъ предпринялъ со своимъ отрядомъ обширную рекогносцировку въ направленіи къ Остроленкѣ, для того чтобы очистить отъ повстанцевъ окрестности Ломжи, Визны и Тыкоцина. Узнавъ объ этомъ движеніи, Ваверъ, сформировавшій уже въ это время новую банду, ушелъ съ нею изъ окрестностей Ломжи и бросился въ Плоцкій округъ, гдѣ онъ атаковалъ отрядъ графа Толя, но

былъ разбитъ имъ наголову, потерявъ до 300 человѣкъ убитыми; его банда была разсѣяна. Послѣ этого Ваверъ бѣжалъ въ Парижъ.

Во время этой маленькой экспедиціи отряду Витгенштейна удалось нанести весьма чувствительный ударъ такъ называемой жандармеріи или эмиссарамъ центральнаго комитета. Когда его летучимъ отрядамъ удалось захватить нѣсколько человѣкъ изъ этихъ эмиссаровъ, то они донесли на другихъ и между прочимъ на нѣкоторыхъ изъ своихъ начальниковъ, которые находились въ нѣсколькихъ небольшихъ городахъ, жители которыхъ не осмѣливались донести на нихъ подъ страхомъ быть повѣшенными.

«Вся эта чудовищная администрація, до тѣхъ поръ превосходно организованная, въ настоящее время совершенно рушилась—писалъ Витгенштейнъ 28-го іюля (9-го августа). Одинъ изъ жандармовъ, котораго я захватилъ, молодой человѣкъ, у котораго есть жена и дѣти, вручилъ какому-то еврею маленькую записочку, въ которой онъ просилъ одного помѣщика какъ можно скорѣе увѣдомить его о томъ, куда идетъ моя колонна и какъ велика ея численность. Еврей, пойманный моимъ патрулемъ и обысканный, получивъ нѣсколько ударовъ ногайкой, сказалъ, гдѣ находился Знеевскій (такъ звали жандарма), пославшій его. Знеевскій и еврей были арестованы и привезены въ Ломжу, гдѣ войску дано было два дня отдыха. Тутъ они были приговорены: первый къ разстрѣлянію, а второй долженъ былъ присутствовать при казни; его участь должна была рѣшиться позднѣе. Знеевскій, настроенный ксендзомъ, который его исповѣдывалъ, разыгралъ сначала героя и не хотѣлъ ничего говорить. Но увидавъ приготовленія къ казни, войско и народъ, будучи привязанъ къ висѣлицѣ и увидавъ, что священникъ удалился, а взводъ, который долженъ былъ разстрѣлять его, приближался, онъ заплакалъ, задрожалъ всѣмъ тѣломъ и открылъ многое, даже гораздо больше, нежели у него спрашивали, сказалъ, гдѣ скрывались многія знатныя лица, коихъ я искалъ, и гдѣ было убѣжище нѣсколькихъ маленькихъ бандъ. Тогда я даровалъ ему жизнь подъ условіемъ, если все сказанное имъ окажется правдою. Когда онъ началъ болтать, ксендзъ, внѣ себя отъ гнѣва, снялъ свою ризу и бросилъ ее на землю. Знеевскій цѣловалъ всѣмъ руки и, желая какъ можно скорѣе уйти изъ этого непріятнаго для него мѣстечка, предложилъ самъ повести отрядъ, который будетъ посланъ мною для поимки тѣхъ лицъ, которыхъ онъ выдалъ. Лучше всего то, что ломженскіе патріоты за часъ до этой комедіи отслужили въ монастырѣ капуциновъ торжественную мессу за упокой души Знеевскаго.

«Всѣ показанія, данныя имъ, оказались справедливы. Къ сожалѣнію, предводители повстанцевъ, указанные имъ, успѣли бѣжать за нѣсколько часовъ до прибытія нашего отряда, а всѣ маленькія банды разсѣялись

при моемъ приближеніи. Мы арестовали нѣсколько человѣкъ: это были по большей части крестьяне, вынужденные подъ страхомъ смертной казни присоединиться къ бандамъ, которые спрятались, боясь, что ихъ арестуютъ. Я не потревожилъ раненыхъ, которыхъ мы нашли въ домахъ у помѣщиковъ; это произвело наилучшее впечатлѣніе и развязало многимъ языкъ.

«Знеевскій былъ очень потрясенъ всѣмъ случившимся, его пришлось положить въ госпиталь, а жидъ все время приставалъ къ солдатамъ, спрашивая, скоро ли его разстрѣляютъ; мы привезли его въ Щучинъ, гдѣ я хотѣлъ отпустить его и уже отдалъ къ тому приказаніе, когда ко мнѣ явилась депутація со старикомъ раввиномъ и знатнѣйшими евреями города во главѣ, которые просили освободить его за ихъ поручительствомъ. Я сдѣлалъ сначала видъ, что не соглашаюсь на это, но затѣмъ отпустилъ его безусловно. Они пришли въ неистовый восторгъ, побѣжали къ тюрьмѣ, размахивая руками, кричали, что-то бормотали. Когда еврея выпустили изъ тюрьмы, то ему сдѣлалось дурно и онъ цѣловалъ съ радости солдатамъ руки.

«Въ Граево мнѣ посчастливилось по указанію одного крестьянина захватить цѣлую шайку злоумышленниковъ, которая уже нѣсколько мѣсяцевъ систематически портила телеграфъ, вѣшала крестьянъ и т. п. Эта шайка состояла изъ семи братьевъ шляхтичей, которые наводили ужасъ на всю окрестность. Я велю повѣсить ихъ на телеграфныхъ столбахъ, которые они такъ часто портили.

«Въ общемъ, благополучный сверхъ ожиданія исходъ моей экспедиціи сводится къ слѣдующему:

1) Въ мѣстности, пройденной моимъ отрядомъ, разсѣяны всѣ банды повстанцевъ; 2) организованная такъ называемая національная полиція совершенно разстроена, и въ настроеніи къ намъ всего рабочаго класса замѣтна большая перемѣна.

«Въ то время какъ я дѣйствовалъ такимъ образомъ съ главными силами, два небольшихъ отряда разбили близъ Сейны и Маріамполя нѣсколько небольшихъ отрядовъ повстанцевъ, убили значительное число людей и разсѣяли ихъ. Небольшая партизанская колонна (30 волонтеровъ изъ казаковъ и пограничной стражи подъ командою поручика Штейна), посланная мною противъ повстанцевъ съ предоставленіемъ ея начальнику полной свободы дѣйствій, совершила чудеса храбрости, изрубила отрядъ непріятельской кавалеріи, занятой мародерствомъ, и взяла въ плѣнъ нѣсколько польскихъ жандармовъ. Своимъ быстрымъ и неожиданнымъ появленіемъ всюду они внушили крестьянамъ къ себѣ такое довѣріе, что они теперь не только доносятъ намъ на повстанцевъ, но даже сами приводятъ тѣхъ, которыхъ имъ удастся захватить, тогда

какъ прежде они не только боялись объ этомъ говорить, но, какъ я уже говорилъ, даже скрывали жандармовъ, которые ихъ вѣшали».

«Я имѣлъ честь телеграфировать вашему императорскому высочеству,— писалъ Витгенштейнъ 30-го іюля (11-го августа),—о томъ, какъ неожиданно Сувалки были иллюминованы 27-го числа [1]), безъ всякаго приказанія или понужденія съ моей стороны, только во исполненіе выраженнаго мною желанія. Эта иллюминація была еще блистательнѣе первой [2]), когда, не зная еще о приказаніи вашего императорскаго высочества не настаивать на публичныхъ манифестаціяхъ, я издалъ приказъ, что за каждое неосвѣщенное окно будетъ взыскано два рубля штрафа. У насъ также былъ пущенъ фейерверкъ въ то время, когда играла музыка: поляки, пользуясь темнотою ночи, пришли смотрѣть на него именно. Когда, подъ конецъ, оркестръ грянулъ «Боже, царя храни», всѣ обнажили головы. Я разрѣшилъ жителямъ за то, что они вели себя хорошо, ходить вечеромъ безъ фонарей. Они выразили мнѣ за это благодарность и просили передать, что они готовы сдѣлать все, что я пожелаю, и были бы очень мнѣ благодарны, если бы я позволилъ имъ гулять за городомъ пѣшкомъ. Я отвѣтилъ на это, что это будетъ разрѣшено тогда, когда поляки будутъ посѣщать музыку, которая играетъ по вечерамъ въ общественномъ саду.

«Польскій народъ похожъ на плохо выѣзженную лошадь. Онъ брыкается и закусываетъ удила, какъ только имъ правятъ мягко. Онъ требуетъ, чтобы имъ управляли съ умѣренностью, твердостью и кротостью. Онъ подчиняется ѣздоку, и его движенія становятся мягче только тогда, когда онъ чувствуетъ, что ѣздокъ сидитъ на немъ твердо и готовъ пришпорить его за всякую провинность.

«Но надобно имѣть спокойную и эластичную руку, которая не причиняла бы ему боли безъ нужды. Это правило кавалерійской службы, примѣняемое мною, до сихъ поръ превосходно мнѣ удавалось».

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) День рожденія императрицы.

[2]) 22-го іюля—тезоименитство государыни.

О порядкѣ приведенія къ очистительной присягѣ раскольниковъ.

Секретный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ Д. Блудова губернаторамъ.

18-го марта 1836 г.

По доведеніи до свѣдѣнія государя императора о представленіяхъ нѣкоторыхъ гг. гражданскихъ губернаторовъ, какимъ образомъ должны быть приводимы къ присягѣ старообрядцы и раскольники по дѣламъ тяжебнымъ и въ другихъ случаяхъ, его величество высочайше повелѣть соизволилъ: когда по суду назначена будетъ очистительная присяга, то по руководству примѣчанія къ статьѣ 1847 Свода Гражданскихъ Законовъ тома X приводить его присягѣ въ православной церквѣ, стараясь по возможности употреблять при семъ случаѣ старопечатное Евангеліе и стариннаго устроенія Крестъ, къ коимъ раскольники оказываютъ болѣе благоговѣнія.

О семъ высочайшемъ повелѣніи имѣю честь сообщить вашему превосходительству для надлежащаго въ потребномъ случаѣ исполненія и руководства.

Записки Михаила Чайковскаго.

(Мехметъ-Садыкъ паши).

LXV [1]).

Дезертирство польскихъ солдатъ.—Прибытіе въ лагерь Адама Мицкевича и кн. Владислава Чарторыйскаго.—Новый проектъ Замойскаго.—Интриги его и лорда Редклифа.—Неудавшаяся попытка привлечь болгаръ на службу въ англійскомъ войскѣ.

Турецкая кавалерія стояла лагеремъ подъ Бургасомъ и Сизеполомъ, куда должны были придти за нею суда, для отвоза въ Азіатскую Турцію, но чѣмъ болѣе приближался моментъ посадки на суда, тѣмъ менѣе охоты выказывалъ второй казачій полкъ идти въ походъ; казаки роптали, нѣкоторые просили даже уволить ихъ изъ полка, что и было исполнено.

Однажды ко мнѣ вошелъ полковникъ Слубицкій съ рапортомъ, что шесть вахмистровъ втораго полка дезертировали, не желая идти въ Азію, и своимъ примѣромъ заразили солдатъ; что касается офицеровъ, то и тѣ вѣроятно не захотятъ идти. Это рапортовалъ мнѣ полковникъ-полякъ, командиръ полка, въ которомъ офицеры и солдаты были всѣ, безъ исключенія, поляки.

Я тотчасъ приказалъ поручику Усаковскому съ казаками переловить этихъ дезертировъ. Пріятно было видѣть, какъ эти молодцы понеслись въ Балканы выслѣживать новаго рода звѣря—дезертировъ-

[1]) См. «Русскую Старину» апрѣль 1900 г.

поляковъ. Подъ вечеръ они привезли связанными пять человѣкъ; только одному изъ нихъ, по фамиліи Богуславскому, удалось скрыться.

Произведенное дознаніе показало, что эти вахмистры были подговорены къ побѣгу тѣми же офицерами, которые дали имъ денегъ на дорогу и выпустили изъ лагеря. Я узналъ имена всѣхъ этихъ офицеровъ. Дезертиры во всемъ сознались въ присутствіи полковника Киркора и заявили, что имъ было приказано дѣйствовать такъ отъ имени Замойскаго. Я просилъ полковника Киркора, который доложилъ мнѣ объ этомъ, держать втайнѣ свѣдѣнія, добытыя на предварительномъ слѣдствіи, и приказалъ нарядить военный судъ надъ дезертирами и надъ всѣми офицерами, участвовавшими въ заговорѣ.

Судъ представилъ на мое утвержденіе слѣдующій приговоръ: обрить виновнымъ головы и усы, дать имъ по 120 ударовъ палкою и заковать на три года въ кандалы. Прочитавъ рѣшеніе суда, я сказалъ, что если бы виновныхъ приговорили къ разстрѣлянію, то я тотчасъ помиловалъ бы всѣхъ пятерыхъ и предалъ бы забвенію это дѣло, позорящее честь и доброе имя поляковъ, но я не позволю обрить ихъ и подвергнуть тѣлесному наказанію, не лишивъ ихъ предварительно шляхетнаго званія, а отправлю ихъ въ кандалахъ въ Стамбулъ, въ сераскеріатъ, при моемъ рапортѣ.

Въ это время въ нашъ лагерь пріѣхали Адамъ Мицкевичъ и кн. Владиславъ Чарторыйскій. Я и мои казаки приняли этихъ дорогихъ гостей съ распростертыми объятіями. Адамъ Мицкевичъ былъ для насъ пѣвцомъ Польши, выразителемъ польскихъ думъ и надеждъ, а кн. Владиславъ—былъ сынъ того, кто стоялъ во главѣ польскаго дѣла. Одинъ Мицкевичъ понялъ вполнѣ чувства, которыя насъ одушевляли, и умѣлъ оцѣнить ихъ; что касается князя Владислава, то хотя онъ не съумѣлъ снискать нашего сердечнаго расположенія, однако, держалъ себя очень хорошо, не принималъ участія въ интригахъ Замойскаго, и когда Адамъ Мицкевичъ, въ откровенной бесѣдѣ, обвинялъ Замойскаго въ томъ, что онъ всегда старался выставить насъ въ невыгодномъ свѣтѣ, и дезорганизовать насъ, то кн. Владиславъ былъ очень огорченъ этимъ и приписывалъ это зависти и подозрительности Замойскаго; онъ просилъ Адама Мицкевича написать его отцу, чтобы опровергнуть слова Замойскаго, выставить насъ въ истинномъ свѣтѣ и отклонить взведенныя на насъ ложныя обвиненія. Исполнилъ ли это Мицкевичъ или нѣтъ—не знаю, но обѣщалъ сдѣлать это.

Адамъ Мицкевичъ говоритъ, что онъ ожилъ въ нашемъ лагерѣ, что онъ отдыхаетъ у насъ своею польскою душою, и хотѣлъ записаться въ полкъ иррегулярныхъ казаковъ, увѣряя, что онъ уже слишкомъ старъ для службы въ регулярномъ полку. Этотъ великій полякъ любилъ насъ и своею любовью сторицею вознаграждалъ насъ за равнодушіе и за ту,

ничѣмъ не вызванную непріязнь, съ какою относились къ намъ въ самой Польшѣ и въ эмиграціи поляки, даже тѣ изъ нихъ, которые не были нашими врагами; къ сожалѣнію, у насъ немало было и враговъ; къ числу ихъ принадлежали всѣ тѣ, которые не хотѣли сражаться, а между тѣмъ выдавали себя за патріотовъ.

Я уговорилъ князя Владислава одѣть мундиръ 2-го казачьяго полка и въ качествѣ охотника принять участіе въ ученьяхъ и въ военныхъ прогулкахъ. Польскому сердцу отрадно было видѣть эти 14 казачьихъ сотенъ съ ихъ развѣвающимися знаменами, напоминавшими тѣ знамена, съ которыми польская шляхта сражалась во времена Сигизмунда. Эта прекрасная конница была очень хорошо обмундирована и посажена на великолѣпныхъ лошадей. Сердце военнаго человѣка радостно билось при видѣ этихъ бунчуковъ, развѣвавшихся по вѣтру, при видѣ этихъ молодыхъ казаковъ, румяныхъ, какъ маковъ цвѣтъ. Въ лагерѣ гремѣли польскія залихватскія пѣсни, раздавались грустные литовскіе и украинскіе напѣвы, гремѣли трубы; на ученьяхъ грохотами выстрѣлы, а военныя прогулки напоминали прежніе казацкіе и татарскіе набѣги; борзыя загоняли въ ряды лисицъ и зайцевъ; раздавался хохотъ, веселье, а по возвращеніи въ лагерь устраивалась веселая пирушка—настоящая польская жизнь!

Князь Владиславъ Чарторыйскій уѣхалъ отъ насъ навстрѣчу Замойскому, котораго ожидали изъ Стамбула. Мицкевичъ остался съ нами. Мы жили шумной лагерной жизнью и ожидали приказанія садиться на суда, какъ вдругъ къ намъ пріѣхали маршалъ Абдулъ-Керимъ-паша, назначенный Омеръ-пашею командовать войскомъ, посылаемымъ въ Грузію; въ то же время Замойскій, прибывшій уже въ Стамбулъ, прислалъ казакамъ четыре пушки, яко бы въ подарокъ отъ Англіи; и въ пространномъ письмѣ о разныхъ военныхъ событіяхъ, онъ писалъ между прочимъ, что вошелъ въ сношеніе съ англійскимъ правительствомъ, о чемъ мы вскорѣ узнаемъ болѣе подробно.

Адамъ Мицкевичъ, читая это письмо, сказалъ:

— Измѣна! Я знаю Замойскаго; онъ прислалъ пушки, чтобы прикрыть этимъ свою измѣну, подобно тому, какъ онъ старался оправдать посылку въ Галицію Ромарино и самаго лучшаго корпуса польскихъ войскъ.

Въ скоромъ времени я получилъ письмо изъ Константинополя, въ которомъ меня увѣдомляли о сформированіи дивизіи, которая будетъ состоять на жалованьи Англіи и будетъ составлена изъ трехъ родовъ оружія, и о томъ, что выработанъ планъ перехода казаковъ на службу Англіи и что Замойскій вошелъ въ соглашеніе съ подполковникомъ Клементіемъ Пршевлоцкимъ, который подалъ отъ имени охотниковъ 3-го казачьяго полка заявленіе объ ихъ желаніи быть зачисленными въ кон-

тингентъ англійскаго войска; это заявленіе было предъявлено лорду Редклифу. Только двое казачьихъ офицеровъ: Юлій Корсакъ и Рогончикъ не захотѣли перейти на службу Англіи.

Съ той же самой почтой отъ сераскира была получена оффиціальная бумага на имя мое и маршала Абдулъ Керима, въ которой говорилось, что такъ какъ англійскій посолъ извѣстилъ его, сераскира, о томъ, что казаки хотятъ поступить на жалованіе Англіи, если это окажется справедливо, то турецкое правительство ничего не имѣетъ противъ этого и поручаетъ мнѣ опросить казаковъ. Я попросилъ маршала пріѣхать въ лагерь и присутствовать при чтеніи этой бумаги казакамъ, на что онъ изъявилъ согласіе.

Мы еще закусывали, когда ко мнѣ явился полковникъ Киркоръ, съ заявленіемъ, что вторая сотня перваго казачьяго полка проситъ позволенія видѣть меня.

Съ разрѣшенія маршала сотня вошла въ палатку, и казаки заявили въ одинъ голосъ, что они не желаютъ быть англійскими наемниками, что они служатъ, какъ казаки, а не какъ наемники султана, который издавна былъ союзникомъ ихъ отечества, что за него и за его государство они готовы пожертвовать жизнію и пролить кровь, но не хотятъ продавать ни то, ни другое за англійскія деньги, и что если султанъ не нуждается болѣе въ ихъ службѣ, то они сложатъ свои пики и сабли и разойдутся, куда глаза глядятъ. Маршалъ велѣлъ составить объ этомъ протоколъ. Въ этотъ моментъ подошли и остальныя сотни перваго полка съ подобнымъ же заявленіемъ; ихъ примѣру послѣдовали и иррегулярныя сотни. Всѣ офицеры были на сторонѣ казаковъ, за исключеніемъ двоихъ, изъ коихъ одинъ подалъ въ отставку, а другой отправился въ лагерь 2-го полка. Казаки втораго полка стояли молча, потупивъ голову; имъ было совѣстно, но у офицеровъ позвякивало въ карманѣ англійское золото, заглушая голосъ правды и долга.

Не только Адамъ Мицкевичъ, но самъ маршалъ былъ глубоко тронутъ этимъ рыцарскимъ, благороднымъ поступкомъ 1-го казачьяго полка. Киркоръ торжествовалъ и гордился быть начальникомъ этой украинской молодежи, въ которой сохранились традиціи прежнихъ временъ. Маршалъ донесъ объ этомъ сераскеріату, отъ котораго первый казачій полкъ получилъ похвалу и благодарность отъ имени султана и Высокой Порты; въ этой благодарности между прочимъ говорилось, что 1-й казачій полкъ своей службою и преданностью достоинъ занять первое мѣсто во главѣ арміи султана.

Всѣ эти заявленія ни мало не трогали поляковъ втораго казачьяго полка; звонъ англійскаго золота былъ имъ пріятенъ, и поэтому они не хотѣли идти на войну, а предпочитали поступить за хорошее жалованье на службу Англіи.

Замойскій уже подписывался командующимъ корпусомъ, къ которому были причислены: первый пѣхотный полкъ, второй полкъ казаковъ султана, который называли также вторымъ полкомъ конныхъ стрѣлковъ.

По мнѣнію Замойскаго, это двоякое названіе, данное полку, было верхомъ политической мудрости; такъ какъ первыя буквы этого названія К. С. означали и казаковъ султана и конныхъ стрѣлковъ, то, имѣя всего одинъ полкъ, можно было обозначать его двумя названіями и въ дневныхъ приказахъ по полку получилось бы впечатлѣніе, какъ будто на самомъ дѣлѣ существовало два полка. Итакъ, подполковникъ Клементій Першевлоцкій, командовавшій полкомъ казаковъ султана, сдѣлался и командиромъ полка конныхъ стрѣлковъ; затѣмъ въ составъ корпуса входили: третій полкъ пѣшихъ стрѣлковъ, четвертый пѣхотный линейный полкъ, пятый уланскій имени Замойскаго полкъ, и наконецъ 4 батареи артиллеріи, по одному орудію въ каждой (!) подъ командою Ордона. Начальникомъ штаба былъ назначенъ генералъ Бреанскій, квартирмейстеромъ полковникъ Заблоцкій; при штабѣ числилось множество аудиторовъ, адъютантовъ, чиновниковъ особыхъ порученій и инженеровъ, а численность корпуса не доходила и до двухъ тысячъ человѣкъ, считая въ томъ числѣ 1,180 человѣкъ втораго казачьяго полка, изъ котораго было сформировано два полка кавалеріи, четыре батареи артиллеріи и одна рота пѣшихъ стрѣлковъ.

Англичане давали для этого корпуса мундиры, оружіе, лошадей и деньги; и всѣмъ командирамъ было приказано не церемониться съ несчастными турками въ отомщеніе за то, что не удалось внести четырехъ милліоновъ въ кассу желѣзнаго фонда.

Этотъ приказъ исполнялся такъ хорошо, что когда въ Бургасъ пріѣхалъ какой-то англійскій поручикъ, чтобы увести этотъ полкъ въ Варну, то этотъ офицеръ далъ, какъ потомъ оказалось, звонкою монетою необходимую сумму денегъ на содержаніе полка во время похода изъ Бургаса въ Варну, на 8 дней, на 4 дня марша и 4 дня дневокъ, чтобы не утомить людей и лошадей. Отъ меня же полковникъ Слубицкій потребовалъ для полка провіантъ, фуражъ и всѣ прочіе предметы. Такъ какъ я получилъ отъ сераскеріата приказаніе снабдить полкъ всѣмъ необходимымъ до прибытія его въ Варну, то я обратился по этому поводу къ интенданту Фехимъ-пашѣ, который приказалъ выдать все это натурою; полученный такимъ образомъ провіантъ и фуражъ тутъ же на мѣстѣ былъ проданъ подрядчику для французскаго войска, а полкъ во время марша бралъ все въ видѣ реквизиціи, ни за что не платя, а только выдавая на все квитанціи и росписки.

Слубицкій продалъ также оружіе, лошадей и различные полковые предметы. Я купилъ за 2 тысячи піастровъ 500 англійскихъ сабель, за такую же

сумму 100 англійскихъ карабиновъ; 40 превосходныхъ лошадей по 100 піастровъ каждая; мы покупали все это съ полковникомъ Кпркоромъ изъ третьихъ рукъ и обогатили полкъ. Однимъ словомъ, это была неслыханная и невиданная распродажа съ аукціона; но полковникъ Слубицкій отвѣчалъ на всѣ дѣлаемыя ему возраженія, что ему такъ приказано Замойскимъ, что деньги эти будутъ употреблены съ пользою. Англійскому правительству это обошлось такъ дорого, что нѣсколько мѣсяцъ спустя, когда снова зашла рѣчь о легіонахъ и Замойскій изъявилъ готовность организовать ихъ, лордъ Пальмерстонъ заявилъ, что Англія не настолько богата, чтобы дать средства на организацію легіоновъ Замойскимъ.

Мнѣ сообщили изъ Константинополя, что со времени пріѣзда Замойскаго лордъ Редклифъ всячески старался, чтобы ни я, ни мои казаки не участвовали въ походѣ въ Грузію, и что Адамъ Мицкевичъ, который уѣхалъ нѣсколько дней передъ тѣмъ изъ Бургаса въ Стамбулъ, разсказалъ обо всѣхъ продѣлкахъ племянника князя Адама[1]), и въ свою очередь писалъ ему и князю А. Чарторыйскому, порицая его отношеніе ко мнѣ, которое сильно вредило нашему дѣлу. Въ Константинополь пріѣзжали поляки, извѣстные своимъ прошлымъ и своими способностями, какъ напримѣръ полковникъ Николай Каменскій, который еще въ 1831 г. составилъ себѣ репутацію превосходнаго кавалериста, маіоръ Ольшевскій, служившій въ 1831 г. въ 4-мъ полку конныхъ стрѣлковъ и былъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ великаго князя Константина Павловича, полковникъ Понинскій, отличавшійся въ Венгерской кампаніи, командуя красными уланами, и многіе другіе, и Замойскій не умѣлъ или лучше сказать не хотѣлъ воспользоваться ими, точно какъ въ 1831 г. онъ обрекъ на бездѣйствіе слишкомъ 20-ти тысячное прекрасное польское войско, которое сложило по его милости оружіе въ Галиціи.

Поступая такимъ образомъ, онъ руководствовался въ данномъ случаѣ той мыслью, что не слѣдовало выводить поляковъ на сцену дѣйствія, а хотѣлъ выждать, чтобы французы поставили Польшу на ноги, а тогда уже, организовавъ поляковъ, какъ жандармерію, принять въ управленіе освобожденную и очищенную отъ непріятелей Польшу и устроить въ ней такое правительство и такой порядокъ, какой онъ найдетъ нужнымъ, и даже установить ту династію, которая болѣе всего соотвѣтствовала бы его цѣлямъ, хотя бы предложивъ самого себя въ родоначальники династіи. Кромѣ этой главной и болѣе отдаленной цѣли, у него была цѣль и болѣе близкая, а именно собрать какъ можно болѣе денегъ въ желѣзную кассу и при помощи ея привести въ исполненіе всѣ свои планы.

---

[1]) Замойскаго.

По моему мнѣнію, ошибаются тѣ, кто говоритъ, что онъ боялся распространенія православной церкви и поэтому не хотѣлъ, чтобы въ возстаніи принимали участіе казаки, которые, памятуя свою исторію и традиціи и имѣя въ своей средѣ болѣе храбрыхъ людей, нежели ихъ насчитывали среди остальнаго населенія Польши, образовали бы новый шляхетный элементъ, казацкую православную и доблестную шляхту. По моему мнѣнію, подобныя опасенія не могли вліять на дѣйствія Замойскаго; это были бы соображенія слишкомъ отвлеченныя, поэтическія, а Замойскій былъ чуждъ поэзіи, къ тому же онъ вовсе не понималъ казачества, православія и славянства, и когда съ нимъ объ этомъ говорили, то видно было, какъ все это ему чуждо. Вѣрнѣе всего охарактеризовалъ его Карлъ Сенкевичъ.

«Это потомокъ Орлеанской династіи,—говорилъ онъ о Замойскомъ,—которому хотѣлось бы имѣть сокровища Ротшильда!»

Замойскій душою и сердцемъ стремился къ власти, къ деньгамъ. Первой онъ не съумѣлъ достигнуть потому, что онъ завидовалъ достоинству и заслугамъ другихъ, никому не довѣрялъ и не умѣлъ выбирать людей; онъ чувствовалъ какое-то отвращеніе къ такимъ достойнымъ людямъ, каковы были Николай Каминскій, Бреанскій и т. п., и любилъ такихъ людей, какъ Калинка. Онъ старался пріобрѣтать деньги, но никогда не имѣлъ ихъ достаточно, или столько, сколько онъ хотѣлъ, сколько ему было нужно; онъ не былъ щедръ, не хотѣлъ сѣять, чтобы пожинать, а хотѣлъ пожинать, не сѣявши; онъ любилъ азартную игру и спускалъ всѣ деньги, проходившія чрезъ его руки; поэтому желѣзнаго фонда не только было мало для Польши, но не знаю даже, хватало ли для его семьи.

Не нужно было съѣсть пудъ соли съ Владиславомъ Замойскимъ, чтобы понять его, для этого достаточно было нѣсколько разъ поговорить съ нимъ. Надобно сознаться, что при его готовности посвятить всѣ свои силы польскому дѣлу, при такой усиленной дѣятельности на ея пользу, никто не сдѣлалъ Польшѣ такъ много зла, какъ онъ.....

Настала худая погода, приближалась зима. Первый полкъ выступилъ на зимнія квартиры въ Айдосъ, а нѣсколько дней спустя и второй полкъ ушелъ въ Варну.

Хотя между мною и Владиславомъ Замойскимъ уже произошелъ окончательный разрывъ, но онъ не переставалъ вредить мнѣ. Лордъ Редклифъ и австрійскій интернунцій запротестовали противъ моего участія въ походѣ на Кавказъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что такъ какъ я съумѣлъ, помимо конвенціи, заключенной Омеромъ-пашею и генераломъ Коронини, перейти Серетъ и занять линію Прута, съ цѣлью перенести военныя дѣйствія въ Бессарабію, то мнѣ навѣрно удастся возбудить возстаніе въ Грузіи, войти въ сношенія съ черкесами, Шамилемъ и

затянуть войну, которую всѣ хотѣли покончить какъ можно скорѣе. Решидъ-паша, увѣдомляя меня о томъ, что я не приму участіе въ походѣ, писалъ, что оппозиція дипломатіи противъ моего участія въ экспедиціи дѣлаетъ мнѣ честь, какъ человѣку военному и какъ поляку, и что хотя Высокая Порта была вынуждена уступить требованіямъ союзниковъ, но она цѣнитъ мои заслуги и разсчитываетъ на нихъ въ будущемъ.

Хотя война еще продолжалась, но насъ старались перевести подальше, изъ Айдоса въ Карнабатъ, изъ Карнабата въ Сливны, а чтобы мы не соскучились, намъ разрѣшили ловить разбойниковъ; кромѣ того мы охотились до упада.

Такъ какъ Гакки-Измаилъ-паша постоянно обвинялъ насъ въ злоупотребленіяхъ, совершенныхъ нами во время стоянки въ Лесковцахъ, то я просилъ сераскеріатъ назначить коммиссію для производства слѣдствія. Съ этой цѣлью былъ посланъ дивизіонный генералъ Тевфикъ-паша, начальникъ штаба военнаго министерства, человѣкъ съ европейскимъ образованіемъ. Всѣ обвиненія, взводимыя на насъ, оказались ложными, и мы были оправданы по всѣмъ пунктамъ. Тевфикъ-паша провелъ съ нами нѣсколько дней и въ это время познакомился съ прекрасными качествами казацкаго войска; составленное имъ мнѣніе о насъ болѣе всего содѣйствовало опроверженію клеветы, которую, съ легкой руки Замойскаго, распространялъ противъ насъ Гакки-Измаилъ-паша.

Тевфикъ-паша, пріѣхавъ, чтобы открыть злоупотребленія казаковъ, открылъ попутно массу злоупотребленій военнаго интендантства. Губернаторъ Бургаса сознался письменно въ томъ, что всѣ запасы, хранившіеся въ складахъ, были проданы англійскимъ и французскимъ поставщикамъ и ими вывезены, а затѣмъ склады подожжены; виновными были интендантскіе чиновники. Правительство потеряло милліоны, губернаторъ былъ отданъ подъ судъ за то, что онъ произвелъ слѣдствіе военными, а не гражданскими властями, какъ слѣдовало. Главный интендантъ, вызванный въ Константинополь и отданный подъ судъ, оправдался и былъ назначенъ губернаторомъ, а бѣдный губернаторъ съ отчаянія (ибо каждый турокъ впадаетъ въ отчаяніе, лишившись мѣста) сошелъ съ ума и окончилъ жизнь въ сумасшедшемъ домѣ, а казенные милліоны сгорѣли вмѣстѣ съ пустыми складами.

Казаки перваго полка снискали расположеніе болгаръ, изъ коихъ многіе изъявили желаніе записаться въ этотъ полкъ; мѣстные жители называли казаковъ: наше войско, славянское войско. Это встревожило Замойскаго и такъ какъ англичане получили фирманъ на сформированіе на средства англійскаго правительства шести полковъ сипаевъ и башибузуковъ, то Замойскій подалъ мысль вербовать въ это войско болгаръ-

христіанъ, которые, подъ руководствомъ англійскихъ офицеровъ, могли бы составить надежное войско и даже въ мирное время содѣйствовали бы утвержденію англійскаго вліянія и проведенію тѣхъ реформъ, которыя будутъ признаны Англіей необходимыми; впослѣдствіи къ нимъ можно было бы присоединить дивизію поляковъ, состоящихъ на жалованіи Англіи, и поставивъ этотъ полкъ въ окрестностяхъ Филиппополя, гдѣ все мѣстное населеніе состоитъ изъ католиковъ, сформировать такимъ образомъ вооруженную силу, которая поддерживала бы интересы Англіи.

Генералъ Макъ-Кампель былъ посланъ съ нѣсколькими офицерами-поляками вербовать болгаръ. Въ числѣ этихъ поляковъ были братья Пршевтоцкіе, Смоленскій, Добровольскій и др. Они отправились въ маленькіе города, а генералъ Макъ-Кампель прибылъ въ Сливну. Не зная, кто я такой или по какой другой причинѣ, генералъ Макъ-Кампель, который былъ принятъ мною весьма любезно, разсказалъ мнѣ всю сущность дѣла и даже показалъ мнѣ всѣ свои бумаги. Проектъ сформированія этого полка не соотвѣтствовалъ интересамъ ни польскаго дѣла, ни славянства, ни самой Турціи, такъ какъ оно находилось бы всецѣло подъ вѣдѣніемъ и контролемъ Англіи, и могло принести пользу только ей и организаторамъ этого дѣла. Изъ писемъ Замойскаго, показанныхъ мнѣ генераломъ, можно было заключить, что онъ надѣется стать во главѣ этого дѣла. Я немедленно увѣдомилъ обо всемъ Решида-пашу и такъ какъ онъ поручилъ мнѣ слѣдить за этимъ дѣломъ и всячески мѣшать его осуществленію, то я послалъ въ Трновъ и его окрестности Бервинскаго и Дм. Мано.

Ихъ дѣятельность была успѣшна, ибо ни одинъ болгаринъ не изъявилъ желанія поступить на службу Англіи; результатомъ этой командировки была докладная записка, составленная Бервинскимъ и препровожденная мною въ Константинополь, въ которой, описывая отличительныя черты болгаръ и духъ, господствующій между ними, онъ доказывалъ, что изъ нихъ можно было бы сформировать сильное и преданное войско для службы султану и Оттоманской Портѣ.

Я получилъ отъ Решида-паши письмо, въ которомъ онъ благодарилъ меня за разрѣшеніе чрезвычайно труднаго вопроса о сліяніи въ войскѣ христіанъ и мусульманъ и ассимилированіи ихъ подъ турецкимъ знаменемъ.

Большею ошибкою было бы сформированіе въ Турціи войска сипаевъ, состоящихъ на жалованьи Англіи, въ тотъ моментъ, когда союзники могли хозяйничать въ Турціи, какъ хотѣли, когда во главѣ ихъ стояла Англія, а Австрія дѣйствовала съ нею рука объ руку, желая помѣшать усиленію Наполеоновской Франціи.

Помѣшать при этихъ обстоятельствахъ сформированію на англійскія

*

деньги сипаевъ-христіанъ въ Турціи было немалою заслугою передъ Турціей и передъ славянствомъ.

LXVI.

Попытка Ротшильда образовать полкъ изъ евреевъ и основать израильское царство въ Іерусалимѣ.—Паденіе Севастополя и прекращеніе военныхъ дѣйствій.—Участіе болгаръ въ желѣзнодорожномъ акціонерномъ обществѣ.—Не сбывшіяся надежды поляковъ на возстановленіе Польши.—Поѣздка Чайковскаго въ Константинополь.—Свиданіе съ Замойскимъ.—Письмо къ Чайковскому Гортензіи Корну.

Мы остались на зимнихъ квартирахъ въ Сливнѣ; война еще не кончилась, Севастополь не былъ взятъ.

Осаду Севастополя смѣло можно сравнить съ осадою Трои; славяне сразились тутъ съ западно-европейцами, православные съ союзниками: католиками, протестантами и магометанами.

Мы провели всю зиму въ Балканахъ, занимаясь ловлею разбойниковъ и охотою, а съ наступленіемъ весны сераскиръ-паша извѣстилъ меня, что кавалеріи, переформированной изъ втораго казачьяго полка и состоявшей подъ командою Замойскаго, приказано идти изъ Варны въ Стамбулъ. Это означало, что война близится къ концу.

Поэтому я былъ крайне удивленъ, когда къ намъ пріѣхалъ Арманъ Леви съ письмами отъ Адама Мицкевича, съ извѣстіемъ о намѣреніи Ротшильда сформировать полкъ еврейской кавалеріи и присоединить его къ казакамъ. Сераскиръ-паша сообщалъ мнѣ объ этомъ планѣ конфиденціально и совѣтовалъ не отклонять предложеній, которыя будутъ сдѣланы мнѣ въ этомъ смыслѣ.

Мнѣ писали изъ Константинополя о пріѣздѣ молодаго Ротшильда, для переговоровъ по поводу займа, который хотѣло заключить турецкое правительство, и что ему оказывалъ содѣйствіе сераскиръ, предпочитавшій, чтобы турецкое правительство имѣло дѣло съ крупнымъ финансистомъ, нежели съ какими-нибудь мелкими и незначительными банкирами, — которые были для Турціи настоящими піявками; потому-то сераскиръ и согласился на сформированіе полка изъ евреевъ, надѣясь снискать этимъ расположеніе Ротшильда. Душою этого дѣла былъ Адамъ Мицкевичъ; онъ сдѣлалъ мнѣ впослѣдствіи жестокій выговоръ за то, что я высказалъ ему, какъ безобразно будетъ видѣть еврея рядомъ съ казакомъ подъ командою шляхтича поляка.

Мундиръ, придуманный Ротшильдомъ, былъ таковъ: кофейнаго цвѣта брюки, желтые ментики и доломаны съ серебромъ для офицеровъ, и съ

бѣлымъ шнуркомъ для солдатъ, медвѣжья шапка, украшенная трехцвѣтнымъ султаномъ—бѣлымъ, желтымъ и кофейнымъ, и плащъ съ кантами желтаго и кофейнаго цвѣта.

Этихъ евреевъ рѣшено было называть гусарами Махабенча. Леви привезъ мнѣ еврейскіе образа, какіе-то священническія одежды левитовъ, скрижали, талмудъ, мишну, гомору и еще какія-то книжки, которыя онъ оставилъ на храненіе у меня, какъ у будущаго командира этихъ махабенчей, и которыя я долженъ былъ передать полковнику, который приведетъ этихъ евреевъ. Я передалъ эти еврейскія драгоцѣнности съ торжественной церемоніей, на храненіе тремъ евреямъ, служившимъ у меня въ полку.

Когда Леви донесъ объ этомъ Адаму Мицкевичу, это нѣсколько успокоило его гнѣвъ; онъ хвасталъ моимъ знакомымъ, что этотъ казакъ (т. е. я) умнѣе польской шляхты, ибо евреи самый древній и заслуженный народъ, и поляки идутъ уже послѣ нихъ; судьба обоихъ народовъ сходна, и ихъ ожидаетъ одинаковое будущее; поэтому необходимо ихъ соединить и составить изъ нихъ одно войско.

Я предложилъ назначить командиромъ полка Махмуда Фрейнда, который, по моему мнѣнію, наиболѣе подходилъ для этого, какъ еврей и прекрасный офицеръ, но Ротшильдъ и Адамъ Мицкевичъ хотѣли, во что бы то ни стало, чтобы полкомъ командовалъ польскій шляхтичъ. Полу-шутя, полу-серьезно, я предложилъ на это мѣсто Николая Каминскаго, но и этотъ выборъ не былъ одобренъ; выборъ палъ на демократа полковника Беднардчика. Онъ былъ католикъ и демократъ, должно быть также и шляхтичъ, но, къ сожалѣнію, въ немъ не было ничего благороднаго, шляхетнаго, онъ походилъ скорѣе на келаря или на сборщика подаянія, да и то на самаго плохаго; но за то съумѣлъ, какъ нельзя лучше, втереться въ довѣріе Ротшильду.

Ротшильдъ былъ избранъ почетнымъ шефомъ полка, съ правомъ носить мундиръ. Неспособность Беднардчика, полное отсутствіе въ немъ энергіи и случившаяся въ это время кончина Адама Мицкевича помѣшали осуществленію этого плана, который, несмотря на всю его оригинальность, могъ принести нѣкоторую пользу. Мехмедъ-Руджи-паша, при всей своей медлительности, осторожности и нерѣшительности, обладалъ всѣми качествами, которыя отличаютъ истинно-турецкаго дѣятеля и выражаются лучше всего извѣстною турецкою пословицею, что «зайца легче всего поймать, ѣдучи на возѣ, запряженномъ волами». Онъ былъ человѣкъ практичный и дальновидный, и горевалъ о томъ, что эта комбинація не удалась. Онъ неоднократно высказывалъ мнѣ по этому поводу свое сожалѣніе, говоря: «если бы у насъ былъ еврейскій полкъ, мы бы удержали Ротшильдовъ въ Турціи, несмотря на оппозицію нашихъ банкировъ, и наши финансы были бы въ иномъ положеніи». Быть можетъ,

это принесло бы пользу и казакамъ; имъ былъ бы открытъ кредитъ у товарищей-евреевъ, и они могли бы погулять на ихъ счетъ. Служальскій передавалъ мнѣ, что Адамъ Мицкевичъ горевалъ передъ своей кончиной о томъ, что этотъ планъ не осуществился, и говорилъ: «когда меня не станетъ, никто не съумѣетъ этого сдѣлать». Меня удивляло въ этомъ дѣлѣ одно обстоятельство, а именно, что Замойскій не пытался вмѣшаться въ него, но впослѣдствіи я узналъ отъ Людвика Звѣрковскаго, что Замойскому это дѣло было извѣстно и что онъ очень хотѣлъ стать во главѣ этой жидовской организаціи, но, перейдя со своимъ полкомъ на жалованье англійскаго правительства, много потерялъ этимъ въ глазахъ Ротшильдовъ, которые хотѣли имѣть дѣло только съ однимъ турецкимъ правительствомъ, и поэтому Аксенфельдъ указалъ имъ на меня. Звѣрковскій писалъ, что ему было достовѣрно извѣстно, что Ротшильды хотѣли войти въ денежныя сдѣлки съ турецкимъ правительствомъ и намѣрены были пріобрѣсти въ свое владѣніе Іерусалимъ съ округомъ и сдѣлаться подданными султана, съ титуломъ владѣтельныхъ князей; поэтому они и хотѣли воспользоваться войною, чтобы организовать полкъ подъ знаменами султана, такъ какъ это дало бы имъ возможность имѣть свое собственное войско, для поддержанія порядка и представительства въ ихъ ленномъ княжествѣ. По всей вѣроятности, этотъ проектъ еще не былъ вполнѣ выработанъ; если бы Ротшильды серьезно хотѣли имѣть княжество и войско, навѣрно это имъ удалось бы, ибо у кого есть деньги, тому все удается на этомъ свѣтѣ.

Мнѣ писали изъ Константинополя, что австрійскій интернунцій ручался за то, что черезъ 2 недѣли Севастополь будетъ взятъ, война окончится и будетъ заключенъ миръ, но защита Севастополя была геройская, онъ палъ доблестно, какъ Троя. Я припоминаю, что болгары которые неоднократно доказали свою преданность султану, радовались, однако, геройству, съ коимъ русскіе сражались противъ западныхъ войскъ; признаюсь, я испытывалъ то же самое чувство, такъ какъ это были славяне...

Военныя дѣйствія прекратились, и мы получили приказаніе отправиться въ Шумлу. Мы стали лагеремъ у Сатмана, въ 8-ми верстахъ отъ Шумлы.

Туда собрались всѣ войска, находившіяся въ Болгаріи, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній; сборъ войска былъ громадный; на всемъ пространствѣ, которое можно было окинуть взоромъ, бѣлѣли палатки, поэтому приходилось нерѣдко терпѣть отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ, и неудивительно—по близости не было ни складочныхъ магазиновъ, ни главнаго интенданта; маршалъ Измаилъ-паша, во избѣжаніе хлопотъ, отправился на осмотръ береговъ Дуная.

Интенданты объявили намъ однажды, что войска три дня не полу-

чать мяса, ибо только черезъ три дня будетъ пригнано стадо барановъ. Туркамъ выдали кукурузу, рисъ и разныя сласти, и они были довольны, но мои казаки-поляки не были охотники до сладкаго, имъ необходимо было мясо; поэтому я устроилъ большую охоту; мы затравили въ одинъ день 84 зайца и настрѣляли множество птицъ, такъ что солдаты всѣ три дня имѣли живность.

Между тѣмъ, въ войскѣ, какъ это часто бываетъ послѣ войны, начало проявляться своеволіе и нарушеніе дисциплины. Безпорядки обнаруживались особенно часто среди баши-бузуковъ, состоявшихъ подъ командою англичанъ, изъ коихъ большинство были арнауты. Ихъ офицеры англичане были, по большей части, не настоящіе военные, а между тѣмъ они хотѣли изображать службистовъ-педантовъ. Ничего не могло быть смѣшнѣе зрѣлища, которое представляли эти баши-бузуки, когда они стояли выстроившись на ученье, и къ нимъ подъѣзжалъ полковникъ или генералъ и хотѣлъ что-либо скомандовать черезъ переводчика, а тутъ вдругъ вся шеренга закричитъ въ одинъ голосъ: «Постой, командиръ, дай намъ выкурить трубку». Солдаты вынимали трубки, закуривали ихъ, затягивались, а англичанинъ съ нетерпѣніемъ разъѣзжалъ передъ фронтомъ, не желая нарушать обычая мусульманъ и опасаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы его власть не улетучилась вмѣстѣ съ дымомъ. Выкуривъ трубку, солдаты кричали: «теперь командуй». Но едва успѣвалъ англичанинъ скомандовать раза два-три, какъ они уже кричали: «стой, теперь часъ намаза» (молитвы), и расходились по домамъ; солдаты расхаживали толпою по улицамъ, стрѣляли своимъ офицерамъ подъ-ноги, какъ бы отдавая имъ этимъ честь. Однажды, ко мнѣ пріѣхалъ въ Салманъ одинъ изъ англичанъ, съ жалобою, что его полкъ взбунтовался; что онъ говоритъ съ солдатами, а они смѣются и не хотятъ идти туда, куда онъ приказываетъ, а стоятъ въ мѣстечкѣ; я послалъ разъяснить дѣло чауса; полкъ объяснилъ ему, что онъ не понимаетъ того, что говоритъ англичанинъ и чего онъ отъ него требуетъ; чаусъ, котораго они прекрасно понимали, повелъ полкъ въ Шумлу.

Нѣсколько дней спустя кубанцы ушли домой; они плакали; мы также проливали слезы. Грустно было съ ними разстаться; походная, боевая жизнь тѣсно сближаетъ людей одного полка.

Вслѣдъ за кубанцами ушли казаки Добруджи; по повелѣнію правительства, имъ было дано оружіе.

Мы остались на зимнихъ квартирахъ въ Шумлѣ. По парижскому договору, коимъ окончилась восточная война, Англія и Австрія пріобрѣли огромныя выгоды, русскій флотъ былъ уничтоженъ; Черное море надолго было потеряно для Россіи.

Измѣненіе границы Бессарабіи отдѣлило Россію отъ Дуная и пре-

вратило славянскую рѣку, это единственное связующее звено между сѣверными и южными славянами,—въ нѣмецкую рѣку.

Поляки, которые могли бы воспользоваться этой войною для того, чтобы возстановить политическое существованіе Польши, не извлекли изъ нея ни малѣйшей пользы. Они ожидали, что Франція и Англія возвратятъ имъ ихъ утраченную самостоятельность. Потомъ и кровью трудились они надъ увеличеніемъ желѣзнаго фонда Замойскаго, а онъ отвлекъ массу поляковъ отъ ихъ роднаго польскаго дѣла, подобно тому, какъ въ 1831 г. онъ вывелъ изъ Польши наше прекрасное войско.

Такъ называемая дивизія Владислава Замойскаго состояла изъ людей дѣльныхъ, способныхъ, заслуженныхъ, а во что она обратилась? Въ наемное войско, состоявшее на жалованіи у Англіи, и которое она содержала, пока оно было ей нужно, а когда надобность миновала, то она распустила его, какъ наемную челядь, какъ простыхъ наемниковъ. Служа въ войскѣ, поляки сдѣлались интриганами, стали стремиться къ обогащенію, вносили эту заразу всюду, гдѣ они ни появлялись—вотъ въ чемъ выразилась политическая дѣятельность Замойскаго.

Вскорѣ послѣ паденія Севастополя въ Стамбулѣ появилось множество спекуляторовъ, которые добивались разрѣшенія на постройку желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, портовъ, на устройство канализаціи и т. д. Возникъ между прочимъ проектъ постройки желѣзной дороги отъ Варны до Рущука. Решиду-пашѣ хотѣлось испробовать, нельзя ли привлечь къ этому предпріятію мѣстныхъ жителей, и мнѣ, какъ лицу, стоявшему во главѣ вооруженныхъ болгаръ, онъ поручилъ разузнать, не пожелаютъ ли болгары принять участіе въ этомъ предпріятіи. Я созвалъ немедля чорбаджій болгаръ, и черезъ нѣсколько недѣль болгары подписались на сумму 8.500.000 піастровъ. Я снесся также съ варненскимъ губернаторомъ, боснякомъ, человѣкомъ весьма почтеннымъ и горячимъ славяниномъ, и онъ собралъ среди жителей Варны подписку на $2^1/_2$ милліона. Видя столь неожиданный успѣхъ, я послалъ въ Стамбулъ хлопотать объ этомъ дѣлѣ младшаго брата чорбаджія Анастасія Стояновича, а самъ, получивъ приказаніе прибыть въ столицу какъ можно скорѣе, отправился туда сухимъ путемъ. Анастасій Стояновичъ получилъ на постройку этой дороги фирманъ. Неопытность болгаръ, происки англичанъ, евреевъ и другихъ иностранцевъ и главнымъ образомъ лорда Редклифа были причиною того, что это дѣло не осталось въ рукахъ болгаръ. Стояновичъ продалъ, впрочемъ весьма выгодно, свой фирманъ какой-то англійско-голландской болгарской компаніи; но готовность болгаръ вложить свои деньги на мѣстныя предпріятія произвела все-таки отличное впечатлѣніе не только на турецкое правительство, но и на дружественныя Турціи державы.

Я выѣхалъ изъ Шумлы въ самую отвратительную погоду: снѣгъ,

дождь, ураганы не прекращались всю дорогу; къ тому же приходилось ѣхать по болоту и по разлившимся рѣкамъ, но мы уже привыкли къ трудамъ и невзгодамъ и переносили все это безропотно и даже довольно весело.

Замойскій еще былъ въ Стамбулѣ и занимался продажею вещей, полученныхъ имъ для войска отъ Франціи и Англіи; полученныя такимъ образомъ деньги онъ вносилъ въ кассу желѣзнаго фонда—по крайней мѣрѣ онъ такъ говорилъ.

Я встрѣтился съ нимъ на обѣдѣ у Решида-паши; онъ подошелъ ко мнѣ съ улыбкою, подалъ мнѣ руку и распростеръ объятія, чтобы заключить меня въ нихъ, но я не совладѣлъ съ собою, сердце мое болѣзненно сжалось при мысли о погибшей польской справѣ; я весь похолодѣлъ и не могъ произнести ни слова; глядя на него, передъ мною промелькнуло не только воспоминаніе обо всѣхъ утраченныхъ надеждахъ, обо всемъ томъ, чего намъ не удалось достигнуть. Я видѣлъ передъ собою какъ бы олицетвореніе зла, которое съ улыбкою на устахъ насмѣхалось надо мною. Я никогда не умѣлъ притворяться, но этотъ разъ, хотя бы мнѣ и хотѣлось не выказать своихъ чувствъ, я бы не въ состояніи былъ это сдѣлать. Я былъ не только холоденъ, я былъ невѣжливъ. Душевное волненіе сковало мнѣ языкъ. Я объяснилъ потомъ свое поведеніе Решиду-пашѣ, даже извинился передъ нимъ, но онъ не разсердился, такъ какъ понялъ меня. Хотя онъ былъ турокъ, но онъ желалъ возстановленія Польши точно такъ же, какъ и я; хотѣлъ ли того Замойскій, за это я не ручаюсь. Все, что онъ дѣлалъ, всѣ его поступки заставляли меня сомнѣваться въ томъ.

Я получилъ письмо отъ Гортензіи Корну, молочной сестры императора Наполеона, съ которой я находился постоянно въ перепискѣ. Она любила Наполеона и старалась оправдать его, говоря, что онъ не возстановилъ Польшу потому, что сами поляки этого не захотѣли; что онъ окончилъ войну потому, что не для чего было проливать кровь французовъ и тратить деньги, коль скоро нечего было думать о Польшѣ, коль скоро сами поляки о ней перестали думать. Она совѣтовала мнѣ отъ имени императора Наполеона остаться во главѣ казацкаго войска, говоря, что, быть можетъ, придетъ время, когда поляки захотятъ снова стать поляками, и если они захотятъ примириться съ Россіей, то съ оружіемъ въ рукахъ этого можно достигнуть легче и вѣрнѣе.

Ея слова были для меня евангельскимъ откровеніемъ, они вселили въ сердце мое надежду, вселили въ меня энергію, и я остался съ казаками на службѣ султана, Польши и славянства.

Переводъ **В. В. Тимощукъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Два указа императора Александра I-го генералу-отъ-инфантеріи А. Г. Розенбергу [1]).

1.

7-го апрѣля 1801 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи Розенбергъ. Изъявленіе чувствованій вашихъ по случаю вступленія моего на престолъ, я пріемлю съ благоволеніемъ, каковое поручаю вамъ объявить и всѣмъ военнымъ и гражданскимъ чинамъ подъ начальствомъ вашимъ служащимъ. Въ прочемъ увѣряя васъ о всегдашнемъ моемъ уваженіи усердной службы вашей, пребываю вамъ доброжелательный.

2.

24-го августа 1802 г.

Изъ содержанія приложеннаго при семъ письма купца Боголюбцова къ генералъ-прокурору, усмотрите вы доносимыя на Херсонскаго коменданта, плацъ-маіора и городничаго не позволительныя ихъ поступки, то для изслѣдованія истинны всего онаго, по полученіе сего отправтесъ сами въ Херсонь, и изыскавъ все обстоятельно донесите мнѣ что вами найдено будетъ.

Сообщ. **И. А. Шляпкинъ.**

[1]) Андрей Григорьевичъ Розенбергъ (1730—1813), сподвижникъ Суворова, впослѣдствіи губернаторъ каменецъ-подольскій, а потомъ херсонскій.

Фонъ-Визинъ и его „Посланіе къ слугамъ".

(Библіографическая замѣтка).

Къ Глазуновскомъ изданіи сочиненій фонъ-Визина (Спб. 1866), въ примѣчаніи къ «Посланію къ слугамъ» (стр. 664—665) сказано, что посланіе это «напечатано въ первый разъ въ Петербургѣ, по всей вѣроятности, въ Пустомелѣ, ежемѣсячномъ сочиненіи 1770 г.» Далѣе говорится, что оно перепечатывалось безъ перемѣны въ изданіяхъ сочиненій фонъ-Визина, а также издавалось, какъ приложеніе, при нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, въ томъ числѣ и при фонъ-Визинскомъ переводѣ англійской повѣсти Арно «Сидней и Силли», но только при второмъ ея изданіи 1788 г. При этомъ въ выноскѣ сказано, что «С. Д. Полторацкій полагаетъ, что «Посланіе» было приложено и къ первому изданію «Сиднея и Силли», но этого изданія нигдѣ нѣтъ и, не видавъ его, нельзя рѣшить, что при немъ было приложеніе, находящееся при второмъ изданіи».

Въ примѣчаніи къ фонъ-Визинскому переводу самой повѣсти «Сидней и Силли» (стр. 670) хотя и указано первое ея изданіе 1769 г., но опять сказано, что его нигдѣ нѣтъ; поэтому библіографическое свѣдѣніе о немъ приведено по объявленію о книгахъ, приложенному къ первому изданію «Іосифа», и по періодическому изданію «Еженедѣльникъ» 1792 года. Такая мелочная, повидимому, осторожность редакціи оказывалась далеко не безосновательной, потому что, въ самомъ дѣлѣ, помѣщеніе «Посланія» при второмъ изданіи «Сиднея и Силли» еще не даетъ повода утверждать, что оно было приложено и къ первому изданію. А доказательствомъ этого можетъ служить то, что «Посланіе» было приложено, между прочимъ, къ брошюрѣ «Жизнь нѣкотораго мужа и перевозъ курьезной души его черезъ Стиксъ-рѣку», но только къ

одному изданію 1791 года, а между тѣмъ эта брошюра издавалась нѣсколько разъ и раньше и позже этого года (см. замѣтку о ней г. Геннади въ «Библіографич. Зап.» 1859 г., столбецъ 340—342).

Въ газетномъ объявленіи о выходѣ перваго изданія повѣсти «Сидней и Силли» тоже не сказано, чтобы къ ней приложено было «Посланіе къ слугамъ» (см. «Москов. Вѣд.» 1769, № 29, апрѣля 10-го, 6-я ненумеров. стр.).

Единственное указаніе на это приложеніе встрѣчается у Сопикова, въ каталогѣ котораго объ интересующей насъ книжкѣ мы находимъ такія свѣдѣнія: «Сидней и Силли» или благодѣяніе и благодарность, Англійская повѣсть; изъ сочиненій г. Арнада, перевелъ съ французскаго Д. Ив. фонъ-Визинъ, съ посланіемъ къ слугамъ Ванькѣ и Петрушкѣ» [1]). Москва 1769, 12°.

Но такъ какъ самой книжки, какъ оказывается, нигдѣ нѣтъ, то и это показаніе Сопикова можетъ остаться подъ сомнѣніемъ, какъ попало подъ сомнѣніе (въ томъ же Глазуновскомъ изданіи сочиненій фонъ-Визина) указаніе Сопикова на отдѣльное изданіе «Посланія къ слугамъ» 1769 г., хотя Сопиковымъ указана и цѣна его 10 коп.

Такова была цѣна этой книжки, очевидно, не во времена Сопикова (т. е. не въ первой четверти нынѣшняго столѣтія), а при самомъ выходѣ ея изъ печати въ 1769 г. Но по всей вѣроятности она была быстро раскуплена, и цѣна этого остроумнаго сочиненія фонъ-Визина впослѣдствіи быстро поднялась, потому что даже позднѣйшее отдѣльное изданіе этого «Посланія» 1798 г., вышедшее въ Петербургѣ и не указанное въ Глазуновскомъ изданіи сочиненій фонъ-Визина, продавалось въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія по 2 рубля. (Смирдина: «Роспись», стр. 589, № 8.030).

Современники свидѣтельствуютъ, что вообще сочиненія фонъ-Визина читались на расхватъ и, слѣдовательно, должны были быстро расходиться.

Въ журналѣ 1770 г. «Пустомеля» (іюнь—іюль), въ примѣчаніи къ помѣщенному въ немъ «Посланію къ слугамъ» сказано: «Кажется, что нѣтъ нужды читателя моего увѣдомлять о имени автора сего посланія; перо, писавшее сіе, Россійскому ученому свѣту и всѣмъ любящимъ словесныя науки, довольно извѣстно. Многія письменныя сего автора сочиненія носятся по многимъ рукамъ, читаются съ пре-

---

[1]) Это заглавіе „Посланія“ невѣрно, потому что слугъ, къ которымъ оно обращено, трое: Шумиловъ, Ванька и Петрушка. Также невѣрно приведено заглавіе этого посланія и у митрополита Евгенія: „Посланіе къ Ванькѣ и Петрушкѣ Шумиловымъ“. Между тѣмъ, настоящее названіе такое: „Посланіе къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ“.

великимъ удовольствіемъ и похваляются, сколько за ясность и чистоту слога, столько за остроту и живость мыслей, легкость и пріятность изображенія». Значитъ, сочиненія фонъ-Визина не только расходились по рукамъ въ печатномъ видѣ, но и переписывались читателями весьма усердно. Въ этомъ заключается, безъ сомнѣнія, главная причина, по которой отдѣльныя изданія сочиненій фонъ-Визина сдѣлались величайшей библіографической рѣдкостью. Такою же рѣдкостью сдѣлалось и первое изданіе повѣсти «Сидней и Силли». Въ 1866 г., когда появилось Глазуновское изданіе сочиненій фонъ-Визина, оно считалось какъ бы уже не существующимъ, ибо его нигдѣ не было и никто его не видалъ. Съ тѣхъ поръ Императорская публичная библіотека успѣла пріобрѣсти его, но въ ея экземплярѣ «Посланія къ слугамъ» нѣтъ. Слѣдовательно, вопросъ о томъ, было ли къ этому первому изданію повѣсти «Сидней и Силли» приложено «Посланіе къ слугамъ», можно было бы считать рѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ. Но это будетъ ошибочно, потому что экземпляръ публичной библіотеки оказывается неполнымъ, хотя эта неполнота и не могла быть обнаружена, ибо книжка имѣетъ вполнѣ законченный видъ, всѣ страницы цѣлы и слѣдовъ вырывки никакихъ нѣтъ. На послѣдней, 51-й, страницѣ подъ текстомъ, занимающимъ верхнюю половину страницы, напечатано «конецъ», а подъ этимъ словомъ заключительная виньетка. Слѣдующая же 52-я страница бѣлая. Выходитъ, что книга имѣетъ вполнѣ законченный видъ и ни по чему нельзя думать, чтобы послѣ бѣлой ненумерованной страницы были еще листы съ напечатаннымъ текстомъ.

Нынче мнѣ посчастливилось пріобрѣсти первое изданіе повѣсти «Сидней и Силли» почти въ полномъ видѣ, съ приложеннымъ къ ней «Посланіемъ къ слугамъ».

Какъ чрезвычайно рѣдкій, а можетъ быть даже и единственный экземпляръ (ибо объ этомъ первомъ изданіи повѣсти «Сидней и Силли» не упоминается ни въ одномъ библіографическомъ описаніи старинныхъ рѣдкихъ книгъ), онъ заслуживаетъ подробнаго описанія.

Вотъ его полное заглавіе:

Сидней
и
Силли,
или
благодѣяніе
и
благодарность

Аглинская повѣсть.
(виньетка).

Печатано при императорскомъ Московскомъ университетѣ 1769 г. 16° 60 стр.

Оборотная сторона заглавнаго листа бѣлая.

Далѣе слѣдуетъ посвященіе фонъ-Визина «къ госпожѣ.....». Но въ моемъ экземплярѣ такого посвященія нѣтъ: оно находилось на вырванномъ листѣ, который занималъ 3-ю и 4-ю страницы (Пагинація идетъ съ заглавнаго листа).

Далѣе, на стр. 5—51 помѣщена самая повѣсть, при чемъ на 5-й начальной страницѣ, подъ верхней виньеткой, помѣщено опять заглавіе:

Сидней и Силли,
или
благодѣяніе
и
благодарность
Аглинская повѣсть.

Первая заглавная буква текста окружена рисункомъ изъ типографскихъ украшеній. Каждая страница оканчивается первымъ словомъ слѣдующей страницы. Послѣдняя заключительная 51-я страница повѣсти уже описана мною выше, при описаніи экземпляра публичной библіотеки.

52-я страница бѣлая, почему и нельзя догадаться, что за нею слѣдуетъ продолженіе, тѣмъ болѣе, что на ней нѣтъ переноса. За ней слѣдуютъ еще восемь страницъ, съ продолжающейся пагинаціей, такъ что всѣхъ страницъ въ книгѣ не 52 (какъ выходитъ по экземпляру публичной библіотеки), а 60.

На страницѣ 53-й помѣщено заглавіе:

Посланіе
къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ
и
Петрушкѣ.

А самое «Посланіе» занимаетъ страницы 54—59. На этой послѣдней, подъ текстомъ, помѣщена заключительная виньетка. 60-я страница бѣлая, и на ней сохранилась написанная чернилами стариннымъ почеркомъ XVIII в. запись прежняго владѣльца книжки, не безъинтересная для исторіи этого экземпляра. «Уголовной палаты предсѣдатель Харитонъ Зуевъ, куплена въ Смоленскѣ, цѣна 75 коп.».

Текстъ «Посланія» сходенъ слово въ слово съ извѣстнымъ, напечатаннымъ во всѣхъ изданіяхъ текстомъ, кромѣ строки 80-й, въ которой, вмѣсто напечатаннаго въ позднѣйшихъ изданіяхъ «то мнѣніе мое скажу я вамъ не ложно», стоитъ: «тамъ мнѣніе мое скажу я вамъ не ложно».

Такимъ образомъ, догадка С. Д. Полторацкаго вполнѣ подтвердилась. Но, къ сожалѣнію, это не рѣшаетъ вопроса о времени перваго появленія

въ печати фонъ-Визинскаго «Посланія къ слугамъ». Въ виду указанія митрополита Евгенія, что оно появилось въ первый разъ въ печати въ Москвѣ, въ 1763 г., напечатаніе его въ видѣ приложенія къ повѣсти «Сидней и Силли» въ 1769 г. нельзя считать первымъ изданіемъ. Правда, въ Глазуновскомъ изданіи сочиненій фонъ-Визина это показаніе митрополита Евгенія отвергается, какъ «совершенно ни на чемъ ни основанное», но основательныхъ доказательствъ для такого недовѣрія никакихъ не приведено. А между тѣмъ, митрополитъ Евгеній былъ человѣкъ очень осторожный и, какъ болѣе близкій ко временамъ фонъ-Визина, могъ почерпать свои свѣдѣнія изъ такихъ источниковъ, которыхъ у насъ теперь нѣтъ. Поэтому, рѣшительно отвергать его показаніе, безъ твердыхъ и несомнѣнныхъ данныхъ, врядъ-ли возможно.

Чтобы покончить съ исторіей фонъ-Визинскаго «Посланія къ слугамъ», не могу не упомянуть о хранящемся въ публичной библіотекѣ отдѣльномъ изданіи его (8°, 7 стр., безъ означенія года и мѣста печати). Въ Глазуновскомъ изданіи сочиненій фонъ-Визина сказано, что по шрифту оно похоже на изданіе 1769 г. Но мнѣ кажется, что это отдѣльное изданіе не можетъ быть отнесено не только къ этому году, но и вообще къ XVIII в., ибо и шрифтъ и бумага совсѣмъ непохожи на шрифтъ и бумагу второй половины прошлаго столѣтія, а болѣе всего подходятъ къ шрифту и бумагѣ первой четверти нынѣшняго столѣтія.

Ф. Витбергъ.

Издатель **С. Зыковъ.** Редакторъ **Н. Дубровинъ.**

Воззваніе предсѣдателя Комитета по постройкѣ храма въ с. Могильно-Посельскомъ.

Благочестивые Православные Христіане!

Омской епархіи, Тарскаго уѣзда въ селѣ Могильно-Посельскомъ, устрояется новый храмъ во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы съ придѣломъ въ честь Св. Николая Чудотворца. Помогите, христолюбивые благотворители, на построеніе храма Божія въ Сибири. Прихожане означеннаго села, по большой части, переселенцы изъ Европейской Россіи, люди крайне бѣдные, и при томъ въ послѣдній годъ погорѣвшіе нѣсколько разъ, положительно не въ состояніи построить храмъ своими средствами. Въ виду сего предсѣдатель Комитета по постройкѣ новаго храма, приходскій священникъ отецъ Василій Иліодоровъ, съ разрѣшенія Епархіальнаго начальства, производя сборъ пожертвованій, обращается ко всѣмъ ревнителямъ благолѣпія храмовъ Божіихъ съ просьбою удѣлить отъ избытковъ своихъ на построеніе новаго храма и школы деньгами и церковною утварью. Имена жертвователей и сродниковъ ихъ вписываются въ особую книгу для поминовенія за здравіе и за упокой при совершеніи каждой литургіи. Денежныя и вещевыя пожертвованія (колокола, иконостасъ, евангелія, хоругви, дарохранительницы, потиры съ приборами, кадила, напрестольные кресты, семисвѣчники, люстры, напрестольныя и жертвенныя облаченія, подсвѣчники, канунницы, литійные приборы и проч.) могутъ быть направляемы по слѣдующему адресу: чрезъ Евгащинское почтово-телеграфное отдѣленіе предсѣдателю Комитета по постройкѣ храма въ Могильно-Посельскомъ, Тарскаго уѣзда, Тобольской губерніи. Громоздкія вещи просятъ направлять на Омскъ.

ризахъ, первый въ красной съ золотомъ, а второй въ бѣлой,—различіе сихъ матерій единственно; вниманіе четырехъ прихожанъ вызываетъ душевное участіе и почтеніе къ св. Іерониму; женщина, стоящая на колѣнахъ и цѣлующая руку пустынника, заключаетъ картину. Все сіе достойно самого Рафаэля. Нѣтъ той отработки, но сіе замѣняется частью пріятною, мягкою и смѣлою кистью. Колоритъ также превосходитъ всѣ прочія, мною видѣнныя картины сего мастера, исключая «Іоанна Богослова», находящагося въ галлереѣ его высококопревосходительства А. Л. Нарышкина [1]).

3) «Положеніе во гробъ», писанное Караважемъ [2]). Рисунокъ и композиція весьма натуральны, но какъ рисунокъ, такъ и композиція лишены благородства; сей художникъ не избиралъ натуры; одинъ сей недостатокъ замѣтенъ въ сей картинѣ; все прочее: свѣтъ, колоритъ, согласіе, общій тонъ, и даже экспрессія и правильность рисунка могутъ стоять на-ряду съ первыми картинами.

4) «Мученіе св. Эразма», писанное Пусеномъ. Сей художникъ, названный художникомъ, никогда бы не рѣшился избрать столь жестокаго сюжета, если бы не былъ ему заказанъ. Главное достоинство сей картины есть противоположность характера и вѣрное выраженіе чувствъ каждаго лица; о колоритѣ нельзя ничего сказать, ибо картина сія не кончена.

5) Картина подъ названіемъ «Madonna di Foligno», писанная Рафаэлемъ Урбинскимъ. Картина сія заказана была кардиналомъ, портретъ коего представленъ въ нижней части картины [3]); по другую сторону св. Францискъ, подлѣ него Іоаннъ Креститель, въ среднемъ поставленъ ангелъ, держащій въ рукахъ дощечку, назначенную для какой-нибудь надписи; на верху поставлена Матерь Божія со Спасителемъ. Сія картина оправдываетъ мнѣніе, что одинъ Рафаэль умѣлъ истинно воображать Матерь Божію, и, какъ говорятъ, итальянцы, въ сей картинѣ Рафаэль превзошелъ самого себя.

---

[1]) Александръ Львовичъ Нарышкинъ (род. 1760 г., † 1826 г.),—оберъ-камергеръ, главный директоръ театровъ; у него была богатая коллекція художественныхъ произведеній, особенно картинъ итальянскихъ мастеровъ.

[2]) Michel-Angelo Amerigi, прозванный Caravagio; оригиналъ картины его „Положеніе во гробъ“ въ 1797 г. былъ взятъ французами для Наполеоновскаго музея и возвращенъ папѣ послѣ паденія Наполеона. Въ нашей Академіи художествъ есть копія этого произведенія, писанная въ 1830 году І. Гофманомъ.

[3]) „Madonna di Foligno“ писана Рафаэлемъ по заказу перваго секретаря папы Юлія II-го Джисмондо-Конти. Въ нашей Академіи художествъ имѣется копія этой картины работы М. Т. Маркова (1821 года).

6) «Воскресеніе Христа» [1]), картина П. Перуджинія. Христосъ представленъ остановившимся на тоненькомъ облачкѣ и благословляющимъ; по обѣимъ сторонамъ по одному ангелу, внизу два бѣгущихъ воина и два спящихъ. Все сіе разставлено совершенно симметріально. Христа окружаетъ сіяніе гораздо темнѣйшее воздуха, и симъ-то сіяніемъ освѣщены по бокамъ находящіеся ангелы, бѣгущіе по параллельному тоненькому облачку. Картина имѣетъ своихъ обожателей, множество нѣмцевъ предпочитаютъ ее всему Ватикану.

Въ слѣдующемъ донесеніи буду имѣть честь сдѣлать замѣчаніе объ остальныхъ картинахъ, которыя не могутъ равняться съ первыми, но имѣютъ также свои достоинства.

Занятія мои большею частію состояли въ рисованіи со статуй и фресковъ, находящихся въ Ватиканѣ, и въ натурномъ классѣ обоего пола. Для почтеннѣйшаго Общества началъ головку, представляющую умывающуюся итальянку у фонтана. Я освѣщалъ модель на солнцѣ, предположивъ освѣщеніе сзади, такъ что лицо и грудь въ тѣни, и рефректируются отъ фонтана, освѣщеннаго солнцемъ, что̀ дѣлаетъ всѣ тѣни гораздо пріятнѣе въ сравненіи съ простымъ освѣщеніемъ изъ окна.

Также началъ модель въ ростъ, представляющую Филоктета, не столько для сюжета, какъ для модели, прекрасно сложенной какъ вообще, такъ и каждой части въ особенности. Сдѣлалъ картонъ, представляющій Юдиѳь и Олоферна. Юдиѳь готова уже поднять мечъ для отсѣченія главы упоеннаго Олоферна, и обращается съ молитвами къ Богу. Сей моментъ мною избранъ для избѣжанія крови [отсѣченная глава Олоферна мѣшала мнѣ видѣть прелестную Юдиѳь, написанную Брондзиномъ [2]), сія картина находится въ картинной галлереѣ Паллацо-Питти]. Трудность освѣщенія заставляетъ меня оставить сей сюжетъ, хотя г. Торвальдсенъ и совѣтуетъ мнѣ освѣтить картину дневнымъ свѣтомъ, ссылаясь на картины сего сюжета древнихъ мастеровъ; однако сіе отступленіе отъ исторіи кажется мнѣ непозволительнымъ.

Сильнѣйшимъ моимъ желаніемъ всегда было произвести картину изъ россійской исторіи. Читая оную, избралъ я слѣдующій сюжетъ: Олегъ, подступивъ подъ стѣны Константинополя, принуждаетъ оный къ сдачѣ, въ знакъ побѣды онъ повѣсилъ щитъ свой на градскихъ вратахъ, послѣ чего заключенъ былъ миръ. Императоръ греческій клялся Евангеліемъ, а Олегъ съ воинствомъ клялся Волосомъ, Перуномъ и оружіемъ. Я соединилъ сіи два сюжета, представляя на первомъ планѣ заключеніе

---

[1]) Одна изъ лучшихъ картинъ Перуджино, написанная въ расцвѣтѣ его художественной дѣятельности.

[2]) Анджело Brondzino, называемый тоже Angeolo di Cossimo—флорентійскій художникъ (род. 1501, ум. 1572).

мира, на второмъ видны городскія ворота, на кои поставлены лѣстницы, и двое русскихъ прибиваютъ щитъ Олеговъ. Осмѣливаюсь просить мнѣнія на счетъ сего сюжета, въ ожиданіи чего займусь окончаніемъ начатыхъ мною работъ. Передавая себя въ дальнѣйшее покровительство почтеннѣйшему Обществу поощренія художниковъ, имѣю честь быть и пр.

(Напечатано въ «Рус. Вѣстн.» 1861, т. 35, стр. 373—376).

21.

К. П. Брюлловъ—П. А. Кикину.

1823 г. Римъ.

Ваше превосходительство, Петръ Андреевичъ! Ваши и почтеннѣйшаго Общества замѣчанія принимаю съ истинною благодарностію за полезное наставленіе отъ истинныхъ доброжелателей; но осмѣливаюсь также сказать, что я былъ не совсѣмъ не правъ, сличая Рафаэля съ другими; извѣстно, что сравненіемъ опредѣляется достоинство; посему, кому нравится Рафаэль, можетъ ли тому нравиться работа совсѣмъ противной школы? Скажутъ, что всякій имѣетъ свои достоинства, но за то достоинства второго такъ далеки противъ перваго, что едва-ли можно назвать ученическими. Опираясь на сіе, принимаю на время возложенныя на меня титла нескромнаго и дерзкаго, помня, что юный Сципіонъ никогда бъ не побѣдилъ опытнаго Аннибала, если бы не дерзнулъ себя сравнить съ нимъ. Простите мнѣ сіе уподобленіе—я въ Римѣ! Таскаюсь по грудамъ камней, кои точно говорятъ, по словамъ Дюпати: «умѣйте спрашивать сіи камни, они точно будутъ вамъ отвѣтствовать». Вчерашній день былъ я въ дому Рафаэля, который теперь принадлежитъ какому-то помѣщику; старыя деревья и кипарисы окружаютъ его (кто знаетъ: можетъ быть, они посажены его рукой!); предъ домомъ маленькая площадка, на коей находятся четыре пьедестала, которые были украшены любимыми его антиками, вкусъ коихъ виденъ во всѣхъ его работахъ, и здѣсь-то, можетъ быть, онъ отдыхалъ, дѣйствовалъ, восхитился вкусомъ грековъ, возстановилъ его и себя. Сидя на одномъ изъ сихъ пьедесталовъ, я непримѣтно перебиралъ въ памяти жизнь сего феномена. Вспомнилъ замѣченное вами («надѣянность на себя во всякія лѣта опасна и даже гибельна»): Рафаэль подтвердилъ сему противное—онъ учился до смерти, онъ три раза перемѣнялъ вкусъ свой, не устыдился заимствоваться Микель-Анджеломъ, будучи выше его. Имѣя въ виду всегда сего генія, никогда не осмѣливался я приблизиться къ мысли самодовольствія. Замѣчанія мои на счетъ Корреджіо суть лишь впечатлѣнія, имъ на меня сдѣланныя.

Второе замѣчаніе ваше: «то, что намъ кажется, не всегда есть ис-

[1]) См. письмо № 8.

тина». По счастію, я всегда держался сей аксіомы, ибо многое, что̀ въ прошедшемъ вѣкѣ считалось красотою, то въ нынѣшнемъ едва удостоиваютъ критики, а гдѣ бы и не воцаряться вкусу, какъ не въ XVIII вѣкѣ, между истинныхъ покровителей художествъ и всего изящнаго, между Вольтерами и Руссо! Послѣдствіе доказало совсѣмъ противное. Руководствуясь симъ, я никогда бы не дерзнулъ быть столь откровеннымъ, если бы не истинное желаніе быть исправленнымъ въ своихъ погрѣшностяхъ.

Гуляя по Тринита̀-де-Монти, въ виду великаго Петра [1]), переношусь на вашу дачу, въ мою свѣтелку, въ садъ, въ вашъ кабинетъ; вспоминая все, что̀ вспомнить должно, беру смѣлость просить васъ засвидѣтельствовать наше нижайшее почтеніе ея превосходительству М. А., М. П. и всему почтеннѣйшему семейству вашему. Ваше превосходительство, имѣю честь пребыть и пр.

(Напечатано въ «Рус. Вѣст.» 1861, т. 35, стр. 369—370).

22.

К. П. Брюлловъ—родителямъ.

1823 г. Римъ.

Здравствуйте, любезный батюшка, маменька, сестры, братья, зятья [2]) Многія лѣта вамъ! Наконецъ и я пишу къ вамъ, если это вамъ такъ хочется и если вы думаете, что только переписка можетъ доказать вамъ преданность и любовь сыновнину. На сихъ дняхъ мы получили письмо отъ Тона, въ которомъ увѣдомляетъ онъ насъ, что вы, папенька, были у него и жаловались, что дѣти васъ забыли. Вы сами помните, какъ я не любилъ съ вами спорить,—теперь нахожусь принужденнымъ, будучи правымъ, что̀ и докажу логически. Я въ Римѣ,—въ хранилищѣ всѣхъ почти драгоцѣнностей міра! Вижу Рафаэля, разсматриваю Микель-Анджело, вижу Ватиканъ. Слѣдовательно, вижу все, что̀ можетъ принесть пользу, чѣмъ немногіе могутъ пользоваться. Всѣмъ симъ обязанъ я вамъ, и чтобы забыть это, надобно быть неблагодарнымъ, а что я не неблагодарный, то докажу вамъ перепискою, продолжаться которая будетъ до нашего свиданія. А вы, маменька,—я думаю, называете меня мерзавцемъ просто; вы ошибаетесь, если такъ думаете о лѣнивомъ, но не безчувственномъ Карлѣ. Правда, Римъ начинаетъ казаться мнѣ моимъ отечествомъ, однако небольшаго труда мнѣ стоитъ разувѣриться въ этомъ;—стоитъ придти домой, какъ желаешь изъ него бѣжать потому,

---

[1]) Т. е. собора св. Петра.

[2]) Петръ Ѳедоровичъ Соколовъ (женатъ былъ на Юліи Павловнѣ Брюлловой) и Илья Андреевичъ Теряевъ—въ то время сенатскій чиновникъ (женатъ былъ на Маріи Павловнѣ Брюлловой).

что дьявольская скука быть въ компаніи со скукой! Дорого заплатилъ бы иногда, въ злой часъ, чтобы Павелъ и Ванька [1]) пошумѣли бы хоть немножко... Вздохнешь, да и вонъ пойдешь. Ну, выйдешь на улицу, встрѣтишь итальянку, съ которыми я объясняюсь нарѣчіемъ сердца... Отъ того только не влюбляешься, что онѣ—одна другой лучше, одна другой невѣрнѣе и одна другой лукавѣе...

Червончики—тю-тю! и не найдутся. Желаю отъ всего сердца, чтобъ у васъ тамъ не сдѣлалось тю-тю. Прощайте, пишите чаще: грамотка матушки стоитъ друга. Васъ любящій сынъ Карлъ.

23.

А. П. Брюлловъ—родителямъ.

8-го января 1824 г. Римъ.

Любезные батюшка и матушка! Наступившій 824-й годъ заставилъ меня бросить взоръ на протекшее въ разлукѣ время, и въ ту же минуту родилось въ душѣ смѣшанное чувство удовольствія и непріятности; первое почувствовалъ я при мысли, что однимъ годомъ ближе къ тому времени, когда опять съ вами увижусь, второе же, когда вообразилъ себѣ, что прошелъ уже годъ вояжа... Но все это замѣнилось радостью, что могу васъ поздравить съ новымъ годомъ, пожелать вамъ... но къ чему желанія свои писать вамъ? Они всегда будутъ слишкомъ невыразительны,—я увѣренъ, что вы знаете мои чувства. Книги мы получили, надѣялись найти въ нихъ письма, но тщетно... Скажите, пожалуйста, за что лишаете вы насъ сего удовольствія? Развѣ не довольно, что васъ не видимъ? А вы отнимаете и послѣднее средство къ услажденію разлуки. Можетъ быть, вы забыли адресъ? вотъ онъ: al signor Brullow, Via condatti, al Cafe greccо. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ мы переѣхали на другую квартиру, не могши найти правосудія противъ хозяина, который, судя по всѣмъ обстоятельствамъ, долженъ быть непремѣнно воромъ; самъ министръ два раза говорилъ объ этомъ домѣ начальнику при полиціи, но тщетно: здѣсь бездѣльникъ сидитъ на бездѣльникѣ, и, можетъ быть, что еще подѣлились съ воромъ; для меня еще досаднѣе видѣть этого каналью, что онъ, какъ честный человѣкъ, пользуется этимъ, а мы не можемъ и суда найти... Но полно кровь портить, и въ ту минуту, когда я къ вамъ пишу, мы уже живемъ на Monte Kvirinale возлѣ папскаго дворца; но какъ папскій дворецъ занимаетъ много мѣста, то и выходитъ, что его окна на Monte Kavallo, а наши на Quarto fontani (я вамъ пишу всѣ подробности, потому что надѣюсь, что вы, нашедъ карту Рима, лучше

[1]) Младшіе братья К. П. Брюллова.

себѣ представите то прекрасное положеніе, гдѣ мы теперь живемъ). Изъ нашихъ окошекъ во всѣ стороны виды прекраснѣйшіе (домъ нашъ, или дворецъ, лучше сказать, угловой—на перекресткѣ двухъ длинныхъ прекрасныхъ улицъ): въ одну сторону видны горы Альбанскія съ разсѣянными и бѣлѣющимися по оному городками; прямо предъ нами горы Сабинскія, верхи коихъ теперь покрыты снѣгомъ—видъ очаровательный въ ясный день. Въ другой сторонѣ большая часть Рима надъ нами, такъ сказать, и владычествующій надъ онымъ куполъ св. Петра. Изъ нашего дома можно видѣть древній Римъ, гдѣ Колизей, хотя разрушенный, но прекрасный заставляетъ забывать все окружающее, чтобы смотрѣть на него. Нашъ домъ раздѣленъ отъ папскаго только одной стѣной и маленькимъ переулкомъ, посему мы можемъ видѣть очень хорошо папскій садъ, гдѣ деревья, покрытыя апельсинами и трава гораздо зеленѣе, нежели лѣтомъ, заставляютъ насъ забывать, что уже январь мѣсяцъ; но холодъ, который, какъ бы не могши найти мѣста на улицахъ, тѣснится въ дома, очень даетъ намъ чувствовать, что наступили святки.

Я почти ни одного дня не могу провести, ни одного мѣста въ Римѣ, или около онаго не могу посѣтить, чтобы не подумать: «Ахъ! есть ли бы вы, любезный батюшка, тутъ были!» Тогда вы бы почувствовали со всѣмъ огнемъ юноши всѣ прелести Италіи, ибо вы сохранили ту пылкость, которая прилична только юношѣ, хотя 68 разъ (если не ошибаюсь) вы встрѣчаете возобновляющуюся природу. Очень часто говоримъ мы о васъ, вспоминаемъ о всемъ, что вы для насъ сдѣлали, и благодарность съ новою силою рождается въ нашемъ сердцѣ; мы желали бы въ то же время быть съ вами, но должно еще три года писать къ вамъ, желать, чтобы продлилась ваша жизнь, а тамъ жить съ вами и заслуживать ту любовь, которою вы насъ до сихъ поръ такъ щедро награждали.

Остаюсь съ глубокимъ почтеніемъ вашъ покорный Александръ Брюлловъ.

24.

Ѳ. П. Брюлло А. П. и К. П. Брюлловымъ.

24-го января 1824 г. Петербургъ.

Александръ! Ты мнѣ пишешь, что мы совсѣмъ васъ забыли; напротивъ того: рѣдкій день проходитъ, чтобы одинъ или другой о васъ не говорилъ. Всѣ спрашиваютъ, гдѣ вы находитесь, въ какомъ мѣстѣ города вы обитаете и что вы дѣлаете. Мой отзывъ, что вы живете близъ Ватикана, а что вы дѣлаете—не знаю, ибо это не доходило до моихъ ушей. Вы пишете, какъ вы странствуете, а о прелестяхъ Roma ни полслова,—кажется, коротко да ясно.—Наконецъ, рѣшена

судьба Александра Тона [1]), который внѣ себя отъ радости, что будетъ находиться въ Римѣ съ любезными друзьями-пріятелями... Но я лишенъ этого счастья! [2]). Равнымъ образомъ стремится къ достиженію своей цѣли Андрей Болотовъ и быть можетъ, что скоро и онъ будетъ къ вамъ. Что же еще болѣе вамъ желать? Пріятели, товарищи-единоземцы будутъ составлять дружескій кругъ, заспорите, какъ въ моей квартирѣ, вспомните о матушкѣ Россіи... Видѣлъ произведеніе Глинки, которой въ 5 лѣтъ привезъ нѣкоторыя арабески и штучные полы изъ церкви Петра,—великое произведеніе великаго человѣка на малыя дѣла! Басина работа—«Сусанна» [3]) стоитъ въ Эрмитажѣ,—просто много учиться еще надо. Бруни много обѣщаетъ: его «Святая фамилія» имѣетъ кучу добра, опричь тѣла, итальянскимъ карандашомъ нарисованнаго. Щедрина ландшафты прелестны [4]). Кланяйся, пожалуйста, Сазонову. Что онъ дѣлаетъ, русскій итальянецъ?—Нѣсколько словъ и объ Обществѣ поощренія художествъ. На сихъ дняхъ было годовое собраніе, въ которомъ выбрали Григоровича [5]) въ члены и предложили ему стулъ, а на Варнека [6]) и Михайлова только бросили взоръ терпѣнья; они взяли шляпы и ушли: нашли себя обиженными,—очень чудно! Да и за что ихъ возвышать, сколь скоро не стоютъ, или за то, что Варнекъ носитъ слѣпки... [7]) и дорисовываетъ (которые худо слѣпились) глазки, носики, роты, то-есть всѣ части [8]). Это дѣло г. совѣтника и академика Варнека. А Михайлова, можетъ быть,—за то, что всѣ старанья его награвированья на мѣдныхъ доскахъ не годятся, не вѣрны и ихъ Общество забраковало и новыя велѣло гравировать, а занимались не одинъ годъ и деньги художникамъ были заплачены... Занятія мои теперь состоятъ: 12 образовъ въ придѣлѣ для церкви св. Екатерины и одинъ полукуполъ:

---

[1]) Александръ Андреевичъ Тонъ (род. въ 1790 г., ум. въ 1851 г.), съ 1834 г. профессоръ архитектуры въ Академіи художествъ.

[2]) См. вступительную замѣтку.

[3]) «Сусанна, застигнутая старцами», картина работы П. В. Басина, написанная въ Италіи въ 1820-хъ годахъ; въ настоящее время находится въ музеѣ императора Александра III.

[4]) См. объ упомянутыхъ работахъ этихъ художниковъ въ «Журн. изящн. искусствъ» 1824, т. V, стр. 420—430.

[5]) Василій Ивановичъ Григоровичъ (род. въ 1786 г., ум. въ 1865 г.),—конференцъ-секретарь Академіи художествъ; читалъ въ Акад. художествъ исторію искусства.

[6]) Александръ Григорьевичъ Варнекъ (1782 † 1843),—художникъ-портретистъ, профессоръ Академіи художествъ. Въ 1824 году былъ совѣтникомъ Академіи, преподавателемъ миніатюрной живописи и занималъ должность хранителя рисунковъ и эстамповъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

[7]) Не разобрано слово.

[8]) Скульптурой А. Г. Варнекъ занимался мало.

«Взятіе на небо Божіей Матери», который надо писать на мѣстѣ; «Архангелы—Михаилъ и Гавріилъ»—на южныя двери въ церкви Александровской мануфактуры; то же на двери для церкви кронштадтской больницы, и еще на мѣстѣ писать въ этой же церкви 4 евангелиста, тоже на стеклѣ. Еще я писалъ молодой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ [1]) въ ея комнаты на плафонъ фигуры въ $1^1/_2$ аршина: Олимпъ боговъ, художества, науки, Музы; Зефиръ и Флора; Бахусъ и Аріадна; Виги [2]), Скотти [3]) и я писали. Если Богъ дастъ получить иконостасъ для церкви въ Патріотическое общество, то, кажется мнѣ, моего прилежанія довольно; слѣдовательно, вы себѣ можете сами вообразить родъ моей жизни, или какъ время провожу. Еще не забудьте, что г-да профессора ко мнѣ заходятъ нерѣдко и всякій желаетъ щегольнуть передъ другими, чтобы показать себя, что и онъ знаетъ; прошу на всѣхъ угодить! Итакъ, все пишется не какъ-нибудь, и все съ натуры и съ манкена... Прощайте, любезнѣйшіе мои друзья; при прочтеніи сего письма вспомните о нашемъ братѣ Ѳедорѣ.

25.

П. А. Кикинъ—А. П. и К. П. Брюлловымъ.

14-го февраля 1824 г. С.-Петербургъ.

Поспѣшая воспользоваться отправленіемъ курьера, посылаю вамъ, любезные Брюлловы, деньги—двѣсти червонныхъ, нарочно золотомъ, дабы вы не столько потеряли на переводныхъ векселяхъ, о чемъ дайте знать, что именно для васъ выгоднѣе. Не имѣю времени распространяться на сей разъ бесѣдою съ вами, скажу токмо, что вы повидимому не хорошо уразумѣли данное вамъ отъ Общества наставленіе. Мы не думали васъ излишне затруднять, требуя каждые два мѣсяца ученыхъ вашихъ замѣчаній по части художествъ. Они полезны, конечно, и для васъ и любопытны намъ, дабы имѣть понятіе, какъ видите вы вещи, но сіе не налагаетъ обязанности на васъ присылать таковыя замѣчанія всякій разъ, а можете сіе дѣлать раза два въ годъ. Что же касается, до извѣщенія о васъ собственно и того, что вы дѣлаете, то какъ по

[1]) Великая княгиня Елена Павловна (Фредерика-Шарлотта-Марія, принцесса Виртембергская),—съ 1823 года супруга в. кн. Михаила Павловича, (род. въ 1806 г., ум. въ 1873 г.).

[2]) Антонъ Карловичъ Виги (род. въ 1864, ум. въ 1844 г.),—академикъ историч. живописи.

[3]) Въ царствованіе императора Александра I было нѣсколько художниковъ декоративной живописи съ фамиліей Скотти, здѣсь, можетъ быть, слѣдуетъ разумѣть Дементія Петровича Скотти—спеціально занимавшагося комнатной живописью.

праву, а еще болѣе по участію въ васъ, кажется, не лишнее и не обременительно. Хорошо, если бъ вы оба желали болѣе, нежели мы вамъ, и такъ дѣйствовали! Что касается до Общества, то можете обстоятельно удостовѣриться, что оно не ослабѣваетъ, изъ прилагаемаго при семъ отчета, который, полагаю, будетъ для васъ любопытенъ. Повѣрьте, что отъ васъ единственно зависитъ сдѣлать эпоху, и (что) найдете къ тому времени и людей, готовыхъ отдать вамъ справедливость. Трудовъ вашихъ Общество ожидать будетъ нетерпѣливо, а между тѣмъ необходимо бы Карлу сдѣлать, хотя со временемъ, копію изъ первѣйшаго мастера какой-либо картины, которой избраніе зависитъ отъ расположенія духа его. Прощайте! Доброжелательный и усердный вамъ Петръ Кикинъ.

26.

А. П. Брюлловъ родителямъ.

2-го марта 1824 г. Римъ.

Любезнѣйшіе батюшка и матушка! Извините, что я никогда не пишу вамъ порознь; причина этого та, что я ничего не могу сказать такого одному (изъ васъ), что бы я вмѣстѣ не желалъ сказать другому; поэтому я надѣюсь, что вы съ меня сего не взыщете. Я начинаю сіе письмо въ самую торжественную минуту въ Римѣ, а многимъ, можетъ быть, вмѣстѣ и печальную. Кто только вспомнитъ, что сегодня послѣдній день карнавала или привиллегіи быть умнымъ людямъ повѣсами, а дуракамъ... объ нихъ ни слова!.. Если русскихъ почесть надобно охотниками гулять, то римлянъ надобно причислить во время карнавала къ классу сумасшедшихъ; многіе изъ нихъ цѣлый годъ откладываютъ на сторону все, что только могутъ удѣлить отъ необходимаго расхода, только для того, чтобы можно было слѣдующій карнавалъ повеселиться; а кто не имѣетъ этого разсчета, тотъ при наступившемъ карнавалѣ закладываетъ свои вещи, чтобы достать денегъ; а кто ничего не имѣетъ заложить, тотъ беретъ въ долгъ; а кому не даютъ, такъ тотъ воруетъ. Посему вы видите, что всѣ, даже до послѣдняго нищаго, веселятся; а гдѣ всѣ веселятся, что тамъ должно быть?! Но этого еще мало: здѣсь одинъ хочетъ превзойти другаго какою-нибудь остротою или глупостью или чѣмъ бы то ни было, но отличиться въ толпѣ всего бѣснующагося римскаго народа. Теперь представьте себѣ то, и вы получите, можетъ быть, идею о состояніи духа римлянъ въ послѣдніе восемь дней карнавала. Но чтобы облегчить затрудненіе, какое вы, можетъ быть, найдете, (если захотите поинтересоваться), то я вамъ какъ можно короче постараюсь оный представить. Карнавалъ по-настоящему здѣсь начинается прямо послѣ Рождества; но празднуется въ полномъ своемъ блескѣ только

послѣдніе 11 дней, исключая двухъ воскресеній и одной пятницы назначенныхъ для поста и моленія. 19-го февраля былъ первый день здѣшней масляницы; всякій, кто этого не зналъ, долженъ былъ бы узнать, что долженъ быть какой-нибудь чрезвычайный праздникъ, хотя начало этого только открылось въ 2 часа по полудни, когда черезъ капитолинскій колоколъ и барабанный бой дано было знать всѣмъ, что время настало уже дурачиться. Я, чтобы ничего не пропустить, выхожу также изъ дому и не успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ встрѣтилъ арлекина, который преслѣдовалъ мужика и заставлялъ смѣяться всякаго, и выглядывать изъ оконъ всѣхъ, кои не оставили своихъ домовъ. Оставивъ его, я пошелъ на Corso—самую большую и главную улицу посреди Рима, на которой обыкновенно сбирается весь народъ. Едва вступилъ на Corso, какъ открылось мнѣ опять совершенно новое зрѣлище. Со всѣхъ сторонъ летѣли, или, лучше сказать, дождили конфетами (натурально, годными только для киданья); это главное веселье въ карнавалѣ. Въ другой разъ кончу, теперь второй часъ и уже время быть на Corso, тѣмъ болѣе, что послѣдній день. Прощайте.

4-го марта. Сажусь опять, чтобы кончить вамъ мое письмо, но уже въ посту, не могши кончить оное въ послѣдній день карнавала по причинѣ самой простой: мнѣ надо было провести и кончить карнавалъ, какъ доброму христіанину, слѣдовательно, мнѣ было уже не до писанья. Итакъ, я возвращаюсь опять на Corso, чтобы гулять, если не имѣя знакомства или имѣя очень мало знакомства, чтобы принимать участіе въ ихъ дурачествахъ. Во всѣхъ домахъ изъ оконъ вывѣшиваютъ по всей улицѣ ковры, по большей части, красныя, парчевыя или какія-нибудь ткани; всѣ окна полны зрителями. Улица же, надобно вамъ упомянуть, не шире нашей Гороховой, а мѣстами и уже; возлѣ домовъ выстроены возвышенія для зрителей въ два и три ряда, которыя по большей части всегда и всѣ заняты замаскированными людьми и почти все женщинами, которыя имѣютъ въ этомъ случаѣ полное право всѣхъ безпокоить, кого онѣ пожелаютъ. Онѣ очень часто узнаютъ какія-нибудь подробности относительно того, надъ кѣмъ онѣ хотятъ шутить, встрѣчаютъ его, говорятъ ему о томъ, онъ же, полагая, что она изъ числа его знакомыхъ, (или болѣе), старается её узнать, преслѣдуетъ; и въ подобныхъ пустяшныхъ интригахъ проводятъ, можетъ быть, цѣлый карнавалъ. За то это одно только время и есть, что рймскія скромницы имѣютъ случай веселиться свободно въ такомъ многолюдномъ обществѣ. Тотъ классъ молодыхъ людей, который не посвящаетъ себя, чтобы все время карнавала вертѣться въ кругѣ замаскированныхъ дѣвицъ, выбираетъ себѣ удовольствіе смѣшить и безпокоить всѣхъ; очень многіе одѣваются пулчинеллами (неаполитанская характерическая маска) и говоря на

своемъ нарѣчіи, стараются всѣхъ осмѣять, и очень можно часто слышать такія остроты, которыя достойны бы были занять лучшіе листы въ многочисленныхъ анекдотахъ; другіе надѣваются контами (Conti) или графами: обыкновенный, старинный, богатый фракъ съ большимъ напудреннымъ и завитымъ парикомъ, при шпагѣ, съ лорнетомъ (часто огромнымъ); проходя сквозь тѣсноту, они обыкновенно требуютъ мѣста, говоря только: «piazza, il Conte!» Тѣсноту ту же вы можете себѣ еще живѣе представить, вообразивъ себѣ въ этой узкой улицѣ въ два ряда кареты, которыя (двигаются) безпрерывно одна за другой, а остальное мѣсто все занято пѣшеходами, не просто переходящими съ мѣста на мѣсто, но всякій занятъ чѣмъ-нибудь новымъ: иной бѣжитъ, а другой, напримѣръ, пулчинелло, остановясь, соберетъ около себя кучу слушателей, а кто осмѣлится его обезпокоить, тотъ подвергается его насмѣшкѣ; въ другомъ мѣстѣ сберутся трое или четверо докторовъ передъ окнами какихъ-нибудь красавицъ и, давая совѣты или читая самые оригинальные по своимъ названіямъ рецепты на всѣ роды душевныхъ болѣзней, заставляютъ смѣяться всѣхъ, а иногда и отходить отъ окна той, которой даютъ совѣты. Тутъ вы увидите Геркулеса въ видѣ чванной кокетки, тамъ миленькую Гебу въ образѣ самаго вѣтреннаго петиметра; пройдете нѣсколько шаговъ—встрѣтите вдругъ импровизатора или мужика-поэта, говорящаго экспромптомъ стихи нараспѣвъ, и очень хорошо иногда. Часто вы увидите мужика, надѣвшаго на голову старую изорванную треугольную шляпу и, вставивъ, вмѣсто султана, кочанъ салату, а вмѣсто пряжекъ у башмаковъ и штановъ, равномѣрно тоже по кочну, сельдерей—вмѣсто печатки у часовъ, а вмѣсто маски замараетъ свое лицо красною, зеленою, синею и черною краскою; и изувѣчивъ себя подобнымъ образомъ, остается въ теченіе нѣсколькихъ дней не перемѣняя своего костюма, при томъ болтаетъ, бѣгаетъ, пляшетъ безпрерывно, такъ, что, смотря на него, нельзя не подумать, чтобы онъ не былъ благополучнѣйшій человѣкъ на землѣ. Другіе же, разодѣвшись въ крестьянскіе или какіе другіе красивые костюмы, сидятъ въ каретахъ и только смѣясь, укрываются отъ конфектной пальбы, и иные въ числѣ 3 или 6, а иногда и болѣе, нанявъ коляску, нарядившись и запасшись хорошимъ количествомъ конфектъ, проѣзжая, не щадя засыпаютъ ими встрѣчающихся. Стоитъ также упомянуть о самыхъ простыхъ мальчишкахъ:—многіе изъ Galanterie кидаются хорошими конфектами, которыя часто летятъ мимо, вмѣсто чтобы въ карету или коляску. Тѣ вышеупомянутые (birbacioni или Strassenjungen) стараются наперерывъ ихъ ловить и нерѣдко ихъ видно подъ каретами подъ колесами, и только удивительно, что почти никогда не случается никакихъ несчастій....

Прошатавшись по Corso до четырехъ часовъ, вдругъ услышалъ я пу-

шечные выстрѣлы, а черезъ полчаса другіе и черезъ двѣ минуты не было ни одной кареты на всемъ Корсо; всякій старался сыскать хорошее мѣсто; я побѣжалъ на площадь къ Porto popolo, гдѣ начинается Corso, занялъ тамъ хорошее мѣсто, заплативъ 1 паволъ, что составляетъ на наши деньги полтину. Конница и солдаты очистили всю улицу, и мнѣ сказали, что черезъ полчаса начнется бѣгъ лошадей; наконецъ данъ знакъ, являются 13 лошадей, ведомыя каждая четырьмя или шестью человѣками, которые при всемъ томъ не въ состояніи бываютъ ихъ иногда удерживать; эти лошади называются barberi (я думаю отъ слова дикій). Лошади были украшены всѣ фольгою и перьями; конюхи въ красныхъ колпакахъ—картина прекрасная! Наконецъ данъ знакъ трубнымъ звукомъ, канатъ, натянутый передъ лошадями, спустился и лошади, промчавшись, исчезли; народъ весь разошелся по домамъ и тѣмъ кончился первый день. Но я забылъ, что карнавалъ открываетъ сенаторъ! да! Онъ имѣетъ право проѣхать посреди двухъ рядовъ каретъ (этимъ правомъ пользуются также и посланники); передъ нимъ везли преміи для лошадей отличившихся; оныя состоятъ въ различныхъ кускахъ матеріи, привязанныхъ къ палкамъ на-подобіе знаменъ; при семъ находились еще денежныя награды. Я пошелъ пообѣдать и, выходя отъ стола съ другими знакомыми, остановился на улицѣ, разговаривая о вещахъ постороннихъ, вдругъ слышимъ: «piazza al Conte! piazza!» и ворвался въ нашъ кругъ наряженный графъ; одинъ изъ нашей компаніи у него спросилъ, сколько у его сіятельства слугъ; а онъ отвѣтилъ fo il stesso io mio servitore (т. е. я самъ себѣ служу); его спросили—на сколько времени онъ графъ—fin a domani sono un pezzo di Conte (до завтрашняго дня),—отвѣчаетъ онъ. Che sara domani? (что будетъ завтра),—спросилъ я его.—«Domani? diovedi» (завтра—четвергъ). Ma no, che sara la sua eccelenza domani (нѣтъ, что будетъ ваше сіятельство завтра?). Jl suo eccelentissimo servitore (всѣмъ лучшій слуга). Мы посмѣялись его остротѣ и разошлись. Подобныхъ разговоровъ можно встрѣтить на каждыхъ двухъ шагахъ. Точно въ томъ порядкѣ прошли и слѣдующіе дни съ тою только разницею, что толпа дурачущихся увеличилась, маски сдѣлались многочисленнѣе и послѣ окончанія маскарада на улицахъ начинался оный въ театрѣ, ни мало не отличающійся отъ нашихъ, а напротивъ уступающій еще очень блеску нашихъ, особливо во вкусѣ нарядовъ. Наконецъ, наступилъ послѣдній день карнавала вмѣстѣ съ дурною погодою, которая однако не могла отнять бодрости у римлянъ кончить оный обыкновеннымъ порядкомъ очень весело. Послѣ бѣга лошадей, чѣмъ обыкновенно заключался каждый день, вдругъ показались какъ въ окнахъ, такъ и на улицѣ огни, называемые здѣсь мокколи (moccoli) и состоящіе въ тоненькихъ восковыхъ свѣчахъ. Каждый старается у другаго погасить, а многіе

кричатъ еще къ тому «amazzato che non porta i moccoli!..» Amazzato у римлянъ есть родъ ругательства, происходящее отъ слова amazzare—убивать, то можно это, я думаю, перевести такъ: «убить того, у кого нѣтъ мокколей!». Я, слѣдуя примѣру другихъ, беру также нѣсколько свѣчъ, зажигаю, натурально,—у меня тушатъ, я зажигаю снова, становлюсь на одномъ изъ возвышеній, сдѣланныхъ возлѣ домовъ; возлѣ меня находилась одна иностранная дама, у нея вдругъ погасили свѣчу, я предлагаю ей мои услуги и подаю ей мои свѣчи, чтобы зажечь; вдругъ изъ толпы какъ будто бы рука какого-нибудь невидимаго вырываетъ мои свѣчи, и дама остается безъ огня. Впрочемъ, вырвать изъ рукъ свѣчу не есть неблагопристойность; тамъ всякій имѣетъ право вырвать, если ему удается, и никто не имѣетъ права сердиться, если онъ оплошаетъ. Довольно, я остался безъ свѣчей, а чтобы отомстить за себя, я пошелъ шататься въ тѣснотѣ и началъ въ свою очередь также гасить, только, натурально, у хорошенькихъ дамъ и дѣвушекъ, а не такъ, какъ тотъ дуракъ—вздумалъ погасить у меня! Этотъ свѣчной праздникъ продолжался около двухъ часовъ; наконецъ, начали понемногу уменьшаться огни, я поклонился Corso и бѣснующейся толпѣ и пошелъ обѣдать, проголодавшись очень хорошо; остальную часть вечера провелъ въ маскарадѣ, возвратился домой и тѣмъ кончилъ карнавалъ.

Addio! addio!.. a rivederci [1]).

27.

А. П. Брюловъ—родителямъ.

11 часовъ вечера 16-го марта 1824 г. Римъ.

Любезные родители! Я сейчасъ только возвратился отъ его сіятельства князя (Григорія Ивановича) Гагарина съ пробы (репетиціи), гдѣ черезъ нѣсколько дней будетъ представлена у него на домашнемъ театрѣ маленькая пьеса, и въ которомъ я занимаю роль суфлера. Какъ уже кажется ни поздно, но не могъ удержать себя, чтобы не написать нѣсколько строкъ объ ужасномъ происшествіи, случившемся здѣсь за нѣсколько часовъ. Одинъ богатый путешествующій съ своею дочерью англичанинъ пріѣхалъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ почти всѣ вояжеры, въ Римъ на зиму, чтобы повеселиться на здѣшнемъ карнавалѣ и встрѣтить здѣшнюю весну. Сегодня вечеромъ онъ, его дочь (прекрасна, какъ ангелъ, прошу васъ, вообразите себѣ!) съ нѣкоторыми изъ своихъ пріятелей поѣхали верхами прогуляться внѣ Рима по берегу рѣки Тибра. Дорога была довольно узкая, они ѣхали втроемъ; лошадь подъ прекрасной англичан-

[1]) Прощайте! прощайте! До свиданья!

кой оступилась задней ногой; она, желая удержаться, въ испугѣ потянула узду, черезъ что̀ заставила лошадь подняться и, наконецъ, опрокинутыя и скрылись въ глазахъ отца и дочь и лошадь въ быстромъ Тиврѣ, который теперь еще порывистѣе отъ излишества воды; но лошадь сейчасъ опять показалась, однако, безъ всадницы. Отчаянный отецъ, не умѣвъ плавать, бросается въ воду и, конечно, тоже бы погибъ, есть ли бы одинъ изъ слугъ не кинулся вплавь и не вытащилъ бы его... Она была единственная дочь одного, можетъ быть, изъ богатѣйшихъ людей въ Англіи. Кому бы онъ теперь не позавидовалъ въ участи? Мудрость и вѣра, мнѣ кажется, слабы, чтобъ дать силу отцу перенесть сіе несчастіе. Мнѣ удавалось ее (дѣвушку) очень часто встрѣчать на балѣ, она отличалась, какъ самая милая изъ нимфъ, на гуляньи — какъ самая скромная изъ милыхъ, на лошади,—какъ самая гордая изъ амазонокъ. И вчерашній день, прогуливаясь вечеромъ съ однимъ изъ моихъ пріятелей, видѣли ее два раза мимо насъ проскакавшую и ни разу не могли пропустить, чтобы не остановить ее и не сообщить взаимно наши удивленія и удовольствіе видѣть столь прекрасное существо. Я не могу безъ участія и какого-то стѣсненія въ груди себѣ представить, что та, которая, можетъ быть, оживляла цѣлыя общества, теперь несома мутною водой Тибра, Богъ знаетъ, гдѣ и куда! При этой мысли мнѣ невольно пришли въ голову сіи три строки:

Сегодня Богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра—гдѣ ты, человѣкъ!? [1]).

Если я вамъ въ письмѣ отъ четвертаго марта описалъ только одни удовольствія и веселья карнавала или римской масленицы, то пусть будетъ это письмо (письмомъ) извѣстій ужасовъ. На другой день карнавала нашли здѣсь выброшенную изъ Тибра замаскированную дѣвушку съ нѣсколькими кинжальными ударами—причинъ никто не знаетъ! (Ну, въ Римѣ!) Прошлаго лѣта два брата-англичане, ѣхавшіе осмотрѣть Италію и находившись однажды въ Тиволи, спустились къ гроту Нептуна. Одинъ изъ нихъ полѣзъ по одной скалѣ, покрытой, такъ сказать, вѣчнымъ мхомъ и сыростью, вдругъ поскользнулся и упалъ въ маленькое озерко, или, лучше сказать, лужу, однако весьма глубокую, которую сдѣлала вода посреди скалы съ помощію времени; и, не умѣвши плавать, утонулъ. Братъ его, обѣщавъ значительную награду тому, кто достанетъ его трупъ, оставилъ черезъ нѣсколько дней Римъ, какъ ненавистное для него мѣстопребываніе.

Прощайте, уже прошла полночь, и я не могу окончить письма инымъ, кромѣ (воспоминанія) о прекрасной англичанкѣ, въ бѣдствіи которой,

[1]) Изъ оды Державина: „На смерть князя Мещерскаго“.

конечно, всѣ ее видѣвшіе принимаютъ участіе. Бумаги еще осталось, и, можетъ быть, завтра буду въ состояніи что-нибудь написать. Спокойной ночи желаю вамъ!

17-го марта.

На сихъ дняхъ мы пошлемъ къ вамъ въ Петербургъ, т. е. въ Общество одну картину брата и мой рисунокъ, то желательно было бы, чтобы прежде, нежели они будутъ выставлены въ Обществѣ, придѣлать имъ рамки, а моему рисунку и стекло. Въ будущемъ письмѣ, которое мы приложимъ къ пакету въ Общество, на сей недѣлѣ мы перешлемъ мѣрку и будемъ писать его превосходительству П. А. Кикину. А вы, любезный батюшка, сдѣлаете намъ удовольствіе,—о семъ подумаете, чѣмъ крайне обяжете васъ нѣжно любящихъ сыновей.

Вашъ покорный сынъ Александръ Брюлловъ.

28.

К. П. Брюлловъ—П. А. Кикину.

2-го апрѣля 1824 года.

Ваше превосходительство, пользуясь вашимъ расположеніемъ, осмѣливаюсь поручить въ ваше покровительство дитя мое [1]), которое жестокій долгъ почтенія къ Обществу могъ только вырвать изъ моихъ объятій. Не показывайте ея безъ рамы, я уже просилъ батюшку похлопотать о семъ. Прошу, умоляю васъ, Петръ Андреевичъ, замолвить словечко о задачѣ сюжета, хотя изъ Петра. Священнѣйшимъ долгомъ поставлю передать потомству какое-нибудь дѣло великое, содѣянное praотцами нашими. Кавалеръ Камуччини [2]) утверждаетъ даже, что долгъ всякаго художника есть избирать сюжеты изъ отечественной исторіи. Вы уже знаете мою нерѣшительность въ избираніи сюжетовъ, а только остается быть въ Римѣ два года. Время начать производить по силамъ!

---

[1]) Картина „Умывающаяся итальянка или Итальянское утро“.
(Прим. В. В. Стасова).

[2]) Виченцо Камуччини (Camuccini—род. въ 1773 г., ум въ 1844 г.); въ началѣ нынѣшняго столѣтія пользовался славой лучшаго римскаго художника. Онъ хорошо относился къ русскимъ молодымъ художникамъ, пріѣзжавшимъ для усовершенствованія въ Римъ, и подъ его руководствомъ занималось не мало и пенсіонеровъ нашей Академіи художествъ (см. характеристику его, сдѣланную С. И. Гальбергомъ въ его заграничныхъ письмахъ и запискахъ, напечатанную въ приложеніи къ „Вѣстнику изящныхъ искусствъ“ за 1884 г., тр. 56 и др.). Между прочимъ Камуччини былъ почетнымъ вольнымъ общникомъ нашей Академіи художествъ.

Позвольте принести чувствительную благодарность за то удовольствіе, которое чувствуемъ съ полученія вашего письма, которое доказало намъ совершенно принимаемое вами въ насъ участіе. Желая и впредь заслужить оное, имѣю честь быть и пр.

(Напечатано въ «Русск. Вѣстн.» 1861 г., т. 35, стр. 376—377).

29.

А. П. Брюлловъ—родителямъ.

8-го мая 1824 г. Неаполь.

Любезные родители! Италія съ каждымъ днемъ становится лучше. Я только на три дня ѣзды удалился отъ Рима, и природа уже гораздо прелестнѣе. Но я вамъ не объяснилъ, какимъ образомъ я одинъ безъ брата предпринялъ это путешествіе. Полковникъ Львовъ, котораго вы, я думаю, знаете, встрѣтился съ нами, когда мы ѣхали въ Римъ, во Флоренціи, гдѣ мы съ нимъ еще короче познакомились и провели весьма весело нѣсколько дней нашего тамъ пребыванія; онъ отправился въ Парижъ, обѣщаясь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратиться въ Италію, чтобы сдѣлать вояжъ по Сициліи, и предложилъ мнѣ съ нимъ ѣхать. Я съ радостью согласился, тѣмъ болѣе, что былъ увѣренъ, знавъ любезность и любопытство его ко всему относительно художествъ, сдѣлать сей вояжъ съ пользою, а вмѣстѣ провести время пріятно. Итакъ за три передъ симъ недѣли онъ возвратился, и 23-го апрѣля я былъ уже въ Неаполѣ, а послѣ завтра ѣду въ Сицилію. Мѣста на кораблѣ уже взяты, только осталось желать хорошаго вѣтра, и я еще гораздо далѣе буду отъ васъ. Я не хочу вамъ описывать дорогу; скажу только, что я ее провелъ очень весело; на всякомъ мѣстѣ я встрѣчалъ прекрасные пейзажи; погода была прекрасная. Неаполь такъ прекрасенъ, что, ежели бы я захотѣлъ вамъ описать, то долженъ бы былъ послать цѣлую книгу. Покуда я пишу эти строки, мнѣ аккомпанируетъ сильный громъ и настоящій петербургскій дождь, скрывшій совершенно прекрасный видъ изъ моихъ окошекъ. Кстати о видѣ. Пріѣхавъ въ Неаполь, наняли мы квартиру на берегу залива, слѣдовательно моря; противъ нашихъ оконъ Везувій, налѣво городъ, а направо открытое море и острова и безпрерывный шумъ, живость и веселье на улицахъ,—вотъ мѣсто нашего обиталища. Проведши первые дни въ осматриваніи города и любопытнаго тамъ находящагося, и, удовлетворивъ нѣкоторымъ образомъ свое любопытство, мы однимъ утромъ отправились внѣ города, чтобы увидать окрестности онаго. Первое наше желаніе было видѣть Помпею и Везувій; проѣхавъ Портичи, Резину, Торре ди Греко, Торре ди Анунціата, наконецъ увидѣли мы какое-то пространное возвышеніе, покрытое не-

давно насажденною рощею, и намъ сказали, что это Помпея. Мы приближались, и намъ открылась откопанная часть сего несчастнаго города. Мы взошли; у входа сидѣли сторожа-проводники; одинъ изъ нихъ предложилъ намъ свои услуги и сказалъ, что это мѣсто былъ малый форумъ или мѣсто, гдѣ сбирался народъ для торга и другихъ публичныхъ дѣлъ. Въ это время я позабылъ васъ, и видъ сихъ развалинъ невольно заставилъ меня перенестись въ то время, когда эти стѣны были еще обитаемы, когда этотъ форумъ, на которомъ мы стояли одни, и гдѣ тишина была только прерываема какою-нибудь ящерицею, былъ наполненъ народомъ, который, можетъ быть, съ заботливостью хлопоталъ, чтобы пріобрѣсть еще что-нибудь и тѣмъ увеличить свое имущество, не думая объ опасности, имъ угрожающей, которая ихъ лишила всего ихняго богатства, многихъ самаго драгоцѣннаго—друзей, родственниковъ, другихъ—и жизни. Нельзя пройти сіи развалины, не почувствовавъ въ себѣ какого-то совершенно новаго чувства, заставляющаго все забыть, кромѣ ужаснаго происшествія съ симъ городомъ. Пробѣжавъ пустыя улицы, вступилъ я на главный форумъ, окруженный съ двухъ сторонъ колоннами, увидѣлъ по правую сторону храмъ Юпитера, налѣво трибуналъ, напротивъ базилику, возлѣ храмъ Венеры, противъ онаго—Пантеонъ. Представьте себѣ это, и вы можете понять то чувство, которое мною овладѣло при семъ зрѣлищѣ. Верхи зданій всѣ обрушились, низы же со всѣми вещами, коихъ тлѣніе пощадило, совершенно сохранены. Жертвенники, на коихъ уже 1800 лѣтъ кровь не лилась, стоятъ на своихъ мѣстахъ неприкосновенны. Можетъ быть, жрецъ, распростертый передъ жертвенникомъ Зевса и просившій помощи, и самъ Зевсъ въ одно время поражены были перуномъ Везувія. И послѣ сей ужасной революціи стихій въ семъ городѣ вездѣ царствуетъ спокойствіе и тишина. Сюда пускай приходятъ разсуждать о тщетѣ!! Въ семъ городѣ еще находятся два театра, свидѣтели ихъ великолѣпія. Наконецъ, я вышелъ на большую дорогу внѣ города, гдѣ хоронили всѣхъ значительныхъ и отличившихся особъ (Strada dei Sepolcri); надгробные памятники на сей дорогѣ лучше всего сохранились изъ остатковъ сего города, точно какъ бы время, почтя сіи памятники, воздвигнутые добродѣтели, сохранило ихъ для позднѣйшаго потомства, какъ свидѣтели ихъ дѣяній. Утомленные прогулкой и различіемъ предметовъ, мы возвратились водою домой, пѣвъ дорогой русскія пѣсни (вотъ жертва любезному отечеству въ Италіи!). Другой день назначенъ былъ Везувію. Какъ вздумано, такъ сдѣлано. Пообѣдавъ въ полдень, мы отправились на шлюбкѣ благопріятствуемые хорошимъ вѣтромъ въ Портичи; наша компанія состояла изъ 6 человѣкъ, одинъ любезнѣе и веселѣе другаго; именно же были: г. полковникъ Л. Н. Львовъ, г. Перовскій, адъютантъ великаго

князя Николая Павловича [1]), г. Цейгеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ изъ Петербурга, я и баронъ Шиллингъ [2]) (все русскіе). Прибывъ въ Портичи и взявъ ословъ, пустились вверхъ къ Везувію. Дорога съ каждымъ шагомъ становилась все поразительнѣе; съ одной стороны необозримый и прекрасный видъ, съ другой стороны сады, хорошо обработанные, еще нѣсколько шаговъ—и взору открывалась ужасная пустота застывшихъ волнъ огненнаго потока лавы. Наконецъ, мы достигли хижины, построенной на нѣкоторомъ возвышеніи и, можно сказать, на половинѣ дороги. Отдохнувъ нѣсколько, мы отправились далѣе; я первый слѣзъ съ осла и началъ всходить на крутизну; прошедши нѣкоторое разстояніе, я началъ удивляться, какъ могли называть сей путь труднымъ, и думалъ, что никакихъ препятствій уже не будетъ; но съ каждымъ шагомъ встрѣчалъ новыя препятствія, такъ что, наконецъ, почти не могъ уже впередъ подаваться, утопая въ пескѣ и золѣ и катясь назадъ; но съ большимъ усиліемъ достигли вершины; солнце уже клонилось къ западу, вся природа начинала покоиться, только въ кратерѣ раздавался глухой шумъ отъ падающихъ каменьевъ, которыхъ мы почти не могли разсмотрѣть въ дальнемъ разстояніи, ибо окружность кратера имѣетъ 3 итальянскихъ мили или 5 верстъ. Солнце зашло; мы согласились ночевать на кратерѣ, послали проводниковъ принести намъ ужинъ; черезъ нѣсколько часовъ они возвратились съ корзиною съѣстныхъ припасовъ и нѣсколькихъ бутылокъ хорошаго вина; другіе принесли дрова, мы развели огонь, зажгли факелы; на западѣ показались облака, и мы рѣшились сойти внизъ, не могши ожидать яснаго утра. Довольно весело сошли въ полночь и ночевали у Эремита. Маленькій дымъ курился изъ кратера; ночью мы замѣтили маленькіе огни, однако никакихъ слѣдствій не было. Въ Неаполѣ многіе думали, увидавши огонь на Везувіи, что это было маленькое изверженіе... Апельсины и лимоны я самъ уже съ деревьевъ рвалъ; устрицъ также самыхъ свѣжихъ ѣлъ. Скоро буду писать изъ Сициліи къ Петру Андреевичу (Кикину) и къ вамъ. Прощайте. Александръ Брюлловъ.

Я было и позабылъ написать о картинѣ брата и рисункѣ Пантеона, сдѣланномъ мною. Мы, хотя и хотѣли оныя отправить черезъ Тор-

---

[1]) Графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій—род. въ 1795 г., въ 1818 году былъ назначенъ директоромъ канцеляріи генералъ-инспектора инженеровъ, то-есть великаго князя Николая Павловича; въ 1822 г. заболѣлъ и отправился лѣчиться, былъ въ Италіи, гдѣ проживалъ до конца 1824 г., ум. въ 1857 г. (См. о немъ въ „Рус. Арх." 1878 г., т. I, стр. 374 и сл.).

[2]) Баронъ Павелъ Львовичъ Шиллингъ (1785, ум. 1837 г.),—основатель восточнаго музея, учредитель первой литографіи и электрическаго телеграфа въ Россіи. Въ 1824 году состоялъ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

лонія [1]), однако, по совѣту князя Гагарина, мы послали оныя черезъ Десантиса, и уже отправлены. Братъ напишетъ вамъ о мѣрахъ каждаго изъ оныхъ, а васъ прошу похлопотать, чтобы они были представлены Обществу въ рамкахъ, а къ моему рисунку вставлено стекло. Прощайте. Я завтра ѣду въ Сицилію и прямо въ Палерму. Не знаю, каково будетъ для меня путешествіе водой, дай Богъ, чтобъ счастливо и пріятно и полезно. Что будетъ Сицилія, когда уже Неаполь такъ прекраснъ! Ахъ, есть ли бы вы тоже могли видѣть эту прекрасную природу. Но когда возвращусь, тогда я вамъ все подробнѣе опишу. Прощайте еще разъ. Желаю вамъ счастія. Кланяйтесь всѣмъ. Александръ Брюлловъ.

30.

К. П. Брюлловъ—родителямъ.

14-го мая 1824 г. Римъ.

Мы здѣсь съ братомъ только двое и то люди занятые! А васъ тамъ едва пересчитаешь, и никто ни строчки не напишетъ. Васъ маменька, не упрекаю, а прочимъ всѣмъ дѣлаю пренедовольную рожу;—скажите это всѣмъ.

Если они думаютъ, что въ разлукѣ и безъ писемъ довольно весело,—не мудрено, находясь между друзьями, родственниками и всѣми любезными сердцу, а Маріи и Юліи [2]) скажу—между дѣтьми. Но намъ вдалекѣ отъ родины, отъ друзей, отъ всего, что дѣлало насъ счастливыми въ продолженіе 23 лѣтъ,—каково намъ, вы, можетъ быть, послѣ сего письма и будете умѣть вообразить себѣ.

Ни сосенки кудрявыя, ни ивки близъ него!

(Ноты, пускай, Марія напишетъ).

Хотя здѣсь вмѣсто сосенъ растутъ лавры и вмѣсто хмѣля—виноградъ—все мило, прелестно!—но безъ словъ, молчатъ и даже кажется все вокругъ умирающимъ для того, кто думаетъ о родинѣ. Безчувственные родственники! Братья! Сестры! Скверные варвары! Вспомните, что мы живемъ не для однихъ себя! Но басто браниться! Боюсь, чтобы, желая обратить васъ на путь истины, самому не содѣлаться посмѣшищемъ въ глазахъ тѣхъ, коихъ, ей-Богу! люблю.—Братъ Александръ уже три недѣли въ Неаполѣ и прислалъ мнѣ письмо для пересылки

---

[1]) Торлоніо—банкиръ, одинъ изъ крупныхъ тогдашнихъ итальянскихъ капиталистовъ. (См. о немъ любопытн. замѣчанія въ упомянутыхъ выше письмахъ С. И. Гальберга).

[2]) Сестры художниковъ. (См. о нихъ прим. къ письму № 22).

къ вамъ съ моимъ письмомъ. Я думаю, братъ писалъ уже вамъ о пересылкѣ нашихъ работъ для Общества поощренія художествъ. Посему обращаюсь къ вамъ, маменька, держась принятому мнѣнію, что матушки любятъ больше сынковъ, а батюшки — дочерей. Почему прошу васъ, маменька, въ смѣломъ увѣреніи, что не откажете въ просьбѣ и заставите папеньку сдѣлать рамы на наши работы.

Папенька! и вы, навѣрное, не захотите видѣть работы наши въ невыгодномъ положеніи,—вы сами знаете, какъ много значитъ рама для картины: то же, что корсетъ для дѣвушки. При семъ прилагаю мѣры картинъ: моя картина вышины—14 1/4 вершковъ, широты—12 вершковъ; рисунокъ Александра имѣетъ мѣру въ длину 1 аршинъ 3/4 вершка, а въ ширину—14 вершковъ. Еще прошу поторопиться, ибо недѣли черезъ двѣ или три корабль долженъ быть въ Питерѣ. Если же потонетъ, то не бойтесь, что рамы останутся безъ картинъ; другія намалюемъ и въ эту же величину (не теперь только). Маменька! вы напоминаете мнѣ о данномъ мною обѣщаніи сдѣлать описаніе Рима: въ слѣдующемъ письмѣ начну, а нынче скажу только, что въ семъ самомъ Римѣ, гдѣ каждый камень напоминаетъ о чемъ-нибудь великомъ, славномъ, напоминающемъ перевороты судебъ тирановъ-счастливцевъ, паденіе добродѣтели и возвышеніе оной, словомъ,—Римъ, поклонявшійся 700 лѣтъ идоламъ, потомъ — вѣра христіанская истребляетъ перун(ов)ъ,—все сіе заставляетъ разсуждать... и душа истинно возвышается. Когда проходилъ лагерь и стѣну Аннибала, на которую я влѣзалъ по камнямъ и свалился, порядочной щелчокъ увѣрилъ меня, что я не принадлежу къ войску Аннибала, а истинно вашъ покорный и вѣчно любящій сынъ вашъ Карлъ Брюлловъ.

31.

А. П. Брюлловъ—родителямъ.

17-го іюня 1824 года.

Любезные родители! Здравствуйте! Я сейчасъ сошелъ къ корабля и спѣшу васъ увѣдомить о моемъ прибытіи и путешествіи по Сициліи. 12-го мая въ 7 1/2 часовъ сѣли мы на корабль. Погода была прекрасная, но только не для путешествія, ибо почти совсѣмъ не было вѣтру. Подняли якорь, и мы кое-какъ потащились на буксирѣ. Скоро взошла полная луна, и Неаполь съ зажженными огнями на берегу и у рыбаковъ представился намъ въ новомъ видѣ и съ новыми прелестями. Общество пассажировъ было прекрасное и довольно многочисленно, на всѣхъ лицахъ была начертана радость; въ одномъ мѣстѣ нѣсколько человѣкъ сбирались вмѣстѣ и забавлялись веселымъ разговоромъ и шут-

ками, другіе сидѣли въ молчаніи, но на лицахъ ихъ можно было читать, что они мысленно носились въ минутахъ прошедшаго счастія или неслись на встрѣчу своимъ надеждамъ. Всѣ, кажется, были счастливы; если же они не были таковыми, то, по крайней мѣрѣ, они мнѣ таковыми показались, потому что я, можетъ быть, въ сію минуту слишкомъ счастливъ. Я долженъ былъ нѣсколько разъ удаляться, чтобы вникнуть нѣсколько въ себя и понять сіе непостижимое чувство удовольствія, которое я ощущалъ въ сію минуту, но не могъ истолковать себѣ; ничто, кажется, меня не ожидало чрезвычайное, или это одна природа могла произвести столь неоцѣненное чувство. Куда я ни смотрѣлъ, вездѣ встрѣчалъ что-нибудь прелестное: по одну сторону мрачный, молчащій Везувій и впереди—открытое море съ своими островами, крутыя скалы коихъ казались намъ при ходѣ корабля какъ бы движущимися тѣнями древностей; въ дальнемъ разстояніи играли передъ нами огромные дельфины. Все же это было украшено луною, которая хотя тихо, но очень выразительно говоритъ душѣ всякаго чувствующаго. Въ эту минуту мысль о васъ возвысила мое благополучіе, а въ то же время я внутренно благодарилъ Петра Андреевича (Кикина), какъ причину всего удовольствія и счастья, которое я вкушалъ. Этотъ вечеръ останется для меня незабвеннымъ, я записалъ его въ карманной книжкѣ при свѣтѣ луны. Остальное время вечера провели очень весело, вмѣстѣ ужинали и около полуночи легли спать. На другой день проснувшись рано по утру, встрѣтилъ я вмѣсто вчерашняго благополучія стоны страждущихъ отъ морской болѣзни, но я провелъ этотъ день, благодаря Бога, еще довольно благополучно, но на второй день нашего плаванія подулъ противный вѣтеръ, и я, если не могу сказать, что страдалъ, но по крайней мѣрѣ уже не могъ употреблять пищи; ночью была чрезвычайная качка отъ разволновавшагося моря, однако я спалъ довольно хорошо. По утру около 9 часовъ подулъ попутный вѣтеръ, а къ полудню сильнѣе, такъ что въ три часа по полудни увидѣли мы Палерму, а въ 4 часа сошли съ корабля. Это было 15-го мая. Но прежде, нежели я васъ заставлю слѣдовать за мною по Сициліи, надобно васъ ввести вмѣстѣ со мною въ портъ Палермы и обратить ваше вниманіе на прекрасныя, во всемъ смыслѣ слова, окрестности. Не доѣзжая до Сициліи за нѣсколько миль, но въ такомъ разстояніи, что мы начали различать предметы, прежде всего представилась намъ гора, называемая Monte pelegrino, вѣроятно потому, что она отдѣлилась совершенно отъ прочихъ горъ, изъ коихъ составленъ весь островъ. Смотря съ этой стороны на Сицилію, видишь на вершинѣ сей горы воздвигнутую статуя св. Розаліи, покровительницы Палермы; а не доходя вершины, на полуденной сторонѣ сей горы выстроенъ монастырь сей святой, и въ пещерѣ, гдѣ обитала сія блаженная, находится гробъ и вы-

строена церковь чрезвычайно живописная. Вы нѣкогда увидите у меня срисованное сіе мѣстечко. Я бы переслалъ вамъ какой-нибудь рисуночекъ вмѣстѣ съ симъ письмомъ, но невозможно—слишкомъ спѣшу и не имѣю времени; но за то обѣщаюсь съ слѣдующимъ письмомъ непремѣнно что-нибудь прислать изъ вояжа въ Сицилію. Однако я удалился отъ входа въ Палерму. По лѣвую сторону видны были нѣсколько рядовъ горъ одни за другими, а при подошвѣ первыхъ мѣстечко, гдѣ всѣ сициліанцы имѣютъ свои загородные дома. Объѣхавъ восточную часть Monte peligrino, открылась намъ Палерма (Пожалуйста, почувствуйте то же, что въ эту минуту чувствовалъ я, когда увидѣлъ столицу Сициліи, и вы будете очень счастливы, по крайней мѣрѣ, для сей минуты). Наконецъ мы вышли на берегъ безъ всякихъ затрудненій со стороны dogan'ы (таможни) или чего-либо сему подобнаго; надобно присовокупить къ чести Сициліи, что совершенно спокойно можно путешествовать по всему острову, не опасаясь быть задержану ни разбойниками, ни полиціею. Остановившись по обыкновенію въ трактирѣ, мы спѣшили осмотрѣть городъ. Главная красота его состоитъ (по моему мнѣнію) въ хорошо устроенномъ гуляньи на берегу моря, что, конечно, надобно приписать самому мѣстоположенію, которое, можетъ быть, единственно по своей красотѣ. Море, горы и прекрасная природа подъ сицилiянскимъ небомъ; а впрочемъ, во всемъ видно древнее богатство и настоящая бѣдность; все въ запущеніи—кромѣ природы—а городъ... этого мало что жители не могутъ содержать его хорошо, но еще землетрясеніе, случившееся за нѣсколько лѣтъ, его такъ изуродовало, что онъ теперь весь на костыляхъ или на подпоркахъ; но, впрочемъ, довольно многолюдный. На другой день ѣздилъ съ г. Львовымъ по окрестностямъ. Какъ я сожалѣлъ, любезный батюшка, что вы здѣсь не были. Алоe по улицамъ растутъ цѣлыми аллеями, а олеандры цѣлыми рощами, да какіе! Проживъ такимъ образомъ три дня въ Палермѣ, мы поѣхали далѣе блуждать въ сей блаженной странѣ и, покуда я завязываю чемоданъ, вы можете отдохнуть; въ слѣдующій разъ болѣе напишу. Прощайте. Кланяйтесь всѣмъ любезнымъ и упрекайте, что не пишутъ. Вашъ покорный Александръ Брюлловъ.

32.

А. И. Брюлловъ—отцу.

29-го іюня, 1824 г., день св. Петра и Павла, Соренто.

Любезный батюшка! Никогда, можетъ быть, я не начиналъ письма съ такимъ удовольствіемъ, какъ сегодня, бывъ увѣренъ, что вы здоровы, веселы и что я могу васъ поздравить съ днемъ вашего ангела и пожелать все

то, что можетъ пожелать благодарный сынъ своему отцу, попеченіямъ коего онъ всѣмъ обязанъ и добродѣтели коего заставляютъ въ немъ любить нѣжнаго отца и почитать добродѣтельнаго человѣка. Сколько мы счастливы, что ваше здоровье даетъ намъ твердую надежду видѣть васъ еще многіе годы между нами, и, если бы порядокъ природы могъ хотя нѣсколько нарушиться сообразно желаніямъ вашихъ дѣтей, вы увидѣли бы насъ согбенныхъ старостію и наконецъ отдающихъ послѣдній долгъ природѣ, а сами бы жили, обладая здоровьемъ и тѣмъ духомъ юности, который вы до сихъ поръ сохранили. Эти строки я пишу въ пещерѣ на крутой скалѣ на морскомъ берегу, верстахъ въ 15 отъ Неаполя, куда я пріѣхалъ провести нѣсколько дней у полковника и адъютанта его величества Николая Павловича [1]), который живетъ въ Сорентѣ, чтобы брать морскія ванны; вся эта сторона прекрасна, и даже самый народъ лучше. Домъ его (В. А. Перовскаго) стоитъ въ мѣстѣ довольно уединенномъ, гдѣ часто кромѣ хозяина дома никого не видимъ; но при всемъ томъ проводимъ время весьма весело. Сегодня я началъ мой портретъ въ костюмѣ, въ которомъ я былъ въ Сициліи, который вамъ доставитъ г-нъ Львовъ, намѣревающійся возвратиться къ августу мѣсяцу въ Петербургъ. Вчера былъ я на островѣ Капри въ 18 миляхъ отъ Неаполя; я не почуствовалъ того чувства почтенія на развалинахъ дворца Тиверія (сей римскій тиранъ имѣлъ на семъ островѣ нѣсколько дворцовъ), которое обыкновенно рождается въ сердцѣ, когда видишь остатки зданій великаго человѣка великаго народа. Я подошелъ къ краю той скалы, откуда сей деспотъ низвергалъ всѣхъ неумѣвшихъ угодить ему, или смерть коихъ, можетъ быть, ему служила только забавою (я не говорю уже о преступникахъ), и чувство негодованія заступило мѣсто всякаго другаго чувства. Я удалился отъ сего ужаснаго мѣста, желая заняться чѣмъ-нибудь возбуждающимъ удовольствіе, а не печаль. Сошедъ съ горы, мы поднялись на другую, на вершинѣ коей стоятъ остатки крѣпости со временъ Фридерика Барбароссы. На развалинахъ (дворца) Тиверія, я, хотя не чувствовалъ удовольствія, однако, что-то такое мнѣ говорило: это остатки великаго народа; а на развалинахъ Фридерика Барбароссы я ничего не чувствовалъ; это были остатки невѣжества, варварства и междоусобныхъ войнъ. Народъ на семъ островѣ гораздо развязнѣе и здоровѣе и честнѣе. Третьяго дня былъ я въ Пестумѣ, древнемъ городѣ, отъ коего остались только городскія стѣны и три храма. Я не хочу вамъ описывать, что я почувствовалъ, увидѣвъ три великолѣпныя и развалившіяся зданія, заросшія кругомъ колючею травою, и въ недальнемъ разстояніи нѣсколько разсѣянныхъ домовъ, далѣе обработанныя поля и Апеннинскія горы.

---

[1]) В. А. Перовскаго (о немъ см. примѣч. къ письму № 29).

Мы взошли на дворъ одного помѣщика, увидѣли въ одномъ мѣстѣ двора народъ; мы подходимъ и видимъ дѣвушку, лежащую на землѣ и стонущую; спрашиваемъ,—намъ отвѣчаютъ, что ее укусилъ тарантулъ; послѣ узнаемъ, что въ семъ мѣстѣ водятся тысячами тарантулы и что у нихъ это самый обыкновенный случай и что они обыкновенно отъ сего лѣчатся музыкою: кто-нибудь изъ крестьянъ обыкновенно начинаетъ играть на гитарѣ, а укушенный пляшетъ, покуда упадетъ отъ усталости и такимъ образомъ черезъ нѣсколько дней излѣчивается.

Этотъ разъ я вамъ ничего не сказалъ о Сицилiи, но за то въ будущемъ письмѣ постараюсь замѣтить. Прощайте. Кланяйтесь всѣмъ знакомымъ, да просите, чтобы П. Ѳ. Соколовъ, братъ и Теряевъ почаще писали; про сестрицъ уже не говорю. Черезъ мѣсяцъ надѣюсь возвратиться въ Римъ. Въ ожиданiи отъ васъ отвѣта, честь имѣю пребыть съ истинною признательностью вашъ покорный сынъ Александръ Брюловъ.

33.

К. П. Брюловъ Обществу поощренiя художниковъ.

1824 года.

Почтеннѣйшему Обществу. Въ семъ мѣсяцѣ, съ первымъ кораблемъ, работа моя пересылается въ Петербургъ черезъ банкира Торлонiя, на имя его превосходительства П. А. Кикина.

Окончивши сiю работу, занимаюсь въ Ватиканѣ, ожидая рѣшенiя Общества насчетъ сюжета, означеннаго въ прошедшемъ донесенiи. Чрезъ его превосходительство П. А. Кикина увѣдомленъ я о желанiи Общества занять меня копiей, предоставляя на мой выборъ избранiе оригинала; долгомъ поставляю выполнить желанiе Общества и назначаю оригиналъ: «Madonna di Foligno». При семъ прилагаю общее мнѣнiе здѣшнихъ художниковъ: въ Римѣ надо предпринять трудное, стараться оное выполнить, соображаться съ римскими рѣдкостями и пользоваться совѣтами и сужденiями несчетнаго числа художниковъ, между коими большая часть прислана въ Римъ за отличныя достоинства. Мнѣнiе сiе нахожу довольно справедливымъ, ибо, будучи окруженъ отовсюду изящнѣйшимъ, какъ въ Римѣ, стыдишься произвести что-нибудь обыкновенное; почему всякiй художникъ, желая усовершенствовать свою работу, строго разбираетъ мастерскiя произведенiя, отыскиваетъ причины достоинствъ ихъ, соображаясь съ натурой, старается приблизиться къ образцамъ, и пользуясь мнѣнiями художниковъ, можетъ получить болѣе пользы, произведя одну строгую картину, нежели нѣсколько копiй, за коими должно столько же времени, а можетъ быть и болѣе потерять; я

позволилъ сіе себѣ сказать, будучи увѣренъ, что Общество прметъ сіе не иначе, какъ за должную справедливость.

Впрочемъ, предавая себя въ дальнѣйшее покровительство Общества поощренія художниковъ, имѣю честь быть и пр.

(Напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 г., т. 35, стр. 377).

34.

Общество поощренія художниковъ К. П. Брюллову.

1824 г.

Одобряя въ полной мѣрѣ выборъ вашъ картины «Madonna di Foligno» для копированія, Общество увѣрено, что вы приложите все ваше стараніе къ соблюденію въ копіи всѣхъ красотъ превосходнаго оригинала. Хотя замѣчанія ваши, основанныя на общемъ мнѣніи художниковъ римскихъ, касательно занятія копіями, справедливы, и въ Римѣ, конечно, съ большею пользой можно употреблять время на произведенія оригинальныя, но Общество, сдѣлавъ вамъ предложеніе заняться одною изъ копій, руководствовалось слѣдующими причинами: во-первыхъ, по неимѣнію въ Россіи классическихъ произведеній первѣйшихъ мастеровъ италіанской школы, вы, какъ художникъ съ дарованіями, доставивъ превосходную копію, оказать можете весьма важную услугу. Вы убѣдитесь въ семъ, вспомнивъ копіи Угрюмова [1]) и Волкова [2]), находящіяся въ Академіи художествъ. Во-вторыхъ, вы избраны для сего потому именно, что Общество знаетъ ваши способности и ожидаетъ, что вы произведете копію отлично хорошо. Въ-третьихъ, Общество предложило вамъ произвести не нѣсколько копій, но одну, а потому у васъ еще времени довольно для произведеній оригинальныхъ. И, наконецъ, въ-четвертыхъ, Общество не требуетъ у васъ исполненія предложенія его настоятельно. Вы знаете собственную нашу пользу, знаете, чего отъ васъ надѣются, слѣдовательно, имѣете полную волю идти путями, кои надежнѣе приведутъ васъ къ усовершенствованію въ художествѣ.

Обществу весьма пріятно было замѣтить, что вы пользуетесь вниманіемъ такихъ знаменитыхъ художниковъ, каковы: г. кавалеръ Камуч-

---

[1]) Григорій Ивановичъ Угрюмовъ (род. въ 1764 г., ум. въ 1823 г.), — историческій живописецъ и портретистъ. Въ Академіи художествъ находятся двѣ его копіи: „Похищеніе Европы“, съ картины П. Веронезе и „Бесѣда святыхъ Антонія Египетскаго и Павла Фивейскаго“, съ картины Гв. Рени.

[2]) Алексѣй Ильичъ Волковъ (род. въ 1762 г., ум. въ 1820-хъ годахъ), — художникъ, работавшій въ области исторической, церковной и портретной живописи. Въ Академіи художествъ находится его копія съ картины Гвидо Рени: „Архангелъ Гавріилъ“.

чини и г. Торвальдсенъ. Продолжайте снискивать ихъ расположеніе, просите у нихъ совѣтовъ, наставленій и готовьтесь, въ свою очередь, быть полезными другимъ.

Образъ жизни вашей и занятій въ Римѣ, на счетъ коихъ Общество имѣетъ самыя вѣрныя извѣстія отъ особъ почтенныхъ, также приноситъ оному удовольствіе. Общество радуется выбору своему и увѣрено, что вы и братъ вашъ, о которомъ равно отзываются съ отличною похвалою, будете отличными художниками и отличными людьми.

Насчетъ задачи вамъ для оригинальной картины предмета изъ отечественной исторіи, Общество находится въ большомъ затрудненіи, не въ выборѣ однакожъ, ибо россійская исторія богата великими подвигами, но въ доставленіи вамъ способовъ къ исполненію картины со всею строгостью, какая потребуется въ изображеніяхъ историческихъ. Вы знаете, что въ подобныхъ случаяхъ, особенно если происшествіе заимствуется изъ ближайшихъ временъ, художникъ обязанъ соблюсти съ точностью все то, что̀ можетъ изображать характеръ времени и мѣсто дѣйствія. Избравъ предметъ изъ исторіи Петра Великаго, вамъ должно бы доставить портреты всѣхъ лицъ, входящихъ въ картину, точное свѣдѣніе о костюмахъ и даже о томъ мѣстѣ, гдѣ происходило дѣйствіе, словомъ, поставить васъ въ возможность перенестись во времена Петровы и быть зрителемъ его дѣянія, безъ чего ни вы и никто изъ художниковъ не можете произвести картины, удовлетворяющей людей просвѣщенныхъ, ищущихъ въ оной и искусство и историческихъ познаній. Всякія историческія происшествія другаго европейскаго народа, кромѣ русскаго, могутъ быть производимы въ Римѣ, ибо древности сихъ народовъ собраны, гравированы и, сверхъ того, извѣстны ученымъ, находящимся въ Римѣ; но о Россіи немногіе имѣютъ свѣдѣнія точныя и въ самой Россіи, а тѣмъ менѣе въ чужихъ краяхъ, слѣдовательно, вамъ должно отложить ваше намѣреніе до возвращенія въ отечество. Здѣсь, руководимые совѣтами, и имѣя способы соображать сіи совѣты съ собственными вашими изысканіями, вы будете въ силахъ произвести вещь болѣе совершенную въ отношеніяхъ вышеизложенныхъ. Общество же поставитъ себѣ въ обязанность содѣйствовать вамъ по возможности и съ своей стороны удовлетворенію весьма похвальнаго намѣренія вашего. Впрочемъ, чтобы не оставить насъ вовсе безъ разрѣшенія на вопросъ о предметѣ для картины, Общество предлагаетъ вамъ изобразить Патроновъ государя и государынь, то-есть Св. Александра Невскаго, праведную Елисавету и Марію Магдалину, предстательствующихъ у Пресвятой Дѣвы о покровительствѣ ихъ соименникамъ. Эта картина можетъ быть въ родѣ Мадонны Сикста, находящейся въ Дрезденѣ со слѣдующею разницей: верхъ картины можетъ занимать Пресвятая Дѣва, сидящая на облакахъ (безъ Предвѣчнаго

Младенца), окруженная небесными силами; почти въ серединѣ поименованные святые: по правую сторону Божіей Матери—Св. Александръ Невскій и Елисавета, а по другую — Марія; а низъ—для объясненія предмета, или группа ангеловъ, поддерживающихъ императорскую корону, или видъ императорскаго дворца. На сей случай посылается вамъ чертежъ онаго, равно какъ рисунки императорской короны и костюма Александра Невскаго. Общество желаетъ видѣть въ произведеніи вашемъ искусство исполненія въ высшей, сколько возможно, степени, и для того назначаетъ для васъ предметъ, который можетъ быть богатъ по сочиненію, разнообразенъ по характерамъ лицъ и, наконецъ, представляетъ удобство къ изображенію красоты идеальной, которая въ историческихъ несвященныхъ изображеніяхъ менѣе можетъ требоваться. Но и въ семъ случаѣ Общество не желаетъ васъ связывать. Ежели вы почему-либо предлагаемый вамъ предметъ найдете несогласнымъ съ требованіями вашего воображенія, то изберите другой изъ священной исторіи. Вы можете написать, напримѣръ, картину изъ текста: «таковыхъ бо есть царство небесное», то-есть, когда Спаситель благословляетъ приведенныхъ къ нему дѣтей. Лица: Іисуса Христа, апостоловъ, матерей, дѣтей и прочихъ присутствующихъ также представляютъ богатый и никѣмъ еще изъ отличныхъ художниковъ не исполненный предметъ. Если же и сего не пожелаете, то напишите: Божію Матерь, Младенца Іисуса и Іоанна Крестителя, Іосифа и Елисавету съ ангелами. Во всякомъ случаѣ, Общество требуетъ, чтобы фигуры были въ натуральный ростъ, и чтобы въ произведеніи вашемъ соединено было сколь возможно больше частей, составляющихъ достоинство живописныхъ твореній. Сообщите о семъ отзывѣ Общества кавалеру Камуччини и просите его быть вашимъ руководителемъ и что̀ съ его совѣта предпримете доведите до свѣдѣнія Общества. Картина, вами отправленная, ожидается съ нетерпѣніемъ. Будущія работы ваши также доставляйте по мѣрѣ окончанія оныхъ и вѣрьте, что Общество никогда не перестанетъ вамъ покровительствовать, ибо не сомнѣвается, что вы будете всегда того достойны

(Напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 г., т. 35, стр. 377—380).

35.

К. П. Брюлловъ Обществу поощренія художниковъ.

28-го іюня 1824 г. Римъ.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца братъ мой отправился въ Неаполь и Сицилію на три мѣсяца; я предполагалъ употребить сіе время на продолженіе моихъ занятій въ Римѣ, но долженъ былъ перемѣнить

порядокъ оныхъ, по случившемуся въ музеѣ Парижа: одна изъ лучшихъ картинъ Рубенса облита и совершенно испорчена купоросным масломъ. Сіе учинено художникомъ по неизвѣстнымъ причинамъ, почему картинныя галлереи въ Парижѣ, во Флоренціи и въ Римѣ были заперты на два мѣсяца, май и іюнь; въ сіе время я занялся слѣдующими эскизами: первый представляетъ братьевъ Іосифа, принесшихъ платье брата своего къ Іакову; второй—приходъ Германіи къ пастухамъ изъ поэмы Торквато Тассо; третій—вакханальскій группъ: старый фаунъ выжимаетъ виноградъ, сидя подъ густымъ дубомъ, нависшимъ черезъ ручей, молодой фаунъ, по колѣна въ водѣ, держитъ въ рукахъ молодую вакханку, которая старается достать виноградную кисть, висящую въ срединѣ дуба; маленькій сатиръ, стоя также въ водѣ, держитъ корзинку, для принятія винограда, а другой—обмываетъ виноградъ. Всѣ сіи фигуры написалъ съ натуры. Потомъ началъ картину, представляющую Надежду, питающую Любовь; въ скоромъ времени надѣюсь оную кончить; также былъ занятъ портретами съ семейства его сіятельства князя (Григорія Ивановича) Гагарина и его сіятельства графа Бутурлина [1]), съ г. полковника Львова, съ г. архитектора Кленца [2]), съ г. архитектора Мейера [3]) и съ г. скульптора Вагнера [4]).

Г. полковникъ Львовъ заказалъ мнѣ двѣ картины: сюжетъ первой представляетъ приходъ Германіи къ пастухамъ; второй—бесѣду Нумы Помпилія съ нимфой Эгеріей. Назначенную копію могу начать не прежде трехъ мѣсяцевъ, ибо художники, копирующіе съ выбраннаго мною оригинала, не прежде сего срока надѣются кончить свои работы. Познакомясь съ нѣмецкимъ художникомъ г. Овербекомъ [5]), занимаю-

---

[1]) Графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ,—въ то время сенаторъ; съ 1822 г. въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ въ Римѣ, въ его домѣ хорошо были принимаемы наши молодые художники, проживавшіе въ вѣчномъ городѣ, между ними — и братья Брюлловы. (См. „Русскій Архивъ“ 1897 г., кн. 4 стр. 638).

[2]) См. прим. къ письму № 7.

[3]) Христіанъ Филипповичъ Мейеръ (1789 † 1848),—съ 1831 г. преподаватель, затѣмъ профессоръ архитектуры въ нашей Академіи художествъ.

[4]) Theodor von Wagner (1800 † 1888), — нѣмецкій скульпторъ, ученикъ Торвальдсена. (Нѣкоторыя его работы есть въ нашемъ Эрмитажѣ).

[5]) Фридрихъ-Іоаннъ Овербекъ—знаменитый нѣмецкій живописецъ (родъ въ 1789 г., ум. въ 1869 г.)—одинъ изъ представителей кружка художниковъ, получившихъ прозвище „Назареевъ“. Въ виллѣ маркиза Массими (о которой говорится въ этомъ письмѣ) онъ расписывалъ стѣны и потолокъ одной изъ комнатъ иллюстраціями сценъ „Освобожденнаго Іерусалима“ Торквато Тассо. По окончаніи работъ въ этой виллѣ онъ предался исключительно церковной живописи. (Между прочимъ, К. П. Брюлловъ написалъ разъ карикатуру на произведенія его и его послѣдователей).

щимся расписываніемъ по извести въ виллѣ Массими, я намѣренъ сдѣлать опытъ въ семъ родѣ, пользуясь его совѣтами.

(Напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 г., т. 35, стр. 380—381).

36.

П. А. Кикинъ—А. П. и К. П. Брюлловымъ.

5-го августа 1824 г. С.-Петербургъ.

Здравствуйте, любезные друзья!

Готовился было я, кой о чемъ, пространнѣе съ вами побесѣдовать, но по домашнимъ обстоятельствамъ не могу, не имѣя ни времени, ни расположенія духа. Бабушка моя [1]) при концѣ жизни, и уже часами считаемъ оную, а потому скажу вамъ токмо, что картина Карла и рисунокъ Александра ожидаются съ нетерпѣніемъ нами. Первый замѣчается лѣнивымъ на перѣ, а послѣдній большое заслуживаетъ спасибо. Читаемъ его (письма) въ собраніи комитета съ особеннымъ удовольствіемъ, и всѣ похвалы я потребовалъ напечатать въ журналѣ, что имѣетъ быть и исполнено. Художникъ, чтобъ быть истинно таковымъ, долженъ украшать себя свѣдѣніями и умѣть передать ихъ другимъ. Пользуйтесь временемъ: пріобрѣтайте, запасайтесь капиталомъ на цѣлую жизнь; но не подражайте многимъ, хотя и знаменитымъ по достоинствамъ своимъ людямъ, но блуждавшимъ разсудкомъ и сдѣлавшимся нелюдимыми.

Странность отнюдь не есть необходима таланту, и особенно въ изящныхъ искусствахъ нужно изящество въ обращеніи съ людьми. Благодаря Бога, нынѣшніе отъ васъ выходцы обѣщаютъ лучшее. (В. А.) Глинка со мною коротко познакомился, и ему сего попрекнуть нельзя. (М. Г.) Крылова также нѣсколько разъ видѣлъ; но не могу еще судить о немъ. Прощайте, посылаю при семъ 250 червонцевъ, въ полученіи коихъ прошу удостоить увѣдомленіемъ. Бумаги также отъ Общества если ничего другаго не свидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ, должны удостовѣрить васъ, что вами занимаются и о васъ пекутся.

Любящій васъ Петръ Кикинъ.

37.

К. П. Брюлловъ—Ѳ. П. Брюлло.

Получено августа 18-го 1824 г.

Любезный братъ Ѳедоръ! Признавая себя виноватымъ въ моемъ долгомъ молчаніи, не нахожу за нужное извиняться, да и виноватымъ

[1]) Марія Саввишна Перекусихина,—любимая камеръ-фрау Екатерины II. Она скончалась 8-го августа 1824 г.

считать себя почти не могу; ибо знаю очень, что всякій пунктъ описанія вояжа сколько принесъ бы тебѣ удовольствія, столько и неудовольствія потому, что ты вояжа самъ этого достоинъ, но судьба, случай и клопъ Меценатъ умѣли помѣшать тебѣ. Все прошло; прошло время, въ которомъ сѣмена тщеславія даютъ прекрасные плоды. Но не одна дорога ведетъ людей къ счастью,—ты умѣлъ доказать сіе. Связавъ себя—такъ называется бракъ между людьми подобными прежнимъ твоимъ товарищемъ, какъ-то А. Фор. и проч.,—ты умѣлъ доказать, что на время можно и своротить съ прямой дороги для осмотрѣнія пріятныхъ пейзажевъ, откуда мы видимъ часто то, что никогда бъ не видали, идя все прямо! Кончимъ философствовать—дадимъ мысленно другъ другу руку! Я поздравляю тебя съ неоцѣненнымъ счастьемъ или доброю прекрасною женой и съ милою моей племянницею, а ты меня поздравь съ двумя протекшими годами, то-есть и спокойствіемъ душевнымъ.

При полученіи или при прочтеніи сихъ строкъ, обѣщай мнѣ поцѣловать Луизиньку [1]) и скажи ей, что истинное почтенье, вкорененное въ сердцѣ чувствительнаго художника, не истребится никогда!

Поздравь Астафія Лаврентьевича съ царскою милостью. Если ему оное приноситъ удовольствіе, то, безъ сомнѣнія, не менѣе и искренно его почитающимъ. Ты пишешь и требуешь, чтобъ я описалъ тебѣ Ватиканъ. Ахъ! Ѳедоръ, это надо видѣть, а не описывать. То, чѣмъ мы восхищаемся въ гипсѣ, то въ мраморѣ поражаетъ! Сквознота мрамора дѣлаетъ все нѣжнымъ, и Лаокоонъ въ гипсѣ кажется почти безъ кожи въ сравненіи съ оригиналомъ; Аполлонъ не кажется уже каменнымъ и слишкомъ отошедшимъ отъ натуры,—нѣтъ, онъ кажется лучшимъ человѣкомъ! Чувства, раждаемыя сими произведеніями, столь тонки, какъ чувства осязанія, доходящія къ разсудку. Слѣдовательно, не безполезно ли было бы описывать то, чего описать никто не въ состояніи; если кто и имѣетъ даръ изъяснить свои мысли, можетъ ли поручиться, что всѣ съ нимъ одинаковыхъ мнѣній и всѣ могутъ его понимать такъ, какъ онъ себя?—Любезный Ѳедоръ! я не хочу тебя лишить, по крайней мѣрѣ, того, что могу передать изъ Рима! Первое, что я пріобрѣлъ въ вояжѣ, есть то, что я увѣрился въ ненужности манера. Манеръ есть кокетка или—почти то же; дѣлая соображенія изъ всего видѣннаго во всѣхъ галлереяхъ, на дорогѣ встрѣчавшихся, вижу, что метода, употребляемая древними мастерами, не безъ причинъ. Осмѣливаюсь доказывать слѣдующимъ: если скажутъ, что они писали черно, я скажу—картина имѣетъ свой главный предметъ, какого бы она содержанія ни была, слѣдовательно, не должно ли пожертвовать ненужнымъ нужному? для сего Рембрандтъ, Вандикъ, Рубенсъ, Жорданъ и

[1]) Супруга Ѳ. П. Брюлло.

всѣ лучшіе художники, какъ портретные, такъ и историческіе, жертвовали послѣднимъ первому и чрезъ что обращаютъ по-неволѣ взоръ зрителя на главный предметъ. Скажутъ, что можно составить чистѣйшіе тоны, и ярчайшіе для лица или главнаго предмета, но будутъ ли они такъ натуральны, какъ видалъ у Вандика, Рембрандта и прочихъ сихъ мастеровъ... Ѳедоръ! давай спорить,—пиши отвѣтъ на счетъ сего пункта, вслѣдствіе чего я соберу новыя соображенія. Прощай, напиши также, не кажется ли тебѣ и послѣдняя моя картина черною и приложи при семъ мнѣніе зрителей вообще. Остаюсь тебя истинно любящій братъ Карлъ Брюлловъ.

(Напечатано въ «Русск. Старинѣ» 1888 г., т. 58, стр. 585—586).

38.

А. П. Брюлловъ—матери.

27-го августа 1824 г. Соренто.

Любезная матушка! Вотъ еще нѣсколько строчекъ къ давно написанному письму, но я не могъ его до сихъ поръ отослать, ибо ни разу въ теченіе сего мѣсяца не былъ въ Неаполѣ; но завтра ѣду туда съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться въ Соренто. Я не могу вамъ сказать, какъ прискорбно оставить такое прекрасное мѣсто навсегда. Эти два мѣсяца, которые я прожилъ здѣсь, показались для меня менѣе двухъ недѣль; здѣсь все прекрасно; здѣсь самая буря, гроза становится ужаснѣе,прекраснѣе. Въ теченіе двухъ сутокъ 24-го и 25-го августа здѣсь громъ не умолкалъ, но при всемъ томъ мы вечеромъ сидѣли на террасѣ подъ открытымъ небомъ и ужинали, огонекъ свѣчи не шевелился, а величественный видъ моря и Везувія ежеминутно снова представлялись глазамъ нашимъ, будучи безпрерывно освѣщаемы молніемъ. Эта гроза была предшествуема нѣсколькими недѣлями чрезвычайнаго жара; но впрочемъ, я никакой отъ сихъ жаровъ непріятности не чувствовалъ. Мнѣ кажется, я вамъ не сказалъ, съ кѣмъ я ѣду въ Сицилію: съ полковникомъ (В. А.) Перовскимъ; онъ—человѣкъ прекрасный, прямой, любитъ тихую жизнь и художества. Итакъ, вы можете себѣ представить, какъ весело съ нимъ живу и съ какою пользою могу сдѣлать сей вояжъ въ Сицилію. Онъ взялъ у меня рисунокъ Потсдамской картинной галлереи (который я сдѣлалъ проѣзжая Пруссію) и послалъ оный великому князю [1]). Больше я вамъ ничего не нахожу писать, хотя, кажется, и многое кое о чемъ было бы, но это все такое, что для васъ чуждо, а, можетъ быть, не будетъ и занимательно.

Весь вашъ Александръ Брюлловъ.

[1]) Николаю Павловичу, коего адъютантомъ былъ В. А. Перовскій.

39.

К. П. Брюлловъ Обществу поощренія художниковъ.

6-го ноября 1824 г. Римъ.

Почтеннѣйшее Общество! Съ чувствительною признательностью принимаю лестный отзывъ обо мнѣ и смѣю надѣяться, что способствовавшіе къ усовершенствованію моихъ способностей и впредь не оставятъ меня своими наставленіями, ведущими меня къ предположенной цѣли; смѣю увѣрить почтеннѣйшее Общество, что и впредь буду употреблять всѣ силы мои къ оправданію лестнаго обо мнѣ мнѣнія вашего.

На предложенные Обществомъ сюжеты, г. кавалеръ Камуччини сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія: первый сюжетъ, представляющій Патроновъ государя и государыни, предстательствующихъ у Пресвятыя Дѣвы о покровительствѣ ихъ соименникамъ, будетъ представлять близкое подражаніе Мадоннѣ Сикста или Мадоннѣ Фолиньской, какъ въ композиціи, такъ и въ выраженіи, состоящемъ въ одномъ моленіи; при семъ замѣтилъ еще г. кавалеръ Камуччини, что Рафаэль никогда бы не выбралъ подобныхъ сюжетовъ, еслибъ ему оные не были заказываемы.

Второй сюжетъ изъ текста находитъ г. Камуччини изъ удобнѣйшихъ для удовлетворенія надобностей картины, и признаетъ совершенно справедливыми причины, изложенныя почтеннѣйшимъ Обществомъ въ разсужденіи достоинства сего сюжета.

Третій сюжетъ, представляющій Св. фамилію, всегда останется прекраснѣйшею картиной, но какъ оная производима была почти всѣми лучшими художниками, то нельзя надѣяться, чтобъ молодой художникъ произвелъ сію картину съ тою же охотой, какъ картину вышеозначеннаго сюжета.

По основательному мнѣнію г. кавалера Камуччини и по собственному желанію, я избралъ сюжетъ изъ текста; въ будущемъ донесеніи буду имѣть честь переслать начисто сдѣланный эскизъ и смѣю просить почтеннѣйшее Общество сдѣлать свои замѣчанія, чѣмъ не премину воспользоваться.

Въ началѣ октября я могъ бы начать предназначенную копію, но по сдѣланному посольствомъ мнѣ предложенію, долженъ былъ перемѣнить свое намѣреніе.

Государь императоръ, во время своего послѣдняго пребыванія въ Веронѣ, благоволилъ положить 5.000 руб. ежегодно на произведеніе копій съ лучшихъ картинъ, находящихся въ Италіи; копіи должны быть производимы россійскими пенсіонерами, находящимися въ Римѣ или другихъ городахъ Италіи. Россійское посольство въ Римѣ предложило

извѣстнаго малорусскаго философа, ученаго, поэта и артиста, Григорія Саввича Сковороды (род. 1722 г., ум. 1794 г.).

Здѣсь же воспроизведены различные типы: полковникъ реестровыхъ малороссійскихъ полковъ; хорунжій; войсковой писарь (виньетка при этомъ рисункѣ изображаетъ принадлежности писаря: чернильница, печать, фоліанты, универсалъ съ автографомъ Богдана Хмельницкаго, кресты); пушкарь времени гетмана Ивана Мазепы, при немъ мортира, литая по приказанію Мазепы [1]); вартовый казакъ (часовой); три типа запорожца; типъ задунайскаго запорожца (изъ альбома, принадлежащаго императору Наполеону III, въ Парижѣ); сѣчевый дидъ, абшитованный (отставной); мѣщанинъ; посполитый (крестьянинъ); казачка; именитая госпожа (полковница) и кобзарь-слѣпецъ съ мальчикомъ-поводатаремъ; при чемъ на виньеткѣ къ этому рисунку изображена группа кобзарей и лириковъ, поющихъ на ярмаркѣ, кобза, торбанъ и бубенъ. На послѣднемъ, 21-мъ (черномъ) рисункѣ академика Н. С. Самокиша мы видимъ убитаго коня съ торчащей въ боку стрѣлой.

Пояснительный текстъ, параллельно русскому, изложенъ и на французскомъ языкѣ. Конечно, малороссійскіе стихи, въ переводѣ на французскій языкъ, утрачиваютъ свойственную имъ своеобразную прелесть, что̀ видно хотя бы изъ слѣдующихъ образчиковъ перевода:

Якъ мы зъ тобой любылыся,—
Сухи дубы розвылыся,
Якъ мы зъ тобой кохалыся,—
Виты дуба гойдалыся

переведено:

„Quand nous nous aimions,
Les chênes desséchés se couvraient de feuilles,
Quand nous nous embrassions,
Les vieux chênes en frémissaient“.

или:

Булò колысь,—мынулося,
Мынулось, пропàло,
Булы колысь и кобзàри,
Тепéръ ихъ не стàло...

переведено:

„Les choses d'autrefois—sont des choses bien passées,
Les choses passées—sont des choses bien perdues.
Jadis florissaient les joueurs de pandore
Mais il(s) ont passé... hélas! on n'en voit plus“.

[1]) Она находится теперь въ Артиллерійскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ.

Въ заключеніе нельзя не пожелать этому во всѣхъ отношеніяхъ прекрасному изданію самаго широкаго распространенія.

Н. К-ш-ъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, первый русскій народный поэтъ. А. Рождествина. Казань. 1899 г. Цѣна 20 к.

Содержаніе этой небольшой брошюры вполнѣ исчерпывается извѣстнымъ двустишіемъ, которымъ начинается „Памятникъ“ нашего великаго поэта:

Я памятникъ себѣ воздвигъ перукотворный,
Къ нему не зарастетъ народная тропа.

Заканчиваетъ авторъ свою брошюру слѣдующими словами А. Н. Майкова:

Пушкинъ! Ты въ своихъ созданьяхъ
Первый намъ открылъ,
Что таится въ духѣ русскомъ
Глубины и свѣжихъ силъ.

Н. К-ш-ъ.

А. И. Фаресовъ. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ и чествованіе его памяти. С.-Петербургъ. 1899 г. Цѣна 60 к.

Брошюра А. И. Фаресова состоитъ изъ шести главъ; въ первыхъ двухъ сообщаются біографическія свѣдѣнія о Пушкинѣ; въ третьей и четвертой описаны пушкинскія празднества (начиная съ Москвы и кончая Святыми Горами). О содержаніи послѣднихъ двухъ главъ можно судить по ихъ заглавіямъ: V. Пушкинъ въ народѣ. VI. Народъ о пушкинскихъ празднествахъ.

Брошюра снабжена тремя, недурно воспроизведенными рисунками: 1) Святыя Горы; 2) боковая сторона и 3) наружная сторона флигеля, въ которомъ жилъ А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ.

Н. К-ш-ъ.

Н. Н. Канивецкій. Изъ былого Черноморіи. Екатеринодаръ. 1900 г. Цѣна 1 рубль.

Въ этой очень изящной по внѣшности книжкѣ помѣщены разсказы и легенда изъ прошлой жизни Черноморья, очень живо написанные на малороссійскомъ языкѣ.

Григорій Саввичъ Сковорода, украинскій философъ-проповѣдникъ. Составилъ Я. Д. Верховецъ. С.-Петербургъ, 1899 г. Цѣна 5 к.

Въ этой небольшой брошюрѣ, цѣликомъ перепечатанной изъ книги «Незабвенное прошлое», того же автора,—сообщаются свѣдѣнія о жизни и дѣятельности извѣстнаго малороссійскаго философа, ученаго и поэта, Гр. Савв. Сковороды (1722 г., ум. 1794 г.).

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1900 г.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1) Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**", Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи „**Русскую Старину**" за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1899 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно.**

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXI-й. ІЮНЬ. 1900 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Императоръ Николай I и Польша въ 1825—1831 г.г.** Н. К. Шильдера.... 477—504

II. **Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа**..... ..... 505—527

III. **Разбитая жизнь.** Разсказъ ссыльнаго. (Къ исторіи бродяжничества на Руси). С. А. Коваленко... 529—553

IV. **Александръ Ефимовичъ Измайловъ. 1779—1831 гг.** Ив. Кубасова.... . 555—583

V. **Императоръ Николай I и Михайловскій-Данилевскій.** Сообщ. Н. К. Шильдеръ..... 585—591

VI. **Итальянскій театръ въ С.-Петербургѣ при Аннѣ Іоанновнѣ.** В. В. Сиповскаго.. ..... 593—611

VII. **Павелъ Степановичъ Щепкинъ.** Выдержки изъ его писемъ. Сообщ. Д. Щепкинъ..... 613—618

VIII. **Состояніе царства Польскаго 1861 и 1862 гг.**. 621—642

IX. **Профессоръ Николай Павловичъ Дуровъ.** А. Н. Овсянникова..... 643—650

X. **Пѣсня на кончину императора Александра II.** Н. Кульмана..... 651—654

XI. **Воспомнинан. князя Эмилія Витгенштейна.** (Оконч.). 655—681

XII. **Записки Михаила Чайковскаго.** Переводъ В. В. Тимощукъ..... 685—696

XIII. **Записная книжка „Русской Старины“:** Свиданіе императора Александра I съ королемъ прусскимъ. 29-го мая 1802 г. (стр. 528)—Али-паша анапскій въ Ѳеодосіи. Сообщ. А Мердеръ. (554).—Билетъ семинаристу, окончившему курсъ 15 іюня 1839 г. Сообщ. М. Г. Томилинъ. (584)—Акцизъ въ связи съ взяточничествомъ (592).—Предложеніе воздвигнуть памятникъ императору Александру I. 4-го декабря 1825 г. (612).—Купчая на людей въ 1839 году. Сообщ. князь А. Л. Голицынъ. (619—620).—Благодарность императора, объявленная Сенату Державинымъ (682).—Къ характеристикѣ графа М. А. Милорадовича. Письмо его—П. А. Сафонову. 24-го августа 1813 года (683—684).

XIV **Библіографич. листокъ** (на обертке).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) **Архивъ Брюлловыхъ.**

2) Портретъ **Александра Ефимовича Измайлова.** Грав. И. И. Хелмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1900 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ подѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, 39.
1900.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1900 г.

Библіографическій листокъ.

Бывальщины. Аполлона Коринфскаго. Спб. 1899. Стр. 304. Ц. 2 руб.

Отмѣчаемъ эту книгу не столько какъ историческую, но какъ имѣющую большія претензіи на значеніе исторической книги. Г-нъ Коринфскій посвящаетъ ее памяти поэта, графа А. К. Толстого, которымъ онъ, очевидно, увлекается и подражаетъ ему изо всѣхъ силъ. Къ сожалѣнію, однако, подражаетъ онъ слабымъ сторонамъ былинъ и балладъ гр. А. К. Толстого—той грубоватости, той вычурности и подражательности народному языку, которыя портятъ Толстому его былины «Садко», «Змѣй Тугаринъ»; а тому изяществу, той ясной простотѣ, той строго выдержанной исторической вѣрности, которыя такъ украшаютъ и столько прелести придаютъ его «Василію Шибанову», «Сватовству», «Ильѣ Муромцу»,—г. Коринфскій, жаль, не слѣдуетъ. Поэтому его «бывальщицы» мало похожи на бывальщины: въ нихъ именно этого дѣйствительно былого русской древности нѣтъ; Богатырь-Святогоръ, напримѣръ, представленъ пострадавшимъ за вольнодумство, и вѣтеръ смѣется надъ этимъ прогрессивнымъ чудищемъ, дерзнувшимъ «приподнять-опрокинуть вселенную». Получилось у него, поэтому, не столько возстановленіе былинной старины, сколько ея искаженіе. Въ особенности искаженію подвергся русскій языкъ, котораго авторъ не щадитъ, чтобы только вышло «по-историчнѣе», и такія словечки выдумываетъ на каждой страницѣ. **Н. П.**

Сергѣй Бѣлокуровъ. О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. Москва. 1899 г. 16+336+DXXVIII. Цѣна 3 руб.

Вопросъ, которому посвятилъ свое изслѣдованіе С. А. Бѣлокуровъ,—не новый. Онъ былъ уже предметомъ спеціальнаго изученія проф. Юрьевскаго университета Клоссіуса, напечатавшаго въ 1834 году, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, особую статью подъ заглавіемъ „Библіотека великаго князя Василія Іоанновича и царя Іоанна Васильевича». Эта статья не только имѣла большое значеніе въ свое время, но не утратила его даже и теперь; выводы же ея были приняты и повторялись съ 30-хъ годовъ до нашего времени всѣми, кому только приходилось касаться этого вопроса: вслѣдъ за Клоссіусомъ всѣ изслѣдователи говорили о великомъ множествѣ у насъ на Руси въ XVI столѣтіи греческихъ и латинскихъ рукописей, которыя-де въ XVI—XVII вѣкахъ погибли отъ неизвѣстной точно, той или другой, причины.

Въ такомъ положеніи,—замѣчаетъ авторъ въ своемъ предисловіи,—находился въ нашей ученой литературѣ вопросъ о царской библіотекѣ XVI-го вѣка до пріѣзда къ намъ въ Россію въ 1890—91 гг. приватъ-доцента Страсбургскаго университета Эд. Тремера, который, уѣзжая изъ Россіи, преподалъ наставленіе, какъ найти эту забытую нами библіотеку,—именно предложилъ отыскивать ее подъ землей, въ томъ или другомъ мѣстѣ Московскаго Кремля.

Въ 1891 г. во 2-мъ № «Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ» появилась статья И. Е. Забѣлина подъ заглавіемъ «Подземныя хранилища Московскаго Кремля», въ которой авторъ высказалъ мнѣніе, что царская библіотека исчезла еще въ XVI вѣкѣ и, вѣроятнѣе всего,—сгорѣла въ московскій пожаръ 1571 года.

Въ томъ же 1894 г. А. И. Соболевскій помѣстилъ въ «Новомъ Времени» [1]) статью подъ заглавіемъ «Подземныя палаты московскихъ царей», въ которой говоритъ, что не только такъ называемый царскій архивъ XVI вѣка, но и библіотека царя Ивана IV находится подъ землей, въ Московскомъ Кремлѣ, и что непремѣнно должны быть предприняты раскопки въ послѣднемъ, чтобы отыскать здѣсь эти памятники старины—въ видѣ ли «груды гнилья», или въ видѣ вполнѣ доступномъ для нашего изученія.

Вопросомъ о царской библіотекѣ занимался и Н. П. Лихачевъ въ своей книгѣ «Библіотека и архивъ московскихъ государей въ XVI столѣтіи».

Разсматриваемое нами изслѣдованіе С. А. Бѣлокурова состоитъ изъ предисловія, пяти главъ текста (336 стр.) и шести приложеній, занимающихъ собою болѣе пяти сотъ страницъ.

Въ первой главѣ авторъ говоритъ о поискахъ Эд. Тремеромъ царской библіотеки или хотя бы какихъ-нибудь остатковъ ея изъ греческихъ, латинскихъ и другихъ иноязычныхъ рукописей среди московскихъ рукописныхъ собраній, и, на основаніи архивныхъ данныхъ и находящихся въ нашей литературѣ свѣдѣній, излагаетъ исторію образованія и ростъ московскихъ собраній иноязычныхъ книгъ и рукописей. Она показала,—утверждаетъ С. А. Бѣлокуровъ,—что сихъ книгъ и рукописей въ Москвѣ въ XVIII и XVII вѣкахъ не было больше, чѣмъ теперь, и что почти всѣ онѣ (за незначительнымъ исключеніемъ—5 греческихъ рукописей и одна греческая печатная книга) поступили сюда въ XVII, XVIII и XIX вѣкахъ.

О существованіи у московскихъ великихъ князей и царей какого-либо собранія иноязычныхъ (не русскихъ) рукописей мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ,—говоритъ авторъ въ началѣ второй главы своего труда. Ни одна изъ дошедшихъ до нашего времени лѣтописей не только не вздетъ какой-либо нарочитой рѣчи объ этихъ рукописяхъ, о появленіи ихъ въ Москвѣ, присылкѣ кѣмъ-либо, но и ни разу не обмолвливается при своихъ повѣствованіяхъ какимъ-либо замѣчаніемъ по ихъ адресу, напр. о гибели, уничтоженіи ихъ при разсказѣ о многочисленныхъ пожарахъ, опустошавшихъ Москву въ XIV—XVI вв. Все, что доселѣ говорилось о собраніи сихъ рукописей у московскихъ государей въ XVI столѣтіи, основывается на одномъ русскомъ свидѣтельствѣ, приписываемомъ Максиму греку, и на двухъ иностранныхъ, составляющихъ собственно одно, именно на свѣдѣніяхъ, заключающихся въ Ливонской хроникѣ Нienштедта и въ спискѣ неизвѣстнаго лица, найденномъ проф. Дабеловымъ. Это «свидѣ-

[1]) № 6479, отъ 13-го марта.

Дозв. ценз. СПБ., 6 апрѣля 1900 г.

АЛЕКСАНДРЪ ЕФИМОВИЧЪ ИЗМАЙЛОВЪ

въ 1809 году.

(Съ современнаго акварельнаго портрета).

Императоръ Николай I и Польша.

1825—1831 г.г.

X [1]).

Вскорѣ къ политическимъ тревогамъ присоединились неблагопріятныя внутреннія вѣсти. 24-го сентября (6-го октября) получено было сообщеніе, что въ Москвѣ открылась холера. Императоръ немедленно рѣшился поспѣшить въ первопрестольную столицу, чтобы личнымъ присутствіемъ успокоить встревоженное населеніе. Быстро собравшись въ путь, государь 27-го сентября (9-го октября) уже выѣхалъ въ Москву. Трудно описать чувства московскихъ жителей, при неожиданномъ появленіи царя въ зараженномъ болѣзнію городѣ. «Мы знали, что ты будешь; гдѣ бѣда, тамъ и ты»,—вотъ крики, которые раздавались среди народной толпы, когда государь остановился у Иверскихъ воротъ и приложился къ образу. «Такое царское дѣло выше славы человѣческой, поелику основано на добродѣтели христіанской... Съ крестомъ встрѣчаемъ тебя, государь, да идетъ съ тобою воскресеніе и жизнь»,—сказалъ императору въ Успенскомъ соборѣ митрополитъ Филаретъ.

Въ это время генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ находился въ отпуску, въ своемъ имѣніи Фаль; но уже черезъ нѣсколько дней къ шефу жандармовъ прискакалъ фельдъегерь съ извѣстіемъ объ отъѣздѣ государя и повелѣніемъ послѣдовать за нимъ въ Москву.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1900 г.

«Я былъ въ восхищеніи отъ героической рѣшимости моего царя,—пишетъ Бенкендорфъ,—и спустя два часа послѣ полученія извѣстія уже летѣлъ по почтовой дорогѣ. Прибывъ въ Петербургъ, я заѣхалъ въ Царское Село за приказаніями императрицы и поспѣшилъ въ Москву. А тамъ, пріѣхавъ вечеромъ, немедленно явился къ государю съ выраженіемъ благодарности моей за память ко мнѣ въ минуту столь тяжкую для отеческаго сердца. Онъ былъ, какъ всегда, спокоенъ и благодушенъ. Его пріѣздъ оживилъ, но не удивилъ добрыхъ москвичей, которые, среди ужаса таинственной заразы, предчувствовали, что ихъ не покинетъ царь. Когда онъ появился передъ народомъ, презрѣвъ опасность, чтобы пособить ему, общій энтузіазмъ достигъ крайнихъ предѣловъ, и всѣмъ казалось, что сама болѣзнь должна уступить его всемогуществу. Было рѣшено оцѣпить Москву для охраненія отъ заразы прочихъ губерній и Петербурга; все исполнилось безъ затрудненій, и покорность народа, одушевленнаго благодарностію, не знала границъ. Холера, однако же, съ каждымъ днемъ усиливалась, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивалось и число ея жертвъ. Лакей, находившійся при собственной комнатѣ государя, умеръ въ нѣсколько часовъ; женщина, проживавшая во дворцѣ, также умерла, несмотря на немедленно поданную ей помощь. Государь ежедневно объѣзжалъ публичныя заведенія, презирая опасностію, потому что тогда никто не сомнѣвался въ прилипчивости холеры. Вдругъ за обѣдомъ во дворцѣ, на который было приглашено нѣсколько особъ, онъ почувствовалъ себя не хорошо и принужденъ былъ выйти изъ-за стола. Вслѣдъ за нимъ поспѣшилъ докторъ, столько же испуганный, какъ и мы всѣ, и хотя черезъ нѣсколько минутъ онъ и вернулся къ намъ съ приказаніемъ отъ имени государя не останавливать обѣда, однако, никто, въ смертельной нашей тревогѣ, уже болѣе не прикасался къ кушанью. Вскорѣ, затѣмъ, показался въ дверяхъ самъ государь, чтобы насъ успокоить; но, между тѣмъ, его тошнило, трясла лихорадка, и открылись всѣ первые симптомы болѣзни. Къ счастію, сильная испарина и данныя во-время лѣкарства скоро ему пособили и не далѣе какъ на другой день все наше безпокойство миновалось».

Государь почувствовалъ себя дурно 5-го (17-го) октября; въ тотъ же день, вечеромъ, Николай Павловичъ узналъ о дальнѣйшихъ успѣхахъ Бельгійской революціи, вслѣдствіе которыхъ король Нидерландскій нашелъ себя вынужденнымъ просить вооруженной помощи, въ силу существовавшихъ трактатовъ [1]). Несмотря на нездоровье, государь

[1]) Читая впослѣдствіи записки Бенкендорфа, императоръ Николай написалъ на поляхъ рукописи слѣдующую замѣтку:

„Cette nouvelle me parvint à Moscou, le soir même du jour où je me trou-

безотлагательно отправилъ повелѣнія графу Чернышеву, фельдмаршалу Сакену и цесаревичу о приведеніи арміи на военную ногу.

Графу Чернышеву государь писалъ: «Любезный другъ, депеши, только-что полученныя мною, таковы, что надо принять безотлагательныя мѣры для нашего выступленія въ походъ. Нидерландскій король пишетъ мнѣ, прося—въ силу существующихъ трактатовъ—вооруженной помощи. Нетерпѣніе его въ этомъ отношеніи такъ велико, что Вильгельмъ (принцъ Оранскій) проситъ меня его именемъ послать часть войскъ, если то возможно, моремъ. Вы сами чувствуете, что это вещь неисполнимая въ настоящее время года. Если бы эта запоздалая просьба явилась мѣсяцемъ раньше, то всѣ принятыя мною мѣры позволили бы ее осуществить... Первый контингентъ, который я, какъ членъ союза, обязанъ выставить, будетъ составленъ изъ арміи, находящейся подъ начальствомъ брата. По моему разсчету, ранѣе какъ черезъ два мѣсяца мы не въ состояніи будемъ выступить, по крайней мѣрѣ, со всѣми силами. Поэтому, малѣйшій выигрышъ времени въ семъ дѣлѣ будетъ весьма цѣненъ. Можетъ быть, извѣстія обо всѣхъ этихъ громадныхъ приготовленіяхъ послужатъ къ тому, чтобы предотвратить войну, которой всѣ мы искренно желаемъ избѣгнуть; о приготовленіяхъ вы можете говорить громко, но безъ аффектаціи, не дѣлая изъ нихъ тайны. Сообщите прямо отъ себя генералу Вицлебену о мѣрахъ, которыя приказано принять, написавъ ему для сообщенія королю, что отнынѣ я считаю наши арміи уже соединенными, и желаю посему, чтобы по всѣмъ военнымъ между нами сношеніямъ всякая дипломатическая формальность была отложена въ сторону; что вамъ приказано держать его въ постоянной извѣстности обо всемъ, что будетъ дѣлаться у насъ, и что я буду весьма благодаренъ королю, если онъ дозволитъ отвѣчать тѣмъ же и мнѣ въ самыхъ простыхъ и самыхъ непосредственныхъ формахъ... Успокойте Канкрина насчетъ первоначальныхъ расходовъ и старайтесь по возможности уменьшить ихъ».

Графъ Чернышевъ, по полученіи письма государя, могъ торжествовать; всѣ предначертанныя мѣры прямо соотвѣтствовали воинственному пылу графа, проявленному имъ съ самаго начала Іюльской революціи. Сообщая Дибичу въ Берлинъ распоряженія императора, графъ Чернышевъ писалъ: «Если бы другіе кабинеты имѣли ту же энергію,

---

vais mal, et le même soir j'expédiais les ordres au ministre de la guerre, au maréchal Sacken et à mon frère Constantin pour mettre l'armée sur le pied de guerre".

Бенкендорфъ ошибочно относитъ сдѣланныя тогда распоряженія къ пребыванію государя въ Твери.

*

какую придаетъ императоръ нашему кабинету, то какъ должны бы были трепетать зачинщики смутъ и мятежей! [1]).

Графъ Нессельроде былъ менѣе восхищенъ вѣроятіемъ предстоящей войны и склонялся къ мирному, дипломатическому разрѣшенію возникшихъ вопросовъ. «Мы тоже не отдыхаемъ на розахъ,—писалъ вице-канцлеръ къ графу Дибичу,—холера-морбусъ господствуетъ въ очень многихъ губерніяхъ, которыя посему пришлось освободить отъ рекрутскаго набора; внутренняя торговля остановилась вслѣдствіе мѣръ, кои пришлось принять для воспрепятствованія распространенію этого бича, и мы не увѣрены въ томъ, что онъ и здѣсь не настигнетъ насъ, такъ какъ говорятъ о его появленіи уже около Тихвина. Урожай былъ дуренъ, и поступленіе податей идетъ плохо. Вотъ подъ какими предзнаменованіями мы приступаемъ къ приготовленіямъ къ войнѣ, послѣдствія которой одинъ лишь Богъ можетъ предвидѣть. Не надо, конечно, унывать и падать духомъ передъ обстоятельствами; но я считалъ необходимымъ представить вамъ печальную картину нашего внутренняго положенія, дабы вы могли принимать ее въ соображеніе во всѣхъ совѣщаніяхъ вашихъ съ прусскимъ кабинетомъ» [2]).

Изъ строкъ графа Нессельроде видно, при какой печальной для Россіи обстановкѣ императоръ Николай готовъ былъ начать войну совершенно чуждую всякаго государственнаго эгоизма; къ тому же онъ одинъ оставался вѣренъ смыслу договора, заключеннаго между Россіею, Англіею, Австріею и Пруссіею 8-го (20-го) ноября 1815 года. Но съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ, политическіе взгляды перемѣнились, и въ данномъ случаѣ одинъ русскій самодержецъ готовъ былъ

---

[1]) „Si les autres cabinets avaient la même énergie que l'Empereur imprime au notre, comme les artisans de troubles et de rebellion auraient à trembler! il faudra bien avoir recours aux moyens de répression, mais le germe du mal aura gagné du terrain". (Изъ письма графа Чернышева къ графу Дибичу отъ 7-го (19-го) октября 1830 года).

[2]) „Et nous aussi, mon cher comte, nous ne sommes pas sur des roses. Le choléra-morbus règne dans un grand nombre de gouvernements qu'il a fallu exempter du recrutement, le commerce intérieur est arrêté par les mesures qu'il a fallu prendre pour empêcher le fléau de s'étendre, et nous ne sommes pas sûrs qu'il ne nous atteigne ici, car on dit qu'il est déjà près de Tichvin; la récolte a été mauvaise et les impôts rentrent mal. C'est sous de pareils auspices que nous allons faire les préparatifs d'une guerre, dont Dieu seul peut prévoir les conséquences. Il ne faut certainement pas se décourager et tomber plus bas que les événements, mais j'ai pensé qu'il était indispensable de vous tracer le triste tableau de notre situation intérieure, afin que vous puissiez le prendre en considération dans toutes les combinaisons que vous aurez à arrêter avec le cabinet prussien". (Изъ письма графа Нессельроде къ графу Дибичу отъ 10-го (22-го) октября 1830 года).

съ полнымъ безкорыстіемъ стоять на стражѣ возстановленія нарушеннаго законнаго порядка. Прочія державы предпочли обратиться къ содѣйствію дипломатическихъ лѣкарствъ; въ результатѣ, вмѣсто вооруженнаго вмѣшательства, началась работа обще-европейской конференціи, собравшейся въ Лондонѣ, для улаженія Бельгійскаго вопроса мирнымъ путемъ.

Но обратимся снова къ пребыванію императора Николая въ Москвѣ. Государь провелъ тамъ десять дней въ неутомимой, безпрерывной дѣятельности; онъ лично наблюдалъ, какъ по его приказаніямъ устраивались больницы въ разныхъ частяхъ города, отдавалъ повелѣнія о снабженіи Москвы жизненными потребностями, о денежныхъ вспомоществованіяхъ неимущимъ, объ учрежденіи пріютовъ для дѣтей, у которыхъ болѣзнь похитила родителей; безпрестанно показывался на улицахъ; посѣщалъ холерныя палаты въ госпиталяхъ, и только, устроивъ и обезпечивъ все, что могла человѣческая предусмотрительность, выѣхалъ 7-го (19-го) октября изъ Москвы.

Въ Твери, гдѣ проѣзжающіе должны были останавливаться въ карантинѣ, самъ законодатель подалъ примѣръ, какъ должно уважать законъ. Государь остановился во дворцѣ, который нѣкогда былъ занимаемъ великою княгинею Екатериною Павловною и супругомъ ея Георгіемъ Ольденбургскимъ, во время бытности его тамошнимъ генералъ-губернаторомъ.

«Здѣсь,—по разсказу Бенкендорфа,—врачъ принялъ насъ въ особо приготовленной комнатѣ и окурилъ, согласно съ существовавшими тогда правилами, хлоромъ; послѣ чего дворецъ и маленькій его садъ оцѣпили часовыми, для совершеннаго отдѣленія его отъ города, а насъ, во исполненіе собственной воли государя, желавшаго дать примѣръ покорности законамъ, засадили въ карантинъ и разъединили отъ всего міра. Свиту государеву составляли, кромѣ меня, графъ П. А. Толстой, бывшій нѣкогда моимъ начальникомъ въ парижскомъ посольствѣ, генералъ-адъютанты: Храповицкій и Адлербергъ, флигель-адъютанты: Кокошкинъ и Апраксинъ, и доктора: Арендтъ и Енохинъ. Всѣхъ насъ размѣстили въ томъ же дворцѣ. Утромъ занимались бумагами, которыя ежедневно присылались изъ Петербурга и Москвы, а потомъ прогуливались по саду, впрочемъ, очень худо содержимому. Государь стрѣлялъ воронъ, я подметалъ дорожки. За этими забавами слѣдовалъ прекрасный обѣдъ для всего общества вмѣстѣ, послѣ котораго расходились по своимъ комнатамъ до вечера, соединявшаго опять всѣхъ на государевой половинѣ, гдѣ играли въ карты. Такъ мы, до возвращенія въ Царское Село, провели одиннадцать дней въ этой тюрьмѣ, хотя очень спокойной и удобной, но, тѣмъ не менѣе, жестоко намъ надоѣвшей».

20-го октября (1-го ноября) императоръ Николай благополучно воз-

вратился въ Царское Село, а 25-го октября (6-го ноября) прибылъ въ Петербургъ. На другой день, въ воскресенье, состоялся первый разводъ.

XI.

Событія, ознаменовавшія собою вторую половину 1830 года, глубоко опечалили императора Николая. Съ сокрушеннымъ сердцемъ государь увидалъ себя вынужденнымъ признать воцареніе короля французовъ Людовика-Филиппа, а затѣмъ даже отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи. Съ цѣлью дать себѣ отчетъ въ совершившемся на западѣ Европы политическомъ переворотѣ и отношеніи къ нему Россіи, государь изложилъ свои мысли и взгляды въ особой запискѣ, названной имъ «исповѣдью» (ma confession).

Приведемъ здѣсь, въ переводѣ съ французскаго подлинника, содержаніе этого замѣчательнаго историческаго документа, опредѣлившаго собою дальнѣйшее направленіе русской политики до роковаго 1849 года, ознаменованнаго спасеніемъ Австріи.

«Важность нынѣшнихъ обстоятельствъ, въ ихъ связи съ непосредственными интересами Россіи,—пишетъ императоръ Николай,—привели меня къ мысли отдать самому себѣ отчетъ въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя они пробуждаютъ во мнѣ. Результатъ этого испытанія передъ судомъ моей совѣсти, какъ мнѣ кажется, намѣчаетъ мнѣ, въ чемъ заключается мой долгъ.

«Географическое положеніе Россіи до такой степени благопріятно, что, въ области ея собственныхъ интересовъ, ставитъ ее въ почти независимое положеніе отъ происходящаго въ Европѣ; ей нечего опасаться; ея границы удовлетворяютъ ее; въ этомъ отношеніи она можетъ ничего не желать, и, слѣдовательно, она ни въ комъ не должна была возбудить опасеній. Обстоятельства, приведшія къ заключенію дѣйствующихъ трактатовъ, относятся къ тому времени, когда Россія, побѣдивъ и уничтоживъ неслыханное нашествіе Наполеона, въ качествѣ освободительницы, помогла Европѣ скинуть угнетавшее ее иго. Но воспоминаніе о благодѣяніяхъ скорѣе сглаживается временемъ, чѣмъ воспоминаніе объ обидахъ; недобросовѣстность въ Вѣнѣ, уже чуть было не порвала только-что заключеннаго союза, и потребовалась новая очевидная опасность для того, чтобы державы открыто примкнули къ тому, кто, уже явившись разъ ихъ освободителемъ, оставался неизмѣнно великодушнымъ.

«Въ теченіе десяти послѣдующихъ лѣтъ, союзъ между Россіей, Австріей и Пруссіей казался тѣснымъ. Однако, обѣ эти державы неоднократно уклонялись отъ буквальнаго смысла или основныхъ началъ, служившихъ краеугольнымъ камнемъ союзныхъ трактатовъ. Непзмѣнно лишь терпѣнію и умѣренности императора, при его неистощимомъ желаніи сохранить внѣшніе признаки самой полной близости, удавалось возвращать на истинный путь или скрывать различіе взглядовъ. Когда Провидѣніе отняло его отъ Россіи, мы увидѣли вскорѣ, что Австрія, одновременно съ прекраснѣйшими завѣреніями, обнаруживала свои заднія мысли; правда, Пруссія оставалась вѣрною намъ болѣе долгое время, но между личными отношеніями къ королю и отношеніями къ его министерству сказывалась явная разница.

«Однако, яркаго различія во взглядахъ не было вплоть до подлой Іюльской революціи (l'infâme révolution de Juillet). Мы издавна предвидѣли это ужасное событіе и исчерпали по отношенію къ Карлу X и къ его министрамъ всѣ средства убѣжденія, которыя только допускались дружбою и нашими хорошими отношеніями. Все было напрасно. Тогда мы не колебались болѣе высказать сильное порицаніе незаконнымъ поступкамъ Карла X, но развѣ въ то же время мы могли бы признавать законнымъ государемъ Франціи кого-либо другаго, какъ не того, который долженъ былъ быть призванъ къ этому въ силу всѣхъ своихъ правъ? Поступить такъ—значило исполнить нашъ долгъ и остаться вѣрнымъ началамъ, руководившимъ всѣми дѣйствіями союзниковъ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Однако, наши союзники, не условившись съ нами относительно шага, столь важнаго, столь рѣшительнаго, поторопились своимъ признаніемъ совершившагося факта увѣнчать мятежъ и узурпацію—шагъ роковой, непонятный, и которому слѣдуетъ приписать рядъ несчастій, не переставшихъ съ этого времени обрушиваться на Европу. Мы противились потому, что мы должны были поступить такъ; я уступилъ лишь изъ одного побужденія — сохранить союзъ, но легко было предвидѣть, что послѣ подобнаго примѣра столь пагубной трусости, цѣпь вытекавшихъ отсюда событій и дѣйствій не могла оборваться на этомъ, и дѣйствительно вскорѣ Брюссель послѣдовалъ примѣру Парижа. Здѣсь вина была на сторонѣ королевской власти, такъ какъ именно послѣдняя дала поводъ разыграться революціи; въ Брюсселѣ же, напротивъ, не произошло ничего подобнаго, если не считать благодѣяній со стороны монарха. Однако, было принято въ основаніе то же начало; было сказано: страна не признаетъ болѣе прежняго государя, слѣдовательно, эта страна независимая; поторопимся же признать ее за таковую и узаконимъ это, давъ ей государя. Но монархъ оставался еще повелителемъ своей старой отчины, которая, думая лишь о своей чести, не колебалась приложить всѣ свои усилія, чтобы под-

держивать его, являя собою чудный примѣръ, заслуживающій и лучшей участи и монарха, болѣе достойнаго оцѣнить его.

«Точно такъ же, какъ было поступлено по отношенію къ Франціи, не посовѣтовавшись предварительно со своимъ союзникомъ, Австрія и Пруссія поспѣшили обѣщать свое согласіе, но мы съ самаго начала держались болѣе благороднаго образа дѣйствій и, явившись единственными носителями принципа справедливости, нашли возможнымъ пренебречь яростью Англіи и Франціи. Можемъ ли мы, не покрывая себя позоромъ, измѣнить своей системѣ?

«Но оставимъ въ сторонѣ вопросъ о чести и будемъ говорить только о выгодахъ. Выгодно ли для насъ согласиться на этотъ новый актъ беззаконія? Работать вмѣстѣ надъ разрушеніемъ нашего собственнаго дѣла—значитъ ли это поддерживать старый союзъ, когда двѣ державы дѣйствуютъ въ прямо противоположномъ направленіи тому, что составляло сущность союза? Существуетъ ли онъ еще, когда Пруссія даетъ понять намъ, что, даже въ случаѣ французскаго нашествія на Австрію, она окажетъ послѣдней лишь одну нравственную поддержку! Господи Боже, развѣ это союзъ, созданный нашимъ безсмертнымъ императоромъ? Сохранимъ этотъ священный огонь неприкосновеннымъ и не осквернимъ безмолвнымъ одобреніемъ беззаконныхъ и гнусныхъ дѣйствій державъ, стремящихся къ союзу съ нами только тогда, когда они хотятъ превратить насъ въ сообщниковъ подобныхъ дѣяній; сохранимъ, повторяю, священный огонь для торжественнаго мгновенія, котораго никакая человѣческая сила не можетъ ни избѣжать, ни отдалить—мгновенія, когда должна разразиться борьба между справедливостію и силами ада (la lutte entre la justice et le principe infernal). Это мгновеніе близко, приготовимся къ нему, мы—знамя, вокругъ котораго, въ силу необходимости, и для собственнаго спасенія, вторично сплотятся тѣ, которые трепещутъ въ настоящее время.

«Мы признали самый фактъ независимости Бельгіи потому, что его призналъ самъ нидерландскій король; но не признаемъ Леопольда, потому что мы не имѣемъ никакого права сдѣлать это, пока его не признаетъ нидерландскій король [1]). Но, въ то же время, не станемъ скры-

---

[1]) Упомянутое здѣсь имя Леопольда (принца Саксенъ-Кобургскаго) служитъ указаніемъ, что записка императора Николая написана въ 1831 г.

Избраніе принца бельгійскимъ королемъ состоялось 23-го мая (4-го іюня) 1831 г.

Въ виду того, что записка исключительнымъ образомъ останавливается на оцѣнкѣ событій іюльской революціи 1830 года и совершенно умалчиваетъ о польскомъ мятежѣ, начавшемся въ концѣ того же года, мы признали умѣстнымъ предпослать эту записку изложенію событій, вызванныхъ Варшавской революціей.

вать нашего порицанія двусмысленному и лживому поведенію короля и отстранимся отъ конференціи.

«Если Англія и Франція соединяются, чтобы напасть на Голландію, мы будемъ протестовать, потому что мы не можемъ сдѣлать ничего большаго, но, по крайней мѣрѣ, русское имя не будетъ запятнано соучастіемъ въ подобномъ поступкѣ. Нашъ образъ дѣйствій по отношенію къ Австріи и Пруссіи долженъ оставаться неизмѣнно одинъ и тотъ же; онъ долженъ постоянно указывать имъ на опасности пути, по которому онѣ слѣдуютъ, и уяснить имъ, что это онѣ отдаляются отъ основъ союза, что мы никогда не впадемъ въ ту же ошибку, потому что мы усматривали бы въ этомъ неизбѣжную гибель благороднаго дѣла, что въ минуту опасности насъ всегда увидятъ готовыми летѣть на помощь союзникамъ, которые снова вернулись бы къ прежнимъ воззрѣніямъ, но что, въ противномъ случаѣ, Россія никогда не принесетъ въ жертву ни своихъ денегъ, ни драгоцѣнной крови своихъ солдатъ.

«Вотъ моя исповѣдь (voilà ma confession),—она серіозна, рѣшительна, она ставитъ насъ въ положеніе новое, одинокое, но,—я осмѣлюсь высказать — почетное и достойное насъ. Кто посмѣлъ бы напасть на насъ? А если бы посмѣли, я былъ бы увѣренъ въ поддержкѣ страны, потому что она оцѣнила бы по достоинству свое положеніе и, съ помощью Бога, съумѣла бы покарать дерзость зачинщиковъ».

XII.

Повелѣнія, отданныя императоромъ Николаемъ въ Москвѣ, предвѣщавшія близость европейской войны, не нашли себѣ сочувственнаго отголоска ни въ Берлинѣ, ни въ Варшавѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ III остался вѣренъ своей осторожной, выжидающей политикѣ, а цесаревичъ Константинъ Павловичъ продолжалъ по-прежнему предостерегать государя отъ опрометчивыхъ рѣшеній, вмѣняя ему въ обязанность сохраненіе спокойствія и хладнокровія (Mais au nom de Dieu pas de précipitation, mais du calme et du sang froid).

Распоряженія императора Николая, доложенныя графомъ Дибичемъ королю прусскому 18-го (30-го) октября, въ Шарлоттенбургѣ, были встрѣ-

---

Императоръ Николай вообще не жаловалъ принца Леопольда. Еще во время кандидатуры принца на греческій престолъ, государь въ письмѣ къ графу Дибичу жаловался на „conduite plus qu'équivoque“ Леопольда, прибавивъ: „Je n'aime pas les êtres faux, vous le savez“.

чены прежде всего похвалою относительно великодушія, энергіи и быстроты рѣшенія государя. Мобилизацію и приближеніе русскихъ корпусовъ къ западной границѣ Фридрихъ-Вильгельмъ признавалъ одною изъ спасительнѣйшихъ мѣръ, такъ какъ, по его словамъ, онъ не сомнѣвался въ предстоявшей въ будущемъ необходимости покончить дѣло оружіемъ. Къ окончательной же мобилизаціи польской арміи король отнесся не сочувственно по той причинѣ, что первый корпусъ его арміи, стоявшій въ одной линіи съ польскими войсками, еще не могъ собрать своихъ ландверовъ,—мѣра, на которую Пруссія рѣшится только тогда, когда исчезнетъ всякая надежда на сохраненіе мира; болѣе же ранняя мобилизація польскихъ войскъ могла бы породить сомнѣніе насчетъ согласія обѣихъ державъ въ преслѣдованіи ихъ политическихъ цѣлей. Въ заключеніе, король сказалъ, что считаетъ полезнымъ выработать записку о политическомъ и военномъ положеніи дѣлъ и послать на обсужденіе австрійскаго и англійскаго кабинетовъ [1]).

---

[1]) „Sa Majesté m'a donné ce matin une audience à Charlottenbourg. J'ai eu l'honneur de lui présenter les mesures énergiques que Votre Majesté a bien voulu prendre au moment de l'appel du roi des Pays-Bas. Sa Majesté m'a dit qu'elle s'était toujours attendue de la part de Votre Majesté à cet élan généreux d'énergie et de promptitude; elle me chargea de vous en porter sa plus vive reconnaissance, Sire, mais d'y ajouter que depuis déjà de nouvelles circonstances avaient amené de nouvelles considérations, que l'envoi du prince d'Orange et les mauvaises suites qu'il paraît avoir présageaient que l'affaire Belgique ne pourra plus être décidée que par le commun accord établi par les conférences de Londres ou de la Haye; qu'elle regarde cependant la mobilisation de l'armée russe et le rapprochement des troupes éloignées pour une mesure des plus salutaires, ne doutant nullement elle-même de la nécessité dans laquelle on se trouvera de finir par les armes. Le roi croit cependant qu'il serait utile sous le rapport politique de ne pas mettre définitivement en état de guerre les troupes polonaises et leurs corps de réserve qui se trouvent sur la même hauteur que le 1-er corps prussien, pour ne pas faire naître des soupçons sur une différence d'intention entre les deux puissances, car les Prussiens ne peuvent pas encore rassembler leurs Landwehrs, mesure qui pèse extrêmement sur toutes les branches de l'administration et à laquelle le roi ne pourra se résoudre qu'au moment où déjà il ne restera plus une lueur d'espérance pour la paix... Sa Majesté croyait qu'il serait utile de faire tant des idées politiques sur les différentes questions que l'état actuel et ses suites vraisemblables font naître, que des idées militaires sur les opérations qui pourraient en être une suite, deux résumés raisonnés pour les communiquer à l'Autriche et à l'Angleterre par des organes de confiance afin de demander leur adhésion ou les changements qu'elles trouveraient indispensables à y faire, et qu'en suite de cela Sa Majesté désirait que je reste encore peu de temps ici, tant pour y participer que pour pouvoir les porter ensuite moi-même à Votre Majesté". (Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю отъ 18-го (30-го) октября 1830 года изъ Берлина).

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ какъ бы предугадалъ мысли прусскаго короля и писалъ 14-го (26-го) октября графу Дибичу въ Берлинъ:

«Не имѣя отъ васъ никакихъ указаній, не имѣя также свѣдѣній о мѣрахъ, которыя приняты прусскимъ дворомъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Бельгіи, видя, съ другой стороны, изъ извѣстій, обнародованныхъ въ «Observateur Autrichien», что Австрія не намѣрена занять наступательное положеніе,—я имѣю поводъ думать, что если мы одни станемъ принимать мѣры, которыя могутъ привести къ вооруженному вмѣшательству въ Бельгіи, предпринимая обширныя военныя приготовленія и подвергаясь большимъ затратамъ, безъ единодушнаго принятія такихъ же распоряженій другими державами, то эта большая поспѣшность съ нашей стороны только усилитъ нынѣшнее смятеніе и можетъ повредить интересамъ Пруссіи. Если бы во Франціи царствовалъ еще Карлъ X, а во владѣніяхъ нидерландскаго короля вспыхнуло подобное возстаніе, то вооруженное вмѣшательство Россіи, совмѣстно съ другими державами, получивъ другое освѣщеніе и пріобрѣтая законное основаніе, въ силу совершившагося факта и по мысли договоровъ, налóжило бы на эти самыя державы неотмѣнную обязанность водворить въ томъ краю спокойствіе и возстановить короля во всей полнотѣ его власти. Но духъ крамолы и броженія, господствующій не только во Франціи, но во многихъ частяхъ Европы, могъ бы лишь усилиться отъ шума этихъ военныхъ приготовленій и произвести всеобщій пожаръ, участіе въ коемъ могла бы принять Франція и послѣдствія котораго трудно было бы въ настоящую минуту опредѣлить. Такъ какъ высочайшія повелѣнія, сообщенныя графомъ Чернышевымъ, опредѣляютъ 10-е (22-е) декабря какъ срокъ, къ которому войска должны быть готовы къ выступленію, то, въ виду близости этого срока, я посылаю къ вамъ фельдъегеря, прося увѣдомить меня и съ нимъ же и въ возможно скорѣйшемъ времени, долженъ ли я привести сіи мѣры въ исполненіе или нѣтъ» [1]).

---

[1]) „N'ayant reçu aucune direction de votre part, ni des renseignements sur les mesures adoptées par la cour de Prusse, dans la situation actuelle des affaires de la Belgique, voyant d'un autre côté par les nouvelles publiées par l'Observateur Autrichien que l'Autriche déclare ne point vouloir se mettre sur le pied d'aggression, j'ai lieu de croire que si nous sommes les seuls à adopter des mesures à l'effet d'amener une intervention armée en Belgique, en faisant de grands préparatifs de guerre et en nous exposant à de grands frais, sans que de pareilles dispositions soient unanimement adoptées par d'autres puissances, cette grande précipitation de notre part ne ferait qu'augmenter la fermentation actuellement existante et pourrait compromettre les intérêts de la Prusse

Графъ Дибичъ отвѣчалъ цесаревичу въ желаемомъ имъ смыслѣ и сообщилъ въ Варшаву, что мобилизація польскихъ войскъ можетъ быть отложена, по крайней мѣрѣ, еще на мѣсяцъ, въ виду ихъ близости къ предполагаемому театру военныхъ дѣйствій.

Изъ отвѣта фельдмаршала видно, что Дибичъ настолько уже разочаровался въ своихъ воинственныхъ ожиданіяхъ, что принялъ смѣлость измѣнить весьма категорическое приказаніе самого государя. По тону, царствовавшему въ правительственныхъ кружкахъ Пруссіи, онъ видѣлъ, что, вопреки нѣкоторымъ подготовительнымъ мѣрамъ, государство это подниметъ мечъ развѣ для самозащиты, а ужъ никакъ не изъ-за платонической любви къ легитимности или безусловной преданности принципамъ Священнаго союза. Ни обѣщанная нами помощь, ни заявленная около того же времени готовность Австріи выслать 150.000 человѣкъ въ Италію и столько же въ Германіи, не могли сбить пруссаковъ съ принятаго ими направленія» [1]).

Пока продолжались дипломатическіе переговоры, императоръ Николай возвратился изъ Москвы и въ крайне возбужденномъ состояніи ожидалъ рѣшительнаго слова изъ Берлина. Между тѣмъ, отсутствіе рѣшительнаго отвѣта Дибича, отъѣздъ котораго все откладывался королемъ, окончательно взволновало государя и побудило его писать 1-го (13-го) ноября фельдмаршалу:

„Si le roi Charles X régnait encore en France et qu'une insurrection de cette nature eût éclaté dans les États du roi des Pays-Bas, l'intervention armée de la Russie collectivement avec celle des autres puissances eussent été placées dans un autre jour et tout en se légitimant par le fait même et par la teneur des traités, auraient imposé à ces mêmes puissances une obligation irrévocable dans le rétablissement de la tranquillité dans ce pays et la réinstallation du roi dans toute la plénitude de son pouvoir. Mais l'esprit de trouble et de fermentation qui règne non seulement en France, mais encore dans plusieurs parties de l'Europe, ne pourrait qu'augmenter au bruit de ces préparatifs de guerre, et produirait un embrasement général, dans lequel la France elle-même pourrait participer et dont les conséquences seraient difficiles à apprécier pour le moment.

„Comme les ordres suprêmes de Sa Majesté, communiqués au comte Czernichef, fixent au 10 (22) Décembre prochain le terme pour les troupes d'être prêtes à marcher et comme cette époque est rapprochée, je vous adresse ce feldjaeger, monsieur le comte, en vous priant de m'informer dans le plus bref délai possible et par ce même courrier si je dois mettre ces mesures à exécution ou non. J'aurai soin de préparer en attendant tous les ordres nécessaires à ce sujet". (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ графу Дибичу отъ 14-го (26-го) октября 1830 года. „Военно-Ученый Архивъ". Отд. 1. № 676).

[1]) Статья: „Между двумя войнами.—Эпизодъ изъ царствованія императора Николая. 1830 годъ". „Русская Старина" 1881 г. Т. 31.

«Любезный другъ, я рѣшительно теряю терпѣніе; въ одномъ письмѣ за другимъ вы извѣщаете меня то объ отъѣздѣ курьера съ рѣшительнымъ отвѣтомъ, то о предстоящемъ вашемъ отъѣздѣ, и вотъ, скоро два мѣсяца не случается ни того, ни другаго; вотъ вамъ разгадка моего молчанія по поводу вашихъ писемъ; я хотѣлъ отвѣчать на что-либо положительное, а это положительное не являлось. Наконецъ, вчера, жена моя получила письмо отъ короля, который пишетъ ей, что еще удержалъ васъ при себѣ, ради важныхъ причинъ. Хочу, по крайней мѣрѣ, чтобы вы знали, что мы здоровы, что наши военныя приготовленія, при помощи Божіей, идутъ хорошо и что 10-го (22-го) декабря мы можемъ выступить съ корпусами: 1-мъ, 2-мъ и Литовскимъ, съ польскими войсками, съ гренадерами и резервною кавалеріею. А дабы устранить всякое сомнѣніе въ томъ, что мною твердо и безповоротно рѣшено, я приказалъ все это обнародовать въ газетахъ. Я болѣе чѣмъ когда-либо убѣжденъ, что если есть еще средство предотвратить войну, то оно состоитъ въ томъ, чтобы доказать якобинцамъ всѣхъ странъ, что ихъ нисколько не боятся, что повсюду стоятъ подъ-ружьемъ и что если даже въ своихъ неисповѣдимыхъ путяхъ Провидѣніе рѣшило, что мы должны погибнуть, то мы погибнемъ съ честью и на самой бреши. Таково мое чувство вотъ уже пять лѣтъ, такимъ оно и останется всю мою жизнь; я желалъ бы передать этотъ взглядъ повсюду и всѣмъ; пока же исполнимъ нашъ долгъ.

«Австрійскій императоръ желаетъ, чтобы арміи поставлены были подъ ваше начальство; я, конечно, не отказалъ, такъ какъ это есть знакъ лестнаго довѣрія и служитъ ручательствомъ въ его намѣреніяхъ. Я совершенно доволенъ чувствами нашихъ военныхъ; всѣ готовы и въ восхищеніи, что идутъ въ походъ, а я молю Бога, чтобы въ этомъ не было надобности. Константинъ не хочетъ идти какъ главнокомандующій; онъ проситъ быть поставленнымъ подъ чье мнѣ угодно начальство».

Въ такомъ же духѣ писалъ нѣсколько позже графъ Чернышевъ тому же фельдмаршалу. По его мнѣнію:

«Хотя и есть еще люди достаточно слѣпые для того, чтобы вѣрить въ возможность отраженія грозы посредствомъ конференцій и переговоровъ, но въ настоящее время идетъ уже вопросъ о существованіи, о борьбѣ на жизнь и смерть между законными правительствами и демагогіею, во всемъ, что послѣдняя можетъ представить наиболѣе отвратительнаго и наиболѣе циническаго; настало уже время поставить твердую преграду этому ужасному разврату, который въ одинъ годъ, а можетъ быть и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ охватитъ значительную часть Европы, и гдѣ тогда найдутся средства для его обузданія? Если бы лондонскій, берлинскій и вѣнскій кабинеты мыслили о семъ такъ же, какъ нашъ возлюбленный повелитель, который съ перваго же раза не

поколебался оцѣнить, какъ слѣдуетъ, послѣдствія всѣхъ этихъ грустныхъ событій, то зло давно уже было бы подрѣзано въ самомъ корнѣ».

Переходя, затѣмъ, къ подробностямъ относительно хода вооруженій въ Россіи, графъ Чернышевъ сообщалъ фельдмаршалу, что мѣстомъ сосредоточенія войскъ избрано королевство польское, при чемъ независимо отъ другихъ соображеній имѣлось также въ виду доставить экономію для государственной казны, такъ какъ содержаніе вводимыхъ въ него войскъ императоръ Николай полагалъ возложить на польское правительство, въ зачетъ уплаты должныхъ имъ нашему казначейству болѣе тридцати милліоновъ. Начальникомъ штаба дѣйствующей арміи государь избралъ графа Толя.

Нѣсколько иначе разсуждалъ въ то время графъ Нессельроде; онъ сообщалъ Дибичу менѣе утѣшительныя вѣсти и находилъ, что спасеніе не въ войнѣ, а въ лондонской конференціи! [1]).

«Я провелъ утро въ засѣданіи весьма грустнаго комитета,—пишетъ канцлеръ,—гдѣ Канкринъ развернулъ передъ нами картину бѣдности нашихъ финансовъ. Не вполнѣ раздѣляя его мнѣніе относительно нашихъ невозможностей (nos impossibilités), я долженъ, однако, согласиться, что источники займовъ и нѣкоторыхъ другихъ чрезвычайныхъ средствъ совершенно изсякли. Безъ субсидій отъ Англіи, я не знаю, гдѣ мы почерпнемъ ресурсы для веденія войны, продолжительность которой никто не можетъ предвидѣть» [2]).

---

[1]) „Je n'ai pas besoin de vous dire avec quelle impatience j'attends l'ouverture des conférences de Londres et leurs premières délibérations, car c'est là notre ancre de salut“ (Изъ письма графа Нессельроде къ графу Дибичу отъ 5-го (17-го) ноября 1830 года).

[2]) J'ai passé ma matinée dans un bien triste comité où Cancrin nous a déroulé le tableau de notre pénurie financière. Sans partager en entier son opinion sur nos impossibilités, je dois cependant convenir que la source des emprunts et de quelques autres moyens extraordinaires est complètement tarie. Sans les subsides de l'Angleterre je ne sais pas trop où nous puiserions les ressources pour faire une guerre dont personne ne saurait prévoir la durée“. (Изъ письма графа Нессельроде къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) ноября 1830 года).

Графъ Дибичъ не одобрялъ политики графа Нессельроде, клонившейся къ отстраненію неумѣстнаго вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Европы, вызваннаго іюльскою революціею.

18-го (30-го) ноября 1830 года фельдмаршалъ писалъ вице-канцлеру въ отвѣтъ на письмо его отъ 9-го (21-го) ноября:

„Si nos finances ne nous permettent pas de défendre la paix de l'Europe, alors elles nous permettront encore bien moins de soutenir le combat quand cette même Europe émancipera la Pologne. Telle est au moins ma conviction. Comme je n'ai jamais eu l'honneur de servir dans les armées autrichiennes, je ne

Наконецъ, цесаревичъ Константинъ Павловичъ продолжалъ сообщать графу Дибичу откровенное изложеніе своихъ мыслей, совершенно расходившихся съ петербургскими воззрѣніями.

«При всѣхъ распоряженіяхъ моихъ,—пишетъ цесаревичъ 6-го (18-го) ноября,—я руководствуюсь осторожностію, чтобы излишнею торопливостію и несвоевременными мѣрами не повредить интересамъ нашего августѣйшаго, почтеннаго и достоуважаемаго союзника, короля прусскаго. Впрочемъ, какъ бы мудры ни были повелѣнія, приходящія ко мнѣ изъ Петербурга, въ томъ положеніи, въ которомъ я нахожусь, они для меня уже старая исторія, такъ какъ пятнадцатью днями ранѣе узнаю о событіяхъ. Итакъ, я ожидаю отъ васъ указаній, мой любезный фельдмаршалъ, и что до меня касается, признаюсь, что буду крайне сожалѣть о вашемъ отъѣздѣ изъ Берлина. Мнѣ будетъ казаться тогда, что я нахожусь между молотомъ и наковальней,—положеніе очень не надежное и весьма трудное. Причины, заставляющія меня все болѣе и болѣе держаться принятаго мною образа дѣйствій, основываются на доходящихъ до меня политическихъ извѣстіяхъ насчетъ мнѣній и поступковъ Англіи, въ коихъ я усматриваю лишь рознь и формальное отреченіе отъ единодушнаго согласія, которое должно руководить намѣреніями августѣйшихъ союзниковъ. Что же касается Франціи, то она, не отказываясь отъ логики и не впадая въ противорѣчіе, не можетъ въ чу-

---

puis encore comprendre l'axiome de Montecuculi, je crois au contraire avec notre grand dernier maître dans l'art de la guerre que la guerre donne l'argent pour la faire, si on la fait de la bonne manière: vorwärts ou ypa! Alors elle dure moins et coûte moins d'argent et surtout en hommes, ce que je dois pourtant compter en ancien gentilhomme et en bon serviteur bien au dessus de ce malheureux mobile d'argent, dont un système de Juifs et d'athées veut faire la base des institutions futures de l'Europe,—en remplaçant par du métal et des papiers la foi et l'honneur de nos pères et ceux d'entre nous qui s'honorent de leur ressembler.

„Si on me reproche quelque fois de voir trop en rose, vous voyez du moins, cher comte, que mon humeur n'est pas toujours de cette couleur. Elle changera du reste dès que je verrai qu'on se persuadera que les délais gâtent plus les affaires qu'ils ne les font avancer. Ce qui est arrivé heureusement dans notre affaire d'Orient qui n'a pu et dû être débrouillée que par le glaive, arrivera encore, et ce n'est que ce même glaive qui coupera le noeud gordien de la Belgique, mais il faudra un coup d'autant plus fort qu'on aura donné plus de temps pour entrelacer les liens, et la perte de tout genre en deviendra plus grande, même en argent et en crédit.

„Ne m'en voulez pas, cher comte, mais je ne sais jamais parler que d'après mon coeur; je ne crois pas l'avoir mauvais; je ne puis donc désirer aucune guerre, que je regarde toujours comme le plus grand fléau, mais je crois que ce fléau s'agrandit et se prolonge quand dans des cas inévitables, on se trompe sur cette inévitabilité".

жихъ земляхъ проповѣдывать не тѣ принципы, что у себя дома, и потому она не можетъ открыто высказаться противъ революцій внѣ своихъ предѣловъ, если она сама дышетъ одною революціею. Впрочемъ, по моему слабому мнѣнію, ей слѣдовало бы предоставить рвать и раздирать себя на части (il faut la laisser se déchirer et s'entredéchirer à elle seule), но не скоро проходящими смутами и бунтами, а искусно возбужденною междоусобною войною (par une guerre civile bien fomentée); въ противномъ случаѣ, европейская война противъ Франціи только бы соединила въ ней всѣ партіи, въ виду сохраненія неприкосновенности французской территоріи и обезпеченія ея отъ всякаго покушенія. Это не должно мѣшать намъ быть готовыми къ дѣйствію, но я говорилъ и всегда буду говорить, что слѣдуетъ поступать не торопливо, сохраняя спокойствіе и хладнокровіе. Вотъ вамъ, мой любезный фельдмаршалъ, моя исповѣдь во всей ея чистотѣ и полнотѣ; повергаю ее съ совершеннымъ довѣріемъ на ваше просвѣщенное воззрѣніе. Наконецъ, если я вынужденъ буду дѣйствовать вопреки моему мнѣнію, то исполню это съ тѣмъ послушаніемъ, которое вамъ извѣстно, сохраняя всегда мой взглядъ на вещи» [1]).

---

[1]) „Toutes mes dispositions guidées par la prudence ont pour objet de ne pas compromettre par trop de précipitation et par des mesures intempestives les intérêts de notre auguste, respectable et vénérable allié le roi de Prusse. Au reste quelque sages que soient tous les ordres qui me viennent de St.-Pétersbourg, ils ne sont pour moi, dans la position où je me trouve, que de l'histoire ancienne, puisque je suis avancé de 15 jours sur les événements. J'attends donc mes lumières de votre part, mon cher maréchal, et j'avoue en mon particulier, que c'est avec le plus grand regret que je vous verrai quitter Berlin. Je me croirai alors placé entre le marteau et l'enclume, position précaire et fort difficile. Les motifs qui me déterminent à persévérer de plus en plus dans cette voie se fondent sur les notions politiques qui me parviennent au sujet des opinions et de la conduite de l'Angleterre dans lesquelles je ne vois qu'une espèce de désunion et un démenti formel à l'accord unanime qui doit présider aux vues des augustes alliés. Quant à la France, elle ne peut sans manquer de logique et sans se contredire elle-même, publier à l'étranger d'autres principes, que ceux qu'elle a professés chez elle, en se déclarant ouvertement contre les révolutions au dehors, tandis qu'elle ne respire elle-même que révolution. Au reste, d'après mon faible avis, il faut la laisser se déchirer et s'entredéchirer à elle seule, non par des émeutes ou des insurrections éphémères, mais par une guerre civile bien fomentée; autrement une guerre européenne contre la France ne ferait qu'y réunir tous les partis, dans la vue de maintenir l'intégrité du sol français et de la mettre hors de toute atteinte. Cela ne doit point nous empêcher d'être en mesure d'agir; mais je le dis et le répéterai toujours que cela soit sans précipitation et en usant de calme et de sang froid.

„C'est là, mon cher maréchal, ma profession de foi, pure et entière; je la soumets en toute confiance à vos lumières. Enfin, si je devais agir contre mon opinion je le ferai avec l'obéissance que vous me connaissez, mais en conservant

Если цесаревичъ, при всемъ своемъ консерватизмѣ, не сочувствовалъ петербургскимъ мѣропріятіямъ и возвѣщенному крестовому походу, то легко себѣ представить, съ какими чувствами польское общество относилось къ направленію, принятому русскою политикой. Польша не могла не сочувствовать іюльскому перевороту, армія же должна была опасаться похода, который привелъ бы ее къ вооруженному столкновенію съ Франціею, во имя началъ Священнаго союза. Хотя, повидимому, въ Варшавѣ царствовало спокойствіе, но тайныя общества продолжали тѣмъ съ бо́льшимъ стараніемъ свою разлагающую работу. Не было, впрочемъ, недостатка въ разныхъ зловѣщихъ признакахъ, указывавшихъ на приближеніе развязки, однако, цесаревичъ продолжалъ утѣшать себя несбыточными надеждами. Еще 10-го (22-го) ноября 1830 года Константинъ Павловичъ нашелъ возможнымъ писать Ф. П. Опочинину:

«Вы пишете насчетъ Бельгіи, что дѣла въ ней ни въ какомъ отношеніи не утѣшительны. Это правда! совершенный хаосъ, и одному Всевышнему извѣстно, чѣмъ всѣ эти мерзости кончатся. У насъ, слава Богу, доселѣ все смирно и по-старому и, надѣюсь на благодать Его, что такъ и останется» [1]). Но Богъ разсудилъ иначе.

Графъ Дибичъ все еще выжидалъ въ Берлинѣ окончанія переговоровъ, когда они внезапно прервались довольно неожиданнымъ образомъ. 21-го ноября (3-го декабря) 1830 года фельдмаршалъ получилъ отъ графа Беренсторфа извѣщеніе о революціи, происшедшей въ Варшавѣ 17-го (29-го) ноября: «Польская армія, входившая въ составъ подготовлявшейся коалиціи, обратила оружіе противъ Россіи. Прусское министерство получило эти печальныя свѣдѣнія отъ своего варшавскаго консула Шмидта, и за обѣдомъ, къ которому приглашенъ былъ въ тотъ же день графъ Дибичъ въ Шарлоттенбургѣ, король подтвердилъ фельдмаршалу справедливость сдѣланныхъ ему сообщеній. Разсказываютъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ обратился къ Дибичу съ вопросомъ, гдѣ же

---

toujours ma manière de voir". (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ графу Дибичу отъ 6-го (18-го) ноября изъ Варшавы. „Военно-Ученый Архивъ". Отд. I, № 967).

Мысли, высказанныя въ этомъ письмѣ, цесаревичъ высказывалъ уже ранѣе въ письмѣ къ императору Николаю отъ 21-го сентября (3-го ноября) 1830 года, выдержки изъ котораго приведены нами выше.

[1]) Мѣсяцемъ ранѣе, 12-го (24-го) октября 1830 года, цесаревичъ въ письмѣ къ Ф. П. Опочинину выражалъ тѣ же мысли:

„Какой несчастный нынѣшній годъ, возмущеніе, повальная болѣзнь и сверхъ того во всемъ полуденномъ краю совершенный неурожай. Chez nous jusqu'à ce moment tout est tranquille et j'espère dans la clémence de Dieu que tout restera de même".

теперь 160.000 человѣкъ, обѣщанныя намъ Россіей?» Дибичу оставалось только поспѣшить въ Петербургъ. Извѣщая объ этомъ императора Николая, онъ писалъ: «Надѣюсь на милость съ вашей стороны, государь, что вы разрѣшите мнѣ сражаться съ вашими храбрыми и вѣрными подданными противъ этихъ презрѣнныхъ мятежниковъ (ces misérables rebelles), чтобы строго наказать зачинщиковъ, которые своими ужасными происками и еще болѣе отвратительными принципами увлекли за собою массу народа, легко поддающуюся внушеніямъ, и молодежь, испорченную всѣмъ, что только невѣріе, тщеславіе и распущенность (l'irréligion, la vanité et la licence) представляютъ наиболѣе достойнаго порицанія». «Все случившееся,—присовокупилъ графъ Дибичъ,—будутъ восхвалять какъ славный подвигъ; польскій народъ искупитъ послѣдствія всеобщей испорченности; столь укоренившіеся пороки нельзя уничтожить иначе, какъ вырвавши ихъ съ корнемъ [1]). (Le peuple Polonais subira les peines d'une corruption générale; on ne peut détruire des vices radicaux, qu'en les déracinant)». Вотъ съ какими мыслями забалканскій герой направился въ Петербургъ, воображая вмѣстѣ съ тѣмъ, что усмиреніе польскаго мятежа—дѣтская игра.

Когда графъ Дибичъ разстался, наконецъ, съ Берлиномъ, въ Петербургѣ еще ничего не знали о кровавыхъ событіяхъ, ознаменовавшихъ собою ночь 17-го (29-го) ноября. Только вечеромъ 25-го ноября (7-го декабря) 1830 года, императоръ Николай получилъ отъ цесаревича донесеніе о возмущеніи войскъ и жителей Варшавы. Оно не содержало въ себѣ никакихъ подробностей о совершившихся событіяхъ, но служило дополненіемъ къ донесенію, ранѣе отправленному, которое еще не прибыло въ Петербургъ. Изъ полученнаго же донесенія государь узналъ только имена убитыхъ генераловъ и наименованіе войскъ, оставшихся вѣрными законному правительству.

«Ce fut là la première nouvelle telle que je la reçus et qui me fit apprendre la révolution polonaise»,—пишетъ императоръ Николай. Но это было не первое донесеніе цесаревича; онъ упоминалъ въ немъ

---

[1]) Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю, отъ 22-го ноября (4-го декабря) 1830 года („Военно-Ученый Архивъ". Отд. 1, № 676). Принцъ Евгеній Вюртенбергскій смотрѣлъ на событія, разыгравшіяся въ Варшавѣ, нѣсколько съ иной точки зрѣнія. Онъ пишетъ въ своихъ запискахъ: „Одновременно съ береговъ Невы прогремѣла вѣсть: „я иду съ 200.000 русскихъ", а полякамъ сказано: „вы будете моимъ авангардомъ". Французы же воскликнули: „авангардъ, обратись противъ главныхъ силъ"—и авангардъ парировалъ. Поляковъ воодушевляла не столько ненависть къ русскимъ, сколько озлобленіе противъ системы русскаго правительства. Напротивъ того, я постоянно видѣлъ въ Варшавѣ, что поляки и русскіе братались и часто бранили сообща правительство".

о другомъ, которое государь получилъ только четырнадцать часовъ спустя [1]).

На другой день, въ среду, 26-го ноября (8-го декабря) назначенъ былъ разводъ отъ 3-го баталіона Преображенскаго полка. Государь, по обыкновенію, пріѣхалъ въ манежъ. Сначала все шло своимъ порядкомъ, даже слѣдовъ душевной тревоги не обнаруживалось на этомъ прекрасномъ лицѣ съ классически-правильнымъ профилемъ; оно сохраняло, какъ и всегда, свое величавое благородство. При концѣ развода императоръ Николай, выѣхавъ на средину манежа, подозвалъ къ себѣ офицеровъ и лично объявилъ имъ о мятежѣ, вспыхнувшемъ въ Варшавѣ.

«Я уже сдѣлалъ распоряженіе, чтобы указанныя мною войска двинулись къ Варшавѣ, а если будетъ нужно, то пойдете и вы, моя гвардія, пойдете наказать измѣнниковъ и возстановить порядокъ и оскорбленную честь Россіи. Знаю, что я во всѣхъ обстоятельствахъ могу полагаться на васъ»,—сказалъ государь.

Единодушный взрывъ негодованія охватилъ мгновенно всѣхъ присутствующихъ, раздался восторженный крикъ: «веди насъ противъ мятежниковъ; мы отомстимъ за оскорбленную честь Россіи». Цѣловали у государя руки, ноги, полы, при крикахъ «ура». Порывъ негодованія былъ такъ силенъ, что Николай Павловичъ счелъ необходимымъ умѣрить его и, съ свойственнымъ ему величіемъ, напомнилъ офицерамъ, его окружавшимъ, что не всѣ поляки нарушили клятву вѣрности, что должно карать зачинщиковъ мятежа, но не мстить народу, прощать раскаявшихся и не допускать ненависти [2]).

По возвращеніи съ развода во дворецъ, государь получилъ наконецъ запоздавшее первое донесеніе цесаревича, а на слѣдующій день 27-го ноября (9-го декабря) прибыло третіе донесеніе. Оказалось, что цесаревичъ разрѣшилъ оставшимся при немъ частямъ польской арміи возвратиться въ Варшаву; въ замѣнъ того явившіеся къ цесаревичу въ Вержбну депутаты обѣщали ему и русскому отряду свободный проходъ

---

[1]) Je reçus ce soir-là (т. е. 25-го ноября) la nouvelle de la révolution par un rapport de mon frère qui n'était pas le p r e m i e r, mais me parlait d'un autre qu'il m'avait envoyé, mais que je ne reçus que 14 heures plus tard, de façon que j'ignorais tout ce qui s'était passé et ne sus d'abord que les noms des officiers généraux tués et le nombre et le nom des troupes restées près de mon frère. Ce fut là la première nouvelle, telle que je la reçus et qui me fit apprendre la révolution polonaise". (Собственноручная замѣтка императора Николая, написанная имъ при чтеніи записокъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа).

[2]) Дневникъ князя А. С. Меншикова 1830 года. Замѣтки генералъ-адъютанта Павла Николаевича Игнатьева о царствованіи императора Николая I.

*

къ границамъ Имперіи. По мнѣнію Бенкендорфа, это снисхожденіе поддержало и скрѣпило бунтъ, давъ возможность принять въ немъ участіе всей польской арміи, большая часть которой еще выжидала, по крайней мѣрѣ по виду, дальнѣйшихъ указаній цесаревича. «Да будетъ воля Господня»,—писалъ императоръ Николай къ цесаревичу. «Мы трепещемъ за васъ, но если бъ даже намъ пришлось погибнуть всѣмъ, мы спасемъ васъ; это обѣтъ всецѣло преданнаго вамъ на жизнь и на смерть Николая. (Que la volonté de Dieu soit faite... Nous tremblons pour vous, mais dussions nous périr tous, nous vous sauverons, c'est le voeu de tout à vous pour la vie et la mort Nicolas) [1]).

Государь повелѣлъ генералъ-адъютанту барону Розену приступить немедленно къ сосредоточенію войскъ Литовскаго корпуса въ Брестѣ и Бѣлостокѣ и вести ихъ противъ мятежниковъ прямо на Варшаву, если онъ не получитъ особаго повелѣнія отъ цесаревича, относительно дѣйствій подчиненныхъ ему войскъ. Генералъ-адъютанту графу Палену предписано было поддержать это движеніе войсками перваго корпуса. 28-го ноября (10-го декабря) приведенное нами распоряженіе было отчасти измѣнено, такъ какъ при ближайшемъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ признано было необходимымъ сосредоточить сперва достаточное число войскъ, чтобы затѣмъ уже дѣйствовать рѣшительнымъ образомъ противъ мятежниковъ. Къ 1-му января императоръ Николай обѣщалъ ввести 100.000 человѣкъ въ Польшу. «Я исполню мой долгъ по отношенію къ отечеству и къ Польшѣ и заставлю уважать ихъ достоинство», присовокупилъ государь.

По достиженіи цесаревичемъ русской границы, онъ писалъ государю 1-го (13-го) декабря изъ Влодавы:

«И вотъ твореніе шестнадцати лѣтъ совершенно разрушено подпрапорщиками, молодыми офицерами и студентами съ компаніею. Я не распространяюсь объ этомъ болѣе, но долгъ повелѣваетъ мнѣ засвидѣтельствовать передъ вами, что собственники, сельское населеніе и всѣ, кто только владѣетъ хоть какимъ-нибудь имуществомъ, въ отчаяніи отъ этого. Офицеры, генералы, равно какъ и солдаты не могли удержаться, чтобы не послѣдовать за общимъ движеніемъ, будучи увлечены молодежью и подпрапорщиками, которые всѣхъ сбили съ толку. Однимъ словомъ, положеніе дѣлъ самое скверное, и я не знаю, что изъ этого, по благости Божіей, выйдетъ? Всѣ мои средства надзора ни къ чему не привели, несмотря на то, что все начинало раскрываться... Вотъ мы, русскіе, у границы, но, великій Боже, въ какомъ положеніи, почти босякомъ; всѣ вышли какъ бы на тревогу, въ надеждѣ вернуться въ ка-

[1]) Изъ письма императора Николая къ цесаревичу отъ 27-го ноября (9-го декабря) 1830 года.

зармы, а вмѣсто сего совершили ужасные переходы. Офицеры всего лишились и имѣютъ лишь то, что на нихъ надѣто... Я сокрушенъ сердцемъ; на $51^1/_2$ году жизни и послѣ $35^1/_2$ лѣтъ службы я не думалъ, что кончу свою карьеру столь плачевнымъ образомъ [1]).

«Молю Бога, чтобы эта армія, которой я посвятилъ шестнадцать лѣтъ жизни, одумалась и вернулась на путь долга и чести, признавъ свое заблужденіе прежде, чѣмъ противъ нея будутъ приняты понудительныя мѣры. Но это было бы слишкомъ хорошо для вѣка, въ которомъ мы живемъ, и я сильно сомнѣваюсь въ осуществленіи моихъ желаній» [2]).

Съ каждымъ днемъ вѣроятность возможнаго соглашенія съ Польшею становилась все болѣе невозможною. Обѣ враждующія стороны готовились къ войнѣ. 5-го (17-го) декабря обнародовано было воззваніе императора Николая къ войскамъ и народу царства польскаго, а 12-го (24-го) декабря манифестъ, въ которомъ выражалась готовность къ примиренію со всѣми, кои возвратятся къ долгу. Послѣ этой послѣдней примирительной попытки государь писалъ цесаревичу 8-го (20-го) декабря.

«Если одинъ изъ двухъ народовъ и двухъ престоловъ долженъ погибнуть, могу ли я колебаться хоть мгновеніе? Вы сами развѣ не поступили бы такъ? Мое положеніе тяжкое, моя отвѣтственность ужасна, но моя совѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ меня въ отношеніи поляковъ,

---

[1]) Voici donc un ouvrage de 16 ans détruit totalement par des sous-officiers, de jeunes officiers et des étudiants et Compagnie. Je n'en dis pas davantage, puisqu'il est de mon devoir de vous certifier que les propriétaires, les gens de la campagne et tout ce qui est seulement avec quelque avoir est au désespoir. Officiers, généraux, ainsi que les soldats n'ont pu s'empêcher de suivre le mouvement, entraînés par la jeunesse et les sous-officiers qui ont égaré tout le monde. Bref les choses sont au pire et je ne sais ce qui en adviendra de la clémence de Dieu. Tous mes moyens de surveillance ont été nuls, malgré que tout se découvrait... Nous voilà, nous autres Russes à la frontière, mais grand Dieu dans quel état, presque nus-pieds, sortis comme pour une alerte et croyant rentrer en casernes et au lieu de cela ayant fait des marches terribles. Les officiers ont tout perdu et n'ont que ce qu'ils ont sur le corps.... J'ai le coeur navré; à $51^1/_2$ ans et après $35^1/_2$ de service je ne croyais pas finir ma carrière d'une manière aussi déplorable". (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 1-го (13-го) декабря 1830 года изъ Влодавы.

[2]) „Tous mes voeux sont adressés au bon Dieu, afin que la masse de cette armée à laquelle j'ai consacré 16 années d'existence, fasse un retour sur elle même et rentre daus le chemin de l'honneur et du devoir et reconnaisse son égarement avant que les mesures coërcitives fussent employées contre elle. Ceci est trop beau pour le siècle où nous vivons et malgré mes voeux, j'en doute fort". (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 26-го декабря 1830 года (7-го января 1831 года).

и я могу утверждать, что она ни въ чемъ не будетъ упрекать меня. Я исполню въ отношеніи ихъ всѣ свои обязанности до послѣдней возможности; я не напрасно принесъ присягу и не отрѣшился отъ нея; пусть же вина за ужасныя послѣдствія этого событія, если ихъ нельзя будетъ избѣгнуть, всецѣло падетъ на тѣхъ, которые повинны въ немъ! Аминь» [1]).

Между тѣмъ въ Варшавѣ водворился диктаторомъ генералъ Хлопицкій, но и онъ не былъ въ силахъ спасти Польшу отъ разрыва съ Россіей. Въ Петербургъ посланы были два депутата для переговоровъ съ императоромъ Николаемъ; выборъ палъ на министра финансовъ князя Любецкаго и члена сейма графа Езерскаго. Они должны были представить государю домогательства Польши и просить о возстановленіи королевства въ прежнихъ предѣлахъ. Императоръ Николай, желая отстранить всякую мысль, что имъ была допущена какая-либо депутація отъ мятежниковъ, не принялъ ихъ вмѣстѣ. Князь Любецкій призванъ былъ къ государю въ качествѣ министра, а графъ Езерскій принятъ былъ какъ путешественникъ. Въ письмѣ къ цесаревичу отъ 19-го (31-го) декабря, императоръ Николай представилъ слѣдующую картину происшедшаго тогда свиданія:

«Какъ только я былъ извѣщенъ о пріѣздѣ Любецкаго и Езерскаго, я отдалъ приказаніе не позволять имъ пододвинуться ближе Нарвы и черезъ Грабовскаго велѣлъ увѣдомить ихъ, что, если они являются въ качествѣ депутатовъ правительства или власти, которыхъ я не могу признать, то они не могутъ быть допущены ко мнѣ, ни даже оставаться здѣсь. На это Любецкій отъ имени ихъ обоихъ написалъ отвѣтъ, который я приказалъ напечатать въ газетахъ, что онъ никогда не принялъ бы подобнаго порученія и что онъ является въ качествѣ члена моего правительства для того, чтобы представить отчетъ о происшедшемъ, что г. Езерскій сопутствуетъ ему. Это было то, что требовалось: и для меня самого, и для тѣхъ, кто здѣсь, и для тѣхъ, кто тамъ. И такъ они пріѣхали; я собралъ у себя Михаила Волконскаго, Толстаго, Нессельроде и Грабовскаго (которымъ я какъ нельзя болѣе доволенъ) и призвалъ Любецкаго одного... послѣ полутора-часоваго разго-

[1]) Si des deux nations et des deux trônes l'un doit périr, puis-je balancer un instant? Vous-même ne le feriez Vous pas? Ma position est grave, ma responsabilité terrible, mais ma conscience ne me reproche rien vis-à-vis des Polonais et je puis assurer qu'elle ne me reprochera rien, je m'acquitterai envers eux jusqu'à la dernière possibilité de tous mes devoirs, je n'ai pas prêté en vain serment et je ne l'ai pas violé, que le reproche donc des suites affreuses de cet événement, si elles ne pouvaient être évitées, retombe en entier sur ceux qui en sont coupables! Аминь". (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 8-го (20-го) декабря 1830 года).

вора я отпустилъ его. Въ тотъ же вечеръ я велѣлъ сказать черезъ Бенкендорфа Езерскому, путешественнику (voyageur), что я буду имѣть удовольствіе видѣть его у себя. Онъ привелъ его ко мнѣ. Какъ только онъ вошелъ въ комнату, онъ бросился передо мною на колѣни, рыдая какъ ребенокъ; я съ трудомъ успокоилъ его и, послѣ того какъ я обнялъ его, мы усѣлись всѣ трое, и я предложилъ ему разсказать все то, что онъ желалъ передать мнѣ. Онъ повторилъ мнѣ почти все то, что я уже зналъ отъ васъ, Гауке и Любецкаго. Все, что онъ высказалъ, было проникнуто самымъ лучшимъ духомъ. Когда онъ кончилъ, я попросилъ его на мгновеніе стать на мое мѣсто и сказать мнѣ, что мнѣ слѣдовало бы сдѣлать? Онъ испустилъ громкое восклицаніе и сказалъ, что одинъ лишь Богъ можетъ вдохновить меня. Я спросилъ его, читалъ ли онъ воззваніе; онъ сказалъ мнѣ, что «да» и что оно хорошо для честныхъ людей, но что оно не прощаетъ виновныхъ, и что эти изверги (ces diables) нарочно замѣшали въ дѣло какъ можно болѣе лицъ, чтобы быть увѣренными, что ихъ не оставятъ и не предадутъ. Я отвѣтилъ ему, что гнѣваюсь только на убійцъ, что остальные должны быть увѣрены въ моемъ прощеніи. Я указалъ ему, что случаю угодно было, чтобы именно сегодня, 14-го декабря, баталіонъ, занимавшій у меня караулъ, былъ тотъ же самый гвардейскій экипажъ, который пять лѣтъ тому назадъ былъ противъ меня; что въ слѣдствіе этого приведенный примѣръ доказываетъ, что я найду средство не только простить, но также дать войскамъ случай очистить себя въ своихъ собственныхъ глазахъ. Онъ нашелъ эту мысль очень хорошею, въ особенности, если для этого не будетъ избрана Азія. Азія или нѣтъ, сказалъ я, но нужно искать случай возстановить честь,—и онъ согласился, что это вѣрно. Тогда ему пришла мысль, чтобы я созвалъ сеймъ; я замѣтилъ ему на это, что я безъ сомнѣнія могъ бы сдѣлать это, но что они сами приняли на себя починъ въ этомъ дѣлѣ, и что мнѣ уже не приличествуетъ мѣшаться въ это. Но я предлагаю вамъ другое средство, сказалъ я: вы возвратитесь въ Варшаву, вы нунцій; устройте же такимъ образомъ, чтобы утвердили диктатора; сдѣлайте болѣе: если вы увѣрены въ большинствѣ вашихъ сотоварищей, предложите и даже потребуйте отъ диктатора, чтобы онъ покаралъ виновныхъ, то есть тѣхъ, которые убили своихъ начальниковъ и нарушили всѣ требованія дисциплины; вы мнѣ окажете величайшую, какую только можно, услугу, потому что, повторяю вамъ, роль палача отталкиваетъ меня, и я хочу пользоваться лишь своимъ правомъ миловать. Если вы дорожите тѣмъ, чтобы смыть съ себя пятно, марающее вашу армію, вашъ народъ, то вы очистите себя въ глазахъ вашего государя, вашего отечества и всей Европы. «Ну такъ я сдѣлаю это», сказалъ онъ мнѣ съ жаромъ. «И васъ повѣсятъ», отвѣчалъ я ему. «Все равно, я сдѣлаю это».

«Такимъ образомъ мы разстались очень довольные другъ другомъ. Два дня спустя онъ весь возбужденный является къ Бенкендорфу и говоритъ ему: «я нашелъ вѣрное средство устроить все».—«Что такое?» Пусть императоръ скажетъ: «поляки! я недоволенъ вами! Вы обезчестили себя, но я предлагаю вамъ средство поправить все: сейчасъ же двиньтесь на Галицію и Познань—я даю вамъ ихъ!» Бенкендорфъ вытаращилъ глаза отъ удивленія и спросилъ его, не сошелъ ли онъ съ ума?—«Почему?» было его отвѣтомъ. Тогда тотъ перечислилъ ему все, что заключалось въ подобной мысли безразсуднаго,—и очарованіе исчезло; онъ согласился со всѣмъ. Однимъ словомъ, они всѣ, болѣе или менѣе, страдаютъ разсудкомъ (ils sont tous plus ou moins malades d'esprit)! Я не умѣю объяснить этого иначе [1]).

---

[1]) „Voulant me préparer à tout j'ai engagé ma femme à faire nos dévotions, ne sachant pas si à l'époque où nous sommes dans l'habitude de le faire Dieu nous permet d'être ensemble; du moins nous allons communier et je viens vous demander à tous deux mon pardon et votre bénédiction; puissé-je dans l'acte que je vais consommer trouver cette force et cette présence d'esprit qui de jour en jour me deviennent plus nécessaires, et que je chercherai en vain ailleurs que là d'où émanent la miséricorde et la force...

„Dès que je fus informé de l'arrivée de Lubecki et Ieserski, je fis donner ordre de ne pas les laisser avancer plus loin que Narwa, et je leur fis adresser un avis par Grabovski que s'ils arrivaient comme députés d'un gouvernement ou d'un pouvoir que je ne puis reconnaître, ils ne pouvaient être admis ni devant moi, ni même rester ici: sur quoi Lubecki adressa une réponse au nom de tous deux que je fis mettre dans les journaux, qu'il n'eût jamais accepté une commission pareille et qu'il arrivait comme membre de m o n gouvernement pour rendre compte de ce qui s'était passé; que m-r Ieserski l'acompagnait. C'était ce qu'il me fallait et pour m o i m ê m e, et pour ici, et pour là bas. Ils arrivèrent donc; je réunis chez moi Michel Wolkonsky, Tolstoy, Nesselrode et Grabowsky (d o n t j e s u i s o n n e p e u t p l u s c o n t e n t) et je fis venir Lubecki seul; il arriva, comme toujours, le nez en l'air, et d'un air très gai commença le récit... je le traitais très froidement... après une heure et demie de conversation, je le congédiais. Le même soir je fis dire à Ieserski, v o y a g e u r, par Benkendorf que j'aurai plaisir à le voir chez moi. Il me l'amena; dès qu'il entra dans la chambre il se jeta à deux genoux devant moi, sanglotant comme un enfant; j'eus peine à le calmer, et, après l'avoir embrassé, nous nous assimes tous trois et je lui dis de me raconter tout ce qu'il avait à me dire. Il me répéta à peu-près tout ce que je savais déjà par vous, Haucke et Lubecki. Tout ce qu'il disait était dans le meilleurs sens possible. Après qu'il eut fini, je le priais de se mettre un instant à ma place et de me dire c e q u e j ' a v a i s à f a i r e? Il fit une grande exclamation et me dit que c'était Dieu seul qui pouvait m'inspirer. Je lui demandais s'il avait lu la proclamation; il me dit que „oui", et qu'elle était bonne pour les honnêtes gens, mais qu'elle ne pardonnait pas les coupables et que ces diables avaient exprès compromis le plus de monde possible pour être sûrs de ne pas être abandonnés et livrés. Je lui répondis que je n'en voulais qu'aux assassins, que le reste devait être sûr de son pardon. Je

По возвращеніи графа Дибича изъ Берлина фельдмаршалъ, какъ и слѣдовало ожидать, назначенъ былъ указомъ 1-го (13-го) декабря 1830 г. главнокомандующимъ дѣйствующей арміи [1]), сосредочивавшейся противъ польскихъ мятежниковъ; мѣсто начальника штаба арміи занялъ генералъ-адъютантъ графъ Толь, а генералъ-квартирмейстера генералъ-адъютанъ Нейдгардъ. Послѣ необходимыхъ совѣщаній и распоряженій, фельдмаршалъ не замедлилъ своимъ отъѣздомъ; 28-го декабря 1830 года

---

lui citais que ce même 14 Décembre le hasard voulait que le bataillon qui me donnait la garde était ces mêmes marins de la garde qui furent contre moi, il y avait 5 ans, que par conséquent cet exemple prouvait que je trouverai moyen non seulement de pardonner, mais aussi de donner à la troupe l'occasion de se réhabiliter à ses propres yeux. Il trouva cette idée fort bonne, surtout si ce n'était pas en Asie; en Asie ou non, je dis qu'il fallait chercher l'occasion de regagner l'honneur, et il convint que c'était juste. L'idée lui vint alors que je convoque la Diète; je lui observais que j'eusse pu le faire sans doute, mais qu'eux-mêmes avaient pris l'initiative et qu'il ne me convenait plus de m'en mêler; mais, lui dis-je, je vous offre un autre moyen, tout aussi efficace: vous reviendrez à Varsovie où vous êtes nonce, faites en sorte que l'on confirme le dictateur, faites plus, si vous êtes sûr de la plupart de vos collègues, proposez et même exigez du dictateur qu'il fasse justice des coupables, c'est à dire de ceux qui ont tué leurs chefs et enfreint toute discipline, vous me rendrez le plus grand service possible, car, je vous le repète, je repousse le rôle de bourreau et je ne veux user que de mon droit de gracier. Soyez jaloux de vous laver de la tâche qui souille votre armée, votre nation et vous vous réhabiliterez aux yeux de votre souverain, de votre patrie et de l'Europe entière?—Eh bien, je le ferai, me dit-il avec chaleur.—Et on vous pendra, lui répondis-je.—C'est égal, je le ferai.

„Nous nous quittâmes ainsi, fort contents l'un de l'autre. Deux jours après, il arrive chez Benkendorf, tout fringant, et il lui dit: j'ai trouvé un moyen infaillible de tout arranger!—Quoi donc?—Que l'empereur dise: „Polonais! je suis mécontent de vous, vous avez forfait à l'honneur, mais je vous offre le moyen de tout réparer: marchez à l'instant sur la Galicie et Posen, je vous les donne!"—Benkendorf fit de grands yeux et lui demanda s'il était fou?—Pourquoi? fut sa réponse. Alors l'autre lui énuméra tout ce qu'il y avait d'insensé dans une pensée pareille,—et le charme se dissipa; il convint de tout. En un mot ils sont tous plus ou moins malades de raison! Je ne sais l'expliquer autrement". (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 19-го (31-го) декабря 1830 года).

[1]) 1-го декабря 1830 года даны были два указа:

1) „Главнокомандующимъ дѣйствующею арміею, собираемою къ западнымъ границамъ Имперіи, повелѣваемъ быть генералъ-фельдмаршалу графу Дибичу-Забалканскому со всѣми правами, властью и преимуществами, присвоенными званію сему учрежденіемъ объ управленіи Большою дѣйствующею арміею".

2) „Губерніи: Гродненскую, Виленскую, Минскую, Подольскую и Волынскую и Бѣлостокскую область, повелѣваемъ объявить состоящими въ военномъ положеніи, подчинивъ оныя главнокомандующему дѣйствующею арміею генералъ-фельдмаршалу графу Дибичу-Забалканскому".

(9-го января 1831 года) онъ находился уже въ Гроднѣ. Графъ Дибичъ, разставаясь съ Петербургомъ, находился въ какомъ-то угнетенномъ настроеніи. Передъ отъѣздомъ, онъ сказалъ своему шурину барону Тизенгаузену: «Признаюсь тебѣ, что въ предстоящемъ мнѣ жребіи непонятная тягость наполняетъ мой духъ непреоборимою силою, и темное предчувствіе, что этотъ походъ будетъ послѣднимъ въ моей жизни, преслѣдуетъ меня повсюду, ибо неудачи я не переживу, какъ и пораженія на полѣ битвы. Для меня смерть въ пылу сраженія предпочтительнѣе, чѣмъ спасеніе изъ опасности съ потерею пріобрѣтенной славы. Но не это обстоятельство угнетаетъ меня темнымъ чувствомъ какой-то неизъяснимой боли; я предвижу, что кинжалъ измѣны или ядъ злодѣя прекратятъ дни мои, потому что война противъ крамолы, противъ фанатизма и отчаянія, восторженнаго ослѣпленія освящаетъ каждое средство, чтобы избавиться отъ опаснаго врага. Я, можетъ быть, объясняюсь слишкомъ легко и съ полною увѣренностію въ счастливомъ успѣхѣ предполагаемаго похода, считая предстоящія намъ затрудненія маловажнѣе, нежели я самъ ихъ признаю, чтобы противнымъ объясненіемъ не произвести унынія въ окружающихъ меня помощникахъ и военныхъ товарищахъ, но тебѣ признаюсь, что я разсчитываю эти затрудненія въ бо́льшемъ размѣрѣ, чѣмъ я ихъ высказываю въ разговорахъ, и потому я долженъ дѣйствовать быстро, безъ малѣйшей потери времени, чтобы лишить бунтовщиковъ возможности сосредоточиться и развить всѣ свои средства къ защитѣ и къ нападеніямъ. Сколько я здѣсь, въ Петербургѣ, въ состояніи окинуть политическій горизонтъ моихъ завистниковъ, стало быть моихъ противниковъ, я опасаюсь, что они соединенными силами постараются замедлить всѣ вспомогательныя средства къ быстрому началу похода—средства, въ которыхъ армія безъ резерва, безъ заготовленнаго продовольствія чрезвычайно нуждается. Я предвижу, что кромѣ открытаго врага въ сраженіяхъ, я оставлю за собою въ тылу легіонъ непріятелей [1]).

Независимо отъ мрачныхъ предчувствій, которыя, по собственному признанію графа Дибича, «никогда въ такихъ рѣзкихъ чертахъ и въ такихъ мрачныхъ откликахъ не представлялись моему воображенію», самое здоровье фельдмаршала сильно пошатнулось послѣ турецкаго похода. Нельзя также забыть послѣдствія того нравственнаго потрясенія, которое испыталъ графъ Дибичъ, когда во время пребыванія съ арміею въ Бургасѣ, въ 1830 году, онъ лишился горячо любимой супруги, внезапно скончавшейся въ Петербургѣ [2]). Принимая всѣ приведенныя

[1]) Фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій въ его воспоминаніяхъ, записанныхъ въ 1830 году барономъ Тизенгаузеномъ. „Русская Старина“ 1881 года, т. 69-й.

[2]) Едва открылась кампанія 1831 года, какъ уже начались сѣтованія

здѣсь обстоятельства во вниманіе, можно было дѣйствительно опасаться за благополучный исходъ новой кампаніи, предстоявшей забалканскому герою, кампаніи, отъ которой, по мѣткому выраженію императора Николая, зависѣло «политическое бытіе Россіи (l'existence politique de la Russie)». До Монмартра, о занятіи котораго мечталъ Дибичъ въ Берлинѣ, было теперь далеко; приходилось довольствоваться Варшавой, да и въ нее не суждено было ему вступить! Подобно обѣтованной землѣ, фельдмаршалъ увидѣлъ ее только издали.

За нѣсколько дней до новаго года императоръ Николай, окончательно убѣжденный въ неизбѣжности вооруженнаго столкновенія съ мятежною Польшею, писалъ цесаревичу Константину Павловичу:

«Твердо помните, что я исчерпалъ всѣ средства, чтобы вернуть этихъ безразсудныхъ на путь разума; сдѣлать бо̀льшее—превосходитъ мое пониманіе (dépasse ma conception), такъ какъ это было бы несовмѣстимо съ честью лица, которое я представляю, и съ честью Имперіи, недостойнымъ образомъ оскорбленной; такимъ образомъ насъ заставитъ сражаться не месть, а необходимость» [1]).

Насколько глубоко было впечатлѣніе, произведенное на императора Николая событіями, ознаменовавшими собою исходъ 1830 года, можно видѣть изъ слѣдующихъ строкъ письма его къ цесаревичу:

«Желая приготовиться ко всему, я предложилъ женѣ отговѣть вмѣстѣ, не зная, будетъ ли Богу угодно позволить намъ быть вмѣстѣ въ такое время, когда мы имѣемъ обыкновеніе дѣлать это; по крайней мѣрѣ, мы причастимся, и я прошу у васъ обоихъ прощенія и вашего благословенія; да сподобитъ меня таинство, къ которому я готовлюсь приступить, найти ту силу и то присутствіе духа, въ которыхъ съ каждымъ днемъ я все болѣе нуждаюсь, и которыя я тщетно искалъ бы гдѣлибо въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ тамъ, откуда истекаетъ милосердіе и сила» [2]).

графа Дибича по поводу своего потрясеннаго здоровья. 8-го (20-го) февраля, за нѣсколько дней до Гроховскаго сраженія, фельдмаршалъ писалъ императору Николаю изъ Милосны:

„Nous sommes tous harassé de fatigues, surtout moi qui malheureusement me ressens toujours d'une faiblesse de nerfs qui m'est restée des fièvres orientales et peut-être des émotions morales que la faiblesse humaine n'a pas permis de supporter avec toute la résignation que notre religion divine nous prescrit".

[1]) „Dites vous bien que j'ai épuisé tous les moyens pour ramener des insensés à la raison; faire plus dépasse ma conception, comme cela serait incompatible avec l'honneur du personnage que je représente et de l'Empire indignement insulté; ce n'est donc pas la vengeance qui nous fera combattre, mais la nécessité". (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 27-го декабря 1830 года (8-го января 1831 года).

[2]) Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 19-го (31-го) декабря 1830 года.

Смутныя времена, наступившія въ 1830 году, нашли себѣ тотчасъ отголосокъ среди помѣщичьихъ крестьянъ и вызвали разные толки. Доказательствомъ тому можетъ служить секретный циркуляръ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ тайнаго совѣтника Енгеля къ губернаторамъ отъ 22-го декабря 1830 г. (3-го января 1831 года).

«Г. генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ сообщилъ мнѣ»,—пишетъ Енгель,—«что до свѣдѣнія государя императора доходили неоднократно нелѣпые толки, распространяемые въ губерніяхъ неблагонамѣренными, или вѣроятнѣе глупыми, людьми, о переходѣ крестьянъ изъ владѣнія помѣщиковъ въ казну, и тому подобные; что таковые толки тѣмъ болѣе требуютъ вниманія, что, распространяясь въ мѣстахъ, подверженныхъ холерѣ, они еще болѣе возмущаютъ легковѣрныхъ и тревожатъ малодушныхъ, и что его императорское величество высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ: обратить особенное вниманіе на сіе обстоятельство и предписать циркулярно г.г. предводителямъ дворянства, чтобы они старались благоразумными и скромными мѣрами открывать источники таковыхъ толковъ и по долгу своего званія сколь можно содѣйствовать къ прекращенію ихъ въ самомъ началѣ».

Толки среди крестьянъ замѣчены были, впрочемъ, уже ранѣе, еще до возникновенія польскаго мятежа, какъ видно изъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютанта Закревскаго къ губернаторамъ отъ 4-го (16-го) мая 1830 года, слѣдующаго содержанія:

«До свѣдѣнія его императорскаго величества дошло, что съ нѣкотораго времени люди неблагонамѣренные или развратные начали, подобно прочимъ прежнимъ примѣрамъ, разсѣвать слухи о намѣреніи правительства дать крестьянамъ свободу. Хотя ваше превосходительство въ высочайшемъ манифестѣ, 12-го мая 1826 г. изданномъ и 13-го того же мѣсяца отъ Правительствующаго Сената распубликованномъ, имѣете уже полное руководство къ дѣйствіямъ вашимъ по предмету сему,—однако жъ его величеству угодно было высочайше повелѣть мнѣ поставить вамъ снова въ непремѣнную обязанность преслѣдовать строжайшимъ образомъ всѣхъ тѣхъ, кои подобные ложные слухи распространять будутъ, принимая вмѣстѣ и самыя дѣятельнѣйшія мѣры къ прекращенію и малѣйшихъ признаковъ неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ ихъ. Его величество, пребывая въ непреложныхъ правилахъ о сохраненіи тѣхъ отношеній, въ коихъ крестьяне находятся къ помѣщикамъ ихъ, поставляетъ въ особенную обязанность вашего превосходительства опровергать всѣ толки, сему не сообразные».

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

XXI [1]).

С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ Кавелинъ.—Открытіе Николаевскаго моста. — Празднованіе 25-ти-лѣтія царствованія императора Николая I.

Александръ Александровичъ Кавелинъ, преемникъ графа Эссена (съ 1842 года) въ должности с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, былъ однимъ изъ благороднѣйшихъ, благонамѣреннѣйшихъ и прямодушнѣйшихъ людей, истинный патріотъ, душою и сердцемъ преданный императору Николаю, при которомъ состоялъ адъютантомъ еще въ бытность его великимъ княземъ, и наслѣднику цесаревичу, котораго нѣкогда былъ воспитателемъ. Несмотря на всѣ эти прекрасныя качества, онъ имѣлъ, однако же, и разныя странности, давно уже доставившія ему въ публикѣ репутацію оригинала и нѣкоторымъ образомъ человѣка эксцентричнаго. Являясь къ разнымъ лицамъ по новой своей должности, онъ всѣмъ жаловался на слабость здоровья и—на свое незнаніе въ дѣлахъ.

— Я—говорилъ онъ,—не имѣлъ ни пра́ва, ни возможности отказаться отъ этого назначенія, но чувствую, что найду въ немъ свой гробъ. Къ тому же я долженъ приготовиться, чтобы первое время меня водили за носъ, пока успѣю нѣсколько ознакомиться и съ дѣлами, и съ людьми.

---

[1]) См. «Русск. Стар.» май 1900 г.

Несмотря на такое скромное самосознаніе степени своихъ силъ, Кавелинъ принялся за управленіе со всею ретивостью благороднаго человѣка, жертвующаго для общей пользы своею личностью. Въ званіи генералъ-губернатора онъ являлся вездѣ исполненнымъ энтузіазма реформаторомъ, пламеннымъ поборникомъ правды и неутомимымъ преслѣдователемъ зла, а въ званіи члена Государственнаго Совѣта безстрашнымъ защитникомъ того, что̀ ему казалось справедливымъ. Къ сожалѣнію, всему этому мѣшали, съ одной стороны, то малое знаніе дѣлъ и формъ, въ которомъ онъ самъ каялся, а съ другой большая вспыльчивость и смѣсь искусственной энергіи съ природною слабостію. Отъ этого Кавелинъ не рѣдко представлялъ родъ административнаго Донъ-Кихота, и хотя, вмѣсто вѣтряныхъ мельницъ и призраковъ воображенія, долженъ былъ ратовать съ горькою дѣйствительностію, однако, подобно Ламанчскому герою, не зналъ никакой мѣры въ этой борьбѣ. Такъ, однажды, онъ посадилъ одного частнаго пристава на двѣ недѣли на гауптвахту за то, что увидѣлъ на немъ хорошую шубу, приписавъ это взяткамъ, хотя у того, случайно, было собственное хорошее состояніе. Въ другой разъ, еще въ началѣ 1843-го года, обозрѣвая петербургскую гражданскую палату, онъ, передъ зерцаломъ, безпощадно разбранилъ всѣхъ членовъ за безпорядки и злоупотребленія, на которые не имѣлъ другихъ доказательствъ кромѣ слуховъ; сказалъ предсѣдателю, что лѣнивымъ должно «давать шпоры», одному изъ засѣдателей, поднявшемуся для какого-то объясненія, отвѣчалъ, что «если это вызовъ на дуэль, то онъ готовъ съ нимъ драться отъ булавки и до шпаги», и т. п.; словомъ, дошелъ до того, что члены палаты положили записать обо всемъ этомъ въ журналъ и представить Сенату, что̀ отвращено было только посредничествомъ министра юстиціи, графа Панина. Спустя нѣсколько дней, я, вмѣстѣ съ Кавелинымъ, возвращался изъ Совѣта пѣшкомъ, и во всю дорогу онъ разсуждалъ только объ этомъ происшествіи. «Il est clair—говорилъ онъ между прочимъ—qu'il ne faut pas agir de la sorte et surtout à l'égard de sujets mixtes, comme le sont ces Messieurs, qui tiennent encore bien d'avantage au Ministère de la Justice qu'au Gouverneur Général [1]), хотя, впрочемъ, при исторіи надворнаго суда, все легло на одного бѣднаго Эссена. Но что̀ жъ мнѣ дѣлать. Я всякой день повторяю государю, что не гожусь въ генералъ-губернаторы, а меня все-таки держатъ. Термометръ генералъ-губернатора не долженъ подниматься выше 10°/₀, и плохо ужъ и тог-

[1]) Ясно—говорилъ онъ между прочимъ—что не надобно дѣйствовать такъ и особенно по отношенію къ смѣшаннымъ подданнымъ, каковы эти господа, которые придерживаются гораздо болѣе министерства юстиціи, чѣмъ генералъ-губернатора.

да, если онъ дойдетъ до 11-ти, а мой—безпрестанно вскакиваетъ на 20-ть—et—je finis par brûler le roti [1]). Графъ Панинъ думаетъ, что очень одолжилъ меня, удержавъ членовъ палаты отъ намѣренія ихъ донести о моихъ глупостяхъ Сенату, а я, напротивъ, счелъ бы величайшимъ благодѣяніемъ, если бъ меня хоть за это удалили отъ должности, которая не по моимъ силамъ.....»

Постепенно, однакожъ, благодаря ли Гатчинской ключевой водѣ, которую заставляли Кавелина пить всякое лѣто, или разочаровавшимъ его неудачамъ, онъ пришелъ въ болѣе нормальное положеніе. О новомъ генералъ-губернаторѣ стали почти такъ же мало говорить, какъ о его предмѣстникѣ. Вмѣсто плута Оводова, тотчасъ имъ прогнаннаго, онъ подчинился вліянію опредѣленнаго имъ правителемъ своей канцеляріи Жданова, къ счастію честнаго человѣка, а въ Совѣтѣ совсѣмъ умолкъ. Но если такимъ образомъ Кавелинъ меньше прежняго выказывалъ свои странности на дѣлѣ, то онъ продолжалъ обнаруживать ихъ въ частныхъ разговорахъ и, сидѣвъ нѣсколько лѣтъ рядомъ съ нимъ въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, я былъ постояннымъ слушателемъ его оригинальныхъ наблюденій и замѣчаній, часто остроумныхъ и мѣткихъ и всегда проникнутыхъ тѣмъ же стремленіемъ къ общему благу, но отличавшихся своею рѣзкостію и особенно безпощадностію—къ собственному его лицу. Когда разсматривалась роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1848-й годъ, онъ шепнулъ мнѣ, что взялся бы сейчасъ убавить послѣдніе на 40 мил. руб.

— Помилуйте, такъ васъ поскорѣе надобно бы сдѣлать министромъ финансовъ!

— Нѣтъ, не министромъ, а только дать бы волю на этотъ разъ. И вотъ что я сейчасъ бы вымаралъ: во-1-хъ, четыре кавалерійскія дивизіи, потому что такой безчисленной кавалеріи, какая у насъ теперь, некуда употребить даже и во всемірной войнѣ; во-2-хъ, четыре дивизіи пѣхоты, потому что и ея у насъ черезъ-чуръ много; въ 3-хъ, всю жандармскую часть, какъ мать однихъ вздорныхъ каммеражей и новую лишь, совсѣмъ напрасную отрасль взяточничества; въ 4-хъ, все министерство государственныхъ имуществъ, которое только сосетъ казенныхъ крестьянъ и, вопреки видамъ правительства, внушаетъ имъ, своими неправдами и притѣсненіями, охоту къ переходу въ помѣщичьи; наконецъ, въ 5-хъ, с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, потому что, въ присутствіи государя въ столицѣ, онъ совсѣмъ лишняя спица въ колесницѣ, задерживающая только дѣла; въ отсутствіе же государя долженъ быть не этотъ взнузданный генералъ-губернаторъ, а намѣстникъ съ особыми уполномочіями.

---

[1]) И—я кончилъ тѣмъ, что сжегъ жаркое.

— Да это пребогатыя мысли, и жаль, что ихъ нельзя ни провести, ни даже предложить.

— Особеннаго б о г а т с т в а тутъ нѣтъ, и лучшее тому доказательство то, что онѣ пришли м н ѣ, а я считаю себя дуракомъ и неучемъ и сознаюсь въ томъ не вамъ первымъ; я сказалъ это и государю, когда онъ предназначалъ меня къ надзору за воспитаніемъ наслѣдника. Если онъ не повѣрилъ моей откровенности и настоялъ на своемъ, то по крайней мѣрѣ грѣхъ не на моей совѣсти.

— Когда я сталъ возражать, онъ продолжалъ: «нѣтъ, нѣтъ, ужъ вы меня не разувѣрите: я столько же государственный человѣкъ, сколько и сапожникъ; но и моей, какъ вы это называете, скромности есть предѣлъ: отдавая себѣ полную справедливость, я пригласилъ бы въ ту же компанію и не малую толику изъ этихъ господъ, которые сидятъ вотъ тутъ вмѣстѣ съ нами.

Вдругъ, послѣ смерти попечителя Харьковскаго учебнаго округа, графа Головкина, Кавелинъ, въ февралѣ 1846-го года, заговорилъ со мною о намѣреніи своемъ проситься на его мѣсто. Я принималъ это за мистификацію, или даже и простую шутку, на которую не обращалъ никакого вниманія. Но, спустя нѣсколько дней, мой сосѣдъ очень серьезно объявилъ, уже не мнѣ одному, а и нѣкоторымъ другимъ членамъ, что онъ о своемъ желаніи подалъ государю письмо.

«У меня—говорилъ онъ намъ,—девять человѣкъ дѣтей и самое скудное состояніе; сверхъ того я совершенно разстроенъ въ здоровьѣ, которое съ каждымъ днемъ еще болѣе разрушается отъ теперешней моей должности, оставляющей мнѣ на сонъ едва по пяти часовъ въ сутки, не говоря уже о пожарахъ и другихъ удовольствіяхъ уличной жизни. Живя со всею скромностію, имѣя за обѣдомъ не болѣе четырехъ блюдъ и только разъ въ недѣлю, когда собирается у меня нѣсколько пріятелей, пять, я за всѣмъ тѣмъ, кормя всякой день полдюжину адъютантовъ и чиновниковъ, содержа, по необходимости, при огромной квартирѣ, большую прислугу и, по необходимости же, при безпрестанныхъ разъѣздахъ, множество лошадей, въ прошломъ году издержалъ 98.000 руб. (ассигн.), а у меня, казеннаго и своего, нѣтъ и 70.000! Къ чему же это, наконецъ, поведетъ, и неужели я долженъ пустить дѣтей своихъ по міру? Положимъ даже, что государь пополнитъ мой дефицитъ и что, послѣ всѣхъ его благодѣяній, я буду имѣть безстыдство наложить на него эту новую тягость—можетъ ли онъ дать мнѣ въ Петербургѣ Харьковское солнце? Все это я написалъ ему совершенно чистосердечно, прибавивъ, что лучшимъ убѣжденіемъ въ необходимости моего намѣренія могутъ служить тѣ жертвы, съ которыми оно сопряжено: несчастіе лишиться лицезрѣнія его и наслѣдника, который взросъ на моихъ рукахъ; утрата разныхъ выгодъ и пріятностей, которыми я пользуюсь по

теперешнему моему званію, разлука и съ Петербургомъ, и со всѣми моими знакомыми; наконецъ, самый промѣнъ важнаго поста на такой, по сравненію незначительный и второстепенный. Государь сказывалъ мнѣ, что уже прочелъ мое письмо, но что о содержаніи его объяснится со мною на досугѣ. Наслѣдникъ плачетъ—это утѣшительно для моего сердца—но понимаетъ силу моихъ мотивовъ».

Весь этотъ разсказъ Кавелинъ перемѣшивалъ, по обыкновенію, разными шуточками, преимущественно на собственный свой счетъ.

— Хорошъ я, правда, буду попечитель, едва зная грамоту; но вѣдь на такомъ же мѣстѣ есть ужъ Крафтштремъ (въ Дерптѣ), а теперь назначается Траскинъ (въ Кіевъ); да они же еще и не знаютъ по-англійски, а я третьяго дня, на прощальномъ обѣдѣ Американскому посланнику Тотту, сказалъ рѣчь на англійскомъ языкѣ; и послушали бы вы какую: то-то была умора и дичь! Къ тому же, если кто станетъ называть меня невѣждою, у меня всегда наготовѣ отвѣтъ: я докторъ университета и какого еще, не шутите, Оксфордскаго!

Въ заключеніе, Кавелинъ сказалъ, что онъ просилъ государя, въ случаѣ соизволенія на его желаніе, отсрочить его переводъ мѣсяца на два, чтобы успѣть провести черезъ Государственный Совѣтъ проектъ, въ то время чрезвычайно его занимавшій, объ учрежденіи страхованія отъ огня въ пользу доходовъ столицы, и шутилъ о томъ, сколько это перемѣщеніе произведетъ толковъ въ публикѣ, какъ будутъ говорить о впаденіи его въ немилость, какъ немногіе лишь посвященные провѣдаютъ настоящую причину, какъ петербургскіе откупщики, которыхъ онъ первый гонитель, отслужатъ благодарственный молебенъ за его переводъ и пр.

Между тѣмъ, въ томъ же самомъ засѣданіи Совѣта, въ которомъ онъ такъ съ нами витійствовалъ, графъ Блудовъ сильно затронулъ будущаго попечителя. Была рѣчь о новой оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ въ Петербургѣ, для сбора въ пользу городскихъ доходовъ. Блудовъ, оспаривая предположенія о семъ мѣстнаго начальства, выражался однако такъ, что его слова представляли нѣкоторое двусмысліе.

— Позвольте спросить—прервалъ его вдругъ иронически Кавелинъ—говорите ли вы въ пользу города, или въ пользу домохозяевъ?

— Не въ пользу города, не въ пользу домохозяевъ—отвѣчалъ Блудовъ—а въ пользу одного невидимаго, но надѣюсь, всегда здѣсь присутствующаго существа, которое называется—здравымъ смысломъ!

Кавелинъ не нашелся ничего возразить; уже только послѣ, сѣвъ опять на свое мѣсто возлѣ меня, онъ сказалъ:

— Мнѣ слѣдовало бы отвѣчать, что это невидимое существо не всегда, или по крайней мѣрѣ не во всѣхъ здѣсь присутствуетъ, чему лучшее доказательство—самъ я!

Мнѣ, искренно и издавна любившему добраго и благороднаго Кавелина, а вмѣстѣ со мною и нѣкоторымъ другимъ, часто приходило на мысль: не имѣютъ ли всѣ эти странные разговоры корня поглубже, т. е. не суть ли они плодъ болѣзненнаго раздраженія мозговыхъ нервовъ, послѣдствія должности, превосходящей его силы. Вскорѣ сомнѣнія наши превратились, къ сожалѣнію, въ полную увѣренность. Разстройство умственныхъ способностей Кавелина стало въ особенности проявляться чрезвычайною, необузданною раздражительностію, которая отъ словъ перешла опять и въ дѣйствія, не только къ невыносимому положенію его подчиненныхъ, но и къ общей, при огромной власти военнаго генералъ-губернатора, для всѣхъ опасности. Онъ весь исхудалъ, глаза его выкатились и налились кровью, и одинъ уже взглядъ ихъ достаточно обнаруживалъ помраченіе разсудка. Наконецъ, наслѣдникъ цесаревичъ, часто его посѣщавшій, въ первыхъ дняхъ апрѣля 1846 г. передалъ ему, разумѣется въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ, что государь, во вниманіе къ его нездоровью, отдаетъ совершенно на его волю сложить временно свою должность и ѣхать отдохнуть, куда угодно, напримѣръ въ Гатчину, гдѣ онъ и прежде живалъ. Кавелинъ съ удивленіемъ отозвался, что никогда не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ теперь. Въ страстный четвергъ, 4-го апрѣля, онъ и Василій Перовскій въ качествѣ прежнихъ адъютантовъ великаго князя Николая Павловича, причащались, какъ и всегда дотолѣ бывало, вмѣстѣ съ государемъ въ Аничкиномъ [1]) дворцѣ. Послѣ причастія Кавелинъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

— Государь, теперь, къ сожалѣнію, съ вами нѣтъ ни императрицы, ни великой княжны Ольги Николаевны [2]); но у васъ есть заступающіе ихъ должности: я съ Перовскимъ.

При такихъ поступкахъ и рѣчахъ, нѣжная внимательность къ лицу должна была уступить мѣсто общественному благу, и государю не оставалось инаго, какъ сдѣлать самому то, чего бѣдный больной не хотѣлъ исполнить доброю волею.

Въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе, 7-го апрѣля 1846 года, Кавелинъ согласно просьбѣ (она была только—въ приказѣ), вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, былъ уволенъ отъ должности с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, съ сохраненіемъ званія генералъ-адъютанта и съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и сенаторомъ. Его замѣстилъ генералъ-адъютантъ Храповицкій. Несмотря на то, Кавелинъ въ эту самую ночь явился во дворецъ, какъ бы ни въ чемъ не бывало, только уже послѣ нашего христосованія съ государемъ, отслушавъ

---

[1]) Императоръ Александръ II исправилъ: «въ Зимнемъ».

[2]) Онѣ были въ Палермѣ.

службу въ своей домовой церкви. Однимъ изъ первыхъ, попавшихся ему на глаза во дворцѣ, былъ его преемникъ. Кавелинъ бросился на него и такъ стиснулъ въ своихъ объятіяхъ, что едва не задушилъ.

— Ну, братецъ—закричалъ онъ—поздравляю и душевно радъ, что на это мѣсто попалъ ты, а не кто другой; только долженъ сказать, что тебѣ на немъ не прожить и четырехъ мѣсяцевъ [1]). Впрочемъ, ты видишь, что я еще не умеръ, и даю тебѣ слово, что хотя ужъ не генералъ-губернаторъ, однако, покамѣстъ живъ, не перестану защищать и отстаивать моего проекта о страхованіи въ пользу столицы.

— Послѣ, ставъ между дамами, онъ вдругъ началъ изъявлять имъ свое опасеніе de perdre son pantalon, parce qu'il avait oublié de mettre des bretelles [2]). Въ то же утро онъ появился и на разводѣ, а передъ тѣмъ давалъ прощальный завтракъ чинамъ полиціи своей канцеляріи, на которомъ неумолчно говорилъ, все повторяя, что Храповицкому не прожить на новомъ мѣстѣ и четырехъ мѣсяцевъ.

Увольненіе отъ должности военнаго генералъ-губернатора было смягчено для Кавелина пожалованіемъ ему Владимірской ленты. Продолжая ѣздить въ Совѣтъ и сидѣть тамъ возлѣ меня, онъ, посреди неистощимой болтовни, разсказывалъ мнѣ, что никогда не думалъ проситься въ отставку, и что въ первую минуту, получивъ, вмѣстѣ съ новою лентою, приказъ объ увольненіи, онъ не могъ вразумиться, съ чего бы это взялось.

— Только уже послѣ обѣдни въ Свѣтлое Воскресеніе—прибавилъ онъ—когда я вошелъ разгавливаться съ царскою фамиліею, государь сказалъ мнѣ: «Я нашелся принужденнымъ уволить тебя, чтобъ не уморить: видишь, какъ ты исхудалъ, какой у тебя цвѣтъ, какіе глаза! Понимаю, что съ твоимъ здоровьемъ не понести этой тяжелой должности, и не могъ же я взять на свою совѣсть сдѣлаться убійцею того, кто воспиталъ моего сына».

Впрочемъ Кавелинъ, при увольненіи, возстановленъ былъ, такъ сказать, въ первобытное положеніе, т. е. ему дали опять казенную квартиру и экипажъ, которые онъ имѣлъ до назначенія его военнымъ генералъ-губернаторомъ, а на наступившее лѣто отвели въ полное распоряженіе стрѣлинскій дворецъ со всѣми принадлежностями.

— Милости просимъ ко мнѣ туда—повторялъ онъ мнѣ нѣсколько

---

[1]) Предсказаніе это сбылось, если не вполнѣ, то довольно близко. Храповицкаго еще въ томъ же апрѣлѣ, на ученьи войскъ, въ присутствіи государя на Царицыномъ лугу, разбилъ параличъ и хотя въ этотъ разъ его еще спасли, однако онъ умеръ 30-го марта 1847 года.

[2]) Опасеніе потерять свои панталоны, потому что онъ забылъ надѣть подтяжки.

*

разъ—васъ будутъ ожидать тамъ: радушный пріемъ, линейка, чтобы ѣхать въ Сергіевскую пустыню, ерши, трубка, сигары и халатъ.

Съ этого времена моральное здоровье Кавелина стало быстро упадать. Онъ прибилъ свою несчастную жену; открылъ всѣ окна въ комнатѣ, гдѣ лежали въ кори его дѣти, и сталъ опрыскивать ихъ холодною водою; просидѣлъ девять часовъ сряду въ торговой банѣ, откуда могли вызвать его только извѣстіемъ, что къ нему пріѣхалъ наслѣдникъ, бросился съ ножемъ на учителя своихъ дѣтей потому что, будто бы послѣднія мало оказываютъ успѣховъ; словомъ, надѣлалъ и продолжалъ дѣлать столько безразсудствъ, что, по волѣ государя, нашлись въ необходимости приставить къ нему жандармскаго офицера и четырехъ переодѣтыхъ жандармовъ, вездѣ за нимъ слѣдовавшихъ и наблюдавшихъ. Вскорѣ, однако, убѣдились, что, сверхъ этихъ мѣръ предосторожности нужно и настоящее, очень серьезное лѣченіе, и его, вмѣсто Стрѣльны, отправили въ маѣ въ славившееся въ то время заведеніе для умалишенныхъ въ Килѣ. На эту поѣздку, при которой больнаго сопровождали особый врачъ и жандармскій полковникъ Мирковичъ, государь съ истинно царскою щедростью пожаловалъ 4 тысячи червонныхъ.

Пробывъ за границею болѣе года, Кавелинъ возвратился къ намъ въ іюлѣ 1847 г. Умственныя его силы, казалось, вполнѣ возстановились, глаза вошли въ свою орбиту, огонь взглядовъ и рѣчей потухъ, и онъ сдѣлался какъ всѣ люди. Въ это лѣто и онъ и я жили въ Царскомъ Селѣ, такъ что мы часто видались и внѣ Совѣта, куда онъ снова сталъ ѣздить, но гдѣ, по случаю новыхъ между тѣмъ назначеній членовъ, сидѣлъ уже не рядомъ со мною, а напротивъ меня. О прошедшемъ своемъ положеніи онъ, очевидно, зналъ, но касался его лишь полусловами.

— Я восемь мѣсяцевъ не спалъ—говорилъ онъ мнѣ при первомъ нашемъ свиданіи—и естественно, что такая безсонница должна была отозваться на все другое; теперь, когда я опять сталъ спать, и все другое прошло.

Такъ продолжалось до конца 1848 года, когда въ бѣдномъ нашемъ товарищѣ снова стали проявляться сомнительные признаки. Впервые мы это замѣтили на балѣ у наслѣдника цесаревича въ Царскомъ Селѣ 9-го ноября, гдѣ Кавелинъ болталъ безъ умолка и не всегда разсудительно, предавался необыкновеннымъ порывамъ живости и опять ужасно кривлялся, какъ бывало во время полнаго его съумасшествія; во время же ужина, сидя между статсъ-дамами за царскимъ столомъ, онъ разсыпался въ разныхъ нелѣпостяхъ и даже неблагопристойностяхъ. Все это длилось еще, однако, кое-какъ, года съ полтора, хотя многое сходило только по тому уваженію, что Кавелина, съ послѣдней его болѣзни, какъ бы условились считать «уморительнымъ чудакомъ».

11-го іюня 1850-го года праздновалось съ особымъ торжествомъ пятидесятилѣтіе назначенія государя шефомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка [1]). Бывъ нѣкогда въ томъ же полку ротнымъ командиромъ, Кавелинъ также участвовалъ въ этомъ торжествѣ и въ слѣдующій четвергъ, во время послѣдняго засѣданія Государственнаго Совѣта предъ вакантнымъ временемъ, ему вдругъ пришло на мысль описать все происходившее празднество для газетной статьи. Онъ тутъ же схватилъ перо и цѣлое засѣданіе пачкалъ своими іероглифами (у него былъ ужаснѣйшій почеркъ) лежавшій передъ нимъ листъ бумаги, безпрестанно обращаясь черезъ столъ ко мнѣ за совѣтами для редакціи.

— Знаете ли что—заключилъ онъ наконецъ—вы хорошо пишете, а мнѣ это ремесло не далось, и я въ жизни ничего не печаталъ: я набросаю свои мысли, а въ понедѣльникъ пріѣду съ гвардейскихъ маневровъ, къ вамъ въ Царское Село, чтобы вы все это поочистили.

Привыкнувъ къ проказамъ моего пріятеля, я увѣренъ былъ, что эта выдумка его точно такъ же скоро испарится, какъ и явилась; но случилось иначе. Въ понедѣльникъ меня будятъ въ 8 часу.

— Что такое?

— Пріѣхалъ Кавелинъ и сейчасъ васъ требуетъ.

Воспользовавшись нѣсколькими часами роздыха между маневровъ, онъ прискакалъ ко мнѣ съ своею пьесою, прямо изъ Краснаго Села.

— Ну, давайте читать—сказалъ я.

— Чего читать (между тѣмъ онъ пожиралъ нѣсколько чашекъ кофе съ ужасною массою кренделей, запивая все это еще сахарною водою со льдомъ); чего читать; я и самъ ничего не разберу въ моихъ іероглифахъ; прежде всего надо введеніе.

— Гдѣ оно?

— Да его еще нѣтъ.

— Ну, такъ давайте писать, и, взявъ карандашъ, я набросалъ ему нѣсколько вступительныхъ словъ.

Точно также распорядились мы потомъ и съ текстомъ. Въ его подготовкѣ оказалось всего лишь нѣсколько отрывочныхъ, безобразныхъ фразъ. По мѣрѣ какъ онъ читалъ ихъ, едва разбирая, я давалъ содержанію ихъ форму и связь и клалъ нашу импровизацію на бумагу. Такимъ образомъ, вся статья, отъ перваго слова до послѣдняго, была написана моею рукою, хотя, разумѣется, и изъ этой редакціи, среди без-

[1]) Государь назначенъ былъ въ это званіе собственно 28-го мая, но какъ въ 1800 году сіе число пришлось въ Троицынъ день—Измайловскій полковый праздникъ—то и торжество юбилея отложено было до этого же праздника, павшаго въ 1850 году на 11-е іюня (императоръ Александръ II написалъ: «не отъ того, а потому что 28-го мая 1850 г. государь былъ еще въ Варшавѣ»).

престанныхъ шутокъ и прибаутокъ, вышло не много дѣльнаго, еще менѣе изящнаго.

— Я—говорилъ мой чудакъ—лучше сохраню инкогнито и не подпишусь подъ моею статьею, а вамъ—полное мое спасибо за пересмотръ; да чего спасибо: вотъ лучше гривенникъ на счастье въ картахъ.

И это награжденіе повторялось, въ томъ же размѣрѣ, три раза, такъ что я наконецъ сталъ уже гнать моего гостя, говоря, что иначе онъ оставитъ у меня все свое состояніе. Работа наша продолжалась слишкóмъ два часа и, когда она была кончена, Кавелинъ спокойно уложилъ мои листы въ свой потфель и поскакалъ опять въ Красное Село.

— Не правда ли—говорилъ онъ, садясь въ карету—что государь долженъ остаться очень доволенъ этою статьею, и что мнѣ будетъ большое спасибо, если онъ провѣдаетъ, что—она моя.

— Разумѣется—отвѣчалъ я—и надо признаться, что это спасибо будетъ вполнѣ заслуженное.

По докладу военнаго министра, которому Кавелинъ представилъ статью, она была одобрена государемъ и появилась въ 140 нумерѣ (28-го іюня) «Русскаго Инвалида» за подписью «Старый Измайловецъ».—Разумѣется, что мое тутъ участіе осталось совершенно безгласнымъ, но Кавелинъ, получивъ за свою статью изъявленіе благодарности отъ государя и комплименты въ публикѣ, совсѣмъ увлекся этимъ первымъ успѣхомъ на литературномъ поприщѣ. Пустясь напропалую сочинять даже стихами, онъ въ особенности занялся составленіемъ новой газетной статьи о происходившемъ въ то время торжествѣ по случаю перемѣны знаменъ Преображенскому и Семеновскому полкамъ, и лирическаго воззванія къ государю объ освобожденіи изъ рукъ невѣрныхъ Святыхъ мѣстъ. Эти попытки малоопытнаго писателя приводили его безпрестанно ко мнѣ, какъ пользовавшемуся, послѣ первой удачи, уже неограниченнымъ его довѣріемъ. Но отъ литературы письменной, его бесѣды переходили иногда и въ литературу пластическую. Такъ однажды отобѣдавъ у насъ, т. е. просидѣвъ съ нами за столомъ, не прикоснувшись ни къ одному блюду за безпрестанными разсказами, онъ вдругъ схватилъ шаль моей жены и, драпировавъ ее около своей головы, сталъ произносить, наизусть, цѣлыя тирады изъ Расиновыхъ трагедій, въ подраженіе знаменитой актрисѣ Сенъ-Жоржъ... Все это носило на себѣ опять несомнѣнный характеръ прежняго его положенія; но и тутъ, среди безостановочнаго потока самыхъ разнообразныхъ мыслей и словъ, случались у него минуты, истинно—умилительныя и высокія, именно когда рѣчь касалась наслѣдника престола. При безпредѣльномъ обожаніи къ бывшему своему воспитаннику, Кавелинъ,

во всѣхъ разсказахъ и воспоминаніяхъ о немъ, становился неистощимымъ повѣствователемъ, истиннымъ поэтомъ, вдохновеннымъ любовникомъ, отъ словъ котораго нельзя было оторваться. Во всемъ прочемъ печальное состояніе его разсудка выказывалось не только среди такого маленькаго общества, какъ въ моей семьѣ, но и вездѣ, во всѣхъ многолюднѣйшихъ собраніяхъ, наиболѣе жестокою, неумолимою болтовнею, такъ что даже во дворцѣ, на вечерахъ у императрицы, всѣ шептали: «mais voyez donc ce pauvre Kaveline: il est derechef fou!» [1])...

Между тѣмъ онъ все продолжалъ не только выѣзжать, но, когда кончилось вакантное время, и бывать каждый разъ въ Совѣтѣ. 25-го сентября докладывался въ немъ проектъ новаго тарифа; но намъ, сосѣдямъ Кавелина, вмѣсто тарифа, приходилось слушать все однѣ его розсказни, не чуждыя, впрочемъ, даже въ этомъ его положеніи, жизни и мысли, но совершенно эксцентрическія и гдѣ онъ, по обыкновенію, щадилъ всѣхъ менѣе—самого себя. Главнымъ его слушателемъ и невольнымъ повѣреннымъ и въ Совѣтѣ являлся опять таки я. Чего ужъ не было тутъ наговорено, мало того, чего не было и написано! Если онъ умолкалъ на минуту, то тотчасъ же принимался писать на лоскуткахъ бумаги, и что же писать? Безъ всякаго повода и побужденія—біографическія и характеристическія замѣтки о своемъ лицѣ, которыя онъ потомъ, безъ просьбы моей, передавалъ мнѣ «для сохраненія въ потомствѣ».

Къ несчастію, въ этотъ разъ ему уже не суждено было выздоровѣть!

Въ первыхъ дняхъ октября, бѣднаго отвезли, почти силою, въ Гатчину, гдѣ приставили къ нему частнаго пристава Цылова, человѣка издавна ему преданнаго, и одного изъ врачей дома умалишенныхъ, доктора Вертера. Здѣсь, проводя цѣлые дни въ неумолчномъ говорѣ, безъ сна и пищи, онъ, при малѣйшемъ возраженіи, даже если просто перебивали его рѣчь, впадалъ въ бѣшенство, билъ стекла и рвалъ на себѣ платье. Изъ семейства никто не былъ къ нему допускаемъ, потому что видъ кого-либо изъ своихъ только еще болѣе его раздражалъ. Наконецъ Богъ умилосердился надъ страдальцемъ. Безпрестанное ненормальное напряженіе духа разрушило его организмъ. Утихнувъ только наканунѣ смерти, онъ скончался 4-го ноября 1850 года, на 58 году отъ роду. 7-го былъ совершенъ надъ тѣломъ погребальный обрядъ въ Троицкой церкви Измайловскаго полка, и потомъ его отвезли въ Сергіевскую пустыню. При печальной церемоніи присутствовали государь и великіе князья, кромѣ наслѣдника цесаревича, которому судьба не позволила отдать послѣдній долгъ бывшему наставнику; его высочество

[1]) Но взгляните на этого бѣднаго Кавелина, онъ опять сумасшедшій.

совершалъ въ то время, какъ уже сказано было выше, многознаменательное путешествіе свое по Кавказскому краю.

Миръ праху твоему, благородный и добрый человѣкъ, вѣрный слуга царскій, положившій на службу монарху лучшее достояніе человѣческой природы—разумныя свои силы!

Извѣстно, что день восшествія на престолъ императора Николая, съ перваго года его царствованія, установлено было праздновать 20-го ноября, хотя Александръ Благословенный скончался 19-го числа; но это празднованіе существовало лишь въ календарѣ и, ограничиваясь свободою присутственныхъ мѣстъ отъ засѣданій и учебныхъ заведеній отъ классовъ, никогда не сопровождалось ничѣмъ особеннымъ при дворѣ, такъ что государь не выходилъ даже и къ обѣднѣ. И въ 1850 году, когда наступило двадцатипятилѣтіе славнаго царствованія, онъ заранѣе всѣмъ объявилъ, что не намѣренъ ничѣмъ отличить этого дня отъ другихъ.

— Съ одной стороны—говорилъ онъ,—какой тутъ для меня праздникъ? 20-го ноября 1825 я былъ просто бригаднымъ командиромъ [1]), и самое восшествіе мое на престолъ могу считать только съ 14-го декабря. Съ другой стороны 20-е число сопряжено для меня съ столькими грустными воспоминаніями, по предшествовавшей ему кончинѣ моего благодѣтеля, что я очень далекъ отъ того, чтобы считать его какимъ-нибудь торжествомъ, и не болѣе вижу причины праздновать за 25 лѣтъ, чѣмъ за 15, или за 10.

Вслѣдствіе того, 20-го ноября 1850 года не послѣдовало никакихъ приглашеній въ Царское Село, гдѣ находился еще въ то время дворъ и, по убѣжденію наслѣдника цесаревича, государь позволилъ отличить этотъ юбилей лишь—молитвою. Въ 1 часу былъ въ Царскосельской дворцовой церкви благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, но въ присутствіи только цесаревича [2]), его супруги, дѣтей и братьевъ, государь же и императрица находились при молебнѣ, такъ сказать, инкогнито, на хорахъ. Въ Петербургѣ сбирались сдѣлать по крайней мѣрѣ иллюминацію, отличавшуюся отъ обыкновенныхъ, и вездѣ уже были настроены лѣса, какъ 18-го числа вдругъ пришло повелѣніе ихъ разобрать и всѣ приготовленія уничтожить, ограничивъ иллюминацію, какъ всегда бываетъ въ царскіе дни, однѣми плошками. Наконецъ, даже освященіе постояннаго Николаевскаго моста, вполнѣ оконченнаго къ двадцатипятилѣтію царствованія, государь не захотѣлъ совершить въ роковое 20-е число. Оно происходило только на другой день, 21-го, и при

---

[1]) Императоръ Александръ II отмѣтилъ: „дивизіоннымъ начальникомъ“.

[2]) Императоръ Александръ II добавилъ: «и императрицы».

томъ съ неожиданною простотою. Освятительный молебенъ совершалъ, въ 10 часовъ утра, священникъ института корпуса сообщеній, при однихъ чинахъ этого вѣдомства; государь же, присутствовавъ при церковномъ парадѣ на полковомъ праздникѣ л.-гв. Семеновскаго полка, пріѣхалъ къ мосту уже въ половинѣ 2-го, только съ цесаревичемъ и его братьями и съ княземъ Чернышевымъ, безъ другой свиты, такъ какъ никому не было послано повѣщенія. У моста ожидали его графъ Клейнмихель со всѣми офицерами своего корпуса и графъ Вронченко съ членами биржеваго и городскаго управленій; кромѣ того на улицахъ, въ окнахъ и даже на крышахъ, кипѣло безчисленное множество народа. Какъ скоро государь вышелъ изъ коляски, чтобы пройти по мосту, вся эта толпа хлынула за нимъ, и онъ совершилъ свой первый переходъ въ торжественномъ сопровожденіи половины Петербургскаго населенія, занявшей плотно всю ширину моста. Когда онъ сталъ приближаться къ противуположному берегу, его встрѣтило громкое у р а! поставленныхъ тамъ робочихъ, которое, будучи подхвачено толпою, не умолкало потомъ на всемъ возвратномъ шествіи. На половинѣ его, государь поздравилъ строителя Кербедза, шесть лѣтъ передъ тѣмъ еще капитана, генераломъ и и кавалеромъ ордена св. Владиміра 3-й степени, сѣлъ съ цесаревичемъ въ коляску и, проѣхавъ остальную половину моста шагомъ, немедленно затѣмъ удалился. Этимъ все и кончилось. Едва государь уѣхалъ, какъ на мосту началось настоящее гулянье пѣшеходовъ и въ экипажахъ, двигавшихся шагомъ, въ два ряда.—Тутъ показались и великія княгини Марія Николаевна и Александра Іосифовна. Бывшія передъ тѣмъ оттепели совершенно согнали снѣгъ, и мостъ, также какъ и принадлежащія къ нему части площади и улицъ, были усыпаны пескомъ, какъ бы среди лѣта; но только-что открыли проѣздъ по мосту для публики, пошелъ снѣгъ, и къ вечеру все приняло совершенно зимній видъ. До того и во всю церемонію день стоялъ самый мрачный, такой, какіе рѣдки даже и въ Петербургской осени.

Послѣ былъ обѣдъ въ Царскосельскомъ дворцѣ, но единственно для офицеровъ Семеновскаго полка [1]), по случаю ихъ полковаго праздника.

14-е декабря, тотъ день, который императоръ Николай считалъ днемъ настоящаго восшествія своего на престолъ, въ 1850 году имѣлъ особенное значеніе. 25 лѣтъ передъ тѣмъ энергія и присутствіе духа молодаго царя спасли Россію; но при тогдашнихъ мрачныхъ предзнаменованіяхъ и при общемъ почти предубѣжденіи противъ личности великаго князя Николая Павловича, многимъ ли, въ то время, дано было предугадать будущее, это будущее, которое мы теперь называемъ уже про-

[1]) Императоръ Александръ добавивъ: „и для строителей моста“.

шедшимъ и которое такъ славно и величественно разрѣшило всѣ сомнѣнія и вопросы той эпохи! Двадцать пять лѣтъ рыцарской доблести, высшаго государственнаго разума, неизмѣнной твердости, неусыпно-терпѣливаго трудолюбія и добросовѣстнѣйшаго самоотверженія,—какая славная сокровищница воспоминаній!

Скромный лѣтописецъ дня 14-го декабря не удостоился чести находиться при празднованіи его двадцатипятилѣтія въ чертогахъ царскихъ; но вотъ слышанное мною тогда же отъ очевидцевъ.

Въ 11 часовъ собраны были въ малую дворцовую церковь, по обыкновенію, всѣ сподвижники 14-го декабря 1825 года [1]), сколько ихъ оставалось еще на лицо, къ благодарственному молебствію и къ «вѣчной памяти» рабу Божію графу Михаилу и всѣмъ другимъ, падшимъ въ этотъ день за царя и отечество, но, сверхъ всегдашнихъ гостей, приглашены были, на этотъ разъ, и офицеры гвардейскихъ полковъ: Преображенскаго, Семеновскаго и Лейбъ-Гренадерскаго, которыхъ императоръ Николай считалъ себя съ этого числа 25-ти-лѣтнимъ шефомъ. Послѣ молебствія и обычнаго цѣлованія, государь вышелъ въ Арабскую залу, гдѣ стояли офицеры сказанныхъ полковъ, и поблагодаривъ сперва всѣхъ вообще за вѣрную службу, обратился потомъ съ отдѣльнымъ словомъ къ преображенцамъ.

— А васъ, преображенцы—сказалъ онъ [2]),—благодарю въ особенности. Вы знаете, какимъ страннымъ случаемъ мы болѣе сблизились [3]), а потому мы составляемъ общую семью, и моя семья принадлежитъ вамъ, такъ какъ вы принадлежите мнѣ. Вотъ вамъ три поколѣнія—онъ въ это время держалъ за руку цесаревича и старшаго его сына;—теперь вы знаете, кому служить. Служите же имъ такъ, какъ вы служили мнѣ и ваши дѣти, надѣюсь, будутъ служить моимъ такъ, какъ вы служили мнѣ.

Слова эти были произнесены тономъ рѣзкимъ, отрывочнымъ, въ которомъ слышались слезы. Кругомъ все рыдало...

Послѣ этой умилительной церемоніи былъ, на Адмиралтейской площади, большой парадъ всему гвардейскому корпусу. Здѣсь проходя мимо 1-го батальона Преображенскаго полка и замѣтивъ, что полковникъ заботливо приводитъ людей въ порядокъ, государь сказалъ ему громко, въ общее услышаніе:

---

[1]) Императоръ Александръ II добавилъ: „такъ какъ это повторялось каждый годъ“.

[2]) Въ такомъ видѣ рѣчь государева записана была, вслѣдъ за ея произнесеніемъ, общимъ трудомъ офицеровъ.

[3]) Намекъ на 14-е декабря 1825 г., гдѣ Преображенскій полкъ п е р в ы м ъ явился къ государю на площадь.

— Оставь, никому не уступлю чести командовать 1-мъ баталіономъ Преображенскаго полка.

Къ сожалѣнію, двумя полками на этомъ парадѣ: Кавалергардскимъ и Конногвардейскимъ, онъ остался чрезвычайно недоволенъ и тутъ же изъявилъ ихъ начальникамъ свое неудовольствіе, приказавъ сдѣлать имъ на другой день повтореніе на Семеновскомъ плацу.

На этотъ же другой день, т. е. 15-го, былъ парадный обѣдъ въ большой аванзалѣ Зимняго дворца, опять для всѣхъ принимавшихъ участіе въ потушеніи бунта 14-го декабря, для военной свиты государевой и для офицеровъ трехъ упомянутыхъ полковъ, въ томъ числѣ и вышедшихъ въ отставку, или перемѣнившихъ родъ службы. За обѣдомъ, на которомъ присутствовали и всѣ царственныя дамы, государь, при громѣ военной музыки, произнесъ тостъ:

— «За здоровье моихъ сослуживцевъ», а послѣ стола разговаривалъ милостиво со всѣми служившими въ 1825 году, ротными командирами въ Преображенскомъ полку, въ настоящую эпоху, разумѣется уже генерами.

14-е декабря 1850 года ознаменовалось еще небывалой дотолѣ у насъ наградою. Ипподіаконъ Прохоръ Ивановъ, о подвигахъ котораго я говорилъ въ моемъ описаніи этого дня въ 1825 году, былъ украшенъ—п е р в ы й въ дьяконскомъ санѣ отъ существованія нашей церкви—орденомъ св. Анны 3-й степени. Императору Николаю и въ этомъ случаѣ не измѣнила память сердца!

XXII.

1851 годъ.

Занятія барона Корфа съ герцогомъ Мекленбургъ-Стрѣлицкимъ.—Парадный выходъ на Іордань.—Военный министръ кн. Долгорукій.—Разговоръ съ маской.—Дѣло въ Государственномъ Совѣтѣ объ отдачѣ всѣхъ дорогъ въ вѣдомство путей сообщенія.—Передача въ Публичную библіотеку изъ Эрмитажной всѣхъ латинскихъ книгъ.—Варшавскія балетныя танцовщицы въ Петербургѣ.

Въ день новогодія, большаго выхода не было, и только приближенные собрались къ обѣднѣ въ малую церковь. Послѣ Божественной службы, государь, по обыкновенію, обходилъ высшихъ сановниковъ и, увидѣвъ меня, пожалъ мнѣ руку и спросилъ шутя: «Ну что, много ли у тебя прибываетъ книгъ?»—Потомъ, пройдя нѣсколько шаговъ далѣе, онъ вдругъ воротился опять назадъ и съ словами: «à propos, мнѣ надо тебѣ кое-что сказать», взялъ меня подъ руку и увелъ въ столовую, возлѣ ротонды.

— Женихъ Екатерины Михаиловны [1]),—сказалъ онъ, когда за нами затворились двери,—какъ я по всему вижу, прекрасный и образованный молодой человѣкъ, желающій и обѣщающій быть полезнымъ новому своему отечеству. Для этого ему не достаетъ, однако же, двухъ существенныхъ вещей: знанія нашего языка и знанія Россіи. Первое будетъ дѣломъ времени и уроковъ, которые онъ намѣренъ брать; въ послѣднемъ я полагаю надежду на тебя. Чтобы ознакомиться съ Россіею, ему необходимо начать прежде всего съ государственнаго ея быта и устройства. Я говорилъ объ этомъ съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ (Блудовымъ); но сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ мнѣ указать способнаго человѣка: тутъ нуженъ не одинъ просто-ученый, тѣмъ менѣе педантъ, который набьетъ съ перваго раза аскомину, а больше всего государственный человѣкъ, который обнимаетъ вещи свыше и знаетъ не только прошедшее, но и намѣренія правительства. Могу ли надѣяться, что ты окажешь мнѣ эту дружбу? Прошу тебя о томъ въ одолженіе себѣ и Еленѣ Павловнѣ и въ память покойнаго брата, который такъ тебя любилъ... Пожалуйста же устрой это дѣло.

Я отвѣчалъ, что почту за счастіе, сколько умѣю и пр., но что тутъ есть одно затрудненіе, именно необходимость объясняться съ герцогомъ не на родномъ языкѣ.

— Помилуй—возразилъ государь—да ты говоришь по-французски и по-нѣмецки такъ же свободно, какъ и по-русски!

— Такъ, ваше величество, но объ этихъ высшихъ государственныхъ предметахъ и вопросахъ мы привыкли д у м а т ь, а слѣдственно и говорить преимущественно на своемъ языкѣ.

— Не принимаю этой отговорки, да не хочу и видѣть въ твоихъ словахъ непривычной отъ тебя отговорки. Кто-то тамъ изъ вашихъ поэтовъ сказалъ: Ce que l'on conçoit bien s'énonce clairement [2]). А ты мнѣ никогда ни въ чемъ не отказывалъ, и память брата вѣрно вдохновитъ тебя. Повторяю, ты это сдѣлаешь и для меня и для него.

Мнѣ оставалось только припасть къ его рукѣ.

Никто не обладалъ болѣе императора Николая обаятельнымъ искусствомъ п р о с и т ь, тогда какъ всякое его слово уже и безъ того, и по долгу, и по чувству, принималось нами за священное приказаніе.

Дальнѣйшій ходъ этого дѣла относился уже только лично до меня; почему ему и не мѣсто въ *настоящихъ* листахъ.

---

[1]) Герцогъ Мекленбургъ-Стрѣлицкій Георгъ, не задолго передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Петербургъ и помолвленный съ единственною изъ пережившихъ дочерей покойнаго великаго князя Михаила Павловича.

[2]) Государь договорилъ и слѣдующій стихъ этого извѣстнаго изреченія Буало.

Въ 1851 году государю удалось, наконецъ, исполнить давнишнее свое желаніе: именно совершить въ праздникъ Богоявленія тотъ парадный выходъ на Іордань, котораго Петербургъ, за постоянно препятствовавшею ему погодою, или другими обстоятельствами, не видалъ съ 1819 года. Въ этотъ разъ, при двухъ всего градусахъ холода и довольно тихой погодѣ, дѣло сошло прекрасно. Первоначальная мысль была размѣстить всѣ войска на самой рѣкѣ; но оказалось, что пѣхотный полкъ вѣситъ до 13.000, а Кавалерійскій до 45.000 пудовъ и, при тогдашней теплой зимѣ, не рѣшились довѣрить тонкому льду такую ношу. Вслѣдствіе того войска были разставлены, густыми колоннами, вокругъ дворца, по набережной и площадямъ, а процессія двинулась, черезъ весь большой дворцовый дворъ, къ главнымъ воротамъ, и оттуда, обогнувъ дворецъ направо, по дорожкѣ, усыпанной сверхъ снѣга пескомъ, къ Іордану, устроенному на всегдашнемъ его мѣстѣ. За многочисленнымъ духовенствомъ шли рука объ руку, цесаревна и великая княгиня Марія Николаевна, а вслѣдъ за ними, попарно, придворныя дамы и фрейлины, всего, однако, не болѣе восьми паръ, потому что прочія, побоявшись простуды, или остались въ залахъ, или совсѣмъ не пріѣхали во дворецъ. Государь, цесаревичъ и пр. ѣхали возлѣ процессіи верхомъ и во всю церемонію водоосвященія оставались на лошадяхъ. Устроивая передъ тѣмъ войска, они вообще въ этотъ день совсѣмъ не входили въ церковь, гдѣ за литургіею присутствовали только обѣ великія княгини, участвовавшія потомъ въ крестномъ ходѣ, и герцогъ Лейхтенбергскій. При опущеніи креста въ воду, загремѣли пушки какъ съ крѣпости, такъ и со стрѣлки у биржи, гдѣ стояла артиллерія. Все заключилось церемоніальнымъ маршемъ мимо государя, ставшаго у наслѣдничьяго подъѣзда.

Князь Чернышевъ, при увеличивавшейся его болѣзненности, а отъ нея и дряхлости, не могъ болѣе переносить совокупно лежавшаго на немъ бремени должностей предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ и военнаго министра.

По ходатайству его рѣшено было, съ начала 1851 года, всю хозяйственную часть военнаго министерства отдѣлить въ самостоятельное управленіе его товарища, князя Долгорукова, съ тѣмъ чтобы послѣдній лишь въ нѣкоторыхъ, особенно важныхъ случаяхъ, испрашивалъ разрѣшеніе министра, дѣлая впрочемъ всѣ свои доклады государю не иначе, какъ въ его присутствіи. Это былъ, въ короткое время, уже второй случай, что при живомъ и дѣйствующемъ министрѣ завѣдываніе текущими дѣлами, или, по крайней мѣрѣ, частію ихъ, передавалось товарищу, а при личныхъ докладахъ послѣдняго, министръ присутствовалъ почти лишь какъ совѣщательный слушатель. Подобное же распоряженіе испросилъ, незадолго передъ тѣмъ, государственный

канцлеръ графъ Нессельродъ для министерства иностранныхъ дѣлъ. И надобно замѣтить, что, въ обоихъ случаяхъ, это было послѣдствіемъ не какой-либо немилости къ лицу министровъ, а, напротивъ, избытка милости, въ уваженіе къ ихъ заслугамъ и преклоннымъ лѣтамъ.

Императоръ Николай и въ зиму 1851 года все еще продолжалъ любить и часто посѣщать публичные маскарады, особенно въ Дворянскомъ собраніи, гдѣ они отличались бо́льшею живостію и многолюдствомъ, нежели въ Большомъ театрѣ. На одномъ изъ такихъ маскарадовъ, къ нему подошла какая-то женская маска съ восклицаніемъ:

— Я тебя знаю.

— И я тебя.

— Не можетъ быть.

— Точно знаю.

— Кто же я такая?

— «Дура» и отвернулся.

Отвѣтъ очень мѣткій на важное открытіе, что маска знаетъ—государя, произнесенное еще по-русски, слѣдственно, по всей вѣроятности, какою-нибудь горничною, или прачкою.

Дороги во всемъ государствѣ, кромѣ шоссейныхъ, всегда вѣдались, черезъ посредство губернаторовъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій, завѣдывая единственно дорогами искусственными, т. е., шоссе, не имѣло никакого прикосновенія къ прочимъ. Вдругъ, въ 1849 году, по непосредственному, безъ всякаго сношенія съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, докладу графа Клейнмихеля, государь повелѣлъ устройство и завѣдываніе всей вообще дорожной части въ имперіи сосредоточить исключительно въ главномъ управленіи путей сообщенія, утвердивъ на сей конецъ и поднесенное графомъ особое положеніе, но съ тѣмъ, чтобы оно имѣло дѣйствіе, въ видѣ опыта, три года, а по истеченіи ихъ было представлено на окончательное разсмотрѣніе, въ установленномъ порядкѣ. Лишь только положеніе сіе огласилось, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій, вооружился противъ него съ крайнимъ ожесточеніемъ и, въ неоднократныхъ запискахъ государю, старался оспорить какъ самое основаніе мѣры, такъ и всѣ подробности новаго положенія, домогаясь его отмѣны и возстановленія вполнѣ прежняго порядка. Эти возраженія и опроверженія противъ нихъ графа Клейнмихеля безпрестанно возобновлялись, болѣе года, такъ что государь приказалъ, наконецъ, разсмотрѣть все дѣло въ Государственномъ Совѣтѣ, который, съ своей стороны, передалъ его на предварительное соображеніе во II-е отдѣленіе собственной его величества канцеляріи. Здѣсь графъ Блудовъ взялъ сторону графа Клейнмихеля, а соединенные департа-

менты законовъ и экономіи, куда заключеніе Блудова поступило въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1850 года, ограничились лишь разсмотрѣніемъ вопроса о томъ: представляются ли довольно настоятельныя причины къ отмѣнѣ высочайше утвержденнаго Положенія 1849 года прежде истеченія трехлѣтняго срока, назначеннаго для испытанія его на опытѣ, и, разрѣшивъ этотъ вопросъ отрицательно, разборъ возраженій графа Перовскаго противъ сущности и подробности сего Положенія заключили отложить до минованія упомянутаго срока, т. е. до того времени, когда оно будетъ представлено на окончательное разсмотрѣніе. Журналъ о семъ, возросшій, отъ многихъ и продолжительныхъ споровъ обоихъ министровъ, до огромной книги, листовъ во сто, но въ которомъ собственное заключеніе департаментовъ занимало всего нѣсколько лишь страничекъ, они передали сперва, по формамъ Совѣта, Перовскому, отъ котораго онъ воротился съ коротенькимъ отзывомъ, что министръ сей остается при прежнемъ своемъ мнѣніи. Въ такомъ видѣ дѣло было заявлено къ слушанію въ общемъ собраніи Совѣта и выложено въ его залѣ открытымъ для предварительнаго прочтенія всѣми членами. Но, какъ бы нарочно, цѣлые два мѣсяца отъ этого времени заболѣвали, поочередно, то Клейнмихель, то Перовскій, и два чрезвычайныя засѣданія, назначавшіяся для разбора ихъ борьбы, были одно за другимъ отмѣнены, а между тѣмъ все болѣе и болѣе разгорались страсти. Ни тотъ, ни другой изъ противниковъ не пользовались особеннымъ расположеніемъ публики, но и у того, и у другаго были, однакожъ, свои приверженцы, и эти приверженцы, враги и друзья, обратили ихъ дѣло нѣкоторымъ образомъ въ общее дѣло цѣлаго города. Вся публика провѣдала и о предметѣ спора, и о подробностяхъ его обстановки, и о заключеніи соединенныхъ департаментовъ, и всѣ въ обществѣ, раздѣлясь на два стана, съ нетерпѣливымъ любопытствомъ ждали минуты, когда оба соперника выйдутъ на бой лицомъ къ лицу, и чѣмъ онъ окончится. Наконецъ, въ январѣ 1851 года, тяжущіеся выздоровѣли; ничто болѣе не мѣшало приступить къ развязкѣ драмы, и давно ожидаемое дѣло было назначено къ слушанію на понедѣльникъ, 15-го числа. Наканунѣ нашъ предсѣдатель, князь Чернышевъ, при частомъ со мною разговорѣ, на вечерѣ у себя, отозвался, что совершенно раздѣляетъ взглядъ соединенныхъ департаментовъ (я тоже въ нихъ присутствовалъ), придавая даже дѣйствіямъ Перовскаго какъ-бы значеніе оппозиціи противъ монаршей воли. Это, кажется, было нѣкоторымъ отголоскомъ свыше. По крайней мѣрѣ министръ государственныхъ имуществъ, графъ Киселевъ, имѣвшій свой докладъ всегда по понедѣльникамъ, передъ Совѣтомъ, разсказывалъ мнѣ послѣ, что въ этотъ день государь отпустилъ его съ словами:

— Ну что, теперь вы идете *меня судить*? Надѣюсь, однако жъ, что мнѣ не запретятъ приказывать.

Сначала засѣданіе было чрезвычайно скучно: ибо, несмотря на то, что всѣ члены предварительно уже прочли журналъ соединенныхъ департаментовъ, князь Чернышевъ призналъ нужнымъ соблюсти формальность и велѣлъ снова читать его въ общее услышаніе, что̀ заняло болѣе трехъ часовъ. За то, когда чтеніе окончилось и графъ Перовскій выступилъ впередъ, общее вниманіе напряглось въ высшей степени и половина членовъ обступила оратора, чтобы не потерять ни слова изъ его рѣчи. Для людей опытныхъ, съ перваго ея слова замѣтно было, что она выучена наизусть по-написанному, а такая рѣчь никогда не можетъ произвесть того эффекта, какъ импровизація. Обладавъ, однако, чудесною памятью, Перовскій говорилъ безостановочно, я думаю, съ полчаса и, вмѣсто вопроса: есть ли настоятельная причина *тотчасъ* отмѣнить дѣйствіе Положенія 1849 года, вошелъ въ подробное разсмотрѣніе частныхъ его недостатковъ. Отвѣтъ графа Клейнмихеля, произнесенный въ большомъ раздраженіи и отрывочными фразами, отнюдь не имѣлъ силы, соотвѣтственной нападенію его противника. Онъ ограничивался наиболѣе стараніемъ доказать, что новое Положеніе измѣнило лишь *вѣдомство* управленія, но нисколько самыя его *правила*, и ссылался на единодушныя похвалы и благодарность, поступающія отъ всѣхъ губернаторовъ за это Положеніе. На *первое* Перовскій возразилъ развитіемъ обстоятельствъ, изъ которыхъ, по его мнѣнію, оказывалось, что Положеніе 1849 года не только измѣнило существовавшія дотолѣ правила, но даже потрясло права губернаторовъ и самаго дворянства, «чего,—продолжалъ онъ,—конечно не могло быть въ виду государя императора при утвержденіи Положенія по одностороннему докладу главноуправляющаго, такъ какъ мы видимъ теперь, что и самъ докладывавшій того не зналъ»... На *второе* Перовскій отозвался, что если главноуправляющимъ получаются похвалы за Положеніе 1849 года, то, напротивъ, до него, Перовскаго, доходятъ со всѣхъ сторонъ единодушныя жалобы, доказывающія, что дѣло не можетъ такъ продолжаться. За исключеніемъ обоихъ соперниковъ, изъ числа всѣхъ прочихъ членовъ сказалъ нѣсколько словъ въ защиту Клейнмихеля только графъ Блудовъ, и, хотя они произнесены были безъ свойственной ему обыкновенно энергіи, однако дѣло, въ предѣлахъ вопроса, постановленнаго соединенными департаментами и снова повтореннаго княземъ Чернышевымъ, видимо склонялось въ пользу Клейнмихеля, какъ вдругъ всталъ наслѣдникъ цесаревичъ.

— Позвольте и мнѣ,—произнесъ онъ среди общаго безмолвія,—сказать нѣсколько словъ по этому предмету. Что касается собственно до настоящаго дѣла, то хотя многія замѣчанія министра внутреннихъ дѣлъ

кажутся мнѣ основательными, однако всякое сужденіе объ нихъ теперь я считаю преждевременнымъ, такъ какъ Положеніе уже утверждено государемъ императоромъ, въ видѣ опыта, на три года, слѣдственно, возможность и обязанность постановить наше заключеніе настанетъ только по истеченіи этихъ трехъ лѣтъ. Но, чтобы не быть намъ поставленными въ такое же непріятное положеніе когда-нибудь и впредь, я считаю совершенно необходимымъ и справедливымъ ходатайствовать у государя именемъ Государственнаго Совѣта о подтвержденіи всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ (послѣднее слово было произнесено съ особеннымъ удареніемъ), чтобы на будущее время, по дѣламъ, прикосновеннымъ къ другому вѣдомству, никто изъ нихъ не могъ входить съ докладами, или испрашивать высочайшихъ повелѣній, даже и временно, или въ видѣ опыта, иначе, какъ по сношенію и соглашенію съ тѣми, до кого предметъ касается. Вотъ мое искреннее мнѣніе, отъ котораго я не могу отступить и которое прошу Государственный Совѣтъ повергнуть на высочайшее воззрѣніе.

Нельзя вообразить себѣ электрическаго дѣйствія, которое эта рѣчь, произнесенная съ такимъ же достоинствомъ и величіемъ, какъ и спокойствіемъ, произвела на всѣхъ присутствовавшихъ. Цесаревичъ выразилъ то, что было въ мысли у многихъ, но чего никто, кромѣ именно его, не могъ и, можетъ быть, не смѣлъ выговорить. Клейнмихель не нашелся сказать ни слова; между всѣми прочими членами пробѣжалъ общій шопотъ одобренія, а Перовскій выросъ цѣлою головою и сталъ предлагать, чтобы по крайней мѣрѣ въ тѣхъ губерніяхъ, на которыя еще не распространенъ новый порядокъ, его не вводить. Цесаревичъ и тутъ отвѣчалъ съ большою силою, что какъ высочайшая воля была и есть произвести повсемѣстный опытъ и уже по послѣдствіямъ его придти къ окончательному заключенію, то противно было бы сей волѣ останавливаться такимъ опытомъ, или дѣлать его не вполнѣ и не вездѣ. Далѣе, Перовскій пытался еще навести сомнѣніе въ томъ, представитъ ли главноуправляющій путями сообщенія, къ указанному сроку, окончательный проектъ и, въ подтвержденіе сему сомнѣнію, предъявилъ печатный экземпляръ какого-то другаго Положенія по тому же вѣдомству, утвержденнаго въ 1843 году, также въ видѣ опыта, на два года, и все еще остающагося въ своемъ дѣйствіи. Отвѣтъ на это Клейнмихеля, въ очень рѣзкомъ тонѣ, былъ тотъ, что какъ уже есть повелѣніе внести проектъ, то, при привычкѣ его неупустительно исполнять высочайшую волю, сіе, конечно, будетъ сдѣлано и въ настоящемъ случаѣ. Этимъ споръ завершился, и Чернышевъ провозгласилъ окончательно, что «Государственный Совѣтъ утверждаетъ заключеніе соединенныхъ департаментовъ, со сдѣланною его высочествомъ прибавкою».

— На чьей же сторонѣ осталась побѣда?—спрашивали члены, расхо-

дясь изъ засѣданія. Конечно, не на сторонѣ Перовскаго: ибо, хотя противной сторонѣ поставленъ на видъ неправильный ея образъ дѣйствія, однако возраженія его, Перовскаго, признаны несвоевременными, и самое Положеніе, противъ котораго онъ протестовалъ, оставлено въ своей силѣ. Но, конечно, и не на сторонѣ Клейнмихеля: ибо, хотя Положеніе оставлено въ своей силѣ, но не по внутреннему его достоинству, напротивъ, весьма оспоренному, а только потому, что оно высочайше утверждено, самый же образъ исходатайствованія, или исхищенія этого утвержденія признанъ неправильнымъ, и Клейнмихелю сдѣлано за то, отъ наслѣдника престола, хотя косвенное и осторожное, но тѣмъ не менѣе весьма сильное гласное замѣчаніе. Наконецъ, и не на сторонѣ соединенныхъ нашихъ департаментовъ: ибо, хотя заключеніе ихъ утверждено, но упомянутое замѣчаніе могло быть отнесено, частію, и къ нимъ, какъ не выставившимъ замѣченнаго цесаревичемъ важнаго нарушенія формы. Словомъ, дѣло было такого рода, что каждая сторона, болѣе или менѣе, могла сказать, по простонародной поговоркѣ: ненарокомъ, да съ оброкомъ!

Исторія этого замѣчательнаго засѣданія немедленно доведена была княземъ Чернышевымъ, въ предварительномъ докладѣ, до высочайшаго свѣдѣнія. Государь вполнѣ одобрилъ все, сказанное цесаревичемъ, велѣвъ только, вмѣсто внесенія его рѣчи, соотвѣтственно общему порядку, въ журналъ Совѣта, облечь сущность ея въ форму высочайшаго повелѣнія, какъ бы непосредственно отъ государя исшедшаго, и въ этомъ видѣ объявить Комитету министровъ, съ такою прибавкою, чтобы впредь въ случаѣ представленій, касающихся предметовъ двухъ или болѣе вѣдомствъ въ совокупности, они были подносимы всегда за общимъ подписаніемъ начальниковъ каждаго изъ нихъ. Такимъ образомъ, слѣдъ рѣчи наслѣдника цесаревича остается только въ настоящихъ моихъ листахъ. Побужденіе, руководившее государя въ этомъ измѣненіи порядка, наблюдаемаго въ Совѣтѣ при составленіи журналовъ, представлялось, впрочемъ, очень естественнымъ. Цѣлію его было и въ этомъ случаѣ охранить всю, такъ сказать, дѣвственность самодержавія, не допустивъ примѣра, чтобы Совѣтъ присвоилъ себѣ, даже и въ лицѣ сына и наслѣдника царскаго, иниціативу въ предметѣ, содержавшемъ въ себѣ косвенное порицаніе собственнаго попущенія императора.

Въ началѣ года, князь Волконскій вдругъ сообщилъ мнѣ высочайшее повелѣніе о томъ, что въ Публичную библіотеку переданы будутъ изъ Эрмитажной всѣ вообще книги на латинскомъ языкѣ.

— Что это значитъ?— спросилъ я у князя при свиданіи.

— То, что государь терпѣть не можетъ латыни съ тѣхъ еще поръ, когда его мучили надъ нею въ молодости и не хочетъ, чтобы въ новомъ

музеѣ (такъ, на первыхъ порахъ, называли иногда вновь отстроенный Эрмитажъ) оставалось что-нибудь на этомъ, ненавистномъ ему языкѣ.

Спустя нѣсколько дней послѣ того, при бракосочетаніи великой княжны Екатерины Михайловны съ герцогомъ Мекленбургскимъ (4-го февраля), государь, увидѣвъ меня, спросилъ, шутя:

— Ну что, не выпрыгиваютъ ли у тебя книги изъ библіотеки? А я велѣлъ, чтобъ къ тебѣ впрыгнули всѣ латинскія книги изъ Эрмитажа: терпѣть не могу вокругъ себя этой тоски!

— А мнѣ, государь, на-дняхъ удалось купить для библіотеки вашъ дѣтскій автографъ на латинскомъ языкѣ: склоненія и спряженія [1]).

— Въ самомъ дѣлѣ? Поздравляю: желаю, чтобъ это обратилось тебѣ въ пользу.

Впослѣдствіи, по представленію начальника музея, что ему необходимы тѣ изъ латинскихъ сочиненій, которыя, по своему содержанію, имѣютъ отношеніе къ предметамъ его коллекцій: археологическихъ, нумизматическихъ и пр., упомянутое повелѣніе было отмѣнено, и государь, вмѣсто того, приказалъ обратить въ Публичную библіотеку всѣ книги по части богословія, правовѣдѣнія, медицины, философіи и пр.

Государю, въ продолженіе многократныхъ его пребываній въ Варшавѣ, чрезвычайно понравился тотъ особенный шикъ, съ которымъ поляки танцуютъ мазурку, и онъ захотѣлъ подѣлиться этимъ удовольствіемъ съ петербургскою публикою. Въ слѣдствіе того, изъ Варшавской балетной труппы выписали сюда четыре пары, и 2-го февраля онѣ дебютировали у насъ своею національною мазуркою, вставленною въ Моцартову оперу: Le nozze di Figaro. Публика была приведена въ такой восторгъ этимъ танцомъ, что рукоплесканія перешли, наконецъ, въ изступленные крики. Но всего интереснѣе тутъ былъ—самъ государь. Всегда столь спокойный и неподвижный въ своей ложѣ, онъ, въ это представленіе, махалъ руками для поднятія занавѣса, подавалъ знаки оркестру, билъ тактъ и пр. Словомъ, во всемъ видно было великодушное его желаніе, чтобы вызванные имъ изъ Варшавы танцоры встрѣчены были радушнымъ пріемомъ со стороны петербургской публики.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Послѣ умершаго сенатскаго оберъ-секретаря Фіалковскаго, собиравшаго всякія рѣдкости и старину.

Свиданіе императора Александра I съ королемъ прусскимъ.

Рескриптъ генералъ-прокурору Бсклешову.

29-го мая 1802 г., Палангенъ.

Александръ Андреевичъ! Въ проѣздъ мой по губерніямъ Эстляндской, Лифляндской и Курляндской, прибылъ я благополучно сего 28-го числа вечеромъ въ Палангенъ. А какъ въ то же время, по случаю обыкновенныхъ королевскихъ прусскихъ ревю войскъ, его величество король находился въ Мемелѣ, то условились мы имѣть свиданіе въ семъ городѣ, куда я и отправляюсь завтрашняго утра и пробуду нѣсколько дней. О чемъ повелѣваю вамъ извѣстить Правительствующій Сенатъ.

РАЗБИТАЯ ЖИЗНЬ.

РАЗСКАЗЪ ССЫЛЬНАГО.

(Къ исторіи бродяжничества на Руси).

I.

Кончина родителей и моя сиротская жизнь.—Заключеніе въ Одесскій тюремный замокъ.—Освобожденіе изъ тюрьмы.—Жизненныя неудачи по освобожденіи.—Вторичное заключеніе въ тюрьму.—Переводъ изъ Одесской въ Херсонскую тюрьму.

Въ четырехъ или въ пяти верстахъ отъ Одессы, расположена деревушка Кривая-Балка, заселенная мѣщанами Одесскаго общества. Среди обыкновенныхъ малороссійскихъ хатъ, крытыхъ соломою, и землянокъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ, на краю деревни, тридцать лѣтъ тому назадъ, красовался барскій домъ, принадлежавшій не знаю откуда пріѣхавшему и поселившемуся въ Кривой-Балкѣ отставному чиновнику, фамилію котораго я забылъ, но хорошо помню, что начинается буквой «В.» и оканчивается на «скій». Вблизи дома былъ садъ, прудъ и виноградникъ, а съ другой стороны, прилегающей къ степи, стояла одинокая хата, отдѣлявшаяся отъ сосѣдней усадьбы глубокимъ оврагомъ. При хатѣ было двѣ десятины земли, принадлежавшей тому же В—скому.

Отецъ мой, занимавшійся огородничествомъ, арендовалъ у В—скаго эту хату вмѣстѣ съ землей. Семья наша состояла изъ пяти человѣкъ: отца, матери, меня, меньшаго брата и сестры. Жили мы очень бѣдно, а къ тому же, отецъ покойникъ,—царство ему небесное!—любилъ частенько выпивать. Въ деревнѣ была школа, въ которой я прилежно

учился, но, къ моему несчастію, ученіе прекратилось по случаю смерти отца и матери, скончавшихся въ 1867 году: отецъ послѣ продолжительной болѣзни, а мать отъ родовъ. Мнѣ въ то время было 13, брату 6 и сестрѣ 4 года.

Послѣ смерти родителей, перебивавшихся съ большимъ трудомъ кое-какъ изо дня въ день ради насущнаго хлѣба,—средствъ разумѣется, никакихъ не осталось; да и похоронены они были старшею сестрою (отъ перваго брака отца) и добрыми людьми.

Всѣхъ троихъ насъ изъ деревни увезла къ себѣ въ городъ сестра, у которой были и свои дѣти. Братъ и сестра опредѣлены были въ сиротскіе пріюты на казенный счетъ, а на меня никто не обратилъ вниманія. Живя у сестры, у меня вышли какія-то непріятности съ ея дѣтьми, и чрезъ это она мнѣ объявила, чтобы я шелъ искать себѣ мѣсто и что она держать меня у себя болѣе не можетъ.

Нисколько не задумавшись надъ отказомъ сестры, я бросилъ ее и пошелъ бродить по улицамъ города. Шатаясь изо дня въ день безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій, я сталъ уличнымъ мальчишкой-бродягой, какихъ въ Одессѣ въ то время было много. Сначала продавалъ кое-что съ себя на толкучемъ рынкѣ, тѣмъ и питался; спалъ гдѣ-нибудь за городомъ подъ заборомъ или въ саду, такъ какъ время было лѣтнее. Такимъ образомъ я дошелъ до того, что остался въ одной лишь рубашкѣ и панталонахъ, даже босикомъ. Продавать было ужъ нечего, и, испытывая мученія голода, я нѣсколько дней бродилъ по городу, собирая на улицахъ предъ окнами гостиницъ и харчевень выбрасываемыя крошки хлѣба, а иногда и кости, при томъ конечно условіи, если успѣю явиться прежде собакъ. Однажды, собирая крохи вмѣстѣ съ собаками, не менѣе меня голодными, я чуть-чуть не подвергся ихъ нападенію за то, что я раньше успѣлъ схватить выброшенную поваромъ въ окно кость. Какъ бы ни было, а промыселъ этотъ далеко не удовлетворялъ требованій желудка, и я сильно отощалъ и обезсилѣлъ.

Помню, какъ однажды, какой-то господинъ сунулъ мнѣ въ руку нѣсколько копѣекъ. Что это была за радость! Какимъ я почувствовалъ себя счастливцемъ въ ту минуту! И слезы и радость,—все сразу явилось у меня. Даже теперь, надъ этими строками я никакъ не могъ удержаться отъ слезъ, несмотря на то, что прошло уже болѣе 30-ти лѣтъ съ того времени. Да, положеніе мое въ то время было самое тяжелое, горестное. Къ сестрѣ идти я не смѣлъ, да она бы меня и не приняла; она вообще чуждалась меня и относилась не сочувственно.

Дня два я блаженствовалъ—совершенно былъ сытъ, а потомъ опять наступилъ голодъ, опять бродилъ по улицамъ съ поникшей головой, смотря жадно глазами въ землю, не попадетъ ли что. Но ничего не находилъ. Въ одинъ изъ такихъ тяжелыхъ дней, я совершенно безцѣльно

зашелъ въ церковь. Шла обѣдня; народу было много. Тутъ, также совершенно случайно, я обратилъ вниманіе на лежащія на окнахъ фуражки молящихся, и моментально блеснула мысль воспользоваться хотя одной, для того, чтобы продать и утолить голодный желудокъ, который положительно не давалъ мнѣ покоя. Довольно нерѣшительно и со страхомъ, подошелъ я къ окну, протянулъ руку и... первое въ жизни преступленіе было совершено. Но второпяхъ вмѣсто одной, я захватилъ двѣ фуражки. Выйдя изъ церкви, я отправился на толкучій рынокъ и тамъ ихъ продалъ. Сейчасъ же завернулъ въ харчевню, пообѣдалъ на славу, а на остальныя деньги купилъ хлѣба и ушелъ за городъ, который мнѣ сильно опротивѣлъ. День этотъ кое-гдѣ прошатался, а на слѣдующій—отправился въ Кривую-Балку и прямо къ хатѣ, въ которой мы жили. Такъ какъ она стояла на краю деревни совершенно одиноко отъ другихъ, то я и вошелъ въ нее, не будучи никѣмъ замѣченъ.

Зачѣмъ я пришелъ въ деревню и для чего зашелъ въ хату, опредѣленно не могу объяснить и до сихъ поръ; но меня что-то манило къ этой хатѣ, въ которой я выросъ, игралъ съ братишкой и сестренкой, въ которой умерли отецъ и мать и гдѣ, такъ сказать, каждый уголъ напоминалъ мнѣ недавно лишь прерванную, хотя и бѣдную, но безпечную жизнь. Меня влекло какое-то чувство, настаивавшее на томъ, чтобы еще, хоть разъ, побывать въ пустыхъ стѣнахъ этой хаты. Несчастный! я не предвидѣлъ, что появленіе мое въ этой хатѣ будетъ имѣть самое неблагопріятное послѣдствіе на всю мою жизнь. Да и кто могъ подумать, что въ этомъ родномъ гнѣздѣ ожидаетъ меня несчастіе? Я далекъ былъ отъ всякихъ опасеній. Хорошо помню, какъ каждая бездѣлушка, даже какой-нибудь валявшійся на полу лоскутокъ отъ знакомаго платья покойной матери вызывали у меня слезы. Однимъ словомъ, даже надъ оставшимся въ хатѣ соромъ и другими слѣдами и признаками бывшей здѣсь жизни родителей, я горько, безутѣшно плакалъ. На что только ни посмотрю, все мнѣ напоминало отца, мать, брата, сестру, мое дѣтство, проведенное въ этой хатѣ. А теперь, думалось мнѣ, остался я одинъ одинешенекъ, въ рубищѣ, почти нагой и безъ куска хлѣба! Некому подать мнѣ руку помощи, нѣтъ рѣшительно никого, кто принялъ бы участіе въ моемъ бѣдственномъ положеніи и направилъ бы на истинный путь. Думая о томъ, что ждетъ меня впереди и что будетъ со мной, когда съѣмъ послѣдній кусокъ хлѣба, я горько зарыдалъ, легъ на полъ и уснулъ.

Проснулся уже ночью. Въ хатѣ темно; вокругъ все тихо, лишь мыши, единственныя обитательницы этого жилища, изрѣдка нарушали ночную тишину. Голова моя кружилась и болѣла. Долго я не могъ опять уснуть; да и немудрено: это пустое жилище наполняло мою голову воспоминаніями о недавнемъ прошломъ, пережитомъ въ немъ. То мнѣ

мерещилось, что больная мать стонетъ, то вдругъ, какъ будто кто-то шевелится, и вотъ, ясно вижу: подходитъ ко мнѣ и чѣмъ-то мягкимъ сверху меня одѣваетъ, мнѣ даже какъ будто теплѣе стало. Видно, думалъ я, мать увидѣла меня лежащимъ на голомъ полу, пожалѣла и одѣла. Вдругъ, она стала предо мной и такъ-то пристально и ласково посмотрѣла мнѣ прямо въ глаза. Покачавъ головою, она тихо проговорила: «ахъ, Сеня, какой ты несчастный». Послѣ этого я забылъ, что нахожусь въ пустой хатѣ; мнѣ показалось, что всѣ въ ней спятъ—и мать и отецъ и братишка съ сестренкой; только все нѣтъ, нѣтъ, да кто-то и застонетъ. Подъ впечатлѣніемъ такой галлюцинаціи мнѣ казалось, что лежу на мягкой постели; мнѣ стало какъ-то теплѣе, голова какъ будто перестала кружиться, и я снова уснулъ.

Лучи августовскаго солнца ярко уже освѣтили внутренность хаты, когда я, разочарованный своею постелью, казавшеюся мнѣ мягкой,—проснулся. Походивъ по хатѣ, доѣлъ остатки хлѣба и погруженный въ тяжелыя думы сѣлъ на полу. Вдругъ, слышу, чьи-то шаги, а затѣмъ увидѣлъ садовника В—скаго. На вопросы его, зачѣмъ я нахожусь въ пустой хатѣ,—ничего основательнаго отвѣтить я не могъ. Посмотрѣлъ онъ на меня какъ-то подозрительно и довольно грубо приказалъ слѣдовать за нимъ, къ его барину. Дѣло въ томъ, что въ ту самую ночь, которую я провелъ въ хатѣ, у В—скаго изъ огорода похищены были разныя овощи, и вотъ, при обнаруженіи меня въ хатѣ, подозрѣніе пало на меня, какъ человѣка, шатающагося безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій и взятаго въ необитаемомъ помѣщеніи. Хотя при мнѣ ничего изъ краденнаго и не оказалось, и я предъ бариномъ всячески божился, что нисколько не виновенъ въ взводимомъ на меня обвиненіи, но одно то, что взятъ въ хатѣ,—въ мнѣніи его подтверждало мою виновность, и я былъ арестованъ.

Долго садовникъ уговаривалъ меня сознаться, но я остался при своемъ показаніи, и на всѣ мои оправданія и слезы не было обращено ни малѣйшаго вниманія.

Меня препроводили въ арестатскую, находившуюся при сборномъ домѣ въ Кривой-Балкѣ, гдѣ я и ночевалъ. Такимъ образомъ я сдѣлался уже арестантомъ.

На слѣдующій день препровожденъ былъ къ полицейскому приставу, которому показалъ то же, что и В—скому. Когда же онъ спросилъ меня, чѣмъ и на какія средства я питался по уходѣ отъ сестры до дня взятія меня въ пустой хатѣ, то я, нисколько не стѣняясь, разсказалъ ему всѣ подробности моей скитальнической жизни и не преминулъ даже разсказать о похищеніи изъ церкви двухъ фуражекъ. Это обстоятельство приставъ записалъ въ протоколъ, который, по прочтеніи мнѣ, былъ мною подписанъ и такимъ образомъ изъ ничего образовалось форменное

дѣло. На третій день, какъ настоящій арестантъ, я получилъ 5 коп. кормовыхъ денегъ.

Сдѣлавшись въ глазахъ начальства преступникомъ, меня начали влачить по мытарствамъ: изъ одной полицейской части въ другую, потомъ въ полицію, изъ полиціи къ судебному слѣдователю, такимъ образомъ мытарили меня мѣсяца три, что, при старыхъ дореформенныхъ судебныхъ порядкахъ, многимъ показалось очень скорымъ, тогда какъ другіе подслѣдственные арестанты содержались при полиціи по шести и по восьми мѣсяцевъ. Что я за это время претерпѣлъ, Боже мой! Сколько пришлось перенести насмѣшекъ за то, что добровольно сдѣлался арестантомъ, сознавшись въ своемъ проступкѣ! Въ арестантскихъ камерахъ (въ полиціи) народъ былъ биткомъ набитъ. Грязь, зловоніе, спертый воздухъ и миріады паразитовъ—все это обитало въ этихъ пропитанныхъ вонью помѣщеніяхъ; а о жарѣ можно имѣть понятіе изъ того, что всѣ арестанты днемъ сидѣли безъ рубашекъ... Изъ начальства же почему-то никто никогда и глазъ не показывалъ въ этотъ адъ. Отсутствіе бани и чистаго бѣлья отзывалось на тѣлѣ арестантовъ, которое у просидѣвшихъ нѣсколько мѣсяцевъ все покрывалось струпьями. Что испытывали эти несчастные люди, въ числѣ коихъ былъ и я, можно безошибочно судить по слѣдующему обстоятельству. Для истребленія насѣкомыхъ, арестантами придуманъ былъ самый простой, не хитрый, но довольно практичный способъ. Такъ какъ уничтожать обыкновеннымъ ручнымъ способомъ вслѣдствіе громаднаго изобилія ихъ совершенно было не возможно, то дѣлалось такъ: на нарахъ разстилалась рубаха, или другая какая вещь, содержащая въ себѣ извѣстныхъ насѣкомыхъ; затѣмъ бралась бутылка толстаго стекла и обѣими руками взадъ и впередъ каталась по разостланному, отчего, даже за стѣной, въ смежной комнатѣ, можно было слышать безпрерывный трескъ...

Наконецъ показаніе мое относительно фуражекъ подтвердилось; слѣдствіе закончено, и меня препроводили въ тюремный замокъ, для содержанія въ немъ до рѣшенія дѣла судомъ. Послѣ того, что я вынесъ въ арестантскихъ камерахъ полиціи,—въ тюрьмѣ мнѣ показалось роскошью. Тутъ чистое бѣлье, каждую субботу баня, помѣщенія тоже чистыя, постель, а главное—сытъ.

Перемѣной положенія своего я вполнѣ былъ доволенъ, такъ что когда спустя нѣкоторое время вызвали меня изъ тюремнаго замка въ уѣздный судъ и объявили приговоръ, которымъ я признанъ былъ виновнымъ въ кражѣ и присужденъ на полтора мѣсяца къ тюремному заключенію, то я даже загрустилъ, что такъ скоро придется разстаться съ тюрьмой и опять голодать. Положимъ, что и всякій на моемъ мѣстѣ задумался бы, такъ какъ мнѣ приходилось выходить изъ тюрьмы зимой, а у меня не было ни одежды, ни копѣйки денегъ и рѣшительно никакой

надежды на помощь. Тюремная же жизнь во многомъ мнѣ даже нравилась, и я подружился съ нѣкоторыми своими сверстниками. Помню одного довольно симпатичнаго дворянина, составлявшаго рѣзкій контрастъ отъ прочихъ кротостью своего характера и еще не опошлившагося, какъ другіе—онъ былъ ученикомъ у одного ювелира и соблазнился какою-то вещичкой; я отъ души его полюбилъ и когда пришлось оставить тюрьму, то, прощаясь съ нимъ, заплакалъ. Всѣ же остальные малолѣтніе преступники по нѣскольку разъ сидѣли въ тюрьмѣ; эти-то мнѣ и не нравились своимъ поведеніемъ. Насъ содержалось въ особо отведенной камерѣ десятка полтора, и почти всѣ, бывавшіе уже нѣсколько разъ въ тюрьмѣ, одинъ предъ другимъ старались показать въ совершенствѣ свое искусство: какъ залѣзть въ окно, или карманъ, какъ сломать замокъ. Помню, какъ эти, будущіе насельники Сибири, презирали и всячески издѣвались надъ своими сотоварищами, которые, по неимѣнію смѣлости и способности къ совершенію болѣе видныхъ кражъ, занимались стягиваніемъ съ возовъ у пріѣзжавшихъ въ Одессу чумаковъ свитокъ [1]); за что также содержались въ тюрьмѣ, и такихъ обыкновенно называли хламидниками, что означало самое унизительное прозвище мелкаго воришки.

У каждаго малолѣтка было стремленіе завести знакомство со взрослыми арестантами, они гордились тѣмъ, что были знакомы со старымъ арестантомъ, опытнымъ съ тюремной жизнью и, такъ сказать, спеціалистомъ извѣстной отрасли преступленія. Въ большомъ почетѣ былъ, даже между взрослыми, нѣкто Василій Чумакъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ около 70, высокаго роста; вообще тѣлосложенія атлетическаго съ большой лысиной на головѣ, настоящій малороссъ, славившійся физической силой и замѣчательный тѣмъ, что много разъ бѣгалъ изъ Сибири, куда былъ сосланъ за разбои и убійства. Взрослые арестанты называли его «батькой», а малолѣтніе—«дидомъ». И дѣйствительно, «дидъ» этотъ, несмотря на его пожилые годы, наружностью своею вполнѣ внушалъ къ себѣ уваженіе, а подчасъ и страхъ. Многимъ онъ давалъ совѣты о томъ, какъ удобнѣе совершить то или другое преступленіе; какъ выпутаться изъ дѣла; или, гдѣ и какъ впутать въ дѣло изъ личныхъ разсчетовъ ни въ чемъ неповинныхъ. Однимъ словомъ, Василій Чумакъ, въ Одесской тюрьмѣ, былъ чѣмъ-то вродѣ профессора по части преподаванія арестантскихъ наукъ, и всѣ съ большимъ вниманіемъ его слушали, не смѣя ни въ чемъ ему противорѣчить.

Съ большимъ интересомъ слушались его разсказы о сибирской жизни, о бродягахъ, о томъ, какъ онъ самъ нѣсколько разъ путешествовалъ изъ Сибири въ Россію, какъ совершалъ убійства и дорогой всегда

---

[1]) Верхняя одежда малоросса изъ домашняго сукна.

благополучно избѣгалъ преслѣдованій. Разсказывали, что онъ даже потерялъ счетъ своимъ жертвамъ.

Малолѣтніе преступники хотя содержались и въ отдѣльной камерѣ, но могли свободно ходить и по камерамъ взрослыхъ; на это начальство не обращало вниманія, а отъ этого-то и все зло происходило. Да и начальство-то тюремное какое было! Смотритель былъ нѣкто Зубачевскій (впослѣдствіи,—говорятъ,—арестанты его зарѣзали), его еще немного боялись, а помощника его арестанты въ глаза ругали и дразнили «Юрой», и это все проходило безнаказанно.

Наконецъ, насталъ день освобожденія, казалось бы радостный, но на меня произведшій удручающее впечатлѣніе. Я въ этотъ день лишался теплаго угла, пищи, одежды; на дворѣ трещалъ морозъ,—а я былъ почти нагой. Изъ тюремной конторы я подлежалъ отправкѣ въ полицію, но тутъ встрѣтилось затрудненіе на счетъ того, какъ меня отправить безъ одежды; вскорѣ оно было устранено: розыскали гдѣ-то рваную сермягу, опорки и два лоскута сѣраго сукна для онучъ. Одѣли и повели меня два солдата съ ружьями; изъ полиціи же препровожденъ былъ въ мѣщанскую управу, здѣсь прочитали мнѣ нотацію: «какъ-де не стыдно воровать, лучше бы работалъ, чѣмъ въ тюрьмѣ сидѣть» и т. п. и затѣмъ сказали: «Ступай домой».

Слезы хлынули изъ глазъ, и я не въ силахъ описать того положенія, въ которомъ находился въ то время.

Долго бродить по улицамъ въ морозъ не позволялъ мнѣ мой костюмъ. Куда дѣваться? Опять вернулся я въ мѣщанскую управу. Присутствующихъ уже никого не было, сидѣлъ лишь одинъ сторожъ. Разсказалъ я ему свое безвыходное положеніе, и онъ позволилъ мнѣ переночевать у него, а потомъ провелъ у него же и день, спасибо еще—покормилъ. Сунулся было онъ къ кому-то съ предложеніемъ взять меня въ услуженіе, но когда тотъ узналъ, что я только-что выпущенъ изъ тюрьмы, то отказался. Что оставалось мнѣ дѣлать? Пошелъ я по улицамъ. Дай, думаю, не выпрошу ли у кого чего-нибудь; но это оказалось безуспѣшнымъ; я опять вернулся къ тому же сторожу. Вотъ тутъ-то, холодный и голодный, я сильно сожалѣлъ о томъ, что не въ тюрьмѣ, гдѣ такъ тепло, чисто и желудокъ сытъ, и не мало позавидовалъ тѣмъ своимъ сверстникамъ, которые тамъ остались. Послѣ такихъ размышленій, я, съ большой охотой, готовъ былъ опять попасть въ тюрьму. Сторожъ посовѣтовалъ мнѣ идти къ сестрѣ, но я никакъ не могъ на это рѣшиться. Во время содержанія моего въ полиціи, я посылалъ къ ней съ просьбой дать мнѣ какую-нибудь рубашенку, но она отказала.

Положеніе мое съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже. Сторожъ отъ квартиры отказалъ. День этотъ до вечера я совсѣмъ ничего не ѣлъ, да и въ предыдущій съѣлъ небольшой лишь кусокъ черст-

ваго хлѣба. Ночевать было негдѣ, и я отправился вечеромъ опять по улицамъ; зайду въ какой-нибудь трактиръ, погрѣюсь, да и опять на улицу. Ѣсть сильно хотѣлось, ноги устали, я озябъ, а было уже поздно, приближалось время запирать трактиры, тогда и погрѣться будетъ негдѣ, и останется одно—замерзнуть на дворѣ.

Подъ вліяніемъ такого состоянія, я рѣшился на новое преступленіе, какъ единственное средство, чтобы попасть въ тюрьму [1]), и ночью былъ уже въ арестантской, а затѣмъ опять въ тюрьмѣ. Слѣдовательно, я былъ на свободѣ всего только четыре дня; но что это была за свобода? Я добровольно промѣнялъ ее снова на тюрьму...

На этотъ разъ мнѣ пришлось дольше оставаться въ тюрьмѣ, такъ что и надоѣло; въ особенности, когда наступило лѣто, то сильно не хотѣлось сидѣть, такъ бы и вырвался на вольный свѣтъ. За это время я вполнѣ познакомился съ тюремной жизнью и освоился съ окружавшими меня порядками. Вдоволь наслышался разныхъ разсказовъ о подвигахъ преступной дѣятельности, о жизни ссыльныхъ въ Сибири, о томъ, какъ ссыльные свободно тамъ бродятъ, какъ сибиряки охотно принимаютъ ихъ къ себѣ для работъ, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бѣглые заживаются по нѣсколько лѣтъ и даже среди старожиловъ пріобрѣтаютъ осѣдлость и живутъ семьями. Разсказами о Сибири я сильно заинтересовался, въ особенности любилъ слушать о разныхъ приключеніяхъ съ бродягами во время ихъ путешествій по Сибирскимъ дебрямъ; разсказывали, что сибиряки снабжаютъ бродягъ всѣмъ, что только необходимо, даютъ пищу, одежду и даже пріютъ.

Вторично освободился я изъ тюрьмы въ мартѣ 1869 года и какъ-то вскорѣ удалось поступить къ пирожнику. Служба моя состояла въ томъ, что продавалъ въ разноску по городу пирожки. Жалованья положено было три рубля въ мѣсяцъ, но мнѣ никогда не приходилось получать ихъ полностію; не знаю, почему-то всегда былъ недочетъ въ выручкѣ, и хозяинъ высчитывалъ изъ моего жалованья; но какъ бы то ни было, а у пирожника я прожилъ цѣлое лѣто и, не видя толку въ этой службѣ,—бросилъ ее.

Мнѣ хотѣлось уѣхать куда-нибудь подальше, посмотрѣть бѣлый свѣтъ, и я уѣхалъ въ гор. Кишиневъ. Тамъ, за неимѣніемъ лучшаго мѣста, удалось поступить въ мастерскую колесника; онъ принялъ меня въ видѣ опыта и сталъ пріучать сначала оболванивать спицы, а затѣмъ хотѣлъ и совсѣмъ принять къ себѣ въ ученье, но тутъ встрѣтилось препятствіе — у меня не было паспорта, и я долженъ былъ его оставить.

Вскорѣ я былъ опять арестованъ, какъ бродяга, не имѣющій пись-

---

[1]) Авторъ не говоритъ, какое совершилъ онъ преступленіе.

меннаго вида. Посадили въ тюрьму, послали въ Одессу запросъ о моей личности, въ ожиданіи котораго пришлось просидѣть четыре мѣсяца, а потому и препроводили этапнымъ порядкомъ на родину.

За это время я еще болѣе ознакомился съ арестантской жизнью. Теперь я узналъ такъ-называемую пересыльную, этапную жизнь. Познакомился съ порядками другой тюрьмы—кишиневской, гдѣ содержаніе было гораздо строже, чѣмъ въ одесской. Хотя также всюду можно было видѣть игру въ карты, кости, ту же нравственную распущенность, присущую обитателямъ тюремъ, только не было свободнаго куренія табаку, да еще «Юры»; но за то смотритель слылъ по тюрьмѣ чѣмъ-то вродѣ дантиста.

Хотя куреніе табаку въ кишиневской тюрьмѣ было и запрещено, но курили всѣ, но пріобрѣтеніе этого продукта сопровождалось нѣкоторыми затрудненіями; въ Одессѣ же въ этомъ отношеніи была полная свобода: говорили, что разрѣшеніе вызвано было гигіеническими условіями. Кишиневская тюрьма памятна мнѣ еще слѣдующими двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, вода въ тюрьму доставлялась на собственныхъ плечахъ арестантовъ, для чего ежедневно отряжалось нѣсколько человѣкъ съ ушатами, версты за двѣ отъ тюрьмы къ колодцу, и на каждаго надѣвались ножные кандалы, несмотря на то, что водоносовъ сопровождалъ военный караулъ.

Во-вторыхъ, въ день выхода моего на этапъ, въ цейхгаузѣ не оказалось моихъ новыхъ сапоговъ, которые отобраны были при поступленіи, а взамѣнъ ихъ мнѣ даны были ветхіе, рваные, которые даже не налѣзали мнѣ на ноги; я, разумѣется, не бралъ ихъ и требовалъ свои, но мнѣ погрозили смотрителемъ, заставили взять и обули въ казенные коты. Выйдя за ворота тюрьмы, я швырнулъ ихъ въ самыя ворота, такъ сапоги тамъ и остались.

По прибытіи въ Одессу меня освободили, и я поступилъ на лаковый заводъ Карла Берга. Тутъ зажилъ было хорошо, и мнѣ понравилась работа на этомъ заводѣ, на которомъ я прожилъ цѣлое лѣто. Но вдругъ, къ моему несчастью, подвернулся совершенно неожиданный случай. Полиціи вздумалось провѣрить, всѣ ли рабочіе на заводѣ имѣютъ письменные виды, а у меня-то и не было его; и вотъ, опять неизбѣжный арестъ; опять арестантская, а затѣмъ препровожденіе за конвоемъ въ мѣщанскую управу, гдѣ, конечно, освободили. Но тутъ опять новая бѣда: я до этого времени не зналъ, что и одесскимъ мѣщанамъ, живущимъ въ Одессѣ, нужно имѣть письменные виды и когда я обратился въ управу, съ просьбой о выдачѣ таковаго, то мнѣ объявили, что за покойнымъ отцомъ и за мной накопилось податной недоимки около 70 рублей и, что впредь до уплаты этой недоимки, просимаго письменнаго вида выдать нельзя.

Послѣ всѣхъ этихъ неудачъ я совершенно озлобился. Поступить на порядочное мѣсто безъ билета нельзя было, а потому поневолѣ пришлось шататься по фабрикамъ и заводамъ въ качествѣ поденнаго рабочаго. Все это мнѣ надоѣло. Кто-то посовѣтовалъ поступить охотою въ военную службу, и то думаю правда: чѣмъ такъ болтаться, буду лучше служить въ солдатахъ. Какъ разъ былъ наборъ, я и подалъ объ этомъ прошеніе старшинѣ мѣщанской управы Палаузову. Я былъ въ полной увѣренности, что въ этомъ не откажутъ, такъ и готовился въ солдаты, но на эту просьбу получилъ тоже отказъ, — говорятъ: молодъ.

Между тѣмъ, у меня все болѣе и болѣе усиливалось стремленіе къ путешествію, молодая душа такъ и рвалась куда-то вдаль. Надъ этимъ я не мало задумывался и самъ себя спрашивалъ: куда идти? Да и съ чѣмъ? При такихъ размышленіяхъ началъ я подводить итоги всѣмъ своимъ неудачамъ и пришелъ къ тому заключенію, что никогда не выпутаться мнѣ изъ моего безвыходнаго положенія, потому-что достать такую сумму денегъ на уплату недоимки я считалъ для себя дѣломъ совершенно невозможнымъ. Да и на самомъ дѣлѣ, гдѣ я могъ достать 70 рублей? Эта задача въ моемъ тогдашнемъ положеніи хоть кого могла поставить въ тупикъ. А не уплатить недоимки — значитъ никогда не имѣть паспорта и, слѣдовательно, всегда нужно быть бродягой. Нѣтъ, сказалъ я самъ себѣ: во что бы то ни стало, а нужно какъ-нибудь избавиться отъ этой жалкой жизненной обстановки, въ которой я находился. Но какъ избавиться? Вспомнилъ я про вольную жизнь въ Сибири, о которой разсказывали въ тюрьмѣ бродяги, и, сопоставивъ съ настоящимъ своимъ положеніемъ, убѣдился, что тамъ вѣроятно свободнѣе живется, чѣмъ здѣсь. Тамъ, если правда, бродяги по нѣсколько лѣтъ живутъ на одномъ мѣстѣ и не имѣютъ никакой надобности въ паспортѣ; а я, въ родномъ своемъ городѣ, не имѣю права жить безъ паспорта и нахожусь въ положеніи хуже сибирскаго бродяги. Я готовъ былъ отправиться въ Сибирь; но какъ туда пробраться? Слишкомъ далеко; а ради этого дѣлать преступленіе я не хотѣлъ. Какъ ни ломалъ голову объ улучшеніи своего положенія, но ничего не могъ придумать. Мысль о путешествіи по случаю зимняго времени должна была отойти на задній планъ.

Поденныя работы мнѣ надоѣли: сегодня здѣсь, а завтра въ другомъ мѣстѣ. Мнѣ хотѣлось найдти какое-нибудь одно, постоянное занятіе, на опредѣленномъ мѣстѣ. Вотъ я и попалъ верстъ 12 за городъ къ управляющему дачей Палаузова, не то въ качествѣ работника, не то приказчика надъ рабочими. Я велъ разныя записи, счеты, копалъ землю и дѣлалъ все, что попадало подъ руку. Жалованье положено было пять рублей въ мѣсяцъ и готовое содержаніе. А на требованіе паспорта, я объяснилъ, что могу взять, какъ только представится случай быть въ

городѣ; но умолчалъ о томъ, что съ меня требуютъ уплаты недоимки. Прошло два мѣсяца, а паспорта все нѣтъ. Наконецъ, хозяинъ отправилъ меня съ прочими въ городъ съ сѣномъ и при этомъ наказалъ непремѣнно получить паспортъ. Тутъ только я открылся ему о препятствіяхъ къ выдачѣ паспорта. Выслушавъ меня, онъ посовѣтовалъ уплатить десять рублей, а затѣмъ обязаться ежемѣсячно уплачивать хотя по три рубля, съ тѣмъ, чтобы выдали паспортъ.

Совѣтъ-то былъ дѣльный и на такихъ условіяхъ пожалуй бы и выдали паспортъ, но мнѣ сильно жаль было отдавать десять рублей, заработанныхъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, къ тому же, необходимо было купить сапоги. Вотъ я и придумалъ такой фокусъ. Зашелъ въ городѣ въ казначейство, купилъ одинъ листъ гербовой бумаги въ 20 коп.; потомъ отправился въ трактиръ, потребовалъ себѣ чаю и попросилъ подать чернилицу съ перомъ; форма же билетовъ, выдаваемыхъ мѣщанамъ на жительство,—нѣсколько была мнѣ извѣстна,—я видывалъ ихъ; ну, и настрочилъ себѣ билетъ на гербовой бумагѣ, расчеркнулся за членовъ управы, проставилъ гдѣ слѣдуетъ №, только печати не было; ну, думаю: не обратятъ вниманія. Сложилъ вчетверо, спряталъ въ карманъ и, управившись съ дѣлами, уѣхалъ на дачу къ своему хозяину, которому и вручилъ собственной фабрикаціи билетъ. Тотъ посмотрѣлъ, также свернулъ и положилъ куда-то, тѣмъ дѣло и кончилось.

Но вскорѣ пришлось мнѣ разочароваться въ моей удачѣ, которая приняла оборотную сторону и благодаря какой-то счастливой случайности,—безъ тѣхъ непріятныхъ послѣдствій, которыя бы слѣдовало ожидать.

Спустя нѣсколько дней призываетъ меня хозяинъ къ себѣ. Вхожу въ комнату,—кромѣ его никого нѣтъ. Смотрю: въ рукахъ у него сложенный вчетверо листъ бѣлой бумаги, при видѣ котораго, сердце у меня такъ и ёкнуло: «Знаетъ кошка, чье мясо съѣла».

Довольно мягкимъ тономъ онъ спросилъ меня: это ты писалъ? Нисколько не колеблясь, я отвѣтилъ ему утвердительно. Послѣ нѣсколькихъ еще вопросовъ, касавшихся этого предмета, хозяинъ взялъ мой билетъ и при мнѣ бросилъ его въ топившуюся тутъ же печку. Потомъ отсчиталъ причитавшіяся мнѣ деньги за службу и, отдавая, сказалъ: «Ступай съ Богомъ и такъ больше не дѣлай, а то въ тюрьму попадешь».

О причинахъ моего разсчета никто изъ рабочихъ такъ и не зналъ, а самъ я никому ничего не объяснилъ. Растроганный добродушнымъ поступкомъ хозяина, со слезами на глазахъ я ушелъ въ городъ.

Прошла зима, и наступило лѣто, а въ моей жизни перемѣнъ къ лучшему не было. Жилъ я постоянно особнякомъ, ни съ кѣмъ не имѣлъ ни товарищества, ни знакомства; всегда ходилъ угрюмый, задумчивый; не съ кѣмъ было подѣлиться своимъ горемъ, а если кто и навязывался мнѣ въ товарищи, то я самъ такого отталкивалъ, вообще всѣхъ чу-

ждался, стараясь быть всегда въ уединеніи, и только все мечталъ о томъ, чтобъ уйдти куда-нибудь далеко, далеко... Квартиру я имѣлъ дешевенькую, на краю города, работалъ также по фабрикамъ и заводамъ поденно. Помню, какъ не понравилась мнѣ работа на газовомъ заводѣ, такъ-что я даже не доработалъ дня, бросилъ, отказавшись и отъ платы. Больше же всего любилъ работать на епархіальномъ воскобѣлильномъ заводѣ. Тамъ работа чистая, да и обращенія съ рабочими были болѣе гуманныя, нежели въ прочихъ заводахъ. Завѣдующій этимъ заводомъ былъ іеромонахъ Макарій, умершій въ 1870 годахъ.

За большимъ заработкомъ я не гнался; бывало, если имѣю немного деньжонокъ, достаточныхъ для содержанія на нѣсколько дней, то и вовсе не иду на работу. Любилъ я въ свободное время читать, но книгъ не было; въ особенности нравились мнѣ стихи, такъ что даже принимался было самъ писать ихъ, и помню, какъ-то однажды изобразилъ въ стихахъ свою горькую долю на малороссійскомъ языкѣ, сравнивая себя съ одинокой полевой былинкой. А мысль о путешествіи все-таки меня не покидала.

Подъ вліяніемъ такихъ мыслей я рѣшилъ бросить Одессу навсегда. Собравъ свои пожитки, что оказалось лишнее, продалъ и, запасшись провизіей, отправился пѣшкомъ вдоль по столбовой, самъ не зная, куда ведетъ дорога.

Днемъ я шелъ, а къ ночи сворачивалъ съ дороги въ сторону и ночевалъ подъ открытымъ небомъ, не нуждаясь въ квартирѣ, такъ какъ былъ іюнь мѣсяцъ. Чрезъ нѣсколько дней я пришелъ въ городъ Николаевъ, потомъ, по сбозрѣніи его, направилъ стопы свои дальше и такимъ путемъ добрался до Херсона.

Тутъ я нашелъ возможнымъ продать еще кое-что изъ одежды, разумѣется, за самую ничтожную цѣну.

Однажды, будучи на пристани, я увидѣлъ, что отправляется пароходъ въ гор. Алешки, отстоящій отъ Херсона, кажется, въ 18 верстахъ и что проѣхать туда на пароходѣ стоило всего нѣсколько копѣекъ; взялъ я билетъ и отправился.

Алешки — небольшой городокъ, и появленіе въ немъ свѣжаго человѣка сейчасъ же обращаетъ на себя вниманіе жителей. Такъ случилось и со мной. Всѣ на меня заглядывались, и почти каждый провожалъ глазами, куда я отправлюсь. Больно не понравилось мнѣ это, вотъ, я и ушелъ отъ любопытныхъ глазъ за городъ, гдѣ и переночевалъ.

Прошлявшись по городу нѣсколько дней, я былъ арестованъ и отправленъ въ Херсонскую тюрьму.

II.

Херсонская тюрьма.—Судебный приговоръ.—Слѣдованіе въ партіи отъ Херсона до Москвы.—Московская пересыльная тюрьма.—Нижегородская и Пермская тюрьмы.—Путешествіе на тройкахъ до Тюмени.—Отъ Тюмени до Томска.—Пѣше-этапный путь отъ Томска до Ачинска.—Освобожденіе на волю.

Херсонская тюрьма ужь не то, что Одесская. Въ Одесской арестанты цѣлый день свободны и запирались лишь на ночь. Тамъ хорошая пища: обѣдъ, ужинъ, хлѣбъ прекраснѣйшій, кипятокъ для чая, свободное куреніе табаку, игра на деньги въ карты, въ кости и тому подобная распущенность. Въ Херсонской же ничего подобнаго и не слыхать. Строгость невѣроятная. Не знаю, теперь, быть можетъ, все и измѣнилось, но по крайней мѣрѣ такъ было въ мое время.

Арестанты на запорѣ въ камерахъ день и ночь. Въ хорошую погоду выпускаютъ на одинъ часъ для прогулки въ отдѣльный дворикъ, обнесенный каменной высокой стѣной, и не всѣхъ сразу, а по очереди, по камерамъ. Куреніе табаку строжайше преслѣдовалось, но все-таки табакъ былъ листовой, который ухитрялись проносить срочные арестанты, ходившіе въ городъ на работу, обвязываясь какъ-то по голому тѣлу табачными листьями, но и то контрабанда не всегда удачно проходила. За то табакъ и цѣнился чуть ли не на вѣсъ золота; такъ, $^1/_4$ ф. листоваго табаку махорки доходила до двухъ рублей, а одна спичка раскалывалась на четыре части. Если въ камерѣ находилось человѣкъ десять, то всѣ накуривались одной папироской, а дымъ выпускался не иначе, какъ въ трубу, а то не приведи Богъ, если зайдетъ смотритель, или помощникъ, и вдругъ услышитъ табачный дымъ—на недѣлю въ карцеръ на хлѣбъ и на воду, а чтобы тамъ не голодалъ, то предварительно досыта плюхами накормитъ. Кулачная расправа была въ большомъ ходу. Если начальствомъ обнаруживалось присутствіе табачнаго дыма въ камерѣ, то изъ среды всѣхъ требовался виновный, и въ этихъ случаяхъ выдавались изъ артели въ качествѣ обвиняемыхъ поочередно: сегодня, напримѣръ, Ивановъ, а на слѣдующій разъ Петровъ, въ противномъ случаѣ, подвергалась отвѣтственности вся камера и, кромѣ того, всѣ уже считались не на хорошемъ счету. Для храненія всего запрещеннаго, арестанты всячески изощрялись, иначе и нельзя было, потому что два раза въ день производился тщательный обыскъ. Напримѣръ ножъ (на арестантскомъ жаргонѣ жуликъ) былъ необходимой вещью, для крошки табаку, для рѣзанія хлѣба,—это не что иное, какъ пластинка желѣза отъ обруча, или отъ чего-нибудь другаго, отточенный на кирпичѣ, и вотъ какимъ образомъ онъ сохранялся: привязывался за одинъ конецъ на длинную нитку и затѣмъ опускался въ щель

въ полу, а другой конецъ нитки протягивался вдоль щели и незамѣтнымъ образомъ прикрѣплялся гдѣ-нибудь. Какъ только ножикъ нуженъ, вытащатъ, а потомъ опять туда же. Интересенъ еще былъ способъ бритья бороды. Берется кусочекъ оконнаго стекла и умѣло ломается руками, такъ, чтобы въ отломанномъ мѣстѣ обоихъ кусочковъ, получились откосы, въ видѣ лезвія, и вотъ этимъ-то нехитрымъ и ничего нестоющимъ инструментомъ арестанты брили свои бороды.

Въ камерахъ ни наръ, ни коекъ, ни стола и ничего такого не было. Спали арестанты на полу, на постилкахъ, связанныхъ изъ травы, похожей на камышъ, а на день каждый свою свертывалъ въ трубку и выносилъ въ сортиръ. Постилки эти связаны были изъ сырой травы, и по мѣрѣ того, какъ она высыхала,—вязка ослаблялась, и онѣ разсыпались. Но для того, чтобы поддерживать существованіе этихъ постилокъ, начальство распорядилось, чтобы они каждый день спрыскивались водой, что̀ буквально и исполнялось; отъ этого въ постилкахъ завелись черви, на которыхъ арестанты такъ и спали.

Но что всего хуже было, такъ это пища. Хлѣбъ почему-то всегда былъ сырой и изъ затхлой муки. Ужина не полагалось; о чаѣ и помину не было. Бывало, если родственники кому-нибудь принесутъ сахаръ, то таковой употреблялся съ холодной водой.

Описаннаго качества хлѣбъ если въ арестантскій желудокъ плохо шелъ, то зато прекрасно ѣли его смотрительскія коровы, на долю которыхъ приходился весь мякишъ, такъ какъ арестанты довольствовались одной коркой.

Въ этой тюрьмѣ нельзя ужь сказать, чтобъ арестантскій желудокъ былъ сытъ, тутъ вполнѣ примѣнима поговорка: «Досыта не накормятъ и съ голоду не заморятъ». Арестанты Херсонской тюрьмы описываемаго времени походили на настоящихъ узниковъ: съ исхудалыми блѣдными щеками, впалыми глазами, всѣ точно забитые, никто предъ администраціей не смѣлъ не только возвысить своего голоса противъ какого-нибудь несправедливаго обращенія съ ними, но даже никто не осмѣливался и пикнуть. Да и кому было приносить жалобы?—Начальство тюрьмы не посѣщало, по крайней мѣрѣ за время моего содержанія около трехъ мѣсяцевъ, былъ только одинъ разъ прокуроръ Одесской судебной палаты.

12-го сентября 1872 года, состоялся приговоръ Херсонскаго окружнаго суда, коимъ я признанъ бродягой, упорно скрывающимъ свое званіе, и присужденъ на водвореніе въ Восточную Сибирь.

21-го октября мнѣ выданъ былъ полный комплектъ зимней казенной одежды, а утромъ, 22-го октября, я былъ вызванъ въ партію. Тутъ же меня заковали въ кандалы и обрили половину головы самой тупой бритвой. Операція эта показалась мнѣ сильно непріятной.

Партія состояла изъ нѣсколькихъ человѣкъ пересыльныхъ арестантовъ, въ числѣ которыхъ я былъ только одинъ кандальщикъ. Всѣхъ перекликали по списку, конвой принялъ вызванныхъ, и мы отправились въ путь-дороженьку.

Первая станція отъ Херсона по тракту къ гор. Николаеву—«Копань», которую я не забуду до гробовой доски. Вслѣдствіе неумѣнья приспособить къ ходьбѣ кандалы, я до крови стеръ ими ноги. Станція большая, 33 версты, ноги устали, самъ весь измучился, и на душѣ точно камень... Много и очень много пролилъ я въ этотъ день слезъ. Пришли на этапъ, я упалъ на разостланную на полусолому и, заливаясь слезами, уснулъ, до утра не просыпаясь, точно убитый. Утромъ позавтракавъ, опять въ путь. Со слѣдующаго этапа на третій день не пошли, полагалась дневка, т. е. отдыхъ. Такимъ образомъ пришелъ я въ Одессу, пройдя послѣдній разъ по городу, въ сопровожденіи солдатъ съ ружьями, гремя кандалами, какъ какой-нибудь важный преступникъ.

Кто тогда, смотря на мои кандалы и на обезображенную голову, могъ бы сказать, что я не совершилъ никакого преступленія и что я сталъ арестантомъ и иду въ Сибирь по своему глупому легкомыслію?— Никто бы не повѣрилъ; а между тѣмъ въ дѣйствительности было такъ. Въ Одессѣ меня предъявили тюремнымъ надзирателямъ; видѣлъ я свою карточку, снятую съ меня въ Херсонѣ, которую тоже разсматривали; но къ чему все это было и чѣмъ кончилось, я тогда не могъ понять. Въ Одессѣ сформирована была уже большая партія и отсюда отправились по желѣзной дорогѣ до Москвы, останавливаясь по нѣсколько дней въ городахъ: Кіевѣ, Курскѣ и Орлѣ. Въ городахъ этихъ партія наша все увеличивалась, и въ Москву прибыло всего около двухсотъ человѣкъ. Вотъ наконецъ поѣздъ остановился, всѣ вышли изъ вагоновъ; тутъ много было и кандальщиковъ, которые отдѣлены были отъ прочихъ и выстроены впереди. Конвой плотно окружилъ партію, образовавъ собою цѣпь, и шествіе тронулось по улицамъ Бѣлокаменной. Звонъ кандаловъ привлекалъ массу любопытныхъ. Со всѣхъ сторонъ сыпались подаянія деньгами, которыя передавались партіонному старостѣ. Въ то время, одинъ арестантъ раненъ былъ солдатомъ въ руку штыкомъ за то, что, желая получить поданіе, протянулъ сквозь цѣпь руку. Бѣднякъ закричалъ отъ боли и, по прибытіи въ тюрьму, сейчасъ же взятъ былъ въ больницу. Въ Москву прибылъ я въ концѣ ноября 1872 г. и здѣсь долженъ былъ зимовать, такъ какъ движенія партій ссыльныхъ арестантовъ въ зимнее время не было, а таковыя задерживались въ Москвѣ до весны. Никого не радовала такая продолжительная задержка, потому что если у кого были какія сбереженія въ карманѣ про черный день, то за зиму все долженъ былъ оставить здѣсь. Да и тѣмъ,

*

у которыхъ ничего не было, все-таки хотѣлось скорѣе добраться до мѣста, въ особенности кто слѣдовалъ на поселеніе.

Московская пересыльная тюрьма, называемая иначе почему-то Колымажнымъ дворцомъ (говорятъ, будто потому, что въ прежнее время тамъ хранились царскія колымаги)—стояла вблизи Храма Христа Спасителя. Я слышалъ, что теперь ея ужь нѣтъ. При входѣ во дворъ, прежде всего бросается въ глаза распятіе Іисуса Христа въ терновомъ вѣнцѣ, на большомъ крестѣ, устроенномъ по срединѣ двора, съ висячею предъ нимъ лампадою, горѣвшею день и ночь, въ фонарѣ со стеклами темно-малиноваго цвѣта. При видѣ этого Божественнаго Страдальца, каждый христіанинъ снималъ свою сѣрую шапку, крестился, и у рѣдкаго, я думаю, не блеснула мысль о своихъ страданіяхъ, только-что начинающихся. Каждый видѣлъ этотъ крестъ, напоминавшій страдальцу безпримѣрное терпѣніе и кротость Того, Кто былъ распятъ на немъ. На лѣвой рукѣ небольшая каменная церковь, а кругомъ по двору казармы въ одинъ этажъ, съ небольшими въ верху окошками, въ отворенныя форточки которыхъ постоянно валитъ, точно изъ бани, паръ. Смотря на эти грязнаго цвѣта казармы и окна, нельзя подумать, чтобы въ нихъ жили люди, скорѣе всего можно принять за бани, а между тѣмъ это было жилье для людей, набитыхъ туда, ровно сельди въ боченкѣ. Вся партія выстроена была во дворѣ въ одинъ рядъ по четыре человѣка. Какой-то краснорожій, здоровенный дѣтина, высокаго роста, съ большими черными глазами, въ солдатской шинели,—вообще наружности, внушающей арестанту страхъ и трепетъ,—пробѣжалъ рядъ, подошелъ къ какому-то чиновнику, зѣло ушитанному, съ брюшкомъ, и что-то ему отрапортовалъ. Потомъ насъ сосчиталъ какой-то молодой человѣкъ съ кокардой, и затѣмъ увели всѣхъ въ пустую казарму, носившую названіе пріемной. Тутъ собралось нѣсколько человѣкъ начальствующихъ, и каждый арестантъ принимался по спискамъ, при чемъ повѣрялась казенная одежда на каждомъ. По окончаніи пріемки слѣдующіе въ Сибирь были отдѣлены и отправлены въ казарму № 4-й, а остальные также распредѣлены по другимъ казармамъ.

Казарма № 4-й, самая большая, расположена была со входа во дворъ на правой рукѣ за цейхгаузомъ въ самомъ заду. Величину ея не могу сейчасъ опредѣлить, а въ то время мнѣ и въ голову не приходило, что свѣдѣнія эти мнѣ понадобятся теперь, черезъ 26 лѣтъ. Для приблизительнаго же понятія о величинѣ этого помѣщенія скажу, что къ концу зимы въ немъ скопилось 900 человѣкъ! Но зато какъ уже и помѣщались,—люди биткомъ были набиты на нарахъ, подъ нарами и по всѣмъ угламъ на полу. Наша партія могла размѣститься еще на нарахъ. Входная дверь въ казарму была съ одного конца ея, и когда я первый разъ вошелъ и посмотрѣлъ съ этого конца въ другой на это жилище, полно на-

битое человѣческими существами, то въ моемъ воображеніи представилось, что я вижу живую картину преисподняго ада. И дѣйствительно, казарму № 4-й вполнѣ можно было назвать подобіемъ ада. Шумъ, гамъ, пѣсни, ругательства—все сливалось въ одинъ общій гулъ. Пестрота племенъ и нарѣчій, собранныхъ со всѣхъ концовъ Россіи,—все это на первый разъ представляло чудовищную картину. Помѣстившись на нарахъ, ко мнѣ многіе подходили, разспрашивая: откуда, за что, куда и называли счастливцемъ за то, что оказалось мѣсто на нарахъ, потому что слѣдующая партія должна была размѣщаться подъ нарами, на кирпичномъ полу, и спать тамъ до самой весны. Долго я всматривался въ эту массу собраннаго здѣсь порочнаго люда, котораго раньше никогда не видалъ. Здѣсь не было возможности со всѣми ознакомиться. Для удобства раздачи хлѣба и пищи, всѣ были разбиты на десятки, и каждый свой десятокъ долженъ былъ знать, иначе останется голоднымъ. Обѣдали подесяточно, нѣкоторые на столахъ, поставленныхъ по серединѣ вдоль казармы, а большая часть, за неимѣніемъ мѣста,—на нарахъ.

Днемъ не было такого приволья, какъ ночью, когда казарма запиралась.

Тогда во всю длину казармы показались на полу огоньки: горѣли фитили, опущенные въ стеклянныя бутылочки, наполненныя керосиномъ, отъ которыхъ получалась сильнѣйшая копоть. Это были майданы, гдѣ собирался кружекъ игроковъ въ карты, конечно, на деньги. На майданахъ этихъ играли цѣлую ночь; нѣкоторыхъ игроковъ захватывала и утренняя повѣрка. Здѣсь многими проигрывалось все, что имѣлось собственнаго, даже казенныя вещи; мало того,—хлѣбъ, который долженъ получаться ежедневно, проигрывался сразу за нѣсколько дней впередъ, и проигравшійся ходилъ все это время голоднымъ, собирая отбросы, выпрашивая кусочки, вслѣдствіе чего часто обнаруживались кражи хлѣба у тѣхъ, которые таковой имѣли въ запасѣ. За то настоящіе шулера ходили джентльменами, даже при часахъ и съ золотыми кольцами на рукахъ, но зачастую можно было видѣть проигравшимися и ихъ. Майданщики, т. е. владѣльцы картъ и той коптилки, которая освѣщала майданъ,—въ теченіе ночи выбирали за карты болѣе рубля.

Вторая картина. На столахъ играли въ лото собственной фабрикаціи. Владѣлецъ этой игры собиралъ съ играющихъ условленную между ними ставку, объявлялъ всѣмъ, сколько въ сборѣ денегъ, сколько остается свободныхъ картъ, или же говорилъ, что карты всѣ разобраны.

Затѣмъ кричальщикъ трясетъ мѣшочекъ съ номерами, написанными на деревянныхъ кружочкахъ, и кричитъ протяжно.

— Слушай изъ мѣшка! потомъ продолжаетъ: Нерчинскіе горбачи номеръ тридцать третій! жидовскія кресла номеръ сорокъ четвертый!

Туда и сюда, чортъ знаетъ куда, номеръ шестьдесятъ девятый! а вотъ, свой братъ жиганъ шестерка!

— Да тряси хорошенько, чтобъ тебя чортъ побралъ! ни одного номера еще не закрылъ,—кричитъ одинъ изъ игроковъ.

— Потрясу да вытащу!—также протяжно, почти нараспѣвъ, продолжаетъ кричальщикъ.—Барабанныя палочки! (№ 11-й), пѣтушокъ молодой! (№ 5), а вотъ, девяносто лѣтъ бабушка Юрьевна! кругло полсотни!

— Перемѣни голосъ, кто-то замѣчаетъ кричальщику.

И вотъ онъ начинаетъ тоненькимъ голоскомъ нараспѣвъ:

— Ангарскія уточки номеръ двадцать второй! Чортова дюжина номеръ тринадцатый! кругомъ шестнадцатый! двадцать пять горячихъ березовыхъ!

— «Баста!»—слышится отъ одного изъ играющихъ.

— Ага! что, видно, испугался горячихъ?

— Нѣтъ, братъ, не изъ таковскихъ я, чтобъ 25-ти испугался. Разъ въ Ачинскомъ округѣ, въ селѣ Балахтѣ, засѣдатель Шамраевъ мнѣ цѣлыхъ полсотни закатилъ, да и то не больно трусилъ; а когда всталъ, такъ его же еще и отматерилъ; онъ только покраснѣлъ, какъ ракъ, отъ злости и больше ничего не сталъ со мной дѣлать. А звѣрь-то какой былъ этотъ самый Шамрай! сибиряки всѣ боялись его пуще Бога. Онъ и самъ говаривалъ имъ: «я вашъ царь и Богъ» [1]).

Карта, по которой забастовалъ разсказчикъ, провѣрялась, и онъ получалъ деньги, изъ которыхъ хозяинъ взялъ себѣ двѣ копѣйки за лото. Игра такимъ образомъ продолжалась далеко за полночь.

Разсказъ о сибирскомъ засѣдателѣ заставилъ меня немножко задуматься; по крайней мѣрѣ въ Россіи ничего подобнаго я не слышалъ. Неужели въ Сибири, думалъ я, другіе законы? И пошелъ отъ лото дальше.

На краю нары виднѣлся такой же огонекъ. Тамъ въ полномъ ходу папиросная фабрика: одинъ клеитъ гильзы, другой мудштучитъ, а третій набиваетъ табакомъ. Тутъ же продаются и папиросы: четыре штуки на копѣйку. Это довольно выгодное дѣло. Хотя табакъ и бумага покупались дороже вольныхъ цѣнъ, но зато втрое дороже и продавались папиросы, которыя были гораздо меньше фабричныхъ.

По этой же линіи, въ углу, еще два огонька: это карточное заведеніе, гдѣ приготовляются карты. Рисунки производятся довольно не дурно, имѣются и необходимыя краски.

Рядомъ съ этой мастерской, при такой же коптилкѣ, сидитъ въ оч-

---

[1]) Это фактъ. Бывшаго земскаго засѣдателя 2-го участка Ачинскаго округа, Шамраева, нынѣ уже умершаго, славившагося въ свое время (въ началѣ 70 г.) суровостью, крестьяне Балахтинской волости и теперь еще не безъ страха вспоминаютъ.

кахъ какой-то борзописецъ и что-то строчитъ,—надо полагать, тюремный адвокатъ, потому что предъ нимъ стоитъ малороссъ и объясняетъ суть какого-то дѣла. Всюду, куда ни взглянешь, все кажется новымъ, страннымъ, не имѣющимъ ничего общаго съ жизнью тѣхъ тюремъ, въ которыхъ я перебывалъ до сихъ поръ. Здѣсь, можно сказать, арестантская жизнь ключемъ бьетъ. Вездѣ толкотня, крикъ, споръ, въ разныхъ мѣстахъ пѣсни, пляска. . . . а тамъ, чинно собрался кружокъ и съ большимъ вниманіемъ слушаютъ какіе-то разсказы, сказки; тамъ поютъ духовныя пѣсни, а тамъ на майданѣ игроки разодрались, и чего, чего, только нѣтъ въ этомъ омутѣ!

День проходилъ также въ различныхъ суетахъ и толкотнѣ. Взадъ и впередъ ходили разные торговцы: кто продавалъ вареный картофель по три штуки на копѣйку, кто селедку, разрѣзанную на кусочки, по копѣйкѣ кусокъ; пирожникъ выкрикивалъ: «пирожки горячіе!». Чаеторговцы едва успѣвали разливать чай своимъ гостямъ, сидѣвшимъ на нарахъ, подогнувши подъ себя ноги. На краю наръ, сидѣлъ въ красной рубахѣ молодой арестантъ, то и дѣло оглядываясь по сторонамъ, а возлѣ него, трое, сидя на полу, вели какой-то черезъ чуръ оживленный разговоръ. Въ красной рубахѣ вытаскивалъ изъ кармана бутылку съ прозрачной жидкостью, наливалъ въ какую-то жестянку и, также съ безпокойствомъ озираясь, подавалъ стоявшимъ, тѣ выпивали, платили деньги, а потомъ еще требовали; цѣловальникъ, прежде чѣмъ удовлетворить это требованіе, подозвалъ къ себѣ проходившаго мимо какого-то арестантика, сунулъ ему нѣсколько папиросъ и что-то сказалъ; тотъ поспѣшно бросился къ двери и тамъ сталъ на стрёмѣ [1]). Послѣ этого цѣловальникъ, будучи въ безопасности, сталъ дѣйствовать смѣлѣе.

Въ этотъ же день, всѣхъ кандальщиковъ, прибывшихъ въ нашей партіи, вызвали къ расковкѣ. Такимъ образомъ и мои ноги освободились до весны.

Настало время обѣда. Каждый собирался къ своему десятнику, получалъ отъ него хлѣбъ и ожидалъ щей. Помню, я принадлежалъ къ 49 десятку. Принесли въ ушатахъ щи, десятники подходили съ деревянными чашками, имъ наливали, и такимъ образомъ около каждой чашки обѣдало не болѣе десяти человѣкъ. Во время обѣда въ казармѣ стало гораздо тише. Послѣ щей принесли гречневую кашу, въ которой было и масло; щи и каша—это ежедневныя блюда. Пища, нужно сказать, была удовлетворительна, да и хлѣбъ хорошій.

---

[1]) На стрёмѣ—насторожѣ; т. е. въ случаѣ появленія надзирателя или кого другаго изъ тюремной администраціи, стоящій на стрёмѣ долженъ крикнуть „двадцать шесть!"—Это условный знакъ къ принятію мѣръ предосторожности.

Такъ шли дни за днями. По праздникамъ и воскресеньямъ въ церкви бывала служба. Наша казарма и другіе съ каждой недѣлей наполнялись все болѣе и болѣе, потому что этапы еженедѣльно приходили, такъ что вновь прибывающіе начали размѣщаться подъ нарами. Болѣе состоятельные покупали мѣста на нарахъ; сначала платили по 30 копѣекъ за одно мѣсто, потомъ 50 коп., а затѣмъ цѣна повысилась до рубля и болѣе. Охотниковъ продавать мѣста было много, въ особенности изъ проигравшихся жигановъ. Продавшій свое мѣсто на нарахъ уходилъ подъ нары, съ тѣмъ, что онъ лишился права совсѣмъ уже пользоваться нарами, если бы даже и открылось свободное мѣсто. Въ этомъ случаѣ строго наблюдалось, чтобы на свободныя мѣста, напримѣръ, послѣ ушедшихъ въ больницу, пускались бы только тѣ, которые раньше не продавали своихъ мѣстъ. Два раза въ мѣсяцъ водили поочередно въ торговую баню. Бѣлья же чистаго не было, должны были сами мыть.

На все уже я насмотрѣлся, со всѣми порядками ознакомился и ко всему привыкъ, какъ и каждый человѣкъ имѣетъ способность привыкать ко всему хорошему и худому. Въ этомъ случаѣ человѣкъ самое выносливое твореніе. Я сильно боялся лишь одного: какъ бы не захворать, потому что больные чуть не десятками отправлялись ежедневно въ больницу, но оттуда почему-то очень мало возвращалось. А захворать было очень не мудрено; я какъ вспомню сейчасъ, въ какимъ условіяхъ находилась наша казарма въ гигіеническомъ отношеніи, то ужасъ беретъ.

Наступилъ мартъ. Солнышко стало пригрѣвать какъ-то привѣтливѣе. Народу на дворѣ можно было видѣть уже больше: кто ходилъ взадъ и впередъ, а кто стоя у стѣны грѣлся на солнышкѣ, погружаясь въ грустныя думы о покинутой родинѣ и о томъ, что ждетъ тамъ на чужой сторонкѣ... Наконецъ и апрѣль насталъ; дворъ совершенно очистился отъ снѣга и пахло весной. Бывало только и слышишь разговоры о походѣ; всѣ крайне интересовались временемъ отправки, но никто ничего не зналъ, говорили, что отправка начнется въ маѣ. Люди бывалые,—а ихъ здѣсь было много,—дѣлали свои вычисленія по примѣру прежнихъ лѣтъ о томъ, когда двинется первая партія съ зимовки въ Тюмени, въ Нижнемъ и когда по ихъ разсчетамъ должна двинуться изъ Москвы, и приходили къ тому заключенію, что первая партія изъ Москвы должна выступить не раньше, какъ въ началѣ мая мѣсяца; но все-таки каждый готовился къ походу, и никто уже ничѣмъ не занимался, давно все побросали, даже въ казармѣ рѣдко кого бывало увидишь, по цѣлымъ днямъ всѣ толпились на дворѣ.

29-го апрѣля 1873 года, на утренней повѣркѣ, фельдфебель объявилъ, что сегодня будетъ назначеніе въ партію, которая отправится

завтра, а потому, чтобы всѣ приготовились. Боже мой! какая радость была у всѣхъ! точно объявлено по домамъ возвратиться. Вотъ какъ надоѣла эта зимовка. Но у каждаго былъ еще вопросъ: кто попадетъ въ партію и кто останется до слѣдующей? Вскорѣ же послѣ повѣрки начался и вызовъ. Тутъ же выдавали одежду, заковывали въ кандалы и брили головы. Въ эту партію былъ назначенъ и я. День прошелъ въ приготовленіяхъ. Переночевали послѣднюю ночь, а 30-го числа, раньше обыкновеннаго отворили казармы, вызвавъ назначенныхъ въ партію,—остальныхъ заперли опять. Всѣмъ намъ роздана была провизія на однѣ сутки до Нижняго, заключающаяся въ одномъ фунтѣ варенаго мяса и 3-хъ фунтахъ хлѣба. Потомъ явилась какая-то дама, насъ выстроили, и она собственноручно дала каждому по Евангелію и по нѣсколько копѣекъ денегъ. Затѣмъ прибылъ военный конвой, и опять началась перекличка, повѣрка казенной одежды на каждомъ и передача насъ въ вѣдѣніе военнаго конвоя, который, принимая, обыскивалъ тщательно и осматривалъ кандалы, въ исправности ли они. По окончаніи сдачи и пріемки явилось какое-то начальство и священникъ, которымъ у креста отслуженъ былъ молебенъ и сказана коротенькая рѣчь, заключавшая въ себѣ напутствіе узника при отправкѣ въ страну изгнанія. Порядкомъ таки я опять поплакалъ, стараясь по возможности удерживаться и не подать виду товарищамъ, во избѣжаніе насмѣшекъ. Послѣ этого, приказано взять каждому свои вещи въ руки и выходить на улицу, гдѣ разставленъ уже былъ конвой и всѣ опять становились въ ряды. Потомъ снова сосчитали, и партія тронулась къ вокзалу, гремя кандалами. Подаяніе по обыкновенію посыпалось со всѣхъ сторонъ. На вокзалѣ опять сосчитали и размѣстили по вагонамъ. Вскорѣ послышался свистокъ паровоза, и поѣздъ тронулся. Отъ многихъ послышались прощальныя привѣтствія столицѣ: «Прощай, матушка Москва! Не поминай насъ лихомъ!»

На завтра, 1-го мая, мы были уже въ Нижегородской пересыльной тюрьмѣ.

Нижегородская пересыльная тюрьма много чѣмъ отличалась отъ Московской. Во-первыхъ, здѣсь не слышно было того самоуправства, кулачной расправы и вообще деспотическаго обращенія, какое было въ столичной тюрьмѣ.Смотритель здѣсь былъ человѣкъ хорошій, для арестанта доступный, его можно было видѣть каждый день нѣсколько разъ; всѣ распоряженія по тюрьмѣ исходили отъ него, и арестанты даже лично могли ихъ слышать. Въ Москвѣ же все было наоборотъ: за время моего нахожденія тамъ, я видѣлъ смотрителя не болѣе четырехъ разъ. Здѣсь, въ Нижнемъ, арестанты чувствовали себя свободно. Во дворѣ была лавочка со всевозможными съѣстными припасами, около которой постоянно толпился народъ. Семейные арестанты помѣщались

въ особой камерѣ, вмѣстѣ со своими женами и дѣтьми. Женщины замужнія и дѣвицы свободно ходили по двору вмѣстѣ съ мужчинами, и никогда никакого безобразія не было. Здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ въ камерахъ двухъ-этажныя нары, какія можно видѣть по всему сибирскому ссыльному тракту. Дворъ постоянно былъ полонъ народа; звонъ кандаловъ заглушалъ уши. Играли и здѣсь больше даже, чѣмъ въ Москвѣ: днемъ въ орлянку, а ночью въ карты. Пища здѣсь была тоже хорошая, даже лучше, чѣмъ въ Москвѣ. Наша партія прожила здѣсь двѣ недѣли и затѣмъ была отправлена на пароходѣ въ Пермь.

Пермская пересыльная тюрьма среди арестантовъ славилась строгостью смотрителя ея, почему каждый подходилъ къ ней со страхомъ и трепетомъ. Будучи еще на баржѣ, всѣ старались какъ можно поискуснѣе припрятать табакъ и проч.

Дѣйствительно, строгость сразу же обнаружилась при пріемѣ арестантовъ.

Обыскъ былъ самый тщательный: всякая мелочь подвергалась осмотру, переплетъ у книгъ отрывался, какая-нибудь вещь, подозрительная по своей толщинѣ, поролась и даже просто рвалась руками. Одинъ день, прожитый въ этой тюрьмѣ, равнялся нѣсколькимъ днямъ, проведеннымъ въ нижегородской. Пища скудная. Каждый съ нетерпѣніемъ ждалъ дня отправки, хоть бы куда-нибудь, лишь бы вырваться отсюда.

Въ то время изъ Перми до Тюмени арестантскія партіи въ лѣтнее время отправлялись ежедневно по 90 человѣкъ на лошадяхъ, размѣщаясь по 6-ти человѣкъ въ телѣгѣ, седьмой конвоиръ и восьмой ямщикъ. На всѣхъ арестантовъ налагались ручныя оковы, даже и на тѣхъ, которые были въ кандалахъ. Ѣхали по три станціи въ день сломя голову. Путешествіе это, продолжавшееся девять дней, было настоящимъ наказаніемъ для арестантовъ. Телѣги были тряскія, маленькія, ничего не подстилалось; хорошо, если у кого былъ какой-нибудь багажъ, который допускался не болѣе 30 фунтовъ на человѣка, то все-таки нѣсколько удобнѣе было сидѣть, но и багажъ имѣли право имѣть только административно-ссылаемые и лица привилегированнаго сословія; вообще же лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія и бродягамъ, кромѣ казеннаго, не позволялось ничего имѣть. Свѣшивать ноги съ телѣги строжайше воспрещалось, даже не дозволялось ворочаться на телѣгѣ, а какъ сѣлъ на станціи, въ такомъ положеніи долженъ ѣхать до слѣдующей. Слѣдовательно, нужно было сидѣть скорчившись всю дорогу. Руки каждаго должны быть на виду конвоира, сидѣвшаго лицомъ къ арестантамъ; это въ виду того, что нѣкоторые наручники снимались съ рукъ.

Дорога между Пермью и Тюменью въ то время была самая убійственная, даже и ѣдущіе въ хорошихъ экипажахъ проклинали ее на

чемъ свѣтъ стоитъ. Отъ ежедневной нестерпимой тряски каждый испытывалъ колотье внутри, всѣ члены были разбиты, а тутъ, въ довершеніе всего, разстраивались желудки. Кормовыя деньги выдавались на руки по 10 коп. въ сутки. На каждомъ этапѣ продавалась пища женами конвойныхъ солдатъ.

Пища большею частію была недоброкачественная, дурно дѣйствовавшая на желудокъ. Разстройство его у одного изъ арестантовъ было тяжело для остальныхъ пяти, ибо во время путешествія они были соединены одною цѣпью, отъ которой освобождались лишь на ночь.

По прибытіи въ Тюмень я назначенъ былъ въ Енисейскую губернію. Насталъ день отправки, и партія, состоявшая изъ 400 человѣкъ, отправилась на пристань. Здѣсь вошли на баржу, устроенную спеціально для арестантовъ, и потянулись за пароходомъ до Томска. Пища на баржѣ была прекрасная, которая тамъ же и готовилась. Плыли мы всего десять дней, а на одиннадцатый прибыли въ Томскъ.

Пересыльная тюрьма находилась за городомъ по Иркутскому тракту и состояла изъ нѣсколькихъ деревянныхъ, одно-этажныхъ корпусовъ, обнесенныхъ высокимъ частоколомъ съ заостренными вверху концами. Около самыхъ воротъ, деревянная лавочка, со всевозможными съѣстными припасами и даже съ табакомъ разныхъ сортовъ, папиросами и спичками, т. е. съ такими продуктами, о которыхъ въ предыдущихъ тюрьмахъ даже воспрещалось говорить, а не только-что употреблять. Вдали отъ воротъ пестрѣлъ рядъ торговокъ съ разнымъ печеньемъ: калачами, шаньгами [1]), пирогами, а также съ молокомъ и квасомъ.

Въ Томскѣ каждый арестантъ начиналъ чувствовать себя гораздо свободнѣе. Когда мы были уже приняты и размѣщены по камерамъ, то я удивился здѣшнимъ порядкамъ и обращенію тюремной администраціи съ арестантами. Все было доступно, просто, безъ всякихъ придирокъ, такъ что, привыкнувъ къ строгостямъ, послѣ нихъ казалось даже какъ-то странно, что съ арестантами начальство вдругъ обращается по-человѣчески. Всѣ какъ бы ожили. Всюду пѣсни, пляски, игры, торговля,—полный просторъ для всего.

Партіи отправлялись изъ Томска на Красноярскъ пѣшкомъ еженедѣльно, по 350 человѣкъ и даже болѣе. Шли всѣ вмѣстѣ: мужчины и женщины.

Въ Томскѣ пришлось погостить двѣ недѣли. Затѣмъ назначена была къ отправкѣ и наша партія.

На утро мы тронулись: впереди шли кандальщики, за ними безъ

---

[1]) Шаньга—ватрушка съ творогомъ; пекутъ ихъ и безъ творогу съ масломъ, со сметаной. Шаньги въ Сибири въ большомъ употребленіи.

оковъ, а сзади тянулись подводы съ арестантскимъ багажомъ, съ неспособными слѣдовать пѣшкомъ и съ дѣтьми.

Хоть и трудно было идти въ кандалахъ, въ особенности подъ конецъ станціи, но подъ веселыя пѣсни, говоръ, шутки, разныя остроты и боль ногъ забывалась. Иной, пройдя цѣлую станцію верстъ 70 и болѣе, на этапѣ, подъ плясовую пѣсню такого раздѣлаетъ трепака въ кандалахъ, что любо. Нужно правду сказать, что иной плясунъ въ кандалахъ такія удивительныя штуки выдѣлываетъ, что просто диковина да и только!

Въ нашей партіи былъ хоръ пѣсельниковъ, которые пѣли очень недурно; хоромъ управлялъ нѣкто Задорожный, бродяга, бывавшій уже въ Сибири, но еще не опошлившійся, какъ другіе, и не глупый парень. На половинѣ пути, всегда, въ извѣстномъ мѣстѣ, бывали привалы, т. е. отдыхи; сюда выходили изъ мѣстныхъ жителей торговки съ разной разностью. Каждый покупалъ шаньгу или какой-нибудь пирогъ, и, закусивши, отправлялись дальше. Передъ каждой деревней пѣсельники выходили впередъ и начинали пѣть «милосердную». Она начиналась самымъ заунывнымъ и протяжнымъ напѣвомъ; заключалась она въ слѣдующихъ короткихъ словахъ: «Милосердныя наши матушки, не оставьте насъ невольничковъ Христа ради!».

Въ это время партія деревней шла тихо, а съ обѣихъ сторонъ подавались сердобольными «матушками» калачи, шаньги и проч. Какъ эта «милосердная» вошла въ обычай и какое имѣла вліяніе на жителей, видно изъ того, что если партія пройдетъ по деревнѣ молча, то никто даже и калача не подастъ. Собранные калачи и шаньги, по приходѣ на этапъ, дѣлились на всѣхъ.

Утромъ партія подымалась рано, съ такимъ разсчетомъ, чтобы пройдти по холодку нѣсколько верстъ. На каждомъ этапѣ конвойные солдаты предлагали арестантамъ свои подводы на одинъ станокъ до этапа, что стоило 15—20 копѣекъ съ человѣка, на что охотниковъ было много.

Чрезъ два дня въ третій бывали дневки. Въ этотъ, свободный для отдыха день, пѣсельники выходили на дворъ пѣть пѣсни; собиралось много слушателей и вольныхъ. А на нѣкоторыхъ этапахъ, такъ сами начальники команды спрашивали, нѣтъ ли пѣсельниковъ, и заставляли пѣть, и давали имъ на чай.

Наконецъ, въ 21-й день по выходѣ изъ Томска, мы увидѣли границу восточной Сибири—это каменный столбъ, сложенный пирамидой, на которомъ имѣются двѣ чугунныя доски: одна, съ восточной стороны, изображающая льва съ дубиной въ переднихъ лапахъ—это гербъ Енисейской губерніи; а другая, съ западной стороны,—бѣгущую лошадь—гербъ Томской губерніи. Столбъ этотъ красуется не доходя 18-ти верстъ до города Ачинска.

Переплывъ на паромѣ чрезъ рѣку Чулымъ, мы очутились въ Ачинскѣ. Городишко маленькій, ни одного каменнаго дома, да и деревяннаго-то не было порядочнаго, за исключеніемъ дома Никифорова. Этотъ домъ немножко выдѣлялся отъ прочихъ. Домъ Никифорова стоялъ на углу, по улицѣ, ведущей на Иркутскій трактъ, и памятенъ мнѣ тѣмъ, что партія наша помѣщена была противъ него на углу же, въ какомъ-то полуразрушенномъ частномъ домѣ, и большая часть арестантовъ, въ особенности тѣ, которые шли на поселеніе, за неимѣніемъ мѣста въ домѣ, расположились просто во дворѣ, подъ открытымъ небомъ, на что конечно, никто не претендовалъ, а напротивъ, всѣ были довольны. Пересыльная тюрьма была за городомъ и въ то время ремонтировалась.

Слѣдующій день была дневка; посѣтилъ насъ ачинскій окружный исправникъ Кашкинъ, которымъ было намъ объявлено, что имъ получено распоряженіе Енисейской экспедиціи о ссыльныхъ объ оставленіи изъ партіи извѣстнаго числа людей, для причисленія по волостямъ Ачинскаго округа, изъ тѣхъ, которые слѣдуютъ въ Енисейскую губернію. Вотъ и нахлынули къ нему съ просьбами, всякому хотѣлось скорѣе освободиться.

Онъ вызвалъ по списку 60 человѣкъ молодежи, въ число которой попалъ и я. Прежде всего началась расковка. Я послѣдній разъ взялъ въ руки свои кандалы; отвязывая отъ нихъ ремень и вздохнувъ тяжело, бросилъ ихъ въ кучу. Многіе же свои кандалы взяли съ собой.

Всѣхъ насъ препроводили въ полицію, и конвой, получивъ росписку въ принятіи, оставилъ насъ безъ всякаго надзора. Потомъ намъ объявили, въ какую кто назначенъ волость, а затѣмъ приказали отправляться.

Всѣ удивились: какъ это идти однимъ безъ конвоя, съ бритыми головами, въ казенной арестантской одеждѣ и главное куда идти? Это затрудненіе было устранено тѣмъ, что полицейскій солдатъ вывелъ всѣхъ на улицу и показалъ рукой: «Въ Назарьевскую и Балахтинскую волость идите вонъ туда, гдѣ другая церковь, тамъ дорога одна, а въ Покровскую за городъ мимо острога».

Мы пошли по указанію. Въ первой же деревнѣ многими пропиты были сѣрые армяки, которые крестьяне охотно брали, нисколько не брезгуя вшитымъ сзади тузомъ; а у кого оказались кандалы, и тѣ пошли въ ходъ, эта вещь оказалась пригодной крестьянину для подтяжекъ къ телѣгѣ. Въ волость пришло менѣе половины. Здѣсь опять было распредѣленіе по деревнямъ и селамъ; я назначенъ былъ въ дер. Д., въ которую съ прочими пришелъ 26-го іюня 1873 г. Съ этого дня начинается новая моя жизнь, не менѣе горемычная предыдущей.

С. А. Коваленко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Али-паша анапскій въ Θеодосіи.

(Изъ воспоминаній г-жи Ростейнъ).

Въ 1829 году Али-паша анапскій жилъ въ Θеодосіи военно-плѣннымъ.

Долго его не могли убѣдить появиться въ обществѣ. Наконецъ, онъ не устоялъ передъ соблазномъ. Пріобрѣтеніе пары перчатокъ было первымъ шагомъ по пути цивилизаціи.

Съ этого момента дѣло его приученія пошло быстро впередъ.

Изъ нелюдима Али-паша превратился въ дамскаго угодника. Ни въ чемъ не зная мѣры, своимъ ухаживаньемъ онъ вскорѣ поселилъ среди дамъ тревогу и смятеніе.

Однажды, въ многолюдномъ собраніи, Али подошелъ къ молоденькой хорошенькой дамѣ и, среди разговора, неожиданно обнялъ за талію, пытаясь поцѣловать. Дама пришла въ неописанный ужасъ. Къ счастью, на помощь явились мужчины, объяснившіе варвару, что въ Европѣ съ женщинами изъ общества такъ не обращаются.

Али необычайно изумился.

— Вѣдь я въ перчаткахъ!—оправдывался онъ.—Ея не коснулись мои нечистыя руки (mains impures!)...

Сообщилъ **А. Мердеръ.**

Александръ Ефимовичъ Измайловъ

1779—1831 гг. [2])

Извѣстный авторъ, сочинитель,
Поэтъ альбомный, фабулистъ,
Благонамѣренный и толстый журналистъ,
Недѣльныхъ книжечекъ издатель
Членъ разныхъ обществъ, предсѣдатель
и пр. и пр. и пр.....

Изъ неизд. стихотвор. А. Е. Измайлова
„Въ альбомъ сестрицѣ“ (1822 г.)

I.

Происхожденіе и родители А. Е. Измайлова.—Поступленіе въ Горный корпусъ.—Начало службы и литературной дѣятельности Измайлова; знакомства; вступленіе въ члены литературныхъ обществъ.—Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ.—Участіе Измайлова въ журналѣ: „Цвѣтникъ“, завѣдываніе „Сыномъ Отечества“.

Александръ Ефимовичъ Измайловъ происходилъ изъ дворянъ Владимірской губерніи [1]), въ которой отцу его принадлежала небольшая де-

[1]) Въ „Русск. родослови. книгѣ“ кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго Александръ Ефимовичъ не отнесенъ къ какой-либо опредѣленной линіи дворянъ Измайловыхъ (см. т. I, изд. 2-е, стр. 226). Извѣстныя намъ росписи этой фамиліи, какъ печатныя, такъ и рукописныя (между послѣдними три, любезно сообщенныя намъ изъ своего собранія В. В. Руммелемъ и двѣ найденныя въ бумагахъ нашего писателя) также не даютъ положительнаго отвѣта.

[2]) Предлагая вниманію читателей опытъ біографіи и характеристики общественной и литературной дѣятельности А. Е. Измайлова, считаемъ необходимымъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Во-первыхъ, настоящая работа не претендуетъ на одинаковую полноту во всѣхъ своихъ отдѣлахъ: она является лишь посильнымъ дополненіемъ къ прекрасной, во многихъ отношеніяхъ, статьѣ о нашемъ писателѣ А. Д. Галахова („Современникъ“ 1849 г. № 18 и 1850 г. №№ 23 и 24), гдѣ почтенный наслѣдователь довольно обстоя-

ревенька «Волченки» (въ Вязниковскомъ уѣздѣ). Онъ родился 14-го апрѣля 1779 года, но мѣсто рожденія его въ точности не извѣстно [1]); впрочемъ, вѣрнѣе всего предположить, что въ первый разъ онъ увидѣлъ свѣтъ тамъ же, гдѣ и въ послѣдній, то-есть, въ Петербургѣ. О родителяхъ его нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній: извѣстно лишь, что отецъ его, Ефимъ Ѳедоровичъ, былъ честный и добрый

тельно разсмотрѣлъ дѣятельность Александра Ефимовича, какъ баснописца, издателя журнала „Благонамѣренный“ и пр. Поэтому, не останавливаясь съ большою подробностью на только-что названныхъ сторонахъ дѣятельности Измайлова и ограничиваясь въ данномъ случаѣ лишь выводами, мы обратили особенное вниманіе на тѣ черты въ ней, которыя А. Д. Галаховымъ были или опущены, или развиты, на нашъ взглядъ, недостаточно. Во-вторыхъ, особенное стараніе мы приложили къ составленію біографіи Измайлова, какъ въ виду того, что по настоящее время мы не имѣемъ ея, а существующія свѣдѣнія о жизни нашего писателя полны пристрастія, неточностей и грубыхъ ошибокъ, такъ и потому, что въ нашемъ распоряженіи было не мало рукописнаго матеріала, позволившаго провѣрить все написанное о жизни Измайлова и набросать новую біографію его въ значительной степени „по документальнымъ даннымъ“. Изъ бумагъ Александра Ефимовича, кромѣ четырехъ томовъ его стихотвореній (въ рукописи автора), принадлежащихъ Императорской Публичной библіотекѣ, мы пользовались бумагами (въ числѣ ихъ—письма, прозаическія и стихотворныя произведенія, дневникъ, альбомъ, формуляры, родословныя и иныя оффиціальныя бумаги, замѣтки и пр.), съ любезностью доставленными намъ его наслѣдницами-внучками Н. П. Эйхе-Янсонъ и Л. А. Максимовой и госпожей А. В. Владиміровой, которымъ, равно какъ и И. А. Бычкову, П. Н. Полевому и В. В. Руммель мы считаемъ пріятнымъ долгомъ изъявить нашу глубочайшую благодарность. Кромѣ того, за разрѣшеніе пользоваться рукописными матеріалами, касающимися Измайлова, и всегдашнюю готовность оказать содѣйствіе теплымъ словомъ должны мы помянуть имя недавно скончавшагося вице-президента Академіи Наукъ Л. Н. Майкова. Особенную нашу благодарность приносимъ академику И. Н. Жданову, благодаря содѣйствію котораго мы могли воспользоваться бумагами Измайлова, находящимися въ Архивѣ С.-Петерб. Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, принадлежащемъ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета.

Полнотой библіографическихъ свѣдѣній обязаны мы во многомъ В. И. Сантову, С. А. Венгерову и Б. Л. Модзалевскому, цѣнность указаній которыхъ извѣстна всѣмъ занимающимся въ области исторіи литературы. И. К.

[1]) Н. И. Гречъ (см. его „Опытъ“... Спб. 1832, стр. 326) ошибается, считая родиной Измайлова Москву: это явно противорѣчитъ письмамъ нашего писателя къ женѣ (неизд.), изъ которыхъ видно, что А. Е. въ первый разъ увидѣлъ эту столицу въ качествѣ тверскаго вице-губернатора. Нигдѣ мы не нашли также подтвержденія данныхъ Л. К(авелина), по которымъ Измайловъ родился въ деревнѣ своего отца (см. „Иллюстрація“ 1846, № 17. Вообще біографія Измайлова, помѣщенная въ этомъ журналѣ, къ которой обыкновенно обращались лица, интересовавшіяся нашимъ баснописцемъ, страдаетъ большими неточностями и написана весьма пристрастно.—Мы имѣемъ ея черновой болѣе полный набросокъ, чѣмъ печатный).

человѣкъ, весьма исправный чиновникъ, прослужившій отечеству съ усердіемъ полвѣка [1]), дослужившійся до чина статскаго совѣтника, но не успѣвшій завѣщать своимъ дѣтямъ (сыну Александру и дочери Натальѣ) [2]) никакихъ богатствъ, кромѣ ничтожнаго родоваго имѣнія съ семью душами крестьянъ да честнаго имени, которое Александръ Ефимовичъ, какъ увидимъ, ревниво оберегалъ во все прохожденіе своего жизненнаго поприща и успѣлъ незапятнаннымъ передать своимъ потомкамъ [3]).

Изъ ранняго дѣтства нашего писателя извѣстно также очень мало вплоть до 1786 года, когда Александръ Ефимовичъ, семилѣтнимъ мальчикомъ, былъ записанъ, по дворянскому обычаю того времени, капитенармусомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Но служить на военномъ поприщѣ ему не пришлось и выше чина сержанта, который онъ получилъ 20-ти лѣтъ, Александръ Ефимовичъ не пошелъ. Дѣло въ томъ, что онъ поступилъ въ 1792½ году въ Горный кадетскій корпусъ, гдѣ, какъ онъ самъ говоритъ,—«учился на собственномъ иждивеніи и особенно занимался словесными науками» [4]). Постановка учебнаго дѣла въ корпусѣ по спеціальнымъ предметамъ [5]), очевидно, была

[1]) См. эпитафію, сочиненную А. Е. Измайловымъ своему отцу, въ Собр. сочин., т. I. Москва 1890, стр. 383. (Послѣдующ. ссылки буд. дѣлать на это изданіе).

[2]) Наталья Ефимовна Измайлова была горбатая и некрасивая дѣвушка, которую Александръ Ефимовичъ нѣжно любилъ всю свою жизнь и писалъ ей не мало „посланій". Она намного пережила своего брата и умерла дѣвицей въ 1853 году. (Похоронена на Спб. Смоленск. кладб.).

[3]) Сообщаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ отцѣ Измайлова—Ефимѣ Ѳедоровичѣ по имѣющимся у насъ документамъ. Годъ рожденія его—1749-й даетъ надгробный памятникъ, воздвигнутый на Смоленскомъ кладбищѣ его сыномъ (на немъ между прочимъ выбита и эпитафія, сочиненная Александромъ Ефимовичемъ и помѣщенная въ собр. соч., т. I, стр. 383). Службу началъ съ 1767 года копіистомъ въ Главной Соляной Конторѣ и служилъ тамъ, постепенно повышаясь въ чинахъ, до 1780 г., когда въ чинѣ коллежскаго секретаря былъ опредѣленъ въ „казначейство для статныхъ въ государствѣ суммъ", откуда въ 1785 г., уже коллежскимъ ассесоромъ, былъ переведенъ начальникомъ въ 1-ю экспедицію о государственныхъ доходахъ. Дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна. Надгробный камень говоритъ, что Ефимъ Ѳедоровичъ умеръ въ 1814 году, 9-го іюля въ чинѣ статскаго совѣтника. Мать баснописца Матрона Захарьевна, род. въ 1750 г., сконч. въ 1802 (по родословной, писанной рукой А. Е. Измайлова). Почтительный ея сынъ написалъ и ей эпитафію (см. собр. сочин. т. I, стр. 383).

[4]) См. «Записку», поданную Измайловымъ для полученія чина статскаго совѣтника. (Впервые обнародована П. Н. Полевымъ въ «Ист. Вѣст.» 1886 г., № XI).

[5]) Несмотря на то, что въ управленіи имъ принималъ участіе такой дѣятельный человѣкъ, какъ М. Ѳ. Соймоновъ (1730—1804). См. автобіографію его въ «Горномъ Журн.» 1887 г. № 10, стр. 147—180.

неудовлетворительна. Вотъ какъ Измайловъ, самъ говоритъ объ этомъ, на страницахъ своего журнала «Благонамѣренный» [1]), вспоминая свое обученіе въ корпусѣ: «Въ мое время учили въ Горномъ корпусѣ очень хорошо, но только не горнымъ наукамъ. Химія преподавалась тогда безъ опытовъ, минеральный кабинетъ былъ почти безъ штуфовъ и немного приносилъ пользы учащимся».

Но чему именно тамъ учили «очень хорошо»,—трудно сказать. Весьма вѣроятно, что Александръ Ефимовичъ разумѣлъ подъ этимъ предметы общеобразовательные—словесность и новые языки, въ каковыхъ онъ рано обнаружилъ себя знатокомъ. Къ неудовлетворительной постановкѣ учебнаго дѣла нужно присоединить и ту крайнюю распущенность воспитанниковъ корпуса, которая существовала въ немъ въ то время. Самъ Александръ Ефимовичъ объ этомъ не даетъ свѣдѣній, но мы легко можемъ предположить, что дѣло обстояло такъ, основываясь на воспоминаніяхъ лицъ, учившихся въ Горномъ корпусѣ приблизительно въ то же время и въ одинъ голосъ подтверждающихъ низкій нравственный уровень своихъ коллегъ по корпусу [2]). (Отмѣчаемъ этотъ фактъ въ виду того, что, можетъ быть, это обстоятельство имѣло нѣкоторое значеніе въ пристрастіи Измайлова къ изображенію грубыхъ картинъ изъ жизни нашей молодежи въ его первомъ романѣ, и вообще къ той грубости въ изображеніяхъ и выраженіяхъ, которая впослѣдствіи стала характерной чертой большинства его произведеній). Но какъ бы то ни было Александръ Ефимовичъ работалъ, очевидно, не мало за время пребыванія въ корпусѣ. Можетъ быть тамъ онъ изучилъ французскій языкъ [3]), которымъ впослѣдствіи владѣлъ прекрасно, и несомнѣнно, что тамъ начались его литературные опыты. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что «восемнадцати не больше лѣтъ» имъ былъ уже написанъ романъ «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества».

По выходѣ изъ корпуса, Александръ Ефимовичъ не бросалъ заботъ о самообразованіи и пополнялъ недостатки его обширнымъ чтеніемъ на русскомъ и французскомъ языкахъ; другихъ онъ не зналъ, въ чемъ

---

[1]) «Благонамѣренный», 1821 г.

[2]) См. «Автобіографич. записки сенатора Е. Ѳ. Брадке», („Рус. Архивъ" 1875, I, стр. 19—21); «Вульфъ и его дневникъ» („Рус. Старина" 1899—III) и др.

[3]) И можетъ быть подъ руководствомъ того самаго Masclet (переводч. басенъ Крылова), о встрѣчѣ съ которымъ въ Москвѣ онъ упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (См. „Славянинъ" 1828, ч. VII, стр. 254). Перу Masclet принадлежатъ: 1) „Kryloff Jean. Fables traduites de russe"—Moscou 1828 in 8°; 2) Ode sur le mariage de S. A. I. Mr. le Grand-duc Alexandre Pavlovitch.—St. Pétersbourg 1793, in 4°; 3) Idem (français et russe)—St. Pétersb.—1793, in 4°.

онъ самъ съ сожалѣніемъ признается въ одномъ изъ своихъ писемъ [1]). Но французскимъ языкомъ онъ владѣлъ прекрасно и былъ—какъ увидимъ ниже—хорошо освѣдомленъ по части тогдашней французской литературы; особливо ему хорошо были знакомы французскіе баснописцы и теоретическія сочиненія о баснѣ.

Въ военную службу, какъ дѣлало большинство его товарищей, Александръ Ефимовичъ—какъ мы замѣтили—не пошелъ; не чувствуя къ ней никакого призванія, онъ подалъ прошеніе «объ отставкѣ» и былъ, какъ значится въ формулярѣ, «уволенъ для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ», съ чиномъ губернскаго секретаря въ 1797 году (января 3-го). Августа 1-го того же года онъ поступилъ на службу въ существовавшую еще тогда Экспедицію о государственныхъ доходахъ, въ которой служилъ въ то время и его отецъ. Выступивъ такимъ образомъ, въ 1797 году, на поприще гражданина въ качествѣ чиновника, онъ въ слѣдующемъ году является въ печати, какъ начинающій писатель: въ первой книжкѣ одного изъ лучшихъ тогдашнихъ періодическихъ изданій—«С.-Петербургскій Журналъ», издававшагося Пнинымъ, въ 1798 году появилось стихотвореніе Александра Ефимовича «Смерть», переведенное изъ Малерба [2]), а въ слѣдующемъ, 1799 году, имъ напечатана была первая часть романа «Евгеній», написаннаго, какъ мы замѣтили, еще раньше. Романъ этотъ, повѣствующій о жизни и приключеніяхъ одного изъ представителей тогдашней дворянской jeunesse dorée, далъ возможность молодому автору выказать замѣчательную наблюдательность. Въ небольшомъ сравнительно произведеніи онъ успѣлъ широко охватить мрачныя стороны современнаго ему провинціальнаго и городскаго дворянства, правда, заходя въ своихъ изображеніяхъ порой за границы требуемой отъ печатнаго произведенія благопристойности. Какъ бы то ни было, но романъ этотъ, какъ рядъ яркихъ бытовыхъ картинъ, объединенныхъ симпатичной идеей—показать пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія—доставилъ автору нѣкоторую извѣстность [3]). Съ этого времени, вѣроятно, начались и литературныя знакомства Измайлова, имѣвшія, конечно, не малое вліяніе на послѣдующія его литературныя занятія.

Между тѣмъ и на служебномъ поприщѣ Александръ Ефимовичъ успѣлъ обратить на себя милостивое вниманіе начальства своими способностями, особенно по части сочиненія канцелярскихъ бумагъ и вообще умѣлымъ

---

[1]) Собр. соч., т. II, стр. 144.

[2]) „С.-Петерб. журналъ“ 1798 г. ч. I, стр. 224. Въ 1809 году въ измѣненной редакціи оно было напечатано въ „Цвѣтникѣ“ и затѣмъ вошло во всѣ собранія сочиненій.

[3]) См. „Сѣверная Пчела“ 1849, № 141.

*

отношеніемъ къ своему дѣлу: въ октябрѣ 1800 года онъ былъ уже награжденъ чиномъ титулярнаго совѣтника, а въ 1801 году (іюля 26-го), то-есть, когда ему исполнился всего 21 годъ, онъ получилъ мѣсто столоначальника съ чиномъ коллежскаго ассессора [1]).

Добытое, такимъ образомъ, нѣкоторое общественное положеніе (можетъ быть, не безъ содѣйствія отца) и имя писателя дали возможность Александру Ефимовичу расширять свои знакомства до большихъ размѣровъ. Онъ, началъ появляться чаще въ петербургскомъ обществѣ; «никто—какъ говоритъ его біографъ—не прочь былъ познакомиться съ такимъ молодымъ и уже извѣстнымъ писателемъ [2])..... всѣмъ было пріятно послушать остроумнаго веселаго собесѣдника; при томъ же знаніе французской рѣчи и приличное для тогдашняго времени образованіе отворяли для него двери многихъ салоновъ..... Знакомства его расширялись день ото дня» [3]).

Кромѣ знакомыхъ по службѣ и случайныхъ, Александръ Ефимовичъ расширялъ и кругъ своихъ литературныхъ знакомствъ, преимущественно изъ молодыхъ писателей; мало того, имѣя къ послѣднимъ особенное тяготѣніе, онъ въ 1802 году вступилъ членомъ въ только-что народившееся Общество Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ [4]), въ исторіи котораго впослѣдствіи Александру Ефимовичу суждено было имѣть первенствующее значеніе: онъ былъ болѣе половины существованія этого общества его президентомъ, оказывалъ ему большую поддержку и проч. Въ члены этого Общества онъ былъ выбранъ «по представленнымъ сочиненіямъ» въ засѣданіи 3-го мая 1802 года [5]). Дебютировалъ въ обществѣ Александръ Ефимовичъ стихотвореніемъ «На кончину друга» [6]). Но, какъ видно изъ протоколовъ этого Общества, Измайловъ посѣщалъ засѣданія неаккуратно, или вовсе не являясь,

---

[1]) Изъ Архива Департамента Герольдіи, чинопроизводное дѣло 1801 г. № 137, іюль.

[2]) Въ 1801 году Измайловъ еще издалъ повѣсть „Бѣдная Маша“. Спб. in 12°.

[3]) „Иллюстрація“, цит. №

[4]) См. прекрасную характеристику его, сдѣланную Л. Н. Майковымъ въ изд. соч. К. Н. Батюшкова (т. I, стр. 149—150). Немногочисленныя свѣдѣнія о немъ см. въ „Журн. мин. нар. просв.“, 1890, № III (статья проф. Пѣтухова); „Вѣсть“ 1864 г., № 15 (статья Н. И. Греча); „Сѣв. Пчела“ 1857 № 125 и пр. Уставъ этого Общества, утвержден. 23 сент. 1803 года, напечат. на русск. и нѣм. яз. въ 1805 г. (Спб.)

[5]) Изъ архива этого Общества. Такимъ образомъ, исправляется ошибка Л. К (авелина), назвавшаго Измайлова главнымъ основателемъ этого Общества, (см. „Иллюстрація“ 1846, № 17), ошибка, повторенная Галаховымъ („Современникъ“ 1850, т. XXIV, отд. III, стр. 52) и другими.

[6]) Не сохранилось.

или приходя подъ конецъ засѣданія, такъ что Общество, дорожившее своими немногочисленными членами, но старавшееся въ то же время поддерживать дисциплину, принуждено было сдѣлать ему и другому также неаккуратному члену (пріятелю, коллегѣ по корпусу и сослуживцу Александра Ефимовича) А. М. Яковлеву «сообщеніе» такого содержанія: «Общество проситъ господина Измайлова возвратить взятыя имъ бумаги касательно его разговора со Спасскимъ и требуетъ объясненія о долговременномъ его отсутствіи. 14-го іюня 1802 года. Секретарь А. Востоковъ».

Измайловъ внялъ-было голосу Общества, но потомъ опять пропускалъ засѣданія по-прежнему и былъ всего-на-всего въ продолженіе 1802 года три раза [1]); мало того, однажды онъ чуть-было не подвергся исключенію изъ него. И вообще, первое время, онъ не былъ членомъ дѣятельнымъ, чѣмъ можно объяснить и отсутствіе его произведеній въ обѣихъ частяхъ изданнаго Обществомъ альманаха «Свитокъ Музъ» [2]); лишь въ «Періодическомъ изданіи» 1804 года, которое затѣяло Общество, мы встрѣчаемъ имя Измайлова [3]). Но журналъ этотъ былъ не долговѣченъ: онъ прекратился на первой же книжкѣ, и члены Общества, въ томъ числѣ и Измайловъ, печатали свои произведенія въ другихъ журналахъ, между прочимъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» Мартынова. (Хотя изъ протоколовъ Общества видно, что оно уже заготовило матеріалъ для 2-й книжки своего изданія: нѣсколько цензоровъ изъ членовъ же [въ числѣ которыхъ были А. Х. Востоковъ, Д. И. Языковъ и Измайловъ [4])] дали отчетъ о представленныхъ для печати произведеніяхъ; но въ подготовленіи матеріала прошелъ 1804 годъ, половина 1805, а второй книжки такъ-таки не появилось). Въ 1805 году члены печатались также большею частью въ «Журналѣ россійской словесности» (издававшемся однимъ изъ членовъ этого же Общества—Н. П. Брусиловымъ), гдѣ помѣстилъ нѣсколько своихъ произведеній и Измайловъ [5]). Но и этотъ журналъ на слѣдующій годъ прекратился, и вмѣсто него въ 1806 году члены облю-

---

[1]) Изъ рукописныхъ протоколовъ этого Общества, принадлежащ. Имп. Публичн. библіотекѣ (0—XVIII, № 2).

[2]) „Свитокъ Музъ", ч. I, Спб. 1802; ч. II, Спб. 1803.

[3]) „Періодическое изданіе" ч. I, Спб. 1804 стр. 14, 34, 35, 102, 104—106, 108—110. (Между прочимъ на стр. 33—35 находится стих. „Сонетъ Ирокойца", не вошедш. въ полное собр. соч. Измайлова).

[4]) См. бумаги этого Общества, обнародованныя Е. В. Пѣтуховымъ въ „Журн. мин. народн. просвѣщ.", 1890 г. ч. 268, № III.

[5]) См. „Журн. рос. слов." 1805, № I, стр. 50—51, № II—175, № III—148, № VII—148, № VIII—205—210, 211, № IX—37, 98—101, № XI—154—156. (Между прочимъ въ № IX (стр. 37—40) находится не вошедшее въ полное собр. сочин. А. Е. Измайлова стихотвореніе „Тирсисъ"—подраженіе „Раисѣ" Карамзина).

бовали себѣ журналъ (также члена Общества) Н. Ѳ. Остолопова «Любитель словесности». Александръ Ефимовичъ былъ большимъ пріятелемъ редактора-издателя и охотно печатался въ его «Любителѣ». Онъ помѣщалъ почти въ каждомъ номерѣ какъ прозаическія, такъ и стихотворныя свои произведенія, которыя предварительно читались въ Обществѣ. Всего помѣстилъ онъ въ этомъ журналѣ числомъ до десяти своихъ пьесъ [1]).

Нужно замѣтить вообще, что дѣятельность Александра Ефимовича, какъ писателя и члена Общества, съ годами становится болѣе живой и плодотворной. Онъ болѣе сталъ писать и печатать, сталъ болѣе аккуратнымъ и даже весьма дѣятельнымъ членомъ Общества: онъ много представляетъ на засѣданія его своихъ работъ, не мало беретъ для просмотра, состоитъ въ числѣ цензоровъ Общества, которое, усмотрѣвъ въ немъ литературный вкусъ и критическія способности, поручало ему для отзыва произведенія одного изъ самыхъ видныхъ (по литературному таланту) своихъ членовъ—А. Х. Востокова. Въ 1807 году Измайловъ избирается секретаремъ и ведетъ протоколы засѣданій. Въ томъ же году членъ Д. И. Языковъ предложилъ (въ засѣданіи 27-го іюля) вновь приступить къ изданію журнала и представилъ подробную программу его, другой членъ, В. В. Попугаевъ, предложилъ дѣлать взносы на сіе изданіе, и тотчасъ начали собирать сумму. Но хотя рѣшеніе издавать журналъ было принято, все же изданіе не состоялось. Впрочемъ, Александръ Ефимовичъ вывелъ сочленовъ изъ затрудненія: онъ приступилъ къ изданію журнала «Цвѣтникъ», предложивъ членамъ Общества въ немъ печататься [2]), такъ что «Цвѣтникъ» можно считать какъ-бы неоффиціальнымъ органомъ этого Общества.

Между тѣмъ, въ періодъ времени съ 1803 по 1809 годъ, въ жизни Александра Ефимовича произошли слѣдующія событія: въ 1803 году онъ женился на Екатеринѣ Ивановнѣ Сотниковой [3]). Это была моло-

---

[1]) См. „Любит. словесности“ 1806 г. № 2, стр. 111—116, 167—169, № 3—252, № 4—42, № 6—253, № 8—155, № 10—67—69, № 11—101—124, № 12—157—159, 186—198.

[2]) См. „Переписку А. Х. Востокова“ въ Сборн. 2-го отд. Акад. наукъ т. V, Спб. 1873, вып. 2-й, стр. XXXIX (примѣч.).

[3]) См. „Иллюстрація“ 1846, № 17; данное это согласно съ родословной Измайлова, писанной рукою его старшаго сына. Хотя князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій (см. „Русск. родослов. книга“ изд. 2-е, т. I, стр. 226) и Корсаковъ въ статьѣ о К. Д. Кавелинѣ (см. „Вѣстн. Европы“ 1886, № 5, стр. 10, прим. 2-е), называютъ дѣвичью фамилію Екатерины Ивановны Сулима, но, въ сущности говоря, это одно лицо—дочь Акилины Адріановны, урожденной Кавелиной (дочь Адр. Мих. Кавелина), которая была замужемъ два раза: первый разъ за поруч. Иваномъ Сотниковымъ, второй—за полковникомъ Ива-

дая, миловидная дѣвушка, съ хорошимъ по тому времени образованіемъ, ставшая нѣжной супругой, истиннымъ другомъ своего мужа, вполнѣ его понимавшимъ и уважавшимъ его умъ, занятія и интересы; по общему приговору, это была обаятельная женщина и добрая мать, сумѣвшая, вмѣстѣ съ мужемъ, дать дѣтямъ прекрасное воспитаніе.

Слѣдуя хронологическому порядку, мы должны отмѣтить слѣдующій 1804 годъ въ жизни Александра Ефимовича появленіемъ особой книжкой его любопытнаго «Разсужденія о нищихъ». Внѣшнимъ поводомъ къ этой публицистической работѣ послужилъ высочайшій рескриптъ императора Александра, данный имъ 16-го мая 1802 года на имя камергера Витовтова о «несчастныхъ подданныхъ, страждущихъ подъ игомъ нищеты» Причиной же, почему Измайловъ обратилъ такое вниманіе на нищихъ. должно считать, какъ его природную доброту и сердечность, такъ отчасти и вліяніе на нашего писателя Вольнаго Общества. Дѣло въ томъ, что среди членовъ названнаго Общества, на-ряду съ идеями чисто литературнаго, ученаго и политическаго характера, были широко распространены идеи о любви къ ближнему, о состраданіи и проч. Эти идеи не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на чувствительную натуру Измайлова, и гуманный призывъ монарха не могъ остаться безъ отклика въ его добромъ сердцѣ. Движимый самыми искренними побужденіями, онъ пишетъ въ 1803 году упомянутое разсужденіе, въ которомъ предлагаетъ проектъ уменьшенія въ Россіи нищихъ; годъ спустя онъ сочиняетъ другой, не менѣе любопытный проектъ о помощи бѣднымъ чиновникамъ, находящимся въ отставкѣ, подъ названіемъ «Вчерашній день»[1]). Оба проекта, проникнутые такими теплыми филантропическими идеями, были весьма сочувственно приняты членами Вольнаго Общества, на засѣданіяхъ котораго авторъ читалъ ихъ; второй проектъ, между прочимъ, одобренъ былъ къ напечатанію. Наконецъ, въ 1818 году Измайловъ основываетъ журналъ, одна изъ цѣлей котораго—благотвореніе.

Что касается до служебной дѣятельности, то и тутъ Александръ Ефимовичъ преуспѣвалъ: въ 1806 году онъ былъ награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника, въ 1808 назначенъ старшимъ столоначальникомъ Экспедиціи и въ слѣдующемъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени; черезъ два года (въ 1811) онъ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника и назначенъ совѣтникомъ Экспедиціи [2]).

номъ Сулимой (см. „Родосл. Сборникъ“... В. В. Руммель и В. В. Голубцова, т. I, Спб. 1896, стр. 339); Екатерина Ивановна была отъ перваго брака (род. въ 1787 г., сконч. въ 50-хъ годахъ текущаго столѣтія). Прибавимъ кстати, что самъ Александръ Ефимовичъ, горячо любя свою жену, недолюбливалъ ея родственниковъ, особливо ея дядю Дм. Ал. Кавелина.

[1]) Изд. отдѣльной брошюрой Спб. 1807 г. 12⁰(По Сопикову—№ 3115, „рѣдка“).

[2]) По формуляру 1831 года.

Возвратимся къ «Цвѣтнику». «Цвѣтникъ» существовалъ два года. Въ 1809 году Измайловъ издавалъ его вмѣстѣ съ А. П. Бенитцкимъ, а въ слѣдующемъ, по смерти своего талантливаго и усерднаго помощника и сочлена Вольнаго Общества, съ П. А. Никольскимъ (также членомъ Общества). Журналъ этотъ, задуманный Измайловымъ съ цѣлью придти на помощь Обществу въ дѣлѣ обнародованія своихъ произведеній, особеннаго успѣха не имѣлъ. Въ немъ помѣщали свои труды исключительно члены Общества, публикѣ мало извѣстные и не обладавшіе выдающимися способностями. Еще въ первый годъ своего существованія, когда центръ тяжести изданія лежалъ на Бенитцкомъ и онъ былъ самымъ дѣятельнымъ его сотрудникомъ, «Цвѣтникъ» успѣлъ заинтересовать публику; но уже въ слѣдующемъ году, когда умеръ Бенитцкій, «Цвѣтникъ», по выраженію Батюшкова, «завялъ» [1]), на него посыпались эпиграммы, неодобрительные отзывы журналовъ, и Александръ Ефимовичъ прекратилъ его. Съ прекращеніемъ «Цвѣтника» члены Вольнаго Общества принуждены были снова печататься въ различныхъ журналахъ, но мысль о возобновленіи собственнаго изданія не покидала ихъ, и они вновь организуютъ свой журналъ подъ названіемъ «С.-Петербургскій Вѣстникъ», поручая главное редакторство А. Е. Измайлову [2]). Основное направленіе его было то же, что вообще въ дѣятельности Общества и въ частности въ «Цвѣтникѣ». Суть дѣятельности вполнѣ вѣрно и характерно очерчена Н. И. Гречемъ:

«Этотъ журналъ»—говоритъ онъ—«былъ поприщемъ оппозиціи противъ распространявшагося тогда дурнаго вкуса въ словесности, порожденнаго ложными понятіями о свойствѣ, достоинствахъ и различіи языковъ церковно-славянскаго и русскаго» [3]).

Но и этотъ журналъ былъ слишкомъ недолговѣченъ: «грозная буря войны разразилась надъ нашимъ отечествомъ, мирныя музы сокрылись» и «Вѣстникъ» замолчалъ на ноябрьской книжкѣ [4]). Тѣ же военныя событія заставили членовъ Общества, оставшихся въ Петербургѣ въ небольшомъ количествѣ, прекратить свои засѣданія, и послѣднее, подъ предсѣдательствомъ Измайлова, было 11-го ноября 1813 г.

Но общество не умерло окончательно, а возобновило свою дѣятельность

---

[1]) См. „Русск. Старин.“ 1871 г., № 3-й, стр. 218 (Собр. сочин., томъ III, стр. 42).

[2]) А не В. Б. Броневскому, какъ показано у Н. М. Лисовскаго (см. его „Рус. періодич. печать“, вып. I, Спб. 1895, стр. 13). В. Б. Броневскій избранъ въ члены этого Общества лишь 27-го апрѣля 1818 г. (Изъ архива этого Общества).

[3]) Н. Гречъ „Чтенія“, ч. II, Спб. 1840, стр. 391.

[4]) И то послѣдняя была издана не въ полномъ видѣ и не въ срокъ (см. „Библіогр. Зап.“ 1859, стр. 420, письмо А. Е. Измайлова къ Н. Ѳ. Грамматину).

въ концѣ 1816 года (седьмаго декабря), благодаря стараніямъ, главнымъ образомъ, А. Е. Измайлова, А. Х. Востокова и Н. И. Греча. Александръ Ефимовичъ былъ на сей годъ избранъ предсѣдателемъ. Первое засѣданіе открыли А. Е. Измайловъ, А. Х. Востоковъ, И. И. Гречъ, А. С. Бируковъ и Б. М. Ѳедоровъ. Тогда же было рѣшено разсмотрѣть уставъ и сдѣлать въ немъ кое-какія измѣненія. Въ 1816 году засѣданій числомъ было 4, въ слѣдующемъ—31, и дѣло пошло на ладъ. Число членовъ быстро увеличивалось; опять сошлись (хотя далеко не всѣ) прежніе члены, прибавилось много новыхъ. Общество дѣятельно принялось вербовать въ свои ряды выдающихся лицъ столицы и въ числѣ своихъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ имѣло почти всѣхъ извѣстныхъ въ то время литературныхъ и общественныхъ дѣятелей.

Большинство изъ болѣе видныхъ писателей были представлены Обществу Александромъ Ефимовичемъ. Такъ, въ 1817 году онъ представилъ В. А. Жуковскаго, И. А. Крылова, В. К. Кюхельбекера; въ 1818 году А. С. Пушкина, Е. А. Боратынскаго, А. А. Дельвига и многихъ другихъ.

Такъ шло время, и Александръ Ефимовичъ мало-по-малу завоевалъ себѣ извѣстность, какъ писатель и вообще литературный дѣятель. Болѣе извѣстенъ онъ былъ какъ баснописецъ, и, какъ послѣдній, онъ стяжалъ себѣ довольно рано хорошую славу; имя его ставили на-ряду съ именами Крылова и Дмитріева и звали его «дружкой Крылова». Особенную извѣстность онъ пріобрѣлъ послѣ выпуска перваго собранія своихъ басенъ въ 1814 году, въ каковое изданіе вошли басни, большею частью напечатанныя имъ въ различныхъ журналахъ въ предшествующіе годы, начиная съ «С.-Петербургскаго журнала», кончая «Сыномъ Отечества» Греча. Принятый благосклонно печатью и публикой за первое изданіе своихъ басенъ, Александръ Ефимовичъ еще усерднѣе началъ работать надъ излюбленной имъ формой поэтическихъ произведеній, и въ періодъ съ 1816 [1]) по 1818 годъ помѣстилъ много басенъ и въ «Сынѣ Отечества» и въ «Вѣстникѣ Европы»; тамъ же онъ началъ печатать свои «Опыты» чисто теоретическаго разсужденія о баснѣ, въ основу котораго были положены трактаты французскихъ писателей-теоретиковъ.

Къ этому времени изъ Александра Ефимовича окончательно вырабатывается писатель по преимуществу, и видно, что литературныя дѣла—его первыя заботы, заслонявшія собой заботы о службѣ. Краснорѣчиво говоритъ объ этомъ формуляръ Измайлова. Такъ, заглянувъ въ него, въ графѣ: «когда въ службу вступилъ» etc. вслѣдъ за 1811 годомъ мы встрѣчаемъ тотчасъ же годъ 1821, когда Александръ Ефимовичъ былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія департамента государственнаго каз-

[1]) Въ этомъ же году появилось 2-е изданіе его басенъ.

начейства. Тяготясь такимъ долгимъ пребываніемъ въ однихъ чинахъ и должности, Измайловъ подалъ, куда слѣдуетъ, увѣнчавшуюся успѣхомъ любопытную «Записку для полученія чина статскаго совѣтника», въ которой, испрашивая означенный чинъ, перечислялъ свои литературныя заслуги передъ отечествомъ [1]).

Несомнѣнно, что Александръ Ефимовичъ всецѣло былъ занятъ служеніемъ музамъ, какъ потому, что онъ чувствовалъ къ тому призваніе и снискалъ имъ себѣ извѣстность, такъ отчасти, можетъ быть, и потому еще, что литературныя занятія все же давали кое-какой доходъ [2]), что̀ могло быть нѣкоторымъ подспорьемъ для существованія, особенно въ виду того, что служба далеко не покрывала его расходовъ [3]).

Не мудрено поэтому, что онъ не отказался въ 1817 году, на время отъѣзда Греча за границу, принять (конечно, за нѣкоторое вознагражденіе) въ завѣдываніе и полное распоряженіе его журналъ «Сынъ Отечества». Гречъ передалъ журналъ именно Измайлову, ибо, во-первыхъ, находился съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, а во-вторыхъ, Александръ Ефимовичъ—повторяемъ—какъ писатель, имѣлъ уже извѣстное имя и какъ баснописецъ, и редакторъ-издатель, и членъ ученыхъ и литературныхъ обществъ [4]), изъ которыхъ въ одномъ былъ предсѣдателемъ.—Завѣдываніе «Сыномъ Отечества» прибавило новыя заботы Измайлову, но и тутъ живая и дѣятельная натура его хотѣла вложить нѣчто свое. «Вамъ извѣстно уже — писалъ Александръ Ефимовичъ Н. Ѳ. Грамматину—что я послѣ отъѣзда Греча издаю теперь «Сынъ Отечества». Въ матеріалахъ у меня недостатка нѣтъ; но мнѣ хотѣлось бы сдѣлать журналъ разнообразнѣе, нежели каковъ онъ былъ прежде, и не помѣщать длинныхъ и сухихъ пьесъ... Вотъ уже я издалъ семь книжекъ, и въ каждой есть стихотворенія, а прежде помѣщалось ихъ очень мало» [5]).

Въ октябрѣ Гречъ возвратился изъ своего путешествія и принялъ журналъ отъ Измайлова, но Александръ Ефимовичъ вновь создаетъ себѣ

---

[1]) О ней см. ниже.

[2]) См. объ этомъ любопытн. письма его къ Н. Ѳ. Грамматину („Библіогр Зап.," т. II, стр. 419 и сл.).

[3]) „Я, слава Богу, здоровъ"—пишетъ онъ Н. Ѳ. Грамматину отъ 22-го марта 1817 г.,—„но не могу сказать, чтобы былъ веселъ: дѣла казеннаго много, своего еще больше, жить здѣсь дорого", между тѣмъ какъ семья у Александра Ефимовича значительно увеличилась; такъ онъ писалъ тому же Грамматину еще въ 1812 г., что у него „на рукахъ шесть ребятишекъ". (См. „Библіогр. Записк.", т. II, стр. 425, 414).

[4]) Въ 1816 г. онъ былъ избранъ въ члены моск. общ. любителей словесности въ засѣданіи 26-го февраля вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Гнѣдичемъ и И. А. Крыловымъ. (См. „Москов. Вѣдом." 1816 года, № 21, также „Русск. Вѣстн." 1858 г., т. XV, кн. 2, стр. 603).

[5]) „Библіогр. Зап.", т. II, стр. 624.

работу: къ концу года онъ выпускаетъ 3-е изданіе своихъ басенъ и сказокъ [1]), въ слѣдующемъ 1818 году, открывающемъ новую эпоху въ жизни Александра Ефимовича, мы видимъ его редакторомъ-издателемъ собственнаго журнала «Благонамѣренный».

II.

Изданіе „Благонамѣреннаго". Причины продолжительнаго существованія этого журнала; особенныя черты въ характерѣ его редактора-издателя.—Участіе Измайлова въ литературныхъ кружкахъ. С. Д. Пономарева. Предсѣдательство въ Вольномъ Обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ. Послѣдніе годы этого Общества.—Вліяніе литературныхъ знакомствъ Измайлова на его литературную дѣятельность. Измайловъ какъ литераторъ и отношеніе къ нему писателей.—Послѣдніе годы службы Измайлова въ Петербургѣ. Переводъ его по службѣ въ Тверь.

1818-мъ годомъ начинается періодъ самой кипучей литературной дѣятельности Измайлова. Испробовавъ свои силы почти во всѣхъ родахъ литературныхъ произведеній, побывавъ сотрудникомъ и издателемъ какъ отдѣльныхъ, такъ и періодическихъ изданій, искусивши свои силы и какъ редакторъ, Александръ Ефимовичъ задумываетъ изданіе большаго журнала по широкой программѣ, которому даетъ названіе «Благонамѣренный», каковымъ онъ самъ себя называлъ и каковымъ былъ на самомъ дѣлѣ. Поставивъ эпиграфомъ своего журнала: «on fait ce qu'on peut et non pas ce qu'on veut», Измайловъ на дѣлѣ держался его до конца дней своего журнала и до конца своей литературной дѣятельности, прекратившейся его смертью, то-есть до 1831 года. «Благонамѣренный» существовалъ съ 1818 по 1826 годъ включительно, то-есть, въ продолженіе девяти лѣтъ, и, вѣроятно, продолжалъ бы существовать и далѣе, если бы Измайловъ не былъ переведенъ по службѣ въ провинцію. Существованіе журнала въ теченіе девяти лѣтъ, при той неисправности, какую обнаруживалъ издатель въ выпускѣ книжекъ, или опаздывая или вовсе не выдавая нумеровъ журнала, явленіе, и не для того времени, довольно примѣчательное. Извѣстно, что въ тѣ времена журналовъ, хотя было и «тысячи», по выраженію одного изъ современниковъ [2]), но существованіе ихъ было, можно сказать,

---

[1]) Кромѣ того, въ этомъ году онъ доиздалъ двѣ послѣднія (XI и XII) кн. предпринятаго его покойнымъ другомъ П. А. Никольскимъ (ум. въ 1816 г.) изданія „Пантеона русск. поэзіи".

[2]) Горчаковъ: „И наконецъ, я зрю въ странѣ родной
Журналовъ тысячи, а книги ни одной".

эфемерно: они вырастали какъ грибы, но скоро и умирали, не всегда дотянувши изданія даже до конца года. Чѣмъ же объяснить фактъ такого успѣха «Благонамѣреннаго», разумѣя подъ успѣхомъ долгое существованіе этого журнала? Прежде всего, конечно, тѣмъ, что «Благонамѣренный» имѣлъ достаточное число подписчиковъ, послѣднее же можно объяснить слѣдующимъ: во-первыхъ, какъ человѣкъ весьма общительный и обходительный, Александръ Ефимовичъ имѣлъ громадный кругъ знакомыхъ, которые охотно подписывались на журналъ и въ свою очередь заботились о его распространеніи [1]); во-вторыхъ, самъ редакторъ-издатель нерѣдко принималъ такія мѣры къ распространенію своего журнала, какія въ наше время сочлись бы компрометтирующими изданіе, но въ свое время считались позволительными при тогдашнихъ патріархальныхъ нравахъ печати; въ-третьихъ, журналъ отличался замѣчательной пестротой, разнообразіемъ и даже, пожалуй, для своего времени и занимательностью; въ-четвертыхъ, онъ давалъ пріютъ произведеніямъ чуть-ли не каждаго, желавшаго увидѣть плоды своей музы въ печати, что̀, правда, не прибавляло журналу успѣха литературнаго, но увеличивало число подписчиковъ: случайные сотрудники охотно подписывались на журналъ, на страницахъ котораго печатались ихъ фамиліи; наконецъ, журналъ этотъ нравился весьма многимъ и по той симпатичной цѣли, которую, между прочимъ, преслѣдовалъ «Благонамѣренный»; мы имѣемъ въ виду благотвореніе.

Нѣсколько выше мы имѣли уже случай отмѣтить ту доброту и отзывчивость Александра Ефимовича, которыя онъ проявлялъ неоднократно, едва выступивъ на поприщѣ общественной и литературной дѣятельности.—То же самое мы видимъ и теперь, когда онъ стоитъ во главѣ довольно крупнаго, по своему времени, изданія: почти въ каждомъ нумерѣ журнала (начиная съ перваго) издатель дѣлалъ порою трогательныя объявленія, иной разъ стихами, о тѣхъ или другихъ несчастныхъ, нуждающихся въ матеріальной поддержкѣ, лишенныхъ нерѣдко почему-либо всякихъ средствъ къ существованію [2]). Мало того, онъ бралъ на себя трудъ лично раздавать притекающія къ нему пожертвованія нуждающимся, лично же разыскивая ихъ на окраинахъ города въ ихъ убогихъ помѣщеніяхъ. Часто къ нему обращались пись-

---

[1]) Такъ, напримѣръ гр. Д. И. Хвостовъ подписывался на массу экземпляровъ.

[2]) Между прочимъ,—нѣкоторые ошибочно думаютъ, что „Благонамѣренный“ былъ у насъ первымъ журналомъ, задавшимся благотворительной цѣлью: ее имѣли нѣкоторые журналы и до „Благонам.“, напр., „Россійскій Музеумъ“ (1815 г.), при которомъ былъ отдѣлъ: „Вѣдомости несчастныхъ и благотворительныхъ“; былъ благотвор. отдѣлъ и въ одномъ журналѣ 1818-го года—„Соревнователѣ Просвѣщенія“ и т. д.

менно съ просьбами о помощи или являлись къ нему въ редакцію, и Измайловъ никому не отказывалъ ни въ матеріальной, ни въ нравственной поддержкѣ, и, за время существованія его журнала, имъ было роздано свыше 10.000 рублей пожертвованныхъ денегъ, не считая жертвованій вещами. Кромѣ того, идя навстрѣчу несчастнымъ, Александръ Ефимовичъ часто жертвовалъ и изъ собственныхъ средствъ [1]), а при ограниченности послѣднихъ обращался въ случаяхъ экстраординарныхъ за содѣйствіемъ къ лицамъ состоятельнымъ [2]). Чувство состраданія было такъ сильно развито въ Александрѣ Ефимовичѣ, что несчастія ближнихъ заставляли его порой забывать собственныя несчастья [3]).

Врагъ всякой лжи и лицемѣрія [4]), Александръ Ефимовичъ ненавидѣлъ, съ одной стороны, притворство въ дѣлѣ благотворенія, благотвореніе ради формы и приличія (онъ написалъ по этому поводу нѣсколько пьесокъ) [5]); съ другой—попрошайничество, жертвой котораго онъ иногда бывалъ [6]). Стремленіе подать руку помощи ближнему доводило Александра Ефимовича иногда до курьезовъ. Не говоря о томъ, что подписчики «Благонамѣреннаго» иногда получали передъ праздникомъ стихотворныя воззванія о бѣдныхъ [7]), онъ привлекалъ къ благотворенію чуть-ли не вымогательствомъ [8]).

Но какъ бы то ни было, мы съ тѣмъ бо̀льшимъ уваженіемъ должны относиться къ личности Александра Ефимовича за его благотворительную дѣятельность, что вѣдь самъ-то Измайловъ лично не имѣлъ состоянія; извѣстно, что все имѣніе его заключалось въ маленькомъ клочкѣ земли съ семью душами крестьянъ, да и то въ общемъ владѣніи съ сестрой, которая въ свою очередь нуждалась въ помощи, въ чемъ братъ ей—прибавимъ—никогда не отказывалъ.

---

[1]) См. напр. „Сынъ Отеч.“ 1815 г., № 5, стр. 213 (въ пользу семейства умершаго художника Теребенникова), см. также „Русск. Стар.“ 1884 г. т. XLI, стр. 633.

[2]) См. напр. объ исторіи помощи баснописцу Маздорфу въ „Русск. Арх.“ 1871 г., стр. 966. См. также „Вѣдомости Спб. городск. полиціи“, 1848 № 33—въ воспомин. Грена и перепечатку въ „Сынѣ Отеч.“ 1859 г., № VII, стр. 6—8.

[3]) См. его письмо къ П. Л. Яковлеву въ собр. сочин., т. II, стр. 162—166.

[4]) Ср. послѣсловіе къ баснѣ „Черный котъ“. (Соб. соч., т. I, стр. 8 3) также „Надпись на дверяхъ моей пріемной“ (ibid., стр. 381—382).

[5]) См., напр., собр. соч., т. II, стр. 259.

[6]) См. статью Воейкова „Плуты-нищіе“ въ „Литер. Прибавл. къ Рус. Инвалиду“, 1838.

[7]) См. одно изъ нихъ въ собр. соч., т. 1, стр. 352—354.

[8]) За что Александръ Ефимовичъ подвергся строгому осужденію со стороны Эртаулова (псевдон. Бурнашева),—„Дѣло“ 1874, № IV.

Нерѣдко Александръ Ефимовичъ бывалъ самъ въ затруднительномъ матеріальномъ положеніи, и ему приходилось обращаться къ помощи знакомыхъ лично для себя и «Богъ и добрые люди—по его выраженію—выручали его». Извѣстно, что такими благодѣтелями были для него: графъ Г. В. Орловъ [1]), Е. А. Уварова [2]), П. И. Мятлева [3]), графъ Д. И. Хвостовъ [4]) и другіе.

Но, получая благодѣянія, Александръ Ефимовичъ, какъ мы видѣли—въ то же время самъ умѣлъ творить добро, и убѣжденіе въ необходимости послѣдняго было самымъ горячимъ и искреннимъ убѣжденіемъ Измайлова, лежавшимъ въ основѣ его нравственныхъ воззрѣній:

«Кто добръ, тотъ и полезенъ»—заявляетъ онъ въ своемъ посланіи къ В. И. Панаеву [5]). Любовь къ добру и дѣланіе добра— единственное, по мнѣнію Александра Ефимовича, утѣшеніе земной жизни:

„Здѣсь все намъ мѣсто испытанья;
Любя даетъ Богъ крестъ нести,
И мы должны несть безъ роптанья,
Чтобъ удостоилъ насъ спасти.
Т а м ъ будетъ добрымъ всѣмъ награда,
А здѣсь для насъ одна отрада:
Прямое лишь добро любить,
Полезными для ближнихъ жить [6])".

Къ этой симпатичной чертѣ въ характерѣ Измайлова—добротѣ—нужно еще прибавить его безкорыстіе и безукоризненную ч е с т н о с т ь. Послѣднее подтверждаютъ всѣ, кто только писалъ объ Измайловѣ, и Александръ Ефимовичъ былъ въ правѣ гордиться этимъ своимъ качествомъ. Взятки возмущали его до глубины души, и въ сочиненіяхъ и въ письмахъ его мы часто встрѣчаемъ самыя ожесточенныя на нихъ нападки. Если къ этому присоединить еще любовь Измайлова къ правдѣ, уваженіе къ личности, простоту и любезность въ обхожденіи, то предъ нами встанетъ въ высшей степени симпатичный образъ человѣка, своими нравственными качествами затмевающій себя, какъ писателя.

Вотъ эти-то особенности въ характерѣ Измайлова и притягивали къ нему общество, онѣ-то и были причиной того глубокаго уваженія, которое питали къ нему люди его знавшіе, порой литературные враги; съ другой стороны, ими же можно объяснить до нѣкоторой степени и то чрезмѣрное восхваленіе Александра Ефимовича, какъ писателя, ко-

---

[1]) Въ то время сенаторъ.
[2]) Супруга министра нар. просв. С. С. Уварова.
[3]) Статсъ-дама (1769—1859), мать поэта Ив. Петр. Мятлева.
[4]) Извѣстный метроманъ, членъ Академіи, въ то время сенаторъ.
[5]) Собр. сочин., т. I, стр. 307.
[6]) Собр. сочин., т. I, стр. 317—318.

торое оказывали ему нѣкоторые современные журналы, чего, какъ увидимъ, онъ собственно не заслуживалъ: какъ писатель онъ былъ, строго говоря, незначителенъ, но какъ человѣкъ, какъ честный литераторъ, онъ былъ лицо примѣчательное, стоющее того, чтобъ любить его и съ уваженіемъ относиться къ его памяти.

Не даромъ А. Д. Галаховъ, давшій строгую оцѣнку литературнымъ трудамъ Измайлова, съ любовью остановился на его личности, какъ человѣка вообще, и русскаго въ особенности [1]). А Измайловъ былъ русскимъ человѣкомъ во всемъ, начиная съ своего добродушія, простоты (доходящей до дурной привычки нѣкоторыхъ и весьма почтенныхъ русскихъ людей уснащать въ пріятельской бесѣдѣ свою рѣчь словами не совсѣмъ удобными въ печати), чисто русской халатности [2]), кончая самыми мелкими привычками въ частной своей жизни. О немъ много ходило анекдотовъ при его жизни, много писалось эпиграммъ [3]) (изъ которыхъ наиболѣе интересной и удачной мы считаемъ эпиграмму Дельвига), не мало говорилось о его чудачествахъ и оригинальничаніи и по смерти [4]). Измайловъ былъ весьма популярнымъ человѣкомъ въ столицѣ, его зналъ каждый мало-мальски интеллигентный человѣкъ, и самъ онъ имѣлъ—какъ мы замѣтили—обширнѣйшее знакомство. Трудно указать кого-нибудь даже изъ болѣе крупныхъ писателей, который не былъ бы знакомъ съ Измайловымъ, и рѣдко какой изъ нихъ не упо-

---

[1]) „Современникъ“ 1850 г., т. XXIV, стр. 54.

[2]) Напр., Измайловъ разъ не въ срокъ выпустилъ № своего журнала и публично оправдывался тѣмъ, что

„Какъ русскій человѣкъ на праздникъ загулялъ,
Забылъ жену, дѣтей, не только что журналъ“.

[3]) Эпиграммъ на Измайлова и вообще стихотвореній, „посвященныхъ“ ему, довольно много; напр.: 1) А. А. Дельвига (Собр. соч., изд. 1893 г. стр. 62 и 63). 2) А. Ѳ. Воейкова („Домъ сумасшедшихъ“—„Р. Стар.“ 1874, IX, 522). 3) А. С. Пушкина („Ex ungue leonem.—Собр. соч., т. I, стр. 349). 4) К. Ѳ. Рылѣева („Ахъ, гдѣ тѣ острова“... Собр. соч., изд. 1893 г., стр. 104; ср. „Пол. Зв.“ 1859—V). 5) А. И. Писарева („Пѣвецъ на бивакахъ у подошвы Парнаса“—„Библіогр. Зап.“, II, стр. 615). 6) Д. И. Хвостова—(„Стихотворенія“, т. V. Спб. 1830, стр. 190—193). 7) А. Д. Илличевскаго — („Опыты въ антологич. родѣ“. Спб. 1827, стр. 16). 8) М. В. М(илонова).—(„Цвѣтникъ“ 1810, № 12, стр. 376—380). 9) „Къ портрету Измайлова“ („Карман. кн. Аонидъ“, Спб. 1821, стр. 149, см. также стр. 178). 10) „Надгробіе Измайлову“ („Благонамѣр.“ 1822, т. XIV) и др. 11) „Надгробіе А. Е. Измайлову“, („Стихотворенія Д. И. Хвостова“, т. VII, Спб. 1834, стр. 227).

[4]) См. объ этомъ у К. Касьянова (Бурнашева): „Наши чудодѣи“. Спб. 1875 г.; Геннади въ „Сборникѣ, посвящ. А. Ѳ. Смирдину“ Спб. 1859, т. IV, Эртаулова (Бурнашева) въ „Дѣлѣ“ 1874, № III и IV. См. также „Отеч. Записки“ 1874 г., т. 214), „Древн. и Нов. Россія“ 1876 г., т. III; 1878 г., т. III).

минаетъ его или въ своихъ письмахъ или произведеніяхъ [1]). Знакомства его были весьма разнообразны: въ числѣ знакомыхъ онъ имѣлъ и свѣтилъ литературы, выдающихся ученыхъ, художниковъ — вообще лицъ, выдающихся по своему общественному положенію, наконецъ, массу знакомыхъ по службѣ. Изъ крупныхъ дѣятелей литературы онъ былъ знакомъ съ А. С. Пушкинымъ, княземъ П. А. Вяземскимъ, Жуковскимъ, Гнѣдичемъ, Боратынскимъ, И. А. Крыловымъ, Дельвигомъ и т. д.; въ пріятельскихъ или болѣе близкихъ отношеніяхъ онъ былъ къ Н. И. Гречу, И. И. Дмитріеву, Н. Ѳ. Грамматину, М. В. Милонову [2]), А. П. Бенитцкому, П. А. Никольскому [3]), графу Д. И. Хвостову, В. И. Панаеву [4]), Н. Ѳ. Остолопову [5]); хорошо знакомъ былъ съ графомъ Г. В. Орловымъ, С. С. Уваровымъ, Мятлевыми и т. д. Литературныя знакомства отчасти были широки у Измайлова и потому еще, что онъ состоялъ членомъ многихъ обществъ [6]), да и самъ былъ—какъ уже знаемъ—предсѣдателемъ одного.

«Въ литературныхъ собраніяхъ—говорится въ одномъ воспоминаніи—Измайловъ считался необходимымъ и занималъ почетное мѣсто между Крыловымъ, Пушкинымъ и всѣмъ, что тогда сіяло на полѣ умственной славы [7])... Крыловъ, съ привѣтливой улыбкой, протягивалъ руку своему нареченному брату по баснѣ—Крыловъ изящный—дикому Крылову, великій художникъ—простому плотнику, тесавшему тяжкій Эзоповъ лѣсъ тяжелымъ вятскимъ топоромъ,—но въ полной мѣрѣ честному писателю, доброй душѣ по превосходству, веселому и радушному

---

[1]) Н. В. Гоголь („Р. Стар.“ 1889, № 1, стр. 154; собр. соч., т. IV. Спб. 1889, стр. 194); А. С. Пушкинъ (Собр. соч., т. VII, стр. 105, 331); кн. П. А. Вяземскій—(Собр. соч., т. VIII, стр. 25; „Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ“, изд. подъ ред. В. И. Саитова, т. I, Спб. 898, стр. 70, 95, 367, 378); К. Н. Батюшковъ—(Собр. соч., т. III, стр. 42, 54, 66, 74, 88, 142, 161, 185); В. К. Кюхельбекеръ—(„Р. Ст.“ 1883, № 7, стр. 114); И. И. Дмитріевъ—(Собр. соч., изд. 1893 г., стр. 62, 63 и др.); Н. И. Гречъ—(„Чтенія“ и пр., т. II, стр. 295 и сл. и мн. др.).

[2]) См. эпитафію, сочинен. ему Измайловымъ (Собр. соч., т. I, 385).

[3]) Измайловъ почтилъ его смерть эпитафіей и доиздалъ его „Пантеонъ рус. поэзіи“ (см. выше).

[4]) См. собр. соч., т. I, 307, 397.

[5]) См. собр. соч., т. I, стр. 308.

[6]) Между прочимъ, онъ состоялъ также съ 1818 года членомъ петербургскаго „Вольнаго Общества любит. россійской словесности“ (или „Соревнователей просвѣщенія и благотворенія“), а также былъ приглашенъ въ члены казанскимъ „Обществомъ любителей словесности“.

[7]) Ср. M. Ancelot—„Six mois en Russie“. Paris 1827 in 8°. Впрочемъ, см. о достовѣрности свѣдѣній, сообщаемыхъ этимъ авторомъ, и вообще о его книгѣ въ статьѣ Б. Л. Модзалевскаго о Я. Н. Толстомъ, въ „Рус. Стар.“ 1899. № X, стр. 175—177).

собесѣднику, а также и литератору, во всякомъ случаѣ достойному уваженія за благія намѣренія, за усердіе къ русскому просвѣщенію, за откровенное и прямое сердце» [1])...

Любя знакомства и посѣщая засѣданія оффиціальныхъ литературныхъ обществъ, Александръ Ефимовичъ былъ желаннымъ гостемъ и частныхъ собраній и кружковъ, какъ напримѣръ Н. П. Брусилова [2]), Д. М. Княжевича [3]), особенно С. Д. Пономаревой и другихъ.

Кружокъ Софьи Дмитріевны Пономаревой, какъ и ея личность, достаточно извѣстны въ литературѣ: о томъ и другой есть немало указаній въ періодической печати того и позднѣйшаго времени, есть и отдѣльное маленькое изслѣдованіе М. Н. Мазаева [4]). О возникновеніи этого кружка первое и болѣе подробное извѣстіе даетъ Измайловъ въ своемъ «Благонамѣренномъ»:

«Въ одномъ домѣ—разсказываетъ Александръ Ефимовичъ—гдѣ хозяинъ и хозяйка очень гостепріимны и любятъ отечественную словесность, собралось человѣкъ шесть литераторовъ, давно уже соединенныхъ между собою узами дружбы. Говорили о разныхъ родахъ стихотвореній и прозы, и, наконецъ, зашла рѣчь о сочиненіяхъ на заданныя слова. Одинъ изъ присутствовавшихъ предложилъ собранію, чтобы каждый, для опыта, написалъ что-нибудь на заданное слово. Предложеніе принято единогласно; тотчасъ задали слова, и добрые хозяева потребовали, чтобъ сіи сочиненія прочтены были у нихъ черезъ недѣлю, и чтобы впредь въ извѣстные дни собирались къ нимъ для подобныхъ занятій. Любезная и остроумная хозяйка избрана попечительницей сего дружескаго Общества, а почтенный хозяинъ—секретаремъ. Первое засѣданіе было 22 сего іюня (1821 г.) Оно открыто приличной рѣчью г-жи попечительницы; послѣ читаны сочиненія на заданныя темы»... [5])

Оставляя въ сторонѣ подробности изъ біографіи Софьи Дмитріевны, приведемъ характеристику ея, сдѣланную Измайловымъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву:

«Она... имѣетъ необыкновенные таланты и получила отличное воспитаніе; знаетъ прекрасно нѣмецкій, французскій и итальянскій языки, даже отчасти латинскій; переводитъ на русскій прозой лучше многихъ записныхъ литераторовъ; пишетъ весьма недурно стихи; рисуетъ, тан-

---

[1]) „Библіот. для чтенія“, 1849, № VIII, отд. V, стр. 33—48.

[2]) См. записки Н. И. Греча. Изд. 1886 г., стр. 210.

[3]) „Русск. Стар.“ 1888, т. LVIII, стр. 126—127.

[4]) М. Мазаевъ „Дружеское литературное общество С. Д. Пономаревой“. Спб. 1892 (раньше печ. въ „Библіографѣ“), здѣсь же указана и главная литература о ней.

[5]) „Благонамѣрен.“ 1821 г. № XI и XII, стр. 194—195.

цуетъ, поетъ и играетъ на фортепіано. Жаль только, что очень мало занимается и ведетъ слишкомъ разсѣянную жизнь» [1]).

Вообще нужно сказать, что это была образованная, умная, веселая и оригинальная женщина [2]); немного кокетливая, но любезная — она привлекала на свои собранія немало литераторовъ, пользовавшихся извѣстностью, которые охотно писали ей въ альбомъ свои произведенія, иные же и рисунки [3]).

Собранія ея посѣщали Дельвигъ, Боратынскій, Жуковскій, Крыловъ, Гнѣдичъ, А. Д. Илличевскій, Н. Ѳ. Остолоповъ и др. [4]). Что касается Александра Ефимовича Измайлова, то онъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ ея поклонниковъ, и любовь его къ ней (конечно, чисто платоническая, какъ замѣчаетъ одинъ изъ біографовъ Александра Ефимовича) простиралась до весьма широкихъ предѣловъ, что̀ видно и изъ содержанія стиховъ, посвященныхъ ей Измайловымъ, да и изъ одного количества ихъ. Достаточно указать на то, что имъ написано или посвящено Софьѣ Дмитріевнѣ до 25 произведеній [5]). Трудно сказать положительно, какъ принимала Софья Дмитріевна ухаживанія за ней уже не молодаго, но горячаго поклонника, какимъ былъ Александръ Ефимовичъ, но несомнѣнно, что она была къ нему очень любезна и внимательна, хотя Измайловъ и упрекалъ ее въ томъ, что она «науку любви» плохо знаетъ. Какъ бы то ни было, но нашъ баснописецъ сильно былъ увлеченъ Софьей Дмитріевной, доходя въ своихъ сентиментальныхъ ухаживаніяхъ за ней до чудачествъ; онъ силился писать ей нѣжныя посланія [6]), дарилъ ее своими сочиненіями и журналомъ, въ которомъ печаталъ пьески, читанныя на ея собраніяхъ, глубоко сожалѣлъ о ея болѣзни и искренне сѣтовалъ и оплакивалъ ея раннюю смерть: она скончалась 4-го мая 1824 года на 24-мъ году своей жизни,

---

[1]) «Русск. Архивъ» 1871 г., стр. 969.

[2]) Между прочимъ, она не любила женскаго общества и предпочитала общество мужское, особенно литераторовъ.

[3]) Альбомъ ея въ извлеченіяхъ обнародованъ однимъ изъ ея родственниковъ въ «Литерат. прилож. къ журн. «Нива» 1894 г., № 5, стр. 2—26.

[4]) Н. С. Тихонравовъ совершенно основательно отрицалъ участіе въ нихъ А. С. Пушкина (см. собр. соч., М. 1898, т. III, ч. I, прим. 35-е къ стр. 256). Дѣло въ томъ, что хотя въ альбомѣ Пономаревой и находится «Молдаванская пѣсня» Пушкина (въ собр. соч. Пушкина она обыкновенно наз. «Черная шаль»), но она вклеена, и очевидно это сдѣлалъ Измайловъ, которому А. С. прислалъ ее для напечатанія въ «Благонамѣренномъ». Въ «Благонам.» (1821 г., № 5, стр. 142) именно и стоитъ та дата: «Кишеневъ, 14 ноября 1820 г.», которая и на листкѣ, вклеенномъ въ альбомъ Пономаревой.

[5]) Многія изъ нихъ вошли въ собр. соч. (см. т. I, также «Литер. прилож. къ «Нивѣ» 1894 г. № 5, стр. 12); большинство осталось въ рукописи.

[6]) Что у него рѣдко выходило удачно.

и, какъ писалъ П. А. Плетневъ В. П. Гаевскому, «въ величайшихъ мученіяхъ, заболѣвъ горячкой».

Александръ Ефимовичъ написалъ на ея смерть кантату [1]), мысли при гробѣ [2]), нѣсколько эпитафій, довольно удачныхъ, напримѣръ:

Все скрыто здѣсь: и умъ и красота,
Любезность, дарованья,
Вкусъ тонкій, острота,
Пріятныя и рѣдкія познанья
И непритворная прямая доброта [3]).

Или:

Не рѣдко, въ тишинѣ ночной,
Сей скромный памятникъ Камены окружаютъ
И съ Граціями здѣсь рыдаютъ
О милой ихъ сестрѣ родной [4]).

Написалъ ей эпитафію и Дельвигъ:

«Жизнью земною играла она, какъ младенецъ игрушкой,
Скоро разбила ее—вѣрно утѣшилась тамъ» [5]).

Софья Дмитріевна скончалась въ 1824 году, но собранія у ней прекратились и того ранѣе.

Конечно, общество это имѣло небольшое вліяніе на творчество участниковъ его, но оно служитъ хорошей иллюстраціей къ состоянію литературныхъ и общественныхъ нравовъ того времени. И если самая личность Софьи Дмитріевны не имѣла такого сильнаго вліянія на Александра Ефимовича, какъ, напр., на Дельвига, то, во всякомъ случаѣ, знакомство съ ней нужно считать однимъ изъ самыхъ пріятныхъ знакомствъ Измайлова; нашъ писатель съ величайшимъ уваженіемъ и любовью относился къ ея памяти въ продолженіе всей своей жизни и, судя по письмамъ его, былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Акимомъ Ивановичемъ Пономаревымъ—ея мужемъ, который, между прочимъ, очень часто помогалъ Александру Ефимовичу въ его матеріальныхъ нуждахъ, когда онъ былъ переведенъ въ Тверь.

Но, любя посѣщать частные кружки, вродѣ кружка Пономаревой, Александръ Ефимовичъ устраивалъ собранія и у себя на дому [6]), гдѣ гости—литературные пріятели и знакомые—встрѣчали радушный пріемъ со стороны веселаго и остроумнаго хозяина и любезной хозяйки. Але-

---

[1]) Собр. сочин., т. I, стр. 249.
[2]) Ibid. т. II, стр. 228—231.
[3]) Ibid., т. I, стр. 386.
[4]) Ibidem.
[5]) Собр. сочин., изд. 1893 г., стр. 64.
[6]) Онъ прожилъ почти половину своей петербургской жизни и скончался въ домѣ Моденовыхъ подъ № 283, на набережной еще существовавшаго тогда Лиговскаго канала, недалеко отъ такъ наз. «Бассейна».

*

ксандръ Ефимовичъ—какъ извѣстно—не былъ особеннымъ любителемъ «шума и праздниковъ» и, хотя и имѣлъ громадный кругъ знакомыхъ и былъ свѣтскій человѣкъ, но всегда предпочиталъ посвящать свободное отъ службы время или обществу своей семьи, или мирной бесѣдѣ съ близкими пріятелями по музѣ. Въ семейномъ кругу онъ былъ любящимъ и, до конца дней, до сентиментальности привязаннымъ къ женѣ своей мужемъ [1]), былъ нѣжнымъ и попечительнымъ отцомъ дѣтей [2]), даже и тогда, когда они вышли изъ-подъ его отеческаго надзора. Немало времени онъ проводилъ и въ своей библіотекѣ, которая была у него довольно обширна. Женѣ своей Александръ Ефимовичъ—какъ говоритъ его біографъ—успѣлъ внушить «вкусъ и привычку къ упражненіямъ дома»; ея веселость и обходительность придавали еще болѣе живости и веселости въ вечернихъ бесѣдахъ кружка ея мужа. Всѣ оказывали ей почтительное вниманіе и уваженіе, слѣды которыхъ—говоритъ Л. Кавелинъ—остались въ ея скромномъ альбомѣ, украшенномъ лучшими произведеніями поэтовъ той эпохи, и, между прочимъ, первое мѣсто занимаютъ стихотворенія, писанныя рукой самого Александра Ефимовича, «нѣжно любившаго подругу своего добраго и чувствительнаго сердца» [3]).

Не надо забывать, что мода на альбомы, перенесенная къ намъ, конечно, изъ французскихъ салоновъ, въ эпоху императора Александра обратилась чуть ли не въ манію; извѣстно, что альбомы были настольной принадлежностью каждой дѣвушки, часто дамъ [4]), не рѣдко даже и мужчинъ [5]). Широкому распространенію ихъ въ то время и обилію удивляться, конечно, нечего: эпоха Александра была, такъ сказать, эпохой поэзіи, если только къ области послѣдней можно относить также и всякаго рода мадригалы, сонеты, надписи, элегіи, стихи «на случай», тріолеты, bouts-rimés и т. д. Эта эпоха дѣлала чуть-ли не каждаго поэтомъ, и ужъ во всякомъ случаѣ рѣдкій журфиксъ, рѣдкій болѣе или менѣе интимный кружокъ или собраніе вродѣ тѣхъ, что происходили у Пономаревой, Измайлова и т. п., обходился безъ экспромптовъ, стиховъ застольныхъ, на заданныя рифмы и т. п. Александръ Ефимовичъ, которому стихи вообще легко давались, писалъ

---

[1]) Между прочимъ до насъ дошелъ альбомъ Измайлова въ честь «concorde dans le mariage», украшенный соотвѣтствующимъ рисункомъ.

[2]) У него было три сына (Михаилъ, Александръ и Павелъ), изъ которыхъ двое первыхъ были медиками (Александръ Александровичъ былъ съ 1846 г. проф. Имп. медико-хирург. Акад.), третій — чиновникомъ въ государств. казначействѣ. Кромѣ того, у него было три дочери.

[3]) «Иллюстрація», цит. №.

[4]) Ср. у Пушкина «Евг. Онѣгинъ», глава IV, строфы XXVI—XXX.

[5]) Между прочимъ и у Измайлова былъ альбомъ, которому онъ далъ названіе «Памятникъ дружбы».

такую массу всякаго рода «альбомныхъ» произведеній [1]), что пріобрѣлъ ими извѣстность, и за свою особенную любезность писать въ альбомы женщинамъ получилъ прозвище «писателя для дамъ». Но достаточно прочесть нѣсколько стихотворевій Измайлова, чтобы убѣдиться, что ему далеко не къ лицу было это прозвище, на которое онъ претендовалъ и которымъ гордился. Извѣстно, что пріятели Измайлова, вродѣ Булгарина, частенько подтрунивали надъ этимъ его прозвищемъ [2]), котораго не пощадилъ въ своемъ «Домѣ сумасшедшихъ» и Воейковъ:

«Вотъ Измайловъ, авторъ басенъ
Разсужденій, эпиграммъ,
Онъ твердитъ мнѣ: «я согласенъ,—
Я писатель не для дамъ» [3]) и т. д.

Чтобы покончить съ вопросомъ о знакомствахъ Измайлова, о тѣхъ кружкахъ, обществахъ и собраніяхъ, членомъ которыхъ онъ былъ, отмѣтимъ тотъ малоизвѣстный фактъ, что Александръ Ефимовичъ былъ нѣкоторое время масономъ, и перейдемъ къ послѣднимъ годамъ существованія Вольнаго Общества, въ коемъ онъ былъ предсѣдателемъ.

Измайловъ числился членомъ масонской ложи «Избраннаго Михаила [4]), управляющимъ мастеромъ которой былъ графъ Ѳ. П. Толстой, въ то время почетный членъ Академіи художествъ, разныхъ обществъ, между прочимъ и Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ. Масонство не произвело на Александра Ефимовича, въ сущности говоря, никакого впечатлѣнія, да и не могло произвести: оно было совсѣмъ ни по его характеру, ни по складу ума, такъ что мы въ правѣ сказать, что, если нашъ баснописецъ и поступилъ въ масоны, то отнюдь не по внутреннему влеченію и убѣжденію, а просто въ силу господствовавшей тогда моды на масонство. Припомнимъ, что вѣдь чуть ли не всѣ писатели, болѣе или менѣе выдающіеся и жившіе въ столицахъ, считали своимъ долгомъ «приписаться» къ какой-нибудь ложѣ. Такъ и Александръ Ефимовичъ въ 1818 году сталъ членомъ ложи «Избраннаго Михаила», именно той самой ложи, которой представителемъ и членами были его друзья-пріятели и сочлены Вольнаго Общества: Кюхельбекеръ, П. А. Плетневъ, А. А. Дельвигъ, Ѳ. Н. Глинка и др.

---

[1]) Имѣющійся въ Имп. публичной библіотекѣ четырехтомный рукописный сборникъ произведеній Измайлова (писанный рукою самого автора), кромѣ стихотвореній, находящихся въ печати, въ значительной мѣрѣ наполненъ «стихами на случай», экспромптами и пр.

[2]) См. подробности въ «Сѣв. Пчелѣ», 1849 г., № 141.

[3]) «Русск. Стар.», 1874, IX, стр. 522.

[4]) См. у Пыпина «Обществ. движеніе въ Россіи при Александрѣ I». Спб. 1895, стр. 319.

Что касается Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, то, какъ мы уже сказали, оно возобновило свои засѣданія, быстро увеличивалось членами, въ числѣ которыхъ было много лицъ весьма извѣстныхъ, но значитъ ли это, что оно преуспѣвало подъ предсѣдательствомъ Измайлова? Къ сожалѣнію, приходится отвѣтить отрицательно. Живая и плодотворная дѣятельность Общества закончилась передъ непріятельскимъ погромомъ. Правда, Общество тогда не было велико, въ рядахъ его членовъ не было, какъ мы замѣтили, знаменитостей, но оно работало, оно выдвигало серьезные вопросы, на засѣданіяхъ его поднимались споры на серьезныя темы, писались и переводились научные трактаты, члены задавались планами широкими. Теперь же научная сторона въ Обществѣ какъ-то отодвинулась на второй планъ, рѣдко-рѣдко замѣтишь въ протоколѣ отчетъ о прочитанномъ какомъ-нибудь серьезномъ сочиненіи; большею частью на засѣданіяхъ читались бѣдныя по содержанію и не блестящія по формѣ стихотворенія, разсказы, анекдоты, эпиграммы, или же предсѣдатель угощалъ членовъ произведеніями, «присланными ему для напечатанія въ «Благонамѣренномъ», о качествахъ которыхъ нечего и распространяться;—это были по большей части вирши, «плоды неопытной Музы» досужаго провинціала или молодаго, жаждущаго славы поэта петербуржца. Скажемъ коротко: Общество, имѣвшее въ длинномъ спискѣ своихъ членовъ знаменитостей, аккуратно собиравшееся два раза въ мѣсяцъ на засѣданія, быстро приходило въ упадокъ и, наконецъ, вскорѣ послѣ 1825 года прекратилось.

Конечно, винить въ этомъ всецѣло его предсѣдателя нельзя; виной были тому обстоятельства того времени: декабрьскія событія, лишившія его весьма видныхъ членовъ, общественное настроеніе, наступившая эпоха реакціи и т. д.

Но безъ сомнѣнія, нѣкоторая доля вины падаетъ и на Измайлова. Правда, онъ былъ членомъ дѣятельнымъ, въ энергіи отказать ему нельзя, и Общество, сознавая это и цѣня его усилія, поднесло ему въ послѣднемъ засѣданіи 1820 года адресъ [1]); но въ то же время нельзя не согласиться, что дѣятельность Александра Ефимовича въ роли предсѣдателя была направлена далеко не къ дѣйствительному преуспѣянію Общества: онъ за все время своего предсѣдательства старался, во-первыхъ, чтобъ Общество имѣло какъ можно больше членовъ, во-вторыхъ, чтобъ въ немъ былъ миръ и согласіе, въ-третьихъ, чтобъ представлялось какъ можно болѣе произведеній; но на то, приноситъ ли пользу Обществу вся эта длинная вереница членовъ, чѣмъ держится этотъ миръ и согласіе среди его членовъ и, наконецъ, есть ли какая

[1]) Изъ архива этого Общества.

цѣна всѣмъ тѣмъ произведеніямъ, которыя читались на засѣданіяхъ,— на все это Измайловъ какъ бы необращалъ вниманія.

Не мудрено поэтому, что засѣданія были весьма немноголюдны, неинтересны, скучны. Это порой сознавалъ и самъ Александръ Ефимовичъ и однажды даже написалъ эпиграмму на собраніе своего же Общества.

Къ тому же у него было всегда много и своей работы: по службѣ, для журнала, семьи. Но все же мы должны помянуть его имя въ исторіи этого Общества добрымъ словомъ: именно ему, его стараніямъ оно обязано и своимъ возобновленіемъ и послѣдующимъ существованіемъ, и, не получи Александръ Ефимовичъ назначенія въ провинцію, Общество, можетъ быть, продолжало бы существовать и послѣ 1825 года. Но «Вольное Общество любителей словесности, наукъ и художествъ»—по выраженію Греча—«умерло тихой смертью», а послѣдующая эпоха была не такова, чтобъ при существовавшемъ тогда порядкѣ вещей, подобныя учрежденія не только могли преуспѣвать, но хотя бы свободно дѣйствовать.

Какое же вліяніе могли оказать на Измайлова его обширное знакомство и участіе въ различныхъ кружкахъ и обществахъ, и чье вліяніе могло отозваться на немъ болѣе замѣтно? Конечно, самое большое значеніе для его литературной дѣятельности имѣло общеніе его съ членами Вольнаго Общества любителей слевесности, наукъ и художествъ, особенно въ первые годы существованія этого Общества. Не чему иному, какъ вліянію того же Общества, усердно занимавшагося въ первые годы царствованія Александра развитіемъ въ своихъ членахъ политическихъ убѣжденій въ духѣ французскихъ вольнодумцевъ XVIII столѣтія, нельзя приписать и появленіе изъ-подъ пера нашего баснописца такихъ произведеній, какъ «Ибрагимъ и Османъ» и «Наставленіе стараго индійскаго мудреца молодому государю». Обѣ работы принадлежатъ къ области такъ называемыхъ «восточныхъ повѣстей». Конечно, «восточное» играетъ въ нихъ такую же роль, какую напримѣръ «персидское» въ «Lettres Persanes» Монтескье. Тенденціозность ихъ очевидна: Измайловъ, наравнѣ съ другими подобными ему авторами восточныхъ повѣстей, имѣлъ цѣлью не «восточное», а «общечеловѣческое», въ частности «русское»; такъ, въ первомъ упомянутомъ его произведеніи выражена такая моральная сентенція: «трудись, дѣлай добро и будешь счастливъ»; во второмъ видно желаніе автора преподать молодому монарху нѣсколько полезныхъ совѣтовъ по части отношенія къ своимъ подданнымъ [1]).

[1]) Ср. также его басню «Истина во дворцѣ» („Журн. рос. слов.“ 1805, № 1, стр. 50) съ такимъ послѣсловіемъ:

„Щастлива та страна, въ которой кроткій царь
Правдиво говорить себѣ не запрещаетъ!

Далѣе несомнѣнно, что упражненія Измайлова, какъ члена упомянутаго Общества, въ роли его цензора и вообще участіе въ трудахъ этого и другихъ литературныхъ обществъ содѣйствовало (но только до нѣкоторой степени) развитію его литературныхъ, въ частности критическихъ способностей; но, говоря о его литературныхъ и критическихъ убѣжденіяхъ и пріемахъ, нужно замѣтить, что они были не велики и не глубоки.

Не могли развить ихъ и измѣнить ихъ направленіе ни участіе Измайлова въ какихъ бы то ни было обществахъ и кружкахъ, ни знакомства его съ такими крупными выдающимися талантами, какъ Пушкинъ и ему подобные: Измайловъ, воспитавшійся на французской литературѣ XVIII вѣка, оказывалъ ей явное предпочтеніе во все продолженіе своей литературной дѣятельности; критическія убѣжденія и пріемы, заимствованные имъ у французскихъ стилистовъ прошлаго столѣтія и равно примѣнявшіеся имъ и къ трудамъ членовъ Вольнаго Общества и къ произведеніямъ Пушкина, не развили его критическихъ способностей до яснаго пониманія всѣхъ смѣнявшихся одно за другимъ литературныхъ теченій первой четверти нашего вѣка; наконецъ, его грубоватое «теньерство», поддерживаемое до старческихъ лѣтъ неизмѣнной любовью къ Скаррону, не оставлялось имъ, несмотря на осужденіе печати и стало отличительной, оригинальной чертой его произведеній.

Говоря вообще, немногочисленный арсеналъ литературныхъ пріемовъ и вкусовъ Измайлова представлялъ уже явленіе устарѣлое среди возникавшей молодой литературы первой половины нашего вѣка, когда раздались мощные звуки поэзіи Пушкина и его плеяды. Дѣятельность Измайлова-поэта должна была потонуть въ лучахъ этой поэзіи; теньерство его въ стихахъ и прозѣ не могло идти въ сравненіе съ реализмомъ поэта русской дѣйствительности и автора появившихся въ годъ смерти нашего баснописца «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки»; его критика не стоила даже вниманія, когда русская публика въ 1834 году познакомилась съ «Литературными мечтаніями» Бѣлинскаго; его «Благонамѣренный» сталъ наслѣдіемъ лишь библіографовъ [впрочемъ, какъ журналистъ, Измай-

---

Щастливы мы стократъ: нашъ Ангелъ государь
Не только истину въ чертогъ къ себѣ пускаетъ,
Но даже ищетъ самъ ее.
Великій Александръ! Дѣяніе сіе
Вѣкъ неизгладимо въ сердцахъ у насъ пребудетъ,
Исторія тебя, потомство не забудетъ".

Въ собр. сочин. Измайлова эта басня вошла въ сильно измѣненной редакціи (и безъ приведеннаго послѣсловія), подъ заглавіемъ: „Происхожденіе и польза басни" (см. т. I, стр. 13—14). Ср. также его «Сонетъ Ирокойца» «Періодич. изданіе» 1804 г., I, стр. 34—35. Въ собр. сочин. нѣтъ).

ловъ, еще при жизни осуждаемый неоднократно печатью, подвергся разъ жестокой насмѣшкѣ со стороны нашего великаго поэта въ минуту раздраженія] [1]); наконецъ, самая благонамѣренность Александра Ефимовича при его консерватизмѣ должна была казаться многимъ черезъчуръ благонамѣренной...

Но если литературныя знакомства не имѣли значительнаго вліянія на развитіе и измѣненіе литературныхъ способностей Измайлова, то во всякомъ случаѣ постоянное общеніе съ писателями и «служеніе музамъ» выработали въ немъ высокій взглядъ на значеніе личности писателя и его дѣятельности, чему прекраснымъ подтвержденіемъ (кромѣ его поэтическихъ признаній) служитъ его любопытная «Записка для полученія чина статскаго совѣтника» [2]). Находясь болѣе десяти лѣтъ въ одномъ и томъ же чинѣ и не получая повышенія, Измайловъ въ 1822 году подалъ, куда слѣдуетъ, эту записку [3]), содержащую въ себѣ перечисленіе исключительно литературныхъ заслугъ автора предъ отечествомъ. По словамъ записки, писатель—это гражданинъ, слуга отечества, который достоинъ со стороны правительства такого же награжденія за свои произведенія, какъ чиновникъ департамента за свои административныя способности, военный—за раны, полученныя на полѣ битвы и т. п. Разсказавъ въ запискѣ, гдѣ обучался, чѣмъ занимался еще въ школѣ, что написалъ, въ какихъ изданіяхъ участвовалъ, какія самъ издавалъ, въ какихъ обществахъ состоялъ членомъ и т. д., словомъ, представивъ—такъ сказать—свой литературный формуляръ, Измайловъ ни однимъ словомъ не обмолвился ни о своихъ служебныхъ способностяхъ, ни о своей службѣ вообще. И онъ не ошибся въ разсчетѣ: записка возымѣла дѣйствіе на начальство: въ февралѣ 1824 года авторъ ея былъ награжденъ орденомъ св. Анны второй степени, а въ ноябрѣ по высочайшему указу пожалованъ въ 5-й классъ, съ старшинствомъ отъ 1815 года.

Извѣстно, что писатели какихъ бы то ни было направленій всегда охотно принимали въ свою среду такого товарища по оружію, каковымъ былъ Измайловъ, и даже отводили ему почетное мѣсто на своихъ собраніяхъ. Да и не только въ кругу литераторовъ Измайловъ пользовался общимъ уваженіемъ: всегда веселый, добродушный, обходительный «безъ чиновъ», готовый безобидно и поострить на счетъ другаго, но и отъ

---

[1]) См. Собр. соч. А. С. Пушкина, т. I, 349; ср. также т. III, стр. 292 («Евг. Онѣгинъ» гл. III, строфа XXVII).

[2]) Чинъ статскаго совѣтника было лестно получить также и потому, что въ то время онъ давалъ право на потомственное дворянство.

[3]) См. „Историч. Вѣстн.“ 1886, № XI, стр. 375.

души смѣявшійся надъ остротами на его счетъ [1]),—баснописецъ нашъ вносилъ повсюду оживленіе и общую веселость, гдѣ только ни появлялась его тучная, оригинальная фигура, въ сюртукѣ съ оттопыренными карманами, всегда полными рукописей своихъ и чужихъ. Тотчасъ начиналась бойкая бесѣда, сыпались анекдоты, шутки, экспромпты, или «новинки поэзіи», мастерски читавшіяся «писателемъ для мужчинъ и дамъ».

Таковъ былъ Измайловъ въ обществѣ, и таковыми отношеніями со стороны послѣдняго пользовался онъ въ лучшій періодъ своей жизни.

Но Измайловъ былъ также чиновникъ, занимавшій довольно значительную должность въ департаментѣ государственнаго казначейства, и въ подчиненіи у него было немало лицъ «мелкой канцелярской сошки». Какъ относился онъ къ нимъ? И здѣсь постоянныя качества Александра Ефимовича—доброта, обходительность и вниманіе были неизмѣнными его спутниками и снискали общее къ нему расположеніе со стороны его подчиненныхъ [2]).

Но любимый равными и низшими себѣ по службѣ, Измайловъ не пользовался особыми симпатіями со стороны высшаго начальства, какъ за свои оригинальныя выходки [3]), которыя онъ иногда позволялъ себѣ въ дѣлахъ службы, такъ, вѣроятно, и за либеральное отношеніе къ послѣднимъ.

Извѣстно, что Александру Ефимовичу приходилось испытывать непріятности по службѣ, въ доказательство чего можно привести его медленное повышеніе въ чинахъ (съ 1814 года), вызывавшее со стороны Измайлова иногда эпиграммы на нѣкоторыхъ начальственныхъ лицъ, эпиграммы, въ которыхъ замѣтно чувствуется раздраженіе, даже озлобленіе автора, видимо задѣтаго за живое. Такъ въ 1823 году была обнародована одна изъ эпиграммъ Александра Ефимовича на министра финансовъ графа Д. А. Гурьева, по поводу удаленія послѣдняго изъ министерства. Александръ Ефимовичъ былъ при этомъ министрѣ какъ бы въ загонѣ; этимъ и можно объяснить тотъ раздраженный тонъ, кото-

---

[1]) Впрочемъ, бывали и исключенія, когда Измайловъ отплачивалъ за насмѣшки надъ нимъ жестокой эпиграммой, такъ какъ „умѣлъ отстрѣливаться“. (См. у Е. Колбасина «Литерат. дѣятели прежн. времени». Спб. 1859, стр. 261).

[2]) См. объ отношеніяхъ его къ подчиненнымъ и сослуживцамъ въ воспоминаніяхъ П. И. Голубева („Русск. Архивъ“ 1896 г. кн. I). Измайловъ часто обращался къ нимъ съ шуточными стихотворными воззваніями, въ которыхъ благодарилъ за усердіе, и не разъ посылалъ имъ свои привѣтствія, когда находился въ Твери.

[3]) Онъ дѣловыя бумаги писалъ иногда стихами (Ср. напр. «Отношеніе къ саратовскому вице-губернатору» отъ 18-го декабря 1822 г.,—наход. въ собр. сочин. т. I, стр. 301.—Дата по рукописи).

рымъ проникнуто его «Красное яичко на день Пасхи 22-го апрѣля 1823 года» [1]). Жалобы на непріятности по службѣ «изъ-за стиховъ» мы встрѣчаемъ и въ письмѣ Измайлова еще за годъ передъ этой эпиграммой:

«Къ несчастью, есть вельможи—писалъ онъ Дмитріеву по поводу болѣзни К. Н. Батюшкова—которые вмѣняютъ въ величайшее преступленіе своимъ подчиненнымъ занятія въ словесности, особенно въ поэзіи. Это я знаю по собственному опыту» [2]).

Ив. Кубасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) «Русск. Стар.» 1873, № VIII, стр 112 [П. Н. Петровъ, доставившій въ редакцію «Русск. Стар.» эту эпиграмму, высказалъ лишь какъ предположеніе, что она принадлежитъ Измайлову. Можемъ подтвердить, что она дѣйствительно принадлежитъ ему, такъ какъ черновые наброски этой и другихъ эпиграммъ на Гурьева находятся въ III томѣ рукописн. сборника стих. Измайлова, принадлеж. Имп. Публичной библіотекѣ].

[2]) «Рус. Архивъ», 1871 г., стр. 971.

Билетъ семинаристу, окончившему курсъ.

15-го іюля 1839 г. № 941.

Объявителю сего, ученику, кончившему курсъ семинарскихъ наукъ Георгію Томилину, Коротоякскаго уѣзда, села Стараго Городища, сыну умершаго пономаря Михаила Томилина, правленіемъ Воронежской семинаріи дозволено до опредѣленія на мѣсто, жить въ домѣ матери своей, Коротоякскаго уѣзда, села Стараго Городища, вдовствующей пономарихи Ксеніи Томилиной съ тѣмъ

1) чтобы онъ во время прожитія своего въ домѣ матери занимался:

а) Чтеніемъ священнаго писанія, сопровождаемымъ истолкователей на оное замѣчаніями, извлекаемыми изъ писанія св. отцовъ и прочихъ основательныхъ толкователей.

б) Чтеніемъ писаній св. отцовъ съ выпискою изъ оныхъ мѣстъ, особенно достойныхъ примѣчанія и нужныхъ для руководства, съ обстоятельнымъ разборомъ нѣкоторыхъ сочиненій сего рода.

в) Чтеніемъ св. исторіи и житій святыхъ съ выписываніемъ того, что особенно примѣчательно и назидательно и частью съ присовокупленіемъ собственныхъ размышленій читающаго.

г) Чтеніемъ богослужебныхъ и истолковательныхъ на богослуженіе книгъ, съ записками, относящимися къ разумѣнію разныхъ частей и принадлежностей онаго.

д) Чтеніемъ Кормчей книги и выписываніемъ нужнѣйшихъ для священно-служителя правилъ съ посильными размышленіями объ основаніи, цѣли и взаимномъ союзѣ сихъ правилъ.

е) Чтеніемъ книгъ о расколахъ, возникшихъ въ россійской церкви, или вкравшихся въ Россію и откуда, и сочиненіемъ обличеній на разныя погрѣшительныя мнѣнія съ доказательствами истиннаго ученія.

ж) Сочиненіемъ поученій для произношенія въ церкви съ одобренія мѣстнаго благочиннаго или цензора священно-служительскихъ проповѣдей.

з) Переводами сочиненій, относящихся для назиданія въ вѣрѣ и нравственности съ иностранныхъ языковъ на русскій или съ россійскаго на какой-либо языкъ и, чтобы

2) являлся въ правленіе семинаріи для отчета въ оныхъ занятіяхъ ежегодно въ январѣ или февралѣ мѣсяцахъ.

Для чего и данъ ему, ученику Томилину, сей билетъ изъ правленія Воронежской семинаріи, за нижеслѣдующимъ подписаніемъ и приложеніемъ казенной печати.

Сообщилъ **М. Г. Томилинъ.**

Императоръ Николай I

и

МИХАЙЛОВСКІЙ-ДАНИЛЕВСКІЙ.

Дневники или «журналы» А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, послѣдовательно веденные имъ съ 1811 года, обрываются 1826 годомъ. Затѣмъ удалось отыскать еще отдѣльные эпизоды, относящіяся до турецкой войны 1829 года и польской войны 1831 года; они были напечатаны нами въ «Русской Старинѣ» [1]) и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» [2]).

Трудно предположить, чтобы Михайловскій-Данилевскій не велъ записокъ въ царствованіе императора Николая I. Въ настоящее время доказательство въ утвердительномъ смыслѣ на лицо. Императорской Публичной Библіотекѣ удалось пріобрѣсти нѣсколько страницъ собственноручной рукописи Михайловскаго-Данилевскаго, составляющихъ, очевидно, часть утраченнаго дневника его за 1838 и 1839 годы.

Сообщаемъ ниже уцѣлѣвшія любопытныя страницы этого дневника, могущія служить матеріаломъ для характеристики императора Николая I и отношеній его къ Михайловскому-Данилевскому.

Н. Шильдеръ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1893, № 7 и № 8.

[2]) См. „Русскій Вѣстникъ“ 1889 года, № 2: „Моя поѣздка въ Прагу въ 1831 г.“. Дневникъ обнимаетъ время съ 1-го февраля по 18-е марта 1831 г.

1838 годъ.

Я встрѣтилъ гр. Чернышева, онъ мнѣ сказалъ. L'Empereur a commencé à lire votre premier volume [1]), но это сказано было довольно сухо.

Въ тотъ же день вечеромъ видѣлъ я опять гр. Чернышева на балѣ у кн. Голицына. Онъ говорилъ несравненно ласковѣе. На слова мои, что изъ сказаннаго мнѣ имъ за обѣдомъ усматриваю, что недовольны моимъ сочиненіемъ, онъ отвѣчалъ, что за обѣдомъ былъ онъ занятъ мыслями о дѣлахъ, а потому говорилъ со мною сухо.

5-го февраля. Вчера былъ великолѣпный балъ у гр. Воронцова. Государь близъ меня былъ раза два, но не сказалъ мнѣ ни слова. Это иначе случиться не могло. Отъ милліона заботъ, на немъ лежащихъ, ему надобно на балѣ разсѣяться, а не разговаривать о дѣлахъ серіозныхъ. Наслѣдникъ удостоилъ меня нѣсколькими словами и сказалъ: «Императоръ началъ читать ваше сочиненіе и находитъ много любопытнаго въ дипломатическомъ обзорѣ».

7-го февраля. Сегодняшнюю ночь провелъ я ужасно; сердце билось, голова горѣла, мнѣ все чудилось, что мною будутъ недовольны, что молчаніе государя на балѣ гр. Воронцова есть тому непреложное доказательство. Я въ такой грусти, что ни за что не могу приняться, рѣшительно убитъ духомъ; никогда въ жизни, за исключеніемъ кончины Анюты [2]), не находился въ такомъ положеніи.

11-го февраля. Сегодня былъ у гр. Чернышева дѣтскій балъ. Онъ меня отвелъ въ сторону и сказалъ: «Несмотря на то, что теперь масляница, безпрестанные маскарады, балы утренніе и вечерніе, государь изволитъ всякій день читать ваше сочиненіе и доканчиваетъ первую часть. Вотъ замѣчаніе его величества:

1. «Государю показалось сначала, что о дипломатическихъ происшествіяхъ сказано или слишкомъ мало или слишкомъ много. Вотъ мнѣніе, которое имѣлъ императоръ, но окончивъ обзоръ дипломатическій, онъ это мнѣніе перемѣнилъ и находитъ, что ничего нѣтъ лишняго».— Слава Богу, подумалъ я, потому что опасался, не будетъ ли государь недоволенъ, что я раскрылъ много такихъ предметовъ, которые почитались тайнами.

2. «Императоръ находитъ, что надобно подробнѣе изложить, какъ постепенно умножались наши силы военныя до войны 1812 года, а

---

[1]) Императоръ началъ читать вашъ первый томъ.

[2]) Жена Михайловскаго-Данилевскаго, Анна Павловна, рожденная Чемоданова, скончалась въ 1832 г.; свадьба ихъ состоялась въ 1817 г. Н. Ш.

также силы Наполеона». Для этого—присовокупилъ Чернышевъ,—нужно прибавить главы двѣ.

3. «Государь замѣтилъ, что не надо помѣщать приказа, отданнаго при переходѣ арміи на правый берегъ Двины, потому что хотя приказъ и сдѣланныя мною замѣчанія на него справедливы, но не прилично помѣщать приказа потому, что тогда при арміи находился императоръ Александръ».

На это третье замѣчаніе гр. Чернышевъ доложилъ государю, что я писалъ все въ томъ видѣ, какъ оно было. Я сказалъ графу, что этотъ приказъ можно выпустить, и что въ продолженіи сочиненія государь изволитъ встрѣтить много предметовъ, которые, можетъ быть, будутъ не пріятны, и что въ такомъ случаѣ можно положить книгу въ архивъ и напечатать ее по прошествіи многихъ лѣтъ. На это графъ возразилъ, что печатать надо теперь, ибо прошло уже 25 лѣтъ. То-есть онъ сказалъ именно то, чего мнѣ хотѣлось.

Изъ этого разговора видно, что государь прочиталъ 15 главъ. Будемъ ожидать дальнѣйшаго. Боже! помоги мнѣ! Молю для дѣтей, а не для себя. Если буду такъ счастливъ, что сочиненіе удостоится благоволенія высочайшаго, то буду просить аренды, чтобы раздѣлить ее между сиротами дочерьми. Имъ, можетъ быть, будетъ нуженъ кусокъ хлѣба.

21-го февраля. Наконецъ имѣю уповательныя извѣстія. Сейчасъ былъ я на вечерѣ у графини Лаваль, перваго встрѣтилъ я министра государственнымъ имуществъ Киселева. «Сегодня обѣдалъ я у государя»,—сказалъ онъ мнѣ,—«и во весь обѣдъ рѣчь шла о васъ. Государь только и говорилъ о вашемъ сочиненіи. Движеніе народное, сказалъ онъ, выставлено прекрасно, также и общее воспламененіе, mais l'aide de camp de Koutousoff perce. Данилевскій часто хвалитъ Кутузова тамъ, гдѣ надобно бы было его критиковать».— Скажите мнѣ откровенно, спросилъ я Киселева, каково же вообще мнѣніе государя? «Vous avez remporté une victoire complète [1]), и я хотѣлъ даже завтра самъ зайти къ вамъ, чтобы поздравить васъ».

Потомъ вошелъ Чернышевъ, котораго слова были не такъ сладки, а особенно лицо его было что-то не весело. «Государь, сказалъ онъ, поручилъ мнѣ разсмотрѣть первую часть и назначить, что можно въ ней печатать; на прочихъ же четырехъ частяхъ самъ дѣлаетъ отмѣтки. Онъ говоритъ, что вы нападаете на Барклая».

Киселевъ увѣрялъ, что государь прочиталъ уже всѣ 5 частей, а Чернышевъ говорилъ, что только 4 части. Во всякомъ случаѣ дѣло близко къ развязкѣ и къ моему успокоенію. Съ необыкновенною скоростію прочиталъ государь все сочиненіе. Это оттого, что онъ четыре

---

[1]) Вы одержали полную побѣду.

дня жилъ въ Царскомъ Селѣ и имъ безпрестанно занимался. Еще нѣсколько дней, и я буду покоенъ. Даю честное слово самъ себѣ ничего болѣе не писать. Я изобразилъ въ исторіи походовъ заграничныхъ славу Александра и русскаго войска, и въ исторіи 1813 года представилъ торжество русскаго народа. Слѣдственно, какъ военный и какъ русскій, исполнилъ долгъ свой. Пусть другіе дѣлаютъ то же: мой подвигъ совершенъ. Въ молодости проливалъ за Россію кровь, а теперь—если не ошибаюсь—прославилъ ее.

Заключеніе. Всѣ мои безпокойства кончились торжествомъ для меня. По окончаніи чтенія, государь былъ чрезвычайно доволенъ «Исторіею Отечественной войны», назвалъ ее монументальнымъ сочиненіемъ во славу императора Александра и во славу Россіи, велѣлъ мнѣ написать исторію всѣхъ войнъ царствованія Александра, удостоилъ меня самымъ лестнымъ рескриптомъ, пожаловалъ мнѣ орденъ «Бѣлаго орла» и сказалъ, что этого мало, почему Лиданьку пожаловалъ во фрейлины. Въ довершеніи щедротъ, удостоилъ меня принять въ своемъ кабинетѣ; при входѣ моемъ въ кабинетъ поклонился мнѣ, опустивъ руку до земли, нѣсколько разъ меня обнималъ и изволилъ благодарить въ самыхъ лестныхъ, для меня вѣчно-памятныхъ выраженіяхъ [1]).

---

[1]) Дополнимъ сказанное здѣсь Михайловскимъ-Данилевскимъ еще слѣдующими данными.

26-го февраля 1838 года послѣдовалъ на имя его нижеслѣдующій высочайшій рескриптъ:

„Господинъ генералъ-лейтенантъ сенаторъ Михайловскій-Данилевскій. Ревнуя обогатить отечество наше недостававшею исторіею войны 1812 года, на достовѣрныхъ данныхъ основанною, я, по отличнымъ дарованіямъ вашимъ, поручилъ вамъ составленіе оной. Этотъ важный трудъ нынѣ достойно вами исполненъ. Въ твореніи вашемъ, я къ душевному удовольствію моему нашелъ столь же вѣрное и точное изложеніе незабвенныхъ событій того времени, сколько живое, пламенное, въ непреложныхъ чувствахъ русскаго сердца почерпнутое описаніе безсмертныхъ подвиговъ императора Александра, непоколебимой его твердости въ дѣлѣ спасенія отечества и высокихъ царственныхъ его добродѣтелей, осѣнявшихъ Россію въ эту годину бѣдствія и славы. Въ чертахъ не менѣе вѣрныхъ переданы вами знаменитые подвиги войска и доблесть народа, безпредѣльная его преданность Престолу, живая любовь къ отечеству.

„За этотъ прекрасный трудъ вашъ, совершенно ожиданіямъ и намѣреніямъ моимъ соотвѣтствующій, мнѣ особенно пріятно изъявить вамъ искреннюю мою признательность, въ вящшее ознаменованіе коей жалую васъ кавалеромъ императорскаго и царскаго ордена Бѣлаго Орла, коего знаки при семъ препровождая, пребываю вамъ навсегда благосклонный".

Къ исторіи изданія войны 1812 года относятся еще нижеслѣдующая переписка Михайловскаго-Данилевскаго съ гр. Чернышевымъ:

1839 годъ.

17-го февраля. Отпуская меня въ прошедшемъ году изъ своего кабинета, императоръ велѣлъ мнѣ написать Исторію войны 1813 г. Ровно годъ занимаюсь я симъ сочиненіемъ и сегодня представилъ его графу Чернышеву въ трехъ частяхъ [1]).

20-го февраля. Сегодня на вечерѣ у французскаго посла Баранта, графъ Чернышевъ сказывалъ мнѣ, что онъ вчера представилъ сочиненіе государю, и что оно находится теперь на столѣ его величества. И такъ жребій рѣшается въ эту минуту. Бога прошу объ успѣхѣ. Если государю понравится, то буду просить о деньгахъ на приданое Лидинькѣ.

25-го февраля. Сегодня въ день сговора Лидиньки, мнѣ сказывали, что въ военномъ министерствѣ потребовали списокъ моихъ на-

---

Рапортъ Михайловскаго-Данилевскаго графу Чернышеву отъ 12-го апрѣля 1838 г.

Во исполненіе высочайшей воли, которую удостоился я слышать изустно отъ его императорскаго величества и усмотрѣлъ изъ отмѣтокъ на манускриптѣ войны 1812 года, вашимъ сіятельствомъ мнѣ объясненныхъ, сдѣланы повелѣнныя измѣненія. Выпущено рѣшительно все, что касается существовавшихъ послѣ Тильзита видовъ на Турцію и востокъ, переговоры о Бухарестскомъ мирѣ пройдены въ молчаніи, въ разныхъ мѣстахъ сокращены бывшія до войны сношенія съ Наполеономъ. О вооруженіи славянскомъ, по приказанію вашему, сказано только мимоходомъ, въ нѣсколькихъ строкахъ, что оно назначалось противъ Франціи. Вообще уничтожено все, что могло бъ подать поводъ къ пересудамъ иностранцевъ, было бы слишкомъ не выгодно для памяти нѣкоторыхъ генераловъ или слишкомъ хвалебно для другихъ. Послѣ сихъ измѣненій покорнѣйше прошу о повелѣніи, начать ли теперь печатать исторію „Отечественной войны“ или отложить это до другаго времени, а между тѣмъ заняться историческими предметами, которые мнѣ высочайше поручены.

Ежели угодно, чтобъ теперь было приступлено къ изданію въ свѣтъ описанія войны 1812 года, то осмѣливаюсь испрашивать:

1) Разрѣшенія, какъ въ подобныхъ случаяхъ водится, выставить на заглавномъ листѣ, что книга печатается съ высочайшаго соизволенія.

2) Объ исходатайствованіи потребныхъ по сдѣланной смѣтѣ для напечатанія книги и гравированія картъ и плановъ 21.000 рублей.

Графъ Чернышевъ—генералу М.-Данилевскому 15-го апрѣля 1838 г.

Рапортъ вашего превосходительства отъ 12-го сего апрѣля касательно изданія въ свѣтъ описанія войны 1812 года, я всеподданнѣйше докладывалъ государю императору.

[1]) Сочиненіе Данилевскаго появилось въ печати въ двухъ томахъ въ 1840 году подъ заглавіемъ: „Описаніе войны 1813 года, по высочайшему повелѣнію сочиненное генералъ-лейтенантомъ Михайловскимъ-Данилевскимъ“.

гражденій. Это знакъ добрый, но кажется еще слишкомъ рано, государю некогда было прочесть книги.

26-го февраля. Сегодня на вечерѣ у Александрова, вотъ какія вѣсти: графъ Чернышевъ, подойдя ко мнѣ, спросилъ меня единственно о здоровьѣ. Больше ни полслова. Мнѣ кажется, это добрый знакъ, вѣрно онъ хочетъ порадовать нечаянностью. Графъ Чернышевъ, единственный человѣкъ въ этомъ мірѣ, который сдѣлалъ множество добра, вѣрно сказалъ бы мнѣ, еслибъ было что-либо дурное [1].....

Его величество, разрѣшая вамъ, милостивый государь приступить къ изданію сего творенія, высочайше соизволяетъ на посвященіе онаго имени государя императора и на отпускъ вамъ, для напечатанія его, 21.000 рублей изъ общаго экономическаго капитала военнаго министерства; о чемъ и послѣдовалъ на имя мое сего числа указъ.

... Государю императору благоугодно, дабы читанный его величествомъ манускриптъ предварительно былъ посланъ къ главнокомандующему дѣйствующею арміею (князю Паскевичу) на тотъ конецъ, дабы въ случаѣ какихъ-либо замѣчаній, которыя онъ сдѣлаетъ, можно было ими воспользоваться до изданія въ свѣтъ означеннаго манускрипта.

Графъ Чернышевъ—М.-Данилевскому 8-го января 1839 г.

Государь императоръ, прочитавъ всеподданнѣйшее письмо вашего превосходительства 7-го сего января, объ окончаніи высочайше возложеннаго на васъ описанія „Отечественной войны“—всемилостивѣйше соизволилъ принять съ особеннымъ благоволеніемъ посвященіе его величеству трудовъ вашихъ.

М.-Данилевскій—графу Чернышеву 27-го іюля 1839 г.

Долгомъ службы и признательности поставляю представить вашему сіятельству описаніе „Отечественной войны“ и просить о милостивомъ принятіи сочиненія, начатаго и совершеннаго подъ руководствомъ и покровительствомъ вашимъ на многихъ страницахъ украшеннаго вашимъ именемъ.

При составленіи и изданіи сей книги не пощажены были мною ни труды и издержки, далеко превзошедшія отпущенную на печатаніе сумму, ибо желаніе мое было, чтобы и самое изданіе соотвѣтствовало основанному на правдѣ и документахъ разсказу о великомъ подвигѣ императора Александра.

Сочиненіе Михайловскаго-Данилевскаго, которое онъ часто называлъ: „правдивыя повѣствованія о спасеніи Россіи императоромъ Александромъ“, въ четырехъ частяхъ, вышло изъ печати въ 1839 году подъ заглавіемъ: „Описаніе отечественной войны въ 1812 году, по высочайшему повелѣнію сочиненное генералъ-лейтенантомъ Михайловскимъ-Данилевскимъ“. Оно было посвящено: „Государю императору Николаю Павловичу, самодержавцу всея Россіи“.

Исправленная императоромъ Николаемъ рукопись автора хранится въ военно-ученомъ архивѣ (№ 1838 А), кромѣ того здѣсь же имѣются 15 фоліантовъ драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ по 1812 году, собранныхъ историкомъ этой достопамятной эпохи русской исторіи. Н. Ш.

[1]) Далѣе листы оторваны.

2-го марта. Сегодня на вечерѣ у княгини Шаховской князь Петръ Михайловичъ (Волконскій) сказалъ мнѣ, что государь, давая наканунѣ по утру позволеніе Лидинькѣ выйдти замужъ, сказалъ, что читалъ мою Исторію 1813 года и находитъ, что она написана «прекрасно».

7-го марта. День истинно счастливый! Въ третьемъ часу ѣду я на саняхъ по Англійской набережной [1])... съ саней и подбѣжалъ къ государю. Онъ взялъ меня за руку, повелъ съ собою по набережной и сказалъ: «Отъ всей души благодарю тебя за Исторію войны 1813 года. Ты заставилъ меня плакать при чтеніи Кульмскаго сраженія; я проливалъ слезы. Описаніе этого сраженія есть совершенство. Лейпцигское сраженіе описано тобою такъ ясно, что, читая его, я видѣлъ себя посреди сраженія, какъ будто бы все въ моихъ глазахъ происходило. Благодарю тебя за брата, императора Александра, и за тестя, короля прусскаго. Кстати о королѣ. Я слышалъ отъ него нѣсколько анекдотовъ о Кульмскомъ сраженіи, которые сообщилъ графу Чернышеву, съ тѣмъ чтобъ онъ передалъ ихъ тебѣ. Помѣсти ихъ въ исторію. Я сдѣлалъ для того карандашемъ двѣ помѣтки. Также собери строевые рапорты и приложи ихъ къ сочиненію. По важности этого творенія, надобны эти оффиціальные рапорты. Я кончаю твою книгу, за которую еще разъ отъ всей души благодарю». Тутъ императоръ мнѣ поклонился. Во время разговора, я нѣсколько разъ прикладывалъ руку къ шляпѣ, и каждый разъ императоръ отводилъ ее своею рукою.

Въ вечеру былъ я у Баранта. Киселевъ, обѣдавшій вдвоемъ съ государемъ, говорилъ, что императоръ въ этомъ же смыслѣ за обѣдомъ продолжалъ разговоръ, и присовокупилъ, что послѣ стола императоръ сказалъ ему:

«Книга Данилевскаго такъ меня занимаетъ, что пойду теперь поцѣловать жену и опять тотчасъ возвращусь къ Данилевскому. Князь Волконскій, бывшій тоже у Баранта, сказывалъ мнѣ, что и ему императоръ говорилъ, что плакалъ, читая описаніе Кульма.

Сообщилъ **Н. Шильдеръ.**

[1]) Здѣсь опять листы оторваны.

Акцизъ въ связи съ взяточничествомъ.

Письмо графа В. Кочубея къ В. Н. Каразину.

13-го февраля 1811 г.

Милостивый Государь мой Василій Николаевичъ!

Письмо ваше отъ 13-го декабря и приложенную при оном записку о средствахъ самыхъ удобнѣйшихъ къ расположенію акциза на выкуриваемое вино я имѣлъ удовольствіе получить. Безъ сомнѣнія признать можно подать съ кубовъ самою уравнительнѣйшею, а наипаче есть ли можно расположить ее на основаніяхъ вами предлагаемыхъ, въ чемъ я по совершенному неразумѣнію моему въ винокуреніи не судья; но одно, что всегда во всѣхъ акцизахъ меня затрудняетъ, это злоупотребленіе исполнителей, Чиновники наши вообще странныя имѣютъ понятія или лучше сказать большею частію не имѣютъ никакихъ о собственности, ни о томъ, сколько убѣжища владѣльца, гражданина, домъ его, заведенія его, должны быть священны. Я боюсь частыхъ посѣщеній засѣдателей, приставовъ казенныхъ палатъ и пр. не у меня, богатаго помѣщика, но у войсковаго поселянина, у бѣднаго дворянина, вино курящаго и имъ только причитающагося. Я боюсь не управы нашей въ губерніяхъ. Когда и полицейская и судная части лучше устроены будутъ, тогда и многія части хозяйственныя лучше установлены быть могутъ. Впрочемъ останавливаясь на сихъ сужденіяхъ, я и самъ еще не знаю, что должно предпочесть при введеніи налога сего.

Можетъ быть комитетъ и губернскіе представятъ намъ какіе-нибудь новые виды, или лучше сказать представятъ ихъ министру финансовъ, отъ коего и все учрежденіе дѣла сего зависитъ.

Итальянскій театръ въ С.-Петербургѣ при Аннѣ Іоанновнѣ.

(1733—1735 гг.).

Историку русскаго общества XVIII вѣка дорогъ всякій, даже мелкій, фактъ, бросающій свѣтъ на ту темную эпоху русской жизни, когда, послѣ реформъ Петра, непосредственно подъ ихъ вліяніемъ, начала складываться наша интеллигенція, когда около трона, мало-по-малу, создавался тотъ кругъ общества, который очень скоро, уже къ серединѣ XVIII вѣка, оказался настолько жизнеспособнымъ, что сталъ выдвигать изъ своей среды дѣятелей, болѣе и болѣе самостоятельныхъ... Конечно, эта «придворная» интеллигенція, это скороспѣлое порожденіе просвѣщеннаго абсолютизма, была тепличнымъ растеніемъ, но вѣдь всякое новое культурное явленіе, заносимое извнѣ, на первыхъ порахъ всегда является только тепличнымъ цвѣткомъ,—лишь постепенно акклиматизируется оно, приспособляется къ чужой почвѣ и климату, много теряетъ своего, но много пріобрѣтаетъ и новаго.

Такъ было и съ русскимъ обществомъ XVIII вѣка: искусственно переряженное Петромъ, силою принуждаемое принять участіе въ забавахъ двора, сначала непонятныхъ и неинтересныхъ,—оно, мало-по-малу, свыкается съ этими чужеземными потѣхами, увлекается ими и скоро старается уже передѣлать ихъ на свой вкусъ. Постоянный приливъ въ кругъ этой интеллигенціи свѣжихъ силъ изъ разныхъ концовъ русскаго общества въ теченіе вѣка вноситъ, мало-по-малу, въ него струи народности; связь съ родной почвой возстановляется,—еще одинъ шагъ,—и, ко второй половинѣ XVIII вѣка, мы встрѣтимъ въ рядахъ нашей интеллигенціи рядъ «печальниковъ» за ту темную, черную Русь, кото-

рой были чужды, даже враждебны ослѣпляющіе лучи столичной, придворной жизни, утонченной, красивой, сверкающей...

Не стоитъ распространяться о томъ, какое культурное значеніе въ исторіи эстетическаго развитія нашего общества имѣлъ театръ [1]),—недаромъ лѣтопись его, какъ общественнаго учрежденія, ведется со временъ Великаго Преобразователя. Къ сожалѣнію, лѣтопись эта въ самомъ началѣ своемъ очень бѣдна фактами.

Такъ, объ итальянскомъ театрѣ при Аннѣ Іоанновнѣ мы встрѣчаемъ единственное указаніе у Штелина, въ его извѣстной запискѣ о русскомъ театрѣ [2]).

Приводимъ цѣликомъ изъ нея все, что касается интересующаго насъ вопроса: «Въ царствованіе Анны въ 1730 году явился sig. Cosimo съ женою изъ Дрездена; они были присланы королемъ Августомъ на празднества коронаціи въ Москву и играли при дворѣ итальянскія интермедіи (Intermezzi) [3]); потомъ, въ 1735 [4]) году, цѣликомъ ставились (въ Петербургѣ) итальянскія комедіи; они давались обыкновенно разъ въ недѣлю въ придворномъ театрѣ,—лѣтомъ—въ деревянномъ театрѣ въ (Лѣтнемъ) саду; зимой же—въ хорошемъ театрѣ, устроенномъ во флигелѣ Зимняго дворца. Наиболѣе извѣстные артисты этой «итальянской комедіи» были:

Sig. Vulcani.	Prim'Amoroso.	Первый любовникъ.
„ Hermano.	Secundo.	Второй „
„ Piva.	Pantaleone.	Панталонъ.
„ „	Dottore.	Докторъ.
„ Constantini	Arlecchino.	Арлекинъ.
Sig-a Rosina.	Serva.	Служанка.
„ Isabella.	Prim'amorosa.	Первая любовница.
„ „	Brighella.	Бригелла.

[1]) См. объ этомъ подробнѣе, между прочимъ, въ нашей работѣ: „Н. М. Карамзинъ", стр. 7.

[2]) Haïgold (Schlözer) „Neuverändertes Russland", t. I (Beylagen). Эта статья дурно и съ сокращеніями переведена въ „С.-Петерб. Вѣстникѣ" (1779 г., IV, 83—95), подъ заглавіемъ: „Краткое извѣстіе о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ отъ начала ихъ до 1768 г.".

[3]) Съ ними пріѣхалъ цѣлый оркестръ и, вѣроятно, хоръ (названы по имени, впрочемъ, только три пѣвицы): „съ ними (т. е. съ четой Косимо) пріѣхалъ Verocai (первая скрипка) и два другихъ скрипача; также sig. Casparo, венеціанецъ (віолончель), жена Verocai, дочь извѣстнаго Kaiser'a, гамбургскаго капельмейстера была пѣвицей, равно какъ и m-lle Davolio изъ Майнца и ея сестра, впослѣдствіи m-me Фридрихъ, жена извѣстнаго фаготиста Фридриха и сожительница (Kebsweib) Петрилло; съ ними пріѣхалъ изъ Берлина и m-r Töpert, лучшій гобоистъ. Выше упомянутый Kaiser изъ Гамбурга тоже былъ въ Петербургѣ и получилъ деньги отъ двора на составленіе за границей труппы артистовъ, но, уѣхавъ, назадъ совсѣмъ не вернулся.

[4]) Найденныя нами либретто „пталіянскихъ комедій" относятся къ 1733 году,—слѣдовательно, 1735 годъ указанъ Штелинымъ невѣрно.

«Въ 1837 году была, наконецъ, поставлена въ первый разъ большая (vollständige) итальянская опера, послѣ которой каждый годъ ставилась новая; первая называлась «Abiasare» и была составлена «императорскимъ капельмейстеромъ» въ Петербургѣ Арайей»

Въ богатой литературѣ по исторіи театра въ началѣ XVIII вѣка [1]) эти свѣдѣнія повторяются почти дословно, новаго узнаемъ мы очень мало.

Въ виду того, что въ огромномъ большинствѣ тѣхъ пьесъ, которыя давались у насъ въ 1733—34 годахъ пріѣзжими итальянскими артистами, дѣйствуютъ Арлекинъ и Панталонъ, эти два любимые типа народнаго итальянскаго театра,—мы считаемъ долгомъ сказать о нихъ нѣсколько словъ. Создались оба эти типа въ Италіи очень давно, вполнѣ ясно, отчетливо выразились въ XV—XVII вѣкахъ; конецъ XVII вѣка былъ уже въ ихъ исторіи эпохой разложенія. И Арлекинъ, и Панталонъ пріурочены къ опредѣленнымъ итальянскимъ городамъ: первый—любимецъ и дитя города Бергама, второй—Венеціи [2]). Пьесы, которыя разыгрывались въ этихъ городахъ, отъ имени главныхъ героевъ получили названіе «арлекинадъ» и «панталонадъ»; впослѣдствіи произошло сліяніе этихъ пьесъ настолько сильное, что иногда трудно опредѣлить, къ какому основному типу принадлежитъ та или другая пьеса; впрочемъ, несмотря на такое сліяніе, каждый изъ этихъ дѣйствующихъ лицъ говорилъ долгое время діалектомъ своего роднаго города, — даже на чужбинѣ, цѣлыми вѣками сохраняли всѣ эти лица и свои традиціонные костюмы.

Особенно загадочно происхожденіе арлекина. Ученые ломали долго

---

[1]) П. Араповъ, „Лѣтопись русскаго театра“, 1861 г. В. Мартыновъ. „Матеріалы для исторіи русскаго театра“ („Драм. Сборникъ“, 1861 г.). А. Карабановъ, „Основаніе русскаго театра“, 1824 г. (библіограф.). Г. Геннади, „Матеріалы для исторіи театра въ Россіи“ („Пантеонъ“, 1855 г., № 1, т. XIX, стр. 121—8). А. М., „Историческое извѣстіе о русскомъ театрѣ“ („Сѣверный Архивъ“, 1822 г., № 21). В. Родиславскій, „Древнѣйшая лѣтопись русскаго театра“ („Русскій“, 1868 г., № 19). Н. Гречъ, „Историч. взглядъ на русскій театръ“ („Русск. Талія“, 1825 г.). В. Петровъ, „Обзоръ событій, предшеств. основанію правильн. русск. театра“ („С.-Петерб. Вѣдомости“, 1856 г., № 194). Остолоповъ, „Словарь др. и нов. поэзіи“, III, 273.

[2]) Другіе популярные герои народнаго итальянскаго театра,—„Докторъ“, пріурочивается къ Болоньѣ, „Скапенъ“—къ Неаполю (см. L. Moland „Molière et la Comédie italienne“, 12—24 и дальше о дѣйствующихъ лицахъ этихъ народныхъ пьесъ, la comedia dell'arte; также см. статьи: „Arlequin“, „Arlequinade“ у Lerousse'a, „Le grand dictionnaire“, и въ „La Grande Encyclopedie“ éd. H. Lamirault à Paris). На русскомъ языкѣ есть интересная статья по этому вопросу въ „Сынѣ Отечества“ (1840 г., стр. 93—124) „Итальянская комедія“,

голову надъ объясненіемъ этого слова: сопоставляли его съ нѣмецкимъ erlenkoenig [1]), съ hoellenkind [2]) (по созвучію съ hellequin, harlequin, какъ звался иногда арлекинъ), съ итальянскимъ словомъ il lecchino [3]), съ итальянскимъ же словомъ Alichino [4]), наконецъ, нѣкоторые считали это слово уменьшительнымъ отъ одной французской фамиліи Harlay-Harlequino (petit Harlay). Имѣются еще нѣкоторыя другія объясненія, но интересно, что, хотя всѣ эти объясненія имѣютъ многое за себя,—не одно въ сущности вполнѣ не объясняетъ слово «Арлекинъ». Весьма возможно, что въ созданіи этого слова участвовало и представленіе о какомъ-то миѳическомъ существѣ,—недаромъ арлекинъ—главное лицо въ пьесахъ съ волшебнымъ элементомъ, хотя, съ другой стороны, и характерныя бытовыя черты его отвѣчаютъ итальянскому слову il lecchino. Надо прибавить при этомъ, что народное прозваніе нашего героя вовсе не «Арлекинъ», а Zanni, имя, которое ученые сопоставляютъ съ Sannio, комическимъ лицомъ римскаго театра, оставившимъ свои слѣды даже на фрескахъ Геркуланума и Помпеи; пестрый костюмъ итальянскаго Zanni [5]) напоминаетъ одѣяніе римскаго Sannio, а этотъ, говорятъ, въ свою очередь былъ ближайшимъ родственникомъ греческаго комика, всегда вооруженнаго палочкой, шляпкой и маской.

Такимъ образомъ, оказывается, Арлекинъ совершилъ длинное и многовѣчное путешествіе, прежде чѣмъ сдѣлаться любимцемъ новой Италіи, а затѣмъ всей Европы. На родинѣ своей, въ Италіи, онъ былъ, съ современной точки зрѣнія, мало привлекателенъ: это былъ шутъ низкаго сорта, безстыдный, иногда неприличный, обжора, плутъ и при томъ трусъ. Но стоило ему попасть во Францію, какъ всѣ дурныя черты его облика сдѣлались тоньше, изящнѣе, прибавились другія,—и передъ нами предсталъ законченный образъ существа плутоватаго, наивнаго и въ то же время остроумнаго, прикидывающагося порой простоватымъ, граціознаго какою-то кошачьей граціей [6]); его постоянное амплуа—роль слуги, не особенно старательнаго, любящаго полакомиться, всегда влюбленнаго, вѣчно хлопочущаго за себя или

---

[1]) Миѳическое существо, любящее дѣлать проказы людямъ.

[2]) Дитя дьявола.

[3]) Обжора.

[4]) Адское существо, бѣгающее ночью по деревнямъ съ шумомъ, въ сопроніи толпы товарищей.

[5]) См. различные снимки съ разныхъ итальянскихъ Zanni въ книгѣ Luigi Rasi: „I comici italiani“, I, 1897 г., II, 1899 г.

[6]) Marmontel говоритъ объ игрѣ хорошаго арлекина: „le vrai modèle de son jeu est la souplesse, l'agilité, la gentillesse d'un jeune chat, avec une écorce de grossièreté qui rend son action plus plaisant“.

за господина; онъ огорчается и утѣшается быстро, какъ ребенокъ; и горе, и радость его одинаково занимательны [1]).

Понятно, что исполнять такую трудную роль было не легко, особенно, если мы припомнимъ, что въ этихъ пьесахъ (comedia dell'arte) актерамъ давалась только канва, руководствуясь которой они должны были импровизировать свою игру. Поэтому на роли «арлекиновъ» шли только талантливые актеры; за то имена особенно извѣстныхъ артистовъ, исполнявшихъ эту роль, «сохранены исторіей» [2]); а самый типъ былъ введенъ даже въ нѣкоторыя произведенія лучшихъ драматурговъ. Такъ «арлекиномъ» воспользовались во Франціи: Le Sage, Piron, Delisle, Marivaux, Riccoboni, Florian и др. Такимъ образомъ съ подмостокъ итальянскаго театра «арлекинъ», мало-по-малу, пробрался во французскіе театры, довольно упорно держался даже въ театрѣ «Vaudeville» и, наконецъ, къ концу XVII вѣка, началъ опять спускаться въ театры низшаго разряда, встрѣтился тамъ съ другимъ популярнымъ героемъ, болѣе молодымъ Пьерро, сначала уживался съ нимъ рядомъ, но, наконецъ, уступилъ ему мѣсто. Теперь онъ, легкій, граціозный, шныряетъ въ шумной пестрой толпѣ карнавала и шутитъ свои веселыя шутки подъ градомъ весеннихъ цвѣтовъ, при безпечныхъ крикахъ и хохотѣ публики, настроенной по-праздничному... Впрочемъ, навѣрно, и до сихъ поръ гдѣ-нибудь въ провинціальныхъ театрахъ западной Европы онъ потѣшаетъ публику и съ подмостокъ, но, конечно, публику площадей и ярмарокъ. Въ 80-хъ годахъ «арлекинады» давались изъ году въ годъ и у насъ въ теченіе масляной недѣли на Царицыномъ лугу [3]).

Благодаря найденнымъ нами либретто можно доказать, что впервые подъ своимъ именемъ Арлекинъ появился передъ русской публикой въ началѣ тридцатыхъ годовъ XVIII вѣка. Либретто эти, очевидно, были составлены по-итальянски, переведены на французскій языкъ,

---

[1]) Конечно, нельзя безусловно принимать такого обобщенія: и во Франціи Арлекинъ, вѣроятно, во многихъ народныхъ театрахъ продолжалъ сохранять свои первоначальныя черты,—но, несомнѣнно, попавъ въ пьесы лучшихъ французскихъ драматурговъ того времени, выступивъ передъ избранной публикой, Арлекинъ измѣнилъ свой первоначальный обликъ къ лучшему.

[2]) И въ настоящемъ 1900 г. шла „арлекинада“ въ народномъ театрѣ на Семеновскомъ плацу; въ этомъ же году воспользовались сюжетомъ „арлекинады“ и для балета въ Маріинскомъ театрѣ; входитъ она и въ оперу „Паяцы,“ а, по слухамъ, составитъ содержаніе и новой оперы Масканьи.

[3]) Carlin, Dominique (отецъ и сынъ), Constantini, Cherardi, Thomassin Laporte во Франціи (См. нѣкот. біографіи въ біографическомъ словарѣ итальянскихъ артистовъ,—„I comici italiani“ L. Rasi. Тамъ же, стр. 602, между прочимъ, и біографію извѣстной пѣвицы и актрисы Maria Giovanna Casanova, которая въ 1736 году была въ Петербургѣ.

а съ французскаго на русскій; по крайней мѣрѣ, на это есть прямое указаніе подъ переводомъ одной пьесы: «У в ѣ щ а н і е. Чрезъ сіе объявляется любопытному читателю, что аріи и двоеголосныя попѣвки, которыя здѣсь италіанскимъ языкомъ, переведены съ французскаго, съ котораго переводчикъ взялся переводить. Того ради уповается, что русской Арій тѣхъ переводъ больше согласенъ будетъ французскому слогу, нежели италіанскому. А по-итальянски оныя тутъ приложены по желанію того, кто и х ъ н а ф р а н ц у з с к і й п и ш е т ъ с ъ и т а л і а н с к а г о; чего онъ и впредь такъ же требуетъ. Для того и въ другихъ отъ нынѣ интермедіяхъ доноситься читателю будетъ при концѣ интермедіи о этомъ же сими только коротенькими словами: а р і и п е р е в е д е н ы с ъ ф р а н ц у з с к а г о». Можно думать, переводъ этотъ дѣлался для императрицы, которая не знала итальянскаго языка, а также и для той публики, которую она старалась привлечь въ свой театръ [1]).

Всѣхъ пьесъ въ сборникѣ 39; изъ нихъ «комедій итальянскихъ»—30, «интермедій на музыкѣ»—8 и «трагедій»—одна; огромное большинство этихъ пьесъ относится къ 1733 году—(первыя 16) и къ 1734 году—(слѣдующія 18), а къ 1735 году послѣднія пять [2]).

---

[1]) „Мѣста раздавались безденежно, по чинамъ и по званію зрителей. Замѣтивъ, что бо́льшая часть изъ нихъ были приближенные двора или иностранцы, и м п е р а т р и ц а п о ж е л а л а с д ѣ л а т ь т е а т р ъ д о с т у п н ы м ъ и д л я н е з н а ю щ и х ъ и н о с т р а н н ы е я з ы к и с в о и х ъ п о д д а н н ы х ъ“ (Карабановъ).

[2]) Пьесы помѣщены въ слѣдующемъ порядкѣ: № 1 „Честная куртізанна“, № 2-й „Въ ненависть пришедшая Смералдіна“ (у Сопикова въ его „Опытѣ росс. библіографіи“ эта пьеса не указана), № 3-й „Смералдіна кикимора“, № 4-й „Перелазы черезъ заборъ“, № 5-й „Газета или вѣдомости“, № 6-й „Арлекинъ и Смералдіна, любовники разгнѣвавшіеся“, № 7-й „Рожденіе Арлекіново“, № 8-й „Переодѣвки Арлекіновы“, № 9-й „Четыре Арлекіна“, № 10-й „Арлекінъ статуя“ (у Соп. нѣтъ), № 11-й „Подрятчикъ оперы въ островы канарійскіе“, интермедія, № 12-й „Старикъ скупой“, интермедія (у Соп. нѣтъ), № 13-й „Велікій Васплискъ изъ Бернагассы“, № 14-й „Брігеллъ, оружіе и буторъ“, № 15-й „Французъ въ Венеціи“, № 16-й „Метаморфозы или преображенія Арлекіновы“ (у Соп. нѣтъ), № 17-й „Игрокъ въ карты“, интерм., № 18-й „Посадской дворянинъ“, интерм., № 19-й „Скороходъ ни къ чему годной“, № 20-й „Мужъ ревнивой“, интерм., № 21-й „Обманъ благополучной“ (у Соп. нѣтъ), № 22-й „Портомоя дворянка“, № 23-й „Больнымъ быть думающій“, интерм., № 24-й „Притворная нѣмка“, интерм., № 25-й „Влюбившійся въ себя самого пли Нарціссъ“, интерм., № 26-й „Напасти щастливыя Арлекіну“, № 27-й „Забавы на водѣ и на полѣ“, № 28-й „Клятвопреступленіе“ (у Соп. нѣтъ), № 29-й „Маркі гасконецъ величавый“, № 30-й „Чародѣйства Петра Дабана и Смералдіны, царицы духовъ“, № 31-й „Напасти Панталоновы и Арлекінъ притворный купецъ, потомъ такъ же и барбіеръ по модѣ“, № 32-й „Докторъ о двухъ лицахъ“, № 33-й „Отвѣтъ Аполлоновъ сбывшійся или безвинная продана и выкуплена“, № 34-й „Любовники

Оставивъ пока въ сторонѣ всѣ «интермедіи» [1]), равно какъ и пьесы 1735 года [2]), обратимся къ разсмотрѣнію комедій 1733—34 гг.

Дѣйствующими лицами являются въ нихъ Арлекинъ, Смеральдина, Бригеллъ, на роли «плутовъ», Панталонъ и Докторъ—на роли «комическихъ стариковъ»,—и Сильвій, Одоардъ, Діана и Аурелія на роли «любовниковъ». Кромѣ этихъ постоянныхъ дѣйствующихъ лицъ въ разныхъ пьесахъ являются еще слѣдующія лица: слуга, «артель обманщиковъ», Фламиній, Петроній, Плутонъ, Миносъ, Радамантъ, убійца, солдаты приказные, черти, мужики, «носильники» («носильщики»), «забіяки», солдаты, волхвы, духи, «крестьяны», Ковіэллъ, капитанъ неаполитанскій, французъ Мосіо Апетитъ, Момолъ, «господчикъ», нотарій, «два сікарія или бердышеносцы», приставы приказные, палачъ, волочага (гуляка), чудовище морское, «многія преображенія» («привидѣнія»), гондольеръ, Маркі д'а'лта по'лвере, «комендантъ турокъ», турки и мн. др. Дѣйствіе этихъ пьесъ пріурочено къ разнымъ итальянскимъ городамъ: наибольшее число пьесъ связаны съ Венеціею (7), съ Миланомъ (6), съ Болоньей (4); кромѣ этихъ городовъ встрѣчаются слѣдующія: Генуя, Верона, Парма, Гаэта, Феррара, Флоренція, Павія, Палермо, Тарантъ, Салерно.

Обстановка, въ которой происходитъ дѣйствіе «комедій», самая разнообразная: чаще всего розыгрывается пьеса на площади, съ домами Панталона и Доктора на первомъ планѣ — и внутри одного изъ домовъ; при чемъ вводится дневное и ночное освѣщеніе. Но кромѣ этихъ обычныхъ декорацій мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ пьесахъ, напр., «Поле» [3]), «Лѣсъ» [4]), «Гостиница» [5]), «Лѣсъ съ горами» [6]), «Садъ» [7]), «Тюрьма» [8]), «Поле съ дворомъ», «Лѣсъ съ деревомъ», «Лѣсъ съ солнцемъ на горизонтѣ» [9]), «Сало (залъ) на балу» [10]), «Лавка малярная» [11]), «Лѣсъ приморской» [12]), «Великое мѣсто съ эшафотомъ [13]), «Море со многими судами» [14]), «Каналъ» [15]), «Кузница Вулканова» [16]) «Судилище и Храмъ» [17]).

другъ другу противящіеся съ Арлекіномъ притворнымъ пашею", № 35-й „Споръ о шляхетствѣ между Эуларіею вдовою сумазбродною и Панталономъ купцомъ спорливымъ или Маркі д'а'лта по'лвере", № 36-й „Честное убожество Ренода, древняго кавалера Галлскаго во время государствованія Карла Великаго"; № 37-й „Тайное мѣсто"; № 38-й „Самсонъ", траг. (у Соп. нѣтъ); и № 39-й „Напвящшая слава государю, чтобъ побѣждать самого себя" (у Соп. нѣтъ).

[1]) (№№ 11, 12, 17, 18, 20, 23, 24 и 25).

[2]) (№№ 33—39 вкл.).

[3]) № 3, д. I. [4]) № 3, д. III. [5]) № 3, д. III. № 5, д. II. [6]) № 7, д. I. [7]) № 7, д. II. [8]) № 7, д. III. [9]) № 7, д. III. [10]) № 15, д. II. [11]) № 21. д. I. [12]) № 26, д. I. [13]) № 26, д. III. [14]) № 27, д. II. [15]) № 28, д. I. [16]) № 30, д. I [17]) № 33.

Каждая пьеса состоитъ изъ 3-хъ дѣйствій; каждое дѣйствіе изъ нѣсколькихъ картинъ, которыя обыкновенно смѣняются очень быстро.

По содержанію своему комедіи дѣлятся на двѣ группы; къ одной относятся пьесы съ волшебствомъ, другія же изображаютъ обыкновенныя любовныя приключенія, богато обставленныя разными шутовскими и мошенническими продѣлками. Пьесы первой группы—«обстановочныя» по преимуществу: онѣ богаты разными превращеніями, провалами, исчезновеніями; здѣсь появляются волхвы, духи, черти, языческіе боги,—людямъ отведено очень незначительное мѣсто: все вниманіе зрителей очевидно сосредоточивалось на театральной обстановкѣ, весь интересъ пьесы заключался именно въ эффектной неожиданности тѣхъ фокусовъ, которые творились на сценѣ по волѣ хитроумныхъ машинистовъ.

Для примѣра приведемъ содержаніе нѣсколькихъ наиболѣе интересныхъ комедій этого типа.

Смералдіна кикимора (№ 3). Сильвій, мужъ Смералдіны, влюбился въ Діану и, желая отдѣлаться отъ жены, завелъ ее въ лѣсъ, чтобы тамъ убить, но наемный «убійца», которому онъ поручаетъ убить жену, сжалившись, оставляетъ ее въ лѣсу живой. «Смералдіна отчаянная (-въ отчаяніи) поручаетъ себя адскому богу Плутону». Плутонъ помогаетъ ей наказать мужа и разстроить всѣ его затѣи: владыка ада даетъ ей духа, «которому приказываетъ слушать ее во всемъ и вездѣ и дѣлать ее невидимою, когда она того захочетъ, также преображать ее и давать ей способъ говорить такимъ языкомъ, какимъ будетъ ей нравно и нужно». Благодаря помощи этого духа Смералдіна продѣлываетъ цѣлый рядъ фокусовъ, обращается въ разныхъ лицъ, потѣшаясь надъ дѣйствующими лицами.

Какъ образчикъ ея шутокъ и, вообще, комизма пьесы приведемъ хотя-бы, слѣдующій эпизодъ: Смералдіна «завораживаетъ» своего мужа и говоритъ, что «онъ будетъ стоять такъ покамѣсть кто другой прикоснется къ нему» и этимъ перенесетъ заклятіе на себя. Послѣ этого являются по очереди Бригеллъ, Панталонъ, Докторъ, Одоардъ, наконецъ, Арлекинъ—и смѣняютъ другъ друга, при чемъ «послѣдуютъ многія игрушки, надлежащія къ театру», вродѣ, напримѣръ, слѣдующей: къ завороженному Арлекину подошелъ маляръ съ красками, дотронулся до него — «Арлекинъ сталъ быть отвороженъ. Дѣтина маляръ неподвиженъ. Арлекинъ удивляется этой новости и думаетъ, что которое въ горшкѣ было, то можно ѣсть, но, узнавъ, что то левкасъ (-краска) вымаралъ имъ дѣтину».

Въ другой пьесѣ этого типа «Рожденіе Арлекіново» (№ 7) главную роль играетъ Арлекинъ. Содержаніе пьесы вкратцѣ слѣдующее: Одоардъ, губернаторъ города, ухаживаетъ за Діаной и мѣшаетъ этимъ Сильвію. Сильвій обращается за помощью къ дядѣ своему — волхву, и тотъ со-

здаетъ ему помощника—Арлекина. Для этого онъ «повелѣваетъ духамъ сдѣлать яйцо, и послѣ нѣкоторыхъ церемоній, надобныхъ къ тому дѣйству, закрываютъ они то соломой и уходятъ. Волхвъ чинитъ нѣкоторыя призыванія, а и показалося солнце и луна, чрезъ которыхъ вліяніе (то-есть силу, которую солнце и луна испускаютъ) яйцо растворяется да и родится изъ него Арлекинъ. Сейчасъ же является адская кормилица уноситъ новорожденнаго въ адъ и черезъ нѣсколько времени выпускаетъ его въ свѣтъ, при чемъ даетъ ему волшебную шляпку, «чрезъ которую можетъ онъ все, что захочетъ, дѣлать и преображаться во всякіе виды, какіе ему будутъ нравны, также и штуки чинить, какія ему на умъ взойдутъ». Послѣ этого начинаются его веселыя похожденія на землѣ: онъ поступаетъ слугою въ домъ Панталона, дурачитъ Одоарда, сводитъ Діану съ Сильвіемъ, отбиваетъ Смералдіну у Бригелла. Между прочимъ, онъ завораживаетъ Одоарда со свитою, отнимаетъ у нихъ шпаги и вооружаетъ ихъ клестирами, похищаетъ изъ-подъ носу Бригелла Смералдіну, запираетъ ее въ сундукъ, исчезаетъ, когда его ищутъ, обращается въ обезьяну, умираетъ послѣ выстрѣла изъ «фузеи» и воскресаетъ къ общему ужасу. Попавъ въ тюрьму, онъ хитростью обнялъ Бригелла и «такъ поворотилъ тюрьму», что самъ оказался на свободѣ, а Бригеллъ въ заключеніи. Желая отдѣлаться отъ его надоѣдливыхъ «игрушекъ», его бросаютъ съ камнемъ въ рѣку, но онъ спасается; его «расчетвертовываютъ», а онъ опять живымъ «выходитъ изъ-подъ земли». Кончаются его земныя продѣлки только послѣ женитьбы Сильвія на Діанѣ.

Въ пьесѣ «Четыре Арлекіна» (№ 9) весь комизмъ заключается въ томъ, что три дѣвицы Аурелія, Діана и Смеральдіна влюбились въ Арлекина, отвергнувъ любовь Сильвія, Одоарда и Бригелла. При помощи волхвовъ всѣ отвергнутые преобразились въ Арлекина. Вслѣдствіе этого происходитъ на сценѣ страшная путаница, которая оканчивается благополучно для отвергнутыхъ любовниковъ: они женятся на трехъ дѣвицахъ, Арлекинъ же настоящій и старики Панталонъ и Докторъ одурачены.

Въ пьесѣ «Напасти щастливыя Арлекину» мы сперва видимъ, какъ Бригеллъ, желая умертвить Арлекина, оставляетъ его на морскомъ берегу на съѣденіе «морскому чудовищу». Является «чудовище» и принимается терзать прикованнаго къ скалѣ Арлекина. Его спасаетъ волхвъ, пришедшій на берегъ; онъ обращаетъ звѣря въ скалу, при помощи дьяволовъ освобождаетъ Арлекина и добываетъ ему платье; для этого онъ «преображаетъ каменную гору паки въ чудовище, которое выблевало платье Арлекину». Затѣмъ волхъ даетъ ему волшебную палочку,—и «Арлекинъ остался щастливъ, но тужитъ, что позабылъ ѣсть попросить у своего милостивца, и что ему хочется макароновъ. Тогда макароны показались на воздухѣ. Арлекинъ чинитъ смѣшныя игрушки, чтобы

оныя достать». Затѣмъ начинаетъ онъ мстить Бригеллу, дурачить стариковъ Панталона и Доктора, помогаетъ Одоарду и Сильвію въ ихъ любовныхъ замыслахъ: напримѣръ, въ торжественный моментъ подписанія брачнаго контракта онъ проваливаетъ нотаріуса въ преисподнюю, а на его мѣсто сажаетъ дьявола. Послѣ многихъ подобныхъ «смѣшныхъ шутокъ» Арлекинъ оказывается, въ концѣ концовъ, на эшафотѣ, какъ колдунъ, но, «послѣ игрушекъ, приличныхъ театру, призываетъ Вельзевула,—и эшафотъ преображается въ камеру», гдѣ Сильвій и Одоардъ сидятъ со своими возлюбленными, а онъ со Смеральдіной. Стариковъ Арлекинъ «завораживаетъ» и угрозой оставить ихъ навсегда въ такомъ положеніи добивается согласія на тройной бракъ.

Наконецъ, въ пьесѣ «Чародѣйства Петра Дабана и Смеральдины царицы духовъ» Арлекинъ дѣлается игрушкой въ рукахъ двухъ чародѣевъ,—и вотъ, въ результатѣ, Арлекинъ является передъ нами то въ роли короля, то медвѣдя, то принимаетъ образъ самого Дабана, какъ таковой, убитъ Смеральдіной, затѣмъ воскресъ, попалъ въ тюрьму. Смеральдіна прибѣгаетъ къ помощи Нептуна, Плутона, Прозерпины и Вулкана. Петра Дабана спасаютъ отъ гибели змѣи, затѣмъ провалъ судьи. Кончается пьеса свадьбой Семиралдіны и Арлекина.

Изъ бѣглаго перечня этихъ пьесъ видно, что въ нихъ, какъ мы уже говорили, почти все сводилось къ ловкости театральнаго машиниста—и, разъ пріѣзжіе комедіанты рѣшались на постановку такихъ сложныхъ пьесъ, можно думать, что они, дѣйствительно, могли въ этомъ отношеніи похвастать передъ русской публикой [1]). Нетрудно представить себѣ, какое сильное впечатлѣніе должны были произвести на нашихъ неизбалованныхъ предковъ подобныя пьесы, съ «преображеніями», «провалами», «фейерверками».

Но въ драматическомъ отношеніи гораздо любопытнѣе тѣ комедіи, въ которыхъ «волшебства» нѣтъ, въ которыхъ изображаются картинки обыденной жизни и дѣйствуютъ люди, а не чародѣи. Такихъ пьесъ подавляющее большинство; дѣйствующія въ нихъ лица все тѣ же, что и

---

[1]) „Великолѣпіе декорацій, машинное искусство въ произведеніи чудесныхъ перемѣнъ и очарованій, которыми такого рода повѣсти преисполнены, замѣняли правильность дѣйствія и доставляли немалое удовольствіе зрителямъ“ („Русскій“ 1868, № 19, 2, „Записки, принадлеж. къ исторіи Русскаго театра“; еще см. „Сѣв. Арх.“ 1822 г., № 21, стр. 184). Въ „Чт. при Имп. О-вѣ Ист. и др. Росс.“ (1860 г., № 3, 54), напечатана интересная справка касательно платы итальянскимъ актерамъ,—оказывается, что въ 1735 году директоръ труппы, извѣстный Арайя, онъ же и капельмейстеръ, получалъ 2.000 р., а „театральный архитектъ и живописецъ Валеріанъ—2.500 р.“. Уже изъ этого видно, какую роль играла обстановка и театральная техника въ этихъ пьесахъ. Средства эти отпускались изъ суммъ Соляной конторы и, въ общемъ, выразились въ 1736 г.—22.352 р., въ 1737—28.959 р. 99½ к.

въ пьесахъ первой группы, но здѣсь въ рамкахъ обыкновенной жизни наши знакомцы являются болѣе ясно очерченными, болѣе типичными. Въ этихъ пьесахъ, разумѣется, больше мѣста естественному комизму, больше простору для артистовъ выказать свои таланты.

Содержаніе этихъ комедій, назовемъ ихъ, хотя-бы «бытовыми»—гораздо бѣднѣе содержанія комедій «волшебныхъ»,—въ огромномъ большинствѣ случаевъ все сводится къ любовной интригѣ между Сильвіемъ и Одоардомъ—съ одной стороны, и Діаной и Ауреліей—съ другой. Бригеллъ является почти всегда главнымъ организаторомъ любовныхъ плановъ, Арлекинъ—его главнымъ помощникомъ; все стремленіе нападающей стороны—надуть стариковъ Панталона и Доктора, которые противъ брака дѣвицъ съ Сильвіемъ и Одоардомъ, — и связать себя поскорѣе такими отношеніями, послѣ которыхъ одураченнымъ старикамъ приходится невольно торопиться со свадьбой дочерей; иногда старики сами являются искателями у дѣвицъ, и тогда всѣ хитрости Бригелла, любовниковъ и Арлекина обрушиваются на ихъ сѣдыя головы.

Комизмъ этихъ пьесъ довольно грубаго качества: частыя переодѣванья героевъ, особенно Арлекина, всевозможные обманы, кражи всякихъ сортовъ и драки, драки безъ конца, при чемъ бьютъ особенно часто Арлекина, — вотъ, что, главнымъ образомъ «чинить смѣшныя игрушки, приличныя театру».

Переодѣваться Арлекину приходится безконечное количество разъ: онъ появляется въ роли калѣки, художника [1]), химика [2]), барона нѣмецкаго [3]), пѣвчаго (учителя пѣнія) [4]), обезьяны [5]), «забіаки» [6]), «брюхатой бабы» [7]), «скорохода» [8]), паши [9]), статуи [10]), турка [11]), маленькаго мальчика [12]), бѣглаго солдата [13]), «скелета» [14]), продавца календарей [15]), газетчика [16]), астролога [17]), трубочиста [18]), «мертвеца» [19]), «часовъ» [20]), капитана [21]), «свиньи» [22]), гиганта [23]), бабушки-повитушки [24]) и мн. др.

Чтобы передать письмо скучающимъ дѣвицамъ или одурачить противника, Арлекину приходится лазить въ окна, прятаться въ корзинахъ и шкапахъ, выпрыгивать изъ окна, спускаться по трубѣ, бросаться въ колодезь, появляться пьянымъ, въ пеленкахъ, на клюкахъ, на конѣ, въ глобусѣ, въ часахъ... Конечно, въ такихъ роляхъ долженъ былъ выступать талантливый комикъ, фокусникъ, трансформаторъ и, къ тому же искусный акробатъ. Разумѣется, словами, тѣмъ болѣе въ краткомъ либретто, невозможно было выразить комизмъ тѣхъ положеній, которыя зависѣли цѣликомъ отъ способностей актера и стереотипно обознача-

---

[1]) № 21, 5. [2]) № 14, 9. [3]) № 15, 14, № 6, 8. [4]) № 16, 8. [5]) № 16, 11, 12. [6]) № 16, 13, [7]) № 16, 16. [8]) № 19, 9. [9]) № 27, 1, № 34, 11. [10]) № 10, 7. [11]) № 8, 9. [12]) № 10, 9. [13]) № 10, 3. [14]) № 4, 5. [15]) № 5, 4. [16]) № 5, 4. [17]) № 10, 6, 7. [18]) № 10, 4. [19]) № 6, 9. [20]) № 6, 5, 8. [21]) № 5, 6. [22]) № 5, 7. [23]) № 5, 11. [24]) № 5, 11.

лись въ либретто словами: «чинитъ смѣшныя игрушки, приличныя театру».

Къ грубымъ комическимъ эффектамъ надо отнести, хотя-бы, притворное мученіе родами на сценѣ [1]), обливаніе изъ ночнаго горшка кавалера, поющаго серенаду подъ окномъ возлюбленной [2]), опрокидыванье стола съ кушаньями [3]), подаваніе на столъ, вмѣсто чая, полосканья [4]), столкновеніе настоящаго героя съ поддѣльнымъ [5]), ошибки стариковъ, воображающихъ, что они невидимы [6]).

Какъ образчикъ болѣе наглядный тѣхъ положеній, которыми богаты эти комедіи, приведемъ эпизодъ изъ сватовства влюбленнаго Панталона.

Только-что старый ловеласъ разнѣжничался предъ своей возлюбленной Діаной въ присутствіи ея отца Доктора, который далъ разрѣшеніе на свадьбу Панталона, какъ появляется Сильвій, наряженный лѣкаремъ. «Сталъ онъ бранить Панталона, что онъ вышелъ вонъ изъ двора безъ его приказу, и что понеже его скорбь есть отъ дѣйствія венеріна, того ради надлежало ему стеречися холоднаго воздуху». Престарѣлый женихъ смущенъ такимъ заявленіемъ, пытается доказать невѣстѣ и будущему тестю, что у него такой подозрительной «скорби» нѣтъ, но «притворной лѣкарь все говоритъ противное. Діана (посвященная въ замыслы Сильвія) притворилась быть недовольною. Докторъ изъ того въ соблазнъ приходитъ». Только-что дѣло кое-какъ уладилось, и Панталонъ опять начинаетъ таять,—является Одоардъ, «нарядившись въ аптекаря, который говоритъ Панталону, что онъ ему принесъ проносное, которое ему приказалъ принять лѣкарь». Новое смущеніе Панталона. Черезъ нѣсколько времени приходитъ Арлекинъ и Бригеллъ съ тѣмъ же лѣкарствомъ, «нарядившись въ хлощовъ аптекарскихъ; изъ того происходитъ игрушка смѣшная съ Панталономъ, котораго они хотятъ лѣчить по неволѣ», не стѣсняясь присутствіемъ прекраснаго пола.

На фонѣ этихъ грубыхъ шутовскихъ выходокъ однако рѣзкими штрихами рисуются физіономіи главныхъ героевъ.

На первомъ планѣ, конечно, Арлекинъ: это ловкій плутъ «ради плутовства»—онъ дѣйствуетъ вовсе не по опредѣленной программѣ, какъ Бригеллъ, а потому ему ничего не стоитъ въ любой моментъ измѣнить однимъ, перейти на сторону другихъ и подвести самымъ смѣшнымъ образомъ прежнихъ хозяевъ; онъ—страшный обжора: вопросы ѣды для него главные въ жизни, макароны онъ чуетъ носомъ издалека, макароны могутъ его даже воскресить изъ мертвыхъ. Веселъ онъ до безконечности: когда его бьютъ, принявъ за другаго, онъ, видя чужую ошибку, «помирается со смѣху»; онъ частенько любитъ прикинуться придуркова-

[1]) № 16,16. [2]) № 19,10. [3]) № 19,8. [4]) № 19,12. [5]) № 8,13. [6]) № 22,9.

тымъ, онъ дерзокъ и хвастливъ и въ то же время трусливъ, сводникъ по профессіи, лѣнтяй по натурѣ, гдѣ дѣло идетъ до работы, неутомимый труженикъ, когда дѣло идетъ о мошенничествѣ. Такимъ предсталъ Арлекинъ передъ нашими предками. Изъ этой характеристики мы видимъ, что онъ сохранилъ тотъ характеръ, какой выработался у него на подмосткахъ итальянскихъ театровъ: элегантности французскаго Арлекина, его граціи, его тонкаго остроумія искать здѣсь не приходится: площаднымъ, грубымъ юморомъ несетъ отъ этихъ «итальянскихъ» пьесъ, представленныхъ у насъ, въ С.-Цетербургѣ, въ 1733—34 году.

Но небезынтересно указать на одно мелкое обстоятельство: несмотря на то, что Арлекинъ нашихъ пьесъ сохранилъ свой итальянскій обликъ,—онъ въ нѣкоторыхъ пьесахъ оказывается иностранцемъ по происхожденію, именно «французомъ» [1]), равно какъ и Смеральдина (-итальянская героиня—«Коломбина»), которая тоже явилась изъ Франціи [2]). Чѣмъ объяснить такое странное явленіе?

Думается намъ, что Арлекинъ дотого увлекъ французовъ, до такой степени оказался воспріимчивымъ къ французской національзаціи, что очень скоро перебрался на подмостки французскаго театра, тамъ сталъ играть столь видную роль, что даже на родинѣ начали смотрѣть на него, какъ на чужое лицо, занесенное извнѣ. Конечно, это случилось уже въ концѣ XVII вѣка, когда началось разложеніе народныхъ итальянскихъ пьесъ, а къ такимъ разлагающимся пьесамъ, можно думать, относятся и тѣ, которымъ мы посвятили свой очеркъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашемъ вступленіи мы отмѣтили уже, что каждый изъ любимыхъ итальянскихъ героевъ (Панталонъ, Скапенъ и Арлекинъ) связаны съ извѣстнымъ городомъ; Арлекинъ—созданіе города Бергама; Панталонъ—Венеціи. Между тѣмъ, въ нашихъ пьесахъ дѣйствіе переносится въ разные города, но минуетъ какъ разъ родины Арлекина—Бергама. Не ясно ли отсюда, что Арлекинъ рано оторвался отъ своего роднаго города и сдѣлался достояніемъ всѣхъ, кому онъ нравился,—слѣдовательно, съ этого момента надо считать начало разложенія старой «арлекинады». Венеція чаще всего встрѣчается въ нашихъ «комедіяхъ», и Панталонъ, созданіе этого города, очерченъ очень выпукло и ярко,—не есть ли это доказательство того, что большинство этихъ пьесъ ведетъ свое начало отъ «панталонадъ», которыя однако тоже уже пришли къ намъ въ періодъ разложенія: дѣйствіе слишкомъ часто не связано вовсе съ Венеціей, самъ Панталонъ, хотя играетъ и первую роль, но уже значительно потускнѣлъ въ ряду съ другими дѣйствующими лицами, хотя бы «иностранцемъ» Арлекиномъ.

Русскимъ людямъ Арлекинъ и его друзья, очевидно, понравились,

---

[1]) № 16,4, № 8,8, № 13,12, № 8,7.
[2]) № 22.12.

такъ какъ они, по словамъ историковъ русскаго театра, сдѣлались обычными потѣшниками русской публики: «главную забаву,—читаемъ въ одномъ очеркѣ,—доставлялъ въ то время Арлекинъ, выскакивая нечаянно на сцену, чтобъ смѣшить зрителей не только въ комедіяхъ, но и при самыхъ печальныхъ развязкахъ театральныхъ» [1]).

Впрочемъ, нѣсколько разъ «арлекинады» появлялись и на сценѣ театра; такъ, въ 1794—96 годахъ шла на сценѣ казеннаго театра и нѣсколько разъ въ годъ пьеса-балетъ, «Арлекинъ, покровительствуемый феей» («Арлекинъ-бѣглецъ») [2]).

Этимъ похожденія Арлекина у насъ не кончились: мы говорили уже, что, если онъ въ столицѣ дожилъ до нашихъ дней, то въ провинціи, вѣроятно, живетъ и до сихъ поръ, сроднясь довольно курьезно съ забавами русскаго народа. Въ «Русск. Худож. Листкѣ» за 1862 годъ мы встрѣтили интересную замѣтку: «Странствующіе комедіанты», которая даетъ намъ любопытные факты изъ жизни Арлекина въ Россіи: «наши національные скоморохи, читаемъ мы въ этой замѣткѣ, замѣнились нѣмецкими комедіантами, которые превратили народныя сцены въ арлекинады съ акробатами и фокусниками. Эти комедіанты переѣзжаютъ изъ города въ городъ и показываютъ народу свои возвышенныя представленія. Они обыкновенно разбиваютъ на площади или рынкѣ огромную палатку и, устроивъ въ ней мѣста для зрителей на подмосткахъ, представляютъ неслыханныя и никогда никѣмъ не виданныя игры. О представленіяхъ объявляется афишками, на которыхъ часто можно встрѣтить комедіи Какъ жена надѣваетъ мужу золотые рога, Какъ жена сидитъ подлѣ мужа и цѣлуетъ своего дружку, Какъ дѣвушка душка нечаянно зашлакъ не наглядному молодцу и пр.» [3]). Подобныя заморскія представленія пришлись по духу простонародной публикѣ, вообще очень отзывчивой и воспріимчивой. За примѣрами, подтверждающими нашу мысль, ходить недалеко: одинъ изъ государственныхъ мужиковъ Орловской губерніи, деревни Лимовой, Воровудской волости, Малоархангельскаго округа, понаглядѣвшись на представленія заѣзжаго кукольнаго театра, въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія составилъ ярмарочныя комедіи въ народномъ духѣ. «Успѣхъ изобрѣтателя былъ такъ огроменъ, что,

---

[1]) „Сѣв. Арх.“ 1822, № 2, 185. „Изъ истор. записокъ А. М.“. Конечно, нельзя ставить въ преемственную связь эти русскія арлекинады непремѣнно съ пьесами 1733 г.,—послѣ перваго появленія у насъ арлекинады могли впослѣдствіи нѣсколько разъ заноситься къ намъ.

[2]) У Сопикова есть указаніе на пьесу: „Арлекинъ въ Сералѣ“ (1769 г.), и у Смирдина „Арлекинъ дикой“ (1788) но о постановкѣ ихъ на театрѣ данныхъ нѣтъ.

[3]) Терещенко „Бытъ русскаго народа“, I, 462.

умирая, онъ передалъ этотъ промыселъ своему семейству, отъ котораго комедіанство перешло и въ другія семейства той волости. Теперь,—разсказъ относится къ 60-мъ годамъ,—въ Малоархангельскомъ округѣ считается до 10 комедіантовъ; они, разъѣзжая со своими труппами по всей матушкѣ Руси, смѣшили публику «въ Харьковѣ, Тамбовѣ, Пензѣ, даже Одессѣ и Астрахани» и собирали для своего времени обильную жатву, которая измѣрялась тысячами рублей, правда, на ассигнаціи... [1]). Если случай этотъ относится къ исторіи «кукольнаго» театра, то онъ все-таки очень убѣдительно доказываетъ, насколько воспріимчивъ русскій народъ къ подобнымъ «заморскимъ» воздѣйствіямъ. Изъ кого же комплектуются теперь въ русскихъ балаганахъ «арлекины», какъ не изъ такихъ же доморощенныхъ, россійскихъ комедіантовъ?

Арлекинъ выступилъ у насъ въ Россіи и въ роли «журналиста»: въ 1859 году издавался у насъ художественно-юмористическій журналъ, подъ названіемъ «Арлекинъ». Любопытно стихотворное обращеніе редакціи новаго журнала къ читателямъ; приводимъ его въ отрывкахъ:

Арлекинъ.

...Мнѣ мѣстомъ рожденія былъ городъ Бергамъ
Мое назначенье—по свѣту скитаться,
Всегда веселиться, смѣшить и смѣяться!
И я, итальянской природы дитя,
На родинѣ милой жить началъ шутя:
По улицамъ бѣгалъ, на площадь являлся,
Кувыркался, прыгалъ, плясалъ и кривлялся;
Хоть, правда, я грубо шутилъ иногда,
Но шутками людямъ не дѣлалъ вреда!
За это бергамцы меня полюбили,—
Они вѣдь не очень взыскательны были!
Въ осьмнадцатомъ вѣкѣ задумалъ я вдругъ
Искать просвѣщенья, искусствъ и наукъ—
Чтобъ свѣтлую роскошь увидѣть поближе.
Явился я смѣло въ блестящемъ Парижѣ.
Тамъ счастіе было мое таково,
Что даже Пиронъ, Флоріанъ, Мариво
Меня наградили вниманіемъ лестнымъ
И сдѣлали скоро повсюду извѣстнымъ!
Карлино, Лапортъ, Томассенъ, Доминикъ
Умѣли очистить мой грубый языкъ,—
И вотъ я въ театрахъ на сцену поставленъ,
Въ высокомъ сословьи любимъ и прославленъ.
Но счастье непрочно; настала невзгода,—
Извѣстно, что въ свѣтѣ господствуетъ мода.
Ну, стала злодѣйка меня обижать
И мнѣ изъ Парижа пришлось убѣжать.

[1]) „Военно-статист. обозр. Росск. имп.“, т. VI. ч. 5, Орл. губ. Спб. 1853.

Я прямо въ Россію, въ ту самую пору
Когда Петербургъ удивлялся Дюпору.
Но мода и тутъ мнѣ злодѣйкой была
Въ балетѣ пріюта никакъ не дала!
Что было мнѣ дѣлать? Куда тутъ дѣваться?
Пришлось мнѣ опять въ балаганахъ являться.
Покорствуя этой злосчастной судьбѣ,
„Послушай, голубчикъ, сказалъ я себѣ:
„Ужъ если нельзя быть на сценѣ артистомъ,
„Такъ, знаешь, попробуй и будь журналистомъ“ [1]).

Кромѣ «комедій» въ найденномъ нами сборникѣ пьесъ 1733—35 г. встрѣчаются, какъ выше было указано, восемь «интермедій на музыкѣ»; эти пьесы представляютъ для историка русскаго театра особый интересъ: съ нихъ, съ этихъ «интермедій», началось въ 1730 году знакомство русской публики съ итальянскимъ театромъ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ и Штелинъ, на это указываетъ и составъ той труппы, которая въ 1730 году явилась изъ Дрездена [2]): пріѣхала чета артистовъ-пѣвцовъ и оркестръ,—какъ разъ труппа, подходящая для исполненій интермедій, въ которыхъ дѣйствуютъ, обыкновенно, два лица и, время отъ времени, нуженъ аккомпаниментъ оркестра и хора. Весьма возможно, что между восемью интермедіями, попавшими въ наши руки, и нѣтъ именно тѣхъ, которыя давались въ 1730 году, но, несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что по типу эти пьесы должны очень приближаться къ тѣмъ, что̀ давались итальянскими артистами въ самомъ началѣ ихъ дѣятельности у насъ, въ Петербургѣ.

Особенно также цѣнно для насъ, что эти 8 пьесъ переведены цѣликомъ, безъ сокращеній. По существу своему, онѣ очень напоминаютъ современные водевили съ танцами и пѣніемъ. Въ художественномъ отношеніи онѣ гораздо выше разсмотрѣнныхъ «комедій»; въ нѣкоторыхъ даже нѣтъ никакого грубаго шаржа. Особенно удачной въ этомъ отношеніи является интермедія, носящая названіе: «Подрядчикъ оперы въ острова Канарійскіе». Передъ нами уборная знаменитой актрисы, къ которой является чужестранецъ съ приглашеніемъ гастролировать въ театрѣ на Канарскихъ островахъ. Передъ нами два живыхъ лица: съ одной стороны,—капризная, избалованная актриса, которая старается быть любезной передъ выгоднымъ посѣтителемъ, хотя въ душѣ потѣшается надъ нимъ и презираетъ его; съ другой стороны—самодовольный «подрядчикъ», страшно ломающійся, назойливый, въ то же время робѣющій въ присутствіи «дивы». Дѣйствіе ведется очень живо, правдиво и прерывается пѣніемъ разныхъ арій, на которыхъ пѣвица пока-

---

[1]) „Арлекинъ“, 1859 г., стр. 2.
[2]) См. выше.

зываетъ свое искусство. Начинается пьеса съ монолога актрисы Доpины; она ждетъ антрепренера, суетится, нервничаетъ...

Дорина (говоритъ многимъ дѣвицамъ-прислугѣ). «Ну жъ, ну, не мѣшайте; принесите мнѣ спінеты и стулья сюда. Ахъ, коль великое терпѣніе надобно имѣть съ такими дѣвками! Знаютъ онѣ, что я всякой день жду одного подрятчика иностраннаго, а ничего онѣ здѣсь не убрали. (Дѣвицамъ говоритъ). Посмотрите въ окно, и ежели онъ идетъ, то скажите мнѣ. (Пошли онѣ). Въ ожиданіи протвержу я нѣкоторыя кантады, (Пересматриваетъ она многія бумаги музыкантскія). Это очень мудрено, а эта стариннаго автора безъ трелей, колѣнъ и безъ знаковъ, что весьма противно нынѣшней школѣ, которая украшаетъ всякое слово трелями. Вотъ это по мнѣ (одна дѣвица пришла и сказываетъ ей, что подрядчикъ идетъ). Что? онъ идетъ? пустите ево сюда. Лучше, что я сама пойду встрѣтить его».

Очень жива также сцена вторая, когда Ніббій является къ Дорінѣ не во-время: она разстроена неудачнымъ костюмомъ, пробираетъ портнаго и должна въ то же время быть любезной съ Ніббіемъ.

Доріна. Это платье, говорю вамъ, худо сдѣлано; не годится оно на королеву, не по модѣ оно. Мантія королевская должна имѣть, на меньшой конецъ, десять аршинъ въ хвостѣ!

Ніббій. Вотъ и я, моя госпожа, всегда до вашихъ услугъ съ моею кантадою!

Доріна. (Вотъ ево принесло!) ваша обязанная услужница! (портному). Съ этой стороны оно короче, говорю я.

Ніббій. Развѣ въ севоднишной вечеръ будете вы играть, моя госпожа.

Доріина. Да, мой господинъ!

Ніббій. Вы, чаю, будете первою персоною?

Доріна. Да, мой господинъ. (Портному). Вотъ, какъ рукавъ испорченъ. Я хочу, чтобъ онъ шире былъ въ этомъ мѣстѣ! На что вездѣ жалѣть?

Ніббій. Я чаю, что вы много себѣ учините тѣмъ чести?

Доріна (ахъ какая скука!). Да, мой господинъ! (Портному). Кажется что вы это сдѣлали по досадѣ! Шире, шире, говорю я; что-то за портные! и т. д.

Кончается пьеса къ обоюдному удовольствію: контрактъ заключенъ, и знаменитость получаетъ очень выгодный ангажементъ,—все, что она потребовала, было ей обѣщано Для театральныхъ нравовъ добраго стараго времени небезынтересны эти строгія требованія избалованной «дивы». Оказывается, что кромѣ жалованья она пожелала: 1) всегда «показывать первую персону», 2) «чтобы игра не была коротка»; 3) чтобъ театральный «пііта» былъ ея «другомъ» и 4) чтобы, сверхъ пла-

ты, давать ей «сорбеты, кафе, сахаръ, чай, доброй шоколатъ съ ванілью, табакъ севільской и брезильской, да еще, на меньшой конецъ, два подарка въ недѣлю».

Во второй интермедіи (№ 12), «Старикъ скупой» изображенъ старикъ, котораго хитростью женитъ на себѣ Фіаметта. Эта пьеса носитъ болѣе искусственный характеръ,—она менѣе жизненна, чѣмъ первая, хотя и въ ней есть черты очень тонкаго юмора. Напримѣръ, является на сцену старшкъ,—онъ далекъ отъ мысли объ амурныхъ похожденіяхъ, весь онъ занятъ мыслью о деньгахъ, и Фіаметтѣ говоритъ о своей старости безъ всякой рисовки. Фіаметта начинаетъ кокетничать съ нимъ, увѣряетъ его, что онъ еще достаточно свѣжъ, бодръ,—старикъ, мало-помалу, поддается ей, у него невольно вырывается восклицаніе: «палку я имѣю для обычая только!»—еще немного,—и онъ уже самъ замѣчаетъ, что даже не сгорбился еще, потомъ: «и еще всѣ зубы у меня цѣліохоньки, только кашель обезпокоиваетъ меня немного!»—«Несіотъ-ли васъ»—спрашиваетъ заботливо Фіаметта. «Не обезпокоивая»—уклончиво отвѣчаетъ старикъ и т. д.

Въ интермедіи «Игрокъ въ карты» очень живо изображена сцена, какъ мужъ, все спустившій въ карты, хитритъ предъ своей женой. Жена, въ концѣ концовъ, рѣшается разстаться съ картежникомъ-мужемъ и идетъ жаловаться судьѣ,—но попадаетъ къ мужу, который перерядился на этотъ случай судьей. Происходитъ комичная сценка ухаживанья мнимаго судьи за просительницей,—и, въ результатѣ, мужу-картежнику удается уличить свою жену въ легкомъ отношеніи къ супружескимъ обязанностямъ. Пьеса кончается взаимнымъ прощеніемъ обоихъ провинившихся супруговъ.

Всѣ другія интермедіи приблизительно такого же характера: содержаніе ихъ сводится къ любовной интригѣ, которая разрѣшается, въ концѣ концовъ, бракомъ дѣйствующихъ лицъ; разговоръ во всѣхъ пьескахъ отличается живостью и разнообразіемъ, а обиліе вставныхъ арій и речитативовъ, очевидно, составляетъ главное украшеніе интермедій.

Кромѣ «итальянскихъ комедій» и интермедій мы имѣемъ еще три пьесы, которыя стоятъ совершенно особнякомъ по своему содержанію и характеру. Это: «Честное убожество Ренода, древняго кавалера галлскаго во время государствованія Карла Великаго», «Сампсонъ», трагедія и «Наивящшая слава государя, чтобъ побѣждать самого себя», комедія.

Первая пьеса представляетъ исторію изъ жизни рыцарей, приближенныхъ къ Карлу. Императоръ разгнѣванъ на Ренода; тотъ въ изгнаніи терпитъ нужду вмѣстѣ съ женою, но по-прежнему, душой и тѣломъ, преданъ своему владыкѣ; онъ тайно принимаетъ участіе въ войнѣ съ маврами, совершаетъ блестящіе подвиги, является покровителемъ одной добродѣтельной четы влюбленныхъ язычниковъ и, въ концѣ концовъ,

принимаетъ отъ смягченнаго владыки прощеніе и награду за свою доблесть и добродѣтель. Пьеса эта была, вѣроятно, обставлена очень роскошно, такъ какъ дѣйствіе въ ней переносится то во дворецъ Карла, гдѣ императоръ сидитъ, окруженный блестящей свитой рыцарей, то въ замокъ Ренода, то въ лѣсъ, гдѣ на сценѣ представленъ бой съ маврами, то въ придворную залу, гдѣ происходитъ торжественный пріемъ Карломъ короля Марокканскаго, взятаго въ плѣнъ Ренодомъ.

Содержаніе второй пьесы, трагедіи «Самсонъ» взято съ подробностями изъ Библіи; при чемъ на сценѣ представленъ и бой героя съ львомъ, и (въ томъ же дѣйствіи) появленіе меда въ черепѣ убитаго льва, избіеніе филистимлянъ ослиной костью, разрушеніе Самсономъ башни, сожженіе хлѣба, и, наконецъ, разрушеніе Самсономъ храма съ филистимлянами.

Послѣдняя пьеса, «Наивящшая слава государю, чтобы побѣждать себя», представляетъ соединеніе уже извѣстныхъ намъ итальянскихъ пьесъ съ Арлекиномъ, Панталономъ и Коломбиной—съ новымъ сюжетомъ. Принцъ Салернскій влюбился въ придворную даму донну Віоланту, которая любитъ дона Карлоса и любима имъ; принцъ, узнавъ о любви своего друга, отступается отъ донны Віоланты. Параллельно съ этимъ главнымъ дѣйствіемъ идутъ обычныя курьезныя сцены между нашими старыми знакомцами, Арлекиномъ и Панталономъ.

Пьесы 1735 года значительно отличаются по своему характеру отъ пьесъ 1733 и 34 г.г. Во-первыхъ, мы видимъ совсѣмъ новые необычные сюжеты, взятые или изъ рыцарскихъ романовъ («Убожество Ренода»), или изъ Библіи («Самсонъ»), или въ пьесы стараго пошиба («арлекинады» и «панталонады») внесенъ новый посторонній романическій сюжетъ. Интересно также совершенное исчезновеніе Смеральдины и появленіе Коломбины. Не говорятъ-ли намъ эти особенности о томъ, что итальянская труппа, въ 1733—34 годахъ поставившая столько пьесъ вполнѣ опредѣленнаго репертура, была или смѣнена другой съ инымъ репертуаромъ, или во главѣ этой трушы стало иное лицо съ другими вкусами и требованіями. Вѣроятно, оба предположенія имѣютъ кое-что за себя, такъ какъ извѣстно, что знаменитый Арайя, капельмейстеръ и композиторъ, явился къ намъ съ своей труппой именно въ 1735 году; можетъ быть, кое-кто изъ старой трушы вошелъ въ составъ новой, можетъ быть, и обѣ трушы слились вмѣстѣ—на это, впрочемъ, фактическихъ указаній мы не нашли.

В. В. Сиповскій.

Предложеніе воздвигнуть памятникъ императору Александру I.

Представленіе сенатора Дмитрія Ланскаго—Правительствующему Сенату.

4-го декабря 1825 г.

Душевная скорбь отъ неожиданной смерти обожаемаго императора Александра Павловича, погрузившая всѣхъ вѣрноподданныхъ россіянъ въ уныніе, возбудила во мнѣ благонамѣренную мысль, которую поставляю священнѣйшимъ долгомъ представить на уваженіе общему собранію Правительствующаго Сената.

Въ ознаменованіе сердечныхъ чувствъ вѣчной признательности нашей къ великимъ дѣяніямъ монарха, увѣнчаннаго безсмертною славою, изображенія которой я не дерзаю коснуться, потому что перо мое не можетъ достойно выразить всего величія оной, и потому не токмо Россіи, но и всему свѣту она извѣстна, приведу на память одинъ смутный 1812 годъ, въ который премудрымъ распоряженіемъ и твердостью духа избавилъ онъ отъ гибели любезнѣйшее отечество наше, приличною для каждаго вѣрноподданнаго обязанностью считаю воздвигнуть народный памятникъ, изображающій августѣйшій видъ и достопамятное 25-тилѣтнее царствованіе его съ нижеслѣдующею надписью:

Александру Благословенному,
Россійскій народъ.

Ежели Правительствующій Сенатъ одобритъ мысль мою, то не разсудитъ ли войти съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, испрашивающимъ соизволенія его императорскаго величества, какъ на приведеніе въ исполненіе усерднаго желанія нашего, такъ и на воззваніе ко всѣмъ состояніямъ народа о добровольномъ участвованіи въ сооруженіи знаменитаго памятника сего.

Сенатомъ сіе представленіе принято съ восторгомъ, только надпись перемѣнена на слѣдующую:

Александру Первому
Россія.

Павелъ Степановичъ Щепкинъ [1]).

Выдержки изъ его писемъ 1814 г.

Письма, выдержки изъ которыхъ помѣщаются ниже, принадлежатъ дѣду моему профессору Московскаго университета Павлу Степановичу Щепкину и относятся къ 1814 году. Въ то время онъ былъ молодымъ кандидатомъ Московскаго университета, въ которомъ въ концѣ 1811 г. окончилъ курсъ.

Въ письмахъ его мы находимъ то же патріотическое возбужденіе и возвышенность чувствъ, ту же ненависть къ Наполеону и преклоненіе передъ императоромъ Александромъ, которыя были вызваны въ русскомъ обществѣ отечественной войной 1812 г. и послѣдовавшими за ней событіями. Письма писаны Щепкинымъ къ матери въ Москву изъ Орловской губерніи.

Д. Щепкинъ.

---

[1]) Профессоръ П. С. Щепкинъ родился въ Москвѣ 4-го ноября 1793 г., по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, защитилъ въ 1815 г. диссертацію на степень магистра физико-математическихъ наукъ. Въ 1817 г. былъ приглашенъ въ Московскій университетъ для преподаванія чистой математики, каѳедру которой занималъ до конца 1833 г. Съ 1835 г. до кончины, послѣдовавшей 15-го іюля 1836 г., былъ цензоромъ. За время своей службы въ университетѣ находился также секретаремъ совѣта, инспекторомъ студентовъ, деканомъ отдѣленія, членомъ училищнаго совѣта. Въ 1811 г. Щепкинъ былъ однимъ изъ учредителей основаннаго Муравьевымъ перваго въ Россіи математическаго общества.

Въ свое время П. С. Щепкинъ принадлежалъ къ выдающимся силамъ Московскаго университета, въ которомъ, по свидѣтельству современниковъ, пользовался глубокимъ уваженіемъ со стороны студентовъ.

Не лишенныя интереса для Московскаго университета конца 20-хъ годовъ письма П. С. Щепкина напечатаны въ № 6-мъ „Русскаго Архива“, за прошлый годъ.

1.

11-го марта 1814 года.

Отъ васъ съ 20-го февраля не получалъ я ни строчки, но не виню васъ и не смѣю негодовать, долго самъ молчавши. Послѣднее письмо ваше получено вмѣстѣ съ письмомъ братца Петра Степановича [1]) отъ 3-го числа февраля. Къ нему едва-ли уже буду писать, потому что онъ не надѣялся съ своимъ штатомъ прожить въ Нижнемъ долѣе февраля. Можетъ быть онъ уже и въ самой Москвѣ. Сенатъ, слышно, уже въ Москвѣ. Гдѣ же онъ помѣщается? О если бы сіи вновь возвращающіеся не причинили стѣсненія жителямъ! Видно, что уже совсѣмъ нѣтъ намѣренія отнять часть пышности у Москвы въ пользу другихъ городовъ, какъ прежде поговаривали о раздѣленіи Сената.

Желательно, чтобы великолѣпіе и многолюдство возвратилось на нашу родину, но для общественнаго блага кажется выгоднѣе, чтобы въ ней менѣе гнѣздилось тунеядцевъ, расточителей, трудами собраннаго, имѣнія и жертвующихъ роковой семеркѣ всѣмъ годовымъ доходомъ, собраннымъ какимъ-нибудь бурмистромъ съ изнуренныхъ поселянъ.

Намъ двѣ почты не доставили никакихъ извѣстій военныхъ. Послѣ блистательнаго успѣха подъ Бріенною со дня на день ждемъ вступленія побѣдоносныхъ союзниковъ въ Парижъ—сей вертепъ разбойниковъ, гнѣздо разврата, распространяющагося по землѣ. По смѣлымъ выраженіямъ прокламацій и приказовъ можно думать, что цѣль дѣйствій союзниковъ во Франціи есть совершенное низверженіе тирана-Бонапарта.

Путешествія особъ бывшаго короля французовъ убѣждаютъ въ этомъ. Одна лишь связь злодѣя съ дворомъ австрійскимъ съ непріятнымъ заключеніемъ вертится у всѣхъ въ головѣ.

2.

25-го марта 1814 г.

Поздравляю васъ съ наступившимъ великимъ праздникомъ Воскресенія Христова. Желаю душевно, чтобы здоровье, спокойствіе, веселіе и благополучіе ознаменовали его. Еще какъ пострадавшимъ жителямъ Москвы желаю да воскресшимъ Богомъ расточатся враги Россіи, да погибнутъ буйные возмутители всего свѣта французы со своимъ безчеловѣчнымъ предводителемъ отъ лица Божія, а кроткіе и довѣрчивые россіяне да возвеселятся съ своимъ добрымъ миролюбивымъ царемъ.

---

[1]) Петръ Степановичъ Щепкинъ (1786 † 1866 г.) былъ секретаремъ межевой канцеляріи, съ дѣлами которой предъ вступленіемъ въ Москву Наполеона выѣхалъ въ Нижній-Новгородъ. Д. Щ.

Можетъ быть, въ Москвѣ вы торжествуете совершенное сокрушеніе враговъ, можетъ быть, вамъ уже извѣстно, что и гнѣздилище нечестивыхъ, распространяющее развратъ по Европѣ, гордая столица, возвышающагося до небесъ, тирана, убѣжище лютаго Бонапарта—Парижъ палъ передъ побѣдоносными защитниками свободы народовъ и царемъ, преклонивъ посрамленную выю свою передъ любимымъ нами царемъ нашимъ.

До насъ уединенныхъ едва только дошелъ отголосокъ сихъ пріятнѣйшихъ слуховъ московскихъ, которые еще не подтверждены.

Ни мало не сомнѣваемся, чтобы русскіе не отплатили уже по своимъ правиламъ чести визита, сдѣланнаго Москвѣ французами. Но жаль, если Москва въ пресвѣтлый праздникъ не можетъ смѣло торжествовать воскресеніе людей изъ мирской неволи. Сенатъ, сказываютъ, разбирается и откроется на праздникѣ. Собирайтесь, жители Москвы, нужные для общественной пользы! и оставьте ее тунеядцы, обременяющіе другихъ своею роскошью!

12-го марта скончался (императоръ Павелъ I) и 13 годъ царствованія надъ нами кроткаго Александра I. При владѣніи подобнаго сему добраго императора можно было лишь почувствовать быстроту времени. Царствованіе его несчастливо, но оно еще начинается; въ несчастіяхъ, въ горестяхъ, человѣкъ болѣе образуется. Такъ и Александръ нашъ, прогоняя бурныя тучи, носившіяся надъ Россіей, и отвращая громы, которыми онѣ угрожали, опытностью, сказываютъ, пріобрѣлъ отличныя свѣдѣнія въ военномъ дѣлѣ; вѣроятно, онъ не забылъ обратить вниманіе и на внутреннее учрежденіе государствъ, имъ посѣщаемыхъ.

Господи Боже силъ и щедротъ! благодаримъ Тебя за отеческія попеченія о насъ нашего государя; возврати его въ нѣдра своего отечества, да защитивши его отъ наружныхъ враговъ, сокрушитъ и внутреннихъ, возмущающихъ спокойствіе жителей. Обрати взоръ его на упадающее правосудіе, на вкоренившееся развращеніе нравовъ отъ приверженности неограниченной и слѣпой къ обыкновеніямъ чужестраннымъ.

3.

27-го апрѣля 1814 года.

25-го апрѣля получилъ я съ радостью письмо ваше отъ 21-го апрѣля. Я не ошибся, что Москва съ восхищеніемъ должна торжествовать покореніе Парижа. Вы сами это подтверждаете. Ждемъ съ нетерпѣніемъ описанія сихъ праздниковъ, такъ долго приготовлявшихся. Искусство графа Ѳед. Вас. Ростопчина въ полной мѣрѣ, думаю, отличилось. Да и когда веселѣе праздновать, какъ не нынѣ? Гдѣ долѣе, какъ не въ Москвѣ? Ахъ! если бы поскорѣе послѣдовало новое торжество объ истребленіи зло-

дѣя съ лица земли, что конечно и должно случится. Каждая почта теперь крайне интересна. Какія онъ беретъ теперь (мѣры для)спасенія себя? Гдѣ Луиза? Бѣдняжечка! изъ политики сдѣлалась она императрицей; теперь изъ политики же она должна умереть; а то могутъ еще выйти неудовольствія, раздоръ съ австрійскимъ императоромъ. Безъ сомнѣнія, онъ могъ надѣяться, что дочь послѣ Бонапарта останется владычицей Франціи, а теперь перевѣсъ на сторонѣ англичанъ, которые богатое получатъ вознагражденіе за прокормленіе бурбоновъ, паки возведенныхъ на тронъ сенатомъ. Въ свѣтѣ, думаю, никто такъ не веселится, какъ англичане; если бы обладаемый ими океанъ былъ не изъ воды, а изъ вина, они бы вѣрно весь его осушили. Большихъ усилій имъ стоило поддерживать собственную войну, помогать союзникамъ и терпѣть подрывъ въ торговлѣ, но съ возстановленіемъ Людовика все къ нимъ возвратится сторицею; Франція и Англія войдутъ въ такую тѣсную связь, въ какой никогда издревле не бывали. Только не обратилась бы эта связь ко вреду нашему. Какъ-то помирятъ ихъ съ австрійцами? Однако же, судя по скорому и смѣлому возведенію на тронъ Людовика, надобно думать, что опасности со стороны этихъ нѣмцевъ не предвидится. Боже сохрани, если Бонапартъ найдетъ у нихъ себѣ пристанище.

Въ Орлѣ у насъ сказываютъ, ужъ было празднество по случаю занятія Парижа.

Вы знаете, что тамъ живетъ графъ С. М. Каменскій [1]) и живетъ такъ, что,—говорятъ,—не онъ въ городѣ, а городъ у него. Деревянный домъ его въ нѣсколькихъ кварталахъ о множествѣ флигеляхъ, стройка продолжается безпрестанно. Живетъ онъ открыто, какъ прилично первому въ Орлѣ вельможѣ-богачу. Каждый день у него столъ на 60 особъ, хотя вы сами можете судить, что въ семъ городѣ невозможно ежедневно имѣть столько посѣтителей; развѣ приказныхъ? Въ вечеру комнаты освѣщены 400 свѣчами, разумѣется, восковыми, несмотря на то, что иногда онъ одинъ дома. Въ 6 час. утра онъ уже въ генеральскихъ почестяхъ ѣдетъ къ матушкѣ пить чай, гдѣ сидитъ до 8 час., потомъ до 10 ѣздитъ по горожанамъ, послѣ принимаетъ гостей, въ часъ обѣдаетъ (это лишь по-русски), послѣ обѣда до 6 час. не кажется, а потомъ снова появляется къ съѣзжающимся. Вотъ какъ онъ тратитъ жизнь и деньги, которыя расположился со всѣмъ имѣніемъ спустить съ рукъ, оставляя дочерямъ до 1.000 душъ изъ множества полученныхъ имъ.

И такъ, сей блистательный графъ, полуинвалидъ, какъ самъ назвалъ себя въ письмѣ къ издателю «Инвалида», не упускаетъ случая торже-

---

[1]) Графъ Сер. Мих. Каменскій, сынъ знаменитаго фельдмаршала.

ствовать успѣха русскаго воинства, нѣкогда славно имъ предводительствуемаго (?)[1]).

4.

13-го мая 1814 г.

Получилъ письмо ваше отъ 5-го мая. За доставленіе ко мнѣ словъ Августина [2]) красноглаголиваго очень благодарю, вы предупредили просьбы мои. Я доселѣ восхищаюсь ими, потому что они содержатъ въ себѣ истинныя чувства каждаго россіянина.

2-го мая получили извѣстіе, что Бонапартъ въ плѣну, отрекся отъ короны, ссылается на островъ Эльбу со всѣмъ семействомъ. Слава Богу Паде Тиранъ!

О если бы мы смѣло по внутреннему согласію всей Европы могли нашего кроткаго благодѣтельнаго Александра назвать великимъ! Умолкли наконецъ громы брани, прекратились кровопролитія, миръ и тишина водворились въ Европѣ—блаженство, доставленное ей ангеломъ-Александромъ. По послѣднимъ извѣстіямъ узнали мы, что уже Бонапартъ страдаетъ какою-то черною немощью, купается въ ваннахъ, а иные говорятъ, что уже и въ умѣ помѣшался, послѣднее давно уже справедливо. О сихъ болѣзняхъ разглашаютъ, можетъ быть, для того, чтобы смертію не поразить другихъ; отъ такой нечаянной радости многіе могутъ лишиться собственной жизни. Итакъ должно приготовить всѣхъ къ перенесенію восторга отъ его кончины; чрезмѣрное восхищеніе очень вредно.

5.

27-го мая 1814 г.

Въ послѣднюю пятницу, получилъ письмо ваше отъ 19-го числа. О праздникѣ дворянства у Полторацкаго сказали вы нѣсколько словъ. Жду съ нетерпѣніемъ подробнаго описанія. Есть чему порадоваться. Когда теперь такъ веселятся, что же будетъ, когда ангелъ-хранитель, нашъ добрый Александръ посѣтитъ Москву? Что воздадутъ ему о всѣхъ, яже воздаде намъ? Готово сердце наше, царю кроткій, готово сердце наше. Спасителя вселенной нельзя возблагодарить наружно. Но скоро ль-то онъ, голубица Ноева, съ миртовой вѣтвью возвратится къ сынамъ сво-

[1]) О гр. Каменскомъ смотри также „Русск. Стар.“1899 г. статья Н. Дубровина „Русская жизнь“ въ началѣ XIX столѣтія.

[2]) Августинъ (А. В. Виноградскій), московскій архіепископъ. Былъ блестящимъ ораторомъ, писалъ также стихи на латинскомъ языкѣ (Род. 1776 † 1819 г.). Д. Щ.

имъ. Если будетъ на коронаціи французскаго короля, то французы не замедлятъ его изъ учтивости. Ежели нѣтъ, то самъ императоръ поспѣшитъ. Слухъ носится, что онъ прямо поѣдетъ въ Кіевъ для благочестивыхъ своихъ намѣреній, а оттуда въ Москву, и слѣдовательно не минетъ Орла и Мценска, гдѣ попадетъ и намъ на-глаза жадные, а въ Москвѣ, можетъ быть, и опоздаю я его видѣть, какъ ни жаль того будетъ, ибо не надѣюсь оставить Тельчи [1]) ранѣе августа мѣсяца.

6.

1-го іюля 1814 г.

Какъ дождь, послѣ сильной, долговременной засухи, изнурившей поля, оживляетъ растенія, такъ письмо ваше, послѣ нестерпимаго вашего молчанія, возвращаетъ спокойствіе душѣ моей.

Такъ у васъ въ Москвѣ возвѣщенъ уже миръ Европы. Слава въ вышнихъ Богу! Паки торжество. Да не переживемъ мы сего согласія народовъ, да продолжится оно во многіе вѣки и не будетъ возмущено новымъ безчеловѣчнымъ, властолюбивымъ Бонапартомъ.

О церковномъ празднествѣ слышалъ я отъ самовидца. Сказываютъ, что новыхъ веселій не будетъ; они истощены въ торжествѣ о взятіи Парижа. Но вѣрно ли? Ужель москвитяне изобрѣтательные—ужель не найдутся, какъ ознаменовать свое восхищеніе со всѣмъ человѣчествомъ? Я къ сожалѣнію не увижу, но по крайней мѣрѣ надѣюсь услышать отъ васъ о весельяхъ московскихъ по сему важному восхитительному случаю. Пожалуйста доставьте мнѣ удовольствіе сорадоваться воображеніемъ одинаково съ вами. У насъ все тихо, все спокойно, какъ будто не было жатвы человѣчества и не остановлены потоки крови.

Можетъ быть, нынѣ начинается благословенное лѣто царствованія Александра Благословеннаго (титло, данное императору петербуржанами).

Наши очень надѣются на вымаливаемое изобиліе плодовъ земныхъ. Все утверждаетъ въ этой надеждѣ.

---

[1]) Имѣніе, гдѣ жилъ тогда П. С. Щепкинъ. Д. Щ.

Купчая на людей въ 1839 году [1].

Лѣта тысяча восемьсотъ въ тридесятъ девятое мая 1-го дня, мценская помѣщица Варвара Петрова дочь Тургенева продала мценской же помѣщицѣ прапорщицѣ Авдотьи Ивановой дочери Юрасовской крѣпостную мою дворовую дѣвку изъ села Спасскаго Лутовинова тожъ Акулину Егорову, которая у меня въ дѣвичьей состояла при пяльцахъ, на коихъ шила по тамбуру, отъ роду ей семъ на десятъ лѣтъ (17 л.). А продала я, мценская помѣщица Варвара Петрова дочь, оную дѣвку, вмѣстѣ съ ея приблудною новорожденною дочерью отъ роду, коей нѣсколько дней, сего числа безповоротно. А взяла я за оную мою крѣпостную пяличницу по тамбуру и за ея приблудную дѣвкину дочь деньгами десять рублевъ ассигнаціей. А та моя дѣвка Акулина и ея приблудная дочь опричь ее, прапорщицы Юрасовой, никому не продана и не заложена и ни въ какихъ крѣпостехъ ни у кого ни въ чемъ не написана и не укрѣплена и въ приданыхъ ни за кѣмъ не отдана. А буде кто у нея, прапорщицы Юрасовской, или у мужа ея, или у дѣтей въ тое дѣвицу и ея приблудную дочь станетъ вступаться по какимъ-нибудь крѣпостямъ или по чему ни есть, и мнѣ, Варварѣ Тургеневой, и дѣтямъ моимъ ее Авдотью Юрасовскую и дѣтей ее ото всякихъ крѣпостей очищать и убытка ни до каково ни довесть. А что ей, прапорщицѣ Юрасовкой, и дѣтямъ ея отъ кого ни есть моимъ неочищеньемъ учинятца какіе убытки, и ей, Юрасовской, и дѣтямъ взять на мнѣ, Тургеневой, и на дѣтяхъ моихъ тѣ свои данныя десять рублевъ и убытки всѣ сполна. У сего мценская помѣщица Варвара Петрова дочь Тургенева руку приложила. У сего прапорщица Авдотья Ивановна Юрасовская руку приложила въ томъ, что деньги уплатила, а также вышепрописанную дѣвку и ея дѣвкину дочь получила. При семъ сви-

[1]) Изъ фамильнаго архива дворянъ Юрасовыхъ.

дѣтелями были, въ чемъ и руки приложили: помѣщикъ Николай Николаевичъ Тургеневъ, помѣщикъ прапорщикъ Алексѣй Денисовичъ Юрасовскій, лейтенантъ Анатолій Николаевичъ Адабашъ былъ и свою руку приложилъ [1]).

Сообщ. князь А. Л. Голицынъ.

---

[1]) Поименованная въ сей купчей дѣвка Акулина Егорова продана была извѣстною въ Орловской губерніи своимъ жестокимъ обращеніемъ съ крѣпостными В. П. Тургеневой (матерью И. С. Тургенева) за то лишь, что эта самая дѣвка осмѣлилась „произвести на свѣтъ“. По наведеннымъ нами справкамъ, В. П., когда ей доложили о случаѣ съ „пяличницей Акулькой“, пришла въ страшный гнѣвъ, приказала выгнать ее немедленно изъ дома и объявила, что послѣ этого никогда видѣть ее не желаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было послано къ помѣщикамъ Юрасовскимъ, о которыхъ говорили, что они „скупаютъ людей“, которыхъ увозятъ въ какія-то „теплыя страны“, увѣдомленіе, что у Тургеневой въ Лутовиновѣ за безцѣнокъ продается 17-ти лѣтъ крѣпостная дѣвка. А. И. Юрасовская явилась съ мужемъ и купила дѣйствительно за безцѣнокъ—всего лишь за „десятъ рублевъ“, да еще и ассигнаціей. Акулина, какъ говорятъ, оказалась чудной женщиной, она не вышла замужъ до смерти, а жизнь свою посвятила ухаживанію за своею барыней Юрасовской, которая также не могла нарадоваться на свою покупку, что̀ показываетъ намъ и духовная Ав. Ив. Юрасовской, гдѣ Акулинѣ назначено денежное вознагражденіе. Какая постигла участь „приблудную дочь“ Акулины—намъ не извѣстно.

Состояніе царства Польскаго въ 1861 и 1862 гг.[1]

Донесенія генералъ-адъютанта Лидерса военному министру.

Съ 31-го января (12-го февраля) по 7-е (19-е) февраля 1862 года.

Спокойствіе въ краѣ продолжается по-прежнему и при тѣхъ же самыхъ условіяхъ. Случаи нарушенія порядка маловажны; но въ каждомъ изъ нихъ выражается чувство неуваженія къ законной власти, за исключеніемъ сельскаго сословія, которое вѣритъ правительству и не поддается внушеніямъ безразсудныхъ агитаторовъ. Гнѣздо безпорядковъ засѣло въ городахъ, которые смотрятъ на Варшаву и оттуда получаютъ свои лозунги.

Въ настоящее время, взоры всѣхъ обращены къ особѣ новаго архіепископа: каждый шагъ, каждое слово его подвергается пересудамъ. Но не столько открытіе костеловъ, въ которомъ никто не сомнѣвался, сколько разрѣшеніе вопроса, пѣть или не пѣть демонстративные гимны въ костелахъ волновало умы. Ожидали пастырскаго посланія; но архіепископъ безъ посланія и даже безъ предварительнаго въ газетахъ объявленія открылъ костелы и рѣшилъ вопросъ отрицательно, запретивъ пѣть гимны, не дозволенные ни церковью, ни правительствомъ.

Фелинскій, до открытія еще костеловъ, принимая духовенство и напоминая ему о необходимости усерднѣе заниматься преподаваніемъ закона Божія въ семинаріи и академіи, внушилъ ксендзамъ, чтобы удерживали народъ отъ всякихъ манифестацій. Въ четвергъ 1-го (13-го) февраля онъ отслужилъ самъ обѣдню въ каеедральномъ соборѣ св. Яна,

[1]) См. «Русск. Стар.» мартъ 1900 г.

а суфраганъ его, Платеръ,—въ костелѣ Бернардиновъ. Обѣднѣ предшествовала церемонія примиренія (reconaliatia) или освященіе костеловъ, въ присутствіи немногочисленной публики средняго и низшаго сословія.

Въ проповѣди своей о значеніи молитвы, сказавъ, что никакая власть не можетъ воспретить молиться за счастіе, за благо отечества, просилъ, заклиналъ не пѣть пѣсней, не дозволенныхъ церковью, тѣмъ болѣе, что самъ монархъ этого требуетъ, а монархъ милостивъ и готовъ удовлетворить потребностямъ края; иначе пѣніе этихъ пѣсней было бы дѣйствіемъ бунта. «Вѣрьте мнѣ, и кто вѣруетъ, пусть преклонитъ колѣна, и я его благословлю». Публика, но не вся, преклонила колѣна.

Затѣмъ, всѣ костелы были отперты, и три дня продолжались въ нихъ 40-ка часовыя молебствія. Въ воскресенье, 4-го (16-го) февраля, архіепископъ имѣлъ торжественный входъ (ingress) въ каѳедральный костелъ, самъ священствовалъ и произнесъ проповѣдь на текстъ: «добрый пастырь положитъ душу свою за овцы», въ которой говорилъ о мученичествѣ и жертвѣ, какъ двухъ орудіяхъ церкви, чѣмъ, кажется, и угодилъ своимъ слушателямъ. На этотъ разъ стеченіе народа было такъ велико, что богомольцы должны были толпиться внѣ костела. Одновременно происходила служба по всѣмъ прочимъ костеламъ, при соблюденіи совершеннаго порядка. Съ этого дня можно считать возстановленіе въ костелахъ богослуженія; въ слѣдующій, начались заказы панихидъ, столь щедро оплачиваемые въ пользу духовнаго клира. Во вторникъ, самъ архіепископъ отслужилъ, по принятому обряду, панихиду за Фіалковскаго и всѣхъ предшественниковъ его на варшавской архикаѳедрѣ.

Общее впечатлѣніе, произведенное на публику личностію Фелинскаго, было бы совершенно удовлетворительно, еслибъ краковскіе публицисты и здѣшніе ихъ тайные агенты не старались ослабить его своими нелѣпыми толками. Имъ нравится, что архіепископъ освятилъ костелы, значитъ, они были осквернены; но запрещеніе пѣнія, какъ уступка, сдѣланная правительству, шевелитъ ихъ желчь, готовую къ новымъ изверженіямъ: имъ хочется, чтобы новый архипастырь былъ или Прилуцскимъ или Вержхлейскимъ. Но это вопросъ времени.

О Бялобржескомъ лучше всего выразился одинъ изъ польскихъ органовъ прессы («Dzien. Pozn.»), сознавшись, что онъ не умѣлъ удержаться на высотѣ мученика и что впрочемъ безусловной обязанности мученичества на свѣтѣ нѣтъ.

Закрытіе еврейскихъ синагогъ, въ одно время съ костелами, было манифестаціею со стороны евреевъ, въ пользу польскаго возмущенія. Поляки, нуждаясь въ евреяхъ, протянули имъ братскую руку: они доселѣ отверженные, презираемые, ухватились за нее, чтобы воспользоваться правами братства и выйти изъ своего исключительнаго положенія. Упрекать ихъ въ безразсудномъ патріотизмѣ было бы несправедливо;

но это самое оподозрѣваетъ ихъ преданность правительству и отягчаетъ вину, ибо не оправдываетъ ея никакимъ благороднымъ побужденіемъ. Они были вѣрны по неволѣ, и при первомъ удобномъ случаѣ, когда поляки польстили ихъ видами равноправности, измѣнили правительству. Случай этотъ представлялся имъ нѣсколько разъ, и каждый разъ они имъ пользовались, съ тою только разницею, что одни реформисты съ Данилевической улицы и Налевокъ были коноводами, а другіе всѣ старовѣрцы,—послушнымъ орудіемъ. Появленіе духовенства ихъ, съ эмблематическими знаками, на похоронахъ Фіалковскаго, было одною изъ послѣднихъ манифестацій ихъ противъ законнаго порядка.

Послѣ объявленія военнаго положенія, ничто кромѣ желанія выказать свое братство съ поляками не побуждало ихъ къ закрытію двухъ главныхъ синагогъ, ибо опасенія, чтобы въ нихъ не произошло пѣнія гимновъ, не имѣло никакого основанія. Однакожъ, они заперли синагоги, несмотря на запрещеніе, объявленное со стороны полиціи, и дали только знать о томъ оберъ-полиціймейстеру, съ свойственною имъ изворотливостію, чтобы сказать потомъ что-нибудь въ свое оправданіе. Съ этою же цѣлью, затворены были у синагогъ главныя двери, а боковыя отперты, такъ что синагоги въ одно время были и заперты и нѣтъ.

Главными виновниками въ дѣлѣ закрытія синагогъ оказались раввинъ варшавскаго округа Майзельсъ и проповѣдники Ястровъ и Крамштыкъ. Первый изъ нихъ, по званію своему, увлекъ еврейское населеніе въ общее движеніе безпорядковъ и посредствомъ письменныхъ отзывовъ къ духовенству (о чемъ было упомянуто въ одномъ изъ прежнихъ обзоровъ) содѣйствовалъ къ развитію этого движенія. Дальнѣйшее пребываніе его въ Варшавѣ не должно быть допущено, и потому онъ, какъ австрійскій подданный, высланъ за границу, съ воспрещеніемъ возврата. Ястровъ и Крамштыкъ проповѣдями своими стремились возбудить ненависть къ правительству и по дѣлу закрытія синагогъ оказались даже виновнѣе самого раввина Майзельса, вслѣдствіе чего первый изъ нихъ, какъ прусскій подданный, высланъ за границу, съ воспрещеніемъ возврата, а Крамштыка велѣно выдержать годъ въ Бобруйскѣ и потомъ сослать на жительство въ дальнюю губернію имперіи. Предсѣдатель же божничьяго дозора Файнкиндъ, какъ менѣе виновный во всемъ этомъ дѣлѣ, по освобожденіи взятъ подъ полицейскій надзоръ.

По поводу открытія базиліанской церкви, въ декабрѣ мѣсяцѣ 2-го (14-го) числа, какъ о томъ было въ свое время упомянуто, купецъ Брулинскій, чиновникъ польскаго банка Грефковичъ, чиновникъ же коммиссіи финансовъ Езерскій и священникъ Боневскій подвергнуты были отвѣтственности за то, что осмѣлились заявить настоятелю церкви свое по этому случаю неудовольствіе и угрозами склоняли его запереть снова церковь. Первые двое, какъ виновнѣйшіе, посажены на мѣ-

сяцъ въ Новогеоргіевскую крѣпость, Езерскій взятъ подъ надзоръ, а Боневскаго велѣно выслать изъ Варшавы въ провинцію.

Въ г. Клодавѣ (Ленчицкаго уѣзда) совершена была мѣстнымъ пробощемъ процессія вокругъ костела, безъ предварительнаго о томъ увѣдомленія военнаго начальства, вслѣдствіе чего велѣно произвести надлежащее изслѣдованіе.

По случаю арестованія ксендза Слатвинскаго, обнаружилась неправильность въ дѣйствіяхъ полицейской власти, замѣченная и въ другихъ дѣйствіяхъ. Ксендзъ долженъ былъ находиться подъ надзоромъ мѣстной полиціи г. Ополя; но люблинскій гражданскій губернаторъ не далъ о томъ знать бурмистру, хотя былъ два раза предваренъ начальникомъ 3-го отдѣленія жандармскаго округа на счетъ увѣдомленія городскихъ и земскихъ полицій о лицахъ, отдаваемыхъ подъ надзоръ за политическія преступленія. Между тѣмъ ксендзъ, по распоряженію своего начальства, переведенъ былъ въ г. Луковъ. Жандармскій офицеръ узналъ о томъ отъ бурмистра тогда уже, когда пріѣхалъ въ г. Ополе арестовать ксендза, почему и возвратился безуспѣшно въ Люблинъ. Ксендза арестовали потомъ въ Луковѣ. Изъ другаго случая видно явное неповиновеніе полицейской власти. Въ г. Парженчевъ (Ленчицкаго уѣзда) прибылъ отъ военнаго начальства штабъ-офицеръ, для изслѣдованія взаимныхъ жалобъ бурмистра на жителей и жителей на бурмистра.

Когда онъ потребовалъ нѣсколько лицъ къ допросу, то бурмистръ отозвался, что не можетъ ихъ прислать, потому что они его не слушаютъ. Въ подкрѣпленіе власти бурмистра надо было послать одно отдѣленіе роты.

Таковы послѣдствія, замѣчаетъ одинъ изъ военныхъ начальниковъ, упадка полицейской власти, послѣдовавшаго во время минувшихъ смутъ.

Слѣдствіемъ того же смутнаго времени городское населеніе продолжаетъ сохранять свой оппозиціонный духъ.

Красноставскіе граждане сначала уклонялись отъ образованія городскаго совѣта, а теперь изъ числа 16 человѣкъ, избранныхъ въ члены, тринадцать подали въ отставку, такъ что главный директоръ внутреннихъ дѣлъ сомнѣвается, должно ли произвести новые выборы и нуженъ ли въ Красноставѣ городской совѣтъ. Между тѣмъ положено открыть совѣты въ г.г. Радомѣ и Сувалкахъ и учредить совѣтъ въ г. Грубешовѣ.

Изъ опубликованнаго 5-го (17-го) февраля списка 143-мъ лицамъ, подвергнувшимся разнымъ наказаніямъ послѣ объявленія военнаго положенія, видно, что всѣ эти лица, за исключеніемъ 29-ти ксендзовъ и 6-ти помѣщиковъ, принадлежатъ къ городскому населенію, въ которомъ

особую категорію составляетъ число 16-ть чиновниковъ и 18-ть студентовъ и учениковъ. По разрядамъ наказаній, одинъ, именно типографщикъ Мацѣевскій, присужденъ на 10 лѣтъ къ каторжной работѣ, 56 отданы въ военную службу, 24 (въ томъ числѣ 20 ксендзовъ) высланы на жительство въ Имперію, 7, какъ иностранцы, высланы за границу, 3 назначены въ арестантскія роты, а 52 (въ томъ числѣ 9 ксендзовъ) посажены подъ арестъ по крѣпостямъ, тюрьмамъ и гауптвахтамъ, на болѣе или менѣе продолжительное время. Въ отношеніи народностей, на долю евреевъ приходится 12 человѣкъ, на половину студентовъ.

Опубликованный списокъ этотъ можетъ послужить иностраннымъ публицистамъ указаніемъ для исправленія ихъ счета политическихъ преступниковъ, который они ведутъ тысячами.

Небольшое число помѣщиковъ, подвергшихся наказаніямъ по вышеозначенному списку, могло бы повести къ заключенію, что сословіе это очень мало участвовало въ безпорядкахъ смутнаго времени; но заключеніе было бы ошибочно. Цифра ихъ неуловима, или, вѣрнѣе сказать, они во всемъ и вездѣ участвовали гуртомъ, солидарно, исчезая въ свои помѣстья передъ развязкой накликанной ими грозы, ибо нѣтъ никакого сомнѣнія—и исторія заставитъ говорить факты,—что вся печальная драма прошлогодняя задумана была шляхтою и разыграна ею изъ-за кулисъ, посредствомъ подставленныхъ актеровъ. Теперь, послѣ неудачной развязки, одумается ли шляхта?—покажетъ время. Покамѣстъ, на плечахъ у нея очиншеваніе крестьянъ и новая, ею же самою затѣянная обуза просвѣтить этихъ крестьянъ школками, библіотечками, охронками и въ добавокъ раскинуть сѣть справочныхъ домовъ съ мнимою цѣлью усовершенствованія сельскаго хозяйства.

Образчикомъ настроенія помѣщиковъ противъ всего, что правительственное, или только русское, служитъ пріемъ, какой дѣлаютъ они топографамъ, производящимъ съемку царства: не только не пускаютъ къ себѣ въ домъ и заставляютъ ихъ работать по крестьянскимъ избамъ, но выдаютъ ихъ еще за шпіоновъ, подосланныхъ правительствомъ съ какою-то цѣлью по крестьянскому дѣлу.—Для устраненія подобныхъ толковъ, велѣно объявить въ газетахъ, что производимая по высочайшему повелѣнію съемка не имѣетъ ничего общаго съ крестьянскимъ дѣломъ.

Если крестьяне забрасываютъ начальство жалобами и доносами на помѣщиковъ, то это явленіе общее во всѣхъ участкахъ прежней Польши: въ Галиціи около 300 подобныхъ просьбъ было подано Львовскому сейму, во время его засѣданій («Dzien. «Pols.»). Теперь этихъ жалобъ и доносовъ поступаетъ меньше. Помѣщики, скомпрометтированные въ минувшихъ безпорядкахъ, стали обходиться мягче съ крестьянами и сдѣлались даже менѣе требовательны въ повинностяхъ.—Правда, что кре-

стьяне уклоняются отъ исполненія повинностей; за то и требованія помѣщиковъ непомѣрны; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ д. Моржичингъ (Калишскаго уѣзда) крестьяне оплачиваютъ до 10 руб. сер. съ морга, т. е. до 20 р. съ десятины. Между тѣмъ, если крестьянинъ въ чемъ ослушается, или при побояхъ окажетъ сопротивленіе, поступокъ его представляется въ видѣ бунта, и гражданское начальство часто наказываетъ его несправедливо. Оттуда вѣковая вражда между этихъ двухъ сословій.

Недавно одинъ помѣщикъ, онъ же и гминный войтъ д. Лесневицъ (Гостынскаго уѣзда) донесъ, что мельникъ грозитъ ему такою же участью, какая постигла помѣщика Клѣневскаго (убитаго крестьяниномъ, какъ о томъ было уже упомянуто). Военному начальнику велѣно войти въ сношеніе съ уѣзднымъ, для принятія соотвѣтственной мѣры.

Дѣло очиншеванія въ застоѣ: помѣщики ожидаютъ новаго закона.— Зато вопросъ народныхъ школъ, библіотекъ и охронокъ, по завѣренію польскихъ публицистовъ («Gaz. Pols.»), доведенъ до такой зрѣлости, что теперь уже нѣтъ почти мѣста, гдѣ бы помѣщичьи жены, дочери, офиціалисты не учили сельскихъ дѣтей. Хотя въ этихъ извѣстіяхъ пробивается и хвастливая сторона шляхты, однакожъ, по важности вопроса, обращено вниманіе главнаго директора народнаго просвѣщенія на ходъ этого дѣла, чтобы онъ привелъ въ извѣстность число импровизованныхъ школъ и подчинилъ ихъ контролю училищнаго начальства.

Успѣхъ справочныхъ домовъ здѣшнихъ возбудилъ соперничество въ галиційскихъ помѣщикахъ, не взирая на маловажность коммерческаго оборота: по отчетамъ трехъ домовъ Плоцкаго, Грубешовскаго и Калишскаго, весь дивидендъ ихъ въ совокупности не превышаетъ 18.000 руб. сер. Вся казистая ихъ сторона (какъ о томъ было замѣчаемо) заключается въ правѣ съѣзжаться на собранія, комитеты, выборы и т. п. Австрійское правительство подмѣтило эту сторону и запретило учредить подобное общество, подъ названіемъ «товарищества земледѣльцевъ» въ Ржешовѣ («Gaz. Warsz.»). Предвидя отказъ въ учрежденіи новыхъ товариществъ, проектируемыхъ въ Львовѣ и Новомъ-Сончѣ, помѣщики положили отказаться отъ притязаній на корпораціонныя формы и заводить коммандитные дома, подъ фирмою одного лица.

Нельзя не замѣтить, что всю вину неудачъ своихъ въ примиреніи съ крестьянами галиційскіе помѣщики взваливаютъ на святоюрцевъ. Все шло будто-бы какъ нельзя лучше; но лишь только святоюрцы «выѣхали съ своимъ раздѣломъ Галиціи на русскую и польскую» («Gaz. Warsz».), то крестьяне отказались отъ добровольныхъ сдѣлокъ, и все опять пошло въ проволочку. Но это лишь неловкій отводъ. Польскіе помѣщики не могутъ хладнокровно смотрѣть на усилія русиновъ выбиться изъ польскихъ оковъ и злятся, что русины, въ ожиданіи, пока

выработается ихъ языкъ, хотятъ лучше учиться въ школахъ по-нѣмецки, нежели по-польски. Не успѣвши нанести удара съ этой стороны, они бросились въ другую: обвинили перемышльскаго священника Наумовича въ стремленіи къ шизмѣ, къ единенію съ Россіею. Наумовичъ смѣло объявляетъ, что русская народность и восточный обрядъ, это два Сіамскіе близнеца и что онъ спокойно ждетъ обѣщаннаго митрополитомъ собора для высказанія всей истины на счетъ восточнаго обряда. Дѣло, какъ видно, принимаетъ большой размѣръ. Между тѣмъ, русины выселяются и даютъ балы во Львовѣ, а поляки печалятся и не ходятъ въ свой редутъ.

Смѣлѣе русиновъ поступаютъ нѣмцы съ поляками въ Познанской провинціи. Въ органѣ германскаго національферейна (Wochenschriff) проповѣдуется безъ обиняковъ эмиграція нѣмцевъ въ эту провинцію, какъ представляющую большія выгоды для колонистовъ, ибо шляхта и мужики тамъ всѣ въ долгахъ, а первую роль разыгрываютъ евреи. Это ужъ, по выраженію поляковъ, чисто крестовый походъ, напоминающій нашествіе кржижаковъ на прусскую землю, бывшую во владѣніи Польши.

Съ другой стороны, въ то же время страшное гоненіе на польскую публицистику. Редакторы познанскихъ и галиційскихъ журналовъ сидятъ въ тюрьмахъ или запутаны въ процессахъ за возбужденіе ненависти къ правительству и международной вражды. Сами поляки («Dzien. Posnanski») сознаются, что публицистика ихъ не произведетъ на европейскую политику никакого дѣйствія, и совѣтуютъ не считать больше ни на Наполеона III, ни на Гарибальди, а заняться собственными своими внутренними дѣлами; въ этомъ же духѣ отвѣчаютъ на возгласы Парижскаго комитета эмиграціи (отъ 12 янв.), который проситъ выходцевъ соединиться всѣмъ въ одно тѣло, на основаніяхъ демократическихъ.—Но это уже четвертое или пятое соединеніе на лонѣ эмиграціи, замѣчаетъ познанскій публицистъ.

Евреи, въ подражаніе полякамъ, раздѣляются между собою также на старшихъ и младшихъ братьевъ; и первые проповѣдуютъ просвѣщеніе, но въ вѣчномъ союзѣ съ религіею, т. е. хотятъ оставаться только польскими евреями, не больше: февральскаго братства какъ не бывало. Недавно, во время пожара въ конюшнѣ одного еврея въ г. Яновѣ (Пршаснышскаго уѣзда), поляки, подъ видомъ помощи, бросились съ топорами въ домъ, изрубили все въ куски и разграбили лавку. Въ другихъ мѣстахъ города, неоднократно былъ прежде того подкладываемъ огонь у еврейскихъ домовъ. Изслѣдованіе дѣла производится судебнымъ порядкомъ.

Въ училищахъ курсъ наукъ продолжается своимъ порядкомъ. Одинъ изъ старшихъ учителей реальной гимназіи Налепинскій исключенъ изъ

службы, съ лишеніемъ права содержать у себя воспитанниковъ, за то, что, будучи на похоронахъ Фіалковскаго съ своими учениками и видѣвши, какъ одинъ изъ нихъ шелъ съ революціоннымъ знаменемъ въ рукахъ, не хотѣлъ ни подъ какимъ видомъ называть этого ученика, одного изъ своихъ питомцевъ.

Въ Варшавѣ арестовано на улицахъ въ теченіе истекшей недѣли 154 человѣка, въ томъ числѣ 32 за неповиновеніе полиціи и другіе проступки, остальные же за неимѣніе фонарей. Изъ числа первой категоріи при одномъ студентѣ, медико-хирургической академіи Барткевичѣ, найдены разныя бумаги возмутительнаго содержанія, вслѣдствіе чего онъ отданъ въ цитадель, для допроса въ слѣдственной коммиссіи. Объ 11-ти ратушная коммиссія представила на усмотрѣніе генералъ-губернатора, 24-хъ наказала кратковременнымъ арестомъ, а безфонарныхъ освободила обычнымъ порядкомъ.

Представленія въ театрахъ продолжаются безостановочно, при томъ же демонстративномъ отсутствіи польской публики, не взирая на открытіе костеловъ. Если демонстрація будетъ продолжаться далѣе, то дефицитъ въ кассѣ конечно заставитъ правительство закрыть театръ, или преобразовать его на болѣе скромную ногу.

Въ варшавскихъ журналахъ помѣщаютъ разныя любопытныя извѣстія. Между прочимъ, перепечатанъ изъ русскихъ вѣдомостей бюджетъ имперіи; — поименованы фабриканты, посылающіе отсюда свои издѣлія на Лондонскую выставку, при чемъ совѣтуютъ послать здѣшнихъ челядниковъ, чтобы присмотрѣлись къ тамошней выставкѣ. Описанъ балъ, данный нашими офицерами прусскимъ, въ г. Млавѣ (23-го янв. с. г.) съ большимъ успѣхомъ. Упомянуто также о блистательномъ вечерѣ [3 (15) февр.], бывшемъ у генералъ-адъютанта Лидерса въ замкѣ.

Слухи носятся, что публика не ослабитъ демонстративнаго своего траура и не пойдетъ въ театръ, пока не минетъ годовщина похоронъ февральскихъ покойниковъ; что въ костелѣ св. Яна, когда служилъ архіепископъ, вся публика стала бы на колѣни, да полиція не позволила тѣмъ, что стояли позади; что «Стражница», «Стерникъ» и «Побудка» хотя и рѣже прежняго, а выходятъ; что русскіе ошиблись въ Фелинскомъ, и онъ скоро пастырскимъ своимъ посланіемъ позволитъ пѣть завѣтные гимны.

Съ 7-го (19-го) по 14-е (26-е) февраля 1862 г.

Въ настоящемъ обзорѣ можно повторить, что состояніе края, по наружности, спокойно; уличные безпорядки, при военномъ положеніи, рѣдки и почти невозможны, но общее настроеніе противъ существующаго

порядка все еще продолжается. Духъ непокорности проявляется въ особенности тамъ, куда военная сила проникнуть не можетъ, именно въ костелахъ. Въ Радомскомъ костелѣ Бернардиновъ началось было 4-го (16-го) числа пѣніе демонстративнаго гимна, но вскорѣ прекращено самою публикою, при чемъ виновныхъ, которые были большею частью женщины, не представилось возможности открыть. Въ Люблинскомъ Бернардинскомъ костелѣ, ксендзъ Януаріушъ 11-го (23-го) числа, сказалъ проповѣдь въ законопротивномъ духѣ и отданъ подъ слѣдствіе. Въ Радомѣ 4-го (16-го) числа, послѣ вѣнчанія одного фейерверкера съ тамошнею уроженкою, при выходѣ изъ церкви, мальчишки встрѣтили на улицѣ брачную чету кошачьимъ концертомъ. Два изъ нихъ пойманы и наказаны при полиціи. Тамъ же прилѣплены были въ разныхъ мѣстахъ плакарды съ приглашеніемъ публики на панихиду, которая будетъ отслужена въ костелахъ за упокой «пятерыхъ мучениковъ, падшихъ за вѣру въ февралѣ мѣсяцѣ прошедшаго года». Объ этомъ производится розысканіе.

Обычай служить торжественно панихиды по костеламъ въ такомъ здѣсь употребленіи, что столбцы газетъ ежедневно пополняются приглашеніемъ публики на подобныя панихиды, заказываемыя не безъ значительныхъ расходовъ: на одной минувшей недѣлѣ, послѣ открытія костеловъ, заказано ихъ было 23. Съ этою цѣлью, правилами военнаго положенія воспрещено было совершать панихиды въ память политическихъ преступниковъ или убитыхъ во время возмущеній и вообще въ память какихъ-либо историческихъ событій, воспоминаніе которыхъ влечетъ къ возбужденію народа противъ законной власти. За исполненіемъ этого правила особенно наблюдается въ извѣстные дни, подобные февральскимъ, которые внесены у поляковъ въ революціонный календарь. 13-е (25-е) число прошло въ Варшавѣ безъ всякихъ демонстративныхъ молебствій не столько, быть можетъ, отъ успокоительныхъ внушеній новаго архіепископа, сколько въ виду предупредительныхъ мѣръ полицейской власти.

Архіепископъ Фелинскій, послѣ своего ингресса, служилъ въ Бернардинскомъ костелѣ 10-го (22-го) числа, при чемъ сказалъ проповѣдь въ евангельскомъ духѣ; между тѣмъ, посѣщалъ богоугодныя заведенія, не исключая и еврейскаго пріюта, поощряя словомъ къ спокойствію и прося воздерживаться отъ всякаго преждевременнаго сужденія о его дѣйствіяхъ. Публика, однако, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ пастырскаго его посланія, тѣмъ болѣе, что оно предано уже гласности въ нѣкоторыхъ иностранныхъ журналахъ. Покамѣстъ, въ публикѣ выработывается мнѣніе о политической программѣ новаго архипастыря, вступившаго дѣйствительно на политическую почву своею проповѣдью при открытіи костеловъ. Правительство, съ своей стороны, заявило готовность содѣй-

ствовать ему на пути порядка, помиловавъ, по ходатайству его, нѣкоторыхъ ксендзовъ ввѣренной ему епархіи, замѣшанныхъ въ безпорядкахъ смутной эпохи. Оно утвердило равномѣрно въ должностяхъ всѣхъ лицъ, избранныхъ имъ для присутствованія въ консисторіяхъ и консисторскомъ судѣ варшавско-ловичской епархіи. Генеральнымъ офиціаломъ назначенъ ксендзъ каноникъ П. Ржевускій. Между тѣмъ, духовенство, въ виду циркуляра префекта римской конгрегаціи отъ 6-го (18-го) января, приглашающаго всѣхъ католическихъ епископовъ въ Римъ, къ Духову дню, на канонизацію 23-хъ мучениковъ, очень занято объявленіемъ «Moniteur'a», что французскимъ епископамъ не позволяется ѣхать на канонизацію иначе, какъ въ случаяхъ особенной важности,—ограниченіе, равное запрещенію.

По доносу крестьянъ деревни Стрыхи (Луковскаго уѣзда), на ксендзовъ города Мацѣевицъ, принадлежащаго графу Станиславу Замойскому (о чемъ упомянуто въ одномъ изъ прежнихъ обзоровъ), произведено было разслѣдованіе, изъ коего оказалось, что викарій тамошній ксендзъ Буржинскій дѣйствительно подстрекалъ крестьянъ къ возмущенію противъ правительства, для чего самъ развозилъ по деревнямъ революціонные знаки, говорилъ возмутительно въ проповѣдяхъ и употреблялъ даже во зло самую проповѣдь. За это ксендзъ Буржинскій высланъ на жительство въ Вологодскую губернію, а надъ прикосновеннымъ къ дѣлу пробощемъ Пашковскимъ велѣно учредить строгій надзоръ со стороны духовнаго начальства.

По этому же дѣлу, тамошній бургомистръ, онъ же и войтъ гминный, Зухмантовичъ, за неисполненіе своихъ обязанностей въ отношеніи начальства, переведенъ въ другое мѣсто, при чемъ принято правиломъ не позволять одному и тому же лицу исправлять должности бургомистра и войта, чтобы не ставить коронныхъ чиновниковъ въ зависимость и подъ вліяніе помѣщика.

Крестьяне деревни Рыдки (Пултускаго уѣзда) еще въ мартѣ мѣсяцѣ жаловались на помѣщика своего Кушковскаго, что онъ ихъ подговаривалъ къ возмущенію противъ правительства.

Но не помѣщикъ, а сынъ его оказался виновнымъ и скрылся, когда велѣно было его арестовать. Дѣло затихло. Теперь, тѣ же крестьяне жалуются на разныя притѣсненія со стороны помѣщика и просятъ защиты, вслѣдствіе чего велѣно разъяснить дѣло, а покамѣсть оградить крестьянъ отъ преслѣдованій.

За ложное обвиненіе крестьянъ имѣнія Тромбинъ (Линновскаго уѣзда), которые не дали администратору Абчинскому и другимъ помѣщикамъ пѣть запрещенные гимны въ тамошнемъ костелѣ (въ августѣ мѣсяцѣ), отчего произошла драка, а впослѣдствіи погибъ и ксендзъ, упрашивавшій народъ успокоиться, Абчинскій преданъ военному суду.

Въ видахъ улучшить свои отношенія къ крестьянамъ, помѣщики продолжаютъ дѣйствовать на перевоспитаніе новаго поколѣнія крестьянскаго сословія, и если бы исчислять всѣ школы, заведенныя ими при господскихъ дворахъ, гдѣ учатъ дѣтей сами помѣщики, жены ихъ, дочери, сыновья, гдѣ преподается даже польская исторія, какъ напримѣръ въ деревнѣ Бржезницѣ (Люблинской губерніи), то можно было бы подумать, что просвѣщеніе крестьянъ находится въ полномъ развитіи. Одна лишь повѣрка, произведенная училищнымъ начальствомъ, можетъ показать, въ какой степени всѣ эти попытки помѣщиковъ, разглашаемыя газетчиками, оправдываются на дѣлѣ,—а газетчики слѣдятъ за развитіемъ сельскихъ школъ, не только здѣсь, но и въ западныхъ губерніяхъ, называя мѣстности по-своему «Подлясьемъ, Волынскимъ, Полѣсьемъ» и т. п. на основаніи древняго административнаго дѣленія Польши, употребляемаго понынѣ истыми патріотами.

Чтобы заохотить мужиковъ къ чтенію, совѣтовали (о чемъ было въ свое время упомянуто) держать періодическія народныя изданія по корчмамъ, но теперь находятъ приличнѣе держать ихъ у грамотныхъ мужиковъ («Gaz. Pols.») и еще лучше заводить воскресныя чтенія при господскихъ дворахъ, подъ наблюденіемъ самихъ помѣщиковъ и ксендзовъ.

Очиншеваніе крестьянъ понемногу подвигается впередъ. Изъ отчета варшавскаго губернскаго комитета видно, что условія на вѣчное очиншеваніе заключены по 25 имѣніямъ, съ уступками и даже съ пожертвованіями со стороны помѣщиковъ.

Справочный домъ надвислянскихъ земледѣльцевъ (въ Люблинѣ) болѣе полутора мѣсяца не представляетъ своего отчета, такъ что акціонеры боятся за него и упрашиваютъ зажиточныхъ помѣщиковъ поддержать это полезное учрежденіе. По своему политическому направленію дома эти (какъ уже было замѣчено) встрѣчаютъ въ Галиціи неблагопріятный пріемъ со стороны правительства. Въ Познанской провинціи на нихъ смотрятъ также съ политической стороны, и на этомъ основаніи недавно приговорили семерыхъ членовъ дирекціи агрономическаго общества къ денежному штрафу за то, что она, вмѣшиваясь въ политику, не представила полиціи именнаго списка всѣмъ членамъ общества. Но съ другой стороны, представляется полная свобода Телмосу и другимъ въ его родѣ ассоціаціямъ развиваться и бороться съ гнѣзненскимъ нѣмецкимъ обществомъ, которое не скрываетъ своей антипатіи къ всему, что польское. «Положеніе наше не слишкомъ розовое», пишутъ здѣшніе публицисты («Gazet. Warsz.») и, въ самомъ дѣлѣ, откровенность нѣмцевъ въ этомъ отношеніи доходитъ до цинизма. «Разъ ужъ нужно, говоритъ органъ національферейна (Wochenschrift) приставить топоръ къ дурному корню и отсунуть польскую шляхту, скупая и раздробляя ея имѣнія, съ планомъ и энергіею; тогда польскіе ксендзы перестанутъ быть помѣхою».

Плешевскій судъ (въ Познани) приговорилъ недавно четырехъ ксендзовъ къ денежному штрафу за импровизованную процессію ихъ изъ окрестностей Острова въ Лондъ, къ намъ въ царство Польское, во время смутъ, аппелляціонный же судъ прибавилъ ксендзу Пржиновскому къ высиживаемымъ имъ двумъ мѣсяцамъ еще одинъ мѣсяцъ тюрьмы.

Съ другой стороны, журналы познанскіе запуганы процессами, начиная съ главнѣйшаго («Dzien. Poznan.»). Одинъ книгопродавецъ, Ланге, перепечаталъ новымъ тисненіемъ молитвенникъ, утвержденный духовною властію съ извѣстною молитвою «за отчизну», но пустилъ въ продажу тысячу экземпляровъ со вставкою молитвъ за императоровъ Александра II и Франца Іосифа, сыновъ святой церкви. Это произвело сильное ощущеніе въ кругу польскаго общества.

Въ Галиціи поляки ведутъ двойную борьбу и съ нѣмцами, и съ русскими. Жалуются, что правительство къ нимъ строже, нежели въ Пруссіи: за перепечатаніе напримѣръ въ журналѣ отзыва жителей Варшавы «Къ родичамъ» редакторъ Ягельскій («Dzien. Pozn.») присужденъ только къ 40 тал. штрафа, или 2 недѣлямъ тюрьмы, а редакторъ Качковскій («Glos») приговоренъ къ 5 лѣтнему заключенію въ тюрьму. Но это слѣдствіе разницъ уголовнаго устава. Русинамъ поляки рѣшительно не придаютъ народности, называя ихъ святоюрцами, унитами, соціалистами, демагогами. Пишутъ, что одинъ русинъ попалъ въ Парижѣ на засѣданіе эмиграціоннаго комитета, и увидавъ вывѣшенное знамя съ изображеніемъ орла, всадника, а подъ ними русскаго св. архистратига Михаила, подошелъ къ столу, положилъ 5 четвертаковъ въ складчину и сказалъ: «Спасибо, паны, что угадали нашего архангела Михаила—покойнаго батьку Хмѣльницкаго». У русиновъ только и рѣчи, что о соборѣ и возстановленіи восточнаго обряда, за который стоитъ весь народъ. Безъ согласія народа, говорятъ русины («Слово», № 11-й), не успѣлъ бы императоръ Николай I такъ легко уничтожить Брестскую унію. Второй русскій балъ во Львовѣ 8-го (20-го) числа, удостоенный такъ же присутствіемъ намѣстника, удался еще лучше перваго; посѣтителей было до 900 человѣкъ и забава продолжалась до бѣлаго дня.

Польская эмиграція комплектуется новыми выходцами, каковые пробираются черезъ Познань во Францію. Въ Познани удивляются этому переселенію, замѣчая справедливо («Dzien. Pozn.»), что скитательство это не приноситъ никакой пользы ни краю, ни самимъ выходцамъ. Впрочемъ, всѣ знаютъ плачевное положеніе эмиграціи.

Военно-слѣдственныя дѣла очищаются рѣшеніемъ участи важнѣйшихъ преступниковъ.

Сапожникъ Гишпанскій оказался однимъ изъ ярыхъ агитаторовъ, хотѣвшимъ разыграть роль сапожника Килинскаго. Облеченный со стороны комитета, распоряжавшаго подъ начальствомъ ксендза Дзяшков-

скаго похоронами Фіалковскаго, какою-то властію, онъ вводилъ въ процессію ремесленные цехи и братства, видѣлъ революціонныя хоругви и не только не удалилъ ихъ, но впустилъ въ костелъ, между тѣмъ появлялся вездѣ и на обѣдѣ, данномъ крестьянамъ въ «Европейской гостиницѣ», говорилъ къ нимъ двусмысленно, въ духѣ тогдашней политической цѣли, пошелъ въ костелъ св. Яна на панихиду за Костюшку и остался тамъ, несмотря на приглашеніе полиціи выходить. Былъ сверхъ того дѣятельнымъ соучастникомъ во всѣхъ совѣщаніяхъ главныхъ коноводовъ агитаціи и дѣйствіяхъ противныхъ видамъ правительства. Въ библіотекѣ его найдено собраніе плакатовъ и воззваній, ходившихъ по Варшавѣ. Съ какимъ усердіемъ и самопожертвованіемъ исполнялъ онъ революціонныя цѣли, свидѣтельствуетъ адресъ, поднесенный ему 32-мя помѣщиками Станиславскаго уѣзда. Словомъ, по характеру и происхожденію своему, онъ вліятельно и вредно дѣйствовалъ, равно на массы и на высшее сословіе, такъ что дальнѣйшее его здѣсь пребываніе было бы опасно для общественнаго спокойствія. По всѣмъ этимъ уваженіямъ, онъ сосланъ на жительство въ Вятскую губернію.

Фотографъ Баеръ былъ соумышленникомъ тѣхъ же тайныхъ агитаторовъ, руководившихъ манифестаціями. Онъ распоряжался устройствомъ молебствія литераторовъ и художниковъ «за отчизну» и вмѣстѣ съ Шленкеромъ, о которомъ дѣло уже приводится къ окончанію, побуждалъ пастора Людвика къ закрытію евангелическихъ церквей; не менѣе вреда оказалъ онъ распространеніемъ фотографій, представлявшихъ современныя событія и лица. Его велѣно выдержать три мѣсяца въ Новогеоргіевской крѣпости и взять потомъ подъ строгій надзоръ.

Редакторъ «Курьера Варшавскаго», чиновникъ счетной палаты Кучъ, за неточныя свѣдѣнія, сообщенныя имъ похоронному комитету, и участіе въ отправленіи крестьянъ по желѣзной дорогѣ, подлежалъ строгому наказанію, и, только во вниманіе къ 30-ти лѣтней безпорочной его службѣ, помилованъ, съ приличнымъ на будущее время внушеніемъ. Чиновникъ же счетной палаты Щецинскій, ѣздившій нарочно въ Скерневицы для приглашеній тамошнихъ крестьянъ на похоронную манифестацію, посаженъ на три мѣсяца въ крѣпость.

Городской совѣтъ въ г. Седльцахъ открытъ; объ открытіи же совѣтовъ въ другихъ мѣстахъ ожидаются донесенія.

По уваженію, что со времени объявленія военнаго положенія протекло уже четыре мѣсяца, и что въ послѣднее время спокойствіе не нарушено никакими безпорядками особенной важности, генералъ-адютантъ Лидерсъ, съ цѣлью подѣйствовать на скорѣйшее успокоеніе края, издалъ постановленіе, объявленное ко всеобщему свѣдѣнію [10-го (22-го) числа], чтобы за дѣйствія, совершенныя до военнаго положенія, не преслѣдовать и, только въ случаѣ обнаруженія важныхъ преступленій, представ-

лять на его усмотрѣніе; за проступками же и преступленіями послѣ военнаго положенія слѣдить строго и неослабно.

Изъ частныхъ, болѣе замѣчательныхъ случаевъ, можно привести слѣдующіе:

Офицеръ Симбирскаго полка, на проѣздѣ черезъ г. Петроковъ, оскорбленъ былъ бранью и побоями со стороны одного аптекаря и чиновника. Объ этомъ производится слѣдствіе.

Въ Тучелинскомъ лѣсу (Грубешовскаго уѣзда) открыто въ дуплѣ дерева 6-ть штукъ оружія.

Въ г. Ленчнѣ прибита къ гауптвахтѣ брошюрка: «Преображенская рота и студенты», вѣроятно проѣзжимъ молодымъ человѣкомъ, первые слѣды котораго были открыты.

Уголовный судъ, за неимѣніемъ будто-бы доказательствъ, оправдалъ нѣкоего Новаковскаго, одного изъ главныхъ зачинщиковъ уличныхъ безпорядковъ, схваченнаго на площади 27-го марта (8-го апрѣля) во время свалки войскъ съ народнымъ сборищемъ. Прокуроръ взялъ дѣло на апелляцію.

Въ костелѣ бернардиновъ въ Варшавѣ, во время обѣдни [1-го (13-го) числа] городовой унтеръ-офицеръ хотѣлъ поддержать женщину, упавшую въ обморокъ. Одинъ студентъ оттолкнулъ его, сказавъ: «Здѣсь не мѣсто полиціи». Студентъ по выходѣ изъ костела арестованъ, но прощенъ, по ходатайству архіепископа Фелинскаго.

Дошло до свѣдѣнія, что ксендзъ пробощъ Сквѣрчинскаго прихода (Влоцлавскаго уѣзда) въ жупанѣ и съ другими эмблематическими знаками на одеждѣ разъѣзжаетъ по деревнямъ. Велѣно повѣрить.

Въ Варшавѣ, за нарушеніе правилъ военнаго положенія, арестованы 141 человѣкъ, въ томъ числѣ 24 за оскорбленіе полиціи и другіе проступки, изъ нихъ 9, по разсмотрѣніи вины, уволены самою ратушною коммиссіею, а 2 переданы оберъ-полиціймейстеру. Безфонарные освобождены обычнымъ порядкомъ.

Изъ арестованныхъ прежде того одинъ возный, за нанесеніе удара городовому унтеръ-офицеру, отданъ въ военную службу, а другой, техникъ, за найденныя при немъ возмутительныя бумаги, посаженъ на мѣсяцъ въ крѣпость.

Представленія въ театрѣ продолжаются при томъ же демонстративномъ отсутствіи польской публики.

Въ варшавскихъ газетахъ замѣчаютъ плачевное состояніе виленской труппы, угрожающее ей совершеннымъ разореніемъ, вслѣдствіе подобной же демонстраціи публики. Въ этихъ же газетахъ пишутъ, что въ Николаевѣ открывается университетъ, что чехи изъ Америки переселяются на Амуръ, что не только «у насъ въ Польшѣ умножаются учебныя книжки, но и во Франціи число ихъ растетъ» («Gaz. Pols. № 45)»,

что журналъ русскій «День» благородно поступилъ, напечатавъ статью Грабовскаго, несогласную съ русскимъ воззрѣніемъ на западныя губерніи. Приводится также изъ «Инвалида» численность нашихъ военныхъ силъ.

Слухи и толки обращаюся около тѣхъ же любимыхъ предметовъ.—Фелинскій въ своемъ пастырскомъ посланіи непремѣнно позволитъ пѣть завѣтный гимнъ, онъ служитъ не совсѣмъ по латынскому обряду и долженъ быть уніатъ;—за февральскихъ покойниковъ все-таки молятся, полиція не можетъ поймать. Не Велепольскій уже, а герцогъ Мекленбургскій будетъ намѣстникомъ. Велепольскій, по словамъ одного заграничнаго журнала, соглашается быть намѣстникомъ только на томъ условіи, чтобы царство Польское было присоединено къ его Мышковскому маіорату.

Боятся рекрутскаго набора, но есть и такіе, что его желаютъ.

По всему царству будто-бы раскинуты комитеты возстанія, весною они обнаружатся и начнутъ военныя дѣйствія.

На помѣщиковъ наложена подать, по 50 коп. сер. съ уволоки, бывшимъ распорядительнымъ комитетомъ Агрономическаго общества; цѣль сбора—освобожденіе отчизны. Слухъ этотъ былъ изъ-подъ руки провѣренъ, но оказался ложнымъ.

Съ 14-го (26-го) по 21-го февраля (5-го марта) 1862 г.

Въ событіяхъ минувшей недѣли очень внятно выразился характеръ того состоянія края, которое изображается въ политическихъ обзорахъ. Спокойствія на улицахъ не было и не могло быть нарушено, въ виду военнаго положенія; но общее, затаенное сочувствіе къ прошлогоднимъ безпорядкамъ высказалось тотчасъ, при первомъ случаѣ, какой представился 15-го (27-го) числа, въ годовщину перваго кровопролитія на улицахъ Варшавы. Произошли манифестаціи, за неимѣніемъ другаго мѣста, въ костелахъ, прикрытыя религіозными формами панихидъ, которыя отслужены гдѣ скрытно, а гдѣ гласно, за пятерыхъ варшавскихъ покойниковъ, съ выставкою катафалковъ, какъ напр. въ Калишѣ, Плоцкѣ, Августовѣ, Ломжѣ, Сейнахъ, Бялѣ, или скромно, безъ всякой обстановки, какъ въ Люблинѣ, Радомѣ, Сувалкахъ, Рачкахъ, Остроленкѣ, Мѣховѣ и въ самой Варшавѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Люблинѣ, Радомѣ, Ломжѣ, Тарноградѣ, Томашевѣ) панихидамъ предпосланы воззванія самаго возмутительнаго содержанія, прилѣпленныя на стѣнахъ костеловъ и домовъ; кресты, воздвигнутые въ смутное время внутри церковныхъ оградъ, украшены терновыми вѣнками и кокардами національнаго цвѣта. Демонстративныхъ гимновъ нигдѣ не отважились пѣть; въ Сувалкахъ, однако, обыкновенный церковный гимнъ пропѣтъ

съ добавкой двухъ демонстративныхъ куплетовъ. Во многихъ мѣстахъ присутствовали на панихидѣ пріѣзжіе помѣщики и мѣстные чиновники съ ихъ женами и семействами.

Радомская манифестація кончилась тѣмъ, что въ сумерки нѣсколько десятковъ женщинъ и молодыхъ людей, средняго сословія, собрались около статуи Богоматери предъ Бернардинскимъ монастыремъ и пѣли, пока явившійся патруль не побудилъ ихъ разойтись. Главныя зачинщицы, изъ которыхъ одна дѣвица—Врублевская, прозванная «хоронжанкою» оттого, что во всѣхъ прошлогднихъ манифестаціяхъ носила революціонную хоругвь, взяты подъ стражу. По надписямъ на монастырскихъ стѣнахъ, приглашающимъ на панихиду, и по украшенію креста внутри ограды видно соучастіе монаховъ. Въ Мѣховѣ панихида заказана была женщиною, пріѣхавшею изъ Радома, которая находилась подъ полицейскимъ присмотромъ за участіе въ Сломникскихъ демонстраціяхъ.

Подобныя манифестаціи, подъ заслоною ксендзовъ, происходили во всѣхъ участкахъ прежней Польши. Въ Познани и ея округѣ приглашенія на панихиду дѣлались довольно гласно.

Въ Варшавѣ архіепископъ Фелинскій служилъ въ этотъ день обѣдню въ костелѣ Реформатовъ, что̀ и подало краковскому публицисту поводъ написать, что онъ служилъ торжественно панихиду; но каждый шагъ архіепископа толкуется этими публицистами по-своему. Имъ непремѣнно хочется сдвинуть архипастыря съ того пути, который занятъ имъ при вступленіи на каѳедру и обозначенъ въ проповѣди, сказанной имъ при открытіи костеловъ (о чемъ въ свое время было упомянуто). Одни умѣреннѣйшіе («Dzien. Poznan.») склоняютъ паству къ терпѣнію, совѣтуя не торопиться осужденіемъ пастыря за его первые шаги, другіе, отважнѣйшіе, навязываютъ ему свою программу, которая требуетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ объявить междуцарствіе и начать съ Россіею войну. Эта безсмысленная программа находится въ адресѣ къ архіепископу, захваченномъ здѣсь въ самое время его печатанія, вмѣстѣ съ печатавшимъ, чиновникомъ кредитнаго общества Замойскимъ, и съ типографскимъ станкомъ. Открытіе это поведетъ, конечно, къ разоблаченію келейной работы агитаторовъ, издающихъ «Стражницу», «Стерникъ» и «Побудку», ибо на захваченномъ экземплярѣ адреса означено, что онъ отпечатанъ «въ типографіи Стерника». Адресъ этотъ, неизвѣстно какъ и кѣмъ доставленъ уже былъ архіепископу.

Одновременно почти ксендзъ изъ д. Данькова (Велюнскаго уѣзда) Галинскій получилъ изъ Варшавы экземпляръ «Побудки», проповѣдующей тоже заклятую ненависть къ правительству. Этотъ ксендзъ и другой Бржезинскій изъ д. Крженицъ получали и прежде разныя анонимныя воззванія, которыя были ими представляемы начальству. Система под-

метныхъ писемъ и листковъ одного и того же возмутительнаго содержанія принята злоумышленниками съ извѣстною цѣлью поддерживать броженіе умовъ. Въ г. Томашевѣ (Замостьскаго уѣзда) напр. подкинуты подобные листки нижнимъ чинамъ Донскаго казачьяго № 10 полка; въ г. Избицѣ (Красноставскаго уѣзда) прилѣплены къ дверямъ еврейской школы воззванія, склоняющія евреевъ къ братству съ поляками; въ г. Тарноградѣ (Замостьскаго уѣзда) бурмистръ получилъ пасквиль съ изображеніемъ висѣлицы, при чемъ увѣдомлены о томъ и нѣкоторые жители.

Нѣтъ сомнѣнія, что келейныя типографіи здѣшнія находятся въ связи съ другими развѣтвленными до крайнихъ концовъ старой Польши. И въ Кіевѣ печаталась какая-то брошюрка въ видѣ мѣстнаго органа польской пропаганды, какъ извѣстно изъ увѣдомленія тамошняго генералъ-губернатора.

Изъ описанія происходившихъ панихидъ получается удостовѣреніе, что ксендзы добровольно служили ихъ, несмотря что вездѣ почти были предваряемы или упрашиваемы военнымъ начальствомъ не дѣлать подобныхъ демонстрацій, и главное ихъ въ этомъ случаѣ орудіе—женщины. Въ Варшавѣ существуетъ цѣлое братство «терціарокъ» или пожилыхъ служанокъ и кухарокъ, которыя обязаны ежедневно посѣщать костелъ и на духу сообщать или принимать на себя что угодно.

Люблинскій ксендзъ Януарій, изъ монаховъ, взятъ подъ стражу. Онъ въ своей проповѣди, между прочимъ, напалъ на полицію, которой чины, по его словамъ, ходятъ въ костелъ для того только, чтобы губить своихъ братьевъ, разсѣянныхъ по тюрьмамъ или гніющихъ въ кандалахъ, въ Россіи; вслѣдствіе чего требовалъ, чтобы они не ходили въ костелъ.

Ксендзу пробощу г. Кунова (Опатовскаго уѣзда) Домбровскому за то, что онъ, проѣзжая г. Цмѣлевъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, освятилъ крестъ, поставленный на рынкѣ, въ память февральскихъ покойниковъ, велѣно сдѣлать выговоръ посредствомъ епархіальнаго начальства. Надписи и революціонные знаки, бывшіе на крестѣ, сняты приходскимъ ксендзомъ, по приказанію военнаго начальства.

Ксендзу Жуковскому, который за закрытіе костела въ Ленчицѣ [3-го (15-го) октября] приговоренъ былъ къ заключенію въ крѣпость на шесть мѣсяцевъ, срокъ заключенія убавленъ до двухъ мѣсяцевъ, во вниманіе къ ходатайству архіепископа Фелинскаго.

Въ дальнѣйшемъ развитіи дѣла объ участіи крестьянъ въ манифестаціи, происходившей на похоронахъ архіепископа Фіалковскаго, оказались виновными чиновники управленія Ловичскаго княжества, они же и войты гминъ, Щецинскій и Лоцинскій, оба, безъ позволенія, сопровождали ксендза Магнускаго и крестьянъ въ Варшаву, находились при угощеніи сихъ послѣднихъ и вообще заботились объ успѣхѣ крестьян-

ской манифестаціи. Ихъ велѣно отставить отъ службы и взять подъ секретный надзоръ.

Содержатели же гостиницъ: Варшавско - Вѣнской, Зелинскій и Европейской—Вамбахъ приговорены къ заключенію на одинъ мѣсяцъ въ крѣпости за то, что не предупредили начальства о заказанныхъ обѣдахъ, въ одномъ мѣстѣ на 200, а въ другомъ на 250 человѣкъ, при чемъ оба не хотѣли сознаться, кѣмъ сдѣланъ заказъ.

На крестьянъ,—и оно понятно,—направлены всѣ пружины помѣщиковъ, ксендзовъ и публицистовъ, въ видахъ будущаго возрожденія Польши. Задача въ томъ, что крестьне погружены въ невѣжествѣ, изъ котораго ихъ нужно исторгнуть, чтобы слиться съ ними въ одинъ народъ. Странно только, что до прошлаго года никто этого не подмѣтилъ; въ прошломъ только году, замѣчаютъ наивно здѣшніе публицисты («Gazet. Warszaw.» № 51), увидѣли, что невѣжество сельскаго населенія никуда не годится, и вотъ въ нынѣшнемъ году «весь край обратился, можно сказать, въ одну школу, а жители раздѣлились на два класса, на учащихся и учителей». Похвальнѣе стремленія не можетъ быть. Желательно только, чтобы всѣ безчисленныя школки и охронки, заведенныя по деревнямъ, существовали не на однихъ столбцахъ газетъ, а на дѣлѣ. Правительство же конечно возьметъ ихъ подъ свою руку и распространитъ надъ ними свой контроль, о чемъ было уже упоминаемо въ прежнихъ обзорахъ.

Народное просвѣщеніе есть дѣло правительства, а не частныхъ людей, ни даже агрономическихъ обществъ, которымъ въ Австріи напр. рѣшительно запрещено вмѣшиваться въ народныя школы.

По этой же причинѣ, не дозволено Агрономическому обществу собраться въ Львовѣ, а Краковское, открывшееся 12-го (24-го) числа, занималось предметами сельскаго хозяйства, отчасти же изъявленіемъ взаимныхъ привѣтствій по поводу прибытія на засѣданія депутатовъ Познанскаго общества. Въ рѣчахъ на засѣданіяхъ и на банкетахъ замѣчалось съ прискорбіемъ отсутствіе членовъ бывшаго Агрономическаго общества и запрещеніе заводить филіальныя товарищества, въ родѣ нашихъ справочныхъ домовъ.

Впрочемъ не всѣ наши справочные дома могутъ похвалиться результатами своихъ оборотовъ. Надвислянскій домъ, что въ Люблинѣ, рѣшительно упадаетъ. Жалуются на равнодушіе большихъ помѣщиковъ, которые считаютъ выгоднѣе имѣть дѣло съ факторами. Однако нѣтъ вѣроятія, чтобы онъ закрылся, ибо при коммерческихъ оборотахъ имѣется въ виду, и едва-ли не на первомъ мѣстѣ, политическая цѣль обществъ.

Борьба поляковъ съ руссинами на религіозно-народной почвѣ продолжается, съ тою же уловкою со стороны первыхъ набросить на дѣло руссиновъ тѣнь предательства. Святоюрцы, разглашаютъ они, подъ заслоною народности, хотятъ перекинуться въ шизму или въ объятія Россіи.

Но руссины не смотрятъ на это и занимаются развитіемъ своего народнаго дома, поддержаніе котораго должно бы, кажется, возбудить сочувствіе другихъ, сплеменныхъ имъ славянъ. Данный 14-го (26-го) числа, въ «Русской Бесѣдѣ», во Львовѣ, декламаторскій или литературный вечеръ прошелъ въ чтеніи замѣчательныхъ сочиненій галицкихъ и нашихъ малороссійскихъ писателей, при чемъ хоръ молодыхъ людей пѣлъ народныя пѣсни.

На лонѣ польскаго духовенства обнаружился разладъ. Въ клерикальномъ журналѣ (Tygodgnik kotolicki) тиснута статья въ защиту архіепископа Вержхлейскаго, оправдывается его циркуляръ или пастырское посланіе, навлекшее ему столько враговъ между польскими агитаторами. О молчаніи архіепископа Фелинскаго не знаютъ что сказать, но думаютъ, что напечатанное во французскихъ журналахъ посланіе его есть только проектъ, не больше. Съ другой стороны носится слухъ, что прусское правительство не довольно дѣйствіями архіепископа Пршилускаго и намѣрено внушить ему болѣе осторожности въ дѣлѣ народности, для сохраненія мира между нѣмцами и поляками. Но споръ международный вышелъ уже изъ предѣловъ всякаго примиренія. Въ показавшейся недавно брошюркѣ, Фишеръ совѣтуетъ полякамъ перебраться къ востоку на мѣста нѣмцевъ, а этимъ переселяться въ Познанскую провинцію, обмѣниваясь голова въ голову,—въ ожиданіи чего нѣмцы должны колонизировать познанскія земли, а не Америку.

Въ Америкѣ, польская эмиграція страдаетъ тѣмъ же недугомъ раздора, какъ и въ Европѣ. По собственнымъ же интригамъ эмигрантовъ, правительство Соединенныхъ штатовъ не позволило формироваться польскому легіону, вслѣдствіе чего поляки разсѣялись по федеративнымъ полкамъ, а многіе перешли на службу въ южные штаты. Жалуются, что гдѣ венгры взяли перевѣсъ и попали въ начальники, тамъ навѣрно ни одинъ полякъ не найдетъ мѣста («Dzien Polsk». № 48). Что касается до плачевнаго состоянія эмиграціи генуеской и паденія Мѣрославскаго, то оно очень хорошо представлено въ одномъ изъ польскихъ органовъ, и оттуда перепечатано въ нашемъ оффиціальномъ Дневникѣ для назиданія польской молодости, соблазняемой хвастливыми вызовами эмиграціи.

Евреи очень довольны тѣмъ, что архіепископъ Фелинскій посѣтилъ ихъ госпиталь.

Поляки, склонные къ мечтательности, видятъ тутъ уже начало вѣротерпимости и вмѣстѣ зарю общаго обращенія Израиля къ христіанству. Евреи же думаютъ совсѣмъ другое и по праву недавняго братства ставятъ вопросъ: можно ли имъ пріобрѣтать большія помѣстья, коль скоро дозволено покупать сельскія усадьбы? Если скажутъ, что не пришла еще пора, что въ еврейскомъ населеніи чувствуется еще недостатокъ высшаго образованія, то на это можно возразить, что не всѣ же помѣ-

щики люди съ высшимъ образованіемъ. Таково настроеніе еврейскихъ умовъ, въ виду будущей равноправности.

Въ государственномъ совѣтѣ разсматриваются проекты законовъ о городскихъ гминныхъ судахъ и о пространствѣ пропинаціоннаго права; послѣдній давно уже былъ обсуживаемъ въ общемъ собраніи сената. На очереди также проектъ очиншеванія. Изъ городскихъ совѣтовъ открытъ вновь совѣтъ въ г. Пултускѣ.

Въ училищахъ курсъ наукъ продолжается спокойно.

Въ г. Здунской-волѣ (Серадзскаго уѣз.) по случаю уличной драки, патруль хотѣлъ войти въ кондитерскую, для арестованія скрывшихся тамъ людей. Хозяинъ заперъ дверь, а полицейскій сторожъ отказался слѣдовать за патрулемъ, въ чемъ оправдалъ его и самъ секретарь полиціи. Производится слѣдствіе.

Другой примѣръ противодѣйствія военной власти: коморникъ, исполняя судебный приговоръ противъ шинкаря д. Воли-Стрыевской (Серадзскаго уѣз.), потребовалъ военной помощи. Когда двое солдатъ, командированные въ помощь, вошли съ коморникомъ въ домъ, то шинкарь бросился на одного, чтобы отнять у него ружье, а жена его укусила у другаго палецъ. Впрочемъ, процессъ экзекуціи сопряженъ всегда съ непріятностями для военныхъ исполнителей, какъ по судебнымъ дѣламъ, такъ въ особенности по взысканію податей съ крестьянъ, въ глазахъ которыхъ казаки чуть-чуть что не палачи.

Изъ нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ можно привести замѣчательнѣйшіе.

Въ г. Велюнѣ, ночью съ 5-го (17-го) на 6-е (18-е) число, двое нестроевыхъ Симбирскаго пѣхотнаго полка умертвили шинкаря еврея съ женою. Виновные сознались и преданы военному суду.

На помѣщика Бринкена (Равскаго уѣз.) крестьянинъ донесъ, что Бринкенъ заводитъ въ костелахъ запрещенное пѣніе, а органистъ грозитъ проклятіемъ ксендза, если не будутъ пѣть. Велѣно изслѣдовать.

Другой крестьянинъ д. Лѣсничовки (Люблинскаго уѣз.) представилъ ружье, которое помѣщикъ Ольшевскій держалъ у себя безъ дозволительнаго билета.

По доносу на бургомистра Вогиня (Луковскаго уѣзда) сына его и тамошняго лавника, обвиняемыхъ въ подстрекательствѣ къ безпорядкамъ, происходившимъ въ городѣ, велѣно произвести слѣдствіе.

По слѣдственно-суднымъ дѣламъ за безпорядки, происходившіе 20-го октября въ т. Бялѣ, тамошній почтъ-экспедиторъ Яковскій посаженъ на годъ въ Бобруйскъ, писарь почтовой конторы Петровскій на два мѣсяца въ Ивангородъ, а провизоръ аптеки Костылинскій назначенъ въ военную службу.

Смоленскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Садовскій за то, что,

войдя 3-го (15-го) октября въ костелъ св. Яна, оставался тамъ среди народа, собравшагося съ преступною цѣлью, и не вышелъ до тѣхъ поръ, пока не былъ вмѣстѣ съ прочими арестованъ,—разжалованъ въ рядовые, безъ лишенія дворянства.

Въ Варшавѣ, въ теченіе недѣли, арестовано на улицахъ 146 человѣкъ, въ томъ числѣ 24 за оскорбленіе полиціи и другіе проступки; изъ нихъ 5 представлены на усмотрѣніе генералъ-губернатора, а 15 наказаны самою ратушною коммиссіею. Безфонарные освобождены обычнымъ порядкомъ.

Въ облегченіе военнаго положенія, съ 16-го (28-го) числа дозволено ходить безъ фонарей до 11 часовъ вечера; рестораціи, кавярни, кондитерскія и т. п. имѣть открытыми до 10, а шинки до 8 часовъ.

Представленія въ театрѣ продолжаются. Въ первую недѣлю великаго поста, православные въ театрѣ не были, зрителей было до 200 человѣкъ, большею частію изъ польской публики средняго класса.

Съ среды, или съ «попельца» начинается постъ у поляковъ и такъ называемая страстная служба по костеламъ. По четвергамъ архіепископъ Фелинскій будетъ говорить проповѣди въ каѳедральномъ костелѣ св. Яна. На минувшей недѣлѣ, онъ служилъ самъ у Реформатовъ, у Визитокъ и у Миссіонарей (костелъ Св. Креста), при большомъ стеченіи публики, собиравшейся слушать его проповѣди. Порядокъ въ костелахъ не былъ нарушенъ.

Газеты варшавскія наполнены извѣстіями о ходѣ занятій Краковскаго агрономическаго общества и объ открытіи у насъ безпрестанно новыхъ сельскихъ училищъ при помѣщичьихъ дворахъ. Заявляютъ общее стремленіе къ просвѣщенію, не скрываютъ демонстрацій, происходящихъ въ Италіи противъ свѣтской власти папы. Жалуются, что въ Познани, въ Галиціи и на берегахъ Нѣмана не видно общественной жизни, объясняя это высокимъ значеніемъ настоящей эпохи и народнаго траура. «Оффиціальный Дневникъ» изобличилъ во лжи нѣсколько статей «Часа» и перепечаталъ изъ нѣмецкихъ газетъ двѣ статьи: одну о томъ, что въ Краковѣ проявляется реакція противъ ультранароднаго стремленія и въ высшемъ кругу показывается фракъ, а другую, что во Львовѣ союзъ аристократіи съ демократическою партіею начинаетъ колебаться на поприщѣ танцевъ,—одни танцуютъ, другіе шикаютъ. Публицисты галиційскіе и познанскіе, запутанные въ процессы, стали воздержнѣе въ выходкахъ противъ своихъ правительствъ; за то на Россію мечутъ стрѣлы своей злобы и клеветы. Редакторъ «Познанскаго Дневника» Ягельскій, обвиняемый въ злоумышленной перепечаткѣ статьи «Колокола», возбуждающей поляковъ къ возстанію, оправдался въ Берлинѣ тѣмъ, что проповѣдываемое возстаніе относится будто бы къ полякамъ царства Польскаго, а не Познани. Но въ Галиціи, Качковскій,

за перепечатку той же статьи, приговоренъ окончательно въ Вѣнѣ къ тюремному заключенію на два года.

Слухи и толки: городскіе совѣты открываются для того, чтобы вдругъ арестовать нѣсколько членовъ, по мнѣнію другихъ, надо принимать всякую реформу, но только въ счетъ уплаты долга и не давать росписки. У Фелинскаго готово посланіе, да печатать не позволяютъ. Велепольскій въ большой милости у царя, и если не воротился съ конституціею, то виною его противники. Возстаніе въ Греціи, скопленіе судовъ въ Анконѣ, все это предвѣстники близкаго освобожденія Польши. Не поютъ гимновъ по костеламъ потому, что Фелинскій просилъ, а не отъ того, чтобы боялись полиціи и патрулей; говорятъ также, что вмѣсто генерала Крыжановскаго будетъ назначенъ генералъ Гецевичъ или генералъ баронъ Николаи; вмѣсто же Крузенштерна—Лащинскій.

Профессоръ Николай Павловичъ Дуровъ.

(Страница изъ моихъ воспоминаній).

Лѣтъ пять-шесть тому назадъ, въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ на Невскомъ проспектѣ, подъ фирмою «Посредникъ», произошелъ пожаръ.

Этотъ книжный магазинъ (г. Э. Гартье), несмотря на незначительность помѣщенія, вмѣщалъ въ себѣ книжныхъ сокровищъ болѣе, чѣмъ на сотни тысячъ по всѣмъ предметамъ литературы, науки и искусствъ; масса была книгъ старинныхъ, рѣдкихъ, замѣчательныхъ. Многіе были удивлены сообщеніемъ, что книгъ сгорѣло болѣе, чѣмъ на сто тысячъ, что, предварительно, онѣ были облиты керосиномъ, что виновникъ принесъ повинную. Не столько, впрочемъ, истреблено было книгъ огнемъ, сколько было испорчено ихъ копотью, дымомъ и водою. Многіе драгоцѣнные гравюры, эстампы, изданія XVI и XVII столѣтій безвозвратно погибли.

Кто же былъ его создателемъ, собирателемъ, и какое отношеніе имѣетъ это погибшее книгохранилище къ предмету настоящихъ воспоминаній?

Въ 70-хъ годахъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія былъ профессоромъ по каѳедрѣ начертательной геометріи замѣчательный оригиналъ и, въ то же время библіоманъ и библіофилъ—Николай Павловичъ Дуровъ.

Это былъ человѣкъ, одна наружность котораго уже бросалась въ глаза. На широкихъ плечахъ лежала большая голова съ орлинымъ носомъ, съ серьезнымъ, умнымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ. Ходилъ онъ всегда въ наглухо застегнутомъ форменномъ сюртукѣ извѣстнаго путейскаго покроя, въ обращеніи былъ крайне сдержанъ и любилъ больше слушать, чѣмъ разсказывать. Да и правду сказать, съ Н. П. Ду-

ровымъ было трудно говорить, такъ какъ излюбленною темою для разговоровъ служили ему исключительно книги,—преимущественно рѣдкія. Слѣдовательно, Н. П. былъ человѣкъ односторонній. Службою онъ, видимо, тяготился.

Дуровъ жилъ въ зданіи института инженеровъ путей сообщенія, занимая прекрасную квартиру. Кабинетъ хозяина представлялъ изъ себя настоящій хаосъ: на всей мебели, даже на полу и на окнахъ, всюду и вездѣ, тамъ и сямъ лежали книги и въ одиночку, и связками; разбросана была масса рѣдкихъ гравюръ, старинныхъ картъ, атласовъ и т. п. Книгами наполнены были не только полки вдоль стѣнъ, но устроены были антресоли, гдѣ книги навалены были уже прямо грудами и гдѣ можно было ихъ обозрѣвать днемъ лишь съ зажженной свѣчей. Въ простѣнкѣ между двухъ оконъ, выходящихъ на дворъ, стоялъ громадный столъ съ постоянно горѣвшими на немъ свѣчами. Здѣсь сидѣлъ въ томъ же форменномъ сюртукѣ Н. П. Дуровъ, отъ времени до времени прикладывая сургучныя именныя печати къ только-что пріобрѣтеннымъ книжнымъ сокровищамъ. Двери въ кабинетъ были завѣшаны толстымъ зеленымъ сукномъ. Въ комнатахъ Н. П. Дурова царила гробовая тишина. Двое его сыновей опредѣлены были во 2-й кадетскій корпусъ, являлись домой только разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, а дочь уходила въ гимназію, такъ что спокойствіе нашего библіомана ничѣмъ не нарушалось; только одно воркованіе египетскихъ голубей, да маятникъ старинныхъ часовъ производили на посѣтителя монотонно-усыпляющее дѣйствіе.

Книги доставляли много хлопотъ Н. П. Дурову, и иногда онъ просиживалъ надъ ними до глубокой ночи, а такъ какъ книги были очень рѣдкія, дорогія, то онъ просматривалъ ихъ внимательно, изъ страницы въ страницу, отмѣчая испорченныя мѣста, иногда вырванныя страницы, тщательно записывая въ каталогахъ, на карточкахъ подробныя ихъ оглавленія, прикладывая къ нимъ печати, подклеивая листы и т. п. Словомъ—работа была кропотливая, трудная, требовавшая большой внимательности и аккуратности. Но такія рѣдкости были далеко не единичными въ библіотекѣ Н. П. Дурова. Такъ, напримѣръ, знаменитый календарь Брюсса былъ у него въ полномъ составѣ, и знатоки говорили про него, что дуровскій экземпляръ—единственный въ своемъ родѣ.

Календарь, извѣстный подъ именемъ «Брюссова», на самомъ дѣлѣ былъ изданъ въ 1709 году, библіотекаремъ Василіемъ Кипріановымъ, Брюссъ же надзиралъ только за изданіемъ, что̀ и обозначено въ самомъ календарѣ. Брюссъ родился въ Москвѣ въ 1670 г. Онъ происходилъ отъ древней шотландской фамиліи и пользовался репутаціею колдуна, чернокнижника, астролога. Отецъ его былъ полковни-

комъ въ русской службѣ. Сохранилось преданіе, что Брюссъ, умирая, вручилъ Петру Великому стклянку съ живой и мертвой водой и сказалъ, что если кто пожелаетъ видѣть его воскресшимъ, то пусть бы велѣлъ спрыснуть его трупъ этой водой. Прошло нѣсколько лѣтъ, и Петръ Великій вспомнилъ о завѣщанной Брюссомъ стклянкѣ, велѣлъ разрыть могилу и, къ ужасу присутствовавшихъ, оказалось, что Брюссъ лежалъ въ могилѣ какъ живой и что у него отросли длинные волосы на головѣ и бородѣ. Царь былъ такъ пораженъ этимъ, что велѣлъ скорѣе зарыть могилу, а стклянку разбилъ.

Календарь, извѣстный подъ именемъ «Брюссова», пользовался громаднымъ уваженіемъ и разошелся во множествѣ изданій. Вычисленія въ календарѣ были сдѣланы на многіе годы, такъ что разъ пріобрѣтавшій такой календарь освобождался на долгое время отъ покупки новаго. Календарь гравированъ на мѣди, на шести отдѣльныхъ листахъ. Наши предки получали справки въ немъ, «когда надлежало кровь пущать, мыслить почать, бракъ имѣть, чины и достоинства воспринимать, долги платить» и проч.

Единственный полный экземпляръ этого календаря хранится въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ собраніи гравюръ и картъ; въ Императорской Публичной Библіотекѣ—экземпляръ неполный. Покойный Н. П. Дуровъ неоднократно мнѣ говорилъ, что у него, въ числѣ рѣдкостей, наиболѣе замѣчателенъ полный экземпляръ Брюссова календаря 1709 г. О послѣдующей судьбѣ его экземпляра я не имѣю свѣдѣній.

Я познакомился съ Н. П. Дуровымъ, благодаря совмѣстной нашей службѣ въ Технологическомъ институтѣ, гдѣ онъ руководилъ графическими занятіями студентовъ. Отъ него я получилъ въ подарокъ на память двѣ очень рѣдкихъ книги: «Mémoires de l'Impératrice Catherine II écrits par elle même» и потомъ: «О государствѣ русскомъ, или образъ правленія русскаго царя, съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ жителей этой страны» Флетчера.

Не будучи библіофиломъ, я тѣмъ не менѣе увлекался, видя страстную любовь Дурова къ книгамъ,—явленіе столь рѣдкое, исключительное.

Какъ-то разъ зашла рѣчь объ изданіяхъ Пушкина, предпринятыхъ покойнымъ Исаковымъ. Н. П. Дуровъ былъ возмущенъ подобною дерзостью,—какъ онъ называлъ такое предпріятіе. По его словамъ, единоличными силами подобное предпріятіе сдѣлать нельзя, что уже доказалъ наглядно г. Анненковъ своимъ изданіемъ; что подобный трудъ можетъ предпринимать только Академія наукъ при коллективномъ, совмѣстномъ участіи нѣсколькихъ извѣстныхъ знатоковъ русской литературы.

— Повѣрите ли—говорилъ Дуровъ—я двадцать слишкомъ лѣтъ собиралъ и собираю матеріалы для біографіи Пушкина... У меня въ

библіотекѣ есть всѣ изданія отдѣльныхъ его произведеній, даже довольно рѣдкія, и тѣмъ не менѣе я убѣдился, что это—одна капля въ морѣ, и, слѣдовательно, новое изданіе Пушкина въ данное время будетъ только отличаться своею неполнотою, невѣрностью текста, словомъ—разносторонними пробѣлами...

Между тѣмъ, въ это самое время (1876 г.) преподавателемъ словесности 1-го кадетскаго корпуса, покойнымъ Кеневичемъ, получены были подлинныя рукописи басенъ знаменитаго И. А. Крылова. Задачу взялъ на себя Кеневичъ далеко не легкую: во-первыхъ, свѣрить печатный текстъ съ рукописнымъ подлинникомъ, исправивъ по мѣрѣ возможности разныя неточности, а главное—установить правильную постановку знаковъ препинанія, что было особенно важно, такъ какъ по баснямъ Крылова идетъ преимущественно обученіе русскому языку въ нашихъ школахъ. Басни были изданы прекрасно и, кромѣ того, съ обширными объясненіями, съ указаніемъ историческихъ причинъ происхожденія той или другой басни, бытовыхъ условій ея возникновенія. Кеневичъ былъ человѣкъ очень даровитый, всесторонне образованный и, въ данномъ случаѣ, отдался работѣ съ искреннимъ увлеченіемъ, преодолѣвая громадныя трудности въ чтеніи неразборчивыхъ рукописей Крылова. Изданіе басенъ Крылова подъ редакціею Кеневича считается въ настоящее время библіографическою рѣдкостью. Н. П. Дуровъ очень интересовался ходомъ работы Кеневича.

Кеневичъ умеръ въ концѣ 70-хъ годовъ. Ему принадлежитъ переводъ двухъ въ своемъ родѣ классическихъ книгъ: «Ядвига и Ягелло» Шейноха (издано книжною фирмою Вольфъ) и «Автобіографія» знаменитаго Шлецера, изданная Академіею наукъ. Кромѣ того, Кеневичъ, совмѣстно со Скопинымъ, издалъ «Синтаксисъ русскаго языка», въ короткое время разошедшійся въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Въ залѣ Педагогическаго музея Солянаго городка разрѣшены были, по ходатайству оберъ-полиціймейстера Трепова, чтенія для народа по воскреснымъ днямъ. Лекція Кеневича о Крыловѣ, его жизни и басняхъ, въ ряду другихъ—была одной изъ лучшихъ. Семейныя невзгоды преждевременно свели въ могилу этого даровитаго и симпатичнаго человѣка.

Иногда въ квартирѣ Дурова собирались замѣчательные петербургскіе библіофилы, избирали темою какую-либо книжную древность, рѣдкую въ библіографическомъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, я былъ очевидцемъ, какъ всѣ эти гг. библіоманы битый часъ разсматривали: «Путешествіе Бориса Петровича Шереметева въ Венецію и въ Римъ въ 1697 году». Эта книга была издана первый разъ въ Москвѣ въ 1773 году съ замѣчательными гравюрами въ текстѣ.

Отъ времени до времени являлись къ Н. П. Дурову разные маклаки, букинисты и тому подобный людъ. Между ними попадались точно вы-

ходцы съ того свѣта: это были старички изъ «допотопныхъ», такъ какъ они жили еще до знаменитаго петербургскаго наводненія 7-го ноября 1824 года. Они ходили во фризовыхъ шинеляхъ съ широкими откладными воротниками, въ цилиндрахъ стараго покроя, въ плисовыхъ картузахъ... Эти гг. букинисты были люди типичные. Очки въ толстой металлической оправѣ они надѣвали на самый кончикъ носа; шею обматывали большими черными шелковыми платками; въ длинныхъ сюртукахъ по самыя щиколдки, съ ватою въ ушахъ, а книги носили всегда въ кожаныхъ сумкахъ.

Золотое время для нихъ было въ Москвѣ до ея знаменитаго пожара 1812 года. Когда въ Москвѣ митрополитомъ былъ Филаретъ, то мѣстные букинисты подверглись строгому контролю въ своихъ торговыхъ операціяхъ раскольничьими книгами, старинными иконами и рукописями. Въ Петербургѣ сильный ударъ имъ былъ нанесенъ пожаромъ Апраксина и Щукина дворовъ, въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ. Въ Москвѣ оказывалъ имъ большое покровительство въ 50-хъ и 60-хъ годахъ знаменитый хлопчато-бумажный фабрикантъ Хлудовъ, страстный любитель и собиратель книжной древности до-никоновской печати. Несмотря на всѣ предпринимаемыя строгости, эти букинисты умудрялись вести контрабандную торговлю старообрядческими книгами на Макарьевской ярмаркѣ.

Отъ времени до времени весь этотъ книжный людъ посѣщалъ Н. П. Дурова. Онъ былъ надежный, аккуратный плательщикъ; если самъ не купитъ, то всегда могъ рекомендовать книжную рѣдкость своимъ знакомымъ. Такимъ образомъ, постепенно увеличивалась библіотека Н. П. Дурова, стоившая большихъ хлопотъ. Конечная ея судьба была крайне печальна.

Дня за три до сочельника мнѣ доложили, что меня спрашиваетъ какой-то человѣкъ. То былъ унтеръ-офицеръ Яковлевъ, служащій въ одномъ изъ музеевъ института инженеровъ путей сообщенія.

— Ваше высокородіе! У Николая Павловича Дурова что-то въ домѣ неладно. Барыня васъ проситъ пожаловать къ нимъ...

Не разспрашивая Яковлева болѣе ни о чемъ, минутъ черезъ десять я былъ въ квартирѣ Дурова. Уже проходя по институтскому двору, къ удивленію моему, я увидѣлъ окна въ кабинетѣ Дурова открытыми, несмотря на декабрьскій холодный день. Его жена встрѣтила меня еще на лѣстницѣ, предупредивъ, что ея мужъ не спалъ болѣе трехъ сутокъ, что теперь онъ находится въ возбужденномъ нервномъ состояніи и что, по совѣту институтскаго врача, онъ, въ сопровожденіи служителя, гулялъ по двору. Она просила меня, насколько возможно, успокоить его, поразвлечь и прокатить на извозчикѣ. Видимо, она не знала размѣровъ опасности, грозившей жизни больнаго. Она думала, что его бо-

лѣзнь—есть результатъ усидчивыхъ занятій въ спертомъ воздухѣ кабинета.

Я вошелъ въ залу, гдѣ и увидѣлъ Н. П. Дурова съ страшнымъ выраженіемъ лица. Блѣдный, со всклокоченными волосами, онъ ходилъ по залѣ въ скунсовой шубѣ съ поднятымъ воротникомъ, въ высокихъ резиновыхъ галошахъ. Онъ узналъ меня и сейчасъ же разразился жалобой на директора института путей сообщенія, тайнаго совѣтника Соболевскаго. Онъ обвинялъ его въ полученіи его жалованья, при чемъ самъ онъ былъ выведенъ изъ канцеляріи служителями по распоряженію директора. Онъ собрался идти съ жалобой къ министру путей сообщенія, адмиралу Посьету. Разумѣется, все это обвиненіе было плодомъ одного только болѣзненнаго воображенія; на самомъ же дѣлѣ, онъ деньги получилъ, но, придя домой и не найдя въ карманѣ бумажника, вообразилъ, что его въ канцеляріи обманули; деньги были найдены, только въ другомъ карманѣ, въ измятой пачкѣ. Но Дуровъ ничего не слушалъ и оставался при своемъ. Старикъ Соболевскій былъ крайне опечаленъ всѣмъ происшедшимъ. Онъ немедленно отправилъ въ квартиру Дурова университетскаго врача и, вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстилъ доктора Фрея,—извѣстнаго психіатра и директора больницы душевно-больныхъ, прося его навѣстить Дурова. Докторъ Фрей положеніе больнаго и свойство его помѣшательства предоставлялъ рѣшить окончательно консиліуму врачей-спеціалистовъ.

Рѣшено было отправить Н. П. Дурова въ лѣчебницу доктора Фрея, славящуюся своею добросовѣстностью и образцовымъ содержаніемъ больныхъ. Докторъ Фрей предупредилъ семью Дурова, что никто, ни родные, ни знакомые,—въ теченіе перваго мѣсяца не будутъ допущены къ больному, чтобы какою-нибудь безтактностью не повредить лѣченію.

Все было сдѣлано по желанію доктора. Только спустя мѣсяцъ, въ первыхъ числахъ февраля, я просилъ разрѣшенія навѣстить больнаго. Въ отвѣтъ докторъ Фрей предубѣждалъ меня, что визитъ долженъ быть крайне непродолжителенъ, весь разговоръ долженъ быть строго обдуманъ и не касаться больныхъ мѣстъ, словомъ—онъ разсчитываетъ на мой тактъ и только подъ этимъ условіемъ открываетъ мнѣ двери.

Часовъ въ 8 вечера, въ условленный день, я отправился въ лѣчебницу доктора Фрея. Лишнее говорить, что необыкновенный порядокъ, чистота, полный комфортъ—во всемъ видны были сразу. Наличный персоналъ служащихъ большею частью были нѣмцы, начиная съ докторовъ-ассистентовъ и кончая прислугой. Больнымъ предоставлены были всѣ удобства: билліарды, кегельбанъ, токарные станки, садъ для прогулокъ, словомъ, все, что необходимо для того, чтобы развлечь больнаго и, по мѣрѣ возможности, отвлечь его отъ его idée fixe.

Въ ожиданіи Н. П. Дурова я расположился въ пріемной залѣ, получивъ предупрежденіе, что курить нельзя. Докторъ Фрей сказалъ мнѣ, что я могу видѣть Дурова въ билліардной, куда меня и провели. Тутъ сидѣло большинство пансіонеровъ Фрея. Нѣсколько человѣкъ играли въ пирамидку.

Дуровъ меня узналъ. Въ числѣ партнеровъ былъ морской офицеръ въ форменномъ сюртукѣ, наглухо застегнутомъ. Это былъ еще совсѣмъ юноша. Увидавъ меня, морякъ быстро оставилъ игру, подошелъ ко мнѣ, поздоровался, и произнесъ слѣдующее привѣтствіе:

— Я очень радъ, другъ, что вижу тебя... Спасибо тебѣ за память! Господа,—обратился онъ къ своимъ партнерамъ,—рекомендую вамъ одного изъ самыхъ храбрыхъ людей... Когда нашъ корабль тонулъ въ страшный ураганъ у береговъ Японіи, только мужествомъ, находчивостью нашего рулеваго, котораго вы видите передъ собой, мы благополучно были выброшены на песчаную отмель... И вотъ нашъ спаситель передъ вами!..

Признаюсь, я былъ изумленъ подобной импровизаціей. Н. П. Дуровъ подошелъ къ нему, похлопалъ его по плечу и сказалъ:

— Что вы тутъ врете всякій вздоръ! Знакомый мой никогда не былъ въ морской службѣ, да и дальше Кронштадта не плавалъ.

Офицеръ, нисколько не обидѣвшись, сталъ продолжать игру. Дуровъ же повелъ меня изъ билліардной въ пріемный залъ. Фрей незамѣтно слѣдилъ за нами.

— Вотъ, не угодно ли,—сказалъ Н. П. Дуровъ,—выносить подобную пытку: сидѣть съ сумасшедшими дураками, въ родѣ этого офицера, да по цѣлымъ суткамъ выслушивать всякую нелѣпицу! И за подобную компанію съ тебя же берутъ деньги, потчуя разными «бирзуппами»... А все это устроилъ Соболевскій.

Я, разумѣется, промолчалъ.

— Сдѣлайте одолженіе,—продолжалъ Дуровъ:—пошлите въ Варшаву телеграмму теткѣ моей, чтобы она поскорѣе взяла меня изъ этой сумасшедшей нѣмецкой берлоги... Я чувствую, что дѣйствительно схожу съ ума, такъ какъ оторванъ отъ своихъ дѣтей, семьи, отъ своихъ любимыхъ занятій... Деньги на телеграмму возьмите у моей жены; такъ какъ всѣ письма ко мнѣ перехватываются Фреемъ и даются мнѣ распечатанными, то попросите тетю пересылать письма при вашемъ посредничествѣ. Мнѣ крайне надоѣли эти ежедневныя щупанья пульса, весь этотъ инквизиторскій надзоръ, и я желалъ бы выйти на свѣжій воздухъ и избавиться отъ нѣмецкой кухни.

Въ эту самую минуту подошелъ къ намъ докторъ Фрей и просилъ меня прекратить визитъ, считая направленіе разговора вреднымъ для здоровья больнаго, и пройти въ его кабинетъ. Когда я усѣлся на ди-

ванѣ, докторъ предложилъ мнѣ сигару, стаканъ кофе и снялъ съ меня подробный допросъ о прошлой жизни больнаго, его характеристическихъ особенностяхъ и проч.; при этомъ онъ мнѣ сказалъ, что надежды на выздоровленіе нѣтъ никакой; что болѣзнь осложнилась и кончится смертью...

Дѣйствительно, весною, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Дуровъ умеръ отъ отека мозга.

Его прекрасная библіотека продана была въ Москву, г. Гартье, и погибла частью отъ огня во время пожара, а частью, говорятъ, отъ кражи.

Таковъ былъ печальный конецъ, грустный исходъ болѣе чѣмъ двадцатилѣтней дѣятельности рѣдкаго въ наши дни библіомана, покойнаго профессора Н. П. Дурова.

А. Н. Овсянниковъ

Пѣсня на кончину императора Александра II.

(Записанная въ области войска Донскаго).

Въ наше время народная лиро-эпическая пѣсня, какъ извѣстно, переживаетъ кризисъ. Старинная, болѣе или менѣе богатая художественными красотами пѣсня вымираетъ, уступая мѣсто пѣснямъ новѣйшей формаціи (частушкамъ и др.), не имѣющимъ ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ достоинствъ: содержаніе ихъ пошло, поэтическихъ образовъ нѣтъ, мотивъ однообразенъ. Но эта сторона не имѣетъ рѣшительно никакого значенія въ глазахъ науки, которая не осуждаетъ и не хвалитъ, а наблюдаетъ и объясняетъ. Съ этой точки зрѣнія и современная народная пѣсня должна быть предметомъ научнаго анализа, который представляется тѣмъ болѣе важнымъ, что мы были свидѣтелями зарожденія этой пѣсни, можемъ слѣдить за ея развитіемъ, будемъ, можетъ быть, присутствовать при ея смерти; такимъ образомъ, одинъ изъ эпизодовъ народно-пѣсеннаго творчества будетъ нами обслѣдованъ цѣликомъ. Поэтому необходимо, чтобы къ современной пѣснѣ не относились съ презрѣніемъ, а записывали ее sine ira. Для науки пагубенъ взглядъ, высказанный однимъ изъ собирателей народныхъ пѣсенъ, который говоритъ, что «тратить силы и терять время на сохраненіе этихъ новомодныхъ произведеній, не только не стоющихъ вниманія, но часто и просто оскорбляющихъ художественное и нравственное чутье,—не слѣдуетъ собирателю» [1]). Въ отвѣтъ на это можно бы привести справедливыя слова Н. И. Костомарова, высказанныя около 30 лѣтъ тому назадъ: «Никакъ не слѣдуетъ,—пишетъ почтенный ученый, – пренебрегать пѣснями новѣйшаго склада или же носящими отпечатокъ новѣйшихъ передѣлокъ; если для нашего эстети-

---

[1]) Лопатинъ и Прокунинъ. Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ. М. 1889, ч. I, стр. 11.

ческаго вкуса онѣ представляются уродливыми, пошлыми, даже циническими и лишенными всякой поэзіи, то для историка и мыслящаго наблюдателя человѣческой жизни онѣ все-таки драгоцѣнные памятники народнаго творчества» [1]). Вотъ почему я считаю далеко не лишнимъ напечатать пѣсню на кончину императора Александра II, сообщенную мнѣ гр. М. А. Голенищевой-Кутузовой, которая записала ее въ области войска Донскаго со словъ слѣпца, пѣвшаго подъ звуки леры (лиры).

Мы подумаемъ, друзья,
Усѣ про бѣлаго царя!
Александръ II царь, онъ съ любовію горѣлъ,
Усѣмъ свободу дать хотѣлъ,
Подъ крыломъ усѣхъ держалъ
И отъ казни избавлялъ.
Онъ справлялъ усѣ законы,
Слыша бѣдныхъ людей стоны,
Самъ на помощь поспѣшалъ
И злодѣевъ укрощалъ.
То стали злодѣи судъ судить,
Какъ бы царя истребить.
Много казны потребили,
Отчаянныхъ людей подкупили;
Дали имъ въ руки горнаты (гранаты),
Они есть Богомъ прокляты.
Вездѣ мины подводили,
А царя не истребили.
Вездѣ каравулъ стоялъ,
Государя сохранялъ.
Марта перваго числа
Государю смерть пришла.
Ажъ явился первый ударъ,
Государя миновалъ;
Какъ взвился второй большой взрывъ,
Государя поразивъ.
Пораженный государь упалъ,
Жалобное слово сказалъ:
„Подымите меня, дѣти,
Знать, отжился я на свѣтѣ.
И къ нему слуги подбѣжали,
Подъ бѣлы руки подняли;
На рукахъ его держали,
Слезно плакали, рыдали:
„Ахъ ты, батюшка, нашъ земной Богъ!
Ты лишился своихъ ногъ:
За то кровь свою пролилъ,
Что усѣмъ добро творилъ“.

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1872 г., кн. VI.

Страшно сдумать и сгадать,
Какъ на царя руку поднять.
Каковая тамъ страсть была,
Когда царская кровь лила.

Ахъ, ты, батюшка-отецъ,
Несутъ тебя во дворецъ!
Во дворцѣ усѣ стояли,
Слезно плакали рыдали,
Черный травуръ надѣвали,
Упокой души сказали.
Черный флагъ они спустили,
Государеву смерть извѣстили.
Усѣхъ соборовъ зазвонили,
Погребеніе служили,
Прослужили шесть недѣль,
Намъ сдалось какъ одинъ день.

Дали телеграмму затменія солнца намъ.
Солнечные лучи скрылись,
Бѣлаго царя мы лишились.
Возвѣстили на Кавказъ,
Полилися слезы съ глазъ.
Во всемъ Питерѣ тревога,
У государя стражды было много.
Во весь Питеръ удивился,
Со всего Питера сошлися.
Богу—слава, царямъ—честь, держава во вѣкъ вѣка.
Аминь.

Къ сожалѣнію, болѣе или менѣе точныхъ свѣдѣній о происхожденіи этой пѣсни, степени ея распространенія, ея варіантахъ—нѣтъ, но можно надѣяться, что опубликованіе ея вызоветъ указанія, замѣчанія и дополненія, которыя могутъ быть очень важны въ научномъ отношеніи. Передъ нами лиро-эпическая пѣсня, правда, слабая въ художественномъ отношеніи, но касающаяся такого факта, который, несомнѣнно, произвелъ сильное впечатлѣніе на народъ; и личность царя-освободителя, и трагическая его смерть должны были сохраниться въ народной памяти.

Кто создалъ эту пѣсню, неизвѣстно. Одинъ лирникъ заявилъ М. А. Голенищевой-Кутузовой, что, когда онъ ослѣпъ, то его научилъ пѣть эту пѣсню такой же, какъ и онъ, слѣпецъ; другой разсказалъ, что она вывезена одной старухой-паломницей изъ Іерусалима. Можетъ быть, авторъ этой пѣсни, представитель народной массы, стушевавшійся въ ней, можетъ быть онъ не народный пѣвецъ, а какой-нибудь городской стихослагатель, но, тѣмъ не менѣе, знаменательно то, что его произведеніе пошло въ народъ и подъ звуки лиры слушается въ

разныхъ мѣстахъ [1]). Возможно, что эта пѣсня привьется, и для нея наступитъ тотъ таинственный процессъ художественной обработки, который совершался въ нашихъ древнихъ пѣсняхъ и который даетъ право авторства всему народу. Въ такомъ случаѣ наблюденія надъ ней могли бы ввести насъ въ тайники народно-поэтическаго творчества.

Печатаемая здѣсь пѣсня не имѣетъ никакой связи съ обычными народно-эпическими пріемами, кромѣ, развѣ, заключенія и сравненія смерти царя съ исчезновеніемъ солнечныхъ лучей. Что касается формы, то особенностью ея является риѳма, только изрѣдка и случайно встрѣчающаяся въ старинной пѣснѣ, но обычная въ пѣсняхъ новѣйшаго склада, что, конечно, слѣдуетъ отнести на счетъ ознакомленія народа съ литературнымъ стихомъ.

Н. Кульманъ.

[1]) Когда я дѣлалъ сообщеніе объ этой пѣснѣ въ Нео-филологическомъ обществѣ, одинъ изъ присутствовавшихъ, г. Кунцевичъ, заявилъ, что онъ слышалъ эту же пѣсню въ Курской губерніи, на ярмаркѣ.

Воспоминанія князя Эмилія Витгенштейна.

VI [1]).

Назначеніе кн. Витгенштейна въ Сѣдлецъ.—Проводы изъ Сувалокъ.—Варшава въ сентябрѣ 1863 г.—Покушеніе на жизнь гр. Берга.—Патріотическія демонстраціи.—Планъ дѣйствій, принятый Витгенштейномъ во Влоцлавскѣ.—Результаты его административныхъ мѣръ.—Необходимость въ подкрѣпленіи.—Эпизодъ съ Брехели.—Поимка прочихъ предводителей бандъ.—Адресы.—Циркуляръ центральнаго комитета.

Энергичныя и успѣшныя дѣйствія кн. Витгенштейна въ Августовѣ и Калишѣ обратили на него особое вниманіе великаго князя намѣстника и были причиною, что по водвореніи порядка въ этой мѣстности ему былъ ввѣренъ новый, болѣе обширный районъ, простиравшійся отъ Варшавы до границы Литвы, и въ которомъ еще бродили банды повстанцевъ.

Графъ Бергъ писалъ Витгенштейну по поводу этого назначенія:

«Его императорское высочество, великій князь весьма доволенъ вашей дѣятельностью. Вы съ пользою употребили тѣ семь недѣль, въ теченіе которыхъ командовали войсками на сѣверѣ царства Польскаго. Ваше перемѣщеніе отнюдь не есть пониженіе [2]), напротивъ, повышеніе. Его высочество не хочетъ подчинять васъ кому бы то ни было [3]), и

---

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1900 г.

[2]) Кн. Витгенштейнъ былъ недоволенъ этимъ назначеніемъ, такъ какъ въ Сувалкахъ онъ уже со всѣми освоился, мѣстное населеніе къ нему привыкло и начало относиться съ довѣріемъ. Свое неудовольствіе по этому поводу князь высказалъ въ письмѣ къ начальнику штаба Минквицу.

[3]) Войска, до тѣхъ поръ весьма разбросанныя, предполагалось сосредоточить; при ихъ новой группировкѣ дивизія генералъ-лейтента Манинкина

желая ввѣрить вамъ постъ болѣе значительный, нежели Сувалкскій, предполагаетъ назначить васъ военнымъ и политическимъ начальникомъ въ Сѣдлецъ. Ваша дѣятельность принесла полезные плоды въ одной изъ окраинъ Царства, она необходима теперь въ центрѣ страны, въ томъ пунктѣ, гдѣ сплетается масса интересовъ, гдѣ имѣется четыре операціонныхъ линіи и гдѣ вамъ будетъ подчинено значительно бо́льшее количество войскъ. Намъ пріятно видѣть впечатлѣніе, производимое вашимъ именемъ и вашей личностью, и мы надѣемся извлечь изъ этого пользу въ одномъ изъ центровъ страны и т. д.».

Въ Сувалкахъ всѣ, не исключая поляковъ, сожалѣли объ отъѣздѣ Витгенштейна, отдавая ему справедливость, что, несмотря на строгость принятыхъ имъ мѣръ, онъ не мучилъ ихъ напрасно; къ тому же всѣ боялись ген. Манинкина, который былъ, какъ говорили, Муравьевской школы.

Офицеры 6-го стрѣлковаго батальона устроили въ честь отъѣзжавшаго губернатора парадный обѣдъ въ своихъ казармахъ. Обширный дворъ казармъ былъ превращенъ въ садъ; посреди его была устроена цѣлая аллея, по которой проходили приглашенные. Зала была прелестно декорирована сукномъ, трофеями, звѣздами и арабесками, составленными изъ ружей и военной арматуры; въ глубинѣ зала изъ револьверовъ и черкесскихъ кинжаловъ былъ изображенъ вензель виновника торжества; на другомъ концѣ виднѣлся его гербъ съ молящимся ангеломъ надъ нимъ; вся зала была декорирована зеленью и цвѣтами. Большая русская печь была искусно задрапирована коврами; внутренность ея представляла собою подобіе грота, въ которомъ стояли маленькіе гипсовые амуры.

Послѣ обѣда, за которымъ говорилось много рѣчей и было предложено не мало тостовъ, въ саду играла музыка и пѣли полковые пѣсельники. Одинъ изъ офицеровъ прочелъ стихи въ честь князя, а солдатъ, переодѣтый генераломъ, въ эполетахъ и орденахъ, сдѣланныхъ изъ вызолоченной бумаги, сопровождаемый адъютантомъ, одѣтымъ самымъ смѣхотворнымъ образомъ, подошелъ къ князю и произнесъ небольшую рѣчь, смыслъ которой былъ тотъ, что онъ доволенъ службою Витгенштейна подъ его, генерала, начальствомъ, и при этомъ вручилъ ему бумагу, въ которой было перечислено все сдѣланное Витгенштейномъ во время пребыванія въ Сувалкахъ, и выражалась благодарность войска. Бумага была подписана: а р м і я.

(général Maninkin) должна была вступить въ Августовскую губернію, и слѣдовательно этотъ генералъ естественно долженъ бы быть назначенъ августовскимъ военнымъ губернаторомъ и непосредственнымъ начальникомъ кн. Витгенштейна. На это обстоятельство и намекаетъ гр. Бергъ въ своемъ письмѣ.

Празднество продолжалось далеко за полночь и когда князь собрался домой, то офицеры отнесли его на рукахъ въ коляску, впряглись въ нее и довезли до дому. За коляской слѣдовалъ весь батальонъ, крича «ура!» и махая шапками. Это подняло на ноги весь городъ: офицеры, солдаты, поляки, евреи выбѣжали изъ своихъ домовъ и присоединились къ шествію.

Столь сердечными проводами окончилось пребываніе кн. Витгенштейна въ Сувалкахъ, откуда онъ выѣхалъ въ Варшаву нѣсколько дней спустя; этотъ обѣдъ былъ подробно описанъ въ газетахъ и произвелъ въ Варшавѣ такое впечатлѣніе, что когда по пріѣздѣ въ этотъ городъ князь показывался гдѣ-либо въ общественномъ мѣстѣ, то всѣ взоры обращались на него, и на улицахъ ему кланялись всѣ, кто его узналъ. Варшава производила въ то время, по его словамъ, тяжелое, зловѣщее впечатлѣніе.

«На улицахъ почти каждый день убиваютъ кого-нибудь,—писалъ Витгенштейнъ 18-го (30-го) сентября 1863 г.—Убійцы стали переодѣваться ночью городовыми и солдатами, чтобы жители думали, что всѣ эти звѣрства совершаются нами. Говорятъ, будто центральный комитетъ выписалъ для этой цѣли италіанскихъ бандитовъ, и такимъ образомъ за два или за три рубля онъ легко можетъ отдѣлаться отъ того, кто ему мѣшаетъ. Эти злодѣи проходятъ мимо васъ, въ толпѣ вонзаютъ вамъ ножъ въ тѣло и, не вытаскивая его, убѣгаютъ. Ихъ повѣсили за послѣднее время до тридцати человѣкъ, но убійства не прекратились. Гр. Бергъ принялъ суровыя мѣры, но онѣ не такъ скоро окажутъ дѣйствіе, такъ какъ народъ очень распущенъ и у него извращены самыя простыя нравственныя понятія. Ежедневныя убійства, вѣшаніе преступниковъ въ крѣпости не производятъ болѣе никакого впечатлѣнія, какъ будто все это вещи неизбѣжныя.

Всѣ эти ужасы проповѣдуются, главнымъ образомъ, женщинами и ксендзами. Они не только оправдываютъ ихъ, но считаютъ ихъ даже полезными и необходимыми для патріотическихъ цѣлей. Одинъ изъ моихъ пріятелей, баронъ Бремзенъ имѣлъ на-дняхъ оригинальное столкновеніе съ однимъ ксендзомъ. Совершая рекогносцировку по направленію къ Красневицамъ, онъ увидалъ въ лѣсу двухъ несчастныхъ, повѣшенныхъ на деревѣ и провисѣвшихъ тамъ по меньшей мѣрѣ дня три. Бремзенъ велѣлъ снять ихъ съ дерева и послалъ за ближайшимъ ксендзомъ, потребовавъ, чтобы онъ предалъ ихъ землѣ. Ксендзъ отказался наотрѣзъ, сказавъ:

— Никто не имѣетъ права требовать отъ меня чего-либо противнаго моей совѣсти; вы можете разстрѣлять меня, сослать въ Сибирь, но не заставите хоронить того, кого я не хочу!

— Не безпокойтесь,—отвѣчалъ Бремзенъ,—я не намѣренъ дѣлать изъ

васъ мученика; я дамъ вамъ время на размышленіе и убѣжденъ, что мы придемъ въ концѣ концовъ къ соглашенію!

Онъ приказалъ запереть ксендза въ одномъ изъ лучшихъ домовъ мѣстечка, приставилъ къ нему надежный караулъ и въ ту же комнату велѣлъ положить оба трупа, издававшіе страшное зловоніе. Вечеромъ, но уже довольно поздно, священникъ послалъ сказать Бремзену, что онъ желаетъ его видѣть. Бремзенъ, надушивъ платокъ одеколономъ, поспѣшилъ къ ксендзу, который встрѣтилъ его также держа передъ носомъ платокъ и заявилъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, что онъ все обдумалъ и готовъ немедленно предать трупы землѣ. Бремзенъ отвѣчалъ, что уже слишкомъ поздно, что придется обождать до слѣдующаго дня, такъ какъ ксендзъ самъ не желалъ хоронить ихъ засвѣтло. Ксендзъ убѣдительно просилъ похоронить ихъ тотчасъ, но Бремзенъ настоялъ на своемъ; на утро ксендза полуживаго выпустили изъ комнаты, и онъ совершилъ обрядъ съ возможной поспѣшностью и усердіемъ.

«18-го сентября вечеромъ [писано 21 сентября (3-го октября) 1863 г.] между 5 и 6 часами вечера произведено злодѣйское покушеніе на жизнь гр. Берга. Вотъ нѣкоторыя подробности этого происшествія. Графъ катался верхомъ въ Лазенкахъ и возвращался въ городъ въ маленькой открытой коляскѣ; когда онъ поровнялся съ огромнымъ домомъ Замойскихъ, который находится напротивъ статуи Коперника, но не успѣлъ еще выѣхать изъ узкаго переулка, идущаго отъ Краковскаго предмѣстья на Новый Свѣтъ, въ него бросили четыре орсиньевскія бомбы, выстрѣливъ предварительно въ него изъ ружья. Откуда были брошены эти бомбы, съ балкона или съ чердака дома Замойскихъ—не извѣстно; выстрѣломъ изъ ружья было пробито пальто графа; двѣ бомбы попали въ коляску, одну изъ нихъ разорвало за его спиною, какимъ-то чудомъ не причинивъ ему ни малѣйшаго вреда. Графъ испыталъ только легкую боль отъ сотрясенія, но его адъютантъ былъ контуженъ, а три казака и 8 лошадей ранены. Казаки тотчасъ бросились искать виновныхъ, но въ этомъ огромномъ домѣ, гдѣ было не менѣе 200 человѣкъ жильцовъ, трудно было оріентироваться. О томъ, что убійцы бѣжали, можно было судить потому, что въ корридорѣ было брошено двуствольное ружье, изъ котораго былъ выпущенъ одинъ зарядъ. Пять минутъ спустя послѣ покушенія домъ былъ занятъ ротою солдатъ, всѣ жильцы арестованы и заперты во дворцѣ. Къ сожалѣнію, подъ вліяніямъ первой вспышки гнѣва, было приказано разорить этотъ домъ. Солдаты принялись съ яростью выкидывать въ окна все, что ни попадалось имъ подъ руку. Такимъ образомъ было уничтожено не мало вещей, которыя могли бы служить уликою. Говорятъ однако, что все-таки найдены предметы, которые могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на это покушеніе. Изъ числа арестованныхъ особенно подозрительны трое. Одинъ изъ нихъ найденъ

въ постели, по всей вѣроятности въ той комнатѣ, откуда были брошены бомбы. Его освидѣтельствовали и нашли вполнѣ здоровымъ. Подъ кроватью у него найдены заряженное ружье и отточенная сабля. Другіе два человѣка арестованы по близости отъ дома Замойскаго, въ костелѣ св. Креста, который былъ занятъ солдатами. Они одѣты грязно, безъ шапокъ, были весьма смущены и увѣряли, что пришли въ костелъ на крестины, о которыхъ не было и помина. Во дворцѣ Замойскихъ, рядомъ съ вышеупомянутымъ домомъ найдено нѣсколько заряженыхъ ружей и 500 патроновъ; графъ и его прислуга арестованы.

«Во время покушенія я былъ въ офицерскомъ собраніи. Услыхавъ о случившемся, я поспѣшилъ къ графу Бергу; онъ только-что вернулся домой и былъ въ прекрасномъ настроеніи духа. Разсказавъ мнѣ о случившемся, онъ присовокупилъ: «странное происшествіе!» Экипажъ, въ которомъ онъ ѣхалъ, поврежденъ въ шестнадцати мѣстахъ.

«Отъ графа я отправился на мѣсто катастрофы. Мнѣ представилось ужасное зрѣлище. Рояли, буфеты, посуда, одежда, книги, серебро, зеркала—все вылетало одновременно изъ оконъ этого громаднаго зданія. Изъ всѣхъ этихъ вещей былъ сложенъ костеръ, горѣвшій до утра.

«По моему мнѣнію, весьма неблагоразумно, что въ домѣ не было произведено обыска прежде, нежели онъ былъ преданъ разграбленію; вслѣдствіе этого уничтожено вѣроятно немало вещественныхъ доказательствъ; я самъ видѣлъ, что на улицѣ валялись типографскія принадлежности.

Эта быстрая расправа произвела на жителей Варшавы сильное впечатлѣніе. Народъ, избаловавный прежней снисходительностью, угнетенъ; поляки уже не имѣютъ того нахальнаго и вызывающаго вида, какъ прежде, и относятся вѣжливо даже къ солдатамъ. Женщины ходятъ по улицѣ не иначе какъ съ молитвенниками и четками.

«Послѣ разграбленія дома Замойскаго, всѣ боятся за свое имущество; всѣ поняли теперь, къ чему можетъ привести дѣятельность центральнаго комитета, все вліяніе котораго сказывается въ убійствахъ, въ нарушеніи спокойствія мирныхъ гражданъ и въ запрещеніи носить цвѣтныя платья и круглыя шляпы. Въ самомъ комитетѣ послѣ этого покушенія обнаружилась, какъ говорятъ, рознь; наиболѣе умѣренные члены вышли изъ него, остались только самые красные — приверженцы террора. Послѣдствіемъ этого было убійство нѣсколькихъ офицеровъ, между прочимъ одного несчастнаго старичка полковника, отца шестерыхъ дѣтей. Каждый день слышимъ о новыхъ жертвахъ; нѣкоторыхъ убійцъ удалось схватить. Эти злодѣи, принадлежащіе къ отребьямъ человѣческаго рода, получали за свое позорное ремесло по 50 коп. въ день. Но такъ какъ съ пріѣздомъ графа Берга ихъ ремесло сдѣлалось очень ненадежно, то они повысили заработную плату и требуютъ теперь два рубля въ день. Послѣ происшествія въ домѣ Замой-

скаго центральный комитетъ объявилъ внѣ закона всѣхъ тѣхъ, кто носитъ военный мундиръ; этимъ объясняется увеличеніе числа убійствъ за послѣдніе десять дней. Офицерамъ велѣно не выходить на улицу безъ револьвера и дано право арестовывать всѣхъ тѣхъ, кто покажется имъ подозрителенъ. Послѣдніе дни захвачено на улицахъ 8 или 9 злодѣевъ, у которыхъ были спрятаны за рукавомъ ножи. Они будутъ разстрѣлены на городскихъ площадяхъ. Эта новая мѣра—арестовывать людей на удачу на улицѣ и осматривать ихъ—дала прекрасные результаты. Вотъ уже третій день какъ не было совершено ни одного убійства. Нелѣпость и звѣрство этого класса польскаго населенія (рабочіе, пролетаріи) превосходитъ всякое вѣроятіе. На-дняхъ какой-то человѣкъ вошелъ въ Саксонскій садъ, гдѣ игралъ въ то время военный оркестръ, и сталъ прохаживаться взадъ и впередъ, затыкая себѣ уши. Надобно замѣтить, что центральный комитетъ воспрещаетъ посѣщать музыку. Встрѣтивъ одну русскую даму, одѣтую въ цвѣтное, онъ плюнулъ ей на платье; а она, не потерявъ присутствіе духа, закричала: «господа офицеры». На этого человѣка тотчасъ посыпались со всѣхъ сторонъ оплеухи; онъ пустился бѣжать, но куда бы онъ ни свернулъ, на него всюду сыпались удары, такъ что когда онъ добѣжалъ до воротъ сада, гдѣ его схватила полиція, то у него все лицо было окровавлено. Подобныя патріотическія демонстраціи случаются чуть не ежедневно; онѣ доказываютъ политическую зрѣлость этого народа.

«Какъ я уже говорилъ, всѣми овладѣло уныніе, опасаются, что «красные» доведутъ всѣхъ до разоренія; это чувство испытываютъ не только люди смирные, но даже и тѣ, которые нѣсколько недѣль тому назадъ проповѣдывали революцію. Всѣ эти подробности сообщили мнѣ знакомые поляки, имѣющіе сношенія съ главарями повстанія. Реакція такъ сильна, что уже стали поговаривать о необходимости изъявить покорность и о контръ-революціи, какъ вдругъ негодяй Badinguet всѣхъ всполошилъ, перепечатавъ въ Moniteur'ѣ предписанія, данныя центральнымъ комитетомъ князю Чарторыйскому. Эта перепечатка всѣхъ взбаломутила.

«Одною изъ самыхъ удачныхъ мѣръ графа Берга было произведеніе обыска и занятіе войскомъ варшавскихъ монастырей, изъ которыхъ исходили призывы къ оружію, повелѣнія центральнаго комитета, памфлеты, революціонные листки, раздавались субсидіи повстанцамъ, отпускались имъ грѣхи и т. д. Съ тѣхъ поръ какъ въ нихъ разставлено войско, болѣе не появляется ни газеты, ни приказовъ центральнаго комитета; какъ будто его не существуетъ; поэтому полагаютъ, что удалось арестовать руководителей этого движенія, хотя имена ихъ еще не извѣстны. Солдаты, производящіе обыски въ этихъ монастыряхъ, открываютъ каждый день тайники, скрытыя подземелья, находятъ въ садахъ, въ

стѣнахъ, даже въ гробахъ бумаги, деньги, оружіе, снаряды и т. п., надѣются найти типографскіе станки, на которыхъ печатались приговоры комитета. Монастырь Бернардиновъ, занятый первымъ, былъ, повидимому, главнымъ складочнымъ мѣстомъ мятежниковъ. Въ немъ арестовано 4 человѣка, одѣтые въ польскихъ мундирахъ; между прочимъ одинъ полицейскій чиновникъ, дезертиръ, скрывавшійся въ монастырѣ два дня. Въ этомъ монастырѣ (вещь совершенно невѣроятная) была потайная дверь, которая вела въ домъ терпимости. Повстанцы, подъ предлогомъ посѣщенія этого дома, проникали въ монастырь; другая потайная дверь вела въ мастерскую портнаго, гдѣ ихъ экипировали. Въ монастырѣ капуциновъ также сдѣлана оригинальная находка: изъ него вела потайная дверь въ сосѣдній женскій монастырь».

Въ концѣ сентября князь Витгенштейнъ оставилъ Варшаву, отправившись къ мѣсту своего новаго назначенія не въ Сѣдлецъ, какъ предполагалось вначалѣ, а въ Влоцлавскъ, на Варшавско-Бромбергской желѣзной дорогѣ, въ разстояніи часовой ѣзды отъ границы; этотъ постъ былъ важнѣе предъидущаго, вслѣдствіе его близости къ Пруссіи. Назначивъ его во Влоцлавскъ и давая ему большія полномочія, графъ Бергъ сказалъ Витгенштейну: «мнѣ необходимо имѣть тамъ человѣка, которому я могъ бы безгранично довѣрять!»

Какъ понималъ Витгенштейнъ свою задачу и какъ онъ считалъ необходимымъ дѣйствовать, видно изъ письма, посланнаго графу Бергу два дня спустя по пріѣздѣ во Влоцлавскъ.

«Ваше сіятельство,—писалъ онъ 29-го сентября (11-го октября) 1863 г.,—подкрѣпленіе, о присылкѣ коего сообщаетъ мнѣ генералъ-лейтенантъ Минквицъ, одновременно съ присылкою подробной инструкціи для моего руководства, дастъ мнѣ возможность оправдать довѣріе, коимъ ваше сіятельство удостоили меня, назначивъ во Влоцлавскъ. Позволяю себѣ принести вашему сіятельству мою искреннюю благодарность.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу у вашего сіятельства позволенія нѣсколько измѣнить данныя мнѣ инструкціи; надѣюсь, вы признаете, что я лично настолько заинтересованъ въ успѣшномъ ходѣ дѣлъ, что это послужитъ мнѣ извиненіемъ, если я не сообразуюсь по всѣмъ пунктамъ съ мнѣніемъ людей, болѣе меня компетентныхъ. По моему мнѣнію, главное вниманіе должно быть обращено въ настоящее время на границу. Поэтому кромѣ одной роты пѣхоты, поставленной полковникомъ Шильдеромъ въ Служево, я посылаю завтра двѣ роты въ Радѣевъ, гдѣ онѣ будутъ служить резервами пограничной стражѣ маіора Гарбанѣева.

«Такимъ образомъ граница, начиная отъ Вислы (ее охраняетъ въ Нешавѣ 3-я стрѣлковая рота) до Петроково (гдѣ я у меня есть отрядъ, состоящій изъ 1-й роты пѣхоты и 40 казаковъ) будетъ герметически закрыта.

«Въ Кутно я предполагаю поставить: 4 роты пѣхоты; 1 эскадронъ гусаръ; ½ сотни казаковъ.

«Въ Гостынинѣ: 7 ротъ пѣхоты; 2 эскадрона гусаръ.

«Въ Избицѣ или ея окрестностяхъ: 3 роты пѣхоты; ½ сотни казаковъ.

«Въ Ходечѣ: 2 роты пѣхоты; ½ сотни казаковъ.

«Я предпочитаю Ходечъ Кросневицамъ (гдѣ мнѣ предписано имѣть отряды), такъ какъ Ходечъ пунктъ болѣе центральный, изъ него легче оперировать совмѣстно съ отрядами, стоящими въ Избицѣ и Влоцлавскѣ, и онъ ближе, въ случаѣ надобности, къ желѣзной дорогѣ. При томъ дорога отъ Кутно къ Конину достаточно защищена гарнизонами, стоящими въ Кутно и Клодавѣ, и близостью Ходеча и Ленчицы, такъ что въ Кросневицахъ можно и не имѣть гарнизона. Я полагаю даже, что при новой диспозиціи, можно будетъ значительно уменьшить прикрытіе (состоящее, какъ мнѣ сообщаютъ изъ Варшавы, изъ 2 ротъ), дѣйствующее между Кутно и Конинымъ и парализующее наступательныя дѣйствія Кутненскаго гарнизона. Такъ какъ численность этихъ прикрытій измѣняется въ зависимости отъ того, угрожаетъ ли дорогамъ бо́льшая или меньшая опасность, то мнѣ кажется, было бы естественнѣе всего предоставить начальникамъ отрядовъ, слѣдящихъ за безопасностью этихъ дорогъ, полную свободу формировать эти прикрытія по ихъ собственному усмотрѣнію, а не опредѣлять заблаговременно ихъ численный составъ.

«Какъ только позволятъ обстоятельства, я постараюсь увеличить число гарнизоновъ, чтобы имѣть опорные пункты въ разныхъ мѣстахъ. Осмѣливаюсь просить ваше сіятельство измѣнить диспозицію, или, лучше сказать, предоставить мнѣ, на мою личную отвѣтственность, распорядиться двумя эскадронами Александрійскаго полка, которые согласно, инструкціи, должны быть посланы мною въ Кутно и которые мнѣ необходимы во Влоцлавскѣ, гдѣ должно быть сосредоточено какъ можно болѣе кавалеріи для того, чтобы вытѣснить банды повстанцевъ, хозяйничающія въ сѣверной части моего района, которая представляетъ собою мѣстность совершенно открытую, безлѣсную. Въ Кутно вполнѣ достаточно имѣть одинъ эскадронъ Елисаветградскаго полка и ½ сотни казаковъ. Главная квартира Александрійскаго полка должна быть въ Влоцлавскѣ, а не въ Кутно, маленькомъ городишкѣ, гдѣ трудно устроиться.

«Прошу ваше сіятельство извинить меня за то, что я вдаюсь во всѣ эти подробности. Ваше сіятельство дали мнѣ при моемъ отъѣздѣ полномочіе дѣйствовать по моему собственному усмотрѣнію, но точныя инструкціи, полученныя мною впослѣдствіи, заставили меня усомниться въ степени моей самостоятельности.

«Въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній осмѣливаюсь также

изложить вашему сіятельству одну мысль, которую я уже позволилъ себѣ высказать однажды передъ моимъ отъѣздомъ изъ Варшавы и въ справедливости которой я вполнѣ убѣдился со времени моего пріѣзда сюда. Я нахожу, что для успѣшныхъ дѣйствій въ этой мѣстности необходимо соединить Влоцлавскій и Конинскій военные округа въ одинъ округъ. Я чувствую это ежедневно, такъ какъ у меня не достаточно развязаны руки для того, чтобы предпринять что-либо серьезное безъ содѣйствія моихъ сосѣдей, съ коими сношенія крайне затруднены. Мнѣ кажется, что при той неопредѣленной войнѣ, какую мы ведемъ, условіе sine qua non для достиженія какихъ-либо положительныхъ результатовъ, составляетъ полная свобода и единообразіе дѣйствій, направляемыхъ волею и мыслію одного человѣка, сообразно съ требованіями данной минуты. Эта свобода дѣйствій утрачивается, когда выполненіе идеи замедляется неизбѣжными переговорами между сосѣдями, которые зачастую не одинаково смотрятъ на вещи. Во всякомъ случаѣ, своевременность извѣстнаго движенія уменьшается въ зависимости съ тѣмъ временемъ, какое должно быть употреблено на его подготовку. Одного взгляда на карту царства Польскаго достаточно, чтобы пояснить мои слова. Идя по правому берегу Варты отъ Пыздры къ Коло и продолживъ эту линію вдоль шоссе, идущаго отъ Кутно и границы Гостынинскаго округа къ Вислѣ, мы получимъ основаніе треугольника, стороны котораго составляютъ Висла и прусская граница. Этотъ районъ, ограниченный двумя рѣками и прусской границею, представляетъ собою стратегическое цѣлое, за которымъ наблюденіе было бы не трудно, и войска, сосредоточеннаго въ этой мѣстности, было бы вполнѣ достаточно для того, чтобы подавить возстаніе въ короткій срокъ, если бы къ нимъ прибавить всего два пѣхотныхъ баталіона и если бы всѣ эти войска дѣйствовали совмѣстно. Само собою разумѣется, что я включаю въ число этого войска и обѣщанные мнѣ 2 баталіона.

«Въ такомъ случаѣ, для совмѣстныхъ дѣйствій по всѣмъ направленіямъ необходимо занять пункты по слѣдующимъ тремъ линіямъ:

«Первая линія: Пыздры, Конинъ, Коло, Клодава, Кутно, Пнево.

«Вторая линія: Слесинъ, Избица, Ходечъ, Гостынинъ.

«Третья линія: Слупцы, Вильчинъ, Скульскъ, Радѣевъ, Служево, Влоцлавскъ.

«Эта диспозиція, при которой мятежники будутъ всегда между двумя огнями, представляетъ то преимущество, что дорога отъ Кутно до Конина будетъ защищена, и такимъ образомъ можно будетъ располагать двумя ротами пѣхоты, которыя въ настоящее время парализованы конвойной службой. Когда я осмѣлился изложить вашему сіятельству впервые этотъ планъ въ общихъ чертахъ, то вы благоволили отвѣтить мнѣ, что генералъ Поповъ, командующій войскомъ въ Конинѣ, старше меня

и поэтому не можетъ быть мнѣ подчиненъ; но сліяніе его района съ моимъ представляется мнѣ столь важнымъ, что, по моему мнѣнію, ни его личность, ни моя не должны быть принимаемы въ этомъ случаѣ во вниманіе. Я готовъ, со своей стороны, охотно уступить для пользы дѣла свое мѣсто человѣку, который будетъ моложе меня, и готовъ принять всякое назначеніе, какое ваше сіятельство сочли бы нужнымъ дать мнѣ. Прошу ваше сіятельство объяснить откровенность, съ какою я осмѣливаюсь высказать свое мнѣніе, единственно моимъ желаніемъ оправдать довѣріе, коимъ вы меня удостоили».

Благодаря энергичнымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ, принятыхъ кн. Витгенштейномъ, ему удалось въ весьма короткій срокъ достигнуть значительныхъ результатовъ. Въ Ковалѣ, близъ Вислы, была захвачена его отрядами полная обмундировка 150 чел. повстанцевъ; за явное содѣйствіе мятежникамъ городъ былъ обложенъ штрафомъ въ 300 р. съ обязательствомъ уплатить его въ теченіе 24 часовъ и по 10 р. штрафа за каждый просроченный часъ. Штрафъ былъ внесенъ 4 часа позже назначеннаго срока, и жителямъ пришлось уплатить 340 р. Это произвело столь сильное впечатлѣніе, что когда въ Ковалѣ, гдѣ часто останавливались повстанцы, ихъ появилось снова два человѣка, то большинство жителей бѣжало въ лѣсъ, изъ опасенія, что имъ придется поплатиться за нихъ. Другой отрядъ захватилъ въ окрестностяхъ Любранеца 600 шубъ, заготовленныхъ для повстанцевъ, и напалъ близъ одного имѣнія, въ лѣсу, на яму, въ которой было спрятано 270 косъ, большой ящикъ съ патронами и множество польскихъ фуражекъ. Съ владѣльца этого имѣнія было взыскано по приказанію Витгенштейна по 50 коп. за каждую изъ найденныхъ вещей; жители Влоцлавска до его пріѣзда не хотѣли платить налоговъ; онъ далъ имъ срокъ до 7-го октября, объявивъ, что, по прошествіи его, всѣ не внесшіе этого налога должны будутъ уплатить 1 р. штрафа въ день. Налогъ былъ внесенъ своевременно.

За каждую банду, за каждый складъ оружія, который находили отряды, разосланные во всѣ стороны, Витгенштейнъ налагалъ на жителей огромные штрафы, равно и на тѣхъ лицъ, кои оказывали пріютъ повстанцамъ, не донося о нихъ властямъ, и принимали на храненіе оружіе, одежду, снаряды.

Войска, разставленныя имъ вдоль прусской границы, не только пріостановили наплывъ повстанцевъ изъ Пруссіи, но доставили ему значительныя суммы, вырученныя за продажу конфискованной контрабанды, которыя были употреблены на содержаніе полиціи, шпіоновъ, на вознагражденіе пострадавшимъ, на что правительствомъ отпускалась въ его распоряженіе ничтожная сумма (25—45 р. въ мѣсяцъ) [1]).

[1]) Письмо отъ 6-го (18-го) октября 1863 г.

Такъ какъ вся эта корреспонденція революціоннаго комитета и заграничныхъ революціонныхъ дѣятелей происходила при посредствѣ дамъ, которыя провозили депеши, зашивая ихъ въ бѣлье и корсеты, то было приказано тщательно осматривать ихъ на таможнѣ, для чего были наняты русскія женщины.

«Первая осмотрѣнная дама была француженка, — писалъ Витгенштейнъ,—ѣхавшая по подложному паспорту графини Замойской. При ней не найдено бумагъ, но въ ея кринолинѣ нашли зашитыми 500 сигаръ, которыя ей и возвращены, такъ какъ мы преслѣдуемъ исключительно политическія цѣли, а не контрабанду. Эта дама страшно шумѣла, кричала, что это нарушеніе правъ и т. п.

«Сцена была, говорятъ, великолѣпная. Тѣмъ лучше, пусть она надѣлаетъ шума, пусть ее опишутъ въ газетахъ; когда это станетъ извѣстно, никто не посмѣетъ болѣе провозить тайныя депеши. Мнѣ сообщили, что изъ Франціи будетъ прислана большая партія отравленныхъ перочинныхъ ножей, которыми хотятъ замѣнить кинжалы, при помощи которыхъ центральный комитетъ рѣшаетъ всѣ затруднительные вопросы. Я сдѣлалъ распоряженіе задерживать всякаго, у кого будетъ замѣченъ самый маленькій ножичекъ, и дѣлать ему въ видѣ опыта маленькій надрѣзъ этимъ ножичкомъ; если ножикъ отравленъ, то виновный понесетъ заслуженное наказаніе, въ противномъ случаѣ обнаружится, что онъ не виновенъ, и его отпустятъ. Я организую во Влоцлавскѣ и въ прочихъ городахъ сильную полицію и строгій надзоръ за домами, возложивъ на домовладѣльцевъ отвѣтственность за ихъ жильцовъ.

«Польская публика наилучшій барометръ, по которому можно судить объ успѣшности принимаемыхъ мѣръ. При моемъ пріѣздѣ сюда я видѣлъ вокругъ себя однѣ дерзкія физіономіи,—въ настоящее время почти всѣ встрѣчные снимаютъ передо мною шапки.

«Въ Варшавѣ, въ жандармскихъ казармахъ найденъ подъ поломъ архивъ центральнаго комитета, который умолкъ съ тѣхъ поръ, какъ монастыри были заняты войскомъ. Сынъ одного жандармскаго полковника просматривалъ тайкомъ отъ отца его бумаги и увѣдомлялъ революціонный комитетъ о цѣляхъ и намѣреніяхъ правительства. Обнаружено также, что убійцами руководила дама, которая платила имъ за каждое совершенное убійство опредѣленную цѣну 25 рублей. Ее выдалъ одинъ изъ этихъ негодяевъ, которому она дала вмѣсто 25 руб.,—девятнадцать руб.; вотъ до чего дошелъ польскій патріотизмъ. Отвѣтственнымъ его распорядителемъ является въ настоящее время Мѣрославскій: онъ приказалъ разсѣять банды и учредить въ городахъ систему убійствъ въ крупныхъ размѣрахъ. Онъ совѣтуетъ также захватывать семьи чиновниковъ и офицеровъ, чтобы имѣть въ ихъ лицѣ заложни-

ковъ и мучить ихъ или убивать въ возмездіе за смерть повстанцевъ, коихъ мы вѣшаемъ.

«Третьяго дня вечеромъ, въ Европейской гостиницѣ, въ Варшавѣ убитъ докторъ-англичанинъ; отель со всѣмъ его движимымъ имуществомъ (стоимостью въ нѣсколько милліоновъ) конфискованъ».

Результатъ чрезвычайныхъ административныхъ мѣръ, принятыхъ Витгенштейномъ въ его районѣ (система взысканій и установленіе между жителями взаимнаго контроля), оказался весьма скоро: передъ повстанцами закрылись двери тѣхъ домовъ, въ которыхъ они находили прежде не только временное пристанище, но и болѣе продолжительный пріютъ, на нихъ стали доносить; чувствуя, что теряютъ подержку въ мѣстномъ населеніи, они не знали, что предпринять.

Между тѣмъ въ первые дни по пріѣздѣ кн. Витгенштейна во Влоцлавскъ ему было сообщено, что въ его районѣ велась дѣятельная агитація съ цѣлью оживить затихшій мятежъ.

«Считаю долгомъ увѣдомить ваше сіятельство, — доносилъ онъ по этому поводу гр. Бергу 4-го (16-го) октября 1863 г.,—что показанія всѣхъ плѣнныхъ, кои доставляютъ ежедневно мои летучіе отряды, сходятся въ томъ, что имъ велѣно быть наготовѣ къ всеобщему возстанію, которое должно начаться недѣли черезъ двѣ или три. По ихъ словамъ, въ районѣ, заключающемся между Самполою, границею, желѣзной дорогой и шоссе, идущимъ въ Конинъ, разсѣяно болѣе трехъ тысячъ повстанцевъ по городамъ, селамъ и помѣстьямъ, которые живутъ на средства мѣстныхъ жителей. Говорятъ, будто надъ ними приметъ начальство самъ Тачановскій. Оружіе спрятано въ лѣсу, но гдѣ именно, этого указать не могутъ, такъ какъ его постоянно переносятъ съ мѣста на мѣсто, опасаясь измѣны. Съ тѣхъ поръ какъ я прибылъ сюда, мы уже задержали болѣе 60 человѣкъ, въ числѣ коихъ есть лица, выдающіяся среди повстанцевъ. Я преслѣдую ихъ неустанно, въ надеждѣ открыть черезъ нихъ какой-нибудь складъ оружія. Эти сумасброды увѣрены въ томъ, что «польская армія» состоитъ по меньшей мѣрѣ изъ 150 тысячъ человѣкъ только одной кавалеріи, и что къ ней идетъ на помощь ни болѣе ни менѣе какъ 9 корпусовъ турецкаго войска.

«Пока дѣйствія моихъ отрядовъ парализованы недостаткомъ кавалеріи до такой степени, что изъ двухъ экспедицій одна, среднимъ числомъ, совершается слишкомъ поздно. Если мнѣ удастся достигнуть чего-либо серьезнаго до прибытія ожидаемаго мною подкрѣпленія, то это будетъ чистѣйшая случайность. Мнѣ хотѣлось бы имѣть сильный отрядъ кавалеріи въ Избицѣ (которая есть въ сущности центръ моего района), для того чтобы легче было услѣдить за этой частью района, въ которой находится наибольшее число повстанцевъ.

«Если бы обѣщанная мнѣ кавалерія прибыла въ скоромъ времени,

то я могъ бы помѣшать новой вспышкѣ мятежа, лишивъ его всякаго серьезнаго значенія и даже совершенно парализовавъ его успѣхъ.

«Энергичныя мѣры, принятыя мною къ подавленію мятежа, подѣйствовали на всѣхъ, и послѣдніе дни ко мнѣ стали являться помѣщики съ просьбою наказать ихъ для вида, чтобы сбить съ толку тайное «правительство», которое слѣдитъ за ними. Это первый признакъ, что начинаетъ образовываться партія, намъ сочувствующая. Слѣдуетъ только воспользоваться этимъ во-время и отвѣчать дѣйствіями на эти, пока еще несмѣлые шаги въ нашу пользу.

«Я говорю объ этомъ вашему сіятельству съ цѣлью показать, какъ своевременно было бы пойти на встрѣчу этому настроенію и какъ много я могу потерять, не воспользовавшись этимъ.

«Если кавалерія, обѣщанная мнѣ вашимъ сіятельствомъ, опаздаетъ прибытіемъ, то не соблаговолите ли вы прислать мнѣ временно изъ Варшавы то количество войска, какое необходимо для достиженія вышеизложенной цѣли, ибо, повторяю еще разъ, положеніе дѣлъ таково, что каждый день, который я пропускаю, не воспользовавшись получаемыми мною свѣдѣніями и временнымъ разсѣяніемъ бандъ, равносиленъ понесенному пораженію.

«Организованная мною полиція и изданныя мною постановленія начинаютъ функціонировать; надобно только поддержать ихъ военной силою, надобно доказать, что они существуютъ быстрыми и энергичными дѣйствіями. Осмѣливаюсь просить ваше сіятельство утвердить въ возможно скоромъ времени Орловскаго, назначеннаго мною начальникомъ полиціи Влоцлавскаго округа. Это человѣкъ надежный, оказавшій намъ несомнѣнныя услуги. Утвердить его назначеніе необходимо какъ можно скорѣе, такъ какъ мнѣ извѣстно изъ вѣрнаго источника, что польская партія, желая удалить его изъ этой мѣстности, гдѣ онъ мѣшаетъ ея планамъ, хлопочетъ о назначеніи его въ Ленчицу. Если эта интрига удастся, то она будетъ для меня не только неудачей, она поставитъ меня въ большое затрудненіе и нанесетъ большой ударъ обаянію власти, необходимому на моемъ посту».

«Главное зло, съ которымъ надобно бороться энергичнѣе всего, это жандармы-вѣшатели. Намъ не удастся возстановить порядокъ до тѣхъ поръ (писано 12 (24) октября 1863 г.), пока мы не истребимъ этотъ бичъ, замѣнившій теперь вооруженныя банды и наводящій на страну гораздо болѣе ужаса. Такъ какъ эти убійцы разсѣялись всюду, то существуютъ деревни, въ которыхъ съ мая мѣсяца повѣшено или замучено до смерти 40—50 человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Вотъ тѣ герои польскаго патріотизма и католической вѣры, за здравіе которыхъ св. отецъ устраиваетъ процессіи и въ защиту которыхъ епископъ Дюпанлу (Dupanloup) разсылаетъ пастырскія посланія. Остается только

благословлять отравленные ножи и сопричислить къ лику блаженныхъ тѣхъ, которые убиваютъ беззащитныхъ людей на улицахъ Варшавы.

«Жители Варшавы ходятъ на поклоненіе на могилы убійцъ, которые задержаны съ отравленными кинжалами въ рукахъ и которые разстрѣлены, какъ они вполнѣ того заслуживали».

Въ послѣднихъ числахъ октября Витгенштейну были наконецъ присланы подкрѣпленія, которыхъ онъ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, и съ которыми онъ могъ съ успѣхомъ преслѣдовать маленькія банды повстанцевъ, до тѣхъ поръ ускользавшія у него изъ рукъ по недостатку кавалеріи. Въ его распоряженіи было теперь: 26 ротъ пѣхоты, 3 эскадрона гусаръ, 2 сотни казаковъ, $^1/_2$ батареи артиллеріи и 300 человѣкъ пограничной стражи. Съ этими силами онъ могъ держать въ повиновеніи ввѣренный ему районъ, который простирался отъ границы вдоль берега Вислы до Осмолина.

Съ прибытіемъ этихъ войскъ Витгенштейну были развязаны руки, и благодаря его энергіи результатъ его дѣятельности въ Влацлавскѣ превзошелъ всѣ ожиданія. Въ короткій промежутокъ времени, не болѣе 2 мѣсяцевъ, силы повстанцевъ пришли въ совершенное разстройство; летучіе отряды, посылаемые имъ въ разныя стороны, приводили къ нему ежедневно столько плѣнныхъ, что онъ не зналъ, куда ихъ помѣстить; лица, которыя должны были принять участіе въ новомъ возстаніи, бѣжали или попрятались и—что важнѣе всего—ему удалось захватить самыхъ выдающихся предводителей повстанцевъ. Такъ, между прочимъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ въ окрестностяхъ Гостынина былъ схваченъ молодой итальянецъ, баронъ Брехели, предводительствовавшій бандою повстанцевъ подъ именемъ Каллье. Для характеристики предводителей польскихъ бандъ, которые нерѣдко не имѣли ничего общаго съ Польшею и съ польскимъ національнымъ дѣломъ, не знали даже польскаго языка и принимали участіе въ возстаніи только изъ любви къ приключеніямъ, къ тревожной боевой жизни, интересно прочесть то, что писалъ Витгенштейнъ объ этомъ юношѣ, и вообще все описаніе этого эпизода, которое мы находимъ въ письмахъ къ его супругѣ.

«Тяжела обязанность карать, не имѣя права помиловать,—писалъ онъ.—Мнѣ приходится разстрѣлять симпатичнѣйшаго и интереснѣйшаго юношу, 22 лѣтъ, который своимъ открытымъ и веселымъ лицомъ скорѣе походитъ на молодую дѣвушку и который, несмотря на свою молодость, былъ предводителемъ банды и доставилъ намъ въ прошломъ году немало хлопотъ. Онъ захваченъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами отрядомъ, посланнымъ мною 20-го октября, подъ командою моего адъютанта Шварца, чтобы обшарить лѣса въ окрестностяхъ Гостынина.

«Люди, составлявшіе этотъ отрядъ, переодѣвшись повстанцами, отправились по одиночкѣ по фермамъ и по помѣстьямъ; имъ удалось та-

кимъ образомъ въ теченіе трехъ дней найти четыре склада оружія, 180 мундировъ, массу снарядовъ, 700 паръ зимнихъ сапогъ и т. п., и захватить 48 чел. повстанцевъ, между коими самымъ главнымъ оказался бѣдный Брехели. Шварцъ сообщилъ мнѣ массу свѣдѣній, одно другаго интереснѣе, которыя онъ слышалъ въ разныхъ мѣстахъ.

«Поимка одного изъ самыхъ смѣлыхъ и вліятельныхъ предводителей повстанцевъ должна цѣниться на вѣсъ золота, а между тѣмъ мнѣ безконечно жаль этого юношу. Я предпочелъ бы уѣхать отсюда и отказаться отъ всего, нежели скрѣпить своею подписью приговоръ, который я подписываю не по убѣжденію; это такая мука, которой я не пожелалъ бы злѣйшему врагу. Телеграфировавъ гр. Бергу радостную вѣсть о поимкѣ Брехели, я написалъ ему обстоятельное письмо, въ которомъ доказывалъ, что надобно даровать жизнь этому молодому человѣку—единственному изъ повстанцевъ, который отличился храбростью, военнымъ тактомъ и великодушіемъ; три мѣсяца тому назадъ онъ спасъ жизнь одного изъ нашихъ офицеровъ, отпустилъ 4 солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ въ сраженіи съ маіоромъ Нелидовымъ, надѣливъ ихъ деньгами. Брехели—бывшій адъютантъ Гарибальди, онъ участвовалъ въ всѣхъ италіанскихъ походахъ. Онъ такъ очаровываетъ всѣхъ, въ особенности женщинъ, что онѣ безъ ума отъ него. Онъ очень хорошъ собою и проникалъ нѣсколько разъ въ наши гарнизоны переодѣтый женщиной; въ Конинѣ онъ очутился въ весьма затруднительномъ положеніи, когда нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ стали ухаживать за нимъ. Другой разъ, переодѣвшись семинаристомъ, онъ прошелъ сквозь отряды, преслѣдовавшіе его; словомъ, его жизнь это цѣлый романъ. Онъ преклоняется передъ доблестью нашей арміи и высказываетъ величайшее презрѣніе къ партіи, къ которой онъ принадлежалъ. Онъ четыре раза посылалъ въ центральный комитетъ прошеніе объ отставкѣ и вернулся изъ Пруссіи только для свиданія со своей любовницей, у которой онъ и арестованъ.

«Я выставилъ въ моемъ письмѣ къ графу всѣ эти причины и настаивалъ въ особенности на томъ, что, будучи арестованъ, онъ просилъ принять его на русскую службу. Я старался доказать графу, что его измѣна революціонной партіи нанесетъ ей гораздо болѣе существенный вредъ, нежели смерть этого прелестнаго юноши. Я кончалъ письмо, когда была получена отъ графа депеша, съ приказаніемъ судить его и казнить въ 24 часа! Поэтому я прибавилъ въ post-scriptum'ѣ, что я исполню его приказаніе, но прошу его, телеграфировать, пока не будетъ поздно, если онъ измѣнитъ мнѣніе, прочитавъ мое письмо.

«Это письмо было послано съ Шварцемъ, взявшимъ въ плѣнъ барона Брехели; онъ безъ ума отъ него и хочетъ для спасенія его сдѣлать все возможное и надѣется упросить графа, который его знаетъ и очень любитъ. Надобно еще сказать, что изъ-за великодушія къ нашимъ плѣн-

нымъ Брехели неоднократно ссорился съ поляками, которые хотѣли повѣсить ихъ; однажды онъ самъ едва не поплатился за это жизнью. Онъ попалъ въ число повстанцевъ не по политическимъ причинамъ, а вслѣдствіе своей любви къ приключеніямъ, которая заставила его вступить въ ихъ ряды.

«Вечеромъ въ тотъ день, когда мною послано было письмо гр. Бергу, Брехели просилъ позволенія придти ко мнѣ.

«Я увидѣлъ юношу небольшаго роста, бѣлокураго, розовенькаго, безбородаго, съ выразительными италіанскими глазами, съ самымъ откровеннымъ, осмысленнымъ лицомъ. Онъ спросилъ меня на нѣмецкомъ языкѣ, на которомъ онъ говоритъ вполнѣ правильно и свободно, будутъ ли его казнить на слѣдующій день; я могъ успокоить его тѣмъ, что по закону въ воскресные дни казни не совершаются. Онъ выслушалъ меня съ грустной покорностью и просилъ предупредить его о томъ, когда его участь должна будетъ рѣшиться окончательно, чтобы онъ могъ сдѣлать послѣднія распоряженія. Но вскорѣ молодость взяла свое: онъ началъ болтать, смѣяться и разсказывать намъ дѣла, въ которыхъ онъ участвовалъ, свои сношенія съ главарями повстанія, выбалтывая по своей живости одну тайну за другою. Никто не подумалъ бы, глядя на этого молодаго, скромнаго, живаго и улыбающагося юношу, что это и былъ знаменитый Каллье, тотъ предводитель польскихъ бандъ, который доставилъ намъ столько хлопотъ и который имѣлъ наиболѣе вліянія на мѣстное населеніе. Онъ высказалъ мнѣ свое желаніе поступить, если его помилуютъ, на службу Россіи и служить на Кавказѣ; затѣмъ, увлекшись этой мыслью, онъ сталъ разсказывать, какую саблю онъ выпишетъ изъ Италіи,—словомъ, это былъ мужчина и ребенокъ въ одно и то же время. Мои адъютанты были въ восторгѣ отъ него; мы всѣ увлеклись дотого, что позабыли всю трагичность его положенія и разстались какъ старинные друзья; я велѣлъ подать шампанское, и мы выпили за долгую жизнь. Ночью я не могъ спать; подъ утро пришла наконецъ депеша отъ графа Берга. Она меня привела въ отчаяніе, такъ какъ графъ подтверждалъ приказаніе разстрѣлять его, какъ только военный судъ произнесетъ приговоръ. Я былъ огорченъ до такой степени, какъ будто приходилось казнить роднаго брата. Я рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку и телеграфировалъ графу о томъ, что Нелидовъ и солдаты, спасенные Брехели, просятъ помиловать его. Всѣ офицеры, даже тѣ, которые судили его, просили о томъ же. Между тѣмъ я получилъ депешу отъ Шварца, который сообщалъ, что онъ везетъ письмо отъ графа и надѣется на благопріятный результатъ.

«Однако гр. Бергъ писалъ только, что мы не имѣемъ повода расчувствоваться, что мы должны повиноваться и добросовѣстно исполнить свой долгъ. Нечего было дѣлать, я послалъ сказать бѣдному мальчику,

чтобы онъ готовился къ завтрашнему дню. Онъ попросилъ у меня свиданія; я велѣлъ привести его къ Шварцу, гдѣ я засталъ его въ истерикѣ; онъ рвалъ себѣ волосы на головѣ, катался по полу, звалъ отца! сущій ребенокъ. Я старался ободрить его, говоря, что это будетъ дѣло одного момента; что Господь помилуетъ его и т. д., словомъ все, что можно сказать въ подобномъ случаѣ. Онъ цѣловалъ меня, склоняя голову на мое плечо. Мы плакали вмѣстѣ, какъ будто казнь угрожала нашему другу и какъ будто не я подписалъ смертный приговоръ. Увѣщая его цѣлыхъ два часа, мнѣ удалось нѣсколько успокоить его; наконецъ я сказалъ ему нехотя, что могла бы быть нѣкоторая надежда на его спасеніе, если бы онъ сообщилъ намъ что-нибудь, что̀ могло повести къ раскрытію виновныхъ и доказало бы его желаніе служить императору вѣрою и правдою. Брехели ухватился за это и сообщилъ намъ нѣкоторыя вещи, побудившія меня послать еще разъ Шварца съ экстреннымъ поѣздомъ въ Варшаву. Мой адъютантъ разбудилъ графа среди ночи и возвратился по утру съ приказаніемъ отложить исполненіе приговора и помиловать Брехели, если онъ сдержитъ свои обѣщанія».

Таковъ былъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся предводителей польскихъ бандъ.

Въ окрестностяхъ Гостынина, тѣмъ же отрядомъ, коимъ былъ арестованъ Брехели, было задержано шесть главныхъ агентовъ центральнаго комитета, «организаторовъ страны», какъ они себя называли,—въ числѣ ихъ три ксендза. Нѣсколько дней спустя былъ захваченъ нѣкто Паолинскій, котораго тщетно разыскивали въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; онъ былъ грозою страны и считался начальникомъ польской жандармеріи Гостынинскаго округа. Это былъ человѣкъ необыкновенно ловкій, жестокій и хладнокровный. Онъ ни въ чемъ не сознался. Онъ предсталъ передъ военнымъ судомъ въ своемъ польскомъ мундирѣ и былъ повѣшенъ два дня спустя въ Гостынинѣ, шелъ на казнь съ поразительнымъ хладнокровіемъ самъ поправилъ веревку вокругъ шеи и произнесъ: «я умираю невиненъ, какъ ангелъ». Можно пожалѣть о томъ, что такая изумительная энергія и такая сила воли не были употреблены на служеніе иному дѣлу.

Въ первыхъ числахъ ноября Витгенштейну удалось достигнуть еще болѣе крупнаго успѣха: ему удалось уничтожить отрядъ повстанца Сиревича, который наводилъ страхъ на всю окрестную мѣстность и долгое время ускользалъ отъ него.

«Я узналъ,—пишетъ Витгенштейнъ 6-го (18-го) ноября 1863 г.,—отъ одного крестьянина, что Сиревичъ находился въ окрестностяхъ Гомбина. Получивъ это извѣстіе, я въ ту же ночь послалъ три сильныхъ отряда, состоявшіе каждый изъ роты пѣхоты и 40—60 казаковъ, изъ Кутны, Ловича и Гостынина и телеграфировалъ въ Плоцкъ, откуда

*

генералъ Семека послалъ четвертый отрядъ вдоль берега Вислы. Эти четыре отряда совершили одновременно концентрическое движеніе на Гомбино. Отрядъ, шедшій изъ Кутны, столкнулся съ непріятелемъ первый, положилъ на мѣстѣ 37 чел., ранилъ 60 чел. и оттѣснилъ повстанцевъ, послѣ довольно ожесточенной схватки по направленію къ колоннѣ, шедшей изъ Ловича, которая въ свою очередь атаковала ихъ и опрокинула, захвативъ множество лошадей и оружія и погнавъ его на колонну, шедшую изъ Плоцка, которая преслѣдовала его со свѣжими силами».

Недѣлю спустя 13-го (25-го) ноября близъ границы былъ захваченъ Богушъ, эмиссаръ центральнаго комитета, изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, у котораго найдены при обыскѣ весьма важныя депеши, цѣлая программа революціонныхъ дѣйствій съ перечисленіемъ именъ повстанцевъ и тѣхъ силъ, съ коими они предполагали дѣйствовать въ варшавскомъ округѣ. Въ этихъ бумагахъ высказывались жалобы и упреки по поводу того, что въ округѣ Витгенштейна дѣла повстанцевъ шли худо; между тѣмъ центральный комитетъ до такой степени разсчитывалъ на успѣхъ организованнаго имъ новаго возстанія, что онъ послалъ въ этотъ округъ даже хирурга съ аптечкою, которые также были захвачены 20-го ноября (2-го декабря) 1863 г.

Витгенштейнъ имѣлъ удовольствіе послать въ Варшаву первый адресъ съ изъявленіемъ покорности отъ жителей царства Польскаго; адресъ былъ изъ Нешавы и подписанъ всѣми сколько-нибудь вліятельными его жителями, ксендзами, помѣщиками, купцами—въ числѣ 500 человѣкъ.

Тѣ жители Нешавы, которые, не совершивъ никакого преступленія, только участвовали въ бандахъ, получили позволеніе возвратиться по домамъ съ условіемъ, что они явятся къ военнымъ властямъ и дадутъ присягу.

Нѣсколько дней спустя представили адресы г. Влоцлавскъ и вслѣдъ за иимъ еще девять другихъ городовъ.

Посланный въ Варшаву съ этими адресами адъютантъ Витгенштейна Шварцъ писалъ ему:

«Графъ (Бергъ) поручилъ мнѣ передать вамъ отъ него тысячу привѣтствій; онъ чрезвычайно доволенъ! Минквицъ (начальникъ штаба) и всѣ прочіе въ восторгѣ отъ васъ и кланяются вамъ; быть посланнымъ вами въ Варшаву большая честь; здѣсь меня всѣ чествуютъ»!

Такимъ образомъ, во ввѣренномъ Витгенштейну раіонѣ уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ возстаніе было почти окончательно подавлено, и попытка оживить его не удалась.

Въ половинѣ декабря, летучими отрядами былъ взятъ въ плѣнъ революціонный начальникъ Калишской губерніи—италіанецъ Бекки, захвачена вся его революціонная переписка, между прочимъ французскіе

черновики его писемъ, приговоровъ, прокламацій и т. п. и нѣсколько сотъ рублей денегъ, присвоенныхъ имъ подъ видомъ контрибуціи. Будучи взятъ въ плѣнъ, онъ просилъ позволеніе написать нѣсколько писемъ, которыя были адресованы имъ какому-то принцу Бонапарту во Флоренціи и нѣсколькимъ французскимъ генераламъ, которыхъ онъ просилъ о заступничествѣ — хотя это было совершенно безполезно, такъ какъ два дня позже онъ былъ разстрѣленъ. Этотъ польскій патріотъ, у котораго найдено въ карманѣ нѣсколько смертныхъ приговоровъ, имъ подписанныхъ, не зналъ ни слова по-польски.

Генералъ Треповъ прислалъ въ это же время кн. Витгенштейну изъ Варшавы копію съ весьма любопытнаго циркуляра центральнаго комитета къ такъ называемымъ «начальникамъ» его округа. Комитетъ жаловался на то, что его приказанія болѣе не исполняются, что онъ не получаетъ болѣе налоговъ, что начальники трусы и потеряли голову, что тѣ, кои должны быть повѣшены, остаются живы и невредимы и что вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ изъ-за границы не было получено оружія. Комитетъ повелѣвалъ подогрѣть патріотизмъ, имѣть наблюденіе за Витгенштейномъ и, жалуясь на дѣйствія его адъютанта Шварца, говорилъ, что необходимо позаботиться о томъ, чтобы онъ «исчезъ» какъ можно скорѣе, и высказывалъ при этомъ сожалѣніе, что у комитета нѣтъ болѣе людей, на которыхъ можно бы возложить это деликатное порученіе.

Этотъ циркуляръ лучше всего рисуетъ безвыходное положеніе, въ которомъ очутились повстанцы. Видя, что ихъ банды разсѣяны и предводители либо убиты или взяты въ плѣнъ, либо бѣжали за границу, революціонное правительство сдѣлало еще одно усиліе, оно послало противъ Витгенштейна цвѣтъ своей кавалеріи, 200 человѣкъ, извѣстныхъ подъ именемъ «варшавскихъ дѣтей», въ составъ которыхъ входили варшавяне, галичане, венгерцы. Но и этому отряду не посчастливилось; его преслѣдовалъ отрядъ, стоявшій близъ Плоцка. Стараясь уйти отъ него, повстанцы пустились вплавь черезъ Вислу и потеряли при этой переправѣ 80 человѣкъ утонувшими.

«Какъ только мнѣ донесли о появленіи ихъ въ моемъ раіонѣ,—писалъ Витгенштейнъ 16-го (28-го) декабря 1863 г.,—я поспѣшилъ послать моего адъютанта Шварца съ 45 чел. пограничной стражи и казаками, чтобы пресѣчь имъ путь. Шварцъ возвратился вчера вечеромъ, изрубивъ 30 человѣкъ, взявъ 26 превосходныхъ лошадей и много оружія. Говорятъ, будто остатокъ этой банды натолкнулся близъ Избицы на одинъ изъ моихъ отрядовъ, посланныхъ на рекогносцировку, и былъ имъ изрубленъ. Такъ покончили свое существованіе «варшавскія дѣти» въ блестящихъ уланскихъ мундирахъ съ красными отворотами»!

16 конныхъ отрядовъ, посланныхъ Витгенштейномъ въ послѣднихъ

числахъ декабря, чтобы объѣздить его раіонъ вдоль и поперекъ, не встрѣтили въ немъ болѣе ни одной банды повстанцевъ.

VII.

Проектъ сооруженія блокгаузовъ.—Записка по этому поводу Витгенштейна.—Убійство колониста Бема.—Покушеніе на Фейге.—Смерть предводителя повстанцевъ Маевскаго.—Адресъ Конявскаго дворянства.—Отъѣздъ Витгенштейна изъ царства Польскаго.—Картина Вилленвальда: „Осада Карса".—Кончина Витгенштейна.

Въ ряду тѣхъ мѣръ, которыя правительство считало полезнымъ принять для подавленія мятежа, былъ проектъ о сооруженіи вдоль желѣзнодорожныхъ линій системы блокгаузовъ, предназначенныхъ для охраны путей сообщенія отъ разрушенія ихъ повстанцами.

Считая возможнымъ только подвижностью войска держать насторожѣ непріятеля, кн. Витгенштейнъ былъ противъ этого проекта, который начали приводить въ исполненіе. Онъ развилъ свой взглядъ на этотъ вопросъ въ нижеслѣдующей запискѣ, препровожденной имъ весною 1864 года въ Варшаву графу Бергу.

«Опытъ польской войны 1863 г. доказалъ мнѣ, что для того чтобы парализовать развитіе мятежа, охватившаго страну, и уничтожить наводняющія ее вооруженныя банды, самый лучшій способъ дѣйствія—это система летучихъ отрядовъ, появляющихся одновременно въ нѣсколькихъ пунктахъ, которые, дѣйствуя совмѣстно и нерѣдко на удачу, обыскиваютъ лѣса, болота, слѣдятъ за городами, селами, имѣніями, мѣшаютъ сосредоточенію бандъ, вынуждаютъ главарей повстанцевъ скрываться, перемѣнять мѣсто жительства, и такимъ образомъ лишаютъ ихъ возможности дѣйствовать послѣдовательно. Словомъ, я приписываю успѣхъ, достигнутый мною за послѣдніе мѣсяцы, тому, что иниціатива всѣхъ дѣйствій принадлежала намъ; достигнутые мною результаты свидѣтельствуютъ, что, имѣя дѣло съ такимъ непріятелемъ, съ какимъ намъ приходится вести борьбу, лучшею оборонительною системою слѣдуетъ считать наступательный образъ дѣйствій.

«Но для проведенія этой системы, необходимо, чтобы войска были по возможности подвижны, чтобы ими можно было располагать по мѣрѣ надобности; ихъ не слѣдуетъ парализовать, обрекая на бездѣйствіе въ нѣкоторыхъ пунктахъ, не имѣющихъ ни стратегическаго, ни административнаго значенія, и коихъ оборона и охрана, въ случаѣ усиленія мятежа, поглотила бы тѣ силы, коими необходимо располагать, для подавленія мятежа.

«Я сомнѣваюсь, чтобы можно было достигнуть желаемаго успѣха устройствомъ блокгаузовъ вдоль линій желѣзныхъ дорогъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что какъ бы велико ни было число этихъ блокгаузовъ, ихъ гарнизоны не будутъ въ состояніи помѣшать тѣмъ дѣйствіямъ, которыя необходимо предупредить. Нѣсколько человѣкъ, спрятавшись ночью вдоль полотна желѣзной дороги, всегда найдутъ возможность испортить его, не обративъ на себя вниманіе военныхъ постовъ, которые будутъ отстоять одинъ отъ другаго на разстояніи нѣсколькихъ верстъ.

«По моему мнѣнію, самый дѣйствительный способъ охраны путей сообщенія состоитъ въ той системѣ, которую я примѣняю съ большимъ успѣхомъ. Она состоитъ въ томъ, чтобы возлагать отвѣтственность за всякія поврежденія на помѣщиковъ, на мѣстное населеніе, посылая въ то же время въ окрестности многочисленные отряды, которые должны быть расположены въ мѣстечкахъ, въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ скрещиваются дороги и т. д. и которые держали бы страну подъ постояннымъ надзоромъ, разсылая по всѣмъ направленіямъ летучія колонны. Только благодаря этой системѣ, которая сама по себѣ очень проста, мнѣ удалось подавить возстаніе, уничтожить банды жандармовъ-вѣшателей, обратить въ бѣгство или схватить ея агентовъ и главарей, водворить спокойствіе въ деревняхъ и вызвать довѣріе къ намъ въ людяхъ благонамѣренныхъ, однимъ словомъ, возстановить самымъ положительнымъ образомъ, во ввѣренномъ мнѣ районѣ, власть его императорскаго величества. Если не случится какихъ-либо осложненій извнѣ, то я ручаюсь, что черезъ два мѣсяца мнѣ удастся окончательно умиротворить этотъ районъ.

«Если же для занятія гарнизонами проектированныхъ блокгаузовъ мнѣ придется сократить численность войска, распредѣленнаго въ этой мѣстности, то намъ будетъ угрожать опасность, что мятежъ снова разгорится, что силы мятежниковъ организуются вновь во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ я не буду въ состояніи сдержать ихъ. Отомщеніе, которому подвергнутся всѣ тѣ, кои, разсчитывая на мое покровительство, осмѣлились высказать свою преданность правительству, разрушатъ окончательно пріобрѣтенный мною авторитетъ; поэтому польза, которую могутъ доставить блокгаузы, не вознаградитъ утраченное обаяніе власти, и они окажутся вскорѣ слишкомъ слабы для подавленія мятежа, который усилится соотвѣтственно небольшому количеству силъ, которыя мы будемъ въ состояніи противупоставить повстанцамъ.

«Я смѣло утверждаю это, будучи глубоко убѣжденъ въ томъ, что я правъ. Я лучше охраняю пути сообщенія, очищая отъ повстанцевъ окрестную мѣстность, нежели укрѣпляясь на этихъ путяхъ, и настоящей гарантіей ихъ безопасности будетъ, конечно, не система маленькихъ, безсильныхъ гарнизоновъ, эшелонированныхъ по-полуротно и которые

не будутъ въ состояніи принять на себя никакой иниціативы, но умиротвореніе страны, по которой идутъ эти пути сообщенія.

«Помимо всѣхъ вышеуказанныхъ неудобствъ, предполагаемая система блокгаузовъ представляетъ еще одно важное неудобство, а именно, что она будетъ совершенно недѣйствительна въ случаѣ болѣе серьезнаго возстанія. Если нѣсколько бандъ повстанцевъ появятся изъ-за границы и если численность ихъ будетъ доходить хотя бы до 500—600 человѣкъ, то онѣ не только парализуютъ дѣйствія войскъ, разсѣянныхъ въ этихъ блокгаузахъ, но могутъ даже уничтожить ихъ, если же изъ этихъ войскъ будутъ сформированы летучіе отряды, то ихъ будетъ достаточно для того, чтобы опрокинуть повстанцевъ. Войска, запертыя въ блокгаузахъ, будутъ осаждены, не будутъ въ состояніи сдѣлать ни шага внѣ стѣнъ своихъ редюитовъ, не будутъ въ состояніи поддержать другъ друга—и командующему войсками придется первымъ дѣломъ заботиться объ ихъ спасеніи и, освобождая ихъ одинъ за другимъ, сосредоточить въ одномъ пунктѣ. Не говоря уже о потерѣ времени, которое потребовала бы эта операція, ближайшимъ результатомъ ея было бы то, что пришлось бы оставить эти блокгаузы, на сооруженіе которыхъ было бы потрачено столько средствъ, а въ глазахъ публики это было бы равносильно пораженію, въ особенности въ томъ случаѣ, если бы повстанцы подожгли блокгаузы.

«Занять войсками желѣзнодорожныя станціи было бы несомнѣнно крайне полезно, но значеніе этихъ станцій не такъ велико, какъ значеніе стратегическихъ пунктовъ, занятыхъ мною нынѣ внутри страны. Я такъ твердо убѣжденъ въ справедливости всего вышеизложеннаго, что даже въ томъ случаѣ, если бы ваше сіятельство увеличили мои наличныя силы (для занятія промежуточныхъ блокгаузовъ) 4-мя или 5-ю ротами пѣхоты, я все-таки просилъ бы васъ предоставить ихъ въ мое полное распоряженіе для другихъ цѣлей.

«Что касается вопроса о возведеніи блокгаузовъ, которые мы не будемъ въ состояніи занять войскомъ, то это значило бы самимъ признаться въ своемъ безсиліи; революціонная партія конечно не преминула бы извлечь изъ этого чрезвычайно опасную для насъ выгоду въ нравственномъ отношеніи.

«Однимъ словомъ, мы потратили бы совершенно напрасно массу труда, матеріала, денегъ и прикрытій».

По обсужденіи въ Петербургѣ мнѣнія, изложеннаго въ этой запискѣ кн. Витгенштейномъ, начатыя работы по постройкѣ блокгаузовъ были пріостановлены.

Съ конца ноября (1863 г.), повстанцы въ районѣ Витгенштейна настолько присмирѣли, что ими не было совершено ни одного убійства; притихли также и жандармы-вѣшатели, какъ вдругъ въ половинѣ

января 1864 г. одинъ колонистъ-нѣмецъ, по фамиліи Бемъ, донесшій на одного жандарма, былъ схваченъ повстанцами въ Гомбинѣ, безоружный, средь бѣла дня, на улицѣ и на глазахъ у всѣхъ положенъ на телѣгу и увезенъ въ сосѣднюю деревню. По пути несчастному содрали со спины кожу и нещадно избили его.

Пріѣхавъ въ имѣніе Камень, повстанцы остановились во дворѣ помѣщичьяго дома и потребовали водки. Колонистъ воспользовался этимъ моментомъ и бѣжалъ, обливаясь кровью, въ садъ, гдѣ онъ спрятался, но его разыскали и били до тѣхъ поръ, пока онъ не испустилъ духъ; тогда злодѣи повѣсили его на протестантскомъ кладбищѣ, въ 10-ти верстахъ отъ этого имѣнія.

Узнавъ объ этомъ звѣрскомъ поступкѣ, Витгенштейнъ присудилъ г. Гомбинъ къ уплатѣ 3.000 р. штрафа (деньги эти были отданы семьѣ убитаго) и приказалъ разрушить до-тла имѣніе Камень; вся мебель, двери, окна, экипажи были сложены въ присутствіи собравшихся крестьянъ во дворѣ въ кучу и сожжены, а скотъ и лошади проданы. Это произвело на всѣхъ столь сильное впечатлѣніе, что нѣсколько дней спустя убійцы были выданы и понесли заслуженное наказаніе.

Убійство Бема было произведено небольшой бандою жандармовъ-вѣшателей, коихъ предводитель, Маевскій, молодой человѣкъ 20 лѣтъ, прославился въ окрестностяхъ Равы своей неслыханной жестокостью и былъ посланъ революціоннымъ комитетомъ въ районъ Витгенштейна, какъ человѣкъ-способный водворить тамъ прекратившійся было терроръ.

Нѣсколько дней спустя послѣ происшествія съ Бемомъ, Маевскій былъ убитъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Одинъ нѣмецъ, по фамиліи Фейге, прусскій подданный, владѣвшій имѣніемъ Качковизна, близъ Жисклина, былъ приговоренъ поляками къ смерти за его консервативные взгляды, которые онъ высказывалъ безъ стѣсненія. Витгенштейнъ разрѣшилъ ему для его личной безопасности имѣть при себѣ револьверъ.

Однажды ночью, къ нему явились 13 жандармовъ-вѣшателей, которые окружили его домъ и связали 2—3 крестьянъ, спавшихъ на фермѣ. Самъ Маевскій, бывшій съ этими жандармами, постучался въ домъ, гдѣ Фейге былъ одинъ со своей женою, и приказалъ ему отпереть двери. Фейге, накинувъ халатъ, спряталъ подъ полу заряженный револьверъ, зажегъ лампу, поставилъ ее возлѣ дверей, отомкнулъ ихъ, а самъ спрятался въ тѣни. Маевскій вошелъ въ сѣни, держа въ рукахъ револьверъ со взведеннымъ курокомъ, приказалъ Фейге одѣться и слѣдовать за нимъ. Фейге просилъ оставить его въ покоѣ, что ему нечего съ нимъ дѣлать и что онъ не пойдетъ съ нимъ.

— Ну, поторопись!—сказалъ Маевскій,—поговоришь еще подъ деревомъ, на которомъ я тебя повѣшу.

При этихъ словахъ Фейге съ быстротою молніи поднялъ револьверъ и всадилъ ему пулю въ лобъ, такъ что Маевскій упалъ, не испустивъ даже крика. Тогда Фейге, съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа выскочилъ въ открытую дверь, обѣжалъ кругомъ и сталъ у противуположныхъ дверей, въ тотъ моментъ, когда другой жандармъ, услыхавъ выстрѣлъ, вошелъ и остановился въ ужасѣ, увидавъ Маевскаго распростертымъ. Фейге всадилъ ему пулю въ животъ; жандармъ, скорчившись отъ боли, имѣлъ силы выползти изъ комнаты. Остальные 11 человѣкъ, увидавъ, что стрѣляютъ изъ обѣихъ дверей, подумали, что въ домѣ было много людей, захватили раненаго и ускакали. Черезъ часъ на ферму прибылъ изъ Жисклина отрядъ солдатъ, которыхъ извѣстилъ о случившемся одинъ крестьянинъ.

По представленію кн. Витгенштейна Фейге была пожалована за храбрость Анна съ мечами.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого происшествія онъ былъ осужденъ по декрету «національнаго правительства» на смерть, а его имущество, также какъ и имущество его крестьянъ, осуждено на разграбленіе и сожженіе, о чемъ Фейге былъ извѣщенъ центральнымъ комитетомъ. Узнавъ объ этомъ, Витгенштейнъ объявилъ, что за его безопасность отвѣтственны всѣ помѣщики, на 10 верстъ въ окружности, и что тотъ, кто позволитъ себѣ противъ него малѣйшую враждебную выходку, будетъ сосланъ во внутреннія губерніи Россіи.

«Центральный комитетъ» обратился тогда къ жителямъ съ воззваніемъ, приглашая всѣхъ и каждаго удалить Витгенштейна при помощи кинжала и яда, а нѣсколько времени спустя была сдѣлана попытка лишить его жизни во время поѣздки въ Варшаву. Шестерымъ жандармамъ-вѣшателямъ было поручено разрушить полотно желѣзной дороги въ трехъ верстахъ отъ Влоцлавска; къ счастью, впереди поѣзда, на которомъ ѣхалъ Витгенштейнъ, шелъ товарный поѣздъ, о чемъ повстанцамъ не было извѣстно; 14 товарныхъ вагоновъ было опрокинуто и разбито въ дребезги.

Трое виновныхъ, на которыхъ донесли крестьяне, были пойманы и казнены, а трое другихъ бѣжали за границу.

Вышеописанные два случая, убійство колониста Бёма и покушеніе на Фейге были послѣдними вспышками мятежа въ районѣ кн. Витгенштейна. Повстанцы, видя, что имъ становится не подъ силу бороться съ превосходными силами русскихъ, тѣмъ болѣе, что послѣ покушенія Фейге, войско, бывшее въ распоряженіи кн. Витгенштейна, было усилено еще однимъ батальономъ пѣхоты и сотнею казаковъ, рѣшили положить оружіе, если до 1-го апрѣля ими не будетъ получено подкрѣпленіе изъ-за границы.

Дѣйствительно, 3-го апрѣля Витгенштейнъ имѣлъ удовольствіе пре-

проводить въ Варшаву первый адресъ, подписанный польскимъ дворянствомъ, подобно тому, какъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ же первый представилъ правительству адресъ отъ польскихъ городовъ.

«Прошлую недѣлю,—писалъ Витгенштейнъ 19-го апрѣля (1-го мая) 1864 г. изъ Влоцлавска,—мое управленіе здѣшнимъ округомъ увѣнчалось блестящимъ результатомъ. Всѣ помѣщики Влоцлавскаго округа (около 260 человѣкъ) собрались, по ихъ собственному желанію къ епископу, гдѣ они составили и подписали адресъ съ выраженіемъ ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ къ императору, и прислали мнѣ съ депутаціей изъ 9 человѣкъ наиболѣе извѣстныхъ здѣшнихъ помѣщиковъ. Депутаты просили меня придти епископу, чтобы познакомиться съ остальными дворянами.

«Я отправился къ нему въ полной парадной формѣ со всей моей свитою. Помѣщики встрѣтили меня на улицѣ съ изъявленіями почтенія; это было настоящее тріумфальное шествіе! Войдя въ зало перваго этажа, я очутился среди толпы, въ которой я зналъ весьма немногихъ лицъ; мнѣ приходилось быть съ ними любезнымъ, что было не особенно легко съ людьми, которые говорили по большей части исключительно по-польски.

«Но вскорѣ бесѣда приняла болѣе веселый оборотъ, когда было подано шампанское, которое пили, крича «ура!» за здравіе императора, за здоровье графа Берга и за мое; при каждомъ тостѣ музыка играла «Боже, Царя храни». Все шло какъ слѣдуетъ, вполнѣ прилично. Отвѣчая на тостъ, предложенный за мое здоровье, я произнесъ небольшую рѣчь по-французски, которая произвела на присутствующихъ большое впечатлѣніе.

«На слѣдующій день я послалъ этотъ адресъ въ Варшаву съ Шварцемъ. Въ тотъ же день депутація обѣдала у меня».

Вотъ содержаніе рѣчи, произнесенной Витгенштейномъ 3-го (15-го) апрѣля 1864 г. въ отвѣтъ на тостъ, предложенный за его здоровье: «Побужденіе, которое привело насъ всѣхъ сюда, господа, до такой степени соотвѣтствуетъ тому, что я былъ въ правѣ ожидать отъ васъ, что я не могу не выразить вамъ по этому поводу моей живѣйшей признательности.

«Вы испытали за эти три года не мало тяжкаго; дай Богъ, чтобы вашъ теперешній шагъ былъ началомъ новой эры спокойствія и прогресса для этой несчастной страны, такъ много потерпѣвшей отъ партіи, которая, дѣлая видъ, что она работаетъ для блага Польши, позорила своими преступленіями, своей ложью и низостью польское имя и ту лояльность, которая составляла нѣкогда отличительную черту польскаго народа.

«Въ настоящее время, господа, нельзя болѣе молчать и выжидать

дальнѣйшихъ событій. Въ настоящее время тѣ, которые не за насъ, тѣ противъ насъ: средины нѣтъ.

«Вы должны выяснить теперь ваши убѣжденія и доказать все, что вы говорите, фактами, а не словами; вы должны искренно и открыто поддержать благія намѣренія его величества и старанія правительства; однимъ словомъ, вы должны отвоевать снова ту почву, которую вы утратили, къ сожалѣнію, по недостатку иниціативы и единодушія! Намъ удастся потушить пожаръ, угрожающій всѣмъ вамъ полнымъ разореніемъ, только твердо опираясь другъ на друга, и я разсчитываю, господа, на васъ и на ваше содѣйствіе для достиженія этой цѣли, которую мы всѣ преслѣдуемъ.

«Будьте увѣрены, что я вполнѣ цѣню побужденія, руководившія вами, и ваше чистосердіе и что я употреблю все свое стараніе къ тому, чтобы они были оцѣнены, какъ они того заслуживаютъ.

«Пью за здоровіе и благоденствіе дворянства».

Адресъ, представленный помѣщиками, произвелъ на всѣхъ огромное впечатлѣніе. Онъ былъ немедленно отправленъ императору вмѣстѣ съ частнымъ письмомъ Витгенштейна къ графу Бергу, написаннымъ по этому поводу.

Съ поднесеніемъ этого адреса начался послѣдній актъ кровавой драмы, разыгравшейся въ 1863—1864 гг. на берегахъ Вислы; вооруженное возстаніе было подавлено, роль военныхъ лицъ была окончена; остальное было дѣломъ гражданскаго управленія.

Хотя дѣятельность Витгенштейна въ Царствѣ Польскомъ фактически была окончена, но ему пришлось провести въ своемъ районѣ еще нѣсколько недѣль до окончанія слѣдственныхъ дѣлъ, которыя были возбуждены учрежденнымъ имъ военнымъ совѣтомъ; онъ оставилъ Влоцлавскъ въ послѣднихъ числахъ сентября, сопровождаемый искреннимъ сожалѣніемъ мѣстныхъ жителей, которые поднесли ему благодарственный адресъ съ выраженіемъ ихъ признательности за его гуманное отношеніе къ мѣстному населенію.

По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ былъ весьма милостиво принятъ императоромъ Александромъ II, который относился къ нему всегда чрезвычайно благосклонно. Разговаривая съ нимъ однажды о его боевой дѣятельности на Кавказѣ и въ Царствѣ Польскомъ, государь выразилъ сожалѣніе по поводу того, что у него не было картины «Осады Карса», и поручилъ князю немедленно отправиться къ профессору живописи Вилленвальду и заказать таковую.

Большая батальная картина, написанная Вилленвальдомъ по описанію кн. Витгенштейна, изображаетъ атаку крѣпости, за которую князь былъ награжденъ Георгіемъ; именно тотъ моментъ, когда онъ во главѣ своего полка опрокинулъ турецкую пѣхоту. Картина эта находится нынѣ

въ Зимнемъ дворцѣ, среди картинъ, увѣковѣчившихъ подвиги русской арміи.

Въ день новаго, 1867 года, Витгенштейнъ былъ назначенъ генералъ, адъютантомъ, и въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года сопровождалъ государя на смотръ войскъ въ Варшаву.

Съ усмиреніемъ польскаго мятежа окончился активный періодъ его служебной дѣятельности. Перенесенные труды и треволненія боевой жизни отразились на здоровьи кн. Витгенштейна, для возстановленія котораго онъ былъ вынужденъ жить большею частію за границею. Однако, несмотря на значительно пошатнувшееся здоровье, онъ принялъ участіе въ русско-турецкой войнѣ и совершилъ весь походъ, состоя при главной квартирѣ въ свитѣ императора.

Такъ какъ Витгенштейнъ не командовалъ во время этого похода никакой отдѣльной частью и не принималъ лично участія ни въ какомъ дѣлѣ, то его письма, относящіяся къ этому періоду, не представляютъ особаго интереса, и мы не будемъ на нихъ останавливаться.

Вскорѣ, по возвращеніи изъ Турціи кн. Витгенштейнъ скончался 16-го сентября 1878 года, на берегу Тегернскаго озера, въ Баваріи 45-ти лѣтъ отъ роду.

Благодарность императора, объявленная Сенату Державинымъ.

12-го сентября 1802 г.

Его императорское величество принявъ съ монаршимъ благоволѣніемъ желаніе Правительствующаго Сената принесть всеподданнѣйшее благодареніе за права и отличную довѣренность, которыми его величество сіе правительство удостоить соизволилъ въ высочайшемъ указѣ отъ 8-го сентября о существѣ должностей, правъ и обязанностей Сената даннымъ, высочайше указать соизволилъ мнѣ изъявить Правительствующему Сенату, что онъ намѣреніе его пріемлетъ за самое дѣйствіе.

Къ характеристикѣ графа М. А. Милорадовича.

Письмо его—П. А. Сафонову.

24-го августа 1813 г., Теплицъ.

Его императорское величество всемилостивѣйше пожаловать мнѣ сонзволилъ пятьдесятъ тысячъ рублей. Я спѣшу о семъ извѣстить васъ, милостиваго государя моего, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ уплатить должные мною вамъ деньги. Равномѣрно, всепокорнѣйше прошу васъ приказать выкупить мои брилліантовые вещи изъ ломбарда. Въ полномъ увѣреніи, что вы по дружбѣ вашей не откажетесь сіе сдѣлать, имѣю честь приложить при семъ письмо къ Дмитрію Александровичу Гурьеву, котораго я прошу отпустить вашему превосходительству двадцать семь тысячъ рублей. Въ приложенной при семъ запискѣ объяснено назначеніе сей суммы.

Простите меня, что я васъ утруждаю, и вѣрьте чувствамъ отличнаго почтенія и совершенной преданности, съ которыми имѣю честь быть навсегда.

P. S. Брилліантовые вещи покорно прошу отправить съ фельдъегеремъ ко мнѣ въ армію.

Мнѣ также дѣлаютъ, по волѣ государя, шпагу съ лаврами, я прошу васъ попросить, чтобы ускорить присылкою ея, чѣмъ много обяжете.

Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе любезной фамиліи вашей и отпишите о себѣ, вы знаете, сколь мнѣ пріятно получать извѣстія отъ васъ. Мнѣ же не всегда время, и для того пишу, когда могу.

Записка, что слѣдуетъ уплатить въ С.-Петербургѣ.

Должные мною деньги г. генералъ-лейтенанту и кавалеру Сафонову	5.470
Въ ломбардъ, за брилліантовые знаки	6.000
Въ оной же процентовъ	1.080
С.-петербургскому портному по векселю	2.300
Портному Салтыкову за ямское платье	719
Итого . . .	15.569

Кажется кабинетъ брилліанщику Мерцу	300
Буди же больше, то для сего прибавляется и для комиссій, дабы сдѣлать равной щотъ	1.131
Итого всего . . .	17.000

За уплатою всего изъ назначенныхъ 1.131 рублей денегъ, покорнѣйше прошу приказать сдѣлать, буди у сапожника Бритигана есть мѣрка, три пары форменныхъ сапогъ.

У портнаго же Занфлебена или Зеленкова, буди мои мѣрки есть, одинъ шитой мундиръ и къ оному зеленые панталоны и одинъ шефской мундиръ и къ оному зеленые же панталоны.

Однѣ эполеты къ генеральскому мундиру, съ вышитымъ на оныхъ государевымъ вензелемъ серебромъ.

Однѣ эполеты къ шефскому мундиру съ бѣлымъ сукномъ и вышитымъ на оныхъ государевымъ вензелемъ золотомъ.

Форменные серебряные шпоры съ ремнями.

Нѣсколько баночекъ опіату для чищенія зубовъ.

Одну черную портупею для шпаги и одинъ богатый шарфъ.

Сверхъ сего покорнѣйше прошу принять десять тысячъ рублей, которые и отправить къ г. надворному совѣтнику и св. Анны 2 кл. кавалеру Александру Степановичу Милорадовичу, въ Полтавскую губернію, въ городъ Лубны, откудова уже отправятъ въ деревню его возлѣ м. Чернухъ.

Итого всѣхъ денегъ—двадцать семь тысячъ (27.000).

Графъ Милорадовичъ.

Записки Михаила Чайковскаго.

(Садыкъ-Мехметъ паши).

LXVII [1]).

Заслуги поляковъ въ Турціи во время войны 1853—1856 г.г.—Порученіе Чайковскому наблюдать границу Турціи съ Греціею.—Командировка его въ Добруджу, въ Молдавію и Валахію.—Возвращеніе въ Константинополь.—Неудавшійся проектъ объ устройствѣ военныхъ поселеній. — Пожалованіе Чайковскому чина бейлербея.

Война (1853 — 1856 гг.) окончилась миромъ, при заключеніи котораго не было и помина о Польшѣ и о польскомъ вопросѣ.

Я горевалъ при мысли о потраченныхъ нами безплодно трудахъ и стараніяхъ и о новомъ оскорбленіи, нанесенномъ нашему народному дѣлу. Меня огорчало также, что поляки мало знали и вовсе не понимали меня. Такъ напримѣръ, когда генералъ Высоцкій, съ которымъ я лично не былъ знакомъ и съ которымъ не хотѣлъ сближаться, возвратясь изъ-за границы, говорилъ полякамъ, что казаки Чайковскаго оказали Турціи серьезныя и несомнѣнныя услуги, а генералъ Хржановскій, не особенно ко мнѣ расположенный, говорилъ, что въ эту войну только одинъ Чайковскій съ честью носилъ польское имя и не забывалъ о польскомъ дѣлѣ въ Дели-Орманѣ, Бургасѣ и на берегахъ Прута, то Душинскій, писатель, состоявшій на жалованіи у Отеля Ламбертъ, котораго я извлекъ изъ ничтожества и ввелъ въ политическій

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1900 г.

миръ, написалъ брошюру о дѣятельности поляковъ въ восточную войну и ни словомъ не обмолвился въ ней о полякахъ, служившихъ подъ моимъ начальствомъ, ни обо мнѣ, ни о казакахъ, которые одни только и вели себя какъ слѣдуетъ во время войны; онъ не упоминалъ о насъ, какъ будто насъ вовсе не было на свѣтѣ или какъ будто мы не были поляками. Такъ писались матеріалы для будущей исторіи Польши.

Обезкураженный всѣмъ этимъ, признаюсь, я былъ готовъ, все бросить и поселиться въ моемъ фольваркѣ, и прекрасно бы сдѣлалъ; но Решидъ-паша, котораго я искренно уважалъ и которому былъ за многое признателенъ, отговорилъ меня отъ этого намѣренія, и я остался на своемъ мѣстѣ.

Высокая Порта рѣшила въ то время послать первый казачій полкъ на границу Греціи и мнѣ было поручено наблюденіе за этой границей, которую постоянно тревожили шайки разбойниковъ, грековъ и арнаутъ. Я заявилъ, что для этого мнѣ необходимо имѣть драгунъ. Риза-паша призналъ мое требованіе справедливымъ, и нѣсколько дней спустя послѣ сдѣланнаго мною заявленія былъ изданъ приказъ сформировать три эскадрона драгунъ, которые вмѣстѣ съ казаками должны были состоять подъ моею командою. Мнѣ было дозволено привлечь въ драгунскій полкъ поляковъ изъ бывшей дивизіи Замойскаго, если они изъявятъ на это свое согласіе. Но я встрѣтилъ въ этомъ случаѣ большое сопротивленіе со стороны Владислава Замойскаго и его приспѣшниковъ.

У великаго визиря, Решидъ-паши, было имѣніе въ Ѳессаліи, въ Эпирѣ, въ весьма плодородной мѣстности; кромѣ всевозможныхъ злаковъ на его землѣ росли оливковыя деревья, шелковица, были прекрасныя пастбища и отличный строевой лѣсъ, однимъ словомъ, тутъ было все необходимое для поселенія и для веденія сельскаго хозяйства. Къ сожалѣнію, климатъ этой мѣстности, вслѣдствіе присутствія болотъ, былъ не особенно здоровый, но этому горю можно было помочь, поселяясь на болѣе высокихъ мѣстахъ, какъ это дѣлаютъ мѣстные жители, которые, обрабатывая землю въ долинахъ, строютъ дома на горахъ и, пользуясь прекраснымъ здоровьемъ, доживаютъ до глубокой старости. Замойскій вздумалъ лишь поселить на этой землѣ тѣхъ поляковъ, которые служили въ его дивизіи. Съ точки зрѣнія матеріальной, это предпріятіе сулило большія выгоды, но съ точки зрѣнія политической оно не представляло никакихъ выгодъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Интересы польскаго дѣла требовали, чтобы поляки поселились или въ Добруджѣ или въ окрестностяхъ Константинополя, такъ какъ Добруджа лежала на пути въ Польшу, а Константинополь представлялъ собою тотъ пунктъ, гдѣ рано или поздно долженъ рѣшиться восточный вопросъ, а Польша вѣдь, волей, неволей связана съ востокомъ, а не съ западомъ.

На вопросъ Решида-паши о томъ, что я думаю объ этомъ проектѣ,

я отвѣчалъ, что при умѣломъ веденіи дѣла онъ можетъ принести большія матеріальныя выгоды и что меня лично этотъ планъ очень радуетъ, ибо съ его осуществленіемъ мои казаки также будутъ имѣть подъ старость пріютъ среди своихъ соотечественниковъ; дѣти же поселенцевъ могутъ поступить со временемъ охотниками въ казачіе полки, и такимъ образомъ въ турецкомъ войскѣ сохранится польскій элементъ. Мое заявленіе огорчило Замойскаго; онъ надѣялся, что его проектъ помѣшаетъ полякамъ поступать въ драгунскій и казачій полки, коими я командовалъ. Онъ отказался отъ него и, желая разъединить поляковъ и выпроводить ихъ изъ Константинополя, позволилъ своимъ друзьямъ разсовать ихъ по фольваркамъ, принадлежавшимъ разнымъ грекамъ и армянамъ.

Изъ числа 240 поляковъ, записавшихся въ мой полкъ, я сформировалъ два эскадрона и, желая содѣйствовать планамъ великаго визиря, послалъ въ Добруджу вербовать людей для третьяго эскадрона. Я хотѣлъ этимъ еще разъ показать Замойскому, что я не держусь его тактики, а содѣйствую всему, что связано съ польскими интересами.

Къ сожалѣнію, изъ этого проекта ничего не вышло. Решидъ-паша истратилъ на него массу денегъ, но изъ поселенцевъ многіе перемерли, другіе разошлись въ разныя стороны, и уже нѣсколько лѣтъ спустя объ этомъ поселеніи не было болѣе помина и въ Ѳессаліи объ немъ говорили какъ о какомъ-то миѳѣ. Этотъ печальный результатъ надобно приписать неудачному выбору людей, на коихъ была возложена организація этого дѣла. Ихъ неумѣніе и недобросовѣстность были причиною, что дѣло пошло не такъ, какъ слѣдуетъ. Такъ какъ большинство солдатъ распущенной дивизіи искренно любили военное дѣло, то Замойскій, желая во что бы то ни стало помѣшать поступленію поляковъ въ драгуны, выдумалъ вмѣстѣ съ англичанами и главнымъ образомъ съ лордомъ Редклифомъ снарядить экспедицію на Кавказъ, пославъ туда нѣсколько сотъ поляковъ подъ командою Липинскаго, который былъ произведенъ въ полковники съ званіемъ тевфикъ-бея. Организація и снаряженіе этой экспедиціи были поручены братьямъ Іорданъ, Владиславу и Сигизмунду, и для этого дѣла въ Турціи и въ Англіи была собрана довольно большая сумма денегъ. Экспедиціонный отрядъ высадился на берегъ въ землю шапсуговъ, въ Джубѣ, гдѣ онъ велъ себя самымъ постыднымъ образомъ; пьянство, драки, буйство, своеволіе и неповиновеніе начальству ознаменовали пребываніе поляковъ среди черкесъ, у которыхъ они сдѣлались посмѣшищемъ. Проведя нѣкоторое время на Кавказѣ въ полномъ бездѣйствіи, они возвратились небольшими партіями въ Стамбулъ. Не знаю, выигралъ ли отъ этого что-либо желѣзный фондъ и обогатились ли отдѣльныя лица, но Замойскій достигъ того, что хотѣлъ, а именно, помѣшалъ мнѣ укомплектовать драгунскій полкъ; если

*

бы въ него вступили всѣ поляки, желавшіе служить въ войскѣ, и приняли участіе въ экспедиціи на Кавказъ, то я могъ бы сформировать полныхъ шесть эскадроновъ.

Такъ какъ у Замойскаго должно было сохраниться полное обмундированіе болѣе нежели на 500 человѣкъ солдатъ, ибо во второмъ полку конныхъ стрѣлковъ было не болѣе 500 человѣкъ, а ему было отпущено мундировъ слишкомъ на 1.000 человѣкъ, поэтому ему предложили отдать эти мундиры драгунамъ, но онъ заявилъ, что мундиры и оружіе, данное ему французами и англичанами, израсходованы при снаряженіи экспедиціи на Кавказъ. На бѣду, офицеръ Горенштейнъ нашелъ эти мундиры въ лавкѣ купца Поподаки, въ Галацѣ, который скупилъ ихъ; сераскеріатъ пріобрѣлъ у него эти мундиры для драгунъ по дешевой сравнительно цѣнѣ. Оказалось, что у Константинопольскихъ купцовъ была такая масса сапогъ, бѣлья, сбруи, однимъ словомъ всевозможныхъ вещей, принадлежавшихъ дивизіи Замойскаго и скупленныхъ ими, что этихъ предметовъ хватило бы на обмундированіе нѣсколькихъ полковъ. Въ Аѳины были проданы уланскія шапки, сѣдла, пистолеты, сабли. Вся чернь Константинопольскихъ предмѣстій одѣлась въ мундиры этихъ польскихъ легіоновъ. Сердце обливалось кровью при видѣ того, какъ расточалось такимъ образомъ народное достояніе, ибо все это было достояніемъ народа польскаго, всѣ эти вещи и деньги были даны для его народнаго дѣла, а не отдѣльнымъ лицамъ, которые хотѣли или умѣли этимъ воспользоваться. Поляки все еще ожидали, что ихъ придутъ спасать красные штаны, а сами не хотѣли вмѣстѣ съ ними отвоевать свою свободу и жаловались впослѣдствіи, что никто не пришелъ имъ на помощь: дѣйствительно, никто не взялъ ихъ за уши и не повелъ ихъ сражаться за отечество.

Казачій полкъ отправился изъ Шумлы въ Адріанополь, гдѣ ему велѣно было ожидать дальнѣйшихъ приказаній; мнѣ же велѣно было отвравиться въ Добруджу и снять карту острова Леты, который отошелъ по мирному договору къ Турціи такъ же, какъ и островъ Св. Георгія. Мнѣ было также поручено ознакомиться съ казаками, жившими на берегахъ Дуная, и проѣхать въ Молдавію и Валахію, чтобы ознакомиться съ духомъ тамошняго населенія. Въ это время былъ поднятъ вопросъ о сліяніи этихъ двухъ княжествъ и объ избраніи господаря. Вмѣстѣ со мною отправились Любарадскій, Ходосевичъ и Ромеръ.

Въ Тульчѣ мѣстное казацкое населеніе приняло насъ весьма пріязненно; въ теченіе трехъ дней въ казачій и драгунскій полки записалось болѣе 200 казаковъ, поляковъ и крымскихъ татаръ, говорившихъ по-русски и служившихъ ранѣе по бо́льшей части въ русской арміи. Полсотни журиловскихъ казаковъ также заявили желаніе служить подъ

моимъ начальствомъ; старовѣры тотчасъ собрали деньги на содержаніе этихъ людей и даже выдачу имъ жалованья. Я побывалъ въ 5 старовѣрскихъ деревняхъ, состоявшихъ на правахъ военныхъ поселеній: Сири-кіой, Журиловкѣ или Ени-кіой, Славѣ съ монастыремъ, служившимъ мѣстопребываніемъ патріарха, Камнѣ и Новинкѣ или Дышдарѣ. Насъ встрѣтили вездѣ радушно. Старшина этихъ деревень и г. Тульчи подалъ мнѣ на имя Высокой Порты прошеніе старовѣровъ, которые просили, чтобы казаковъ зачислили въ редифы регулярныхъ казачьихъ эскадроновъ, состоявшихъ подъ ружьемъ, а кубанцевъ въ редифы драгунскихъ полковъ. Я отослалъ немедленно это прошеніе при рапортѣ сераскиру Риза-пашѣ и получилъ отъ него нѣсколько дней спустя отвѣтъ, съ приказаніемъ составить списки казаковъ, желавшихъ служить въ редифахъ, и выработать планъ новаго военнаго поселенія на островахъ Лета, Сулинѣ и на берегахъ Дунаевца, съ указаніемъ, къ какого рода оружію они могутъ со временемъ быть причислены.

Я поручилъ старшинѣ составить эти списки, самъ же со своей свитою отправился по Дунаевцу на острова Сулину и Лета. Въ устьѣ рѣки мы наткнулись на заброшенныя тони, о которыхъ ни правительству, ни мѣстнымъ жителямъ не было извѣстно; онѣ тянулись на нѣсколько верстъ: по обѣимъ сторонамъ узкихъ плотинъ, перекинутыхъ чрезъ болота, по которымъ могла проѣхать только одна лошадь, тянулись болота и трясины, поросшія осокой и очеретомъ. Среди этихъ болотъ самою природою были прорѣзаны каналы, по которымъ можно было проѣзжать въ каикѣ и ловить рыбу. Среди этого болота, подобно оазисамъ въ Аравійской пустынѣ, попадались настоящія озера, кое-гдѣ небольшіе перелѣски, среди которыхъ росли мѣстами огромныя деревья; берега каналовъ заросли пвнякомъ; около селенія Кара-Орманъ, на островѣ Сулинѣ, былъ великолѣпный дубовый лѣсъ, въ которомъ было обиліе всякихъ звѣрей, кабановъ, оленей и т. п., а на рѣкѣ водились во множествѣ дикія птицы. Большая часть острова Сулины была покрыта болотомъ и перерѣзана рѣками, хотя на немъ были и обработанныя поля, берега были плоскіе, а самый городъ Сулина стоялъ на болотѣ; дома были построены на сваяхъ, только сторона, обращенная къ морю, была песчаная и болѣе возвышенная.

На островѣ Лета характеръ мѣстности былъ совершенно иной. Тутъ было обиліе лѣса, виднѣлись зеленѣющія пастбища, селенія хотя были немногочисленны, но расположены въ прекрасной мѣстности, между ними самое лучшее—Старая Килія; почва острова плодородна, и пшеница, собираемая на немъ, извѣстная подъ названіемъ Килійской, считается наилучшей. Какъ тотъ, такъ и другой островъ были весьма мало заселены; большую часть населенія составляли казаки. На островѣ Лета

насъ встрѣтила депутація казаковъ изъ Вилкова, которые пригласили насъ остановиться у нихъ.

Селеніе Вилково, лежащее на лѣвомъ берегу Дуная, на песчаномъ мысѣ, вдающемся въ Килійскій рукавъ, состояло болѣе нежели изъ 1.200 домовъ; жители этой деревни во времена русскаго владычества служили матросами въ Дунайской флотиліи; они пользовались значительными привилегіями и благостояніемъ и если бы ихъ не преслѣдовали за принадлежность къ старовѣрческой вѣрѣ, то они были бы счастливѣйшими изъ подданныхъ могущественнаго царя. Несмотря на это преслѣдованіе, они остались вѣрны Россіи до конца и тяготѣли къ ней, но, какъ старовѣры, все же имѣли сношеніе съ старовѣрческимъ митрополитомъ. Они были недовольны присоединеніемъ ихъ къ Молдавіи, даже протестовали противъ него и обратились съ просьбою о защитѣ къ союзнымъ дворамъ, подписавшимъ парижскій договоръ. Чтобы избѣгнуть подчиненія молдавскому господарю, они хотѣли переселиться на островъ Лету, въ урочище Закуты, и подобно кубанцамъ и старовѣрамъ нести военную службу съ условіемъ, что имъ будетъ дозволено, за извѣстную плату, заниматься рыбною ловлею въ Дунаѣ; они просили начальника моей турецкой канцеляріи Гассибъ-Эфенди написать о томъ прошеніе на имя султана и Высокой Порты. Этотъ завзятый шляхтичъ-боснякъ не допускалъ и мысли, чтобы такіе грязные люди, какъ казаки, запачканные рыбой и вонявшіе рыбьимъ жиромъ, могли подать прошеніе такому великому монарху, какъ султанъ. Онъ придумалъ, что лучше написать прошеніе отъ самихъ чистенькихъ, хорошенькихъ рыбокъ, и сочинилъ его въ этомъ духѣ, вложивъ въ уста рыбъ историческія воспоминанія о бывшихъ султанахъ и ихъ величіи и молитву за благоденствіе правящаго султана. Никто изъ насъ не умѣлъ читать по-турецки; къ прошенію была приложена печать, и оно было послано на имя Решидъ-паши; результатъ былъ совершенно неожиданный: Гассибъ-Эфенди получилъ повышеніе, а впослѣдствіи былъ назначенъ губернаторомъ на Аѳонѣ.

Въ Вилково ко мнѣ явилась депутація изъ старовѣрческихъ деревень: Некрасовки и Большой Некрасовки и нѣкоторыхъ другихъ, и изъ русинскихъ деревень съ лѣваго берега Дуная съ заявленіемъ, что старовѣры не хотятъ оставаться подъ властью Румыніи, а желаютъ переселиться на островъ Лету и находиться подъ непосредственной властью Высокой Порты; они просили меня ходатайствовать о нихъ передъ турецкимъ правительствомъ.

Это заявленіе какъ нельзя болѣе согласовалось съ моими планами, съ моимъ желаніемъ организовать военныя поселенія на островкѣ Лета, Сулинѣ и на берегу Дунаевца. Мнѣ хотѣлось перевести на эти острова всѣхъ казаковъ, малороссовъ и русскихъ, жившихъ на берегахъ Дуная,

и возможно большее число поляковъ и, заселивъ этимъ однороднымъ (славянскимъ) населеніемъ все устье Дуная, сослужить этимъ службу Турціи, а при случаѣ быть наготовѣ служить и Польшѣ, такъ какъ эти поселенія были бы связующимъ звеномъ между сѣверными и южными славянами; эта роль принадлежала, по моему мнѣнію, именно казачеству, какъ представителю славянскаго рыцарства.

Я не заблуждался насчетъ затрудненій, какія могли возникнуть со стороны дипломатіи, мнѣ было хорошо извѣстно анти-славянское настроеніе Англіи, которую можно назвать ненавистницею славянства, я зналъ также, какъ недоброжелательно относилась Австрія ко всѣмъ планамъ, имѣвшимъ цѣлью подчиненіе славянъ власти турецкаго правительства; я зналъ, какъ ошибочно смотрѣла на это дѣло французская дипломатія, которая только во времена Матюрина Цора и графа де-Буркене имѣла болѣе правильное понятіе о славянствѣ и смотрѣла на дѣла Востока съ болѣе правильной точки зрѣнія; все это было мнѣ хорошо извѣстно, но я полагалъ, что въ данный моментъ, при доброжелательствѣ къ намъ министровъ Высокой Порты и самого султана, удастся, быть можетъ, чего-нибудь достигнуть, благодаря прямодушной политикѣ султана Абдулъ-Меджида и его министра Решидъ-паши. Я возлагалъ большія надежды на здравый смыслъ и благородство Этхемъ-паши, бывшаго въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Люборадскій и Ходасевичъ сняли подробную карту острововъ Леты, Сулины и береговъ Дунаевца и обозначили на ней пункты, на которыхъ можно было поселить 4 батальона пѣхоты, по два на каждомъ островѣ, распредѣливъ ихъ въ 16 деревняхъ; двѣ бригады канонерскихъ лодокъ предполагалось размѣстить въ 12 деревняхъ у трехъ рукавовъ Дуная: Георгіевскаго, Сулинскаго и Килійскаго и въ 12 деревняхъ на берегу Дунаевца, а 12 эскадроновъ кавалеріи—на берегу озера Базельма. Я разсчитывалъ, что въ 56 деревняхъ можно будетъ поселить на первыхъ порахъ 10.000 человѣкъ, безъ особенныхъ затратъ со стороны правительства и безъ особенныхъ хлопотъ съ моей стороны. Казацкое войско, составленное изъ 4 батальоновъ пѣхоты, 21 эскадрона кавалеріи, которые легко можно было довести до 24 эскадроновъ, прибавивъ къ нимъ полкъ драгунъ и двѣ бригады канонерокъ, было бы прекраснымъ подспорьемъ для арміи султана. Само собою разумѣется, что этому войску надобно было дать достаточное количество артиллеріи, что было не трудно, имѣя прекрасныхъ артиллерійскихъ офицеровъ и солдатъ. Быть можетъ и поляки примкнули бы къ этой организаціи, которая при ихъ способности, дѣятельности и энергіи могла бы сдѣлаться со временемъ образцовымъ войскомъ. Съ этой надеждою я принялся за дѣло.

Я побывалъ въ Новой Килiи, въ Измаилѣ и даже въ Галацѣ. Менѣ

особенно интересовало посѣщеніе Новой Килiи, представлявшей собою укрѣпленный лагерь, въ которомъ могло помѣститься нѣсколько тысячъ войска; мнѣ говорили, что этотъ лагерь былъ устроенъ по мысли генерала Жомини. Лагерь былъ расположенъ на берегу большой рѣки, въ весьма плодородной мѣстности. Укрѣпленный со всѣхъ сторонъ, онъ представлялъ собою неправильный четыреугольникъ, одна сторона котораго, вдоль рѣки, имѣла 15 в. въ длину, а другая—14 в. Мѣстечко или самый лагерь былъ раздѣленъ широкими дорогами на квадраты, изображавшіе собою бригады; дома находились въ довольно большомъ разстоянiи одинъ отъ другаго; на каждомъ дворѣ стояло по два дома, одинъ для мѣстныхъ жителей, другой для солдатъ; въ мѣстахъ, предназначенныхъ для кавалеріи и артиллеріи, были устроены прекрасныя конюшни. При каждомъ домѣ былъ огородъ, фруктовый садъ, поле, лугъ и лѣсъ для рубки дровъ; передъ домами, въ которыхъ помѣщался полковой, бригадный и дивизіонный штабъ, находились площади, на которыхъ производилось ученье, а около лагеря были выгоны для пастбищъ. Губернаторъ, молдаванинъ, служившій нѣкогда въ русскомъ войскѣ, показывалъ мнѣ планы и разсчеты, по которымъ было видно, что въ чертѣ лагеря было достаточное количество пахотной земли, чтобы прокормить 50 тысячное войско безо всякаго подвоза извнѣ. Устройство этого военнаго поселенiя еще не было окончено, но оно должно было утвердить разъ на всегда владычество Россiи надъ устьемъ Дуная. Инiціатива этого важнаго и обширнаго дѣла принадлежала императору Николаю. Подавъ эту мысль, великiй монархъ не могъ имѣть другой цѣли, какъ соединить сѣверныхъ славянъ съ южными. Молдавiя и Валахiя были заняты въ то время обсужденiемъ вопроса о сліянiи княжествъ въ одно цѣлое или о сохраненiи ими самостоятельности, объ избранiи одного или двухъ господарей. Каймакамомъ Валахiи былъ кн. Александръ Гика, бывшiй господарь этого княжества, человѣкъ опытный, справедливый, знатнаго рода и пользовавшiйся большимъ вліянiемъ у соотечественниковъ, какъ среди консерваторовъ, такъ и среди либераловъ. Въ Молдавiи каймакамомъ былъ кн. Николай Вогоридесъ Конаки, родомъ болгаринъ изъ Казани, сынъ извѣстнаго на Востокѣ бея Стефана Вогоридеса, бывшаго драгомана, а впослѣдствiи совѣтника Высокой Порты, большаго пріятеля лорда Редклифа, которому послѣдній особенно покровительствовалъ. Князь Николай былъ женатъ на богатой молдаванкѣ, Конаки, и присоединилъ ея фамилію къ своей. Это былъ человѣкъ не особенно способный и крайне легкомысленный. Его назначили каймакамомъ по ходатайству лорда Редклифа; по его же просьбѣ бывшiй второй секретарь Саффетъ-эфенди былъ назначенъ коммиссаромъ; англичане надѣялись, что эти два человѣка своимъ вліянiемъ и своими стараніями съумѣютъ помѣшать сліянію княжествъ, что вполнѣ согласовалось съ

желаніемъ Высокой Порты и на чемъ едва не настояла Англія. Наполеоновская Франція напротивъ горячо стояла за соединеніе княжествъ. Англія, добившись того, что вопросъ о возстановленіи Польши былъ преданъ забвенію, не особенно мѣшала видамъ французской дипломатіи въ Стамбулѣ.

Австрія весьма естественно вызвала неудовольствіе румынъ своей оккупаціей, но не рѣшалась противодѣйствовать требованіямъ Франціи; впрочемъ, сліяніе княжествъ соотвѣтствовало ея собственнымъ интересамъ, такъ какъ оно вредило славянству и подавало надежду венгерцамъ, что они хотя со временемъ сольются съ румынами во вредъ славянамъ. Италія поддерживала Францію, ибо это вполнѣ согласовалось съ ея видами, какъ державы католической.

Русскіе и поляки, считающіе себя обреченными на вѣчное соперничество, на всегдашнее разногласіе, одинаково не могли сочувствовать уніи Молдавіи и Валахіи; русскимъ было выгоднѣе, чтобы Румынія была разъединена, чтобы въ ней было два господаря, дѣйствующіе порознь и обыкновенно между собою не ладящіе. Для поляковъ это было необходимо для того, чтобы дѣйствовать въ Подоліи и Украйнѣ, гдѣ легче всего могло распространиться повстаніе.

Какъ полякъ и славянинъ, я былъ противъ этого соединенія и не скрывалъ своихъ мыслей. Многіе молдаване, съ коими я видѣлся въ Галацѣ, и многіе валахи, съ коими я бесѣдовалъ въ Журжево, были противъ соединенія княжествъ въ одно государство, хотя какъ патріоты они должны бы были желать этого, что я и высказалъ откровенно многимъ изъ моихъ бывшихъ пріятелей, присовокупивъ, что я, лично, стою за старый порядокъ и полагаю, что въ Валахіи долженъ бы быть господаремъ кн. Александръ Гика, или кн. Стирбей, а въ Молдавіи кн. Григорій Стурдза, какъ человѣкъ способный и оказавшій Турціи наиболѣе крупныя услуги. Я говорилъ въ этомъ смыслѣ съ княземъ Кузою, который былъ въ то время префектомъ въ Галацѣ и поджигалъ патріотизмъ кн. Николая Вогоридеса-Конаки. Французскіе дипломаты были встревожены тѣмъ, что около меня сгруппировались молдаване и валахи, приверженцы стараго порядка вещей. Въ Высокую Порту начали посылать донесенія, одно удивительнѣе другаго. Почтенный кн. Вогоридесъ-Конаки обвинялъ меня въ томъ, что я вывелъ всѣхъ казаковъ изъ Бессарабіи и основалъ казацкое княжество на островѣ Лета. Саффетъ эфенди доносилъ, что ему сказали, будто я вооружаю казаковъ, чтобы начать съ ними новую войну, а Франція, основываясь вѣроятно на донесеніяхъ поляковъ, обвиняла меня въ томъ, что я разстраиваю доброе согласіе, царствовавшее въ придунайскихъ княжествахъ. Всѣ они выражали желаніе, чтобы я былъ отозванъ въ Стамбулъ, что вскорѣ и случилось.

Я ожидалъ, что вслѣдствіе нападковъ дипломатовъ меня встрѣтятъ по пріѣздѣ въ Стамбулъ недоброжелательно; я отправился прежде всего къ сераскиру съ рапортомъ и со списками казаковъ, изъявившихъ желаніе быть зачисленными въ редифы казачьяго полка и драгунъ. Сераскиръ, Риза-паша принялъ меня очень любезно, внимательно просмотрѣлъ мои бумаги и обѣщалъ тотчасъ подготовить по нимъ докладъ великому визирю и самому султану. Великій визирь также принялъ меня очень любезно и сказалъ, что въ награду за мои труды всемилостивѣйшій нашъ монархъ приказалъ произвести меня въ чинъ Румелійскаго бейлербея. Нѣсколько дней спустя фирманъ о моемъ производствѣ былъ прочитанъ въ Высокой Портѣ съ обычнымъ въ этихъ случаяхъ церемоніаломъ и опубликованъ по арміи.

Вскорѣ появилось ираде султана, повелѣвавшее привести въ исполненіе проектъ, о коемъ мною было сдѣлано представленіе. Это оффиціальное повелѣніе не могло остаться тайною. Противъ него протестовалъ французскій посланникъ Тувенель, мотивируя свой протестъ тѣмъ, что проектированное мною поселеніе было бы вѣчнымъ яблокомъ раздора между Турціей и Россіей и могло даже повести къ столкновенію и къ войнѣ съ этой державою. Вина за это пала бы исключительно на Высокую Порту. Онъ требовалъ именемъ своего правительства фирмана, несогласнаго съ парижскимъ трактатомъ. Англія, Австрія и даже Италія энергично поддержали ноту французскаго посланника. Пруссія сдѣлала со своей стороны дружеское представленіе, совѣтуя не начинать этого дѣла, которое, какъ бы ни толковала его Высокая Порта, все же вынудило бы Австрію и Россію выставить войско на границу, такъ какъ этотъ проектъ свидѣтельствовалъ бы о сочувствіи турецкаго правительства къ полякамъ и угрожалъ бы спокойствію державъ, раздѣлившихъ между собою Польшу.

Но султанъ, не взирая на столь энергичный протестъ державъ, подписавшихъ парижскій договоръ, не согласился отмѣнить ираде; а только отложилъ его выполненіе до болѣе удобнаго времени, когда проектъ могъ бы быть приведенъ въ исполненіе, не тревожа спокойствія союзныхъ державъ. Этотъ отвѣтъ былъ сообщенъ дипломатамъ и мнѣ. Поляки вѣроятно также знали объ немъ и по своему обыкновенію радовались, потому что мои планы не удались.

Я написалъ Гортензіи Корну, жалуясь на образъ дѣйствій Тувенеля, и просилъ ее довести объ этомъ до свѣдѣнія императора; она отвѣчала мнѣ, что императоръ сожалѣетъ о случившемся, но не можетъ ничего сдѣлать, чтобы не выказать этимъ недовѣрія къ европейскимъ дворамъ; она писала также, что это произошло вслѣдствіе того, что поляки невѣрно изобразили Тувенелю положеніе дѣлъ и объяснили ему всѣ мои поступки желаніемъ подорвать французское вліяніе въ Румыніи, осво-

бодить Турцію отъ надзора и покровительства христіанскихъ державъ; они говорили ему, что вся моя дѣятельность направлена противъ католичества и запада и клонится къ утвержденію православія и славянства.

Г-жа Корну увѣряла меня, что Тувенель будетъ въ скоромъ времени отозванъ и что его пріемнику наистрожайшимъ образомъ будетъ приказано не противиться исполненію фирмана, если обстоятельства позволятъ выполнить мой планъ.

Этимъ обѣщаніемъ меня помазали по губамъ. Мои политическіе противники, соотечественники-поляки не удовлетворились этимъ; они боялись, что не погребенный еще праде султана воскреснетъ изъ мертвыхъ. Замойскій дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ рука объ руку съ демократами. Въ Добруджу былъ посланъ Сигизмундъ Милковскій, нашедшій себѣ помощника въ лицѣ жида Палея Падлевскаго, который незадолго передъ тѣмъ подвергся тѣлесному наказанію и былъ исключенъ изъ казачьяго полка. Милковскій разъѣзжалъ съ нимъ изъ селенія въ селеніе, стращая казаковъ, русинъ и старовѣровъ, что если они запишутся въ мой полкъ, то ихъ заставятъ отбывать барщину и что имъ дадутъ въ начальники Киркора, который будетъ учить ихъ ногайкой подобно тому, какъ онъ училъ казаковъ и драгунъ. Они разсказывали обо мнѣ самыя невѣроятныя вещи, которыя распространялись не только въ Добруджѣ, но и за Дунаемъ. Лѣтъ десять спустя самъ Сигизмундъ Милковскій разсказывалъ мнѣ объ этихъ проискахъ. Въ это же приблизительно время Воронічу и Жуковскому было поручено Отелемъ Ламбертъ повліять на Осипа Семеновича Гончарова, назначеннаго моимъ замѣстителемъ въ Добруджу, и дѣйствуя на его самолюбіе и тщеславіе убѣдить его, что онъ будетъ вполнѣ зависѣть отъ меня и будетъ мнѣ подчиненъ до тѣхъ поръ, пока казаки будутъ считаться войскомъ. Его убѣдили, что ему ничего не остается, какъ уговорить казаковъ просить Высокую Порту о томъ, чтобы она сняла съ нихъ военное званіе, ибо, хотя съ нимъ и были связаны нѣкоторыя преимущества, но вмѣстѣ съ тѣмъ были соединены и неудобства; а именно оно обязывало являться по первому требованію на службу и отбывать воинскую повинность. Его увѣрили, что эта просьба будетъ пріятна не только Высокой Портѣ, которая увидитъ въ этомъ шагѣ безграничное довѣріе казаковъ къ своему правительству, но заслужитъ одобреніе и союзныхъ дворовъ, доведетъ самого Осипа Семеновича до мѣста губернатора Добруджи и поставитъ его въ полную независимость отъ меня.

Этимъ было затронуто его больное мѣсто и онъ рѣшилъ по отъѣздѣ Замойскаго изъ Стамбула съѣздить въ Парижъ и въ Лондонъ.

Добавивъ къ его казацкому мундиру жилетъ съ золотымъ шитьемъ, цилиндръ, лайковыя перчатки, лакированные сапоги и часы съ золотой

цѣпочкою и брелочками, Замойскій представилъ Гончарова императору и императрицѣ французскимъ и королевѣ англійской, водилъ его на обѣды къ лорду Пальмерстону и къ Тувенелю и такъ привязалъ его къ себѣ, такъ повліялъ на него, что Гончаровъ, вернувшись въ Добруджу сталъ убѣждать казаковъ именемъ французскаго императора и англійской королевы подписать прошеніе о томъ, чтобы съ нихъ сняли военное званіе, въ которомъ они совершили столько блестящихъ подвиговъ, и обратили бы ихъ въ райю, т.-е. въ такимъ же подданныхъ султана, каковыми были болгары, армяне и евреи. Гончаровъ соблазнялъ ихъ такими блестящими обѣщаніями, и его такъ усердно поддерживали поляки, что прошеніе было подписано, въ концѣ концовъ тысячью казаками и отправлено съ Гончаровымъ въ Стамбулъ. Просьбу казаковъ поддержали представители западныхъ державъ, въ особенности германскій посланникъ. Дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ и было рѣшено уже по смерти Решида-паши и султана Абдулъ-Меджида; казаки были обращены въ райю, а фирманъ или ираде султана Абдулъ-Меджида уничтожился самъ собою, такъ какъ его некому было привести въ исполненіе.

Поляки-демократы и католики одержали побѣду, которая вѣроятно была для нихъ дороже освобожденія ихъ отечества, по крайней мѣрѣ они дѣйствовали въ этомъ случаѣ энергичнѣе. Замойскій не опасался болѣе, что я буду мѣшать ему въ Польшѣ.

Я находился въ то время на границѣ Греціи, но до меня и туда доходили вѣсти о ликованіи по этому поводу поляковъ,—которые прозою и стихами воспѣвали побѣду надъ казацкой гидрою и надъ новымъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, созданнымъ пылкимъ воображеніемъ Замойскаго.

Казаки обратились въ райю, а Осипъ Гончаровъ не былъ назначенъ губернаторомъ. Когда же казаки поняли сдѣланную ими ошибку, они призвали его въ свой кругъ, помяли его цилиндръ, а самого Осипа Семеновича поподчивали, по казацкому обычаю, ногайкамп.

Перев. **В. В. Тимощукъ.**

Издатель **С. Зыковъ.** Редакторъ **Н. Дубровинъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1900 г.

ТОМЪ СТО ВТОРОЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

I. Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа . . . 27—50; 261—292; 505—527
II. Воспоминанія князя Эмилія Витгенштейна. 187—201; 425—453; 655—681
III. Записки Михаила Чайковскаго. Перев. В. В. Тимощукъ . . 219—236; 455—469; 685—696
IV. Профессоръ Николай Павловичъ Дуровъ. (Страница изъ моихъ воспоминаній) А. Н. Овсянникова . . . . . 643—650

Портреты.

I. Портретъ Александра Павловича Брюллова. Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 4-ой книгѣ).

II. Два портрета А. В. Суворова. Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 5-ой книгѣ).

III. Портретъ Александра Ефимовича Измайлова. Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 6-ой книгѣ).

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

I. Грузинская трагедія 1825 г. (убійство домоправительницы графа Аракчеева, Настасьи Ѳедоровны Шумской). Сообщ. Н. К. Шильдеръ. 3—26
II. Императоръ Николай I и Польша въ 1825—1831 гг. Н. К. Шильдера. 51—69; 237—259; 477—504

		стран.
III.	Прошеніе И. А. Крылова въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ о запрещеніи печатать его сочиненія издателями сборниковъ	70
IV.	Объ исключеніи М. Сперанскаго и почтъ-директора Ключарева изъ гражданскихъ списковъ 1812—1816 гг.	90
V.	Великій князь Константинъ Павловичъ въ сомнѣніяхъ и отрицаніяхъ современныхъ ему порядковъ. Сообщ. Н. Д.	91—123
VI.	Собственноручная записка А. В. Суворова о прусскихъ порядкахъ въ войскахъ	124
VII.	Изъ дневника П. Г. Дивова (1833 г.). . . .	125—137
VIII.	Нѣкоторыя подробности о ходѣ работъ Н. М. Карамзина по составленію «Россійской исторіи». .	138
IX.	Замѣтка одного изъ депутатовъ перваго призыва. П. Д. Стремоухова.	139—144
X.	Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ какъ музыкантъ и композиторъ. А. А. Берсъ	145—168
XI.	К. С. Сербиновичъ и Ѳ. Н. Глинка (ихъ переписка)	169—173
XII.	Письмо И. И. Дмитріева—П. П. Свиньину, 13-го сентября 1833 г.	174
XIII.	Чрезвычайная конференція о вывѣскѣ (1855—1856 гг.). Сообщ. В. И. Срезневскій. . .	175—185
XIV.	Избраніе В. Н. Каразина почетнымъ членомъ Московскаго университета. Сообщ. Б. Л. Модзалевскій	186
XV.	Письмо императрицы Екатерины Алексѣевны къ князю Меншикову. Сообщ. М. К. Марченко.	202
XVI.	Палладій, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій. (Окончаніе). П. Ѳ. Вышеславцева. .	203—210
XVII.	Православіе въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ 1855 г.	211—218
XVIII.	Волынское дворянство въ 1812 г.	260
XIX.	Устраненіе брани въ литературѣ, 11-го іюля 1824 г.	302
XX.	А. В. Суворовъ въ своихъ письмахъ. Письма А. В. Суворова: П. И. Турчанинову, С. А. Колычеву и къ разнымъ лицамъ.—Болѣзнь, кончина и погребеніе князя Суворова	303—337
XXI.	Сдача графомъ Аракчеевымъ должности военнаго министра, 26-го января 1810 г.	338
XXII.	Суворовскій иконостасъ. П. Ѳ. Вышеславцева.	339—340
XXIII.	Двѣ старинныя пѣсни о подвигахъ А. В. Суворова. Сообщ. Г. Э. Кудлингъ.	341—344
XXIV.	Письмо М. А. Милорадовича—П. А. Сафонову о положеніи дѣлъ въ Валахіи, 26-го іюля 1810 г.	345—346
XXV.	Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. (Историческая характеристика). П.	347—367

		стран.
XXVI.	Папа и императоръ Павелъ Петровичъ, 24-го января 1801 г.	368
XXVII.	Нѣмцы объ А. С. Пушкинѣ въ 1899 г. М. А. Веневитинова	369—412
XXVIII.	Изъ афоризмовъ графа М. М. Сперанскаго. Сообщ. Ив. Кубасовъ	413—414
XXIX.	Новые матеріалы для біографіи В. Г. Бѣлинскаго. В. Якушкина	415—423
XXX.	Отступленіе французовъ въ 1812 г. Донесеніе тверскаго губернскаго почтмейстера Б. Греве—министру внутреннихъ дѣлъ, 15-го октября 1812 г.	424
XXXI.	О порядкѣ приведенія къ очистительной присягѣ раскольниковъ, 18-го марта 1836 г.	454
XXXII.	Два указа императора Александра I—генералу-отъ-инфантеріи А. Г. Розенбергу, 7-го апрѣля 1811 г. и 24-го августа 1802 г. Сообщ. И. А. Шляпкинъ	470
XXXIII.	Воззваніе предсѣдателя Комитета по постройкѣ храма въ селѣ Могильно-Посельскомъ. . . .	476
XXXIV.	Свиданіе императора Александра I съ королемъ прусскимъ	528
XXXV.	Разбитая жизнь. Разсказъ ссыльнаго. С. А. Коваленко	529—553
XXXVI.	Али-паша анапскій въ Ѳеодосіи. Сообщ. А. Мердеръ	554
XXXVII.	Александръ Ефимовичъ Измайловъ. Ив. Кубасова.	555—583
XXXVIII.	Билетъ семинаристу, окончившему курсъ. Сообщ. М. Г. Томилинъ	584
XXXIX.	Императоръ Николай I и Михайловскій-Данилевскій. Сообщ. Н. К. Шильдеръ	585—591
XL.	Акцизъ въ связи съ взяточничествомъ. . . .	592
XLI.	Итальянскій театръ въ С.-Петербургѣ при Аннѣ Іоанновнѣ (1733—1735). В. В. Сиповскаго.	593—611
XLII.	Предложеніе воздвигнуть памятникъ императору Александру I	612
XLIII.	Павелъ Степановичъ Щепкинъ. Сообщ. Д. Щепкинъ.	613—618
XLIV.	Купчая на людей въ 1839 г. Сообщ. кн. А. Л. Голицынъ	619—620
XLV.	Состояніе царства Польскаго въ 1861 и 1862 гг.	621—642
XLVI.	Пѣсня на кончину императора Александра II. Н. Кульмана	651—654
XLVII.	Благодарность императора, объявленная Сенату Державинымъ	682
XLVIII.	Къ характеристикѣ графа А. А. Милорадовича. (Письмо его къ П. А. Сафонову)	683—684
XLIX.	Систематическое оглавленіе 102-го тома . . .	697—700

Исторія русской литературы.

I. Къ исторіи русской литературы. В. А. Жуковскій передъ судомъ Спб. цензурнаго комитета. Сообщ. Н. Д. . . . . 71—89
II. Собственноручныя письма А. А. Краевскаго—Г. Ѳ. Квитко-Основьяненко. Сообщ. П. ф. К. . . . . 293—301
III. Фонъ-Визинъ и его „Посланіе къ слугамъ". Ф. А. Витберга . . . . . 471—475

Приложенія.

Архивъ Брюлловыхъ. . . . . 1—96

Библіографическій листокъ.

1. Историческій очеркъ жизни и царствованія императора Александра II. Составилъ Ал. Шумахеръ. Спб., 1899 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ апрѣльской книги).
2. А. И. Фаресовъ. Тертій Ивановичъ Филипповъ. Спб., 1900 г. Его же (тамъ же).
3. Изъ украинской старины. Рисунки академиковъ С. И. Васильковскаго и Н. С. Самокиша. Пояснительный текстъ профес. Д. И. Эварницкаго. Спб., 1900 г. изд. А. Ф. Маркса. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ майской книги).
4. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, первый народный поэтъ. А. Рождествина. Казань, 1899 г. Его же (тамъ же).
5. А. И. Фаресовъ. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ и чествованіе его памяти. Спб., 1899 г. Его же (тамъ же).
6. Н. Н. Каливецкій. Изъ былого Черноморіи. Екатеринодаръ, 1900 г. Его же (тамъ же).
7. Бывальщины. Аполлона Коринфскаго. Спб., 1899 г. Стр. 304. Ц. 2 руб. (На оберткѣ іюньской книги).
8. Сергѣй Бѣлокуровъ. О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. Москва, 1899 г. Н. И. Кашкадамова. (тамъ же).
9. Изданіе Ю. Сандомірскаго. „Южно-Русскій Альманахъ" 1900 г. Годъ Шестой. Подъ редакціей профессора А. И. Маркевича и А. С. Попандопуло. Одесса. 1900 г. Его же (тамъ же).

мнѣ скопировать «Аѳинскую школу», находящуюся въ стансахъ Рафаэля, въ величину оригинала. Величина холста предполагаемой копіи должна занять почти всю комнату, загородить фрески на противной и примыкающей стѣнѣ, почему нельзя было получить позволенія на производство сего дѣла. Но, безъ сомнѣнія, изъ уваженія къ лицу монарха, не будетъ никакого прекословія. Для произведенія сей копіи положить должно по меньшей мѣрѣ два года, что̀ составляетъ почти все время моего остальнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, и какъ я обязанъ сдѣлать обѣщанную копію, для произведенія коей не буду имѣть времени, то не смѣлъ безъ согласія вашего принять сію работу. Почему посольство поручило мнѣ писать о семъ дѣлѣ въ Общество поощренія художниковъ, и буде Общество позволитъ мнѣ заняться сею работою, или пожелаетъ копію Мадонны Фолиньской, во всякомъ случаѣ я обязанъ дать отвѣтъ въ посольствѣ. При семъ прилагаю мое мнѣніе о превосходствѣ оригинала «Аѳинской школы» предъ оригиналомъ Мадонны Фолиньской.

Картина Мадонны Фолиньской состоитъ изъ шести лицъ, жившихъ въ разныя столѣтія, почему не дѣлаютъ ни связи, ни группы, что̀ совершенно противъ правилъ изящнаго искусства, и что подтверждаетъ мнѣніе г. кавалера Камуччини, что Рафаэль никогда бы не выбралъ подобнаго сюжета. Божія Матерь съ Іисусомъ есть вещь классическая, но которая безъ нижнихъ фигуръ не можетъ быть вразумительна, по отношенію къ онымъ, хотя многіе художники приняли за возможное копировать одну верхнюю группу. По симъ причинамъ сія копія не можетъ принесть той пользы молодымъ художникамъ, не имѣющимъ случая видѣть сіи произведенія въ оригиналѣ, какъ напротивъ «Аѳинская школа», которая заключаетъ въ себѣ почти все, что̀ входитъ въ составъ художества: композиція, связь, разговоръ, дѣйствіе, выраженіе, противоположность характеровъ, благородство Аристотеля, простота Сократа, цинизмъ Діогена, простота, соединенная съ величественнымъ стилемъ, натуральность освѣщенія, жизнь всей картины,—все сіе кажется достигшимъ совершенства!

Три вѣка признали сіе твореніе единственнымъ изъ произведеній Рафаэля, и смѣю утвердительно сказать, что не надѣюсь никогда принесть большей пользы отечеству, какъ скопировавъ сей оригиналъ съ должнымъ терпѣніемъ и прилежаніемъ, къ чему немало будетъ поощрять меня мысль быть полезнымъ отечеству и содѣлаться по мѣрѣ силъ достойнымъ вниманія почтеннѣйшаго Общества.

Пенсіонеръ Карлъ Брюлловъ.

(Напечатано въ «Русск. Вѣстникѣ» 1861 г., т. 35, стр. 381—383).

40.

Ѳ. П. Брюлло—А. П. и К. П. Брюлловымъ.

14-го ноября 1824 г. Петербургъ.

Любезные братья! Много, много несчастья оставилъ послѣ себя 1824-й годъ. Во 1-хъ, . . . одинъ изъ насъ (братьевъ) [1]) переселился въ лучшее мѣсто. Богъ знаетъ, что̀ намъ еще предстоитъ. Я никакъ не предполагалъ, чтобы маменька перенесла, потому что она послѣднее время ходила, какъ помѣшанная: смотритъ въ глаза и не отвѣчаетъ; но, благодаря Бога, она теперь успокаивается мало-по-малу, и всѣ здоровы. Это было 1-е несчастье, но оно простиралось на одно семейство. Но 2-е несчастье—всеобщее бѣдствіе: весь Петербургъ былъ затопленъ на четыре аршина; гаваньскаго селенья осталось нѣсколько домовъ, а прочіе сильнымъ вѣтромъ и водою были унесены. Вообразите! Изъ нашихъ оконъ смотримъ и что же?—по Среднему проспекту несется развалившійся домъ безъ крышки и два человѣка, разрушеніемъ задавленные. Нѣтъ силъ выразить того ужаса! По всему Острову и адмиралтейскимъ частямъ унесло заборы, даже каменные; вырвало изъ корней деревья и все, что̀ было деревянное, размыло. На другой день пошли мы по Острову и полны улицы (увидѣли) заваленными то дровами, то изломанными строеніями почти въ одну сажень вышиною, такъ что нельзя было пройти; и навѣрное можно сказать, что кто и родился на Островѣ, то и тотъ не узнаетъ, гдѣ, какая линія. Барки, гальоты стоятъ на улицахъ. Сколько утопшихъ людей и скота, и сказать нельзя... Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что желѣзныя крыши съ домовъ рвалъ (даже съ нашего листовъ десять снесло), какъ четвертку бумаги. Мосты всѣ изломаны, даже невская набережная въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повалена. Живущіе въ нижнихъ этажахъ лишились, если не жизни, то всего своего имущества. Ужасно! Ужасно!

Еще болѣе скажу: гдѣ не было воды, тамъ—пожаръ... Я знаю, что нѣкоторые люди, спасаясь отъ воды, уѣхали на Пулкову гору, а тамъ сдѣлался пожаръ, да и въ Петербургѣ на Литейной былъ пожаръ въ это время. А Лѣтній садъ!.. старыя толстыя деревья съ корнемъ (въ немъ) вырвало.

Всѣхъ погибшихъ въ Петербургѣ и окрестностяхъ считается до 4.000 человѣкъ, а убытокъ до 40 милліоновъ рублей или болѣе... Нашъ добрый великій монархъ стоялъ на балконѣ цѣлыя сутки; ни

---

[1]) Павелъ Брюлло, умершій въ тотъ годъ еще мальчикомъ.

одного судна опричь его катера не было, а Карцевъ [1]) прятался, боясь, чтобы государь не послалъ его людей спасать; но нашелся добрый христіанинъ—генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, который вызвался ѣхать на помощь несчастнымъ. На другой день послѣ потопа государь переправился на Островъ, прошелъ въ Гавань, гдѣ жители съ воплемъ на колѣняхъ его приняли: «Взгляни, монархъ: наши жилища унесены, и мы разорены!» Государь подымалъ ихъ, говоря съ слезами: «Встаньте, встаньте! Вознагражу васъ по-прежнему». Тутъ же онъ отдалъ приказаніе генералу Бенкендорфу, чтобы размѣстить ихъ по три человѣка въ каждый обывательскій домъ, кой два этажа имѣетъ. Графъ Милорадовичъ взялъ къ себѣ 200 человѣкъ въ домъ, гдѣ они спятъ и получаютъ столъ отъ него; въ Биржевомъ залѣ 200 человѣкъ помѣщены, гдѣ имъ столъ также готовятъ. Въ Гавани не находятъ 300 домовъ, даже основаній ихъ... Въ Кронштадтѣ также не маловажный убытокъ: купеческую гавань сорвало, и въ военной гавани всѣ линейные корабли лежатъ на сушѣ и ихъ стащить нѣтъ возможности (иначе), какъ разрубивъ, а каждый корабль стоитъ 2 милліона. Богъ спасъ насъ: мы всѣ, слава Богу, здоровы и сухи... Купцы-грабители наложили на хлѣбъ, соль и прочіе товары сто процентовъ (восьмикопѣечный хлѣбъ стоитъ 20 коп., соли пудъ 15 рублей), но правительство вошло въ положеніе несчастныхъ и приказало всѣ вещи продавать по старой цѣнѣ, и ко всѣмъ будкамъ прибиты таксы... Вотъ, любезные друзья, какой несчастный високосный годъ!.. [2]).

---

[1]) Петръ Кондратьевичъ Карцевъ (1746 † 1830),—адмиралъ, сенаторъ, директоръ Морскаго корпуса.

[2]) Какъ дополненіе къ этому письму Ѳ. П. Брюлло помѣщаемъ письмо его сестры Маріи Павловны (въ замужествѣ Теряевой), также поспѣшившей извѣстить своихъ далекихъ братьевъ о знаменитомъ наводненіи:

„Милые братья! Я чувствую, что вы можете оскорбляться рѣдкимъ нашимъ писаніемъ, но, надѣясь, что, узнавши изъ письма папеньки печальную тому причину, конечно, простите невольное наше молчаніе. Насъ много,—а всякой спѣшить описать вамъ все новое въ Петербургѣ, и потому одно и то же вы слышите, можетъ быть, по нѣсколько разъ. Но я, съ своей стороны, хотя маленькое понятіе дамъ вамъ о случившемся ужасномъ событіи въ Петербургѣ.

Седьмого ноября по-утру вода въ рѣкѣ начала подыматься, а въ одиннадцатомъ часу выступила изъ береговъ, подземныхъ трубъ и полилась съ быстротою по Васильевскому острову, Петербургской, 1-й, 2-й и 3-й Адмиралтейской и не много по 4-й, Московской, Нарвской и Литейной частямъ. Вообще высота воды была однимъ аршиномъ и шестью вершками выше бывшей въ 1777 году. Представьте ужасную картину—видѣть почти весь Петербургъ покрытымъ водою, нижнія жилья залитыми; по улицамъ и даже мимо нашихъ оконъ плавали цѣлыя барки съ сѣномъ (изъ коихъ двѣ послѣ воды остановились у нашего подъѣзда). Товары, лежавшіе на Биржевой площади, плыли, и никто не могъ остановить ихъ; въ улицахъ и по проспектамъ плыли

*

41.

К. П. Брюлловъ—А. П. Брюллову.

22-го ноября 1824 г. Римъ.

Любезный братъ! Не обвиняй меня въ томъ, въ чемъ самъ виноватъ. Отъ природы я лѣнивѣе тебя, слѣдовательно,—правота на моей сторонѣ. Не находя другаго, о чемъ тебѣ писать, посылаю письмо Петра Андреевича (Кикина). Сюда пріѣхалъ Мартыновъ. По письму Гальберга изъ Флоренціи, мы должны обходиться съ нимъ, какъ съ фискаломъ, наряженымъ для надзиранія за русскими пенсіонерами. Какъ и кѣмъ посланъ онъ, не знаемъ. Новость порядочная. 6-го ноября я получилъ отъ князя Гагарина пакетъ отъ Общества поощренія художниковъ съ приложе-

---

домы съ людьми, животныя... однимъ словомъ, ничто не избѣгло силы воды и ужаснаго вѣтра. Вода послѣ обѣда начала сбывать и на другой день съ разсвѣтомъ съ ужасомъ увидѣли страшныя бѣдствія наводненія. Цѣлыя семейства въ домахъ найдены утопшими, улицы покрыты были судами, берега же гальотами и барками; проспекты были непроходимы отъ нанесенныхъ изъ Гавани цѣлыхъ и развалившихся домовъ, въ коихъ лежали утопшіе; улицы покрыты мертвыми людьми, лошадьми, опрокинутыми каретами, дрожками, разными мебелями, а на Среднемъ проспектѣ большое стадо быковъ сдѣлалось также жертвою наводненія. Я ѣздила въ Гавань и могу сказать, что Гавань, кажется, не существуетъ. Подобно сему, наводненіе свирѣпствовало и въ прочихъ частяхъ города. Зная быстроту Невы, ужасно было видѣть, какъ мосты, барки съ сѣномъ и другія огромныя и мелкія вещи стремились вверхъ по рѣкѣ.

Это было въ полномъ смыслѣ ужасное наводненіе! Не осталось ни одного дома, гдѣ бы не потерпѣли, какъ и у нашихъ родителей. Во всѣхъ нижнихъ этажахъ не осталось ни стеколъ, ни рамъ, ни половъ, ни печей. Булочники не могли печь хлѣба, мелочныя лавки и другія были залиты, и все подмочено; сахарный песокъ на биржѣ также подмокъ на огромную сумму; у всѣхъ провизія пропала, такъ что въ тотъ день почти-что нечего было ѣсть,—народъ бѣгалъ по улицамъ и просилъ хлѣба. Все сіе сдѣлало дороговизну; люди безчувственные пользующіеся несчастіемъ другихъ, торгаши возвысили на все цѣну, и послѣ наводненія могло бы случиться другое несчастіе—голодъ, если бы нашъ добрый, великодушный, благословенный императоръ Александръ, августѣйшая его фамилія и истинно-благоразумное правительство вдругъ не прекратили сіе зло. Тотчасъ же по узнаніи открывшейся дороговизны появились таксы, напримѣръ: хлѣбъ ржаной продавали по 25 коп. фунтъ, а теперь—5 коп., за пудъ соли просили 8, 9 и 10 рублей, а теперь въ казнѣ продаютъ по 2 р. 80 коп. пудъ. Кромѣ того, императоръ лично, несмотря на ледъ и бурю на Невѣ, нѣсколько разъ посѣщавшій Васильевскій островъ и другія части, для лучшаго дѣйствія и поданія скорой помощи разореннымъ, назначилъ подъ начальствомъ графа Милорадовича временныхъ генералъ-губернаторовъ: на Васильевскомъ острову—генералъ-

ніемъ 250 червонныхъ. Пакетъ содержитъ два отношенія къ намъ; меня Общество благодаритъ и кажется довольно своимъ выборомъ (т. е. нами), и предлагаетъ три сюжета: первый—Патроновъ царской фамиліи, второй—«Благословеніе дѣтей» («Сихъ бо есть царствіе небесное»), которымъ теперь и занимаюсь; третій—святую фамилію. Работы наши еще не пришли въ Петербургъ. Я оканчиваю свои работы, послѣ чего хочу приняться за копію Аѳинской школы (что въ Ватиканѣ) по предложенію посольства за 10.000 рублей. Бумагу, относящуюся къ тебѣ, самъ прочтешь, когда пріѣдешь. Свинство—такъ долго не ѣхать въ Римъ!!! Актеонъ твой хотя и боленъ, но очень помнитъ тебя, часто спрашиваетъ и на меня смотритъ такъ же, какъ и прежде. Мы играли театръ у князя Гагарина—комедію «Недоросль» [1]). Я (игралъ) Вральмана и Простакова, Гальбергъ—Еремѣевну, Габерцетель [2])—Стародума!!. Басинъ—Милона, А. Тонъ—Кутейкина (натура!), князь—Цыфиркина, княгиня—г-жу Простакову, Гриша [3])—Митрофана, Жень...—Правдина. А. Я. Италинскій былъ очень доволенъ спектаклемъ. Онъ слушалъ сію комедію, читанную г. авторомъ—Фонвизинымъ за пятьдесятъ лѣтъ въ Неаполѣ [4]). Г. фонъ-Зассенъ [5]) съ остальными всероссійскими пенсіо-

---

адъютантъ Бенкендорфъ, Петербургской части—графъ Комаровскій, Выборгской части—Депрерадовичъ; для денежнаго же пособія изъ людей довѣренныхъ составилъ Комитетъ подъ предсѣдательствомъ князя Куракина. На первый случай государь далъ милліонъ рублей, но сія и жертвуемая сумма отъ Двора и нашихъ богачей увеличивается безпрестанно.

Рескриптъ императора о Комитетѣ написанъ очень хорошо, и я надѣюсь, что вы прочтете его въ какихъ-нибудь газетахъ.

Въ Биржевой залѣ и другихъ мѣстахъ открыты для неимущихъ пристанища и обѣденные столы. Казармы, домъ женскаго Патріотическаго общества и другіе казенные (дома) обращены въ жительство разоренныхъ отъ наводненія. Писала бы я вамъ еще кое-что много о семъ происшествіи, но, опасаясь наскучить вамъ онымъ, заключу его желаньемъ вамъ, милые братья, здоровья, счастья и успѣха въ дѣлахъ вашихъ. Мы же, слава Богу, здоровы и очень рады, что живемъ теперь во второмъ и третьемъ этажахъ и пріютили теперь у себя цѣлое семейство, много потерпѣвшее... Остаюсь ваша доброжелательная сестра М. Теряева.

P. S. Замѣчательно, что 21-го ноября въ Петербургѣ въ 12 часовъ были молнія и громъ.

[1]) См. подробности объ этомъ спектаклѣ въ упомянутыхъ выше воспоминаніяхъ князя Г. Г. Гагарина. (Прим. къ письму № 15).

[2]) Іосифъ Ивановичъ Габерцетель (1791 † 1857),—впослѣдствіи академикъ исторической живописи.

[3]) Князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ, въ то время ему было всего 12 лѣтъ.

[4]) Фонвизинъ былъ въ Неаполѣ въ третье свое заграничное путешествіе въ 1784—1785 гг.

[5]) Александръ Ивановичъ Зассенъ,—ученикъ и пенсіонеръ Академіи художествъ.

нерами были зрители. По желанію министра комедія сія назначается играться во второй разъ по пріѣздѣ Гальберга (Бруни—суфлеръ).

P. S. Князь Долгорукій [1]) игралъ Скотинина. Всѣ новости. Истинно и навсегда тебя любящій твой лѣнивый братъ Карлъ.

42.

А. П. Брюлловъ—матери.

1-е декабря 1824 г. Неаполь.

Любезная матушка! Вотъ уже семь мѣсяцевъ, что я отъ васъ не вижу ни строчки; я не думаю, чтобы вы дали пройти тому времени, не увѣдомивъ насъ о томъ, что происходитъ въ Петербургѣ, а особенно о васъ самихъ, зная, какою отрадою служитъ намъ всякое извѣстіе о васъ; я увѣренъ, что братъ мой по привычной ему лѣности писать, умалчиваетъ о всемъ и, получая письма, прячетъ ихъ до моего возвращенія въ Римъ. Вчерась получилъ я изъ Рима письмо Петра Андреевича Кикина, пересланное мнѣ братомъ, и нѣсколько строкъ отъ него самого, въ которомъ онъ ничего не говоритъ, кромѣ того, что онъ работаетъ, и зоветъ меня скорѣе возвратиться; но оно меня все-таки очень успокоило, ибо самая его краткость показала мнѣ, что ничего нѣтъ такого, что бы могло меня безпокоить; и мнѣ осталось теперь только (узнать) нѣкоторыя подробности тѣхъ удовольствій, которыми вы пользуетесь въ кругу васъ любящаго семейства; но я думаю, что я долженъ буду себѣ въ семъ отказать до моего возвращенія въ Римъ, ибо братъ мой, повидимому, хочетъ передать мнѣ оныя въ Римѣ. Итакъ, отвѣчать мнѣ совсѣмъ нечего: здѣсь новаго ничего нѣтъ такого, что бы пришло теперь на мысль, хотя я живу и въ свѣтѣ и переѣзжаю съ мѣста на мѣсто. Мнѣ кажется, я не писалъ вамъ еще, что я уже съ мѣсяцъ возвратился изъ моего втораго путешествія въ Сицилію, которое я совершилъ очень благополучно и пріятно. Скоро возвращусь въ Римъ, гдѣ я приготовился встрѣтить Anno Santo—знаменитый годъ отпущенія грѣховъ въ Святой землѣ.

43.

К. П. Брюлловъ—родителямъ.

19-го января 1825 г. Римъ.

Любезные родители! Не считаю за нужное выражать вамъ дѣйствіе, произведенное надо мною письмомъ Ѳедора [2]) и вашимъ.—Воля божія.

[1]) Князь Дмитрій Ивановичъ Долгоруковъ (ум. въ 1867 г.),—въ то время—тит. сов., состоялъ при русск. посольствѣ въ Римѣ; впослѣдствіи полномочный министръ при персидскомъ дворѣ, сенаторъ, писатель.

[2]) См. письмо № 40.

Скоро воспослѣдовавшее общее несчастье (т. е. наводненіе) не ясно-ли доказываетъ счастье семейства Брюлловыхъ, и не грѣшно ли было бы, хоть на минуту, позволить вкрасться въ сердце грусти, которая меня сначала ополоумила; но пришедъ въ себя и приведя обыкновенную поговорку свою на память, т. е. сколько есть тысячъ людей, которые бы позавидовали моему положенію, меня заставило (sic), признаюсь, закраснѣть, но не могъ еще приняться за письмо. Очень, очень вѣрю, маменька, какъ трудно было вамъ писать, и тысячу разъ благодарю васъ за то принужденіе себя, которое доказываетъ намъ равную ко всѣмъ намъ любовь! Александръ еще не знаетъ случившагося въ семействѣ нашемъ.—Я, судя по себѣ, каково мнѣ было получить письмо брата Ѳедора, разсудилъ сперва увѣдомить Александра о болѣзни, а потомъ ужъ, приготовивъ его немного къ сему, перешлю ваше письмо, маменька, которое меня успокоило болѣе всѣхъ доказательствъ разсудка, если бы оный въ подобномъ случаѣ и могъ дѣйствовать. Если смѣю вамъ подать совѣтъ,—чтобы успокоить себя болѣе, будьте чаще въ обществѣ Маріи и Юліи: онѣ—матери (кто лучше ихъ раздѣлитъ подобное бѣдствіе (какъ), потерю брата?!) и приводите себѣ чаще на память, каково-то вояжерамъ въ Римѣ и Неаполѣ: они порознь, одни! а вы—въ кругу достойнаго васъ семейства.

44.

К. П. Брюлловъ—отцу.

19-го января 1825 г. (Римъ).

Любезный папенька! Маленькая, но много выражающая ваша приписочка доставила мнѣ непредвидѣнное удовольствіе (что теперь, право, мнѣ довольно нужно). Вы опять начинаете меня транжирить своимъ «Микель-Анджело» и, если хотите очень скоро, то пришлите увеличительное стекло и склейте и наклейте на доску бумаги, какъ вы дѣлали обыкновенно... Ужъ мнѣ кажется, что слышу васъ, глаголюща: «Ѳофанъ!»—Нѣтъ, шутки въ сторону, папенька: теперь сдѣлать никакъ не могу, ибо долженъ окончить свои работы къ марту мѣсяцу, а потомъ долженъ начать копію съ Рафаэлевой «Аѳинской школы» въ величину около пяти саженъ, гдѣ около 70 фигуръ. Начавши производить сію работу, я буду имѣть болѣе случая и времени сдѣлать желаемыя вами копіи.

Вы также требуете отъ меня портрета въ ту же мѣру, а мѣры не назначили,—прошу прислать въ будущемъ письмѣ величину портрета брата.

Александръ все еще въ Неаполѣ, а (А. И.) Зассенъ занимаетъ его мѣсто во всѣхъ отношеніяхъ. Прибавлю еще, что зима римская немного

хуже хорошей россійской весны, это доказала нынѣшняя зима: въ продолженіе 9 мѣсяцевъ мы имѣли дождя не болѣе 2 разъ—благословенный климатъ!—Можно подумать, что всѣ непогоды удалились изъ Рима и, какъ кажется, обрушились на бѣдный Петербургъ. Пишите, пожалуйста, что будетъ произведено хорошаго, и какія вспоможенія будутъ употребляемы для потерпѣвшихъ; худого не хочу слушать,—ну хоть и худенькое, только почаще пишите.

У насъ начался Anno Santo или Святой годъ. Наканунѣ Рождества, или, лучше сказать, въ день моего рожденія (24-го декабря новаго стиля, а 12-го декабря стараго стиля), папа Леонъ XII въ полной процессіи, въ сопровожденіи кардиналовъ, ударилъ молоткомъ три раза (или нѣсколько разъ) въ Святую дверь, послѣ чего дверь сія, заложенная изъ кирпича за пятьдесятъ лѣтъ тогдашнимъ папою [1]), падаетъ на подмостки или на два валька и отвозится въ сторону; на другой день народъ толпами стремится въ церковь святаго Петра и за двадцать шаговъ до дверей повергается на землю, уповая на отпущеніе грѣховъ (не всѣ, разумѣется, другіе и обходятъ). При семъ прилагаю вамъ маленькіе чертежи, въ будущемъ сдѣлаю рисунокъ красками. Ну, прощайте,—время относить письмо на почту: полдень ровно; черезъ полчаса уже не примутъ; простите, ежели не успѣлъ домарать четвертую страницу,—обѣщаюсь въ будущемъ сказать болѣе о Святомъ годѣ. Остаюсь вашъ любящій сынъ, братъ, другъ Карлъ Брюлловъ.

И мнѣ пошелъ 26-й годъ.—Время бѣжитъ!

45.

К. П. Брюлловъ—А. П. Брюллову.

(Мартъ 1825 г., Римъ).

Любезный братъ! 5-го числа апрѣля я, Бруни [2]), (А. И.) Зассенъ и (А. А.) Тонъ будемъ въ Неаполѣ. Прости, что такъ залѣнился тебѣ писать, я самъ здѣсь очень занятъ: господинъ Самаринъ [3]) заказалъ 5 картинокъ въ разныя величины, госпожа Нессельроде [4]) заказала еще три картины («Національныя сцены»), какъ и Самаринъ, который

---

[1]) Піемъ VI-мъ.

[2]) Ѳедоръ Антоновичъ Бруни (1800 † 1875); былъ въ Римѣ съ 1818 года; въ описываемое время имѣлъ уже извѣстность за свою картину „Смерть Камиллы“ и за копію съ Рафаэля.

[3]) Ѳедоръ Васильевичъ Самаринъ (1784 † 1853),—отецъ извѣстнаго славянофила Ю. Ѳ. Самарина.

[4]) Графиня Марія Дмитріевна Нессельроде (урожденная Гурьева),—супруга канцлера графа Карла Васильевича Нессельроде; сконч. въ 1849 г.

также и тебѣ заказываетъ 20 рисунковъ величиной съ сію четверку. Я за тебя далъ слово, что ты непремѣнно выполнишь по 60 франковъ (за картину), онъ хотѣлъ было по пятидесяти, но я, какъ секретарь брату, урезонилъ его и настоялъ на первой цѣнѣ. Графиня Нессельроде очень была обрадована твоимъ счастьемъ и очень довольна тобой. Съ твоимъ портретомъ Машеньки я ничего не могъ дѣлать, по причинѣ перемѣны освѣщенія и онъ остался таковымъ, какъ былъ. Теперь я дѣлаю портретъ госпожи Свѣчиной [1]); подобныя физіономіи не бываютъ на портретѣ непохожи: т. е. смѣшно похожъ! Завтра начинаю масляными красками портретъ г. Самарина и акварелью Мишеньку Самарина [2]). Третьяго дня познакомился съ хваленымъ тобой княземъ Голицынымъ, еще не видалъ его супруги живой, но писанную видѣлъ;—славно! avanti! avanti! avanti! Носятся слухи, будто брату Павленькѣ хуже и даже являются признаки, обезнадеживающіе насъ. Братъ твой Карлъ Брюлловъ.

Надѣюсь, что ты дашь мнѣ денегъ на прожитіе въ Неаполѣ, ибо боюсь брать съ собой много; въ Римѣ сочтемся. При семъ прилагаю письмо отъ барона Хорнштейна [3]). Напиши хоть ты ему,—кажется, мы должны быть увѣрены въ его къ намъ любви и привязанности. Отвѣчай пожалуйста, скорѣй, берешь ли ты работу, предлагаемую Самаринымъ.

46.

К. П. Брюлловъ—А. П. Брюллову.

29-го марта 1825 г. Римъ.

Любезный братъ! Я второпяхъ положилъ въ мое письмо конвертъ письма барона Хорнштейна, почему и спѣшу вторымъ письмомъ вывесть тебя изъ недоумѣнія. Долженъ также тебя увѣдомить, что Бруни очень испугался Неаполя, услышавъ, что должно будетъ въ немъ оставить около ста, если не больше, скудъ. Также и я сомнѣваюсь выпол

---

[1]) Софья Петровна Свѣчина,—дочь статсъ-секретаря П. А. Соймонова род. въ Москвѣ въ 1782 г., въ 1801 г. вышла замужъ за петербургскаго военнаго губернатора Н. С. Свѣчина; въ 1815 г. тайно перешла въ католичество, переселилась за границу и жила главнымъ образомъ въ Парижѣ, гдѣ и скончалась въ 1837 г. (См. о ней „Остафьевскій архивъ князя Вяземскаго", подъ редакц. В. И. Саитова, Спб. 1899 г., т. I, стр. 408 и 420). Въ Римѣ, между прочимъ, жила ея сестра,—Екатерина Петровна, бывшая замужемъ за княземъ Г. И. Гагаринымъ.

[2]) Одинъ изъ сыновей Ѳ. В. Самарина, умершій въ 1848 году.

[3]) См. письмо № 10.

нить свое обѣщаніе по случаю вышедшаго мнѣ позволенія копировать «Аѳинскую школу».

Сегодня день рожденія князя (Г. И.) Гагарина. Я приглашенъ къ обѣду и увѣренъ, что буду убѣжденъ не ѣхать въ Неаполь, ибо князь послѣ долгихъ преній съ Маджоръ-домомъ, выхлопотавши позволеніе, захочетъ видѣть скорѣй плоды трудовъ его. Онъ мнѣ уже сегодня намекнулъ, что въ Неаполь можно будетъ ѣхать во время жаровъ, а время, способное къ работѣ, употреблять въ пользу; противъ сего нечего сказать! Ты самъ видишь, что я не отъ себя завишу.

Прощай, тебя любящій братъ Карлъ Брюлловъ.

47.

А. П. Брюлловъ—родителямъ.

19-го апрѣля 1825 г. Неаполь.

Любезные родители! Браните!—чувствую, что достоинъ этого, будучи въ состояніи столь долго молчать. Но я уже болѣе двухъ мѣсяцевъ такъ занятъ все нужною работою, что могу сказать: «я работалъ до изнеможенія». Братъ мнѣ, противъ обыкновенія, писалъ довольно часто, но такъ коротко, что я изъ его писемъ почти ничего не знаю, что происходитъ въ Римѣ, и какія извѣстія онъ получилъ изъ Петербурга. На сихъ дняхъ онъ писалъ, что началъ или начнетъ копію съ Рафаэлевой «Аѳинской школы», а, кромѣ того, имѣетъ кучу другихъ работъ и все время здоровъ—только мнѣ и извѣстно. Но до сихъ поръ я ничего не говорилъ о моихъ занятіяхъ; вы помните, можетъ быть, что мѣсяцевъ шесть уже тому назадъ хотѣлъ уѣхать изъ Неаполя, но былъ задержанъ разными случаями: наѣхало сюда много чужестранцевъ, изъ коихъ очень много было русскихъ, которые, увидѣвъ нѣсколько портретовъ, сдѣланныхъ мною въ свободныя минуты почти шутя, пожелали, чтобы я сдѣлалъ и для нихъ, и у меня накопилось, наконецъ, столько работы, что я былъ въ большомъ замѣшательствѣ оную кончить, и долженъ былъ работать, сколько только доставало (силы) и сколько позволяли глаза, а гулять позабылъ совсѣмъ. Одна русская, госпожа Хитрово [1]), бывъ у королевы, случайнымъ образомъ разговорилась о моихъ портретахъ; ея величество пожелала ихъ видѣть, и мнѣ предложили сдѣлать портреты королевской фамиліи (наканунѣ почти моего отъѣзда). Я ихъ уже кончилъ, всѣ были чрезвычайно довольны; до сихъ поръ я сдѣлалъ только три: короля,

[1]) Вѣроятно, Елисавета Михайловна (1783 † 1839),—дочь князя М. И. Голенищева-Кутузова, супруга Николая Ѳедоровича Хитрово, бывшаго посланникомъ во Флоренціи.

королевы и принцессы, старшей ихъ дочери, цѣльныя фигуры на бристольской бумагѣ; мнѣ заплатили довольно хорошо, а королева подарила мнѣ еще часы и просила еще налитографировать эти портреты. По возвращеніи ихъ изъ Милана буду дѣлать и другихъ принцессенятъ (ихъ около десяти); сверхъ того, имѣю столько партикулярной работы, что долженъ отказываться или заставлять дожидаться. Прежде, нежели я сегодня началъ вамъ писать, у насъ рѣчь зашла съ полковникомъ русскимъ г-мъ Винсперомъ [1]) (у котораго я теперь живу) о перепискѣ, который, услышавъ, что я такъ давно къ вамъ не писалъ, далъ мнѣ выговоръ;—онъ имѣлъ полное право мнѣ выговаривать, ибо онъ—лучшій другъ и лучшій сынъ, и я рѣшился впредь къ вамъ писать каждыя двѣ недѣли или, по крайней мѣрѣ, разъ въ мѣсяцъ и обѣщаюсь строго выполнять. Полковникъ (В. А.) Перовскій, адъютантъ (вел. кн.) Николая Павловича, о которомъ я уже писалъ вамъ въ предыдущихъ письмахъ, уѣхалъ вчера отсюда и, можетъ быть, черезъ два мѣсяца будетъ въ Петербургѣ; онъ обѣщался мнѣ васъ посѣтить; вы, вѣрно, найдете въ немъ прекраснѣйшаго человѣка во всемъ свѣтѣ; онъ вручитъ вамъ также отъ меня маленькую коробку съ подарочками. Ровно полночь; прощайте. Кланяйтесь всѣмъ, меня помнящимъ, поцѣлуйте отъ меня сестрицъ и братцевъ. Васъ любящій Александръ Брюлловъ.

P. S. Петръ Андреевичъ (Кикинъ), какъ я слышалъ, уѣхалъ на воды; не зная, куда адресовать, буду писать въ Петербургъ; если онъ на меня сердится за мое долгое молчаніе, то объясните ему дѣло и увѣрьте его въ моей привязанности и почтеніи къ нему; съ сей почтою или съ слѣдующею буду я къ нему писать.

48.

А. П. Брюлловъ—П. А. Кикину.

21-го апрѣля 1825 г. Неаполь.

. . . Въ предыдущихъ письмахъ я говорилъ о моемъ намѣреніи оставить скоро Неаполь и опять возвратиться въ вожделѣнную страну художниковъ—Римъ; но принужденъ былъ остаться еще на нѣсколько недѣль, чтобы окончить начатыя работы; я отказывался уже отъ всѣхъ вновь предлагаемыхъ, какъ вдругъ получаю предложеніе отъ ея величества королевы Неаполитанской, имѣвшей случай видѣть мои рисунки,—сдѣлать портреты: короля, ея собственный и принцессы, старшей дочери. Столь лестное предложеніе заставило меня перемѣнить мое намѣ-

[1]) Робертъ Антоновичъ Винсперъ (или Винспіеръ),—съ 1825 г. состоялъ сверхштатнымъ чиновникомъ при нашемъ посольствѣ въ Римѣ.

реніе, и я рѣшился для этого пробыть еще нѣсколько времени въ прекрасномъ Неаполѣ. Эти три портрета уже окончены; король и королева были ими весьма довольны и пожелали, чтобы я во время ихъ отсутствія оные налитографировалъ. По возвращеніи же ихъ величествъ надобно будетъ сдѣлать портреты и другихъ дѣтей. Я весьма сожалѣю, что литографія здѣсь въ весьма жалостномъ положеніи, и мнѣ очень будетъ прискорбно, если этотъ трудъ мой не удастся. Форматъ рисунковъ почти въ величину петербургскихъ видовъ, издаваемыхъ отъ Общества поощренія художниковъ. Сіи портреты сдѣланы мною водяными красками; фигуры цѣльныя, а околичность представляетъ какой-либо видъ Неаполя, или окрестностей. Я сдѣлалъ нѣсколько такихъ портретовъ и еще другихъ рисунковъ, которые должно было очень скоро работать, ибо большая часть сихъ работъ была заказана мнѣ иностранцами. Многимъ весьма странно, а можетъ быть и смѣшно покажется (особливо архитекторамъ-фанатикамъ, которые все, что̀ не есть линейка, циркуль и перпендикуляръ, не хотятъ почитать), что архитекторъ занимается живописью; но вмѣсто оправданій и исчисленія должнаго и недолжнаго занятій архитектора, я скажу только: сколько было людей, которые вмѣщали въ себѣ множество различныхъ способностей, сколько было художниковъ, занимавшихся различными художествами съ большимъ успѣхомъ. Хотя я слишкомъ далекъ отъ того, чтобы дерзнуть причислить себя къ числу людей, имѣющихъ даръ всеобъемлющій, однако никогда не устрашусь предпринять какой-нибудь трудъ, не имѣющій отношенія къ архитектурѣ, если надѣюсь быть въ состояніи его выполнить. Итакъ, не лучше ли заниматься всѣмъ тѣмъ, что только питаетъ наше воображеніе, чѣмъ сидѣть надъ древними обломками и разсуждать о прошедшемъ ихъ состояніи и изъяснять ихъ назначенія, что̀ бываетъ главнымъ занятіемъ многихъ архитекторовъ, пріѣзжающихъ въ Италію. Я этимъ отнюдь не хочу сказать, что архитектору въ Италіи нечего дѣлать (такъ многіе говорятъ). Чтобы любить художества, надобно быть въ Италіи. Распространяться о столь извѣстной пользѣ путешествій я нахожу излишнимъ, а скажу только, что если художникъ, пробѣгая Ватиканъ, или бродя между храмами древнихъ римлянъ, не почувствуетъ своего счастливаго состоянія и не будетъ радоваться, нося имя художника, то лучше сдѣлаетъ, если, бросивъ циркуль и кисть, простится съ художествомъ на вѣкъ. Никогда я не забуду одного вечера, проведеннаго мною на развалинахъ древняго Агригента. Я остановился въ храмѣ Юноны Луцины, выстроенномъ на высокомъ холмѣ. Вечеръ былъ прекрасный; солнце спустилось уже низко, по одну сторону—море, по другую, на горѣ—новый Джирдженти, предо мною развалина нѣсколькихъ храмовъ, рядъ гробницъ и кругомъ совершенная тишина. Что могло говорить сердцу краснорѣчивѣе этой тишины, сердцу спо-

собному ко впечатлѣніямъ глубокимъ? что могло болѣе питать мечту о прошедшемъ величіи агригентянъ, какъ не остатки сей прекрасной архитектуры? Въ ту минуту я желалъ спросить всѣхъ живущихъ: кто счастливѣе меня? и увѣренъ былъ, что не найду соперника. Вы спросите причину, я долженъ буду сказать: н е з н а ю. Но душа моя была полна. Я смотрѣлъ на храмъ... въ семъ восторгѣ далъ себѣ обѣщанье сдѣлать собраніе достопамятностей Сициліи, и первый рисунокъ будетъ этотъ храмъ въ теперешнемъ его положеніи.—Моимъ пребываніемъ въ Неаполѣ я намѣренъ еще воспользоваться и сдѣлать что-нибудь изъ развалинъ Помпеи, которыя, при всей ихъ оригинальности, не много представляютъ художнику для красиваго рисунка. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ открыли прекрасное зданіе публичныхъ бань,—единственное по красотѣ и отличающееся отъ всего прочаго сводами. Всѣ дома въ Помпеѣ безъ крышъ, или, лучше сказать, безъ верхнихъ частей строенія. Надобно предполагать, что сей городъ былъ засыпанъ только до нѣкоторой высоты, и все, что оставалось поверхъ земли, было срыто людьми или разрушено временемъ. Всѣ храмы, которые были гораздо выше прочихъ строеній, теперь уравнены съ ними; остались только однѣ террасы, лѣстницы и нижнія части колоннъ, но если бы совершенно были засыпаны, то, вѣрно, никакіе вѣка не могли бы разрушить ихъ. Напротивъ того, упомянутыя мною бани сохранены совершенно, и причиною сего сохраненія, надобно думать, были своды, которыми сіе зданіе было покрыто. Первый покой служилъ прихожею для двухъ отдѣленій и повидимому очень богато былъ украшенъ лѣпною работою. Теперь существуетъ только часть сего свода. Дверь напротивъ ведетъ въ круглый покой съ коническимъ сводомъ; вершина онаго отсѣчена для освѣщенія; посреди устроенъ бассейнъ. На діагоналяхъ сего круглаго покоя сдѣланы четыре ниши, служившія для раздѣванія и отдохновенія купающимся. Сей покой украшенъ просто, легко и со вкусомъ. Изъ перваго покоя, или изъ прихожей по правой сторонѣ находятся два зала. Первый служилъ, какъ кажется, для того, чтобы раздѣваться, отдыхать и грѣться въ холодное время, ибо по стѣнамъ вокругъ покоя сдѣланы раздѣленія на подобіе, какъ у насъ дѣлается въ передбанникахъ, съ тою только разницею, что здѣсь они въ одинъ рядъ и отдѣлены одинъ отъ другаго каріатидами. Еще найдены въ семъ же покоѣ двѣ бронзовыя скамьи съ надписями того, на чей счетъ сіи бани были выстроены: имя его было Vacca, а на огромной бронзовой жаровнѣ, находящейся въ сей же комнатѣ, представлена корова. Полагаютъ, что изображеніе оной означаетъ вещь, принадлежавшую хозяину. Этотъ покой былъ весьма богато украшенъ. Свѣтъ проходилъ чрезъ отверстіе, сдѣланное подъ самымъ сводомъ. Второй залъ величиною подобенъ первому. Взойдя въ комнату, на правой сторонѣ находится ванна во всю

ширину комнаты изъ бѣлаго мрамора, а по лѣвую сторону фонтанъ; чаша коего въ поперечникѣ около трехъ аршинъ, съ бронзовою по краямъ надписью. Возвратившись опять въ прихожую, можно выйти чрезъ другія маленькія комнаты, служившія для разныхъ потребностей при баняхъ, на другую улицу. Полы были всѣ мозаичные, но очень мало осталось слѣдовъ существованія оныхъ. Какъ по величинѣ, такъ и по богатству изъ всей Помпеи нужно почесть сіи бани лучшимъ остаткомъ. Я не хочу оныя сравнивать съ амфитеатромъ и двумя театрами, которые по своему предназначенію должны быть великолѣпнѣе и огромнѣе прочихъ публичныхъ зданій. Живопись помпейская,—по моему мнѣнію,—имѣетъ менѣе достоинствъ, нежели сколько ей приписываютъ. Во всѣхъ вещахъ виденъ хорошій вкусъ (своего) времени. Во всѣхъ остаткахъ живописи видна легкость кисти и большой навыкъ, но нигдѣ (нѣтъ) строгой рисовки. Посмотря на эту живопись, можно сказать о художникѣ, произведшемъ оную: этотъ человѣкъ много работалъ, но никакъ нельзя сказать: этотъ человѣкъ много учился. На счетъ живописи сказалъ я это потому, что здѣсь въ разговорахъ не однажды слыхалъ, что ее превозносили и сравнивали даже съ произведеніями Рафаэля. Жаль, впрочемъ, что художникамъ не дозволяютъ срисовывать въ Помпеѣ все, что угодно, а позволено только пользоваться тѣми памятниками, которые опубликованы; но я однажды во время сеанса короля просилъ его величество и получилъ позволеніе срисовывать все, что только захочу, почему и намѣренъ начать въ будущемъ мѣсяцѣ работать тамъ подробные рисунки бань, которые и перешлю со временемъ въ Петербургъ [1]).

49.

А. П. Брюлловъ—матери.

16-го мая 1825 г. Неаполь.

Любезная матушка! На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ Общества поощренія художниковъ, которое, повидимому, нами довольно, что̀, какъ вы себѣ можете представить, принесло большое удовольствіе, ибо какая мысль можетъ быть пріятнѣе, какъ не та, что мы, хотя нѣсколько, но заслуживаемъ тѣхъ благодѣяній, которыми насъ такъ щедро осыпаютъ. Наступившая весна или, лучше сказать, лѣто не принесло еще намъ постоянно хорошей погоды, къ которой такъ легко привыкаютъ въ Италіи

[1]) Напечатано впервые въ „Журналѣ Изящныхъ Искусствъ“ (1825 г., ч. II, № 3, стр. 78—81), съ слѣдующимъ примѣчаніемъ издателя (В. И. Григоровича): „Письмо сіе писано г. Брюлловымъ къ его превосходительству П. А. Кикину. Полагая, что для читателей „Журн. Из. Иск.“ не будетъ непріятно узнать о занятіяхъ г. Брюллова-художника, большія надежды о себѣ подающаго, и въ особенности получить нѣкоторое понятіе объ открытыхъ недавно въ Помпеѣ баняхъ, о которыхъ въ письмѣ семъ упоминается, я помѣщаю отрывокъ изъ онаго съ позволенія его превосходительства“.

и гдѣ невольнымъ образомъ дѣлаешься прихотливымъ, но нельзя сказать, чтобы мы не имѣли совсѣмъ хорошаго времени. Я уже успѣлъ, оставивъ свои занятія въ Неаполѣ, посѣтить Сорето; вамъ извѣстно сіе мѣсто изъ моихъ писемъ прошлаго года. (Какое сладостное чувство возбудило во мнѣ воспоминаніе!) Проѣзжая тѣ мѣста, гдѣ я удивлялся Италіи, съ какимъ восхищеніемъ увидѣлъ я, взобравшись на горы, неапольскій и салернскій гольфы, простирающіеся надо мной въ видѣ почти необозримаго синяго пространства. Проведши три прекрасныхъ дня въ Соренто, я возвратился въ Неаполь, гдѣ меня ожидали мои занятія въ такомъ количествѣ, что, какъ вспомню, такъ голова вертится; но впрочемъ,—ничего: я умѣю быть прилежнымъ, а покуда здоровъ, такъ и нетрудно. На сихъ дняхъ окончу я литографію королевскихъ портретовъ; ихъ величествъ скоро ожидаютъ назадъ изъ Милана; я бы очень желалъ, чтобы хорошо вышли литографіи потому, что труда довольно было за ними. Скоро, я думаю, будетъ въ Петербургѣ полковникъ В. А. Перовскій, который вамъ можетъ дать довольно подробныя свѣдѣнія обо мнѣ и вручитъ вамъ также коробочку съ кораллами, которые вы вручите тѣмъ, кому надобно. Свидѣтельствуйте мое глубочайшее почтеніе Петру Андреевичу Кикину, если его увидите; я не замедлю ему самому писать, какъ равномѣрно и Обществу;—намъ надобно простить, что мы такъ мало пишемъ, ибо только вечера у насъ и свободны, а вечеромъ не всегда хорошо заниматься. Весь вашъ, васъ любящій Александръ Брюлловъ.

50.

Общество поощренія художниковъ—К. П. Брюллову.

31-го января 1825 г.

Отзывъ, на имя Общества отъ 6-го ноября вами адресованный [1]), былъ читанъ въ собраніи онаго 22-го декабря минувшаго года. По положенію Общества, извѣщаю васъ: во 1-хъ, что Общество, находя порученіе посольствомъ Россійскимъ въ Римѣ, вамъ сдѣланное—скопировать Аѳинскую школу Рафаэля—весьма для васъ полезнымъ и въ полной увѣренности, что вы, приложите все стараніе, дабы передать въ копіи сей красоты подлинника и тѣмъ сдѣлать услугу вашему отечеству, разрѣшаетъ вамъ заняться симъ дѣломъ безотлагательно. Во 2-хъ, ничего не желая болѣе, какъ усовершенствованія вашихъ способностей, Общество находитъ нужнымъ, чтобы вы, кромѣ сей копіи, произвели еще въ Римѣ хоть одну значительную картину. Имѣя передъ глазами образцы превосходные и пользуясь совѣтами знаменитаго Камуччини, вы, безъ сомнѣнія, оригинальными произведеніями вашими сдѣлаете себѣ честь и, возвратясь въ отечество, пріобрѣтете уваженіе

[1]) См. письмо № 39.

Общества и любителей просвѣщенныхъ. Для сего Общество отсрочитъ вамъ возвращеніе въ Россію на такое время, какое нужно будетъ для произведенія оригинальной картины, и продолжитъ пенсіонъ, вами получаемый. Въ 3-хъ, выборъ вашъ одного изъ трехъ предложенныхъ сюжетовъ Общество утверждаетъ. Замѣчанія ваши на счетъ причинъ, побудившихъ васъ къ тому, справедливы; впрочемъ, касательно первыхъ, т. е. молящихся патроновъ государя и государынь, скажу вамъ, что Общество, предлагая оный, имѣло въ виду открыть для васъ точно то же поле дѣйствія, которое имѣлъ Рафаэль. Madonna del Sisto есть одно изъ превосходнѣйшихъ твореній его. Производя «Патроновъ», вы должны возвыситься до Рафаэля и занять у него то, что составляетъ отличительное достоинство сего божественнаго творенья: величіе и изящнѣйшій стиль. Другой причиной предложенія сего Общества еще было: желаніе Общества, чтобы вы удалились отъ наклонности къ французскому стилю который теперь, къ сожалѣнію, болѣе или менѣе виденъ во всѣхъ почти произведеніяхъ молодыхъ художниковъ. Теперь, когда вы будете имѣть случай войти совершенно въ духъ Рафаэля и когда познакомитесь короче съ красотами его произведенія, вы, конечно, изберете для себя пути, ведущіе къ истинному совершенству. Признательность и уваженіе къ вамъ будутъ наградою трудовъ вашихъ. Въ 4-хъ, Общество, продолжая вамъ пенсіонъ, надѣется, что время, которое будетъ дано вамъ для вашего усовершенствованія, вы употребите съ совершенною пользою для себя, и увѣряетъ васъ въ неизмѣнномъ своемъ къ вамъ вниманіи и покровительствѣ. Мнѣ весьма пріятно присовокупить, что Общество совершенно довольно вами; увѣдомленія о васъ самыя пріятнѣйшія радуютъ Общество, и оно находитъ большое удовольствіе въ томъ, что первый выборъ его палъ на васъ и вашего брата. П. Кикинъ.

51.

К. П. Брюлловъ Обществу поощренія художниковъ.

17-го іюля 1825 г. Римъ.

Апрѣля 29-го дня сего 1825 года имѣлъ я честь получить предписаніе Общества поощренія художниковъ отъ 31-го января, въ коемъ оно объявляетъ свое согласіе на производство копіи «Аѳинской школы» Рафаэля и вмѣстѣ съ тѣмъ изъявляетъ желаніе, чтобъ я по окончаніи сей копіи произвелъ хотя одну значительную картину, пользуясь совѣтами знаменитаго кавалера Камуччини [1]) и изящными произведеніями, находящимися въ Римѣ. Общество при семъ обѣщаетъ продолжать мнѣ

[1]) См. письмо № 28.

пенсіонъ мой на такое время, какое нужно будетъ для окончанія таковой картины; не имѣю словъ для выраженія моей благодарности за сію великую милость, но все мое стараніе, всѣ силы мои будутъ устремлены къ тому, чтобы ревностнѣйшимъ исполненіемъ желаній почтеннѣйшаго Общества доказать оную на самомъ дѣлѣ и, наконецъ, заслужить справедливое вниманіе просвѣщенныхъ любителей искусствъ.

Предполагая впередъ, что прежде мая мѣсяца мнѣ невозможно получить разрѣшенія на мое предложеніе въ разсужденіи вышеупомянутой копіи, и, будучи впрочемъ совершенно увѣренъ въ согласіи Общества, я немедленно по отправленіи послѣдняго донесенія занялся приготовленіемъ нужныхъ для начатія оной работы матеріаловъ; но по неожиданнымъ препятствіямъ со стороны другихъ художниковъ, готовившихся работать въ той же залѣ, и по затрудненіямъ, поставленнымъ отъ мажоръ-дома, я не ранѣе могъ начать свою работу, какъ въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца. До сего числа у меня сдѣланъ весь абрисъ всей картины; мнѣ позволено будетъ при семъ замѣтить, что посредствомъ сей копіи я могу вполнѣ воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что Общество имѣло въ виду, назначая мнѣ для сочиненія особенной картины сюжетъ подобный Рафаэлевой Мадоннѣ di S.-Sisto, что доставитъ мнѣ средства занять у Рафаэля то, что составляетъ его отличительное достоинство: величіе и изящнѣйшій стиль, и потомъ, чтобъ удалить меня отъ наклонности къ манеру французской школы, который теперь, къ сожалѣнію, дѣйствительно виденъ во многихъ произведеніяхъ молодыхъ художниковъ. На счетъ сего послѣдняго, смѣю увѣрить почтеннѣйшее Общество, что я не нахожу стиль французской школы такъ соблазнительнымъ, и что одно внимательное разсмотрѣніе произведеній итальянской школы уже достаточно, чтобы предохранить отъ сего временнаго повѣтрія.

Въ первыхъ числахъ апрѣля было здѣсь открытіе французской школы; всѣ работы пенсіонеровъ ея, казалось, какъ бы были однимъ написаны, такъ онѣ однообразны въ сочиненіи, рисункѣ и краскахъ! можно сказать, что только довольно исправный, а иногда и хорошій рисунокъ избавляетъ отъ рѣзкой критики.

Занятія мои въ продолженіе шести мѣсяцевъ состояли въ окончаніи работъ, означенныхъ въ послѣднемъ донесеніи [1]). Сверхъ того по неотступнымъ просьбамъ ея сіятельства графини Потоцкой долженъ я былъ сдѣлать ея портретъ; потомъ принцъ Мекленбургскій также занялъ меня своимъ портретомъ. Теперь, кромѣ вышеупомянутой въ Ватиканѣ копіи, я началъ нѣсколько картинъ во фламандскомъ родѣ (quadri di genere), и по желанію ея сіятельства графини (М. Д.) Нессельроде

[1]) См. письмо № 39.

я обѣщалъ ей написать пять картинъ, представляющихъ разныя національныя и характеристическія сцены Рима; его сіятельство князь Голицынъ пожелалъ также имѣть въ семъ родѣ двѣ картины; его превосходительство господинъ (Ѳ. В.) Самаринъ заказалъ мнѣ пять подобныхъ картинъ, а его превосходительство К. А. Нарышкинъ [1]) двѣ таковыхъ же картины, предоставляя избраніе сюжетовъ на мою волю. Почтеннѣйшее Общество не поставитъ мнѣ въ вину, что я, занимаясь въ семъ родѣ, нѣкоторымъ образомъ какъ бы отступилъ отъ настоящихъ моихъ занятій; всѣ сіи картины я надѣюсь окончить въ досужіе часы, нисколько не удѣляя времени отъ главнаго моего упражненія, ибо Ватиканская галлерея (кромѣ того, что по субботамъ и воскресеніямъ тамъ запрещается работать) бываетъ два раза въ недѣлю (въ понедѣльникъ и четвергъ) отъ полудня до вечера отворена для публики; такимъ образомъ, имѣя три дня въ недѣлю свободныхъ, но отрывками, и, слѣдовательно, неудобныхъ для какого-либо важнѣйшаго занятія, могу легко окончить всѣ предложенныя мнѣ работы въ теченіе одного года.

Впрочемъ, заслужить и оправдать оказанныя мнѣ Обществомъ милости есть всегдашняя цѣль моя; если же я оной и не достигну, то увѣренъ, что мои старанія достичь ее не останутся безъ вниманія. Въ сей увѣренности, предавая себя въ дальнѣйшее покровительство почтеннѣйшаго Общества и пр.

(Напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 г., т. 35, стр. 383—385).

52.

А. П. Брюлловъ—матери.

18-го августа 1825 г., Неаполь.

Любезная матушка! Вотъ уже третій день, что я оставилъ свое тихое жилище бурнаго Неаполя и поселился внѣ города на дачѣ у одного проѣзжаго русскаго г-на Обрезкова [2]), который пригласилъ меня провести нѣсколько времени у него. Не думайте, чтобы я, начавъ дышать чистымъ лѣтнимъ воздухомъ, пилъ бы вмѣстѣ съ онымъ лѣность—это дитя спокойной, бездѣйственной жизни, которое, приманивая насъ своею обольстительною наружностью, усыпляетъ понемногу наши тѣлесныя и

---

[1]) Кириллъ Александровичъ Нарышкинъ (1786 † 1838),—оберъ гофмаршалъ; президентъ придворной конторы; съ 24-го мая 1822 г. былъ членомъ Общества поощренія художниковъ.

[2]) Александръ Михайловичъ Обрезковъ (род. въ 1790 г., ум. въ 1885 г.), въ то время совѣтникъ нашего посольства въ Вѣнѣ; впослѣдствіи посланникъ въ Туринѣ.

душевныя силы и уничтожаетъ въ насъ всѣ способности дѣйствовать, а отнимая сіи качества, отнимаетъ половину цѣны нашей жизни. Нѣтъ! я хочу, желаю знать всю цѣну оной.—Пріѣхавъ сюда, привезъ я съ собой весь мой художническій арсеналъ и, имѣя особенную комнату, занимаюсь точно такъ, какъ въ городѣ, то-есть, цѣлый день. На сихъ дняхъ получилъ я предложеніе отъ королевы сдѣлать еще ея портретъ и портретъ ея дочери, которые онѣ хотятъ куда-то послать. Еще предстоитъ мнѣ работа сдѣлать портретъ жены умершаго короля и его дочери, но я постараюсь, если будетъ возможно, отказаться отъ сей работы, какъ равномѣрно отъ всѣхъ, впредь могущихъ встрѣтиться: опасаюсь быть принужденнымъ слишкомъ долго остаться въ Неаполѣ, что бы совсѣмъ не согласовалось съ моимъ намѣреніемъ будущимъ лѣтомъ сдѣлать вояжъ по сѣверной Италіи и во Францію. Но, впрочемъ, я теперь положительнаго намѣренія еще не имѣю въ ожиданіи рѣшенія Общества, которому не безызвѣстны мои занятія и намѣренія насчетъ будущаго.

Я писалъ вамъ въ предыдущихъ письмахъ, что король мнѣ препоручилъ налитографировать ихъ портреты: къ моему несчастію, моя боязнь, что они не удадутся, оправдалась, и я просилъ, чтобы сіи камни уничтожили. Недавно сдѣлалъ я портретъ принца Гессенъ-Кобургскаго, находящагося въ австрійской службѣ. Прощайте, любезные, прощайте; до свиданья! Весь вашъ Александръ Брюлловъ.

53.

Общество поощренія художниковъ К. П. Брюллову.

С.-Петербургъ 1825 г.

Послѣ двухъ почти лѣтъ нетерпѣливаго ожиданія, комитетъ Общества получилъ наконецъ картину вашу, изображающую итальянское утро въ видѣ дѣвушки, моющейся у фонтана. Прелестное произведеніе сіе плѣнило равно всѣхъ членовъ Общества, выборъ предмета и исполненіе онаго въ полной мѣрѣ заслужили общее одобреніе. Вы доказываете симъ произведеніемъ и ваши способности и ваше искусство. Живопись требуетъ вкуса чистаго, выполненія тщательнаго. Въ вашей картинѣ видны и тотъ и другое; но что всего болѣе радуетъ комитетъ Общества, то это то, что вашъ первый трудъ внѣ отечества доказываетъ ясно тѣ великія надежды, кои Общество въ правѣ имѣть на васъ впослѣдствіи, и кои безъ всякаго сомнѣнія вы совершенно оправдаете. Комитетъ нашелъ въ вашемъ произведеніи красоты высшей степени, особенно по части живописи, и нашелъ оное достойнымъ представленія

на благоусмотрѣніе ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Ея величество разсматривать изволила вашу картину съ особеннымъ удовольствіемъ и благоволила отдать (какъ оффиціально извѣщаетъ секретарь государыни императрицы) полную справедливость дарованіямъ и искусству вашему. При удобномъ времени комитетъ не оставитъ дать вашему прилежному произведенію приличное и сообразное съ достоинствомъ назначеніе. Доселѣ удерживался комитетъ съ отзывомъ своимъ къ вамъ, во-первыхъ, по отсутствію многихъ членовъ, а наконецъ, по причинѣ поразившей всѣхъ неописанной горестью кончины всемилостивѣйшаго государя императора Александра Павловича. Теперь же, не желая пропустить удобнаго случая къ вѣрному доставленію вамъ отзыва, комитетъ извѣщаетъ васъ о полученіи пріятнѣйшаго письма вашего отъ 17-го іюля [1]). Судя по образу мыслей вашихъ и занятій, Общество къ величайшему удовольствію своему убѣждается, что вы идете къ совершенству прямымъ путемъ и любите трудъ. Если будущіе шаги ваши равны будутъ первому шагу, то оно отъ васъ не далеко. Трудитесь: правительство, Общество и публика вознаградятъ васъ. Ведите при томъ себя такъ, какъ вели и доселѣ. Это главнѣйшая просьба людей, всею душой желающихъ вамъ добра. Вторая, и не менѣе усердная,—сообщать имъ о себѣ подробнѣе и о своихъ занятіяхъ сколько можно чаще и сколь можно подробнѣе.

(Напечатано впервые въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 г., т. 35, стр. 385—386).

54.

К. П. Брюлловъ Обществу поощренія художниковъ.

17-го октября 1825 г., Римъ.

Симъ честь имѣю донести, что октября 2-го дня сего 1825 года полученъ мною отъ почтеннѣйшаго Общества поощренія художниковъ пакетъ съ приложеніемъ 250 червонныхъ.

Около сего жъ числа, извѣстившись здѣсь чрезъ коммиссіонеровъ г. де Сантиса о прибытіи работы моей въ Петербургъ и зная изъ многихъ примѣровъ, случавшихся съ художниками, отсылавшими въ Петербургъ свои работы, что оныя черезъ долгое время не были доставляемы въ надлежащее мѣсто и претерпѣвали значительно отъ сырости таможенныхъ складовъ, нахожусь принужденнымъ просить, дабы почтеннѣйшее Общество вытребовало изъ таможни мою картину и поручило кому-нибудь изъ художниковъ привести ее въ настоящее положеніе, если оная повредилась какимъ-либо образомъ.

[1]) См. письмо № 51.

Общество не премнетъ замѣтить въ сей картинѣ нѣкоторую перемѣну моего манера, а многіе можетъ быть найдутъ въ ней излишнюю отдѣлку подробностей и даже сухость; на сіе я и самъ согласился бы, когда былъ въ Петербургѣ и не видалъ еще Леонардо да Винчи, Рафаэля и прочихъ классическихъ мастеровъ, кои превосходятъ другихъ вѣрнымъ изображеніемъ натуры и тщательною обработкою всѣхъ тонкостей, какія только могутъ быть видимы простому глазу. Вникая въ ихъ произведенія, я увѣренъ, что сколько широкая и мягкая кисть нужна въ большихъ картинахъ, кои зритель не иначе можетъ видѣть, какъ на такомъ разстояніи, на какомъ всякая окончательность для него теряется, столько же или еще болѣе требуется строгая отдѣлка въ маленькой картинѣ, для разсматриванія коей должно приблизиться такъ, чтобы глазъ зрителя былъ занятъ одною ею. По симъ причинамъ предпринялъ я въ вышеупомянутой картинѣ сдѣлать опытъ сего рода живописи. При семъ препровождаю эскизъ заданной почтеннѣйшимъ Обществомъ картины, покорнѣйше при этомъ прося сообщить мнѣ свои на оный замѣчанія и увѣдомить также о назначеніи сей картины: если оная назначается для какой-либо церкви или инаго опредѣленнаго мѣста, въ такомъ случаѣ мнѣ необходимо знать ея мѣру.

Главное занятіе мое въ продолженіе сего времени состояло въ копированіи Рафаэлевой «Аѳинской школы», какъ о томъ уже имѣлъ честь доносить Обществу: по сіе число подмалевана почти половина всей картины.

(Напечатано впервые въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 года, томъ 35, стр. 386—387).

55.

А. П. Брюлловъ—матери.

2-го декабря 1825 г., Помпея.

Любезная маменька! Вотъ уже 6-й день, что я живу между развалинъ Помпеи, то-есть, я тамъ день работаю, а на ночь возвращаюсь въ ближайшій, на полчаса ходьбы, городокъ. Я думаю пробыть здѣсь еще около шести или семи дней, а можетъ быть и больше, если не успѣю кончить мою работу. Погода довольно дождливая, но, впрочемъ, не холодно. Я цѣлый день работаю на открытомъ воздухѣ и не зябну, а одѣтъ почти по-лѣтнему. Всякое утро отправляясь въ Помпею, прохожу чрезъ огороды и сады, изъ коихъ первые точно въ томъ положеніи теперь, какъ они у насъ въ іюлѣ мѣсяцѣ. Какъ бы я ни спѣшилъ на работу, никогда не могу сдѣлать этой дороги, чтобы не останавливаться нѣсколько разъ и не удивляться, хотя тѣмъ же, но для меня

безпрерывно новымъ своими прелестями видамъ, которые съ ходомъ солнца перемѣняютъ тысячи своихъ оттѣнковъ и каждую минуту представляютъ глазамъ любителя природы новыя прелести! Или когда облака, стелясь по горамъ, кидаютъ отъ себя широкія тѣни и, подобно дымкѣ на груди прекрасной, скрываютъ иныя ихъ прелести, но гонимыя вѣтромъ, удаляются медленно, какъ бы желая симъ показать скорбь свою, бывъ принуждены оставить сіи прекрасныя мѣста. Подобныхъ симъ, живописецъ можетъ найти безчисленныя перемѣны въ томъ же видѣ.— Вы, вѣрно, удивляетесь, что, работая въ Помпеѣ, ничего объ ней не сказалъ, измаравъ уже цѣлую страницу. Но, прошу васъ,—подождите немного: я еще нахожусь на дорогѣ, но уже близко, я выхожу на главную дорогу, ведущую къ городскимъ воротамъ; предо мною ряды гробницъ и памятниковъ, воздвигнутыхъ благодарными добродѣтели или по року лестью; по правую сторону первое жилище—домъ Діомеда... Я забываю вѣкъ, въ которомъ живу, мечтаю видѣть сей городъ въ цвѣтущемъ его состояніи: толпы народа тѣснятся по узкимъ улицамъ... Но что это? Я вижу огненныя рѣки, вырывающіяся изъ огромнаго его жерла; онѣ стремятся, разливаются или поглощаютъ все встрѣчающееся и не находятъ препонъ своему стремленію, преходятъ границы земли, вступаютъ во влажныя нѣдра моря и только здѣсь находятъ себѣ подобнаго силою противника; кипящими волнами стремится вода отъ берега, но скоро возвращается съ удвоенною силой и останавливаетъ бѣгъ своего противника, и тихо плещетъ около черныхъ его скалъ. Межъ тѣмъ дождь песку, золы и камней засыпаютъ пышную Помпею; Помпея исчезаетъ предъ моими глазами. Діомедъ, не надѣясь найти спасенія въ роскошномъ своемъ жилищѣ, съ кошелькомъ золота въ рукахъ надѣется, по крайней мѣрѣ, спастись бѣгствомъ, но, утопая въ золѣ, лишается силъ, падаетъ и остается погребенный дождемъ Везувія. Я отвращаю взоръ свой отъ сего ужаснаго зрѣлища, встрѣчаю... сторожа, стараго инвалида: мечта исчезаетъ. И я тихо продолжаю путь между стѣнъ опустѣлыхъ домовъ. Все заставляетъ меня переноситься воображеніемъ въ первый вѣкъ, но каждую минуту долженъ вспоминать, что живу въ 19 столѣтіи, читая на сихъ развалинахъ отпечатокъ 18 вѣковъ. Вы, можетъ быть, желали бы вмѣстѣ со мной пройтись по Помпеѣ или чтобы я вамъ сдѣлалъ какое-нибудь описаніе, то возьмите лучше какое-нибудь сочиненіе антикваріевъ о Помпеѣ: оно, вѣрно, будетъ удовлетворительнѣе, чѣмъ мое (описаніе), а теперь я вамъ скажу только, что почти кончилъ рисунки одного изъ любопытнѣйшихъ остатковъ, отрытыхъ только за полтора предъ симъ года, и, немедленно сдѣлавъ ихъ начисто, съ первымъ случаемъ отправлю въ Петербургъ.

2-го января ѣду я въ большой компаніи въ Римъ. Третьяго дня получилъ я отъ брата вдругъ 3 письма, онъ здоровъ, работаетъ. Попѣ-

луйте отъ меня сестеръ, кланяйтесь всѣмъ и скажите батюшкѣ, что я его съ каждымъ днемъ моей жизни болѣе и болѣе люблю. Александръ Брюлловъ.

56.

К. П. Брюлловъ—П. А. Кикину.

2-го января 1826 г. Римъ.

Ваше превосходительство! 2-го октября получилъ я отъ Общества поощренія художниковъ пакетъ съ приложеніемъ 250 червонныхъ, также милостивое письмо вашего превосходительства, на которое намѣренъ былъ отвѣчать въ то же время, но былъ задержанъ случаемъ, могущимъ послужить къ сдѣланію письма сего не столько незначительнымъ. Прежде нежели приготовить письмо къ вашему превосходительству, я пошелъ посмотрѣть на постриженіе въ монахини, котораго еще никогда не видалъ, въ монастырь Bambino Gesù. Прелестная дѣвица вступила въ число прелестныхъ отшельницъ: ея рѣшительность, близость минуты, послѣ которой ни она уже не будетъ существовать для міра, ни міръ для нея, и сомнѣніе, что будетъ ли счастлива, принесши себя въ жертву фанатизму, болѣе огорчили, нежели растрогали душу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я видѣлъ, какъ вѣра укрѣпила и успокоила ее. Тутъ слезы были видны на глазахъ каждаго, и я, казалось мнѣ, не желалъ еще никогда никому болѣе счастья, какъ сей, на минуту явившейся и исчезнувшей навсегда. Сцена сія сильно впечатлѣлась въ моемъ воображеніи: я предпринялъ сдѣлать эскизъ и увѣренъ, что хотя какъ ни слабо выраженіе представляемаго дѣйствія, чего въ эскизѣ и требовать нельзя, но безъ сомнѣнія можетъ доставить нѣкоторое удовольствіе вамъ, что почту пріятнѣйшею для меня наградой.

57.

К. П. Брюлловъ—отцу.

24-го іюня 1826 г. Римъ.

Тысячу благодарностей приношу вамъ за пріятнѣйшее письмо ваше; никогда еще не ощущалъ я столь сильнаго удовольствія при полученіи писемъ; письмо ваше послужило мнѣ совершеннымъ бальзамомъ и истребило скуку, начинавшую, кажется, гнѣздиться во мнѣ.—По совѣту вашему, папенька, рѣшился я сдѣлать что-нибудь для Общества поощренія художниковъ. Сюжета еще не придумалъ. Копія моя съ «Аѳинской школы» Рафаэля (въ Ватиканѣ) идетъ къ концу. Все, кажется,

идетъ своимъ порядкомъ, только Ванька [1]) меня безпокоитъ немного, и я ничего не могу сказать другого, какъ, что науки вреда принести ему не могутъ, а пользы много и всегда, а художество есть дѣло рискованное. У него не будетъ брата Ѳедора въ Академіи, безъ котораго мы не были бы изъ лучшихъ въ нашемъ возрастѣ и не имѣли бы того поощренія въ трудахъ, которое заставляетъ забывать трудности достиженія цѣли. Припомните всѣ обстоятельства жизни нашей въ Академіи, и вы убѣдитесь совершенно, что случай сдѣлалъ больше, нежели сколько вы ожидали. Если жъ увидите въ немъ не одну дѣтскую наклонность малевать картинки, то-есть, солдатиковъ и сему подобное, то, какъ мнѣ кажется, можно будетъ занимать (его) начальнымъ основаніемъ сего искусства, и если онъ успѣетъ довольно или (настолько), чтобы (быть) лучше всѣхъ товарищей при вступленіи въ Академію, въ такомъ случаѣ можно будетъ ручаться за хорошія и успѣшныя послѣдствія.—Вы извините меня, что письмо такъ перечеркнуто, причиной сему слѣдующее: я пришелъ звать брата Александра къ обѣду, а онъ меня засадилъ писать письмо—поспѣшность, аппетитъ и при томъ важность матеріи—все сіе меня разстраивало. Кажется, причины довольно ясныя и основательныя. Братъ идетъ на почту отнести письмо. Прощайте, остаюсь много почитающій и любящій сынъ вашъ Карлъ Брюлловъ.

58.

П. А. Кикинъ—А. П. Брюллову.

30-го сентября 1826 г. С.-Петербургъ.

Любезный Александръ Павловичъ! По справедливости долженъ начать письмо мое словомъ: «виноватъ». Точно, виноватъ, не писавъ къ тебѣ, безъ всякой отговорки, но съ твоей стороны ты будешь несправедливъ и еще болѣе виноватъ передо мною, если, хотя на минуту, могла къ тебѣ притти мысль, что не хотѣлъ (писать) или забылъ васъ.—Нѣтъ, я безъ причины не перемѣняюсь ни въ чемъ и никогда, а забыть васъ невозможно, ибо умѣете напоминать о себѣ такимъ пріятнымъ и лестнымъ, даже для самихъ насъ, образомъ. Повѣрь, что сто разъ собирался и, желавъ писать много, день за день отлагалъ, а заботы безпрестанныя, болѣе и болѣе умножавшіяся, не мало къ тому способствовали. Нынѣ вновь попалъ въ казначеи [2]) и опять уже и по долгу званія вступаю въ сношеніе (съ вами). Прилагаю при семъ полугодичную

---

[1]) Иванъ Павловичъ Брюлло, младшій братъ Карла Павловича.

[2]) Общества поощренія художниковъ.

сумму, 126 червонцевъ, переведенную по курсу на франки. Увѣдомь Общество о полученіи. Въ разсужденіи какъ тебя, такъ и брата твоего, скажу чистосердечно, что Общество вами не токмо утѣшается, но считаетъ себя за попеченіе свое и участіе о васъ вполнѣ награжденнымъ успѣхами и поведеніемъ вашимъ радуясь, полагаетъ большія надежды впередъ, исполненіе коихъ зависитъ уже собственно отъ постоянства вашего. Я въ особенности про себя вижу ясно, что доброе намѣреніе не остается безъ покровительства свыше. Продолжай, любезный Александръ, какъ началъ, образовывай умъ, возвышай душу, будь отличенъ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ и нераздѣльно, ибо ущербъ одного не можетъ иначе быть, какъ со вредомъ другаго. Изящное нераздѣльно; въ природѣ во всемъ—цѣпь. Я тебѣ совѣтую не какъ токмо членъ Общества, не такъ, какъ человѣкъ, желающій умствовать, но истинно по чувствамъ и отъ души, усердіемъ и желаніемъ вамъ добра преисполненной. Смотри и слушай все съ примѣчаніемъ; но повѣрь послѣ все съ чувствами и разсудкомъ собственнымъ: тогда токмо извлечешь пользу. Чуждайся самолюбія и пристрастія какъ къ себѣ, такъ и къ другимъ; бесѣдуй съ мертвыми и пользуйся опытами ихъ. Ты теперь въ землѣ разврата [1]): берегись нечувствительно заразиться. Да сохранитъ тебя Богъ отъ космополитства! (Оно)—общее все разрушающее бѣдствіе нынѣшняго времени, источникъ коего—злоупотребленіе такъ неправильно называемымъ просвѣщеніемъ. Кто затворитъ сердце къ первѣйшей и священнѣйшей обязанности его, кто заглушитъ чувства къ внушеніямъ истиннымъ, впечатлѣннымъ въ насъ самою природою или, лучше сказать, Провидѣніемъ (человѣку предпочтительно благоволящимъ), тотъ съ хладнымъ умствованіемъ своимъ останется всегда презрительнымъ, ибо расторгнетъ связь общественную; тотъ устранится отъ собственнаго предназначенія человѣка и, содѣлавшись единицей во всемъ мірѣ, не можетъ и не долженъ ожидать къ себѣ ни любви, ни уваженія другихъ потому, что самъ нарушитъ взаимность; (онъ) будетъ пресмыкаться на землѣ, лишась наслажденій истинныхъ; душа его не взыграетъ къ Источнику своему и сердце не растворится усладительною для него пищей. Если Провидѣніе ниспосылаетъ дары свои на насъ, то для того ли, чтобы мы питали одно хладное самолюбіе свое? и можетъ ли цѣль его быть во вредъ намъ? Напротивъ, не потребуется ли отчетъ въ употребленіи ихъ (т. е. даровъ Провидѣнія) къ пользѣ общей? Вотъ, мой другъ, мысли, вырвавшіяся изъ сердца моего, а не изъ головы, которую стараюсь всегда подчинять ему и на немъ единственно основывать все блаженство жизни моей. Конечно, никто и вы сами не желаете болѣе

---

[1]) Т. е. Франціи. Александръ Павловичъ Брюлловъ находился въ то время въ Парижѣ.

собственной пользы вашей, какъ я, и тѣмъ-то (т. е. потому-то) полагаю себя въ правѣ говорить откровенно. Итакъ, повторяю тебѣ, старайся замѣчать все, что нужно для усовершенствованія дарованій твоихъ, не теряй драгоцѣннаго и ничѣмъ невозвратимаго времени,—смотри, слушай, читай, постарайся пріобрѣсть то, въ чемъ существенный видится недостатокъ въ нашихъ художникахъ, т. е. недостатокъ основныхъ свѣдѣній. Пройди нужные курсы зодчества въ обширномъ смыслѣ его. Не довольствуйся соблазномъ одного рисунка, научись математическому исполненію и положительныхъ законовъ производства. Но береги паче всего основаніе твое, сохрани себя отъ разврата не столько тѣлеснаго, сколь душевнаго. Вспомни Вейса, но токмо въ хорошемъ. Tout homme doit au public le tribut de son activité et doit s'éfforcer de laisser des traces honorables de son existence. Возвратись къ намъ съ факеломъ просвѣщенія въ художествахъ, но и съ пламенемъ любви въ сердцѣ къ отечеству и соотечественникамъ; тогда въ старости моей буду благословлять тотъ день, въ который узналъ васъ. Прощай, пиши ко мнѣ, если хочешь, но отъ меня часто не ожидай, ибо лѣнивъ, а при томъ не умѣю удерживать себя и завлекаюсь, чему служитъ доказательствомъ и настоящее посланіе.—Нелицемѣрно доброжелательствующій тебѣ Петръ Кикинъ.

59.

К. П. Брюлловъ Обществу поощренія художниковъ.

24-го октября 1826 г. Римъ.

По отправленіи послѣдняго моего донесенія [1]) я немедленно занялся картиною, въ томъ донесеніи означенною; но, нашедшись нынѣ принужденнымъ оную оставить и перемѣнить сюжетъ, почитаю долгомъ предувѣдомить о семъ почтеннѣйшее Общество. Причина, побудившая меня къ такой перемѣнѣ, состоитъ въ томъ, что я, при оканчиваніи картины, никоимъ образомъ не могъ удовлетворить своимъ требованіямъ въ разсужденіи огненнаго освѣщенія. Разсматривая при томъ произведенія извѣстнѣйшихъ мастеровъ, представлявшихъ подобныя сцены, я усумнился въ возможности изобразить таковое освѣщеніе сходно съ натурою и потому не захотѣлъ болѣе бороться съ трудностями, которыя едва-ли преодолѣть можно, и жертвовать для того временемъ, которое можно употребить съ большею пользою. Новый избранный мною сюжетъ пред-

---

[1]) Это донесеніе не дошло до Общества и, повидимому, затерялось въ дорогѣ. (Примѣч. В. В. Стасова).

ставляетъ собраніе винограда: молодая дѣвушка стоитъ на лѣстницѣ, подъ виноградникомъ, съ корзинкою на лѣвой рукѣ, правою же отламываетъ кисть винограда. Если сей сюжетъ и не столь придетъ подъ пару «Итальянскому утру», сколько прежній, за то я могу надѣяться болѣе въ оном успѣть и счастливѣе провести оный къ окончанію. Впрочемъ, онъ можетъ быть названъ «Полднемъ». Для вѣрнѣйшаго расположенія тѣней и свѣта, я работаю сію картину подъ настоящимъ виноградникомъ въ саду. Вниманіе, коимъ почтеннѣйшее Общество удостоило первые мои труды, и желаніе заслужить равно и въ семъ случаѣ одобреніе господъ членовъ онаго служатъ мнѣ поощреніемъ къ преодолѣнію трудностей, съ симъ предметомъ сопряженныхъ.

Между тѣмъ, я продолжаю также оканчивать мою копію съ «Аѳинской школы», но большую часть времени занимаюсь вышеозначенною работою и надѣюсь черезъ два мѣсяца привести ее къ окончанію; такимъ образомъ, весною будущаго 1827 года можно будетъ оную сдать для пересылки въ Петербургъ.

(Напечатано въ «Русск. Вѣстникѣ» 1861 г., т. 35, стр. 388).

60.

К. П. Брюлловъ—отцу.

Римъ 1826 г.

Любезный батюшка! Плачъ и огорченія мои умножились, прочитавъ [1]) послѣднія строки вашего письма, въ коихъ вы пишете, по словамъ Александра Тона, что я не нахожу за нужное писать, ибо ко мнѣ не пишутъ. Правда, я сказалъ это, но по тому, что мнѣ очень страннымъ казалось приписывать въ письмахъ посторонних ъ людей къ моимъ родственникамъ и я въ скорости не могъ дать лучшаго отвѣта господину услужливому Тону, вѣроятно, не могшему наполнить письма своего. Одно меня успокаиваетъ, что вы знаете совершенно нашу привязанность и почтеніе къ родителямъ, которое вы, любезный батюшка, и покойная матушка умѣли вселить въ насъ навсегда. Если жъ я не пишу чаще, то по причинѣ не той же, по какой и ко мнѣ не пишутъ; вы себѣ представить не можете мое огорченіе, когда узналъ я, что предпослѣднее письмо ваше къ брату черезъ Римъ было доставлено въ Неаполь. Развѣ я не имѣю того же права получать сіе удовольствіе? Я не говорю в а м ъ, любезный батюшка, но братьямъ, сестрамъ, и не иначе прошу имъ, какъ не получу съ нихъ обѣщаніе писать ко мнѣ часто и

[1]) Т. е. когда я прочиталъ.

очень часто; прошу васъ, батюшка, растолковать имъ, какое удовольствіе чувствуетъ человѣкъ въ отдаленіи отъ своего семейства при полученіи письма, заключающаго въ себѣ хоть одинъ титулъ «любезнаго брата». Можетъ быть, увѣщанія ваши на нихъ подѣйствуютъ, и я буду имѣть средство по временамъ быть спокойнѣе и забывать на время скуку, обременившую меня совершенно. Еще прошу васъ, любезный батюшка, попросить Петра Андреевича Кикина потрудиться переслать съ первымъ курьеромъ какой-нибудь поминокъ отъ нашей любезной матушки: или кольцо, или что-нибудь изъ вещей, оставленныхъ ею, что̀ можетъ меня осчастливить въ теперешнемъ положеніи. Я надѣюсь, что Петръ Андреевичъ не откажется сдѣлать мнѣ это удовольствіе, сдѣлавши уже столько для насъ благодѣяній, которыя, и при всей моей горести, я не могу не чувствовать вполнѣ; но скажу рѣшительно, что я никогда не принялъ бы сихъ благодѣяній, еслибъ зналъ, что не найду въ живыхъ той, воспоминаніе о коей будетъ вѣчно неизгладимо въ моемъ сердцѣ [1]). Очень увѣренъ, батюшка, что перенесли вы (потерю матери) съ твердостью, свойственной вашей опытности, но не обманывайте себя, что вы спокойны: дайте лучше волю вашей горести и ищите разсѣянія въ кругу васъ любящаго семейства. Я смѣю совѣтовать потому, что желаю слышать скорѣй о вашемъ успокоеніи; берегите себя для дѣтей, ненаружно васъ любящихъ,—вы отъ меня никогда не видали наружныхъ знаковъ привязанности, но увѣренъ совершенно, что знаете хорошо сердце сына вашего Карла.

61.

К. П. Брюлловъ—А. П. Брюллову.

(Январь, 1827 г. Римъ).

Ты очень ошибаешься, если думаешь, что ущербъ кошелька можетъ заставить меня преодолѣть слишкомъ закоренѣлую лѣнь, дѣйствія коей однакожъ гораздо слабѣе закоренѣлой дружбы, которая хоть и не всегда беретъ верхъ надъ гигантической моей лѣнью, но умѣетъ побѣдить ее въ случаяхъ необходимыхъ, какъ, напримѣръ, теперь. Чтобы доказать тебѣ, что вторая закоренѣлость превозмогаетъ первую, пишу отвѣтъ тотчасъ по полученіи твоего подъяческаго письма, которое однакожъ показываетъ (т. е. выказываетъ въ тебѣ) добраго адвоката, и я тебѣ охотно прощаю не совсѣмъ благородно придуманный крючокъ.—Расе! (Миръ!)—Новостей никакихъ нѣтъ (кромѣ), какъ только, что г. п(олковникъ) Винсперъ очень часто обѣдаетъ съ нами, также и г. Волковъ

[1]) Говорится о смерти матери, скончавшейся 18-го декабря 1825 г.

Ты можешь посудить, какъ пріятно проводятся часы, улучшенные присутствіемъ сего свѣтскаго философа, т. е. Роберта Антоновича (Винспера!) [1]). Онъ проситъ тебя купить лексиконъ французскій и при семъ прилагаетъ адресъ сей книги, которую проситъ переслать въ посольство въ Римъ на имя его превосходительства Андрея Яко(влевича) Италинскаго. Прощай, будь здоровъ и дѣятеленъ. Тебя любящій братъ Карлъ.

62.

К. П. Брюлловъ—Обществу поощренія художниковъ.

10-го марта 1827 г. Римъ.

Января 17-го дня сего 1827 года, я имѣлъ честь получить предписаніе Общества поощренія художниковъ съ полугодичнымъ моимъ пенсіономъ, составляющимъ 125 червонныхъ, и при семъ пакетъ съ 100 червонными на имя г. Бруни, коему и доставилъ оныя по принадлежности.

Меня весьма удивило, прочитавъ, что Общество до сихъ поръ не имѣло отзыва на его предписаніе отъ 31-го марта, въ коемъ, по волѣ государя императора, оно поручило мнѣ написать для его величества картину подъ пару «Итальянскому утру», ибо я немедленно по полученіи предписанія занялся выборомъ сюжета, который могъ бы представлять «Итальянскій вечеръ», и въ то же время имѣлъ честь донести почтеннѣйшему Обществу о слѣдующемъ сюжетѣ, взятомъ мною съ натуры, подобно первому: молодая дѣвушка, возвратившись домой по окончаніи праздника, подходитъ къ окну, чтобъ оное запереть; держа въ одной рукѣ лампу, другою дѣлаетъ итальянскій знакъ привѣтствія лицу, предполагаемому внѣ дома. Послѣ сего, другимъ донесеніемъ отъ 24-го октября, я увѣдомлялъ о перемѣнѣ сюжета и о причинѣ, къ тому меня побудившей, а именно, что, начавъ работать сію картину, я увѣрился въ невозможности приблизиться достаточно къ натурѣ на счетъ огненнаго освѣщенія [2]). Новый избранный мною сюжетъ представляетъ собраніе винограда при полдневномъ освѣщеніи, о чемъ я тогда же имѣлъ честь донести.

Почтеннѣйшее Общество пишетъ также, что не имѣло отвѣта на другое предписаніе свое, содержащее утвержденіе эскиза, представляю-

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что Р. А. Винсперъ былъ, между прочимъ, однимъ изъ основателей и управляющимъ мастеромъ масонской ложи „св. Георгія Побѣдоносца на востокѣ Мобежа“ (см. „Русск. Архивъ“ 1865 г., стр. 1091—2).

[2]) См. письмо № 59.

щаго «Благословеніе дѣтей», и препорученіе на новую картину, коей сюжетъ оно предоставляло на мой выборъ, съ условіемъ, чтобы въ оной были помѣщены двѣ фигуры въ естественную величину. На сіе я долженъ отнестись, что ни о семъ новомъ порученіи, ни объ утвержденіи перваго эскиза никакимъ предписаніемъ я не былъ увѣдомленъ, а потому и полагаю, что бумаги сіи въ какомъ-либо мѣстѣ задержаны или затеряны. Когда пріищу для сей новой картины сюжетъ, который могъ бы меня остановить и удовлетворить всѣмъ требованіямъ, то не замедлю представить оный вмѣстѣ съ эскизомъ на утвержденіе Обществу.

Теперь главное мое занятіе состоитъ въ оканчиваніи картины для его величества. Нашедши, что невозможно заниматься съ равной удачей въ одно и то же время двумя предметами, требующими равно особеннаго вниманія, я оставилъ копію «Аѳинской школы» до того времени, пока не окончу вышеупомянутой картины. Тогда по днямъ, въ которые Ватиканъ бываетъ запертъ, я могу начать картонъ для картины, представляющей Спасителя съ младенцами [1]), для коей между тѣмъ приготовляю матеріалъ.

(Напечатано впервые въ «Русск. Вѣстн.» 1861 г., т. 35, стр. 389—390).

63.

П. А. Кикинъ—А. П. Брюллову.

7-го апрѣля 1827 г. С.-Петербургъ.

Несмотря (на то), что послалъ къ тебѣ отношеніе отъ Общества, любезный Александръ, пишу къ тебѣ еще отъ себя съ тѣмъ, чтобы подтвердить приложить (sic) съ твоей стороны возможное стараніе, дабы изданіе твое [2]) было сколь возможно лучше и достойное государя, иждивеніемъ котораго оно дѣлается. Тысяча или двѣ не составитъ разницы и не твоя бѣда, а между тѣмъ тебѣ же и честь и слава.—Не посрамимъ имени русскаго!—Какъ гравировка, такъ и печатаніе должно быть отлично, и текстомъ не пренебреги, а посовѣтуйся хорошенько съ кѣмъ нужно. Приписанная смѣта твоя ничего не значитъ; государь повелѣніе далъ, и потому запросъ о цѣнѣ былъ токмо въ томъ видѣ, чтобъ перевести деньги. Государь же сказалъ, что онъ хочетъ, чтобы было токмо хорошо.

Позаботься узнать и напиши мнѣ, какъ бы сдѣлать, чтобъ наше

---

[1]) Т. е. „Благословеніе дѣтей“.

[2]) Говорится объ изданіи „Помпейскихъ термъ“, исполнявшемся въ Парижѣ.

зданіе «С.-Петербургскихъ зданій», уже оконченныхъ (кромѣ описанія долженствующихъ выйти впослѣдствіи)—сбыть въ большемъ количествѣ въ Парижѣ и Лондонѣ. Не возьмутъ ли книгопродавцы? Оно состоитъ изъ 4-хъ тетрадей въ 80-ти листахъ, а предметовъ до 100. Цѣна бумажками 100 рублей. Нельзя дешевле, а любопытно, особенно для иностранцевъ. Ты не пишешь, началъ ли ты заниматься механикой литографіи и пересылать ли къ тебѣ деньги, Энгельманомъ [1]) назначенныя (1.200 франковъ). Вообще не пишешь о своихъ занятіяхъ. Что касается до желанія твоего быть императорскимъ архитекторомъ, то долженъ откровенно тебѣ сказать, что ты предметъ сей не обдумалъ, ибо, не сдѣлавъ ничего, даже ни малѣйшаго проекта, кто и почему могутъ тебя даже подозрѣвать архитекторомъ, а тѣмъ болѣе архитекторомъ изящнымъ и опытнымъ. Ты извѣстенъ за весьма хорошаго рисовальщика и можешь несомнѣнно быть хорошимъ живописцемъ по перспективѣ и пейзажной части и то, когда хорошенько симъ займешься; по части же архитектуры, хотя также извѣстно, что хорошо у ч и л с я, и по письмамъ твоимъ увѣряемся также, что хорошо и п о н и м а е ш ь вещь, но въ исполненіи ничѣмъ не занимался и ничего не сдѣлалъ. Сколько разъ (и съ самаго начала) писали мы тебѣ о составленіи проекта театра, но ты не выполнилъ, какъ сего, такъ и другаго, въ семъ родѣ, ничего не сдѣлалъ. Наше намѣреніе было для твоей же пользы, а теперь, оставшись въ бездѣйствіи, помышляешь уже быть на первомъ мѣстѣ сего труднаго званія. Ты, конечно, увѣренъ, что я тебя люблю и что наше самолюбіе даже заложено въ васъ, но тѣмъ болѣе слѣдуетъ остерегать и направлять васъ къ прямой вашей цѣли. Безъ труда ничто не пріобрѣтается, и потому трудись, пользуйся временемъ и молодостью и случаемъ; не слишкомъ довѣряй себѣ, учись и совѣтуйся, и впослѣдствіи токмо пожнешь плоды. Каковы бы ни были природныя дарованія, Боже упаси, на нихъ обнадежиться: какъ бы почва не была хороша, но воздѣлываніе необходимо. Сколько самонадѣяніе погубило талантовъ рѣшительныхъ, природныхъ!

Прощай; увѣрься, что ты самъ себѣ не желаешь болѣе, какъ тебѣ Петръ Кикинъ.

64.

К. П. Брюлловъ—П. А. Кикину.

12-го ноября 1827 г. Римъ.

Ваше превосходительство, милостивый государь Петръ Андреевичъ! Причиной моей медленности въ письмѣ было желаніе сдѣлать письмо

[1]) Годфруа Энгельманъ (1788 † 1839),—одинъ изъ учредителей литографіи въ Парижѣ.

мое сколько-нибудь пріятнѣйшимъ, и не находя способовъ оному въ перѣ, намѣренъ былъ приложить къ оному рисунокъ какой-нибудь интересной сцены подобно рисунку, представляющему постриженіе монашенки, которой, какъ ваше превосходительство выразились въ письмѣ вашемъ, доставилъ вамъ не малое удовольствіе, что̀ принимаю какъ величайшую награду за слабый трудъ мой. Прочитавши письмо ваше съ чувствомъ благодарности, которое напрасно бъ старался выразить непокорнымъ моимъ перомъ, положилъ за непремѣнное посылать вамъ съ каждымъ письмомъ и рисунокъ въ замѣну моей мѣшкотности; намѣреніе сіе казалось мнѣ весьма легкимъ въ произведеніи въ дѣйствіе, но на дѣлѣ вышло совсѣмъ противное; будучи занятъ важными работами, не могъ удѣлить времени для вашего рисунка. Привыкши выпускать труды своихъ рукъ, которые бы заслуживали хотя нѣсколько счастливое мнѣніе публики обо мнѣ, не могъ рѣшиться сдѣлать что-нибудь какъ-нибудь и, ожидая вдохновенія, дождался до того, что посторонніе люди должны увѣдомлять обо мнѣ, и, не желая вторичнаго упрека, спѣшу увѣдомить ваше превосходительство, что я занимаюсь (не прибавляя) какъ должно, что̀ нѣсколько оправдываетъ меня въ собственныхъ глазахъ моихъ. Копія «Аѳинской школы», приведенная почти къ концу, начинаетъ меня радовать, воображая, какую пользу можетъ доставить она начинающимъ и даже окончившимъ курсъ художникамъ. Сіе единственное твореніе генія, преисполненное глубочайшаго разсудка и обработаннѣйшаго вкуса, ведетъ художника гораздо надежнѣе къ цѣли, нежели всѣ академіи (по заведеніи коихъ не видимъ мы болѣе и тѣни художниковъ 15-го столѣтія) [1]; одно желаніе мое теперь есть, чтобъ копія сія поставлена была въ академію, гдѣ бъ она служила для учащихся, художественной философіей.

Картину подъ пару «Итальянскому утру» окончилъ въ іюнѣ мѣсяцѣ но не могъ послать по причинѣ свѣжести красокъ, и отложилъ посылку оной до возвращенія изъ Неаполя; пробывши тамъ іюль и августъ, надѣюсь провести сіе жаркое время съ большею пользой въ вояжѣ, среди развалинъ Помпеи и Геркуланума, нежели въ раскаленномъ Римѣ и въ бездѣйствіи, съ головною болью, которая увеличилась до того, что я нерѣдко долженъ былъ оставлять мои занятія. Здѣшніе доктора, довольно опытные, совѣтовали мнѣ пользоваться морскими ваннами: опытъ совершенно оправдалъ ихъ мнѣніе, я почти совершенно освободился отъ болѣзни, обременявшей меня съ дѣтскихъ лѣтъ; возвратясь изъ Неаполя въ концѣ августа, передалъ картину для госу-

[1]) Брюлловъ, конечно, хотѣлъ сказать XVI-го столѣтія. Здѣсь онъ слѣдовалъ привычкѣ итальянцевъ, которые называютъ художниковъ XV-го вѣка—quatrocentisti, а XVI-го cinquecentisti. (Примѣч. В. В. Стасова).

Журнальный фонд Новгородской обл. библиотеки

тельство» Максима грека авторъ считаетъ недостовѣрнымъ, подкрѣпляя свое заключеніе доводами, которые обнаруживаютъ, что имъ просмотрѣны и изучены всѣ извѣстныя доселѣ рукописи (числомъ до 243-хъ), содержащія слова, переводы и другія произведенія Максима грека. Вотъ выводы С. А. Бѣлокурова объ этомъ свидѣтельствѣ Максима грека: 1) приписываемыя ему слова объ этой библіотекѣ не принадлежатъ ему и находятся въ одномъ только сказаніи изъ всѣхъ 9-ти доселѣ извѣстныхъ; 2) сказаніе это съ отзывомъ Максима грека о великокняжеской библіотекѣ составлено не современниками его, и не въ XVI вѣкѣ, а въ первой половинѣ XVII в. Есть основаніе предполагать, что оно написано въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, не позднѣе 1634 г., старцемъ Іоасафомъ Сороцкимъ; 3) кромѣ свѣдѣній достовѣрныхъ, почерпнутыхъ авторомъ изъ сочиненій Максима грека, въ сказаніи находятся и ошибочныя извѣстія, составляющія плодъ фантазіи автора, и 4) къ числу послѣднихъ относится и все то, что авторомъ сообщается о великокняжеской библіотекѣ, осмотрѣ ея Максимомъ грекомъ и произнесенныхъ имъ словахъ. Все это исторически не достовѣрно. «Если бы Максимъ грекъ,—говоритъ между прочимъ С. А. Бѣлокуровъ,—дѣйствительно былъ въ великокняжеской библіотекѣ, былъ удивленъ громаднымъ собраніемъ въ ней греческихъ рукописей, занимался разборкой ея, то почему же нигдѣ ни слова не говоритъ онъ объ этомъ? Но только не ведетъ особой какой-либо рѣчи, но даже и не упоминаетъ объ этомъ ни въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ произведеній—словъ, посланій и проч.? При своихъ литературныхъ занятіяхъ (переводахъ съ греческаго языка) онъ могъ встрѣтить не разъ поводъ къ упоминовенію о великокняжеской библіотекѣ и ея сокровищахъ, а между тѣмъ онъ ни слова не говоритъ о ней».

Третья глава отведена С. А. Бѣлокуровымъ двумъ иностраннымъ «свидѣтельствамъ» о библіотекѣ царя Ивана IV, которыя точно также повѣствуютъ о великомъ множествѣ въ ней рукописей и при томъ не только греческихъ, но еще и латинскихъ и еврейскихъ. Одно изъ этихъ «свидѣтельствъ» находится въ ливонской хроникѣ Ніенштедта, а другое есть списокъ неизвѣстнаго лица, найденный проф. Дабеловымъ и имъ сообщенный проф. Клоссіусу, издавшему его.

Подробно разобравъ эти свидѣтельства, авторъ доказываетъ, что оба они не достовѣрны.

Въ четвертой главѣ, разсмотрѣвъ новыя данныя о царской библіотекѣ XVI вѣка, указанныя въ самое послѣднее время (свидѣтельство Паисія Лигарида, «лѣтописное» П. М. Строева и Степенной книги),—авторъ считаетъ ихъ ничего не говорящими о рукописяхъ царской библіотеки.

Въ пятой, послѣдней главѣ авторъ приходитъ къ тому выводу, что и въ XVI вѣкѣ у московскихъ великихъ князей и царей была библіотека; она состояла главнымъ образомъ изъ русскихъ рукописей и такихъ же книгъ московской, литовской и др. печати; въ ней могло быть нѣсколько (во всякомъ случаѣ небольшое число) греческихъ рукописей, но въ ней не было ни латинскихъ, ни еврейскихъ рукописей.

Конечные выводы, къ которымъ пришелъ С. А. Бѣлокуровъ въ своемъ изслѣдованіи—слѣдующіе:

1) Мы не имѣемъ ни одного современнаго русскаго свидѣтельства о существованіи въ XVI вѣкѣ царской библіотеки, состоявшей изъ громаднаго количества иноязычныхъ рукописей (греческихъ, латинскихъ и еврейскихъ).

2) Свидѣтельство хроники Ніенштедта по многимъ причинамъ весьма сомнительно и не можетъ быть принято.

3) Списокъ проф. Дабелова—поддѣльный.

4) У царя Ивана IV была библіотека, состоявшая изъ русскихъ, литовскихъ, польскихъ и 1 нѣмецкой книгъ и рукописей, въ коей могло быть (прямыхъ указаній на это нѣтъ) и нѣсколько греческихъ рукописей, но 600 греческихъ, латинскихъ и еврейскихъ рукописей въ ней не было, и

5) въ Московскомъ Кремлѣ подъ землей никакой библіотеки нѣтъ.

Н. К-ш-ъ.

Изданіе Ю. Сандомірскаго. «Южно-Русскій Альманахъ» 1900 г. Годъ шестой. Подъ редакціей профессора А. И. Маркевича и А. С. Попандопуло. Одесса. 1900 г.

Это очень полезное изданіе, выходящее шестой годъ, состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ, 1) научно-литературнаго, 2) экономическаго: 3) справочнаго (съ шестью приложеніями) и 4) адреснаго.

Въ научно-литературномъ отдѣлѣ помѣщены статьи: проф. А. Кононовича «Старый и новый стиль»; проф. А. Л. Маркевича «Желѣзныя дороги, соединяющія Одессу съ остальною Россіею»; проф. А. Аѳанасьева «Денежный кризисъ»; С. Лазаровича «Духовная жизнь гор. Одессы»; Осы «Судьба юмористическихъ журналовъ въ Одессѣ»; проф. Ал. Маркевича «Нѣсколько словъ о значеніи поэзіи Т. Г. Шевченка»; Стараго Театрала «Сальвини и Мунэ-Сюлли» и проф. Деревицкаго «Современная опера и ея главнѣйшія направленія на западѣ».

Въ экономическомъ отдѣлѣ напечатаны слѣдующія статьи: С. Лазаровича «Экономическая жизнь гор. Одессы»; Н. Виташевскаго «Производство зерновыхъ продуктовъ въ Херсонской губерніи»; N «Земельная задолженность въ Херсонской губерніи» и «Промышленность въ Херсонской губерніи»; А. Никольскаго «Промышленность и торговля гор. Елизаветграда»; М. Британа «Бессарабія и ея нужды»; А. Саликовскаго «Состояніе промышленности и торговли въ Подольской губерніи»; Я. Балабана «Положеніе мукомольнаго дѣла на югѣ» и А. Саламона «Характеръ нашей винной торговли и значеніе Одессы, какъ виннаго рынка».

Справочный и адресный отдѣлы составлены довольно подробно и вполнѣ отвѣчаютъ своей цѣли.

По внѣшности изданіе оставляетъ по себѣ прекрасное впечатлѣніе: текстъ напечатанъ красивымъ, четкимъ шрифтомъ, а объявленія напечатаны красками въ нѣсколько цвѣтовъ со множествомъ самыхъ разнообразныхъ украшеній.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1900 г.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1899 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно**.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.